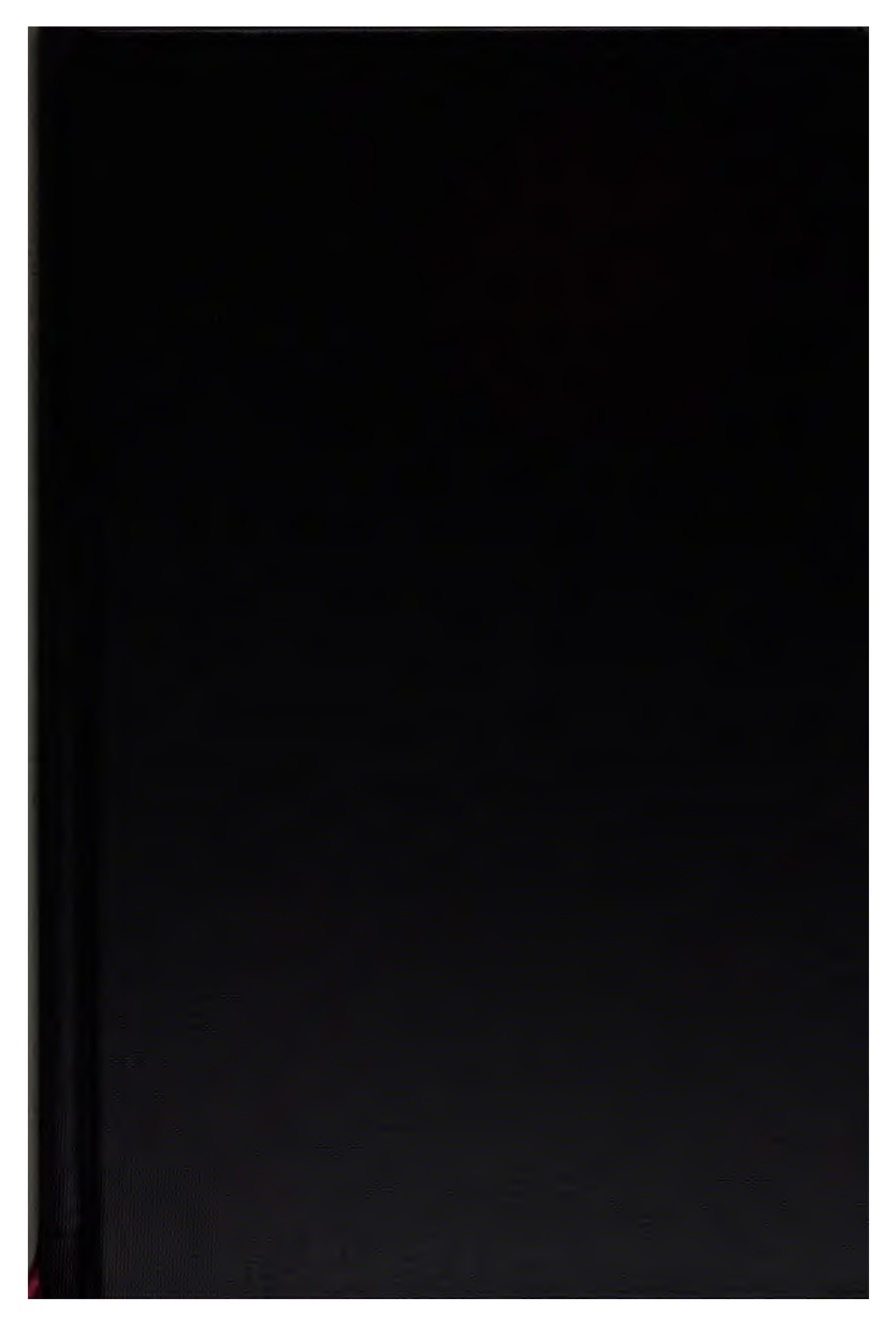

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

и

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ приложеніемъ герба рода Неплюевыхъ, портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле и вида древнихъ оренбургскихъ соборовъ, построенныхъ и освященныхъ при И. И. Неплюевѣ.

„*Въ этомъ маломъ путь будетъ*“.
Петръ Великій — о Неплюевѣ.

„*Мы ученики Петра Великаго*“.
Неплюевъ.

Монографія удостоена ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва; Учен. Комитет. Мин Нар. Просв *одобрена* **для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; Главнымъ Управлен. Военно-Учебныхъ Заведеній** *рекомендована* **для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.**

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная, соб. д.

1897.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА, ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

1. **Священное Коронованіе Русскихъ Царей и Царицъ и чинъ св. мѵропомазанія ихъ при вѣнчаніи на царство.** Съ портретами **Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,** и рисунками. Казань, 1896 г., въ 16 д. л. Цѣна 10 к. *Одобрена* Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

2. **Священное Коронованіе Русскихъ Царей и Царицъ и чинъ св мѵропомазанія ихъ при вѣнчаніи на царство.** Съ портретами **Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,** и съ рисунками. Казань, 1896 года, въ 8 д. л.—Цѣна 20 коп. *Рекомендована* Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія ученикамъ IV, V, VI и VII классовъ кадетскихъ корпусовъ.

3. **Н. И. Ильминскій, директоръ Казанской учительской семинаріи** (некрологъ). Казань 1892 г. Цѣна 50 коп.

4. **Клады и кладоисканіе на Руси.** Цѣна 25 коп.

5. **И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края.** Біографическо-историческій очеркъ, съ приложеніемъ портрета Неплюева и родословной его потомковъ по прямой линіи. Казань, 1891 г. Цѣна на обыкновенной бумагѣ 1 р. 25 коп., на лучшей 1 р. 50 коп. Книга состоитъ изъ 15 печатныхъ листовъ, кромѣ предисловія (I—IX) и приложенія (I—IV) *Одобрена* Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ (старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній и для учит. библіотекъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ; Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній *рекомендована* для ротныхъ библіотекъ Оренбургскаго—Неплюевскаго и 2 Оренбургскаго кадетскихъ корпусовъ, для сотенной библіотеки Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища и для фундаментальныхъ библіотекъ остальныхъ военно-учебныхъ заведеній.—Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ *допущена* для пріобрѣтенія въ библіотеки духовныхъ семинарій.

6. **И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.** Историческая монографія.

Russ. misc. Vitevskii, V. N. C

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

и

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

Монографія удостоена Императорскою Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ приложеніемъ герба рода Неплюевыхъ, портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле и вида древнихъ оренбургскихъ соборовъ, построенныхъ и освященныхъ при И. И. Неплюевѣ.

„Въ этомъ маломъ путь будетъ“.

Петръ Великій — о Неплюевѣ.

„Мы ученики Петра Великаго“.

Неплюевъ.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная, соб. д.
1897.

Дозволено цензурою. Декабря 10 дня 1897 г. Москва.

Его Императорскому Величеству,

Государю Императору

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

Самодержцу всея Россіи.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Славныя имена и доблестные подвиги храбрыхъ русскихъ полководцевъ, дорогія имена и художественныя произведенія замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ и литераторовъ извѣстны не только образованному классу ВАШЕГО возлюбленнаго народа, но и простому грамотному крестьянину. Не такъ счастливы въ этомъ отношеніи люди ученые, мудрые дипломаты и талантливые администраторы: имена и дѣла ихъ извѣстны у насъ очень немногимъ, хотя эти почтенные люди, во время своей жизни, много, ревностно и самоотверженно трудились для счастія и процвѣтанія своего отечества. Къ числу такихъ замѣчательныхъ, но мало извѣстныхъ личностей принадлежитъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, основатель Оренбурга, колонизаторъ и устроитель Оренбургскаго края, ревностный блюститель интересовъ Россіи на востокѣ, вѣрный и честный слуга Русскихъ Вѣнценосцевъ и отечества.

СВОИМЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИМЪ вниманіемъ къ настоящему труду ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО дали мнѣ возможность извлечь изъ глубины архивовъ, изъ тьмы на свѣтъ, величавый и симпатичный образъ забытаго государственнаго дѣятеля И. И. Неплюева, съ жизнію котораго раньше были знакомы немногіе и притомъ поверхностно, на основаніи лишь

его мемуаровъ. Влагая свою лепту въ сокровищницу богатства русской исторической науки, я надѣюсь, что всестороннее изученіе жизни и дѣятельности такихъ государственныхъ мужей, какъ Неплюевъ, дополнитъ картину внутренней исторіи Россіи, преобразованной Императоромъ Петромъ Великимъ, живыми, пластическими, образами давно минувшихъ временъ, лицъ и событій,

31 Іюля 1891 года, когда я имѣлъ рѣдкое счастіе представляться ВАМЪ въ Уральскѣ, ВЫ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, принявъ отъ меня благосклонно третій выпускъ настоящей монографіи, изволили сказать слѣдующія милостивыя, дорогія и незабвенныя для меня слова:

«Я въ настоящее время непосредственно знакомлюсь съ тѣмъ краемъ, надъ исторіей котораго вы такъ много потрудились и продолжаете трудиться. Благодарю васъ, желаю вамъ новаго успѣха и надѣюсь, что, при помощи Божіей, Вы кончите свой интересный и полезный трудъ о Неплюевѣ и Оренбургскомъ краѣ».

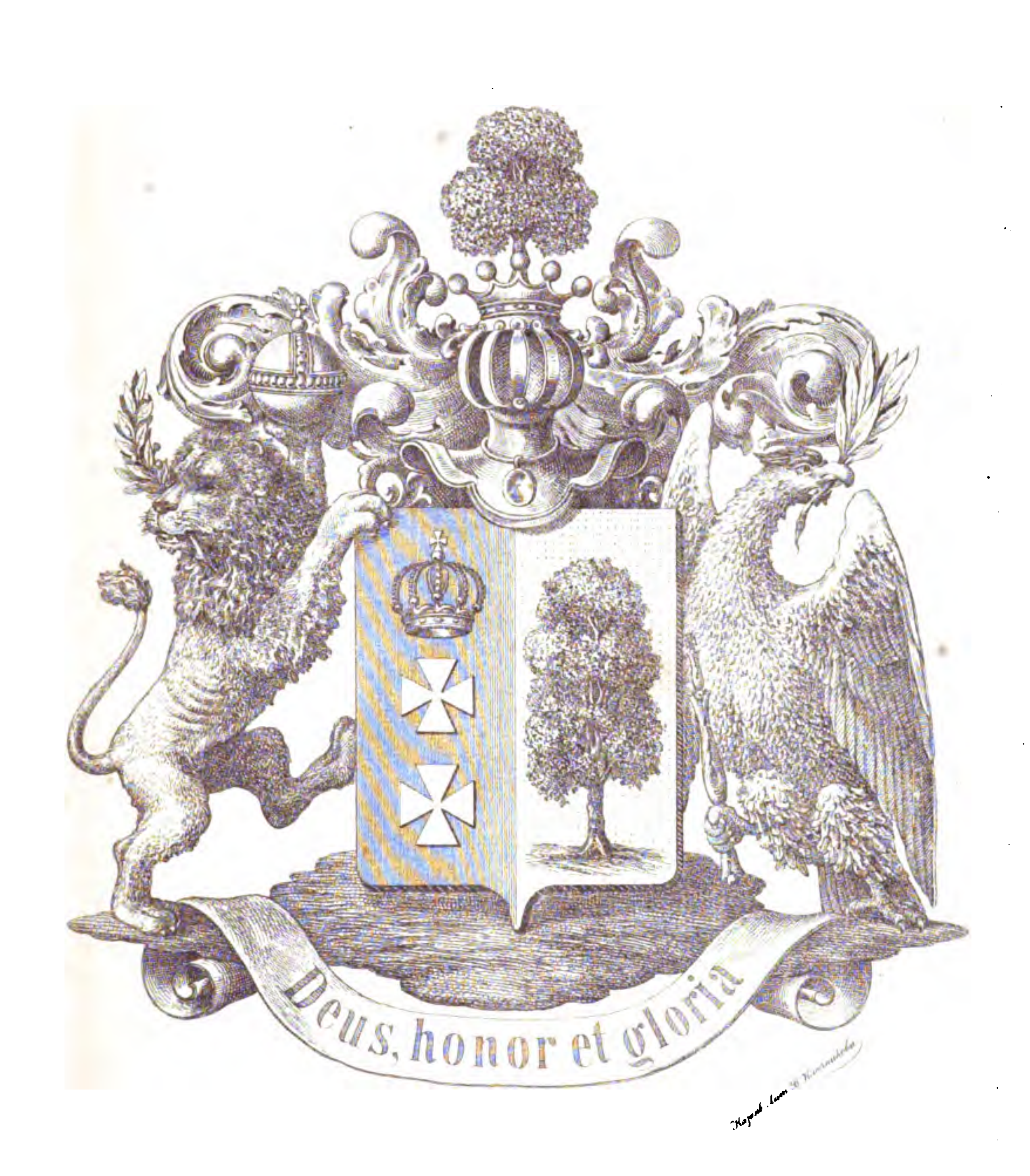
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЯ слова и пожеланія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА наполнили мое сердце невыразимымъ восторгомъ свѣтлой душевной радости, пробудили во мнѣ энергію, ободрили духъ, обновили и укрѣпили мои

силы къ продолженію настоящаго труда. Закончивъ нынѣ, при помощи Божіей, свою монографію, удостоенную ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва, вѣрноподданнѣйше приношу ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, съ чувствомъ глубочайшаго сыновняго благоговѣнія, плодъ многолѣтнихъ и усердныхъ трудовъ моихъ по исторіи Оренбургскаго края, организованнаго въ стройное цѣлое его первымъ губернаторомъ И. И. Неплюевымъ. Примите, АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ, милостиво настоящій трудъ, начатый и конченный подъ ВАШИМЪ отеческимъ покровительствомъ и при ВАШЕЙ помощи, какъ вещественное и наглядное выраженіе неизъяснимой словами благоговѣйной благодарности ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, безпредѣльной любви къ родинѣ и глубокаго уваженія къ памяти и заслугамъ многотрудившагося И. И. Неплюева.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Владиміръ Витевскій.

Deus, honor et gloria

ВВЕДЕНІЕ.

И претерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь:
Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Пушкинъ.

Услышь же гласъ судьбы,
Возстань въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій Востокъ!

Хомяковъ.

Россія, занимающая въ настоящее время почти шестую часть суши земной поверхности, составляетъ одно изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ; но много пришлось ей испытать горя и несчастій отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, еще больше пролить слезъ и крови, чтобы раскинуться широкой полосой отъ Карпатскихъ горъ и Балтійскаго моря до Великаго океана и отроговъ Гималая въ одну сторону, и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до горы Арарата и южнаго побережья Чернаго моря — въ другую. Какъ мощный и несокрушимый богатырь, проникнутый глубокой вѣрой въ Промыслъ Божій, она все претерпѣла и все вынесла на своихъ плечахъ, во славу своихъ Царей и для блага всего человѣчества, занявъ подобающее ей мѣсто въ ряду другихъ государствъ міра. Незабвенный Царь-Миротворецъ Александръ III, воплощавшій въ себѣ идеалъ чисто народнаго русскаго Царя, началъ собою новую эпоху въ исторіи Россіи, — эпоху мирнаго внутренняго развитія исконныхъ началъ своего народа и обезпеченія его интересовъ извнѣ и внутри, признавъ миръ самымъ важнымъ условіемъ проявленія народнаго чувства и разума. Но справедливость и должное уваженіе къ памяти и трудамъ его предшественниковъ заставляютъ насъ напомнить общеизвѣстную истину, что настоящее состояніе Россіи, какъ и всякаго другого государства, есть результатъ ея прошедшаго: «Переживаемая нами современность», — замѣчаетъ профессоръ Д. А. Корсаковъ, — «есть результатъ продолжительной и многообразной исторической жизни Русскаго народа, и всѣ явленія сегодняшняго дня политической, общественной, религіозной и культурной жизни Россіи коренятся въ ея прошломъ, въ ея исторіи» [1]). Поэтому современное положеніе нашего отечества можетъ быть наиболѣе понятно только при над-

[1]) Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5 Ноября 1889 г., орд. профессоромъ русской исторіи Д. А. Корсаковымъ.

высокогуманная и талантливая личность забытаго государственнаго дѣятеля или кабинетнаго ученаго и мыслителя. Къ числу такихъ малоизвѣстныхъ обществу лицъ принадлежитъ основатель настоящаго Оренбурга, колонизаторъ и устроитель восточныхъ окраинъ Европейской Россіи, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, съ жизнью и дѣятельностію котораго знакомы очень, очень немногіе и притомъ поверхностно, на основаніи лишь его любопытныхъ автобіографическихъ Записокъ. Желая воскресить величавый образъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля предъ современниками и потомствомъ, мы и предлагаемъ вниманію любителей отечественной исторіи настоящій трудъ, знакомящій читателей съ разнообразной и многосторонней дѣятельностію Неплюева на пользу Россіи.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (1693—1773) представляетъ собою весьма типичный примѣръ лучшихъ учениковъ, вышедшихъ изъ практической школы Петра Великаго, подъ вліяніемъ котораго преимущественно и совершилось его воспитаніе и приготовленіе къ государственной дѣятельности. Неплюевъ можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ и примѣромъ того, на сколь сильно и благотворно было вліяніе могучей воли Петра, когда оно падало на плодородную почву. Вся жизнь Неплюева подтверждаетъ и необыкновенную прозорливость Петра Великаго, его особенную способность узнавать людей и предугадывать плоды ихъ дѣятельности въ будущемъ: *«въ этомъ маломъ путь будетъ»*, сказалъ Императоръ о Неплюевѣ, при самомъ началѣ его службы,—и Неплюевъ оправдалъ это предсказаніе Петра, какъ нельзя лучше. Начавъ свое школьное образованіе на 22 году жизни и будучи уже семейнымъ человѣкомъ, Неплюевъ 27 лѣтъ, по волѣ Государя, получаетъ мѣсто резидента при Константинопольскомъ Дворѣ и вполнѣ оправдалъ надежды, возлагавшіяся на него Императоромъ. Въ теченіе 14 лѣтъ, Неплюевъ энергично и самоотверженно защищалъ интересы Россіи на востокѣ, съ опасностью для своей жизни: турки неоднократно пытались отравить Неплюева, но Богъ сохранилъ его. Не смотря на интриги французскаго посла де-Бонака, Неплюевъ достигъ того, что Турція заключила съ Россіей миръ, по которому послѣдняя получила право на владѣніе западнымъ побережьемъ Каспійскаго моря и всѣми окрестностями и дистриктами Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана и Астрабада до рѣки Оссы. Возвратившись по разстроенному здоровью въ Россію, Неплюевъ, по волѣ Правительства, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разграниченіи земель между Россіей и Турціей, по рѣкамъ Бугу и Днѣпру, и командируется для переговоровъ на Немировскій конгрессъ, а затѣмъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Кіевъ и главнымъ командиромъ всей Малороссіи. Съ вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, Неплюеву пришлось перенести тяжелое испытаніе: его арестовали по дѣлу Остермана, лишили ордена Св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень, заключавшихъ въ себѣ болѣе 2000 крестьянскихъ дворовъ; но потомъ онъ былъ признанъ невиннымъ, ему возвратили орденъ и назначили главнымъ командиромъ Оренбургскаго края, который тогда простирался отъ средней Волги до Аральскаго моря и отъ Екатеринбурга до Каспійскаго моря, включая въ себя нынѣшнія губерніи Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, часть Пермской и Вятской, Уральскую область и Киргизъ-Кайсацкія степи. Много дѣла, весьма сложныхъ заботъ, тяжелыхъ трудовъ и лишеній всякаго рода ожидало здѣсь Неплюева.

Движеніе русскихъ на востокъ началось почти вслѣдъ за образованіемъ Русскаго государства: извѣстно, что еще Великій Князь Владиміръ Равноапостольный воевалъ съ Камскими болгарами; прерванное на время господства татарскихъ хановъ и князей надъ Русской землей, это движеніе, по сверженіи татарскаго ига, пробудилось съ новою, небывалою силою, такъ-что къ концу XVII столѣтія Великій Русскій Государь сдѣлался обладателемъ громаднаго пространства земли до Урала въ Европейской Россіи и до Великаго океана въ Азіи. [1] Желая проявить свою удаль и отвагу и поживиться на счетъ обитателей новыхъ земель, русскіе люди шли все далѣе и далѣе, въ невѣдомыя имъ мѣста, „розно" или артелями, съ топоромъ въ рукахъ, звѣроловными и рыбными снарядами, а послѣ и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности не могъ не обратить вниманія на это движеніе русскихъ на востокъ. Не отвергая стариннаго характера этого движенія, Преобразователь въ то же время желалъ, при помощи знанія, воспользоваться природными богатствами восточныхъ окраинъ Россіи и сдѣлать Оренбургскій край русскимъ не по имени только, какимъ онъ былъ раньше, а на самомъ дѣлѣ. Несчастный исходъ экспедиціи въ Хиву кн. Бековича-Черкасскаго, предпринятый съ цѣлію проложить русскимъ торговые пути въ Среднюю Азію, заставилъ Петра Великаго обратить особенное вниманіе на Оренбургскій край и на Киргизъ-Кайсацкія степи, черезъ которыя по его дальновидности должны были завязаться торговыя сношенія русскихъ съ среднеазіатскими народами и, если окажется возможнымъ, съ Индіей. По мнѣнію Петра Великаго, Киргизская Орда имѣла значеніе ключа и воротъ, которыми необходимо было овладѣть, чтобы завести торговыя и другія сношенія съ Средней Азіей. Намѣреваясь отправить Тевкелева въ Киргизъ-Кайсацкую Орду, Петръ Великій, между прочимъ, сказалъ ему: «буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ придти, то стараться, не смотря на великія издержки, хотя-бы до милліона держать, но токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекціею Россійской Имперіи быть обязалась. Хотя оная Киргизъ-Кайсацкая Орда степной и легкомысленный народъ, но *она всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ ключъ и врата*,—и той ради причины оная орда потребна подъ Россійской протекціей быть, чтобы только чрезъ ихъ во всѣхъ странахъ коммуниканцію имѣть и къ Россійской сторонѣ полезныя способныя мѣры взять». Но Петръ Великій хорошо сознавалъ, что всѣ его виды и планы могутъ осуществиться лишь тогда, когда коренные обитатели закамскихъ земель, башкирцы и пересилившіеся къ нимъ въ большомъ числѣ прежніе подданные казанскихъ и сибирскихъ хановъ, татарскіе мурзы и муллы, будутъ совершенно подчинены русской власти. Необходимо было, для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ края, обезопасить русскія владѣнія на востокѣ рядомъ укрѣпленій; требовалась постоянная военная сила внутри и на границѣ Оренбургскаго края, которая въ то же время могла бы защищать добровольно покорившихся инородцевъ отъ фанатическаго мщенія ихъ единовѣрцевъ и оберегать отъ отступничества обратившихся въ православіе язычниковъ и

[1] Смотр. о различныхъ „ступеняхъ" или видахъ колонизаціоннаго движенія русскихъ на востокъ въ поцитованной нами раньше академической „Рѣчи" профессора Д. А. Корсакова.

магометанъ. Петръ Великій первый обратилъ на это вниманіе. П. И. Рычковъ въ своей „Оренбургской Исторіи“ замѣчаетъ, между прочимъ, что Петръ, по побѣдоносномъ окончаніи Шведской войны, изволилъ особливое попеченіе имѣть и о томъ, чтобы безопасность на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ, съ помощью Божіей, Оренбургская линія строится, дѣйствительно основать, а чрезъ то героичнымъ своимъ намѣреніямъ путь во всю полуденную Азію отворить, а своевольный башкирскій народъ на вѣчное время обуздать. .. но нечаянная ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА кончина все оное въ дѣйство произвесть не допустила“. Итакъ, неожиданная кончина Императора Петра Великаго помѣшала ему выполнить задуманный имъ планъ; но онъ первый положилъ начало, основаніе этому взгляду, которымъ руководились послѣ него, въ своихъ отношеніяхъ къ Оренбургскому краю, его преемники. Планъ Петра Великаго—проложить для Россіи путь черезъ Оренбурrскій край къ торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію—не былъ забытъ и послѣ его кончины. Напротивъ изъ всѣхъ его стремленій и начинаній, которыя онъ не успѣлъ осуществить при жизни, ни одно не было послѣ него такъ ревностно и достойнымъ образомъ поддержано, какъ его стремленіе на востокъ и въ Среднюю Азію. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны было обращено особенное вниманіе на заселеніе Оренбургскаго края и на его устройство извнѣ и внутри. По счастливому стеченію обстоятельствъ, выполнить предначертанія Петра Великаго были призваны такіе люди, какъ И. К. Кирилловъ, В. Н. Татищевъ, князь В. А. Урусовъ и И. И. Неплюевъ, которые воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Петра, были его ревностными сотрудниками, глубоко прониклись его идеями и стремленіями и, обладая желѣзной волей, были закалены въ упорномъ трудѣ. Эти энергичные и самоотверженные люди, безъ сомнѣнія, подготовили почву и для совершенія великихъ дѣлъ въ Закавказьи, за Ураломъ и въ Средней Азіи, по указаніямъ Великаго Преобразователя Россіи въ текущемъ столѣтіи, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, и ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА АЛЕКСАНДРА III.

Воспользовавшись благоразумно трудами своихъ предшественниковъ, Неплюевъ ревностно занялся устройствомъ Оренбургскаго края на его развалинахъ, пепелищѣ и многочисленныхъ могилахъ павшихъ въ ожесточенномъ неравномъ бою русскихъ и чужеродцевъ. Въ теченіе шестнадцатилѣтняго управленія Оренбургскимъ краемъ, Неплюевъ работалъ съ энергіей и самоотверженностью своею учителя, Петра Великаго, и, подобно сказочному герою, какъ-бы напоилъ этотъ край живой водой и пробудилъ его отъ смерти къ жизни. Благодаря его необыкновеннымъ трудамъ и энергіи, малонаселенный, дикій и безпокойный раньше край начинаетъ организоваться въ стройное цѣлое. Переселенцы изъ центральной Россіи, привлекаемые Неплюевымъ на выгодныхъ условіяхъ, заводятъ здѣсь новые поселки и слободы; обработываютъ еще нетронутыя плугомъ земледѣльца новины, строятъ во многихъ мѣстахъ православные храмы; прокладываютъ дороги и наводятъ мосты черезъ рѣки, овраги и гати. При Неплюевѣ впервые устраивается почтовый трактъ отъ Оренбурга и Троицка до Москвы и другихъ центральныхъ городовъ Россіи, при чемъ содержатели почтовыхъ и разгонныхъ лошадей получаютъ особыя льготы. Чтобы обезопасить путь для торговыхъ каравановъ черезъ киргизскія степи въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и другія мѣста Средней Азіи, Неплюевъ

старается приласкать и расположить къ Россіи киргизскихъ хановъ, старшинъ, біевъ и простой народъ. Не довѣряя лживымъ обѣщаніямъ Абулъ-Хаиръ-Хана, онъ благоразумно сдерживаетъ его властолюбивыя стремленія къ независимости, искусно воспользововашись для обузданія коварнаго хана внутренними событіями въ Средней Киргизской Ордѣ и ея отношеніями къ Зюнгоріи. Послѣ убійства Абулъ-Хаира Баракомъ, Неплюевъ направляетъ выборъ въ ханы въ пользу Нурали-Салтана, старшаго сына Абулъ-Хаира, и торжественно конфирмуетъ его въ ханское достоинство въ Оренбургѣ, вручая ему на то особый патентъ и царскіе подарки: соболью шубу, шапку и саблю. Овладѣвъ, при своемъ изворотливомъ дипломатическомъ умѣ, „вратами и ключемъ къ среднеазіатскимъ странамъ", т. е. киргизскими степями, Неплюевъ положилъ прочное начало торговымъ сношеніямъ русскихъ купцовъ съ среднеазіатскими народами, и чрезъ то получилъ возможность покрывать всѣ расходы по управленію краемъ посредствомъ пошлиннаго сбора съ товаровъ. Въ то же время Неплюевъ освобождаетъ тысячи плѣнныхъ изъ киргизской неволи; заселяетъ и укрѣпляетъ Яицкую линію, простиравшуюся болѣе чѣмъ на тысячу верстъ; воздвигаетъ новыя крѣпости, форпосты и редуты по рѣкамъ Сакмарѣ, Ую, Міясу и Тоболу для обороны русскихъ поселенцевъ края отъ башкиръ, киргизъ, калмыковъ и зюнгорцевъ, а въ самомъ центрѣ Башкиріи устраиваетъ Зелаирскую крѣпость, комендантъ которой долженъ былъ наблюдать за тишиной и спокойствіемъ внутри Башкиріи. Такимъ образомъ, Неплюевъ устроилъ цѣлую линію военныхъ поселеній, которыя, окружая башкирцевъ со всѣхъ сторонъ и перерѣзывая Башкирію, отдѣлили ихъ отъ киргизцевъ и другихъ инородцевъ. Вопреки мнѣнію Татищева, проэктировавшаго поселить по р. Янку, ниже Яицкаго городка, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ, подъ прикрытіемъ Казанскаго драгунскаго полка, Неплюевъ отстаиваетъ исконныя права Яицкихъ казаковъ на владѣніе рѣкою Яикомъ и вводитъ болѣе прочныя основы административнаго и военнаго устройства среди Яицкихъ казаковъ, башкиръ, нагайбаковъ, ставропольскихъ и оренбургскихъ крещенныхъ калмыковъ и другихъ поселенцевъ Оренбургскаго края, пришлыхъ и туземцевъ, а 19 апрѣля 1743 года, послѣ молебствія Господу Богу, съ пушечной пальбой, было положено основаніе настоящему Оренбургу, который былъ обведенъ валомъ и окруженъ крѣпостной стѣной по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства; въ тотъ же годъ, въ праздникъ Св. Троицы, была заложена и Троицкая крѣпость, нынѣ уѣздный городъ Оренбургской губерніи Троицкъ.

Для улучшенія экономическаго состоянія жителей Оренбургскаго края, Неплюевъ указываетъ на новые источники доходовъ, причемъ, согласно плану Петра Великаго, обращаетъ особенное вниманіе на развитіе торговли и промышленности въ краѣ. До Неплюева не было ни одного завода въ Оренбургскомъ краѣ, а при немъ было устроено и открыто 13 желѣзодѣлательныхъ и 15 мѣдеплавильныхъ заводовъ, благодаря предпріимчивости и энергіи симбирскаго купца И. Б. Твердышева, братьевъ Мосоловыхъ, Мясникова и др. лицъ, которыхъ старался всегда поддержать, воодушевить и поощрить мудрый начальникъ края. Чтобы оградить имущество и личную безопасность каждаго закономъ, Неплюевъ преслѣдуетъ пьянство, воровство, грабежи, взяточничество и отдаетъ подъ судъ за взятки даже уфимскаго губернатора П. Д. Аксакова, устранивъ его отъ должности. Но заботясь о внѣшнемъ благо-

устройствѣ и матеріальномъ благосостояніи русскихъ и чужеродцевъ ввѣреннаго ему края, Неплюевъ не менѣе старался и объ удовлетвореніи религіозныхъ и духовныхъ потребностей его жителей: при немъ было построено въ Оренбургскомъ краѣ много православныхъ храмовъ, изъ коихъ нѣкоторые были заложены имъ самимъ. По отношенію къ крещеннымъ инородцамъ. Неплюевъ болѣе всего стремился къ тому, чтобы они сдѣлались христіанами не по имени только, а внутренно соединились-бы съ Русскимъ народомъ и съ непритворнымъ уваженіемъ приняли религіозныя основы его жизни и быта. Замѣчая гибельное вліяніе на крещеныхъ инородцевъ магометанскихъ муллъ, въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, онъ энергично и бдительно оберегалъ ихъ отъ магометанской пропаганды. Но угрожая, на основаніи Соборнаго Уложенія, смертною казнью проповѣдникамъ Ислама за совращеніе другихъ въ магометанство, Неплюевъ держалъ себя съ ними дружелюбно и вѣротерпимо въ обыкновенныхъ дѣлахъ, стараясь внушить имъ довѣріе къ себѣ и должное уваженіе къ закону. Не оставилъ Неплюевъ безъ вниманія и вопроса объ образованіи, на которое онъ, подобно своему Великому Учителю, смотрѣлъ больше съ утилитарной точки зрѣнія: ему нужны были хорошіе и грамотные толмачи, писцы и канцелярскіе чиновники, которые бы знали «азіатскіе діалекты,» —и вотъ онъ, для образованія и подготовленія такихъ лицъ, открываетъ въ Оренбургѣ татарскую школу, изъ которой вышло не мало полезныхъ помощниковъ Неплюеву въ его управленіи инородческимъ краемъ, а наиболѣе способные изъ нихъ были даже опредѣляемы священниками въ инородческіе приходы. Въ Ставрополѣ, на Волгѣ, была открыта школа для дѣтей крещеныхъ калмыковъ и переведены на калмыцкій языкъ десять заповѣдей и главнѣйшія молитвы. Ставропольскій протоіерей о. Андрей Чубовскій, отлично знавшій калмыцкій языкъ, обратился по совѣту Неплюева, съ проповѣдью къ крещенымъ калмыкамъ на ихъ родномъ языкѣ. Неплюевъ также заботился о распространеніи грамотности среди Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ. Прекрасныя качества его доброй и сострадательной души выразились въ отеческихъ заботахъ Неплюева объ осиротѣлыхъ башкирскихъ и калмыцкихъ дѣтяхъ, равно какъ и о дѣтяхъ ссыльныхъ въ Оренбургскій край: Неплюевъ старался научить ихъ грамотѣ; некрещеныхъ изъ нихъ просвѣтить Св. крещеніемъ и опредѣлить куда-либо къ мѣсту или отдать въ хорошую семью. Будучи врагомъ лѣнтяевъ и дармоѣдовъ, онъ преслѣдуетъ нищихъ по ремеслу и заставляетъ ихъ работать, а для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду устраиваетъ въ Бугульмѣ богадельну. Мудрый и дѣятельный организаторъ обширнаго Оренбургскаго края разстроилъ и кровавый замыселъ мещерякскаго муллы Абдуллы Мягзялдина, или Батырши, который вознамѣрился поднять противъ русскихъ весь магометанскій міръ Поволжья и Прикамья, угрожая поголовной рѣзней и грабежемъ всѣмъ православнымъ: Батырша былъ пойманъ и кончилъ свою жизнь въ Шлюссельбургской крѣпости, и бунтъ башкирцевъ прекратился самъ собой, безъ кровопролитной войны русскихъ съ башкирцами, которая была почти неизбѣжной и предотвращена только находчивостью, умомъ и энергіей Неплюева.

Утомленный постоянными заботами и трудами по организаціи обширнаго Оренбургскаго края, Неплюевъ въ 1758 году, согласно его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности оренбургскаго губернатора и переѣхалъ на жительство

въ С.-Петербургъ. Но трудолюбивому человѣку быть безъ дѣла тяжелѣе, чѣмъ лѣнивому работать: немного отдохнувъ и укрѣпившись силами, Неплюевъ снова поступаетъ на службу въ Сенатъ и, по смерти Императора Петра III, пріобрѣтаетъ безграничное довѣріе Императрицы Екатерины II, которая въ самое опасное время для себя и государства поручаетъ Неплюеву въ охрану Наслѣдника русскаго престола, Великаго Князя Павла Петровича, и ввѣряетъ ему всѣ столичныя войска, на время своего отсутствія изъ Петербурга въ Москву на коронацію и въ Остзейскій край, для осмотра Балтійскаго порта, пользуясь постоянно его совѣтами и опытностью въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Неплюевъ желалъ служить до конца своей жизни, прекратившейся на 81 году отъ рожденія; но совершенная потеря зрѣнія заставила его выйти въ отставку и послѣдніе девять лѣтъ онъ прожилъ на покоѣ. Высокія качества его глубоковѣрующей и благородной души особенно ярко отразились въ предсмертномъ письмѣ его къ своему сыну. Завѣщая сыну на смертномъ одрѣ непоколебимую вѣру въ Бога, безропотную покорность Промыслу Божію, правдолюбіе, терпѣніе, любовь къ отечеству и его правителямъ, Неплюевъ писалъ ему: «Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится.» Какъ бы предвидя необходимость помощи крестьянину со стороны интеллигентнаго человѣка, умирающій отецъ даетъ слѣдующее высокогуманное наставленіе своему сыну: «*подчиненнымъ твоимъ, и паче крестьянамъ, будь больше отецъ, нежели господинъ*, имѣя присно въ памяти Слово Божіе: «милости хощу, а не жертвы,» и что *они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами*» Это завѣщаніе умирающаго труженика земли Русской получаетъ особенную цѣну, когда мы сопоставимъ съ нимъ его современниковъ—помѣщиковъ, ничего недѣлавшихъ и руководившихся другимъ убѣжденіемъ: «*не давай крестьянину обрости но стриги его, яко овцу, до-гола.*» Воспроизводя мысленно всю трудовую жизнь Ивана Ивановича Неплюева, мы искренно и вполнѣ убѣжденно говоримъ, что это былъ не только опытный морякъ, неустрашимый воинъ на морѣ и сушѣ, искусный инженеръ, мудрый дипломатъ, энергичный и разумный администраторъ и колонизаторъ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ, хотя и нечуждый общечеловѣческихъ слабостей, - словомъ Неплюевъ былъ цѣльный человѣкъ, въ лучшемъ значеніи этого понятія, что особенно и дѣлаетъ его симпатичнымъ въ исторіи Россіи XVIII в. и въ мнѣніи о немъ потомства.

Изъ этого общаго обзора служебной дѣятельности Неплюева можно уже отчасти судить, какъ многоплодна и всесторонне-разнообразна была его кипучая жизнь, особенно по отношенію къ организаціи обширнаго Оренбургскаго края, гдѣ она достигла такъ сказать своего апогея. Понятно, что жизнь такого человѣка, служившаго при трехъ императорахъ и трехъ императрицахъ, начиная съ Петра Великаго и до Екатерины II, не можетъ умѣститься собственно въ біографическія рамки: «изученіе жизни подобныхъ людей, какъ Неплюевъ,» —замѣтилъ еще покойный М. И. Семевскій,— «есть не болѣе, не менѣе, какъ изученіе историческихъ минувшихъ судебъ преобразованной Петромъ Россіи.» Въ виду столь многосложной, разнообразной, продолжительной и въ высшей степени поучительной службы и дѣятельности Неплюева, мы признали за лучшее написать не біографію его, въ тѣсномъ смыслѣ, а

историческую монографію, избравъ фокусомъ нашей работы Оренбургскій край, которому Неплюевъ преимущественно посвятилъ свои силы, труды и способности, въ самую лучшую пору его жизни. Дѣйствительно, говоря о Неплюевѣ, даже какъ о человѣкѣ, нельзя умолчать объ его обширной административной дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ: полная біографія Неплюева, по нашему мнѣнію, не мыслима безъ исторіи этого края, а его исторія безъ біографіи Неплюева, какъ организатора Оренбургскаго края; поэтому и пришлось соединить біографію Неплюева съ исторіей Оренбургскаго края, тѣмъ болѣе, что оба эти столь близкіе предмета изслѣдованія взаимно пополняютъ другъ друга. При такой задачѣ настоящаго труда, біографія Неплюева должна была сдѣлаться какъ-бы фономъ или большой рамой огромной картины исторіи Оренбургскаго края, со времени его пріобрѣтенія Россіей до 1758 года, когда пересталъ управлять имъ Неплюевъ. Вслѣдствіе такой двойственности предмета изслѣдованія, произошло то, что одна часть монографіи—исторія Оренбургскаго края—пріобрѣла видимый перевѣсъ надъ другой—біографіей Неплюева, и потому, какъ намъ теперь кажется, было-бы лучше сдѣлать такое оглавленіе къ монографіи: «Оренбургскій край до 1758 г. и его организаторъ И. И. Неплюевъ.» Но сущность дѣла не измѣнилась-бы и тогда: перемѣщеніе слагаемыхъ не измѣняетъ ихъ суммы; избѣжать двойственности можно было-бы только при томъ условіи, еслибы авторъ писалъ біографію Неплюева, а не историческую монографію, какъ это не безъ цѣли и помѣчено имъ на титульномъ листѣ книги. Неплюевъ, воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ по управленію Оренбургскимъ краемъ, превзошелъ ихъ въ организаціи этого края; но чтобы правильно судить о заслугахъ Неплюева, необходимо знать и предшествующую ему исторію, въ связи съ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, и затѣмъ уже изложить то, что сдѣлано собственно Неплюевымъ для организаціи Оренбургскаго края,—иначе мы не поймемъ надлежащимъ образомъ громадныхъ заслугъ Неплюева передъ Россіей; поэтому-то мы почти въ каждой главѣ монографіи дѣлаемъ общій обзоръ и ходъ событій, предшествовшихъ дѣятельности Неплюева.

Въ настоящее время вниманіе Правительства и частной русской предпріимчивости, торговыхъ и промышленныхъ силъ Имперіи преимущественно обращено на востокъ, куда безъостановочно и неудержимо стремится колонизаціонное движеніе великорусскаго племени, которому стало тѣсно и трудно жить внутри Европейской Россіи, гдѣ, по заявленію самихъ же переселенцевъ, «и землѝ стало мало, и зѐмли повыпахались», утративъ плодородный кремнеземъ. Сибирь и Средняя Азія, превосходящія въ сложности въ три раза площадь всей Европейской Россіи, конечно, могутъ служить въ этомъ отношеніи надежнымъ оплотомъ экономическаго благосостоянія крестьянъ; но переселенцы должны хорошо знать, куда они идутъ и что̀ ихъ ожидаетъ на новыхъ мѣстахъ: сколько будетъ отведено имъ тамъ пахотной земли, какова она, сколько лѣсу, луговъ, есть-ли рѣка, рыбная она, судоходная или нѣтъ, качество воды въ ней, время замерзанія и вскрытія рѣки, будетъ-ли оказана имъ какая-либо помощь, во время переселенія, отъ Правительства или частныхъ обществъ; какія даются переселенцамъ льготы и ссуды на обзаведеніе хозяйствомъ, продовольствіе и обсѣмененіе полей, на какой срокъ; наконецъ переселенцы должны хорошо знать и ближайшій, болѣе удобный и дешевый путь къ новымъ мѣстамъ ихъ жительства. Въ противномъ случаѣ это

«добровольное» и «темное» блужданіе обносившихся и разорившихся крестьянъ изъ страны въ страну, изъ одной мѣстности въ другую, будетъ служить только къ увеличенію пролетаріата и къ сокращенію рабочихъ рукъ въ государствѣ. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ еще сравнительно недавно разорялись и гибли десятки тысячъ крестьянскихъ рабочихъ семей [1]), стремившихся къ востоку и юго-востоку на какія-то невѣдомыя для нихъ вольныя земли,—это извѣстно и памятно многимъ; но съ отраднымъ чувствомъ въ сердцѣ за благо и счастіе родной страны отмѣчаемъ тотъ фактъ, что Правительство снова взяло въ свои руки дѣло переселенія крестьянъ, которое было организовано у насъ, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, и въ подробно-разработанномъ видѣ вошло въ XII т. Свода Законовъ, но почему-то было забыто впослѣдствіи. Въ Бозѣ почившій Царь-Миротворецъ, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III, обратилъ особенное вниманіе на переселенческій вопросъ: при немъ были открыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переселенческія конторы, образовалось общество вспомоществованія переселенцамъ, устроены во многихъ мѣстахъ бараки и больницы для переселенцевъ и предоставлены слѣдующія льготы мѣщанамъ и сельскимъ обывателямъ, изъявившимъ желаніе пересилиться на казенныя земли: 1) лица, освобожденныя отъ подушной подати, не облагаются ею при перечисленіи въ мѣстности, гдѣ подать сія существуетъ; 2) всѣ переселенцы освобождаются отъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли, въ Европейской Россіи—въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ остальныхъ мѣстахъ—въ теченіи трехъ лѣтъ, считая со дня новаго водворенія; въ послѣдующіе затѣмъ три года переселенцы облагаются сборами и платежами въ половинномъ размѣрѣ; 3) переселенцы пользуются отсрочкою исполненія воинской повинности въ Европейской Россіи—на два года, а въ остальныхъ мѣстахъ—на три года; 4) переселенцы имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсѣмененіе полей.[2])

Не смотря на это, положеніе переселенцевъ и въ настоящее время заставляетъ желать многаго, для улучшенія ихъ быта и экономическаго благосостоянія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о переселенцахъ въ Сибирь статсъ-секретарь Куломзинъ: «во время совершенной мною лѣтомъ 1896 года, съ Высочайшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволенія, поѣздки по Сибири, я на каждомъ шагу имѣлъ случай наблюдать, какъ часто отъ безвыходной нужды и по совершенному невѣдѣнію всѣхъ трудностей устройства на новыхъ мѣстахъ, въ Сибирь заходятъ люди маломощные, неимѣющіе никакихъ матеріальныхъ средствъ. Каждый день воочію я видѣлъ, сколько горя, страданій и всяческихъ лишеній выпадаетъ на долю этихъ тружениковъ и ихъ семействъ. Вотъ, пришла въ Тюкалинскую округу семья харьковцевъ, мужъ и жена съ тремя малолѣтними дѣтьми. Бодро принялись переселенцы за дѣло, но не выдержало здоровье дѣтей, и они умерли на горе родителямъ, мать не перенесла испытанія: вскорѣ лишилась разсудка и была помѣщена въ больницу для умалишенныхъ. Припоминаю, чуть не ежедневно, въ каждомъ почти поселкѣ видѣнныя мною тяжелыя картины безотраднаго положенія овдовѣвшихъ семейныхъ переселенокъ. Нѣтъ хлѣба, въ иныхъ случаяхъ нѣтъ и земельныхъ надѣловъ, и нѣтъ даже надежды на возможность какъ-

[1]) См. Русск. Вѣстникъ за 1889 г., августъ, стр. 308—323. Внутрен. Обозрѣніе.
[2]) См. въ газетѣ: „Гражданинъ" (1889 г., № 278) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

нибудь устроиться, подняться. А пожары, неурожаи, непрекращающіеся въ Сибири, эпидеміи сибирской язвы, уносящія тысячами головъ главное богатство переселенцевъ—я видѣлъ, какимъ тяжкимъ, непосильнымъ бременемъ ложатся эти бѣдствія на молодое, бѣдное средствами хозяйство новоселовъ, я убѣдился, какъ нужна въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ быстрая помощь!—Нѣтъ никакой возможности помогать въ подобныхъ случаяхъ путемъ казенныхъ ссудъ и пособій, выдаваемыхъ только разъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ, съ соблюденіемъ необходимыхъ условій, имѣющихъ исключительно хозяйственное назначеніе. Такіе случаи—широкое поле для благотворительной дѣятельности; на немъ уже трудятся частныя благотворительныя общества, но силы и средства ихъ далеко недостаточны и, по общему признанію всѣхъ близко стоящихъ къ переселенцамъ лицъ, въ хозяйственно-неокрѣпшемъ переселенческомъ быту потребность въ усиленіи и расширеніи благотворительной помощи тяжело сказывается на каждомъ шагу.» [1])—Въ виду такого печальнаго положенія нѣкоторыхъ изъ переселенцевъ въ Сибири, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, всегда съ отеческой любовью и заботливостью пекущійся о благѣ своихъ подданныхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ при Канцеляріи Комитета Министровъ открыть пріемъ пожертвованій на образованіе благотворительнаго фонда, для оказанія помощи сибирскимъ переселенцамъ. Изъ средствъ этого фонда, черезъ мѣстныя благотворительныя общества и отдѣльныхъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ, будутъ оказываться въ несчастныхъ случаяхъ пособія больнымъ и сирымъ, голоднымъ и неповинно впавшимъ въ бѣду переселенцамъ. «Этотъ новый актъ попечительной Монаршей заботливости о переселяющихся въ Сибирь»,—замѣчаетъ статсъ-секретарь Куломзинъ,—«отвѣчаетъ самымъ неотложнымъ нуждамъ, самымъ настоятельнымъ запросамъ и требованіямъ переселенческаго быта.» [2])—Недавно управляющій дѣлами Комитета Министровъ и Комитета Сибирской желѣзной дороги, д. т. сов. Куломзинъ, снова отправился, по Высочайшему повелѣнію, въ командировку по Сибири. [3]) Несомнѣнно, что его командировка находится въ тѣсной связи съ вопросомъ объ улучшеніи быта и хозяйственной обстановки переселенцевъ, къ которымъ онъ всячески, словомъ и дѣломъ, старается расположить общественное вниманіе и сочувствіе частныхъ благотворителей. Объѣздивъ въ 1896 г. 135 новопоселковъ въ Сибири, статсъ-секретарь Куломзинъ составилъ брошюру: «Сибирское переселеніе.» По справедливому замѣчанію «Истор. Вѣстника,» авторъ брошюры въ сжатой, доступной для крестьянскаго люда формѣ и рѣчи, исчерпалъ предметъ во всей нужной полнотѣ. Конечный выводъ автора неутѣшителенъ для тѣхъ, кто покидаетъ родину безъ денегъ и безъ подготовки идетъ на новыя мѣста; необходимо, чтобы переселенцы знали, куда они идутъ и что ихъ ждетъ. [4]) Желая наиболѣе широкаго распространенія брошюры: «Сибирское переселеніе» среди крестьянъ, мы увѣрены, что она можетъ служить для однихъ справочнымъ пособіемъ, а для другихъ, маломочныхъ, предостереженіемъ отъ будущихъ неудачъ и бѣдствій на незнакомыхъ мѣстахъ.

[1]) Казанскій Телеграфъ 1897 г., № 1324, отъ 1 Іюня.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, см. телеграммы Росс. Тел. Агентства отъ 31 Мая 1897 г.
[4]) Ист. Вѣстн., 1897 г., Іюнь, стр. 956. Крит. и библіографія.

Переселенія крестьянъ на новыя мѣста, безъ сомнѣнія, должны соотвѣтствовать не только экономическимъ, а и политическимъ видамъ государства, почему судьбы восточныхъ окраинъ Евр. и Азіатской Россіи не перестаютъ занимать наше Правительство доселѣ. Въ минувшее царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, была организована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве, для пересмотра положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. Согласно проэкту, выработанному въ этой коммиссіи, предположено было Тургайскую область упразднить и замѣнить ее новой степной областью—Казалинской. Уѣзды Илецкій и Николаевскій Тургайской области предполагалось присоединить къ Оренбургской губерніи, а изъ уѣздовъ Иргизскаго и Тургайскаго, вмѣстѣ съ Казалинскимъ и Перовскимъ, входящими въ составъ Сыръ-Дарьинской области, образовать новую область—Казалинскую, съ подчиненіемъ ея Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. До настоящаго времени этотъ обширный степной край находится почти въ исключительномъ пользованіи киргизцевъ, которые еще не свыклись съ осѣдлой жизнью; послѣдняго можно только достигнуть чрезъ усиленіе здѣсь русскаго элемента, посредствомъ правильно организованныхъ переселеній сюда крестьянъ изъ внутренней Россіи, на что, вѣроятно, и будетъ обращено должное вниманіе мѣстной властью, при живомъ содѣйствіи со стороны Правительства. Съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги до Ташкента и Ферганской области и окончаніемъ магистральной линіи великаго Сибирскаго пути, долженствующаго соединить Европу съ Великимъ океаномъ, движеніе русскихъ на востокъ, безъ сомнѣнія, усилится еще болѣе; поэтому историческое изученіе восточныхъ владѣній Россійской Имперіи и населяющихъ ихъ инородческихъ племенъ должно имѣть особенную важность и служить, такъ сказать, комментаріемъ современнаго намъ поступательнаго движенія русскихъ на востокъ. Вопросъ о колонизаціонномъ движеніи русскихъ на востокъ неоднократно подвергался изученію и обсужденію въ русской исторической литературѣ: Н. И. Надеждинъ, С. М. Соловьевъ, А. П. Щаповъ, К. Д. Кавелинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Д. И. Бѣляевъ, Н. А. Ѳирсовъ, С. М. Шпилевскій, Артемьевъ, Перетятковичъ, Ешевскій и др. не мало потрудились въ свое время надъ изученіемъ и рѣшеніемъ этого вопроса, но нельзя сказать того, чтобы они окончательно исчерпали его глубину до самаго дна.

Въ нашихъ архивахъ, столичныхъ и провиціальныхъ, хранится еще масса сырыхъ матеріаловъ для изслѣдованій, которыя-бы знакомили съ первоначальной исторіей восточныхъ владѣній Россіи, съ ихъ колонизаціей, укрѣпленіемъ, административнымъ устройствомъ, съ развитіемъ въ нихъ промышленности и торговли въ первое время по присоединеніи ихъ къ остальной Россіи. Воспользовавшись этимъ матеріаломъ, авторъ настоящей монографіи и задался цѣлію изложить исторію обширнаго Оренбургскаго края, въ прежнемъ его составѣ, начиная съ пріобрѣтенія его Россіей до 1758 года, когда пересталъ управлять имъ Неплюевъ. Этотъ край, представляющій собою большія ворота изъ Европы въ Азію, издавна обращалъ на себя вниманіе Русскаго Правительства. Сюда сходились и здѣсь перемѣшивались племена финскаго, тюркскаго и монгольскаго происхожденія, постепенно утрачивая свою самостоятельность и уступая господство славяно-русскому племени. Изъ славянскаго племени здѣсь и понынѣ живутъ великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы, а изъ

чужеродцевъ — башкиры, мещеряки, чуваши, мордва, тептяри, татары, калмыки, киргизы и другіе. Болѣе двухъ столѣтій продолжалась упорная борьба Русскаго Правительства съ инородческимъ населеніемъ Оренбургскаго края, особенно съ главными его обитателями — башкирцами. На долю Россіи выпало рѣшеніе весьма трудной міровой задачи, по отношенію къ тюрко-татарскимъ племенамъ: будучи сначала оплотомъ европейской цивилизаціи отъ восточнаго варварства и магометанскаго фанатизма, Россія явилась потомъ насадительницею европейской культуры среди когда-то господствовавшихъ надъ нею варваровъ и провозвѣстницею Евангельскаго ученія, въ духѣ Св. Православной Церкви, которая ежедневно молится не только „о всякой душѣ христіанской, болящей, страждущей, озлобленной, отчаянной и въ немощи сущей", а и о мирѣ всего міра,—молится, чтобы Господь открылъ и нехристіанамъ Евангеліе правды, научилъ ихъ словомъ истины и присоединилъ къ Своей Святой Соборной и Апостольской Церкви. Находясь на самомъ рубежѣ между Европой и Азіей, славяно-русское племя должно было, въ силу географическаго положенія и условій историческихъ, стать лицемъ къ лицу съ финскими и тюрко-монгольскими племенами, вынести всю силу ихъ враждебно-фанатическаго напора и въ борьбѣ за существованіе умереть или побѣдить. Снесши тяжелое монгольское иго, Россія платитъ потомкамъ ея поработителей христіанской любовью, стараясь просвѣтить слѣпотствующихъ во тьмѣ инородцевъ свѣтомъ христіанскаго ученія. Присоединяя къ себѣ азіатскія страны и племена, она охотно и съ материнскою любовью принимаетъ новыхъ подданныхъ въ свою общую семью, съ правами равенства и объединенія; русскіе не только не чуждаются инородцевъ, какъ англичане индусовъ или американцы туземнаго населенія, а напротивъ вступаютъ съ инородцами въ самыя близкія сношенія, иногда даже родственныя, и, при помощи языка и религіи, ассимилируютъ ихъ и сливаются съ ними въ одну господствующую народность Отсутствіе топографическихъ преградъ и смежность инородческихъ поселеній съ русскими еще болѣе благопріятствуютъ этому сближенію и ассимиляціи. Настоящій трудъ даетъ достаточно матеріала для подтвержденія христіанскаго и просвѣтительнаго вліянія русскихъ на инородческія племена. Монографія знакомитъ читателя не только съ жизнью и многосторонней дѣятельностію Неплюева, а и съ исторіей казачьихъ общинъ, оберегавшихъ восточныя границы Россіи, съ исторіей башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, ногайбаковъ и другихъ инородцевъ, съ ихъ набѣгами на русскія пограничныя поселенія, съ волненіями и бунтами среди нихъ до Неплюева и при немъ, съ распространеніемъ христіанства между иновѣрцами и съ пропагандой магометанскихъ муллъ, съ развитіемъ промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ, съ отношеніями Русскаго Правительства къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ, съ отрицательными сторонами крѣпостнаго права и его результатами, съ религіознымъ броженіемъ умовъ среди раскольниковъ и гоненіями на нихъ, — словомъ, содержаніе монографіи получилось такое сложное, что авторъ едва не потерялъ надежды на возможность ея окончанія; но всемилостивѣйшее благоволеніе къ его труду ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и вниманіе многихъ ученыхъ лицъ и обществъ поддержали энергію въ авторѣ и помогли ему довершить свою монографію до желаемаго конца.

Вся монографія состоитъ изъ тридцати главъ, раздѣленныхъ въ настоящемъ изданіи на три тома,—по десяти главъ въ каждомъ,—и одного тома приложеній, заключающаго въ себѣ замѣчанія и дополненія къ тексту, родословную дворянъ Неплюевыхъ, копіи съ высочайшихъ указовъ, грамотъ и другихъ архивныхъ документовъ, перечень письменныхъ и печатныхъ источниковъ, азбучный указатель отдѣльныхъ замѣтокъ, статей и книгъ, которыми авторъ пользовался при составленіи монографіи, планъ первоначальнаго Оренбурга, два указателя: указатель личныхъ именъ и указатель географическихъ названій, упоминаемыхъ въ монографіи, а также карту Оренбургской губерніи, составленную, по распоряженію Неплюева, въ 1755 году геодезіи прапорщикомъ Красильниковымъ «съ товарищи.» Кромѣ того, къ монографіи приложены, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ къ тексту, гербъ дворянъ Неплюевыхъ, портреты Ивана Ивановича Неплюева, его сына Николая Ивановича и внуковъ: Ивана Николаевича и Дмитрія Николаевича Неплюевыхъ, литографированные виды оренбургскихъ соборовъ, лѣтняго и зимняго, построенныхъ при Неплюевѣ, иконостасъ походнаго храма, во имя Воскресенія Христова, пожалованнаго Императоромъ Петромъ Великимъ его крестнику, калмыцкому Тайшѣ Баксадай-Дорджи, названному во св. крещеніи Петромъ, а также виды Поддубскаго храма, построеннаго Неплюевымъ, снаружи и внутри (иконостасъ и надгробные памятники), новаго оренбургскаго собора и главнаго зданія Неплюевскаго кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ. Эти портреты и рисунки, по нашему мнѣнію, должны дополнять сознаніе мысли и умственное представленіе впечатлѣніемъ глаза, что имѣетъ весьма важное значеніе въ отношеніи памяти: каждый человѣкъ гораздо дольше помнитъ и рельефнѣе представляетъ себѣ то, что онъ видѣлъ, чѣмъ то, что читалъ или слышалъ.

Относительно плана изложенія монографіи слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ этомъ случаѣ руководился постепеннымъ ходомъ событій, какъ-бы идя за Неплюевымъ шагъ за шагомъ въ его долголѣтней жизни и многополезной дѣятельности. Въ первыхъ пяти главахъ говорится о родословіяхъ дворянскихъ фамилій вообще, о происхожденіи рода Неплюевыхъ, о родителяхъ, отроческихъ годахъ и первоначальномъ образованіи Неплюева, объ его путешествіи заграницу, о назначеніи резидентомъ въ Константинополь и дипломатической дѣятельности его въ Турціи, о возвращеніи въ Россію, объ участіи въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ кабинетъ—министромъ А. П. Волынскимъ и о дальнѣйшей его службѣ до назначенія въ Оренбургъ. Слѣдующія двѣ главы VI и VII содержатъ въ себѣ историческій очеркъ Оренбургскаго края до Неплюева, во время управленія имъ его предшественниковъ: Кириллова, Татищева, Урусова и Соймонова. Далѣе двадцать одна глава (VIII—XXVIII) подробно знакомятъ читателя съ разносторонней дѣятельностію Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ; глава XXIX посвящена обзору службы Неплюева при Императрицѣ Екатеринѣ II, а послѣдняя XXX глава сообщаетъ факты изъ частной жизни Неплюева, по выходѣ его въ отставку, подводитъ итогъ его полезной службы отечеству и передаетъ любопытныя свѣдѣнія о чествованіи его памяти въ потомствѣ, черезъ сто лѣтъ послѣ его кончины и черезъ 200 лѣтъ послѣ его рожденія.

Историческіе матеріалы, источники и пособія, которыми авторъ пользовался при составленіи настоящей монографіи, могутъ быть раздѣлены на двѣ

главныя группы: письменные и печатные. Первые состоятъ изъ дѣлъ Сенатскаго и Тургайскаго архивовъ, изъ писемъ Императрицы Екатерины II И. И. Неплюеву, сохранившихся у его потомковъ, [1]) изъ черновыхъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго І. И. Желѣзнова, изъ дѣлъ Уральскаго войсковаго архива, изъ клировыхъ вѣдомостей нѣкоторыхъ приходскихъ церквей, изъ сообщеній и писемъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскимъ фамиліямъ, духовному вѣдомству и казачьему сословію, изъ различныхъ справокъ, доставленныхъ автору духовными консисторіями, благочинными церквей, полицейскими, станичными и волостными правленіями, а также изъ произведеній народнаго творчества: преданій, пѣсенъ и т. п. Къ печатнымъ источникамъ относятся: Полное Собраніе Россійскихъ Законовъ, Русскія Лѣтописи, Историческіе Акты, журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената, изданные подъ редакціей сенатора Г. К. Рѣпинскаго и его указатель къ П. Собр. Зак., историческія монографіи и мемуары, изданія и сборники разныхъ ученыхъ обществъ, статистическихъ комитетовъ и архивныхъ ученыхъ коммиссій, журналы, газеты (столичныя, губернскія и областныя) и епархіальныя извѣстія, атласы, карты и планы, имѣющіе отношеніе къ монографіи. Всѣ означенные источники, по возможности, изучены авторомъ внимательно, доказательствомъ чего могутъ служить его многочисленныя поясненія къ тексту монографіи, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ ошибки, анахронизмы, неточности и противорѣчія дѣйствительнымъ фактамъ, встрѣчающіяся въ историческихъ трудахъ другихъ, не исключая даже П. Собр. Законовъ и Записокъ самого Неплюева. [2]) Считая излишнимъ разбирать сравнительное достоинство всѣхъ источниковъ, подробный перечень которыхъ напечатанъ въ приложеніи къ монографіи, мы остановимся здѣсь только на болѣе важныхъ изъ нихъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ личности И. И. Неплюева и къ исторіи Оренбургскаго края, какъ напримѣръ: мемуары самого Неплюева, «Топографія Оренбургской губерніи» Рычкова и др. имъ подобные.

Автобіографическія «Записки» Ив. Ив. Неплюева, очень любопытныя по содержанію, были первоначально напечатаны въ сокращенномъ видѣ Голиковымъ въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго.» [3]) Послѣ того, А. П. Свиньинъ напечаталъ въ журналѣ: «Отечественныя Записки» мемуары Неплюева въ болѣе полномъ видѣ, [4]) а въ 1871 году Л. Н. Майковъ помѣстилъ

[1]) Письма Императрицы Екатерины II къ И. И. Неплюеву были потомъ напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1884 г. (кн. I, стр. 255 и т. д.) съ оригиналовъ, доставленныхъ издателю журнала Н. Н. Неплюевымъ, нынѣ Блюстителемъ Крестовоздвиженскаго Трудоваго Братства, у котораго и хранятся эти письма Ив Ив. Неплюевъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ большую переписку съ разными лицами, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошла большая часть его писемъ. А. В. Висковатовъ (†1857 г.), задумавъ писать біографію Ив. Ив Неплюева, получилъ отъ его потомковъ двѣ большія переплетенныя тетради писемъ Неплюева. но, не успѣвъ выполнить своего намѣренія, скончался. Всѣ бумаги послѣ его смерти были пересланы за границу его супругѣ. о дальнѣйшей судьбѣ ихъ намъ ничего неизвѣстно Весьма было бы желательно появленіе этихъ писемъ въ печати, если только время пощадило ихъ.

[2]) См., напримѣръ, стр. 25, 32, 60, 69, 79, 103, 134, 140, 151, 153, 185, 192, 272, 290, 298, 319, 320, 429, 452, 453, 495, 502, 513, 520, 524—526, 530, 540, 562—564, 567, 570, 579, 614, 615, 634, 648, 650, 659, 731, 824 и др.

[3]) См. т. XV, стр. 248—270. Изданіе 2. Дополненія къ „Дѣяніямъ Петра Великаго,“ т. XVII, стр. 418—441.

[4]) Отеч. Записки 1823 г., ч. XVI, № 43, стр. 169—197; № 44, 436—446; за 1824 годъ, ч. XIX, № 51, 101—108; № 52, 228—250; ч. XX, № 54, 105—126; за 1825 г., ч. XXI, № 59, 428—443; ч. XXII, № 64, 189—203; № 65, 347—365; ч. XXIV, № 67, 269—290; за 1826 г., ч. XXV, № 71, стр. 468—496.

журналѣ: «Русскій Архивъ» еще болѣе полный текстъ Записокъ Неплюева, сдѣлавши къ нему нѣкоторыя примѣчанія.[1] Наконецъ въ 1893 году А. С. Суворинъ издалъ Записки Неплюева отдѣльной книжкой,[2] повторивъ точнымъ образомъ текстъ ихъ, напечатанный въ Русскомъ Архивѣ, и сдѣлавъ незначительныя измѣненія въ примѣчаніяхъ Л. Н. Майкова къ тексту. Оригиналъ Записокъ Неплюева, къ сожалѣнію, доселѣ не найденъ. Рукопись, которой пользовался Л. Н. Майковъ, принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ, куда она была передана изъ Россійской Академіи, и представляетъ собою переплетенную въ листъ тетрадь, написанную почеркомъ конца XVIII вѣка одною рукою, со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ. Л. Н. Майковъ высказываетъ предположеніе, что этой рукописью пользовался и Свиньинъ, сократившій текстъ Записокъ отчасти, можетъ быть, по требованію цензуры и частію по своему усмотрѣнію. Нѣкоторыя исправленія въ этой рукописи, сдѣланныя другими чернилами и другой рукой, наводятъ на предположеніе, что рукопись какъ будто была кѣмъ-то сличаема съ другой, хотя означенныя поправки и не устраняютъ недоразумѣній и противорѣчій, допущенныхъ малограмотнымъ переписчикомъ; тою же позднѣйшей рукою написано и заглавіе рукописи, принятое издателями, которое едвали принадлежитъ автору мемуаровъ. Различіе текста и слога Записокъ въ редакціи Голикова и въ академической рукописи даетъ поводъ къ предположенію, что Записки Неплюева, вѣроятно, имѣли нѣсколько списковъ, сдѣланныхъ, можетъ быть, по желанію родственниковъ или друзей и почитателей Неплюева, а переписчики, желая сдѣлать Записки наиболѣе доступными и пріятными для читателей, могли измѣнить нѣсколько языкъ и характеръ ихъ изложенія; отъ этихъ передѣлокъ, какъ мы замѣтили, не удержался и Свиньинъ. По мнѣнію покойнаго академика П. П. Пекарскаго языкъ Записокъ Неплюева въ изданіи Свиньина, за исключеніемъ немногихъ славянскихъ словъ и выраженій, мало напоминаетъ время, въ которое жилъ ихъ авторъ.[3] Л. Н. Майковъ нашелъ въ изданіи Свиньина, кромѣ стилистическихъ исправленій текста, пропускъ нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ мѣстъ противъ академической рукописи, хотя Свиньинъ, по мнѣнію Л. Н. Майкова, пользовался также академической рукописью. Л. Н. Майковъ возстановилъ текстъ академической рукописи во всей ея полнотѣ и устранилъ стилистическія поправки Свиньина, но все-таки и въ этой послѣдней редакціи языкъ Записокъ Неплюева мало напоминаетъ Петровскую эпоху, что, по мнѣнію Л. Н. Майкова, могло произойти отъ того, что Записки Неплюева были составлены уже во второй половинѣ XVIII вѣка, но такое предположеніе едвали справедливо. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, мы думаемъ, что Неплюевъ началъ писать свои мемуары еще при Петрѣ Великомъ, во время своего заграничнаго путешествія, въ видѣ бѣглыхъ и поденныхъ замѣтокъ, которыя потомъ могли послужить ему основаніемъ при составленіи Записокъ, на что отчасти указываетъ и самый характеръ ихъ: вся его жизнь за границей и служба во флотѣ описаны имъ какъ-бы въ формѣ дневника, который, можетъ быть, онъ и велъ тогда. Впослѣдствіи Неплюевъ могъ исправлять и дополнять

[1] Русскій Архивъ 1871 г.

[2] Въ 16 д. л., стр. 1—197. Спб. 1893 г.

[3] Русскіе мемуары въ XVIII в. Современникъ 1855 г., т. 2, отд. II. стр. 58.

свои мемуары воспоминаніями о прошломъ и событіями позднѣйшаго времени, что̀ отчасти подтверждается той краткостью, съ которой изложена въ Запискахъ дипломатическая служба Неплюева. На слѣды такой позднѣйшей переработки мы имѣемъ указанія и въ самыхъ Запискахъ: сообщая подъ 1730 годомъ о рожденіи дочери Анны, а подъ 1731 г.—о рожденіи сына Николая, Неплюевъ замѣчаетъ: «а сіе о немъ (о сынѣ) и о дочери моей приписано въ 1750 году.»[1]) Неплюевъ довелъ свои мемуары до послѣднихъ дней жизни и закончилъ ихъ весьма трогательнымъ и назидательнымъ предсмертнымъ письмомъ къ сыну. Въ концѣ мемуаровъ находится приписка о кончинѣ Неплюева, сдѣланная И. И. Голиковымъ, бывшимъ въ теченіи 20 лѣтъ ближайшимъ лицемъ къ Неплюеву и пользовавшимся особеннымъ его расположеніемъ. Нельзя не сожалѣть, если оргиналъ Записокъ Неплюева исчезъ навсегда для потомства, сдѣлавшись жертвою огня или тлѣнія. Не погибъ-ли онъ въ 1762 г., во время бывшаго пожара въ Петербургѣ, когда сгорѣлъ до-тла и домъ Неплюева, находившійся на Сѣнной, близъ церкви Христа Спасителя?!—

Не смотря однакожъ на то, что Записки Неплюева подверглись позднѣйшимъ передѣлкамъ въ рукахъ издателей и переписчиковъ, онѣ все-таки служатъ весьма цѣннымъ источникомъ для его біографіи: многое, ненашедшее себѣ мѣста въ оффиціальныхъ и другихъ архивныхъ бумагахъ, замѣчено и передано Неплюевымъ, какъ очевидцемъ или какъ современникомъ совершившихся событій. Но мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что къ его Запискамъ, какъ и вообще къ мемуарамъ, слѣдуетъ относиться осмотрительно и провѣрять ихъ другими, болѣе достовѣрными, источниками. Въ Запискахъ Неплюева встрѣчаются иногда анахронизмы и невѣрная передача фактовъ: такъ, напримѣръ, относительно мещерякскаго старшины Сулеймана Деваева, поймавшаго муллу Батыршу, инициатора и руководителя башкирскаго бунта въ 1755 году, Неплюевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: «поймавшій его (т. е. Батыршу) мещеряцкій старшина, ѣхавъ ко мнѣ въ Оренбургъ на дорогѣ умеръ».[2]) Между тѣмъ изъ оффиціальныхъ документовъ и переписки по этому дѣлу самого Неплюева съ Сенатомъ и другими учрежденіями видно, что Деваевъ благополучно и въ добромъ здоровьѣ прибылъ въ Оренбургъ, видѣлся съ Неплюевымъ, который приказалъ выдать ему, въ счетъ обѣщанной награды за поимку Батырши, 500 рублей и подорожную на три подводы до Петербурга, куда Сулейманъ и отправился, въ сопровожденіи капрала Ашмарина и писаря Салемова. Въ концѣ октября 1756 года Деваевъ прибылъ въ Петербургъ, 24 декабря былъ представленъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а 14 февраля 1757 г. скончался и по магометанскому обряду былъ погребенъ на Выборгской сторонѣ, въ Петербургѣ.[3]) Иногда Неплюевъ почему-то совершенно умалчиваетъ о весьма важныхъ событіяхъ его времени,—такъ онъ ничего не говоритъ въ Запискахъ о дѣлѣ кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, хотя и самъ принималъ участіе въ слѣдствіи надъ нимъ;[4]) а иногда Неплюевъ завѣряетъ, что не зналъ того, о чемъ, судя по ходу и характеру событій, нельзя было не знать въ его положеніи, какъ напримѣръ одиночное

---

[1]) См. въ изд. А. С. Суворина, стр. 124.
[2]) См. въ настоящей монографіи, стр. 885.
[3]) Тамъ же, стр. 886—887.
[4]) Тамъ же, стр. 82.

заключеніе въ Шлюссельбургскую крѣпость несчастнорожденнаго принца Іоанна Антоновича. [1]) Чѣмъ-бы ни объяснялись такія противорѣчія мемуаровъ Неплюева дѣйствительнымъ фактамъ, какъ смерть Сулеймана Деваева, и нѣкоторыя недомолвки ихъ,—искаженіемъ-ли текста Записокъ позднѣйшими переписчиками, слабостью-ли старческой памяти ихъ автора или инымъ чѣмъ, но они существуютъ и не были отмѣчены издателями Записокъ Неплюева, представляющихъ въ цѣломъ правдивый и любопытный разсказъ о многолѣтней и трудовой его жизни.

Послѣ мемуаровъ Неплюева, самымъ цѣннымъ печатнымъ источникомъ для изученія его разносторонней дѣятельности, особенно въ Оренбургскомъ краѣ, служитъ Пол. Собраніе Законовъ (1649—1825), которое покойный профессоръ Ешевскій справедливо назвалъ хорошо устроеннымъ архивомъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, не всѣ высочайшіе и сенатскіе указы вошли въ П. С. Зак.,[2])—многіе изъ нихъ хранятся въ подлинникахъ или копіяхъ въ архивахъ Сенатскомъ, М. Ин. Дѣлъ, Мин. Юстиціи, Морскаго и Военнаго Мин., въ архивѣ Св. Синода и другихъ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ, считающихъ хранящіяся въ нихъ дѣла милліонами и сотнями тысячъ, къ сожалѣнію, доселѣ неимѣющихъ полнаго описанія ихъ. Въ одномъ Сенатскомъ архивѣ числится около 4 милліоновъ дѣлъ, [3]) изъ коихъ свыше 200000 относятся къ XVIII в. Въ Синодальномъ архивѣ хранится болѣе полмилліона дѣлъ и 6000 переплетенныхъ документовъ и книгъ. Высочайше учрежденная 6 декабря 1865 года коммиссія, для составленія описи Синодальнаго архива, доселѣ продолжаетъ трудиться надъ выполненіемъ своей задачи, но ея труды пока не обнимаютъ и первыхъ пятнадцати лѣтъ Синодальнаго періода. Раньше самое пользованіе матеріалами Синодальнаго архива соединено было съ большими затрудненіями и неудобствами; въ настоящее же время, благодаря просвѣщенной попечительности Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, архивъ получилъ новый штатъ, привлекшій свѣжія рабочія силы; зданіе архива приведено въ надлежащій видъ и содержимое въ немъ—въ должный порядокъ. Описаніе и сортировка находящихся въ архивѣ матеріаловъ выдерживаются теперь въ строгой системѣ, и пользованіе архивомъ, въ научныхъ цѣляхъ, сдѣлалось для желающихъ доступнымъ и удобнымъ. [4]) Не довольствуясь однимъ Полн. Собраніемъ Росс. Законовъ, мы воспользовались и архивными дѣлами, относящимися къ дѣятельности Неплюева и его времени, хранящимися въ архивахъ Сенатскомъ и Тургайскаго Областного Правленія, полное заглавіе которыхъ, съ обозначеніемъ количества листовъ, приведено нами въ приложеніи къ настоящей монографіи. [5]) Эти два архива взаимно пополняютъ другъ друга: указы, распоряженія и рапорты, встрѣчающіеся въ Сенатскомъ архивѣ въ копіяхъ, сохранились подлинными въ Тургайскомъ архивѣ, куда были переданы дѣла

---

[1]) Тамъ же, стр. 924—925.

[2]) Къ сожалѣнію, и въ Полн. Собр. Росс. Законовъ встрѣчаются ошибки, невошедшія въ сводъ опечатокъ, напримѣръ: симбирскій купецъ Твердышевъ названъ сибирскимъ купцомъ (т. XII, № 8931); вмѣсто 565 р. 79¾ коп., напечатано 56 р. 79 к. (№ 8921, стр. 84, столб. 2); такія невѣрности числовыхъ данныхъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ (см. т. XIII, № 10131, стр. 883).

[3]) По свидѣтельству П. Баранова, въ Сенатскомъ архивѣ еще въ 1872 году числилось 3,613,808 №№ дѣлъ.

[4]) Церк. Вѣдомости 1897 г., № 2, стр. 53—55.

[5]) См. стр. 125—127.

по управленію Оренбургскимъ краемъ, и наоборотъ: доношенія и проекты Неплюева въ Сенатъ, въ Военную Коллегію, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и другія мѣста, имѣющіеся въ копіяхъ въ Тургайскомъ архивѣ, находятся въ Сенатскомъ архивѣ въ подлинникахъ. Различныя мнѣнія и представленія Неплюева, особенно въ Сенатъ и въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отличаются такими подробностями и обстоятельностію, что его даже просили писать свои доношенія короче.[1])

Весьма важное значеніе для исторіи Оренбургскаго края имѣютъ и почтенные труды П. И. Рычкова, который въ теченіе сорока лѣтъ былъ ближайшимъ и самымъ образованнымъ помощникомъ оренбургскихъ губернаторовъ, начиная съ Кириллова и до Рейнсдорпа включительно. Изъ многочисленныхъ его трудовъ по исторіи Оренбургскаго края особенно замѣчательны: «Исторія Оренбургская» и «Топографія Оренбургской губерніи.» Оба сочиненія были первоначально напечатаны въ журналѣ академика Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе:» первое въ 1759 году, а второе въ 1762 г.; послѣднее, кромѣ того, тогда же было издано и отдѣльно. «Топографія Оренбургской губерніи» Рычкова была для своего времени весьма важною новостью: изъ нея многіе впервые узнали интересныя подробности о такомъ краѣ, который былъ мало извѣстенъ не только публикѣ, но и самому Правительству. На интересный трудъ Рычкова обратили свое вниманіе и европейскіе ученые: Шлёцеръ, 40 лѣтъ трудившійся надъ изученіемъ Несторовой лѣтописи, сдѣлалъ изъ него подробныя извлеченія и напечаталъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ въ «göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen,» а потомъ «Топографія» Рычкова два раза была переведена на нѣмецкій языкъ въ ея цѣломъ видѣ: одинъ изъ этихъ переводовъ, нечуждый пробѣловъ и неточностей, принадлежитъ пастору Христіану Гейнриху Газе, а другой, появившійся въ 1772 году подъ заглавіемъ: «Orenburgische Topographie,» былъ изданъ Родде. Извѣстный путешественникъ и ученый XVIII вѣка Петръ Симонъ Палласъ также началъ было переводить «Топографію» на нѣмецкій языкъ, но появленіе въ печати переводовъ Газе и Родде заставило его прекратить начатую работу. Въ русской исторической литературѣ «Топографія» Рычкова сдѣлалась весьма цѣнной библіографической рѣдкостью и только въ 1887 году, спустя 125 лѣтъ послѣ перваго ея изданія, Оренбургскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества напечаталъ вновь «Топографію». Мысль о новомъ переизданіи «Топографіи» Рычкова отдѣльной книгой возникла въ Оренбургскомъ Отд. И. Р. Геогр. Общества еще въ 1871 году, по иниціативѣ и предложенію его члена-сотрудника, покойнаго Р. Г. Игнатьева, который тогда же изъявилъ желаніе составить къ новому изданію «Топографіи» предисловіе, комментаріи и нѣкоторыя дополненія къ тексту, а членъ-соревнователь И. Ѳ. Базилевскій обѣщался принять на себя всѣ расходы по изданію «Топографіи» съ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ нею, была также издана и рукопись Рычкова, хранящаяся въ Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „*Ландкарты или чертежи географическіе, на которыхъ представляется Оренбургская губернія съ смежными къ ней мѣстами.*“—Предложеніе Р. Г. Игнатьева было принято Отдѣломъ съ большимъ сочувствіемъ, а объ-

[1]) См. въ Тург. архивѣ „Указы 1750 г.,“ л. 122.

щанная И. Ө. Базилевскимъ сумма на изданіе «Топографіи» —съ благодарностью, но дѣло затянулось. Изъ переписки съ Академіей Наукъ о высылкѣ «Ландкартъ» выяснилось, что копіи съ нихъ могутъ быть сняты только въ Петербургѣ, а потому необходимо было переговорить съ техниками, для чего долго не представлялось удобнаго случая. Между тѣмъ Р. Г. Игнатьевъ въ 1877 году перешелъ на службу въ Минскъ, гдѣ оставался до 1880 года, завѣдывая неоффиціальной частью Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; обѣщанныя имъ комментаріи и предисловіе къ «Топографіи» Рычкова не высылались. Поэтому Оренбургскій Отдѣлъ И. Р. Геогр. Общества призналъ возможнымъ издать «Ландкарты» отдѣльно отъ «Топографіи,» благодаря просвѣщенной щедрости И. Ө. Базилевскаго, пожертвовавшаго на это изданіе болѣе тысячи рублей. Въ 1880 году «Ландкарты» съ имѣющимся при нихъ текстомъ были изданы фотолитографическимъ способомъ, печатаніе же втораго изданія «Топографіи» Отдѣлъ отложилъ до того времени, когда будутъ доставлены Р. Г. Игнатьевымъ обѣщанныя имъ приложенія. Эти «Ландкарты,» [1]) представляя собою любопытный матеріалъ въ исторіи отечественной картографіи и колонизаціи Оренбургскаго края, интересны и съ другой стороны: по своимъ указаніямъ лѣсной растительности онѣ даютъ возможность придти къ опредѣленію того, какое вліяніе имѣло лѣсоистребленіе на гидрографическія и климатическія условія занимаемыхъ лѣсами районовъ и сопредѣльныхъ съ ними мѣстностей. На пользу изданія этихъ картъ указалъ еще покойный академикъ Пекарскій, который приложилъ и подробное описаніе ихъ къ своей книгѣ: «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова,» вышедшей въ 1867 году. [2]) «Карты позднѣйшихъ временъ, можетъ быть, болѣе исправны,» —справедливо замѣчаетъ онъ,— «но онѣ не могутъ дать понятія о прежнемъ Оренбургскомъ краѣ, который быстро утрачивалъ свой первобытный характеръ и измѣнялъ первоначальный видъ, вслѣдствіе сильнаго наплыва въ него переселенцевъ со всѣхъ концовъ Россіи.» Издавая эти карты, Оренбургскій Отдѣлъ И. Р. Геогр. Общества отчасти выполнилъ и задачу по отношенію къ «Топографіи» Рычкова, такъ-какъ приложенный къ нимъ рукописный текстъ есть ничто иное, какъ первая часть «Топографіи Оренбургской губерніи,» за исключеніемъ «Предъизвѣщенія», составляющаго первый листъ рукописи и неимѣющагося въ печатномъ текстѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что между рукописною и печатною «Топографіей» суще-

---

[1]) Всѣхъ „Ландкартъ" одиннадцать, а именно: 1) генеральная карта Оренбургской губерніи и смежныхъ съ ней мѣстъ; 2) карта Ставропольскаго вѣдомства; 3) карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію, а также отъ Кичуя внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачьяго городка, и по рѣкѣ Самарѣ до города Самары, съ Ставропольскимъ вѣдомствомъ съ смежными мѣстами; 4) генеральная карта Уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ мѣстъ; 5) карта Уфимской провинціи Казанской и Осинской дорогъ, съ смежными мѣстами; 6) карта Уфимской провинціи Сибирской дороги и смежныхъ съ нею мѣстъ; 7) карта Уфимской провинціи Ногайской дороги и прилежащихъ къ послѣдней мѣстъ; 8) карта Исетской провинціи съ Зауральскою Башкиріею и частію мѣстъ, принадлежащихъ Екатеринбургскому вѣдомству Сибирской губерніи и Уфимской провинціи; 9) карта Верхояицкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій, съ показаніемъ крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній; 10) карта Нижнеяицкой дистанціи до Каспійскаго моря и кочевыхъ мѣстъ Киргизъ, съ частью Аральскаго моря; 11) карта „пріобщенная", на которой представлена большая часть Каспійскаго и Аральскаго моря, съ прилежащими къ нимъ мѣстностями.

[2]) См. стр. 64, 167—169. Ср. очеркъ: „Неплюевъ и Оренбургъ." Уральскъ 1873—1875 г., отд. оттискъ изъ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей, стр. 237—238.

ствуетъ значительная разница: общее число разнорѣчій между ними простирается, по заявленію Оренб. Отдѣла И. Р. Г. Общества, до двухъ тысячъ. Многія изъ этихъ разнорѣчій, какъ можно заключить изъ нихъ же, произошли не по винѣ автора, а отъ безграмотности переписчика; но, безъ сомнѣнія, и самъ авторъ исправилъ впослѣдствіи первоначальную редакцію «Топографіи» для напечатанія ея въ журналѣ Миллера, нѣкоторыя же измѣненія и сокращенія могли быть сдѣланы и редакціей. Печатный текстъ «Топографіи» въ общемъ исправнѣе и полнѣе рукописнаго [1]), содержащаго въ себѣ пропуски и нѣкоторыя искаженія названій, затрудняющіе пониманіе текста; но въ иныхъ мѣстахъ рукопись заключаетъ въ себѣ такія указанія, которыя имѣютъ важное научное значеніе и коихъ нѣтъ въ печатной «Топографіи». Въ 1886 г., 2 января, Р. Г. Игнатьевъ скончался въ Уфѣ, не успѣвъ выполнить своего обѣщанія относительно предисловія и комментарій къ новому изданію «Топографіи»; тогда Оренбургскій Отдѣлъ И. Р. Г. Общества рѣшился издать ее въ томъ видѣ, какъ она была напечатана раньше, устранивъ нѣкоторые архаизмы и орѳографическія ошибки,—и въ 1887 году «Топографія» была издана въ Оренбургѣ, въ 2 частяхъ, съ общей пагинаціей листовъ [2]).—Въ апрѣлѣ 1891 г. покойный П. Н. Распоповъ [3]) напечаталъ составленный имъ «Азбучный Указатель» географическихъ названій, упоминаемыхъ въ «Топографіи Оренбургской губерніи» Рычкова. Такимъ образомъ русская историческая литература, благодаря заботамъ Оренбургскаго отдѣла И. Р. Г. Общества и щедрости Ѳ. И. Базилевскаго, имѣетъ теперь новое изданіе «Топографіи» Рычкова и атласъ «Ландкартъ» къ ней. Не смотря на то, что «Топографія Оренбургской губерніи» была написана Рычковымъ 135 лѣтъ тому назадъ, она доселѣ не утратила своего научнаго достоинства: едвали хоть одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей исторіи и топографіи Оренбургскаго края обойдется безъ того, чтобы не позаимствовать что-либо изъ этого труда. Составляя какъ-бы фундаментъ для позднѣйшихъ изслѣдованій и наблюденій надъ природой края, «Топографія» Рычкова можетъ привести къ немаловажнымъ выводамъ при изученіи Оренбургской окраины, особенно въ отношеніи тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли впослѣдствіи, подъ вліяніемъ колонизаціоннаго, торговаго и промышленнаго развитія на востокѣ Европейской Россіи и въ Средней Азіи. Такъ-какъ новое изданіе «Топографіи» послѣдовало только въ 1887 году, а настоящая монографія, въ ея первоначальномъ видѣ, была начата еще въ 1873 году; [4]); то авторъ пользовался обоими изданіями: прежнимъ 1762 г. и новымъ 1887 г., провѣряя иногда одно изданіе другимъ, или рукописнымъ текстомъ «Топографіи», приложеннымъ къ атласу «Ландкартъ», а потому въ цитатахъ къ извлеченіямъ изъ «Топографіи» указанъ и годъ изданія ея.

---

[1]) Напримѣръ въ статьяхъ: о Туркменахъ и Хивѣ, при перечисленіи туркестанскихъ городовъ, въ статьѣ о пещерахъ, при перечисленіи оренбургско-уральскихъ заводовладѣльцевъ и особенно въ статьѣ о Зюнгорахъ, которая въ печатной „Топографіи“ дополнена заимствованіемъ изъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей того времени, въ видахъ „охраненія“ опубликованнаго въ нихъ отъ утраты, какъ поясняется въ печатномъ текстѣ. См Топогр. Ор. губ, ч. I, стр. 26. Изд. 1887 г.

[2]) Ч. I-я, стр. 1—235, ч. II, стр. 237—405, въ 8. д. л. Оренбургъ, типографія Б. Бреслина.

[3]) Бывшій нѣсколько лѣтъ секретаремъ Оренб. Ст. Ком. и директоромъ училищъ Оренб. губерніи, извѣстный многими своими трудами по изученію Оренб. губерніи въ статистическомъ и истор. отношеніи, а также переложеніемъ киргизскихъ пѣсенъ на русскій языкъ стихами.

[4]) Смотр. „Уральскія Войсковыя Вѣдомости“ за 1873—1875 годъ, гдѣ былъ напечатанъ біографическо-историческій очеркъ: „И. И. Неплюевъ и Оренбургъ“.

Другой трудъ П. И. Рычкова: «Исторія Оренбургская», напечатанный первоначально въ журналѣ: «Ежемѣсячныя сочиненія и переводы» за 1759 годъ, до послѣдняго времени считался еще бо́льшею библіографической рѣдкостію, чѣмъ «Топографія», такъ-какъ онъ не былъ изданъ авторомъ отдѣльно, при его жизни. Потребность его изданія также сознавалась давно: послѣдній оренбургскій генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій еще въ 1867 году выразилъ желаніе, чтобы Оренбургскій Статистическій Комитетъ озаботился изданіемъ всѣхъ сочиненій Рычкова, но это желаніе съ того времени только отчасти осуществилось изданіемъ «Топографіи Оренбургской губерніи», съ атласомъ къ ней „Ландкартъ“, при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ. Въ 1895 году явилась возможность издать и «Оренбургскую Исторію“ Рычкова. Въ Оренбургской городской общественной библіотекѣ, какъ оказалось, сохранилась рукопись «Исторіи Оренбургской» Рычкова, на перво́мъ листѣ которой находится печать канцеляріи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, а на оборотѣ верхней корки ея переплета имѣется слѣдующая надпись: „*Дворянина Евдокима Иванова Демидова. Куплена съ аукціоннаго торга*“. Рукопись представляетъ исправленную копію съ первоначальной редакціи «Исторіи Оренбургской» и написана въ прошломъ столѣтіи. Секретарь Оренбургскаго Статистическаго Комитета Н. М. Гутьяръ, обратившій вниманіе на эту рукопись, говоритъ, что она была пріобрѣтена графомъ Перовскимъ, бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, отъ дворянъ Демидовыхъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію И. И. Ефимовскаго-Мировицкаго, издателя газеты: «Оренбургскій Листокъ», Н. М. Гутьяръ напечаталъ на страницахъ означенной газеты текстъ этой рукописи [1]), изданной потомъ отдѣльно [2]). Но эта рукопись оказалась неполной: въ ней не достаетъ девяти параграфовъ (23—31), а начиная съ § 123 текстъ напечатанъ по книжкѣ втораго полугодія журнала Миллера за 1759 г., случайно купленной г. Гутьяромъ за 10 коп. на толчкѣ (мелочной базаръ), но и въ этомъ экземплярѣ не достаетъ одного листа. Не смотря на неполноту, переизданіе «Исторіи Оренбургской» и въ такомъ видѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. М. Гутьяръ, «оправдывается ея несомнѣннымъ значеніемъ, какъ важнаго и совершенно неизвѣстнаго первоисточника для колонизаціи юговосточной окраины Европейской Россіи». Считаемъ при этомъ умѣстнымъ заявить, что намъ извѣстна другая полная рукопись: «Исторіи Оренбургской» Рычкова, сохранившаяся въ собраніи историческихъ матеріаловъ покойнаго учителя Уфимской гимназіи г. Завьялова, присланная намъ изъ Уфы директоромъ мѣстной гимназіи В. Н. Матвѣевымъ осенью 1895 года, когда печатался уже V выпускъ монографіи. Очень жаль, что мы раньше не знали о существованіи этой рукописи, имѣющей слѣдующее заглавіе: «*Извѣстіе о началѣ и о состояніи Оренбургской коммиссіи по самое то время,* [3]) *какъ оная коммисия, по высочайшему со-*

---

[1]) Оренбургскій Листокъ 1895 г., №№ 1—10, 12, 13, 15—22, 24—29, 35, 37—51; за 1896 г. №№ 4—8.

[2]) П. И. Рычковъ. Исторія Оренбургская (1730—1750). Изданіе Оренбургскаго Губ. Статист. Комитета. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. М. Гутьяра, секретаря Комитета. Цѣна 75 коп. Оренбургъ 1896 г.

[3]) Н. М. Гутьяръ слова: „по самое то время“ напечаталъ: „писанное въ то время“,—произошло-ли это отъ невѣрнаго чтенія или такъ значится на оренбургской рукописи, не знаемъ, такъ-какъ послѣдней мы не видали.

изволенію всепресвѣтлѣйшия дързкавнѣйшия, великия Государыни Императрицы, Елизаветъ Петровны, самодержицы всероссійския цѣлою губерниею учинена снекоторыми гижсторическими и географическими примѣчаниями, касающимися до оноя коммиссіи слѣдовательно и дооренбургской губерніи. Собрано испроисходившихъ по той коммиссіи делъ въ Оренбургѣ 1744 года» [1]).—На оборотѣ 3-й страницы, въ концѣ «Предложенія», значится; «писано въ Оренбурге августа 11 дня 1744 года». На рукописи „Исторіи Оренбургской“, сохранившейся въ оренбургской общественной библіотекѣ, время написанія означено то же, т. е. 11 августа 1744 года. Въ рукописи Завьялова имѣются и тѣ девять §§ (23—31), которыхъ не достаетъ въ послѣдней. Н. М. Гутьяръ, отмѣчая эти девять параграфовъ, дѣлаетъ такое предположеніе: «Здѣсь (т. е. въ §§ 23—31, которыхъ г. Гутьяръ не видалъ и не читалъ), какъ и въ другихъ мѣстахъ своей «Исторіи». Рычковъ, вѣроятно, даетъ нѣкоторыя интересныя дополненія къ уже извѣстнымъ фактамъ,—въ данномъ случаѣ собственно къ стр. 322—328 т. XX «Исторіи Россіи», Соловьева, къ стр. 140—142 монографіи г. Витевскаго: «Неплюевъ и Оренбургскій край» и къ №№ 6721 (20 апрѣля 1735) и 6740 (29 мая 1735 г.) Полн. Собр. Законовъ».[2])—Мы внимательно прочитали эти девять параграфовъ по рукописи Завьялова и ничего не нашли въ нихъ новаго, существенно пополняющаго сообщаемыя нами въ монографіи свѣдѣнія на стр. 140—142. Въ этихъ девяти §§ говорится о составѣ экспедиціи Кириллова, объ ея отправленіи черезъ Москву и Казань въ Уфу, о подстрекательствѣ башкирцемъ Токчурой его одноплеменниковъ къ бунту, о заготовленіи провіанта и выступленіи Кириллова изъ Уфы къ р. Ори, о составѣ его команды, о нападеніи башкирцевъ на отрядъ полковника Чирикова и проч.,—словомъ о томъ, что нами изложено въ настоящей монографіи на стр. 140—142. Заявленіе И. М. Гутьяра, что «Исторія Оренбургская» Рычкова не утратила своего значенія и теперь, послѣ выхода въ свѣтъ настоящей монографіи, справедливо; но его предположеніе, что «она даетъ существенныя дополненія и поправки»[3]) къ нашей монографіи можетъ быть принято съ большими ограниченіями, равно какъ и слѣдующія строки его предисловія: «С. М. Соловьевъ»,—замѣчаетъ г. Гутьяръ,— «ничѣмъ не обнаруживаетъ своего знакомства съ «Исторіей Оренбургской» Рычкова на тѣхъ страницахъ своего многолѣтняго труда, которыя посвящены исторіи колонизаціи Оренбургскаго края, хотя покойный историкъ для своей статьи о Миллерѣ (Современникъ, т. XLVII, отд. II, 1854 г.) внимательно просматривалъ журналъ: «Сочиненія и переводы».[4]) Въ примѣчаніи къ § 119 «Исторіи Оренбургской» И. М. Гутьяръ говоритъ: «Монографія г. Витевскаго: «Неплюевъ и Оренбургскій край» особенно рѣзко начинаетъ расходиться своей фактической стороной съ «Исторіей Оренбургской» Рычкова именно съ 119 параграфа послѣдней. Г. Витевскій, стараясь подтверждать свой разсказъ возможно частыми ссылками на «Исторію» Рычкова, лишь обнаруживаетъ этимъ, что послѣдняя была ему знакома по случайнымъ иногда невѣрнымъ выпискамъ, приводимымъ другими сочиненіями, служившими

[1]) Такое же точно заглавіе имѣется и на рукописи, бывшей у Н. М. Гутьяра, мы только удержали ореографію подлинника.

[2]) См. стр. 16 въ „Истор. Оренбургской“, изданной подъ редакціей И. М. Гутьяра.

[3]) Тамъ же, смотр. Предисловіе, столб. 2.

[4]) Тамъ же.

Витевскому пособіемъ при составленіи его монографіи».[1]) Въ поясненіе къ этому не вполнѣ вѣрному заключенію И. М. Гутьяра, мы считаемъ совершенно умѣстнымъ заявить, что авторъ настоящей монографіи, будучи еще студентомъ университета, внимательно просмотрѣлъ всѣ книжки журнала Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе", которыя имѣлись тогда въ фундаментальной библіотекѣ Казанскаго университета; ими также пользовался и покойный историкъ Н. А. Поповъ, когда писалъ свою докторскую диссертацію: „В. Н. Татищевъ и его время", почему авторъ настощей монографіи. за неимѣніемъ иногда подъ руками книжекъ журнала, и ссылается на его книгу. Кромѣ того, покойный Р. Г. Игнатьевъ, особенно много помогавшій автору монографіи въ отысканіи матеріаловъ, выслалъ ему свой экземпляръ журнала Миллера, гдѣ былъ напечатанъ текстъ „Исторіи Оренбургской" Рычкова; такой же точно экземпляръ оказался потомъ и въ библіотекѣ Казанской духовной семинаріи, который такъ же былъ въ нашихъ рукахъ. Итакъ, заключеніе И. М. Гутьяра опровергается фактически: „Исторія Оренбургская" П. И. Рычкова была намъ хорошо извѣстна, но мы пользовались ею умѣренно, какъ и почтенный С. М. Соловьевъ (т. XX его „Исторіи Россіи", стр. 322—328), и лишь до 1742 года, т. е. до времени назначенія Неплюева главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, начиная же съ этого года мы предпочтительно пользовались подлинными дѣлами архивовъ Сенатскаго и Тургайскаго, чѣмъ и объясняется та, къ сожалѣнію, неуказанная въ точности разница между настоящей монографіей и „Исторіей Оренб." Рычкова, которую отмѣчаетъ г. Гутьяръ въ вышеприведенномъ извлеченіи. Считаемъ также не лишнимъ сообщить, что въ рукописи „Исторіи Оренбургской", изданной подъ редакціей И. М. Гутьяра, не достаетъ, кромѣ указанныхъ девяти параграфовъ, конца § 22, заключающаго въ себѣ вторую (большую) часть высочайшей грамоты въ Большую Киргизскую Орду и грамоту къ Каракалпацкому народу, которая находится въ рукописи г. Завьялова.[2]) Послѣдняя рукопись замѣчательна еще тѣмъ, что къ ней приложены рисунки и планы, сдѣланные отъ руки и въ краскахъ: на оборотѣ 19 листа наклеенъ квадратный въ 7 сантиметровъ рисунокъ магистратской печати, сдѣланный свѣтлокоричневой краской на черномъ фонѣ; между листами 34 и 35 находится планъ Орской крѣпости, нарисованный красками (масштабъ 100 саж. въ вершкѣ) на отдѣльномъ листѣ; на 66 листѣ наклеены гербы Оренбургской губерніи и Исетской провинціи въ краскахъ, имѣя почти въ 8 сентиметровъ квадратную площадь чернаго цвѣта; между 87 и 88 листами имѣется планъ мѣстонахожденія Илецкой соли, составленный геодезіи прапорщикомъ Аринкинымъ 18 сентября 1744 года (масштабъ 100 саж. въ вершкѣ); послѣ 98 листа помѣщенъ планъ первоначальнаго Оренбурга (въ краскахъ), приложенный къ настоящей монографіи съ нанесеніемъ на него гербовъ Оренбургской губерніи и Исетской провинціи, заимствованныхъ изъ той же рукописи. Эти приложенія тѣмъ болѣе цѣнны, что въ рукописи, принадлежащей Оренбургской общественной библіотекѣ, по заявленію г. Гутьяра, никакихъ плановъ не сохранилось; не были они изданы и академикомъ Миллеромъ.[3]) Рукопись г. Завьялова, пред-

[1]) Тамъ же, стр. 60.

[2]) См. въ рукописи листъ 25 на оборотѣ, 16 строку сверху, и л. 26.

[3]) „Исторія Оренбургская" П. И. Рычкова, изданная подъ редакціей И. М. Гутьяра, стр. 57, примѣч. 3-е.

ставляющая собою переплетенную въ кожу тетрадь, въ листъ форматомъ, написана весьма четко, состоитъ изъ 156 параграфовъ, кромѣ „Предложенія" (предисловія), заключающихъ въ себѣ 107 полулистовъ обыкновеннаго размѣра писчей бумаги, и заканчивается табелью объ Оренбургской линіи укрѣпленій. Эта табель отличается отъ табели, приводимой г. Гутьяромъ, тѣмъ, что въ ней, кромѣ разстоянія укрѣпленныхъ мѣстъ отъ Оренбурга и другъ отъ друга, означено и число регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ и редутахъ, зато противъ иныхъ не указано взаимнаго разстоянія укрѣпленныхъ мѣстъ, означеннаго въ оренбургской рукописи. Во всякомъ случаѣ рукопись г. Завьялова, какъ единственная въ своемъ родѣ, вполнѣ заслуживаетъ того, что-бы она была издана кѣмъ-либо отдѣльно со всѣми приложеніями къ ней. [1]) Миллеръ, хорошо сознавая научное достоинство трудовъ Рычкова, справедливо замѣтилъ: „Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусный и прилежаніемъ подобный Рычкову".

Изъ многихъ другихъ источниковъ, относящихся къ исторіи Оренбургскаго края, считаемъ должнымъ отмѣтить также различныя статьи и замѣтки покойнаго Р. Г. Игнатьева, посвященныя имъ исторіи этого края, какъ напримѣръ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ"; „Карасакалъ, лже-ханъ Башкиріи"; „Киргизы Оренбургскаго вѣдомства въ XVIII столѣтіи"; „Міасскіе золотые промыслы въ Оренбургской губерніи"; „Хроника достопамятныхъ событій Уфимской губерніи" и другія, поименованныя въ приложеніи къ настоящей монографіи [2]). Если въ нѣкоторыхъ изъ его статей и встрѣчаются историческія ошибки и анахронизмы, то все-таки они не умаляютъ значенія его трудовъ, основанныхъ главнымъ образомъ на изученіи мѣстныхъ архивовъ. Покойный Р. Г. Игнатьевъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ автора при составленіи настоящей монографіи, въ отношеніи отысканія и доставленія различныхъ матеріаловъ и справокъ, необходимыхъ для предпринятаго труда. Онъ первый обратилъ вниманіе автора и на Тургайскій архивъ. Въ своемъ письмѣ къ нему изъ Уфы, отъ 7 іюля 1873 года, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Совѣтую Вамъ съѣздить въ Оренбургъ и разсмотрѣть архивъ Тургайскаго Областнаго Правленія, гдѣ хранятся дѣла бывшей Оренбургской Губернской Канцеляріи, Оренбургской Экспедиціи и Военной Коммиссіи. Безъ Тургайскаго архива біографія Неплюева немыслима. Что касается дѣлъ Уфимской провинціальной канцеляріи въ архивѣ Уфимскаго Губернскаго Правленія и Гражданской Палаты, то пожаръ Уфы въ 1759 году много истребилъ дѣлъ и эти архивы далеко уступаютъ Тургайскому, къ тому же все важное теперь изъ Гражданской Палаты отослано въ Московскій архивъ Министерства Юстиціи. Въ Тургайскомъ архивѣ должно обратить вниманіе на стопы указовъ и дѣлъ 1742—1757 г. и на три книги: „Описаніе киргизскаго и башкирскаго норода, яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ, составленное по ордеру графа Панина въ 1775 году"; здѣсь видны дѣйствія всѣхъ начальниковъ края, начиная съ Кириллова до Рейнсдорпа. Одна изъ

[1]) Благодаря просвѣщенному посредничеству директора Уфимской гимназіи, В. Н. Матвѣева, рукопись эта пожертвована владѣльцемъ Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при И. Каз. Университетѣ, которое, можетъ быть, и озаботится ея изданіемъ въ приложеніи къ „Извѣстіямъ Общества".

[2]) См. въ приложеніи „Азбучный указатель", стр. 184 и 185.

книгъ: „Исторія башкирскаго народа“, гдѣ не мало говорится о дѣйствіяхъ Неплюева, мною напечатана въ Памятной Книжкѣ Уфимской губерніи (за 1873 годъ), изданной недавно Уфимскимъ Статистическомъ Комитетомъ, совѣтую ее выписать. Въ Тургайскомъ архивѣ еще слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдственное дѣло 1745 года надъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, котораго отдалъ подъ судъ Неплюевъ. Нельзя не сочувствовать Вашему предпріятію; нельзя не привѣтствовать самой мысли написать біографію Неплюева; но, по моему мнѣнію, нужно запастись матеріалами, увы! отрывочными и раскиданными.... а всетаки запастись. Осенью я буду въ Оренбургѣ и постараюсь достать Вамъ все нужное изъ Тургайскаго архива и попробую сейчасъ же списаться съ Самарскимъ Статистическимъ Комитетомъ, касательно Ставропольскаго архива, и нѣтъ-ли чего въ архивахъ Бузулука, Бугуруслана и Бугульмы, нынѣ свезенныхъ въ Самару, въ центральный архивъ, послѣ закрытія уѣздныхъ судовъ; можно списаться и съ Астраханскимъ Комитетомъ“. Въ другой разъ Р. Г. Игнатьевъ писалъ автору настоящей монографіи: „Я и забылъ сказать, документы изъ архивовъ Вы можете требовать по Тургайскому чрезъ генерала Баллюзека, генералъ-губернатора архивъ безполезенъ Вамъ, — онъ мною изслѣдованъ до конца: тамъ дѣла съ 1797 г., въ Тургайскомъ же архивѣ съ 1735 по 1784 годъ, тамъ — все управленіе Неплюева. Разбираю теперь архивъ Уфимскаго Губернскаго Правленія, гдѣ дѣла съ 1725 г.; что сыщу, подѣлюсь съ Вами“. Такимъ образомъ, начиная съ 1873 года, Руфъ Гавриловичъ Игнатьевъ сдѣлался для автора настоящей монографіи весьма полезнымъ и энергичнымъ помощникомъ въ розысканіи и указаніи архивныхъ матеріаловъ для предпринятой работы о Неплюевѣ. Не зная раньше, гдѣ находится деревня Наволокъ, родина Неплюева, и его родовое имѣнье село Поддубье, авторъ просилъ Руфа Гавриловича оказать ему возможное содѣйствіе въ этомъ отношеніи, а 30 октября 1875 г. получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ его: «Въ іюнѣ мѣсяцѣ я послалъ Вамъ подлинное отношеніе новгородскаго архіерея, что могилы Неплюева и даже свѣдѣній о немъ не оказалось во всей Новгородской епархіи, нѣтъ ни одной церкви, ни одного священника, который что-либо когда слыхалъ о Неплюевѣ: Неплюевъ — личность неизвѣстная, давно забытая. Справки о Неплюевѣ навожу въ Новгородскомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи и въ Селогорской волости, не знаю, что будетъ». Всѣ отвѣты на свои запросы, относительно Неплюева, къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, Р. Г. Игнатьевъ присылалъ автору подлинниками, съ краткими помѣтками на нихъ своей рукой; онъ же первый узналъ и указалъ, гдѣ живутъ прямые потомки основателя Оренбурга, которые потомъ оказали автору настоящей монографіи свою помощь, при ея изданіи, о чемъ уже не разъ мы упоминали раньше. Р. Г. Игнатьевъ болѣе всѣхъ интересовался настоящей работой и всячески старался, чѣмъ могъ, содѣйствовать ея успѣшному окончанію, за что авторъ навсегда останется глубоко благодарнымъ ему [1]).

При изложеніи исторіи Яицкаго войска, оказали автору монографіи большую услугу матеріалы, собранные покойнымъ бытописателемъ Уральскаго

[1]) См. о немъ краткій біографическій очеркъ, предпосланный нами его статьѣ: „Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ“, напечат. въ „Извѣстіяхъ Общества арх., исторіи и этнографіи при И. Каз. Университетѣ“ за 1893 г., № 2, 3 и др.

казачьяго войска І. И. Желѣзновымъ, частію напечатанные въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1869 г. (№ 20 и д.) и частію сохранившіеся въ рукописяхъ; отмѣчаемъ этотъ фактъ, въ виду несправедливыхъ заявленій г. Бородина, который, не узнавши должнымъ образомъ дѣла, рѣшился обвинять автора въ какомъ-то намѣренномъ будто-бы замалчиваньи о матеріалахъ І. И. Желѣзнова [1]). Монографія покойнаго Н. А. Попова († 1891 г.) «В. Н. Татищевъ и его время» послужила для насъ большимъ подспорьемъ при изложеніи исторіи калмыковъ и поселенія крещеныхъ изъ нихъ въ Ставрополѣ (на Волгѣ), хотя въ рукахъ автора находилось богатое собраніе подлинныхъ документовъ по этому вопросу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, сохранившихся въ Сенатскомъ и Тургайскомъ архивахъ. Родословія русскихъ дворянскихъ фамилій кн. П. В. Долгорукова, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, а также труды А. Барсукова, П.Н. Петрова, И. А. Порай-Кошица, Романовича-Славатинскаго и М. Яблочкова, посвященные ими исторіи русскаго дворянства, были для автора источниками въ вопросѣ о дворянахъ, а сочиненіе Д. И. Бѣляева: «Крестьяне на Руси» и докторская диссертація В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в." послужили весьма цѣнными пособіями, при объясненіи экономическаго состоянія и причинъ побѣговъ крѣпостныхъ крестьянъ на окраины Россіи. «Поволжье въ XV—XVIII в.» профессора Перетятковича, статьи академика Бестужева-Рюмина и профессора Ешевскаго о колонизаціи сѣверо-восточнаго края дали автору не мало цѣнныхъ указаній при изложеніи колонизаціоннаго движенія русскихъ въ Оренбургскій край; большую услугу въ этомъ отношеніи оказали автору и почтенные труды покойнаго профессора Н. А. Ѳирсова († 1896 г.): «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ» и «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время». Уваженіе къ памяти почтеннаго профессора и чувство искренней благодарности къ нему заставляютъ автора сказать, что Н. А. Ѳирсовъ первый приковалъ его вниманіе еще на студенческой скамьѣ къ симпатичной личности И. И. Неплюева. Во время своего пребыванія въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ (1866—1870), авторъ настоящей монографіи имѣлъ счастіе слушать лекціи Н. А. Ѳирсова о колонизаціи сѣверо-восточной Россіи, отличавшіяся особеннымъ интересомъ и знаніемъ дѣла, строгой системой логически сгруппированныхъ фактовъ, безъ всякой натяжки и утрировки ихъ, научно-прагматической обработкой и необыкновенной ясностью изложенія; въ интересныхъ по содержанію лекціяхъ почтеннаго профессора, сжатыхъ по изложенію и невитіеватыхъ по языку, все было на своемъ мѣстѣ: къ нимъ нельзя было прибавить ничего, существенно пополняющаго ихъ, какъ съ другой стороны нельзя было и опустить изъ нихъ что-либо безъ ущерба для цѣлаго. Всѣ студенты историко-филологическаго факультета, не смотря на слабую и однообразную дикцію профессора, всегда съ удовольствіемъ посѣщали лекціи Н. А. Ѳирсова, какъ спеціалиста инородческаго вопроса въ сѣверо-восточной Россіи и въ прежнемъ Казанскомъ царствѣ, слушая ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ захватывающимъ интересомъ. Услышавъ впервые на этихъ лекціяхъ о Неплюевѣ, авторъ монографіи тогда же глубоко

---

[1]) См. въ приложеніи къ наст. монографіи стр. 128, сн. с.).

полюбилъ эту благородную личность государственнаго дѣятеля и вѣрнаго слуги русскихъ Царей и отечества, и тогда же задался мыслію ознакомиться современемъ ближе и самостоятельно съ жизнію И. И. Неплюева и его заслугами для Россіи. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ возникла и осуществилась мысль объ изданіи настоящей монографіи.

По окончаніи университетскаго курса, авторъ въ 1870 г. былъ назначенъ учителемъ въ лишь только открывшуюся тогда Уральскую войсковую гимназію, преобразованную послѣ въ реальное училище. Во время службы въ Уральскѣ (1870—1874), онъ познакомился съ мѣстными архивами и съ историческими матеріалами, извлеченными І. И. Желѣзновымъ изъ книгъ Казачьяго Повытья, въ которыхъ нашелъ новыя данныя о дѣятельности Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ, особенно по отношенію къ реорганизаціи Яицкаго войска, ввѣреннаго его заботамъ и попеченію. Между тѣмъ приближалось столѣтіе со дня кончины И. И. Неплюева († 11 ноября 1773 г.). Въ виду этого, авторъ призналъ полезнымъ и благовременнымъ напомнить Уральскому казачьему войску и вообще жителямъ восточныхъ окраинъ о личности, трудахъ и заслугахъ Неплюева на пользу Россіи и въ частности Оренбургской губерніи. Съ этою цѣлью, въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г., онъ прочиталъ пять публичныхъ лекцій о Неплюевѣ, въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, въ Войсковомъ Собраніи [1]). Впослѣдствіи эти лекціи, по желанію военнаго губернатора Уральской области и наказнаго атамана, покойнаго Н. А. Веревкина, были напечатаны въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ (за 1873—1875 г.), въ видѣ біографическо-историческаго очерка подъ заглавіемъ: „И. И. Неплюевъ и Оренбургъ“ [2]). Этотъ очеркъ, не смотря на его неполноту, неточности и ошибки, обратилъ на себя вниманіе профессоровъ университета и спеціальныхъ журналовъ: появленіе его отмѣтили профессора Н. Я. Аристовъ и В. С. Иконниковъ [3]), а журналы „Критическое Обозрѣніе“ [4]) и „Русская Старина“ [5]) сдѣлали о немъ весьма лестный для автора отзывъ, что ободрило его и заставило снова приняться за свой трудъ, недостатки котораго онъ сознавалъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой; но чтобы устранить ихъ и восполнить многіе пробѣлы, необходимо было запастись матеріалами и, такъ сказать, совершенно переплавить первоначальный опытъ воспроизвести величавый образъ Неплюева. Чѣмъ болѣе скоплялось матеріаловъ и чѣмъ дѣятельнѣе шла ихъ группировка и обработка, тѣмъ яснѣе становились для автора пробѣлы и недостатки первоначальной редакціи труда о Неплюевѣ. Ближайшее знакомство съ Тургайскимъ архивомъ въ Оренбургѣ и нѣкоторыя данныя, полученныя въ 1876 году отъ Н. Н. Неплюева, [6]) окончательно

---

[1]) Конспектъ лекцій былъ предварительно представленъ на разсмотрѣніе историко-филологическаго факультета Император. Казанскаго университета и, по одобрѣніи его, лекціи были прочитаны въ мартѣ мѣсяцѣ, съ разрѣшенія военнаго губернатора Уральской области. См. Циркуляры Каз Уч. Округа за 1873 г. № 5-й. Сравн. Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1873 г., №№ 8, 9, 12 и 19.

[2]) См. за 1873 г. №№ 30, 32—35, 37, 39, 40, 42—50 и 52; за 1874 г. №№ 1—5, 7, 8—11, 24, 29—38, 44, 46, 49; за 1875 г. №№ 20—24.

[3]) Извѣстія университета Св. Владиміра за 1879 г., № 1.

[4]) 1879 г., № 5.

[5]) 1879 г., № 8-й.

[6]) Николай Николаевичъ Неплюевъ въ настоящее время является послѣднимъ представителемъ мужского поколѣнія по прямой линіи отъ основателя Оренбурга Ив. Ив Неплюева. См. Родословную Неплюевыхъ въ приложеніи, стр. 41—42.

убѣдили его въ необходимости приняться за свой трудъ, въ научныхъ и практическихъ интересахъ. Но въ Уральскѣ, гдѣ авторъ задумалъ свой трудъ, нельзя было разсчитывать на успѣшную его переработку: авторъ чувствовалъ и сознавалъ необходимость въ совѣтахъ и руководствѣ людей опытныхъ и научно—образованныхъ, потребность въ разныхъ историческихъ источникахъ, сочиненіяхъ, въ справочныхъ указателяхъ и пособіяхъ, которыхъ не доставало въ Уральскѣ. Съ переходомъ автора на службу въ Казань, въ инородческую учительскую семинарію, задача его значительно упрощалась: Казань—университетскій городъ, гдѣ, кромѣ Университета, имѣется Духовная Академія; въ библіотекахъ ихъ хранится богатое собраніе книгъ и рукописей, которыми можно пользоваться въ научныхъ цѣляхъ; въ Казани есть много и другихъ библіотекъ, принадлежащихъ разнымъ учебнымъ заведеніямъ и частнымъ лицамъ—библіоманамъ, кои́ всегда готовы придти на помощь людямъ, интересующимся наукой; наконецъ, въ Казани авторъ могъ встрѣтить большее сочувствіе своему труду, найти совѣтъ и помощь въ сомнительныхъ вопросахъ, со стороны профессоровъ Университета и Академіи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ составленію монографіи въ ея настоящемъ видѣ, авторъ занялся обработкой нѣкоторыхъ ея частей, кои потомъ могли-бы пригодиться для цѣлаго. Эти, такъ сказать, предварительные очерки и эскизы были въ свое время напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ нашей духовной и свѣтской литературы, къ нимъ относятся: 1) Презентъ ко Двору отъ Яицкаго войска въ прежнее время; [1]) 2) Записка Ив. Ив. Неплюева объ устройствѣ Яицкаго казачьяго войска, въ царствованіе Елизаветы Петровны (съ предисловіемъ); [2]) 3) Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ; [3]) 4) Свѣдѣнія о православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ Уральскаго войска; [4]) 5) Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ половинѣ XVIII в.; [5]) 6) Яицкое войско до появленія Пугачева; [6]) 7) Происхожденіе Уральскаго войска; [7]) 8) П. И. Рычковъ и его значеніе въ исторіи Оренбургскаго края; [8]) 9) Нагайбаки, ихъ пѣсни, загадки и сказки; [9]) 10) Минеральныя и другія природныя богатства Оренбургскаго края, указанныя Рычковымъ; [10]) 11) Воспоминаніе о П. И. Рычковѣ, по случаю его столѣтняго юбилея со дня кончины; [11]) 12) Пѣсни Уральскихъ казаковъ, записанныя І. И. Желѣзновымъ; [12]) 13) О матеріалахъ по исторіи Уральскаго войска, собранныхъ І. И. Желѣзновымъ; [13]) 14) О моемъ отношеніи къ матеріаламъ І. И. Желѣзнова [14]) и нѣкоторыя другія статьи и замѣтки. Составленіе этихъ статей,

---

[1]) Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1877 г., №№ 31 и 34.
[2]) Русскій Архивъ 1878 г., кн. 2, стр. 5—33.
[3]) Оренбургскія Епарх. Вѣдомости 1878 г., № 2 и 3.
[4]) Тамъ же, №№ 5, 6 и д.
[5]) Православный Собесѣдникъ 1877 г., іюль и сентябрь.
[6]) Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, 273 и 401; кн. II, 377; кн. III, 213, 377 и 438.
[7]) Древняя и Новая Россія 1879, № 7.
[8]) Оренбургскій Листокъ 1878 г., №№ 20—23.
[9]) Тамъ же, №№ 14—17 и 19. Сравн. Волжско-Камское Слово 1882 г., №№ 72, 74, 80, 138 и 144. Труды IV Археол. Съѣзда въ Казани, т. II, 268—280.
[10]) Оренбургскій Листокъ 1880 г., іюль.
[11]) Тамъ же, 1877 г., № 40; 1878 г., № 1.
[12]) Литературный Сборникъ „Волжскаго Вѣстника", вып. 2, стр. 101 и далѣе.
[13]) Волжскій Вѣстникъ 1887 г., № 92.
[14]) Тамъ же, № 132.

заключающихъ въ себѣ въ цѣломъ около сорока печатныхъ листовъ, отдѣльное изданіе нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, [1]) многочисленные уроки въ учебныхъ заведеніяхъ, семейныя заботы и обязанности, масса накопившагося сырого матеріала и недостатокъ времени и средствъ на изданіе монографіи, — все это служило большимъ тормазомъ къ окончанію и появленію въ печати настоящей работы въ ея цѣломъ видѣ. Въ 1886 году авторъ предлагалъ напечатать монографію нѣкоторымъ столичнымъ журналамъ, [2]) но это предложеніе было отклонено по причинѣ большаго объема монографіи, сокращать же ее и придать ей журнальный характеръ автору не хотѣлось въ научныхъ интересахъ. Различные издатели книгъ, охотно печатающіе произведенія классическихъ писателей или учебники, одобренные Мин. Нар. Просвѣщенія, также не пожелали взять на себя расходы и труды по изданію монографіи, въ виду незначительнаго спроса на такія книги. Имѣя доброе намѣреніе, авторъ не имѣлъ средствъ къ выполненію задуманнаго; но, не находя помощи со стороны, онъ все-таки не терялъ надежды на то, что его трудъ современемъ появится въ печати отдѣльнымъ изданіемъ. Надежды дѣйствительно не обманули его. Случилось это такъ. Въ 1885 году въ Казани, въ іюлѣ мѣсяцѣ, былъ съѣздъ архипастырей Русской Церкви Волжско-Камскаго края, для обсужденія различныхъ вопросовъ и нуждъ, по отношенію къ пасомымъ, особенно къ инородцамъ и раскольническимъ сектамъ. Съѣздъ посѣтилъ и г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, который, особенно интересуясь вопросомъ о христіанскомъ просвѣщеніи различныхъ инородческихъ племенъ, 13 іюля, въ 11-мъ часу утра, прибылъ въ Казанскую инородческую учительскую семинарію и выразилъ свое особенное вниманіе, любовь и уваженіе къ ея покойному директору Н. И. Ильминскому († 27 декабря 1891 г.), извѣстному ревнителю инородческаго просвѣщенія въ духѣ Св. Православной Церкви [3]).

---

[1]) Напримѣръ: 1) „В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II“. Казань. 1883 г. 2) И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Казань, 1891 года. 3) Священное Коронованіе Русскихъ Царей и Царицъ и чинъ Св. Мѵропомазанія ихъ, при вѣнчаніи на царство. Казань, 1896 года и другіе.

[2]) Вѣстникъ Европы, Русскій Архивъ, Русская Старина, Ж. Мин. Народ. Просвѣщенія.

[3]) Считая Н. И. Ильминскаго „мужемъ великой силы и великаго дѣла“, К. П. Побѣдоносцевъ такъ характеризуетъ покойнаго въ его некрологѣ: „Немногіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ только директоромъ Казанской учительской семинаріи. Но имя этого человѣка—родное и знакомое повсюду въ восточной Россіи и въ далекой Сибири—тамъ тысячи простыхъ русскихъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину, тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца. Міръ человѣческій—та же вселенная, и тоже держится силою тяготѣнія. Избранная душа съ глубокимъ чувствомъ благожеланія, съ горячимъ стремленіемъ къ правдѣ въ жизни тоже свѣтило, силою коего держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ, ибо дѣйствіе одной души на другую безгранично и безконечно. Такимъ свѣтиломъ былъ въ кругу своемъ незабвенный Николай Ивановичъ. Это былъ по истинѣ учитель въ высшемъ значеніи слова, свѣтильникъ, отъ котораго многіе огни загорались яснымъ свѣтомъ. Ученики его въ множествѣ разошлись, имъ наученные и направленные, по дальнему Востоку учителями, священниками, и діаконами инородческихъ мѣстностей; изъ глубины пустынь оренбургскихъ, иркутскихъ, алтайскихъ, якутскихъ отзывались сочувственные голоса на зовъ его, къ нему обращались за совѣтомъ и одушевленіемъ—не именитые, не знатные, не богатые, но тѣ „малые и простые“, кои работаютъ по темнымъ угламъ, проливая свѣтъ посреди

Осмотрѣвъ внимательно домовую церковь и классы учительской инородческой семинаріи 13 іюля 1885 года, К. П. Побѣдоносцевъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ искренне-радушное приглашеніе иниціатора, хозяина и руководителя заведенія зайти въ его квартиру на чашку кофе, гдѣ душевно, просто, привѣтливо и ободряюще бесѣдовалъ съ Николаемъ Ивановичемъ и его сослуживцами и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи взглянуть на рабочій кабинетъ хозяина. Вотъ въ это-то время и было положено начало сцѣпленію тѣхъ обстоятельствъ, при осуществленіи которыхъ могла появиться въ печати настоящая монографія. Когда Николай Ивановичъ, представляя наставниковъ семинаріи г. Оберъ-Прокурору, назвалъ фамилію автора монографіи, то К. П. спросилъ его: „Вы писали о расколѣ въ Уральскомъ войскѣ въ „Православномъ Собесѣдникѣ?“—Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ: „Въ настоящемъ году, вмѣсто князя Г. С. Голицына, наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска опредѣленъ генералъ-маіоръ Николай Николаевичъ Шиповъ, который передъ своимъ отъѣздомъ въ Уральскъ былъ у меня и просилъ указать ему на какое-либо сочиненіе по исторіи раскола въ Уральскомъ войскѣ,—я обратилъ его вниманіе на Вашъ трудъ; но такъ-какъ онъ печатался во многихъ книжкахъ журнала, то если Вы имѣете отдѣльный оттискъ своего труда, пошлите ему, упомянувъ въ письмѣ, что я лично просилъ Васъ о томъ.“ 18 іюля того же года авторъ послалъ Н. Н. Шипову отдѣльный оттискъ своего труда подъ заглавіемъ: „*Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка*“, при чемъ поцитовалъ и другія свои статьи, относящіяся къ исторіи Уральскаго казачьяго войска, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, журналахъ и газетахъ. Наказный атаманъ Уральскаго казачьяго войска, получивъ книгу, между прочимъ, писалъ автору: „Вернувшись изъ поѣздки по войску, я получилъ письмо Ваше отъ 18 іюля и спѣшу выразить Вамъ

мрака, холода и невѣдѣнія. Не было въ этихъ углахъ нужды, на которую онъ не отзывался-бы, не было бѣды и горя, коему онъ не сострадалъ-бы. Сущіе простецы инородцы несли къ нему свои бытовыя нужды,—и не разъ въ простыхъ нуждахъ, мимо которыхъ другой прошелъ-бы съ пренебреженіемъ, отстаивалъ онъ нхъ и помогалъ имъ ходатайствами своими въ губерніи и въ столицѣ. Другой такой ясной и чистой души не приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни: отрадно было смотрѣть въ глубокіе, добрые и умные глаза его, свѣтившіе въ душу внутреннимъ душевнымъ свѣтомъ, а бесѣда его была ни съ чѣмъ несравненная, всегда съ солью, всегда въ простотѣ чуждой всякой аффектаціи, но исполненной поэтическихъ образовъ. Когда онъ говорилъ о священномъ писаніи, особливо о псалмахъ, которые любилъ особенно, о богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ—какъ оживлялось лицо его, какимъ свѣжимъ ключомъ лилась его рѣчь, исполненная глубокихъ философскихъ и филологическихъ сближеній, поэтическихъ образовъ, картинъ изъ природы. Когда онъ разсказывалъ,—сколько было въ его разсказахъ того тихаго, добраго юмора, безъ котораго рѣдко обходится добрая русская душа. Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково съ людьми всякаго общественнаго положенія, и самымъ простымъ и бѣднымъ онъ былъ столь же легокъ и пріятенъ, какъ начальственнымъ и знатнымъ. При томъ никогда и ни въ чемъ не слышалось въ немъ ничего похожаго на какую-либо претензію: все достоинство простоты соединялось въ немъ со всею его скромностію. Посреди всяческой суеты, превращающей нерѣдко шумную городскую дѣловую жизнь—въ пустыню умственную и нравственную, какъ бывало отрадно отдыхать на этомъ оазисѣ глубокой мысли и горячаго чувства, который образовался всюду около Николая Ивановича. Мудрено-ли, что дѣйствіе этой души на всѣхъ, знавшихъ ее, было неотразимо и благодѣтельно“. (Н. И. Ильминскій. К. П. Побѣдоносцева Отд. оттискъ изъ журнала: „Русскій Вѣстникъ“ (февраль 1892 г.), стр. 1, 13—14.

мою искреннюю благодарность за высылку мнѣ Вашего труда: „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“, съ которымъ я познакомился съ величайшимъ интересомъ, а также за сообщеніе выписки статей Вашихъ, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и относящихся до исторіи и быта Уральскихъ казаковъ. Статьи эти послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для предпринимаемаго нынѣ, по поводу исполняющагося въ 1891 году трехсотлѣтія существованія войска, историческаго описанія его жизни и быта за этотъ длинный періодъ времени. Полагаю, что Вы, продолжая интересоваться судьбами края, въ которомъ провели нѣсколько лѣтъ, собираете попадающіяся Вамъ подъ руки свѣдѣнія о его настоящемъ и прошломъ, я надѣюсь, что Вы не откажете намъ и въ дальнѣйшемъ своемъ содѣйствіи, высылая на мое имя въ Уральскъ тѣ изъ имѣющихся у Васъ матеріаловъ, которые Вамъ покажутся пригодными для замышляемой обширной работы. Всякій Вашъ вкладъ въ это дѣло будетъ мною принятъ съ искренней благодарностью“. [1]) Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, авторъ просилъ наказнаго атамана, не возьметъ-ли онъ на себя трудъ поднести его сочиненія по исторіи Уральскаго войска АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ всѣхъ казачьихъ войскъ, НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, нынѣ благополучно царствующему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II. Въ отвѣтъ на это Н. Н. Шиповъ писалъ автору: „Что касается предполагаемаго Вами поднесенія ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ нѣкоторыхъ изъ Вашихъ трудовъ по исторіи Уральскаго войска, то я съ полной готовностью беру на себя лично повергнуть Вашу просьбу нашему АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ. Въ Петербургъ я собираюсь въ концѣ декабря. Было бы желательно, чтобы Вы къ этому времени выслали въ Уральскъ подносимые Ваши труды при особой, въ формѣ вѣрноподданнаго письма, просьбѣ Вашей къ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ.» Въ началѣ декабря 1885 года, авторъ послалъ въ Уральскъ свои труды на имя наказнаго атамана, при слѣдующемъ вѣрноподданномъ письмѣ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Покойный русскій поэтъ и наставникъ ВАШЕГО ДѢДА, въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, Василій Андреевичъ Жуковскій сказалъ нѣкогда: „Сокровищница просвѣщенія Царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главной наукой Наслѣдника престола. Исторія, освященная религіей, воспламенитъ въ Немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ.“ Раздѣляя такой взглядъ на исторію незабвеннаго поэта и гуманнѣйшаго человѣка, я осмѣливаюсь просить ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, какъ АВГУСТѢЙШАГО АТАМАНА Уральскаго казачьяго войска, осчастливить меня принятіемъ моихъ печатныхъ трудовъ по исторіи войска, которое издавна интересовало собою русскихъ и иностранныхъ изслѣдователей и

[1]) Письмо за № 4897, отъ 13 августа 1885 года.

путешественниковъ. Быстрый и богатый рыбою Уралъ видѣлъ на своихъ берегахъ Палласа, Георги, Эйлера, Таушера, Гумбольдта, Розе, Ганстеена, Дю, Эверсмана и другихъ иностранцевъ. Надъ изученіемъ Уральскаго войска немало потрудились и наши соотечественники: Рычковъ, Лепехинъ, Левшинъ, Пушкинъ, Карелинъ, Сѣверцевъ, Желѣзновъ, Хорошхинъ, Рябининъ, Савичевъ, Курилинъ и другіе. Однакожъ, не смотря на это,—не смотря на всѣ труды поименованныхъ лицъ,—исторія Уральскаго войска доселѣ еще оставляетъ желать многаго, и въ будущемъ предстоитъ обширное поле дѣятельности для мѣстныхъ изслѣдователей, коренныхъ обитателей края, которымъ многое можетъ быть болѣе доступно и понятно, чѣмъ постороннимъ людямъ, пріѣзжающимъ издалека и притомъ на короткое время. Историческая наука тѣмъ болѣе вправѣ желать этого, что между самими уральцами бывали и есть люди даровитые и способные къ такому труду. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать намѣренія Его Превосходительства, г. наказнаго атамана Н. Н. Шипова, составить подробное описаніе жизни и быта Уральскихъ казаковъ, по случаю имѣющаго исполниться въ 1891 году трехсотлѣтняго существованія Уральскаго войска. Состоя на службѣ въ Уральской войсковой гимназіи четыре года (1870—1874), я особенно интересовался исторіей Уральскаго войска. Войсковой архивъ и непосредственное сношеніе съ казаками дали мнѣ возможность освѣтить до нѣкоторой степени давноминувшія судьбы Уральскаго войска. Мои изслѣдованія и статьи по исторіи войска были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ-какъ на отдѣльный выпускъ ихъ въ свѣтъ я не имѣлъ средствъ. Въ настоящее время я осмѣливаюсь просить ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО о благосклонномъ принятіи слѣдующихъ моихъ трудовъ: 1) И. И. Неплюевъ и Оренбургъ; 1) Яицкое войско до появленія Пугачева; 3) Расколъ въ Уральскомъ войскѣ въ половинѣ XVIII вѣка; 4) Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в.; 5) Свѣдѣнія о православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ Уральскаго войска; 6) Матеріалы, относящіеся къ исторіи Уральскаго войска; 7) В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Всѣ эти труды я просилъ повергнуть къ стопамъ ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА г. наказнаго атамана Уральскаго войска Н. Н. Шипова, который благосклонно изъявилъ на то свое согласіе. Вниманіе серьезной столичной прессы и нѣкоторыхъ ученыхъ лицъ и учрежденій, оказанное моимъ трудамъ, даетъ мнѣ поводъ льстить себя надеждой, что и ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО не лишите вниманія мои посильные труды и осчастливите меня благосклоннымъ принятіемъ ихъ."

Въ то же время авторъ просилъ особымъ письмомъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева оказать свое содѣйствіе въ подне-

сенія означенныхъ трудовъ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ, а 5 февраля 1886 г. К. П. Побѣдоносцевъ письмомъ за № 613 сообщилъ автору: *„Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, по представленіи мною присланныхъ Вами для поднесенія Его Императорскому Высочеству сочиненій Вашихъ по исторіи Уральскаго Казачьяго войска, повелѣлъ благодарить Васъ за поднесеніе этихъ почтенныхъ трудовъ.“*

Обрадованный благосклоннымъ вниманіемъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА, авторъ писалъ К. П. Побѣдоносцеву: «Душевно и искренно радъ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО почтилъ меня благосклоннымъ принятіемъ моихъ сочиненій, но сожалѣю, что по неимѣнію средствъ я принужденъ былъ печатать свои труды въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, иногда малораспространенныхъ, и потому не могъ приподнести ихъ въ одномъ цѣльномъ особомъ изданіи, а пришлось ограничиться или отдѣльными оттисками или же вырывать статьи изъ журналовъ, въ которыхъ были напечатаны мои труды. Особенно хотѣлось-бы издать монографію объ И. И. Неплюевѣ, которую я переработалъ на основаніи новыхъ матеріаловъ, добытыхъ мною изъ архива Тургайскаго Областнаго Правленія и частію отъ потомковъ перваго колонизатора Оренбургскаго края. Не знаю, представится-ли когда-нибудь возможность осуществить это давнишнее желаніе или же рукописи суждено будетъ остаться въ моихъ бумагахъ навсегда».

Вскорѣ послѣ этого, Н. И. Ильминскій, находившійся тогда въ Петербургѣ по дѣламъ службы, извѣстилъ автора: «Вчера (18 апрѣля) являлся я къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что Вы ему писали о напечатаніи передѣланнаго изслѣдованія Вашего о Неплюевѣ. Но Вы не приложили разсчета, во сколько должно обойтись это изданіе, что̀ онъ находитъ весьма неудобнымъ. Онъ и поручилъ мнѣ просить Васъ, чтобы Вы примѣрно разсчитали, во сколько листовъ выйдетъ второе Ваше изданіе, какое число экземпляровъ намѣрены напечатать и въ какую сумму примѣрно должно обойтись все изданіе. Онъ предполагаетъ такой разсчетъ сообщить генералу-воспитателю ЦЕСАРЕВИЧА, не будетъ-ли дано пособіе отъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА. Сіе Вамъ извѣщаю для исполненія».

Въ исполненіе такого предложенія, авторъ составилъ приблизительный разсчетъ стоимости изданія монографіи и осенью того же года передалъ его лично Н. И. Ильминскому, а онъ, при особомъ письмѣ отъ себя, послалъ его К. П. Побѣдоносцеву, который 27 декабря 1886 г. писалъ ему: «Получилъ письмо Ваше о Витевскомъ... Пусть Витевскій составитъ краткую записку о своихъ работахъ, о содержаніи ихъ и цѣли, о новомъ своемъ трудѣ и его значеніи и о потребности напечатать его». – Н. И. Ильминскій, получивъ это письмо, немедленно извѣстилъ о немъ автора, приложивъ копію, и писалъ: «Немедленно сообщаю Вамъ для исполненія, пока время еще свободное. Вы пишете весьма четко. Записку напишите безъ личныхъ ко мнѣ или къ кому обращеній, дабы я цѣликомъ, въ подлинникѣ, могъ послать ее, куда нужно». Согласно такому предложенію, авторъ составилъ записку о своихъ трудахъ и 12 января 1887 года вручилъ ее лично Н. И. Ильминскому, а онъ на другой же день, при письмѣ отъ себя, послалъ ее по назначенію. Вскорѣ послѣ этого К. П. Побѣдоносцевъ увѣдомилъ Н. И. Ильминскаго, что онъ видѣлся съ воспитателемъ ЦЕСАРЕВИЧА,

Генералъ-Адъютантомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Даниловичемъ, который выразилъ надежду, что пособіе отъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА будетъ дано, и что, по его мнѣнію, ближайшимъ днемъ для того будетъ 6 мая,—день рожденія ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. Такъ дѣйствительно и случилось: въ маѣ 1887 г. авторъ настоящей монографіи получилъ отъ г. Завѣдывающаго дѣлами АВГУСТѢЙШИХЪ ДѢТЕЙ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ 1500 р., при отношеніи отъ 16 мая 1887 г. за № 353, и слѣдующее собственноручное письмо отъ 11 мая Г. Г. Даниловича: «ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ изволилъ, 6 текущаго мая, назначить Вамъ тысячу пять сотъ рублей въ пособіе на изданіе сочиненія: «Неплюевъ и Оренбургъ» съ тѣми приложеніями, которыя Вы найдете полезными и возможными. Препровождая при семъ 1500 р, прошу принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ Вамъ уваженіи».—Такимъ образомъ просвѣщенное посредничество Константина Петровича Побѣдоносцева, при благожелательномъ содѣйствіи Григорія Григорьевича Даниловича, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, къ величайшему удовольствію автора. Всякій, кто, подобно автору настоящей монографіи, писалъ когда-нибудь сочиненіе, непригодное для журналовъ, и не имѣлъ средствъ для его изданія въ свѣтъ, пойметъ всю силу, всю глубину благодарнаго чувства автора къ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ, безъ помощи Котораго настоящій трудъ не могъ-бы появиться въ печати: ОНЪ своей нравственной поддержкой и матеріальной субсидіей автору первый помогъ ему извлечь изъ глубины архивовъ величавый образъ Неплюева, въ назиданіе современникамъ и потомству.

Въ концѣ августа того же года, авторъ совершилъ поѣздку въ Оренбургъ, чтобы непосредственно осмотрѣть остатки древнихъ построекъ и другихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени Неплюева, ознакомиться съ мѣстоположеніемъ Оренбурга, его окрестностями, архивами и т. п. Благодаря любезному вниманію генерала Ѳеофила Матвѣевича Самоцвѣта, директора Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса, авторъ получилъ возможность подробно ознакомиться съ замѣчательными въ церковно-археологическомъ отношеніи принадлежностями походнаго храма, пожалованнаго Императоромъ Петромъ Великимъ его крестнику, калмыцкому владѣльцу Петру Петровичу Тайшину, хранящимися въ домовой церкви Корпуса [1], съ библіотекой Корпуса и кабинетомъ рѣдкостей, гдѣ между другими вещами хранится и серебряный вызолоченный ковшъ, пожалованный Императрицей Елизаветой Петровной Сулейману Деваеву за поимку Батырши [2]. Тогда же имъ были осмотрѣны древніе оренбургскіе храмы, гостинный и мѣновой дворъ, остатки прежняго рва и вала, военная гауптвахта, набережная р. Урала и окрестности Оренбурга, интересовавшія автора.

Приступая къ переработкѣ своего труда, авторъ просилъ директора Императорской Публичной Библіотеки, академика А. Ѳ. Бычкова сообщить ему копіи съ нѣкоторыхъ сенатскихъ указовъ и опредѣленій, относящихся къ службѣ и дѣятельности И. И. Неплюева, которыя потомъ и были получены имъ отъ г. управляющаго Сенатскимъ Архивомъ

[1]) См. описаніе этихъ предметовъ въ приложеніи къ настоящей монографіи на стр. 24—26.

[2]) См. въ монографіи стр. 888.

Г. К. Рѣпинскаго при слѣдующемъ письмѣ послѣдняго: «Вслѣдствіе письма Вашего къ А. Ѳ. Бычкову, имѣю честь препроводить при семъ копіи тѣхъ указовъ, на которые вы указали». Съ этого времени началась переписка автора съ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ, который съ особеннымъ сочувствіемъ и рѣдкой предупредительностію сталъ сообщать и высылать автору все, что только попадалось ему подъ руки относительно Неплюева въ печати или столичныхъ архивахъ. Встрѣчалъ-ли авторъ какія-либо затрудненія при чтеніи и разборѣ архивныхъ матеріаловъ, нуждался-ли въ совѣтахъ и указаніяхъ, требовалась-ли какая справка въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Государственномъ, Сенатскомъ и др. столичныхъ архивахъ или у частныхъ лицъ,—со всѣми этими нуждами онъ обращался къ Г. К. Рѣпинскому и не бывало случая, чтобы Григорій Космичъ отказалъ автору въ своемъ содѣйствіи; напротивъ, онъ всегда охотно спѣшилъ на помощь ему, содѣйствуя словомъ и дѣломъ успѣшному выполненію настоящей монографіи. Не отрывая автора отъ семьи и служебныхъ обязанностей, Г. К. Рѣпинскій далъ ему возможность воспользоваться дѣлами Сенатскаго Архива на мѣстѣ его жительства, въ Казани: съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи, по ходатайству Г. К. Рѣпинскаго, дѣла Сенатскаго Архива высылались въ канцелярію г. директора казанской учительской семинаріи, гдѣ авторъ прочитывалъ ихъ и потомъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращалъ ихъ въ архивъ. [1]) Авторъ искренно, сердечно и глубоко благодаритъ достоуважаемаго Григорія Космича за его рѣдкое и теплое сочувствіе къ настоящему труду и за его помощь въ этомъ нелегкомъ дѣлѣ.

Сознавая, что предпринятый трудъ, вслѣдствіе недостатка свободнаго времени и массы скопившагося сырого матеріала, не можетъ быть законченъ скоро, авторъ рѣшился издавать его отдѣльными выпусками, дабы съ одной стороны воспользоваться отзывами объ его монографіи людей компетентныхъ, а съ другой—надѣясь, что продажа отдѣльныхъ выпусковъ пополнитъ его средства на изданіе разроставшейся монографіи и предупредитъ появленіе въ печати другой чьей-либо работы на ту же тему. Сначала авторъ предполагалъ издать три выпуска, потомъ—четыре, но монографія разрослась до такихъ обширныхъ размѣровъ, что четвертый выпускъ пришлось раздѣлить на два. [2]) Увеличеніе объема монографіи съ 25 листовъ, какъ предполагалось вначалѣ, до 80 печатныхъ листовъ, потребовало и новыхъ расходовъ. Къ счастію автора, недостающая сумма на изданіе была пополнена Н. И. Неплюевымъ († 1891 г.), бывшимъ безсмѣнно 18 лѣтъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и особенно его сыномъ Н. Н. Неплюевымъ, нынѣ блюстителемъ Крестовоздвиженскаго Трудоваго Братства и существующихъ при немъ сельско-хозяйственныхъ школъ, извѣстнымъ своею благотворительностію и непосредственными заботами объ улучшеніи экономическаго быта крестьянъ и о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи ихъ въ духѣ Св. Православной Церкви и въ святыхъ чувствахъ долга и преданности Престолу, Царю и Отечеству. [3]) Для наибольшаго удобства при чтеніи и чтобы легче

---

[1]) См. въ приложеніи къ наст. монографіи стр. 126.

[2]) Выпускъ первый (1–XII+1—176) вышелъ въ 1889 г.; вып. второй (1—XVIII+177—368)—въ 1890 году; вып. третій (1—XXIV+369—616)—въ 1891 году; вып. четвертый (1—XXI+617—844)—въ 1895 году, и выпускъ пятый (1—VI+845—962 и приложеніе 1—198)—въ 1897 году.

[3]) См. въ іюльской книжкѣ газеты „Недѣля" за 1897 г. его статью: „Христіанское движеніе въ Европѣ."

можно было оріентироваться въ столь обширномъ трудѣ, авторъ раздѣлилъ содержаніе монографіи на тридцать главъ, изъ коихъ каждая заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣлое. Съ тою же цѣлію авторъ предпослалъ всѣмъ главамъ общее содержаніе ихъ съ соотвѣтствующими эпиграфами, и на каждой страницѣ сдѣлалъ частныя подглавія, напечатанныя капителью, по совѣту покойнаго М. И. Семевскаго, издателя «Русской Старины», посѣтившаго автора 19 іюня 1888 года, во время своего пребыванія въ Казани, и отнесшагося съ полнымъ сочувствіемъ къ настоящему труду. Небольшія примѣчанія и ссылки на источники помѣщены подъ строкой соотвѣтствующихъ страницъ и означены латинскими буквами, въ порядкѣ алфавита, арабскія же цифры, встрѣчающіяся въ текстѣ, указываютъ на дополненія и замѣчанія къ тексту, которыя находятся въ приложеніи: имѣя спеціальное значеніе, а иногда и значительный объемъ, они могли-бы отвлекать вниманіе читателя отъ содержанія монографіи и мѣшать цѣльности впечатлѣнія, почему авторъ и помѣстилъ ихъ въ приложеніи. Счетъ страницъ во всей монографіи идетъ сподрядъ, такъ-какъ авторъ сначала предполагалъ издать свой трудъ въ одной книгѣ, но сравнительно большой объемъ монографіи потребовалъ раздѣленія ея на части, приложеніе же имѣетъ особую пагинацію. Желая доставить возможность и облегчить пользованіе монографіей всѣмъ, интересующимся исторіей Оренбургскаго края, но неимѣющимъ времени или терпѣнія прочитать книгу, какъ говорится, отъ доски до доски, авторъ составилъ и приложилъ къ своему труду, кромѣ подробнаго постраничнаго оглавленія, какъ уже упомянуто выше, два указателя: указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, и указатель географическихъ названій, встрѣчающихся въ монографіи. При помощи этихъ указателей, безъ особеннаго труда и траты времени, всякій можетъ найти въ книгѣ, что его интересуетъ и что ему нужно въ то или другое время; слѣдовательно, настоящая монографія, при отмѣченныхъ условіяхъ ея внѣшняго строя, можетъ служить справочной книгой для всякаго грамотнаго человѣка, интересующагося исторіей Оренбургской губерніи и смежныхъ съ нею мѣстъ, входившихъ раньше въ ея составъ.

Относительно того, какъ авторъ выполнилъ свою нелегкую работу, было много говорено въ нашей періодической литературѣ, столичной и провинціальной, при появленіи въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго выпуска. [1]) Прочитывая отзывы о своемъ трудѣ, авторъ съ благодарностію принималъ къ свѣдѣнію справедливыя и дѣльныя замѣчанія рецензентовъ о недостаткахъ монографіи и въ то же время старался разъяснить возникавшія по этому случаю недоразумѣнія, [2]) при изданіи II, III и IV выпусковъ. Всѣ многочисленныя рецензіи, появлявшіяся въ журналахъ и газетахъ, отмѣ-

---

[1]) См. журналы: „Русская Старина“ (1888 г., декабрь; 1890 г. январь, 1891 г. мартъ), „Русская Мысль“ (1889 г. май, 1891 мартъ), „Вѣстникъ Европы“ (1889 февраль, 1890 апрѣль, 1891 апрѣль), „Историческій Вѣстникъ“ (1889 г. октябрь, 1890 сентябрь, 1897 іюнь), „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“ (1888 декабрь, 1890 февраль, 1895); газеты: „Свѣтъ“ (1890, №№ 73 и 74), „Оренбургскій Листокъ“ (1890, № 31; 1895, № 4; 1897, № 17), „Астраханскій Листокъ“ (1891, № 470), „Казанскія Вѣсти“ (1891, № 29), „Тургайская Газета“ (1895, № 25), „Камско-Волжскій Край“ (1897, № 474) и др.

[2]) Отвѣты автора рецензентамъ, приложенные къ II, III и IV выпускамъ, вмѣсто предисловія, не вошли въ настоящее изданіе. Лицамъ, интересующимся инородческимъ вопросомъ въ Россіи, рекомендуемъ прочитать отвѣтъ автора „Вѣстнику Европы“, напечатанный, вмѣсто предисловія, къ IV выпуску монографіи.

чая нѣкоторые недостатки монографіи, привѣтствовали её, какъ весьма полезный, интересный и серьёзный трудъ въ научномъ и практическомъ отношеніи. Покойный М. И. Семевскій въ своей рецензіи, между прочимъ, такъ отозвался о монографіи: «Трудъ г. Витевскаго, безспорно, одинъ изъ самыхъ лучшихъ, какіе только явились въ послѣднее пятилѣтіе въ областной русской литературѣ. Интересъ книги далеко не исключительно мѣстный, но общеисторическій. Трудъ исполняется В. Н. Витевскимъ съ любовію, добросовѣстностію и, при обширномъ изученіи источниковъ (печатныхъ и архивныхъ), авторъ умѣетъ отстоять свои положенія. Книга, повторяемъ, весьма любопытна, а во многомъ и навсегда останется поучительною. Надо надѣяться, что Академія Наукъ своевременно увѣнчаетъ этотъ трудъ одною изъ своихъ премій: должное воздастся по заслугамъ.“ [1]) Спустя годъ послѣ этого, когда появился въ печати третій выпускъ монографіи, М. И. Семевскій еще болѣе сочувственно отозвался о настоящей работѣ: „Трудъ г. Витевскаго составляетъ отличный вкладъ въ область государственныхъ знаній. Являясь первоисточникомъ, историческая монографія г. Витевскаго сослужитъ добрую службу не только для удовлетворенія любознательности образованнаго общества, но дастъ не мало руководящаго матеріала для Правительства и его представителей въ порубежныхъ областяхъ Европейской и Азіатской Россіи, въ мѣропріятіяхъ этихъ лицъ и въ выработкѣ законоположеній по отношенію къ инородческому населенію. Тѣ многочисленныя ошибки, каковыя дѣлали въ текущемъ столѣтіи нѣкоторые изъ генералъ и просто губернаторовъ оренбургскихъ, въ ихъ яко-бы заботахъ о ввѣренномъ краѣ, во многомъ проистекали отъ малаго знакомства съ его исторіей». [2]) Считаемъ долгомъ замѣтить, что авторъ не задавался такими общегосударственными цѣлями, но такъ-какъ настоящая монографія главнымъ образомъ основана на оффиціальныхъ источникахъ первостепенной важности, притомъ же весьма рѣдкихъ, невсегда и всякому доступныхъ; то, можетъ быть, она будетъ полезной и въ намѣченномъ М. И. Семевскимъ отношеніи. Что сказалъ-бы М. И. Семевскій о IV и V выпускахъ монографіи, вышедшихъ послѣ его смерти, не извѣстно; но его воззрѣнія на значеніе настоящаго труда, по-видимому, пережили его. А. Е. Алекторовъ, объявляя о выходѣ въ свѣтъ IV выпуска, говоритъ: «О характерѣ труда г. Витевскаго и его достоинствахъ мы уже не разъ говорили по поводу трехъ первыхъ выпусковъ его монографіи; [3]) эти достоинства: обиліе матеріала, тщательная его разработка, послѣдовательное изложеніе и самостоятельный взглядъ на вещи; въ послѣднихъ же двухъ выпускахъ и особенно въ IV мы встрѣтили массу совершенно новыхъ данныхъ, а встрѣтить такого рода данныя пишущему настоящія строки и имѣющему въ азіатскомъ отдѣлѣ своей библіотеки все, что когда-либо писалось и пишется о киргизцахъ,— довольно трудно. Вотъ почему мы думаемъ, что для насъ людей востока каждый новый выпускъ монографіи есть въ нѣкоторомъ родѣ драгоцѣнный кладъ. Не одни однакоже спеціалисты, но и любители отечественной исторіи, а также любознательные русскіе люди найдутъ здѣсь для себя много весьма интереснаго, особенно же можно рекомендовать книги г. Витевскаго просвѣщеннымъ нашимъ инородцамъ изъ башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, кото-

[1]) Русская Старина 1890 г., январь.
[2]) Русская Старина 1891 г., мартъ.
[3]) Оренбургскій Листокъ 1890 г., № 31; Астраханскій Листокъ 1891 г., № 470.

рымъ съ той или другой стороны могутъ быть любопытны историческія данныя въ своемъ родѣ. подкрѣпленныя указаніями на оффиціальные документы." [1]) Не менѣе сочувственно привѣтствовалъ появленіе послѣдняго V выпуска монографіи и Оренбургскій Листокъ: „Нынѣ законченъ многолѣтній, интересный и въ высшей степени важный исторіографическій трудъ В. Н. Витевскаго. Законченный теперь трудъ г. Витевскаго, по глубокому убѣжденію нашему, будетъ отнынѣ служить справочной настольной книгой не только для желающихъ заняться исторіей Оренбургскаго края; не только для различныхъ частей его управленія (духовнаго, гражданскаго, военнаго, административнаго), но и для нашей Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи, тѣмъ болѣе, что составленные авторомъ, г. Витевскимъ, алфавитные указатели весьма облегчаютъ пользованіе книгой во всякое время и при всякомъ случаѣ.» [2]) Не мало было высказано автору монографіи сочувственныхъ отзывовъ объ его трудѣ лично и въ частныхъ письмахъ къ нему ученыхъ лицъ. Ф. Ф. Г—ке, получивъ I выпускъ монографіи, писалъ автору: «Позвольте Васъ благодарить какъ за Ваше вниманіе, такъ и за то удовольствіе, которое мнѣ доставило чтеніе Вашей книги. Я съ величайшимъ интересомъ прочелъ ее отъ доски до доски и удивляюсь Вашему усердію въ собираніи историческаго матеріала, Вашей безпристрастной критикѣ сообщаемыхъ фактовъ и Вашему искусству—представлять предъ глазами читателя въ пластическихъ живыхъ образахъ дѣятелей и событія давно минувшихъ временъ.»— Н. А. Г—чъ въ своемъ письмѣ къ автору, отъ 22 апрѣля 1897 г., между прочимъ, замѣчаетъ: «Вашъ трудъ, составляющій вѣнецъ исторической литературы края,—трудъ насущной потребности всякаго, даже только грамотнаго, жителя Оренбургскаго края.» А. Ѳ. Б—въ 22 апрѣля 1897 г. писалъ автору: „Въ теченіе многихъ лѣтъ Вы занимались трудомъ о Неплюевѣ и съ похвальной настойчивостью и неослабѣвавшею энергіей Вы довели его до конца, за что-честь и хвала Вамъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что Вамъ удалось изобразить многостороннюю дѣятельность этого государственнаго мужа въ надлежащемъ свѣтѣ. Быть можетъ, строгіе критики найдутъ нѣкоторые недочеты въ Вашемъ сочиненіи, но спрашивается, въ какомъ человѣческомъ трудѣ ихъ не встрѣчается?» Императорская Академія Наукъ удостоила настоящій трудъ своего почетнаго отзыва. [3]) Выражая глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сочувственно отнесшимся къ настоящему труду, авторъ считаетъ нелишнимъ высказать и свой безпристрастный взглядъ на монографію. Благодаря обилію архивнаго матеріала, которымъ располагалъ авторъ, монографія вышла, какъ выражаются французы, prolix.—Еслибы авторъ изложилъ свой трудъ въ болѣе сжатомъ видѣ и не пестрилъ его многочисленными выдержками изъ различныхъ документовъ, частыми сносками, примѣчаніями и цитатами къ тексту, то монографія, безъ сомнѣнія, много-бы выиграла въ популярномъ отношеніи. Но зная по опыту, какъ трудно изученіе архивнаго матеріала, авторъ имѣлъ въ виду не случайныхъ читателей, которые, познакомившись разъ съ содержаніемъ монографіи, болѣе никогда въ нее и не заглянутъ, а старался придать своей работѣ характеръ справочной настольной книги, необходимой,

---

[1]) Тургайская Газета 1895 г., № 25.
[2]) См. Оренбургскій Листокъ 1897 г., № 17.
[3]) См. „Отчетъ" о седьмомъ присужденіи преміи митрополита Макарія, 1897 г.

какъ справедливо замѣтилъ Оренбургскій Листокъ, [1]) не только для всякаго, занимающагося исторіей восточныхъ окраинъ Россіи, но и для правительственныхъ функцій въ Оренбургскомъ краѣ различныхъ вѣдомствъ: духовнаго, гражданскаго, военнаго, административнаго, колонизаціоннаго, торгово-промышленнаго и др. Недостатокъ свободнаго времени, невозможность вполнѣ сосредоточиться на монографіи, которая почти исключительно велась въ лѣтнія каникулы, неизбѣжныя семейныя заботы и многочисленные уроки въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ единственный источникъ къ содержанію себя и семьи, лишали автора тѣхъ благопріятныхъ условій, при которыхъ работаютъ люди, посвятившіе себя исключительно наукѣ, обезпеченные матеріально и нестѣсненные временемъ. Вслѣдствіе этого, въ монографіи встрѣчаются нѣкоторые невольныя повторенія и опечатки, хотя послѣднія неизбѣжны въ такомъ обширномъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что корректуру велъ самъ авторъ, а извѣстно изъ опыта, что авторы самые ненадежные корректоры своихъ произведеній; пропускъ же семи строкъ на страницѣ 892-й произошелъ по винѣ типографіи, такъ-какъ въ послѣднемъ корректурномъ листѣ, утвержденномъ къ печати, эти строки были. Приложивъ ихъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на отдѣльномъ листочкѣ, авторъ призналъ нелишнимъ повторить ихъ и въ опечаткахъ, на случай утраты перваго. Въ настоящемъ изданіи оглавленіе и опечатки находятся въ концѣ каждаго тома. Опечатки, замѣченныя при чтеніи «Введенія», показаны въ концѣ его и не вошли въ общее число опечатокъ потому, что „Введеніе“ написано послѣ, когда монографія уже была закончена въ печати.

Съ внѣшней стороны авторъ, на сколько позволяли средства, старался придать изданію монографіи возможно опрятный видъ. Портретъ И. И. Неплюева, приложенный къ первому тому, снятъ фотографомъ-художникомъ Императорской Академіи Художествъ, Г. Н. Оже съ пояснаго портрета, рисованнаго красками и находящагося въ Неплюевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ имѣются портреты всѣхъ оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ, включительно до послѣдняго изъ нихъ Н. А. Крыжановскаго. Оригиналъ этого портрета находится въ галлереѣ Путилова, а копіи съ него имѣются въ Румянцевскомъ музеѣ (новая, работы Васнецова) и у Графа Шуленбургъ (современная И. И. Неплюеву). Оригиналъ портрета И. И. Неплюева, помѣщеннаго въ № 257 „Всемірной Иллюстраціи“ за 1873 годъ и въ нашемъ очеркѣ: «И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества», принадлежитъ Н. Н. Неплюеву, блюстителю Крестовоздвиженскаго Трудоваго Братства. На первомъ портретѣ Неплюевъ изображенъ старше, на второмъ моложе. Портретъ Неплюева, приложенный къ «Иллюстрированной Исторіи Петра Великаго» проф. Брикнера, мало похожъ. Виды оренбургскихъ соборовъ, построенныхъ при Неплюевѣ, и видъ иконостаса походнаго храма Воскресенія Христова сняты г. Оже съ натуры, а потомъ такъ же, какъ гербъ и портретъ Неплюева, были переведены на камень въ типо-литографіи В. М. Ключникова литографомъ Г. Е. Котельниковымъ. Наружный видъ Поддубскаго храма, его иконостасъ, нагробные памятники въ этомъ храмѣ, портреты сына и внуковъ Неплюева, виды новаго оренбургскаго собора и

[1]) См. выше стр. LX.

Неплюевскаго Корпуса напечатаны въ типографіи Казанскаго университета съ готовыхъ ксилографическихъ и цинкографическихъ клишѐ, сдѣланныхъ по особому заказу въ Москвѣ, въ заведеніи Ермолова. Что касается карты Оренбургской губерніи, то авторъ сначала предполагалъ приложить къ монографіи копію съ карты, сохранившейся въ 2 экземплярахъ въ Сенатскомъ Архивѣ за № 240 и озаглавленной такъ: «*Карта генеральная Оренбургской губерніи и смѣжныхъ кней местъ искоторыхъ простирающеяся вполуденную азію пообстоятельствамъ окомерціи оной губерніи, Сочинена приоренбургскихъ географическихъ делахъ сразныхъ описаней притехъ делахъ имѣющихся 1755 году*». [1])—Площадь этой карты представляетъ изъ себя почти двухъ-аршинный квадратъ, съ масштабомъ 70 верстъ въ вершкѣ. Чтобы воспользоваться этой картой, необходимо было-бы уменьшить ея размѣръ, между тѣмъ картографическое заведеніе Ильина, куда авторъ обращался съ запросомъ по этому дѣлу, нашло невозможнымъ сдѣлать съ нея точную копію, вслѣдствіе пятенъ и сгибовъ въ СЗ. ея углу, наиболѣе важномъ для настоящей монографіи; скальпированіе же ея отъ руки на камнѣ стоило-бы очень дорого и потребовало-бы много времени, а приложеніе современной карты Оренбургской губерніи не имѣло-бы историческаго значенія, такъ-какъ многія части, входившія раньше въ составъ этой губерніи, впослѣдствіи изъ нея выдѣлились и составили отдѣльныя губерніи, области и уѣзды. Поэтому авторъ предпочелъ воспользоваться первой картой изъ вышеозначеннаго атласа: «Оренбургская губернія съ прилежащими къ ней мѣстами по «Ландкартамъ» Красильникова и „Топографіи“ П. И. Рычкова [2]). Первая карта въ этомъ атласѣ имѣетъ слѣдующую надпись: „*Карта генеральная Оренбургской губерніи и смѣжныхъ кней мѣстъ искоторыхъ простирающѣеся вполуденную азію по обстоятельствамъ о комерціи Оной губерніи нарочно досамаго Индостана показаны Сочинена Пріоренбургскихъ Географическихъ дѣлахъ сразныхъ описаней притехъ дѣлахъ 1755 году*“. [3]) Эта надпись и тщательное сличеніе карты съ той, которая хранится въ Сенатскомъ Архивѣ за № 240, убѣдили автора, что обѣ карты по существу совершенно тождественны и разнятся только величиной и масштабомъ: сенатская представляетъ изъ себя площадь въ 1038 кв. вершковъ, при масштабѣ 70 верстъ въ вершкѣ, а вторая имѣетъ 156 кв. вершковъ съ масштабомъ 300 в. въ вершкѣ.—Воспользовавшись послѣдней картой, авторъ заказалъ фотографу-художнику В. Г. Θедорову снять съ нея негативъ, который потомъ былъ переведенъ въ типо-литографіи В. М. Ключникова на камень и воспроизведенъ на бумагѣ фотолитографическимъ способомъ, какъ и планъ первоначальнаго Оренбурга, заимствованный изъ рукописи „Оренбургской Исторіи“ Рычкова, принадлежащей г. Завьялову. [4]) Не смотря на то, что эта карта немножко слѣповата, она всетаки даетъ наиболѣе вѣрное представленіе объ Оренбургской губерніи во время Неплюева, чѣмъ всѣ позднѣйшія карты, хотя бы болѣе точныя и лучшія въ техническомъ отношеніи.

---

[1]) Орфографія подлинника.

[2]) Смотр. выше стр. XXI.

[3]) Орфографія подлинника.

[4]) Смотр. выше стр. XXV.

При стѣснительномъ положеніи у насъ книжнаго дѣла и при незначительномъ спросѣ книгъ научнаго и спеціальнаго характера, появленіе въ печати настоящей монографіи было-бы невозможно, еслибы ея автору не была оказана благотворная помощь со стороны ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, и достойныхъ потомковъ Неплюева. Всемилостивѣйшее вниманіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ настоящему труду выразилось и въ томъ, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО благосклонно принялъ отъ автора всѣ выпуски его монографіи: въ 1888 году — I выпускъ, въ 1889 — II в., въ 1891 — III, въ 1895 г. — IV и въ 1897 г. — V выпускъ; первый, второй и четвертый вып. были поднесены ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ чрезъ Генералъ-Адъютанта Григорія Григорьевича **Даниловича**, вып. V — черезъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Константина Петровича **Побѣдоносцева**, а третій выпускъ авторъ имѣлъ счастіе лично поднести ДЕРЖАВНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ наукъ въ Уральскѣ, 31 іюля 1891 года, когда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, будучи тогда еще НАСЛѢДНИКОМЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА, возвращался изъ далекаго путешествія на Востокъ и милостиво соизволилъ раздѣлить съ храбрыми уральцами празднованіе трехсотлѣтняго юбилея боевой службы Уральскаго Казачьяго Войска.[1]) Принявъ съ благосклонностью третій выпускъ монографіи и очеркъ о Неплюевѣ [2]) для школъ, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО благоволилъ подать автору свою руку и сказалъ слѣдующія дорогія и незабвенныя слова: **«Я въ настоящее время непосредственно знакомлюсь съ тѣмъ краемъ, надъ исторіей котораго Вы такъ много потрудились и продолжаете трудиться. Благодарю Васъ, желаю новаго успѣха и надѣюсь, что, при помощи Божіей, Вы кончите свой интересный и полезный трудъ о Неплюевѣ и Оренбургскомъ краѣ»**. Это Всемилостивѣйшее вниманіе ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА особенно ободрило автора и способствовало подъему въ немъ силъ и энергіи къ продолженію монографіи. Въ мартѣ 1895 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ явить новую милость автору. Генералъ-Адъютантъ Г. Г. **Даниловичъ**, черезъ котораго былъ поднесенъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ четвертый выпускъ монографіи, 2 марта 1895 г. обрадовалъ автора слѣдующимъ письмомъ: *«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ благосклонностію принявъ четвертый выпускъ составленной Вами монографіи: „Неплюевъ и Оренбургскій край,“ повелѣть соизволилъ выразить Вамъ благодарность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и препроводить прилагаемые при семъ пять сотъ рублей на окончаніе предпринятаго Вами изданія.»*

---

[1]) Его Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Уральскъ 29 іюля въ Понедѣльникъ, въ $5^1/_2$ ч. вечера, а въ 6 ч. утра 1 августа, въ Четвергъ, выѣхалъ изъ Уральска черезъ Бузулукъ и Самару въ С.-Петербургъ. Во время Своего пребыванія въ Уральскѣ, Его Высочество присутствовалъ на освященіи знаменъ, Высочайше пожалованныхъ Уральскому Войску, при закладкѣ на Иканской площади храма Христа Спасителя, посѣтилъ учебныя заведенія, ферму, выставку, казачьи скачки, киргизскій праздникъ, плавенное рыболовство, произвелъ смотръ казачьимъ войскамъ и былъ на балу, устроенномъ для него въ Войсковомъ Собраніи, а 31 іюля предложенъ былъ Имъ обѣдъ Уральскому Войску въ Ханской рощѣ, при впаденіи р. Чагана въ Уралъ

[2]) И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Казань, 1891 г.

Закончивъ въ настоящее время свой многолѣтній и нелегкій трудъ, авторъ считаетъ себя счастливымъ и нравственно удовлетвореннымъ, что онъ могъ оправдать Всемилостивѣйшее вниманіе и довѣріе къ нему Государя Императора довершеніемъ настоящей монографіи, которая съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго во 2 день мая сего 1897 года, вѣрноподданнѣйше посвящается Имени Его Величества. Это новое Всемилостивѣйшее Монаршее благоволеніе особенно дорого для автора, какъ высшая нравственная награда за его трудъ.

Изъявляя вѣрноподданическія чувства безпредѣльной преданности, благоговѣйной благодарности и сыновней любви Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу, авторъ искренно глубоко и душевно благодаритъ всѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали ему и помогали въ исполненіи настоящаго труда, особенно же и съ величайшимъ удовольствіемъ онъ приноситъ глубокую благодарность Г. Г. Даниловичу и К. П. Побѣдоносцеву, какъ просвѣщеннымъ посредникамъ между авторомъ и его Державнымъ Покровителемъ, Н. Н. Неплюеву, охотно и много помогавшему своими средствами при изданіи монографіи, Г. К. Рѣпинскому, самому отзывчивому и энергичному помощнику въ доставленіи автору архивныхъ матеріаловъ, а также: А. Ѳ. Бычкову, Л. Н. Майкову, Д. А. Корсакову, А. А. Кочубинскому, С. А. Висковатому, В. С. Иконникову, Ѳ. М. Самоцвѣту, В. И. Ершову, Н. Н. Шипову, Д. Г. Ѳеофилактову, С. Н. Севастьянову, И. И. Ефимовскому-Мировицкому, В. В. Катаринскому, А. П. Альбанову, В. Н. Матвѣеву, А. И. Оводову, Н. А. Гурвичу, П. И. Бартеневу, А. П. Херувимову, А. И. Бекрѣеву, В. М. Ключникову, А. Т. Соловьеву, Я. А. Соколову, І. А. Александрову, К. К. Кондратьеву, И. С. Алексѣеву, Е. А. Малову, П. В. Знаменскому и др. лицамъ, содѣйствовавшимъ автору при выполненіи имъ настоящаго труда.

Много прошло лѣтъ съ того времени, когда впервые былъ задуманъ и начатъ настоящій трудъ, и пока онъ составлялся и печатался, нѣкоторыя изъ лицъ, сочувствовавшихъ и помогавшихъ автору въ его выполненіи, оставили земной міръ. Но чувство искренней благодарности и глубокаго уваженія къ ихъ доброй памяти побуждаетъ автора вспомнить и столь дорогія для него имена, какъ Н. И. Ильминскій, Н. А. Ѳирсовъ, Р. Г. Игнатьевъ, М. И. Семевскій, Н. А. Веревкинъ и Н. И. Неплюевъ, которые особенно интересовались успѣшнымъ выполненіемъ предпринятаго авторомъ на себя труда и, по возможности, старались оказать ему свое содѣйствіе словомъ и дѣломъ. Н. А. Ѳирсовъ первый, какъ мы замѣтили выше, [1]) привлекъ вниманіе автора къ симпатичному образу Неплюева еще въ университетскіе годы его студенчества; Н. А. Веревкинъ первый обратилъ вниманіе на задуманный авторомъ трудъ о Неплюевѣ, въ его первоначальной редакціи, и, заручившись согласіемъ автора, приказалъ напечатать его въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ (1873—1875 г.); Р. Г. Игнатьевъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ автора и корреспондентомъ въ розысканіи различныхъ матеріаловъ и свѣдѣній для монографіи; Н. И. Неплюевъ оказалъ автору матеріальную помощь, а М. И. Семевскій

[1]) См. выше стр. XXVIII.

далъ не мало полезныхъ совѣтовъ и указаній, какъ лучше вести работу; Н. И. Ильминскій, слѣдившій съ живѣйшимъ участіемъ за печатаніемъ первыхъ трехъ выпусковъ монографіи, вышедшихъ при его жизни, старался *искренно и душевно* ободрить и поддержать энергію автора, когда наступало переутомленіе и зараждалось сомнѣніе въ возможности кончить трудъ, причемъ покойный не совѣтовалъ автору спѣшить исполненіемъ работы, приводя одну турецкую пословицу, которая заключаетъ въ себѣ слѣдующую мысль: *„не спрашивай о томъ, во сколько времени сдѣлано, а смотри, какъ сдѣлано“*. Миръ ихъ праху и Царство Небесное ихъ благородной и многолюбящей душѣ!

Можетъ быть въ настоящей монографіи окажутся еще нѣкоторые пробѣлы, недочеты и ошибки, кромѣ отмѣченныхъ самимъ авторомъ и рецензентами его труда; но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а потому обращаемся къ нашимъ судьямъ и строгимъ критикамъ съ словами лѣтописца: „чтите, исправляйте и не кляните“. Quod potui, feci, faciant meliora potentes.

В. Н. Витевскій.

25 іюля 1897 г.
г. Казань.

Содержаніе введенія.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя при чтеніи «Введенія» въ монографію.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
VI	13 сверху	Оренбуррскій	Оренбургскій
—	21 —	Вечикаго	Великаго
—	13 снизу	своею	своего
X	14 —	Европейсской	Европейской
XVIII	12 сверху	оргиналъ	оригиналъ
XXIV	7 —	значится:	значится:
—	16 —	«Исторіи Россій» ,Соловьева	«Исторіи Россіи» Соловьева
—	27 и 38 —	*И.* М. Гутьяръ	*Н.* М. Гутьяръ
XXV	2, 15 и 26 —	*И.* М. Гутьяръ	*Н.* М. Гутьяръ
XXVII	3 —	Статистическомъ	Статистическимъ
XXVIII	25 снизу	Сѣверо-восточнаго	Сѣверо-восточнаго
—	11 —	праогматической	прагматической
—	4 —	вспроса	вопроса
XXXI	8 сверху	большаго	большого

ГЛАВА I.

Взглядъ на исторію дворянскихъ родовъ въ Россіи.—Происхожденіе рода Неплюевыхъ.—Предки и родители Ивана Ивановича Неплюева.—Его дѣтство и первоначальное воспитаніе.—Молодые годы, женитьба и добровольное удаленіе Неплюева въ монастырь.—Возвращеніе изъ монастыря.

Въ семействѣ, какъ въ зародышѣ, лежитъ и будущій человѣкъ и будущее государство. Семейство есть государство въ миніатюрѣ.

Шейбертъ.

Вопросъ о первоначальномъ происхожденіи дворянскихъ родовъ въ Россіи до сихъ поръ составляетъ проблему въ нашей исторіи; до послѣдняго времени онъ не обращалъ на себя должнаго вниманія исторической критики. Загляните въ хаотическую глубь миеическихъ и легендарныхъ сказаній о происхожденіи «*выѣзжихъ*» въ Россію князей и бояръ, и вы убѣдитесь, что положительное и строгонаучное рѣшеніе этого вопроса составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ русской генеалогіи. Не смотря на то, важность его сознавалась издавна и въ литературѣ, и въ жизни. Еще митрополитъ Кипріанъ (Сербъ) обратилъ вниманіе на происхожденіе и родословіе знатныхъ фамилій въ своей *Степенной Книгѣ,* дошедшей до насъ въ видѣ одной части—исторіи князей, въ переработкѣ митрополита Макарія, извѣстнаго составителя *Великихъ Четьи-Миней* и редактора постановленій *Стоглаваго Собора*.

Но легендарный характеръ повѣствованія о происхожденіи многихъ родовъ, искаженіе собственныхъ именъ и географическихъ названій, при всевозможныхъ анахронизмахъ, подрываютъ вѣроятность и того, что, при иныхъ условіяхъ, могло бы быть принято за фактъ. Такой же легендарный характеръ повѣствованій и панегирическій тонъ замѣчается и въ *Степенной Книгѣ,* напечатанной при Екатеринѣ II, „подъ усмотрѣніемъ“ академика

Герарда-Фридриха Миллера. Князь М. М. Щербатовъ считалъ подробныя родословія необходимыми руководящими указаніями для историка. Благодаря его вліянію и руководству, Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ, зять кн. Щербатова, занялся собраніемъ и группировкой различныхъ извѣстій о представителяхъ родовъ древней русской аристократіи, обративъ особенное вниманіе на ихъ службы государямъ. Собравъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, массу замѣтокъ и данныхъ о представителяхъ древнихъ дворянскихъ родовъ до XVIII столѣтія, Спиридовъ въ 1810 г. началъ издавать: *«Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ»*, и напечаталъ три части. Въ своемъ вступленіи къ этому труду[a]), онъ весьма краснорѣчиво говоритъ о моральномъ значеніи высокаго рода, налагающаго на продолжателей его обязанность слѣдовать доблестямъ предковъ, а не увеличивать только своимъ именемъ число членовъ этого рода. Пожаръ Москвы въ 1812 г., во время вступленія въ нее Французовъ, какъ извѣстно, истребилъ множество древнихъ памятниковъ, рѣдкихъ книгъ и драгоцѣнныхъ для науки рукописей. Вмѣстѣ съ богатымъ собраніемъ книгъ исторіографа Карамзина и графа Мусина-Пушкина, жертвою пожара сдѣлались и шесть частей „Сокращеннаго описанія службъ благородныхъ дворянъ" Спиридова, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ его домомъ; эти шесть частей его труда не только были приготовлены къ печати, а имѣли уже и цензурное разрѣшеніе на выпускъ ихъ въ свѣтъ, но Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ успѣлъ захватить съ собою черновыя рукописи, которыя и хранятся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ. Трудъ Спиридова, при всѣхъ его недостаткахъ, представляетъ по времени драгоцѣнное и единственное въ этомъ отношеніи собраніе извѣстій о происхожденіи многихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи. Составитель первой *«Россійской Родословной Книги»*, князь П. Вл. Долгоруковъ, безъ сомнѣнія, пользовался богатымъ собраніемъ Спиридова; но ему не доставало научной подготовки для умѣлаго пользованія имъ, чѣмъ и объясняются отчасти различные промахи и пробѣлы въ его книгѣ. Въ 1873—1876 гг., редакціей „Русской Старины" были изданы два тома *«Русской Родословной Книги»*, составленной княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Въ 1886 г. появился *«Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій»*, составленный В. В. Руммелемъ, при содѣйствіи Вл. Вл. Голубцова и другихъ лицъ. Но эти почтенныя изданія, не чуждыя однакожъ пробѣловъ, нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ, далеко не исчерпываютъ богатаго, еще мало обработаннаго матеріала для генеалогіи

---

[a]) См. т. I, стр. 15—70.

русскихъ дворянскихъ родовъ. Въ томъ же году напечатана *«Исторія родовъ русскаго дворянства»* П. Н. Петрова и до сихъ поръ продолжается изданіе обширнаго труда А. Барсукова: *«Родъ Шереметевыхъ»*, первый томъ котораго былъ напечатанъ еще въ 1881 году. Не считая нужнымъ, по самому характеру настоящей монографіи, упоминать о другихъ сочиненіяхъ по исторіи дворянства въ Россіи[a]), мы должны признать за фактъ, что исторія русскихъ дворянскихъ родовъ въ послѣднее время вступила въ новый фазисъ своего развитія. П. Н. Петровъ и А. Барсуковъ относятся уже критически къ вопросу о происхожденіи дворянскихъ родовъ въ Россіи. „Недостаточное углубленіе,—говоритъ г. Петровъ,—въ смыслъ первоначальныхъ источниковъ, со времени переработки „Степенной Книги“ Макаріемъ, возбуждало въ составителяхъ родословцевъ желаніе блеснуть заимствованіями изъ лѣтописей, въ большинствѣ случаевъ пріурочивая факты не къ дѣлу и не только допуская, но любя даже введеніе легендъ. Пользованіе тождественными сказаніями ихъ для нѣсколькихъ родовъ разомъ (одинъ изъ обычныхъ пріемовъ составителей родословій, во второй половинѣ XVII в.) въ глазахъ изслѣдователя нашего времени прямо обличаетъ искусственность позднѣйшей фабрикаціи, подрывая всякую вѣроятность[b])“. Составители родословій, какъ люди „книжные,“ заимствовали легендарныя сказанія изъ польскихъ генеалогическихъ и геральдическихъ твореній, бывшихъ въ большомъ распространеніи въ XVII и XVIII в., составляя ихъ переводо-компилятивнымъ способомъ изъ иностранныхъ, большею частію, итальянскихъ и латинскихъ изданій, появившихся съ эпохи возрожденія искусствъ и наукъ. Почти полтора вѣка такъ сочинялись русскія родословія дворянскихъ фамилій. Большая часть ихъ обыкновенно начинается съ отдаленныхъ вѣковъ баснословными именами родоначальниковъ и продолжателей родовъ, оказываясь, почти до XVI в., измышленіями праздной фантазіи; таковы, напримѣръ, легенды о родоначальникахъ многихъ фамилій въ Москвѣ, будто бы *«выѣзжихъ изъ Пруссъ»*, или *«изъ Литвы»*, а туда—*«изъ Нѣмецъ»*, или *«отъ Италійской страны ветхаго Рима»*. Въ родословныхъ XVI в. о происхожденіи *«выѣзжихъ изъ Пруссъ»* также находится подборъ словъ, не выдерживающихъ исторической критики, если примѣнить къ нимъ хронологическіе расчеты, начиная съ князей Рюрикова дома, преемственность поколѣній которыхъ, какъ и

---

[a]) Напр. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. М. Яблочкова, Спб., 1876 г. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. Романовичъ-Славатинскаго. 1870 г. Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. И. А. Порай-Кошица. Спб. 1872 г.

[b]) Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886 г., стр. 2.

самое время ихъ правленія и жизни, наиболѣе точно намъ извѣстны[a]). Въ концѣ XVII вѣка, составители-компиляторы баснословныхъ сказаній о родѣ, допуская всевозможныя искаженія прямыхъ и точныхъ показаній прошлаго, прибавляли столько своихъ нелѣпостей, что и вѣроятное раньше, со вводомъ новыхъ вымысловъ, сдѣлалось неузнаваемымъ и ни съ чѣмъ несогласимымъ. Въ царствованіе Екатерины II, сочинители печатныхъ родословій, въ родѣ игумена Ювеналія Воейкова, подкрѣпили басни своихъ предшественниковъ печатнымъ словомъ, священнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые не въ состояніи отличить истину отъ вымысловъ, приправленныхъ подлинными датами изъ документовъ и указаніями о представителяхъ рода за XVII вѣкъ[b]). Къ числу такихъ легендарныхъ повѣствованій относится, по нашему мнѣнію, и слѣдующій разсказъ о родоначальникѣ дворянъ Неплюевыхъ, Гландѣ Камбилѣ, сообщенный намъ Н. Н. Неплюевымъ.

Сынъ *прусскаго* конунга Дивона, происходившаго отъ Литовскаго князя Литталоона, Гланда Камбила, разбитый крыжаками (орденъ меченосцевъ), долженъ былъ, по тогдашнему обычаю страны, удалиться изъ своего отечества. Въ 1250 году онъ прибылъ въ Новгородъ, во главѣ трехтысячнаго войска. Россія переживала тогда тяжелое время: она не успѣла еще оправиться отъ татарскаго погрома, и потому новгородцы радушно приняли новопришельцевъ: Пруссамъ отвели для поселенія пригородъ, до сихъ поръ удержавшій ихъ имя, а Камбилѣ Новгородское Вѣче пожаловало большія и богатыя вотчины. Но недолго жили въ мирѣ Пруссы съ Новгородомъ. Въ 1287 г. они вмѣшались въ новгородскую ссору и убили Самуила Ратьшинича. Ударили въ набатъ у Св. Софіи и Св. Николая; громадныя толпы вооруженнаго народа бросились на Прусскій пригородъ; дома запылали. Много погибло и Пруссовъ и новгородцевъ въ этой отчаянной схваткѣ. Вся Прусская улица была выжжена, а домъ Гланды Камбилы былъ разграбленъ. Въ томъ же году Камбила съ двумя малютками сыновьями крестился въ Софійскомъ соборѣ[c]), въ присутствіи князя Димитрія Александровича Новгородскаго, сына Св. Александра Невскаго[d]). Таинство Св. крещенія совершалъ новгородскій архіерей. При крещеніи Гланда получилъ имя Іоанна, народъ-же, по-прежнему, продолжалъ называть его Гландою Дивоновичемъ. Въ 1330 г. одинъ изъ сыновей его, знаменитый

[a]) См. доказательство въ книгѣ П. Н. Петрова: „Исторія родовъ русск. дворянства“, Спб. 1886 г., стр. 7.

[b]) Тамъ же, стр. 7.

[c]) Слич. Истор. Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, т. IV, пр. 173; т. VIII, примѣчаніе 164.

[d]) Въ „Всемірной Иллюстраціи“ (1873 г., № 257, стр. 362) сказано, что Гланда Камбила крестился при Св. Александрѣ Невскомъ, что противорѣчитъ Исторіи: Св. Александръ Невскій скончался въ 1263 году.

бояринъ Андрей Ивановичъ, будучи уже старикомъ, переѣхалъ съ оставшеюся дружиной Пруссовъ въ Москву, къ великому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ. Въ глубокой старости, бывши ближнимъ бояриномъ при Симеонѣ Гордомъ, Андрей Ивановичъ Кобыла (какъ его называлъ народъ), въ сопровожденіи боярина Босоволкова и большаго посольства, ѣздилъ въ Тверь за великокняжеской невѣстой, Маріей Александровной Тверской, сдѣлавшейся третьею и любимою женой Симеона Гордаго[a]. Андрей Ивановичъ по отцѣ прозывался Камбила, но народъ назвалъ его по-своему: и долго еще сохранялась въ народѣ память о добромъ бояринѣ Андреѣ Кобылѣ.

Имя Камбилы или Кабилы встрѣчается и въ памятникахъ Варминской (Эрмляндской) исторіи[b]. Тамъ находится дарственная запись Эрмляндскаго капитула, данная 23 іюля 1290 года нѣкоему Кабилѣ (Cabilo) на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben)[c], съ тѣмъ, чтобы онъ, Кабило, и его наслѣдники, по обычаю страны, служили капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ.

Въ родословной книгѣ Русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей и дворянскихъ родовъ, писанной полууставомъ XVII вѣка[d], сказано: „Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Андрей Ивановичъ (въ другихъ мѣстахъ—Михаиловичъ)[e] Кобыла". Этимъ именемъ,—замѣчаетъ г. Барсуковъ,—начинаются всѣ дошедшія до насъ старинныя родословныя росписи Шереметевыхъ и единоплеменныхъ съ ними Романовыхъ, Неплюевыхъ, Колычевыхъ и др. Поколѣнная роспись Шереметевыхъ, представленная 23 мая 1686 г. въ Розрядъ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, начинается такъ: „Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Івановича, а прозваніе ему было Кобыла. Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ"[f] и т. д. Эта роспись была пред-

---

[a] Симеонъ (въ схимѣ Созонтъ) Гордый былъ женатъ три раза: первая его жена Анастасія Литовская скончалась въ схимѣ 11 марта 1345 года; вторая Евпраксія Ѳеодоровна была отослана мужемъ къ отцу, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, и еще, при жизни Симеона Гордаго, вышла за князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго, а Симеонъ Гордый женился въ третій разъ на Маріи Александровнѣ Тверской, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей, умершихъ еще въ дѣтствѣ. См. И. Г. Рос., т. IV, гл. X, примѣчанія 364 и 365.

[b] Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова, Спб. 1881 г., т. I, стр. 8. прим. 12. Monumenta historiae Warmiensis. B. I. (Codex diplomaticus Warmiensis). Mainz, 1860. Diplomata, стр. 151, № 86[a].

[c] Нынѣ Колмская деревня того же названія въ приходѣ Петерсвальдъ, близь Мельзака (Mehlsack), въ 84 верстахъ отъ Кёнигсберга на ЮЗ.—См. тамъ же.

[d] Рукопись Императ. Публич. библіотеки (въ собраніи И. П. Сахарова). Q. IV, 171; л. 165 на оборотѣ.

[e] Князь А. М. Курбскій, говоря о прародителѣ Шереметевыхъ, писалъ: „Мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ". См. „Сказанія кн. Курбскаго". Изд. 2. Спб. 1842 г., стр. 108.

[f] Барсуковъ А. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 2.

ставлена во исполненіе указа царя Θеодора Алексѣевича, отъ 27 ноября 1681 года, которымъ повелѣвалось: „Въ Розрядъ родословную книгу пополнить и которыхъ изъ родословныхъ людей имянъ въ той книгѣ въ родѣхъ не написано и тѣхъ имяны въ той книгѣ написать къ сродникомъ ихъ, и для того приносить имъ въ Розрядъ поколѣнныя росписи за руками“ [a]. Вслѣдствіе этого указа, старая родословная книга, названная въ одной рукописи „подлинною Московскою родословною книгою“, была пополнена представленными поколѣнными росписями и вошла въ составъ такъ называемой Бархатной книги, въ которой записано, что „Шереметевы выѣхали изъ Пруссіи“ [b].

При Петрѣ Великомъ, 12 января 1722 года, была учреждена должность герольдмейстера и Герольдмейстерская контора при немъ, а 5 февраля того же года дана ему инструкція, что онъ долженъ составлять и утверждать гербы дворянскимъ родамъ, а „такъ-какъ это дѣло новое, т. е. какимъ порядкомъ знатныя и прочія фамиліи въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь данныхъ содержаны быть имѣютъ, то пріискивать и переводить пристойныя книги другихъ государствъ и что по тому изобрѣтено будетъ, о томъ доносить Сенату, а въ Сенатѣ разсмотря, докладывать Намъ“ [c].

Герольдмейстеромъ былъ назначенъ ближній стольникъ Петра, Степанъ Андреевичъ Колычевъ, который въ томъ же (1722) году составилъ подробную записку подъ названіемъ: *„Исторіографія вкратцѣ собранная изъ разныхъ кроникъ и лѣтописцевъ“* [d].— Повѣствованіе Колычева начинается съ Прусскаго короля Прутено, который въ 373 году по Р. Х., по причинѣ старости своей, отдалъ свою власть и королевство брату своему Вейдевуту, а самъ „опредѣлился ко идолослуженію первымъ жрецомъ въ городѣ Ромновѣ, идѣже нынѣ нѣмецкое мѣстечко Гейлигенбейль“ [e]. Вейдевутъ передъ смертью, въ свою очередь, раздѣлилъ Прусскую землю между 12 сыновьями, изъ которыхъ четвертый, Недронъ, получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. Но крыжаки „край земель Недровскихъ мечемъ и огнемъ лютѣе паче прочихъ раззорили и городы Недровскихъ князей, потомковъ вышеписаннаго Недрона, до основанія истощили и разрушили“. Колычевъ говоритъ, что всѣ эти бѣдствія постигли

---

[a] А. Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 3. Родословн. Кн. князей и дворянъ Росс. и выѣзжихъ. М. 1787 г., ч. II, стр. 403.

[b] Тамъ же.

[c] М. Яблочкова. Истор. дворянскаго сословія въ Россіи. Спб. 1876 г., стр. 413.

[d] Эта неизданная рукопись хранится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева (№ 597). См. полное ея заглавіе въ книгѣ А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“, т. I, стр. 4.

[e] Ромнове или Ромове находилось на берегахъ Дубиссы и Нѣвяжи. При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, на обширной равнинѣ, находился священный, вѣчно зеленый дубъ необыкновенной толщины и высоты. См. тамъ же, стр. 6.

Недронскій удѣлъ уже въ XIII вѣкѣ, при князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ IX колѣнѣ. Въ 1280 г. старшій сынъ Дивона, князь Руссингенъ, тѣснимый крыжаками и будучи не въ состояніи противиться имъ, „со всею своею фамиліей и съ младшимъ своимъ братомъ Камбилою, нареченнымъ Гландою или Гландосомъ“, крестился, а „какое имъ въ крещеніи дано имя,—говоритъ Колычевъ,—того въ лѣтописцахъ не написано, развѣ въ ихъ крыжацкихъ метрикахъ обрѣтается“. Далѣе Колычевъ разсказываетъ, что „въ 1283 г. помянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дома Недрона Ведевитовича поколѣніе свое производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Даниле Александровичу всея Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римскія въ Греческую, что и нынѣ всуе творятъ латинники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли, а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, весьма иноземныя прозванія и имена отмѣняли, не дописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню посему, что, вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написали просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры“ [a]).

Такимъ образомъ, разсказъ герольдмейстера Колычева составляетъ какъ-бы варіантъ того повѣствованія, которое мы привели выше, со словъ Н. Н. Неплюева, о Гландѣ Камбилѣ; существенное различіе ихъ заключается во времени выѣзда въ Россію „изъ Пруссъ“ и мѣстѣ крещенія Камбилы: по первому повѣствованію Гланда Камбила прибылъ въ Новгородъ въ 1250 г. и былъ крещенъ здѣсь съ двумя малолѣтними сыновьями въ 1287 году, а по „Исторіографіи“ Колычева—Камбила первоначально былъ крещенъ крыжаками въ 1280 г., по римско-католическому обряду, и потомъ уже въ 1283 году въ Москвѣ принялъ православіе.

П. Н. Петровъ въ своей „*Исторіи родовъ русскаго дворянства*“, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Одна изъ болѣе позднѣйшихъ нелѣпостей—происхожденіе Романовыхъ отъ какого-то потомка Видвута, князя Литовскаго, переселившагося „изъ Пруссъ“ въ XIII в. и, по принятіи православія, названнаго Іоанномъ. „Не стоитъ и доказывать“,—продолжаетъ онъ,—„несостоятельность такой басни, когда о Видвутѣ не знали и родословцы даже въ XVI вѣкѣ, связывая происхожденіе литовскихъ князей

---

[a]) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 6 и 7.

съ потомствомъ русскихъ князей отъ Св. Владиміра, а именно отъ Ростислава Рогвольдовича, князя Полоцкаго"[a]. Считая нестоющимъ даже опроверженія баснословное сказаніе о Гландѣ Камбилѣ, г. Петровъ все-таки высказываетъ слѣдующія весьма остроумныя и довольно вѣроятныя соображенія о „выѣзжихъ изъ Пруссъ:" „Легендарная основа обыкновенно прикрываетъ подъ „выѣзжими изъ Пруссъ" новгородцевъ, порвавшихъ всякія связи съ родиной и переселившихся въ Москву. Время происхожденія рода—XIII в. была пора, когда не существовало Пруссія, въ смыслѣ самостоятельнаго государства, и въ позднѣйшіе вѣка бывшей владѣніемъ курфюрста Бранденбургскаго до 1700 года. Откуда же могли быть въ XIII в. прусскіе подданные или прусская народность? Въ переработкѣ московскихъ книжниковъ, со временъ Грознаго, терминъ „выѣзжій изъ Пруссъ" прямо замѣненъ яко-бы подходящимъ выраженіемъ „выѣзжій изъ Нѣмецъ". Сводя эти два термина въ одно и находя въ лѣтописяхъ тождественность именъ мнимыхъ выходцевъ изъ Пруссіи, или Нѣмецкой земли, съ новгородскими дѣятелями, въ пользу или противъ которыхъ устраивались побоища и схватки Торговой стороны съ Софійскою, невольно Пруссовъ усматриваешь въ загородномъ концѣ Новгорода, на Прусской улицѣ; изъ нея шла и дорога въ Псковъ, такъ называемый, Прусскій путь. И жители этой улицы, поддерживая оппозицію на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются Пруссами. Къ чему же намъ искать чужихъ Пруссовъ за время ненахожденія ихъ въ другомъ мѣстѣ",—спрашиваетъ г. Петровъ,—„когда тѣ же самыя имена своихъ русскихъ людей въ преемственности колѣнъ являются въ родословіяхъ московскихъ фамилій, пользовавшихся въ царской столицѣ первостепеннымъ вліяніемъ до второй половины XVI вѣка? Представители родовъ этихъ „выѣзжихъ изъ Пруссъ"—люди талантливые, энергичные, полные предпріимчивости и отваги, безплодно потратили свои труды въ подвигахъ, завоевывая Новгороду Сѣверъ; напрасно ожидали отъ захватившихъ власть въ немъ соперниковъ правъ на соучастіе въ правленіи. Борьба съ противниками довела ихъ до изгнанія только,—и тогда-то, обратя взоры на Москву, они подняли ее изъ удѣльнаго княжества до престольнаго великаго княженія и поглощенія другихъ удѣловъ, слившихся въ одно цѣлое съ Москвою въ рукахъ умнаго Ивана III Васильевича; а создавъ его мощь, какъ единодержавца, тѣ же потомки бывшихъ новгородцевъ отомстили преемникамъ гонителей предковъ ихъ—лишеніемъ самостоятельности Новгорода"[b].

---

[a]) См. 3 таб. рода Полоцкихъ князей въ его книгѣ: „Исторія родовъ русск. дворянства", стр. 13.

[b]) Исторія родовъ росс. дворянства, стр. 3.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ сослаться на лѣтописи, изъ которыхъ видно, что одна изъ новгородскихъ улицъ называлась Прусской, а ея обитатели — Пруссами, гораздо раньше[a] (вѣка за четыре) 1250 года, къ которому пріурочиваютъ переселеніе въ Новгородъ Гланды Камбилы „изъ Прусъ". Въ лѣтописяхъ также говорится о столкновеніи жителей Прусской улицы, или Пруссовъ съ новгородцами въ 1287 году, когда посадникъ новгородскій Семенъ Михайловичъ, несправедливо обвиненный въ злоупотребленіяхъ власти и потому смѣненный новгородцами, былъ спасенъ отъ озлобленной толпы новгородскимъ архіепископомъ, который скрылъ его въ Софійскомъ храмѣ, куда бунтовщики не осмѣлились проникнуть. Но испугъ Семена Михайловича, легковѣріе и жестокость согражданъ до того потрясли его, что онъ вскорѣ послѣ этого скончался, не смотря на признаніе его невиннымъ на другой же день послѣ бунта. Мятежники, однакожъ, не успокоились. Конецъ возсталъ на Конецъ, улица на улицу[b]. Пруссы вломились въ архіерейскій дворъ и здѣсь убили Самуила Ратьшинича. Новгородцы бросились на Прусскую улицу, зажгли дома и пламя охватило храмъ Богородицы. Началась-рѣзня, въ которой много погибло виновныхъ и невинныхъ гражданъ. Прусская улица была выжжена; сгорѣлъ и храмъ Богородицы[c]. Но въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы во время этой схватки былъ разграбленъ домъ Гланды Камбилы и что онъ крестился въ томъ же году съ двумя сыновьями,—вообще, не упоминается даже объ его имени. Еслибы дѣйствительно былъ въ это время въ Новгородѣ такой выдающійся по своему происхожденію человѣкъ, какъ Гланда Камбила; то трудно допустить, чтобы лѣтописецъ намѣренно умолчалъ о немъ, особенно въ виду того, что Камбила, по легендарному преданію, крестился по обряду Восточной Церкви. Вотъ почему, можетъ быть, и Н. М. Карамзинъ отнесся съ видимымъ недовѣріемъ къ слѣдующему извѣстію, приведенному имъ въ примѣчаніи 173-мъ къ IV тому его „Ист. Гос. Россійскаго": „Новѣйшіе повѣствователи *увѣряютъ,* что отецъ Андреевъ былъ князь *Прусскій,* одинъ изъ потомковъ перваго царя Латышскаго Видвуша; что сей князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 г. и былъ названъ Іоанномъ".

---

a) Карамзинъ. И. Гос. Росс., т. I, примѣч. III; т. II, пр. 108; т. III, пр. 161; т. IV' пр. 173, 247, 337 и 373.

b) Новгородъ имѣлъ 5 концовъ: Словенскій, Неревскій, Горичскій, Плотинскій и Людинъ; каждый конецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ; въ каждомъ концѣ было свое Кончанское Вѣче, на которомъ избирался Кончанскій старшина. См. „Истор. двор. сословія въ Россіи"—М. Яблочкова, Спб. 1876 г., стр. 57.

c) Карамзинъ. И. Г. Росс., т. IV, примѣч. 173.

Родъ дворянъ Неплюевыхъ происходитъ отъ одного родоначальника съ царствующимъ нынѣ домомъ Романовыхъ, которому старались приписать не русское происхожденіе, благодаря московскому стереотипному термину „выѣзжій изъ Пруссъ“, замѣненному при Іоаннѣ IV Грозномъ— „выѣзжій изъ Нѣмецъ“.—Пора, наконецъ, разсѣять мракъ сказочныхъ вымысловъ, которые доселѣ принимались за истину.—Романовы и соплеменные имъ Неплюевы, Шереметевы и многіе др. роды[a]—потомки чисто русскихъ людей, талантливыхъ и энергичныхъ московскихъ бояръ, выходцевъ изъ Великаго Новгорода, служившаго нѣкогда колыбелью нашего отечества; здѣсь начала созидаться русская самостоятельность, русская національность, завѣщенная славными предками ихъ достойнымъ потомкамъ.

Покончивъ съ баснословными и легендарными сказаніями о происхожденіи рода Неплюевыхъ и другихъ соплеменныхъ имъ дворянскихъ фамилій, обратимся къ исторіи. Бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла съ 1347 г., какъ мы уже сказали раньше[b], становится вполнѣ историческимъ лицомъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 6855 (1347) годомъ читаемъ: „Женися князь великій Семенъ Ивановичъ въ третіе, поя за ся княжну Марію Александровну Тверскаго князя, а ѣздили по неё Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ[c]“.—Назначеніе боярина Андрея Ивановича сватомъ къ Тверской княжнѣ свидѣтельствуетъ объ его высокомъ положеніи при Московскомъ дворѣ и объ особенномъ довѣріи къ нему великаго князя, Симеона Гордаго.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ правительственныхъ и частныхъ родословныхъ видно, что Андрей Кобыла имѣлъ пять сыновей, изъ которыхъ каждый носилъ особливое прозвище и сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ знатныхъ фамилій: 1) Семенъ Жеребецъ считается родоначальникомъ Лодыгиныхъ, Коновницыныхъ, Синихъ, Горбуновыхъ, Кокоревыхъ и Образцовыхъ; 2) Александръ Елка, отъ него пошли Колычевы, сородичи Св. Филиппа, митрополита Московскаго[d], Сухово-Кобылины, Стербеевы, Хлудневы и Неплюевы; 3) Василій Вантей или Ивантей имѣлъ только одного сына Григорія, умершаго бездѣтнымъ; 4) Гавріилъ Гавша положилъ основаніе роду Боборыкиныхъ; и 5) Θеодоръ Кошка, отъ старшаго сына котораго пошло поколѣніе Захарьиныхъ, именовавшихся

---

[a]) См. перечень ихъ въ книгѣ Петрова: „Истор. род. р. дворянства“, стр. 4.
[b]) Стр. 4 и 5.
[c]) П. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 210.
[d]) См. въ журналѣ: „Др. и Нов. Россія“ статью Θ. М. Уманца: „Митрополитъ Филиппъ“, № 11, 1877 г., стр. 198.

потомъ Юрьевыми и наконецъ —Романовыми [a]; а отъ третьяго сына — Беззубцевы, называвшіеся послѣ Шереметевыми [b].

Изъ поколѣнныхъ росписей русскихъ князей и бояръ видно, что отъ одного и того же лица чрезъ нѣсколько поколѣній образовывались новыя, совершенно различныя фамиліи. По мнѣнію Д. А. Валуева, извѣстнаго изслѣдователя мѣстничества, причина такого явленія заключается въ томъ, что каждый младшій членъ рода находилъ выгоднымъ отдѣлить себя и свое потомство отъ старшихъ, чтобы въ распорядкѣ мѣстничества „*не быть утягиваему*" отъ другихъ этими старшими и общею лѣствицею. Принимая новое имя, онъ какъ бы старался упрочить свой разрывъ съ родомъ и привести въ забвеніе своэ прежнее второстепенное родовое положеніе [c]. Такое мнѣніе можетъ быть принято съ большими ограниченіями. Авторъ книги: „Родъ Шереметевыхъ", А. Барсуковъ замѣчаетъ по этому поводу: „Разные случаи мѣстничества показываютъ, однако, что всѣ такія колѣна, принявшія особыя прозвища, все-таки продолжали считаться *однимъ родомъ* и даже вели иногда счетъ другъ съ другомъ общею лѣствицей, если такой счетъ оказывался выгоднѣе той или другой сторонѣ" [d]. М. Г. Спиридовъ, основываясь на лѣтописяхъ, говоритъ: „въ первыя времена Россіи никогда родъ не имѣлъ особаго прозванія: всѣ знатные и первѣйшіе люди назывались собственными именами и отчествами; въ позднѣйшія же, ближайшія къ намъ времена стали называться и писаться по названіямъ княжествъ, городовъ, волостей, отчинъ, помѣстій и земель, въ ихъ владѣніи состоявшихъ". Но и противъ этого можно возразить многое. По мнѣнію П. Н. Петрова, единичность именъ въ первоначальной лѣтописи объясняется неполнымъ знаніемъ лицъ и событій составителями лѣтописей, писавшими о многомъ съ пересказа другихъ [e]. Относительно образованія *прозвищъ* Спиридовъ замѣчаетъ: „впослѣдствіи вошло въ обычай давать прозвища, качество или порокъ душевный или тѣлесный, или свойство означающія". П. Н. Петровъ, приводя мнѣніе Спиридова, говоритъ: „Слова Спиридова, относительно образованія фамильныхъ прозвищъ, намъ кажутся неподлежащими ограниченію во времени и мѣстѣ, а основными и необходимыми отличіями у людей, жившихъ въ обществѣ, во всѣ времена" [a]. М. Яблочковъ, авторъ книги: «*Исторія дворянскаго сословія въ Россіи*,» высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее мнѣніе: „Читая родословныя, я подмѣтилъ

---

[a]) Къ этой же вѣтви принадлеж. угасшая фамилія Яковлевыхъ.
[b]) А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ", т. I, стр. 17 и 18.
[c]) Синбирскій Сборникъ, 1845 г. Москва, стр. 39 (въ предисловіи).
[d]) Т. I, стр. 19,
[e]) Исторія родовъ русс. дворянства, стр. 4 и 5.
[f]) Тамъ же.

такой законъ образованія прозвищъ. Первоначально они давались въ самой семьѣ, если въ ней было нѣсколько сыновей; если же былъ только одинъ сынъ, или же были сыновья, которые занимали какую-нибудь должность, то они не получали. Напримѣръ. Родъ Свибловыхъ: изъ Нѣмецъ пришелъ Ратша; у него сынъ Якунъ, у Якуна—Алексѣй, у него—Гаврило да Акинфъ, у Акинфа—Иванъ, у Ивана—Андрей (пока было по одному сыну, прозвищъ нѣтъ). А у Андрея Ивановича—8 сыновей: Өедоръ Свибло, Иванъ Хромой, Александръ Остей, Иванъ Бутуря, Андрей Слизень, Өеодоръ Корова, Иванъ Зеленый, Михайло" [a]. То, что г. Яблочковъ принимаетъ какъ-бы за общее правило образованія прозвищъ, мы можемъ назвать не болѣе какъ частнымъ случаемъ, далеко необнимающимъ собою всѣхъ родословій съ прозвищами. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы бояре, изъ мѣстническихъ интересовъ или для отличія однихъ сыновей отъ другихъ, сами стали называть себя брюхатыми, кошкой, собакой, кобылой, жеребцомъ, гусемъ, ершомъ, судакомъ, рябчикомъ, клушей, крапивой, колодой, мѣшкомъ и т. п. именами, послужившими основаніемъ многихъ знатныхъ фамилій: Кошкиныхъ, Кобылиныхъ, Собакиныхъ, Клушиныхъ и т. д. По нашему мнѣнію, съ большею вѣроятностью можно допустить, что различныя прозвища давались членамъ одного и того же рода посторонними людьми, или вообще народомъ, часто безъ вѣдома князей и бояръ и, можетъ быть, вопреки ихъ желанію. При отсутствіи всякаго рода этикета и при тогдашней простотѣ нравовъ, народъ не стѣснялся въ характеристикѣ князей и бояръ тѣмъ или другимъ сравненіемъ или именемъ, какъ это бываетъ и нынѣ среди крестьянъ: въ рѣдкой деревнѣ вы не встрѣтите крестьянина, который не имѣлъ бы, кромѣ его обычнаго прозванія, еще особаго прозвища, и послѣднее всегда бываетъ употребительнѣе и популярнѣе, чѣмъ первое, такъ сказать, оффиціальное. При такомъ воззрѣніи на дѣло, становятся совершенно понятными слѣдующія прозвища князей и бояръ русскихъ: Александръ Брюхатый († 1463), Василій Гребенка († 1477), Димитрій Жилка († 1521), Симеонъ Крапива († 1368), Димитрій Ноготь († 1375), Иванъ Смола (Оболенскій), Данило Собака (Оболенскій), Василій Каша (Оболенскій), Өеодоръ Брюхо († 1539), Иванъ Колодка, Өеодоръ Мѣшокъ, Василій Гусь, Иванъ Ершъ, Андрей Рябчикъ, Иванъ Клуша, Иванъ Бѣлка, Иванъ Заяцъ, Ив. Судокъ и т. п. Народъ могъ руководиться въ этомъ отношеніи физическими недостатками князей и бояръ (хромой, глухой, горбатый), выдающимися чертами ихъ характера (Симеонъ Гордый, Мстиславъ

---

[a] См. стр. 82. Слич. Росс. Род. Кн. Долгорукова, ч. IV, стр. 159.

Удалой), замѣчательными подвигами (Александръ Невскій, Дмитрій Донской) и несчастными случаями въ ихъ жизни (Василій Темный). Вѣроятно, въ средѣ дворянскихъ родовъ, существуютъ разныя семейныя преданія, которыя современемъ, можетъ быть, разъяснятъ происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ прозвищъ, при помощи филологіи. Намъ извѣстно, напримѣръ, слѣдующее преданіе о происхожденіи прозвища „Неплюй", даннаго боярину Ѳеодору Ивановичу, ближайшему родоначальнику дворянъ Неплюевыхъ. Ѳеодоръ Ивановичъ „Неплюй" былъ праправнукомъ боярина Андрея Ивановича Кобылы и правнукомъ его втораго сына, Александра Ёлки[a]. Всѣ потомки боярина Кобылы, помня свое происхожденіе отъ древнихъ прусскихъ конунговъ, роднились исключительно съ семействами удѣльныхъ князей; много разъ они были въ родствѣ съ великими князьями московскими и тверскими; одна изъ тетокъ Ѳедора Ивановича была въ замужествѣ за княземъ Микулинскимъ, другая, Марія Ѳеодоровна Голтяева, за княземъ Ярославомъ Боровскимъ, а ея дочь, Марія Ярославовна въ 1433 году вышла за Василія II Темнаго. Молодость Ѳеодора Ивановича, оставшагося еще въ дѣтствѣ круглымъ сиротою, протекла въ домѣ княгини Боровской въ Нижней Слободѣ (теперь Нижній Новгородъ). Переселившись въ Москву, вмѣстѣ съ Маріей Ярославовной, Ѳеодоръ Ивановичъ жилъ въ домѣ своего дяди, боярина и великаго воеводы, Захарія Ивановича Кошкина, который, по совѣту Василія II Темнаго, задумалъ женить своего племянника, изъ политическихъ соображеній, на дочери одного изъ бояръ, приверженца князей Косаго и Шемяки. На предложеніе объ этомъ бракѣ, сдѣланное Ѳеодору Ивановичу Василіемъ II, потомокъ конунговъ съ гордостью отвѣчалъ, что его предки роднились исключительно съ княжескими домами, и что ему унизительно будетъ жениться на дочери простаго боярина. Тогда Василій II,—какъ гласитъ преданіе,—замѣтилъ на это: *«Не плюй*, Ѳедоръ Ивановичъ, *въ колодезь: годится водички испить»*. Дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, только свадьбою съ этой боярышней Ѳеодору Ивановичу удалось избѣжать гибели, при ослѣпленіи Василія II Шемякой. Какъ-бы въ воспоминаніе этого случая, Ѳеодоръ Ивановичъ и получилъ прозвище „Неплюй", а его четыре сына (Гавріилъ, Никита, Андрей, Иванъ) получили уже фамилію Неплюевыхъ[b].

Въ концѣ XV в. фамиліи, вмѣсто прозвищъ, встрѣчаются все чаще и чаще; въ XVI вѣкѣ безъ фамиліи мы не знаемъ никого; къ этому времени боярскіе роды формируются опредѣленнѣе, дворянское сословіе

---

[a] „Росс. Родосл. Книга" Долгорукова, ч. IV, стр. 159.

[b] Это семейное преданіе сообщено намъ Н. Н. Неплюевымъ, который еще въ дѣтствѣ слышалъ его отъ мамушекъ, переданное ими, конечно, по своему.

крѣпнетъ. Въ началѣ XVII вѣка являются зачатки и дворянскихъ гербовъ. Въ Польшѣ и Литвѣ гербы употреблялись гораздо раньше. Вслѣдствіе сношеній съ Литвою и Польшей, особенно въ Смутное время Московскаго междуцарствія, мысль объ употребленіи гербовъ должна была перейти и въ Россію. Сначала русскіе бояре стали дѣлать печати по образцу иностранныхъ гербовъ, но эти печати были, такъ сказать, прототипомъ настоящихъ гербовъ. Въ 1611 году бояринъ Өеодоръ Ивановичъ Мстиславскій въ отпискѣ къ Сигизмунду III, королю польскому, употребилъ печать, на которой былъ изображенъ левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ поворотомъ направо. Въ 1612 году князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій запечаталъ свое письмо къ австрійскому императору печатью, которая имѣла слѣдующій видъ: въ щитѣ орелъ или коршунъ, клюющій мертвую голову; щитъ держатъ два льва; надъ щитомъ—корона, подъ щитомъ—драконъ. Въ 1675 г. стольникъ Иванъ Михайловичъ Афросимовъ къ межевой выписи приложилъ печать, изображающую одноглаваго коронованнаго орла въ щитѣ[a]. Но настоящихъ гербовъ не было въ Россіи до послѣдней четверти XVII в. Котошихинъ, современникъ Царя Алексѣя Михайловича, говоритъ, что Московскій Царь „грамотъ и *гербовъ* на дворянство и боярство никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ... Да не токмо у князей и бояръ, и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства *гербовъ не бываетъ*“[b]. Царь Өеодоръ Алексѣевичъ, уничтоживъ мѣстничество, приказалъ издать для справокъ о гербахъ иностранныхъ родовъ въ Польскомъ приказѣ переводъ книги: „*Латинская книга, называемая Гербовникъ Шляхетскій Польскаго и Литовскаго народа, Окольскаго,—Orbis Polonus, издана въ Краковѣ 1641 г.*“[c]. Петръ Великій окончательно усвоилъ Россіи гербы. Въ табели о рангахъ[d], издан. 22 января 1722 г., Петръ говоритъ, что многіе присвоили себѣ чужіе гербы, и притомъ употребляетъ слово *гербъ*, не поясняя его, какъ будто говоритъ о словѣ уже хорошо всѣмъ извѣстномъ.—Петръ Великій привелъ въ порядокъ старые гербы и помогалъ составлять новые; онъ же установилъ должность герольдмейстера, который долженъ былъ требовать отъ дворянъ доказательства ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербъ,—доказательствъ, отъ кого и когда онъ имъ пожалованъ; лицамъ, которыя могли доказать свое дворянство за 100 лѣтъ, приказано давать гербы[e].

---

[a]) Исторія двор. сословія въ Россіи, Спб. 1876 г. М. Яблочкова, стр. 233, 234.
[b]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859 г., изд. 2, стр. 23.
[c]) Лакіеръ. Росс. Геральдика, кн. II, стр. 336.
[d]) П. С. Зак. № 3890.
[e]) Яблочковъ. Истор. двор. сословія въ Россіи, стр. 234, 235.

Въ царствованіе Павла Петровича, 20 января 1797 года, состоялся именный указъ, которымъ повелѣвалось Герольдіи составить, подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора, князя Алексѣя Борисовича Куракина „*Общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ*". Въ силу этого указа, всѣ дворяне обязаны были представить въ Герольдію свои родословные и *гербы*, съ доказательствомъ о принадлежности ихъ къ благородному сословію; при этомъ требовалось подробное описаніе содержанія эмблемъ герба и значенія ихъ, а также и объясненіе того, по какому праву и случаю присвоенъ представленный гербъ извѣстному роду [a]. Въ это время въ числѣ сенаторовъ были: внукъ Ивана Ивановича Неплюева, Иванъ Николаевичъ Неплюевъ (род. 1752 г., † 1807 г.) и его дальній родственникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ, сынъ Александра Ивановича Неплюева, служившаго при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ арміи [b]. По всей вѣроятности, они тогда же и представили въ Герольдію свою родословную и гербъ, съ объясненіемъ его эмблемъ [c].

Гербъ дворянъ Неплюевыхъ, приложенный нами къ книгѣ, представляетъ щитъ, раздѣленный перпендикулярно на два поля: въ правомъ, красномъ полѣ изображены два серебряные креста, одинъ подъ другимъ, и надъ ними—золотая корона; въ лѣвомъ золотомъ полѣ—дубъ. На гербѣ—дворянскіе шлемъ и корона, изъ коей выходитъ дубъ. Наметъ красный, подложенный золотомъ. Щитъ держатъ: съ правой стороны левъ, имѣющій въ лѣвой передней лапѣ державу [d] и лавровую вѣтвь во рту, а съ лѣвой—прусскій одноглавый орелъ со скипетромъ въ когтяхъ и съ масличной вѣтвью во рту. Девизъ Неплюевыхъ: Deus, honor et gloria (Богъ, честь и слава).—Когда и кѣмъ былъ составленъ этотъ гербъ, намъ неизвѣстно, значеніе же его эмблемъ слѣдующее: въ красномъ полѣ (власть) прусская королевская корона и подъ нею два креста означаютъ происхожденіе Неплюевыхъ отъ древняго конунга Пруссовъ, Летовъ, Самогитовъ и Кореловъ, Гланды Камбилы и его крещеніе съ сыновьями; въ золотомъ (священномъ) полѣ кумиропоклонный дубъ указываетъ на поклоненіе священному дубу их предковъ, князей Летовъ, которые, начиная съ Литталоона I, жившаго

---

a) Барсуковъ А. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 9.

b) Росс. Родосл. Книг. Долгорукова, ч. IV, стр. 163. Долгоруковъ говоритъ, что при Императорѣ Павлѣ былъ сенаторомъ сынъ Ивана Ивановича Неплюева, Николай Ивановичъ, но это не вѣрно: Николай Ивановичъ Неплюевъ скончался еще въ царствованіе Екатерины II. Смотр. въ прилож. поколѣнную роспись Неплюевыхъ.

c) Пергаментная книга съ описаніемъ и объясненіемъ фамильнаго герба, относящаяся ко времени Императора Павла Петровича, хранится у Николая Ивановича Неплюева, Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства. См. въ приложеніи поколѣнную роспись.

d) Въ „Исторіи родовъ русскаго дворянства" П. Н. Петрова, въ числѣ другихъ гербовъ находится и гербъ дворянъ Неплюевыхъ; но мы замѣтили въ немъ слѣдующую неправильность: левъ обращенъ головой къ зрителю и лѣвой лапой придерживаетъ щитъ, не имѣя въ ней державы.

въ III вѣкѣ по Р. Хр., были верховными жрецами друидовъ (Криво-Кривейто), при священномъ дубѣ на берегахъ Вистулы (Висла). При такомъ значеніи герба, становятся понятными и прусскій одноглавый орелъ со скипетромъ, и левъ съ державою, поддерживающіе щитъ съ обѣихъ сторонъ. Этотъ гербъ во многомъ походитъ на гербы Кёнигсбергскій, Эльбингскій и другихъ городовъ, которые въ древности принадлежали потомкамъ Вейдевута, Гландѣ Камбилѣ и брату его Руссингену Дивоновичу. На данцигскихъ монетахъ, сохранившихся отъ XV и XVI вѣковъ, дѣйствительно, изображены: два креста и подъ ними корона, изъ которой выходитъ дубъ [a]. Несомнѣнно, что гербъ Неплюевыхъ имѣетъ своимъ основаніемъ легендарное сказаніе о Гландѣ Камбилѣ. Въ большинствѣ случаевъ гербы фамилій, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ „выѣзжихъ изъ Пруссъ“ и „Литвы“, имѣютъ основныя эмблемы извѣстныхъ польскихъ гербовъ. Такова въ общихъ чертахъ первоначальная исторія происхожденія „выѣзжихъ“ въ Россію бояръ и въ частности—рода дворянъ Неплюевыхъ. Обратимся теперь къ прерванному разсказу о предкахъ Ивана Ивановича Неплюева.

Мы уже знаемъ, что ближайшимъ родоначальникомъ Неплюевыхъ былъ бояринъ Θеодоръ Ивановичъ Неплюй. Печальна была судьба Неплюя. Воспитанный съ дѣтства, вмѣстѣ съ братомъ Маріи Ярославовны, княземъ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ, онъ видѣлъ, какою черною неблагодарностью Василій Темный заплатилъ Василію Ярославичу за его преданность и вѣрную службу ему. Слушая клеветниковъ, Василій Темный приказалъ взять своего шурина подъ стражу и сослать въ Угличъ, а удѣлъ этого мнимаго преступника объявить великокняжескимъ достояніемъ [b]. Въ 1462 году Θеодоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Θедоровичемъ Ряполовскимъ, постригся въ иноки въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Не лучше была судьба и его старшаго сына, Гавріила Θедоровича: послѣ смерти правительницы Елены (матери Грознаго), на сторонѣ которой онъ былъ, Гавріилъ Θедоровичъ Неплюевъ, какъ и отецъ его, постригся въ монахи и въ томъ же монастырѣ, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, Василіемъ Андреевичемъ Шереметевымъ. Это постриженіе Гавріила Θедоровича, вѣроятно, было подневольное, какъ и постриженіе В. А. Шереметева; о послѣднемъ Грозный такъ выразился въ своемъ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козьмѣ: „Шереметевъ *неволею,* отъ бѣды постригся“ [c]. Сынъ боярина-инока, Василій Гаврило-

[a] Лакіеръ. Русск. Геральдика, кн. II, стр. 477, и въ Приложеніи табл. XXV, № 25. Слич. Родъ Шереметевыхъ А. Барсукова, т. I, стр. 14.

[b] Карамзинъ. И. Гос. Росс., т. V, стр. 204. Изд. 1842 г., Спб.

[c] Акты Истор. т. I, стр. 384. Слич. Родъ Шереметевыхъ А. Барсукова, т. I, стр. 77 и д.

вичъ, и внукъ, Семенъ Васильевичъ, почти безвыѣздно жили въ своихъ новгородскихъ вотчинахъ. Въ 1570 г., во время новгородскаго погрома, Семенъ Васильевичъ принужденъ былъ бѣжать изъ разоренной усадьбы въ Литву, оставивъ жену и сына Ивана на попеченіе своей родственницы, княгини Анны Семеновны Воротынской. Правнукъ Ивана Семеновича, выросшій у княгини Воротынской, Иванъ Никитичъ и былъ отцемъ Ивана Ивановича Неплюева, перваго оренбургскаго губернатора и основателя нынѣшняго Оренбурга[a].

Иванъ Никитичъ Неплюевъ родился въ 1671 году въ Новгородской области, гдѣ, въ сообществѣ съ матерью, и протекла вся его молодость. Въ правленіе царевны Софьи, бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ, двоюродный дядя Ивана Никитича, завладѣлъ всѣми родовыми вотчинами Неплюевыхъ, благодаря вліянію и содѣйствію своего друга, Василія Васильевича Голицына, приверженца Софьи. Въ началѣ августа 1689 года произошелъ окончательный разрывъ Софьи съ Петромъ, а черезъ мѣсяцъ (7 сентября) князю В. В. Голицыну и боярину Леонтію Романовичу Неплюеву прочли приговоръ, въ силу котораго князь Голицынъ, вмѣсто престола, попалъ въ Каргополь, гдѣ и окончилъ дни своей жизни, а бояринъ Неплюевъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ, откуда потомъ былъ перевезенъ въ Колу. Изъ конфискованныхъ имѣній Леонтія Романовича Ивану Никитичу, какъ его племяннику, отдали всѣ древнія родовыя вотчины, въ которыхъ онъ и поселился. Неплюевъ въ своихъ Запискахъ подъ 1754 г. говоритъ: „родился мнѣ третій внукъ, коего я наименовалъ Самсономъ по той причинѣ, что прадѣдъ мой былъ того имени, который, будучи выгнанъ отъ роднаго своего брата изъ наслѣдственнаго ему дома, дожилъ вѣкъ свой въ недостаткахъ терпѣливо, но Провидѣніе, награждающее смиренныхъ и наказующее злыхъ, не токмо тому праведному Самсону принадлежащую, но и брату, обидѣвшему его, части *доставило отцу моему*[b]". По сосѣдству съ Неплюевымъ находились обширныя вотчины князей Мышецкихъ. Извѣстно, что Мышецкіе составляли одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ родовъ того времени; но большая часть лицъ изъ этого рода была проникнута религіознымъ фанатизмомъ: многіе члены этого рода удалились въ свои новгородскія вотчины, не желая имѣть никакого сношенія съ „антихристомъ", какъ они называли Петра Великаго; они старались разглашать, что „Петръ—сынъ еретическій, отъ антихриста зачался; из-

[a] Князь Долгоруковъ *ошибочно* считаетъ отцомъ Ив. Ив. Неплюева его двоюроднаго брата, Ивана Ивановича, сына Ив. Яковлевича Неплюева, - такихъ промаховъ въ книгѣ Долгорукова немало. См. ч. IV, стр. 161. Росс. Родосл. Книга.

[b] Р. Арх. 1871 г., стр. 663.

велъ боярина Леонтія Романовича Неплюева да князя В. В. Голицына, а теперь изводитъ дядю своего роднаго, боярина Петра Абрамовича Лопухина, котораго самъ питалъ: поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ".

Мышецкіе особенно полюбили Ивана Никитича Неплюева, тѣмъ болѣе, что отецъ и дѣдъ его приняли, какъ выражались Мышецкіе, „гоненіе за вѣру и правду", и что самъ онъ еще не поступалъ на „антихристову" службу, къ тому же и дядя его, бояринъ Леонтій Романовичъ былъ въ ихъ глазахъ мученикомъ. Иванъ Никитичъ, конечно, не могъ не замѣтить этого и также искренно былъ расположенъ къ Мышецкимъ; особенно онъ сблизился съ княземъ Петромъ Петровичемъ Мышецкимъ, вдовцемъ, имѣвшимъ сына Ѳеодора и дочь Марѳу, отличавшуюся молодостью и красотой. Иванъ Никитичъ, обладая счастливой наружностью, былъ только на одинъ годъ старше княжны Мышецкой. Скоро молодые знакомцы почувствовали взаимное влеченіе, сблизились и поклялись посвятить себя другъ другу. Но влюбленнымъ предстояло преодолѣть почти непреодолимое препятствіе: старикъ отецъ никогда не согласился-бы выдать свою дочь за человѣка новой вѣры, а таковыми онъ считалъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ расколу. Молодыя сердца и не подозрѣвали, какою дорогою цѣною судьба готовилась продать имъ взаимное счастіе. Въ это время по всей Россіи зорко слѣдили за раскольниками; повсюду ихъ хватали, нерѣдко подвергали пыткамъ и замучивали иногда до смерти; наконецъ, очередь дошла и до князей Мышецкихъ. Друзья князя Петра Петровича дали ему знать изъ Москвы, что участь его уже рѣшена и что его приказали арестовать. Получивъ это печальное извѣстіе, князь Мышецкій не колебался ни минуты: онъ тотчасъ же сдѣлалъ нужныя распоряженія и вечеромъ, призвавъ дѣтей, съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ и благословилъ ихъ, а на другой день добровольно сжегъ себя на кострѣ съ сотней другихъ своихъ приверженцевъ. Нужно замѣтить, что въ то время раскольники-фанатики часто подвергали себя подобной смерти: добровольно сжечь себя, по ихъ мнѣнію, значило „*сподобиться вѣнца мученическаго*".— Желаніе получить мученическій вѣнецъ иногда увлекало на добровольный костеръ по двѣсти и триста человѣкъ заразъ; случалось, что на кострѣ умирали, по волѣ родителей, и несчастныя дѣти. Такъ погибли многіе члены княжескаго рода Мышецкихъ.

Самосожженіе князя П. П. Мышецкаго не спасло, однакожъ, отъ конфискаціи его огромныя вотчины. Несмотря на это, Иванъ Никитичъ не измѣнилъ своему чувству и вскорѣ, послѣ смерти князя Петра, женился на его осиротѣвшей дочери, княжнѣ Марѳѣ Петровнѣ Мышецкой. Можно предполагать, что и зять Мышецкаго, вслѣдствіе этого брака, поплатился большею частію своего состоянія: мы уже знаемъ, что Иванъ Никитичъ, при

ссылкѣ своего дяди Леонтія Романовича, получилъ всѣ родовыя вотчины, которыя были очень значительны; между тѣмъ, послѣ его смерти, какъ увидимъ, осталось всего 80 душъ крестьянъ. Такова въ общихъ чертахъ исторія предковъ знаменитаго колонизатора Оренбургскаго края, которую мы сочли нелишнимъ предпослать біографіи самого Ивана Ивановича Неплюева.

5 ноября 1693 года, въ Воскресенье, въ 7 часовъ утра, въ усадьбѣ „Наволокъ“ Новгородской области, у молодой четы Неплюевыхъ родился сынъ Іоаннъ. Когда мальчику минуло почти семь лѣтъ, отецъ, оставивъ его съ матерью, отправился, въ началѣ сентября 1700 года, подъ Нарву въ составъ расположеннаго тамъ войска, съ которымъ въ ноябрѣ соединился и отрядъ В. П. Шереметева; главнокомандующимъ былъ назначенъ герцогъ de Croy. Утромъ 19 ноября на выручку Нарвы подоспѣлъ Карлъ XII. Ужасная вьюга ослѣпляла русское войско, недовѣрчиво относившееся къ иностраннымъ генераламъ. При первой же схваткѣ, раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“—Войско пришло въ страшный безпорядокъ: бросилось бѣжать черезъ Нарову и стало бить своихъ же; только два полка, Преображенскій и Семеновскій, отчаянно защищались, герцогъ же de Croy сдался раньше другихъ, а 21 ноября Карлъ XII вступилъ въ Нарву. Иванъ Никитичъ Неплюевъ былъ раненъ и больной возвратился въ свою усадьбу. Съ этого времени онъ почти постоянно былъ боленъ и не покидалъ своей семьи до самой смерти, послѣдовавшей 10 іюля 1709 года, въ среду, утромъ; онъ скончался на 38 г. жизни, оставивъ 37-лѣтнюю жену и 16-лѣтняго сына. Посмотримъ, какъ и въ какомъ кругу провелъ его сынъ утреннюю пору своей жизни.

Дѣтство и отрочество И. И. Неплюева прошли въ его родной усадьбѣ, подъ заботливымъ надзоромъ любящей матери; отецъ до полученія ранъ подъ Нарвой почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ по дѣламъ службы. Родныхъ со стороны отца у Неплюева не было: всѣ примерли, не оставивъ потомства, и самъ Иванъ Ивановичъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей; ближайшими его родственниками были родные его матери, князья Мышецкіе. Родной дядя Неплюева по матери, князь Θеодоръ Петровичъ Мышецкій былъ уже женатъ, имѣлъ сына Ивана и дочь Марію; онъ жилъ въ деревнѣ по-сосѣдству съ своей сестрой, которая нерѣдко бывала у него и одна, и съ сыномъ. Изъ другихъ фамилій ближайшими знакомыми Неплюевыхъ были Квашнины-Самарины и Татищевы. Тихо и однообразно текли дѣтскіе и отроческіе годы Ивана Ивановича въ деревенской глуши. Первымъ учителемъ его, по тогдашнему обыкновенію, долженъ быть приходскій священникъ; но весьма вѣроятно предположеніе, что читать и писать его научила сама Маρθа Петровна: родъ князей Мышецкихъ, изъ

котораго она происходила, извѣстенъ въ исторіи не однимъ религіознымъ фанатизмомъ, но и замѣчательнымъ по тому времени образованіемъ. Родственники Марфы Петровны, Семенъ и Андрей Денисовичи Мышецкіе путешествовали по разнымъ городамъ Россіи; въ Кіевѣ и Москвѣ учились грамматикѣ и риторикѣ и впослѣдствіи были, одинъ за другимъ, настоятелями Выговской пустыни; кромѣ того, Андрей Денисовичъ извѣстенъ и своими сочиненіями въ защиту раскола (1). Доводя набожность до фанатизма и, какъ огня, боясь всякихъ *«новшествъ»*, эти поборники старины высоко цѣнили предковъ и старину; видѣли въ нихъ послѣдователей истиннаго, неискаженнаго ученія Св. Православной Церкви; благоговѣя предъ стариной, они старались и жить по-старому. Теперь же, когда боярство быстро клонилось къ упадку, когда изъ князей-бояръ,—этихъ меньшихъ братьевъ Русскаго Царя, по выраженію Василія Темнаго,—остался только призракъ, выродившійся, наконецъ, въ ничтожныхъ гасударевыхъ холоповъ, эти люди *«измалодушившіеся»*, потерявшіе почти всякое значеніе въ глазахъ массы, думали возвыситься надъ нею, отдѣливъ себя рѣзкою чертою. Только *немногіе*, сознательно любившіе старину люди вздыхали тайкомъ о томъ времени, когда бояре, младшіе братья Царя, были любящими отцами Русскаго народа; сильные дѣйствительными заслугами и гордые любовью и уваженіемъ массъ, они не боялись жить одною общею жизнью и быть солидарными со всѣмъ народомъ. Къ этимъ-то *немногимъ* сознательнымъ поклонникамъ старины принадлежали и князья Мышецкіе. Всѣ эти черты были глубоко восприняты Маѳой Петровной и переданы ею сыну, въ которомъ впослѣдствіи и отразилась ихъ привлекательная сторона: *необыкновенно набожный онъ удивлялъ современниковъ либерализмомъ своихъ воззрѣній*. Мы также думаемъ, что на развитіе религіознаго чувства въ Неплюевѣ имѣли вліяніе и сосѣдніе съ его родиной монастыри. Неплюевъ, какъ мы знаемъ, родился въ деревнѣ „Наволокъ" въ Новгородской Области. Въ настоящее время намъ извѣстны два заселенныя мѣста съ названіемъ „Наволокъ": 1) въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи есть погостъ Наволокъ, съ церковью во имя Св. Чудотворца Николая, состоящій въ Никольской волости и находящійся въ 8 верстахъ отъ Новгорода [a]; и 2) деревня Наволокъ Ракомской волости [b], приписанная къ Новгородскому Сырному женскому монастырю;

(1) Арабскія цыфры, встрѣчающіяся въ строкахъ, показываютъ примѣчанія, которыя по ихъ объему мы нашли неудобнымъ приводить здѣсь, а отнесли къ концу книги.

a) Отнош. священника Іоанна Багрянскаго отъ 24 марта 1876 г., за № 25, наход. у насъ въ рукахъ.

b) Отнош. свящ. села Ракома Петра Георгіевскаго, отъ 13 апрѣля 1876 г., за № 19, наход. у насъ.

которое изъ этихъ поселеній было родиною Неплюева, въ точности намъ неизвѣстно; но, по нѣкоторымъ даннымъ, мы думаемъ, что Неплюевъ родился въ Наволокѣ Ракомской волости Новгородскаго уѣзда; отъ села Ракома до Новгорода 7 верстъ, а отъ деревни Наволокъ—20 верстъ. Мѣстоположеніе деревни „Наволокъ“ весьма живописно. Вся эта мѣстность издревле славилась своими монастырями, какъ бы опоясавшими собою берега рѣки Волхова и Ильменя озера. На возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ, между рѣками Волховомъ и Княжевкою, въ 3 верстахъ отъ Новгорода, находится мужской первоклассный общежительный Юрьевъ монастырь, основанный въ 1030 г. при Ярославлѣ I, названномъ при св. крещеніи Юріемъ (2). Противъ Юрьева монастыря, на правомъ берегу Волхова, расположенъ Михайловскій 3 клас. мужской монастырь, основанный въ 1348 г. Въ двухъ верстахъ отъ Юрьева монастыря и въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, былъ Пантелеймоновъ монастырь, а въ полутора верстахъ отъ него—Аркадіевскій, или Аркажъ, уничтоженные въ 1764 году. При впаденіи рѣчки Деревяницы въ Волховъ, находился Воскресенскій-Деревяницкій мужской монастырь, основанный въ 1334 г. и упраздненный въ 1750 году. Кромѣ поименованныхъ монастырей, здѣсь были и другіе находившіеся или въ самомъ городѣ или за городомъ: въ 3 верстахъ отъ Новгородскаго Кремля былъ Антоніевъ 2 кл. мужской монастырь, основанный въ 1106 г. преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ; въ 10 верстахъ отъ Кремля находится Хутынскій-Преображенскій первоклассный мужской монастырь; далѣе шли мужскіе монастыри: Кирилловскій, Савинъ-Вишерскій, Вяжицкій-Николаевскій, и женскіе: Сырновъ-Богородицкій, Десятинъ-Богородицкій, Духовъ и Звѣринъ, находившіеся въ самомъ городѣ или близъ него [a].

Такое обиліе монастырей близъ родины Неплюева и религіозное направленіе его матери не могли не отразиться и на воспитаніи его самого. Мареа Петровна, вѣроятно, нерѣдко бывала въ этихъ монастыряхъ и одна, и съ сыномъ; монахи и монахини, безъ сомнѣнія, были постоянными посѣтителями ея дома, такъ сказать, своими людьми. Церковное благолѣпіе новгородскихъ монастырей, благоговѣйное богослуженіе монаховъ, ихъ серьёзныя и блѣдныя лица, душеспасительныя бесѣды, — все это должно было сильно дѣйствовать на впечатлительную и воспріимчивую душу мальчика, видѣвшаго около себя религіозную и любящую мать и больнаго отца,

---

[a]) А. Ратшина: „Полное собр. историч. свѣд. о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существ. монастыряхъ и примѣчательн. церквахъ въ Россіи“. Москва, 1852 г., стр. 369—370, 381 и 400.

который страдалъ не отъ однихъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Нарвой, но и душевно: онъ не могъ забыть позора русскихъ при несчастной осадѣ Нарвы; выражалъ недовольство на новые порядки, введенные Петромъ въ войскѣ; содрогался, при воспоминаніи о томъ, какъ герцогъ de Croy, въ самомъ началѣ сраженія, оказался на сторонѣ Шведовъ. Все это сдѣлало Ивана Никитича угрюмымъ, раздражительнымъ и, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на его отрока-сына: болѣзненный видъ израненнаго, угрюмаго и раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери сообщили ихъ сыну тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впослѣдствіи постоянно охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты жизни, которыхъ у него, какъ увидимъ, было не мало, отъ ропота и отчаянія.

Мы уже сказали, что отецъ Неплюева скончался 10 Іюля 1709 г. Не прошло и двухъ лѣтъ, послѣ его кончины, какъ Мареа Петровна позаботилась найти для своего сына невѣсту. Въ то время Новгородскимъ намѣстникомъ былъ Иванъ Юрьевичъ Татищевъ, внукъ Степана Лазаровича, извѣстнаго сподвижника князя Пожарскаго. У Ивана Юрьевича былъ единственный сынъ Өеодоръ, котораго въ это время въ живыхъ уже не было; послѣ него остались: сынъ Василій и дочь Өеодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иванъ Юрьевичъ взялъ къ себѣ внучатъ-сиротъ на воспитаніе. Бывая въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Мареа Петровна неоднократно видѣла Өедосью Өеодоровну, и теперь выбрала ее невѣстой своему сыну. Въ воскресенье, 6 сентября 1711 г., совершено было бракосочетаніе Ивана Неплюева съ дѣвицей Өеодосіей Татищевой[a]. Неплюевъ замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ женился *«по волѣ матери»*, намекая, вѣроятно, на то, что выборъ невѣсты принадлежалъ не ему, а матери, и очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновенію, мало и знали другъ друга до обрученія, а, можетъ быть, самъ Неплюевъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ, такъ рано. Не достигши еще 18 лѣтъ, Неплюевъ сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 100 душъ крестьянъ: 80 родовыхъ и 20 душъ съ небольшимъ женниныхъ, полученныхъ за нею въ приданое. Молодые поселись въ селѣ Поддубьѣ ([3]) Новгородской области. Здѣсь 19 августа 1712 г. у Неплюевыхъ родился сынъ Адріанъ. Въ ноябрѣ 1713 года, Неплюевъ оставляетъ жену, при своей матери, въ Поддубьѣ, а самъ удаляется въ монастырь. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, въ какой именно монастырь путешествовалъ Неплюевъ, какими побужденіями онъ руководился,

[a]) Өедосья Өедоровна была названа мною раньше, по ошибкѣ, *племянницей* Ив. Юрьевича Татищева. См. „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 23. Уральскъ, 1873—1875 г.

удаляясь въ монастырь, и какъ текла его жизнь, во время путешествія и самаго пребыванія въ монастырѣ. Неплюевъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что онъ удалился въ монастырь *«по обѣщанію»*, но когда дано было имъ это обѣщаніе, до брака или послѣ, и по какому поводу—изъ его Записокъ не видно. Будучи съ дѣтства окруженъ людьми религіозными, видясь нерѣдко съ монахами сосѣднихъ монастырей и посѣщая самые монастыри, Неплюевъ, можетъ быть, думалъ даже поступить въ иноки, подобно своимъ предкамъ[a]; но мать его думала, видно, иначе, если постаралась женить сына такъ рано. Съ другой стороны, Неплюевъ жилъ при Петрѣ Великомъ, когда молодымъ дворянамъ нельзя или трудно было жить дома, ничего недѣлая, или посвятить себя исключительно созерцательной жизни въ монастыряхъ, изъ которыхъ Петръ старался сдѣлать благотворительныя заведенія и школы. Въ мартѣ 1715 года Неплюевъ возвратился изъ монастыря въ Поддубье, гдѣ оставалась его семья. Это путешествіе въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой, въ теченіи 16-ти мѣсяцевъ, весьма характерно: оно можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ религіознаго направленія Неплюева, его глубокой вѣры и ревности къ благочестію, завѣщенному отъ предковъ и развитому въ немъ умной и любящей матерью. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ краснорѣчиво подтвердилъ это всею своею жизнью: во дни своей славы и могущества, онъ никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ литургіи въ домовой церкви, а во время путешествія имѣлъ при себѣ священника и походную церковь. Исполняя теперь свой благочестивый обѣтъ, Неплюевъ какъ-бы приготовлялся духовно къ той многополезной и многотрудной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

---

[a] Боярину Ѳеодору Ивановичу Неплюю, и его сыну, Гаврілу Ѳедоровичу, постригшимся, какъ мы знаемъ, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ. Смотр. стр. 16.

ГЛАВА II.

Первоначальное образованіе и заграничное путешествіе Неплюева.—Возвращеніе въ Россію и экзаменъ предъ Петромъ Великимъ.—Первоначальная служба и назначеніе Неплюева резидентомъ въ Константинополь.

Въ этомъ маломъ путь будетъ.

(Петръ Великій о Неплюевѣ).

Недостатокъ средствъ къ образованію у бѣдныхъ людей и ложное направленіе въ воспитаніи дѣтей у тѣхъ, кто имѣлъ къ тому возможность, не могли скрыться отъ внимательнаго взора Петра Великаго. Стараясь устранить прежніе недостатки въ образованіи, Петръ искренно желалъ размноженія учебныхъ заведеній и предпринималъ всевозможныя мѣры къ достиженію цѣли. При немъ, какъ извѣстно, возникаетъ нѣсколько спеціальныхъ и общеобразовательныхъ заведеній, такъ были открыты: Морская академія, Инженерная и Новигаторская школы, Духовное училище, цыфирныя школы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 1714 г. состоялся указъ, по которому неимѣвшимъ свидѣтельства объ обученіи „цыфири“ и геометріи не позволялось жениться; впрочемъ, Петръ не оставилъ въ покоѣ и женатыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Неплюевъ. Лишь только явился онъ изъ монастыря въ Поддубье, какъ въ Новгородъ пріѣхалъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ; 24 марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни были опредѣлены на службу, другіе отданы въ ученье,—Неплюевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Меньшиковъ записалъ его въ Новгородскую математическую школу, хотя на рукахъ Неплюева была ужѐ порядочная семья: мать, жена и двое дѣтей[a]. Съ этого времени для Неплюева начинается новая жизнь. Воспитанный среди людей старой партіи, каковы были князья Мышецкіе и

[a] Сынъ Адріанъ 2 л. 7 мѣсяцевъ и дочь Марія 9 мѣсяцевъ.

Татищевы, хорошо помня ненависть, съ какою относились его родные и отецъ къ реформамъ Петра, Неплюевъ могъ взглянуть на новое свое положеніе, какъ на измѣну прошлому, какъ на преступленіе противъ убѣжденій своихъ предковъ, изъ которыхъ одни окончили жизнь свою въ монастырѣ, а другіе добровольно и стоически сожигали себя,—и дѣлали это изъ-за убѣжденій. Кромѣ того, Неплюеву, какъ человѣку женатому и семейному [a], безъ сомнѣнія, не легко было сѣсть на школьную скамью, чтобы учиться цыфири и геометріи; но тогда не обращали на это вниманія: князь Меньшиковъ приказалъ,—пришлось повиноваться. Мареа Петровна не перенесла этого удара: во вторникъ 4 мая того же года она скончалась, имѣя всего 42 года отъ рожденія. Такимъ образомъ Неплюеву почти одновременно пришлось пережить тяжелое чувство вѣчной разлуки съ любящей матерью и горестное чувство временной разлуки съ молодой женой и малютками-дѣтьми, оставшимися въ Поддубьѣ, подлѣ свѣжей могилы ихъ бабушки, которая была погребена въ своемъ саду. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, на этомъ мѣстѣ, благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, воздвигнутъ былъ храмъ, во имя св. Крестителя и Предтечи Господня Іоанна; въ оградѣ этого храма до сихъ поръ уцѣлѣло нѣсколько старыхъ дубовъ, современниковъ Неплюева и его матери, украшавшихъ нѣкогда ихъ садъ.

Похоронивъ свою мать, Неплюевъ, съ покорностью Промыслу Божію и волѣ Государя, отправился въ Новгородскую школу и здѣсь усердно принялся за свое дѣло. Въ іюнѣ того же года въ новгородѣ былъ полученъ указъ, которымъ повелѣвалось выбрать изъ новгородскихъ учениковъ 84 человѣка и отправить ихъ въ Нарвскую школу. Нужно замѣтить, что двоюродная сестра Неплюева, Марія Өеодоровна Нарышкина, урожденная княжна Мышецкая, была въ замужествѣ за Кирилломъ Алексѣевичемъ Нарышкинымъ, троюроднымъ братомъ царицы Натальи Кирилловны, матери Петра Великаго. Въ 1715 году К. А. Нарышкинъ былъ назначенъ оберъ-коммендантомъ въ Нарву и главнымъ директоромъ Нарвской навигаторской школы. Благодаря ему, Неплюевъ и былъ переведенъ 29 іюня 1715 года, въ числѣ другихъ учениковъ, въ Нарвскую навигаторскую школу. Учителемъ въ этой школѣ былъ извѣстный въ то время морякъ Митрофанъ Кашинцевъ, а ближайшимъ помощникомъ директора коммендантъ, Василій Григорьевичъ Титовъ. Но Неплюевъ находился въ Нарвской школѣ всего три мѣсяца: его родственникъ Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ вскорѣ

---

[a]) Неплюевъ былъ записанъ въ Новгородскую школу 21 года и 4 мѣсяцевъ, а не 12 лѣтъ, какъ говоритъ Ө. Веселаго (См. Общ. Морской Списокъ, Спб. 1885 г., ч. 1, стр. 278). Неплюевъ род. въ 1693 г., а въ школу поступилъ въ 1715 г., а не въ 1712 г., какъ говоритъ Веселаго; но и въ послѣднемъ случаѣ Неплюеву было бы не 12, а 19 лѣтъ.

былъ назначенъ коммендантомъ въ С.-Петербургъ, куда онъ постарался перевести и Неплюева. Между тѣмъ въ Петербургѣ 1 октября 1715 года была открыта Морская академія, проэктъ которой былъ составленъ и поданъ на разсмотрѣніе французскимъ барономъ[a] Сентъ-Илеромъ (Saint-Hilaire) еще въ 1713 году[b]. Академія помѣщалась въ небольшомъ домѣ, бывшемъ Кикина, на берегу Невы на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Императорскій Зимній Дворецъ, и состояла въ вѣденіи адмирала, графа Өеодора Матвѣевича Апраксина и генералъ-маіора, Григорія Петровича Чернышева, которые впослѣдствіи, какъ увидимъ, оказали большую услугу Неплюеву, обративъ на него вниманіе Петра Великаго. Директоромъ Морской академіи былъ баронъ Сентъ-Илеръ, непосредственный же надзоръ за академіей былъ порученъ Андрею Артамоновичу Матвѣеву; учениковъ въ академію велѣно было набрать изъ Ревеля, Нарвы и изъ Московской навигаціонной школы, открытой въ 1701 г. при Сухаревой башнѣ. Скоро было набрано до 300 дворянскихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ, благодаря содѣйствію К. А. Нарышкина, былъ и Неплюевъ, поступившій въ Академію въ день ея открытія 1 октября 1715 г. Несмотря на то, что въ Морскую Академію принимали только грамотныхъ учениковъ и назначали лучшихъ учителей, успѣхи учащихся были плохи: различный возрастъ учащихся (отъ 11 до 30 лѣтъ), незнаніе учителями-иностранцами русскаго языка, отсутствіе библіотекъ, учебниковъ и учебныхъ пособій, невѣжество и загрубѣлость дворянъ того времени и неразумно-строгое обращеніе съ ихъ дѣтьми,—все это сильно тормозило ходъ занятій въ академіи. Авторъ «*Исторіи Морскаго кадетскаго корпуса,*» г. Веселаго замѣчаетъ, что русскій баричъ 17 или 18 лѣтъ считался еще неразумнымъ ребенкомъ; капризамъ его повиновалось все окружающее и ему съ дѣтства вбивалась въ голову барская спесь. Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ «*неразумныхъ младенцевъ*», еще до поступленія въ школу, живя въ деревнѣ, хаживали одинъ на одинъ на медвѣдей; другіе любили кулачные бои; многіе были уже знакомы съ чарочкой, питая къ ней особенную склонность. Бывали и такіе случаи: не привезутъ ученикамъ провизіи и хлѣба изъ дома,—собиралась компанія голодающихъ и дѣлала набѣги на кладовыя сосѣдей. Кромѣ отмѣченныхъ качествъ учениковъ и загрубѣлости воспитывавшей ихъ среды, были и другія препятствія къ раціональному образованію:

---

[a]) Неплюевъ, вѣроятно, и разумѣетъ Сентъ-Илера, когда говоритъ въ своихъ Запискахъ объ учителѣ *Баро* (Baron).

[b]) Ө. Веселаго говоритъ, что Сентъ-Илеръ былъ принятъ въ русскую службу въ 1715 г. съ чиномъ генералъ-лейтенанта и, по порученію Государя, занимался составленіемъ проэктовъ устройства морскаго училища, которые однако не были одобрены. (Общ. Морск. Спис., ч. I, 335).

учителямъ изъ иностранцевъ,—а таковыхъ было большинство,—были чужды и жизнь, и нравы, и понятія той среды, въ которой надлежало имъ дѣйствовать. Преподаваніе велось нерѣдко на мало понятномъ или и совсѣмъ непонятномъ для учениковъ языкѣ. Учители-иностранцы, не принимая въ соображеніе знаній учениковъ, переполняли свою рѣчь латинскими, французскими и голландскими словами, — и деревенскіе богатыри, небоявшіеся медвѣдей, зубрили, что значитъ въ ариѳметикѣ «*аддицію, мультипликацію, субстракцію*» и т. п. На вопросы учителя иногда ученикъ отвѣчалъ такими предложеніями и періодами, до смысла которыхъ едва ли доберется и современный юноша, удостоенный аттестата зрѣлости. Напримѣръ, учитель спрашивалъ: Что есть ариѳметика?

— *Ариѳметика или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, много полезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенное и изложенное.*

— *Колигуба есть ариѳметика-практика?*

— *Есть сугуба: 1) ариѳметика-политика или гражданская; 2) ариѳметика логистика, не пограждантству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая.*

Въ одной сохранившейся отъ того времени тетрадкѣ находится слѣдующее опредѣленіе географіи: «*Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и фикція земноводнаго корпуса, купно съ феноменами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ солнца*».

Но еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующее описаніе погони за непріятельскимъ кораблемъ: «*При разсвѣтаніи дня единъ молодой человѣкъ или два на верхъ, и посмотрите прилежно при восхожденіи солнца, невозможно-ль единаго корабля тамо получить; съ тѣмъ восточнымъ вѣтромъ (единъ парусъ, единъ парусъ), близко при насъ такъ лежитъ онъ лавеертъ телювертъ, здоокъ боордесгалсенъ, который лежитъ южно черезъ штромъ. Я вижу его здѣсь около низости, какъ есть онъ отъ насъ позади его при компасѣ прямо зюйде-веста...*»[a] и т. д. Просматривая такіе образчики опредѣленій и описаній, невольно удивляешься необыкновенно острому соображенію учениковъ того времени, которые ухитрялись же из-

[a]) Очеркъ истор. Морск. кад. корпуса, Ѳ. Веселаго, 1852 г. См. статью Щепкиной: „Старый гардемаринъ Петра Великаго И. И. Неплюевъ"—въ журн. „Родникъ" за 1888 г., № 2.

влекать кое-что изъ подобныхъ руководствъ. Грубы были нравы кадетовъ Морской академіи, но за то жестоко ихъ и наказывали.

Въ каждомъ классѣ былъ особый дядька, бывшій всегда съ хлыстомъ въ рукѣ для наказанія непокорныхъ. За важные проступки взрослыхъ били нещадно батогами, а подростковъ—плетьми; въ случаѣ же нарушенія законовъ, военныхъ или гражданскихъ, виновныхъ наказывали шпицрутенами. Иногда, впрочемъ, эти побои выводили изъ всякаго терпѣнія учениковъ и заставляли ихъ искать защиты у самого Царя: новигаторъ Угрюмовъ лично подалъ Петру Великому челобитную, въ которой жаловался, что директоръ академіи Сентъ-Илеръ, въ присутствіи учениковъ, билъ его палкой и по щекамъ[a]. Содержаніе учениковъ въ академіи было неудовлетворительно,—кормили ихъ плохо; когда же Петру сдѣлано было представленіе о томъ, чтобы улучшить пищу учениковъ, то онъ съ обычнымъ лаконизмомъ отвѣтилъ: „сего не надобно, ибо ученики имѣютъ бòльшую наклонность къ лакомству, чѣмъ къ ученію и службѣ“[b]. Директоръ академіи Сентъ-Илеръ часто ссорился съ профессоромъ Форварсономъ, съ графомъ Матвѣевымъ и съ княземъ Меньшиковымъ. „Исполняя свою прихоть, выбилъ учениковъ изъ геодезической школы“, которая, по этому случаю, распоряженіемъ графа Апраксина „была изъята изъ его вѣдѣнія“[c]. Все это, конечно, не могло остаться безъ дурнаго вліянія на учениковъ академіи. Матвѣевъ донесъ кабинетъ-секретарю Макарову и адмиралу Апраксину, что „еслибы не было англійскихъ профессоровъ, то некому было-бы освидѣтольствовать кадетовъ; *науки неоканчиваются*, потому что баронъ (Сентъ-Илеръ) въ нихъ несвѣдущъ, регламенты, имъ поданные, не были его практики, а переписаны съ печатныхъ правилъ французской Морской академіи, а онъ выдалъ ихъ за новость; во время годоваго своего пребыванія въ академіи, баронъ ни одного кадета въ дальнѣйшую науку не произвелъ, а успѣховъ въ самой меньшей наукѣ свидѣтельствовать не можетъ, не только не превосходитъ профессоровъ, но и навигаторской науки не знаетъ; еслибы не случилось англійскихъ профессоровъ, то нельзя и въ десять лѣтъ ни одного кадота изъ науки въ науку произвесть“[d].— Сентъ-Илеръ, узнавъ объ этомъ доношеніи, такъ же не замедлилъ съ своей стороны нажаловаться Апраксину на Матвѣева, обругавъ его невѣждой. Апраксинъ, доводя объ этой ссорѣ до свѣдѣнія Петра, замѣчаетъ: „ежели не изволите, Ваше Величество, ихъ развести; то академія въ лучшее со-

a) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 309.
b) Записки Порошина, Спб. 1844 г., стр. 220.
c) Общ. Морск. Списокъ Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 335.
d) Исторія Россіи, т. XVI, стр. 308.

стояніе никогда придти не можетъ". Сторону Матвѣева приняли Апраксинъ и князь Меньшиковъ, послѣдній даже *пригрозилъ директору палками*, чтобы, по его выраженію, „выучить французскій народъ, какъ жить". Сентъ-Илеру оставалось выбрать одно изъ двухъ: или выйти въ отставку или же помириться съ Матвѣевымъ; французскій баронъ подавилъ въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія и рѣшился на мировую, обѣщаясь имѣть къ Матвѣеву „весь респектъ и все почитаніе", но было уже поздно: Петръ приказалъ ввѣрить академію одному Матвѣеву, а Сентъ-Илера отставить отъ службы „для его прихотей". Вообще французскій баронъ оказался ни къ чему неспособнымъ. Въ 1720 г., при появленіи англійскаго флота у Ревеля, Сентъ-Илеръ, выдававшій себя за знатока Россіи, находился на флагманскомъ кораблѣ; но сообщаемыя имъ свѣдѣнія своею нелѣпостью возбуждали только насмѣшки англійскихъ моряковъ[a]). Вотъ въ какомъ состояніи находилось третье, лучшее и высшее по тогдашнему времени, учебное заведеніе, въ которое былъ помѣщенъ Неплюевъ. Трудно было ожидать, чтобы онъ могъ что-либо вынести изъ академіи, кромѣ побоевъ и апатіи къ ученію. Однакожъ, благодаря лѣтамъ, природнымъ дарованіямъ и любви къ занятіямъ, Неплюевъ съумѣлъ и здѣсь воспользоваться, чѣмъ было можно; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, о которыхъ Матвѣевъ, не смотря на свою ссору съ директоромъ академіи, доносилъ въ сентябрѣ 1716 г. кабинетъ-секретарю Макарову: „Кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо обучились, какъ-бы старые" [b]). Находясь въ Морской академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ сталъ питать къ нему то глубокое уваженіе, которое сохранялъ всю жизнь. Непосредственное вліяніе Петра на учениковъ академіи имѣло громадное значеніе; благодаря этому вліянію на учениковъ академіи, не смотря на ея неудовлетворительное состояніе, и выходили такіе замѣчательные дѣятели, какъ Неплюевъ, Татищевъ и другіе. Царь любилъ и часто посѣщалъ свою академію, бесѣдовалъ съ учителями и учениками и слѣдилъ за успѣхами послѣднихъ; здѣсь на листкахъ бумаги онъ записывалъ свои замѣтки и наставленія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листковъ составились цѣлыя книжечки, которыя теперь хранятся въ адмиралтействѣ какъ святыня.

Заботясь объ увеличеніи и улучшеніи русскихъ школъ, Петръ хорошо сознавалъ ихъ неудовлетворительное состояніе и превосходство надъ ними

---

[a]) Общ. Морск. Списокъ Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 335.
[b]) Тамъ же, стр. 308 и 309.

западно-европейскихъ школъ, а потому лучшихъ по успѣхамъ и болѣе даровитыхъ молодыхъ людей, безъ различія сословій, онъ старался отправлять за границу, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе — инженерному, третьи — горнозаводскому дѣлу и т. п., — словомъ, Преобразователь старался ввести, распространить и развить среди русскихъ такія знанія, которыя бы удовлетворяли насущнымъ потребностямъ и нуждамъ государства, — знанія реальныя, почему открываемыя имъ школы имѣли, по преимуществу, утилитарный характеръ. Широкой натурѣ Петра было тѣсно на русскихъ многоводныхъ рѣкахъ; ему было мало Бѣлаго моря и Каспія, и потому онъ простиралъ руки къ Балтійскому и Черному морямъ; по волѣ Петра „началось новое въ Россіи дѣло: строеніе кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ Государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради, *многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуръ и управленія корабельнаго*" [a]. Съ этою цѣлью, на первый разъ, Царь назначилъ въ 1697 г. отправить за границу 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ: изъ нихъ 28—въ Италію, преимущественно въ Венецію, служившую тогда передовымъ отрядомъ Европы на морѣ противъ Турціи, а 22 чел.—въ Англію и Голландію. „Всѣ они,—замѣчаетъ Устряловъ,—принадлежали къ значительнѣйшимъ въ то время родамъ, и многіе впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ и гражданскомъ. При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морскаго дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ было объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію, безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ объ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, *подъ страхомъ потери всего имущества* [b]". Вслѣдъ затѣмъ Петръ, поручивъ управленіе государствомъ своему дядѣ Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому, самъ отправился за границу подъ именемъ дворянина Петра Михайлова, чтобы познакомиться съ европейской цивилизаціей и научиться кораблестроенію. По установившимся тогда понятіямъ, путешествіе за границу, съ цѣлію образованія, было противно обычаямъ старины, но Петръ не обращалъ на то вниманія и энергично шелъ къ намѣченной имъ цѣли, продолжая отправлять молодыхъ людей за границу, безъ различія званія и возраста: Петръ посылалъ учиться *морскому дѣлу* моло-

---

a) Предисловіе къ Морскому уставу.

b) Н. Устрялова: „Истор. царствованія Петра Великаго", т. II, гл. XII, стр. 315. Въ приложеніи XVIII-мъ привод. и списокъ этихъ лицъ.

дыхъ людей и «*изъ простыхъ породъ*» и изъ знатныхъ дворянъ; но такъ-какъ между послѣдними оказались нежелающіе, то ихъ за отказъ обложили большимъ *денежнымъ штрафомъ*[a]. Въ 1716 г. приказано было выбрать въ московскихъ латинскихъ школахъ пять хорошихъ учениковъ и отправить ихъ въ Персію къ посланнику Волынскому, для изученія тамъ языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго[b]. Въ томъ же году приказано было послать въ Кёнигсбергъ 40 подъячихъ, отъ 15 до 20 л. отъ роду, „молодыхъ робятъ добрыхъ и ученыхъ, которые бы могли науку воспріять", и тамъ учить ихъ по нѣмецки, а дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были, и послать за ними надзирателя, чтобы они не гуляли". — Ивану Ивановичу Неплюеву также пришлось отправиться за границу, по волѣ Петра Великаго. 27 января 1716 года Петръ выступилъ въ походъ въ Мекленбургію, Данію и Голландію.—Путь его лежалъ чрезъ города: Нарву, Ригу, Либаву, Данцигъ, Шверинъ и Ростокъ, до Копенгагена. Изъ Данцига, 2 марта того же года, онъ писалъ адмиралу Апраксину: „Понеже получили мы вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ *морскую* службу принять хотятъ; также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же. Того для велите какъ наискорѣе въ Петербурхѣ отобрать еще изъ школьниковъ лучшихъ дворянскихъ дѣтей, и привесть въ Ревель, и посадить на корабли съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60 человѣкъ, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, во Францію и Англію по 20 человѣкъ[c]." Въ исполненіе этого указа, Апраксинъ 15 марта изъ Ревеля написалъ къ директору Морской академіи графу Матвѣеву, чтобы онъ немедленно выбралъ изъ «*школьниковъ*» 60 человѣкъ и отправилъ ихъ въ Ревель; Матвѣевъ не замедлилъ: и 21 марта того же года было отправлено въ Ревель 20 человѣкъ, въ числѣ ихъ находился и Неплюевъ, а 31 марта молодые дворяне прибыли въ Ревель и всѣ были опредѣлены гардемаринами во флотъ. Званіе **гардемарина** учредилъ Петръ Великій, опредѣливъ его такъ: «*въ бою какъ солдатъ, въ ходу какъ матросъ*». На корабляхъ гардемарины исполняли всѣ матросскія обязанности; они носили матросскій костюмъ и получали мѣсячную порцію сухарей, крупъ и т. п., но ѣли не изъ общаго, а изъ особаго товарищескаго котла. Гардемаринамъ, опредѣленнымъ въ Ревельскій флотъ, куда былъ взятъ и Неплюевъ, было

---

[a]) Смотр. „Матеріалы для истор. Русскаго флота" въ журн. „Морск. сборн." за 1868 г., кн. 2, критика и библіогр., стр. 31.

[b]) См. въ журн. „Русск. Вѣстникъ" за 1875 г., ноябрь, стр. 92, статью А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII ст.", по документамъ Моск. гл. архива М. Иностр. Дѣлъ.

[c]) Тамъ же.

выдано парусинное платье и назначено каждому слѣдующее мѣсячное продовольствіе: 2 пуда 10 ф. сухарей, 15 ф. гороху, 15 ф. крупъ, 2½ ф. соли, четверикъ ржаной муки на квасъ, 25 чарокъ вина, полторы кружки уксусу, 19 ф. ветчины, 6 ф. вялой рыбы и 2 руб. 40 коп. деньгами. Неплюевъ, по прибытіи въ Ревель, 1 апрѣля былъ опредѣленъ на корабль подъ названіемъ „Архангелъ Михаилъ“, вооруженный 52-мя пушками и имѣвшій 300 матросовъ и 200 солдатъ; капитаномъ корабля былъ англичанинъ Рю. Вмѣстѣ съ Неплюевымъ на тотъ же корабль, въ числѣ другихъ десяти гардемариновъ, были опредѣлены: Василій Квашнинъ-Самаринъ, другъ его дѣтства; Василій Ивановичъ Татищевъ [a], родственникъ его жены, и Мордвиновъ, оставившій послѣ себя интересныя Записки [b]. Изъ Шверина въ Мекленбургіи Петръ Великій послалъ въ Ревель къ капитанъ-командору Сиверсу указъ, чтобы онъ съ опредѣленною въ его начальство эскадрою шелъ въ Копенгагенъ. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1716 г., Ревельскій флотъ, подъ командою Сиверса, отплылъ къ Копенгагену; но, достигнувъ острова Борнгольма, принужденъ былъ снова возвратиться въ Ревельскую гавань, опасаясь шведскихъ кораблей, расположенныхъ около острова Рюгена. Въ іюлѣ послѣдовалъ новый указъ Государя о вторичномъ выступленіи Ревельскаго флота къ Копенгагену, гдѣ дожидался его самъ Петръ. Вслѣдствіе этого, флотъ, въ составѣ 10 кораблей [c], снялся съ якоря и 17 іюля остановился въ виду Копенгагена. Вскорѣ явился сюда Петръ и на кораблѣ „Ингерманландія“ отправился, во главѣ флота, къ самому городу, гдѣ уже находилось нѣсколько русскихъ кораблей, пришедшихъ незадолго предъ тѣмъ изъ Архангельска; здѣсь же было 6 голландскихъ военныхъ и 15 англійскихъ кораблей, кромѣ множества купеческихъ судовъ. Въ августѣ весь флотъ, въ составѣ русскихъ и иностранныхъ кораблей, долженъ былъ отплыть къ шведскому берегу, за исключеніемъ голландскихъ кораблей, отправленныхъ отъ Борнгольма въ Ревель. Петръ самъ проводилъ флотъ до Борнгольма и, въ сопровожденіи кораблей „Фортуна“ и „Арендэль“, возвратился снова въ Копенгагенъ. Въ началѣ сентября того же года, весь флотъ снова приплылъ въ Копенгагенъ, а въ концѣ сентября Петръ занялся распредѣленіемъ молодыхъ людей, для отправленія ихъ въ Италію, Францію и

---

[a] Бантышъ-Каменскій смѣшиваетъ этого Татищева съ Вас. Никитичемъ Татищевымъ, извѣст. историкомъ XVIII в. Словарь достопам. людей Русской земли, т. III, стр. 404 и д. Слич. Н. Попова: „Татищевъ и его время“, стр. 537.

[b] „Русскій музеумъ“, изд. Свиньина, Спб. 1829 г., 116.

[c] Въ Запискахъ Неплюева приводятся и названія этихъ *десяти* кораблей: Ингерманландія, Екатерина, Полтава, Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Илія, Иландсдорфъ, Фортуна, Арендэль.—Рачинскій говоритъ, что эскадра состояла изъ 13 кораблей. См. Рус. Вѣст., 1875 г., ноябрь, стр. 93.

Англію: 20 человѣкъ должны были отправиться въ Францію для обученія мореплаванію, 10—въ Англію и 30 человѣкъ въ Венецію, которые, поступивъ тамъ на галеры, должны были на практикѣ изучить морское дѣло и управленіе галерами; Неплюевъ, по желанію Петра, былъ включенъ въ число послѣднихъ. Государь приказалъ русскому послу въ Копенгагенѣ, князю В. Л. Долгорукову выдать гардемаринамъ, сверхъ жалованья, по шести ефимковъ[a] и отпустить ихъ въ Амстердамъ, а самъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ государыней, отправился въ Голландію.

Въ началѣ октября гардемарины были распредѣлены на нѣсколько группъ и на голландскомъ флотѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ Граве, отправлены въ Амстердамъ. Неплюевъ плылъ на кораблѣ „Браколъ“, вооруженномъ 52 пушками; капитаномъ корабля былъ Флозпекъ и при немъ 270 чел., включая сюда и офицеровъ. Отплывъ отъ гавани не болѣе 20 миль, флотъ долженъ былъ остановиться близъ шведскаго города Готенбурга и простоять здѣсь трое сутокъ, по причинѣ противнаго вѣтра, лишившись притомъ трехъ кораблей, отнятыхъ Шведами. Вслѣдствіе этихъ неудачъ, флотъ повернулъ назадъ и остановился близъ Гельзенберга (на сѣверномъ берегу о-ва Зеландіи), гдѣ оставался до 26 октября. Не надѣясь болѣе на скорый попутный вѣтеръ, гардемарины послали одного изъ своихъ товарищей, П. С. Салтыкова[b], въ Копенгагенъ къ князю Долгорукову, чтобы испросить у него позволеніе ѣхать въ Амстердамъ сухимъ путемъ; князь согласился, но подъ условіемъ, чтобы они ѣхали на свой счетъ. Гардемарины вошли въ соглашеніе съ датскимъ почтмейстеромъ, который взялся доставить ихъ въ Гамбургъ за 15 рейхсталеровъ съ каждаго; но за ту же плату почтмейстеръ долженъ былъ снабжать ихъ въ дорогѣ всѣмъ необходимымъ, обязавшись впрочемъ кормить ихъ, во все время пути, только одинъ разъ въ сутки. Неплюевъ говоритъ, что, наканунѣ ихъ отъѣзда, гардемаринъ Костюринъ бѣжалъ и, боясь возвратиться въ Россію, поступилъ въ датскую службу солдатомъ. Но Петръ Великій досталъ его изъ датской службы и далъ ему возможность въ отрядѣ капитана Наума Синявина отличиться въ 1719 году „на баталіи въ Балтійскомъ морѣ, при взятіи трехъ шведскихъ кораблей“, за что Костюринъ 17 іюня того же года произведенъ въ мичманы корабельнаго флота[c].— Въ Гамбургѣ гардемарины прожили трое сутокъ; за квартиру здѣсь каждый изъ нихъ

[a]) Цѣна ефимка въ 1721 г. была 80 нашихъ коп.; послѣ 1725 и 1733 г. цѣнность его считалась не меньше русскаго рубля, а иногда и больше.

[b]) Петръ Семеновичъ Салтыковъ (1700 1772 г.), впослѣдствіи фельдмаршалъ и побѣдитель Фридриха Великаго при Куннерсдорфѣ.

[c]) Р. Вѣстн. 1875 г., ноябрь. стр. 96. Изъ „Общ. Морскаго Списка“ Ѳ. Веселаго (ч. I, стр. 188) видно, что Костюринъ (Алексѣй) 15 декабря 1727 г. былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты и выбылъ изъ службы до 1732 г.

платилъ по двѣ гривны въ сутки. На четвертый день они отправились дальше, нанявъ лошадей до самаго Амстердама, съ платою по 12 ефимковъ съ каждаго, и въ концѣ декабря прибыли въ Амстердамъ, гдѣ въ это время находился уже и Петръ съ своей супругой и свитой, въ которой были: министръ Г. И. Головинъ, П. А. Толстой, П. П. Шафировъ, посолъ князь Б. И. Куракинъ, генералъ-лейтенантъ В. Вл. Долгорукій, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Бутурлинъ, кабинетъ-секретарь А. Макаровъ и коммиссаръ Московскаго монетнаго двора, Т. Т. Левкинъ (онъ же и Топоровъ). Въ Амстердамѣ гардемарины поселились на частныхъ квартирахъ, съ платою по 20 алтынъ въ недѣлю; а съ 1 января 1717 г. имъ стали выдавать, по приказанію Государя, по одному червонцу *«кормовыхъ»* каждому. Похоронивъ здѣсь своего товарища Ивана Воробьева[a] и оставивъ, по распоряженію Петра, Алексѣя Пушкина и Ив. Безобразова, переведенныхъ въ французскій отрядъ, остальные гардемарины, въ числѣ 26 чел., 8-го февраля отправились въ Венецію; на дорогу каждый гардемаринъ получилъ по 25 червонцевъ, при чемъ они были снабжены указомъ отъ венеціанскаго агента въ Амстердамѣ, за подписью Шафирова, и паспортомъ за подписью агента Франденбурга. Въ высочайшемъ рескриптѣ, отправленномъ изъ Амстердама 7 февраля 1717 г. въ Венецію, къ бывшему тамъ россійскому агенту Петру Беклемишеву, говорится: „Въ прошломъ 1715 г., по указу Нашему, велѣно чрезвычайному послу Нашему, пребывающему при Польскомъ Дворѣ, князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукому, объявить венеціанскому тамъ же обрѣтающемуся послу, г. Дельфину, что изъ нашего россійскаго шляхетства нѣкоторые молодые люди желаютъ въ венеціанскомъ флотѣ служить; и могутъ-ли оные въ ихъ службу приняты и употреблены быть въ морскомъ флотѣ на галерахъ, въ чемъ показано будетъ отъ оной Рѣчи Посполитой (республики Венеціанской) пріятство? И помянутой венеціанской посолъ писалъ о томъ къ своей республикѣ и получа на то указъ, не только словесно, но и письменно, именемъ республики своей, обнадежилъ, что тѣ россійскіе шляхтичи въ службу ихъ охотно и съ надлежащимъ трактаментомъ (содержаніемъ) приняты будутъ. Того ради нынѣ отсюда изъ россійской молодой шляхты, которые учреждены у насъ въ гардимаринахъ, отправлено въ Венецію двадцать семь человѣкъ, и повелѣли мы онымъ быть въ службѣ венеціанской въ морскомъ флотѣ *на галерахъ военныхъ, а не на корабляхъ*. И тебѣ надлежитъ объ оныхъ князю

---

[a]) Былъ еще Иванъ Воробьевъ, начавшій службу въ мартѣ 1716 года корабельнымъ писаремъ и потомъ бывшій корабельнымъ секретаремъ; въ 1724 г. онъ находился при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта, а съ 1737—1740 г. состоялъ при адмиралѣ графѣ Головинѣ (Общ. Морск. Сцисокъ, ч. I, стр. 88). Очевидно, это былъ другой—соименникъ и однофамилецъ Ив. Воробьева, умершаго въ Амстердамѣ.

Венеціанскому (дожу) и Сенату объявить, и домогаться, чтобъ оные въ ихъ морскую службу приняты, и на ихъ *военныя галеры* употреблены были, безъ потерянія времени"[a]. Въ то же время Петръ писалъ къ жившему въ Венеціи тайному совѣтнику, Саввѣ Владиславовичу Рагузинскому: „Понеже Рѣчь Посполитая Венецкая обѣщала принять въ свою морскую службу нашихъ молодыхъ дворянъ, для того посылаемъ нынѣ въ Венецію 27 человѣкъ[b], которымъ исходатайствуйте заранѣе указъ, чтобы ихъ употребили въ свою службу на галерахъ, а не на корабляхъ,[c] и чтобы они раздѣлены были какъ для ученія языка, такъ и для лучшей практики навигаціи, по разнымъ судамъ, а именно на каждое судно по человѣку, и чтобы ихъ сперва производили отъ нижняго чину[d]".

24 февраля гардемарины были уже въ Венеціи, издержавъ въ дорогѣ по 24 червонныхъ. Въ реляціяхъ бывшаго въ Венеціи россійскаго резидента Беклемишева, отъ 10 мая, написано, что „тѣ 27 человѣкъ россійскіе шляхтичи въ венеціанскую службу опредѣлены, и на другой день отправятся на кораблѣ въ Корфу"; а 9 іюня тотъ же резидентъ доносилъ, что „оные 27 гардемариновъ прибыли благополучно въ Корфу, отъ генералъ-капитана приняты и опредѣлены на всякую галеру по два человѣка"[e].— Неплюевъ въ своихъ Запискахъ также говоритъ, что онъ и его товарищи были отправлены въ Корфу 10 мая, получивъ на путевыя издержки 20 цехиновъ[f]. По прибытіи въ Корфу, Неплюевъ былъ опредѣленъ на галеру „Жентела" о 50-ти веслахъ и 21-й пушкѣ; на галерѣ находилось: 15 матросовъ, 64 солдата изъ итальянцевъ, 18—изъ славянъ и при нихъ два прапорщика, два морскіе унтеръ-офицера, писарь, лѣкарь, капитанъ, подпоручикъ, прапорщикъ и 6 человѣкъ разныхъ чиновъ; обязанности гребцовъ исполняли 200 колодниковъ, такъ что весь экипажъ галеры состоялъ изъ 312 чел. На ту же галеру былъ помѣщенъ, въ числѣ другихъ, и В. И. Татищевъ, такъ-какъ оказалось невозможнымъ помѣстить каждаго гардемарина на отдѣльную галеру, чего желалъ Петръ.

Въ 1718 году, во время пребыванія русскихъ гардемариновъ въ Корфу, число ихъ уменьшилось еще на двоихъ: 10-го числа января гардемаринъ князь Михаилъ Андреевичъ Прозоровскій бѣжалъ на Аѳонскую гору, съ случившимися въ Корфу, для собиранія милостыни, іеромонахомъ

---

[a]) „Русск Вѣстн." 1875 г., ноябрь, стр. 97. См ст. Раевскаго. „Первые русск. гардемарины заграницей въ XVIII вѣкѣ."

[b]) Голиковъ. Дѣянія П. Великаго, т. VI, стр. 153–154.

[c]) Отправленные же во Францію должны были поступить на корабли.

[d]) См. ст. Н. Г. Устрякова: „Навигаторы и гардемарины П. Великаго", стр. 69.

[e]) „Русск. Вѣстн." 1875 г., ноябрь, стр. 98.

[f]) Съ 1 марта 1718 г. цехину была присвоена цѣнность въ 31 ф., и жалованья съ этого числа имъ стали выдавать по два цехина безъ 1 ф., т. е. 61 фунтъ. См. тамъ же, стр. 99.

Филиппомъ изъ монастыря Св. Павла, а 4 марта гардемаринъ Василій Өедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, другъ дѣтства Неплюева, былъ найденъ мертвымъ на улицѣ. Прозоровскій, прибывши на Аөонскую гору, постригся тамъ въ монастырѣ Св. Павла въ иноки и былъ названъ, при постриженіи, Сергіемъ; впослѣдствіи же онъ выѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Невскій монастырь и служилъ во флотѣ іеромонахомъ[a]. Изъ гардемариновъ Прозоровскій особенно былъ друженъ съ Семеномъ Леонтьевичемъ Мордвиновымъ, котораго онъ вскорѣ и увѣдомилъ о своемъ мѣстонахожденіи чрезъ Якова Иванова, одного русскаго, бывшаго въ плѣну у Турокъ и посѣтившаго Аөонскую гору. Ивановъ передалъ Мордвинову письмо, въ которомъ Прозоровскій, между прочимъ, просилъ переслать ему деньги, которыя обѣщался выслать ему отецъ[b]. Изъ слѣдствія, произведеннаго мѣстными властями, о смерти Квашнина-Самарина выяснилось, что въ ночь, когда совершилось убійство, Арбузовъ въ сѣромъ, а Самаринъ въ зеленомъ кафтанахъ, при шпагахъ, сидѣли въ игорномъ домѣ за особнымъ столомъ и вдвоемъ играли въ карты; когда пробило два часа (по захожденіи солнца), одинъ другому махнувъ рукою, они вмѣстѣ вышли изъ дома. Въ Венеціи нашелся въ то время „одинъ *русскій человѣкъ, Дмитрій Өедоровъ*, который находился въ венеціанской службѣ *въ папежскомъ полку солдатомъ*“; Өедоровъ показалъ, что, „будучи вмѣстѣ съ Арбузовымъ въ числѣ экипажа на галерѣ „Ваттарда“, онъ, Дмитрій, отъ самого Алексѣя Арбузова узналъ, что закололъ Самарина онъ“[c]. Въ убійствѣ Самарина заподозрили Арбузова и его товарищи. Неплюевъ сообщаетъ въ своихъ Запискахъ, что при осмотрѣ имъ убитаго, когда онъ разорвалъ на немъ рубашку и поднялъ за голову, замѣчена была имъ рана въ правомъ боку, близь сосковъ, въ которой оказался отломленный конецъ шпаги. На допросѣ, во время слѣдствія, Неплюевъ показалъ, что у Арбузова съ Квашнинымъ-Самаринымъ „напередъ сего ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сея зимы, и Алексѣй Арбузовъ, послѣ драки въ Корфу, говорилъ: ежели-де Василій Самаринъ напередки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ драться не смогу“. Арбузовъ скоро сознался въ преступленіи и на допросѣ показалъ, что наканунѣ 4-го марта онъ былъ съ Самаринымъ въ трактирѣ, откуда они отправились домой въ третьемъ часу ночи; дорогой Самаринъ пригласилъ его къ себѣ на квартиру *покурить;* но лишь только они вошли на дворъ, какъ Самаринъ схватилъ его за уши,

---

[a] Тамъ же, стр. 99 и 100.

[b] „Русск. Архивъ“ 1871 г., № 4. Записки Неплюева. С. Л. Мордвиновъ отецъ извѣстнаго графа Николая Семеновича Мордвинова. См. монографію В. С. Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб. 1873 г.

[c] См. ст. А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII в.“ Р. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 99—100.

сильнымъ ударомъ въ лобъ опрокинулъ на землю и, зажавъ ему ротъ, началъ бить. Тогда Арбузовъ, чтобы освободиться, началъ кусать попавшійся ему палецъ Самарина; но иступленный гардемаринъ продолжалъ его бить, приговаривая: „нѣтъ, я тебя не выпущу, а убью до смерти!" Арбузовъ, вынувъ лѣвой рукой шпагу и побуждаемый чувствомъ самосохраненія, нанесъ нѣсколько ударовъ Самарину въ бокъ, отчего тотъ и умеръ. Неплюевъ принялъ самое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ писалъ изъ Венеціи къ матери убитаго объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось убійство, и старался утѣшить Наталью Алексѣевну, что тѣло ея сына погребено у греческой церкви, въ коей покоятся мощи св. Спиридона Тримифунскаго.—Изъ письма Неплюева къ матери Самарина[a] видно, что денегъ послѣ убитаго не осталось, а имущество его было продано за десять червонныхъ, которые были розданы Неплюевымъ на поминовеніе души Самарина *по греческимъ церквамъ*. Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Самарина, между прочимъ, обнаружило, что русскіе молодые люди, находясь за границей, посѣщали редуты[b], или игорные дома, гдѣ предавались, со всѣмъ увлеченіемъ молодости, карточной игрѣ и выпивкѣ. Всѣми дѣлами гардемариновъ завѣдывали особые комиссары; они же обязаны были слѣдить и за поведеніемъ ихъ, а въ Амстердамѣ жилъ князь Иванъ Борисовичъ Львовъ, которому порученъ былъ главный надзоръ за дворянскими дѣтьми, бывшими за границей (4). Къ стыду нашей молодежи того времени, комиссары бывали завалены жалобами на буйство и грубость русскихъ; имъ постоянно приходилось спасать своихъ питомцевъ изъ рукъ иностранной полиціи и отъ тюремъ, куда они попадали за неплатежъ долговъ. Въ 1712 году нашъ посланникъ писалъ изъ Лондона князю И. Б. Львову: „тщился я ублажить англичанина, которому *одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ*, но онъ 500 ф. стерл. запрашиваетъ"[c]. Находившійся во Франціи при гардемаринахъ капитанъ Кононъ Никитичъ Зотовъ[d], сообщая въ 1717 году кабинетъ-секретарю Макарову о безпорядкахъ и буйствахъ, которые производила за границей наша молодежь, говоритъ, что „надобны къ нимъ конечно русскіе дядьки, и чтобы сродники къ нимъ присылали деньги: „ради дядьки будутъ смирно жить, а ради денегъ *по міру не будутъ ходить* (5)". Ходатайствуя объ улучшеніи ихъ положенія, Зотовъ писалъ: „легче бы было видѣть ихъ смерть, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы было ихъ перебить, что поросятъ,

---

[a]) См. въ Запискахъ Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., № 4.
[b]) О редутахъ см. въ журн. „Атеней" за 1859 г., № 7, стр. 338 и д.
[c]) Р. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 94.
[d]) Сынъ Никиты Моисеевича, бывшаго учителемъ Петра I.

нежели ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить. Я отъ своей ревности все, что имѣлъ при себѣ, имъ роздалъ: парикъ, кафтанъ, рубахи, башмаки и деньги,—однимъ словомъ, себя разорилъ" [a]). Отчасти въ такомъ поведеніи гардемариновъ были виноваты и сами надзиратели надъ ними. Авторъ одного подметнаго анонимнаго письма разсказываетъ, какъ комиссаръ Львовъ, кромѣ 1000 ефимкотъ жалованья, получая еще 400 рублей на содержаніе священника и секретаря, „сихъ персонъ никогда не имѣлъ и бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ; какъ онъ своею лукавою *потачкой избаловалъ многихъ русскихъ господчиковъ,* присланныхъ сюда (въ Голландію) за навигацкой наукой; нѣкоторые изъ нихъ уже позакладывали и попродали вещи и деревни, и деньги иждиваютъ *въ безчиніи...*» [b]). Жизнь въ чужихъ странахъ, вдали отъ своего отечества, казалось-бы, должна была сблизить между собой русскихъ юношей; но убійство Самарина и его обращеніе съ Арбузовымъ доказываютъ, что между ними недостаточно было развито чувство товарищеской любви, которая многое прощаетъ и многое терпитъ. Впрочемъ, Неплюевъ, благодаря твердой волѣ и стойкости характера, умѣлъ держать себя должнымъ образомъ и вдали отъ родины, и потому пользовался особенною любовію и довѣріемъ своихъ товарищей.

Намѣреніе Петра Великаго доставить молодымъ гардемаринамъ сразу военную практику на морѣ осуществилось. Венеціанская республика съ іюня 1717 года по декабрь 1718 г. вела войну съ Турціей,—и нашимъ морякамъ удалось оказать „существенный куражъ въ случаѣ корабельной баталіи венеціанскаго флота съ турецкимъ, бывшей 19 іюля 1717 года въ портѣ Паганія, въ заливѣ Елеусъ, а также при взятіи фортовъ Превезы и Воницы и при осадѣ Венеціанцами крѣпости Дульциньо".—Въ аттестатѣ, полученномъ Неплюевымъ отъ супрокомито Виценца Капелло, говорится: „Господинъ Иванъ Неплюевъ, одинъ изъ дворянъ московскихъ, на моей галерѣ въ общей кампаніи прошедшей, и во всемъ показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ" [c]).—Въ такомъ же родѣ получилъ Неплюевъ аттестатъ и отъ венеціанскаго генерала Панексвалиго, въ Корфу 1-го января 1718 года([6]). Въ началѣ 1719 года прекратились военныя дѣйствія Венеціанцевъ съ Турками и русскіе гардемарины, въ концѣ февраля, прибыли на одномъ изъ военныхъ кораблей въ Венецію, гдѣ, по приказанію Государя, неимѣвшіе средствъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, были обмундированы на счетъ казны русскимъ аген-

---

[a]) Общ. Морск. Списокъ. Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 157.
[b]) С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XVI, М. 1866 г., стр. 405.
[c]) Записки Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 602.

томъ Беклемишевымъ: гардемаринамъ были сшиты и выданы темносѣрые кафтаны, съ красными обшлагами и отворотами, красные камзолы, шляпы и штаны сѣрые. На костюмъ каждаго вышло по 21 ефимку; гардемарины должны были дать росписки съ обязательствомъ уплатить эти деньги изъ *«домовъ своихъ»*.—Татищевъ, Кановницынъ, Дубровскій и Щербатовъ какъ болѣе состоятельные, обмундировались на свой счетъ[a]. Убійца Самарина, Алексѣй Арбузовъ также доставленъ былъ въ Венецію, на одномъ кораблѣ съ товарищами, *въ желѣзахъ и подъ карауломъ*. Беклемишевъ 10 февраля 1719 г. донесъ Царю: „Гардемарины, которые были по указу Вашего Царскаго Величества въ здѣшней службѣ, изъ Корфу сюда прибыли; отъ двадцати семи человѣкъ, которые сюда сперва пріѣхали, *нынѣ всего двадцать три человѣка*, изъ которыхъ еще одинъ въ желѣзахъ и за карауломъ сидитъ, а именно Алексѣй Арбузовъ; сей приличился въ убивствѣ, и привезенъ подъ арестомъ: и что да повелитъ Ваше Царское Величество?“[b] Что отвѣтилъ на это Петръ объ Арбузовѣ, мы не знаемъ; но намъ извѣстно, что Арбузовъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, странствовалъ за товарищами въ Испаніи, возвратиться же въ Россію съ ними вмѣстѣ онъ не рѣшился, а прибылъ въ С.-Петербургъ уже послѣ нихъ. Петръ былъ неумолимъ къ государственнымъ преступникамъ, и нравственный кодексъ онъ всецѣло подчинялъ потребностямъ государственной службы: убійство же, совершенное Арбузовымъ, не помѣшало виновнику его достигнуть чрезъ экзаменъ вступленія въ службу на родинѣ. Вице-адмиралъ Змаевичъ, экзаменовавшій Арбузова, нашелъ свѣдѣнія его въ „морской военной наукѣ“ удовлетворительными и 8 августа 1721 г.[c], по опредѣленію Адмиралтействъ-Коллегіи, Арбузовъ былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты галернаго флота; 5 декабря назначенъ членомъ коммиссіи для содержанія фергеровъ и кригсрехтовъ; 5 іюля 1733 года по новому штату зачисленъ въ лейтенанты галернаго флота; въ 1737 году былъ посланъ въ Днѣпровскую экспедицію и, находясь тамъ, скончался 20 іюля 1738 года[d].

Въ Венеціи гардемарины должны были выдержать карантинъ, при чемъ Беклемишевъ далъ имъ на самонужнѣйшіе расходы денегъ 59 цехиновъ, что по русскому счету составляло по 2 гривны на человѣка. За пищу ихъ въ локандѣ dei Re Corona заплатилъ агентъ Левъ Сѣменниковъ,

---

a) Русск. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 103.
b) Тамъ же стр. 101.
c) У Рачинскаго 1722 г.
d) Ѳ. Веселаго. Общій Морской Списокъ, ч. I, стр. 19. Въ статьѣ Рачинскаго (Русск. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 101) говорится, что Арбузовъ произведенъ былъ въ лейтенанты въ 1763 г., т. е. спустя 25 лѣтъ послѣ своей смерти,—думаемъ, что это простая опечатка, незамѣченная редакціей.

за все время пребыванія ихъ въ карантинѣ, по 10 алтынъ и 10 денегъ за человѣка. Въ началѣ апрѣля 1719 года, гардемаринамъ былъ объявленъ высочайшій указъ, по которому они должны были отправиться въ Испанію, чтобы поступить тамъ на службу къ испанскому королю Филиппу V гардемаринами на галеры. Русскій агентъ далъ имъ письмо отъ князя Бориса Ивановича Куракина, бывшаго посломъ въ Голландіи, къ губернатору города Кодикса, Si Chiama Don Tomazo i Diaguez, и рекомендацію отъ бывшаго въ Венеціи испанскаго вице-адмирала на имя испанскаго консула. Получивъ на дорогу по 30 ефимковъ каждый, гардемарины въ ночь съ 4 на 5 апрѣля отправились въ путь. Неплюевъ въ своихъ Запискахъ подробно описываетъ это путешествіе чрезъ города: Кастель-Гадо, Терраферну, Феррару, Болонью, Пизу, Флоренцію, Ливорно, Геную, Женеву, Тулонъ, Марсейль, Аликантъ, Малагу и другіе города, расположенные на пути изъ Венеціи въ Кадиксъ. Онъ съ подробностью говоритъ о разстояніи мѣстъ, объ обычаяхъ, законахъ, рѣдкостяхъ, флотахъ, о числѣ и составѣ войскъ и о многомъ другомъ, обратившемъ на себя его вниманіе. Во время своего путешествія, Неплюевъ встрѣчалъ и другихъ русскихъ дворянъ, посланныхъ за границу съ цѣлію образованія. Въ Тулонѣ находилось семь русскихъ гардемариновъ [a]; „учатся они,— замѣчаетъ Неплюевъ,— въ академіи съ французскими гардемаринами... навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать масштабы, какъ корабли строятся, боцманству (оснащиванію кораблей), артикулу солдатскому, танцевать, на лошадяхъ ѣздить“. — Въ Амстердамѣ было до 50 чел. русскихъ, изъ которыхъ одни учились „экипажеству и механикѣ,“ другіе „школьники“—всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному, судовымъ строеніямъ и т. п.

По прибытіи въ Кадиксъ, гардемарины поступили въ Королевскую Морскую академію, основанную по плану кардинала Альберони, а не во флотъ, который находился въ это время въ Сициліи. Занятія ихъ въ академіи состояли въ изученіи математики, артиллеріи, фехтованья, солдатскихъ артикуловъ и танцевъ. Но занятія въ академіи не могли принести русскимъ гардемаринамъ существенной пользы, потому что они не знали испанскаго языка; Неплюевъ говоритъ: „Къ математикѣ приходили, только *безъ дѣла сидѣли,* понеже учиться невозможно, *для того, что мы ихъ языка не знали*“. Въ венеціанской службѣ наши гардемарины были заняты дѣйствительною и притомъ же боевою службою, кромѣ того, тамъ они слышали людей, говорившихъ на славянскомъ нарѣчіи; а здѣсь люди

---

[a]) Андрей Ивановичъ Полянскій, Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, Мих. Александр. Римскій-Корсаковъ, кн. Александръ Дмитріевичъ Волконскій, кн. Борисъ Семеновичъ Барятинскій, кн. Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, Александръ Гавриловичъ Жеребцовъ. (Русск. Арх., 1871 г., стр. 612. Зап. Неплюева).

боеваго дѣла должны были тратить свои силы и время на фехтованье и на прыжки въ танцахъ. Отсутствіе благородныхъ развлеченій, незнаніе испанскаго языка, на которомъ велось преподаваніе, запрещеніе сходиться вмѣстѣ внѣ академіи, недостатокъ средствъ, — все это ужасно подавляло духовную дѣятельность гардемариновъ, такъ-что одинъ изъ нихъ не выдержалъ: „*Иванъ Аничковъ сошелъ съ ума*, ибо дѣлалъ всякіе непорядки и говорилъ вздоръ“ [a]; а 24 августа скончался князь Алексѣй Бѣлосельскій (7). У постели умирающаго товарища писали наши гардемарины горькую, слезную просьбу, а 10 августа 1719 г. они отправили къ генералъ-адмиралу графу Апраксину письмо, въ которомъ, между прочимъ, писали: „И въ венеціанской службѣ были мы въ крайнемъ убожествѣ, ежели бы житья нашего тамъ продолжилось, могли-бы отъ скудости пропасть, а нынѣ приключилась и здѣсь великая нужда, ничѣмъ не меньше прежней: *первое, что голодны; второе, что имѣемъ по одному кафтану, а рубашекъ и протчаго нѣтъ*. Всепокорно и *слезно* молимъ Вашего Сіятельства, умилосердись, государь, надъ нами, *чтобы намъ не пропасть безвременно*. Соизволь доложить Его Царскому Величеству, чтобы намъ быть въ службѣ, а не въ академіи, и опредѣлилъ-бы Его Царское Величество жалованьемъ, чѣмъ бы можно намъ содержаться. Ежели мы будемъ многое число въ академіи, то практику морскую, которую мы приняли, можемъ забыть (а вновь ничего не присовокупимъ: *понеже танцованіе и шпажное ученіе къ интересу Его Царскаго Величества намъ не въ пользу*).— Ежели къ намъ Вашего Сіятельства милость не явится, истинно, государь, можемъ *отъ скудости* пропасть“ [b]. Не смотря на эту „*скудость*,“ русскіе гардемарины должны были каждую недѣлю имѣть три смѣны бѣлья, два раза въ недѣлю брить бороды, три раза пудрить парикъ, и расходъ за это вычитался изъ ихъ же жалованья, оставалось только 4 реала и 5 квартъ да и тѣ шли на уплату портному за чинку платья. О личной экономіи здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ жалованьемъ каждаго распоряжался поручикъ компаніи гардемариновъ, а не сами гардемарины, „отчего,“ — говоритъ Неплюевъ,— „мы имѣли нужную пищу, а пили только воду,“ тогда какъ въ Ревелѣ имъ было приволье: тамъ они, какъ мы знаемъ, получали 25 чарокъ вина, порцію ветчины, рыбы, уксусу и т. п. Нужно также замѣтить, что не по своей волѣ оставили они и отечество; мы даже

---

[a]) 31 декабря 1728 г. Иванъ Аничковъ произведенъ въ мичмана галернаго флота, а 22 декабря 1732 г. за болѣзнію уволенъ отъ службы. (Общ. Морской Списокъ Ѳ. Веселаго, ч. II, стр. 7). Кромѣ того, въ морякахъ служили еще три Аничковыхъ Ивана, Аничковъ Архипъ и Аничковъ Петръ. (Тамъ же ч. I, стр. 12; ч. II, стр. 7—8).

[b]) Русск. Вѣстникъ, 1875 г., ноябрь, стр. 107—108.

видѣли примѣры побѣговъ, а вернуться послѣ этого въ Россію нечего было и думать, и вотъ Костюринъ скрывается въ Данію, гдѣ поступаетъ въ солдаты, а князь Михаилъ Андреевичъ Прозоровскій удаляется на Аѳонъ, но Петръ Великій не растается и съ ними: онъ заставляетъ и ихъ служить отечеству. Нисколько не удивительно послѣ этого, что гардемарины скучали въ Испаніи и всячески старались о дозволеніи возвратиться въ отечество. Но не скоро, по тогдашнимъ путямъ и способамъ сообшеній, достигло своего назначенія „*слезное*“ моленіе русскихъ „*робятъ*“: лишь 17 ноября прочитано было оно въ общемъ собраніи членовъ Адмиралтействъ-Коллегіи; тогда же было опредѣлено выдать гардемаринамъ жалованье на пропитаніе ихъ и выѣздъ изъ Испаніи въ Голландію по 50 ефимковъ на каждаго человѣка, „и оныя деньги перевесть на вексель чрезъ резидента Христофора Бранта, съ такимъ контрактомъ, чтобъ оныхъ гардемариновъ, какъ возможность допуститъ, вывезъ въ Голландію и отправилъ въ Россію“. 19 ноября того же года было сообщено о томъ и резиденту Бранту[a]). Наконецъ давно ожидаемое разрѣшеніе пришло; трудно представить себѣ радость гардемариновъ, когда они узнали, что имъ позволено было возвратиться въ отечество, котораго они не видали уже пять лѣтъ!— Въ мартѣ 1720 г. гардемарины были уже въ Амстердамѣ, а отсюда чрезъ Гамбургъ, Берлинъ, Данцигъ, Гданскъ, Мемель, Митаву, Ригу, Дерптъ и Нарву 22-го мая 1720 года прибыли въ Петербургъ. Неплюевъ остановился у капитана гвардіи, Семена Марковича Спицына, о которомъ Голиковъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „капитанъ Преображенскаго полка Спицынъ у Государя, а паче у Ея Величества въ великой милости“[b]).— Заграничное путешествіе стоило Неплюеву 1000 руб.: „Во весь вояжъ,“— говоритъ онъ,—„издержалъ я собственныхъ 400 рублей да государевыхъ 600 рублей“[c]).

Немало измѣнились русскіе гардемарины съ того времени, какъ они покинули свое отечество. Съ предубежденіемъ покидали они родную страну и все-таки, не смотря на это, жизнь за границей успѣла во многомъ измѣнить ихъ воззрѣнія и привычки: то, что прежде казалось заморскою новизною, теперь было, въ ихъ глазахъ, только грубымъ подражаніемъ европейской цивилизаціи. За то съ какимъ недовѣріемъ встрѣтили ихъ въ Россіи приверженцы старины, позволяя даже себѣ иногда подсмѣиваться надъ ихъ европейскими привычками![d])—Особенно благотворно повліяло заграничное путешествіе на Неплюева, не смотря на многія неудобства его

a) Тамъ же, стр. 109.
b) Голиковъ, т. XXIX, стр. 322, 326.
c) Голиковъ, т. XV, стр. 253. Слич. Записки Неплюева. Русск. Арх. 1871 г., стр. 635.
d) Тамъ же, стр. 636.

заграничной жизни и недостаточное имъ знаніе иностранныхъ языковъ; немало различнаго рода свѣдѣній пріобрѣтено было имъ въ это пятилѣтнее путешествіе. Самыя нужды и лишенія, которыя испыталъ Неплюевъ за границей, послужили въ его пользу: они были какъ бы маятникомъ въ его жизни; благодаря имъ, регулировалась воля Неплюева, проявившая себя съ такой силой въ послѣдующей его дѣятельности; онъ сдѣлался предусмотрительнымъ, предпріимчивымъ и способнымъ на всякое полезное дѣло, гдѣ только требовались терпѣніе и сила воли. Неплюевъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ несостоятельности мнѣнія Болтина, который говоритъ, что дворяне, отправленные Петромъ за границу, возвратились не просвѣщеннѣе, не умнѣе, а порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были[a]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Неплюевъ прежде всего долженъ былъ явиться къ генералъ-адмиралу, графу Апраксину, и потомъ ко всѣмъ присутствующимъ въ Адмиралтейской коллегіи. Вездѣ онъ встрѣчалъ радушный пріемъ: Апраксинъ принялъ его, какъ отецъ сына послѣ долгой разлуки, но особенно радушно принялъ Неплюева графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ[b]), знавшій его еще въ Морской академіи: онъ подробно распрашивалъ Неплюева о заграничной жизни, объ успѣхахъ въ наукахъ, о самомъ путешествіи, съ рѣдкимъ вниманіемъ выслушивая молодаго гардемарина, и при этомъ посовѣтовалъ Неплюеву, чтобы онъ, когда будетъ представленъ Государю, говорилъ „безъ робости и правду". Желая ознакомиться съ свѣдѣніями гардемариновъ, Флагманъ Змаевичъ, хорошій морякъ, предложилъ, въ присутствіи Чернышева, нѣсколько вопросовъ Неплюеву и его товарищу Кукарину[c]) изъ навигаціи, и оба: Змаевичъ (⁹) и Чернышевъ остались очень довольны ихъ отвѣтами.

На четвертый день по прибытіи гардемариновъ въ столицу, Петръ далъ приказъ, чтобы прибывшіе изъ-за-границы молодые дворяне на слѣдующій день, въ пять часовъ утра, явились въ Адмиралтейскую коллегію для экзамена. Итакъ, Неплюеву—предстоялъ экзаменъ предъ самимъ Петромъ: „Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли,"—говоритъ онъ,—

---

a) Гротъ. Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи. Спб. 1872 г., стр. 12. Слич. Примѣч. на истор. Леклерка, II, стр. 223.

b) Г. П. Чернышевъ, умершій въ 1745 г., былъ въ это время оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ и завѣдывалъ пріемомъ положенныхъ на адмиралтейство суммъ и провіанта, раздачею жалованья всѣмъ морскимъ чинамъ, военными и адмиралтейскими дѣлами корабельнаго и галернаго флотовъ, нарядомъ и присылкою рекрутъ и мастеровыхъ людей, канцелярскими и аудиторскими дѣлами, аптеками, госпиталями и академическими школами. См. о немъ въ *Общ. Морск. Спискѣ* Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 411–413.

c) Въ рукописн. экземплярѣ Записокъ Неплюева, вмѣсто Кукарина, написан. Куракинъ, у Голикова и Бантышъ-Каменскаго: Кукаринъ, а въ „Русскомъ Арх." (1871 г., Записки Неплюева, стр. 636, 638 и 641)—Кайсаровъ. По нашему мнѣнію—вѣрнѣе, что здѣсь рѣчь идетъ о Кукаринѣ. (См. примѣчаніе 8-е въ концѣ книги).

„а я всю ночь не спалъ, готовился, какъ на страшный судъ“ [a]. Со страхомъ пришелъ на другой день (27 мая) Неплюевъ въ адмиралтейство, но вскорѣ явившійся сюда Чернышевъ ободрилъ его. Въ семь часовъ утра явился сюда и Петръ. Собравшіеся на экзаменъ гардемарины поклонились Государю въ ноги, прочіе присутствующіе—въ поясъ.— Опасенія Неплюева на этотъ разъ были напрасны, хотя Петръ и былъ что-то не въ духѣ: „Государь, будучи или немощенъ или невеселъ“,—замѣчаетъ Неплюевъ,,—„изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ аттестаты, и всѣ-ль на галерахъ или иные и на кораблахъ служили“ [b]. Получивъ отвѣтъ, Петръ обратился къ генералъ-адъютанту Апраксину и сказалъ: „Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами“. Но графъ Г. П. Чернышевъ съ смѣлою откровенностью возразилъ: „Грѣхъ, Государь, тебѣ будетъ: люди, по волѣ твоей, бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ и отъ отечества въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ, холодъ и всякія нужды и учились, по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, объѣхавъ многія государства, и возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли!“ [c]—„Я ихъ награжу“,—замѣтилъ Петръ: „пусть только одну компанію прослужатъ!“— „Но легко-ль, Государь, гардемаринами служить такимъ, кои изъ нихъ достойны есть управлять кораблемъ или галерою?“ возразилъ Чернышевъ.— „Кто же эти достойные?“ спросилъ Петръ. Чернышевъ указалъ на Неплюева и Кукарина.— „Сіи слова,—говоритъ Неплюевъ,—наполнили меня благодарностью, страхомъ и радостію“.— Петръ обернулся къ Неплюеву и внимательно окинулъ его съ ногъ до головы своимъ проницательнымъ орлинымъ взглядомъ. Нужно замѣтить, что Неплюевъ въ то время былъ замѣчательно хорошъ собою: высокій, стройный блондинъ, съ прекрасными голубыми глазами и чревычайно тонкими чертами лица, онъ особенно поражалъ спокойнымъ и добрымъ выраженіемъ своего въ высшей степени симпатичнаго лица. Петръ пожелалъ самъ лично присутствовать на экзаменѣ гардемариновъ и назначилъ для того въ іюнѣ полное собраніе въ адмиралтействѣ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи страшнаго экзамена предъ Петромъ; Неплюевъ все это время готовился къ экзамену. Наконецъ 30 іюня гардемаринамъ дано было знать, чтобы они

---

a) Записки Неплюева. „Русск. Архивъ,“ 1871 г., стр. 637.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, стр. 638.

на слѣдующій день явились въ Адмиралтейскую коллегію на экзаменъ. Не было еще и 8 часовъ, когда Неплюевъ явился въ Коллегію; въ 8 час. утра прибылъ и Петръ. Экзаменаторомъ, по предложенію Апраксина, былъ назначенъ флагманъ Змаевичъ[a]), отчасти уже познакомившійся съ знаніями Неплюева въ домѣ Чернышева. Экзаменъ начался вопросами изъ навигаціи, потомъ перешли къ языкамъ и прочимъ наукамъ. Неплюевъ экзаменовался послѣ другихъ; когда очередь дошла до него, Петръ, подойдя къ нему, спросилъ: „Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?"—„Всемилостивѣйшій Государь!" отвѣтилъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности; но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя передъ Вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашея ко мнѣ щедроты."—Говоря эти слова, Неплюевъ всталъ на колѣни. Петръ позволилъ ему поцѣловать свою правую руку, и сказалъ при этомъ слѣдующія глубоко-знаменательныя слова: «*Видишь, братецъ, я и Царь, да у меня на рукахъ—мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству!*» Неплюевъ, переполненный чувствомъ глубокаго уваженія къ Вѣнценосному работнику, схватилъ мозолистыя руки Петра и осыпалъ ихъ поцѣлуями.—«*Встань, братецъ!*» сказалъ Петръ: «*и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй; буде, что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи!*»—Обратившись затѣмъ къ Змаевичу, Петръ попросилъ начать экзаменъ Неплюева. Ободренный самимъ Государемъ, Неплюевъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Тогда Петръ сказалъ Змаевичу: «*Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ!*» Змаевичъ предложилъ Неплюеву нѣсколько вопросовъ изъ математики. „Милостивое одобреніе, какое я видѣлъ въ очахъ Монарха," — говоритъ Неплюевъ,—„сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно." Петръ остался очень доволенъ его отвѣтами, и тутъ же пожаловалъ его чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота; тотъ же чинъ получили: Алексѣевъ и Кукаринъ; Циммермановъ и Аничковъ остались гардемаринами въ галерномъ флотѣ, а прочіе были сдѣланы унтеръ-лейтенантами галернаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ приказалъ Неплюеву состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ смотрителемъ и командиромъ надъ всѣми морскими судами, строющимися въ Петербургѣ,—должность по тому времени весьма видная. Нѣкоторое время Неплюевъ состоялъ также переводчикомъ при иностранныхъ министрахъ, когда ихъ „трактовали

---

[a]) Змаевичъ (Zmaewitch) въ Зап. Неплюева, напечатанныхъ въ „Отеч. Зап." и въ „Русск. Арх." названъ Змiевичемъ, что могло произойти отъ неправильнаго чтенія рукописи. (Смотр. примѣч. 9 въ концѣ книги).

на новоспущенномъ кораблѣ"[a]. Это новое положеніе доставило Неплюеву возможность весьма часто видѣть Петра, который не только словами, но и примѣромъ давалъ своему любимцу уроки честнаго и неутомимаго труда. Отселѣ къ вліянію матери и впечатлѣніямъ заграничной жизни присоединяется вліяніе на Неплюева Петра и его общества, при воздѣйствіи которыхъ, благодаря могучему уму и характеру, выработался впослѣдствіи изъ Неплюева самостоятельный типъ ученика, вышедшаго изъ практической школы Великаго Преобразователя Россіи. Въ своихъ Запискахъ Неплюевъ приводитъ слово въ слово нѣсколько разговоровъ съ Петромъ; какая простота въ каждомъ словѣ Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое теплое чувство къ родинѣ, какая отеческая заботливость даже о самыхъ незначительныхъ интересахъ послѣдняго изъ подданныхъ! — Нерѣдко также посѣщалъ Неплюевъ Змаевича и Чернышева, которые говорили ему: „*Государь тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить:* „въ этомъ маломъ путь будетъ" Дѣйствительно, проницательность Петра, какъ увидимъ, оправдалась вполнѣ. Къ графу Г. П. Чернышеву Неплюевъ питалъ глубокое чувство уваженія и признательности, какъ къ человѣку, который первый осмѣлился указать Петру на личныя достоинства Неплюева[b]. Говоря о Чернышевѣ въ своихъ Запискахъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы съ чернилами, да благословитъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами!"—Чернышевъ, Змаевичъ и другія близкія къ Петру лица, въ свою очередь, также любили симпатичнаго и трудолюбиваго Неплюева, и постоянно внушали ему, что для снисканія и упроченія любви Государя, нужно быть постоянно прилежнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, а главное— никогда не лгать, потому что Петръ особенно не любилъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ лгать: правдолюбіе было самою выдающеюся чертою духовной природы Петра. Послѣ посѣщенія англійскаго парламента, онъ невольно воскликнулъ: „Весело слышать, когда сыны отечества говорятъ королю явно правду; сему-то у Англичанъ учиться должно!"[c] Совѣты покровителей Неплюева не остались безъ вліянія на его поведеніе. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой, больнымъ сказаться; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любитъ неправды, пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился.

---

[a]) Голиковъ, т. X, стр. 173. Слич. „От. Зап.", изд. Свиньина 1825 г., № 59, стр. 439—443. Ср. Записки Неплюева въ „Русск. Архивѣ", 1871 г., стр. 640-641.
[b]) См. выше стр. 44.
[c]) У Нартова анекдотъ 6. Сл. Грота: „Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи", стр. 10.

Государь сказалъ мнѣ: „Я уже, мой другъ, здѣсь!—„Виноватъ, Государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся, и оттого опоздалъ!“ отвѣтилъ сконфуженный Неплюевъ. Петръ взялъ его за плечо и пожалъ такъ сильно, что Неплюевъ вздрогнулъ, зная отеческія мѣры Петра и думая, что онъ прогнѣвался; но Петръ весело и ласково сказалъ: «*Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?!—Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь пойдемъ со мной на родины!*» Неплюевъ, ободренный такой добродушной лаской и веселымъ видомъ Петра, почтительно поклонился и ставъ, по приказанію Государя, позади его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ домѣ одного изъ плотниковъ своей команды[a]. Войдя въ избу, Петръ поцѣловалъ родильницу и далъ ей пять гривенъ; Неплюевъ, остановившійся у двери, получилъ приглашеніе сдѣлать то же: цѣлуя родильницу, Неплюевъ далъ ей гривну. „Что далъ поручикъ?“ спросилъ Петръ, обратившись къ родильницѣ. Она показала полученную ею гривну.—„*Э, братъ, я вижу, ты даришь не позаморски!*“ сказалъ съ улыбкой Государь. —„Нечѣмъ мнѣ, Царь-Государь, дарить много“,—отвѣчалъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не Ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего!“—Петръ началъ распрашивать его, сколько у него крестьянъ и гдѣ они находятся. Между тѣмъ вошелъ хозяинъ съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки. Петръ выпилъ и закусилъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Затѣмъ радушный хозяинъ поднесъ и своему командиру, который, по его словамъ, „отъ роду не пивая горячаго вина,“ отказался; но Петръ сказалъ: „откушай, сколько можешь, не обижай хозяина!“—Неплюевъ выпилъ, а Петръ, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, примолвилъ: „*Заѣшь! Это родимая, а не итальянская пища*“[b].

По сдачѣ экзамена и опредѣленіи на мѣсто, Неплюевъ пожелалъ перевести въ Петербургъ и свое семейство. Съ этой цѣлью былъ отправленъ въ Поддубье Татищевъ, братъ его жены, который съ удовольствіемъ исполнилъ возложенное на него порученіе: Ѳедосья Ѳедоровна и дѣти скоро прибыли въ столицу и, наконецъ, свидѣлись съ дорогимъ человѣкомъ, послѣ долгой разлуки. Но не прошло и году, какъ Ѳедосья Ѳедоровна снова должна была разстаться съ мужемъ. Петръ искалъ человѣка, кото-

---

[a]) Въ рукописи и у Свиньина ошибочно: „полковнику,“ вм.: „плотнику,“ у Голикова: „плотнику.“

[b]) Записки Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., № 4, стр. 642 и 643. Сл. у Голикова т. XV, стр. 257.

рый бы могъ занять постъ резидента при Константинопольскомъ Дворѣ, и выборъ его, къ удивленію всѣхъ знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, не смотря на его двадцатисемилѣтній возрастъ. Назначеніе это, по словамъ самого Неплюева, состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ началѣ января 1721 года во Дворцѣ происходилъ большой обѣдъ для первыхъ чиновъ и офицеровъ гвардіи и флота. Государь съ сановниками сидѣлъ за особымъ столомъ; офицеры обѣдали въ другой комнатѣ. Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, вошли потомъ въ столовую, гдѣ находился Государь. Въ это самое время Петръ велъ разговоръ о томъ, что ему нуженъ человѣкъ, знающій итальянскій языкъ, который бы могъ занять постъ резидента въ Царьградѣ. А. Г. Головкинъ,[a] къ которому обратился Петръ съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ такого человѣка, отвѣтилъ отрицательно.—„А я такъ знаю и очень достойнаго!“ замѣтилъ на это графъ Апраксинъ,—„но та бѣда, что онъ бѣденъ.“—Бѣдность не бѣда!“ сказалъ Петръ: „этому скоро можно помочь, но кто онъ такой?“—„Онъ за тобою стоитъ,“ отвѣтилъ Апраксинъ. Петръ оглянулся и сказалъ: „ихъ много стоитъ!“—Твой *хваленый-то*, что у галернаго строенія!“ продолжалъ Апраксинъ.—„Это правда, Өедоръ Матвѣевичъ,“—отвѣчалъ Петръ,—„но мнѣ хотѣлось бы его при себѣ оставить, однакожъ, быть такъ!“—По окончаніи обѣда, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, Апраксинъ поздравилъ Неплюева съ постомъ резидента и за руку подвелъ его къ Петру. Новый резидентъ, упавъ въ ноги Государю, началъ цѣловать и орошать ихъ благодарными слезами, называя Петра отцемъ своимъ. Государь, поднимая его, сказалъ: «*Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ: ибо Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрой и правдой! Вначалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить*». Новому Константинопольскому резиденту положено три тысячи въ годъ жалованья и велѣно выдать тысячу рублей на подъемъ[b].

25 февраля Неплюевъ получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ объ отправленіи его на новую должность, а на слѣдующій день (26 февраля) ему вручена инструкція и дана прощальная аудіенція у Импе-

---

[a] Александръ Гавриловичъ, второй сынъ государственнаго канцлера, Гавріила Ивановича Головкина. (1660—1734 г.), умершій въ 1760 г.

[b] Записки Неплюева, стр. 645. Слич. у Голикова т. VIII, стр. 132, 278; т. X, стр. 180; Бантышъ-Каменскаго: „Словарь достоп. людей“, ч. II, стр. 491.

ратора. Петръ принялъ Неплюева весьма ласково, далъ ему необходимыя наставленія и, благословляя его въ путь, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: *«прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!»*—Это было послѣднее личное свиданіе Неплюева съ Петромъ; Неплюевъ сильно былъ потрясенъ этой разлукой, какъ будто онъ предчувствовалъ, что болѣе не увидитъ обожаемаго имъ Императора. Отъ Государя Неплюевъ зашелъ къ „министрамъ", прося ихъ не оставлять его своею помощью на новомъ мѣстѣ; побывалъ у морскихъ командировъ и у флагмана Змаевича; послѣдняго просилъ, въ случаѣ нужды, не оставлять его семейства и „деревнюшекъ". Неплюевъ счелъ также долгомъ зайти къ графу Апраксину, чтобы поблагодарить его за оказанныя благодѣянія и попросить о неоставленіи своего семейства, которое должно было остаться въ Россіи.—„Дуракъ!" произнесъ Апраксинъ, лишь только увидѣлъ вошедшаго къ нему Неплюева. Неплюевъ сконфуженно замѣтилъ, что онъ не знаетъ, чѣмъ могъ прогнѣвать его сіятельство. „Дуракъ!" повторилъ графъ: „съ чѣмъ ты жену-то да дѣтей оставляешь?—Вѣдь имъ только что по міру ходить! Для чего ты не выпросилъ имъ у Государя, по крайней мѣрѣ, производства прежняго своего жалованья?"—„Я не смѣлъ просить,"—отвѣчалъ Неплюевъ,—„да и не думалъ о томъ."—„Потому-то ты и дуракъ,"—сказалъ Апраксинъ,—„да, добро, помиримся! Коли будешь хорошо служить, такъ Государь тебя не оставитъ: онъ и вчера со мной о тебѣ говорилъ. Прикажи женѣ своей, чтобы она, буде въ чемъ нуждаться будетъ, за всѣмъ ко мнѣ присылала: я ее не оставлю."—„Я намѣренъ отправить жену въ деревнюшку свою,"—отвѣтилъ Неплюевъ: „ибо здѣсь содержать ее не въ состояніи."—„Экъ бѣда какая!" возразилъ графъ,—„такъ вели ей писать ко мнѣ изъ деревнюшки, это все равно!" [а])—Поблагодаривъ графа за его заботы, Неплюевъ отправился къ Г. П. Чернышеву, который, по обыкновенію, весьма радушно принялъ его и, прощаясь съ нимъ, совѣтовалъ ему продолжать службу вѣрно и усердно. По совѣту Чернышева, Неплюевъ побывалъ предъ отъѣздомъ и у графа Остермана, который далъ Неплюеву многіе „полезные совѣты", но это знакомство съ Остерманомъ, какъ увидимъ дальше, дорого стоило Неплюеву. 9 марта, простившись съ своими знакомыми и товарищами, Неплюевъ покинулъ Петербургъ, откуда онъ вмѣстѣ съ семействомъ отправился въ Поддубье, гдѣ пробылъ только два дня. Оставивъ здѣсь жену съ малолѣтними дѣтьми, онъ самъ, съ старшимъ сыномъ Адріаномъ, поѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ получилъ подъемныя деньги и направился уже къ мѣсту своей службы, въ Царьградъ.

а) Зап. Неплюева, стр. 645—646. „Русск. Арх." 1871 г.

ГЛАВА III.

Дипломатическая дѣятельность Неплюева въ Турціи.—Завоеваніе персидскихъ областей и пріобрѣтеніе Россіей западнаго побережья Каспійскаго моря.—Кончина Петра Великаго и отношенія къ Неплюеву ближайшихъ преемниковъ Петра.—Болѣзнь и возвращеніе Неплюева въ С.-Петербургъ.—Назначеніе Неплюева полномочнымъ министромъ на Немировскій конгрессъ.—Результаты войны Россіи съ Турціей.—Бѣлградскій миръ и отношеніе къ нему иноземнаго правительства въ Россіи.—Неплюевъ назначается Кіевскимъ губернаторомъ и полномочнымъ министромъ по разграниченію земель между Россіей и Турціей.—Замыселъ Остермана противъ Волынскаго.

Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное; но какъ принято будетъ, и могъ ли предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь.

(*Изъ письма Неплюева къ гр. Остерману*).

Болѣе пяти мѣсяцевъ былъ Неплюевъ въ пути, и только 8-го сентября 1721 г. прибылъ въ Константинополь[a]), а 17 сентября, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Даниловымъ, имѣлъ аудіенцію у султана Ахмета, побывавши предварительно у его визиря, Ибрагима.

Занимая постъ резидента въ Константинополѣ, Неплюевъ не только съумѣлъ поддержать дружескія отношенія Россіи съ Портою, но отклонилъ даже неудовольствіе Турецкаго Дивана, по случаю завоеванія Петромъ Великимъ персидскихъ областей. Чтобы не дать Туркамъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ, Петръ спѣшилъ овладѣть прикаспійскими областями Персіи. Христіанское населеніе Персіи: Армяне и Грузины не только не противились этому, а, напротивъ, сами прибѣгли къ покровительству Русскаго Императора, зато магометанское народонаселеніе, закавказскіе Лезгины, овладѣвшіе Шемахою, побившіе и ограбившіе находившихся тамъ русскихъ купцовъ, готовы были отдаться во власть султана.

Въ 1722 году, когда Петръ готовился отправиться въ персидскій походъ, Неплюевъ доносилъ, что Лезгинцы, признавая себя одного съ Турками закона, просятъ покровительства султана, считая его своимъ верховнымъ государемъ; послы ихъ заявили, что Лезгинцы, въ знакъ подданства,

---

[a]) Неплюевъ, по всей вѣроятности, ѣхалъ въ Царьградъ сухимъ путемъ: опасаясь появленія русскихъ кораблей на Черномъ морѣ, султанъ требовалъ, чтобы „послы Русскаго Царя не ходили моремъ, а проѣзжали въ Константинополь сухимъ путемъ". См. „Др. и Нов. Рос.", 1877 г., № 7, стр. 266.

чеканятъ уже монету съ именемъ султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него Богу въ мечетяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ лезгинскіе послы просили, чтобы Порта отправила къ нимъ немедленно пашу для управленія. Опасаясь враждебныхъ отношеній со стороны Персіи и Россіи, Порта содержала это дѣло въ большой тайнѣ и заявила лезгинскимъ посланнымъ, что султанъ принять ихъ подъ свое покровительство не можетъ, хотя бы. и желалъ того, такъ какъ это вызвало бы подозрѣніе и Персіи, и Россіи, которая раздражена погромомъ ея купцовъ въ Шемахѣ; но, что онъ, султанъ, не подастъ помощи противъ нихъ шаху. 21 апрѣля Неплюевъ посѣтилъ визиря и сообщилъ ему, что персидскіе бунтовщики побили въ Шемахѣ русскихъ купцовъ и разграбили ихъ товары, за что Русскій Императоръ требуетъ отъ шаха удовлетворенія, а бунтовщики, боясь мести Россіи, просятъ, какъ говорятъ, Порту о покровительствѣ. Визирь отвѣтилъ, что дѣйствительно были у нихъ какіе-то люди съ устною просьбою о покровительствѣ, обѣщаясь быть въ зависимости отъ Порты, но что Порта требовала отъ нихъ письменнаго заявленія объ ихъ желаніи. „Мы знаемъ",—говорилъ визирь,—„что эти бунтовщики сдѣлали немалую обиду русскимъ купцамъ, а потому, если и письменно будутъ просить у насъ покровительства; то мы ихъ защищать не будемъ, пока вашъ Государь не получитъ полнаго удовлетворенія"[a]).

Французскій посолъ, узнавъ о томъ, между прочимъ, высказалъ Неплюеву, что если Россія ограничится только прикаспійскими провинціями и не будетъ приближаться къ турецкимъ границамъ, со стороны Арменіи и Грузіи; то Порта останется равнодушною, а, можетъ быть, что̀ и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Неплюевъ, въ отвѣтъ на это, заявилъ, что Русскій Императоръ и самъ не желаетъ разрушать Персидское государство и другихъ къ тому не допуститъ. „Такъ всегда говорятъ въ началѣ,"—замѣтилъ французскій посолъ,—„а я говорю, какъ добрый другъ, что ни вы Туркамъ, ни Турки вамъ воспрепятствовать не могутъ; но лучше къ турецкимъ границамъ не приближаться, а преслѣдовать свою цѣль и поскорѣе овладѣть прикаспійскими областями. Донесите вашему Государю, чтобъ онъ письменно не заявлялъ Портѣ, что не хочетъ никакихъ завоеваній въ Персіи, да и сами вы на словахъ отходите, потому что нынче обяжетесь на письмѣ, а завтра явятся такія обстоятельства, которыя заставятъ совершенно иначе дѣйствовать"[b]). Между тѣмъ, Персидскій шахъ обратился въ Константинополь съ просьбою о помощи противъ тѣснившаго

---

[a]) С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XVIII, стр. 60.
[b]) Тамъ же.

его Магомета Мирвенса; но турецкіе министры рѣшили, что нельзя помогать шіиту противъ суннита, а надобно объявить Мирвенсу, что если онъ признаетъ свою зависимость отъ султана, Порта не будетъ препятствовать ему овладѣть Персіею. Въ то же время Англія, исконная соперница Россіи въ Турціи, старалась внушить Портѣ разныя подозрѣнія по отношенію къ Русскому правительству: англійскій посолъ увѣрялъ визиря, что Русскій Императоръ намѣренъ объявить войну Даніи, сблизиться съ Вѣнскимъ Дворомъ и женить своего внука, великаго князя Петра, на племянницѣ Цесаря; и что, если эти двѣ сильныя имперіи соединятся, тогда будетъ плохо и Портѣ, и Англіи. Кромѣ того, австрійскій резидентъ и послы англійскій и венеціанскій распустили слухъ, что Русскій Императоръ, во главѣ стотысячнаго войска, вступилъ уже въ Персію, и Турціи угрожаетъ большая опасность: когда русскіе возьмутъ часть Грузіи и провинціи Эриванскую и Ширванскую, тогда турецкіе подданные, Грузины и Армяне, сами поступятъ подъ защиту и покровительство Россіи. Вскорѣ французскій посолъ сообщилъ Неплюеву, что жители той области, гдѣ главный городъ Тифлисъ, просили помощи у Порты, и эрзерумскому пашѣ велѣно защищать ихъ, предварительно занявъ Тифлисъ и Эривань. Подъ вліяніемъ этихъ событій и толковъ, Неплюевъ писалъ въ Петербургъ: „По моему мнѣнію, весьма нужно для персидскихъ дѣлъ посла французскаго наградить; а мнѣ очень трудно отъ внушеній другихъ министровъ: внушаютъ Портѣ, что Русскій Государь уменъ и Турокъ обманываетъ миромъ; теперь возьметъ персидскія провинціи, и если султанъ не воспрепятствуетъ ему въ этомъ оружіемъ, то онъ съ той стороны нападетъ на Турцію“ [a]).

Въ августѣ того же года, секретарь рейсъ-эффенди тайно сообщилъ переводчику русскаго посольства Мальцеву, что если Русскій Императоръ не пойдетъ далѣе Шемахи, которою можетъ овладѣть за оскорбленіе въ ней Лезгинцами русскихъ купцовъ, то Порта этому не воспрепятствуетъ, хотя ей и будетъ непріятно; но если Русскій Государь, по взятіи Шемахи, захочетъ покорить Имеретинцевъ и Грузинъ, то Порта этого допустить никакъ не должна. Дѣйствительно, Порта не препятствовала вступленію русскихъ войскъ въ персидскія владѣнія, думая, что Русскій Государь хочетъ только наказать Лезгинцевъ за побои и грабежи русскихъ купцовъ.

Визирь пригласилъ Неплюева къ себѣ, въ его присутствіи досталъ изъ мѣшка донесенія Крымскаго хана, Азовскаго паши и Лезгинцевъ, и сказалъ: „Вашъ Государь, преслѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты; это развѣ не нарушеніе вѣчнаго мира? Если

---

[a]) Тамъ же, стр. 61.

бы мы начали войну съ Шведами и пошли ихъ искать черезъ ваши земли, то чтобы вы сказали?—И къ Лезгинцамъ по такому малому дѣлу не слѣдовало твоему Государю собственною особою съ великими войсками идти, могъ бы удовлетвореніе получить и чрезъ наше посредство. Мы видимъ, что Государь вашъ сорокъ лѣтъ своего царствованія проводилъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой друзьямъ своимъ, а, если онъ желаетъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать" [a]).—„Не могу вѣрить,"—отвѣчалъ Неплюевъ,—„чтобъ Государь мой вступилъ въ предѣлы Оттоманской Имперіи; что же касается Лезгинцевъ, то Государь мой заблаговременно далъ знать султану о движеніи своихъ войскъ противъ нихъ, потому что получить удовлетвореніе можно только оружіемъ: шахъ доставить удовлетвореніе не въ силахъ." Визирь, уклонившись отъ прямаго разговора, жаловался, что турецкіе подданные терпятъ большія обиды отъ казаковъ и отъ пограничнаго начальника Ивана Хромаго, и что Порта также имѣетъ право требовать за это удовлетворенія. Но разговоръ, начавшійся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюевъ увѣрилъ визиря, что дружба между обѣими высокими имперіями, какъ храмина, построенная на камнѣ, которой вѣтры не поколеблютъ; а визирь, въ свою очередь, объявилъ, что Порта желаетъ заключить съ Россіею оборонительный и наступательный союзъ: „этимъ союзомъ,"—сказалъ визирь,—„мы будемъ страшны всему свѣту; Цесарь римскій — съ Польшею и Венеціею въ союзѣ, и объ этомъ дали намъ знать, для показанія силы своей стороны; и хотя мы, Турки, съ Русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу" [b]).

Въ скоромъ времени, послѣ этой бесѣды, Неплюевъ узналъ, что персидскіе подданные, Грузины, имѣющіе столицею Тифлисъ, взбунтовались противъ Персидскаго шаха и дѣлаютъ набѣги на подданныхъ Порты. Вслѣдствіе этого Турецкій Диванъ рѣшилъ, чтобы эрзерумскій паша съ 50000 войска вступилъ въ Персидскую Грузію и сдержалъ ея жителей; Неплюеву было объявлено, что Порта дѣлаетъ это въ видахъ охраненія себя и Персидскаго шаха, а не съ цѣлью овладѣнія Грузіею. Извѣщая о томъ Петра, Неплюевъ писалъ: „Видя здѣшнія замѣшательства, я обѣщалъ визирскому кегаѣ и рейсъ-еффенди по тысячѣ червонныхъ, чтобы

---

[a]) Тамъ же, стр. 62.
[b]) Тамъ же, стр. 62 и 63.

они постарались сохранить дружбу, пока Порта получитъ отвѣтъ Вашего Величества чрезъ своего посланнаго, къ Вамъ отправленнаго; турецкія слова и дѣла не постоянны: можетъ произойти бунтъ, или визирь перемѣнится, или къ Татарамъ склонится, или Татары самовольно нападутъ на русскія предѣлы, и отъ подобнагѡ случая можетъ произойти ссора; поэтому соизвольте на границахъ остерегаться и приготовляться къ войнѣ. Порта принимаетъ въ свое подданство Даудъ-хана, и хочетъ сначала овладѣть Персидскою Грузіею, а потомъ вытѣснить русскіе войска изъ Дагестана. — Разсуждаютъ здѣсь, какъ знатные люди, такъ и простой народъ, чтобы имъ двинуться всею силою противъ Россіи, безпрестанно посылается аммуниція и артиллерія въ Азовъ и Эрзерумъ. Видя все это, я письма нужныя черныя сжегъ, а иныя переписалъ въ цифры, а сына моего[a] поручилъ французскому послу, который отправилъ его въ Голландію[b]. Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть, и послѣднюю каплю крови за имя Вашего Величества и за отечество пролить, но повели, Государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину[c], чтобы сына моего своею протекціею не оставилъ; повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенія; умилостивься, Государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который со временемъ можетъ Вашему Величеству заслужить“[d]. Изъ этого донесенія видно, что положеніе Неплюева въ Константинополѣ сдѣлалось не безопаснымъ; но онъ не унывалъ и съ прежней энергіей продолжалъ свое дѣло. Между тѣмъ распространился слухъ, что Русскій Императоръ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Персидскимъ шахомъ; что между Россіею и Персіею готовится союзъ противъ бунтовщиковъ; султанъ получилъ отъ Татаръ подметное письмо, въ которомъ упрекали его за неосмотрительность: „Министры тебя обманываютъ“, — говорилось въ письмѣ: „ты не узна́ешь, какъ русскій Царь раззоритъ половину твоего государства!“ — Султанъ призадумался, хотѣлъ казнить визиря, противъ котораго готовился и бунтъ въ народѣ; но находчивый визирь сохранилъ жизнь и удержалъ за собою постъ тѣмъ, что приказалъ войскамъ двинуться въ Грузію; говорили также, что, для успокоенія народа, пущенъ былъ слухъ, что Лезгинцы нанесли страшное пораженіе русскому войску, и что

a) Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ, бывшій потомъ статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Константинополѣ, скончался въ лѣтахъ своего дѣда, на 38 г. отъ рожденія.

b) Сынъ Неплюева Адріанъ былъ отправленъ черезъ Мальту и Францію въ Амстердамъ, въ сопровожденіи дядьки.

c) Князь Борисъ Ив. Куракинъ, у котораго жилъ десятилѣтній сынъ Неплюева, Адріанъ.

d) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 63.

самъ Императоръ едва успѣлъ сѣсть на корабль и отплыть въ Астрахань. Неплюевъ вскорѣ узналъ, что Порта вошла въ сношеніе съ Хивою о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ противъ Россіи. Въ началѣ ноября кегая великаго визиря сообщилъ Неплюеву приказаніе Порты написать Императору, чтобъ онъ удалился изъ персидскихъ владѣній, такъ какъ пребываніе его тамъ съ русскимъ войскомъ внушаетъ сильное подозрѣніе всѣмъ окрестнымъ государямъ, что не могутъ быть покойны и Турки.

Въ концѣ 1722 года, когда въ Константинополѣ получено было достовѣрное извѣстіе, что Петръ возвратился изъ Дербента назадъ, великій визирь прислалъ сказать Неплюеву, что этимъ возвращеніемъ Русскаго Государя уничтожены всѣ подозрѣнія, и что Порта желаетъ не только сохранить, но и усилить заключенный прежде съ Россіею союзъ. Въ то же время Порта спѣшила извлечь изъ этого свои выгоды: къ Даудъ-беку послана была особая грамота, которой онъ принимался въ подданство Турціи на правахъ Крымскаго хана; той же грамотой ему вручался ханскій титулъ и власть надъ Дагестаномъ и Ширваномъ. Кромѣ того, Порта старалась склонить его къ завоеванію и другихъ ближайшихъ персидскихъ областей, обѣщаясь отдать ихъ въ его же владѣніе; при этомъ Даудъ-бекъ всѣми средствами долженъ былъ стараться о вытѣсненіи русскаго гарнизона изъ Дербента и другихъ окрестныхъ мѣстъ; ему обѣщано было вспоможеніе войскомъ и послано 30000 червонныхъ. Неплюеву за 100 червонныхъ удалось достать копію съ грамоты къ Даудъ-беку и съ инструкціи, которой былъ снабженъ отправленный къ нему посолъ. Между тѣмъ Петръ, еще ничего не зная объ этомъ, поручилъ Неплюеву войти въ сношеніе съ Портой насчетъ персидскихъ областей. Въ февралѣ 1723 г. великій визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева и объявилъ ему, что, если Русскій государь вступитъ съ войскомъ въ персидскія владѣнія, то Даудъ-бекъ, Мирвензъ и всѣ тамошніе народы противъ него составятъ союзъ, и Порта, по единовѣрію, какъ защитница магометанскихъ народовъ, вынуждена будетъ также вооружиться. „Слѣдствія войны неизвѣстны“,—сказалъ визирь,—„и если бы даже вашему Государю удалось завладѣть нѣкоторыми провинціями, то удержать онъ ихъ не можетъ, потому что всѣ тамошніе народы магометане, и будутъ стараться всѣми средствами Русскихъ отъ себя выгнать. Всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній“,—заключилъ визирь,—„но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ: напримѣръ, и мы бы послали войско противъ Италіи и противъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; поэтому и мы за Персіею смотримъ“.[a] Спустя два дня

[a]) Тамъ же, стр. 65 и 66.

послѣ этого разговора, къ Неплюеву явился переводчикъ Порты и доложилъ, что на общемъ совѣтѣ постановлено сообщить Русскому государю чрезъ его резидента, что Персія теперь въ подданствѣ у Порты, и потому, если онъ считаетъ себя въ правѣ искать что-либо на Лезгинцахъ или Мирвензѣ, пусть обращается съ своими требованіями къ Портѣ, а войска свои долженъ вывести изъ персидскихъ областей, въ противномъ случаѣ Порта вынуждена будетъ вступить съ нимъ изъ-за Персіи въ войну. Въ то же время переводчикъ Порты конфиденціально сообщилъ Неплюеву, что на дняхъ англійскій посолъ вручилъ Портѣ меморіалъ на турецкомъ языкѣ о томъ, что Русскій государь собираетъ огромное войско и намѣревается выступить въ походъ противъ Дагестана, желая распространить свои владѣнія до Чернаго моря; тотъ же меморіалъ старался ободрить Порту, что война съ Россіей не должна представлять трудностей, такъ какъ Русскій Государь не находится въ дружбѣ ни съ кѣмъ: всѣ европейскіе государи—враги его.

Неплюевъ постарался увидаться съ французскимъ посломъ де-Бонакомъ и спросилъ его мнѣнія; де-Бонакъ категорически сказалъ: „Донесите своему Двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранить миръ съ Турціею и не вступать въ персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ—разорвать миръ съ Турціею“. Неплюевъ, дорожившій совѣтами де-Бонака, подарилъ ему два собольи мѣха въ 1,300 руб. Въ дѣйствительности же Порта не желала войны съ Россіей, а ей, подъ разными застращиваньями, хотѣлось прежде всего овладѣть христіанскою Грузіею, такъ какъ переходъ ея во власть Россіи угрожалъ Турціи быть отрѣзанною отъ всего магометанскаго народонаселенія Кавказа; но Петра трудно было застращать, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе Кавказскаго побережья онъ считалъ необходимымъ дополненіемъ къ занятію побережья Балтійскаго моря. Въ началѣ апрѣля онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія и приготовленія къ войнѣ съ Турками, назначивъ князя Мих. Мих. Голицына главнокомандующимъ Украинской арміей, а 9 апрѣля велѣлъ написать Неплюеву: „Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобы какая другая держава, чья-бъ она ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась; а что касается Дербента и другихъ мѣстъ, въ которыхъ наши гарнизоны находятся, то они никогда во владѣніи персидскихъ бунтовщиковъ, ни Лезгинцевъ, ни Мирвенза не бывали, а по собственному ихъ письменному и словесному прошенію, какъ то бывшему при Дворѣ нашемъ турецкому послу явно доказано, подъ покровительство наше добровольно отдались; и если Порта, въ противность вѣчному миру, будетъ принимать подъ свое покровительство Лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ; то тѣмъ менѣе должно быть противно

Портѣ, что мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, неимѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, *до котораго намъ никакую другую державу допустить нельзя*. Если Порта, безо всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушить вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божію, и къ оборонѣ своей, съ помощью Божіею, потребные способы найдемъ"[a].

Наконецъ русское войско отправилось въ Баку, а Турція все не объявляла войны Россіи, не смотря на постоянное подстрекательство англійскаго посла, увѣрявшаго Порту, что его король, вмѣстѣ съ Датскимъ, хочетъ напасть на Россію. Петру особенно не нравилось стремленіе Турокъ утвердиться въ Грузіи и Арменіи. Съ 14-го іюля и по 8-е августа русскій резидентъ имѣлъ три конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ; послѣдній былъ приглашенъ въ качествѣ посредника. Неплюевъ заявилъ, что Русскій Императоръ, не смотря на убытки, причиненные Лезгинцами русской торговлѣ, не пошлетъ противъ нихъ своихъ войскъ, если Порта прикажетъ имъ оставить въ покоѣ тѣ города, въ которыхъ расположены русскіе гарнизоны, и не будетъ вводить своихъ войскъ въ персидскія провинціи, Арменію и Грузію, до тѣхъ поръ, пока между Россіею и Турціей не послѣдуетъ окончательнаго соглашенія насчётъ персидскихъ дѣлъ. Рейсъ-эффенди, отрицая всякое право Россіи на Грузію, Арменію и на прикаспійскія области, говорилъ, что Порта, напротивъ, имѣетъ на нихъ полное право, особенно потому, что народы, населяющіе эти области, исповѣдуютъ магометанскую вѣру, и владѣльцы ихъ сами просили Порту объ освобожденіи ихъ отъ русской власти. Неплюевъ замѣтилъ, что такой взглядъ на дѣло противорѣчитъ политическимъ правамъ,—вѣра не служитъ опредѣленіемъ границъ; еслибы послѣднія опредѣлялись по вѣрѣ, то во всемъ свѣтѣ не было бы мира: сколько христіанскихъ народовъ подъ властію Порты, а магометанскихъ—подъ властію Россіи! Неплюевъ рѣшительно заявилъ, что Русскій Императоръ не допуститъ къ Каспійскому морю ни какой другой державы, тѣмъ болѣе Турціи. Между тѣмъ англійскій посланникъ продолжалъ интриговать и наущать Порту противъ Россіи, внушая ей, что въ Россіи происходятъ замѣшательства и что война съ ней не опасна. Въ исходѣ 1723 года Неплюевъ, по указу отъ своего Двора, предложилъ, въ новой конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ остановить военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Порта, овладѣвшая уже Тифлисомъ, отвѣчала, что она готова остановить дѣйствія своихъ войскъ, но не раньше, когда они займутъ

---

[a]) Тамъ же.

города Эривань и Генджу. Впрочемъ, тутъ же было рѣшено съ обѣихъ сторонъ послать командующимъ войсками приказъ, чтобы они не нарушали между собою дружескихъ отношеній, пока дѣло не будетъ окончено на дальнѣйшихъ конференціяхъ въ Константинополѣ. Вдругъ Порта узнаетъ, что въ Петербургѣ заключенъ миръ между Россіей и Персіей. Въ конференціи 23 декабря рейсъ-еффенди выразилъ свое удивленіе, что Россія заключаетъ миръ съ Персіей, въ которой нѣтъ государя и которая подвластна Турціи. Неплюевъ отвѣчалъ, что Россія заключила миръ съ Тохмасибомъ, который занялъ персидскій престолъ законнымъ образомъ послѣ отца, и предлагалъ, чтобы турецкія войска не переходили р. Куръ, Шемаха же могла остаться во владѣніи Даудъ-бека подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы городъ не былъ укрѣпленъ и чтобы турецкихъ войскъ тамъ никогда не было. Рейсъ-еффенди стоялъ на своемъ, доказывая, что Персія вся принадлежитъ султану, что Тохмасибъ не можетъ быть законнымъ шахомъ, потому что отецъ его живъ, хотя и въ плѣну. Въ конференціи 30 декабря рейсъ-еффенди сообщилъ Неплюеву, что народъ готовъ своею кровію защищать Персію; поэтому Порта желаетъ только договариваться о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся русскіе гарнизоны, а до другаго ни до чего Россіи дѣла нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ предложеніяхъ. Чрезъ два дня къ нему явился переводчикъ Порты, чтобы получить отъ Неплюева окончательный отвѣтъ, принимаетъ онъ или нѣтъ условія Порты. Неплюевъ съ прежней стойкостью отвѣчалъ: „Безъ указу Государя моего, этихъ условій принять не могу!“—„Въ такомъ случаѣ,“—сказалъ переводчикъ,—объявляется война, и ты долженъ избрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при визирѣ въ походѣ, или жить въ Царьградѣ простымъ человѣкомъ, ибо Порта съ этой минуты тебя болѣе не признаетъ за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая при такихъ случаяхъ оставлять министровъ на свободѣ, однако *для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе.*“—Неплюевъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, выбралъ возвращеніе въ Россію и тотчасъ же послалъ за паспортомъ, но ему паспорта не дали; а между тѣмъ де-Бонакъ старался внушить Портѣ, что война съ Россіей для Турціи будетъ тяжела, потому что персидскій народъ не расположенъ къ Туркамъ; при этомъ де-Бонакъ сообщилъ, что онъ имѣетъ отъ французскаго посла въ Петербургѣ Кампредона вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Россія сама не начнетъ войны, если Порта первая не нарушитъ мира. Вслѣдствіе этихъ внушеній, Порта рѣшила только приготовляться къ войнѣ, но самой войны не начинать. Вскорѣ Неплюеву дана была приватная аудіенція у великаго визиря, куда приглашенъ былъ и де-Бонакъ. Неплюевъ старался увѣрить великаго ви-

зиря, что причиною всѣхъ недоумѣній послужили предложенія слишкомъ общія и неопредѣленныя, а еслибы обѣ стороны откровенно высказали свои желанія, то дѣло давно бы кончилось миромъ.—„Резидентъ говоритъ совершенную правду."—сказалъ визирь,—„и Порта объявитъ, чего желаетъ. Положимъ, что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ турецкій государь, другой русскій, а третій меньшой—Тохмасибъ; по смерти Гуссейна, каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть. Россійскій государь взялъ уже свою долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посолъ, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобы никому обидно не было".—„Очень благодаренъ за такую честь,"—отвѣчалъ де-Бонакъ,—„только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабаго."—Визирь самъ было началъ дѣлежъ; но Неплюевъ и де-Бонакъ заявили, что безъ новыхъ указовъ изъ Россіи рѣшить дѣло окончательно нельзя; почему де-Бонакъ предложилъ отправить, съ этой цѣлію, въ Петербургъ своего племянника Дальона. Визирь, изъявивъ на это полное согласіе, прибавилъ, что онъ желаетъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіей, Турціей и Франціей, *на Англію же положиться нельзя и ссориться, въ угоду ей, съ Россіей не слѣдуетъ: обманетъ.* Не смотря на это, англійскій посолъ продолжалъ интриговать и увѣрялъ Порту, что если она объявитъ войну Россіи, то получитъ должное вспоможеніе не только отъ короля Англійскаго, но и отъ всего народа. Между тѣмъ Дальонъ отправился въ Петербургъ и, въ началѣ мая, въ сопровожденіи русскаго курьера, возвратился въ Константинополь. Когда у Неплюева открылись конференціи съ турецкими министрами, онъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну въ тонѣ у Турокъ: визирь велъ себя такъ, какъ будто совершенно забылъ объ условіяхъ, предложенныхъ имъ раньше; теперь Порта не хотѣла и слышать объ ограниченіи будущихъ своихъ завоеваній въ Персіи. Французскій посолъ де-Бонакъ, получившій передъ тѣмъ 2,000 червонныхъ отъ Русскаго Двора и на 1,300 р. собольихъ мѣховъ отъ Неплюева, теперь тоже открыто потянулъ на сторону Порты: „Развѣ вы хотите ослушаться указа Государя своего, что моихъ совѣтовъ не принимаете? Или подозрѣваете меня во враждѣ къ Россіи?" спрашивалъ онъ удивленнаго его поведеніемъ Неплюева. „Но Государь вашъ,"—продолжалъ де-Бонакъ,—„не такъ смотритъ на дѣло: онъ своеручно изволилъ мнѣ писать, чтобъ настоящіе переговоры, какъ можно скорѣе, приводить къ концу и во всемъ положиться на меня; если вы не отступите отъ своего требованія, то я слагаю съ себя посредничество!" Въ другой разъ, когда Неплюевъ посѣтилъ де-Бонака, послѣдній сказалъ, что онъ не хочетъ съ нимъ больше и говорить, и выслалъ его

изъ своего дома. Положеніе русскаго резидента было крайне неловко и затруднительно. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ Петру о трудностяхъ при заключеніи договора: „Больше того нынѣ безъ войны получить было нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дѣла вся внесена. *Отъ французскаго посла, вмѣсто помощи, были только одни препятствія;* при этомъ трактаты разъ десять переправляли; я желалъ, чтобы все ясно было, а французскій посолъ при Туркахъ прямо говорилъ, что резидентъ споритъ недѣльно, въ турецкомъ проэктѣ разумѣется все то, чего онъ требуетъ; а племянникъ его Дальонъ, какъ ребенокъ, при переводчикѣ Порты, сказалъ: „не знаешь ты, что мы имѣемъ изъ Россіи проэктъ за подписаніемъ министерскимъ и во всемъ уполномочены," и нѣкоторыя слова о Лезгинцахъ говорилъ; но переводчикъ Порты этого Туркамъ, по моей просьбѣ, не сказалъ. Дальонъ, по пріѣздѣ въ Царьградъ, прежде свиданія съ посломъ, прямо взятъ былъ къ визирю, и тамъ, невоздержаніемъ ребяческимъ, сказалъ, что Ваше Величество на всѣ турецкія предложенія склонилися, кромѣ самыхъ неважныхъ пунктовъ, и ихъ резидентъ имѣетъ право устранить; сказалъ также, что вы сильно желаете мира" [a]).

Нѣсколько разъ исправленный договоръ, наконецъ, былъ заключенъ 27 іюня 1724 г. [b]) Для обмѣна ратификацій отправленъ былъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ генералъ-маіоръ Александръ Ив. Румянцевъ [c]), которому было поручено, вмѣстѣ съ коммисарами Порты, и разграниченіе русскихъ и турецкихъ владѣній. По этому трактату Россія получила право на владѣніе мѣстами, лежащими на западномъ берегу Каспійскаго моря, и всѣми дистриктами и окрестностями Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана и Астрабада до рѣки Оссы.

Такимъ образомъ Неплюевъ, благодаря своему уму, энергіи и преданности Государю и отечеству, достигъ возможныхъ и желаемыхъ результатовъ предпринятаго Петромъ персидскаго похода; но самъ онъ не былъ убѣжденъ въ важности заключеннаго имъ трактата; онъ боялся, что заключенный имъ договоръ не удовлетворитъ Петра.—Отправляя въ Петербургъ переводчика Мальцева съ этимъ трактатомъ, Неплюевъ просилъ особыми письмами Г. П. Чернышева и А. И. Остермана заступиться за него, въ случаѣ неудовольствія со стороны Петра. „Отпуская сего курьера",—писалъ онъ Чернышеву,—„и въ ожиданіи, какъ мои дѣла приняты будутъ, *нахожусь въ безмѣрномъ страхѣ,* и если оныя, къ несчастію моему, неугодны окажутся Его Императорскому Величеству, то, поистинѣ, *я жить*

a) Тамъ же, стр. 72.
b) Записки Неплюева, стр. 649. У С. М. Соловьева сказано почему то, что „договоръ былъ подписанъ 12 іюня" (Истор. Россіи, т. XVIII, стр. 73).
c) С. М. Соловьевъ называетъ его бригадиромъ.

болте не желаю» [a]. Въ письмѣ къ Остерману Неплюевъ говоритъ: „Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное; но *какъ принято будетъ*, и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и *сіе меня мучитъ смертельно*, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь“ [b].—Видно, что Неплюева сильно безпокоила неизвѣстность, какъ отнесется къ заключенному имъ трактату самъ Петръ. Но молодой резидентъ недаромъ *«весь смыслъ употребилъ»*, при заключеніи трактата съ Портою, —Остерманъ писалъ ему: „Пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ Коллегіи того же дня, въ присутствіи Императора; я только предварительно могу васъ увѣдомить и поздравить, что Его Императорское Величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ аппробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ“ [c].—Неплюевъ получилъ это отрадное письмо на ассамблеѣ у цесарскаго министра; томившая его неизвѣстность, уныніе и страхъ, овладѣвшіе имъ со дня заключенія трактата, миновались, а 29 августа онъ получилъ указъ, подтвердившій письмо Остермана, о награжденіи его чиномъ морскаго капитана перваго ранга и 400 душъ крестьянъ въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ; женѣ и дѣтямъ Неплюева, значилось въ томъ же указѣ, положено производить выдачу полнаго жалованья по его чину изъ Адмиралтейской Коллегіи, а сыну Адріану, находившемуся въ это время въ Голландіи, выдавать по 300 р. въ годъ, съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ, чего искренно желалъ его отецъ. Такъ исполнялъ свое слово Петръ, обѣщавшійся не оставлять Неплюева за вѣрную и полезную службу отечеству!—Облагодѣтельствованный своимъ Императоромъ, Неплюевъ не потерялъ довѣрія, любви и уваженія и въ Константинополѣ: султанъ Ахметъ не могъ нахвалиться имъ; визирь Ибрагимъ-паша сдѣлался его другомъ и подарилъ ему соболью шубу и лошадь съ уборомъ. Оказалось, что Петръ не ошибся, назначивъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь: Неплюевъ не только хорошо понималъ планы Преобразователя, но и умѣлъ энергично выполнять ихъ.

Идея вѣрнаго и полезнаго служенія отечеству, которую выражалъ Петръ, нашла въ Неплюевѣ благотворную почву — и ученикъ достойно оцѣнилъ своего Великаго учителя: Петръ былъ для Неплюева идеаломъ государственнаго служенія и любви къ отечеству; Неплюевъ питалъ къ нему и личную привязанность. Вотъ почему особенно тяжела была для него неожиданная вѣсть о кончинѣ любимаго имъ Императора и трудолюбивѣй-

[a] Зап. Неплюева. „Русск. Арх.“, 1871 г. стр. 649.
[b] Тамъ же, 650.
[c] Тамъ же.

шаго человѣка.—Глубокая скорбь поселилась въ душѣ Неплюева, когда онъ узналъ о кончинѣ Петра,—онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: *«1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отечества, Петръ, Императоръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами,»*—продолжаетъ Неплюевъ,—*«какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди*[a]),—*однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что̀ бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!»*—Неплюевъ и послѣ не могъ говорить о Петрѣ безъ слезъ. Голиковъ передаетъ, что, когда онъ просилъ Неплюева разсказать что-нибудь о Петрѣ, то Неплюевъ обыкновенно говаривалъ при этомъ: *«Эвося, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ!»*[b]). Благоговѣніе Неплюева къ памяти Петра замѣтно и въ его Запискахъ: разсказывая о немъ, онъ видимо оживляется и становится менѣе скупымъ на подробности.—„Необыкновенное величіе, соединенное съ безсиліемъ всѣхъ умовъ человѣческихъ",—говоритъ С. М. Соловьевъ,—„строгое требованіе исполненія обязанностей, строгое требованіе правды, умѣнье выслушивать возраженія самыя рѣзкія, чрезвычайная простота, общительность, благодушіе,—все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сближаться съ нимъ, и поэтому легко понять впечатлѣніе, произведенное на нихъ вѣстью о кончинѣ Императора".[c]) Дѣйствительно, кончина Петра Великаго вызвала слезы не у одного Неплюева: когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ прочитанъ былъ манифестъ о смерти Императора, то по всему храму раздались громкіе вопли присутствующихъ: „Воистинну",—говоритъ очевидецъ,—„такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я никогда не видалъ и не слыхалъ, что, какъ слышно, и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилось"[d]). Другой современникъ говоритъ: „хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрными ему, и горячую любовь нашу къ зем-

---

[a]) У Голикова (т. XI, стр. 261—262) сказано такъ: „научилъ насъ узнавать свои дарованія и способности".
[b]) Голиковъ, т. XV, стр. 273. Слич. Подл. анекдоты о Петрѣ Велик. Штелина, Москва, 1830 г., ч. IV, анекдотъ 119, стр. 209.
[c]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 262.
[d]) Зап. Императорск. Акад. Наукъ, т. IV, к. I, стр. 66.

ному богу погребенъ вмѣстѣ съ собою."[a] И какъ было не оплакивать умершаго Императора, какъ было не благоговѣть предъ величіемъ его генія современникамъ и особенно людямъ близкимъ къ Петру, когда, спустя почти полвѣка послѣ его кончины, у лучшихъ людей невольно вырывались такія слова: „это истинно богъ былъ на землѣ, во времена отцевъ нашихъ!"[b]—Историки, ораторы и стихотворцы уподобляли Петра божеству. Штелинъ передаетъ анекдотъ, какъ престарѣлый солдатъ Кирилловъ, служившій при домѣ Нижегородскаго архіерея, имѣлъ у себя маленькій финифтяный портретъ Петра Великаго, который находился у него въ переднемъ углу вмѣстѣ съ иконами и предъ которымъ онъ молился, зажигая свѣчу, каждую ночь[c]. Воспитатель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ особенно любилъ бесѣдовать съ своимъ царственнымъ питомцемъ о дѣлахъ его прапрадѣда[d], хотя юному Наслѣднику престола приходилось выслушивать отъ лицъ почему-либо недовольныхъ реформами Петра и такіе отзывы, что Петръ часто напивался пьянъ и билъ министровъ своихъ палкою; что только-де и извѣстно государей-драчуновъ по исторіи, что Петръ I да Вильгельмъ, король Прусскій, отецъ Фридриха Великаго; что Петръ писывалъ въ письмахъ: „Минъ-Геръ Адмиралъ" и подписывался „Питеръ" и т. п.[e]—Но кто же изъ людей не имѣлъ и не имѣетъ недостатковъ?—Кто будетъ утверждать, что ихъ не имѣлъ и Петръ?—Нашъ достопочтенный историкъ, покойный С. М. Соловьевъ, говоря о нравственныхъ качествахъ Петра, замѣчаетъ: „у Петра была старинная русская богатырская природа; онъ любилъ широту и просторъ. Но богатырскимъ силамъ соотвѣтствовали и страсти, неумѣренныя правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Одна наблюдательная женщина-современница отзывалась о Петрѣ, что это былъ *очень хорошій и очень дурной человѣкъ*. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра Великаго, не забудемъ стороны свѣтлой, которая перевѣшивала черную и могла такъ сильно привязывать къ нему людей"[f]. Не можетъ быть, чтобъ и Неплюевъ не зналъ нѣкоторыхъ недостатковъ Петра; навѣрно, ему хорошо были извѣстны семейныя дѣла Петра, которыя для людей нравственно-цѣльныхъ и религіозныхъ дѣлаютъ не совсѣмъ привлекательной личность Преобразователя. Но благодаря громадности тѣхъ заслугъ, которыя были оказаны

---

[a]) Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 262.
[b]) Слова графа Чернышева. Записки Порошина, стр. 327.
[c]) Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, Москва, 1830 г., ч. IV, анекд. 120, стр. 211—214.
[d]) Тамъ же, стр. 86, 100, 103, 104, 112, 117, 118, 126, 143, 327 и др.
[e]) Тамъ же, стр. 103—104. Слич. въ журн. „Русск. Старина" (за 1879 г., № 6) манускриптъ Петра Великаго.
[f]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 259.

Петромъ отечеству, темныя пятна въ его жизни не могли затмить свѣтлаго и величаваго образа Петра въ глазахъ любимаго и любящаго ученика и благодарнаго потомства: темныя пятна въ жизни Петра—пятна солнца, которыя не въ силахъ устранить благотворнаго вліянія его свѣта на согрѣваемую имъ природу и человѣка; благотворность и полезность Петровскихъ реформъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, не смотря на нѣкоторые промахи и крутыя мѣры великаго генія, на нѣкоторый даже вредъ иныхъ реформъ, неудавшихся вслѣдствіе неприготовленности средствъ къ всестороннему преобразованію, неприготовленности руководимыхъ и руководителей, начиная съ главнаго руководителя, самого Петра. Но неоспоримо то, что Петръ начерталъ обширную программу, которую Россія вспоминаетъ до сихъ поръ и будетъ вспоминать еще долго; уклоненіе отъ этой програмны сопровождалось нерѣдко печальными послѣдствіями. Словомъ, съ какой бы стороны и точки зрѣнія мы ни стали изучать Петра и его эпоху, мы непремѣнно придемъ въ изумленіе предъ физическими и нравственными силами Преобразователя. Мы остановились нѣсколько дольше на характеристикѣ Петра, чтобы показать, какъ вѣрно и добросовѣстно оцѣнилъ Неплюевъ достоинства Императора и его заслуги отечеству; видно, что ученикъ Петра обладалъ такою же прозорливостью въ распознаваніи и пониманіи людей, какъ и его коронованный учитель: если Петръ не ошибся, сказавъ о Неплюевѣ: «*въ этомъ маломъ путь будетъ;*» то еще больше правды въ словахъ Неплюева, оплакивающаго смерть Петра: «*На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ;*» эти пророческія слова Неплюева не разъ подтвердила Исторія Россіи въ трудахъ лучшихъ и даровитѣйшихъ ея изслѣдователей; ихъ же подтвердила и подтверждаетъ и сама дѣйствительность, сама жизнь Русскаго народа въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Дальше мы увидимъ, какъ сильно отразилось на Неплюевѣ вліяніе Петра, и какъ много добраго и полезнаго черпалъ онъ изъ этого богатаго источника государственной и общественной мудрости.

Преемники Петра не переставали изливать свои монаршія милости на Неплюева. Впрочемъ, надобно замѣтить, что кратко-временное царствованіе Екатерины I и Петра II не были особенно благопріятны для Неплюева, въ отношеніи его служебной карьеры: состоя резидентомъ при Костантинопольскомъ Дворѣ, онъ оставался какъ бы забытымъ. Непосредственный начальникъ его, великій канцлеръ графъ Головкинъ, неотличавшійся щедростью въ доставленіи наградъ и раньше, теперь находился подъ вліяніемъ Меньшикова и, дрожа надъ своимъ парикомъ, раболѣпно исполнялъ его

волю. Остерманъ хорошо знавшій Неплюева и бывшій теперь вице-канцлеромъ, какъ проницательный и ловкій царедворецъ, сознавалъ, что, при наступившей борьбѣ придворныхъ партій, слѣдовало обратить особенное вниманіе на внутреннія, а не на внѣшнія дѣла государства. Графъ Апраксинъ, старый покровитель Неплюева, стоялъ одной ногою въ гробѣ и не долго жилъ послѣ Петра. Главный любимецъ Неплюева, Г. П. Чернышевъ за честный и правдивый характеръ не могъ быть терпимъ придворными интриганами, и былъ удаленъ отъ Двора, съ назначеніемъ его губернаторомъ въ Воронежъ, откуда потомъ онъ былъ переведенъ въ Лифляндію такъ же губернаторомъ. Меньшиковъ весь былъ преданъ своимъ честолюбивымъ замысламъ—сдѣлаться тестемъ будущаго Императора Петра II, который жилъ въ его домѣ, и дочь Меньшикова Марія Александровна торжественно была уже обручена съ Императоромъ; имя невѣсты Петра II торжественно поминали во всѣхъ концахъ Россіи, хотя сама невѣста считала въ душѣ своимъ женихомъ графа Сапѣгу, къ которому была она неравнодушна. Графъ Девьеръ, Толстой, Писаревъ и др. вельможи, желавшіе свергнуть временьщика съ его поста, поплатились ссылкою въ Сибирь и др. мѣста. Дѣло, затѣянное Меньшиковымъ, по всей вѣроятности, и удалось бы, еслибы не помѣшали этому „изъ подлости произшедшему мужу“ [a] князья Долгорукіе и Остерманъ, зорко слѣдившій за Меньшиковымъ и его планами. Такимъ образомъ, въ Россіи, гдѣ всѣ вліятельныя лица были заняты придворными дѣлами, некому было вспомнить о Константинопольскомъ резидентѣ. Впрочемъ, изъ Записокъ Неплюева видно, что Екатерина I не только охотно исполняла его желанія, когда онъ обращался къ ней съ какою-либо просьбою, но и старалась выразить къ нему свою признательность и расположеніе. Такъ, когда въ 1727 г. Неплюевъ попросилъ Императрицу отпустить жену его въ Константинополь; то Екарина, охотно согласившись на просьбу Неплюева, подарила притомъ женѣ его 500 руб. на дорогу, дала ей въ провожатые двоюроднаго брата ея, лейтенанта флота В. И. Татищева, и прапорщика Наковальнина, а также и подводы до Кіева за казенные прогоны [b]. Въ царствованіе Петра II, именно 7 іюня 1727 г., состоялся указъ Верх. Т. Сов. о пожалованіи Неплюеву имѣнія въ Устюжскомъ уѣздѣ [c]. Въ отсутствіе своего мужа,

---

[a]) Атеней за 1858 г., ч. I, стр. 142.

[b]) Въ Сенатскомъ Архивѣ имѣется указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, отъ 20 февраля 1727 г. (LXXXI, 9): „О выдачѣ изъ Камеръ-Коллегіи денегъ женѣ русскаго резидента въ Турціи Неплюева, на проѣздъ ея къ мужу въ Царьградъ“; а 23 февраля того же года состоялся указъ В. Т. Сов.: „О назначеніи изъ Ямской канцеляріи подводъ, отъ С.-Петербурга до Кіева, женѣ русскаго резидента въ Турціи Неплюева, отправляющейся къ мужу въ Царьградъ“ (LXXI, 4).

[c]) Сенат. Архивъ, Б; 387. О, 40. Слич. „Общ. Морск. Списокъ“ Ѳ. Веселаго, ч. I, стр. 278.

Ѳедосья Ѳедоровна все время жила въ своей деревнѣ Поддубьѣ, и жила почти одинокою: родившаяся, вскорѣ по отъѣздѣ мужа, дочь Марфа умерла еще въ младенчествѣ; въ іюлѣ 1723 г. скончался и семилѣтній сынъ Неплюева, Иванъ; старшій его сынъ, Адріанъ, жилъ въ Амстердамѣ у князя Б. И. Куракина, такъ-что послѣдніе четыре года предъ отъѣздомъ къ мужу Ѳедосья Ѳедоровна жила только съ своею дочерью Маріей, которой было не болѣе 14 лѣтъ, когда ея мать отправлялась въ Константинополь. Прошло уже шестнадцать лѣтъ супружеской жизни Ѳедосіи Ѳедоровны, а она не жила и трехъ лѣтъ съ своимъ мужемъ, проведшимъ, какъ мы уже знаемъ, добровольно шестнадцать мѣсяцевъ въ какомъ-то монастырѣ, пять лѣтъ, по волѣ Государя, за границей и болѣе шести лѣтъ проживавшимъ теперь въ Константинополѣ, по волѣ и желанію того же Государя. Безъ сомнѣнія, жизнь въ деревнѣ, сопровождавшаяся горестною утратою дѣтей, вдали отъ мужа и первенца сына, мало представляла отраднаго для молодой женщины, въ самой лучшей порѣ ея жизни; поэтому совершенно понятны тѣ отрадныя чувства, которыя переполняли Ѳедосью Ѳедоровну на пути къ любимому мужу. Очень длиненъ показался путь Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ; наконецъ, 15 августа 1727 г., послѣ семилѣтней разлуки, супруги свидѣлись. Въ Константинополѣ Ѳедосья Ѳедоровна прожила шесть лѣтъ безвыѣздно; 19 января 1730 г., здѣсь родилась у нея дочь Анна, а чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ, именно: 12 мая 1731 года—сынъ Николай,—это были послѣднія дѣти Неплюева.

Въ 1728 г., когда Меньшиковъ былъ низверженъ въ прежнее ничтожество, и сосланъ въ Березовъ, гдѣ онъ и скончался въ 1729 г., Остерманъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ, вспомнилъ о Неплюевѣ, доставивъ ему чинъ капитанъ-командора[a]) галернаго флота *„за долговременное при дворѣ Турскомъ пребываніе и прилежную и усердную тамо въ интересахъ нашихъ службу“*. 2 іюня 1729 г. Верх. Тайный Совѣтъ составилъ особую инструкцію Неплюеву и генералъ-фельдмаршалу князю Михаилу Голицыну, на случай разрыва мирныхъ отношеній съ Турками[b]). Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, счастливая звѣзда снова взошла надъ Неплюевымъ. Г. П. Чернышевъ былъ возвращенъ изъ политической ссылки (1730 г.) и произведенъ въ полные генералы и сенаторы, хотя враги и не переставали интриговать противъ него[c]). Обрадованный такою милостью Императрицы, Чернышевъ не забылъ и своего любимца: вѣроятно, по его

---

[a]) 17 іюля 1728 г. См. „Общ. Морск. Списокъ“ Ѳ. Веселаго, ч. I, стр. 278.
[b]) Сенат. Архивъ, в.; 59.
[c]) См. его письмо къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, отъ 26 Декабря 1734 г., въ „Русск. Бесѣдѣ“ за 1860 г., II, стр. 183—185.

предложенію, Неплюевъ въ томъ же году, 2 декабря, получилъ чинъ шаубенахта[a]), или контръ-адмирала.

Дружеская связь Россіи съ Портою, пока Неплюевъ былъ резидентомъ, не прекращалась: въ 1731 г. въ Москву прибылъ турецкій посолъ Саидъ-Эфендій[b]) съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ султана Магмуда и съ заявленіемъ его желанія сохранить постановленные съ Россіей договоры. Сохраненіе мира съ Турціей теперь особенно было важно для Россіи, потому что она была вовлечена въ междоусобныя распри Калмыковъ. Дундукъ-Омбо, калмыцкій ханъ, направился было въ Крымъ; но Неплюевъ предупредилъ Порту о начавшемся волненіи среди Калмыковъ, настаивая на томъ, чтобы ихъ не принимали въ Крыму[c]). Настойчивость, съ которой всегда дѣйствовалъ Неплюевъ. казалась нерѣдко упрямствомъ для Турокъ, и Порта неоднократно обвиняла его въ томъ, что онъ дѣйствуетъ вопреки велѣніямъ своего Правительства; *Турки пытались даже отравить Неплюева*. Но находчивый и ловкій дипломатъ, какъ сѣтью, опуталъ Порту шпіонами и зналъ все, что было необходимо знать въ его положеніи. Трудолюбіе его было изумительно: шифрованныя депеши Неплюева (цыфирью) представляютъ, такъ сказать, цѣлую фотографію жизни, не исключая и ея мелочей. Но еще болѣе удивляешься трудолюбію Неплюева, когда знаешь, что весь его служебный персоналъ состоялъ только изъ двухъ лицъ: секретаря и переводчика. Всегда недомогающій онъ, начиная съ 1725 года, постоянно просилъ объ отозваніи его изъ Константинополя, но его цѣнили и потому не отзывали. Наконецъ смилостивились и около 1732 года прислали въ Константинополь Вешнякова, бывшаго раньше нашимъ «*консулемъ*» въ Кадиксѣ (въ Испаніи), съ наказомъ—учиться предварительно у Неплюева, какъ дѣйствовать и какъ писать.[d]) Въ 1732 г. Неплюевъ сдѣлался серьёзно боленъ, о чемъ онъ сообщаетъ въ своихъ Запискахъ слѣдующее: „отъ пріѣхавшаго изъ Аѳонскихъ горъ архимандрита былъ я зараженъ повѣтріемъ, почему, жалѣя жену и дѣтей, *также и служителей*, въ предмѣстіи у Царьграда, именуемомъ Буюкдере, заперся въ особую комнату и получалъ пропитаніе въ окно, никого къ себѣ не допуская; жена моя ежечастно у дверей о томъ со слезами просила меня, но, при помощи Божіей, приниманіемъ хины съ водою, которая поносъ производила, отъ той язвы хотя и исцѣлился, но *съ самаго того времени чувствую частые и тяжкіе припадки*»[e]). Изъ опасенія и предосторожности,

[a]) Общій Морск. Списокъ. Спб. 1885 г. Ѳ. Веселаго, т. I, стр. 278.
[b]) Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопам. людей Русск. земли“, т. II, стр. 495.
[c]) Татищевъ и его время. Н. Попова, стр. 253.
[d]) Изъ письма ко мнѣ профессора Кочубинскаго, изъ Одессы, 15 мая 1888 г.
[e]) Русскій Архивъ 1871 г., стр. 653.

Неплюевъ 11 марта проводилъ свое семейство, вопреки даже желанію его жены, въ Россію съ чрезвычайнымъ посланникомъ при Константинопольскомъ Дворѣ, княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ[a]. Между тѣмъ, болѣзненные припадки съ Неплюевымъ не прекращались; наконецъ въ 1734 г. болѣзнь до того усилилась и истощила организмъ трудолюбиваго резидента, что онъ чувствовалъ себя болѣе не въ силахъ заниматься дѣлами службы, къ тому же и медики отказались лѣчить его: „по сей причинѣ“—говоритъ Неплюевъ,—„принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться и на свое мѣсто именемъ Ея Величества акредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено 30 декабря того-жь году, а ко Двору о всемъ вышеписанномъ представилъ; почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію“ [b].

Неплюевъ, будучи хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и внѣшней политикой Франціи, предвидѣлъ также и неизбѣжный разрывъ Россіи съ Портой, хорошо зная въ то же время честолюбивые замыслы графа Миниха, который прекращенную войну съ Польшей намѣревался перенести на югъ, что, какъ увидимъ, и подтвердилось послѣдующими событіями.—Какъ бы то ни было, только Неплюевъ получилъ давно желаемое имъ позволеніе возвратиться въ свое отечество, интересы котораго онъ такъ стойко, честно и энергично защищалъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, занимая постъ Канстантинопольскаго резидента съ Петра I до первыхъ лѣтъ царствованія Анны Іоанновны *безсмѣнно*. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ то время съ перемѣною царствующаго лица мѣнялась и господствующая при Дворѣ партія, и милости, сыпавшіяся на новыхъ любимцевъ, всегда были соединены съ паденіемъ ихъ предшественниковъ. Поэтому, чтобы прочно держаться на своемъ посту, нужно было стоять выше придворныхъ интригъ карьеристовъ и фаворитовъ или ужь быть очень полезнымъ. Неплюевъ удовлетворялъ обоимъ этимъ условіямъ, *служа* вѣрой и правдой *не лицамъ, а отечеству*, считая его благо и его интересы выше своего личнаго счастія и служебной карьеры. Не видя своего отечества около четырнадцати лѣтъ, Неплюевъ особенно желалъ теперь поскорѣе взглянуть на Петербургъ, гдѣ произошло за это время

---

a) Извѣстный дипломатъ первой половины XVIII в. (1696—1761 г.). Съ 1719 г. учился въ Лондонѣ; въ 1720 г. перевелъ сочиненіе Джона Ло: „*Деньги и купечество*“; въ 1723 г. былъ отправленъ въ Испанію, чтобы завязать торговыя сношенія съ тамошними купцами; въ 1724 г. написалъ: „*Вѣдѣніе о торговлѣ россійской*“; въ 1726 году назначенъ посланникомъ въ Испанію; затѣмъ пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Царьградъ; потомъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи и наконецъ посланникомъ въ Лондонѣ; умеръ въ 1761 г. См. о немъ въ письмахъ герцога де-Лиріа (Осмнадц. Вѣкъ, кн. II и III) и въ изслѣдованіи П. П. Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ Вел.“, т. I.

b) Русск. Архивъ 1871 г., стр. 653.

столько важныхъ перемѣнъ, и считалъ себя уже счастливымъ, оставляя Константинополь, — это *«военное гнѣздо»*, по его мѣткому выраженію; но ему пришлось остановиться на нѣкоторое время въ Кіевѣ и вести тайныя сношенія съ нашими „конфидентами": валахами и южными славянами. Наконецъ въ исходѣ 1735 года онъ прибылъ въ Петербургъ; 30 января слѣдующаго года состоялся указъ о пожалованіи контръ-адмирала Ивана Неплюева въ тайные совѣтники[a], а 25 марта того же года Неплюевъ былъ включенъ въ число членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ производствомъ ему жалованья по 2264 р. $84^{1}/_{2}$ коп. въ годъ[b].

Между тѣмъ вскорѣ дружба съ Портою, поддерживаемая раньше Неплюевымъ, была нарушена и открылась война, которая была слѣдствіемъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Польши. По смерти польскаго короля Августа II, послѣдовавшей въ 1733 г., Франція старалась доставить польскій престолъ и корону Станиславу Лещинскому, тестю французкаго короля Людовика XV. Еще раньше, благодаря содѣйствію шведскаго короля Карла XII, Лещинскій овладѣлъ было польскимъ престоломъ, но скоро сведенъ былъ съ него могучимъ противникомъ Карла XII, Петромъ Великимъ. Россія теперь выставила своего кандидата въ лицѣ сына Августа II, Саксонскаго курфюрста — Августа III, союзника Австріи. Посланы были войска, подъ начальствомъ Ласси. Лещинскій скрылся въ Данцигъ, откуда также вскорѣ бѣжалъ, переодѣвшись крестьяниномъ, а 28 іюня 1734 года крѣпость сдалась на капитуляцію фельдмаршалу Миниху. Два французскіе баталіона, находившіеся въ Данцигѣ, были объявлены военноплѣнными и отведены въ Кронштадтъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказались также французскій посолъ при польскомъ Дворѣ Маркизъ Монти и его секретарь Терсье, которые провели полтора года въ строгомъ заключеніи. Въ возмездіе за это Франція захватила въ плѣнъ нѣсколько русскихъ судовъ. Россія, видя свою удачу въ польскомъ дѣлѣ, не уклонилась и отъ той борьбы съ Турками, которую старалась создать для нея партія Станислава Лещинскаго. Предлогъ къ этой войнѣ найти было не трудно: Крымскій ханъ, находившійся въ зависимости отъ Султана, не желалъ да и не могъ сдерживать свои орды отъ набѣговъ на русскія сосѣднія области; послѣднія, конечно, не оставались въ долгу. Еще во время резидентства Неплюева начинались враждебныя отношенія и столкновенія

---

[a]) Неплюевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, что онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника въ 1735 г., а Ѳ. Веселаго утверждаетъ (Общ. Морск. Спис., ч. I, стр. 278), что Неплюевъ произведенъ въ тайн. сов. 27 февраля 1736 г.; но это противорѣчитъ указамъ Сенатскаго Архива (44; 35). См. Описаніе Сен. Арх. Баранова, т. II, стр. 393, № 5358.

[b]) Тамъ же, стр. 405, № 5426.

русскихъ съ масульманами; но въ самой Турціи, благодаря Неплюеву, все было спокойно, съ отъѣздомъ же его въ Россію дѣла приняли другой оборотъ.

Въ концѣ 1735 г. Русскіе, воспользовавшись отсутствіемъ Крымскаго хана въ Персію, напали на Крымъ и произвели опустошеніе. Въ слѣдующемъ году сорока-тысячная русская армія, подъ командою генерала Леонтьева, разгромила Нагайцевъ, захватила до 4000 челов. въ плѣнъ и отобрала у нихъ множество скота, особенно барановъ. Послѣ этого Россіи нельзя было болѣе держаться двусмысленной политики, по отношенію къ Турціи. Между тѣмъ Вешняковъ, замѣстившій въ Константинополѣ Неплюева, былъ за войну Россіи съ Турціей, видя всѣ шансы побѣды на сторонѣ Россіи. Онъ доносилъ Петербургскому Кабинету, что султанъ не уменъ и не имѣетъ никакого понятія о дѣлахъ; визирь—человѣкъ тупой, находящійся подъ вліяніемъ подчиненныхъ, а муфтій—человѣкъ старый. Вообще, среди правительственныхъ лицъ Турціи не было ни разумныхъ политическихъ дѣятелей, ни военачальниковъ, ни финансистовъ, ни градоначальниковъ, и весь государственный механизмъ находился въ совершенномъ разстройствѣ. „Всѣ думаютъ",—писалъ Вешняковъ;—„что надобно оставить дѣла въ такомъ положеніи, пока все рухнетъ вслѣдствіе или внѣшняго несчастія, или внутренняго волненія. Страхъ предъ Турками держится на одномъ преданіи, потому что теперь Турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде; сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и свирѣпства, столько теперь малодушны и боязливы, всѣ какъ будто предчувствуютъ конецъ своей беззаконной власти, и да способитъ Всевышній Ваше Величество искоренить ее. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались только одни недостойные. Татары, зная все это, теперь, какъ всѣ здѣсь говорятъ, въ вѣрности Портѣ стали колебаться. На счетъ христіанскихъ подданныхъ Турціи опасаются, что всѣ возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ Здѣшніе *Константинопольскіе Греки большею частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести неимѣющіе; ихъ главный интересъ—деньги и ненавидятъ насъ больше самихъ Турокъ;* но Греки областные и еще Болгары, Валахи, Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что, при первомъ случаѣ, жизни не пожалѣютъ для Вашего Императорскаго Величества, какъ уповаемой избавительницы. Все это Турки знаютъ"[a]. Считая Турцію весьма слабою

[a]) Мнѣніе стариннаго русскаго дипломата о распаденіи Турціи. См. въ журн. „Др. и Нов. Россія" 1887 г., № 7, стр. 266 и 267.

въ военномъ отношеніи, Вешняковъ совѣтовалъ двинуть войска прямо къ Константинополю, и увѣрялъ, что какъ только они вступятъ въ Буджакъ, то Татары покорятся, а Молдавія и Валахія возстанутъ; по переходѣ же русскаго войска за Дунай, поднимется все остальное христіанское населеніе съ Греціею во главѣ, и тогда, по словамъ Вешнякова, останется только *«напугать Константинополь и заставить бѣжать султана»*, для чего достаточно приблизить нѣсколько судовъ къ каналу и высадить на берегъ тысячъ двадцать сухопутнаго войска[a]. Въ виду такого состоянія Турціи, графъ Минихъ мечталъ уже вовсе уничтожить Порту, вытѣснить Турокъ въ Азію и образовать на развалинахъ *магометанскаго* государства *христіанскую* державу. Мысль эта и послѣ не разъ занимала государственныхъ людей Европы, но для тогдашняго времени такіе замыслы были слишкомъ смѣлы. Турція очень хорошо сознавала опасность, грозившую ей со стороны Россіи; но, оберегая цѣлость своей имперіи, она надѣялась, что Франція, Англія, Голландія и Швеція, всегда ревнивыя къ успѣхамъ Россіи, не допустятъ Турцію до рузрушенія, или даже до значительныхъ территоріальныхъ уступокъ. Между тѣмъ графъ Остерманъ отправилъ къ верховному визирю письмо, въ которомъ было выражено неудовольствіе Русскаго Правительства на Турцію; вмѣстѣ съ тѣмъ это письмо Остермапа служило какъ-бы я объявленіемъ войны со стороны Россіи. Война началась, но крайне была невыгодна для Россіи по своимъ послѣдствіямъ. Два крымскіе похода Миниха, не смотря на взятіе Азова и Очакова, дали плачевные результаты. Въ походъ 1736 года половина арміи погибла въ степи отъ страшныхъ жаровъ, недостатка воды и продовольствія. Взятіе Очакова въ 1737 г. стоило Россіи 24000 солдатъ, причемъ третья часть потери была жертвою заразительныхъ болѣзней, развившихся въ очаковскомъ гарнизонѣ[b]. Австрія оказалась плохой и коварной союзницей. Военная репутація, которой Австрія пользовалась въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII в., основывалась главнымъ образомъ на личныхъ качествахъ принца Евгенія Савойскаго, лучшаго полководца своего времени и чуждаго для Австріи. Онъ далъ возможность Австріи выиграть побѣду надъ Турками и Французами въ войну за Испанское наслѣдство; онъ же, побѣдивъ Турокъ, доставилъ Австріи миръ, о какомъ она и не мечтала. Схоронивъ его, Австрія лишилась многаго: смерть Евгенія Савойскаго стоила ей потери всего, отнятаго имъ у Турокъ[c]. Теперь внутреннее состояніе Австріи было

---

[a]) Тамъ же.

[b]) См. въ „Др. и Нов. Россіи“ (1877 г., № 6, стр. 110): „А. П. Волынскій“ Д. А. Корсакова.

[c]) См. въ журналѣ М. Нар. Просв. (1867 г., стр. 565) статью С. М. Соловьева: „Политика Россіи во время войны за Австрійское наслѣдство“.

таково, что Россія, кромѣ неудачъ, ничего не могла ожидать отъ этого союза. Австрійскій Императоръ Карлъ VI совершенно ослабѣлъ; зять его, герцогъ Лотарингскій Францъ, супругъ Маріи Терезіи, желавшій играть видную роль, былъ человѣкъ добродушный и очень экономный, но неспособный къ управленію и веденію дѣлъ ни въ военное, ни въ мирное время. Въ финансахъ Австріи чувствовался такой дефицитъ, что денегъ не доставало даже на расходы придворнаго штата, такъ-какъ аристократія придворныхъ сановниковъ, духовниковъ, слугъ и поваровъ дѣлила между собой и своими кліентами доходы Австрійской Имперіи, а доходы эти были очень скудны, благодаря дурному управленію государствомъ. Наслѣдница Имперіи, Марія Терезія слѣдовала своей политикѣ, въ интересахъ которой было не вооружать противъ себя Турцію. Предвидя неизбѣжную борьбу съ Европейскими державами, по смерти своего отца, изъ-за Австрійскаго наслѣдства, она старалась расположить Нейберга, главнокомандующаго австрійскими войсками, дѣйствовать въ ея интересахъ. Между министрами и генералами, непользовавшимися довѣріемъ ни императора, ни его дочери, не было никакого согласія и единства въ преслѣдованіи цѣлей. Въ командиры полковъ были выбраны люди неспособные или недобросовѣстные. Все это дѣлало почти номинальнымъ участіе Австріи, какъ союзницы, въ войнѣ, начатой Россіей съ Турціей. Между тѣмъ дѣла турецкой арміи, благодаря Франціи, теперь были ведены гораздо лучше, чѣмъ прежде. въ ней находилось много французскихъ офицеровъ, которымъ удалось устроить турецкую армію по-европейски. Союзъ Россіи съ Австріей былъ весьма не выгоденъ для Франціи, особенно въ виду войны за Австрійское наслѣдство; поэтому Франція старалась разрушить или, по крайней мѣрѣ, парализовать австро-русскій союзъ.

Въ то время, какъ Франція употребляла всѣ средства къ тому, чтобы не дать усилиться Австріи пріобрѣтеніемъ новыхъ земель, послѣдняя предложила Россіи начать *мирные* переговоры *въ Немировѣ*. Это предложеніе вполнѣ соотвѣтствовало стремленіямъ Бирона, который, подъ вліяніемъ зависти къ военной славѣ фельдмаршала Миниха, желалъ скорѣйшаго прекращенія этой войны. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что внутри Россіи недовольство иноземнымъ владычествомъ расло не по днямъ, а по часамъ; поэтому, чтобы обезопасить себя въ угрожавшей ему внутренней борьбѣ, необходимо было поскорѣе обезопасить себя извнѣ. Сильный своимъ вліяніемъ на императрицу Анну Іоанновну, Биронъ настоялъ, чтобы предложеніе Австріи было принято,—„чрезвычайными и полномочными министрами“ на Немировскій конгрессъ были назначены: сенаторъ баронъ Шафировъ, оберъ-егермейстеръ Волынскій и тайный совѣтникъ Неплюевъ. Выборъ предста-

вителей со сороны Россіи на турецкій конгрессъ въ Немировѣ былъ сдѣланъ удачно: баронъ Шафировъ былъ хорошій знатокъ Турціи и ея политическихъ стремленій; Волынскій, состоя раньше при Шафировѣ, раздѣлялъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ въ 1712 году, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ отъ него курьеромъ къ Петру Великому съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адріанополѣ; кромѣ того, будучи при Петрѣ Великомъ посломъ въ Персіи, онъ достаточно изучилъ азіатскіе нравы вообще; Неплюевъ, занимая почти четырнадцать лѣтъ постъ резидента въ Константинополѣ, тоже представлялъ изъ себя вполнѣ надежнаго и опытнаго дипломата въ сношеніяхъ съ Турціей. Несмотря, однакожъ на удачный выборъ уполномоченныхъ со стороны Россіи на Немировскій конгрессъ, нельзя было расчитывать на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ для Россіи. Франція, стараясь разорвать австро-русскій союзъ, искусно вела интригу въ Константинополѣ чрезъ своего посла Маркиза Вильнева [a], чему много благопріятствовало, помимо внутренней слабости Австріи, существованіе враждебныхъ партій при Русскомъ Дворѣ. Императрица Анна Іоанновна, отличавшаяся добротой и даже разсудительностью [b], вовсе не была подготовлена къ занянатію государственными дѣлами и любила спокойствіе [c]. Минихъ, сынъ фельдмаршала, говоритъ, что ея воля „почти всегда зависѣла отъ другихъ, нежели отъ нея самой;“ [d] то же самое подтверждаетъ и Манштейнъ [e]. Вообще вліяніе ея на государственныя дѣла, какъ самодержавной Императрицы, было ничтожно и почти номинально; оно всецѣло принадлежало нѣмецкому тріумвирату, состоявшему изъ фаворита Государыни Бирона, фельдмаршала Миниха и графа Остермана, которые подъ конецъ своего владычества въ Россіи дѣйствовали, какъ лебедь, щука и ракъ въ извѣстной баснѣ И. А. Крылова того же названія: Минихъ „рвался въ облака“ пороховаго дыма, Остерманъ, такъ сказать, „тянулъ въ воду“, а Биронъ „пятился назадъ“. Общаго между членами этого тріумвирата было только ихъ нѣмецкое происхожденіе, субъективныя же ихъ качества были различны. Биронъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ человѣкъ не глупый и разсудительный, но неразвитый нравственно, почему онъ являлся то энергичнымъ до жестокости, то мелочнымъ до пошлости [f]. Минихъ, отличавшійся чрезмѣрнымъ честолюбіемъ и силой воли, желалъ быть первымъ и на придворныхъ балахъ и въ управленіи государ-

---

[a] С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XX, стр. 127—135.
[b] Кн. Щербатовъ. „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, стр. 48.
[c] Записки фельдмаршала Миниха, стр. 62.
[d] Зап. иностр. о Россіи. Записки Миниха-сына, стр. 177.
[e] Записки Манштейна, стр. 194.
[f] Тамъ же, стр. 204.

ствомъ, но онъ былъ скорѣе хорошій инженеръ и храбрый полководецъ, чѣмъ государственный человѣкъ. Графъ Остерманъ, будучи честолюбивымъ не менѣе Миниха, существенно отличался отъ него тѣмъ, что никогда не проявлялъ своего честолюбія открыто, какъ Минихъ, а всегда велъ дѣло хитро, осторожно и тонко, чему много помогало его умѣнье говорить и писать такъ, что можно было понимать его двояко. Если онъ считалъ, положимъ, нужнымъ, почему-либо, скрыть свой взглядъ на то или другое дѣло; то говорилъ такъ двусмысленно и странно, что немногіе могли понимать его. Манштейнъ замѣчаетъ по этому случаю: „послѣ двухчасовыхъ бесѣдъ, которыя Остерманъ имѣлъ съ иностранными министрами, послѣдніе, выходя изъ его кабинета, такъ же мало знали, на что онъ рѣшился, какъ въ ту минуту, когда они туда входили“ [a]. Безъ сомнѣнія, это было результатомъ подозрительности и скрытности, отличительныхъ чертъ въ характерѣ Остермана. Вслѣдствіе такихъ качествъ, обладая притомъ же сильнымъ и гибкимъ умомъ, Остерманъ считался у современниковъ однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Европы [b],—такимъ его считалъ и Неплюевъ, сдѣлавшійся орудіемъ Остермана въ извѣстномъ дѣлѣ о Волынскомъ, какъ увидимъ это дальше. Судьба Австріи, неразрывно связанная съ судьбой и существованіемъ Турціи, всегда была яблокомъ раздора между Россіей и Европой. Остерманъ былъ постояннымъ сторонникомъ Австріи, а Биронъ держался Австріи только для полученія Курляндскаго герцогства; достигши же этого въ 1737 году, онъ болѣе не дорожилъ союзомъ Россіи съ Австріей [c]. Волынскій, бывшій „конфидентомъ“ Бирона на Немировскомъ конгрессѣ, и самъ, въ виду особыхъ непріязненныхъ отношеній къ Миниху, желалъ, чтобы поскорѣе кончилась война Россіи съ Турціей, и старался угодить Бирону, чтобы добиться чрезъ него мѣста кабинетъ-министра. Неплюевъ же долженъ былъ дѣйствовать, согласно интересамъ и стремленіямъ Остермана. При такомъ положеніи вещей и комбинаціи политическихъ условій, можно было предвидѣть, что въ *Немировѣ—мира* не состоится и когрессъ кончится ничѣмъ. Однакожъ, не смотря на это, 19 марта 1737 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ о выдачѣ „чрезвычайнымъ русскимъ министрамъ“ изъ Штатсъ-конторы на подъемъ, содержаніе и другіе расходы 20000 р. червонн., 3000 р. золот. и на 4000 мягкой рухляди [d]. Кромѣ того, 14 апрѣля Кабинетъ предписалъ

[a]) Зап. иностр. о Россіи, т. I, стр. 225. Письма леди Рондо, стр. 112.

[b]) Н. Н. Өирсовъ: „Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны“. Казань, 1888 г., глава II-я.

[c]) Подробности въ сочин. Вейдемейера: „Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго“, въ „Исторіи Австріи“ Майлата, русск. перевод. 1858 г., М.; и въ „Запискахъ“ Манштейна.

[d]) Описан. высоч. указовъ и повелѣній, хран. въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ. Сост. П. Барановъ. Спб., 1875 г., т. II, № 5904. (С. Арх. 47; 399).

Штатсъ-конторѣ выдать Неплюеву и Шафирову жалованье за весь 1737 г. по ихъ чинамъ [a]), а Сенатъ, по распоряженію Кабинета отъ 20 апрѣля, долженъ былъ озаботиться заготовкою подводъ для отправляющихся на конгрессъ „министровъ" и другихъ командируемыхъ съ ними лицъ [b]).

Переговоры съѣхавшихся въ Немировъ представителей трехъ державъ (Россіи, Австріи и Турціи) начались только 5 августа 1737 г.—Волынскій въ начальныхъ переговорахъ, по болѣзни, не участвовалъ; Неплюевъ же и Шафировъ соглашались заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Кубань, Крымъ и всѣ остальныя земли Черноморскаго побережья до Дуная присоединить къ Россіи, а Молдавію и Валахію признать независимыми княжествами, подъ покровительствомъ Россіи, какъ единовѣрной имъ державы. Но представители Порты не согласились на эти условія, ссылаясь на то, что они несоразмѣрны съ успѣхами русскихъ войскъ, а уполномоченные Австріи дали понять русскимъ министрамъ, что нѣмецкій Императоръ желалъ бы взять Валахію себѣ. Въ то же время графъ Остейнъ утверждалъ, что Порта ни за что не уступитъ Россіи Крыма, и совѣтовалъ Неплюеву и Шафирову не настаивать на этомъ, а ограничиться Азовомъ, Очаковомъ, Кинбургомъ, Нагайскими и Кубанскими землями, Австріи же оставить занятый ею г. Нишъ съ прилегающими округами. Особенная настойчивость графа Остейна и вѣсть о выступленіи арміи генерала Ласси изъ Крыма заставили русскихъ министровъ умѣрить свои требованія: на второмъ совѣщаніи, къ городамъ и землямъ, предложеннымъ гр. Остейномъ, они прибавили только Тамань и настаивали на срытіи Турками Перекопской линіи; границей же между Россіей и Турціей долженъ былъ считаться Днѣстръ. Представители Порты просили 40 дней отсрочки, чтобы послать гонца въ Константинополь, такъ-какъ безъ разрѣшенія падишаха они не могли принять этихъ условій. Между тѣмъ Волынскій, оправившись отъ болѣзни, 16 августа частнымъ образомъ посѣтилъ турецкихъ уполномоченныхъ, подъ предлогомъ отблагодарить ихъ за посѣщеніе его во время болѣзни. Представители Порты старались, въ свою очередь, увѣрить Волынскаго, что они желаютъ мира съ Россіей, но что они не знаютъ, чьи исполнять требованія: Россіи или Австріи, и жаловались, что *«Австрійцы примѣшались въ войну и хотятъ корыстоваться»*. Волынскій далъ понять имъ, что главная воюющая держава Россія, Австрія же въ этой войнѣ, какъ говорится, „такъ-себѣ". „Вы, какъ искусные министры",—говорилъ Волынскій пашамъ,—„легко можете разсудить, кого прежде надо удовлетворить и кто главная воюющая держава".

[a]) Тамъ же, № 5948 (С. Арх. LXXXV, 18).
[b]) Тамъ же, № 5965 (С. Арх. 47; 573).

Представители Порты жаловались на Австрійцевъ, что, по милости ихъ, они не раньше, какъ чрезъ 40 дней, могутъ приступить къ переговорамъ, потому что не имѣютъ переводчика, котораго принуждены были отправить къ султану. Волынскій замѣтилъ, что отсутствіе ихъ переводчика не можетъ помѣшать переговорамъ, такъ-какъ ассесоръ русскаго посольства Муртаза Тевкелевъ вполнѣ можетъ замѣнить его. На другой день переговоры возобновились. Когда русскіе дипломаты сообщили гр. Остейну мнѣніе турецкихъ уполномоченныхъ объ Австрійцахъ, графъ сталъ особенно настаивать на томъ, чтобы миръ былъ заключенъ въ томъ же (1737) году: „иначе",—сказалъ онъ,—„мы его отъ Турокъ никогда не добьемся". Но австрійскіе дипломаты слишкомъ были притязательны: они требовали для Австріи Молдавію, всю Валахію[a] и занятый австрійскими войсками г. Нишъ съ прилегающими къ нему округами. Турецкіе уполномоченные старались затянуть переговоры, желая поссорить Россію съ Австріей. Между русскими и австрійскими дипломатами произошло охлажденіе; даже графъ Остерманъ, постоянный и ревностный сторонникъ Австріи, сердился на графа Остейна. Наконецъ русскіе „министры" и австрійскіе уполномоченные пошли на компромиссъ: первые изъявили готовность удовольствоваться Азовомъ, Очаковомъ и Кинбургомъ „съ пристойными границами"; а вторые желали удержать за Австріей только г. Нишъ и прилегающіе къ нему округа. Но турецкіе представители заявили, что они не уполномочены вести переговоры на такихъ основаніяхъ и 10 октября 1737 г. оставили Немировъ, а вслѣдъ за ними выѣхали и австрійскіе дипломаты. Шафирову и Волынскому приказано было возвратиться въ Петербургъ, а Неплюеву велѣно *поселиться въ Кіевѣ* и смотрѣть за дѣлами по заграничной корреспонденціи.

Во время пребыванія Неплюева на Немировскомъ конгрессѣ, англійскій купецъ Виллимъ Эльмзель, содержатель стеклянныхъ заводовъ, завладѣлъ было принадлежавшею Неплюеву въ Петербургѣ землею, какъ это видно изъ указа Кабинета, отъ 23 августа 1737 г., на имя Полиціймейстерской канцеляріи съ повелѣніемъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу[b]; но канцелярія замедлила производствомъ слѣдствія, почему 16 октября того же года состоялся подтвердительный указъ Кабинета *„о скорѣйшемъ рѣшеніи* Полиціймейстерскою канцеляріею дѣла по завладѣнію купцомъ Эльмзелемъ земли, принадлежащей тайному совѣтнику Ив. Неплюеву" [c].

---

[a]) Часть Валахіи уже принадлежала Австріи по Пассаровицкому миру 1718 г. См. „А. П. Волынскій" (Др. и Нов. Рос., 1877 г., № 6, 112) Д. А. Корсакова.
[b]) Барановъ. Опис. Сен. арх., т. II, № 6224 (С. А. XXXII, 70).
[c]) Тамъ же, № 6306 (С. А. XXXII, 72). Ср. т. III, № 8435 (С. А. CXXXIX, 278).

Съ отъѣздомъ изъ Немирова уполномоченныхъ, переговоры съ Турціей и стремленія С.-Петербургскаго Кабинета заключить миръ съ Портою не прекратились: 30 декабря 1737 года Кабинетъ поручилъ Сенату позаботиться *о скорѣйшемъ* переводѣ въ Кіевъ 10000 руб. на расходы по Немировскому конгрессу и о передачѣ этой суммы Неплюеву[a], а 29 января 1738 года состоялся указъ Кабинета объ отсылкѣ въ Кіевъ изъ Московскаго Сибирскаго приказа мѣховъ и мягкой рухляди на 2025 р. въ распоряженіе Неплюева „*на чрезвычайные расходы* по возложенному на него порученію, касающемуся нѣкоторыхъ заграничныхъ сношеній"[b], и на 2449 руб. 90 коп.—фельдмаршалу Миниху, находившемуся также въ Кіевѣ — „на нѣкоторыя *чрезвычайныя раздачи*"[c]. Между тѣмъ, А. П. Волынскій, занявшій съ 3 апрѣля 1738 г. постъ кабинетъ-министра[d], дѣятельно работалъ въ пользу прекращенія войны и заключенія мира съ Турціей. Наконецъ эта война и всѣ переговоры съ Турціей кончились тѣмъ, что Россія должна была принять постыдный для нея Бѣлградскій миръ, заключенный Австріей 18 сентября 1739 года, не смотря на то, что Русскіе уже овладѣли Бахчисараемъ, Очаковомъ, Яссами, Хотиномъ и нѣкоторыми мелкими крѣпостями. По этому миру Австрія обязывалась уступить Турціи: Бѣлградъ, всю Сербію, часть Босніи и Австрійскую Валахію, а Россія должна была возвратить Турціи: Хотинъ[e], Очаковъ и другія укрѣпленія, пріобрѣтенныя ею въ эту войну, за исключеніемъ Азова, и то подъ условіемъ—срыть всѣ его укрѣпленія. Кромѣ того, Россія не имѣла права строить при Черномъ морѣ крѣпостей, держать на этомъ морѣ корабли; торговля же на Черномъ морѣ могла производиться только посредствомъ турецкихъ кораблей. Такимъ образомъ, не смотря на всю грандіозность плановъ Миниха и все-таки значительный успѣхъ русскаго оружія, въ концѣ концовъ, побѣжденная Турція продиктовала миръ побѣдившей её Россіи, и послѣдняя, потерявъ до 100000 чел. въ эту войну, нисколько не подвинулась къ цѣли, намѣченной Петромъ Великимъ—утвердить свое вліяніе на Черномъ морѣ, чего такъ сильно желалъ Петръ Великій, добивавшійся отъ Порты согласія на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю[f].

Такіе печальные результаты войны съ Турціей, конечно, болѣе всего были непріятны фельдмаршалу Миниху. Когда Минихъ разбилъ Турокъ

---

a) Тамъ же, № 6417 (С. А. 49; 434).
b) Тамъ же, № 6884 (С. А. 52; 115).
c) Тамъ же, № 6885 (С. А. 52; 117).
d) Тамъ же, № 6549 (С. А. 50; 372).
e) Временникъ, кн. XIX, стр. 19—36. Реляція о взятіи Хотина.
f) Вопросъ о свободѣ плаванія въ Черномъ морѣ при Петрѣ Великомъ. Др. и Нов. Россія. 1877 г., № 7, стр. 266.

подъ Ставучанами, чрезъ два дня взялъ Хотинъ и уже мечталъ объ овладѣніи Бендерами, какъ наши „добрые" союзники Австрійцы, безъ вѣдома Россіи, заключили отдѣльный миръ съ Портою, уступивъ ей Бѣлградъ, Орсову и Сербское королевство. Этотъ-то поступокъ Вѣнскаго Двора и уничтожилъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ и имѣлъ вліяніе на заключеніе мирныхъ условій съ Турціей. Минихъ выходилъ изъ себя и свой гнѣвъ излилъ въ письмѣ къ князю Лобковичу, командовавшему войсками въ Трансильваніи. Минихъ спрашивалъ Лобковича: „Что же стало съ этимъ священнымъ союзомъ, долженствовавшимъ существовать между обоими дворами? — Со стороны русскихъ берутъ крѣпости, со стороны имперцевъ срываютъ ихъ и уступаютъ непріятелю. Русскіе завоевываютъ княжества и провинціи, а имперцы отдаютъ непріятелю цѣлыя королевства. Русскіе доводятъ непріятеля до крайности, а имперцы уступаютъ ему все, чего онъ захочетъ, и все что можетъ льстить ему и умножить его спѣсь. Русскіе продолжаютъ войну, а имперцы заключаютъ перемиріе, а потомъ и миръ. Гдѣ же, спрашиваю я, этотъ неразрывный союзъ? Могу васъ увѣрить, ваше сіятельство, что если бы армія императора дѣйствительно доведена была до крайности; то Вѣнскій Дворъ, при помощи моей Государыни Императрицы, могъ бы заключить миръ болѣе честный, чѣмъ тотъ, который состоялся теперь"[a]. Въ то же время Минихъ писалъ Бирону: „Турки благодарятъ за этотъ миръ Магомета, Нейперга[b] и Вильнева[c]; Богъ да проститъ Вѣнскому Кабинету, что онъ ради такого жалкаго результата растратилъ такія огромныя суммы"[d].

Не смотря на всѣ невыгоды Бѣлградскаго мира для Россіи, въ Петербургѣ старались придать ему особенную цѣну и важное значеніе. Петербургскій Кабинетъ постановилъ отпустить изъ Штатсъ-конторы въ канцелярію главной артиллеріи 2000 р. на устройство иллюминаціи и фейерверка, по случаю празднованія заключеннаго съ Турціей мира[e]. Во всѣ провинціи, города и уѣзды, въ епархіи и монастыри былъ разосланъ высочайшій манифестъ[f], въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что, по случаю заключенія мира съ Турціей, разныя лица гражданскаго вѣдомства, осужденныя за преступленія по должности, кромѣ воровъ, разбойниковъ и убійцъ, прощаются съ возвращеніемъ имъ чиновъ[g]. Св. Синоду данъ былъ особый указъ съ повелѣніемъ распространить эту милость и

[a]) Мнѣніе Миниха о нашихъ союзникахъ Австрійцахъ, тамъ же, стр. 267.
[b]) Австрійскій уполномоченный, заключившій миръ съ Портою безъ вѣдома Россіи.
[c]) Маркизъ Вильневъ—французскій посолъ въ Константинополѣ.
[d]) Тамъ же.
[e]) Барановъ. Опис. Сен. арх, т. II, № 7367. (С. А. LXXXVII, 30).
[f]) П. С. Зак. № 8022.
[g]) Барановъ. Опис. Сен. арх., т. II; № 7465 (С. А. LXXXVII, 36).

на чины духовнаго вѣдомства[a]. Всѣ турецкіе плѣнные были освобождены и получили право возвратиться въ отечество, кромѣ принявшихъ или желающихъ принять христіанскую вѣру[b]. Кабинетъ-министръ А. П. Волынскій получилъ въ награду 20,000 р.[c]; тайный совѣтникъ фонъ-Бревернъ—10,000 р.[d]; фельдмаршалъ Минихъ- 5000 р.[e]; генералъ-лейтенантъ фонъ-Люберасъ—3000 р.[f]; тайн. совѣтникъ Михалъ Бестужевъ получилъ чинъ *дѣйствительнаго* тайнаго совѣтника, камергеръ князь Борисъ Юсуповъ пожалованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ его губернаторомъ въ Москву; совѣтники канцеляріи Петръ Курбатовъ, Иванъ Юрьевъ и совѣтникъ Камеръ-коллегіи Кагіони получили чинъ статскаго совѣтника[g]; тотъ же чинъ былъ данъ русскому резиденту въ Турціи, Алексѣю Вешнякову[h] и секретарю коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Адріану Ивановичу Неплюеву, назначенному секретаремъ посольства въ Турцію[i]. Французскому послу въ Константинополѣ Маркизу Вильневу былъ пожалованъ и отправленъ украшенный алмазами Андреевскій орденъ, за который уплачено изъ Штатсъ-конторы оберъ-гофъ-коммисару Либману 7000 р.[k] Въ Константинополь былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ статскій совѣтникъ Кагніони, которому ассигновано было 1500 р. въ годъ жалованья и выдано 3000 р. единовременно на содержаніе во время командировки[l]. Генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ (отецъ Задунайскаго), назначенный чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь, получилъ изъ Штатсъ-конторы 47,000 р.[m] и 6000 червон. въ счетъ этой суммы, изъ Монетной канцеляріи[n] на разные расходы, во время посольства. Кромѣ того, Петербургскій Кабинетъ приказалъ отпустить съ нимъ въ Константинополь на подарки разнымъ лицамъ золотой и серебряной штофной матеріи на 4623 р. 73 коп.[o] и 45 пудовъ зеленаго и чернаго чаю[p]; а 10 іюля 1740 г., по высочайшему повеленію, Румянцеву былъ пожалованъ въ Москвѣ на Тверской

---

a) П. С. Зак.. № 8085 Ср. у Баранова въ „Опис. Сен. арх.“ №№ 7507 (С. А. 57; 582), 7570 (С. А. 58; 189), 8570 (С. А. CXXXI. 93)

b) Тамъ же №№ 7356 (С. А. 57; 137), 7409 (С. А. 57; 262). Ср. въ П. С. Зак. № 8030.

c) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 7407 (С. А. LXXXVII, 22).

d) Тамъ же, № 7374 (С. А. LXXXVII, 18).

e) Тамъ же, № 7375 (С. А. LXXXVII, 19).

f) Тамъ же, № 7376 (С. А. LXXXVII, 21).

g) Тамъ же, № 7373 (С. А. 57; 166)

h) Тамъ же, № 7513 (С. А. 58; 3).

i) Тамъ же, № 7514 (С. А. 58; 38).

k) Тамъ же. № 7465 (С. А. LXXXVII, 36).

l) Тамъ же, № 7417 (С. А. LXXXVII, 36).

m) Тамъ же, № 7505 (С. А. LXXXVII, 39). и № 7559 (С. А. LXXXVII, 45).

n) Тамъ же, № 7569 (С. А. LXXXVII. 47 и 48).

o) Тамъ же, № 7550 (С. А. LXXXVII, 44).

p) Тамъ же, № 7509 (С. А. 57; 581).

улицѣ домъ князя Алексѣя Долгорукаго, женѣ же Румянцева, покуда мужъ ея будетъ находиться въ Константинополѣ, назначено 2000 р. *„на пропитаніе“* [a]; деньги эти велѣно было генералу Кейту, комадовавшему войсками въ Малороссіи, выдать Румянцевой изъ малороссійскихъ доходовъ [b].

27 февраля 1740 года Кабинетъ приказалъ выдать находящемуся въ Кіевѣ тайному совѣтнику Неплюеву 5820 р. на нѣкоторые *чрезвычайные расходы* [c], а 3 марта того же года Неплюевъ, по именному указу, былъ опредѣленъ кіевскимъ губернаторомъ, съ назначеніемъ его коммиссаромъ по разграниченію земель съ Турками на Днѣпровской сторонѣ [d]. Въ апрѣлѣ 1740 года была образована особая коммиссія, которой поручено было заняться рѣшеніемъ вопроса по разграниченію земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Бугу и Днѣпру. Въ эту коммиссію были назначены членами и полномочными министрами кіевскій губернаторъ Неплюевъ и генералъ-лейтенантъ князь Василій Репнинъ [e]. 10 мая 1740 г. Кабинетъ приказалъ Штатъ-конторѣ выдать Репнину 11000 р., а Неплюеву [f] 14000 р.; тогда же велѣно назначить къ нимъ „искусныхъ“ геодезистовъ, а генералъ-маіору Шипову предписано немедленно отправить къ комисарамъ казаковъ и озаботиться заготовленіемъ припасовъ и провіанта для обоихъ коммиссаровъ и назначенной къ нимъ команды; обозному Лизогубу и полковнику Танскому велѣно состоять при Неплюевѣ [g], для исполненія его порученій. Но Шиповъ, вѣроятно, замедлилъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, потому что 2 іюня Кабинетъ вновь напомнилъ ему объ этомъ дѣлѣ [h].

Между тѣмъ, какъ раздавались награды деньгами и чинами и шли отмѣченныя распоряженія, *хитроумный* и *злокозненный* Остерманъ искусно и незамѣтно ткалъ ту паутину, въ которой потомъ запутался неосторожный А. П. Волынскій, поплатившійся своей головой и счастіемъ своихъ дѣтей и близкихъ, какъ увидимъ это дальше,—Остерманъ приготовлялъ къ постановкѣ на Сытномъ базарѣ кровавую драму, исполнителями которой, *къ величайшему сожалѣнію,* явились исключительно русскіе родовитые люди и въ числѣ ихъ Неплюевъ.

---

[a] Тамъ же, № 7704 (С. А. 60; 110).
[b] Тамъ же, № 7913 (С. А. 68; 730).
[c] Тамъ же, № 7389 (С. А. LXXXVII, 34).
[d] Тамъ же, № 7393. (С. А. 57; 178, 179).
[e] Тамъ же, № 7480—(С. А. 57; 506).
[f] Тамъ же, № 7559 (С. А. LXXXVII, 45).
[g] Тамъ же, № 7480 (С. А. 57; 506) и № 7481 (С. А. 68; 688).
[h] Тамъ же, № 7600 (С. А. 68; 693).

ГЛАВА IV.

Судъ надъ Голицынымъ и участіе въ немъ Неплюева.—Дѣло кабинетъ-министра Волынскаго.—Назначеніе Неплюева слѣдователемъ по этому дѣлу.—Процессъ Волынскаго и его казнь.—Судьба дѣтей Волынскаго и память о немъ въ потомствѣ.

Неплюевъ къ тому дѣлу, по представленію моему, опредѣленъ для того, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать мнѣ, ибо Волынскій противъ меня подымался.

(Остерманъ—на допросъ)

И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной.

(Дума „Волынскій", К. Ө. Р., 1822 г.).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ творцомъ „кондицій" [a] верховниковъ 1730 года и главнымъ сторонникомъ олигархическихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлію ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны. Однимъ изъ дѣятельныхъ орудій его гибели сдѣлался А. П. Волынскій, который, стараясь погубить своего политическаго врага, хотѣлъ оказать тѣмъ особенную услугу Императрицѣ и ея фавориту Бирону. 7 января 1737 г., по именному указу, при Сенатѣ былъ учрежденъ особый генеральный судъ, для разсмотрѣнія поступковъ о виновности сенатора, князя Дмитрія Голицына [b], въ составъ этого суда былъ назначенъ и Неплюевъ. Въ чемъ собственно и какъ выразилось участіе Неплюева въ этомъ судѣ, намъ неизвѣстно; но мы думаемъ, что оно было пассивное, потому что Голицынъ на другой же день, послѣ указа о разсмотрѣніи его виновности, былъ приговоренъ въ Шлиссельбургскую крѣпость [c]. Все его имущество, движимое и недвижимое, было конфисковано [d], не исключая его богатой библіотеки, находившейся въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, изобиловавшей философскими и политическими сочиненіями, которыя большею

---

[a]) Д. А. Корсаковъ. Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Казань, 1880 г., гл. I, IV, VI и XVIII.
[b]) Барановъ. Описан. Сен. Арх., № 5796 (С. А. 47; 29).
[c]) Тамъ же, № 5797. Сл. П. С. Зак., т. X, № 7151.
[d]) Опис. Сен. арх. Баранова, № 5798 (С. А. 47; 44).

частію достались Волынскому [a]. Но совершенно въ иномъ видѣ представляется участіе Неплюева въ дѣлѣ о самомъ Волынскомъ. Удаляясь отъ придворныхъ интригъ и служа всегда дѣлу, Неплюевъ, вѣроятно, и не ожидалъ, что его заставятъ принять на себя роль сыщика и слѣдователя по дѣлу кабинетъ-министра Волынскаго, награжденнаго лишь предъ тѣмъ 20,000 рублей, по случаю заключенія мира Россіи съ Турціей.

Такъ-какъ личность Волынскаго, благодаря его умственнымъ способностямъ, патріотическимъ стремленіямъ и—особенно его мученической кончинѣ, всегда пользовалась особенной популярностью среди русскаго интеллигентнаго общества, начиная съ коронованныхъ особъ; то мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь въ существенныхъ чертахъ ходъ этого замѣчательнаго, по своей печальной извѣстности, процесса и указать на отношеніе къ нему Неплюева, тѣмъ болѣе, что самъ Неплюевъ совершенно умалчиваетъ о немъ въ своихъ Запискахъ: вѣроятно, тяжело и непріятно было для него воспоминаніе объ этомъ кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, *къ величайшему сожалѣнію,* и онъ былъ *вынужденъ* принять участіе, *по волѣ Остермана.*

Въ апрѣлѣ 1740 года, по высочайшему повелѣнію, была образована особая коммиссія для изслѣдованія винъ и преступленій кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго; въ составъ этой коммиссіи, *по желанію Остермана,* былъ включенъ и Неплюевъ. Участіе Неплюева въ этомъ дѣлѣ представляетъ его, какъ и всѣхъ членовъ судной коммиссіи надъ Волынскимъ, въ несимпатичномъ видѣ. Но при этомъ мы не должны забывать и того, что Неплюевъ служилъ здѣсь орудіемъ въ рукахъ другихъ. Во время допросовъ Волынскаго, послѣдній, между прочимъ, замѣтилъ Неплюеву: „Вѣдаю, что вы графа Остермана креатура, и что со мною имѣли ссору; пожалуйста, оставьте!“ Неплюевъ на это отвѣтилъ: „Вы говорите излишнее; партикулярной ссоры я съ вами не имѣлъ и не бранивался, а теперь по именному указу опредѣленъ къ суду и долженъ поступать по сущей правдѣ“.—Волынскій и самъ сознавалъ, что главнымъ виновникомъ его гибели былъ Остерманъ: „на всѣхъ я въ правѣ своемъ надеженъ“—говорилъ онъ Неплюеву,—„только *все то озлобленіе пришло* мнѣ не такъ отъ Куракина и Головина, какъ *отъ графа Остермана;* онъ такой человѣкъ, что никому безъ закрытія ничего не объявитъ, и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ“.

---

[a]) О книгахъ Голицына см. въ „Библіогр. Зап.“, 1861 года, № 11; и въ книгѣ Пекарскаго: „Наука и литература Петр. времени“, ч. I, стр. 255—263.

—„О дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается къ женѣ, и вѣдать не пристойно",—строго замѣтилъ Неплюевъ: „и самъ о томъ можешь разсудить!"

Впослѣдствіи, когда Остерманъ самъ попалъ подъ судъ и когда его спросили, для чего онъ „такъ старался Волынскаго искоренить"; то Остерманъ отвѣтилъ: „*виноватъ* и согрѣшилъ!" и—тогда же объяснилъ причину назначенія слѣдователемъ по дѣлу Волынскаго Неплюева: „*Неплюевъ къ тому дѣлу, по представленію моему, опредѣленъ для того, что онъ, Неплюевъ, былъ мнѣ пріятель, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать могъ, ибо Волынскій противъ меня поднимался*" [a]. — Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Неплюевъ былъ орудіемъ Остермана въ дѣлѣ Волынскаго и, конечно, долженъ былъ дѣйствовать по его инструкціи. Хитрый и необыкновенно сдержанный Остерманъ, безъ сомнѣнія, съумѣлъ скрыть отъ Неплюева дѣйствительныя побужденія, которыми онъ руководился, при назначеніи его въ составъ суда надъ Волынскимъ, и въ то же время употребилъ всю силу своего гибкаго ума, чтобы представить Волынскаго въ глазахъ судей важнымъ государственнымъ преступникомъ, угрожающимъ спокойствію отечества. Баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ (10), прусскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, писалъ своему королю, Фридриху II: „Волынскій хотѣлъ прежде всего умертвить герцога Курляндскаго, если ему не удастся отдѣлаться отъ него иначе, и выгнать фельдмаршала графа Миниха, его брата, тайнаго совѣтника, графовъ: Остермана и Левенвольда и *вообще всѣхъ иностранцевъ*, послѣ того раздать своимъ приверженцамъ первыя и значительнѣйшія должности; наконецъ отослать обратно герцога Браунштейгскаго, котораго онъ называлъ добрымъ малымъ, потому что съ нимъ легко справиться и дѣлать изъ него все, что угодно. Принцессѣ Аннѣ угрожала та же участь, если бы она отказалась сообразоваться съ его намѣреніями. Великая княжна Елизавета должна была быть удалена или заключена въ монастырь, впрочемъ съ позволеніемъ развлекаться, какъ ей угодно, и наконецъ *Императрицѣ было предназначено снотворное питье, чтобы погрузить ее въ вѣчный сонъ, такъ что ничто не могло помѣшать ему взойти на престолъ*" [b].—Судя по ходу событій въ то время не трудно догадаться, кто распространялъ такіе слухи, ко-

[a]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 166.
[b]) См. въ журналѣ: „Др. и Нов. Россія", 1876 года, № 1, стр. 104, письмо 6. Подлинныя депеши барона Акселя фонъ-Мардефельда хранятся въ Прусскомъ тайномъ Государственномъ архивѣ, въ Берлинѣ, гдѣ и сняты были съ нихъ копіи, по порученію Г. В. Есипова, сообщившаго ихъ редакціи сборника „Древн. и Нов. Россія". Смотр. въ концѣ примѣч. 10-е.

торые принимались иностранными послами за истину и сообщались ихъ государямъ за факты, неподлежащіе сомнѣнію.

Остерманъ, рѣшившійся погубить Волынскаго и его единомышленниковъ, возстановилъ прежде всего противъ него Бирона и затѣмъ постарался организовать судную коммиссію изъ такихъ лицъ, которыя чѣмъ-либо были ему обязаны, или которыя лично ненавидѣли Волынскаго, или же шли на буксирѣ у Бирона[a].—Когда дѣло о Волынскомъ было передано въ Тайную канцелярію, Неплюевъ и Ушаковъ[b] назначаются непосредственными слѣдователями Волынскаго и его „конфидентовъ"; имъ же было поручено разсмотрѣть и его бумаги. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ собраны были слѣдователями въ особый пакетъ и запечатаны; тогда же была найдена у Волынскаго и книга Юста Липсія[c] и доставлена судьямъ. Послѣ этого Волынскаго заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и оставался до самой своей казни; здѣсь его пытали и допрашивали Ушаковъ и Неплюевъ. 7 іюня было объявлено слѣдователямъ высочайшее повелѣніе: „болѣе розысканій не производить, но изъ того, что открыто, сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить". 16 іюня желаемое „*изображеніе*" было готово, а 17 числа того же мѣсяца слѣдователи представили его Императрицѣ, жившей въ это время въ Петергофѣ, гдѣ Биронъ старался развлекать „ее охотой: „Императрица съ семействомъ и великою княжною Елизаветою,"—писалъ фонъ-Мардефельдъ своему королю,—„*каждый день тѣшатъ себя охотою въ Петергофѣ* и ея Императорское Величество убила въ одинъ день сорокъ зайцевъ".[d]

„*Изображеніе*", или докладъ Императрицѣ по дѣлу о Волынскомъ состоитъ изъ 34 листовъ обыкновенной писчей бумаги[e]; однакожъ, не смотря на его обширность, не все вошло въ него: Ушаковъ и Неплюевъ сочли болѣе благоразумнымъ не высказывать настоящихъ побужденій Волынскаго и всѣхъ подробностей его замысла. Преступленія Волынскаго, внесенныя въ этотъ докладъ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія

---

a) Кромѣ Неплюева, въ судной коммиссіи были полные генералы: Григорій Чернышевъ, Андрей Ушаковъ, Александръ Румянцевъ, генералъ-поручики: князь Никита Трубецкой, Михаилъ Хрущовъ, князь Василій Репнинъ; тайный сов. Василій Новосильцевъ, генералъ-маіоръ Петръ Шиповъ; ассесоръ Тайной канцеляріи Хрущовъ, секретарь Военной коммиссіи Рудинъ, секретарь Доимочной при Сенатѣ коммиссіи Даниловъ.

b) Генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, впослѣдствіи графъ, начальникъ Тайной канцеляріи.

c) Юстъ-Липсій родился въ 1547 году въ Икѣ (Isque), въ Брабантѣ, умеръ въ 1606 г. въ Лувенѣ,—это былъ замѣчательный филологъ, историкъ и политическій писатель. Смотр. примѣчаніе 11 въ концѣ книги.

d) Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 101 и 102.

e) Докладъ озаглавленъ такъ: „*Изображеніе* о государственныхъ тяжкихъ преступникахъ и злодѣйственныхъ воровскихъ замыслахъ Артемія Волынскаго и сообщниковъ его — графа Платона Мусина-Пушкина, Ѳеодора Соймонова, Андрея Хрущева, Петра Еропкина, Ив. Эйхлера, такожъ о Иванѣ Судѣ".

рубрики: 1) Личная злоба противъ Императрицы, выражавшаяся въ теченіе всего ея царствованія, начиная съ 1730 года; 2) недовольство ея царствованіемъ, государственными порядками и обвиненіе ее въ неспособности къ правленію; объясненіе всѣхъ неурядицъ ея царствованія господствомъ иноземцевъ въ государствѣ; 3) желаніе улучшить государственные порядки и составленіе съ этою цѣлію „разсужденій" и „проэктовъ"[a].

19-го іюня, по высочайшему повелѣнію, было учреждено, для суда надъ Волынскимъ и его „конфидентами", особое *генеральное собраніе* и къ прежнимъ судьямъ были присоединены еще: генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкой, кабинетъ-министръ князь Алексѣй Черкасскій, сенаторы: д. т. сов. и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, тайн. совѣт. Θеодоръ Наумовъ; изъ Военной коллегіи: генералъ-лейтенантъ Игнатьевъ и генералъ-маіоръ Петръ Измайловъ; изъ Адмиралтейской коллегіи: совѣтникъ Захарій Мишуковъ, оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаръ Іовъ Микулинъ; маіоры отъ гвардіи: Николай Стрѣшневъ, князь Петръ Черкасскій и Дмитрій Ченцовъ; изъ Юстицъ-коллегіи: вице-президентъ князь Иванъ Трубецкой, совѣтникъ Петръ Квашнинъ-Самаринъ; изъ полиціи: бригадиръ Иванъ Унковскій. 20-го іюня, въ 9 часовъ утра, всѣ судьи Волынскаго и его сообщниковъ, „*за исключеніемъ иностранцевъ*" (замѣчаетъ Мардефельдъ), собрались въ Сенатъ, чтобы обсудить, какой казни подвергнуть виновныхъ. Засѣданіе продолжалось съ 9-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, и судъ постановилъ: „1) Волынскаго, яко начинателя всего того злаго дѣла, живаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) Хрущева Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина четвертовать и затѣмъ отсѣчь у нихъ головы; 3) Эйхлера — колесовать и отсѣчь ему голову; 4) Де-ла-Судѣ—отсѣчь голову; 5) имѣнія всѣхъ осужденныхъ лицъ конфисковать; 6) двухъ дочерей Волынскаго и сына сослать въ вѣчную ссылку". Этотъ приговоръ былъ представленъ на утвержденіе Императрицѣ. 22 іюня, вслѣдствіе словеснаго приказанія Государыни, „*изображеніе*" и „*экстрактъ*" изъ дѣла были объявлены еще нѣкоторымъ изъ сановниковъ, которые не были въ генеральномъ собраніи, а именно: оберъ-шталмейстеру князю Александру Куракину, гофмаршалу Дмитрію Шепелеву, генералъ-лейтенату Василію Салтыкову и камергеру Стефану Лопухину. Всѣ эти лица заявили, что, по ихъ мнѣнію, Артемій Волынскій и его „конфиденты" не только „смертной казни, но тяжкому смертному

---

[a]) Д. А. Корсакова: „А. П. Волынскій" („Др. и Нов. Россія", 1877 года, № 11, стр. 237).

мученію достойны". Кромѣ вышеозначенныхъ тридцати лицъ, смертный приговоръ надъ Волынскимъ еще подписали: Александръ Нарышкинъ, Иванъ Бахметевъ, Михаилъ Философовъ и Никита Румянцевъ. 23 іюня въ Петергофѣ былъ изданъ высочайшій указъ, которымъ нѣсколько смягчалось наказаніе осужденныхъ: „Артемію Волынскому, вырѣзавъ языкъ, отсѣчь правую руку и голову, а дѣтей его сослать въ Сибирь; движимое и недвижимое его, Волынскаго, имѣніе отписать на Насъ. Андрея Хрущова, Петра Еропкина — казнить смертью: отсѣчь головы. Өедору Соймонову, Платону Мусину-Пушкину, Ивану Эйхлеру — сказать смертную казнь и потомъ Соймонова и Эйхлера, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь въ вѣчную работу, а у Мусина-Пушкина, урѣзавъ языка, послать его въ Соловецкій монастырь и содержать въ наикрѣпчайшей тамъ тюрьмѣ, никуда никогда его не выпуская и къ нему никого не допуская. Ивана Суду, бивъ плетьми нещадно, сослать на вѣчное житье въ Камчатку"[a]. Въ тотъ же день было объявлено Волынскому и его сообщникамъ постановленіе генеральнаго собранія. Къ Волынскому былъ допущенъ священникъ Өеодоръ Листіевъ, а къ Эйхлеру—лютеранскій пасторъ. Когда священникъ ушелъ, Волынскій, обратившись къ своему караульному офицеру Коковинскому, сказалъ: „Я спалъ долго до прихода священника, шесть часовъ, и видѣлъ я во снѣ церковь; въ церкви—совершенная темнота. Вхожу въ церковь, иду далѣе въ алтарь и спрашиваю, отчего свѣчъ не зажжено? Ко мнѣ вышелъ именно этотъ священникъ, въ томъ самомъ одѣяніи, какъ теперь, а прежде я его никогда не видалъ, и говоритъ мнѣ: „ужѐ засвѣтятъ"[b]. Сожалѣя, что онъ не предупредилъ свою казнь самоубійствомъ, Волынскій говорилъ тому же офицеру: „Просилъ я себѣ смерти, а какъ смерть объявлена, такъ не хочется умирать!"[c]

До какой степени Волынскій былъ возбужденъ противъ своихъ враговъ, можно судить изъ того, что предъ самою исповѣдью, приготовляясь къ вѣрной смерти, онъ завелъ слѣдующій разговоръ съ своимъ духовникомъ о молитвѣ Господней: „вотъ въ сей Іисусовой молитвѣ написано „*остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*"; я не оставляю должникамъ своимъ; стало быть, я на себя того прошу, что я не оставляю — и мнѣ не оставь? — Я такъ грѣшилъ, — продолжалъ Волынскій, — что говаривалъ: „*и даждь мнѣ, Господи, оставлять должникамъ моимъ*"[d].

---

a) Тамъ же, стр. 239.
b) Тамъ же, стр. 240.
c) Тамъ же.
d) Тамъ же.

25 іюня Волынскій попросилъ къ себѣ своихъ слѣдователей: Ушакова и Неплюева. „Виноватъ я передъ Богомъ и ея Императорскимъ Величествомъ,“ — каялся онъ имъ, — „что многое въ мерзкихъ словахъ и продерзостяхъ, и непорядочныхъ и противныхъ поступкахъ, и сочиненіяхъ, какъ о томъ прежде въ отвѣтахъ и въ розыскахъ показалъ, погрѣшеніе учинилъ; токмо прошу у ея Императорскаго Величества, чтобы за такія мои тяжкія вины не четвертовать“ [a]. Потомъ Волынскій просилъ ихъ о неоставленіи и даже награжденіи его дѣтей; одежду, какая останется послѣ него въ крѣпости, онъ отказалъ своему духовнику Листіеву; золотой съ мощами крестъ несчастный отецъ просилъ передать сыну, а образъ въ кіотѣ съ серебрянымъ окладомъ — дочерямъ; остальныя золотыя вещи продать и деньги раздать нищимъ. 26 іюня на Сытномъ рынкѣ, на Петербургской сторонѣ, былъ устроенъ эшафотъ, а 27 іюня рано утромъ совершена была казнь надъ Волынскимъ и его „конфидентами“. На другой день послѣ казни баронъ фонъ-Мардефельдъ писалъ своему королю: „Всемилостивѣйшій Государь! съ чувствомъ глубочайшаго почтенія получилъ я рескриптъ Вашего Величества, касательно намѣреній и преступленій Волынскаго. Вчера утромъ, между 6 и 7 часами, ему отсѣкли сначала правую руку, а потомъ отрубили голову—ему, инженеръ-полковнику Еропкину и совѣтнику въ коллегіи адмиралтейства—Хрущову. Соймоновъ, вице-президентъ сказанной Коллегіи, получилъ 17 ударовъ кнута, а кабинетъ-секретарь Эйхлеръ 25 ударовъ и оба приговорены на каторжныя работы въ Сибири на всю остальную жизнь, а переводчикъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ Суда наказанъ плетью. Когда Волынскому читали приговоръ, произнесенный Сенатомъ и заключающій въ себѣ перечень преступленій, за что положено было ему вырвать языкъ и потомъ колесовать его живымъ; то онъ чуть было не упалъ на землю отъ ужаса, но когда узналъ, что Императрица смягчила наказаніе и перемѣнила его на вышесказанное, то онъ наклонилъ голову по направленію генерала Ушакова, въ знакъ благодарности; говорить же онъ не могъ, такъ-какъ въ ротъ ему былъ положенъ кляпъ. Увидѣвъ посреди окружающихъ эшафотъ придворнаго шута Петрильо, онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы его удалили, и довольно мужественно выступилъ впередъ, чтобы выдержать наказаніе, предназначенное ему. *Всѣмъ показалось очень страннымъ, что казнь была исполнена въ день годовщины Полтавской битвы*, т. е. день праздничный; говорятъ, будто-бы это сдѣлано потому, что Волынскій выбралъ этотъ день для приведенія въ исполненіе своего плана“ [b]. Обезглав-

---

[a]) Тамъ же, стр. 240, ст. 2.
[b]) Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 102, письмо 4, и стр. 104, письмо 6.

ленныя тѣла казненныхъ цѣлый часъ оставались на эшафотѣ; затѣмъ ихъ отвезли на Выборгскую сторону, и, по совершеніи надъ ними церковнаго обряда, похоронили у церкви Св. Самсонія Страннопріимца, построенной Петромъ Великимъ въ 1710 г., въ память Полтавской побѣды: память Св. Самсонія празднуется 27 іюня[a].

Еще во дни своего могущества, перечитывая свой „генеральный проэктъ,“[b] Волынскій говорилъ: *„я довольно ума имѣю, чтобы править государствомъ,“* и, съ нѣжностью взглянувъ на своего сына, сказалъ: *„счастливъ ты, сынъ, будешь, что такого отца имѣешь*[c]*“*. Но этому „счастливцу“ пришлось пережить насильственную смерть отца и въ отроческомъ возрастѣ спутешествовать въ далекую Сибирь, въ Селенгинскъ, куда онъ былъ отправленъ на третій день послѣ казни отца и прибылъ только 12 января слѣдующаго 1741 года. Здѣсь до 15-лѣтняго возраста, когда велѣно отдать его въ солдаты, онъ долженъ былъ находиться подъ строгимъ присмотромъ[d]: ему выдавали по 10 коп. въ сутки на содержаніе и запретили даже „вступать въ разговоры съ посторонними людьми“[e]. Сестры Петра Артемьевича Волынскаго, Марія и Анна, также въ одно время съ нимъ, но каждая въ особой повозкѣ, были отправлены въ ссылку, въ Сибирь, въ сопровожденіи „вдовой женки“. Марія Артемьевна была привезена 3 ноября того же 1740 г. въ Енисейскъ и на другой же день пострижена въ тамошнемъ Рождественскомъ монастырѣ, подъ именемъ Маріамны, на шестнадцатомъ году возраста. Старшую дочь Волынскаго, Анну Артемьевну, которой было не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, отправили было въ Якутскъ, но такъ-какъ, по заявленію Синода, тамъ не было женскаго монастыря; то приказано было, во время уже нахожденія ея въ пути, отвезти ее въ Иркутскъ, куда она прибыла 26 ноября 1740 г. и въ тотъ же день, подъ именемъ Анисіи, пострижена въ Знаменскомъ женскомъ 2 кл. монастырѣ, основанномъ въ 1693 году.

Съ казнью Волынскаго не прекратилось его дѣло: организована была особая слѣдственная коммиссія, которая должна была привести въ извѣстность имущество Волынскаго и его „конфидентовъ“; членами этой коммиссія

---

a) Во времена Анны Іоанновны Самсоніевское кладбище, подобно Спасскому въ Колтовской (при Петрѣ Великомъ), сдѣлалось мѣстомъ для погребенія казненныхъ; при основателѣ же храма, здѣсь хоронили тѣла важныхъ особъ и сановниковъ изъ иновѣрцевъ: такъ въ январѣ 1719 г. здѣсь былъ погребенъ англичанинъ контръ-адмиралъ Падденъ. См. „Русск. Архивъ“, 1872 г., стр. 1644 1645, § 422. Слич. „Русск. Старина“, 1883 г., май, т. XXXVIII, стр. 469.; 1886 г., іюнь, стр. 711—724.

b) Сущность этого проэкта см. въ „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 36—43.

c) „Др. и Нов. Россія“, 1877 г., № 8, стр. 290.

d) П. А. Волынскій былъ сданъ коммenданту, бригадиру Бухгольцу.

e) См. въ „Русск. Словѣ“ (1861, VIII, 22) статью Сельскаго: „Ссылка въ восточную Сибирь замѣчат. лицъ“.

были назначены: генералъ-прокуроръ князь Н. Ю. Трубецкой, тайный совѣтникъ Ѳеодоръ Наумовъ, генералъ-маіоръ Ив. Бахметевъ, совѣтникъ Ревизіонъ-коллегіи Ив. Масловъ и совѣтникъ Счетной конторы Военной коллегіи Ив. Дивовъ[a]. Различные домашніе припасы и принадлежности, какъ-то: мебель, золотыя и серебряныя вещи, посуда, бѣлье, вина и т. п. проданы съ аукціона, о чемъ и было публиковано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 9 и 12 сентября и 14 октября 1740 года[b]. Большой дворъ Волынскаго на Мойкѣ съ деревяннымъ домомъ, въ которомъ жилъ Артемій Петровичъ, достался президенту Коммерцъ-коллегіи барону фонъ-Менгдену[c]; каменный домъ, находившійся рядомъ съ нимъ, былъ назначенъ для служителей принца Брауншвейгскаго; дворъ съ каменными палатами на Адмиралтейскомъ островѣ, ниже Исакіевской церкви, по Невѣ — камергеру Стрѣшневу[d]; домъ на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста, назначенъ для содержанія придворной псовой охоты (12). Книги Волынскаго были переданы въ Академію Наукъ и частію въ Герольдмейстерскую контору, а образа—въ Синодъ.[e] Деревни всѣ были *„взяты на Императрицу*[f]*“*.

Покойный Е. П. Карновичъ въ своемъ изслѣдованіи: *„Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“*, между прочимъ, говоритъ: „въ эпоху доносовъ, слѣдствій, ссылокъ и конфискацій, живились обыкновенно достояніемъ обвиненнаго его слѣдователи и судьи. Такъ *паденіе и казнь Волынскаго послужили основаніемъ богатству Неплюевыхъ, такъ-какъ Ивану Ивановичу Неплюеву* (род. 1693 г., ум. 1773 г.)[g], бывшему въ числѣ слѣдователей по дѣлу Волынскаго, а также и исполнителемъ состоявшагося надъ нимъ приговора, по ходатайству графа Остермана, были пожалованы въ Малороссіи волость Ропская и мѣстечко Быково съ 2000 крестьянскихъ дворовъ. Имѣніе это приносило ему 30,000 р. ежегоднаго дохода по тогдашнему курсу. Императрица Елисавета Петровна отняла у него это имѣніе“[h]. Такимъ образомъ Карновичъ утверждаетъ, что И. И. Неплюевъ „поживился“ изъ имѣній Волынскаго, какъ слѣдователь по его дѣлу, Ропскою волостью и мѣстечкомъ Быковымъ.

---

a) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 7685 (С. А. 60; 22—24).
b) П. С. Зак., т, XI, стр. 175 и 176. Слич. Архивъ кн. Воронцова, т. I, стр. 194.
c) Барановъ. Опис. Сен. арх., № 7751 (С. А. 60; 351).
d) Тамъ же, № 7773 (С. А. 60; 407).
e) Въ церкви Константиновскаго училища въ С.-Петербургѣ, взятой съ Волынскаго двора, по приказанію Императора Павла, находятся двѣ иконы Богородицы—Тихвинская и Знаменія, которыя были въ роду несчастнаго А. П. Волынскаго. См. „Старый Петербургъ“ Пыляева, стр. 252 и 253. Слич. у Баранова. Опис. Сен. арх., № 7768 (С. А. 60; 391).
f) Др. и Нов. Россія, 1877 г., № 11, 243. Отеч. Зап. 1860 г., № 6, 584—585.
g) Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ объ основателѣ Оренбурга.
h) См. его книгу, изд. 1874 г., Спб., гл. XIV, стр. 244 и 245.

Считаемъ нравственною обязанностью снять съ почтенной памяти Ив. Ив. Неплюева это *несправедливое* обвиненіе Карновича, въ виду возстановленія исторической истины, тѣмъ болѣе, что мертвые лишены возможности самозащиты.

Книга Е. П. Карновича: *„Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“*, говоря откровенно, написана съ рѣдкою самоувѣренностью, при недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, и, кромѣ того, не чужда извѣстной тенденціозности и нѣкоторой сатирической окраски; исторія же прежде всего требуетъ отъ лицъ, занимающихся ею, внимательнаго изученія фактовъ и спокойнаго, объективнаго отношенія къ нимъ, съ точки зрѣнія эпохи обсуждаемыхъ лицъ и событій. Здѣсь, конечно, было бы неумѣстно указывать на различные промахи, которыми изобилуетъ книга Карновича; мы постараемся только доказать несправедливость его обвиненій, взводимыхъ имъ на Неплюева.

Изъ слѣдственнаго дѣла о Волынскомъ не видно, чтобы онъ имѣлъ какія-либо помѣстья въ Малороссіи; но мы знаемъ, что ему принадлежали: село Архангельское (Симбухино тожъ) и дер. Аркса въ Пензенскомъ уѣздѣ; село Васильевское въ Юрьевъ-Польскомъ уѣздѣ Костромской губерніи (тогда провинціи) и сельцо Батыево въ Луховскомъ уѣздѣ той же губерніи[a]. Отецъ Волынскаго, Петръ Артемьевичъ имѣлъ 800 дворовъ[b]; но послѣ его смерти почти всѣ его крестьяне разбѣжались, и его сынъ Артемій Петровичъ Волынскій изъ раззореннаго мачихой имѣнья, вмѣсто 800, получилъ только 37 дворовъ; при томъ онъ долженъ былъ *„съ великимъ трудомъ“*, въ продолженіе многихъ лѣтъ, собирать отцовскихъ крестьянъ, разбѣжавшихся отъ его мачихи. За первой своей женой, Александрой Львовной Нарышкиной, двоюродной сестрой Петра Великаго, Волынскій получилъ 1400 душъ крестьянъ, но „въ такихъ помѣстьяхъ, гдѣ весьма мало и хлѣбъ родится“; на основаніи инструкціи Волынскаго его дворецкому Нѣмчинову[c], можно предполагать, что помѣстья его жены находились въ Вологодской губерніи. Кромѣ того, у Волынскаго были имѣнья въ Казанской губерніи, въ составъ которой входила тогда и нынѣшняя Пензенская губернія, подъ именемъ провинціи,—въ одномъ изъ этихъ имѣній у Волынскаго былъ винокуренный заводъ[d]. Наконецъ, имѣются еще указанія на то, что у Волынскаго были свои собственныя

---

[a]) Д. А. Корсакова: „А. П. Волынскій“ (Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 47, примѣч. 5).

[b]) Кашпиревъ. Памятн. нов. русск. истор., т. II, стр. 206.

[c]) Въ этой инструкціи упоминается село Никольское, находящееся недалеко отъ Вологды. См. Москвитянинъ, 1854 г., кн. 1 и 2.

[d]) Дѣло о дворецкомъ Волынскаго. Бумаги И. П. Шульгина, №№ 81–171. См. въ „Др. и Нов. Россіи“ статью Д. А. Корсакова: „А. П. Волынскій“.

помѣстья и женнины вотчины въ Дмитровскомъ уѣздѣ подъ Москвой[a]. Что же касается Ропской волости и мѣстечка Быкова въ Малороссіи, приписанныхъ почему-то Карновичемъ Волынскому; то эти помѣстья принадлежали прежде князю Александру Даниловичу Меньшикову, у котораго въ Малороссіи было, по заявленію самого же Карновича, 4 города, 88 селъ, 99 деревень и одна волость.

На страницѣ 271 своей книги Карновичъ, между прочимъ, самъ же говоритъ: „конфискованныя у Меньшикова владѣнія были розданы въ разное время генералу Вейсбаху, фельдмаршалу графу Миниху, генералъ-аншефу Бирону, брату временщика, дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву и нѣкоторымъ другимъ".—Изъ дѣлъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, видно, что Неплюевъ получилъ въ Малороссіи еще Бакланскій дворецъ и мѣстечко Курово и что они раньше, какъ и волости Ямпольская и Чеховская, которыми послѣ наградила Неплюева Екатерина II, принадлежали князю Меньшикову, а потомъ графу Кириллу Алексѣевичу Разумовскому, удержавшему за собою, по уничтоженіи малороссійскаго гетманства, Бакланскій дворецъ, отнятый у Неплюева, во время слѣдствія надъ графомъ Остерманомъ въ 1741 году[b]. Далѣе намъ извѣстно изъ „Записокъ" самого Неплюева, что императрица Анна Іоанновна *только обѣщала* ему награжденіе деревнями и орденомъ Св. Александра Невскаго, въ случаѣ успѣшнаго окончанія порученнаго ему дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Бугу и Днѣпру; но Анна Іоанновна, скончавшаяся 17 октября 1740 г., не дожила до окончанія этого дѣла, и Неплюевъ, какъ увидимъ это дальше, уже послѣ ея смерти, получилъ и орденъ Св. Александра Невскаго и деревни въ Малороссіи отъ правительницы Анны Леопольдовны[c], которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, отнеслась весьма сочувственно къ печальной судьбѣ дѣтей Волынскаго и приказала возвратить ихъ изъ ссылки. Карновичъ говоритъ, что Ропская волость и Быково приносили Неплюеву 30000 р. „*ежегоднаго*" дохода; между тѣмъ извѣстно, что Неплюевъ не владѣлъ и четырехъ мѣсяцевъ этими имѣньями[d],—когда же, какъ и кѣмъ могли быть опредѣлены „*ежегодные*" доходы съ нихъ для Неплюева? Что же касается доходности имѣній, принадлежавшихъ собственно Волын-

---

[a]) Чт. Моск. Общ. истор. и древн. 1858 г., кн. 2.

[b]) Осьмнадцат. Вѣкъ, 1868 г., кн. II, стр. 477, 552 и 598. Слич. Повѣствован. о Малой Россіи Регельмана, т. IV, стр. 22.

[c]) Русск. Архивъ 1871 г., стр. 654 и 655.

[d]) Указъ о пожалованіи Неплюева въ Малороссіи Ропскою волостью, Быковымъ и Бакланомъ состоялся 11 августа 1741 года; слѣдовательно не болѣе какъ за четыре неполные мѣсяца до ареста Неплюева, когда его лишили этихъ имѣній. См. Описан. Сен. арх. Баранова, т. II, № 8556 (С. А., CXLII, 95).

скому; то его помѣстья далеко не были такъ прибыльны: во время губернаторства въ Астрахани и потомъ въ Казани, Волынскій, по собственному его признанію, получалъ съ нихъ деньгами не болѣе 500 рублей[a]).

Итакъ, заявленіе Карновича, что И. И. Неплюевъ „поживился" изъ имущества Волынскаго Ропскою волостью и мѣстечкомъ Выковымъ, и будто „тѣмъ положилъ основаніе богатству своего рода"—несправедливо. Ропская волость и Выково, какъ мы доказали, никогда и не принадлежали Волынскому и уже поэтому не могли быть у него отняты, въ чью-бы то ни было пользу. Имѣнья эти раньше принадлежали князю Меньшикову и пожалованы Неплюеву Анной Леопольдовной, отнесшейся съ полнымъ участіемъ къ судьбѣ дѣтей Волынскаго. Неплюевъ не былъ и четырехъ полныхъ мѣсяцевъ владѣльцемъ этихъ имѣній, и потому не могъ опредѣлить размѣра „ежегодныхъ" доходовъ съ нихъ доходы же Волынскаго съ его вотчинъ были весьма скудны,— вотъ тѣ выводы, къ которымъ приводятъ насъ историческія данныя.

Такимъ образомъ изъ самаго процесса надъ Волынскимъ видно, что Неплюеву принадлежала въ немъ болѣе полицейская и исполнительная роль, чѣмъ какое-либо рѣшающее значеніе въ судьбѣ Волынскаго, да и въ этомъ случаѣ Неплюевъ былъ какъ-бы только помощникомъ такого „лукаваго сыщика и ловкаго заплечнаго мастера," какимъ былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, главный начальникъ Тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ. Что же касается направленія и хода этого процесса, то всѣ пружины его были въ рукахъ Остермана. Въ то время, какъ Биронъ на колѣняхъ упрашивалъ Императрицу отдать Волынскаго подъ судъ и твердилъ: *„или я, или онъ!"*— Остерманъ составилъ особое мнѣніе и проектъ на имя Императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ указываетъ, съ чего лучше начать дѣло Волынскаго, какъ арестовать его; изъ кого организовать судную коммиссію; чѣмъ открыть ея дѣятельность; какія предъявить подсудимому обвиненія и вопросные пункты; кого еще арестовать и привлечь по этому дѣлу и т. п.

Остерманъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ объ отношеніяхъ Волынскаго къ другимъ сановникамъ, и, конечно, постарался, чтобы въ числѣ судей Волынскаго непремѣнно были и тѣ, которые лично ненавидѣли Волынскаго, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ, заклятый врагъ Волынскаго. Однажды онъ началъ хвалить Императрицу за то, что она приводитъ въ исполненіе предначертанія ея дяди, Петра I, но при этомъ замѣтилъ, что одно только изъ нихъ еще не исполнено. „Что же такое?" спросила императрица.

---

[a]) „Др. и Нов. Россія," 1877 г., № 6, стр. 378. „А. П. Волынскій",—ст. Д. А. Корсакова.

„Петръ I,“ — отвѣчалъ Куракинъ, — „нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку; такъ-какъ Волынскій послѣ того не исправился, то если Ваше Величество не затянете узелъ, намѣреніе Императора не исполнится“ [a]. С. М. Соловьевъ говоритъ, что Волынскій и Тредьяковскаго избилъ потому, что онъ былъ кліентомъ Куракина и, въ угоду ему, написалъ „басенку,“ или пѣсню: „Самохвалъ,“ относящуюся къ самому видному недостатку Волынскаго и къ обстоятельствамъ его жизни [b]. Кромѣ князя Куракина, Волынскій имѣлъ еще врага въ лицѣ адмирала Головина, который сердился на кабинетъ-министра за открытые имъ безпорядки по адмиралтейству. Графъ Чернышевъ такъ же, какъ и Куракинъ, не былъ расположенъ щадить Волынскаго, который разъ, во время допросовъ, замѣтилъ ему: „Не поступай со мною сурово, Григорій Петровичъ! вѣдаю я, что ты таковъ же горячъ, какъ и я; дѣтокъ имѣешь, — воздастъ Господь дѣткамъ твоимъ!“ [c] — Опередивъ въ умственномъ развитіи многихъ изъ своихъ современниковъ, Волынскій въ нравственномъ отношеніи оставался вѣренъ принципамъ своего времени. Онъ не доразвился еще до той высоты, на которой уже нѣтъ для человѣка различія между словомъ и дѣломъ, между пониманіемъ истины и добра и ихъ примѣненіемъ въ жизни. Благодаря своему уму, онъ сознавалъ необходимость и возможность протеста противъ ненормальнаго порядка вещей, противъ господствовавшихъ въ Россіи иноземцевъ, въ сердцѣ же былъ очень доволенъ положеніемъ сильнаго, живущаго насчетъ слабаго, и одной рукой излагая прогрессивныя мысли объ искорененіи безпорядковъ, злоупотребленій и насилія, другой, а иногда и обѣими, раздавалъ зуботычины и палочные удары. „Гнѣвъ Волынскаго“ — говоритъ его біографъ, — „не зналъ предѣловъ. Онъ обнажалъ шпагу, топталъ ногами несчастную жертву своего гнѣва, билъ нещадно по щекамъ, таскалъ за волосы, истязалъ на самыя разнообразныя манеры [d]. Онъ былъ жестокъ и мстителенъ и въ преслѣдованіи врага не затруднялся въ средствахъ: (13) доносы, клевета, просто сплетня, и наряду съ этимъ лесть, низкопоклонство, — все это пускалось имъ въ ходъ [e]. Всѣ способности своего ума, всѣ стороны своего характера

---

[a] С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, 439.

[b] Тамъ же, стр. 257. Академикъ Пекарскій, профессоръ Буличъ и др. біографы Ломоносова считаютъ стихотвореніе Тредьяковскаго „Самохвалъ“ за пасквиль на Ломоносова. См. Сборн. матер. для истор. Академіи Наукъ въ XVIII в., т. I, стр. XLIX, прим. 60. Ср. Пекарскаго: „Истор. Акад. Наукъ,“ II, стр. 166.

[c] Отеч. Зап. 1860 г., № 6, стр. 542.

[d] Возьмите, напримѣръ, его расправу съ В. К. Тредьяковскимъ во дворцѣ Бирона, или — его издѣвательство надъ княземъ Егоромъ Мещерскимъ. Смотр. примѣчаніе 13.

[e] Д. А. Корсаковъ. См. его біогр. очеркъ: „А. П. Волынскій“ (въ „Др. и Нов. Россіи,“ 1877 г., № 11, стр. 252.)

онъ употреблялъ на интригу для своего возвышенія[a]. Во время губернаторства въ Казани, онъ вымогалъ у инородцевъ сборы *„смертными побоями:“* били ихъ деньщики Волынскаго, били губернаторскіе чиновники. Самъ Волынскій дрался жестоко и обращался со всѣми высокомѣрно и грубо. Онъ самовольно отрѣшалъ отъ должности чиновниковъ; многіе изъ нихъ, а за ними нѣкоторые посадскіе и помѣщики, спасались отъ самоуправства Волынскаго бѣгствомъ изъ Казани. Точно такъ же, какъ съ нимъ поступали его слѣдователи, Волынскій поступилъ съ кн. Голицынымъ, князьями Долгоруковыми и съ Жолобовымъ“ [b]. Не даромъ же графъ Ягужинскій, такъ мѣтко и пророчески выразился о немъ, находясь уже на смертномъ одрѣ: *„Я предвижу, что Волынскій, посредствомъ лести и интригъ, пробьется въ кабинетъ-министры, но не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ принуждены будутъ его повѣсить!“* [c]— Баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ, между прочимъ, писалъ своему королю: „большинство единомышленниковъ Волынскаго приняли въ заговорѣ участіе на столько, на сколько онъ касался герцога Курляндскаго и нѣкоторыхъ иностранцевъ, и никакъ не захотѣли бы имѣть его своимъ повелителемъ; кромѣ того, онъ *ненавидимъ и презираемъ почти всѣми знатными семействами.* Умный и достойный человѣкъ сказалъ мнѣ третьяго дня, что проэктъ Волынскаго былъ такъ глупо задуманъ и дурно приведенъ въ исполненіе, что ему слѣдовало бы дать пощечину еще въ то время, когда онъ былъ кабинетъ-министромъ“ [d]. Остерманъ, безъ сомнѣнія, отлично зналъ объ этой ненависти къ Волынскому русскихъ знатныхъ фамилій и, не рискуя, могъ расчитывать на успѣхъ своего злаго умысла; напротивъ, если бы Волынскій пользовался любовью и уваженіемъ среди русскихъ знатныхъ родовъ, преданностью ему низшаго класса и особенно войска,— хитрый нѣмецъ не отважился-бы тогда погубить кабинетъ-министра. Артемій Петровичъ хотя и усердно изучалъ Макіавелли, но самъ же не разъ повторялъ любимую поговорку юродиваго Тимофея Архипыча: *„намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ“* [e].—На этой-то взаимной враждѣ русскихъ и ненависти ихъ къ Волынскому Остерманъ и основалъ свой планъ, чтобы погубить кабинетъ-

---

[a]) Тамъ же, № 6, стр. 101, зам. 12.
[b]) Тамъ же, № 5, стр. 29 и № 11, стр. 253 и 254.
[c]) С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XX, 426.
[d]) Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 103, письмо 5.
[e]) Юродивый Тимофей Архипычъ пользовался особымъ почетомъ у царицы Прасковьи Θеодоровны и ея дочери, императрицы Анны Іоанновны; онъ также хорошо былъ принятъ у Салтыковыхъ, изъ рода которыхъ происходила Прасковья Θеодоровна, и во многихъ другихъ старинныхъ домахъ. Тим. Архипычъ умеръ 29 октября 1731 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ. См. „Русск. Архивъ“ 1874 г., т. I, стр. 612—620. Ср. Старый Петербургъ М. И. Пыляева, Спб. 1886—1887 г.. стр. 244.

министра, котораго онъ ненавидѣлъ какъ государственный дѣятель своего политическаго противника, какъ плебей родовитаго человѣка, какъ нѣмецъ русскаго. Организуя судную коммиссію исключительно изъ русскихъ сановниковъ, Остерманъ тѣмъ самымъ какъ-бы искушалъ ихъ вѣрноподданническую преданность Императрицѣ. Съ другой стороны такимъ составомъ суда иноземное правительство Анны Іоанновны, очевидно, желало доказать европейскому общественному мнѣнію непопулярность Волынскаго и его кружка среди русскихъ[a]). Можно съ увѣренностью сказать: осмѣлься кто-нибудь въ одиночку и открыто защищать Волынскаго, во время суда надъ нимъ, ему-бы пришлось такъ же, какъ и „конфидентамъ“ Волынскаго, проститься съ жизнью на Сытномъ рынкѣ 27-го іюня 1740 года. Въ ужасную эпоху иноземнаго правительства въ Россіи, чтобы уцѣлѣть самому, нужно было сдѣлаться или шутомъ или злодѣемъ, въ угоду и къ выгодѣ временьщиковъ; кто не могъ быть шутомъ, подобно Голицыну, Волконскому и Апраксину, — тотъ дѣлался, хотя-бы невольно и на время, злодѣемъ, — таково было время, таковы нравы! — Можно-ли послѣ всего этого обвинять въ смерти Волынскаго Неплюева, какъ недобросовѣстнаго слѣдователя по его дѣлу?! Это было-бы столь же справедливо, какъ и обвиненіе Карновича, что Неплюевъ „поживился“ изъ имущества казненнаго Волынкаго, о чемъ мы уже сказали выше.

Какъ чувствовалъ себя Остерманъ послѣ казни Волынскаго, этого, вѣроятно, не могли-бы сказать и самые приближенные къ нему изъ его современниковъ; Биронъ же не скрывалъ своего удовольствія и нѣсколько дней сряду былъ необыкновенно милъ, любезенъ и доступенъ. Князь Я. П. Шаховскій разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что когда онъ, вскорѣ послѣ казни Волынскаго, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и „главнаго въ полиціи“, явился благодарить Бирона, то гордый своею властью временщикъ сказалъ ему: „а ты промѣнялъ было меня на Волынскаго! Но я сіе предаю теперь на забвеніе“,—весело продолжалъ Биронъ,—„и въ томъ будьте увѣрены, что я вашъ всегдашній доброжелатель“.

Остерманъ не ошибся въ успѣхѣ своего злаго умысла; но онъ напрасно обольщалъ себя надеждой, что со смертью Волынскаго восторжествуетъ иноземная партія: Волынскаго и его „конфидентовъ“ зарыли въ сырую могилу и распорядились ихъ имуществомъ; но нельзя было сдѣлать того

---

a) „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 51.

же съ общимъ недовольствомъ народа, съ сильною ненавистью противъ иноземнаго правительства въ Россіи. Если у Волынскаго было много враговъ изъ русскихъ, при его жизни; то они простили ему все, послѣ его страдальческой кончины, и еще больше возненавидѣли иноземное господство въ Россіи, которое всѣмъ классамъ народа было противно. Баронъ фонъ-Мардефельдъ, черезъ недѣлю послѣ казни Волынскаго, писалъ Фридриху II: „Дворъ тщательно скрываетъ до сихъ поръ настоящія обстоятельства заговора, даже Сенату, собранному для суда надъ виновными, не было сообщено другихъ обвинительныхъ пунктовъ, какъ только тѣ 4, которые были публично прочитаны за нѣсколько минутъ до казни и о которыхъ я уже имѣлъ честь докладывать въ одной изъ моихъ предшествовавшихъ реляцій....[a]) Многіе того мнѣнія, что Дворъ поступилъ-бы гораздо лучше, если бы наказалъ какъ можно строже этого негодяя, потому что смягченіе приговора возбудило въ русскихъ, незнающихъ тайныхъ обстоятельствъ дѣла, то подозрѣніе, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить Императрицу, а только *хотѣлъ удалить иностранцевъ* отъ Двора, такъ-что не смотря на ненависть, которую они къ нему питали, *теперь они глядятъ на него какъ на мученика за правое дѣло*" [b]).—Далѣе Мардефельдъ пишетъ: „Князю Черкасскому[c]) съ его клевретами былъ, какъ утверждаютъ, извѣстенъ планъ Волынскаго, на сколько онъ касался нѣмцевъ; но Дворъ *заминаетъ* это дѣло и прекращаетъ розыски изъ боязни, что въ немъ окажутся замѣшанными большая часть *самыхъ знатныхъ фамилій*" [d]). Ужѐ по одному *желчному* тону этого письма можно было бы догадаться, что нѣмцамъ жутко становилось въ Петербургѣ; но въ немъ есть и весьма существенныя данныя, указывающія на то, что всѣ симпатіи русскихъ были теперь на сторонѣ Волынскаго и его „конфидентовъ"; наступала пора расчета съ иноземнымъ правительствомъ въ Россіи.

Спустя три съ небольшимъ мѣсяца послѣ казни Волынскаго, умерла Анна Іоанновна, напуганная, какъ говорятъ, привидѣніемъ въ своемъ дворцѣ ([14]). Въ ночь съ 7 на 8 ноября 1740 г. былъ низверженъ Минихомъ Биронъ. Правительница Анна Леопольдовна, 31 января 1741 г., приказала: „сына и дочерей Волынскаго освободить и если дочери уже пострижены, то снять съ нихъ монашескій чинъ и всѣхъ отпустить на жительство

---

a) Эти четыре пункта слѣдующіе: 1) измѣна Императрицѣ; 2) подстрекательство къ бунту; 3) невѣрность при исполненіи долга, и 4) лихоимство и кражи. См. Др. и Нов. Росс., 1876 г., № 1, стр. 102, письмо 4.

b) Тамъ же, стр. 104.

c) Тамъ же. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, кабинетъ-министръ.

d) Тамъ же.

въ Москву, въ домъ дѣйств. тайнаго сов. Александра *Нарышкина*"[a]. Въ маѣ 1741 года, дѣти Волынскаго уже были у своего дяди (по матери) Александра Львовича Нарышкина[b]. Императрица Елизавета Петровна еще болѣе оказала вниманія дѣтямъ Волынскаго: 8 января 1742 года былъ объявленъ указъ, которымъ повелѣвалось: „всѣ Волынскаго деревни и дворы, хотя-бы которые изъ оныхъ и розданы были, также и оставшіеся за продажею пожитки его, *отдать дѣтямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе*"[c]. Елизавета Петровна и раньше находилась въ родствѣ съ Волынскими: она была, по женѣ Волынскаго, внучатной сестрой его дѣтей, а теперь она пожелала породниться съ ними еще ближе. Незадолго до своей коронаціи, она выдала старшую дочь Волынскаго, Анну Артемьевну за своего двоюроднаго брата, роднаго племянника Екатерины I, графа и камергера Андрея Симоновича Гендрикова[d], а 25 апрѣля, въ день своей коронаціи, пожаловала ее статсъ-дамой[e]. Марія Артемьевна была выдана за генералъ-поручика графа Ивана Илларіоновича Воронцова[f], находившагося также въ свойствѣ съ Императрицей по Скавронскимъ и роднаго дяди извѣстной княгини Дашковой[g]. Сильныя душевныя потрясенія, которыя выпали на долю несчастныхъ дѣтей Волынскаго, и путешествіе въ восточную Сибирь, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ дорожной обстановки и въ распутицу, не могли не повліять дурно на ихъ здоровье: Петръ Артемьевичъ умеръ холостымъ, не достигши и тридцати-лѣтняго возраста; Анна Артемьевна, схоронивъ черезъ 6 лѣтъ послѣ брака своего мужа, умершаго на 33 году жизни, такъ же скончалась въ молодыхъ годахъ, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду[h]; Марія Артемьевна, плакавшая

[a]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, одинъ изъ любимцевъ Петра Великаго, род. 26 апр. 1694 года, ум. 25 апр. 1745 г. Родная сестра его, Александра Львовна Нарышкина, была первою женою А. П. Волынскаго. Она вышла за-мужъ за Волынскаго весной 1722 г. и скончалась 12 сентября 1730 года въ Казани, оставивъ мужу двухъ дочерей: Анну и Марію и сына Петра. По свидѣтельству Языкова, Волынскій во второй разъ былъ женатъ на сестрѣ Еропкина, казненнаго также 27 іюня 1740 г. См. „Др. и Нов. Россія." 1877 г., № 8, стр. 277.

[b]) Въ „Русск. Старинѣ" (1883 годъ, т. XXXVIII, стр. 465) говорится, что дѣти Волынскаго 28 іюля 1741 года были только въ Тобольскѣ, на обратномъ пути въ Россію; но это едвали вѣрно. См. очеркъ Д. А. Корсакова: „А. П. Волынскій," гдѣ онъ ссылается (Др. и Нов. Россія, 1877 г., № 11, стр. 246) на опредѣленіе Сената, отъ 13 февр. 1758 г., „объ истребов. изъ канцеляріи конфискаціи книгъ Волынскаго".

[c]) Барановъ. Описан. сенатск. архива, т. II, № 8722. (Сен. Арх. 66; 122).

[d]) Род. въ 1715 г., ум. въ 1748 г. бездѣтнымъ.

[e]) П. Ѳ. Карабанова: „Статсъ-дамы и фрейлины русск. Двора въ XVIII ст." въ „Русск. Стар." 1870 г., т. II, изд. I, стр. 488—489.

[f]) Род. въ 1719 г.

[g]) Окончательно фамилія Волынскихъ пресѣклась въ 1837 году со смертью послѣдняго потомка Ив. Мих. Волынскаго—Михаила Михайловича, который завѣщалъ часть своихъ имѣній дѣтямъ князя Николая Андреевича Долгорукаго. Представительницей потомства А. П. Волынскаго въ позднѣйшее время является княгиня Ирина Ивановна Паскевичъ, урожд. графиня Воронцова-Дашкова. (См. Е. П. Карновича: „Замѣчат. богат. частн. лицъ въ Россіи", стр. 244) и теперь Н. П. Селифонтова (Рус. Стар. 1886 г., іюнь).

[h]) Авторъ статьи: „Могила Волынскаго" (Русск. Стар. 1883 г., май, стр. 465) П. К. говоритъ, что обѣ дочери Волынскаго скончались въ преклонныхъ годахъ; но это вѣрно лишь по отношенію къ одной—Маріи Артемьевнѣ Воронцовой.

по отцѣ до отчаянія и едва нелишившаяся оттого зрѣнія, дожила, однакожь, до старости и умерла на 68 году своей жизни[a].

Казнь А. П. Волынскаго и его сообщниковъ, жестокая сама по себѣ, не составляетъ однакожь исключенія изъ цѣлаго ряда такихъ же и болѣе тяжкихъ казней; но никто не пріобрѣлъ себѣ такой популярности мученика-патріота, какъ Волынскій и его единомышленники: Хрущовъ и Еропкинъ. Патріотическія стремленія Волынскаго и его, по-истинѣ, страдальческая кончина заставили забыть даже его ближайшихъ потомковъ объ жестокостяхъ Артемія Петровича, объ его казнокрадствѣ, издѣвательствѣ надъ людьми, ему подчиненными, объ его изобрѣтательности въ истязаніи и униженіи ближняго,—и Волынскій сдѣлался идеаломъ патріота-гражданина. Графъ Н. И. Панинъ, читая дѣло о Волынскомъ, едва не былъ разбитъ параличемъ[b]. Императрица Екатерина II оставила своему сыну и всѣмъ потомкамъ особое завѣщаніе по дѣлу Волынскаго, въ видахъ предостереженія „отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ“ [c]. Называя Волынскаго „*гордымъ* и *дерзостнымъ*,“ Екатерина II говоритъ: „Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но, напротивъ того, былъ добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. Итакъ[d], смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. Еслибы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способности въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами привести его на путь истинный, а еслибы я увидѣла, что онъ не способенъ къ дѣламъ, я-бъ ему сказала прямо или дала разумѣть, не огорчая его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ“. Такимъ образомъ, *невинность Волынскаго признана была съ высоты трона,* еще въ прошломъ столѣтіи. Императоръ Павелъ Петровичъ внимательно изучалъ дѣло Волынскаго: послѣ его смерти въ кабинетѣ найдены цѣлыя связки бумагъ изъ дѣла о Волынскомъ. Въ царствованіе Императора Александра I, Волынскій привлекалъ къ себѣ вниманіе и симпатіи прогрессистовъ и либераловъ, а декабристы видѣли въ Волынскомъ иниціатора національнаго политическаго воззрѣнія въ русскомъ обществѣ. Н. Н. Тургеневъ въ своей книгѣ: „La Russie et les Russes“ [e] представилъ Волынскаго жертвой перваго политическаго процесса въ Россіи. Императоръ

---

a) Марія Артемьевна Волынская родилась въ 1725 г., умерла въ 1793 году. См. Русск. Родосл. Книг., изд. „Русск. Старины“, 1873 г., Спб., стр. 147.

b) Записки Порошина, стр. 74 и 75.

c) Чт. Моск. Общ. Истор. и др. 1858 г., кн. IV, Смѣсь, 143—144.

d) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., изд. 1872 г., т. X, стр. 56–57. См. Отеч. Зап. 1860 г., № 6. 591–592.

e) La Russie et les Russes, Bruxelles, 1847, t. I., p. 286—287.

Николай I поручилъ графу Д. Н. Блудову составить особую „Записку о дѣлѣ Волынскаго[a]“. Наконецъ, личность Волынскаго сдѣлалась предметомъ живописи и поэтическихъ произведеній: К. Ѳ. Рылѣевъ, Лажечниковъ и А. Ѳ. Писемскій идеализировали личность Артемія Волынскаго въ своихъ произведеніяхъ: первый въ своихъ думахъ: „Волынскій“ и „Голова Волынскаго“[b]; второй въ романѣ: „Ледяной Домъ“(15); и третій въ драмѣ: „Поручикъ Гладковъ“(16).— Въ сороковыхъ годахъ о Волынскомъ были различныя мнѣнія: „Какъ историческое лицо“,— говоритъ Бѣлинскій,—„Волынскій и теперь еще загадка: одни видятъ въ немъ героя, мученика за правду, другіе отрицаютъ въ немъ не только патріота, но и порядочнаго человѣка.“[c] Въ 1860 г. въ „Отеч. Запискахъ“ былъ напечатанъ историческій очеркъ І. И. Шишкина: „Артемій Петровичъ Волынскій“[d]; авторъ выдвинулъ на первый планъ черныя, несимпатичныя черты его характера, но и это не затмило идеализированной личности Волынскаго: профессоръ исторической живописи В. И. Якобій воспроизвелъ нѣкоторые эпизоды изъ его жизни въ своихъ прекрасныхъ картинахъ: „Придворныя забавы Анны Іоанновны,“ „Засѣданіе въ кабинетѣ министровъ,“ „Ледяной Домъ“ и др. Такое увлеченіе личностью Волынскаго съ одной стороны и противоположное мнѣніе о немъ—съ другой, безъ сомнѣнія, зависѣли отъ недостаточнаго знакомства съ личностью и характеромъ самого Волынскаго и его временемъ. Этотъ пробѣлъ пополнилъ въ 1876—1877 г. профессоръ Д. А. Корсаковъ, напечатавъ въ „Др. и Нов. Россіи“ свою весьма обстоятельную монографію: „Артемій Петровичъ Волынскій,“ составленную съ рѣдкой добросовѣстностью и полнымъ вниманіемъ къ дѣлу“[e].—„Волынскій,“—замѣчаетъ его біографъ,—„оставилъ по себѣ особо-яркій свѣтъ въ памяти потомства и идеализированъ въ преданіи и въ поэтическихъ произведеніяхъ потому, что *былъ послѣдней жертвой Бироновщины, явившейся въ представленіи Русскаго народа олицетвореніемъ его угнетенія и безправія*. Казнь Волынскаго и его „конфидентовъ,“ жестокая сама по себѣ, такъ же, какъ и личность Волынскаго—выраженіе времени.... Намѣренія Волынскаго о государственномъ переворотѣ не были приведены въ исполненіе и остались въ области предположеній,

---

[a]) Эта Записка составляетъ далеко неполное извлеченіе изъ дѣла.

[b]) Это стихотвореніе было впервые напечатано въ 1859 и 1860 г. по невѣрнымъ спискамъ; затѣмъ оно было вновь напечатано съ подлинной рукописи Рылѣева въ „Русск. Стар.“ за 1870 г., (См. изд. 3-е, т. II, стр. 632—634). Темою для него послужило преданіе о томъ, будто бы призракъ казненнаго Волынскаго являлся Императрицѣ Аннѣ въ залахъ Зимняго Дворца, незадолго до ея смерти.

[c]) „Др. и Нов. Россія“; 1886 г., № 1, стр. 46.

[d]) От. Зап. 1860 г., № 6.

[e]) За 1876 г. № 1; и 1877 г., №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11. Въ 1885 г. Д. А. Корсаковъ, по просьбѣ редактора „Русской Старины“, М. И. Семевскаго, сдѣлалъ,

замыселъ же о провозглашеніи Волынскимъ самого себя государемъ совершенно не доказанъ“ [a]).

Вдумываясь въ мотивы дѣятельности Волынскаго и анализируя его характеръ и поступки, на основаніи имѣющихся о немъ историческихъ данныхъ, мы находимъ преувеличеннымъ мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ видѣть въ несчастномъ Волынскомъ человѣка „*неподкупной честности* и государственнаго сановника, пожертвовавшаго собою за благо отечества“. Исторія, какъ служительница истины, не можетъ руководиться извѣстнымъ стереотипнымъ выраженіемъ: „de mortuis aut bene, aut nihil“; напротивъ, она, какъ „*священная книга*“, по выраженію Н. М. Карамзина, должна каждому дѣятелю воздавать лишь по его *дѣйствительнымъ* заслугамъ и отводить соотвѣтствующее ему мѣсто въ ряду другихъ его современниковъ. Волынскій, стремившійся *къ господству* надъ другими, *всегда былъ рабомъ своихъ сильныхъ страстей* и еще больше служилъ и *потворствовалъ* страстямъ другихъ, если находилъ это выгоднымъ для себя. Какъ *карьеристъ*, онъ считалъ позволенными всѣ средства для достиженія цѣли, и потому нерѣдко правила строгой нравственности и гражданскаго долга, даже основы человѣческаго достоинства приносилъ въ жертву своимъ честолюбивымъ расчетамъ. Не смотря на это, Артемій Петровичъ всетаки не заслужилъ такого безчеловѣчнаго и жестокаго насилія надъ нимъ, а тѣмъ болѣе надъ его дѣтьми, какое выпало на его злосчастную долю. Но эта жестокая сама по себѣ казнь Волынскаго, пострадавшаго хотя бы за *тайную и только теоретическую* оппозицію иноземному владычеству въ Россіи, вполнѣ искупила его недостатки и пороки. Дѣятельность Волынскаго и замыслы этого, безспорно, *даровитаго* человѣка, а равно и поступки его сообщниковъ, сдѣлались теперь достояніемъ исторіи, и общественная совѣсть помирилась съ ихъ памятью.—Сочувствіе интеллигентнаго русскаго общества къ ихъ *горестной* участи краснорѣчиво выразилось въ постановкѣ памятника надъ ихъ могилой ([17]), который воздвигнутъ на частныя средства, благодаря иниціативѣ и живому участію почтеннаго редактора „Русской Старины“, М. И. Семевскаго [b]).

такъ сказать, экстрактъ изъ этой монографіи, который и былъ напечатанъ въ октябрской книжкѣ „Русск. Старины“ за 1885 г., стр. 17—64.

[a]) „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 53—54.

[b]) Подписка на сооруженіе памятника была открыта въ маѣ 1883 г., въ декабрѣ 1885 г. памятникъ былъ оконченъ и поставленъ на мѣсто, а 15 марта 1886 г. настоятель церкви св. Самсонія, о. Владимірскій отслужилъ предъ новымъ памятникомъ панихиду, въ присутствіи М. И. Семевскаго, строителя памятника профессора М. А. Щурупова, В. В. Еропкиной и др. лицъ.

ГЛАВА V.

Награды иностранныхъ пословъ.—Приготовленія къ пріему турецкаго и персидскаго посольствъ.—Кончина Ѳедосьи Ѳеодоровны Неплюевой.—Неплюевъ награждается орденомъ Св. Александра Невскаго и деревнями въ Малороссіи.—Назначеніе его командиромъ Малороссіи и женитьба на А. И. Паниной.—Интриги Франціи, поведеніе Швеціи и вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны.—Арестъ Неплюева и конфискація его помѣстій.—Оправданіе и назначеніе Неплюева въ Оренбургъ.

Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать.

(Волынскій—Неплюеву).

Я во всю мою жизнь и всѣмъ бывшимъ на престолѣ службу отправлялъ по всей возможности силъ моихъ, и ни въ какія придворныя дѣла никогда и нисколько не мѣшался.

(Неплюевъ, по объявленіи ему ареста).

Когда не стало Волынскаго съ его широкими „проэктами“ и патріотическими стремленіями, Остерманъ и Биронъ, особенно въ первое время, не опасаясь протеста, дѣйствовали вполнѣ свободно и старались расположить къ себѣ другихъ. Въ то время, какъ народъ изнемогалъ подъ тяжестью уплаты накопившихся на немъ недоимокъ, русскія деньги щедро раздавались иностранцамъ: польскій посланникъ Огинскій и австрійскій—Маркизъ де-Ботта, при отъѣздѣ ихъ изъ Россіи, получили по 6000 р. каждый[a]; саксонскій посолъ фонъ-Зумъ (Сумъ)—3000 р.[b], а делегатъ, присланный отъ короля Польскаго съ поздравленіемъ о заключеніи мира Россіи съ Турціей—2000 р.[c] Въ то же время въ Петербургѣ тщательно приготовлялись ко встрѣчѣ и пріему турецкаго и персидскаго посольствъ, на что также не жалѣли денегъ.—10 іюля 1740 года состоялся именной указъ о командированіи генералъ-маіора и сенатора Никиты Румянцева, для встрѣчи на границѣ и сопровожденія турецкаго чрезвычайнаго посольства[d], а генералъ-маіору Шипову высочайше повелѣно заготовить въ Малороссіи помѣщеніе и припасы для посольства, — и вообще, содѣйствовать Румянцеву въ порученномъ ему дѣлѣ[e]. Кромѣ годоваго оклада жалованья,

---

[a]) Барановъ. Описан. Сенат. арх., №№ 7611 (С. А. LXXXVII, 24) и 7707 (С. А. LXXXVII, 26).
[b]) Тамъ же, № 7790 (С. А. LXXXVII, 28).
[c]) Тамъ же, № 7713 (С. А. LXXXVII, 27).
[d]) Тамъ же, № 7705 (С. А. 60; 111).
[e]) Тамъ же, № 7708 (С. А. 60; 377).

Румянцевъ получилъ 1500 р. на собственные расходы и 20,000 руб. на содержаніе турецкаго посла, паши Янжиклы-Бея-Али-Эфендія, съ его свитою[a]. Для письменнаго веденія дѣлъ къ Румянцеву былъ назначенъ секретарь Сената Алексѣй Протасовъ[b]. Всѣ дороги, мосты и *„путевые дворцы"* по тракту отъ Малороссіи до Петербурга, чрезъ Москву, велѣно исправить и всюду заготовить „столовые припасы" для посольства[c]. По прибытіи въ Петербургъ, посольство должно было поселиться на Васильевскомъ островѣ, гдѣ для его помѣщенія были приготовлены дома гардемарина Льва Милославскаго, князя Якова Голицына, бароновъ Строгановыхъ и дворянина Акинфія Демидова[d]; генералъ-бергъ-директору фонъ-Шембергу, жившему въ домѣ Демидова, велѣно было переселиться въ домъ Мусина-Пушкина[e], а занимаемый имъ каменный „дворецъ" Акинфія Демидова— очистить для турецкаго посла. 17 сентября 1740 г. генералъ Кейтъ получилъ приказаніе отправиться на границу для встрѣчи и пріема турецкаго посольства[f].

Почти одновременно съ этимъ дѣлались приготовленія и къ встрѣчѣ персидскаго посольства. Командированный съ этою цѣлію въ Астрахань генералъ-маіоръ Апраксинъ, кромѣ 1000 рублей[g], выданныхъ ему изъ Штатсъ-конторы, получилъ еще 20,000 р. изъ астраханскихъ доходовъ на пріемъ и содержаніе новаго персидскаго посла и его свиты[h]. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ вошла въ Кабинетъ съ представленіемъ о выдачѣ изъ Штатсъ-конторы 20,000 руб. на содержаніе и отправленіе персидскихъ пословъ Хулефы-Мирзы-Кафи, Магометъ-Риза-Хана и Теипъ-Хана съ ихъ свитами[i] и, кромѣ того, 8000 р. на подарки отъѣзжающему изъ Россіи персидскому послу Хулефѣ-Мирзѣ-Кафи[k]. Согласно представленію генералъ-маіора Апраксина, въ Твери или въ Новгородѣ велѣно приготовить судна для переѣзда въ Петербургъ новаго персидскаго посольства, дороги, мосты и *„путевые дворцы"* отъ Москвы до Петербурга исправить и заготовить для посольства провизію, провіантъ и фуражъ[l]. Персидское посольство, по прибытіи въ Петербургъ, такъ же,

---

[a]) Тамъ же, №№ 7716 (С. А. 60; 127), 7718 (С. А. LXXXVII, 57).
[b]) Тамъ же, № 7746 (С. А. 60; 173).
[c]) Тамъ же, №№ 7758 (С. А. 69, 370) и 7857 (С. А. 62; 578).
[d]) Тамъ же, №№ 7750 (С. А. 60; 350), 7896 (С. А. XXXVIII, 46).
[e]) Тамъ же, № 7918 (С. А. 62; 382).
[f]) Тамъ же, № 7915 (С. А. 62; 365).
[g]) Тамъ же, № 7607 (С. А. LXXXVII, 49).
[h]) Тамъ же, № 7623 (С. А. LXXXVII, 52).
[i]) Тамъ же, № 7646 (С. А. 59; 275).
[k]) Тамъ же, № 7777 (С. А. 60; 451).
[l]) Тамъ же, № 8535 (С. А. CXLI, 201).

какъ и турецкое, должно было поселиться на Васильевскомъ островѣ въ особо приготовленныхъ для него квартирахъ[a]).

Между тѣмъ Неплюевъ, по окончаніи суда надъ Волынскимъ и его „конфидентами", долженъ былъ отправиться на Днѣпровскую сторону, для окончанія порученнаго ему дѣла по разграниченію земель между Россіей и Турціей, по рѣкамъ Бугу и Днѣпру. Не смотря на болѣзнь, которой Неплюевъ подвергся въ сентябрѣ 1740 г.[b]), онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученное ему дѣло и возвратился въ Кіевъ, гдѣ оставалась его семья. Здѣсь 4 декабря 1740 г. скончалась жена Неплюева, Θедосья Θедоровна, приблизительно 45 лѣтъ отъ рожденія, и была погребена надъ Θеодосіевскими пещерами въ Кіевѣ, внутри церкви у землянаго вала. Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ нея шесть человѣкъ дѣтей: три сына (Адріана, Ивана, Николая) и три дочери (Марію, Марθу, Анну); изъ нихъ сынъ Иванъ умеръ семи лѣтъ въ Поддубьѣ и дочь Марθа, вскорѣ послѣ рожденія,— тамъ же, такъ-что, послѣ смерти Θедосьи Θедоровны, у Неплюева осталось въ живыхъ четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери[c]). Старшій сынъ Неплюева Адріанъ Ивановичъ служилъ въ это время секретаремъ посольства въ Константинополѣ при графѣ А. И. Румянцевѣ[d]), а старшая дочь Марія Ивановна, еще при жизни матери, была выдана замужъ за Воина Яковлевича Римскаго-Корсакова, который въ это время также находился въ Константинополѣ при графѣ Румянцевѣ *„за маршала отъ флота"*[e]); Анна Ивановна осталась послѣ матери 10 лѣтъ, а Николай Ивановичъ 9 лѣтъ.

Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, мужъ Маріи Ивановны Неплюевой, былъ сынъ извѣстнаго Петербургскаго губернатора Якова Никитича, окончившаго дни свои въ ссылкѣ. Ив. Ив. Неплюевъ былъ только девятью годами старше своего зятя и зналъ его еще мальчикомъ по Морской академіи, въ числѣ кадетовъ которой былъ и Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ. Въ 1716 г. они одновременно были отправлены за границу въ званіи гардемариновъ: Неплюевъ въ Венецію, а Воинъ Яковлевичъ—

---

[a]) Тамъ же, №№ 8355 (С. А. CXXXVIII, 10), 8359 и 8404 (С. А. CXXXVIII, 407); Ср. № 8551 (С. А. CXLII, 62).

[b]) См. его письмо къ Бирону изъ лагеря на р. Бугѣ, отъ 4 сентября 1740 года въ „Русск. Бесѣд." 1860 г., кн. II, стр. 212.

[c]) Кн. Долгоруковъ ошибается, говоря, что у Неплюева отъ Θедосьи Θедоровны было только двое дѣтей—сынъ и дочь; несправедливо и то, что будто Неплюевъ имѣлъ такъ же сына и дочь отъ второй жены, Анны Ивановны Паниной (см. Росс. Род. Кн., ч. IV, 162), съ которой онъ не жилъ и трехъ лѣтъ и отъ которой у него вовсе не было дѣтей. Но еще бо́льшую несообразность встрѣтили мы у П. Н. Петрова (Истор. род. русск. дворянства, Спб. 1886 года, т. I, стр. 381), который всѣхъ дѣтей Неплюева отъ Θедосьи Θедоровны, кромѣ старшаго Адріана и умершихъ при жизни матери, считаетъ дѣтьми его второй жены, Анны Ивановны Паниной, бывшей на три года моложе Маріи Ивановны и только на 13 лѣтъ старше Анны Ивановны и на 14 лѣтъ Николая Ивановича Неплюевыхъ. Смотр. въ концѣ примѣч. 17-е.

[d]) См. выше стр. 79.

[e]) Θ. Веселаго: „Общ. Морск. Списокъ", ч. I, стр. 325.

во Францію, гдѣ онъ служилъ во флотѣ сначала гардемариномъ, а потомъ унтеръ-лейтенантомъ и лейтенантомъ. Во время заграничнаго путешествія, Неплюевъ встрѣтился съ нимъ, въ маѣ 1719 г., въ Тулонѣ, на пути изъ Венеціи въ Кадиксъ[a]. Воинъ Яковлевичъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше своей жены, но это былъ замѣчательный красавецъ и щеголь того времени. Впрочемъ, щегольство его не нравилось Петру Великому, который любилъ въ костюмѣ простоту и прочность. Разъ Петръ встрѣтилъ Воина Яковлевича на улицѣ, одѣтаго въ самый изящный костюмъ: на немъ было бархатное платье, сшитое по послѣдней парижской модѣ и бѣлые шелковые чулки. Петръ, ѣхавшій въ экипажѣ, подозвалъ его къ себѣ и, неостанавливаясь, началъ съ нимъ разговаривать; Воину Яковлевичу пришлось идти по грязи, у самаго колеса экипажа, до тѣхъ поръ, пока весь онъ не былъ забрызганъ грязью, особенно досталось его бѣлымъ шелковымъ чулкамъ. Дослужившись впослѣдствіи до чина вице-адмирала, Воинъ Яковлевичъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала ему 700 д. крестьянъ въ Мурашкинской волости Нижегородскаго уѣзда[b] и уволила его отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ по чину[c]. Воинъ Яковлевичъ скончался въ 1757 году 55 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ покоится и прахъ его жены Маріи Ивановны, на 12 лѣтъ пережившей своего мужа и умершей въ 1765 г. однихъ лѣтъ съ супругомъ[d].

Вскорѣ послѣ смерти своей жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, для отчета по данному ему порученію о разграниченіи земель между Россіей и Турціей, а также и для личныхъ переговоровъ съ находившимся въ Петербургѣ турецкимъ посломъ. Правительница Анна Леопольдовна, въ исполненіе воли и обѣщанія Императрицы Анны Іоанновны, наградила Неплюева орденомъ св. Александра Невскаго и крестьянами въ Малороссіи: Ропскою волостью и селами Быковымъ и Баклановъ, со всѣми къ онымъ принадлежностями, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ[e]. Вслѣдъ затѣмъ Неплюевъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всей Малороссіей[f], почему снова долженъ былъ оставить Петербургъ.

---

a) Зап. Неплюева въ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 612. См. также выше стр. 40.
b) Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 10504 (С. А. 86; 31).
c) Тамъ же, № 10598 (С. А. 86; 171).
d) Берхъ. Жизнеопис. первыхъ росс. адмираловъ. Спб., ч. II, 1833 г., стр. 376. Ср. „Общ. Морск. Списокъ“ Ѳ. Веселаго, ч. I, стр. 324—326. Смотр. примѣч. 19-е въ концѣ книги.
e) Въ Опис. Сенат. архив. Баранова (т. III, стр. 64, № 8556) село „Быково“ названо, вѣроятно, по ошибкѣ „Рыково“, въ „Запискахъ“ же Неплюева и у друг. „Быково“; о Бакланѣ въ Запискахъ Неплюева вовсе не упоминается.
f) Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 655.

Въ это время при русскомъ Дворѣ блистали своею красотою, умомъ и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ фрейлины Александра Ивановна и Анна Ивановна Панины, родныя сестры извѣстныхъ графовъ Петра и Никиты Паниныхъ. Отецъ ихъ генералъ-поручикъ Иванъ Васильевичъ[a] Панинъ былъ храбрымъ полководцемъ при Петрѣ Великомъ; въ царствованіе Анны Іоанновны онъ получилъ мѣсто сенатора и все свободное время посвящалъ воспитанію своихъ дѣтей, которыя, благодаря этому, скоро обратили на себя вниманіе Двора: обѣ сестры сдѣланы были фрейлинами и считались украшеніемъ Двора[b], а братья получили графское достоинство и въ царствованіе Екатерины II играли весьма видную роль въ государствѣ[c].—Александра[d] Ивановна Панина, еще при жизни отца, умершаго въ 1736 г., вышла замужъ за князя А. Б. Куракина, бывшаго сначала посланникомъ въ Парижѣ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ Двора. А. Б. Куракинъ представлялъ собою типъ версальскаго придворнаго, усвоившаго отлично внѣшній лоскъ: онъ безукоризненно зналъ французскій языкъ, имѣлъ элегантныя манеры и отличался легкомысленнымъ отношеніемъ къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Куракинъ былъ постояннымъ членомъ всѣхъ интимныхъ вечеровъ и празднествъ, имѣя привиллегію напиваться до пьяна и потѣшать Государыню каламбурами и остротами. Будучи приближеннымъ Государыни, Куракинъ старался также всегда угодить Бирону и Остерману[e]. Анна Ивановна Панина была еще дѣвицею и лѣто обыкновенно проводила въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своею матерью. Неплюевъ, отправляясь въ Малороссію, заѣхалъ въ Москву. Не смотря на свои 47 лѣтъ, тяжелые труды и семейныя утраты, Неплюевъ еще и въ это время отличался замѣчательной красотой своего добродушнаго лица и необыкновенной симпатичностью души. Встрѣтившись съ А. И. Паниной, онъ рѣшился просить ея руки—и красавица-фрейлина, имѣвшая только 23 года отъ роду, согласилась быть его женою; 7 октября того же (1741) года ихъ повѣнчали; но, какъ увидимъ, Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скоро пережить вѣчную разлуку и со второй женой.

Послѣ свадьбы, молодые немедленно отправились въ Малороссію. Иванъ Ивановичъ уже не въ первый разъ ѣхалъ въ этотъ край: 1 марта того же года, проѣзжая изъ Кіева въ Петербургъ, Неплюевъ остонавли-

---

[a]) Ив. Васильевичъ Панинъ род. въ 1673 г., ум. въ 1736 году. У Неплюева онъ названъ Ив. Ивановичемъ, а у Долгорукова (Росс. Род. кн. ч. I, 166) и Лонгинова (XVIII в., III, 168) Иваномъ Васильевичемъ. См. въ концѣ примѣч. 20-е.

[b]) Смотр. примѣчаніе 20-е.

[c]) Тамъ же.

[d]) Александра Ив. Панина невѣрно названа въ „Русск. Стар." (1871 г., т. III, стр. 43) Екатериной Ивановной; род. въ 1711, ум. въ 1786 г.

[e]) Александръ Борисовичъ Куракинъ (род. 2 іюля 1697 г., ум. 2 окт. 1749 г.), мужъ Александры Ивановны Паниной былъ сынъ извѣстнаго дипломата при Петрѣ Великомъ, Бориса Ив. (смот. „Старый Петербургъ" М. И. Пыляева, изд. Суворина, 1886—1887 г., стр. 244). Въ „Русск. Стар." (1871 г., т. IV, стр. 691, пр.) Александръ Борисов. названъ ошибочно Андреемъ Борисовичемъ.

вался въ Глуховѣ у генеральнаго подскарбія, Якова Андреевича Марковича. Во время поѣздки Неплюева въ С.-Петербургъ, дѣти его оставались въ Кіевѣ, откуда 15 августа переѣхали въ Глуховъ, тогдашнюю резиденцію Малороссійскаго генералъ-губернатора. Я. А. Марковичъ, генералъ-аншефъ Мих. Ив. Леонтьевъ, Андр. Яковл. Безбородко[a], Челищевъ, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, Семенъ Александр. Неплюевъ[b] и многіе другіе весьма радушно приняли дѣтей Ивана Ивановича, стараясь доставить имъ всевозможныя удобства, и почти ежедневно навѣщали ихъ; гостей принимала старшая дочь Неплюева, Марія Ивановна Римская-Корсакова.

Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Глуховъ 30 октября и поселился съ своей молодой женою въ гетманскомъ дворцѣ, а генералъ Леонтьевъ, исправлявшій его должность, былъ переведенъ губернаторомъ въ Кіевъ, вмѣсто Неплюева. Въ началѣ ноября Иванъ Ивановичъ принималъ генеральнаго судью, генеральнаго обознаго, генеральнаго подскарбія, бунчуковыхъ товарищей и другихъ чиновниковъ Малороссійскаго казачьяго войска. Дѣти Неплюева только здѣсь познакомились съ своею мачихой, которая, какъ мы уже знаемъ, на три года была моложе старшей дочери своего мужа, Маріи Ивановны Римской-Корсаковой.—Почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ пиршествахъ: поздравленія, пріемы знакомыхъ и служащихъ, семейные обѣды и вечера весело смѣняли другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали того испытанія, которое ожидало ихъ впереди: въ Петербургѣ готовился дворцовый переворотъ, повлекшій за собою арестъ многихъ лицъ и въ томъ числѣ Неплюева.

Со смертью Императрицы Анны Іоанновны, послѣдовавшей 17 октября 1740 года, быстро совершились важныя перемѣны при русскомъ Дворѣ. Спустя три недѣли послѣ ея кончины, именно съ 7 на 8-е ноября, фельдмаршалъ Минихъ, при помощи гвардіи, арестовалъ всесильнаго Бирона[c], а чрезъ четыре мѣсяца послѣ того, благодаря проискамъ Остермана, и самъ былъ удаленъ отъ дѣлъ и Двора. Оскорбленный отнятіемъ нѣкоторыхъ должностей, Минихъ подалъ въ отставку, надѣясь, что ему не дадутъ ея; при этомъ честолюбивый и самонадѣянный фельдмаршалъ настаивалъ на возвращеніи ему всѣхъ должностей, если желаютъ удержать его на службѣ. Но Остерманъ устроилъ дѣло такъ, что правительница Анна Леопольдовна согласилась дать Миниху чистую отставку[d], назначивъ ему 15,000 р. въ годъ пенсіи[e].

---

[a]) Малороссійскій генеральный судья, отецъ государственнаго канцлера, князя Александра Андреевича, („Р. Ст." 1871, т. III, 47; т. IV, 308 и 571).
[b]) См. въ концѣ примѣчаніе 21.
[c]) См. въ „Русск. Стар." (1871 г., т. III, стр. 537—561) ст. С. Н. Шубинскаго: „Арестъ и ссылка Бирона".
[d]) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 8296 (С. А. CXXXI, 46; CXXXVII, 40). Слич. №№ 8336 (С. А. CXXXVII, 354) и 8338 (С. А. CXXXVII, 358). Сравн. Записки Манштейна, стр. 208.
[e]) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 8339 (С. А. CXXXVII, 360).

Положеніе Остермана, удалившаго со сцены своихъ соперниковъ, было также не прочно: ненависть къ иноземному правительству со стороны Русскихъ усиливалась все болѣе и болѣе; на русскомъ тронѣ былъ младенецъ, а его мать и правительница Россіи, Анна Леопольдовна, была совершенно не способна къ управленію государствомъ,— это, по единогласному свидѣтельству современниковъ[a], была женщина робкая, лѣнивая до неряшливости и чувственная, относившаяся съ бо́льшимъ вниманіемъ къ любезностямъ красавца графа Линара[b], министра польскаго Двора, чѣмъ къ основательнымъ предостереженіямъ англійскаго посланника Финча[c]. Въ то время, какъ Остерманъ начиналъ уже ссориться съ правительницей, ея мужемъ и фаворитами, французскій посолъ Маркизъ де-ля-Шетарди дѣятельно и энергично интриговалъ въ пользу цесаревны Елизаветы Петровны, чтобы потомъ воспользоваться ея успѣхомъ для выгодъ Франціи. Онъ старался убѣдить Елизавету Петровну, что Франція вполнѣ сочувствуетъ ея положенію и готова придти къ ней на помощь. Шетарди постоянно твердилъ цесаревнѣ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ о томъ участіи, какое принимаетъ въ ней Людовикъ XV, который, не имѣя возможности, по отдаленности своего государства, оказать личную ей помощь, можетъ склонить къ тому Шведовъ, своихъ союзниковъ. Нужно замѣтить, что въ Шведскомъ сеймѣ многіе изъ представителей желали войны съ Россіей, въ надеждѣ возвратить Швеціи области, отнятыя у нея Петромъ Великимъ. Между тѣмъ, Маркизъ де-ля-Шетарди добивался того, чтобы Шведы объявили войну Россіи за Елизавету, а она обѣщалась-бы заплатить имъ за услугу возвращеніемъ завоеванныхъ Петромъ Великимъ у Швеціи областей. Очевидно, французскій посолъ старался о томъ, чтобы подчинить Россію своему вліянію и, при содѣйствіи ея, Даніи и Швеціи, ослабить морское могущество Англіи, которая была въ союзѣ съ Австріей и помогала ей денежными средствами въ борьбѣ съ Франціей. Но цесаревна Елизавета вела себя съ большимъ тактомъ. Сознавая, что она не имѣетъ права жертвовать „неусыпными“ трудами своего покойнаго отца, она въ то же время не отвергала предлагаемой ей помощи и объявила чрезъ одного изъ своихъ приверженцевъ секретарю Шведскаго посольства, что Шведамъ не худо

---

[a]) Записки Манштейна, стр. 235 и 236; Записки Миниха-отца, стр. 74—75; 77—78; Пекарскаго: „Маркизъ де-ля-Шетарди“, стр. 95 и 234; Леди Рондо, стр. 76—77. Сравн. Н. Н. Фирсова: „Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны“, Казань, 1888 г.. стр. 139.

[b]) Ebauche pour donner une idée de la forme du houvernement de l'Empire de Russie. Copeng., 1774 г., стр. 140—143. Сравн. Genealog. Historische Nachrichten, Th. XXVII, s. 245; также „Beitrage (A. F. Büsching, IV, s. 77) zu der Lebens geschichte denkwürdiger Personen; и Пекарскаго: „Маркизъ де-ля-Шетарди“, стр. 272, 279—280.

[c]) La cour de la Russie il y a cent ans. Berlin, 1858 г., p. 84.

было бы поскорѣе начать свои дѣйствія, такъ-какъ иноземное правительство въ Россіи не жалѣетъ ничего для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ. Въ августѣ 1741 г. Швеція объявила войну Россіи; въ манифестѣ въ числѣ причинъ, побудившихъ Швецію къ войнѣ съ Россіей, подъ вліяніемъ французской политики, была высказана и слѣдующая причина: *„устраненіе царевны Елизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и власть, которую иностранцы захватили надъ Русской націей"* [a]. Тогда же было положено распространять между русскими войсками и внутри страны прокламаціи, направленныя противъ иноземнаго правительства въ Россіи [b]. Англійское правительство, еще 17 марта 1741 г., чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Гаррингтона, сообщило своему посланнику при Русскомъ Дворѣ Финчу, что въ Россіи организовалась партія, готовая соединиться со Шведами, въ пользу Елизаветы. Финчъ сообщилъ о томъ графу Остерману, который, показавъ видъ, что ничему не вѣритъ, постарался вывѣдать всѣ подробности, а въ октябрѣ 1741 года въ письмѣ къ князю Кантемиру, русскому послу во Франціи, между прочимъ, говоритъ о Шетарди: *„мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда"*.

Предчувствуя свое паденіе, иноземное правительство начинаетъ теряться. Незадолго до переворота узнали, что Шведы стараются распространять среди Русскихъ манифестъ и прокламаціи. Остерманъ досталъ манифестъ и, прочитавъ его Левенвольду, замѣтилъ: *„весьма противно о чужестранцахъ написано"*. „Но сіе",— продолжалъ Остерманъ,— „не однихъ чужестранцовъ касается, но и принцессы Анны и фамиліи ихъ. Поэтому надо постановить, чтобы, гдѣ этотъ манифестъ явится, то собирать ихъ (листки манифеста) въ Кабинетъ, а въ народѣ не разглашать". Остерманъ сообщилъ манифестъ и правительницѣ. Манифестъ этотъ содержалъ въ себѣ слѣдующее: „Его Королевскаго Величества Шведскаго, моего Короля и Государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ Емилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной Русской націи, что Королевская Шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего инаго, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія Шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя *иностранными* министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для Шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы *освободить Русскій народъ отъ несноснаго*

---

a) Зап. Манштейна, стр. 318; Шетарди, 304–305.
b) Тамъ же, стр. 302 и 303.

ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ наказаній, или, впадши въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе" [a].

Въ то время, какъ правительница Анна Леопольдовна относилась къ извѣстіямъ, угрожавшимъ ей и ея фамиліи, почти безучастно и апатично, Остерманъ сильно безпокоился,—онъ какъ-бы начиналъ теряться, въ виду приближавшейся грозы, которая должна была разразиться надъ его старческой головой; особенно его озадачилъ манифестъ Шведовъ. Остерманъ просилъ Левенгаупта письмомъ, чтобы тотъ отрекся отъ этого манифеста, „понеже, де, такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи" [b]. Наивный характеръ письма этого, безспорно, умнаго дипломата достаточно свидѣтельствуетъ о душевномъ настроеніи Остермана. Между тѣмъ, копіи съ шведскаго манифеста и прокламаціи, направленныя противъ иноземнаго правительства въ Россіи, появились и въ Малороссіи. Это еще больше смутило Остермана. 24 сентября 1741 г. Петербургскій Кабинетъ предписалъ тайному совѣтнику Неплюеву, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры на границѣ и въ Глуховѣ на заставахъ противъ ввоза и распространенія въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ разныхъ возмутительныхъ пасквилей, писемъ и ложныхъ манифестовъ, составленныхъ въ Швеціи [c].

Напрасно растерявшійся отъ предчувствія бѣды Остерманъ придавалъ такое значеніе шведскому манифесту: онъ не произвелъ ожидаемаго Шведами впечатлѣнія ни среди народа, ни въ войскѣ; не могли произвести его и разные листки, распространяемые врагами Россіи, пришедшими бить то войско, на которое возлагались наивныя надежды, что оно, услышавъ содержаніе шведскаго манифеста, положитъ оружіе во время сраженія съ Шведами [d]. Иноземное правительство въ Россіи должно было страшиться ни манифеста, ни прокламацій Шведовъ, ни даже всей иностранной политики, создавшей искуственную и фальшивую войну Россіи съ Швеціей,—заговоръ Елизаветы былъ страшенъ общимъ положеніемъ вещей въ государствѣ вообще, и—въ частности сочувствіемъ къ Елизаветѣ Петровнѣ многихъ лицъ въ самомъ Петербургѣ. Партія Елизаветы концентрировалась около гвардіи и находила опору въ той ненависти, которую питала къ иноземному пра-

---

[a]) Пекарскій. Маркизъ де-ля-Шетарди, стр. 385—386.
[b]) Н. Н. Ѳирсовъ. Вст. на престолъ Императр. Елизаветы Петровны, стр. 140.
[c]) Барановъ. Опис. Сен. арх., № 8611 (С. А. CIX, 20).
[d]) Записки Манштейна, стр. 228—229. Шетарди, стр. 303, 385—386, 393.

вительству вся Россія. Ненависть Петербурга и гвардіи была только выраженіемъ общаго недовольства всей Россіи нѣмецкимъ правительствомъ, и послужила ближайшею причиною дворцоваго переворота, который и совершился въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г.: младенецъ императоръ, Іоаннъ Антоновичъ, былъ низверженъ и корона, при помощи гвардіи, досталась дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ[a].

Сдѣлавшись Императрицей, Елизавета весьма щедро наградила гвардейцевъ за ихъ содѣйствіе въ доставленіи ей престола. Указомъ 31 декабря 1741 г. гренадерская рота, находившаяся при ней въ ночь на 25 ноября, была отчислена отъ Преображенскаго полка, названа Лейбъ-компаніею и назначена почетною стражею при Императрицѣ[b]. Солдаты, капралы и унтеръ-офицеры этой роты недворянскаго происхожденія получили потомственное дворянство, записаны въ дворянскую Родословную Книгу и награждены гербами, на которыхъ была сдѣлана надпись: „за вѣрность и ревность“[c]. Въ то же время Лейбъ-компаніи пожалованъ былъ штандартъ изъ бѣлаго штофа, съ золотою бахрамою, съ вышитымъ на каждой его сторонѣ двуглавымъ орломъ и разными украшеніями. Въ срединѣ орла, на овальномъ золотомъ щитѣ, изображенъ серебряный крестъ, по сторонамъ крыльевъ — вензелевыя буквы Императрицы; подъ орломъ надпись: „Силою креста побѣдила“, а внизу былъ означенъ день восшествія Елизаветы на престолъ: „ноября 25 дня 1741 года[d]“. Для помѣщенія Лейбъ-компаніи былъ отведенъ старый Зимній дворецъ, гдѣ жилъ и скончался Петръ Великій. Лейбъ-компанцы получили въ потомственное владѣніе помѣстья, принадлежавшія раньше графу Михаилу Головкину и князю Меньшикову[e]. Награждая лейбъ-компанцевъ, Елизавета не забыла и другія части гвардіи: тогда же, указомъ 31 декабря 1741 г., велѣно было отпустить на Преображенскій полкъ 12,000 р., на Измайловскій и Семеновскій по 9,000 руб., на Конный — 6,000 руб., на Ингерманландскій и Астраханскій по 3,000 р. Эти 42,000 р. были розданы по рукамъ рядовымъ, капраламъ, унтеръ-офицерамъ и др. чинамъ означенныхъ полковъ. Кромѣ положеннаго гвардейцамъ жалованья, велѣно было выдавать каждому рядовому по 3 рубля на именины[f] и по 1 рублю на крестины дѣтей.

---

[a] Подробности переворота смотр. въ книгѣ Н. Н. Ѳирсова: „Вступленіе на престолъ Импер. Елизаветы Петровны“, гл. VII, стр. 148—165.

[b] П. С. Зак., т. XI, стр. 553, № 8491.

[c] Пушкаревъ. Исторія Импер. росс. гвард., Спб. 1844 г., стр. 241 и 242. См. П. С. Зак., т. X, стр. 696, № 8639.

[d] Пушкаревъ. Ист. Им. р. гвард., стр. 225.

[e] Всего роздано было имъ 13,931 крест. д. съ принадлежащими имъ землями и усадьбами. См. въ П. С. Зак. т. XI, стр. 721, № 8666.

[f] 21 декабря 1741 г. именинныхъ денегъ было роздано 25,551 р. См. Пушкарева: „Ист. И. Росс. гвардіи“, стр. 244 и 245.

Новая Императрица не оставила безъ наградъ и своихъ ближайшихъ приверженцевъ: Воронцовъ, оба брата Шуваловы и Балкъ получили званіе камергера; Лестокъ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ перваго лейбъ-медика; камергеръ Алексѣй Разумовскій пожалованъ графскимъ достоинствомъ, сдѣланъ оберъ-егеймейстеромъ и награжденъ голубою лентою, а Маркизъ де-ля-Шетарди получилъ портретъ Елизаветы и орденъ[a].

Одновременно съ наградами приверженцевъ Елизаветы, шли наказанія членовъ низверженнаго правительства. Несчастное Брауншвейгское семейство сначала рѣшили отправить за границу. 12 декабря 1741 года Анна Леопольдовна съ мужемъ и дѣтьми, подъ прикрытіемъ большаго конвоя, выѣхала изъ С.-Петербурга въ Ригу, куда они прибыли 9 января 1742 г. Но Елизавета измѣнила свое намѣреніе на счетъ сверженной фамиліи: 13 декабря того же года Брауншвейгское семейство было перевезено въ крѣпость Динамюнде, а въ январѣ 1744 г. отсюда—въ городъ Раненбургъ (Рязанской губ.), гдѣ несчастное семейство оставалось до сентября того же года, когда бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ отдѣленъ, по высочайшему указу, отъ родителей барономъ Н. А. Корфомъ, а послѣднихъ повезли въ Соловецкій монастырь[b]. Но родители низверженнаго императора не доѣхали до Соловецкаго монастыря: ихъ поселили на одномъ изъ острововъ Сѣверной Двины, пониже Архангельска, и содержали въ тѣсномъ заключеніи. Здѣсь въ 1746 г. скончалась Анна Леопольдовна, а въ 1775 г. ея супругъ, Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій. Ихъ сынъ, Іоаннъ Антоновичъ, послѣ попытки одного монаха увести его, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и кончилъ жизнь насильственнымъ образомъ, въ іюлѣ 1764 года, 25 лѣтъ отъ рожденія, о чемъ будетъ еще сказано въ своемъ мѣстѣ. Опала постигла и всѣхъ приверженцевъ нѣмецкой партіи (гр. Головкина, Тимирязева) и ея видныхъ представителей: Остермана, Миниха, Менгдена и Левенвольда, приговоренныхъ къ смертной казни[c], но потомъ помилованныхъ и сосланныхъ на сѣверъ Россіи и въ разныя мѣста Сибири[d]. Повсюду было опубликовано,

---

[a]) Зап. Манштейна, стр. 242 и 243. Срав. ст. В. О. Михневича: „Женское правленіе и его противники“ въ „Истор. Вѣстн.“ за 1882 г., февр. и мартъ.

[b]) „Русск. Стар.“ 1879 г.

[c]) Остермана присудили къ колесованію, фельдмаршала Миниха къ раздробленію членовъ и къ отсѣченію головы; гр. Головкина, Менгдена, Левенвольда и Тимирязева къ отсѣченію головы.

[d]) Остерманъ былъ сосланъ въ Березовъ, Минихъ—въ Пелымь, Головкинъ—въ Ерманскій острогъ на р. Колымѣ, за Якутскомъ (въ 11,278 верст. отъ С.-Петербурга), Менгденъ—въ Кольскій острогъ, Левенвольде—въ Соликамскъ, Тимирязевъ въ Сибирь. См. П. С. Зак. т. XI, № 8506. Сравн. въ „Русск. Стар.“ (1870 г., т. II, стр. 483—485) ст. П. Ѳ. Карабанова: „Статсъ-дамы и фрейлины русск. Двора въ XVIII ст.“

что всѣ указы, вышедшіе въ правленіе Анны Леопольдовны, уничтожаются и всѣ чины и достоинства, дарованныя ею, отъемлются. Въ П. С. Законовъ находится цѣлый рядъ указовъ[a], свидѣтельствующихъ, съ какимъ стараніемъ новое Правительство заботилось объ истребленіи всего, что только могло напоминать о предшествовавшемъ правленіи Брауншвейгской фамиліи.

Съ паденіемъ Остермана, пострадалъ и Неплюевъ, котораго за привязанность и уваженіе къ Остерману враги очернили въ глазахъ новой Императрицы. Рано утромъ 3 декабря, прискакалъ въ Глуховъ генералъ-кригсъ-коммисаръ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ[b] и объявилъ ничего еще незнавшему Неплюеву о придворномъ переворотѣ 25 ноября и о томъ, что онъ, по высочайшему приказанію, отрѣшается отъ всѣхъ должностей и подъ арестомъ долженъ отправиться въ Петербургъ. Въ ночь на 4-е декабря 1741 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти первой своей жены, Неплюевъ отправился, вмѣстѣ съ молодой женой, въ Петербургъ, гдѣ произошли столь важныя перемѣны; онъ очень былъ озабоченъ и самъ поскорѣе желалъ узнать причину гнѣва на него новой Императрицы. Впрочемъ, эта неожиданная опала не столько потрясла самого Неплюева, который всегда удалялся придворныхъ интригъ, сколько его молодую и еще неопытную жену, Анну Ивановну, не смотря на сильныя связи ея при Дворѣ. Не могло также не опечалить это неожиданное обстоятельство и Малороссіянъ, успѣвшихъ полюбить Неплюева за его справедливость, заботы объ ихъ интересахъ и ласковое обхожденіе со всѣми. Такой человѣкъ, какъ Неплюевъ, особенно легко могъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ послѣ своего предшественника М. Леонтьева, по отзыву Маркевича, „угрюмаго и сварливаго солдата, который нарушилъ равенство между малороссійскими членами Генеральной канцеляріи“ [c]. Но чѣмъ ближе былъ Неплюевъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ слухи становились тревожнѣе. Въ Москвѣ онъ узналъ отъ своей тещи, Агриппины Васильевны Паниной, что причиною немилости къ нему новой Императрицы послужила дружба его съ графомъ Остерманомъ, который былъ уже признанъ достойнымъ смертной казни. Здѣсь не мѣсто было бы входить въ подробности дѣла по обвиненію Остермана и въ изложеніи тѣхъ причинъ, на основаніи которыхъ Остерманъ былъ признанъ достойнымъ смертной казни; замѣтимъ только, что ему было предложено восемьдесятъ обвиненій, между которыми были и такія, гдѣ говорилось, что Остерманъ старался отклонить Елизавету Петровну

---

[a]) См. №№ 8480, 8494, 8641, 8648, 8690, 8822, 8830 и друг. Ср. дѣла по секрет. экспед. въ Тургайск. архивѣ, указы 1747 г., л. 27.

[b]) А. Б. Бутурлинъ находился въ родствѣ съ Неплюевымъ: онъ былъ женатъ на сестрѣ его свояка, А. Б. Куракина.

[c]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, ч. II, стр. 625.

отъ престола и ея племянника отъ наслѣдія; писалъ по этому поводу разные проэкты, изъ которыхъ въ одномъ совѣтовалъ выдать Елизавету Петровну за какого-нибудь чужестраннаго убогаго принца; что онъ измѣнялъ свои мнѣнія въ угодность другимъ, а не въ видахъ государственной пользы, и „многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять и между россійскими подданными несогласія вселять старался,“— и т. п. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ склонить на свою сторону хирурга Лестока, любимца Елизаветы, Остерманъ подписалъ всѣ взведенныя на него обвиненія, не читая. Въ то время, какъ надъ Остерманомъ нависла такая грозная туча и когда онъ, отчаянно заболѣвши, готовился въ своемъ заключеніи къ смерти, причастившись Св. Таинъ, Неплюевъ прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же поспѣшилъ свидѣться съ людьми, которыхъ онъ считалъ своими друзьями: онъ посѣтилъ Григорія Петровича Чернышева; былъ у князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и зашелъ къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому; но одинъ только Григорій Петровичъ остался, попрежнему, его искреннимъ другомъ, за то какъ горько ошибся Неплюевъ въ Н. Ю. Трубецкомъ!—По совѣту послѣдняго, Неплюевъ немедленно отправился къ принцу Гессенъ-Гомбургскому (зятю фельдмаршала Трубецкаго). Спустя нѣсколько часовъ, послѣ представленія Неплюева принцу, ему былъ объявленъ домашній арестъ: принцъ Гессенъ-Гомбургскій приказалъ Неплюеву никуда не выѣзжать со двора. Вскорѣ Неплюеву былъ прочитанъ и высочайшій указъ объ отобраніи у него ордена св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень въ казну; съ него снята была Александровская лента и, до окончанія слѣдствія, учрежденнаго надъ опальными, приказано содержать его подъ арестомъ. Но не смотря на важность обвиненій противъ Остермана, на свою опалу и большія матеріальныя и служебныя лишенія, Неплюевъ, *всегда любившій и говорившій правду*, прямо и открыто заявилъ, что чувствовалъ, когда его спросили объ Остерманѣ. „*Въ графѣ Андреѣ Ивановичѣ*“,— сказалъ онъ,—„*имѣлъ я всегда моего благодѣтеля и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отпереться, что онъ былъ мой благотворитель и человѣкъ таковыхъ дарованій ко управленію дѣлами, каковыхъ мало въ Европѣ, и за что онъ такъ осужденъ того такъ же, по совѣсти, какъ предъ Бога явиться, не вѣдаю*“.[a] —Спросили Остермана: „не вѣдалъ ли чего Неплюевъ о его беззаконныхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ“,— и Остерманъ совершенно оправдалъ Неплюева, заявивъ, *что Неплюевъ ничего не зналъ.*

(a) Зап. Неплюева въ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 656.

Кому же пришло въ голову очернить Неплюева въ глазахъ новой Императрицы?—Кому перешелъ дорогу этотъ честный и вѣрный слуга нашего отечества?—Въ Запискахъ Порошина помѣщенъ разсказъ графа Никиты Ивановича Панина, изъ котораго видно, что такую услугу оказалъ Неплюеву Никита Юрьевичъ Трубецкой, хотя Неплюевъ и называетъ его въ Запискахъ своимъ „всегдашнимъ благодѣтелемъ" и, во время суда надъ Волынскимъ, косвенно содѣйствовалъ его оправданію: Волынскій на одномъ изъ допросовъ оговорилъ Трубецкаго, что онъ зналъ и читалъ Юста Липсія; такой фактъ, въ глазахъ слѣдственной коммиссіи надъ Волынскимъ, считался преступленіемъ первостепенной важности. Трубецкой былъ позванъ во Дворецъ; Императрица сама допрашивала его и объявила: *„не вѣрить тому, что показалъ на князя Трубецкаго Волынскій"* [a]. Мы уже знаемъ, что Неплюеву, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, поручено было разобрать всѣ бумаги и переписку Волынскаго; Неплюевъ, безъ сомнѣнія, могъ бы при этомъ доставить письменныя доказательства обвиненія Волынскаго, взведенныя имъ на Трубецкаго, но онъ этого не сдѣлалъ,—и Трубецкой былъ оправданъ. Когда гроза миновала и Волынскій былъ казненъ, Трубецкой возненавидѣлъ Неплюева, какъ живаго свидѣтеля его участія въ „винахъ" казненнаго Волынскаго, и отселѣ всячески старался противодѣйствовать ему. Теперь, сдѣлавшись однимъ изъ членовъ слѣдственной коммисіи надъ Остерманомъ и другими опальными, Трубецкой, желая, по свидѣтельству Панина, выслужиться, хотѣлъ „управить" и Неплюева, какъ Остермана, говоря, что „въ немъ душа Остерманская" [b]. Порошинъ также приводитъ другой разсказъ графа Панина, изъ котораго видно, что Трубецкой и раньше старался противодѣйствовать Неплюеву. „Иванъ Ивановичъ (Неплюевъ) въ свое время,"—говоритъ Порошинъ,—„человѣкъ былъ *гораздо неглупый и дѣловой;* особливо похвалялъ (Панинъ) сочиненный имъ во владѣніе Императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа Остермана, указъ о выкупѣ и о закладѣ имѣній, называя указъ сей сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго)" [c]. Не придавать этому свидѣтельству никакого значенія, по нашему мнѣнію, невозможно, потому что Н. И. Панинъ былъ роднымъ братомъ второй жены Неплюева и, слѣдовательно, не могъ не интересоваться судьбой

---

[a]) Отеч. Зап. 1860 г., № 6, стр. 590, зам. 2.
[b]) Записки Порошина, стр. 75 и 76.
[c]) Тамъ же, стр. 151—152. Къ сожалѣнію, мы не видѣли этого указа-проэкта и даже не знаемъ, уцѣлѣлъ-ли онъ,—не хранится ли онъ гдѣ нибудь въ одномъ изъ спеціальныхъ архивовъ?!

своего родственника, съ которой такъ тѣсно были соединены участь и спокойствіе его родной сестры, Анны Ивановны. Трубецкой, какъ человѣкъ эгоистичный, дѣйствительно, могъ это сдѣлать, желая, съ одной стороны, отдѣлаться отъ живаго свидѣтеля его участія въ замыслахъ Волынскаго, а съ другой—расчитывая на паденіи Неплюева основать и упрочить свое положеніе и вліяніе при новомъ Дворѣ. Если Кантемиръ говоритъ о Трубецкомъ, что онъ „съ нравомъ честнымъ, тихимъ, соединяетъ совѣсть чистую";[a]) то у всякаго сильнаго и вліятельнаго вельможи были въ то время свои панегиристы, которые изъ-за личныхъ выгодъ не задумывались иногда прославлять въ своихъ одахъ тѣхъ, кого въ душѣ порицали: Кантемиръ, какъ извѣстно, былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Трубецкимъ[b]) и, какъ человѣкъ, не чуждъ былъ и недостатковъ[c]).—Но какъ бы то ни было, только страшная бѣда висѣла надъ головой Неплюева, не смотря на совершенное оправданіе его Остерманомъ. Всѣ родственники были поражены положеніемъ Неплюева и соединились, чтобы общими силами какъ-нибудь спасти невиннаго: его своякъ по второй женѣ, оберъ-шталмейстеръ Двора, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицинъ, зять Неплюева Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Императрицы, и теща Ивана Ивановича, Агрипина Васильевна Панина, — словомъ, всѣ стали усердно и дѣятельно хлопотать объ арестованномъ Неплюевѣ.—Агрипина Васильевна Панина была родная племянница по матери княгини Дарьи Михайловны Меньшиковой; она играла весьма видную роль при Дворѣ, а своимъ замѣчательнымъ умомъ пріобрѣла дѣйствительное и большое вліяніе на общество. Въ началѣ 1742 г. Неплюевъ получилъ приказъ отъ принца Гессенъ-Гомбургскаго—явиться во дворецъ, что онъ и сдѣлалъ. Императрица обошлась съ нимъ весьма ласково и возвратила ему орденъ св. Александра Невскаго, возложивъ его на невинно-осужденнаго собственноручно, когда она проходила въ домовую церковь, предъ которой Неплюевъ долженъ былъ ожидать ее, стоя на колѣняхъ; но малороссійскія деревни не были возвращены Неплюеву, а остались въ казнѣ и впослѣдствіи перешли къ графу К. Г. Разумовскому. Такимъ образомъ, не смотря на всю невинность Неплюева и понесенныя имъ оскорбленія, онъ все-таки долженъ былъ лишиться пожалованныхъ ему Анной Леопольдовной малороссійскихъ деревень. Этотъ арестъ Неплюева по дѣлу Остермана и отнятіе у него помѣстій послужили какъ бы возмездіемъ и *искупительной жертвой* Неплюеву

---

[a]) См. его VII сатиру, посвященную Трубецкому.
[b]) Бантышъ-Каменскій. „Словарь достопам. людей Русс. земли", т. V, стр. 167.
[c]) На которые, между прочимъ, указываетъ Карновичъ въ своемъ сочиненіи: „Замѣч. богатства частн. лицъ въ Россіи".

за его, хотя и *невольное,* участіе въ дѣлѣ Волынскаго, который, во время допросовъ, разъ довольно рѣзко замѣтилъ строго относившемуся къ нему Неплюеву: „Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать!“ [a] Самъ Неплюевъ отнесся съ удивительнымъ терпѣніемъ и незлобіемъ къ этому дѣлу; вотъ что говоритъ онъ по этому поводу въ Запискахъ: „Увидавъ дщерь Государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и Государя Петра Перваго, *я такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее,* и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ почивающаго родителя“ [b].

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, власть и вліяніе иностранныхъ временьщиковъ, въ родѣ Бирона, должны были кончиться. Дочь Петра старалась окружить себя русскими людьми, ревностными приверженцами идей ея отца и отца отечества. Но старые сотрудники Преобразователя, пріученные имъ къ неутомимой и безкорыстной работѣ, подъ вліяніемъ различныхъ интригъ, получили невидныя мѣста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма тяжелыя обязанности. Василій Никитичъ Татищевъ былъ оставленъ при Калмыцкой Коммиссіи, а потомъ ему же поручили и управленіе Астраханскою губерніею. Ив. Ив. Неплюевъ, вскорѣ послѣ окончанія надъ нимъ слѣдствія и возвращенія ему ордена св. Александра Невскаго, былъ приглашенъ въ Сенатъ, гдѣ ему вручили высочайшій указъ о назначеніи его командиромъ Оренбургской Экспедиціи. Въ силу этого указа, Неплюевъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство Башкирскій край; обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ; обуздать грабительство Киргизъ-Кайсаковъ и другихъ степныхъ хищниковъ и распространить торговлю съ Азіей. Понятно, что для Неплюева, занимавшаго предъ тѣмъ важныя государственныя должности, мѣсто командира мало-населеннаго и еще менѣе устроеннаго Оренбургскаго края было значительнымъ пониженіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы замаскированною ссылкою; такъ взглянулъ на свое назначеніе и самъ Неплюевъ и такъ-же поняли это назначеніе друзья и родственники Неплюева: они напутствовали его горькими слезами. Но Неплюевъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и слишкомъ возвышенной души, чтобъ унывать; послать такого человѣка въ дикую степь, гдѣ открывалось обширное поле для полезной дѣятельности, не значило ли это — приготовить Неплюеву дорогу къ новымъ заслугамъ, славѣ и почестямъ?! — Неплюевъ хорошо сознавалъ сложность и трудность ввѣряемаго ему дѣла; но онъ не сталъ отговариваться отъ своего назначенія, а безропотно повиновался волѣ новой Императрицы, „дочери обожаемаго имъ Государя и

[a] Отеч. Зап. 1860 г., № 6, стр. 540.
[b] Записки Неплюева въ „Русск. Арх.,“ 1871 г., стр. 657.

отца," и отправился въ Оренбургъ,—какъ самъ онъ говоритъ,—„съ спокойнымъ, по невинности, духомъ". Не такъ подѣйствовало это назначеніе на молодую жену Неплюева, Анну Ивановну, привыкшую къ блеску и пышности Двора и къ разнообразнымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ столичной жизни,—она была въ отчаяніи: „Въ несчастіе такое приведенная жена моя,"—говоритъ Неплюевъ,—„съ самаго сего дня (т. е. со дня его назначенія) повергласъ въ такое уныніе, что отъ того никакимъ совѣтомъ её извлечь я не могъ, отчего и почувствовала тяжкіе болѣзненные припадки". Напрасно Иванъ Ивановичъ старался уговорить и ободрить её,—она совсѣмъ упала духомъ и стала, замѣтно, увядать. Это не только печалило, но и огорчало Неплюева; только теперь понялъ онъ, что этотъ кумиръ Двора и общества, при блестящихъ достоинствахъ ума и образованія, не имѣлъ ни достаточнаго самообладанія, ни достаточнаго самоотверженія изъ любви къ нему, чтобы твердо и спокойно переносить съ мужемъ его несчастія; при этомъ невольно вспомнилъ Неплюевъ о Ѳедосьѣ Ѳеодоровнѣ, которая для него готова была пожертвовать жизнію. Съ другой стороны, Неплюевъ, какъ человѣкъ умный, не могъ и обвинять своей жены: молодой, красивой и образованной женщинѣ, блиставшей при Дворѣ, пришлось, по милости мужа, ѣхать въ степь къ дикимъ киргизамъ и башкирамъ—бунтовщикамъ. Опредѣливъ сына Николая въ Кадетскій корпусъ и взявъ съ собою жену и одиннадцатилѣтнюю дочь Анну, родившуюся въ Константинополѣ, Неплюевъ отправился въ путь, положившись на Промыслъ Божій, управляющій жребіемъ смертныхъ. Съ чего началъ онъ свою дѣятельность въ Оренбургскомъ краѣ и какъ выполнилъ порученное ему дѣло, увидимъ дальше, а теперь перейдемъ къ краткому историческому обзору Оренбургскаго края до поступленія его въ главное вѣдѣніе и распоряженіе Неплюева, чтобы имѣть понятіе о томъ, куда ѣхалъ Неплюевъ и что̀ его тамъ ожидало.

ГЛАВА VI.

Первоначальные обитатели Оренбургскаго края и позднѣйшій приростъ его населенія.—Башкирскіе бунты съ 1584 по 1733 г.—Намѣренія и планъ Петра Великаго, по отношенію къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ.—Абулъ-Хаиръ-Ханъ и присоединеніе къ Россіи Малой Киргизской орды.—Проэктъ Кириллова и его экспедиція въ Башкирію.—Возстаніе башкиръ и отношеніе къ нимъ Тевкелева, Кириллова и Румянцева.—Кончина Кириллова и назначеніе на его мѣсто Татищева.

Всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная
Киргизъ-Кайсацкая орда—ключъ и врата.
(Петръ Великій).

Оренбургскій край издавна обращалъ на себя вниманіе Русскаго Правительства и былъ предметомъ особенныхъ его заботъ. На обширной территоріи этого края въ разное время сходились и перемѣшивались племена финскаго, монгольскаго и тюркскаго происхожденія, постепенно теряя свою самостоятельность и уступая господство надъ краемъ славяно-русскому племени. Изъ славянскаго племени здѣсь и досолѣ обитаютъ: бѣлоруссы, малоруссы и великоруссы; изъ инородцевъ: башкиры, мещеряки[a], чуваши, мордва, тептяри[b], бобыли, татары, калмыки и киргизы. Всѣ эти племена тѣсно перемѣшаны другъ съ другомъ: русскія селенія чередуются съ инородческими; нерѣдко въ одной и той же деревнѣ встрѣчается нѣсколько различныхъ народностей вмѣстѣ.—Дорогой цѣной пріобрѣла себѣ этотъ край коренная Россія: *много, даже очень много* было пролито инородческой и русской крови на этомъ обширномъ пространствѣ прежде, чѣмъ оно было включено въ составъ Русскаго государства. Болѣе двухъ вѣковъ, съ небольшими перерывами, продолжалась упорная борьба Русскаго Правительства съ инородческимъ населеніемъ этого края, особенно съ главными обитателями его—башкирами. Вслѣдствіе историческихъ комбинацій и географическихъ условій, Россія должна была принять на себя рѣшеніе трудной міровой задачи, по отношенію къ тюрко-татарскимъ племенамъ: сначала ей пришлось быть оплотомъ европейской цивилизаціи отъ мусульманскаго фанатизма и восточнаго варварства, а потомъ она же явилась насадительницею европейской культуры среди этихъ варваровъ и провозвѣстницею Евангельскаго ученія, въ духѣ Св. Православной Церкви. Находясь на рубежѣ между Европой и Азіей,

---

[a]) Мещеряки представляютъ собою смѣсь тюркскаго и финскаго племени. См. статью Майнова въ „Древн. и Нов. Россіи,“ 1870 г., № 10 Сравн. Э. Реклю: „Россія“, т. I, стр. 388—389.

[b]) Тептяри значитъ „поселенцы“ или „новопришельцы;“ они всѣ смѣшанной крови и принадлежатъ къ народамъ отатарившейся расы, между которыми главное мѣсто занимаютъ башкиры, а второстепенное—черемисы, чуваши и вотяки. См. тамъ же, стр. 389. Сравн. „Russische Revue“, 1877 г., № 11, письмо къ г. Майнову.

славяно-русское племя должно было стать лицомъ къ лицу съ финскими и тюрко-монгольскими племенами, вынести на своихъ мощныхъ плечахъ всю силу ихъ враждебнофанатическаго натиска и въ борьбѣ за существованіе—умереть или побѣдить. Такова историческая задача, выпавшая на долю Россіи,—и въ этомъ направленіи она дѣйствовала и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Подчиняя себѣ азіатскія страны и племена, она охотно принимаетъ новыхъ подданныхъ въ свою общую семью, съ правами равенства и объединенія: русскіе не чуждаются инородцевъ, какъ англичане индусовъ или американцы туземнаго населенія; напротивъ, они вступаютъ съ инородцами въ близкія отношенія, свыкаются съ ними и, при помощи языка и религіи, ассимилируютъ ихъ и сливаются съ ними въ одну господствующую народность. Отсутствіе топографическихъ преградъ и смежность инородческихъ поселеній съ русскими еще болѣе содѣйствуютъ этому сближенію и ассимиляціи[a]).

Башкиры, по оффиціальнымъ документамъ, считаются аборигенами, или первоначальными обитателями Оренбургскаго края; но такое мнѣніе въ строго-историческомъ смыслѣ едва ли справедливо. Преданія самихъ башкиръ и существованіе на занимаемой ими территоріи многихъ кургановъ, прозванныхъ чудскими, указываютъ на то, что раньше башкиръ здѣсь обиталъ какой-то другой народъ, который не только зналъ о природныхъ богатствахъ края, а умѣлъ находить металлы и дѣлать изъ нихъ разныя вещи, какъ это доказываютъ различные предметы, находимые при раскопкахъ кургановъ[b]). Несмотря на недостаточное знакомство съ ископаемыми курганными памятниками Башкиріи, есть основаніе предполагать, что эти курганы воздвигнуты не татарскимъ племенемъ и, во всякомъ случаѣ, не башкирами. Въ нихъ были находимы, большею частію, мѣдныя и бронзовыя, рѣже золотыя издѣлія (стрѣлы, идолы, предметы домашняго обихода и украшеній) или каменныя орудія, что доказываетъ глубокую древность этихъ кургановъ, — ихъ принадлежность къ каменному или бронзовому вѣку. Но чудскіе курганы не слѣдуетъ смѣшивать съ монгольскими или татарскими могилами, разсѣянными во множествѣ по Киргизской степи, Оренбургской и Самарской губерніямъ. Первые преимущественно находятся въ Сибири, особенно по рѣкамъ Міясу, Исети и Тоболу, хотя встрѣчаются также въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, напр. въ уѣздахъ Бузулукскомъ, Верхнеуральскомъ, Челябинскомъ и Троицкомъ. Чудскіе курганы имѣютъ коническую форму, иногда въ нѣсколько саженъ вышины; въ ихъ могилахъ,

---

a) См. въ „Вѣстн. Европы" (1874 г., декабрь, стр. 758) статью В. Флоринскаго: „Башкирія и Башкиры".

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 83, 84, 88, 312; ч. II, стр. 32, 58, 60, 129, 147, 155, 165, 172, 194, 195, 199, 202, 205, 217. Сравн. Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г., IV, стр. 6; Уфимск. Губ. Вѣд. 1865 г., № 47; 1867 г., № 2.

выложенныхъ камнемъ или кирпичемъ, встрѣчаются мѣдныя, серебряныя и золотыя издѣлія. Монголо-татарскія могилы состоятъ изъ небольшихъ холмовъ продолговатой формы, отъ 3 до 4 арш. въ длину и отъ 2 до 3 арш. въ ширину. Около нихъ нерѣдко встрѣчаются небольшія ямы, изъ которыхъ, вѣроятно, брали землю для насыпи надъ могилой. На вершинѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ холмовъ, расположенныхъ иногда по нѣскольку въ рядъ и почти всегда на открытыхъ высокихъ увалахъ, находили круглыя ямы и грубой работы изъ камня изображенія человѣческихъ фигуръ. При раскопкѣ этихъ холмовъ-могилъ, находили на небольшой сравнительно глубинѣ угли отъ сожженнаго хвороста (можетъ быть, слѣды бывшихъ жертвоприношеній); у самаго основанія холма оказывалась могила, иногда обложенная сгнившими досками, и въ ней—человѣческія кости. Въ числѣ вещей этихъ могилъ встрѣчались чаще всего желѣзныя издѣлія (стрѣлы, клещи, огниво и т. п.), рѣже—золотыя и серебряныя вещи, а иногда—и конскія головы. Нужно думать, что эти холмы насыпаны татарами или киргизами, и принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ чудскіе курганы. Кромѣ того, въ Оренбургскомъ краѣ встрѣчаются старыя могилы съ небольшими холмами изъ набросаннаго камня, принадлежащія, повидимому, такъ-же къ позднѣйшей эпохѣ. Судя по металлическому производству и по отдѣлкѣ находимыхъ въ чудскихъ курганахъ вещей, слѣдуетъ допустить, что такъ-называемая Чудь, въ культурномъ отношеніи стояла выше башкиръ и, вѣроятно, была вытѣснена ими изъ предѣловъ югозападной Сибири или совсѣмъ истреблена[a]).

Кромѣ кургановъ, при отысканіи рудъ, въ Уральскихъ горахъ находили и другіе памятники древнѣйшихъ обитателей этого края—слѣды рудныхъ разработокъ, шахты и орудія горнаго дѣла, свидѣтельствующія о существованіи здѣсь въ древнія времена мѣднаго металлическаго производства. Чудскія шахты по Уралу описаны еще академиками Лепехинымъ и Палласомъ, во время ихъ путешествія по Сибири. Древнія шахты имѣли видъ узкихъ корридоровъ, простиравшихся иногда на значительное пространство въ длину. Стѣны этихъ корридоровъ-шахтъ не были обдѣланы и укрѣплены, почему могли легко обваливаться, погребая иногда подъ собой рудокоповъ, что доказывается нерѣдко находимыми въ нихъ костями людей. Отсутствіе желѣзныхъ издѣлій въ этихъ шахтахъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на близкую связь, если не тождество, древнихъ рудокоповъ съ неизвѣстнымъ народомъ, которому принадлежатъ „чудскіе“ курганы. По всѣмъ этимъ шахтамъ искали и обработывали исключительно мѣдную руду и при ея плавленіи, какъ можно предполагать, не употребляли ни печей, ни сложныхъ прибо-

a) Вѣстн. Европы, 1874 г., декабрь, стр. 735.

ровъ, такъ-какъ указаній на то не имѣется. На Уралѣ и Алтаѣ также были найдены слѣды древняго добыванія золота и серебра, желѣза же въ обработанномъ видѣ не найдено ни въ одной изъ открытыхъ шахтъ. Горныя тяжелыя орудія, напр. молоты, оказывались или каменными, или мѣдными. Добываніе рудъ производилось или такими же кирками, или крѣпкими клыками большихъ животныхъ. Лепехинъ сообщаетъ, что подобныя шахты были найдены близъ Полевскаго завода въ Гумешевскомъ рудникѣ, въ которомъ оказались горные инструменты (кайла, молоты и т. п.), сдѣланные изъ мѣди; тамъ же найдены сумки, рукавицы, кости, деревянныя укрѣпленія штольнъ; послѣднія, по его словамъ, отличались особенной твердостью и, будучи зажжены, горѣли зеленымъ пламенемъ со смраднымъ запахомъ[a]). Рукавицы и сумки, найденныя въ этомъ рудникѣ на девяти-саженной глубинѣ, по мнѣнію Палласа, были сшиты изъ лосинной кожи. Сумки были значительно попорчены, а рукавицы сохранились на столько хорошо, что на нихъ уцѣлѣла даже шерсть. Онѣ были сдѣланы изъ кожи съ головы лоси, съ неочищенной шерстью, такимъ образомъ, что ухомъ надѣвались на большой палецъ, и потому одинаково были удобны для обѣихъ рукъ, правой и лѣвой. Въ этомъ же рудникѣ была найдена полуобгорѣвшая сосновая лучина, служившая для освѣщенія[b]).

Въ рудникѣ Санчей, по свидѣтельству Палласа, въ узкихъ ходахъ была найдена лепешка сплавленной мѣди, нѣсколько горшковъ изъ бѣлой глины, въ которыхъ плавили мѣдь, и кости рудокопа[c]). Такая же древняя копь, по словамъ Лепехина, была открыта близъ Каноникольскаго завода, въ Бурзянской башкирской волости. „Всѣ рудопромышленники,"—говоритъ онъ,—„единогласно увѣряютъ, что жившая нѣкогда тутъ Чудь самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала но, лазя подъ землею на подобіе кротовъ, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками. Наша чудская копь казалась намъ быть доказательницею и того, что древнія сея страны обитатели промышляли и высокіе металлы"[d]). Подобныя же шахты, на десяти-саженной глубинѣ, были найдены Палласомъ и на Алтаѣ, въ Змѣевскомъ рудникѣ[e]). Въ гробницахъ подъ сибирскими курганами по Иртышу и Енисею, равно какъ и по Самарской степи, около Бузулука, по свидѣтельству Палласа, находили наконечники стрѣлъ, ножи, кинжалы и другіе предметы, вылитые или выкованные изъ мѣди, иногда золотыя и серебряныя вещи, но ни разу не было найдено желѣзныхъ, изъ чего заключаютъ, что такъ-называемой Чуди не было извѣстно употребленіе желѣза[f]).

---

a) Пут. Зап., т. II, стр. 275.
b) Палласъ, т. II, кн. I, стр. 199. Ср. „Вѣстн. Европ." 1874 г., т. VI, стр. 734.
c) Палласъ, т. I, стр. 370.
d) Пут. Зап., т. 2, стр. 97.
e) Палласъ. Путеш. по Россіи, т. II, кн. 2, стр. 355.
f) Вѣстн. Европы, 1874 г., т. VI, стр. 734 и 735.

Названія рѣкъ, озеръ, горъ, различныхъ урочищъ такъ же, какъ и курганныя находки, могутъ служить цѣнными данными, при рѣшеніи вопроса о первоначальныхъ обитателяхъ извѣстной страны, такъ-какъ, несмотря на смѣну одного народа другимъ, эти названія остаются прежними, хотя произношеніе ихъ иногда и мѣняется, соотвѣтственно духу и фонетическимъ особенностямъ языка новихъ поселенцевъ. Этотъ признакъ, какъ справедливо замѣтилъ В. М. Флоринскій,—могъ-бы объяснить многое, относительно исторіи первоначальныхъ жителей не только Башкиріи, но и вообще всѣхъ провинцій нашего отечества[a]. Будемъ надѣяться, что филологія современемъ прольетъ свой свѣтъ на рѣшеніе столь сложныхъ лингвистическихъ вопросовъ, требующихъ основательнаго знанія не только тюрко-монгольскаго языка, но и языка различныхъ финскихъ племенъ. Въ названіяхъ рѣкъ Оренбургскаго края и въ частности—Башкиріи встрѣчается много словъ не тюркскаго происхожденія, какъ напримѣръ: Сакмара, Уфа, Икъ, Сокъ, Уй, Иремель, Увелька, Міясъ, Дёма, Ай, Изеръ, Юрезань, Орь и т. п. Напротивъ, рѣки, озера и урочища киргизскихъ степей и южной части Оренбургской губерніи, большею частію, носятъ названія киргизскія или татарскія, напр. Джимъ (Эмба, кормъ), Илекъ (сито), Яикъ (отъ яикмакъ—расширяться), Сагисъ (сѣра), Сары-су (желтая вода) и др. Что касается собственно Башкиріи, то здѣсь больше татарскихъ словъ встрѣчается въ названіи поселеній, нежели озеръ и рѣкъ; это совершенно понятно, потому что первыя, большею частью, давались новыми поселенцами; напр. Бугульма (отъ бугульмакъ—изгибаться), Бузулукъ (телячій), Бугурусланъ (урусланъ—левъ), Стерлитамакъ (томакъ—горло, устье), Мензелинскъ (мензеля—становище, мѣсто поселенія,—арабское слово), Элабуга (алабуга—окунь) и т. п. Еслибы аборигенами Оренбургскаго края были башкиры, тогда бы не только названія городовъ и селеній, но и названія рѣкъ и озеръ были башкирскія. Вообще ископаемые памятники такъ-называемыхъ чудскихъ могилъ и названія многихъ рѣкъ, озеръ и урочищъ въ предѣлахъ Оренбургскаго края заставляютъ думать, что башкиры не были аборигенами занимаемой ими территоріи, а вѣрнѣе—народомъ пришлымъ, поселившимся здѣсь послѣ другихъ народностей, стоявшихъ выше ихъ въ культурномъ отношеніи, на что̀ указываютъ курганныя находки, и говорившихъ другимъ языкомъ, какъ это можно предполагать изъ названія многихъ рѣкъ, озеръ и урочищъ, чуждыхъ языку башкиръ и сохранившихся до сихъ поръ подобно тому, какъ сохранились, напримѣръ, не русскія названія многихъ великорусскихъ

---

[a]) Тамъ же, стр. 736.

рѣкъ: Сура, Цна, Мета, Упа, Ока и проч. Въ дополненіе къ тому, что выше было сказано о чудскихъ могилахъ, мы считаемъ совершенно умѣстнымъ замѣтить, что Чудью назывались Эстонцы, или Эстляндцы, Вожане, или Водь[a], Ижорцы, Корелы, а также и аборигены Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерній[b]; послѣднія двѣ губерніи входили нѣкоторыми своими частями и въ составъ Оренбургскаго края. Миллеръ въ своей рѣчи: „О происхожденіи Россійскаго народа" говоритъ: „*Чудь знаменуетъ на русскомъ языкѣ вообще первобытныхъ жителей:*[c] ибо ежели вы на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрѣпленіе, могилу, древнее зданіе, спросите у жителей: кто соорудилъ ихъ? То они вамъ отвѣтствуютъ: *Чудь, народъ, который обиталъ здѣсь прежде Русскихъ*". Іорнандъ называетъ Чудь „Thuidos", а Баеръ думаетъ, что Скиѳы и Чудь—одинъ народъ[d].

Но если башкиры и не были аборигенами занимаемой ими страны; то, во всякомъ случаѣ, они должны считаться древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края: свѣдѣнія о нихъ относятся къ очень отдаленному отъ насъ времени. Арабскіе и персидскіе писатели IX—XIII в.[e] упоминаютъ о башкирахъ, какъ о самостоятельномъ народѣ, занимавшемъ почти ту же территорію, что и теперь, именно по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, между рѣками Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Аджика (Яика, или Урала). О восточныхъ или уральскихъ башкирахъ говорится въ сочиненіяхъ Ибнъ-Фадлана (922 г.), Эдриси (около половины XII в.), Якута (въ началѣ XIII в.), Ибнъ-Саида (около полов. XIII в.), Казвини (около того же времени) и Демешки (въ началѣ XIV в.). Персидскій писатель Ибнъ-Даста (въ нач. X в.) говоритъ, что „между землею Печенѣговъ и землею болгарскихъ Эсегель лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ. Мадьяры эти—тюркское племя. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая корковыя травы и удобныя пастбища"[f]. Слово „мадьяръ" у древнихъ восточныхъ писателей имѣло то же значеніе, что и—„башкиръ", такъ-какъ мадьяры и башкиры принимались за одинъ народъ. Путешественники XIII в., посѣщавшіе страну башкиръ, находили башкирскій языкъ тожде-

---

[a]) Новгор. Лѣт., 134.

[b]) Двинск. Лѣтоп. въ „Труд. Вольн. Росс. Собр."; „Журналъ путеш." Рычкова и его же: „Каз. Истор.", стр. 190.

[c]) „Не лучше-ли сказать,"—замѣчаетъ Карамзинъ,—„иноплеменниковъ, или чуждыхъ"?

[d]) Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс.. т. I; прим. 73.

[e]) См. о нихъ въ кн. С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и др. булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи". Казань, 1877 г., стр. 3—19.

[f]) Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ и проч. 1869 г., стр. 25.

ственнымъ съ мадьярскимъ, почему самую страну, обитаемую башкирами, называли Великою Венгріею (Major Hangaria)[a]. Іуліанъ, Плано-Карпини и Рубруквисъ считали башкиръ за народъ одного происхожденія съ Венграми, которыхъ Абуль-Гази называетъ единоплеменниками Финновъ, а Константинъ Багрянородный производитъ Венгровъ отъ Турокъ и въ языкѣ первыхъ находитъ много турецкихъ словъ[b]; сами же Венгры называютъ себя Мадьярами,—подъ этимъ именемъ они извѣстны и въ восточныхъ лѣтописяхъ. Карамзинъ предполагаетъ, что древнѣйшее имя Венгровъ было „Угры," Мадьярами же могло называться какое-либо ихъ отдѣльное сильное племя[c]. Мадьяры, какъ часть башкирскаго народа, выселились изъ приуральскихъ степей около 884 года, вслѣдствіе притѣсненія ихъ восточными Печенѣгами; поэтому у древнихъ мусульманскихъ писателей имя „унгаръ" весьма часто замѣняется словомъ „маджгаръ", или „башкиръ". Масуди, писатель начала X вѣка, говоря объ европейскихъ бадшгардахъ (башкирахъ, или мадьярахъ), упоминаетъ и о племени этого народа, обитающемъ въ Азіи, т. е. оставшемся на родинѣ. Какъ онъ, такъ и большинство другихъ писателей, говоря о башкирахъ, обыкновенно прибавляютъ, что это тюркское племя. Абу-Зейдъ Эль-Балхи (около 951 г.) упоминаетъ о европейскихъ мадьярахъ, называя ихъ „башджардъ," и говоритъ, что они подвластны болгарамъ и раздѣляются на два племени; одно изъ этихъ племенъ, оставшееся на востокѣ, граничитъ съ Печенѣгами, что и это племя и Печенѣги-тюрки[d]. Въ венгерскую войну 1849 года, уральскіе казаки, увидѣвъ въ первый разъ мадьяръ, тотчасъ же прозвали ихъ башкирами и не переставали называть ихъ этимъ именемъ въ продолженіе всей компаніи[e]. П. И. Рычковъ, опираясь на авторитетъ башкирскаго старшины Алдаря, сообщаетъ о башкирахъ слѣдующее: „башкирскій народъ одинъ съ ногайцами и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ отъ сибирскихъ хановъ великія раззоренія претерпѣвать былъ принужденъ". Страленбергъ и Гумбольдтъ считаютъ башкиръ за народъ финскаго происхожденія, принявшій впослѣдствіи монгольскій типъ. Киргизы называютъ ихъ истякъ (остякъ)[f], почему нѣкоторые также выводятъ заключеніе о финскомъ происхожденіи башкиръ; нѣкоторые производятъ башкиръ отъ древнихъ болгаръ Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленныхъ цен-

---

a) Вѣст. Евр., 1874 г., т. VI, стр. 724.
b) Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 302.
c) Тамъ же.
d) Вѣстн. Европы, 1874 г., т. VI, стр. 724.
e) Драгомановъ, рукописныя замѣтки. Реклю. Россія, т. I, стр. 389—390.
f) Э. Реклю. Россія, т. I, стр. 389.

тральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ[a], говорится, что „башкиры отличаются отъ татаръ и больше сходны съ финнами,“ что они занимаютъ средину между финскимъ и татарскимъ племенами. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отрасль угорской группы народовъ, или часть большой алтайской семьи. Наконецъ, въ простонародіи, особенно въ Пермской губерніи, называютъ башкиръ татарами и вообще нисколько не отличаютъ ихъ отъ татаръ.

Принимая въ соображеніе этнографическіе признаки современныхъ намъ башкиръ и ихъ языкъ, мы болѣе склонны раздѣлять мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ башкиръ народомъ тюркскаго племени[b]. Башкиры, вѣроятно, составляли отрасль той большой татарской семьи, которая издавна кочевала, въ формѣ отдѣльныхъ родовъ, на равнинахъ восточной и средней Азіи, и потомъ была сплочена и вызвана къ могучей, хотя и непродолжительной, политической жизни энергіей такихъ вождей, какъ Аттила, Чингизъ-ханъ, Тимуръ и его потомки[c]. На тюркское происхожденіе башкиръ указываетъ ихъ языкъ, характеръ и анатомическій складъ, непозволяющіе и думать о какомъ-бы то ни было родствѣ ихъ съ финнами. В. М. Флоринскій говоритъ, что башкиры не представляютъ даже отдѣльнаго народа, какъ разновидность тюрко-татарскаго племени, а что это—тѣ же татары, получившіе особое названіе или по образу жизни, или по географическому положенію, или по родовому раздѣленію[d]. Дѣйствительно, башкиры мало отличаются отъ татаръ: тотъ же анатомическій типъ, та же наружность, религія, тѣ же черты характера и почти тотъ же языкъ, что и у татаръ. Различіе между башкирами и татарами замѣчается лишь въ образѣ жизни, въ болѣе низкомъ уровнѣ умственнаго и гражданскаго развитія башкиръ и въ ихъ плохомъ экономическомъ бытѣ. Но эти отличія являются прямымъ слѣдствіемъ историческаго существованія башкиръ. Татары начали осѣдлую гражданскую жизнь прежде башкиръ, и двумя столѣтіями раньше ихъ были подчинены вліянію русскаго цивилизующаго элемента, тогда какъ башкиры въ это время оставались больше подъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизъ и сохранили въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочеваго быта; но это не измѣнило племенныхъ ихъ свойствъ и признаковъ. Извѣстно, что во времена Іоанна Грознаго остатки Золотой орды,

---

[a]) 1871 г., стр. LXXXVI.
[b]) Этого мнѣнія держатся Мэкензи Уоллэсъ (Россія, Спб. 1881 г., т. II, стр. 53 и 60) и Элизе Реклю (Европ. Россія, Спб., 1883 г., т. I, стр. 389).
[c]) Вѣстн. Европы, 1874 г., VI, стр. 727.
[d]) Тамъ же: „Башкирія и Башкиры“, стр. 731.

подъ именемъ трехъ царствъ: Крымскаго, Астраханскаго и Казанскаго, занимали все пространство отъ береговъ Чернаго моря до р. Камы и Уральскаго хребта. Въ составъ Казанскаго царства входила и нынѣшняя Башкирія, населенная отчасти инородцами финскаго происхожденія (черемиси, мордва, чуваши), главнымъ же образомъ соплеменными киргизамъ—татарами и башкирами. Послѣдніе, занимая азіатскія окраины, охраняли ихъ отъ монгольскихъ ордъ: калмыковъ, зюнгоровъ и киргизъ; особенно башкирамъ приходилось много терпѣть отъ сибирскихъ хановъ. Рычковъ, какъ мы уже замѣтили, считаетъ башкиръ ногайцами, которые раздѣлились на двѣ части: одна изъ нихъ, недовольная и тѣснимая сибирскими ханами, удалилась за Волгу и Яикъ (Уралъ), а другая осталась на прежнихъ мѣстахъ, подвергшись презрѣнію со стороны первыхъ, которые будто-бы въ насмѣшку и назвали своихъ единоплеменниковъ словомъ „башкуртъ", что значитъ—волчья голова. Извѣстный оріенталистъ Ив. Николаевичъ Холмогоровъ высказалъ намъ[a], относительно слова „башкуртъ", слѣдующее предположеніе: „Ханы Золотой орды обыкновенно давали подчиненнымъ имъ племенамъ какой-либо значекъ или тамгу, для отличія одной части орды отъ другой; этотъ значекъ, или тамга должна была находиться на знамени получившаго ее племени и служить тавромъ на лошадяхъ его; поэтому можно предположить, что волчья голова (башкуртъ) была тамгой башкиръ, какъ отдѣльной части Золотой орды, вслѣдствіе чего и самый народъ могъ называться башкирами". — Другіе названіе „башкиръ" производятъ отъ татарскаго слова башъ—голова и тюрко-татарскаго—куртъ, означающаго личинку многихъ насѣкомыхъ и, между прочимъ, пчелы, или же отъ башка-юртъ—отдѣльное племя. Первое объясненіе считается наиболѣе правдоподобнымъ, такъ-какъ башкиры лѣсистыхъ и горныхъ мѣстностей въ старину занимались бортевымъ пчеловодствомъ[b].

Первоначальный образъ жизни башкиръ, безъ сомнѣнія, былъ звѣроловный, смѣнившійся потомъ кочевымъ, когда башкиры стали разводить домашній скотъ и заниматься рыболовствомъ, пчеловодствомъ и др. пропромыслами. При обширности занимаемыхъ башкирами степей и при постоянныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними полудикими монголо-татарскими племенами, башкиры, естественно, гораздо долѣе сохранили кочевый или, по крайней мѣрѣ, полукочевый бытъ, нежели татары благоустроеннаго Казанскаго центра. Кочевья башкиръ постоянно терпѣли погромы: на нихъ нападали татары, особенно ногайцы, киргизы и другіе азіатскіе народы.

---

[a]) При личномъ свиданіи, въ августѣ 1888 года.

[b]) Al. Castren's Etnologische Vorlesungen. Die altaischen Völker. Ср. Адресъ-календарь Оренб. губ. на 1849 г., Уфа, въ приложеніи стр. 1. Пам. кн. Оренб. губ. на 1865 г., ч. I, стр. 24. Вѣстн. Европы 1874 г., т. VI, стр. 730.

Еще задолго до Чингизъ—хана, одинъ изъ азіатскихъ владѣльцевъ, ханъ Охусъ[a]) посылалъ свои войска для покоренія башкиръ; во время же Золотой орды и царства Казанскаго башкиры являются покоренными ногайскими князьками. Съ паденіемъ Казанскаго царства, ногаи, страшась русской власти, уходятъ за Волгу и Уралъ, также на Кубань, а башкиры остаются неприкосновенными, благодаря своей отдаленности, неопредѣленности границъ и кочевому характеру ихъ быта. Башкирія не могла быть покорена однимъ ударомъ, а постепенно, шагъ за шагомъ, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Башкиры сами и добровольно принимаютъ русское подданство, обязавшись ежегодно вносить въ казну небольшой ясакъ, состоявшій изъ батмана меда въ 90 коп. и лисицы въ 80 коп. или куницы въ 40 коп. съ каждаго двора[b]). Беззащитность башкирскихъ земель отъ сибирскихъ хановъ и киргизскихъ ордъ, а также отдаленность Казани, какъ главнаго административнаго центра, были причиною того, что башкиры сами обратились къ Русскому Правительству съ просьбой о построеніи внутри ихъ страны русскаго города. Вслѣдствіе этого еще въ 1554 г. былъ построенъ въ ихъ странѣ Бирскъ; въ 1557 г.—Оса[c]); въ 1584 г.—Мензелинскъ, а въ 1586 г.—Уфа, основаніе которой было положено еще въ 1574 г. бояриномъ Ив. Нагимъ[d]). Попытки сибирскихъ царевичей Аблая и Тевкея помѣшать построенію Уфы не удалась: въ 15 верстахъ отъ города они были разбиты и взяты въ плѣнъ, а затѣмъ отправлены въ Москву[e]). Такимъ образомъ, съ конца XVI вѣка Московское Государство стремится постепенно колонизировать Башкирію и укрѣпить ее, въ видахъ защиты отъ набѣговъ сосѣднихъ ордъ. Въ XVII вѣкѣ возникаютъ пригороды: Заинскъ, Новошешминскъ, Билярскъ, Ерыклинскъ и заселяются смоленскими и другими шляхтичами, которые назывались городовыми служилыми людьми и изъ которыхъ потомъ сформировались драгунскіе полки,—все это были „породные люди, имѣвшіе нѣкогда",—какъ доносилъ полковникъ Мельгуновъ,—„на сторонѣ Его Королевскаго Величества Польскаго маетности и земли"[f]). Но окончательное водвореніе въ Башкиріи русскаго элемента произошло не раньше начала XVIII столѣтія.

Въ 1732 году положено основаніе Закамской линіи[g]); съ этого же времени стали мало-по-малу, переселяться въ Башкирію и государственные

---

a) Страленбергъ относитъ время этого хана за 300 л. до Р. Х. Смотр. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 75 и 144.

b) Ежемѣсячн. Соч. 1759 г., № 1, стр. 17.

c) Н. Попова: „Татищевъ и его время", стр. 161 и 162.

d) Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., ч. I, стр. 25; Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 194; „Оренб. исторія" его же, стр. 113.

e) Топогр. Ор. губ. ч. I, стр. 86.

f) Адресъ-календ. Ор. губ. 1849 г., стр. 10 и 11.

g) См. примѣчаніе 19-е.

крестьяне, которые въ актахъ, по большей части, называются „вольными гулящими людьми"; имъ давались земли подъ названіемъ „дикихъ полей". Но первоначальное заселеніе края русскими шло туго, чему, вѣроятно, препятствовало и то, что башкиры стали жаловаться на самовольный захватъ ихъ земель русскими поселенцами, вопреки грамматѣ царя Іоанна Грознаго 1576 г., почему Соборнымъ Уложеніемъ было запрещено переселяться сюда изъ внутренней Россіи, а равно пріобрѣтать всѣми путями башкирскія земли, что, какъ положительный законъ, и было введено въ Соборное Уложеніе[a]). Не смотря на это, переселенія изъ внутреннихъ губерній въ Башкирію и послѣ того не прекращались. Въ 1698 году, послѣ возмущенія московскихъ стрѣльцовъ, посланы въ Уфу на службу стрѣльцы, неучавствовавшіе въ бунтѣ, а въ слѣдующемъ году сюда же были переселены и ихъ семейства. Въ 1700 г., по указу Петра Великаго, Уфа, Мензелинскъ, Бирскъ, Заинскъ и Табынскъ составили особую провинцію, подчиненную вѣдѣнію и управленію казанскихъ воеводъ. Въ 1719 г., по первой ревизіи, во всей Уфимской провинціи, занимавшей почти всю нынѣшнюю Оренбургскую губернію, числилось 1198 крестьянскихъ дворовъ, за исключеніемъ земли Яицкаго войска и уѣздовъ: Мензелинскаго, Челябинскаго и Заинскаго. Съ 1736 г., когда снова была разрѣшена покупка башкирскихъ земель[b]), переселеніе русскихъ въ Башкирію увеличивается. Многіе государственные крестьяне добровольно переселяются изъ другихъ губерній на покупныя и кортомленныя земли башкиръ; пространства въ нынѣшнемъ Бузулукскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ, нѣсколько вѣковъ лежавшія нетронутыми, заселяются выходцами изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній[c]). Сюда же стремились и нѣкорые помѣщики, увлекавшіе за собой и своихъ крестьянъ, а также ссылались штрафованные и наказанные плетьми преступники; вмѣстѣ съ тѣмъ, привольные башкирскіе лѣса и угодья сдѣлались пріютомъ и для бѣглыхъ. Великій расколъ, обнаружившійся въ Русской Церкви, и прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ были главными причинами, обусловливавшими собою количество бѣглыхъ; не мало также содѣйствовали этому и рекрутскіе наборы, самоуправство воеводъ, чиновниковъ и слабость центральной власти, по смерти Петра Великаго. Впрочемъ, самые эти побѣги послужили въ пользу русской колонизаціи. Бѣглецами заселялись окраины Россіи; чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко въ глубь инородческаго населенія на востокъ и сѣверо-востокъ, и должна была могущественно содѣйствовать распространенію

---

[a]) См. ст. 43. Слич. Памятн. кн. Уфимской губ. 1878 г., ч. II, стр. 4.
[b]) Тамъ же, стр. 141.
[c]) Бестужева-Рюмина: „О колонизаціи великорусскаго племени" въ Ж. М. Н. Просв. 1867 г., іюнь.

между ними различныхъ промысловъ и хлѣбопашества. Конечно, эти бѣглые, по большей части, составляли шайки разбойниковъ [a], но вмѣстѣ съ тѣмъ часть ихъ выдѣлялась и въ мирныхъ поселенцевъ, а ихъ потомки составили населеніе уже совершенно мирное [b]. Извѣстно также, что эти бѣглецы—колонисты представляли самую предпріимчивую, самую энергичную часть сельскаго населенія. Малодушный и робкій духомъ покорно склонялся, по словамъ Ешевскаго, подъ условія крѣпостнаго права, смѣлый уходилъ въ астраханскія степи, на заводы пермскіе и въ Оренбургъ [c]. Бѣгали крестьяне, солдаты, церковники; бѣгали школьники, невыносившіе суровой дисциплины; бѣгали раскольники, нежелавшіе платить двойнаго подушнаго оклада и боявшіеся преслѣдованія за свои убѣжденія,—словомъ, бѣгали всѣ, которымъ становилось жутко и тѣсно на родинѣ [d]. Сюда старались переселять своихъ крестьянъ митрополиты и архіереи тобольскіе, въ силу агрономическихъ соображеній: для нихъ было выгоднѣе имѣть свои вотчины здѣсь, чѣмъ въ холодной Сибири; такъ, вѣроятно, и образовалась въ Челябинскомъ уѣздѣ Воскресенская, или Митрополичья слобода [e]. Кромѣ русскихъ, стремились и шли въ Башкирію также инородцы губерній, расположенныхъ по Волгѣ и ея притокамъ. Паденіе Казанскаго царства послужило поводомъ къ переселенію въ Башкирію татаръ, черемисъ и другихъ инородцевъ, не желавшихъ оставаться въ завоеванныхъ Іоанномъ Грознымъ земляхъ. Въ то же время изъ Сибири двинулись мещеряки и начали заселять земли въ нынѣшнемъ Бирскомъ уѣздѣ, а изъ губерній Вятской, Симбирской и Нижегородской устремились тептяри, чуваши, мордва и вотяки. Здѣсь же находили себѣ пріютъ и выходцы изъ киргизскаго плѣна, Туркестана, Бухары, Хивы и друг. мѣстъ, чему служатъ подтвержденіемъ и нѣкоторыя башкирскія преданія. Эти выходцы-плѣнники представляли самую разнообразную смѣсь національностей, то были: персіяне, аравитяне, турки, каракалпаки, армяне, бухарцы, хивинцы, кубанцы, узбеки и бадашканцы [f]; нѣкоторые изъ нихъ приняли крещеніе и составили нѣсколько родовъ или волостей,—къ нимъ причисляются и двѣнадцать Минскихъ волостей. Выходцы изъ Бухары и Хивы, называвшіеся въ 1730 г. служилыми тезиками, впослѣдствіи смѣшались съ башкирами [g]. Такъ мало-по-малу составлялось населеніе Башкиріи изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и племенъ.

---

[a]) См. ст. Есипова: „Ванька Каинъ“ (Осьмнадц. Вѣкъ, т. III, стр. 296, 298, 299 и 395).
[b]) Ж. М. Н. Пр. 1867 г., іюнь, ст. Бестужева-Рюмина „О колониз. великорусск. плем.“
[c]) См. его сочиненія, т. III, стр. 660.
[d]) П. С. З. №№ 5954, 6024. 6555, 6854, 6612, 8093, 9915, 10482, 11214 и др.
[e]) Рычковъ. Топ. Ор. губ. ч. II, стр. 177. Пам. кн. Уф. губ. 1870 г., 17, пр.
[f]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 118; Слич. ч. I, стр. 191.
[g]) Жуковскій. Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края съ 1246—1832 г., стр. 9.

Характеръ колонизаціи Оренбургскаго края, по преимуществу, былъ земледѣльческій: помѣщики и ихъ крестьяне приносятъ сюда хлѣбъ и соху; государственные крестьяне спѣшатъ воспользоваться плодородной почвой, въ которой уже были сдѣланы удачные опыты раньше ихъ; ссыльнымъ сюда опредѣляется извѣстное количество земли для обработки; самые чиновники стараются упрочить свое благосостояніе покупкою башкирскихъ земель и сельскимъ хозяйствомъ; даже башкиры, чуждавшіеся сначала земледѣльческой промышленности, подъ вліяніемъ русскихъ колонистовъ, взялись подъ конецъ такъ же за соху и, благодаря этому, сохранили средства къ своему существованію среди земледѣльческаго населенія края.

Долго русскіе поселенцы не могли ужиться съ башкирами, впрочемъ, главною причиною недовольства башкиръ были злоупотребленія администраціи и чиновниковъ края. Насилія воеводъ и ихъ клевретовъ раздували эту вражду до опасныхъ возстаній, не смотря на постоянныя предписанія Правительства смотрѣть за тѣмъ, чтобы отношенія къ башкирамъ были нисколько нестѣснительны для нихъ; но въ то же время, Правительство, не довольствуясь сборомъ ясака, хотѣло еще, чтобы башкиры платили такъ-называемыя „подымныя“ деньги, или пошлины, и „выводныя“ со свадебъ. Башкиры, кочевавшіе по рѣкѣ Уралу и степямъ, не хотѣли платить податей и среди ихъ являются предводители недовольныхъ, дѣйствовавшіе при участіи и содѣйствіи киргизовъ и калмыкъ. Вслѣдствіе этого недовольства башкиръ существовавшими порядками, возникаютъ башкирскіе бунты, начиная съ конца XVI стол., и продолжаются около двухъ вѣковъ, съ небольшими промежутками. Въ первый разъ волненіе среди башкиръ обнаружилось въ 1584 году. Въ 1645 году захватъ башкирскихъ земель русскими колонистами послужилъ причиною бунта въ Уфимской провинціи: башкиры подступили къ Мензелинску, но были отражены; многіе изъ нихъ были пойманы и преданы казни[a]). Въ 1662 году взволновались снова уфимскіе башкиры, для усмиренія которыхъ было послано изъ Москвы войско, подъ начальствомъ стольника и воеводы Языкова[b]). Въ 1664 г. башкиры возстали подъ предводительствомъ старшины Сеита, по имени котораго и самый бунтъ получилъ названіе „Сеитовскаго“; этотъ бунтъ продолжался около пяти лѣтъ. Много было разграблено и сожжено русскихъ селеній въ Уфимскомъ и Казанскомъ уѣздахъ и перебито русскихъ людей. Воззванія воеводъ и разныя обѣщанія Правительства мало способствовали усмиренію бунта, и только отпаденіе отъ башкиръ Калмыц-

---

[a]) Истор. Оренб. губерніи. Состав. А. Алекторовъ. Изд. 2, Оренбургъ, 1883 г., стр. 12.

[b]) Тамъ же. Сл. Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., II, стр. 4.

каго хана Аюки, принявшаго русское подданство, ослабило силы бунтовщиковъ и успокоило страну, но не надолго. Въ 1677 г. Башкиры идутъ противъ Уфы, но, не дойдя 19 верстъ до города, возвращаются, благодаря, какъ говоритъ преданіе, помощи чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, найденной при колодцѣ въ селѣ Богородскомъ. Не смотря на это, волненіе башкиръ не утихаетъ до 1680 года, когда бунтовщики были усмирены Малороссійскими и Яицкими казаками, подъ начальствомъ присланнаго изъ Москвы воеводы, Θеодора Васильевича Зеленина. Въ 1683 г. возникаетъ новый бунтъ башкиръ около Мензелинска, потребовавшій для его потушенія пятисотенную команду Яицкихъ казаковъ. Но съ 1704 г. башкиры снова начинаютъ волноваться, а въ 1707 году злоупотребленія и насилія уфимскаго коммиссара Сергѣева вызвали сильное возмущеніе башкиръ, ничѣмъ неуступавшее Сеитовскому и извѣстное подъ именемъ „Алдаро-Кусюмовскаго". Башкиры склонили въ этотъ разъ на свою сторону каракалпаковъ, киргизовъ, часть татаръ, мещеряковъ и другихъ ясачныхъ инородцевъ. Для усмиренія бунта и поимки главнаго возмутителя башкиръ, Кусюма, изъ Уфы былъ отправленъ военный отрядъ въ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ Петра Хохлова, а изъ Казани на помощь къ нему шелъ Сидоръ Аристовъ съ коннымъ отрядомъ въ 770 челов. и полковникъ Рыдарь съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ бунтовщиками при урочищѣ Юрактау, въ 90 верстахъ отъ Уфы. Башкиры, бывшіе въ отрядѣ Хохлова, измѣнили ему и соединились съ бунтовщиками; осадивъ русскій отрядъ въ степи, они не давали ему въ теченіе десяти дней ни пить, ни ѣсть, ни спать, и когда русскіе отъ истощенія совершенно обезсилили, башкиры отняли у нихъ провіантъ, побили и взяли въ плѣнъ 400 челов., Хохловъ съ остальными 500 чел. пробился сквозь непріятеля и ушелъ въ Табынскъ, куда прибыли къ нему на помощь Аристовъ и Рыдарь[a]. Въ 1717 г. киргизы, соединившіеся съ башкирами, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, взяли Новошешминскъ[b], и только храбрость и распорядительность полковника Сузва заставила ихъ отступить въ свои кочевья[c]. Волненіе охватило громадное пространство; бунтовщики не дошли только 30 верстъ до Казани. Всѣ селенія по рѣкамъ Камѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали и уводили въ плѣнъ, нерѣдко съ женами и дѣтьми, и продавали въ Хиву, Бухару или въ Крымъ; стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей сажали на колья, а иныхъ давили въ заборахъ,

---

a) Алекторовъ. Исторія Оренб. губерніи, стр. 14.
b) Теперь заштатный городъ Казанской губерніи.
c) Ежемѣсячн. сочиненія 1759 г., № 1, стр. 9.

такъ что „разберутъ звѣно забора, оставя одно или два бревна исподнія, и покладутъ тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ же заборомъ паки сверху ихъ заборутъ, и такъ всѣхъ подавятъ“ [a]).

Бунтъ разгорался все болѣе. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ Царю, что многіе татары Казанскаго уѣзда присоединились къ мятежникамъ и что, кромѣ того, башкиры возмущаютъ чувашъ. Петръ Великій, занятый войною съ Карломъ XII, поручилъ князю Петру Ивановичу Хованскому уладить дѣло мирнымъ образомъ. Хованскій послалъ изъ Казани толмача и нѣсколько татаръ для переговоровъ съ башкирами; но бунтовщики не унимались: русскія и вотяцкія села и деревни, расположенныя между рѣками Камой и Волгою, почти всѣ были разорены; люди побиты или плѣнены. Тогда Хованскій отправилъ на арскую дорогу отрядъ, подъ начальствомъ Бартенева, который прогналъ башкиръ въ Уфимскій уѣздъ; около Билярска бунтовщики потерпѣли пораженіе отъ атамана Невѣжина, который имѣлъ при себѣ около 200 русскихъ и 100 челов. чувашъ. Наконецъ, когда выступилъ изъ Казани самъ Хованскій, бунтовщики оробѣли и стали съ нимъ пересылаться. Хованскій вступилъ въ переговоры. Зачинщики бунта были пойманы и казнены; прочимъ было объявлено прощеніе. Тогда же было приказано повѣсить въ Казани главнаго виновника бунта, уфимскаго комиссара Сергѣева, на страхъ другимъ. Сергѣевъ былъ повѣшенъ, но это не исправило другихъ и волненіе башкиръ не улеглось: чрезъ четыре года вспыхнуло новое возстаніе. Башкиры отправили нарочныхъ пословъ въ калмыцкіе, кубанскіе и крымскіе улусы съ приглашеніемъ возстать противъ русскихъ; но, къ счастію, послы попались въ руки русскихъ, не достигши мѣста и цѣли своего посольства.

Такимъ образомъ, Правительство должно было наконецъ убѣдиться въ томъ, что, для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ края, необходимо было обезопасить свои владѣнія на востокѣ рядомъ укрѣпленій; нужно было содержать постоянную военную силу внутри и на границѣ Оренбургскаго края, защищая въ то же время добровольно покорившихся инородцевъ отъ фанатическаго мщенія ихъ единовѣрцевъ и оберегая отъ отступничества обратившихся въ православіе язычниковъ и магометанъ. — Отсюда вытекаетъ необходимость мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими Оренбургскаго края, въ стратегическомъ отношеніи. Первый обратилъ на это вниманіе Петръ Великій; онъ принималъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы дать новое направленіе этому

---

[a]) Н. Попова: „Татищевъ и его время,“ стр. 167.

краю. П. И. Рычковъ въ своей „Оренбургской Исторіи" [a] замѣчаетъ, что „Петръ, по побѣдоносномъ окончаніи Шведской войны, изволилъ особливое попеченіе имѣть и о томъ, чтобы безопасность на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ, съ помощью Божіею, Оренбургская линія строится, дѣйствительно основать, а чрезъ то героичнымъ своимъ намѣреніямъ *путь во всю полуденную Азію отворить, а своевольный башкирскій народъ на вѣчное время обуздать*.... но нечаянная Его Императорскаго Величества кончина все оное въ дѣйство произвесть не допустила". Итакъ, неожиданная кончина Петра Великаго помѣшала ему исполнить задуманный имъ планъ; но Петръ все-таки положилъ начало, основаніе тому взгляду, которымъ руководились, послѣ него въ своихъ отношеніяхъ къ Оренбургскому краю, его преемники. Въ кратковременное царствованіе Петра II, состоялся указъ (24 октября, 1729 г.), которымъ повелѣвалось „зборщиковъ къ башкирцамъ, для ясашнаго сбору по древнему ихъ, башкирскому, обыкновенію, посылать русскихъ людей *добрыхъ и смирныхъ и пожиточныхъ* на ихъ подводахъ безъ прогоновъ, а будучи имъ зборщикамъ у того збору имъ башкирцамъ никакихъ обидъ и налогъ подъ жестокимъ наказаніемъ не чинить, чего ради при каждой посылкѣ давать имъ инструкціи" [b]. Въ царствованіе Анны Іоанновны было обращено особенное вниманіе на заселеніе Оренбургскаго края и на устройство его извнѣ и внутри. Въ это время ревностными поборниками предначертаній Петра Великаго являются такіе люди, какъ Кирилловъ и Татищевъ, которые воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра, были его сотрудниками, глубоко прониклись его идеями и стремленіями и были закалены въ упорномъ трудѣ.

Кирилловъ и Татищевъ принадлежали къ такимъ людямъ, которые презираютъ сопротивленія; которые, намѣтивъ извѣстную цѣль, не только не смущаются разными препятствіями, а напротивъ—еще энергичнѣе и настойчивѣе продолжаютъ при нихъ начатое ими дѣло [c]. Кирилловъ, развивая планъ Петра Великаго, доказалъ необходимость основанія Оренбурга, какъ центральнаго и промышленнаго пункта, чтобы чрезъ то овладѣть бухарскими землями, богатою золотомъ и дорогими каменьями Водокшанскою областью и проложить дорогу для русскихъ товаровъ въ Бухару, Водкшанъ, въ Балхъ и Индію [d]. Но планъ, предначертанный Петромъ и такъ широко развитый Кирилловымъ, встрѣтилъ большія препятствія, вопервыхъ, со стороны башкирцевъ, которые отчаянно, съ оружіемъ въ рукахъ, боролись противъ

a) Слич. Л. Костенко: „Средняя Азія", стр. 89—96.
b) Указы Екатерины I и Петра II, Спб. 1748 г., стр. 510.
c) Слич. Зап. Порошина, стр. 379.
d) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 323 и 324. Слич. Вѣстн. Европы 1870 г., № 6, стр. 865.

русскихъ; во вторыхъ, со стороны самого Правительства, которое не выработало опредѣленной системы дѣйствій, по отношенію къ новопріобрѣтенному краю и постоянно колебалось въ выборѣ средствъ; и въ третьихъ, со стороны бѣдности нашей колонизаціонной силы края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обширность края, рѣдкость его населенія, близость кочевыхъ и вѣроломныхъ племенъ, самая сбродность и разбросанность русскаго населенія въ краѣ подавали поводъ къ колебаніямъ и смутамъ. Но, благодаря энергіи и способностямъ Кириллова и Татищева, цѣль, намѣченная Петромъ, была отчасти достигнута его преемниками, которые находили поддержку и среди нѣкоторыхъ башкиръ, особенно среди башкирскихъ старшинъ, управлявшихъ ими по духу корана и по обычному праву. Извѣстно, что у башкиръ избирались въ старшины люди богатые, пользовавшіеся уваженіемъ и опытностью, почему они имѣли всегда громадное вліяніе на свой родъ. Одинъ изъ такихъ старшинъ, Таймасъ Шаимовъ, управлявшій Каратабынско-Боратынской волостью, явился въ 1730 г. къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и поднесъ ей въ даръ лисицъ и куницъ, которыхъ въ то время ловилось очень много въ лѣсахъ, расположенныхъ по Уралу. Императрица, желая воспользоваться любезностью башкирскаго старшины, наградила Шаимова землями, находящимися въ настоящее время подъ городомъ Челябинскомъ[a], съ обязательствомъ, чтобы Шаимовъ, управляя Башкирами, держалъ ихъ въ повиновеніи русскому Правительству; собиралъ съ нихъ ясакъ въ пользу казны и охранялъ границы Башкиріи отъ набѣговъ киргизовъ Восточной орды. Благодаря природному уму, энергіи и преданности Русской Императрицѣ, Шаимовъ, по возможности, успѣшно выполнялъ порученія Русскаго Правительства, за что и былъ пожалованъ въ тарханы, а за свое содѣйствіе при устройствѣ старой Оренбургской линіи получилъ саблю. Шаимовъ сдѣлался потомъ необходимымъ сотрудникомъ начальниковъ Оренбургской экспедиціи, при укрѣпленіи ими края и водвореніи въ немъ порядка[b].

Такимъ образомъ, Правительство имѣло теперь и даровитыхъ людей, для выполненія плановъ Петра Великаго, и помощниковъ имъ изъ среды самихъ же башкиръ; но этого еще было недостаточно для полнаго осуществленія плановъ великаго Преобразователя: сосѣди башкиръ, киргизъ-кайсаки не менѣе должны были озабочивать Русское Правительство. Къ счастію русскихъ, среди киргизовъ, еще въ началѣ XVIII в., начались междоусобія. Сосѣди киргизъ, пользуясь этими междоусобіями, начинаютъ тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ: съ юго-запада нападаютъ калмыки, съ сѣвера— башкиры и сибирскіе казаки, а съ востока главный врагъ киргизовъ, вла-

---

a) Памятн. кн. Оренб. губ. 1865 г., I, стр. 83 и 84.
b) См. въ концѣ сей книги примѣчаніе 20-е.

дѣтель Зюнгорскій, Галданъ-Цыренъ. Вслѣдствіе этихъ давленій извнѣ и безпорядковъ внутри, киргизы около 1710 года рѣшились было искать защиты у Русскаго Царя; но извѣстный киргизскій батырь и старшина Буканъ-Бай, на сеймѣ въ Кара-Кумахъ, склонилъ народъ къ нападенію на калмыковъ. Буканъ-Бай былъ избранъ въ предводители возставшихъ киргизовъ, а ханское достоинство было вручено Абулъ-Хаиру. Калмыки дѣйствительно были побѣждены, благодаря ловкости и изворотливости отважнаго батыря; но киргизы должны были снова обороняться отъ башкиръ и каракалпаковъ. Тогда киргизскіе ханы Тявка, Каипъ и Абулъ-Хаиръ обратились къ Петру Великому съ просьбою о принятіи ихъ въ свое подданство; но Петръ, занятый войной съ Швеціей и видя внутреннія междоусобія среди киргизъ, не рѣшился на этотъ разъ принять непосредственное участіе въ дѣлахъ киргизъ-кайсаковъ. Между тѣмъ, Зюнгорскій ханъ, видя неудачу киргизовъ въ ихъ расчетахъ на русскую помощь, въ 1723 г. овладѣлъ Туркестаномъ и думалъ уже подчинить себѣ всѣ киргизскія орды, какъ Средняя и Малая быстро откочевали на сѣверъ и западъ отъ Туркестана, заставивши тѣмъ башкиръ удалиться изъ сѣверной части за Уралъ, а перейдя Эмбу, въ среднемъ ея теченіи, подвинули калмыковъ далѣе на западъ. Но это удаленіе киргизъ отъ ихъ исконнаго и главнаго врага приблизило ихъ къ границамъ Россіи, которая не могла оставаться равнодушной къ набѣгамъ и грабежамъ, вошедшимъ въ плоть и кровь киргизскаго народа. Россія рано или поздно должна была подчинить себѣ этотъ кочующій народъ, чтобы чрезъ то проложить путь торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію. Къ этому стремился и Петръ, который первый понялъ и указалъ на то значеніе, какое имѣетъ Киргизская степь съ ея обитателями для Россіи. Отклонивъ въ началѣ добровольное подданство киргизъ, Петръ не оставилъ, однакожъ, этого безъ вниманія; но ему нужно было прежде окончить войну съ Турціей и Швеціей, заключить выгодный для Россіи миръ и пріобрѣсти западный берегъ Каспійскаго моря. Достигнувъ этого, Преобразователь могъ смѣлѣе и рѣшительнѣе приняться за дѣло и на востокѣ. Къ сожалѣнію, Петру пришлось покончить съ Шведами и Турками незадолго до своей смерти, а между тѣмъ на очереди стоялъ восточный вопросъ. Петръ намѣренъ уже былъ отправить въ киргизскую орду старшаго изъ своихъ переводчиковъ по секретнымъ дѣламъ, сына и внука выѣзжихъ ордынцевъ, Кутлу-Магомета Мамешева, или Алексѣя Ивановича Тевкелева. Въ бумагахъ, сохранившихся послѣ Тевкелева, частію напечатанныхъ во „Временникѣ“ [a]) Имп. Росс. Общ., мы

---

[a]) Временникъ И. Р. Общ., кн. XIII, Смѣсь, стр. 15.

находимъ указаніе на планы и намѣренія Петра по отношенію къ киргизъ-кайсакамъ. Намѣреваясь отправить Тевкелова въ орду, Петръ высказалъ слѣдующее: „буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться, не смотря на великія издержки, хотя бы до меліона держать, но токмо чтобъ только однимъ листомъ подъ протекцыею Россійской имперіи быть обязались". Бывши въ 1722 году въ Астрахани, во время персидскаго похода, Петръ, по словамъ Товкелева, „чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной ордѣ, хотя де оная киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо *де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная де орда ключъ и врата;* и той ради причины оная де орда потребна подъ Россійской протекцыей быть, чтобы только чрезъ ихъ во всѣхъ странахъ комоникацею имѣть и къ Россійской сторонѣ полезные способные мѣры взять" [a]. Такимъ образомъ, по мысли Петра, киргизъ-кайсацкая орда имѣла значеніе *ключа и воротъ,* которыми необходимо было овладѣть, чтобы завести торговыя и другія сношенія Россіи съ Средней Азіей. Между тѣмъ событія, совершавшіяся внутри киргизъ-кайсацкихъ ордъ шли на помощь планамъ Русскаго Правительства. Джунгарскій (Зюнгорскій) ханъ, овладѣвъ Ташкентомъ, продолжалъ тѣснить самихъ киргизъ, между которыми шли постоянныя распри, мѣшавшія имъ соединиться и дѣйствовать единодушно противъ притязаній Галданъ-Цырена. Ханъ Малой орды, Абулъ-Хаиръ рѣшился просить Русское Правительство о помощи. Это былъ человѣкъ умный, но, къ несчастію киргизовъ, всегда дѣйствовавшій безъ строго-обдуманнаго и опредѣленнаго плана. Абулъ-Хаиръ, какъ энтузіастъ, вначалѣ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, но, при первой же неудачѣ задуманнаго имъ предпріятія, брался за другое, третье средство и такъ далѣе. Средства, избираемыя имъ, для достиженія цѣли, иногда бывали и удачны, но результаты всегда непрочны. Соединяя съ лживостью и хитростью корыстолюбіе и уклончивость,— обыкновенныя качества киргизовъ,— Абулъ-Хаиръ никогда не могъ достигнуть прочнаго положенія и вліянія на дѣла среди своихъ соплеменниковъ, у которыхъ гораздо больше имѣли власти ихъ батыри и родоначальники, зорко слѣдившіе за каждымъ властолюбивымъ движеніемъ хана, не давая ему усилиться ни богатствомъ, ни людьми; поэтому желаніе Абулъ-Хаира сдѣлаться подданнымъ Россіи не могло нравиться киргизскимъ старшинамъ. Какъ бы то ни было, только въ то время, какъ Императрица принимала богатыхъ лисицъ и куницъ изъ рукъ башкирскаго старшины Таймаса Шаимова, въ Петербургъ были отправлены отъ Абулъ-Хаира два посла: Кутлумбеть-

[a]) Правописаніе удерживается подлин. бумагъ Тевкелева.

Коштаевъ и Сеиткуль-Куйдантуловъ, съ просьбою о принятіи Малой Киргизской орды въ подданство Россіи. Киргизскіе послы были приняты милостиво и въ орду былъ отправленъ для переговоровъ извѣстный уже намъ Тевкелевъ, которому даны жалованная грамота, сабля, шуба изъ соболей, шапка съ черноlисьимъ околышемъ и цвѣтныя сукна, — все это Тевкелеевъ долженъ былъ вручить Абулъ-Хаиру, который съ своей стороны обязывался привести къ присягѣ всю Малую орду, платить ясакъ и выслать заложниковъ въ Уфу, освободивъ притомъ русскихъ плѣнныхъ. Въ сопровожденіи 2 геодезистовъ, Писарева и Зиновьева, нѣсколькихъ казаковъ, уфимскихъ дворянъ и двухъ башкиръ, Айдара и Таймаса, Тевкелевъ прибылъ къ Абулъ-Хаиру и увидѣлъ, что сами киргизы вовсе не были расположены вступить въ подданство Россіи. Народъ взволновался; начались упреки хану; положеніе Тевкелеева сдѣлалось небезопасно а между тѣмъ онъ имѣлъ въ распоряженіи, вмѣсто обѣщаннаго нѣкогда Петромъ „милліона," только 2400 р. и 500 р.[a] на проѣздъ; съ такими средствами трудно было обратить въ свою пользу корыстолюбіе киргизскихъ вожаковъ. Время шло, средства экспедиціи истощались, а надежды на благопріятный исходъ дѣла еще не было видно. Тевкелевъ, рискуя вовсе остаться безъ средствъ, рѣшился отослать своихъ спутниковъ въ Уфу, а самъ остался при ханѣ, который со всѣми своими улусами перекочевалъ къ Аральскому морю. Прошло уже около двухъ лѣтъ, какъ Тевкелевъ жилъ въ ордѣ; казалось, что дѣло было проиграно; въ Уфѣ уже шли приготовленія къ выкупу Тевкелева. Но присоединеніе къ Абулъ-Хаиру каракалпацкаго хана Хаипъ-Хали дало перевѣсъ партіи Тевкелева. Киргизы не устояли противъ доводовъ Тевкелева, который, испытывая *„смертельныя опасности и голодное терпѣніе,"* сдѣлался еще краснорѣчивѣе и находчивѣе въ обращеніи съ киргизами. Особенно старался подѣйствовать Тевкелевъ на киргизовъ тѣми радужными надеждами, которыя могли осуществиться съ построеніемъ русскаго города вблизи ихъ кочевьевъ, „толкуя имъ многіе разные ординскіе ихъ пользы въ торгу, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ положить на нихъ узду, чтобъ они въ предь всего непоколебимо вѣрности и послушаніи были" [b]. Киргизы, уступая доводамъ Тевкелева, согласились принять русское подданство и просить о построеніи города на Яикѣ (Уралѣ), при устьѣ р. Ори, обѣщавшись отправлять туда выборныхъ изъ каждаго рода по одному человѣку въ качествѣ судей для разбора кир-

---

[a]) Слич. „Татищевъ и его время" Н. Попова, стр. 175. Здѣсь сказано, что Тевкелеву дано было только 2000 руб., но показаніе самого Тевкелева, безспорно, болѣе заслуживаетъ вѣроятія.

[b]) Временникъ, кн. XIII, Смѣсь, стр. 16.

гизскихъ дѣлъ; ханъ Абулъ-Хаиръ далъ въ аманаты своего сына Эрали-Салтана и отправилъ съ Тевкелевымъ старшинъ; ханы Каракалпацкой и Средней Киргизской орды также послали выборныхъ для переговоровъ[a]. Посольство прибыло въ Петербургъ въ началѣ 1734 г. и было помѣщено на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь киргизы въ первый разъ познакомились съ разными „курьезными" вещами въ Академіи Наукъ, побывали также въ Кронштадтѣ и другихъ мѣстахъ. Такой исходъ дѣла не могъ не радовать тѣхъ, кого занимало рѣшеніе вопроса объ управленіи восточнымъ краемъ Европейской Россіи: Тевкелевъ, какъ увидимъ, былъ произведенъ въ полковники, Абулъ-Хаиръ получилъ похвальную грамоту, а къ ханамъ Большей и Средней Киргизской орды и къ Хаипъ-Хали (каракалпацкому хану) были отправлены призывныя грамоты на подданство.

Мысль Тевкелева о построеніи русскаго города, на устьѣ р. Ори, нашла ревностнаго поборника въ лицѣ оберъ-секретаря Ивана Кирилловича Кириллова. Рычковъ, хорошо и лично знавшій Кириллова, такъ характеризуетъ его: „Кирилловъ хотя незнатной природы былъ[b], но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго Сената, изъ самыхъ низкихъ чиновъ происходя, еще при жизни Петра Великаго, въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ, и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастіе достоинство свое, со многимъ Его Императорскаго Величества удовольствіемъ, засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшеюся у него натуральною охотою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ. Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при Сенатѣ геодезистовъ атласъ россійской Имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять. Наукамъ хотя формально не былъ обученъ и оныхъ основательно не зналъ, но былъ *великій рачитель и любитель наукъ*, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при этомъ нисколько своего труда и иждивенія"[c]. — Кирилловъ составилъ и подалъ въ Сенатъ особый проектъ, въ которомъ высказываетъ самыя блестящія надежды на обширную торговлю съ Средне-азіатскими ханствами и Индіей; этотъ проектъ сильно старался поддержать и дать ему дальнѣйшій ходъ тайный совѣтникъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. 1 мая 1734 года послѣдовала высочайшая резолюція на

---

[a]) Н. Поповъ: „Татищевъ и его время", 175.

[b]) Кирилловъ происходилъ изъ мѣщанъ; какъ человѣкъ грамотный онъ поступилъ въ подъячіе въ Сыскной Приказъ, а отсюда былъ переведенъ въ Сенатъ копіистомъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго, сдѣланъ былъ секретаремъ Сената, а 12 окт. 1727 г. назначенъ оберъ-секретаремъ Сената.

[c]) „Ежемѣсяч. Соч. и Перевод." 1759 г., № 1, стр. 28—29. Ср. у Баранова (Описаніе Сен арх.) № 4907 (С. А. 41; 151).

проэктъ Кириллова[a]. Правительство, уступивъ доводамъ Кириллова, избрало его же самого для осуществленія проэктированныхъ имъ плановъ, придавъ ему въ помощники Тевкелева, котораго особенно слушались башкиры. Кириллову дана была подробная инструкція, а будущему городу Оренбургу особыя привиллегіи[b]. 18 мая 1734 г. послѣдовалъ указъ о пожалованіи Кириллова въ статскіе совѣтники, а Тевкелева—въ полковники, кромѣ того, Кирилловъ получилъ 3000 р., а Тевкелевъ—1000 р. не въ счетъ жалованья[c]. 31 мая того же года объявленъ именной указъ о выдачѣ изъ Штатсъ-конторы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 15000 р. на подарки прибывшимъ киргизъ-кайсакамъ и др. чрезвычайные расходы[d]. Тогда же послѣдовала и высочайшая резолюція на представленіе Кириллова объ отпускѣ денегъ на разныя раздачи и подарки ханамъ и о назначеніи ханской теткѣ, проживавшей въ Москвѣ, подъ именемъ Сибирской княжны, по 200 р. въ годъ на содержаніе; списокъ лицъ военной команды, служителей и другихъ чиновъ людей, назначенныхъ Кирилловымъ въ экспедицію, также былъ аппробованъ[e]. Намѣреваясь устроить на Аральскомъ морѣ пристань, Правительство отправило вмѣстѣ съ Кирилловымъ морскаго поручика, мичмана, штурмана, 2 кондуктора, ботсмана, галернаго мастера, галернаго ученика, 6 матросовъ, 2 галерныхъ конопатчика, 4 плотника и 2 десятника; при Кирилловѣ также находилось нѣсколько человѣкъ маіоровъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 10 челов. прапорщиковъ, 2 унтеръ-офицера, 13 чел. капраловъ и рядовыхъ и нѣсколько челов. геодезистовъ: 2 поручика, 4 подпоручика, 2 прапорщика, 2 бомбандира, 4 кононера, переводчикъ, бухгалтеръ, канцеляристъ, подканцеляристъ, копіистъ и писарь[f]. Кириллову вручены были граммати на имя каракалпацкаго хана и киргизскихъ хановъ Средней и Большой орды[g].

Экспедиція Кириллова выступила изъ Петербурга не вразъ: одна часть, во главѣ съ Кирилловымъ, отправилась водой на пяти рѣчныхъ судахъ, а другая, ввѣренная флотскому поручику Бахметеву, прожила въ Петербургѣ еще двѣ недѣли и отправилась до Москвы на ямскихъ подводахъ. Достигнувъ Шлиссельбургской крѣпости, Кирилловъ, по желанію сына Киргизскаго хана, остановился и осматривалъ съ нимъ эту крѣпость;

---

a) Ежемѣсячн. Сочин. и Переводы 1759 года, № 3, стр. 223—224. Слич. статью Свенсе: „Матеріалы для сост. атласа Росс. Импер., изд. Академіею Наукъ въ 1745 г.", въ Прилож. къ IX т. Зап. Ак. Наукъ за 1866 г., № 2.

b) П. С. Зак., т. IX, №№ 6576 и 6584. Ср. у Баранова (Опис. Сен. арх.) № 4917 (Сен. А. 41; 176).

c) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 4915 (С. А. 41; 169). Ср. № 5393 (С. А. 44; 83).

d) Тамъ же, № 4933 (С. А. 41; 214).

e) Тамъ же, № 4934 (С. А. 41; 218).

f) Ежемѣсячн. Соч. и Перевод. 1759 г.. № 1, стр. 33 и 34.

g) См. эти грамматы тамъ же въ № 2, стр. 102, 105, 107 и 110.

киргизы, считавшіе почему-то русскихъ воиновъ за крылатыхъ людей, не мало дивились и крѣпости, и Ладожскому каналу, по которому имъ пришлось плыть.—29 іюня Кирилловъ прибылъ въ Москву; здѣсь въ его распоряженіе даны были: бергъ-пробиръ, антекарь, ботаникъ, исторіографъ, живописецъ, штыкъ-юнкеръ, прапорщикъ, коммисаръ, 17 чел. унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, канцеляристъ, 2 подканцеляриста, 4 копіиста, хирургъ и при немъ ученикъ, ученый священникъ и нѣсколько человѣкъ студентовъ Славяно-Латинской академіи. Изъ Москвы команда Кириллова отправилась на одиннадцати судахъ, самъ же онъ до Коломны поѣхалъ сухимъ путемъ на почтовыхъ. Въ началѣ октября Кирилловъ прибылъ въ Казань, въ концѣ того же мѣсяца отправился дальше, а 10 ноября прибылъ въ Уфу. Въ распоряженіе Кириллова отданъ былъ пѣхотный Пензенскій полкъ и Уфимскій гарнизонъ. Кромѣ того объявленъ былъ походъ половинѣ уфимскихъ дворянъ и казаковъ; сюда же шелъ Вологодскій полкъ; уфимскіе, мензелинскіе и бирскіе малолѣтки также должны были присоединиться къ отряду Кириллова; въ Уфѣ былъ уже заготовленъ и провіантъ, а изъ Сибири шли 500 подводъ, нагруженныхъ разными припасами, подъ прикрытіемъ особой роты солдатъ. Чтобы облегчить подвозъ провіанта изъ сибирскихъ магазиновъ, Кирилловъ, по указанію башкиръ, въ концѣ 1734 года, основалъ на лѣвомъ берегу Урала при устьѣ р. Урледы, Верхнеяицкую крѣпость[a]). Мѣстоположеніе Верхнеяицкой крѣпости (нынѣшняго Верхнеуральска) было прекрасное, и до нынѣ оно не утратило своей прелести. Крѣпость находилась на лѣвомъ крутомъ берегу р. Яика (Урала). Съ одной стороны былъ видѣнъ извозъ съ своимъ глубокимъ ущельемъ, съ другой синѣлась угрюмая сопка съ огромными камнями; подлѣ нея—Мохнатая гора, заросшая березнякомъ. Вдали тянулась цѣпь Уральскихъ горъ и среди нихъ возвышался грозный великанъ Иремялъ-Тау, покрытый вѣчными снѣгами и окутанный облаками. Быстрый Уралъ, извиваясь въ своихъ излучинахъ, близъ самой крѣпости, принимаетъ въ себя прозрачную Урледу, съ которой невдалекѣ соединилась тихая Увельга; немного подальше протекала рѣчка Яиская; множество озеръ, разлитыхъ на правомъ берегу Яика, дополняли эту восхитительную картину. Таково было мѣстоположеніе Верхнеяицкой крѣпости. Въ своемъ письмѣ къ Бирону, отъ 1 марта 1735 г., Кирилловъ говоритъ: „мѣсто это столь удобное, что не токмо къ Орѣ рѣкѣ изъ Сибирскихъ слободъ провіантъ изъ Екатеринбурга всякіе припасы водою на низъ будутъ сплавливаться,

---

[a]) Ф. М. Стариковъ невѣрно относитъ основаніе Верхнеяицкой крѣпости къ 1738 г. См. его очеркъ: „Откуда взялись казаки“, Оренбургъ, 1881 г., стр. 160.

но и до самаго Каспійскаго моря впредь провіантъ пойдетъ"[a]. Тогда же были отправлены въ эту крѣпость двѣ роты солдатъ.

По прибытіи въ Уфу, Кирилловъ окончилъ начатую еще до него перепись тептярей, составилъ списокъ башкирскимъ родамъ по волостямъ и дорогамъ[b], по старому раздѣленію на тархановъ и ясачниковъ; сформировалъ изъ дворянскихъ дѣтей двѣ роты драгунъ и, нарядивъ тархановъ и мещеряковъ на службу, а тептярей на работы, 11 апрѣля 1735 года онъ выступилъ изъ Уфы, въ сопровожденіи Тевкелева. Правительство не скупилось на средства для экспедиціи Кириллова, отъ которой оно надѣялось осуществленія давно занимавшихъ его плановъ; но нелегко было идти по заманчивымъ слѣдамъ Ермака и его послѣдователей. Старшина Телекей-Кубавской волости Нагайской дороги Токчура, находившійся при Тевкелевѣ, написалъ, еще въ бытность свою въ Петербургѣ, возмутительное письмо къ Кильмякъ-Абызу, указавъ на дѣйствительную цѣль экспедиціи Кириллова[c]. Башкиры смекнули, что съ построеніемъ города, при сліяніи рѣкъ Ори и Яика (Урала), они со всѣхъ сторонъ будутъ окружены русскими. Кильмякъ-Абызъ соединился съ старшинами Бепеневъ Сеянгуловымъ, Сеитбаемъ Ератkуловымъ, Рысанбаемъ Гимбетовымъ, Кусанбаемъ-батыремъ, Акинемъ, бѣглецомъ изъ Казанскаго уѣзда, и другими вліятельными башкирами. Но до весны Кирилловъ почти ничего не зналъ о готовности башкиръ къ сопротивленію; онъ, напротивъ, доносилъ: „Башкиры всѣми чинимыми отъ меня распоряженіями и учрежденіями весьма довольны и живутъ весьма спокойно"[d]. Въ мартѣ 1735 г. онъ получилъ извѣстіе о начинавшемся волненіи изъ Екатеринбурга отъ Татищева; но и тутъ не хотѣлъ вѣрить и донесъ, что „то извѣстіе неосновательно" и что въ Башкиріи все обстоитъ благополучно. Кирилловъ не обратилъ должнаго вниманія и на предостереженія казанскаго губернатора Мусина-Пушкина, до котораго дошли слухи о намѣреніи башкиръ къ сопротивленію; но скоро, по выступленіи въ походъ, ему пришлось убѣдиться въ справедливости этихъ предостереженій. Отойдя 10 верстъ отъ Уфы, Кирилловъ расположился лагеремъ на р. Чесноковкѣ и пробылъ здѣсь почти два мѣсяца, въ ожиданіи пяти ротъ Вологодскаго драгунскаго полка. Сюда явились двое посланныхъ отъ башкиръ, которые заявили Кириллову, что башкиры желаютъ, чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе, въ противномъ же случаѣ они будутъ сопротивляться; но Кирилловъ приказалъ схватить посланныхъ

---

[a]) Русск. Бесѣда 1860 г., II, стр. 199—200.

[b]) Башкирія была раздѣлена на четыре дороги: Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую. Смотр. въ концѣ книги примѣчаніе 21-е.

[c]) Ежемѣсячн. Соч. и Перевод. 1759 г., № 2, стр. 116.

[d]) Тамъ же, стр. 119.

и подвергнуть пыткамъ, во время которыхъ одинъ изъ нихъ умеръ. Энергія помѣшала Кириллову быть осторожнымъ: онъ рѣшился продолжать свой путь, не дождавшись даже Вологодскаго полка. Подъ прикрытіемъ 15 ротъ регулярнаго войска, 350 казаковъ[a], 600 мещеряковъ, 100 чел. башкиръ, нѣсколькихъ челов. служилыхъ татаръ и новокрещенныхъ калмыковъ, Кирилловъ пошелъ дальше, имѣя при себѣ 23 мѣдныя пушки отъ 2 до 5 ф., одну чугунную въ 3 ф., малую въ 1 лотъ, двѣ пудовыя гоубицы и двѣ мѣдныя мортиры въ 32 ф. Спустя четыре дня по выступленіи Кириллова въ походъ, на Чесноковку прибылъ Вологодскій полкъ, подъ командой полковника Чирикова. Простоявъ тутъ около девяти дней, Чириковъ повелъ полкъ по слѣдамъ Кириллова и съ недѣлю шелъ благополучно. Но въ 160 верстахъ отъ Уфы, полкъ долженъ былъ вступить въ битву съ напавшими на него башкирами Юрматынской волости Ногайской дороги, и потерпѣлъ пораженіе: Чириковъ, полковой священникъ, лѣкарь, 18 драгунъ и 42 челов. служащихъ были убиты, часть обоза разграблена; но ловкость и распорядительность капитана Гебауэра помѣшали дальнѣйшимъ успѣхамъ башкиръ. Кирилловъ, узнавъ о нападеніи башкиръ, послалъ вспомогательный отрядъ; но посланная команда, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ башкирами, принуждена была возвратиться назадъ. Придавъ еще нѣсколько человѣкъ, Кирилловъ снова отправилъ команду и 10-го іюля на 291 верстѣ отъ Уфы, Вологодскій полкъ соединился съ главнымъ отрядомъ Кириллова, который 23 іюля донесъ Петербургскому Кабинету, что опасность не такъ велика и всему причиной была оплошность Чирикова, поплатившагося за нее жизнью[b]. Между тѣмъ поднялись башкиры Сибирской дороги, которые напали на шедшій изъ Сибири въ Верхнеяицкую пристань обозъ, освобожденный потомъ подполковникомъ Арсеньевымъ. Однакожъ, не смотря на всѣ препятствія, настойчивый и энергичный Кирилловъ 6 августа 1735 г. прибылъ къ устью р. Ори; 15-го августа заложена была крѣпость, 30—введена въ нее команда, а 31—артиллерія; того же числа совершено богослуженіе, при чемъ священникъ произнесъ приличное случаю слово; затѣмъ, послѣ трехкратнаго выстрѣла изъ пушки, заложенъ былъ городъ Оренбургъ о девяти бастіонахъ, а 4 сентября Кирилловъ отправилъ извѣстіе о томъ въ Петербургъ[c].

Оставивъ въ Оренбургской крѣпости подполковника Чемодурова съ 10 ротами, Кирилловъ 7 сентября того же (1735) года отправился въ Уфу, а Тевкелевъ долженъ былъ идти на Сибирскую дорогу для

---

[a]) Въ томъ числѣ 100 яицкихъ (уральскихъ) казаковъ.
[b]) С. М. Соловьевъ. Исторія, т. XX, стр. 327.
[c]) См. примѣчаніе 22-е.

розысковъ и поимки воровъ-башкиръ, разграбившихъ обозъ. Обратный путь Кириллова соединенъ былъ съ неменьшими опасностями, впрочемъ до Сакмарска онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій; здѣсь представили ему пойманныхъ бунтовщиковъ-башкиръ: Асунагула Кильмакаева и главныхъ товарищей его, которые тутъ же и были казнены. Въ 130 верстахъ отъ Уфы, Кирилловъ встрѣтилъ 6000 башкиръ, подъ предводительствомъ Акай-Кусюма; но Кирилловъ разбилъ ихъ на голову и выжегъ немало башкирскихъ деревень, особенно около соловарнаго городка Табынска. Между тѣмъ отрядъ Тевкелева терпѣлъ страшную нужду: лошади за недостаткомъ корма отъѣдали другъ у друга хвосты и гривы,— тальникъ былъ лучшимъ кормомъ. 20 сентября отрядъ прибылъ въ Верхнеяицкую крѣпость. Оставивъ здѣсь капитана Уварова и поручика Ветошникова съ двумя ротами солдатъ, Тевкелевъ съ остальными выступилъ 25-го сентября къ Теченской слободѣ, и долженъ былъ испытать новыя трудности похода: драгуны, за недостаткомъ провіанта, питались лошадинымъ мясомъ. 8-го октября отрядъ Тевкелева пришелъ въ Теченскую слободу, откуда было отправлено въ Оренбургъ 600 подводъ съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ команды маіора Шкадера; Тевкелевъ же поскакалъ въ Екатеринбургъ къ Татищеву для совѣщанія о дѣлахъ башкиръ; при томъ же у Тевкелева не было и денегъ, которыми потомъ ссудилъ его Татищевъ, въ счетъ Оренбургской экспедиціи. Между тѣмъ волненіе, постепенно усиливаясь, охватило почти всю Башкирію. Деревни около Биларска, Заинска, Старошешминска и Мензелинска были раззорены; Башкиры уже два раза дѣлали приступъ къ самому Мензелинску; въ Верхнеяицкой крѣпости была перерѣзана вся команда, охранявшая обозъ съ сибирскимъ провіантомъ; возстаніе распространилось и за Яикомъ (Ураломъ), между башкирами Сибирской дороги. На рѣкѣ Аѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Уфу, башкиры напали на Тевкелева и заставили его рѣшиться на крайнія мѣры: выдержавъ отчаянную борьбу съ башкирами, Тевкелевъ раззорилъ до тла около 50-ти башкирскихъ деревень; сотнями загонялъ башкиръ въ пустые анбары и сожигалъ ихъ; женъ и дѣтей башкирскихъ отдавалъ солдатамъ, а мужей и отцевъ подвергалъ самымъ жестокимъ пыткамъ и казнямъ. Но для башкиръ это не было новостью: имъ и раньше отрѣзывали языки, носы, уши; отсѣкали руки и ноги; поили зельемъ и пьяныхъ палили порохомъ, наводя на ихъ лица зажигательныя стекла и т. п.[a]) Опытъ уже показалъ, что подобныя мѣры жестокости не усмиряли, а только раздражали башкиръ и возбуждали ихъ

---

[a]) Н. Попова: „Татищевъ и его время", стр. 166 и 186.

къ отчаянному сопротивленію; но ожесточившійся Тевкелевъ не внялъ указаніямъ опыта, и своими жестокостями невольно заставилъ сплотиться дѣйствовавшихъ до того разрозненно башкиръ: выборные отъ всѣхъ четырехъ дорогъ собрались для совѣщанія въ деревнѣ „Кубово“. Попытка русскихъ помѣшать этому съѣзду не удалась.

Между тѣмъ Правительство, узнавъ о возмущеніи башкиръ, приказало увеличить военныя силы края 3000 волжскихъ калмыкъ, 1000 Донскихъ и 2000 Яицкихъ казаковъ[a]), и отправило въ башкирію казанскаго губернатора Мусина-Пушкина, котораго вскорѣ смѣнилъ генералъ-лейтенантъ А. И. Румянцевъ, назначенный сначала астраханскимъ, а потомъ казанскимъ губернаторомъ; Кириловъ же получилъ указъ во всемъ повиноваться Румянцеву. 19 сентября 1735 года Румянцевъ прибылъ въ Мензелинскъ, куда въ ноябрѣ явился и Кирилловъ. Нужно замѣтить, что Румянцевъ и Кирилловъ расходились во мнѣніяхъ относительно средствъ потушенія мятежа: Кирилловъ говорилъ, что башкиры не усмирятся до тѣхъ поръ, пока не послѣдуютъ розыскъ и казни, и пока не введутся полки на квартиры въ Уфимскій уѣздъ; Румянцевъ же опасался, чтобы не взволновать этими мѣрами всѣхъ башкиръ, и думалъ, что лучше безъ оружія привести ихъ въ повиновеніе. Мнѣніе Румянцева еще болѣе получило силы, когда онъ узналъ отъ самихъ башкиръ, что мятежъ особенно разросся, подъ вліяніемъ суровыхъ поступковъ Тевкелева; а потому онъ писалъ Императрицѣ: „Не повелите-ль до удобнѣйшаго времени такъ ихъ (башкиръ) пылъ въ тишинѣ оставить, ибо народъ грубый и вскорѣ такъ къ вѣрности государству и къ накладу на нихъ податей безъ всякаго ихъ возмущенія никакъ привесть невозможно; а надобно отъ время до времени почаще старшинъ ихъ призывать, и потомъ, когда намѣреніе Вашего Величества будетъ, уготовясь совсѣмъ заблаговременно, какъ вездѣ довольные магазины устроить, такъ и здѣшніе пригородки, для убѣжища людямъ, укрѣпить, тогда ихъ всѣхъ знатныхъ задержать и уже силою оружія къ тому приводить“[b]).— Румянцева поддерживалъ въ этомъ убѣжденіи и В. Н. Татищевъ, который, въ своихъ письмахъ къ нему, старался внушить недовѣріе къ планамъ Кириллова. Мнѣніе Румянцева получило перевѣсъ: Императрица одобрила его планъ и приказала Кириллову переговорить съ Румянцевымъ лично о мѣрахъ, при помощи которыхъ можно бы было окончательно усмирить башкиръ. Въ декабрѣ 1735 года Румянцевъ и Кирилловъ совмѣстно выработали особый планъ дѣйствій, съ которымъ Кирилловъ и отправился

[a]) Кн. Казачьяго Повытья № 9, стр. 189. Изъ черновыхъ бумагъ I. И. Желѣзнова.
[b]) С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XX, стр. 329.

въ Петербургъ. Они, между прочимъ, предлагали уничтожить званіе и привиллегіи тархановъ, обративъ всѣхъ башкиръ въ ясачныхъ; мещеряковъ, тептерей и бобылей, за ихъ вѣрность и службу, наградить тѣми землями, которыя они нанимали у башкиръ; замѣшаннымъ въ воровствѣ запретить носить и имѣть у себя на домахъ ружья; въ уѣздѣ кузнецовъ и кузницъ не имѣть; изъ городовъ кузнецовъ и насѣкальщиковъ въ уѣздъ не отпускать; виновныхъ казнить или ссылать въ ссылку, а пущихъ заводчиковъ, хотя бы они и были прощены, подвергать жестокой казни; внутри башкирскихъ деревень устроить городки; въ каждой волости избрать двухъ или трехъ старшинъ, которые бы смотрѣли за порядкомъ и несли отвѣтственность за всякую неисправу; запретить башкирскія сборища; оставить по одному ахуну на дорогу и обязать ихъ подъ присягой, чтобы они безъ указа новыхъ мечетей и школъ не строили и отказались отъ всякой пропаганды магометанства; запретить башкирамъ вступать въ родство съ казанскими татарами, безъ вѣдома и позволенія казанскаго губернатора и, въ случаѣ позволенія послѣдняго, положить подать со свадебъ лошадьми; разрѣшить покупку башкирскихъ земель и угодій всѣмъ, кто пожелаетъ. Въ началѣ 1736 г. въ Петербургѣ, куда явился съ вышеозначеннымъ мнѣніемъ Кирилловъ, узнали, что башкиры Ногайской и Казанской дорогъ взбунтовались снова и не пропустили шедшій къ Оренбургу съ провіантомъ обозъ. Кирилловъ воспользовался этимъ случаемъ и подалъ Императрицѣ особое мнѣніе, въ которомъ говоритъ: „не соизволено-ль будетъ воровъ-башкирцевъ отъ Сибирской и Казанской стороны утѣснять, раззоряя сплошь, а у тѣхъ, которые къ воровству не приставали, взять въ города аманатовъ, сыновей и братьевъ знатныхъ людей, а не такихъ наемниковъ, которые въ прошлыхъ годахъ были; теперь самое удобное время дѣйствовать противъ башкирцевъ—мартъ и апрѣль мѣсяцы: сами они голодны и лошади худы“ [a]. Мнѣніе Кириллова было принято, и онъ наскоро былъ опять отправленъ въ Уфу; а Румянцеву посланъ указъ, которымъ повелѣвалось немедленно выступить изъ Казани въ башкирскія жилища, воровъ искоренять, жилища ихъ раззорять, пущихъ заводчиковъ казнить смертію, прочихъ ссылать: годныхъ на службу въ остзейскіе полки и во флотъ, негодныхъ на работы въ Рогервикъ; малолѣтнихъ и женщинъ раздавать въ русскихъ городахъ тѣмъ, кто пожелаетъ; пожитки и хлѣбъ отбирать на войско и въ магазины, а лошадей отсылать въ драгунскіе полки [b]. Отправивъ нѣсколько полковъ съ Царицинской линіи къ Мензелинску, Румянцевъ поспѣшно собралъ въ Казани ополченіе

---

a) Тамъ же, стр. 333.
b) Тамъ же.

изъ инородцевъ и русскихъ всѣхъ сословій и самъ, во главѣ его, двинулся къ Уфѣ. Въ половинѣ марта Румянцевъ донесъ, что хотя на Сибирской и Осинской дорогахъ раззорено нѣсколько десятковъ деревень и истреблено болѣе двухъ тысячъ воровъ; однакожъ на обѣихъ упомянутыхъ дорогахъ и около Уфы башкирскія замѣшательства не прекращаются. Между тѣмъ Кирилловъ, вернувшійся въ Уфу 11-го марта, дѣятельно готовился къ походу, и 24 числа того же мѣсяца двинулся по Ногайской дорогѣ въ самое воровское гнѣздо башкиръ, расположенное по рѣкамъ Бѣлой, Уршаку, Кѣгушу, Тору и Селеуку. Перебивъ до 700 башкиръ обоего пола, Кирилловъ, сверхъ того, 158 казнилъ, 160 взялъ въ плѣнъ, 99 сослалъ въ остзейскіе полки на службу и 85 роздалъ уфимскимъ поселенцамъ; выжегши до 200 башкирскихъ деревень, онъ не пощадилъ и главнаго ихъ святилища: первая во всей Башкиріи мечеть Азіева, служившая во всѣ бунты совѣщательнымъ мѣстомъ башкиръ, была раззорена. Въ началѣ мая Кирилловъ заболѣлъ и возвратился въ Уфу, поручивъ розыски воровъ полковнику Протасьеву и подполковнику Бронскому. Въ другомъ воровскомъ гнѣздѣ, на рѣкѣ Демѣ[a], дѣйствовалъ противъ бунтовщиковъ подполковникъ Аксаковъ; сюда же въ началѣ апрѣля прибылъ и Румянцевъ. Зачинщики и руководители бунта, узнавъ о томъ, отпустили свои семьи въ вершины р. Демы, а сами, въ числѣ 19 человѣкъ, явились съ повинной къ Румянцеву, въ надеждѣ получить прощеніе; но генералъ приказалъ ихъ арестовать и пошелъ далѣе по рѣкѣ Демѣ. Башкиры, не оказывая никакого сопротивленія, бѣжали предъ отрядомъ Румянцева, около тысячи ихъ было побито; болѣе 200 человѣкъ взято въ плѣнъ и выжжено до ста деревень; Акай-Кусюмовъ, предводитель башкиръ на Казанской дорогѣ, и Салтанъ-Муратъ съ 120 бунтовщиками были схвачены и отправлены въ Мензелинскъ. Для пополненія и усиленія своего отряда Румянцевъ на основаніи высочайшаго указа, потребовалъ отъ Яицкаго войска, чтобы оно снарядило и командировало къ нему 2000 казаковъ, атамана и лучшаго старшину[b]. Въ началѣ мая Румянцевъ навѣстилъ въ Уфѣ больнаго Кириллова, и отправился въ Мензелинскъ, гдѣ до 500 башкиръ казнилъ и столько же башкирскихъ женъ и дѣтей роздалъ по рукамъ. Муратъ-Салтанъ, по совѣту аманатовъ, былъ отпущенъ Румянцевымъ къ Кильмякъ-Абызу, предводителю башкиръ Ногайской дороги, уговаривать его принести повинную; но Муратъ, не исполнивъ возложеннаго на него порученія, соеди-

[a] Лѣвый притокъ р. Бѣлой.
[b] Кн. Казач. Пов. № 9, стр. 189. Изъ бумагъ І. Желѣзнова.

нился съ Кильмякъ-Абызомъ. Узнавъ отъ него, что „у Румянцева команда не очень людна и то вся бываетъ въ раскомандированіи," Кильмякъ-Абызъ собралъ около осьми тысячъ башкиръ Ногайской и Сибирской дорогъ и, во главѣ ихъ, 29 іюня изъ-за р. Бѣлой неожиданно напалъ съ фронта на лагерь Румянцева, расположенный на рѣкѣ Кѣгушѣ, при деревнѣ Урменѣевой, въ 120 верстахъ отъ Уфы; башкирамъ хотѣлось убить самого Румянцева или, по крайней мѣрѣ, взять его въ плѣнъ и освободить всѣхъ своихъ аманатовъ и плѣнниковъ, но желаніе ихъ не исполнилось: не смотря на сильный натискъ непріятеля, причемъ Румянцевъ потерялъ 180 чел. убитыми и 60 ранеными, въ томъ числѣ полковника Усова, башкиры бросились въ безпорядочное бѣгство, какъ только завидѣли пѣхоту, оставивъ человѣкъ 200 на полѣ битвы. Но это пораженіе не ослабило энергіи у Кильмяка и его толпы; они еще усерднѣе стали возмущать башкиръ Казанской и Ногайской дорогъ; жгли и раззоряли тѣ деревни, которыя не хотѣли къ нимъ пристать, уцѣлѣли только деревни, находившіяся въ лѣсахъ и засѣкахъ: „Теперь вся эта сторона,"— писалъ Румянцевъ,—„въ великомъ смятеніи, и почти всѣ пристали къ ворамъ, даже до самаго Казанскаго уѣзда. За скорою ѣздою воровъ нашимъ гоняться за ними никакъ нельзя; гдѣ сойдутся, башкирцы ни мало не стоятъ, а нашимъ гнать за ними за худобою лошадей и за отягченіемъ провіанта нельзя; въ лѣтнее время регулярнымъ войскамъ справиться съ ворами никакъ не возможно, а нерегулярныхъ при мнѣ Самарскихъ казаковъ только 200 чел., а Яицкіе до сихъ поръ не бывали; нельзя-ли калмыковъ сюда отправить хотя малое число. Башкиры нынѣ всѣ подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дѣти къ ворамъ пристали" [a]). Вслѣдствіе этого заявленія Румянцева, къ калмыкамъ послана была граммата съ приказаніемъ идти на башкиръ, а къ фельдмаршалу Миниху отправленъ указъ, которымъ предписывалось отправить въ Башкирію два драгунскіе полка. Между тѣмъ командированный съ Яика двухтысячный отрядъ казаковъ былъ уже въ пути. Встрѣтивъ на р. Казѣ скопище бунтовщиковъ, Яицкіе казаки вступили съ ними въ ожесточенный бой: 600 челов. башкиръ было убито и 300 взято въ плѣнъ. Перейдя р. Икъ, казаки пустили огонь и выжгли до 200 деревень. На р. Нокѣ Яицкіе казаки снова столкнулись съ башкирами, которые на этотъ разъ выказали удивительную стойкость и мужество: битва началась утромъ и продолжалась до вечера безъ всякаго перевѣса той или другой стороны; наконецъ отчаянная храбрость сыновъ Яика заставила дрогнуть башкирскія

---

[a]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 334.

силы: башкиры пошли на утекъ, казаки—за ними и, на протяженіи десяти верстъ, многихъ изъ нихъ побили, остальные же скрылись въ горы. При урочищѣ Уралъ-Тау казаки встрѣтились съ Кильмяковой толпой башкиръ, разбитой Румянцевымъ при р. Кѣгушѣ; многіе изъ этой толпы также познакомились съ казачьими пиками, ихъ шашками и пулями; аммуниція и ружья, отобранныя у нихъ казаками, отданы были маіору Останкову. Изъ этого же отряда Яицкихъ казаковъ 500 чел. было отправлено Кирилловымъ къ Табынску, гдѣ произошла новая упорная схватка съ башкирами, длившаяся съ ранняго обѣда до глубокой ночи; перевѣсъ остался, по прежнему, на сторонѣ казаковъ, которые во всё это время, по недостатку продовольствія и по причинѣ быстрыхъ передвиженій, вынуждены были питаться только щавелемъ и ягодами[a].

Между тѣмъ Кирилловъ, оправившись отъ болѣзни, въ іюлѣ снова двинулся къ Оренбургу, огибая Башкирію съ сѣвера и юга. Главный отрядъ шелъ по р. Самарѣ, подъ начальствомъ Бахметева, зятя Кириллова, а другой, подъ надзоромъ самого Кириллова, направился по р. Бѣлой, раззоряя на пути деревни непокорныхъ башкиръ, основывая крѣпости и жестоко наказывая виновныхъ; Румянцевъ же устроилъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, при деревнѣ „Килекей-Кубово" крѣпостцу, гдѣ, оставивъ тяжести и отрядъ подъ командою подполковника Осипова, отправился въ Украйну, куда онъ былъ перемѣщенъ на службу, а на его мѣсто былъ назначенъ бригадиръ Хрущовъ. Кирилловъ, повидимому, былъ недоволенъ дѣйствіями Румянцева и явно намекалъ въ своихъ доносеніяхъ на его оплошность: „Объ искорененіи воровъ башкирцевъ стараніе прилагаю",—писалъ онъ въ Петербургъ 13 августа,—„и многое число главныхъ плутовъ уже въ разныхъ мѣстахъ пропало, а прочіе бѣгами животъ свой спасаютъ, и хотя въ іюнѣ и іюлѣ воровскимъ обычаемъ наглости отъ нихъ были и еще, можетъ-быть, произойдутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оплошныхъ найдутъ; однако къ тому пришли, что сей бунтъ подлинно послѣднимъ останется, и уже Сибирская дорога вся и по Ногайской многіе въ совершенное подданство приведены, и остальные, если будутъ продолжать воровство, съ голоду и холоду зимою пропадать станутъ; лошади и скотъ во многихъ мѣстахъ выпали, и теперь еще падежъ не утихъ"[b].—Не смотря на это, Кирилловъ, такъ неосторожно затронувшій племенные инстинкты башкиръ, оставилъ уже мысль пройти къ Оренбургу

---

[a]) См. доношеніе въ Военную Коллегію атамана Ильи Григорьева, полковника Ивана Турыбарина и есауловъ: Андрея Бородина и Григорья Пеунова (Кн. Казач. Повыт., № 9). Изъ бумагъ I. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 19, стр. 7.

[b]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 335.

чрезъ самое ядро Башкиріи. Дойдя по р. Бѣлой до Сакмарскаго городка, онъ, въ сопровожденіи 250 казаковъ, отправился на встрѣчу къ отряду Бахметева, съ которымъ и соединился 13 сентября въ Красноборской крѣпости, заложенной Бахметевымъ. Зная, что въ Оренбургѣ провіанта было уже немного, Кирилловъ предписалъ находившемуся тамъ подполковнику Чемодурову отправить часть гарнизона въ Верхнеяицкую пристань. Чемодуровъ исполнилъ предписаніе Кириллова, но изъ 800 чел., отправленныхъ съ премьеръ-маіоромъ Рачинскимъ, 150 чел. ознобились и 500 челов. замерзли до смерти, „яко они были весьма безъодежны"; остальные 150 челов. вернулись назадъ. Замѣнивъ ознобившихся 773-мя здоровыми, Чемодуровъ подъ командою того же Рачинскаго, отправилъ ихъ 27 ноября чрезъ Сакмарскій городокъ, снабдивъ гарнизонъ провіантомъ до 13 декабря. Во время пути 500 чел. изъ гарнизона померзли и померли съ голоду; въ Сакмарскъ пришли только 220 чел., но у 80-ти изъ нихъ были отморожены руки и ноги[a]). Изъ Сакмарска былъ командированъ премьеръ-маіоръ Останковъ, который долженъ былъ смѣнить подполковника Чемодурова. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же былъ отправленъ въ первый разъ по р. Яику на судахъ провіантъ въ количествѣ 300 четвертей, кромѣ 1180 четвертей, отпущенныхъ сухимъ путемъ. Провіантъ дошелъ благополучно, и оставшіяся въ Оренбургѣ двѣ роты солдатъ и сотня казаковъ были теперь обезпечены на продолжительное время. Во ста восьмидесяти верстахъ отъ Сакмарска, на правомъ берегу Яика, при урочищѣ Озерномъ, Останковъ положилъ основаніе станицѣ Верхнеозерной, заселенной охотниками изъ Яицкаго войска. Самъ Кирилловъ, слѣдуя къ рѣкѣ Самарѣ по дорогѣ, названной имъ Московскою, назначалъ мѣста для укрѣпленій и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оставлялъ по нѣскольку нерегулярныхъ людей; изъ этихъ-то укрѣпленій и должна была образоваться новая Самарская и Яицкая линія. Изъ табели, представленной Кирилловымъ въ Петербургскій Кабинетъ, 27 октября 1736 года, видно, что всѣхъ укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ въ это время было 21, кромѣ города Самары и пригорода Алексѣевска, основанныхъ и заселенныхъ дворянами и казаками.—Укрѣпленія эти были слѣдующія: Оренбургское, Губерлинское, Озерное; форпосты: Средній, Бердскій, Крыловъ, Караульный, Верхній, Сорочій, Тоцкій; укрѣпленія: Бузулукское, Борское, Красно-Самарское, Табынское, Красно-Уфимское, Елдяцкое, Кубовское, Міасское, Ки-

---

[a]) Ежемѣсячн. Соч. и Перев. 1759 г., № 3, стр. 206 и д.

зилтажское, Чебаркульское и Калиницкій бродъ[a]). Разстояніе между этими укрѣпленіями не превышало 64 верстъ и было не меньше 35. Самыми многолюдными изъ нихъ въ это время были крѣпости Оренбургская и Бузулукская; въ прочихъ мѣстахъ ощущался большой недостатокъ въ людяхъ. Изъ представленія Кириллова въ Кабинетъ по этому поводу видно, что наличное число жителей всѣхъ крѣпостей нужно было увеличить болѣе, чѣмъ въ шесть разъ; по мнѣнію Кириллова, было необходимо имѣть въ каждой крѣпости отъ 100 до 500 человѣкъ. Составъ поселенцевъ крѣпостей былъ весьма разнообразный, что объясняется сбродностью и разноплеменностью края: тутъ были уфимскіе, яицкіе и самарскіе казаки, крещенные и некрещенные калмыки, ногайцы, ссыльные изъ разныхъ мѣстъ, сибирскіе недоросли, мещеряки и т. п. Крѣпости первоначально устраивались изъ землянаго вала со рвомъ, башнями, рогатками и частоколомъ; на валу ставились чугунныя и мѣдныя пушки.—Для полудикихъ народовъ крѣпости эти, конечно, были страшны и вполнѣ соотвѣтствовали цѣли ихъ назначенія къ поддержанію спокойствія въ краѣ. Объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ заботились и частныя лица, такъ, напримѣръ, балахнинскій купецъ Утятниковъ заботился объ устройствѣ и укрѣпленіи Табынской крѣпости, основанной 14 іюня 1736 года Кирилловымъ, и нерѣдко самъ оборонялъ эту крѣпость отъ башкирцевъ, за что и былъ пожалованъ въ коммиссары[b]).

Въ концѣ октября 1736 г., бригадиръ Хрущовъ доносилъ, что отовсюду башкирцы являются съ повинною и присягаютъ въ вѣрности Императрицѣ. Но изъ Петербурга полученъ былъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Хотя при нынѣшней турецкой войнѣ въ войскѣ не безъ нужды, однако не меньше нужно и то, чтобъ здѣшній домашній внутреній огонь былъ потушенъ какъ можно скорѣе, и потушенъ такимъ образомъ, чтобъ впредь не оказалось новыхъ смутъ“.—На основаніи этого указа, Хрущовъ и Кирилловъ доносили, что все войско распредѣлено ими на пять командъ, такъ чтобы въ будущемъ апрѣлѣ можно было ими окружить башкиръ со всѣхъ сторонъ, заводчиковъ и ихъ товарищей искоренить, остальныхъ же привести въ полное подданство. „Башкирцевъ двухъ ближайшихъ дорогъ: Казанской и Осинской, кажется, опасаться нечего; относительно же Сибирской стороны“, — доносилъ Кирилловъ, — „писалъ я къ Татищеву, который въ началѣ втораго бунта поступалъ очень осмот-

[a]) Ежемѣсячн. Сочин. и Перев. 1759 г., мартъ, стр. 2I9. Слич. „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, ч. II, стр. 209; „Откуда взялись казаки“ — Ф. М. Старикова, стр. 158 — 160; „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей“ — Левшина, Спб. 1832 г., стр. 126; Оренб. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 4, стр. 163. Смотр. въ концѣ книги примѣчаніе 23-е.

[b]) Барановъ. Опис. Сен. арх., № 5382 (С. А. 44; 67). Купецъ Утятниковъ поймалъ и предводителя бунтовщиковъ-башкиръ Кильмякъ-Абыза. См. адресъ-календарь Оренб. губ. на 1849 г., въ приложеніи л. 11 на оборотѣ.

рительно, и самъ, вступя къ башкирцамъ въ малолюдствѣ, почти съ одними крестьянами, привелъ бунтовщиковъ въ повиновеніе и два городка въ удобныхъ мѣстахъ построилъ, почему на него и впредь, насчетъ тамошняго отдаленнаго края, надежда имѣется" [a]. Въ началѣ 1737 года Хрущовъ былъ назначенъ въ Украинскую армію, а его мѣсто занялъ генералъ-маіоръ Соймоновъ; [b] но ему, какъ предвидѣлось, не могло быть много дѣла: главные коноводы и возмутители башкиръ: Кильмякъ-Абызъ, Акай-Кусюмовъ съ сыномъ, Умиръ Тахторовъ, Сабанъ Безрукій, Юсупъ Арысковъ [c] и многіе другіе были пойманы; въ Мензелинскѣ надъ башкирами совершались казни; воровскія деревни были раззорены или выжжены; нѣсколько сотъ башкиръ предано казни; болѣе пяти тысячъ башкиръ сослали въ Рогервикъ и въ Остзейскіе полки, въ извощики, солдаты и матросы [d]; цѣлыя тысячи башкирскихъ женъ и дѣтей розданы по рукамъ русскихъ; въ каждую волость были опредѣлены старшины, а въ деревняхъ явились сотники и десятники; башкиры, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, даромъ доставляли на войско провіантъ, фуражъ и лошадей. На расходы по Оренбургской экспедиціи велѣно было отпускать ежегодно по 50,000 р. изъ суммъ Екатеринобургскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ [e]. Въ „курантахъ" того времени было напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Оренбурга: „Здѣсь все благополучно и прошлаго лѣта зачали изъ Кайсацкихъ ордъ и изъ Ташкента пріѣзжать для торгу" [f]. Такимъ образомъ къ началу 1737 г. Оренбургскій край, благодаря общимъ усиліямъ Кириллова, Румянцева, Татищева и Тевкелева, казался достаточно укрѣпленнымъ и болѣе безопаснымъ отъ башкирскихъ нападеній, чѣмъ до того времени. Кирилловъ, избравъ мѣстомъ главнаго управленія Оренбургской Экспедиціи, Самару, началъ было снова готовиться къ походу въ Оренбургъ и хлопотать о снаряженіи въ Ташкентъ перваго торговаго каравана; но смерть разстроила его планы: 14 апрѣля 1737 г. онъ умеръ отъ чахотки и погребенъ при церкви Св. Николая Чудотворца въ Самарѣ, соединенной впослѣдствіи съ церковію Казанской Божіей Матери, именуемой нынѣ Старый соборъ [g].

---

[a] С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 337. Выписка изъ дѣлъ Сената по Кабинету.

[b] Смотр. о немъ примѣч. 24 въ концѣ книги.

[c] Кильмякъ-Абызъ былъ предводителемъ башкиръ Ногайской дороги; Акай-Кусюмовъ — Казанской, Сабанъ Безрукій — Осинской и Юсупъ Арысковъ—Сибирской дороги. См, Топ. Оренб. губ., Рычкова, ч. II, стр. 206 и 209.

[d] Русск. Бес. 1860 г., I, стр. 201. Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., II, стр. 132, 145.

[e] Барановъ. Описан. Сен. арх., № 5897 (С. А. 47; 372).

[f] Истор. Россіи, т. XX, стр. 338.

[g] Р. Г. Игнатьевъ (см. отд. оттискъ его ст. „Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи", напеч. въ „Оренб. Листк." за 1880 г., стр. 29) и А. Алекторовъ (Истор. Оренб, губ., изд. 2, стр. 28) говорятъ, что Кирилловъ умеръ въ 1738 г.; но это несправедливо: 10 мая 1737 г. состоялся уже именной указъ о назначеніи, вмѣсто умершаго Кириллова, В. Н. Татищева. См. у Баранова въ Оп. Сен. арх., № 5988 (С. А. 48; 15).

Не дешево обошлась русскимъ эта двухлѣтняя борьба съ башкирами. Не говоря уже о значительныхъ жертвахъ, выпавшихъ на долю инородцевъ, однѣ потери русскихъ довольно краснорѣчиво говорятъ о невыгодахъ подобной междоусобной борьбы, результаты которой сильно отозвались и на экономическомъ состояніи русскаго населенія въ Оренбургскомъ краѣ. Съ жителей Уфимской провинціи пришлось снять часть недоимокъ, потому что: „обывателей многое число взято было въ полонъ и побито, и хлѣбъ стоячій и молотый весь безъ остатка сожженъ, скотъ отогнанъ, а оставшіеся отъ платежа подушнаго оклада уже дѣтей закладываютъ, а сами едва дневною пищей пробавлялись“. Въ частности этотъ бунтъ отразился и на промышленной дѣятельности края: башкирцы раззорили нѣкоторые изъ заводовъ,—одни солепромышленники понесли на 25,768 руб. 33½ к. убытку[a]. Столько заботъ, трудовъ и лишеній стоило для русскихъ удерживать въ повиновеніи этотъ *„самый плюгавый и неоружейный народъ“*[b], по выраженію виновника ихъ возмущенія Кириллова, доведшаго себя до чахотки и умершаго въ великой бѣдности.—Съ виду башкирецъ, дѣйствительно, кажется тихимъ, скрытнымъ, безтолковымъ, вялымъ, или, по выраженію Кириллова, *„плюгавымъ существомъ“*; но въ душѣ онъ *хитрѣйшій* человѣкъ, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ. Лѣнь, праздность и отвращеніе къ труду, составляя отличительныя свойства башкирца, сдѣлали его отъявленнымъ воромъ и мошенникомъ, хотя находились и находятся панигиристы и у башкирцевъ[c]. Хитрость, находчивость, уклончивость и изворотливость, вошедшія въ плоть и кровь башкирца, развиты въ немъ во всемъ блескѣ совершенства, по замѣчанію покойнаго І. И. Желѣзнова, нѣсколько лѣтъ служившаго въ Башкирскомъ отдѣленіи[d]. На эти-то внутреннія качества башкирца и слѣдовало обратить побольше вниманія начальнику экспедиціи; для борьбы и борьбы успѣшной съ такимъ народомъ недостаточно было однихъ укрѣпленій, а жестокость въ обращеніи съ башкирцами вела только къ новымъ возмущеніямъ и большему закалу племенной ненависти къ русскимъ и еще болѣе обобщала и сплачивала ихъ интересы. Поэтому необходимо было подумать о болѣе мирныхъ средствахъ, которыя бы могли сдѣлать невозможнымъ возстаніе со стороны башкиръ; необходимо было протянуть руку помощи раззореннымъ, загнаннымъ и повинившимися башкирцамъ, на что и обратилъ вниманіе преемникъ Кириллова, В. Н. Татищевъ.

---

a) Н. Попова: „Татищевъ и его время“, стр. 183.
b) См. письмо Кириллова къ Бирону въ „Русск. Бесѣдѣ“, 1860 г., I, стр. 204.
c) См. ст. Небольсина въ От. Зап. 1850 г., № 11. Сравн. ст. В. М. Флоринскаго: “Башкирія и Башкиры“ (Вѣстн. Евр. 1874 г., декабрь).
d) См. въ его сочиненіяхъ: т. I; изд. 2, Спб. 1888 г. „Башкирцы“, стр. 211 и д.

ГЛАВА VII.

Оренбургскій край при Татищевѣ.—Взяточничество и жалобы чиновниковъ.—Татищевъ и протопопъ Антипа Мартіановъ.—Отношенія Татищева къ башкирамъ и киргизамъ—Доносы на Татищева, судъ надъ нимъ, его оправданіе и смерть.—Князь Урусовъ и его заботы объ устройствѣ Оренбургскаго края.—Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи—Допросы и пытки башкиръ.—Раскаяніе и наказаніе башкиръ—Отношеніе Каракасала къ зюнгорамъ и погромъ киргизовъ—Кончина Урусова

Я бы желалъ видѣть въ тебѣ такого судію, дабы дѣлалъ ты изъ утѣшенія совѣсти то, что дѣлаешь изъ мзды.

(Петръ Великій—Татищеву).

Все оное было токмо ваше притворство: ибо снаружи казались вы повинными, а внутрь между собою—злѣйшими противниками и бунтовщиками.

(Урусовъ—башкирамъ).

По смерти Кириллова начальство надъ Оренбургской Экспедиціей, переименованной въ Оренб. Коммиссію, было раздѣлено между генералъ-маіоромъ Соймоновымъ, Тевкелевымъ, Бахметевымъ и астраханскимъ вице-губернаторомъ; но не прошло и мѣсяца послѣ смерти Кириллова,[a] какъ мѣсто его занялъ извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринобургскихъ заводовъ, Василій Никитичъ Татищевъ, который такъ много содѣйствовалъ Кириллову въ усмиреніи зауральскихъ башкиръ, во время послѣдняго башкирскаго бунта. Въ рескриптѣ Татищеву отъ 10 мая 1737 г. говорилось: „Мы на ваше вѣрное радѣніе и доброе искусство всемилостивѣйше полагаемся, и что вы въ оной Комиссіи тщательнѣйшіе свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей къ вамъ высочайшей милости и дѣйствительномъ награжденіи всегда обнадежены быть можете, якоже и нынѣ въ знакъ того васъ въ наши тайные совѣтники жалуемъ“[b].

Татищевъ, хорошо уже знакомый съ краемъ, поднялъ коллегіальное начало, слабо прилагавшееся къ дѣлу во времена Кириллова, и придалъ совершенно иной характеръ управленію Оренбургской Коммиссіей. Прибывъ 14 іюля въ Мензелинскъ, онъ тотчасъ же созвалъ Совѣтъ, на который, кромѣ Соймонова, Тевкелева и уфимскаго воеводы Шемякина, приглашены были и всѣ штабъ-офицеры, служившіе въ Коммиссіи. Совѣтъ поставилъ себѣ задачей болѣе подробное и правильное раздѣленіе башкирскихъ земель въ административномъ отношеніи и усиленіе средствъ къ удержанію въ покорности самихъ башкиръ. Результатомъ этихъ совѣщаній было откры-

[a]) Кирилловъ скончался 14 апрѣля 1737 г., а Татищевъ назначенъ на его мѣсто 10 мая того же года.

[b]) Барановъ. Опис. Сен. арх. № 5988 (С. А. 48; 15).

тіе особой Исетской провинціи съ тремя уѣздами: Окуневскимъ, Шадринскимъ и Исетскимъ; управленіе Пермской провинціей изъ Соликамска, гдѣ оно до того находилось, переведено въ Кунгуръ, ближе къ Башкиріи; учреждены особые воеводы въ Красно-Уфимской крѣпости и Осѣ, которые были подчинены провинціальному Уфимскому правленію; къ Осинской провинціи были приписаны и дворцовые крестьяне до Сарапула, ясачные татары (казанскіе выселенцы) по р. Симу и Уфимскаго уѣзда Гайнинская башкирская волость, теперь Осинскаго уѣзда Пермской губерніи[a]. Башкиры, жившіе въ верховьяхъ Яика и по р. Аю[b], отошли въ вѣдомство вновь основаннаго Чебаркульскаго воеводства. Кромѣ того, Совѣтъ постановилъ открыть особую провинцію и въ Мензелинскѣ; но это послѣднее предположеніе осталось безъ утвержденія со стороны Петербургскаго Кабинета, велѣно было только составить подробную ландкарту окружающей Мензелинскъ мѣстности[c].

Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ настоялъ, чтобы сборъ ясака и разныхъ пошлинъ съ башкиръ производился ихъ старшинами, а не цѣловальниками и ясачниками, какъ это было прежде; мирные башкиры уравнены были въ подводной повинности съ мещеряками и черемисами, которые, благодаря послѣднему башкирскому бунту, получили нѣкоторыя преимущества, въ ущербъ кореннымъ обитателямъ края[d]. Съ цѣлью усиленія оборонительныхъ силъ края, Татищеву велѣно было набрать немедленно ополченіе изъ казанскихъ инородцевъ, а тамошнихъ помѣщиковъ обязать выставить по одному ратнику; то же обязаны были сдѣлать казанскій архіерей и монастыри, владѣвшіе тогда населенными имѣніями. Ополченіе должно было идти къ Мензелинску, въ команду генералъ-маіора Соймонова и бригадира Хрущова[e]. Но и Тащищевъ не могъ удержать своихъ сподвижниковъ отъ прежнихъ жестокостей въ обращеніи съ непокорными башкирами: Соймоновъ продолжалъ, по прежнему, рѣзать языки и носы башкирцамъ, отсѣкать руки и ноги. Новый командиръ нашелъ также, что люди, которые бы должны были смотрѣть за порядкомъ и удерживать башкиръ отъ мятежей, брали взятки, сами обирали и мутили инородческое населеніе края: „Многіе *командиры,*“—писалъ Татищевъ,—„забывъ свою должность, *мечутся за пожитками;* другіе, по окончаніи дѣла, у драгунъ, казаковъ и вольницы взятые отъ воровъ пожитки обирали, и тѣмъ у оныхъ охоту отняли;

---

[a]) Пам. Кн. Уфимск. губ. 1873 г., II, стр. 7. Ср. у Баранова (Опис. Сен. арх.) № 6211 (С. А. 48; 527).

[b]) Пам. Кн. Уф. губ. 1873 г., II, стр. 7.

[c]) Тамъ же, стр. 185. Слич. П. С. Зак., т. X, № 7318 и № 7347; Соч. и Перевод. 1759 г., ч. I, стр. 297 и 396.

[d]) Памятн. кн. Уфимск. губ. 1873 г., ч. II, стр. 143 и слѣд.

[e]) Тамъ же, стр. 7.

нѣкоторые же полковники, видя въ полкахъ своихъ въ коняхъ недостатокъ, набравъ *башкирскихъ лошадей,* продавали и въ деревни сослали“ [a]). Въ іюлѣ Татищевъ, между прочимъ, писалъ къ Остерману и Черкасскому: „слышу отъ многихъ, что *великія пакости происходятъ,* о чемъ и прежде къ статскому совѣтнику Шемякину по жалобамъ башкирскимъ на его канцелярію писалъ, и здѣсь на нѣкоторыхъ жаловались, а генералъ-маіоръ (Сойвоновъ), какъ человѣкъ тихій, не довольно строго въ такихъ дѣлахъ поступаетъ, а паче, что до него было, и не знаетъ. Такожъ полковникъ Вордукевичъ требовалъ денегъ на покупку подъ драгунъ команды его лошадей, и какъ я наединѣ о томъ съ офицеры разговаривалъ, то сказали, что онъ *башкирскихъ лошадей, отбирая себѣ, продавалъ,* и нынѣ де у него близъ 100, а *нѣсколько сослано къ пріятелямъ въ деревни*“ [b]). До какой степени вошло въ обычай взяточничество и мародерство среди воеводъ и подъячихъ, это видно изъ того, что уфимскій воевода Шемякинъ на Мензелинскомъ Совѣтѣ не хотѣлъ даже подписаться подъ тѣми пунктами, которыми Татищевъ старался ограничить произволъ чиновниковъ; Шемякинъ указывалъ на то, что воеводы и подъячіе жалованья не получаютъ и потому имъ брать не запрещено; „но я дерзнулъ сказать,“ — замѣчаетъ Татищевъ,— „что я имѣю особливый указъ, и если увѣдаю чьи непорядки, то и безъ его подписки буду поступать по указу. И генералъ-маіоръ (Сойвоновъ) ему говорилъ, чтобы онъ, не входя въ подозрѣніе, конечно подписался“ [c]). Нужно замѣтить, что предшественникъ Татищева, занятый исключительно главною цѣлію своего проекта, недостаточно обращалъ вниманія на администрацію края: „при Кирилловѣ,“ — доносилъ Татищевъ, — „канцелярскаго порядка, какъ уставъ повелѣваетъ, учинено не было; протокола и журнала порядочно не содержано; списковъ служителямъ съ ихъ окладами не учинено; и хотя подъячихъ было не мало, но всѣ набраны молодые и малоискусные, а къ тому и повытей было не росписано; записокъ одного дѣла искать нужно по разнымъ мѣстамъ. Счеты весьма неправильны, потому что приходъ и расходъ былъ въ разныхъ рукахъ и весьма безпорядоченъ, черезъ что учинились проронки; окладныхъ книгъ учинено не было, давано жалованье все по выпискамъ, а отъ того учинены передачи. Въ подрядѣ провіанта и провоза великія передачи, — изъ корысти или изъ продерзости, — неизвѣстно“ [d]). — Отсутствіе должнаго порядка въ административномъ отношеніи, безъ сомнѣнія, не мало способствовало злоупотребленію чиновнаго міра и

---

[a]) Исторія Россіи, т. XX, стр. 340.
[b]) Тамъ же, стр. 339.
[c]) Тамъ же.
[d]) Тамъ же, стр. 341.

недовольству инородческаго населенія края. Татищевъ, недовольный управленіемъ своего предшественника, не былъ доволенъ и Соймоновымъ: „Онъ (Соймоновъ) человѣкъ добрый и служитъ довольно,“—писалъ Татищевъ,— „но притомъ въ разсужденіи весьма *медленъ* и къ произвожденію *холодноватъ* и для того можетъ не все такъ дѣлается, какъ надобно, а мнѣ болѣе дѣлать нечего“ [a].

Съ началомъ 1738 года снова открылись волненія среди башкиръ: бунтовщики башкиры стали нападать на мирныхъ башкиръ и раззорять ихъ деревни, а Татищевъ сидѣлъ безъ денегъ; войско оставалось безъ жалованья и голодало: провіанту купить было не на что. „Я пришелъ въ крайнюю печаль,“— говоритъ онъ,—„и вижу, что мнѣ изъ сего не иначе, какъ конечная погибель воспослѣдуетъ, понеже безъ денегъ, провіанта, нужной аммуниціи, припасовъ и безъ довольства людей выступить невозможно“ [b]. Не мало безпокоило Татищева и слѣдственное дѣло о безпорядкахъ уфимскаго воеводы Шемякина, преданнаго имъ военному суду. Озлобленный Шемякинъ заявилъ, что онъ знаетъ за Татищевымъ важныя дѣла, и просилъ, чтобы для ихъ раскрытія вызвали его въ Сенатъ или отправили къ казанскому губернатору: „я знаю за нимъ такія важныя дѣла,“—говорилъ Шемякинъ,—„что или мнѣ, или ему голову отрубятъ“.— Въ то же время Синодъ сообщилъ въ Кабинетъ о жалобѣ протопопа при Оренбургской Коммисіи и ректора Антипы Мартіанова, котораго Татищевъ, въ Самарѣ, безъ объявленія вины, презрѣвъ власть св. Синода, посадилъ съ утра на цѣпь, водилъ по улицѣ, какъ бы на показъ бывшимъ тогда въ городѣ киргизскимъ посламъ, и, приведши въ канцелярію, держалъ на цѣпи до вечера. Синодъ указывалъ при этомъ, что Татищеву дѣлать того „*весьма не надлежало*“ и просилъ удовлетворенія. Отъ Татищева потребовали объясненія; изъ его письма по этому случаю къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ видно, что протопопъ Антипа Мартіановъ иногда напивался пьянъ и въ пьяномъ видѣ дрался и творилъ разныя безобразія, напримѣръ: разломалъ и сожегъ баню у хозяина, гдѣ квартировалъ; избилъ запоркой его жену, ударилъ капрала въ щеку, за что казаки „довольно его побили“ и т. п. Татищевъ нѣсколько разъ уговаривалъ его, но буйный протопопъ не унимался и потому попалъ въ канцелярію на цѣпь, а затѣмъ былъ отосланъ къ воеводѣ и наказанъ. Послѣ этого наказанный Антипа явился къ Татищеву съ извиненіемъ и просилъ его не доносить о томъ въ Синодъ; Татищевъ не только простилъ протопопа, но избралъ его въ свои духовники и нерѣдко приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, но Антипѣ Мартіанову захотѣлось,

[a]) Тамъ же. [b]) Тамъ же, стр. 343.

чтобы его новый духовный сынъ запретилъ приходскимъ священникамъ ходить съ требами къ офицерамъ и другимъ чинамъ его команды; Татищевъ, разумѣется, отказалъ. Тогда Антипа заявилъ, что при немъ находится нѣсколько священниковъ, желающихъ служить при Коммисіи, и требовалъ на нихъ за треть жалованья; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣли ни ставленныхъ граммать, ни свидѣтельства о своей личности, то Татищевъ приказалъ ихъ допросить и въ жалованьѣ отказать. Обиженный тѣмъ Мартіановъ и обратился съ жалобой въ Синодъ. Излагая обстоятельства этого дѣла въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ, Татищевъ, между прочимъ, говоритъ: „Понеже оный протопопъ хотя и не часто пьянъ бываетъ, но когда напьется; то рѣдко безъ драки проходитъ, о чемъ здѣсь всѣмъ извѣстно, но за страхъ довольно того берегся, нынѣ же если дать волю, то опасно большаго между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смиренія отсылать ихъ къ духовному суду, но здѣсь никоего духовнаго суда въ близости нѣтъ, на что всеподданнѣйше прошу повелѣнія, какъ изволите въ такихъ случаяхъ съ ними впредь поступать“ [a].

Школа, усиленіе науки въ Россіи, очищеніе и устройство роднаго языка постоянно занимали и озабочивали Татищева. Бывши еще начальникомъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ, онъ усердно заботился о заведеніи тамъ школъ; не могъ онъ отказаться отъ мысли о школахъ и здѣсь. Не смотря на кратковременное управленіе его краемъ и постоянные мятежи среди башкиръ, поглощавшіе все его вниманіе, онъ все-таки успѣлъ завести въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ; по его же инициіативѣ и плану, стали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и составлять татарско-калмыцкій словарь [b]. Заботясь о лучшей организаціи края въ административномъ отношеніи, Татищевъ не переставалъ зорко слѣдить и за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней Киргизъ-Кайсацкой степи, такъ какъ главною цѣлію Оренбургской экспедиціи было подчиненіе русской власти Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, построеніе у нихъ русскаго города и проложеніе торговаго пути въ Среднюю Азію. Между тѣмъ Абулъ-Хаиръ, заявившій желаніе сдѣлаться русскимъ подданнымъ и склонившій къ тому же хановъ Большой и Средней орды, вдругъ измѣнилъ свое поведеніе. Воспользовавшись башкирскими бунтами, онъ думалъ основать на немъ величіе своего рода и усиленіе собственной власти. Осенью 1737 г. онъ явился въ Башкирію, подъ предлогомъ содѣйствія русскимъ въ потушеніи мятежа, на самомъ-же дѣлѣ у него было намѣреніе сдѣлать одного изъ своихъ сыновей башкирскимъ ханомъ. Но дальновидный Татищевъ, угадывая намѣренія Абулъ-

---

[a]) Тамъ же, стр. 345.
[b]) Пекарскій. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова., стр. 9 и 10.

Хаира, ласково постарался выпроводить непрошеннаго гостя и помощника въ его кочевья, подаривъ ему черезъ переводчика Араслана Бахметева разныхъ вещей на сто рублей и поблагодаривъ за оказанныя имъ будто услуги въ усмиреніи волновавшихся башкиръ.

Съ наступленіемъ 1738 г. обнаружилась новая опасность со стороны киргизовъ: башкиры, сознавая, что они не могутъ одни бороться съ русскими, обратились съ просьбою о помощи къ Абулъ-Хаиру, признавъ его главою угнетенной Башкиріи. Абулъ-Хаиръ, изъ честолюбивыхъ видовъ, женился на башкиркѣ и сталъ обнаруживать враждебныя отношенія къ Россіи. Въ концѣ апрѣля, онъ, во главѣ значительнаго числа воровъ-башкиръ, явился въ Оренбургъ, забралъ не мало мирныхъ башкирцевъ, отбиралъ у нихъ скотъ и заставлялъ платить на себя штрафъ. Когда же маіоръ Останковъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ не судилъ по челобитью воровъ, то Абулъ-Хаиръ, вынувъ саблю, отвѣчалъ: — „Городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову отрублю.“ — Татищевъ, узнавъ о томъ, тотчасъ же отправилъ къ Останкову ордеръ, чтобы онъ арестовалъ главныхъ изъ башкирскихъ старшинъ, бывшихъ при Абулъ-Хаирѣ. Вслѣдствіе этого, Останковъ арестовалъ шесть человѣкъ старшинъ, въ томъ числѣ Кусяпа и Ахмата-муллу. Но чтобы не обидѣть и не испугать Абулъ-Хаира, Татищевъ немедленно написалъ ему, что будто-бы маіоръ арестовалъ тѣхъ старшинъ самовольно, и обѣщался наказать виноватаго, а Останкову, между тѣмъ, далъ знать, чтобы онъ усилилъ надзоръ за арестованными, хана же „болѣе прежняго довольствовалъ“. Извѣщая о томъ Императрицу, Татищевъ писалъ 9 мая 1738 г.: „Хотя Абулъ-Хаиръ ханъ свою присягу нарушилъ, однако я, взирая на глупую ихъ дикость и опасаясь, чтобы другихъ ихъ султановъ и хановъ жестокостью не отстращать, намѣренъ съ нимъ ласково обойтиться, и о погрѣшностяхъ его разговоромъ выговорить. О успокоеніи башкирцевъ, паче всякаго чаянія, весь мой должный трудъ уничтожился и они начали новыя нападенія чинить. Такъ какъ многіе ихъ старшины пишутъ, что все покорится, если штрафныхъ лошадей сложить; то я писалъ къ генералу Соймонову обнадежить, что штрафъ снимется, если они пришлютъ знатныхъ людей и будутъ о томъ просить, а между тѣмъ нѣтъ способа силой ихъ къ покорности принудить. Хотя я, не взирая на великіе во всемъ недостатки и будучи боленъ, крайне приложу, чтобы скорѣе въ походъ выступить и симъ воровъ къ покорности принудить; но большое препятствіе въ томъ, что офицеровъ и рядовыхъ очень много больныхъ, чему причиною воздухъ и здѣшнія сѣрныя воды“ [a]).

---

[a]) Истор. Россіи, т. XX, стр. 346.

Въ отвѣтъ на это Татищевъ получилъ слѣдующій *грозный* указъ: „Мы съ великимъ удивленіемъ и неудовольствіемъ усмотрѣли, какимъ образомъ отъ бунтующихъ башкирцевъ новыя замѣшанія начались, а наипаче, что и ханъ Абулъ-Хаиръ съ ними соединился и имѣютъ злое намѣреніе атаковать Оренбургъ, чего мы никогда не надѣялись, ибо вы въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ имянно обнадеживали весь башкирскій народъ добрымъ способомъ въ усмиреніе и должное покореніе привести, и что уже многіе съ повинными приходятъ и штрафныхъ лошадей приводятъ. Башкирцевъ въ такое своевольство привело, и Абулъ-Хаиръ ханъ къ ихъ сторонѣ сталъ быть приклоненъ оттого, что какъ вы, такъ и генералъ-маіоръ Сойминовъ въ удобное время, когда еще у башкирцевъ лошади были не накормлены, ни малаго поиску надъ ними не учинили, и такимъ своимъ мешканіемъ дали имъ поводъ новыя безпокойства заводить. Что же доносите, яко бы вашъ походъ остановился за неприсылкою денегъ, то когда провіантъ и ружья есть, то хотя бы въ прочемъ и недостатокъ былъ, затѣмъ останавливаться и времени терять не надлежало; а вамъ извѣстно, какой важности сіе дѣло есть. Симъ нашимъ указомъ наикрѣпчайше подтверждаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ со всею командою къ Оренбургу поспѣшить безъ всякаго отлагательства, а ежели подъ онымъ городомъ учинится гибель или людямъ уронъ, то особливо вы въ томъ дадите предъ нами отвѣтъ, ибо мы оную крѣпость отнюдь потерять не хотимъ“ [a]). Въ исполненіе этого указа, Татищевъ отправился въ Оренбургъ, гдѣ его дожидался изъ Киргизской орды башкирскій старшина, извѣстный уже намъ, Таймасъ Шаимовъ; отъ него Татищевъ узналъ, что киргизы сомнѣваются въ его добрыхъ намѣреніяхъ, то же подтвердилъ и явившійся сюда изъ орды Киргизскій старшина Букенбай-батырь. Но Татищеву удалось развѣять эти подозрѣнія и сомнѣнія киргизъ и устроить свиданіе съ Абулъ-Хаиромъ и его старшимъ сыномъ Нурали-Салтаномъ. Абулъ-Хаиръ подтвердилъ свое подданство Россіи и поклялся въ вѣрности надъ Кораномъ, но долго не соглашался подписываться *рабомъ*: „Человѣкъ живетъ въ свѣтѣ“,—говорилъ онъ,—„и дѣтьми память о себѣ оставляетъ, по сія память и скоту равна есть, а честь, пріобрѣтенная человѣку, во вѣки не умираетъ, и я тѣмъ нынѣ наиболѣе долженъ радоваться, что мое имя въ такомъ великомъ и славномъ государствѣ извѣстно“.— Татищевъ отвѣтилъ на это: „Не только у насъ, но и во всей Европѣ будетъ извѣстно, потому что у насъ такія дѣла напечатаютъ и всюду разошлютъ“.—Татищевъ щедро одарилъ киргизъ, которые даже *передра-*

---

[a]) Тамъ же.

лись изъ-за его подарковъ; при этомъ Абулъ-Хаиръ, обратившись къ Татищеву, замѣтилъ: „Пожалуй не осуди, что этотъ дикій народъ такъ безчиненъ, а мнѣ очень пріятно, что они теперь такъ хвастаютъ, чему прежде смѣялись и ругались".—Интересны слѣдующія строки изъ письма Татищева къ кабинетъ-министрамъ: „Киргизскій народъ столь глупъ, что безъ стыда просятъ и за столомъ наставленныя конфекты, собирая въ платки, вяжутъ, а тарелки, ложки, ножи серебряные класть предъ ними нельзя, и хотя нѣкоторые изъ знатныхъ ихъ тутъ и бранятъ, но мало помогаетъ, да и ханъ, которому я быковъ, барановъ, крупъ и прочаго посылалъ, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужденъ *вареное и жареное мясо ежедневно посылать*". Абулъ-Хаиръ, получивъ отъ Татищева своего сына Эрали-Салтана и оставивъ, вмѣсто него, аманатомъ Хаджи-Ахметъ-Салтана, откочевалъ въ свои улусы. „Ханъ, повидимому, великое усердіе и покорность имѣетъ",—доноситъ Татищевъ въ Кабинетъ,—„ибо его въ томъ польза, но очень непостояненъ, его же мало и слушаютъ, а болѣе всѣхъ силы имѣютъ Средней орды Джанибекъ-батырь да Чурекъ, а въ Меньшой—Букенбай-батырь, которыхъ я, какъ казенными, такъ и моими довольно одаря, отпустилъ". Что касается башкиръ, то они бунтовали только тогда, когда останавливалось или замедлялось движеніе со стороны русскихъ; но какъ только видѣли они наступленіе русскихъ силъ, сейчасъ же являлись съ повинною, такъ было и теперь: походъ Соймонова въ горы заставилъ ихъ смириться и выдать главнаго возмутителя Бепеню.

Во время своего пребыванія въ Оренбургѣ, Татищевъ обратилъ вниманіе и на крѣпость, заложенную при Кирилловѣ; крѣпость находилась въ самомъ жалкомъ состояніи: кругомъ ея, вмѣсто стѣны или вала, шелъ плетень и ровъ въ полтора аршина ширины, а саженъ на 50 и рва не было, такъ что зимой въ городъ заходили волки и поѣдали лошадей. Татищевъ приказалъ расширить ровъ до пяти аршинъ и углубить его на сажень, а валъ обложить снаружи дерномъ. „Съ сожалѣніемъ вижу,"—писалъ онъ въ Петербургъ,—„какъ у насъ инженерные офицеры въ практикѣ искусства и разсужденія не имѣютъ". Оставляя Оренбургъ, Татищевъ донесъ въ Кабинетъ, что денегъ при Коммиссіи ничего нѣтъ, и солдаты безъ жалованья цѣлый годъ претерпѣваютъ крайнюю нужду, также провіантскимъ подрядчикамъ заплатить нечѣмъ".

Въ концѣ августа Татищевъ отправилъ съ купеческимъ караваномъ поручика Миллера въ Ташкентъ, который долженъ былъ исхлопотать для русскихъ купцовъ безпошлинную торговлю и съѣздить въ бухарскіе города; а самъ Татищевъ отправился осматривать Яицкую линію укрѣпленій.

Устройство этой линіи, начатое Кирилловымъ, уничтожало необходимость Закамской или Черемшанской, начатой въ 1732 г., а между тѣмъ въ крѣпостяхъ и форпостахъ Яицкой линіи былъ большой недостатокъ въ людяхъ; поэтому Татищевъ рѣшился перевести сюда съ Закамской линіи ландмилицкіе полки, инженеровъ и артиллерійскихъ служителей. Какъ опытный человѣкъ, Татищевъ не положился на вѣрность киргизъ-кайсаковъ; присяга, данная ихъ ханомъ, послужила ему, напротивъ, толчкомъ и удобнымъ средствомъ къ дальнѣйшему укрѣпленію Яицкой линіи. При помощи морскаго капитана изъ англичанъ Элтона и другихъ инженеровъ, Татищевъ основалъ крѣпости: Тевкелевъ бродъ (впослѣдствіи Новосергіевская), Переволоцкую, Чернорѣченскую, Ельшанскую, Карагайскую и Иткульскую и докончилъ устройство Бердской и Губерлинской крѣпостей" [a]. Татищевъ находилъ также неудобнымъ и мѣсто, избранное Кирилловымъ, для построенія Оренбурга, по причинѣ сильнаго разлитія рѣкъ, во время весенняго половодья, и потому еще на генеральномъ мензелинскомъ Совѣтѣ указалъ на другое мѣсто, находящееся на 140 верстъ [b] ниже перваго, при урочищѣ Красная гора, гдѣ теперь находится Красногорская крѣпость; но, осмотрѣвши лично это мѣсто, онъ нашелъ и его не вполнѣ удобнымъ и избралъ третье, менѣе гористое [c], верстъ на 40 еще ниже по теченію Яика. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, и это мѣсто оказалось неудобнымъ [d].

Въ концѣ 1738 г., поздравляя Кабинетъ министровъ съ усмиреніемъ башкиръ, Татищевъ просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ, что ему и было разрѣшено. Явившись въ столицу, Татищевъ 20 февраля 1739 г. подалъ Императрицѣ докладъ, въ которомъ настаивалъ, чтобы Оренбургъ былъ переселенъ на новое мѣсто, болѣе удобное. Кабинетъ-министры, обсудивъ докладъ Татищева при его участіи, опредѣлили: *„городъ Оренбургъ строить при Красной горѣ, а прежній Оренбургъ называть Орскою крѣпостью"*.

Но въ это самое время, какъ Татищевъ далъ дальнѣйшій ходъ широко-задуманнымъ планамъ Кириллова, онъ долженъ былъ навсегда оставить Оренбургъ. В. Н. Татищевъ, какъ извѣстно, не разъ былъ обвиняемъ въ лихоимствѣ. Еще Никита Демидовъ жаловался Петру Великому, что Татищевъ беретъ взятки. Когда Петръ спросилъ Та-

---

a) Смотр. примѣч. 23.

b) П. С. Зак. № 8630.

c) Оренб. Епарх. Вѣд. 1873 г., стр. 163. Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли," ч. II, стр. 498. Адресъ-Календарь Ор. губ. 1849 г., л. 11 въ приложеніи.

d) Объ отношеніи Татищева къ крещенымъ ставропольскимъ калмыкамъ будетъ сказано дальше, въ особой главѣ о нихъ.

тищева, правду-ли говоритъ о немъ Демидовъ; то обвиняемый отвѣтилъ: „Правду, государь: *я беру,* но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю! Лихоимство есть грѣхъ, достойный наказанія, а мзда за труды не грѣхъ, и апостолъ говоритъ: „*Мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу*“[a]).— Разъясняя далѣе свой взглядъ на „*мзду за труды,*“ Татищевъ говоритъ: „Судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ Приказѣ только до полудня, а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ; если же, Государь, я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся; *а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставлю;* и несмотря на реэстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу; слѣдовательно, въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества осужденъ быть не могу“ [b]). Петръ, выслушавъ Титищева, сказалъ: „Хотя сіе и правда, и для совѣстныхъ людей невинно; но *позволить сего отнюдь нельзя* для безсовѣстныхъ, чтобы подъ видомъ доброхотныхъ подарковъ не стали принужденно вымогать“. Кромѣ того, какъ передаетъ Штелинъ со словъ Ив. Ив. Неплюева и Ѳеодора Ивановича Соймонова, Петръ Великій замѣтилъ Татищеву: „Ты позабылъ, что прямодобродѣтельный судья служеніе свое почитаетъ священнымъ долгомъ, которому всегда слѣдуетъ; ему не приходитъ и въ мысль временная корысть; что ты дѣлаешь изъ мзды, то дѣлаетъ онъ изъ добродѣтели, имѣя въ виду одну только *вѣчную награду отъ Мздовоздателя Бога,* которую предвкушаетъ и во временномъ житіи отъ совѣсти своея. Итакъ, я бы желалъ видѣть и въ тебѣ таковаго судію, дабы дѣлалъ ты изъ утѣшенія совѣсти то, что дѣлаешь изъ мзды“ [c]). Но этотъ нравственный урокъ Петра, вѣроятно, не согласовался со взглядами самого Татищева; можетъ быть, онъ потому и умолчалъ о заключительныхъ словахъ Царя въ своемъ разговорѣ со Штелинымъ. Покойный Р. Г. Игнатьевъ, извѣстный въ свое время знатокъ оренбургскихъ и другихъ архивовъ, такъ отзывается о Татищевѣ: „Въ короткое время своего управленія Оренбургскимъ краемъ Татищевъ успѣлъ сдѣлать не мало добра, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ надѣлать и зла. Татищевъ былъ лихоимецъ, взяточникъ и, принявъ начальство надъ краемъ, ознаменовалъ себя казнокрадствомъ, бралъ деньгами и подарками съ купцовъ, привлеченныхъ въ край данными Правительствомъ привиллегіями. Бралъ Татищевъ вездѣ и всюду, со всѣхъ

---

[a]) Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собр. Яковымъ Штелинымъ. Изд. 3, Москва, 1830 г., ч. IV, стр. 108—109.

[b]) Тамъ же.

[c]) Тамъ же, стр. 110 и 111.

и всякаго, гдѣ только было можно взять.... Отъ природы человѣкъ неуживчивый, Татищевъ въ Петербургѣ ссорился съ сильными міра, въ Сибири—съ воеводами, купцами, чиновниками и заводчикомъ Демидовымъ. На Татищева доносили и онъ на другихъ доносилъ.... Теперь онъ сталъ гнать бригадира Тевкелева, всѣхъ любимцевъ Кириллова, разсорился съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, великимъ лихоимцемъ, самодуромъ и кляузникомъ,[a] вооружилъ противъ себя многихъ чиновныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ, вооружилъ купечество"[b]. По нашему мнѣнію, этотъ отзывъ о Татищевѣ можетъ быть названъ нѣсколько преувеличеннымъ и рѣзкимъ. Нужно замѣтить, что Татищевъ, не всегда строгій къ самому себѣ, былъ всегда строгъ въ отношеніи къ другимъ, при чемъ нерѣдко прибѣгалъ къ мѣрамъ крутаго свойства. Вслѣдствіе этого онъ скоро и наживалъ себѣ враговъ; особенно были недовольны имъ Тевкелевъ и Шемякинъ, имѣвшіе сильное вліяніе на инородческое населеніе края; изъ Башкиріи полетѣли доносы и жалобы на крутаго начальника въ Петербургъ. Не пользуясь расположеніемъ всесильнаго въ то время Бирона[c], Татищевъ самъ попалъ подъ слѣдствіе[d] и болѣе уже не возвращался въ Оренбургъ. Татищевъ поселился было въ Самарѣ[e] въ собственномъ своемъ домѣ; но вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по его дѣлу. Слѣдствіе по его дѣлу затянулось болѣе чѣмъ на годъ, а 11 августа 1741 г. приказано было немедленно прекратить его[f]. 15 августа того же года Татищевъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Калмыцкой Коммиссіи[g], а 31 декабря—губернаторомъ въ Астрахань,[h] гдѣ оставался до 1745 г., когда на его мѣсто былъ назначенъ камергеръ Ив. Брылкинъ[i]. Вскорѣ Татищевъ вторично былъ отданъ подъ судъ и жилъ подъ арестомъ въ своей деревнѣ, близъ Москвы, Болдинѣ, гдѣ и скончался 15 іюля 1750 г. Наканунѣ его смерти въ Болдино прискакалъ изъ Петербурга курьеръ съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Татищевъ написалъ благодарственное письмо къ Государынѣ и отослалъ

---

a) См. въ „Оренб. Листкѣ“ за 1875 г. статью Р. Игнатьева: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“.

b) Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи (эпизодъ изъ исторіи Оренбургскаго края XVIII столѣтія)—Р. Игнатьева; отдѣльн. оттискъ изъ „Оренбург. Листка“ за 1880 г. (№№ 7—17), стр. 37.

c) Биронъ считалъ Татищева главнымъ врагомъ нѣмцевъ.

d) Барановъ. Опис. сен. арх., №№ 6862 (С. А. 52; 45), 7035 (С. А. 53; 132), 7201 (С. А. 54; 246) и 7803 (С. А. 61; 141).

e) Памятникомъ о Татищевѣ въ Самарѣ служитъ пожертвованный имъ колоколъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ на колокольнѣ Стараго собора.

f) Барановъ. Опис. сен. арх. № 8559 (С. А. CXLII, 97).

g) Тамъ же, № 8569 (С. А. CXLII, 109).

h) Тамъ же, № 8712 (С. А. 66; 102).

i) Тамъ же, № 9456 (С. А. 73; 52).

орденъ назадъ; тогда же снята была находившаяся при немъ стража изъ солдатъ сенатской роты, а на слѣдующій день, исповѣдывавшись и пріобщившись Св. Таинъ, В. Ник. мирно скончался на 65 году своей жизни[a].

Мѣсто Татищева занялъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, человѣкъ умный, энергичный, но жестокій, не любившій никому давать пощады[b]. Изъ инструкціи, данной Урусову, видно, что главныя порученія, которыя предстояло выполнить ему, состояли въ слѣдующемъ: 1) городъ Оренбургъ построить на урочищѣ „Красная гора", а основанный на устьѣ рѣки Ори—переименовать въ Орскую крѣпость; 2) отъ мѣста новаго Оренбурга вверхъ по р. Яику до Верхнеяицкой крѣпости и отъ нея по рѣкамъ Ую и Тоболу до Царева городища строить крѣпостцы; 3) Закамскую линію, отдѣлявшую Казанскій уѣздъ отъ Башкиріи, оставить, а полки Закамской ландмилиціи поселить на Самарской и Оренбургской линіяхъ; 4) для поселенія въ крѣпостяхъ великороссійскихъ людей и крестьянъ не принимать, принятыхъ же помѣщичьихъ возвратить, а селить старыхъ службъ служилыхъ людей[c]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Урусовъ долженъ былъ принять въ подданство Россіи и Среднюю Киргизскую орду, выразившую на то свое желаніе еще при Татищевѣ.

Отправляясь въ Оренбургъ, Урусовъ имѣлъ при себѣ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ 5878 человѣкъ[d]. Между тѣмъ башкиры снова взбунтовались, подъ предводительствомъ Ландзіангула; но особенно много причинилъ безпокойства Русскому Правительству появившійся среди башкиръ Салтанъ-Гирей, по прозванію Каракасалъ. Личность Каракасала пользовалась такою популярностью среди башкиръ, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія находятся о немъ въ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева[e].

Въ печати было высказано мнѣніе, что Каракасалъ означаетъ киргиза Малой орды, Амулинскаго племени, которое кочевало по берегамъ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Кувана, выше Карасаката, а лѣтомъ перекочевывали къ границамъ нынѣшняго Верхнеуральскаго уѣзда и къ самому почти г. Верхнеуральску[f]. Въ канцелярскихъ бумагахъ того времени слово „Карасакалъ" встрѣчается въ формѣ „Каракасалъ"; Рычковъ же въ своей „Оренбургской Исторіи" называетъ его Карасакаломъ (Чер-

---

[a]) „Русск. Стар." 1887 г., іюнь.
[b]) См. о немъ въ концѣ книги примѣчаніе 25-е.
[c]) П. С. Зак., т. X, № 7876.
[d]) Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 152.
[e]) Главнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи для насъ служила статья Р. Г. Игнатьева: „Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи", напечатанная въ „Оренбургскомъ Листкѣ" за 1880 г. и составленная на основаніи сырыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ.
[f]) Географическо-Статистич. Словарь Росс. Импер. П. Семенова, т. II, стр. 500.

ная борода) и говоритъ, что онъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, могъ пробраться на Кубань, гдѣ узналъ о судьбѣ Салтанъ-Гирея, сына зюнгорскаго хана Конташлы, за котораго потомъ себя и выдалъ. Гирей Шупа, за котораго выдавалъ себя Каракасалъ, бѣжалъ отъ своего отца, хана Конташлы, къ волжскимъ калмыкамъ, гдѣ и умеръ нѣсколько раньше появленія подъ его именемъ Каракасала. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Каракасалъ могъ происходить изъ киргизъ и, можетъ быть, изъ ханскаго рода; башкиры же, спрошенные подъ пытками, показали, что Каракасалъ происходилъ изъ простыхъ башкиръ Юртаминской волости, гдѣ у него проживаютъ родственники и жена, и что его настоящее имя Миндегулъ. Но кто бы ни былъ Карасакалъ, — калмыкъ, амулинскій киргизъ, башкирецъ или выходецъ съ Кавказа, изъ Хивы, Бухары, авантюристъ-ли,—только появленіе его въ Башкиріи произвело большой переполохъ.

Каракасалъ, во время появленія его въ Башкиріи, имѣлъ 32 года отъ рожденія. Это былъ физически окрѣпшій и хорошо сложенный мужчина; онъ молодецки управлялъ конемъ и оружіемъ, удивляя первѣйшихъ удальцовъ и наѣздниковъ изъ башкиръ. Знаніе арабскаго языка внушало уваженіе къ нему даже самимъ мулламъ: никто изъ нихъ не могъ лучше Каракасала толковать Коранъ; къ тому же онъ былъ въ Меккѣ и Мединѣ, звался хаджи и носилъ бѣлую чалму. Кромѣ арабскаго языка, Каракасалъ зналъ всѣ средне-азіатскія мѣстныя нарѣчія, всего же лучше—зюнгорское. Кромѣ того, Каракасалъ, по свидѣтельству Рычкова, „былъ весьма хитръ и коварственъ", говорилъ умно, увлекательно и доказательно; жизнь велъ безукоризненную и былъ религіозенъ до фанатизма. Все это давало Каракасалу право на общее уваженіе. Называя себя сыномъ зюнгорскаго хана Шупой, братомъ царствующаго хана Галданъ-Чарипа, Каракасалъ представлялъ документы и засвидѣтельствованную поколѣнную, или родословную роспись, гдѣ онъ названъ Султаномъ-Гиреемъ, объясняя при этомъ, что подъ именемъ Каракасала онъ проживаетъ въ изгнаніи, но царствовать долженъ подъ именемъ Гирея. „Я былъ язычникъ",—говорилъ Каракасалъ,—„но все—къ лучшему: я познаалъ истину и сталъ мусульманиномъ. Великій Аллахъ и его Пророкъ привели меня посѣтить Мекку и Медину, они же помогутъ мнѣ отобрать отъ злодѣя-брата по праву мнѣ принадлежащій зюнгорскій народъ. Гдѣ я буду ханомъ, тамъ просіяетъ истина и прославится имя Великаго Аллаха и его Пророка. Въ Зюнгоріи зовутъ меня самозванцемъ, но это—лишь изъ боязни предъ братомъ, а появись я съ войскомъ—заговорятъ другое; я всегда могу расчитывать на преданность ко мнѣ, а главное—къ моему

отцу, память о которомъ славна въ народѣ.... Я могу расчитывать на помощь, по крайней мѣрѣ, 20,000 зюнгорскаго войска" [a].

Каракасалъ сначала явился къ ханамъ Большой, Средней и Малой киргизскихъ ордъ, и вездѣ принимали его ласково, разсматривали его документы, внимательно слушали. Такъ поступали ханы, старшины и вообще киргизская аристократія, отклонявшіе, впрочемъ, всякую мысль воевать изъ-за него съ Зюнгорами, не смотря на враждебныя отношенія къ послѣднимъ; простые же киргизы, особенно молодое поколѣніе, готовы были слѣдовать за Каракасаломъ, увлекаемые его мнимыми качествами, а еще болѣе обѣщаніями наживы. Слава о Каракасалѣ дошла и до башкиръ, даже въ преувеличенномъ видѣ. Среди нихъ нашлись люди, которые видѣли въ Каракасалѣ человѣка, посланнаго Богомъ, а иные желали избрать Каракасала своимъ ханомъ. Коноводы постарались огласить имя Каракасала по всей Башкиріи; начались совѣщанія, на которыхъ единогласно рѣшили: называть Каракасала будущимъ, или нарѣченнымъ ханомъ. Но не успѣли еще окончиться совѣщанія, какъ Каракасалъ самъ явился къ башкирамъ и объявилъ, что онъ, какъ природный владѣлецъ Зюнгоріи, современемъ будетъ добиваться своихъ законныхъ правъ на похищенный у него тронъ; но теперь, видя нужды и бѣдствія правовѣрнаго народа, онъ готовъ забыть свои собственныя дѣла и сражаться одинъ, какъ воинъ, за свободу мусульманъ, томившихся подъ игомъ невѣрныхъ. „Вы мнѣ обѣщаете ханство, и я пришелъ заслужить его, но не прежде приму, какъ заслужу.... У меня много приверженцевъ не только въ Зюнгоріи, но и въ киргизскихъ степяхъ, и я могу собрать 20,000 воиновъ". Въ то же время Каракасалъ подъ рукою старался разглашать, что если башкиры поскорѣе сдѣлаютъ его ханомъ, то и войско его явится скорѣе; что его, Каракасала, знаетъ и Турецкій Султанъ, который воюетъ съ Россіей; что, по одному слову его, турецкое войско придетъ подъ Астрахань и тогда можно будетъ подумать о возстановленіи царствъ Казанскаго и Астраханскаго [b].

Принявъ начальство надъ мятежными шайками башкиръ, Каракасалъ дѣйствовалъ исключительно на территоріи, граничащей съ киргизскими степями, имѣя въ виду, что, въ случаѣ неудачи, ему легче отсюда уйти въ степь, нежели изъ-за Уральскаго хребта: въ степи онъ могъ расчитывать и на гостепріимство, даже при неудачѣ, а тамъ, за хребтомъ, ждала его вѣрная гибель. Отличаясь необыкновенной храбростью, Каракасалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ хладнокровенъ и сдержанъ; онъ никогда

[a] Р. Игнатьева: „Каракасалъ джеханъ Башкиріи"; отд. оттискъ, стр. 9.
[b] Тамъ же, стр. 11 и 12.

не увлекался удачей и не терялся въ несчастіи; казалось, сама судьба создала его военачальникомъ: его полудикія толпы, кое-чѣмъ и кое-какъ вооруженныя, смѣло выходили противъ регулярныхъ войскъ и, кромѣ грозной артиллеріи, не боялись ничего, ни пѣхоты, ни конницы. При этомъ Каракасалъ распустилъ о себѣ слухи, что когда еще онъ былъ въ Меккѣ, имамы благословили его на бой съ невѣрными и дали ему оружіе, освященное молитвами при гробѣ великаго Пророка. Каракасалъ становился все популярнѣе и авторитетъ его росъ не по днямъ, а по часамъ; сложились разсказы о его святости и необыкновенной силѣ; говорили, что онъ знаетъ такую молитву (есми-екзямъ), отъ которой человѣкъ на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ и никакое оружіе ему не вредитъ; что когда Каракасалъ шелъ сражаться съ невѣрными, то шайтанъ (чортъ) хотѣлъ ему помѣшать и для того обратился въ трехглаваго змѣя; но Каракасалъ отрубилъ змѣю всѣ три головы, и змѣй вдругъ обратился въ дымъ, который, распространяя смрадъ, разсѣялся по степи.... Въ другой разъ Каракасалъ увидалъ шайтана, идущаго противъ него въ образѣ батыря, сидящаго на огненномъ конѣ, но Каракасалъ прочиталъ свою „есми-екзямъ"— и шайтанъ изчезъ.... Башкиры уже пѣли о Каракасалѣ свои пѣсни:

„Каракасалъ-батырь,
Какихъ мало въ свѣтѣ.
Въ бѣлой чалмѣ,
На черномъ конѣ—
Быстръ онъ, какъ вѣтеръ;
Грозенъ, какъ Божья гроза.
Богомъ хранимый,
Не боится враговъ, но ихъ побиваетъ
Острою саблей, копьемъ и стрѣлами:
Онѣ ему въ Меккѣ даны....
Каракасалъ-батырь,—
Каракасалъ-батырь,
Какихъ мало на свѣтѣ,—
Онъ Богомъ хранимъ:
Ему нипочемъ сотня враговъ,
Одинъ идетъ на сто человѣкъ;
Одинъ побиваетъ сто человѣкъ,
Онъ—батырь, батырь,
Божья гроза, пагуба невѣрныхъ—
Онъ Богомъ хранимъ".

* * *

„Ханъ, ханъ Каракасалъ
Ѣдетъ, смотрите!
Въ бѣлой чалмѣ, на черномъ конѣ;
Грозно онъ саблею машетъ
И громко правовѣрныхъ скликаетъ
Идти на враговъ, идти противъ невѣрныхъ.
Съ нимъ биться никому невозможно:
Его не вредятъ ни пули, ни стрѣлы,
Ни копья, ни сабли:
Онъ Богомъ хранимъ!“[a])

Каракасалъ началъ свою дѣятельность еще при Кирилловѣ и много доставилъ ему непріятностей, во время его движенія къ устью рѣки Ори, для основанія русскаго города. При Татищевѣ были захвачены главные виновники, которые призвали Каракасала: Кильмякъ, Акай и Юсупъ. Но когда приказано было исетскому воеводѣ и челябинскому коммендангу искоренить башкирскія шайки и поймать самого Каракасала,—вдругъ среди недовольныхъ башкиръ возникла мысль—признать Каракасала ханомъ всей Башкиріи, съ порученіемъ ему главнаго начальства и чтобы онъ прибылъ въ Уфимскую провинцію. Каракасалъ, узнавъ о томъ, сталъ называться ханомъ Башкиріи Султанъ-Гиреемъ, но въ Уфимскую провинцію не рѣшался идти и, по-прежнему, держался на старыхъ мѣстахъ, поближе къ киргизамъ. Въ мартѣ 1740 г., Урусовъ доносилъ изъ Самары, что „между башкирцами Сибирской дороги явился новый возмутитель Салтанъ-Гирей, по прозванію Карасакалъ; одни говорятъ, что онъ турокъ, другіе считаютъ его кубанцемъ. Карасакалъ разглашаетъ, что прежде онъ жилъ въ Башкиріи, а потомъ поселился на р. Кубани, гдѣ у него силы 82000 человѣкъ. Узнавъ о башкирскомъ раззореніи, онъ пріѣхалъ, имѣя при себѣ 8000 кубанскаго войска, 2000 калмыковъ и 500 киргизъ; войско его осталось покуда въ верховьяхъ р. Эмбы, откуда скоро придетъ и, вмѣстѣ съ башкирами, будетъ громить русскія жилища“[b]). Въ апрѣлѣ Урусовъ донесъ, что, не смотря на посланный противъ Каракасала отрядъ, число его приверженцевъ растетъ. Между тѣмъ башкиры, узнавъ о движеніи русскихъ войскъ, стали говорить, что если къ Каракасалу войско не придетъ, то они выдадутъ его русскому начальству. „Вышеписанныя обстоятельства“,—замѣчаетъ Урусовъ,—„довольно показываютъ, что то происшедшее

---

[a]) Тамъ же, стр. 24 и 25.
[b]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 349.

замѣшаніе инако прекращено быть не можетъ, какъ токмо силою оружія и причиненіемъ тѣмъ ворамъ потомственнаго страха, ибо много оказыванное къ нимъ высочайшее милосердіе въ нечувствительныхъ ихъ воровскихъ сердцахъ почитай никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такія милосердныя наказанія по жестокосердію сего народа къ лучшему споспѣшествовать могутъ-ли?" [a] Такимъ образомъ Урусовъ былъ совершенно иного воззрѣнія на башкирскіе мятежи, чѣмъ Татищевъ, говорившій, что онъ не видитъ возможности принудить башкиръ къ покорности силою.

Прибывъ въ Мензелинскъ, Урусовъ энергично принялся за дѣла судной коммиссіи. Начались допросы пойманныхъ башкиръ и нещадныя пытки надъ ними: ихъ жгли огнемъ, сажали на колья, ломали имъ ребра, рубили головы и вѣшали. Въ Оренбургѣ, по желанію Урусова, была открыта другая судная коммиссія, съ такимъ же характеромъ. Ужасъ охватилъ башкиръ и проникъ даже въ лѣса и горы, гдѣ скрывались мятежныя шайки. Бунтовщики сотнями стали являться съ повинною къ воеводамъ, коммендантамъ и отряднымъ начальникамъ, неся сами на себѣ топоры и плахи, но пощады не было никому. Не смотря однакожъ на все это, среди возставшихъ башкиръ нашлись и такіе, которые рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ: одни терпѣливо сносили пытки и смѣло шли на ужасную казнь, а иные сами добровольно уморили себя голодомъ въ тюрьмѣ. Урусовъ самъ сознавался потомъ на военномъ совѣтѣ въ Оренбургѣ, что пытки часто оказывались не дѣйствительными, и потому приходилось обращаться къ другимъ мѣрамъ, напримѣръ; къ развѣдыванію стороной чрезъ инородцевъ и въ особенности чрезъ самихъ же башкиръ, оставшихся вѣрными Правительству. Озлобленные башкиры до того ожесточились, что когда попадался въ ихъ руки русскій человѣкъ, они замучивали его до смерти и потомъ издѣвались надъ его трупомъ, даже надругались надъ трупами убитыхъ въ сраженіи. При нападеніи на русскія селенія, башкиры жгли церкви, часовни, дома, вмѣстѣ съ ихъ обитателями; ругались надъ святыней [b]; уничтожали могильные памятники; вырывали на кладбищахъ трупы и кости покойниковъ, сожигали или разбрасывали ихъ по нечистымъ мѣстамъ. Такъ, между прочимъ, поступили башкиры при взятіи Табынской крѣпости въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ и солеваренннаго завода купца Утятникова, близъ Табынска. Такая звѣрская расправа башкиръ съ русскими, живыми

---

[a] Тамъ же, стр. 350.

[b] См. объ отношеніи башкиръ къ святынѣ въ книгѣ Гуменскаго: „Сказаніе объ иконѣ Казанской Табынской Божіей Матери". Уфа, 1870 г. Эта икона, оскорбленная нѣкогда башкирами, чествуется въ Оренбургскомъ округѣ, какъ чудотворная, и носится ежегодно по городамъ и селамъ Оренбургской и Уфимской губерніи и Уральской области.

и мертвыми, должна была вызвать крутыя и подъ часъ жестокія мѣры со стороны Правительства и главныхъ начальниковъ края.

Допросивъ до 300 башкиръ, Урусовъ приказалъ разослать универсалы и огласить во всей Башкиріи о самозванствѣ Каракасала и тотчасъ же принять мѣры къ поимкѣ его, обѣщая тѣмъ, кто его выдастъ, прощеніе, а тѣмъ, кто скроетъ,—казнь и гибель семьи и всего имущества. Несмотря на то, что отрядъ Каракасала рѣдѣлъ отъ потерь и побѣговъ, не одинъ изъ бѣглецовъ-башкиръ не думалъ выдать Урусову своего хана, и мятежъ башкиръ, почти подавленный въ Уфимской провинціи, разгорался все болѣе и болѣе въ Исетской провинціи, благодаря Каракасалу. Урусовъ принялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе покончить съ Каракасаломъ. Не довольствуясь командами, бывшими у исетскаго воеводы и челябинскаго коммендантa, полковника Павлуцкаго, Урусовъ отправилъ туда еще сильные отряды пѣхоты и конницы съ артиллеріею, подъ начальствомъ полковника князя Путятина и маіора Языкова. Въ то время, какъ исетскій воевода старался усмирить бунтовщиковъ въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, Павлуцкій, Путятинъ и Языковъ дѣйствовали противъ мятежниковъ въ Оренбургской губерніи. Они выжгли много башкирскихъ селеній; побили нѣсколько тысячъ бунтовщиковъ; забрали имущество, скотъ, женъ и дѣтей и нѣсколько разъ имѣли дѣло съ отрядомъ самого Каракасала. Постоянно разбиваемый, лишась многихъ изъ своего отряда есауловъ, сотниковъ и простыхъ башкиръ, Каракасалъ отступилъ поближе къ киргизамъ[a].

Въ маѣ того же (1740) года, полковникъ Арсеньевъ, командовавшій русскимъ отрядомъ на Сибирской дорогѣ, поймалъ главнаго вора и зачинщика башкирца Аландзіангула, который показалъ, что Каракасалъ не турокъ и не кубанецъ, а башкирецъ Ногайской дороги; что у него тамъ—домъ, мать, братья, жена и дѣти, а султаномъ и ханомъ назвалъ его онъ, Аландзіангулъ, вмѣстѣ съ другими ворами башкирцами, для возмущенія народа; они же разглашали и о войскѣ Каракасала, котораго у него никогда не бывало[b].

Между тѣмъ, Каракасалъ, въ виду киргизскихъ степей, не смотря на малочисленность своего отряда, еще разъ сразился съ Павлуцкимъ, но былъ разбитъ, раненъ и скрылся въ Киргизскую степь съ 50-ю уцѣлѣвшими башкирцами. Павлуцкій не рѣшился гнаться за Каракасаломъ, но послалъ въ степь гонца съ требованіемъ, отъ имени Правительства, выдачи Каракасала и его сообщниковъ. Хотя киргизы,

---

[a]) Р. Игнатьева: „Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи," стр. 42.
[b]) Исторія Россіи, т. XX, стр. 350.

принимая русское подданство, и обѣщались выдавать бѣглецовъ; но на этотъ разъ отвѣчали, что 50 человѣкъ, бывшихъ съ Каракасаломъ, взяты въ плѣнъ, ограблены и сдѣланы невольниками. Что же касается Каракасала, то онъ есть высокая и владѣтельная особа Султанъ-Гирей, сынъ и наслѣдникъ умершаго и родной братъ нынѣшняго зюнгорскаго хана; что выдать его они не могутъ и какъ гостя, и какъ хана, отдавшагося подъ покровительство киргизскаго народа, но не отказываются искать случая къ выдачѣ Каракасала впредь.... Долго стоялъ Павлуцкій съ своимъ отрядомъ близъ киргизской границы; посылалъ другаго и третьяго гонца, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, о чемъ и донесъ князю Урусову.

Когда бунтъ совершенно былъ усмиренъ, башкиры, замѣшанные въ немъ, явились въ Оренбургъ въ числѣ свыше 5000 человѣкъ; ихъ расположили въ полѣ лагеремъ, въ 12 верстахъ отъ города, подъ карауломъ сильнаго отряда войскъ; сюда же должны были собраться мещеряки и непричастные бунту башкиры и ожидать пріѣзда въ Оренбургъ князя Урусова. Десятаго августа (1740 г.) явился и Урусовъ. При видѣ его, въ лагерѣ башкиръ послышались плачъ и рыданія; виновные пали на землю, умоляя о высочайшемъ помилованіи. Князь приказалъ, чтобы всѣ они встали и внимательно выслушали, что имъ будутъ читать. Тогда толмачъ, находившійся при князѣ, началъ громко и съ разстановкой читать по-татарски Рѣчь Урусова, поясняя значеніе каждой фразы[a]. По прочтеніи Рѣчи, въ которой указывалось на мятежи и грабительства башкиръ, снова начались — просьбы о помилованіи и плачъ башкиръ. Князь приказалъ всѣмъ замолчать и ожидать указа. Урусовъ подозрѣвалъ, что въ числѣ явившихся съ раскаяніемъ и умолявшихъ о помилованіи башкиръ находятся преступники и сообщники Каракасала, но не надѣялся обнаружить ихъ, убѣдившись на опытѣ, что безъ явныхъ уликъ ни къ чему не поведутъ и пытки. Князь созвалъ военный Совѣтъ, на которомъ было рѣшено собрать о всѣхъ подозрѣваемыхъ личностяхъ необходимыя свѣдѣнія чрезъ вѣрныхъ мещерякскихъ и башкирскихъ старшинъ, объявивъ имъ, что если они что-либо скроютъ или утаятъ, то будутъ казнены смертію безъ всякой пощады. Мѣра эта подѣйствовала: мещеряки, а за ними башкирскіе старшины разсказали все, что имъ было извѣстно о многихъ бунтовщикахъ, теперь просившихъ помилованія. По этимъ указаніямъ начались розыски, аресты и пытки, которыя открыли множество виновныхъ. Князь спѣшилъ поскорѣе окончить слѣдствіе, чтобы освободить Оренбургъ отъ накопившихся въ немъ колодниковъ. Въ шести верстахъ отъ прежняго Оренбурга (нынѣ г. Орскъ),

[a]) Смотр. эту рѣчь въ приложеніи.

на горѣ, при громадномъ стеченіи народа и при собраніи войска изъ вѣрныхъ башкиръ и мещеряковъ, 25 августа 1740 года, по прочтеніи указа, совершена была *„экзекуція“* надъ виновниками бунта. Главные сообщники Каракасала: тептярь Кантуръ Максимовъ (сынъ чуваша, принявшій магометанство) и башкиры: Янусъ Измаиловъ, Джіангулъ Усѣкѣевъ, Карабашъ Углеяловъ, Якупъ Касимовъ были посажены на желѣзные колья, укрѣпленные на высокихъ каменныхъ столбахъ. Одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ семь есауловъ Каракасала, повѣшены на желѣзные крючья за ребра; восемьдесятъ человѣкъ просто повѣшены; двадцать одному человѣку отрублены головы, въ томъ числѣ былъ обезглавленъ даже мертвецъ Ангуловъ, какъ одинъ изъ выдумавшихъ Каракасала[a]. 17 сентября того же года, въ присутствіи князя Урусова, была произведена другая *„экзекуція“* въ Сакмарскомъ городкѣ, въ 30 верстахъ отъ нынѣшняго Оренбурга. Здѣсь 125-ти человѣкамъ отрублены головы; 50 человѣкъ повѣшено; 301-му челов. отрѣзаны уши и носы, послѣ чего лишенные по суду ушей и носовъ были отпущены по своимъ деревнямъ, какъ менѣе виновные, которые признались во всемъ и безъ пытокъ выдали другихъ. Много также подобныхъ казней совершено было въ Мензелинскѣ, по опредѣленію тамошней судной коммиссіи, гдѣ предсѣдательствовалъ генералъ Соймоновъ, неотличавшійся гуманностью и нелюбившій давать пощады бунтовщикамъ.

Не мало погибло русскаго войска и мирныхъ обитателей края въ упорной борьбѣ съ башкирами; но особенно дорого обошлась эта отчаянная кровавая борьба самимъ башкирамъ. По свидѣтельству Рычкова, начиная только съ 1735 и по 1740 г. было сожжено 300 башкирскихъ деревень; казнено 7455 чел.; сослано въ каторгу 135 челов.; отдано помѣщикамъ башкирскихъ женъ и дѣтей 2882 ч.; собрано 1001 лошадь, 196 коровъ и 8 верблюдовъ,—это по свѣдѣніямъ Оренбургской коммиссіи. По свѣдѣніямъ Мензелинской коммиссіи казнено и убито въ сраженіяхъ и при нападеніи на селенія 9438 ч.; сослано въ каторгу 3101 ч.; роздано помѣщикамъ башкирскихъ женъ и дѣтей 6309 ч.; взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота 17,154; деньгами и выручено за продажу лошадей 9828 р. 29 к.; сожжено башкирскихъ деревень 396. Касательно убитыхъ во время бунта башкиръ Рычковъ справедливо замѣчаетъ, что эти свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны и на нихъ, по его словамъ, „утверждаться весьма не можно, ибо много о томъ, что отъ нерегулярныхъ людей происходило, рапортовъ по-

---

[a]) Ангуловъ самъ себя уморилъ голодомъ въ то время, когда его везли въ Оренбургъ: онъ не пилъ и не ѣлъ болѣе десяти дней; до дня казни онъ не дожилъ и у него у мертваго отрублена голова.

даваемо не было, и еще закрывались"[a]. Подъ нерегулярными людьми Рычковъ, вѣроятно, разумѣетъ казаковъ, мещеряковъ и вѣрныхъ башкиръ, которые, пользуясь случаемъ, грабили и убивали бунтовщиковъ, не донося о томъ по начальству. Кромѣ того такъ много было сослано бунтовщиковъ въ Сибирь, что ихъ тамъ почти за безцѣнокъ покупали себѣ въ рабство чиновники, купцы и даже крестьяне.

Въ то время, какъ сообщники Каракасала терпѣли страшныя пытки и поплатились лишеніемъ имущества, женъ, дѣтей и даже жизни, Каракасалъ жилъ въ полной безопасности среди киргизъ, какъ настоящій Султанъ-Гирей, законный претендентъ на зюнгорскій тронъ, похищенный у него братомъ. Онъ теперь болѣе уже не думалъ о башкирскомъ народѣ, а рѣшился попытать счастья въ Зюнгоріи. Каракасалъ купилъ себѣ 7000 лошадей и, съ дозволенія киргизскихъ хановъ, на свой счетъ сталъ собирать войска изъ киргизъ, чтобы во главѣ ихъ идти противъ зюнгорскаго хана, какъ похитителя его трона. Киргизы, будучи исконными врагами зюнгоръ, охотно собрались вокругъ славнаго вождя, который, въ случаѣ успѣха, могъ сдѣлаться добрымъ сосѣдомъ и другомъ киргизъ. Оставивъ позади себя опустошенную и раззоренную Башкирію, Каракасалъ двинулся въ Зюнгорію, во главѣ сформированной имъ дружины изъ волонтеровъ-киргизъ. Съ появленіемъ его въ Зюнгоріи, начались убійства и грабежи. Но ханъ Галданъ-Чарипа двинулъ противъ Каракасала 20,000 войска, при нѣсколькихъ орудіяхъ, и разбилъ на голову отрядъ самозванца, захвативъ въ плѣнъ множество киргизъ, лошадей и верблюдовъ; но самъ Каракасалъ и здѣсь, какъ раньше въ Башкиріи, не дался въ руки зюнгоръ: онъ ускакалъ на своемъ борзомъ конѣ и скрылся, оставивъ свою дружину на произволъ судьбы. Киргизы бросились въ свои степи, преслѣдуемые зюнгорами, и почти всѣ были убиты или взяты въ плѣнъ, больше же всѣхъ пострадали тѣ, которые вовсе не участвовали въ походѣ Каракасала. Зюнгоры обвиняли въ этомъ набѣгѣ хановъ Средней и Малой орды и, вторгнувшись въ Киргизскія степи, не щадили во владѣніи этихъ хановъ никого. Погромъ киргизскихъ ауловъ былъ страшный и кровавый. Преслѣдуя и наказывая киргизъ, зюнгорское войско до того увлеклось успѣхами своего оружія, что перешло на правый берегъ р. Яика (Урала) и, къ своему удивленію, очутилось предъ нòвымъ въ степи русскимъ городомъ, первоначальнымъ Оренбургомъ, или нынѣшнимъ Орскомъ. Зюнгоры остановились. Появленіе ихъ близь Оренбурга не менѣе удивило и встревожило русскія власти. Коммендантъ города тотчасъ же отправилъ

---

[a]) Р. Игнатьева: „Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи", стр. 55 и 56.

въ станъ зюнгорскаго войска нарочныхъ людей объявить зюнгорамъ, что они нарушили международное право и, вопреки обѣщанной дружбѣ, нападаютъ на подданныхъ Россіи киргизъ, грабятъ и убиваютъ ихъ, а теперь даже осмѣлились перейти за русскій рубежъ. Начальникъ зюнгорскаго войска поручилъ передать коммендanту, что, преслѣдуя Каракасала и его отрядъ, они, по незнанію, перешли за русскій рубежъ, въ чемъ и просятъ извиненія; что же касается ихъ отношеній къ киргизамъ, то они поступили съ ними, какъ съ исконными своими врагами, и отомстили имъ за ихъ набѣги и грабежи, не зная, что киргизы уже русскіе подданные. Оренбургскій коммендантъ на это оправданіе отвѣчалъ, что такъ-какъ киргизы приняли добровольно русское подданство и Россія обязана ихъ охранять; то чтобы „впредь зюнгорскій ханъ о всякихъ со стороны киргизъ противностяхъ писалъ прямо въ Оренбургскую Коммиссію, гдѣ по его жалобамъ будетъ чинена всякая справедливость, а самимъ собою впредь не расправляться съ киргизами и тѣмъ не нарушать мира и дружбы съ Россіей“ [a]) Тогда зюнгоры удалились; Каракасалъ же, надѣлавшій такъ много зла и *легкомысленнымъ* башкирамъ и *криводушнымъ* киргизамъ, пропалъ безъ вѣсти: никто не могъ сказать и не зналъ, куда онъ дѣвался [b]). Такъ кончилъ свои властолюбивые замыслы этотъ загадочный и далеко недюжинный человѣкъ.

По прекращеніи бунта, Урусовъ занялся устройствомъ стратегической линіи отъ Оренбурга (нынѣ Орска) до Верхнеяицкой (Верхнеуральскъ) крѣпости; а отсюда чрезъ Исетскую провинцію до Челябинска и отъ Верхнеяицкой пристани до Уйской крѣпости. Между прочимъ, въ силу указа 1739 года, Урусовъ думалъ построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Сакмарѣ, начиная отъ ея верховьевъ, и заселить ихъ ландмилицкими полками, имѣя въ виду, что поселенцы этихъ крѣпостей, находясь подъ прикрытіемъ Яицкой линіи укрѣпленій, могли безопасно заняться хлѣбопашествомъ и другими промыслами, обращенными на добываніе изъ земли различныхъ богатствъ природы. Осмотрѣвъ мѣстность по рѣкѣ Сакмарѣ, Урусовъ назначилъ уже девять мѣстъ подъ селенія; но этотъ планъ не успѣлъ осуществиться до пріѣзда въ край Неплюева, который призналъ его не соотвѣтствующимъ цѣли [c]). Чтобы обезопасить подвозъ провіанта изъ приволжскихъ мѣстъ, Урусовъ основалъ на р. Кутулукѣ, [d]) въ 25 верстахъ отъ Борской крѣпости по тракту на Сергіевскъ, особую

---

[a]) Тамъ же, стр. 58 и 59.
[b]) Тамъ же, стр. 59 и 60.
[c]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 231, 232. Слич. его же: „Оренбургск. Истор.“, § 98.
[d]) Топогр. Оренб. губ., ч. II, 124.

крѣпость и поселилъ здѣсь роту солдатъ Сергіевскаго полка; но потомъ эта крѣпость, какъ находившаяся въ сторонѣ отъ Самарской линіи укрѣпленій, была упразднена, а имѣвшіяся при ней угодья, въ силу указовъ, розданы были помѣщикамъ[a]. Крѣпости Ольшанская (Елшанка) и Тевкелевъ бродъ были перенесены Урусовымъ на новыя мѣста[b]. Въ 1740 г., во время поѣздки въ Орскую крѣпость, Урусовъ открылъ новый ближайшій путь къ устью р. Ори, который раньше былъ скрытъ башкирами отъ Кириллова. Путь, по коему шелъ Кирилловъ, лежалъ чрезъ Губерлинскія горы и представлялъ немаловажныя затрудненія, по причинѣ длинныхъ и тѣсныхъ ущелій, а также—крутыхъ спусковъ; путь же, указанный башкирами Урусову, находился лѣвѣе перваго, невдалекѣ отъ Подгорнаго редута, въ вершинѣ р. Ольшанки (Елшанка), при чемъ Губерлинскія горы остаются въ правой рукѣ[c]. Этотъ послѣдній путь имѣлъ только одинъ и то некрутой подъемъ, а затѣмъ—вся дорога ровная и удобная. Чтобы сдѣлать безопаснымъ проѣздъ по этому новому пути, Урусовъ основалъ на р. Чебаклѣ крѣпость. Впослѣдствіи, когда главная торговля была перенесена въ Троицкъ и въ новопостроенный Оренбургъ, Чебаклинская крѣпость была упразднена, такъ-какъ обозы въ Орскую крѣпость стали ходить прямо на Губерлинскую крѣпость, черезъ горы.

Въ бытность Урусова начальникомъ Оренбургской Коммиссіи, въ Оренбургъ пріѣзжали владѣльцы Средней киргизской орды Аблай и Абулъ-Махметъ, изъ которыхъ первый пользовался особеннымъ вліяніемъ на киргизъ[d]. Въ то же время ханъ Малой орды, Абулъ-Хаиръ прислалъ въ Оренбургъ своихъ сыновей Ирали и Нурали, извиняясь, что лично онъ не могъ явиться за болѣзнью и дальностью пути; на самомъ же дѣлѣ онъ боялся пограничнаго начальства за нарушеніе имъ своей присяги[e]. Сыновья Абулъ-Хаира, избѣгая встрѣчи съ владѣльцами Средней орды, постарались тайно уѣхать изъ Оренбурга[f], а Абулъ-Магметъ и Аблай, получивъ богатые дары, обѣщали полную покорность; но Аблай, по интригамъ Абулъ-Хаира, принялъ потомъ извѣстнаго уже намъ Каракасала, а Абулъ-Махметъ, отличавшійся болѣе тихимъ и миролюбивымъ характеромъ, удалился въ Туркестанъ. Въ 1741 г. изъ Самары былъ посланъ въ Киргизскую

---

[a] Тамъ же.
[b] Тамъ же, стр. 124 и 128.
[c] Тамъ же, стр. 139—140.
[d] Тамъ же, ч. I, стр. 152.
[e] Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 139.
[f] Тамъ же, стр. 141.

орду къ Абулъ-Хаиръ хану поручикъ Оренбургскаго драгунскаго полка Дмитрій Гладышевъ[a]; но время его возвращенія и результаты этой экспедиціи относятся къ 1742—1743 гг., когда вступилъ въ управленіе краемъ Неплюевъ, а потому мы и скажемъ объ этомъ при разсмотрѣніи отношеній Неплюева къ пограничнымъ средне-азіатскимъ странамъ и ихъ обитателямъ. Относительно школъ, заведенныхъ Татищевымъ въ Самарѣ, Урусовъ распорядился, чтобы они всѣ были собраны въ домѣ князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго, сосланнаго въ Самару „по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ“[b]. Въ мартѣ 1741 г., увѣдомляя Татищева объ успѣхахъ заведенной имъ въ Самарѣ татаро-калмыцкой школы, Урусовъ писалъ о татаро-калмыцкомъ лексиконѣ и переводахъ книгъ съ восточныхъ языковъ на русскій: „Во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстны“[c].—Вообще, Урусовъ относился весьма сочувственно къ Самарской татаро-калмыцкой школѣ и, сколько могъ, заботился объ ея улучшеніи. 20 іюля 1741 г. Василій Алексѣевичъ Урусовъ скончался отъ цынги въ Самарѣ, гдѣ и погребенъ въ трапезѣ церкви во имя Казанской Божіей Матери; надъ могилой его доселѣ видна чугунная позолоченная плита съ надписью и его фамильнымъ гербомъ.

Такимъ образомъ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, при живомъ содѣйствіи со стороны Правительства, Оренбургскій край былъ введенъ въ общую систему прочихъ областей Россійской Имперіи; его разнообразныя административныя части получили общую организацію и были подчинены надзору мѣстной высшей власти, на которую и были возложены обязанности, устраивая и развивая силы края, предуготовлять его къ тому великому будущему, какое завѣщалъ ему Петръ Великій. Выполнить эту задачу Преобразователя, какъ увидимъ, пришлось его любимцу, Ивану Ивановичу Неплюеву.

---

[a]) Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 161.

[b]) Ѳ. Веселаго. „Общ. Морск. Списокъ“. ч. I, стр. 67.

[c]) Пекарскій. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 11. Входящія письма 1741—1743 г. въ архивѣ Акад. конференціи.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе Неплюева въ Оренбургъ и первоначальныя мѣры, принятыя имъ къ устройству края въ финансовомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.—Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.—Аксаковъ и Соймоновъ.—Слѣдствіе по дѣлу Аксакова и удаленіе его отъ должности.—Волненіе среди крестьянъ Тевкелева.—Исходъ слѣдствія по дѣлу Аксакова.

„Видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, я былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ коею въ сію экспедицію прибылъ".

Неплюевъ.

„Здоровеньки-ли, Сіятельный? — Маленькій воръ Аксаковъ челомъ бьетъ большому вору, т. е., Вашему Сіятельству".

(*Изъ письма Твердышева къ Турчанинову*).

Не смотря на труды Кириллова, Татищева и Урусова, посвященные ими умиротворенію и устройству Оренбургскаго края, Неплюеву предстояло здѣсь обширное поле дѣятельности, особенно если принять во вниманіе самую пеструю смѣсь племенъ, населявшихъ этотъ край, сбродность пришлаго русскаго элемента, вошедшаго въ его составъ, постоянныя волненія среди башкиръ, взаимную вражду киргизъ и калмыковъ, грабежи тѣхъ и другихъ и обширность территоріи Оренбургскаго края, простиравшейся на 5500 в. въ окружности, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій и удобныхъ путей сообщенія. Много требовалось терпѣнія, опытности, дипломатической мудрости, ума и энергіи отъ человѣка, на долю котораго выпало рѣшеніе сложной и трудной задачи, предначертанной Петромъ Великимъ, по отношенію къ Оренбургскому краю и Средне-азіатскимъ странамъ.

Неплюеву прежде всего необходимо было пріобрѣсти нравственное вліяніе на поселенцевъ края и снискать себѣ ихъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что надежда на непосредственныхъ руководителей пришлаго русскаго населенія была плохая: пастыри духовнаго стада въ краѣ сами были, по большей части, люди безнравственные и ссыльные за разныя преступленія, и потому сами требовали нравственной поддержки и надзора за ними.

Припомните, напримѣръ, поведеніе самарскаго протопопа Антипы Мартіанова, посаженнаго Татищевымъ за пьянство и буйство на цѣпь,[a] и прочтите отвѣтъ Оренбургскаго Духовнаго Правленія, отъ 5 августа 1739 года, на запросъ Казанской Консисторіи, которая пожелала узнать, каковы священники въ новоколонизуемомъ краѣ, откуда они взялись, гдѣ служатъ и сколько ихъ числомъ[b]. Составъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ края также заставлялъ желать очень многаго: взяточничество деньгами и натурой (напр. лошадьми),[c] пьянство и буйство, жестокость въ обращеніи съ подчиненными, взаимныя распри, клевета и доносы[d] были нерѣдкими явленіями среди военнаго и чиновнаго міра въ краѣ. Положеніе новаго начальника края представляло не мало затрудненій и въ томъ отношеніи, что обязанности губернаторовъ были крайне неопредѣленны: точныхъ границъ между властью судебной, исполнительной и полицейской не было.[e] Въ то же время власть командировъ Оренбургскаго края была громадна. Отдаленность Оренбурга отъ административнаго центра и обширность подчиненной имъ территоріи дѣлали изъ нихъ какъ-бы независимыхъ правителей: имъ не только были подчинены въ высшей инстанціи дѣла судебныя и административныя, но отъ нихъ же непосредственно зависѣли и дипломатическія сношенія съ пограничными Средне-азіатскими народами и владѣльцами, и мѣстное законодательство; всѣ войска, расположенныя въ краѣ, были въ полномъ ихъ распоряженіи; кромѣ того имъ дана была неограниченная власть и надъ всѣми обитателями обширнаго края. Какъ отнесся къ своему новому положенію Иванъ Ивановичъ Неплюевъ и что сдѣлалъ полезнаго для Оренбургскаго края, увидимъ это дальше.

Предшественники Неплюева жили, по большей части, въ Самарѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, скончались и погребены двое изъ нихъ: Кирилловъ и Урусовъ; въ Самару же долженъ былъ отправиться и Неплюевъ. Леонтій Яковлевичъ Соймоновъ, исправлявшій, по смерти Урусова, должность главнаго командира Оренбургскаго края, находился въ это время въ Мензелинскѣ. Получивъ сенатскій указъ о назначеніи Неплюева, Соймоновъ поспѣшилъ въ Самару, куда и прибылъ 10 февраля 1742 года; къ пріѣзду Неплюева онъ скомплектовалъ гарнизонный и ландмилицкій полки съ штабъ и оберъ-офицерами по баллотировкѣ и особымъ аттеста-

---

[a] Смотр. выше стр. 156 и 157.
[b] Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ Пам. кн. Оренб. губ. за 1872 г., стр. 142 и д.
[c] См. выше гл. VII, стр. 154 и 155.
[d] Въ Тургайскомъ обл. архивѣ имѣется не мало дѣлъ о словосказателяхъ, взяточничествѣ, пьянствѣ и буйствѣ чиновниковъ.
[e] П. С. Зак. Указы отъ 24 февр. 1727 г. и 12 сент. 1728 г.

тамъ.[a] 25 апрѣля 1742 г.[b] Неплюевъ прибылъ въ Самару и въ началѣ мая принялъ отъ Соймонова всѣ дѣла и команду, а Соймоновъ былъ вызванъ въ Москву [c], для личнаго объясненія Сенату о злоупотребленіяхъ уфимскаго вице-губернатора П. Д. Аксакова, какъ увидимъ это дальше. 4 мая того же года Неплюевъ, находясь еще въ Самарѣ, получилъ указъ, въ которомъ было разъяснено, „какимъ образомъ чинить, ежелибъ увѣдано было между башкирцами новое замѣшательство", и подтверждено: „принявъ ему тайному совѣтнику имѣвшуюся прежде у генералъ-лейтенанта Соймонова всю команду и все, что въ вѣдомствѣ онаго генералъ-лейтенанта ни было, въ тѣхъ дѣлахъ поступать во всемъ съ такимъ порядкомъ, какъ имѣющіеся указы повелѣваютъ, дѣйствовать по онымъ, чиня съ крайнимъ раденіемъ."[d]

Въ іюнѣ Неплюевъ выѣхалъ изъ Самары въ Уфу, для личныхъ переговоровъ съ уфимскимъ вице-губернаторомъ П. Д. Аксаковымъ, а изъ Уфы онъ долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ (нынѣшній Орскъ). Въ концѣ іюня Неплюевъ прибылъ въ Переволоцкую крѣпость [e], находящуюся въ вершинахъ р. Самары, и здѣсь 30 іюня собралъ изъ штабъ-офицеровъ военный Совѣтъ, на которомъ были обсуждены нѣкоторыя мѣры и средства къ укрѣпленію линіи по рѣкѣ Сакмарѣ, впадающей съ правой стороны въ Уралъ. Совѣтъ, между прочимъ, постановилъ поселить на этой рѣкѣ ландмилицкій Шешминскій драгунскій полкъ[f]. Подполковникъ Будкевичъ тогда же былъ отправленъ съ командою, для заготовленія въ двухъ, наиболѣе удобныхъ къ поселенію, мѣстахъ достаточнаго количества лѣса, а ниже Сакмарскаго городка, на рѣчкѣ Большой Каргалѣ была устроена „казенная пильная мельница". Результатомъ этого было возникновеніе на Сакмарѣ двухъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской и двухъ редутовъ: Желтаго и Никитскаго. Эти укрѣпленія были расположены въ такомъ порядкѣ: въ 30 верстахъ отъ Сакмарскаго городка, основаннаго и заселеннаго въ 1725 г. Яицкими казаками, вверхъ по рѣкѣ была крѣпость Пречистенская; въ 23 верстахъ отъ нея—редутъ Никитскій; въ 25 верстахъ отъ послѣдняго—крѣпость Воздвиженская, а верстъ на 30 еще выше по Сакмарѣ—Желтый редутъ. Неплюевъ приказалъ

---

[a]) Ежемѣсячн. Сочиненія и Перев. 1759 г., іюль, стр. 502.

[b]) А не 1743 г., какъ напечатано въ Уфимск. Губ. Вѣдом., въ ст. Р. Игнатьева. См. № 46 за 1873 годъ.

[c]) Сен. арх. 66, 133.

[d]) Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 145.

[e]) Нынѣ Переволоцкая станція на Оренбургско-Самарской желѣзной дорогѣ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга по направленію къ Самарѣ, а не въ 22, какъ значится въ книгѣ Н. А. Фирсова: „Инородч. населеніе прежняго Казанскаго царства" и проч., стр. 333.

[f]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 131.

обнести эти укрѣпленія заплотомъ, сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ баттареи и на нихъ поставить пушки. Въ Пречистенской крѣпости было поселено пять ротъ Шешминскаго драгунскаго полка и одна рота Алексѣевскаго пѣхотнаго полка; остальныя же роты Шешминскаго и одна рота Алексѣевскаго полковъ поселены въ Воздвиженской крѣпости, которая была основана лично самимъ Неплюевымъ, на обратномъ пути изъ Оренбурга, въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, 14 сентября 1742 года. Командиръ Сакмарской дистанціи долженъ былъ жить въ Пречистенской крѣпости, какъ ближайшей къ Оренбургу. Въ томъ же году 20 іюля, въ день Св. Пророка Иліи, Неплюевъ положилъ основаніе на рѣкѣ Яикѣ Ильинской крѣпости; въ ней были поселены двѣ роты драгунъ и полроты солдатъ.

По прибытіи въ Уфу, въ іюлѣ того же (1742) года, Неплюевъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора Аксакова и подробно распросилъ его о состояніи края во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Аксаковымъ, и послѣ внимательнаго изученія состоявшихся прежде указовъ объ Оренбургскомъ краѣ, Неплюевъ вынесъ самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, касательно башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставалась покуда только на бумагѣ; должнаго административнаго порядка, который-бы могъ гарантировать спокойствіе края, не было; между башкирами было много недовольныхъ русскою властію и особенно ея представителями въ самой Башкиріи; въ расходованіи суммъ былъ найденъ страшный безпорядокъ и громадный дефицитъ; экономическое состояніе инородцевъ и русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края было въ самомъ плачевномъ состояніи, вслѣдствіе постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ, злоупотребленія воеводъ и другихъ лицъ чиновнаго міра; многія деревни были опустошены или выжжены; большія пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледѣльца и рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, нечего и говорить: каждый караванъ пришлось-бы охранять цѣлымъ войскомъ не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шаекъ каракалпаковъ, кашгарцевъ, хивинцевъ и другихъ средне-азіатскихъ народовъ; на громадномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и отъ Оренбурга (нынѣшняго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрѣпленнаго пункта; самый Оренбургъ, кромѣ командирскаго дома, состоялъ исключительно изъ бѣдныхъ землянокъ; крѣпость была окружена плетнемъ, находившимся на верху землянаго вала, и охранялась небольшимъ гарнизономъ; нѣсколько лучше другихъ пунктовъ былъ укрѣпленъ Яицкій горо-

докъ, или нынѣшній Уральскъ. Понятно послѣ этого, какое обширное поле дѣятельности предстояло здѣсь Неплюеву, и какихъ громадныхъ трудовъ требовало оно, для его обработки, со стороны новаго командира Оренбургскаго края.

Изъ Уфы Неплюевъ отправился въ Оренбургъ (Орскъ), куда только разъ въ годъ пріѣзжали изъ Самары командиры съ многочисленнымъ конвоемъ, „а въ зимнее время",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„и вовсе коммуникація прекращалась".[a] По прибытіи въ Оренбургъ, Неплюевъ прежде всего пожелалъ лично осмотрѣть всѣ мѣста ввѣреннаго ему края; почему „того-же 1742 года",—говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ,—„по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя, укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточными[b].... снабдя всѣ тѣ мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ, артиллеріею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовалъ Орскою, по близости рѣки того названія, (опредѣлилъ) укрѣпить валомъ съ бастіонами". [c]).

Между тѣмъ башкиры все еще не могли помириться съ своимъ положеніемъ. По осени 1742 г. Неплюевъ узналъ, что „башкирецъ Казанской дороги деревни Кали-Тайнакъ Муслемъ Кусюмовъ съ товарищи чинятъ противности, ведутъ тайные переговоры, безъ вѣдома старшинъ и безъ паспортовъ ѣздятъ въ степь мѣсяца на четыре".—Вслѣдствіе этого, Неплюевъ командировалъ въ Мензелинскъ, для изслѣдованія дѣла, премьеръ-маіора ландмилицкаго Шешминскаго полка Исакова. Донося о томъ, куда слѣдуетъ, Неплюевъ просилъ прислать къ нему на помощь генералъ-маіора или искуснаго бригадира, вслѣдствіе чего и былъ командированъ къ нему генералъ-маіоръ Фонъ-Штокманъ[d]. 15 ноября 1742 года Неплюевъ получилъ, чрезъ инженеръ-капитана Гасафеева, изъ Сената указъ, которымъ повелѣвалось содержавшагося подъ арестомъ главнаго вора изъ башкиръ Едглашу муллу, при собраніи башкирскихъ старшинъ, казнить смертію, по силѣ указа 20 августа 1739 г., а Уразая, другаго башкирскаго бунтовщика, велѣно розыскать и также казнить. Извѣстный уже намъ Карасакалъ[e] также не переставалъ озабочивать правительство. Выше было сказано, что онъ скрылся въ киргизскія степи

---

a) См. его Записки въ Р. Арх. 1871 г., стр. 658—659.

b) Въ рукоп. Записк. пропускъ одного или нѣсколькихъ словъ. См. тамъ-же.

c) См. тамъ же.

d) Сен. Арх. 66; 275.

e) Выше мы почти вездѣ называли Карасакала „Каракасаломъ"; но послѣднее названіе, встрѣчающееся во многихъ архивныхъ бумагахъ, вѣроятно, произошло отъ ошибки писцовъ или же объясняется простою перестановкою слоговъ *ка* и *са*, подобно тому, какъ и у насъ: *долонь* (длань)—*лодонь*:

и пропалъ безъ вѣсти[a]). Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ, въ дополненіе къ тому, что было сказано нами о Карасакалѣ раньше. Память о Карасакалѣ и его храбрости не исчезли среди башкиръ и послѣ того, какъ онъ самъ скрылся на своемъ борзомъ конѣ въ далекую степь: о немъ слагалы и пѣли пѣсни башкиры; говорили о подвигахъ его киргизы; доносились разныя вѣсти о храбромъ батырѣ и до Оренбургскаго начальства; но никто не зналъ съ точностію, гдѣ онъ находится и что думаетъ. Князь В. А. Урусовъ, между прочимъ, въ іюлѣ 1740 г. доносилъ Сенату, что Карасакалъ былъ „нагнанъ киргизами, раненъ, *пойманъ и находится у Абыза*".— Очевидно, что Урусовъ сдѣлалъ такое доношеніе на основаніи слуховъ, не провѣривши ихъ на самомъ дѣлѣ, какъ это оказалось впослѣдствіи. Его преемникъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ 30 ноября 1741 года писалъ въ Сенатъ, что вышедшій изъ киргизскихъ степей Иванъ Лапинъ, находившійся въ плѣну у Карасакала, заявилъ, что Карасакалъ намѣревается прибыть въ Оренбургъ съ повинною. Сенатъ, по сношеніи съ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, предписалъ Соймонову, чтобы онъ, если только Карасакалъ явится, отправилъ его, подъ предлогомъ представленія ко Двору, въ Самару и здѣсь скованнаго заключилъ въ „секретное крѣпкое мѣсто" [b]).—Но заявленіе Лапина не оправдалось: Карасакалъ не явился. Расчитывая на корыстолюбіе киргизъ, правительство обѣщало за голову Карасакала отъ 500 до 1000 рублей[c]), но и это не помогло: никто не зналъ или не хотѣлъ сказать, гдѣ находится храбрый батырь. Прошло еще три года—и о Карасакалѣ стали уже забывать и пограничныя власти; успокоились и въ Петербургѣ. Вдругъ одинъ изъ враговъ Карасакала, киргизскій батырь Башлыкъ-Коже-Верды заявляетъ, что Карасакалъ живъ, только „онъ Карасакалъ кочуетъ нынѣ отъ нихъ (киргизъ) въ дальномъ разстояніи и они съ нимъ не въ мирѣ"[d]).—Генералъ-маіоръ Киндерманъ, узнавшій о томъ отъ полковника Зорина, 28-го февраля 1745 г. донесъ Сенату, что гренадеръ Енисейскаго полка Холкинъ, сопровождавшій съ командою зюнгорскаго посла, заявилъ, что „Башлыкъ-Коже-Верды батырь приказывалъ ему, Холкину, сказать въ крѣпости капитану, ежели Карасакала команды ево люди прикочуютъ подъ крѣпости и будутъ чинить обиды, и будетъ за ними погоня; то-де и ему Башлыку извѣстіе подали, хотя чрезъ ево людей,

---

[a]) Стр. 174.
[b]) Указы 1742 г., въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 14, л. 1, 8 и 18.
[c]) Тамъ же, л. 109. Указъ отъ 21 октября 1742 г.
[d]) Указы 1745 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 141—144.

то и онъ за нимъ Карасакаломъ въ погоню пойдетъ"[a]).—Сенатъ, получивъ доношеніе Киндермана, снесся съ Кол. Иностр. Дѣлъ и 30 апрѣля 1745 г. препроводилъ Неплюеву указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „когда ево Карасакала непріятельскія на россійскія мѣста движенія увѣданы будутъ, то и кочующему съ войски не въ дальности отъ Семипалатной крѣпости кайсацкому Башлыку-Коже-Берды батырю знать дать"[a]).—Но Карасакалъ такъ и не являлся; по крайней мѣрѣ, въ архивныхъ бумагахъ, которыми мы располагали, нѣтъ на то указаній; слухъ о немъ съ этого времени совершенно запалъ.

Въ виду еще не вполнѣ спокойнаго состоянія края и возможности новыхъ возмущеній, Неплюевъ всего болѣе былъ озабоченъ устройствомъ надежныхъ укрѣпленій и переселеніемъ въ Оренбургскій край русскихъ, для чего требовались, помимо другихъ условій, деньги; не даромъ еще Алкивіадъ на вопросъ аѳинянъ, что нужно для веденія войны, отвѣчалъ: *«золото, золото и золото»*. Между тѣмъ денегъ въ распоряженіи Неплюева почти не было; поэтому 16 декабря 1742 г. онъ обратился въ Сенатъ съ просьбой, чтобы на предстоящій 1743 годъ выслали ему на расходы по Оренбургской коммиссіи 40,000 р., изъ нихъ на артиллерію и инженерныхъ служителей 3,454 р., на сѣменной хлѣбъ и переселеніе— 2500 руб., на содержаніе ссыльныхъ—1000 руб. и на строеніе Оренбурга—5000 руб.—Въ своемъ представленіи въ Сенатъ Неплюевъ указалъ и на тѣ деньги, которыя не были своевременно высланы въ Оренбургскую Коммиссію изъ разныхъ мѣстъ, и просилъ, чтобы Сенатъ *«наистрожайше»* подтвердилъ о скорѣйшей высылкѣ тѣхъ недоимокъ. Изъ представленія Неплюева видно, что за Казанской Губернской Канцеляріей числилось недоимки за 1741 г. 5,306 р. и за 1742 г. 18,444 р., всего же 23,750 руб.; за Исетской Провинціальной Канцеляріей было недоимки 25,000 р., что въ сложности составляло весьма крупную цифру въ 48,750 рублей.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, гарнизоннымъ и ландмилицкимъ полкамъ, расположеннымъ въ Оренбургскомъ краѣ, велѣно было производить жалованье, въ теченіе трехъ лѣтъ, наравнѣ съ остзейскими полками, на что и было ассигновано изъ доходовъ Казанской губерніи 21,564 р. 97 к. Неплюевъ представилъ въ Сенатъ, чтобы это преимущество въ жалованьи было оставлено навсегда только за тѣми полками, которые будутъ расположены по рѣкамъ Сакмарѣ, Яику и Ую, полки же, находя-

---

[a]) Тамъ же, л. 141.
[b]) Тамъ же, л. 143 на оборотѣ.

щіеся внутри Башкиріи по р. Самарѣ, по мнѣнію Неплюева, не должны были пользоваться этой привиллегіей [a]). Сенатъ, въ отвѣтъ на представленіе Неплюева, опредѣлилъ: „недоимку за прошлые 741 и 742 годы отправить немедленно къ Неплюеву изъ имѣющихся въ наличности доходовъ (кромѣ адмиралтейскихъ и подушныхъ сборовъ), подъ опасеніемъ штрафа и взысканія всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые потерпитъ казна отъ такой неаккуратности, съ казанскаго губернатора". Въ случаѣ же невозможности Казанской Губернской Канцеляріи выслать числящуюся за ней недоимку, Неплюевъ былъ уполномоченъ употребить необходимую для расходовъ сумму изъ доходовъ Исетской провинціи, а Казанская Губернская Канцелярія должна была представить послѣ эту сумму въ то мѣсто, куда повелѣно будетъ указами. Исетской Провинціальной Канцеляріи также было предписано выдать Неплюеву числящуюся за ней недоимку въ 25,000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ внушаетъ Неплюеву, чтобы онъ въ расходахъ былъ бережливъ и требуетъ, чтобы начатые прежде и вновь застроенные храмы были окончены, а то „прежде и большія суммы требовали",—говорится въ указѣ,—„однако тѣ церковныя строенія и понынѣ еще продолжаются" [a]).

Не дожидаясь этой резолюціи Сената, послѣдовавшей уже 30 апрѣля и полученной Неплюевымъ только 31 мая 1743 г., командиръ края еще 18 января того же 1743 года донесъ Сенату, что онъ считаетъ необходимымъ лично осмотрѣть мѣста подъ строеніе крѣпостей въ Исетской провинціи, побывать въ Уфѣ для переговоровъ съ Аксаковымъ о построеніи Оренбурга, а оттуда—проѣхать въ Тюмень, для свиданія съ сибирскимъ губернаторомъ, и что онъ уже выѣхалъ для этой цѣли изъ Самары. Неплюевъ въ эту поѣздку осмотрѣлъ всѣ мѣста по верхнему Уралу и Ую на протяженіи болѣе семи сотъ верстъ, начиная отъ нынѣшняго Орска, или первоначальнаго Оренбурга. Здѣсь не было еще ни одного укрѣпленія, кромѣ Верхнеяицкой пристани (нынѣшняго Верхнеуральска). Въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ Неплюевъ лично положилъ основаніе многимъ крѣпостямъ и редутамъ, поселивъ въ нихъ гарнизоны и доставивъ все необходимое для ихъ защиты отъ набѣговъ степныхъ хищниковъ. Въ это время были основаны слѣдующіе 18 редутовъ: Калпацкій, Тераклинскій, Орловскій, Березовскій, Грязнушенскій, Сыртинскій, Ангельскій, Верхокизыльскій, Спасскій, Свіяжскій, Ерзединскій, Подгорный, Саларскій, Ключевской, Березовскій, Луговой,

---

[a]) Тамъ же. Указы 1743 г., № 15.
[b]) Тамъ же. Указъ Прав. Сената, отъ 30. Апрѣля 1743 г., за № 2729.

Кагардыцкій и Озерной. Кромѣ поименованныхъ редутовъ, тогда же было положено основаніе слѣдующимъ осьми крѣпостямъ: Таналыцкой, Урдасымской, Кизылской, Магнитной, Троицкой[a]), Каракульской, Крутоярской и Усть-Уйской. Во всѣхъ почти крѣпостяхъ положено было поселить двѣ роты драгунъ и полроты или роту пѣхоты. Крѣпость Усть-Уйская была построена на мѣстѣ бывшаго поселка при Далматовскомъ монастырѣ, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ монастырскомъ архивѣ[26]). Документы Далматовскаго монастыря объ этомъ поселкѣ, между прочимъ, сообщаютъ слѣдующее: „Исетское поселье за рубежемъ монастырской вотчины Усть-Уйское вверхъ по Тоболу р. на устьѣ р. Уя, отъ монастыря ѣзды дней съ шесть, построенъ дворецъ и въ дворцѣ изба. Поселье состояло при рыбномъ промыслѣ по рѣчкамъ и озерамъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ имѣло угодья хмѣльныя, сѣнокосныя и горные промыслы“ [b])

Между тѣмъ, какъ самъ Неплюевъ, помирившись съ своимъ положеніемъ и обстановкой на новомъ мѣстѣ, такъ энергично и дѣятельно принялся за устройство Оренбургскаго края и совершенно забылъ, по его выраженію, „ту прискорбность, съ коею въ сію Экспедицію прибылъ,“— жена его, сопровождавшая мужа при обозрѣніи края, не переставала скучать и грустить среди башкиръ и другихъ инородцевъ края. Въ то самое время, какъ Неплюевъ возвращался вмѣстѣ съ нею изъ своей поѣздки по верхней линіи, „грусть,“—говоритъ онъ,—„превозмогла жену мою, которая въ томъ же году въ Орской крѣпости преставилась. Я спѣшилъ удалиться сего мѣста, что и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.“[c]) Не даромъ Анна Ивановна заливалась горькими слезами и приходила въ отчаяніе, когда впервые узнала, что ей приходится ѣхать съ мужемъ въ далекій, дикій, варварскій край, въ Башкирію, гдѣ столько было пролито предъ тѣмъ виновной и невинной крови башкиръ и русскихъ; она какъ бы предчувствовала, что тамъ ждетъ ее холодная, одинокая могила, вдали отъ родины и родныхъ. Она умерла на 26 году своей жизни и была погребена при церкви Преображенія Господня, которая со времени своего основанія, 6 августа 1735 года, два раза пере-

---

[a]) Нынѣ уѣздный городъ Оренб. губерніи Троицкъ. Нѣкоторые приписываютъ основаніе его Кириллову (см. напр. въ Пам. кн. Оренб. губер. за 1870 г., стр. 105); но это противорѣчитъ самымъ Запискамъ Неплюева, гдѣ имѣется прямое указаніе на то, и другимъ историческимъ даннымъ (см. въ Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 149 и 150. Сравн. Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., отд. I, стр. I), а Ф. М. Стариковъ невѣрно считаетъ годомъ основанія Троицкой крѣпости 1744 г., вмѣсто 1743 г. См. стр. 161 въ его сочин.: „Откуда взялись казаки“. Оренбургъ, 1881 г.

[b]) Ф. М. Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 161.

[c]) Зап. Неплюева. Р. Арх. 1871 г., стр. 662.

носилась на новое мѣсто и четыре раза горѣла. Анна Ивановна была погребена при второй уже церкви; теперь это мѣсто застроено домами. [a])— Оставшись пятидесятилѣтнимъ вдовцомъ, Иванъ Ивановичъ, по-прежнему, съ покорностію Промыслу Божію, отнесся къ своему семейному горю и продолжалъ энергично работать на пользу Оренбургскаго края. Одиночество Неплюева раздѣляла только его двѣнадцатилѣтняя дочь Анна Ивановна; старшая же, Марья Ивановна Римская-Корсакова, жила съ мужемъ; старшій сынъ Адріанъ Ивановичъ служилъ посломъ въ Константинополѣ, а младшій Николай Ивановичъ еще учился въ Кадетскомъ корпусѣ.[b])

Устраивая крѣпости и редуты, Неплюевъ также остановился на рѣшеніи вопроса, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями. Мѣсто, избранное Кирилловымъ на р. Ори и признанное неудобнымъ еще Татищевымъ, Неплюеву также показалось неудачнымъ по отсутствію близъ него лѣса; кромѣ того, оно представляло невыгодныя климатическія условія, вслѣдствіе поёмнаго пространства мѣстности; наконецъ слишкомъ было удалено отъ центральной Россіи и представляло большія опасности для проѣзжающихъ къ той крѣпости купеческихъ каравановъ, которые подвергались грабежу отъ киргизовъ. Помимо этихъ невыгодъ, Орская крѣпость, по мнѣнію Неплюева, представляла большое неудобство и для надзора за башкирами, по причинѣ ея значительной отдаленности отъ ихъ земель, расположенныхъ внутри военной линіи. Мѣсто, указанное Татищевымъ, также не нравилось Неплюеву; вниманіе его остановилось сначала на Чернорѣченской крѣпости.[c]) Близость Сакмарскаго устья и обиліе лѣса по Сакмарѣ говорили въ пользу этой мѣстности; но поёмность лѣваго берега Урала, во время весенняго половодья, могла представлять немаловажныя затрудненія для проѣзда къ городу киргизовъ и другихъ сосѣднихъ кочевниковъ, а это могло неблагопріятно отозваться на внѣшней торговлѣ города, который долженъ былъ сдѣлаться главнымъ торговымъ рынкомъ для всей мѣновой торговли края и пограничныхъ съ нимъ средне-азіатскихъ ханствъ. Поэтому Неплюевъ предпочелъ Чернорѣченской крѣпости то самое мѣсто, гдѣ находится нынѣ Оренбургъ. По преданію, на этомъ мѣстѣ, отстоящемъ на 252½ версты отъ Орска и на 70 верстъ отъ Красногорской крѣпости, въ прежнее время жилъ ногайскій ханъ Басманъ[d]), станъ котораго былъ извѣстенъ подъ именемъ Актюбы.

---

[a]) Нынѣшній храмъ Преображенія Господня, уже четвертый по времени, построенъ на новомъ мѣстѣ и освященъ 6 декабря 1850 г., по благословенію преосвященнаго Іосифа, епископа Оренбургскаго и Уфимскаго. См. Оренб. Епарх. Вѣдомости 1874 г., № 1, стр. 27. Ср. Каракасалъ, лже-ханъ Башкиріи. Р. Игнатьева, стр. 20.

[b]) См. выше стр. 103 и 104.

[c]) П. И. Рычковъ. Топ. Ор. губ. ч. II, 98.

[d]) Тамъ же, стр. 10 и 12.

Избравъ новое мѣсто для построенія Оренбурга, Неплюевъ, 7 февраля 1743 г., препроводилъ въ Сенатъ копію съ общаго опредѣленія его съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, относительно построенія города. Въ своемъ представленіи Неплюевъ просилъ резолюціи Сената: 1) о назначеніи къ строенію Оренбурга тептярей и бобылей; 2) о нарядѣ на 1743 г. тысячи башкиръ и пяти сотъ мещеряковъ на линію отъ Орска до Верхнеяицкой крѣпости; 3) о переводѣ изъ Уфы въ Оренбургъ половины казаковъ; 4) о заселеніи дороги къ Оренбургу сходцами, живущими въ Уфимскомъ уѣздѣ; 5) о подвозѣ провіанта изъ Уфы, Мензелинска и Бирска къ Бердской крѣпости башкирами; 6) о передачѣ крѣпостей Табынской, Красноуфимской, Ногайбацкой и Ельдяцкой въ вѣдомство уфимскаго вице-губернатора[a]; 7) о мензелинскихъ и бирскихъ служилыхъ людяхъ, отставныхъ, ихъ дѣтяхъ и объ отшедшихъ въ Мензелинскъ въ вѣдомство воеводское; и 8) о переселеніи изъ Уфы купцовъ, записавшихся въ Оренбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ Сенатъ о назначеніи, въ помощь Аксакову, особаго ассесора. Сенатъ, утвердивъ представленіе Неплюева, предписалъ оказывать башкирамъ всякую ласку и причитающуюся имъ за подвозъ провіанта плату выдавать исправно; въ случаѣ же жалобъ съ ихъ стороны, казанскій губернаторъ и лица, которыя будутъ завѣдывать этимъ дѣломъ, должны подлежать отвѣтственности предъ закономъ. Изъ купцовъ дозволено селить въ Оренбургѣ только тѣхъ, которые не имѣли ни своихъ домовъ, ни казенной недоимки, притомъ „съ усмотрительностію, чтобы люди были надежные“. Дорогу отъ Уфы къ Оренбургу, начиная отъ Сакмарскаго городка, чрезъ деревню Измайлову, или Карабашеву, дозволено заселять различными сходцами съ льготою отъ податей на годъ; но при этомъ велѣно записывать, откуда они пришли, чтобы сообщить объ ихъ новомъ поселеніи въ первоначальныя мѣста ихъ мѣстожительства, куда должны были отсылаться и собираемыя съ нихъ, по истеченіи льготнаго года, подати. Дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ, въ силу указа 5 февраля 1744 г., велѣно высылать на прежнія мѣста ихъ жительства и къ поселенію въ Оренбургскомъ краѣ ихъ не допускать. Новокрещенныхъ инородцевъ приказано селить отдѣльными слободами, чтобы между ними не было иновѣрцевъ, построить для нихъ церковь и сноситься по ихъ дѣламъ съ Казанскою Конторою Новокрещенскихъ Дѣлъ[b]. Крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбацкую и Ельдяцкую, согласно представленію Неплюева, Сенатъ поручилъ вѣдомству

[a]) Въ этомъ же пунктѣ говорится о заведенныхъ при Табынской крѣпости мѣдеплавильномъ и солеваренномъ заводахъ.

[b]) Подробности объ этомъ учрежденіи см. въ сочин. Е. А. Малова: „О Новокрещенской Конторѣ“. Казань, 1878 г.

уфимскаго вице-губернатора Аксакова, назначивъ въ помощь къ нему ассесоромъ капитана Мертваго, состоявшаго раньше товарищемъ при воеводахъ [a]).

Неплюевъ, между тѣмъ, приказалъ инженерамъ составить планъ предположеннаго къ постройкѣ новаго Оренбурга и, когда планъ былъ готовъ, отправилъ его на высочайшее усмотрѣніе. На планѣ городъ представлялъ овальную фигуру многоугольника объ одиннадцати полигонахъ, 10 бастіонахъ и двухъ полубастіонахъ у самаго берега Яика [b]). Въ крѣпость вели четверо воротъ: на восточной сторонѣ находились Орскія ворота въ третьемъ полигонѣ, на западной—Чернорѣченскія—въ девятомъ и Уральскія (тогда Яицкія)—въ десятомъ полигонѣ, а на сѣверной сторонѣ были Сакмарскія ворота, въ шестомъ полигонѣ. У Рычкова Чернорѣченскія ворота названы Самарскими, потому что „на Самарскую дистанцію и къ городу Самарѣ зимняя дорога туда лежитъ; а къ тому (замѣчаетъ онъ) можетъ причисленъ быть и взвозъ отъ р. Яика на гору, гдѣ положено быть сквозь валъ же пятымъ Водянымъ воротамъ" [c]). Планъ города, представленный Неплюевымъ, былъ утвержденъ и городъ застроенъ [d]); но построеніе Оренбурга не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. По свидѣтельству Рычкова, въ новостроющемся городѣ и другихъ мѣстахъ, избранныхъ подъ строеніе крѣпостей по р. Сакмарѣ, быстро распространилась цинготная болѣзнь: изъ 1350 чел., заболѣвшихъ цингою, осталось въ живыхъ лишь 719 чел., а 631 ч. умерли; особенно губительно дѣйствовала эта болѣзнь осенью. Стараясь ободрить упавшихъ духомъ новопоселенцевъ, Неплюевъ, съ свойственною ему энергіею и безропотною покорностію Промыслу, употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы довести до конца, не смотря на препятствія, задуманное и уже начатое имъ дѣло. Онъ не желалъ, хотя бы и могъ, воспользоваться тѣми выгодами помѣщенія и обстановки, которыхъ не могли еще имѣть окружающіе его новопоселенцы: до ноября мѣсяца онъ жилъ въ обыкновенной землянкѣ, какая была у

---

[a]) Указы 1743 г., № 15, въ Тургайск. обл. архивѣ.

[b]) Наименованія бастіоновъ: 1—Успенскій, 2—Неплюевскій, 3—Никольскій, 4—Фонъ-Штокманскій, 5—Галафеевскій, 6—Губернскій, 7—Воскресенскій, 8—Провіантскій, 9—Бердскій, 10—Торговый; полубастіоны: Нагорный, гдѣ находится нынѣ зимній Введенскій соборъ, и Преображенскій, который получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ находящагося здѣсь лѣтняго Преображенскаго собора. Въ Топ. Ор. губ. Рычкова (изд. 1887 г., стр. 244) показаны еще бастіоны: Петропавловскій и Преображенскій, подъ которыми онъ, вѣроятно, разумѣлъ полубастіоны, такъ-какъ отдѣльно полубастіоновъ онъ не называетъ, бастіоновъ же считаетъ также десять.—Сравн. планъ города Оренбурга, составленный въ 1828 году, за подписью инженеръ-генералъ-маіора Бикбулатова и оберъ-квартирмейстера генералъ-маіора Милорадовича.

[c]) Топ. Оренб. губ. изд. 1887 г., стр. 245. Водяныя ворота сохранились до сихъ поръ и находятся при спускѣ къ пѣшеходному мосту чрезъ Уралъ на Бухарскую сторону.

[d]) П. С. Зак., т. XI, № 8630, стр. 674—675.

I.

Казань Лит. В. Ключникова.

Преображенскій лѣтній соборъ
въ Оренбургѣ.

послѣдняго рабочаго; имѣя только для своей двѣнадцатилѣтней дочери (Анны Ивановны) кибитку, и, лично распоряжаясь и надзирая за работами, Неплюевъ не прежде переселился въ отстроенный для него домъ, какъ всѣ обитатели землянокъ получили возможность перейти въ свои дома, а гарнизонъ—въ казармы. Удивительная самоотверженность для общаго блага, и какая сила воли!—Съ переселеніемъ жителей въ свои дома, работы по устройству города пошли быстрѣе. Построивъ для новыхъ поселенцевъ зданія на счетъ казны, Неплюевъ вызывалъ купцовъ изъ Уфы, Самары и другихъ мѣстъ на различныхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Заботясь о безопасности жителей, Неплюевъ постарался обнести городъ рвомъ и валомъ съ каменною стѣною и снабдить его достаточнымъ къ оборонѣ гарнизономъ. Валъ имѣлъ въ окружности пять верстъ 192 сажени; высота его равнялась на ровныхъ мѣстахъ 12 футамъ, на высокихъ была менѣе, а на низкихъ болѣе 12 ф.[a]; ширина рампара=6 с., глубина рва=12 ф., а его ширина=35 фут.[b]. Ширина города по интервалу равнялась 570 с., а длина=677 саж. За валомъ, противъ Неплюевскаго и Преображенскаго полигоновъ, была застроена Казачья слобода, или нынѣшній форштадтъ; здѣсь, начиная отъ Неплюевскаго бастіона, положено было устроить на протяженіи 388 сажен. ретраншаментъ съ тремя бастіонами и съ однимъ редантомъ къ рѣкѣ Яику. Берегъ р. Яика, противъ самаго города, имѣлъ на протяженіи 275 саж. брустверное укрѣпленіе съ однимъ редантомъ, для обороны города съ рѣчной стороны, причемъ имѣлось въ виду, чтобы „крутость горы, коя изъ природнаго камня, современемъ обрѣзать". Снаружи крѣпость была вся облицевана плитнымъ камнемъ. Какъ быстро возрасталъ Оренбургъ, можно отчасти судить потому, что въ сентябрѣ 1747 г., т. е. чрезъ 4 года послѣ его основанія, въ немъ было уже 837 дворовъ, 4 церкви, гауптвахта, казенные номера, аптека, пороховой погребъ, магазинъ, таможня, 44 лавки въ Гостинномъ дворѣ и 131 лавка на Мѣновомъ[c]; въ 1760 г. въ Оренбургѣ считалось уже 2866 домовъ, кромѣ находившихся за городомъ землянокъ[d]; церквей же во всемъ городѣ и съ тѣми, что за городомъ въ Казачьей слободѣ и за р. Яикомъ на Мѣновомъ дворѣ, было девять, изъ которыхъ Петропавловская церковь, находившаяся на главной (Губернской) улицѣ, и два собора: Преображенскій и Введенскій были каменные и со сводами. По замѣчанію Рычкова, храмы эти по ихъ размѣрамъ и архитектурѣ „достойны

[a]) Жалкіе остатки этого нѣкогда грандіознаго вала можно теперь видѣть на восточной сторонѣ города, между Преображенскимъ соборомъ и прекраснымъ зданіемъ Духовной семинаріи.
[b]) П. С. Зап. т. XII, № 9444. Ср. Топогр. Ор. губ. Рычкова, ч. II, стр. 14.
[c]) П. С. З., № 9444.
[d]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 245.

особливаго примѣчанія"; особенно же Введенскій соборъ, „который, какъ главный, украшенъ преизряднымъ иконостасомъ и богатою жъ церковною утварью, покрытъ весь бѣлымъ листовымъ желѣзомъ и куполы какъ на церкви, такъ и надъ колокольнею, вызолочены".

Изъ храмовъ, построенныхъ въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, доселѣ еще существуютъ два собора: зимній, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и лѣтній, во имя Преображенія Господа Нашего Іисуса Христа. Оба храма каменные и находятся на возвышенномъ берегу р. Урала. Въ Преображенскомъ соборѣ сохранилась и надпись о времени его освященія. Налѣво отъ входныхъ западныхъ дверей храма на задней стѣнѣ имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная славянскимъ шрифтомъ подъ титлами: «*Совершися же и освятися (храмъ сей) по благословенію Преосвященнаго Луки, епископа Казанскаго и Свіяжскаго, тщаніемъ высокопревосходительнаго господина дествительнаго тайнаго совѣтника і ковалера Івана Івановича Неплюева 1750 года ноемврія во 12 день на память иже во святыхъ отца нашего Іоанна Милостиваго*». Надпись эта сдѣлана, повидимому, на окрашенномъ въ черную краску холстѣ, натянутомъ на деревянную раму, вмазанную въ штукатурку; прописныя буквы написаны красной, а строчныя—желтой краской. Въ томъ же храмѣ на южной стѣнѣ, подъ первымъ окномъ отъ западнаго входа, есть еще надпись славянскими же буквами, высѣченными горельефомъ на вдѣланномъ въ стѣну кругломъ выпукломъ камнѣ,—эта надпись гласитъ слѣдующее: «*Здѣсь почиваетъ тѣло в бозѣ усопшаго пятилѣтнаго младенца Елисаветы Дмитріевны дщери господина статского совѣтника і Оренбургской губерніи губернатора Дмитрія Васильевича Волкова. Преставилась 1763 г. октября 26 дня, погребена того жъ октября 27 дня*» [a].

Входить въ подробное описаніе этихъ храмовъ здѣсь было-бы неумѣстно,—это, вѣроятно, сдѣлаетъ современемъ Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ, занимающійся въ настоящее время, съ разрѣшенія преосвященнаго Макарія, епископа Оренбургскаго и Уральскаго, разборомъ дѣлъ архива Оренбургской Духовной Консисторіи [b]; Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ задался, между прочимъ, и мыслію составить по архивнымъ документамъ «*Исторію храмовъ города Оренбурга*», къ чему уже и приступилъ [c].

Такъ-какъ и въ настоящее время соборы, построенные при Неплюевѣ,

---

[a] 30 августа 1887 г., во время литургіи, я самъ видѣлъ и читалъ эти надписи; но снять ихъ тогда не могъ, почему и обратился съ просьбой о томъ къ правителю дѣлъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русск. Геог. Общества, А. И. Оводову, который, благодаря любезному содѣйствію ключаря собора П. И. Львова, доставилъ мнѣ эти надписи, при отношеніи отъ 28 окт. 1888 г. за № 124.

[b] См. 1 и 2 протокол. Оренб. арх. уч. Комм. за 1889 г.

[c] См. „Орен. Епар. Вѣд.", 1889 г., № 16, стр. 507—513.

II.

Казань. Лит. В. Ключникова

Введенскій зимній соборъ
въ Оренбургѣ.

уже нуждаются въ капитальномъ ремонтѣ, а современемъ ихъ могутъ и совершенно разобрать и перестроить, придавъ имъ другой видъ; то мы и сочли за полезное приложить къ настоящему труду литографированные виды этихъ храмовъ, какъ живыхъ, хотя и безмолвныхъ, свидѣтелей плодотворной дѣятельности И. И. Неплюева, основателя и устроителя настоящаго Оренбурга. Изъ городскихъ улицъ въ Оренбургѣ лучшими были: Губернская, Орская, Яицкая, Уфимская, Пензенская, Самарская, Петропавловская, Троицкая, Воскресенская, Преображенская, Успенская, Никольская, Садовая, Артиллерійская, Нижняя, Коммиссская, Посадская и Гостиная. Среди самаго города на площади была устроена гауптвахта съ нѣсколькими покоями и съ куполомъ надъ ними, гдѣ находились городскіе часы съ небольшими колоколами, а на самомъ верху купола — государственный гербъ. Изъ казенныхъ городскихъ зданій особенно были замѣчательны по своей величинѣ и архитектурѣ: двухъ-этажный домъ Губернской Канцеляріи, нижній этажъ котораго назначался „для архива и денежной казны"; губернаторскій домъ, состоявшій первоначально изъ двухъ флигелей; цейхгаузъ и артиллерійскій дворъ; почтовый и аманатный дворъ; гарнизонная и полковая канцелярія; провіантскіе и соляные магазины, а также и госпиталь, при которомъ состояли докторъ, аптекарь, лѣкарь и нѣсколько подлѣкарей и учениковъ [a]).

Но въ то время, какъ на берегу быстраго Урала возникалъ нынѣшній Оренбургъ, въ Уфѣ обнаружились большія злоупотребленія со стороны уфимскаго вице-губернатора Аксакова. Личность Аксакова, его произволъ и отношенія къ башкирамъ, равно какъ и слѣдствіе надъ нимъ, произведенное по распоряженію Неплюева, составляютъ весьма важный эпизодъ въ исторіи Оренбургскаго края, тѣсно связанный съ башкирскимъ вопросомъ, а потому мы считаемъ должнымъ изложить здѣсь тѣ данныя, которыя намъ извѣстны по настоящему дѣлу. Этотъ любопытный эпизодъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что о немъ, сколько намъ извѣстно, доселѣ ничего не имѣется въ печати, кромѣ небольшой брошюрки [b]) покойнаго Р. Г. Игнатьева, которая при томъ не чужда пробѣловъ и *ошибокъ* и составляетъ библіографическую рѣдкость, такъ-какъ она была напечатана въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу, кажется, не поступала.

Ближайшимъ родоначальникомъ Аксаковыхъ былъ Иванъ Ѳео-

---

[a]) Рычковъ. Топогр. Орен. губ. Изд. 1887 г., стр. 246. О Гостиномъ и Мѣновомъ дворахъ, принадлежавшихъ также къ лучшимъ строеніямъ Оренбурга, будетъ сказано дальше въ главѣ о торговлѣ въ Оренбургскомъ краѣ.

[b]) *„Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ"*; въ 16 дол. лист., всего 62 стр. Изд. Уфимск. Ст. Ком. 1875 г.

доровичъ Вельяминовъ, по прозванію Оксакъ[a], жившій въ княженіе Іоанна III Васильевича. Онъ имѣлъ четыре сына: Ивана, Александра, Дмитрія и Василія. Отъ втораго изъ нихъ Александра происходитъ родъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, мужа Ольги Семеновны Заплатиной[b] и отца знаменитаго публициста, славянофила и поэта Ивана Сергѣевича Аксакова[c], а отъ третьяго сына Оксака Дмитрія происходилъ въ VI колѣнѣ Петръ Дмитріевичъ Аксаковъ, уфимскій вице-губернаторъ, отданный Неплюевымъ подъ судъ. Предки Петра Дмитріевича служили воеводами и царскими стольниками. Отецъ его Дмитрій Семеновичъ, какъ и братья послѣдняго Иванъ и Петръ Семеновичи, были стольниками (1686—1692) царицы[d] Прасковьи Ѳеодоровны. О первоначальной службѣ Петра Дмитріевича Аксакова, до назначенія его въ Уфу, намъ ничего не извѣстно; знаемъ только, что онъ былъ предъ тѣмъ полковникомъ[e] и оберъ-кригсъ-коммиссаромъ, а 6 ноября 1740 года былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ вице-губернаторомъ въ Уфу, вмѣсто генералъ-маіора Петра Воейкова[f], съ жалованьемъ по чину[g]. П. Д. Аксаковъ отличался остроуміемъ и знаніемъ законовъ, въ смыслѣ опытнаго подъячаго; даже дѣловыя бумаги его не лишены ѣдкаго сарказма. Намъ уже извѣстно, каковъ былъ уфимскій воевода Шемякинъ[h], сосланный за лихоимство, подлоги и притѣсненіе башкиръ въ Сибирь, но Аксаковъ превзошелъ и Шемякина своимъ произволомъ, незнавшимъ границъ. По указу 9 іюля 1741 года, Уфимская провинція по башкирскимъ дѣламъ была подчинена вѣдомству Башкирской Коммиссіи и Оренбургскаго Генералитета, съ которыми Аксаковъ и долженъ былъ имѣть

---

[a]) „Аксак" чисто татарское слово и означаетъ *хромой*, но Аксаковы въ старину писались Оксаковы. Родоначальникомъ ихъ, по древнимъ родословнымъ книгамъ, былъ знатный варягъ Симонъ Африкановичъ, племянникъ короля норвежскаго Гакона Слѣпаго, прибывшій въ Кіевъ въ 1027 году и соорудившій въ Кіево-Печерской Лаврѣ церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ онъ и погребенъ. Отъ него же производятъ свой родъ Вельяминовы, Воронцовы-Вельяминовы и нѣкоторыя др. дворянскія фамиліи. См. Родословн. Сборникъ русск. двор. фамилій В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, Спб. 1886 г., т. I, стр. 20.

[b]) Дочь генералъ-маіора Семена Григорьевича отъ брака его съ плѣнною турчанкою Игель-Сюмъ; слѣдовательно, Константинъ, Иванъ и Григорій Сергѣевичи Аксаковы—внуки турчанки по матери.

[c]) Род. 26 сент. 1823 г., въ селѣ Надеждинѣ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи, ум. 27 января 1886 года и погребенъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, съ восточной стороны алтаря Успенскаго Собора Лавры. Ив. С. былъ женатъ на Аннѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой, дочери поэта Ѳ. И. Тютчева; дѣтей не имѣлъ.

[d]) Руммель. Родосл. Сборн., т. I, стр. 24.

[e]) Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. CXXXIII; 86).

[f]) Тамъ же.—Въ „Род. Сборн." Руммеля (т. I, стр. 25) сказано невѣрно, что П. Д Аксаковъ былъ опредѣленъ уфимскимъ вице-губернаторомъ лишь въ 1743 г., а на стр. 30-й того же „Сборника", вѣроятно, онъ же показанъ губернаторомъ Оренбургской губерніи въ 1740 г., когда еще и не существовало Оренб. губерніи, въ смыслѣ административномъ: Оренб. губернія была открыта, какъ мы знаемъ, въ 1744 г. и первымъ ея губернаторомъ былъ И. И. Неплюевъ.

[g]) Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. CXLI; 145).

[h]) См. выше стр. 156.

сношенія по всѣмъ дѣламъ, касающимися башкиръ, а въ случаяхъ экстренныхъ повелѣвалось: „чинить по воинскимъ регуламъ и указамъ и изобрѣтеніямъ лучшихъ способовъ, по своему искуству и разсужденію будущихъ въ командѣ его вице-губернатора штабъ-офицеровъ, усматривая, чтобы высочайшимъ интересамъ поврежденія и подданнымъ ни малаго разоренія причиниться не могло" [a]). Не смотря на этотъ указъ, Аксаковъ бралъ взятки и, оказывая полное неуваженіе къ правосудію и закону, ни въ чемъ не хотѣлъ слѣдовать указаніямъ и совѣтамъ предшественника Неплюева, генералъ-лейтенанта Леонтія Яковлевича Соймонова, запретивъ исполнять требованія послѣдняго даже своимъ подчиненнымъ. Многіе изъ башкиръ злобились на Соймонова, какъ жестокаго усмирителя бунта и безпощаднаго председателя Судной Коммиссіи надъ бунтовщиками-башкирами въ Мензелинскѣ. Аксаковъ, воспользовавшись злобою башкиръ на Соймонова, объявилъ себя покровителемъ башкирскаго народа и защитникомъ его интересовъ. Башкиры, не понимая эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ расчетовъ бригадира, стали обращаться къ Аксакову съ жалобами на Соймонова; Аксаковъ давалъ ходъ этимъ жалобамъ, представляя ихъ прямо въ Сенатъ. Отъ Соймонова потребовали объясненія.—Соймоновъ сначала приказалъ схватить главнаго сторонника Аксакова башкирскаго старшину Аракая съ его товарищами; но это только еще болѣе озлобило башкиръ, которые даже покушались на жизнь Соймонова. Опасаясь отвѣтственности, Соймоновъ не могъ смотрѣть на поведеніе Аксакова, какъ говорится, сквозь пальцы и не разъ жаловался на него въ Сенатъ; но благодаря связямъ и протекціи, которыя имѣлъ Аксаковъ въ Петербургѣ, Сенатъ всегда оставлялъ безъ послѣдствій жалобы Соймонова. Узнавъ, что въ Петербургѣ держатъ сторону Аксакова, Соймоновъ не рѣшался даже выѣхать изъ Мензелинска въ Самару, для принятія дѣлъ главнаго командира Оренбургскаго края, и думалъ управлять краемъ отсюда, разсылая свои предложенія, предписанія и запросы Аксакову, доносы и жалобы на него въ Сенатъ. Аксаковъ не оставался въ долгу: давая рѣзкіе отвѣты Соймонову, онъ въ то же время посылалъ и свои объясненія въ Сенатъ, въ которыхъ старался доказать полную неспособность Соймонова къ управленію столь обширнаго края. Наконецъ Соймоновъ, въ сопровожденіи чиновниковъ бывшей Судной Коммиссіи надъ башкирами и подъ охраною сильнаго конвоя, рѣшился выѣхать въ Самару. Между тѣмъ Аксаковъ, видя безуспѣшность жалобъ на него Соймонова, началъ еще болѣе злоупотреблять своею властью, усиливая тѣмъ безпорядки въ краѣ. Вражда, начавшаяся между нимъ и Соймоновымъ, про-

[a]) Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, 145.

никла и въ среду башкиръ, раздѣливъ ихъ на двѣ противоположныя партіи: одни примкнули къ Аксакову, другіе—къ Соймонову. Началась полная безъурядица среди башкиръ, поддерживаемая и еще болѣе разжигаемая взятками и произволомъ Аксакова. Соймоновъ наконецъ былъ вынужденъ проситься въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, по поводу его столкновеній съ Аксаковымъ и злоупотребленій послѣдняго. Получивъ отпускъ, онъ въ февралѣ 1742 года выѣхалъ изъ Мензелинска въ столицу, а вслѣдъ за нимъ отправились въ Петербургъ и преданные ему башкирскіе старшины, подъ предлогомъ поздравленія Императрицы Елизаветы Петровны съ вступленіемъ ея на престолъ. Депутація состояла изъ 22 человѣкъ. Кромѣ 12 служилыхъ башкиръ и мещеряковъ, въ числѣ депутатовъ находились представители всѣхъ четырехъ дорогъ, на которыя дѣлились тогда башкиры: отъ Казанской дороги старшина Мухаммедъ Шерыпъ Мряковъ; отъ Осинской дороги мулла Ельдяцкой волости Ахмеръ Асановъ; отъ Сибирской дороги—старшины Кудейской волости Шайталъ и Шиганай и старшины Сунларской волости Якупъ и Мурзинъ; отъ Ногайской дороги—старшина Каратабынской волости Кидрясъ Муллакаевъ; кромѣ нихъ, здѣсь были: мещерякскій старшина Янышъ, мещерякскій сотникъ Иткай Кильмаевъ и башкирскій сотникъ Ибрашъ Кутцевъ[a].

Аксаковъ, вѣроятно, все это предвидѣлъ и во время позаботился предупредить о томъ вліятельныхъ и преданныхъ ему въ Петербургѣ лицъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что Соймоновъ еще на пути изъ Мензелинска въ Самару встрѣтилъ курьера, который вручилъ ему указъ о назначеніи на его мѣсто Неплюева и о томъ, чтобы онъ явился въ Сенатъ, уже по сдачѣ своихъ дѣлъ и команды новому командиру Оренбургскаго края Неплюеву. Соймоновъ, какъ мы уже знаемъ,[b] 10 февраля 1742 г. прибылъ въ Самару, для встрѣчи Неплюева, и только въ маѣ получилъ возможность отправиться въ столицу.—Между тѣмъ Аксаковъ, не теряя времени, успѣлъ направить дѣло такъ, что остался цѣлъ и невредимъ, а башкирскихъ старшинъ, сторонниковъ Соймононова, наградили въ Петербургѣ деньгами, саблями и сукномъ, на что было употреблено 470 руб. 60 к.[c] Получивъ подарки, особую грамоту и кормовыя деньги,[d] депу-

---

[a]) См. указъ 27 августа 1742 года въ Тург. обл. арх.

[b]) Смотр. выше стр. 178 и 179.

[c]) Старшины получили деньгами отъ 20 до 30 рублей; сотники по 10 р.—Сабли были различной цѣнности, начиная отъ 21 руб. и до 32 руб. за штуку; всего на сабли было израсходовано 74 руб. Старшина Сунларской волости Якупъ, вмѣсто подарковъ, былъ награжденъ чиномъ. Простые башкиры получили каждый по 5 арш. краснаго сукна; всего на сукно было употреблено 150 руб.

[d]) Кормовыхъ денегъ было выдано 66 руб. 60 коп. на 45 дней, полагая по 1 р. 48 коп. на день.

таты были отправлены на тридцати подводахъ въ Уфу, въ сопровожденіи каптенармуса Казанскаго драгунскаго полка, Ивана Варыпаева. По прибытіи въ Уфу, депутаты должны были вручить данную имъ грамоту уфимскому вицу-губернатору, т. е., Аксакову, на котораго они ѣздили жаловаться, а себѣ могли взять съ нея только копію за подписью того же Аксакова[a]. Въ такомъ положеніи было дѣло Аксакова до его перваго свиданія и знакомства въ Уфѣ съ Неплюевымъ.

Отправляясь въ Оренбургскій край, Неплюевъ, безъ сомнѣнія, нуждался въ людяхъ, которые-бы могли познакомить его съ этимъ краемъ, а петербургскіе патроны Аксакова, конечно, не опустили благопріятнаго случая обратить вниманіе Неплюева на Аксакова, занимавшаго притомъ видный административный постъ въ Башкиріи. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Неплюевъ, по прибытіи въ Самару, принявъ дѣла и команду отъ Соймонова, который, безъ сомнѣнія, сообщилъ ему и о поступкахъ Аксакова, прежде всего отправился въ Уфу, чтобы распросить Аксакова о нуждахъ и состояніи Оренбургскаго края. Надѣясь имѣть въ Аксаковѣ полезнаго сотрудника по управленію башкирцами, Неплюевъ, какъ мы видѣли[b], передалъ въ его вѣдомство, по предварительномъ сношеніи съ Сенатомъ, крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбацкую и Ельдяцкую; по ходатайству Неплюева же былъ данъ Аксакову и помощникъ въ лицѣ ассесора Мертваго. Неплюевъ, какъ мы уже знаемъ[c], совѣтуется съ Аксаковымъ и относительно построенія Оренбурга и совмѣстно съ нимъ составляетъ проэктъ о заселеніи города, который и былъ представленъ имъ 7 февраля 1743 г. на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената[d]. Но не прошло послѣ того и года, какъ стали обнаруживаться произволъ и злоупотребленія Аксакова.—Понравились ему два писаря изъ солдатъ Уфимскаго гарнизона: Олинъ и Кадомцевъ, — и Аксаковъ взялъ ихъ къ себѣ въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію, переименовавъ Кадомцева въ губернскіе регистраторы, а Олина—въ канцеляристы. Начальникъ полка, въ которомъ Кадомцевъ и Олинъ числились солдатами, довелъ о томъ до свѣдѣнія Военной Коллегіи, незамедлившей сообщить о поступкѣ Аксакова Сенату. Находя такой поступокъ противозаконнымъ, Сенатъ опредѣлилъ: лишить Кадомцева и Олина ихъ канцелярскихъ чиновъ и возвратить на прежнюю службу въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ, не смотря на указъ Сената и распоряженіе Военной

[a] Указы 1742 г. въ Тург. обл. арх., л. 89—91.
[b] Смотр. выше стр. 187.
[c] Смот. стр. 184.
[d] Тамъ же, стр. 187 и 188.

Коллегіи, медлилъ высылкой своихъ излюбленныхъ писарей—чиновниковъ въ гарнизонъ, а послѣднимъ это, понятно, было, какъ говорится, нà-руку. Особенно не хотѣлось снова быть солдатомъ Кадомцеву, который успѣлъ было нажить и деньги и даже купилъ себѣ крѣпостныхъ людей[a]. Между тѣмъ ассесоръ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Θеодоръ Мертваго 10 октября 1743 года, донесъ въ Сенатъ, что Аксаковъ „въ присутствіи" вовсе его не слушаетъ, вмѣняя его мнѣніе ни во что, кричитъ на него и угрожаетъ ему; различные указы и распоряженія правительства сообщаетъ своему секретарю у себя на дому; завелъ въ своей квартирѣ какую-то тайную канцелярію, въ которую опредѣлилъ прапорщика Демидовыхъ Утянина да омагометанившагося изъ чувашъ толмача Уракова и держитъ у себя подъ арестомъ башкирскихъ старшинъ, а за что—онъ (Мертваго) не знаетъ[b]. Вслѣдъ за этой жалобой Мертваго, въ Сенатѣ былъ полученъ новый доносъ на Аксакова. Секретарь Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Семенъ Зубовъ, на котораго былъ возложенъ и прокурорскій надзоръ, 25 сентября того же (1743) года доносилъ Сенату, что Аксаковъ взялъ болѣе тысячи казенныхъ денегъ „и всегда беретъ, а въ указныя мѣста рапортуетъ наличными"; забранные имъ въ жалованье 183 р. деньгами и 10 четвертей овса, которыя велѣно съ него взыскать, не платитъ; кромѣ того, перебралъ болѣе 200 ведеръ казеннаго вина, не заплативъ за нихъ денегъ; забираетъ въ свою канцелярію невинныхъ и бьетъ ихъ; велѣлъ у счетчика взять деньги и запечатать ихъ канцелярскою печатью; держитъ у себя *«плута»* переводчика Уракова, который беретъ взятки и *«наровитъ»* ему; держитъ на гауптвахтѣ и бьетъ приказныхъ служителей; канцелярскія дѣла, вопреки указамъ Генеральнаго Регламента, забираетъ въ квартиру, гдѣ также принимаетъ прошенія и сочиняетъ протоколы; полученные изъ Сената указы держитъ у себя; расходуетъ безъ указа казенныя деньги на покупку для новокрещенныхъ изъ инородцевъ платья и обуви, на что уже издержалъ болѣе 127 рублей; воровъ изъ инородцевъ не подвергаетъ отвѣтственности по закону, а, окрестивъ, освобождаетъ отъ всякаго наказанія и даже награждаетъ платьемъ и обувью на счетъ казны, безъ всякаго на то разрѣшенія.—Въ заключеніе всего, Зубовъ проситъ произвести въ квартирѣ Аксакова опись *«дѣламъ и письмамъ»* и говоритъ: *«слезно покорнѣйше прошу* за оными непорядками, до изслѣдованія объ ономъ, меня ему не вѣдать, ибо ежели онъ

---

[a]) Игнатьевъ. *Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ*, стр. 12. Запрещеніе покупать крѣпост. крестьянъ людямъ не дворянскаго происхожденія послѣдовало только 24 марта 1746 г. П. С. З. № 9267.

[b]) Ст. въ Тург. обл. арх. Указы 1744 г., № 17, л. 26—27.

сіе мое представленіе увѣдаетъ, а отъ команды его отрѣшенъ не буду; то онъ *по здѣшней власти меня можетъ* (отъ чего Боже сохрани!) и *до смерти убить* какимъ-нибудь случаемъ, или отъ его сильныхъ угрозъ въ безуміи своемъ самъ себя смерти не предалъ-бы".[a]

Не смотря на то, что представленіе секретаря Зубова было написано двумя недѣлями раньше жалобы ассесора Мертваго[b], оно получено въ Сенатѣ тремя днями позже послѣдней: на доношеніи Мертваго помѣчено: «*получено 12 ноября 1743 г.*», а на представленіи Зубова: «*получено 1743 г. ноября 16.*» —Судя по ходу дѣла, можно предположить, что Мертваго и Зубовъ дѣйствовали сообща и прежде, чѣмъ рѣшились обратиться съ жалобой на Аксакова въ Сенатъ, имѣли между собою по этому дѣлу совѣщаніе. Написавъ свою жалобу на Аксакова, Зубовъ, вѣроятно, прочиталъ ее и Мертваго, а послѣдній, желая предупредить доносъ секретаря, поспѣшилъ на̀-скоро написанное имъ представленіе отправить въ Сенатъ съ нарочнымъ[c], жалоба же Зубова могла быть послана съ почтой. На солидарность и совмѣстность дѣйствій Зубова и Мертваго указываетъ, между прочимъ, и слѣдующее мѣсто въ доношеніи Сенату Зубова: „а товарищъ и я уже отъ его угрозъ въ канцелярію боимся ходить, потому, что при присутствіи ежели что по силѣ указовъ представишь; то всегда неподобными словами ругаетъ и грозитъ, а и товарища низодинова уже злобными словами поносилъ" и проч. Аксаковъ, между тѣмъ, не дремалъ и самъ: 20 октября того же (1743) года онъ донесъ Сенату, что въ письмахъ башкирскаго старшины Шерыпа Мрякова найдена черновая челобитная, писанная рукою бывшаго канцеляриста Семена Ветошникова, отрѣшеннаго отъ службы за кражу денегъ; что въ этой челобитной рукою секретаря Уфимской Провинціальной Канцеляріи Зубова написано «*почерпнѣй*», чтобы Шерыпу Мрякову быть главнымъ командиромъ надъ всѣми старшинами Уфимскаго уѣзда, дать ему офицерскій рангъ и положить опредѣленное жалованье. Донося объ этомъ, Аксаковъ замѣчаетъ, что „все то несогласно съ высочайшими интересами" и сдѣлано Зубовымъ изъ корыстолюбивыхъ побужденій, дабы разорить башкирскій народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ сообщаетъ, что на Зубова подана жалоба во взяткахъ, а если онъ (Аксаковъ) и рекомендовалъ его въ секретари, то сдѣлалъ это потому,

---

[a]) Тамъ же, л. 28—33.

[b]) Представленіе Зубова написано 26 сентября, а жалоба Мертваго 10 октября 1743 г., какъ это видно изъ самыхъ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ Тургайскаго обл. архива. См. Указы 1744 г., № 17, лист. 27 на обор. и л. 32 на обор.

[c]) На доношеніи Мертваго въ концѣ встрѣчается слѣдующая приписка: „Подалъ Уфимскаго драгунскаго полка каптенармусъ Алексѣй Жалинъ".

что Зубовъ послѣ публичнаго наказанія его плетьми при Татищевѣ[a]), велъ себя порядочно, теперь же оказалось, что держать его на этой должности нельзя[b]), тѣмъ болѣе, что онъ отвѣтчиковъ не призываетъ къ допросу по три мѣсяца и болѣе, а если послѣдніе сами явятся, то столько же времени ихъ не допрашиваетъ; пошлины по челобитнымъ дѣламъ собираетъ и записи имъ ведетъ неисправно, къ дѣламъ не радивъ и т. п. Пополнивъ свой первый доносъ на Зубова новымъ представленіемъ въ Сенатъ, отъ 31 октября того же года, Аксаковъ приказалъ арестовать Зубова и скованнаго отправилъ его подъ конвоемъ въ Петербургъ, а имущество его отобралъ и „дворъ" запечаталъ[c]). 12 декабря[d]) того же года въ Сенатѣ были заслушены жалобы Мертваго, Зубова и оба доношенія Аксакова. Сообщая о томъ Неплюеву, Сенатъ приказалъ отправить въ Уфу слѣдователемъ особаго полковника и о результатахъ слѣдствія донести, съ присовокупленіемъ своего мнѣнія; Зубова велѣно до времени освободить изъ-подъ ареста и отправить къ Неплюеву для допроса, а его имущество, отобранное у него и запечатанное Аксаковымъ, приказано возвратить ему подъ росписку; прогонныя деньги, издержанныя Варыпаевымъ[e]) и троими солдатами, сопровождавшими Зубова въ Петербургъ[f]) и обратно въ Уфу, а равно и жалованье, причитающееся за все это время Зубову, велѣно взыскать, въ пользу потерпѣвшаго, съ Аксакова, такъ-какъ „винъ и явныхъ уликъ противъ Зубова Сенатъ не нашелъ[g])". Нужно замѣтить, что Неплюевъ и раньше всячески старался избѣгать личныхъ пререканій съ Аксаковымъ, а когда онъ не сходился съ нимъ въ мнѣніяхъ, то представлялъ дѣло на разсмотрѣніе Сената, который предписывалъ Аксакову: „обо всемъ, кромѣ партикулярныхъ дѣлъ и сбора податей съ башкиръ Уфимской провинціи, сноситься съ Неплюевымъ[h])". Получивъ указъ Сената о производствѣ слѣдствія надъ Аксаковымъ, Неплюевъ назначилъ

---

[a]) Аксаковъ приложилъ къ своему доношенію въ Сенатъ отъ 31 октября и копію съ указа 19 февраля 1738 г., о наказаніи плетьми Зубова и о разжалованіи его въ копіисты.—Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., № 16, л. 38.

[b]) Тамъ же, л. 36 и 37.

[c]) Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 36 и 37. Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своей брошюрѣ: „*Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ*" (стр. 12) говоритъ: „неизвѣстно, вслѣдствіе чьихъ доносовъ и жалобъ, *Сенатъ велѣлъ арестовать* и представить къ себѣ секретаря Зубова" и проч. Изъ приведенныхъ нами данныхъ, заимствованныхъ изъ подлиннаго указа Сената, отъ 22 декабря 1743 г. за № 9560, на имя Неплюева, видно, что не Сенатъ приказалъ арестовать Зубова, а самъ Аксаковъ донесъ на Зубова и арестовалъ его, *Сенатъ же напротивъ приказалъ освободить Зубова изъ-подъ ареста.*

[d]) Это видно изъ помѣтки числа на самыхъ подлинникахъ.

[e]) А не „Ульяновымъ", какъ значится въ вышеотмѣченной брошюрѣ Р. Г. Игнатьева.

[f]) У Игнатьева сказано невѣрно: „въ Москву".

[g]) Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 22—25.

[h]) Указы 1743 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 10-й л. 42—45. Сравн. тамъ же указъ 30 апрѣля 1743 г.

слѣдователемъ по этому дѣлу полковника Люткина, занимавшаго временно должность коммендантa Ставропольской крѣпости, а самъ обратился въ Сенатъ съ просьбой о дозволеніи ему отправиться въ Москву, на что 18 января 1744 г. и получилъ разрѣшеніе, съ условіемъ вернуться въ Оренбургъ по послѣднему зимнему пути; дѣла же и обязанности по управленію краемъ велѣно ему поручить, на время отсутствія, генералъ-маіору фонъ-Штокману, назначивъ въ помощь къ нему одного изъ оберъ-офицеровъ, котораго Неплюевъ самъ найдетъ того достойнымъ [a]. Между тѣмъ Аксаковъ не унимался. Когда въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію былъ присланъ указъ изъ Главнаго Коммиссаріата о взысканіи съ Аксакова прогонныхъ денегъ, израсходованныхъ на конвой, сопровождавшій Зубова въ Петербургъ и обратно въ Уфу, Аксаковъ, получивъ этотъ указъ изъ рукъ регистратора Кадомцева, утаилъ его у себя, что онъ обыкновенно дѣлалъ со всякой бумагой, почему—либо непріятной ему. Кадомцевъ, предвидя, что ему рано или поздно предстоитъ возвращеніе изъ привольнаго житья въ гарнизонные солдаты, вдругъ началъ домогаться, чтобы Аксаковъ возвратилъ ему этотъ указъ.—Неустрашимый и смѣлый до дерзости въ своихъ поступкахъ, Аксаковъ почему-то на этотъ разъ почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и просилъ Кадомцева молчать о передачѣ ему указа; когда же Кадомцевъ оказался непреклоннымъ, Аксаковъ приказалъ запереть его въ одиночную камеру при канцеляріи, строго запретивъ давать ему чернилъ и бумаги и кого-либо допускать къ нему. Узнавъ, что къ Кадомцеву приходила мать, Аксаковъ распорядился арестовать дежурнаго капрала. Не смотря однако на всѣ предосторожности со стороны Аксакова, Кадомцевъ и въ одиночной тюрьмѣ ухитрился написать доносъ на Аксакова и передать его чрезъ свою крѣпостную Өедосью Иванову ассесору Мертваго, который препроводилъ его къ Неплюеву. Въ своемъ доносѣ Кадомцевъ обвинялъ Аксакова въ многихъ злоупотребленіяхъ власти, въ лихоимствѣ, въ растратѣ казенныхъ суммъ, въ намѣренномъ уничтоженіи многихъ документовъ и дѣлъ и въ утаеніи указа Главнаго Коммиссаріата, относительно взысканія съ Аксакова прогонныхъ денегъ. Узнавъ о назначеніи слѣдствія надъ Аксаковымъ, Кадомцевъ просилъ, что если нельзя его отпустить на свободу, то пусть онъ будетъ арестованъ при Слѣдственной Коммиссіи, чтобы Аксаковъ окончательно не погубилъ его. Неплюевъ, получивъ доносъ Кадомцева, поручилъ Слѣдственной Коммиссіи дознаться о всѣхъ вообще дѣйствіяхъ Аксакова.

---

a) Указъ 18 янв. 1744 г. за № 622. См. Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 39.

Въ архивѣ Тургайскаго Областнаго Правленія, въ числѣ дѣлъ бывшей Оренбургской Губернской Канцеляріи, хранится: *«Дѣло о выкраденныхъ регистраторомъ Иваномъ Кадомцевымъ изъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи дѣлахъ, и произведенное слѣдствіе 1744 г.»* Это „Дѣло", на основаніи котораго покойный Р. Г. Игнатьевъ и составилъ свою брошюру: *«Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ»*,—знакомитъ съ подробностями самаго слѣдственнаго процесса, которыя мы и считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ существенныхъ его чертахъ. Узнавъ о доносѣ Кадомцева, Аксаковъ немедленно послалъ на него въ Сенатъ жалобу, въ которой писалъ, что Кадомцевъ, неизвѣстно съ какою цѣлію, истребилъ много дѣлъ и документовъ, за что онъ арестовалъ его и приказалъ произвести слѣдствіе. Спустя два мѣсяца[a]), Аксаковъ въ томъ же духѣ написалъ о Кадомцевѣ и Неплюеву. Началось слѣдствіе.—Слѣдователи прежде всего постарались собрать необходимыя свѣдѣнія о Кадомцевѣ: когда онъ былъ взятъ Аксаковымъ на службу въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію; за что и когда посаженъ въ одиночную тюрьму и какъ изъ нея переслалъ доносъ къ ассесору Мертваго; какимъ образомъ подъячій Гусевъ, у котораго чрезъ отверстіе въ двери арестантской камеры Кадомцевъ просилъ табаку, получилъ отъ него доносъ на Аксакова и доставилъ его домашнимъ Кадомцева и т. д. Позвали и спросили Гусева, который сначала сталъ отрекаться отъ всякаго пособничества Кадомцеву; но слѣдователи вынудили у него признаніе *подъ батогами* въ самомъ *«присутствіи»* канцеляріи; допрошены были и всѣ повытчики и писцы Уфимской Провинціальной Канцеляріи, относительно указа Главнаго Коммиссаріата о прогонныхъ деньгахъ, которыя долженъ былъ уплатить Аксаковъ; но всѣ заявили, что никакого коммиссаріатскаго указа имъ изъ присутствія или регистратуры въ повытье не передавалось. Въ то же время Аксаковъ, независимо отъ Слѣдственной Коммиссіи, потребовалъ отъ Кадомцева показанія о передачѣ доноса на него къ Мертваго, и потомъ свой допросъ Аксаковъ передалъ Слѣдственной Коммиссіи; такимъ образомъ, вышло какъ-бы два слѣдствія по одному и тому же дѣлу. Когда слѣдователь Люткинъ замѣтилъ Аксакову, что онъ не долженъ быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ, и что онъ, Люткинъ, долженъ поступать по сущей правдѣ; то Аксаковъ гнѣвно отвѣчалъ ему: „Я подлежу суду Правительствующаго Сената,—и только ему да еще губернатору дамъ отвѣтъ, а не тебѣ и ни твоимъ друзьямъ и похлѣбникамъ: Мертваго и Зубову".—Вскорѣ послѣ этого, Аксаковъ написалъ письмо Неплюеву, въ которомъ жаловался на притя-

---

[a]) Сенату Аксаковъ донесъ 30 марта, а Неплюеву 4 іюня 1744 г.

занія со стороны Люткина и набрасывалъ неблаговидную тѣнь на его отношенія къ Мертваго и Зубову. На запросъ Неплюева по этому письму Люткинъ объяснилъ, что онъ никакихъ притязаній въ отношеніи Аксакова не предъявлялъ; что съ Мертваго и Зубовымъ у него отношенія лишь служебныя; что онъ только замѣтилъ Аксакову о его незаконномъ дѣйствіи быть судьей въ томъ дѣлѣ, для котораго назначена особая Коммиссія и въ которомъ самъ Аксаковъ является отвѣтчикомъ. Между тѣмъ разгнѣванный Аксаковъ, какъ вице-губернаторъ, распорядился, чтобы Люткину не давали подводъ для отправленія его пакетовъ въ Оренбургъ. Люткинъ, сообщивъ о томъ Неплюеву, сталъ посылать пакеты на драгунскихъ лошадяхъ Уфимскаго драгунскаго полка до самой границы Уфимской провинціи, а далѣе по Оренбургскому уѣзду, на который не простиралась административная власть Аксакова, ихъ отправляли уже на ямскихъ лошадяхъ. Въ то же время Аксаковъ не хотѣлъ возвратить Зубову шпаги и нѣкоторыхъ отобранныхъ у него, во время ареста, бумагъ, запечатанныхъ и хранившихся въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Неплюевъ, узнавъ о томъ чрезъ Люткина, приказалъ Аксакову отдать шпагу и письма Зубову. Аксаковъ не слушался. Люткинъ, донося о томъ Неплюеву, просилъ удалить Аксакова отъ занимаемой имъ должности, по крайней мѣрѣ, на время производства слѣдствія. Послѣ этого Неплюевъ предписалъ Люткину принять отъ Аксакова воеводскія дѣла и быть уфимскимъ воеводой, о чемъ тогдаже донесъ и Сенату. Аксаковъ не хотѣлъ подчиниться этому распоряженію и, запечатавъ всѣ дѣла, послалъ отъ себя донесеніе въ Сенатъ, а Неплюеву написалъ, что онъ имѣетъ очень важное дѣло, о которомъ желалъ-бы лично доложить Сенату, и потому просилъ отпустить его въ Петербургъ.—Неплюевъ отвѣтилъ на это строгимъ подтвержденіемъ немедленно сдать воеводскую должность Люткину. Тогда Аксаковъ распечаталъ дѣла и безъ всякой описи отдалъ ихъ Люткину.

Не смотря на отрѣшеніе отъ должности, Аксаковъ жилъ въ казенной вице-губернаторской квартирѣ, близъ Смоленскаго Собора, получая жалованье и разъѣзжая по Уфѣ на шести лошадяхъ съ гайдуками и скороходами; Кадомцевъ же, по-прежнему, содержался въ одиночной камерѣ, а Олинъ и Гусевъ—сидѣли подъ арестомъ въ колодничьей палатѣ, или общей арестантской при Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Слѣдователь Люткинъ донесъ военному вѣдомству, что Кадомцевъ и Олинъ не могутъ быть переведены въ Уфимскій гарнизонъ до окончанія надъ ними слѣдствія. Аксаковъ 25 іюня 1744 г. снова обратился къ Неплюеву съ просьбой объ отпускѣ его въ Сенатъ, присовокупивъ: „а теперь (писалъ Акса-

ковъ) благоволите Ваше Высокопревосходительство дать мнѣ къ моему дому военный караулъ и до Москвы чтобы провожалъ меня конвой, ибо я *окруженъ злодѣями, которые покушаются на мою жизнь,* а канцеляристъ Олинъ, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ, постоянно ходитъ вокругъ моего дома".[a])—Неплюевъ приказалъ приставить къ Аксакову караулъ изъ 6 солдатъ, при особомъ капралѣ. Между тѣмъ изъ Сената полученъ былъ указъ объ удаленіи Аксакова отъ должности, который и былъ объявленъ Аксакову съ роспискою въ его прочтеніи чрезъ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Такимъ образомъ Аксаковъ былъ отстраненъ отъ мѣста и самая должность вице-губернатора въ Уфѣ была уничтожена. Но Аксаковъ не переставалъ своевольничать и послѣ этого. Покуда слѣдователи разбирали дѣла за время управленія Уфимской провинціей Аксакова, озлобленный бригадиръ зазвалъ къ себѣ двухъ братьевъ Кутуя и Галея Салтанаевыхъ, башкиръ изъ деревни Бураевой Казанской дороги Уфимскаго уѣзда, и приказалъ ихъ арестовать при своей квартирѣ. При содѣйствіи своего кліента, переводчика князя Уракова, Аксаковъ старался склонить Салтанаевыхъ на свою сторону, еслибы ихъ спросили слѣдователи объ отношеніи его къ башкирамъ. Пять недѣль просидѣли Салтанаевы подъ арестомъ, подвергаясь нерѣдко побоямъ и наказанію голодомъ, пока Люткинъ не узналъ о томъ и не освободилъ ихъ.—Когда Салтанаевыхъ спросили, за что держалъ ихъ подъ арестомъ и мучилъ Аксаковъ и чего домогался отъ нихъ переводчикъ Ураковъ; то Салтанаевы высказали, въ видѣ догадки и предположенія, что, можетъ быть, за то, что имъ извѣстно укрывательство Аксаковымъ въ домѣ Уракова одного важнаго бѣглеца изъ Петербурга, иновѣрца Имагула, о чемъ они слышали отъ старшины Казанской дороги Мрякова, человѣка честнаго и преданнаго правительству; Мряковъ также говорилъ, что будто-бы у Аксакова хранятся какія-то тайныя бумаги, которыя онъ хочетъ послать въ Сенатъ и ко Двору. Слѣдователи догадались, что Салтанаевы, напуганные арестомъ и побоями, боятся говорить все.—Обязавъ Салтанаевыхъ подпиской о невыѣздѣ изъ Уфы, слѣдователи научили ихъ подать на Аксакова жалобу, а сами тотчасъ же послали нарочнаго за Мряковымъ и бросились съ обыскомъ въ квартиру Уракова; но ни его, ни Имагула уже не было: прислуга Уракова объяснила, что князь, вмѣстѣ съ Имагуломъ, уѣхалъ въ Москву. Между тѣмъ явился Мряковъ и подтвердилъ все, сказанное Салтанаевыми, присовокупивъ, что у Аксакова въ домѣ скрытъ высочайшій секретный указъ 15 марта 1744 г.: «*О имѣніи лучшей предосторож-*

---

[a]) Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ", стр. 22.

ности къ охраненію вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества какъ башкирскаго народа, такъ и прочихъ». Мряковъ просилъ слѣдователей отправить его къ Неплюеву, которому онъ могъ бы лично передать все, что ему только извѣстно о дѣйствіяхъ Аксакова. Слѣдователи, заинтересованные секретнымъ указомъ 15 марта 1744 года, спросили всѣхъ повытчиковъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и всѣ они (11 человѣкъ) показали, что о такомъ секретномъ указѣ они даже и не слыхали. Слѣдователи, донося о томъ Неплюеву, писали, что хотя Аксакову велѣно сдать всѣ дѣла и управленіе Уфимскою провинціей полковнику Люткину; но Аксаковъ сдалъ только тѣ дѣла, которыя были запечатаны имъ въ шкапахъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и притомъ безъ описи, многія же секретныя дѣла, именные высочайшіе и сенатскіе указы утаилъ у себя на дому. Люткинъ жаловался и на то, что ему ничего неизвѣстно о сосостояніи Уфимской провинціи, и потому онъ не знаетъ, какъ и управлять ею.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „вы на то и слѣдователи: примите мѣры и отберите все отъ Аксакова, а Мряковъ пусть пріѣдетъ ко мнѣ, въ Оренбургъ“ [a]). Въ то же самое время Аксаковъ прислалъ Неплюеву четыре пакета на имя Сената и снова просилъ, чтобы ему было позволено выѣхать изъ Уфы въ Москву; вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ писалъ, что конвоя, даннаго ему для безопасности, недостаточно и потому онъ желалъ-бы имѣть при себѣ постоянно еще одного оберъ-офицера изъ Уфимскаго гарнизона. Неплюевъ, отправивъ пакеты Аксакова въ Сенатъ, распорядился, чтобы при Аксаковѣ находился *«неотлучно»* поручикъ Уфимскаго гарнизона Михайловъ, который потомъ и поселился въ квартирѣ Аксакова, сдѣлавшись его домашнимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ адъютанта. Окруживъ себя конвойными, Аксаковъ свободно разъѣзжалъ по знакомымъ и принималъ у себя гостей. Слѣдователи все еще не рѣшались идти съ обыскомъ въ квартиру Аксакова, а отправили къ нему канцеляриста Ивана Гурьева, вручивъ ему оффиціальную бумагу, въ которой просили Аксакова выдать всѣ дѣла и указы, хранящіеся у него на дому и касающіеся управленія Уфимскою провинціей. Аксаковъ не принялъ пакета и выгналъ Гурьева; канцеляристъ, отдавъ „должный респектъ Его Высокородію“, почтительно снова спросилъ Аксакова, какое со стороны „Его Высокородія“ послѣдуетъ распоряженіе. „Убирайся къ...!“ закричалъ разсерженный бригадиръ: „я знаю Сенатъ и оренбургскаго губернатора“. Когда же Гурьевъ осмѣ-

---

a) Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 25.

лился замѣтить, что онъ явился по распоряженію начальства; то Аксаковъ не постѣснился употробить и непечатныя выраженія: „Пошелъ...! за это рыло бьютъ"! и т. п. Когда Гурьевъ возвратился съ пакетомъ къ Люткину, послѣдній снова отправилъ его въ квартиру Аксакова, сказавъ: „отдай пакетъ Михайлову, если не принимаетъ самъ Аксаковъ".—Гурьевъ явился къ Михайлову, который, принявъ пакетъ, понесъ его въ кабинетъ къ Аксакову, откуда скоро вернулся съ пакетомъ въ рукахъ и съ отвѣтомъ, что „Его Высокородіе" пакета не принимаетъ.—Послѣ этого слѣдователи составили особое постановленіе и, пріобщивъ къ дѣлу, донесли о томъ Неплюеву.

Оставивъ Аксакова до времени въ покоѣ, слѣдователи принялись за канцеляриста Олина, который сначала не хотѣлъ ничего говорить о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Аксакова; но подъ *батожьемъ* и угрозою смертной казни Олинъ заговорилъ другое: онъ обвинялъ Аксакова въ поборахъ съ башкиръ и другихъ инородцевъ, при назначеніи ихъ на работы въ новостроющійся Оренбургъ, и въ утайкѣ многихъ секретныхъ дѣлъ и высочайшихъ указовъ; Олинъ также заявилъ, что гораздо болѣе его знаетъ о дѣйствіяхъ Аксакова канцеляристъ Михаилъ Петровъ; что Аксаковъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Ураковымъ, у котораго скрывается важный бѣглецъ изъ Петербурга; что Ураковъ передалъ Аксакову какія-то секретныя письма чрезъ капрала Уфимскаго гарнизона Михаила Усольцева, и что Аксаковъ, какъ ему извѣстно, находится въ секретной перепискѣ съ самимъ генералъ-прокуроромъ, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, съ княземъ Черкасскимъ и кабинетъ-секретаремъ Ея Величества Бахиревымъ; но о чемъ велась ими переписка, онъ не знаетъ, такъ-какъ Аксаковъ писалъ тѣ письма или собственноручно, или же отдавалъ переписывать ихъ на-бѣлó канцеляристу Михаилу Петрову. Нужно замѣтить, что Петровъ предъ тѣмъ нѣсколько времени не ходилъ въ канцелярію на службу, а когда слѣдователи пожелали его видѣть и допросить, то оказалось, что и онъ уѣхалъ въ Москву. Обо всемъ, что было сказано Олинымъ, Люткинъ не замедлилъ донести Неплюеву.

Мы замѣтили, что Неплюевъ приказалъ слѣдователямъ прислать къ нему, въ Оренбургъ, башкирскаго старшину Мрякова, кототый самъ изъявилъ желаніе лично разсказать Неплюеву о дѣйствіяхъ Аксакова. Отправляясь въ Оренбургъ, Мряковъ сообщилъ Люткину слѣдующія свѣдѣнія о бѣгломъ изъ Петербурга татаринѣ Имагулѣ, котораго Аксаковъ скрывалъ въ домѣ Уракова. Имагулъ, по фамиліи Муслюмовъ, былъ ясачный татаринъ изъ деревни Старой-Адистеревой Ногайской дороги Уфимскаго уѣзда, и занимался плотничьимъ ремесломъ.

Незадолго до 1735 г. онъ былъ взятъ на службу во флотъ и опредѣленъ плотникомъ на Петербургскую верфь. Когда начался башкирскій бунтъ при Кирилловѣ, Муслюмовъ бѣжалъ на родину; но видя; что башкиры относились къ татарамъ враждебно, Муслюмовъ боялся явиться въ свою деревню и жилъ въ разныхъ мѣстахъ, бывалъ и въ самой Уфѣ, гдѣ его поймали и отправили въ Петербургъ, откуда онъ снова бѣжалъ въ Уфу и, съ вѣдома Аксакова, былъ помѣщенъ въ домѣ Уракова. Братья Салтанаевы: Кутуй и Галей знали объ этомъ, и Аксаковъ неоднократно поручалъ имъ отвозить въ Москву къ разнымъ лицамъ его письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мряковъ показалъ, что Имагулъ Муслюмовъ въ Москву съ Ураковымъ не уѣзжалъ, какъ заявила прислуга послѣдняго, а скрывается въ Башкиріи и желаетъ самъ явиться съ повинною. Муслюмовъ дѣйствительно скоро явился вмѣстѣ съ своей женой, и они оба подтвердили показанія Мрякова.—Изъ распросовъ Имагула выяснилось, что Аксаковъ скрывалъ его, въ угодность Уракову, и обѣщалъ исходатайствовать ему (Муслюмову) не только прощеніе, но и освобожденіе отъ службы, въ которую онъ былъ взятъ будто несправедливо[a]. Мряковъ, бывшій раньше сторонникомъ Аксакова, зналъ всѣ его дѣла; онъ назвалъ по именамъ всѣхъ башкиръ и другихъ инородцевъ, съ которыхъ Аксаковъ бралъ взятки, за освобожденіе ихъ отъ работъ во вновь строившемся Оренбургѣ; многіе изъ поименованныхъ имъ лицъ проживали въ это время въ Казанской губерніи, почему слѣдователи предложили допросить ихъ Казанской Губернской Канцеляріи, а сами приступили къ допросу башкиръ, жившихъ въ Уфимской провинціи. Допрошенные заявили, что Аксаковъ дѣйствительно дѣлалъ большія имъ притѣсненія, по поводу наряда ихъ на работы во вновь строющійся Оренбургъ. Люткинъ, руководимый такими опытными дѣльцами, какъ Мертваго и Зубовъ, все болѣе и болѣе освѣщалъ злоупотребленія и произволъ Аксакова: Кадомцевъ, по его настоянію, указалъ, какіе именно документы и дѣла онъ уничтожилъ и сжегъ, по приказанію Аксакова. Въ самую полночь 20 іюля 1744 года, Аксаковъ внезапно явился въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Спросивъ у копіиста Зрякова, дежурившаго въ канцеляріи, чернила, перо и бумагу, Аксаковъ тутъ же написалъ заявленіе, что онъ отстраняетъ Люткина отъ производства слѣдствія, а почему, о томъ донесетъ Неплюеву и Сенату. Утромъ 21 іюля слѣдователи, явившись въ канцелярію и прочитавъ бумагу Аксакова, положили прі-

---

[a]) Тамъ же, стр. 30 и 31.

остановить производство слѣдствія до назначенія новаго презуса Слѣдственной Коммиссіи.

Прося Неплюева о назначеніи, вмѣсто Люткина, другаго слѣдователя, Аксаковъ обвинялъ его въ неосвидѣтельствованіи дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи; въ недопросѣ секретаря Зубова и канцелярскихъ служителей о бывшихъ въ ихъ рукахъ дѣлахъ; въ непорядочныхъ поступкахъ Люткина при распечатаніи дома Зубова; въ недопросѣ Зубова, по его, Аксакова, извѣту; въ томъ, что, при вступленіи въ воеводскую должность, Люткинъ не потребовалъ отъ капитана Демидова, прапорщика Ульянова, князя Уракова и канцеляриста Петрова порученныя имъ отъ него, Аксакова, башкирскія дѣла. Въ своемъ донесеніи Неплюеву Аксаковъ говоритъ и о дѣлѣ бригадира Тевкелева[a], обвиняя Люткина въ пристрастномъ отношеніи къ Тевкелеву, и жалуется, что канцеляристъ Гурьевъ, явившійся къ нему, по приказанію Люткина, надѣлалъ ему дерзостей; что ассесоръ Мертваго приходилъ къ нему въ домъ и съ настойчивостію требовалъ выдачи секретныхъ дѣлъ, дѣйствительно имѣющихся у него и запертыхъ въ особомъ сундукѣ, но что онъ не могъ отдать этихъ дѣлъ потому, что донесъ о нихъ Сенату и ожидаетъ отвѣта, кому Сенатъ прикажетъ передать ихъ. Въ заключеніе всего Аксаковъ опять, уже въ четвертый разъ, просилъ Неплюева отпустить его въ Москву. Неплюевъ, получивъ это донесеніе, уважилъ просьбу Аксакова, но самымъ тонкимъ образомъ. Назначивъ презусомъ Слѣдственной Коммиссіи надъ Аксаковымъ генералъ-маіора фонъ-Штокмана, Неплюевъ приказалъ Люткину продолжать ревизію дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи за время вице-губернаторства Аксакова, т. е., давать матеріалъ фонъ-Штокману для слѣдствія надъ Аксаковымъ, который такимъ образомъ, попрежнему, оставался въ рукахъ энергичнаго и, какъ видно, прямаго человѣка, какимъ былъ Люткинъ, старавшійся раскрыть истину. Неплюевъ, какъ искусный политикъ, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ извѣстилъ Аксакова, что просьба его уважена: Люткинъ отъ слѣдствія отстраненъ и, вмѣсто него, назначенъ генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ; что же касается поѣздки Аксакова въ Москву, то это исключительно зависитъ отъ Сената, но что онъ готовъ и о томъ ходатайствовать. Не желая возстановлять противъ себя Аксакова, подобно Соймонову, Неплюевъ вовсе не былъ намѣренъ и щадить необузданнаго бригадира; но старался направить дѣло о немъ такъ, чтобы исполнителями его желаній были другіе.

---

[a]) См. конецъ настоящей главы.

Генералъ-маіоръ фонъ-Штокманъ, безъ сомнѣнія, получилъ отъ Неплюева должныя наставленія, какъ ему дѣйствовать. Посылая фонъ-Штокмана на слѣдствіе въ Уфу, Неплюевъ просилъ его кончить дѣло поскорѣе и, кромѣ того, поручилъ ему понаблюсти и за дѣйствіями Люткина и Уфимской Провинціальной Канцеляріи, такъ какъ въ Уфимской провинціи, по заявленіи самого же Люткина, была ужасная безъурядица, благодаря злоупотребленіямъ Аксакова. Люткинъ писалъ Неплюеву: „Я не знаю, надъ чѣмъ управляю: я, воевода, не знаю, сколько у меня жителей, сколько селеній, сколько казенныхъ доходовъ, какія нужды жителей всѣхъ сословій, какія слѣдуетъ взыскать недоимки и на какую сумму; Аксаковъ не сдалъ мнѣ Уфимской провинціи; надъ чѣмъ я—воеводой, самъ не знаю, но какъ я за все въ отчетѣ предъ Царицей и закономъ, то и доношу Вашему Высокопревосходительству“ [a].

По прибытіи въ Уфу, фонъ-Штокманъ сначала ограничился собраніемъ и группировкой обвинительныхъ пунктовъ противъ Аксакова, при содѣйствіи Люткина, Мертваго и Зубова, не требуя къ допросу самого Аксакова. На требованіе фонъ-Штокмана, предъявленное Аксакову о сдачѣ хранившихся у него секретныхъ дѣлъ хотя-бы частію, послѣдній отвѣтилъ, какъ и должно было ожидать, отказомъ. Между тѣмъ злоупотребленія Аксакова все болѣе и болѣе обнаруживались. Допрошено было болѣе 400 башкиръ и другихъ инородцевъ, которые всѣ показали, что Аксаковъ бралъ съ нихъ взятки, чтобы избавить ихъ отъ службы по крѣпостямъ или отъ работъ въ строющемся Оренбургѣ, куда слѣдовало послать до 3600 челов. Слѣдователи также узнали, что Аксаковымъ или, по его приказанію, Кадомцевымъ *было истреблено 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ;* эти дѣла были о казенныхъ постройкахъ, подрядахъ, о продовольствіи войскъ и всего болѣе было уничтожено дѣлъ о пріобрѣтеніи башкирскихъ земель разными лицами, вслѣдствіе разрѣшенія того указомъ 1736 года; много также было уничтожено дѣлъ по купчимъ крѣпостямъ, по казеннымъ сборамъ, по городскому хозяйству и торговлѣ; истреблены были и многія дѣла слѣдственныя, судныя и таможенныя. Оказалось, что Аксаковъ бралъ не только деньгами, а и натурой: слѣдователи не могли доискаться, куда дѣвались поставленныя съ подряда, заключеннаго въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, для продовольствія войскъ въ краѣ, 16,321 четв. муки, 1000 четв. крупъ, 718 четв. овса и 508 четв. жита [b]. Слѣдователямъ оставалось теперь

---

[a] Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 37 и 38.
[b] Тамъ же, стр. 40.

дознать о растратѣ казенныхъ суммъ, по показанію Кадомцева; но, познакомившись съ дѣломъ, они увидѣли, что если допрашивать всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, то слѣдствіе можетъ затянуться очень на долго; а Неплюевъ желалъ кончить его поскорѣе. Въ это самое время фонъ-Штокманъ, вслѣдствіе распоряженія Неплюева, получилъ указъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, присланный съ канцеляристомъ Башкировымъ. Фонъ-Штокману предписано было немедленно явиться въ Оренбургъ, а слѣдственное дѣло объ Аксаковѣ, запечатавъ, отдать канцеляристу Башкирову съ тѣмъ, чтобъ дѣло, подъ его отвѣтственностью, хранилось въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, впредь до особаго распоряженія, и чтобы къ нему былъ приставленъ особый „пристойный“ караулъ.--Фонъ-Штокманъ, отъѣзжая въ Оренбургъ, письменно объяснилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи причину своего отъѣзда и сдѣлалъ распоряженіе относительно Аксакова, согласно полученному имъ указу. Вмѣстѣ съ тѣмъ фонъ-Штокманъ предписалъ, чтобы канцелярія немедленно распорядилась: 1) арестовать Аксакова въ его квартирѣ и никого къ нему изъ постороннихъ лицъ не допускать; писемъ отъ него, а тѣмъ болѣе оффиціальныхъ бумагъ для отправленія куда-либо запечатанными не принимать, а принимать ихъ не иначе, какъ вскрытыми, и если которыя бумаги или частныя письма могутъ быть отправлены по назначенію; то посылать ихъ съ нарочными на счетъ Аксакова, впрочемъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія исправляющаго должность воеводы полковника Люткина, что *«на его полковничье разсмотрѣніе предоставляется»;* 2) Аксакова въ канцелярію не допускать, хотя онъ и просилъ, чтобы ему было позволено присутствовать при ревизіи его дѣлъ, для необходимыхъ, по его мнѣнію, объясненій; 3) дѣла по гарнизонной части, хранившіяся у Аксакова, взять находящемуся въ Уфѣ баталіонному командиру Нижегородскаго полка маіору Чалѣеву и капитану Жукову или же капитану Чемодурову и поручику Скадовскому; имъ же могутъ быть заявляемы всякаго рода претензіи на Аксакова по военной части[a]; 4) собранныхъ въ Уфу башкиръ и другихъ инородцевъ, у которыхъ Аксаковъ вымогалъ деньги, куницъ, лисицъ и др. мѣха, допросить и немедленно отпустить по домамъ, такъ-какъ они „проживаютъ въ Уфѣ многое время, оставя свои домы и занятія, и чрезъ то пришли въ крайнее состояніе“; 5) сдѣлать строгій разборъ бѣглыхъ, поселившихся на башкирскихъ земляхъ, и для того послать

---

[a]) Всѣ войска, расположенныя въ Уфимской провинціи, находились въ вѣдѣніи Аксакова до преданія его суду.

ѕнщиковъ и слѣдить за ними самому полковнику Люткину; 6) имѣть доброе попеченіе о башкирахъ и другихъ инородцахъ, наблюдая въ управленіи ими порядокъ и справедливость, и строго „назирать", чтобы между башкирами не было никакихъ тайныхъ сборищъ и попытокъ къ бунту, „на что они, по шаткости своей, весьма склонны"; если же что-либо подобное окажется—немедленно доносить Оренбургской Губернской Канцеляріи, а для прекращенія противозаконныхъ сходокъ посылать военныя команды, ловить виновныхъ и представлять къ суду. Въ заключеніе всего фонъ-Штокманъ сообщилъ канцеляріи, что слѣдствіе объ Аксаковѣ, впредь до особаго распоряженія оренбургскаго губернатора, производимо не будетъ, и потому дѣятельность Слѣдственной Коммиссіи до времени прекращается, а если бы явились новыя обвиненія на Аксакова, то слѣдовать по нимъ не иначе, какъ донеся о томъ предварительно Оренбургской Губернской Канцеляріи и ожидать на то отъ нея указа.

Предъ самымъ отъѣздомъ фонъ-Штокмана, Аксаковъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его разрѣшить ему свиданіе съ посторонними приходящими къ нему людьми, хотя бы въ присутствіи находившагося при немъ офицера. Фонъ-Штокманъ препроводилъ это письмо, при рапортѣ, къ Неплюеву; Неплюевъ написалъ Аксакову вѣжливое письмо, но просьбы его все-таки не удовлетворилъ, а затѣмъ донесъ Сенату о послѣднемъ своемъ распоряженіи по дѣлу Аксакова. Между тѣмъ Аксаковъ не унывалъ; секретныхъ гарнизонныхъ дѣлъ онъ не отдалъ ни маіору Чалѣеву, ни другимъ офицерамъ Нижегородскаго полка, являвшимся къ нему по распоряженію фонъ-Штокмана; караулъ для Аксакова какъ-бы не существовалъ: онъ уѣзжалъ дня на два и на три въ подгородныя русскія и инородческія деревни, а караульный офицеръ и солдаты упорно молчали объ этихъ отлучкахъ Аксакова изъ дому. Наконецъ вѣсть о томъ какъ-то дошла до Люткина, который тайно удостовѣрился въ справедливости слуховъ и даже успѣлъ перехватить письмо къ Аксакову Уракова, написанное на татарскомъ языкѣ; кромѣ того, Люткинъ узналъ, что въ одну изъ такихъ отлучекъ изъ Уфы Аксаковъ взялъ съ собой свою жену[a] и оставилъ ее въ имѣніи помѣщика Муравина, близъ Уфы, откуда Аксакова уѣхала въ Москву, а мужъ возвратился домой. Уфимская Провинціальная Канцелярія, донося о томъ Оренбургской Канцеляріи, препроводила подлинное письмо Уракова и письмо старшины Мрякова объ отъѣздѣ въ Москву жены

[a]) П. Д. Аксаковъ былъ женатъ на Матренѣ Іосифовнѣ Селивановой. Руммель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ, т. I, стр. 25.

Аксакова, приложивъ и русскій переводъ этихъ писемъ, изложенныхъ на татарскомъ языкѣ. Письмо Уракова было адресовано на имя Мрякова, котораго Ураковъ, по-прежнему, считалъ преданнымъ Аксакову, такъ-какъ раньше, при Соймоновѣ, Мряковъ дѣйствительно былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ *«аксаковцевъ»*; но теперь Мряковъ находился въ числѣ противниковъ и обличителей Аксакова.—Воспользовавшись довѣріемъ Уракова, который еще не успѣлъ узнать объ измѣнѣ Аксакову многихъ его сторонниковъ, Мряковъ доставилъ его письмо Люткину.

Ураковъ, между прочимъ, писалъ, что онъ благополучно доѣхалъ до Москвы, и на третій день явился съ письмами Аксакова во Дворецъ, гдѣ имѣлъ счастіе видѣть Ея Императорское Величество и слышать изъ устъ Ея милостивое слово; и что Государыня приказала ему поселиться въ покояхъ ландграфа князя Людвига Гессенъ—Гомбургскаго, а когда Государыня изволила отъѣхать въ Троицкую Лавру, то его помѣстили въ придворномъ караульномъ покоѣ, вмѣстѣ съ бывшими тогда въ караулѣ офицерами Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, и что онъ былъ удовольствованъ тамъ разными кушаньями и напитками, а по городу постоянно ходилъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ, о чемъ-де онъ самъ просилъ, опасаясь своихъ враговъ и въ Москвѣ. Въ концѣ своего письма Ураковъ увѣрялъ, что дѣло Аксакова приметъ самый благопріятный оборотъ. Нужно замѣтить, что Слѣдственная Коммиссія давно уже сообщила Московской полиціи о высылкѣ въ Уфу Уракова и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Аксакова лицъ.—Впрочемъ, полиція напрасно стала бы искать канцеляриста Петрова въ Москвѣ: онъ, какъ оказалось, въ Москву и не ѣздилъ, а скрывался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; когда же узналъ, что Аксаковъ не пропадетъ, онъ явился въ Уфу, и Аксаковъ взялъ его къ себѣ, не выдавая Уфимской Канцеляріи. Завѣренія Уракова не замедлили оправдаться: дѣло Аксакова скоро приняло неожиданный никѣмъ оборотъ. Еще не успѣла доѣхать до Москвы жена Аксакова, Матрена Осиповна, которую онъ могъ послать для личныхъ объясненій съ самой Государыней, какъ Неплюевъ получилъ предписаніе отъ генералъ-фельдмаршала и генералъ-фельдцейхмейстера, князя Людвига Гессенъ-Гомбургскаго, который объявлялъ Неплюеву Высочайшую волю, чтобы Аксаковъ немедленно явился въ Москву, для личныхъ объясненій, въ Сенатъ, о чемъ Сенату также было сообщено. Неплюеву предписывалось выдать Аксакову прогоны и подъемныя деньги по чину; о выѣздѣ же Аксакова изъ Уфы приказано было Уфимскому воеводѣ рапортовать прямо его свѣтлости, князю Гессенъ-Гомбурскому. Вскорѣ полученъ былъ въ Оренбургѣ

и Уфѣ указъ Сената, отъ 4 сентября 1744 года, которымъ повелѣвалось выдать Аксакову прогоны и подъемныя деньги и значилось, что онъ вызывается въ Сенатъ, для личныхъ объясненій, по Высочайшей волѣ. Неплюевъ немедленно извѣстилъ о томъ Аксакова чрезъ нарочнаго, и предписалъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи выдать Аксакову прогонныя и подъемныя деньги. Аксаковъ торжествовалъ и особой бумагой сообщилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, что всѣ находящіяся у него важныя секретныя дѣла онъ беретъ съ собою въ Сенатъ, почему и просилъ дать ему для охраны военный конвой до Казани, а также—отпустить съ нимъ для письмоводства канцеляристовъ Петрова и Олина. Назначивъ Аксакову конвой изъ 8 солдатъ и одного капрала, Уфимская Канцелярія не согласилась на отпускъ съ Аксаковымъ въ Москву Петрова, а потребовала, чтобы Петровъ былъ присланъ въ канцелярію съ имѣющимися у Аксакова важными дѣлами для передачи ихъ маіору Чалѣеву и другимъ лицамъ, согласно предписанію генералъ-маіора фонъ-Штокмана; относительно же Олина, находившагося въ тюрьмѣ, канцелярія отвѣтила, что онъ, по указамъ Сената и Военной Коммисеіи, долженъ быть возвращенъ, по прежнему, въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ заявилъ, что онъ можетъ сдать только гарнизонныя дѣла, какъ до Сената неотносящіяся.—Канцелярія рада была и этому,—и Аксаковъ передалъ эти дѣла, по описямъ и въ порядкѣ, маіору Чалѣеву, который, принявъ ихъ, донесъ о томъ Неплюеву и Уфимской канцеляріи.

Въ половинѣ сентября 1744 года Аксаковъ, получивъ 800 р. прогоновъ и подъемныхъ денегъ, выѣхалъ изъ Уфы, какъ знатный вельможа, съ почетнымъ и охраннымъ конвоемъ, съ цѣлой ватагой крѣпостной дворни, съ походной кухней и поварами; на особой фурѣ везли хранившіяся у Аксакова секретныя дѣла, о востребованіи которыхъ такъ усердно, но тщетно хлопотали слѣдователи и Оренбургское начальство. Аксаковъ взялъ съ собою и преданнаго ему канцеляриста Петрова, не смотря на несогласіе на то Уфимской провинціальной канцеляріи. Оренбургская губернская канцелярія писала казанскому, нижегородскому и московскому губернаторамъ, чтобы Аксакову было оказываемо всякое содѣйствіе „въ дачѣ подводъ и квартиры" и т. п. Пріѣхавъ въ одну татарскую деревню, гдѣ приходилось смѣнить лошадей, Аксаковъ остановился въ домѣ старшины ясачныхъ татаръ, Абдулкарима Балтисова, котораго дома въ этотъ разъ не было. Воспользовавшись отсутствіемъ старшины Балтисова, Аксаковъ въ послѣдній разъ захотѣлъ показать себя ходатаемъ и покровителемъ башкиръ, которыхъ такъ безцеремонно обиралъ во время своего вице-губернаторства въ Уфѣ. Онъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ торжественно

объявилъ, чтобы въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда онъ будетъ возвращаться въ Уфу, были собраны изъ всѣхъ деревень, подвѣдомственныхъ Балтисову, представители и главари домовъ, для объявленія имъ милости Государыни о снятіи съ нихъ ясака, или податей. Народъ былъ въ невыразимой радости; довѣрчивые и довольные татары провожали Аксакова всевозможными пожеланіями счастія, благополучія и скораго возвращенія его въ Уфу. Аксаковъ уѣхалъ.—Народъ, собранный предъ домомъ Балтисова, еще не успѣлъ разойтись, какъ прискакалъ старшина Балтисовъ, бывшій по дѣламъ службы въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему деревень. Узнавъ о причинѣ сходки, Балтисовъ приказалъ всѣмъ разойтись по домамъ и ждать царской милости, а самъ тотчасъ-же отправилъ рапортъ о случившемся въ Уфимскую канцелярію, которая препроводила его въ Оренбургскую губернскую канцелярію, оставивъ у себя копію съ рапорта Балтисова за удостовѣреніемъ секретаря Зубова и канцеляриста Андрея Панаева. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ рапортомъ, отъ 18 сентября 1744 г., Уфимская канцелярія сообщила Оренбургской губернской канцеляріи, что Аксаковъ, отъѣзжая изъ Уфы, взялъ съ собою *самовольно* важныя секретныя дѣла и канцеляриста Петрова; что Аксакову на прогоны и подъемъ выдано 800 рублей, а начета на немъ, какъ открылось при ревизіи, было 2614 руб. 64¼ к., въ томъ числѣ 44 р. 64 к.—въ Главный Коммиссаріатъ за прогоны секретаря Зубова, самъ же Зубовъ подалъ прошеніе въ канцелярію о возвратѣ ему 124 руб. 23¼ коп., такъ какъ онъ, Зубовъ, ѣхалъ на свой счетъ не одинъ, а съ офицеромъ и конвойными. Когда же Уфимская канцелярія стала требовать съ Аксакова эти деньги, то Аксаковъ заявилъ положительно, что онъ платить не желаетъ. Но теперь Оренбургская губернская канцелярія на всѣ донесенія объ Аксаковѣ отвѣчала молчаніемъ, вѣроятно, ожидая, какъ отнесутся къ нему въ Сенатѣ.

Въ то время, какъ Аксаковъ ѣхалъ въ Москву, съ надеждой на друзей и покровителей, Олинъ и Кадомцевъ сидѣли подъ арестомъ; слѣдственное дѣло хранилось въ Уфимской канцеляріи за карауломъ солдатъ, подъ отвѣтственностью канцеляриста Башкирова, а неутомимый Люткинъ, при содѣйствіи Мертваго и Зубова, продолжалъ рыться въ дѣлахъ, отыскивая новыя обвиненія противъ Аксакова. Наконецъ слѣдователи нашли одну весьма важную вину за Аксаковымъ, о которой они раньше не знали: оказалось, что Аксаковъ не исполнилъ Высочайшаго манифеста о сложеніи штрафовъ и недоимокъ, по случаю восшествія на престолъ Государыни Елизаветы Петровны, взыскивая деньги, конечно, въ свою пользу. Пошло новое донесеніе въ Оренбургъ, но отвѣта и на него не послѣдовало. Преступленіе Аксакова, его произволъ и взятки съ населенія Уфимской про-

винціи, кража казенныхъ денегъ и уничтоженіе многихъ важныхъ дѣлъ и денежныхъ документовъ не подлежали никакому сомнѣнію; но въ Петербургѣ его берегли и всячески старались оборонить отъ заслуженнаго имъ наказанія. Взятки, казнокрадство, произволъ и самодурство были въ понятіяхъ тогдашняго служилаго класса явленіями столь обыкновенными и обыденными, что они казались обстоятельствомъ менѣе чѣмъ второстепеннымъ въ дѣлѣ Аксакова; но нельзя было сказать того-же объ уничтоженіи Аксаковымъ 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ,—вотъ отъ отвѣтственности въ этомъ-то и старались особенно избавить Аксакова его патроны. Такая заботливость о виновномъ Аксаковѣ со стороны его сильныхъ друзей невольно раждаетъ вопросы: не были ли его защитники сами прикосновенны къ этому дѣлу?—Не съ ихъ ли вѣдома были уничтожены Аксаковымъ многія судныя дѣла, денежные документы, дѣла по купчимъ крѣпостямъ, по подрядамъ, торговыя и таможенныя, дѣла по пріобрѣтенію башкирскихъ земель и др.?—Какъ бы то нибыло, только суть дѣла отъ Государыни была скрыта и самое дѣло, представленное ей совершенно въ иномъ видѣ, велѣно было предать забвенію, а Аксакова считать только уволеннымъ отъ службы. Неплюевъ получилъ указъ о прекращеніи дѣла и объ увольненіи Аксакова отъ службы, а канцеляристъ Петровъ, по распоряженію Сената, возвратился въ Уфу съ дѣлами, увезенными Аксаковымъ, и въ февралѣ 1745 года сдалъ ихъ, по описямъ въ цѣлости и порядкѣ, въ Уфимскую провинціальную канцелярію. Дѣло объ Аксаковѣ было освобождено отъ караула и увезено Башкировымъ въ Оренбургъ, гдѣ было распечатано и сдано въ архивъ. Кадомцевъ и Олинъ были возвращены въ Уфимскій гарнизонъ съ увѣдомленіемъ командира о томъ, что дѣло о нихъ прекращено, по указу Сената, вслѣдствіе Высочайшей воли. Существуетъ преданіе, что самъ Аксаковъ, въ избѣжаніе отвѣтственности, былъ оглашенъ сумасшедшимъ и такимъ жалкимъ, заслуживающимъ состраданія существомъ, что великодушная и милосердная Государыня Елизавета Петровна пожалѣла и помиловала Аксакова. Извѣстно, что въ то время шуты и шутихи еще не вышли изъ моды, а про Аксакова сказали Государынѣ, что *„онъ и въ безуміи своемъ кротокъ, безвреденъ, шутливъ, милъ и остроуменъ“* [a]. Аксаковъ поселился въ Москвѣ, гдѣ тогда много жило подобныхъ ему людей, *„огорченныхъ по службѣ,“* и прослылъ за шута. Нужно замѣтить, что Аксаковъ не щадилъ въ своихъ шуткахъ и людей сильныхъ и знатныхъ, а шутки его были таковы, что кололи, какъ говорится, „не въ бровь, а

---

[a]) Игнатьевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 56.

прямо въ глазъ;“ морщились вельможи отъ его шутокъ, но прощали человѣку, огорченному по службѣ и притомъ же полусумасшедшему. Извѣстный заводовладѣлецъ И. Б. Твердышевъ, встрѣчавшій Аксакова нерѣдко въ бытность свою въ Москвѣ, писалъ о немъ, 10 декабря 1750 г., владѣльцу Верхнеисетскаго завода Турчанинову слѣдующее: „Аксаковъ, что на Уфѣ обрѣтался, въ Москвѣ проживая, дурь, шутовство на себя напустилъ, паче молвить—*юродствуетъ;* какъ начнетъ шутить—нѣту никому спуска: все, подъ видомъ шутовства, на-прямки, какая бы ни была персона, мужеская или женская, такъ-таки на-прямки, кто бы какого высокаго ранга ни былъ; да шуту, да безумцу, да юроду все прощаемо, такъ оно и съ Аксаковымъ. Онъ же Аксаковъ въ дерзновеніи своемъ, подъ видомъ шутовства, во очію прямо его сіятельству, такой высокой персонѣ, встрѣтя его, сказалъ: *„здоровеньки-ли сіятельный?—маленькій-де воръ Аксаковъ челомъ бьетъ большому вору, вашему, то есть, сіятельству.“*—И ничего: такая первая, такая высокая особа только смѣху далась; другаго бы всякаго за такія продерзости (онъ же Аксаковъ другія многія рѣчи про другихъ говорилъ), за вся сія въ Стуколовъ монастырь[a] отсылаютъ,—только не Аксакова. Вижу я Аксакова почасту: карета диковинная, раскрашенная и размалеванная шутовски, висящая на желѣзныхъ цѣпяхъ, чтобы тѣ цѣпи побольше грома дѣлали, а кучера въ шутовскихъ балахонахъ, а лошади разношерстныя—какая чалая, какая вороная, какая иная. Да сказываютъ, онъ же Аксаковъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, на потѣху Москвы, ѣздилъ по люднымъ улицамъ, поставивъ большую лодку на колеса, и на этой лодкѣ самъ сидѣлъ, да еще посадилъ музыкантовъ; а онъ самъ Аксаковъ сидѣлъ въ разнополомъ кафтанѣ: одна пола красная, а другая желтая, а на головѣ калпакъ, какъ у китайцевъ рисуютъ. Такъ-то ѣздилъ Аксаковъ, а все *отъ притворства и хитрости.* Не любитъ онъ больно, кто свиститъ: на того Аксаковъ бросается ругаться, даже драться *и разъ, будучи* у обѣдни, выходя изъ церкви, заслышалъ, что кто-то засвисталъ, такъ онъ, Аксаковъ—то, разсвирепѣлъ, что и шпагу вынулъ, да только виноватаго не нашелъ, а то-бы, пожалуй, пырнулъ“[b].

Это письмо, найденное покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ въ 1870 г. въ архивѣ Верхне-исетскаго завода[c] Пермской губерніи, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на поведеніе Аксакова въ Уфѣ и на его жизнь въ отставкѣ.

---

[a]) Такъ называли москвичи Тайную Канцелярію.

[b]) Р. Г. Игнатьевъ. Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ, стр. 59—61.

[c]) А не Нижне-исетскаго, какъ напечатано въ Уф. Губ. Вѣд. за 1873 г. № 49 что ввело и меня въ ошибку. См. „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 312.

Аксаковъ, поощряеный другими, изъ корыстныхъ разсчетовъ, къ взяткамъ съ башкиръ и произволу надъ ними, попалъ подъ судъ, можетъ быть, за интересы тѣхъ, которыхъ называлъ, прикрываясь шутовствомъ, *„большими ворами,“* не боясь попасть въ руки палача Тайной Канцеляріи, Осипа Стуколкова. Аксакова спасли его сильные друзья, оберегая себя; но Аксакову, конечно, не того хотѣлось: онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ за свои услуги сильнымъ лицамъ на повышеніе по службѣ и награды; обманувшись въ своихъ разсчетахъ, онъ озлобился и, оглашенный сумасшедшимъ, подъ видомъ шутовства и юродства, вымѣщалъ свою злобу надъ сильными вельможами ѣдкими остротами и бранью. Но въ то время, какъ Аксаковъ проживалъ на свободѣ и шутовствомъ вымѣщалъ злобу на другихъ, дѣлу по обвиненію имъ бывшихъ командировъ Оренбургскаго края былъ данъ ходъ. 20 Ноября 1745 г. состоялся именный указъ объ учрежденіи при Высочайшемъ дворѣ коммиссіи, для изслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій бывшихъ командировъ надъ башкирцами, съ назначеніемъ въ эту коммиссію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора, князя Никиты Трубецкаго, тайнаго совѣтника князя Алексѣя Голицина, бригадира Ивана Глѣбова, капитанъ-командора Артемія Толбухина и статскаго совѣтника Василія Демидова.[a] Въ тотъ же день данъ былъ членамъ этой коммиссіи другой указъ, отъ имени Ея Величества, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть доношеніе бывшаго уфимскаго вице-губернатора Аксакова о противозаконныхъ поступкахъ и притѣсненіяхъ башкирскому народу, со стороны бывшихъ надъ нимъ командировъ.[b] —Но дѣло, видимо, затянулось: указомъ 1 марта 1748 г. Имератрица Елизавета требовала ускорить окончаніемъ дѣлъ, по представленіямъ Аксакова, и донести ей о дѣйствіяхъ учрежденной въ 1745 году слѣдственной по башкирскимъ дѣламъ коммиссіи[c]. Между тѣмъ Аксакову, вѣроятно, наскучило юродствовать, и онъ сталъ искать себѣ какого-либо занятія, которое, благодаря его связямъ, скоро и нашлось: ему поручили разобрать кабинетныя дѣла, со временъ Петра Великаго, и старыя дѣла с.-петербургской крѣпости, и составить имъ опись при содѣйствіи совѣтника Ивана Тауберта[g].—16 августа 1760 г. Аксаковъ именнымъ указомъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники[e], а съ 14 ноября 1761 г. онъ былъ опредѣленъ членомъ экс-

---

[a]) Барановъ. Описям. сен. арх., т. 3, № 9491 (С. А. 73, 79, 80).
[b]) Тамъ же № 9492 (С. А. 81; 1).
[c]) Тамъ же № 9741 (С. А. 81; 3).
[d]) Тамъ же № 11133 (С. А. 91; 148).
[e]) Тамъ же № 11664 (С. А. 94; 72).

педиція о колодникахъ, продолжая заниматься разборомъ порученныхъ ему архивныхъ дѣлъ до 1768 г.[a]).

Одновременно съ дѣломъ Аксакова Неплюевъ поручилъ Люткину произвести дознаніе и о дѣйствіяхъ бригадира Тевкелева, по случаю возмущенія его крестьянъ.—Мы отчасти уже говорили о Тевкелевѣ въ VI-й главѣ настоящей монографіи, гдѣ было указано на его роль въ присоединеніи къ Россіи Малой Киргизъ-Кайсацкой орды[b]). За свои труды Тевкелевъ былъ награжденъ чиномъ бригадира, землями и крестьянами въ Уфимской провинціи, а впослѣдствіи дослужился и до генеральскаго чина. Опираясь на свое значеніе въ краѣ и увлекаемый примѣромъ другихъ, Тевкелевъ такъ же, какъ и Аксаковъ, не прочь былъ эксплуатировать инородческое населеніе въ краѣ, въ свою пользу, допуская иногда незаконные поборы, взятки и злоупотребленія относительно башкиръ и. другихъ инородцевъ Оренбургской губерніи; но произволъ Тевкелева особенно былъ чувствителенъ для его крѣпостныхъ крестьянъ. Наконецъ дѣло дошло до открытаго возстанія, которое нельзя было скрыть отъ правительства. Ясачные татары деревень Болтасевой и Мордвинкиной, принадлежавшихъ Тевкелеву, захотѣли вовсе отложиться отъ своего владѣльца. Съ этою цѣлію, нѣкоторые изъ нихъ, оставивъ свои жилища, поселились на рѣчкѣ Селеушѣ въ глухомъ лѣсу, откуда дѣлали воровскія нападенія на прочія деревни Тевкелева и разоряли ихъ, угрожая жизни и самого Тевкелева. Уфимская Провинціальная Канцелярія, по жалобѣ Тевкелева, предписала недовольнымъ изъ его крестьянъ, чтобы они возвратились въ свои домы и явились для допроса въ Уфу, но татары не слушались. Тогда отправлена была къ нимъ на винтеръ-квартиры военная команда, подъ начальствомъ прапорщика Казанскаго полка Тихомирова,—татары оказали сопротивленіе. Въ то же время на рѣчку Селеушъ былъ командированъ изъ Казани поручикъ Измайловъ, состоявшій у розыскныхъ дѣлъ, который и захватилъ большую часть татаръ, скрывавшихся въ глухомъ лѣсу, убѣжавшіе же отъ него тридцать человѣкъ были переловлены командою Тихомирова; впрочемъ, трое татаръ успѣли скрыться въ лѣсной чащѣ, въ числѣ ихъ былъ и предводитель партіи недовольныхъ Хабивулла[c]).

Неплюевъ, опасаясь усиленія мятежа и отвѣтственности, донесъ о томъ 31 августа 1744 г. Сенату и просилъ, чтобы ему дана была ин-

---

[a]) Руммель и Голубцевъ. Род. Сборн. двор. фамил. т. 1, 25.
[b]) См. выше стр. 137.
[c]) Указъ Сената отъ 22 января 1744 г., за № 188 въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 40 и 42.

струкція „какимъ образомъ съ тѣми противниками ему поступить" на будущее время. Прошло четыре мѣсяца, а отвѣта на запросъ Неплюева не было. Принявъ возможныя мѣры предосторожности къ охраненію имѣній Тевкелева, Неплюевъ 29 декабря того же года снова писалъ въ Сенатъ о возмущеніи крестьянъ въ деревняхъ Болтасёвой и Мордвинкиной, присовокупивъ на этотъ разъ, что крестьянинъ деревни Мордвинкиной Елдашъ Ишимбаевъ, во время проѣзда изъ Уфы въ Москву бригадира Аксакова, выѣзжалъ къ послѣднему на дорогу и объявилъ, что у нихъ имѣется указъ, данный ихъ предкамъ Девлику и Бахтіару отъ Московскихъ великихъ государей, и татарское письмо; что этимъ указомъ воспрещено мурзамъ имѣть у себя ихъ въ крестьянствѣ, а изъ письма видно, что ихъ предки „припустили пришлыхъ людей къ владѣнію своей вотчинной землей, со взятіемъ себѣ оброку, кой-де указъ и татарское письмо остались въ рукахъ у бригадира Аксакова".— Елдашъ Ишимбаевъ былъ допрошенъ о томъ въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, куда онъ былъ доставленъ поймавшимъ и арестовавшимъ его однимъ башкирскимъ старшиной. Сенатъ на этотъ разъ не замедлилъ отвѣтить Неплюеву: 1) вызвать въ Уфу для допроса въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи крестьянъ изъ деревень Болтасевой и Мордвинкиной, „кои отъ крестьянства бригадиру Тевкелеву отрицаются"; 2) дознать о виновныхъ, кои не допустили прапорщика Тихомирова съ его командой на винтеръ-квартиры; 3) съ противниками этого распоряженія поступать, какъ съ злодѣями; 4) употребить всѣ мѣры къ отысканію и поимкѣ „атамана" недовольныхъ Хабивуллы и его товарищей[a]. Получивъ этотъ указъ, Неплюевъ 23 февраля того же года написалъ въ Сенатъ, что дѣло о бригадирѣ Тевкелевѣ съ его крестьянами не можетъ быть производимо до полученія изъ Сената показаній Аксакова, относительно его разговора съ Ишимбаевымъ.—Между тѣмъ Сенатъ еще 15 февраля вызывалъ Аксакова въ присутствіе и взялъ отъ него роспиську, что онъ никакого указа и письма отъ Ишимбаева не получалъ, о чемъ было сообщено Неплюеву 1 апрѣля 1745 г.[b], а 4 мая того же года Неплюевъ *«накрѣпко»* подтвердилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, чтобы дѣло о Тевкелевѣ съ его крестьянами, какъ можно, скорѣе было кончено.

Дѣло о Тевлекевѣ могло еще болѣе обнаружить злоупотребленія Аксакова, который дѣлилъ съ Тевкелевымъ незаконные поборы и взятки съ башкиръ, татаръ и др. инородцевъ Уфимской провинціи; но слѣдователи,

---

[a]) См. въ Тург. област. архивѣ. Указы 1744 г. по описи № 18, л. 40—45.
[b]) Тамъ же, л. 114—115.

имѣя, вѣроятно, въ виду благопріятный исходъ дѣла Аксакова, нашли Тевкелева невинныиъ въ взводимыхъ на него проступкахъ и въ этомъ смыслѣ донесли Оренбургской Губернской Канцеляріи. Неплюевъ утвердилъ рѣшеніе Слѣдственной Коммиссіи и представилъ дѣло въ Сенатъ, который и согласился съ его заключеніемъ[a]. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ нашелъ въ Тевкелевѣ полезнаго себѣ помощника по управленію краемъ, и поручалъ ему, на время своихъ отлучекъ въ Москву и Петербургъ, главное управленіе Оренбургской губерніей[b]. Съ удаленіемъ изъ Уфы Аксакова, Неплюеву предстояло много хлопотъ и трудовъ по устройству Уфимской провинціи, деморализованной Аксаковымъ. Что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи мудрый администраторъ, увидимъ дальше, а теперь перейдемъ къ изложенію событій среди Яицкаго войска, которое очень многимъ было обязано Неплюеву, цѣнившему его боевыя способности и хорошо понимавшему его важное значеніе для Оренбургскаго края въ стратегическомъ отношеніи.

---

[a]) Игнатьевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 35 и 55.

[a]) Въ дѣлахъ „*Секретной Экспедиціи*“, хранящихся въ архивѣ Тургайскаго обл. правленія, имѣются, между прочимъ, „*Указы Походной Экспедиціи*“, относящіеся къ 1751—1753 годамъ, когда Неплюевъ жилъ въ С.-Петербургѣ, а Тевкелеву было поручено непосредственное управленіе Оренбургскимъ краемъ. „*Указы Походной Экспедиціи*“, переплетенные въ три довольно большіе фоліанта, составляютъ 493 полулиста, или 986 стр. текста. Въ составъ этихъ матеріаловъ входитъ и переписка Неплюева съ Тевкелевымъ по разнымъ вопросамъ, касающимся Оренбургскаго края.

ГЛАВА IX.

Образованіе Оренбургской губерніи и ея первоначальный составъ.—Внутреннее состояніе Яицкаго казачьяго войска до подчиненія его Неплюеву.

„Не можемъ сего принять: понеже войско Яицкое поселилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей"!

„Живите, братцы, пока Москва не узнала"!

(*Яицкіе казаки*).

Главное управленіе Оренбургскимъ краемъ при Кирилловѣ называлось *«Извѣстною»*, а потомъ *«Оренбургскою Экспедиціей»*, при Татищевѣ же и Урусовѣ—*«Оренбургскою Коммиссіей»* Въ 1744 году Неплюевъ, находясь въ Москвѣ, вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о переименованіи Оренбургской Коммиссіи въ *Оренбургскую губернію*, и Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Неплюева. Въ инструкціи, данной Неплюеву, были означены границы и кругъ дѣятельности губернаторской власти; въ ней, между прочимъ, говорилось: „быть въ Оренбургѣ губерніи и именоваться Оренбургская губернія и въ ней—губернаторомъ тайному совѣтнику Неплюеву, а въ оной губерніи вѣдомымъ быть всѣмъ тамошнимъ по той Оренбургской Коммиссіи вновь построеннымъ и кои нынѣ строятся крѣпостямъ, опредѣленнымъ въ нихъ регулярнымъ и нерегулярнымъ войскамъ и прочимъ поселившимся людямъ, которымъ указами позволено, да той губерніи подъ вѣдомствомъ состоять, попрежнему, Исетской провинціи и съ за-уральскими башкирами; да нынѣ вновь въ вѣдомство той губерніи подчинить Уфимскую провинцію, со всѣми башкирскими дѣлами, такимъ порядкомъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ провинціи приписаны, и въ вышеписанныя Уфимскую и Исетскую провинціи опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей по разсмотрѣнію сенатскому, какъ и въ прочія провинціи оные опредѣляются, и состоять имъ подъ указами Оренбургской губерніи, *а особо той Уфимской провинціи и въ ней вице-губернатору не быть,* также и Оренбургской Коммиссіи дѣламъ вѣдомымъ быть въ той же губерніи, а особливою Коммиссіею не именоваться; ему же губернатору вѣдать и Киргизъ-Кайсацкій народъ и та-

кошнія пограничныя дѣла, какъ понынѣ въ Оренбургской Коммиссіи находятся,“ [a]

Такимъ образомъ изъ этой инструкціи видно, что оренбургскій губернаторъ долженъ былъ вѣдать башкиръ, киргизъ, пограничныя дѣла, всѣ линіи внѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей и редутовъ въ краѣ, провинціи Исетскую и Уфимскую, а потомъ вскорѣ въ его же вѣдомство поступили Ставропольскіе крещеные калмыки и Яицкое казачье войско. Раньше, когда еще не существовало Оренбургской губерніи, всѣ, составлявшія ее потомъ части: Самара, Уфа, Яицкій городокъ и др. были приписаны частію къ Казанской, частію къ Астраханской губерніи; къ послѣдней былъ приписанъ и Яицкій городокъ [b]. Такъ-какъ Яицкое казачье войско занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи колонизаціи и охраны Оренбургскаго края до Неплюева и при немъ, то мы считаемъ совершенно умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей, хотя въ общихъ чертахъ [c], съ внутреннимъ состояніямъ и устройствомъ Яицкаго войска до подчиненія его оренбургскому губернатору, а потомъ уже перейдемъ и къ мѣропріятіямъ Неплюева, по отношенію къ Яицкимъ казакамъ, которыхъ онъ цѣнилъ, какъ *«легкій, полезный и весьма надежный къ оборонѣ корпусъ»*.

Яицкіе казаки происходятъ отъ Донскихъ, которые сами первоначально образовались отъ Азовскихъ около половины XVI вѣка [d]. Начало организаціи Яицкаго (нынѣ Уральскаго) войска, на основаніи историческихъ данныхъ [e], мы относимъ къ концу XVI в., именно къ послѣднимъ годамъ царствованія Іоанна Грознаго (1584); о службѣ же Яицкихъ казаковъ въ первый разъ упоминается въ актахъ подъ 1591 годомъ, когда астраханскимъ воеводамъ князю Ситцкому и Пушкину повѣлено было отправить войско противъ „царскаго непослушника“ Шахмала; тогда же было приказано взять въ походъ 500 Яицкихъ казаковъ [f]. Въ началѣ число Яицкихъ казаковъ не превышало 40 человѣкъ; затѣмъ

---

a) П. С. З., т. XII, № 8900.

b) Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 354.—По духовнымъ дѣламъ Оренб. край находился въ вѣдѣніи Сибири и внутреннихъ смежныхъ губерній: такъ нынѣшніе уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій до конца XVIII в. (1799 г.), когда была открыта Оренб. епархія, состояли подъ вѣдомствомъ Тобольскихъ архіереевъ, а нынѣшняя Уфимская епархія, отдѣленная отъ Оренбургской только въ 1865 году, и прочіе уѣзды Оренбургской губерніи были причислены то къ Вятской, то къ Казанской епархіи. См. Пам. Каз. Оренб. губ. 1870 г., V, 14.

c) Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: „*Яицкое войско до появленія Пугачева*“, напечат. въ „Русск. Арх.“ за 1879 г., кн. 1, 2, 3.

d) Н. М. Карамзинъ. И. Г. Росс. т. VIII, стр. 86, 180 и 181. Мордовцевъ Д. невѣрно относитъ выдѣленіе Яицкаго войска изъ Донскаго къ XV ст. См. въ От. Зап. 1868 г. апрѣль, стр. 450.

e) Которыя мы приводимъ въ своемъ изслѣдованіи: „*Яицкое войско до появленія Пугачева*“.

f) Акты Истор. I, № 230.

эта горсть смѣлыхъ людей постепенно умножалась бѣглымиизъ русскихъ и инородцевъ, которымъ плохо жилось на Руси или по причинѣ ихъ широкаго и разгульнаго характера, или по бѣдности и вслѣдствіе притѣсненія воеводъ и другихъ властей, а потомъ и вслѣдствіе гоненій, направленныхъ противъ ревнителей старины и „старой" вѣры. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ христіанинъ и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, Яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и отличались нѣкоторою даже вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Яикъ и селились между ними, съ общаго войсковаго согласія; плѣнныхъ же они обыкновенно старались обращать въ христіанство[a]. Закаливъ себя въ борьбѣ съ природою и врагами, Яицкіе казаки требовали, чтобы и всякій, желавшій поступить въ ихъ общину и сдѣлаться казакомъ, былъ смѣлымъ, дѣятельнымъ и предпріимчивымъ; „увальней" и лѣнтяевъ они, учили труду да уму-разуму", а если „наука въ толкъ не шла", то выгоняли такихъ вонъ изъ своей общины. По выраженію самихъ уральцевъ, на берега привольнаго Яика шелъ „народъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый,—народъ съ амбиціей, который искалъ вольностей, простора, независимости".—Дѣйствительно, Яицкое войско является въ исторіи смѣлымъ, храбрымъ, предпріимчивымъ и ловкимъ, но въ то же время стойкимъ въ своихъ стремленіяхъ и обычаяхъ до *упорства*, особенно когда задѣвались ихъ старинныя права и привилегіи.

Главное мѣсто первоначальнаго поселенія Яицкихъ казаковъ было не тамъ, гдѣ нынѣшній Уральскъ, а верстахъ въ трехъ отъ верхняго Кошевскаго устья по теченію р. Яика[b], на мѣстѣ остатковъ такъ называемаго *Голубаго Городища*. Впослѣдствіи казакамъ не понравилась эта мѣстность, и они переселились къ Краснымъ Кирсановскимъ ярамъ, нѣсколько ниже Орѣшной луки, гдѣ теперь находится Кирсановскій форпостъ, отстоящій на 85 в. отъ Уральска по направленію къ Оренбургу. Частыя столкновенія съ кочевниками и нѣкоторыя климатическія невыгоды этой мѣстности заставили казаковъ покинуть и Кирсановскіе яры: въ половинѣ XVII в.[c] городъ былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ находится и теперь, т. е. къ устью р. Чагана, впадающей съ правой стороны въ Уралъ и принимающей въ себя р. Деркулъ; слѣдовательно, настоящій Уральскъ существуетъ около 250 лѣтъ.

---

[a]) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 23, стр. 11.
[b]) Кн. Больш. Чертеж. Изд. 1838 г., Спб. стр. 69.
[c]) См. показанія казака Матвѣя Томачкова полковнику Захарову. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 20, стр. 6, столб. I.

Главнѣйшимъ источникомъ продовольствія Яицкаго казачества, безъ сомнѣнія, издавна служилъ Яикъ, который тогда особенно былъ богатъ рыбою и который Яицкіе казаки такъ удачно назвали въ своихъ пѣсняхъ *«золотымъ донышкомъ съ серебряной покрышечкой»*. Кромѣ того, занявъ огромныя луговыя и степныя пространства по Яику, казаки безъ особеннаго труда, но съ большимъ успѣхомъ, могли заниматься и скотоводствомъ, которое и доселѣ, послѣ рыболовства, составляетъ у нихъ весьма важную и выгодную статью народнаго богатства. Но, находясь вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, казаки не всегда имѣли возможность вымѣнивать на рыбу, икру и клей — хлѣбъ, одежду и т. п. необходимые для жизни предметы. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они, помимо торговли и мѣны, пополняли грабежомъ и разбоемъ въ аулахъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, киргизовъ и калмыковъ, а также на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, что у нихъ называлось *«промысломъ»*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Изъ доношенія Неплюева въ Военную Коллегію видно, что Яицкіе казаки, „отбивъ нападеніе на ихъ городокъ татаръ Золотой Орды, послѣ долго еще жили независимо отъ Московскаго государства; наконецъ, собрався, учинили совѣтъ и послали отъ себя двухъ человѣкъ: одного русскаго, а другаго татарина, блаженныя памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы они приняты были подъ власть его Царскаго Величества, служить ему Великому Государю и его наслѣдникамъ, и по тому ихъ прошенію дана была имъ на р. Яикѣ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодьи, отъ вершинъ той рѣки до устья, его Великаго Государя жалованная грамота, чтобы имъ на этой рѣкѣ жить и владѣть, и ему Великому Государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми; такожде та грамота въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время, сгорѣла, а изъ котораго приказа дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнитъ“ [a]. Между тѣмъ раньше, равно какъ и позже [b], Яицкіе казаки относили выдачу этой грамоты то къ царствованію Алексѣя Михайловича [c], то ко времени сына его Ѳеодора Алексѣевича, то къ правленію

---

[a]) См. въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзнова по описи его бумагъ № 3, л. 3 на оборотѣ.

[b]) Напр. въ февралѣ 1770 г., когда Яицкое войско просило императрицу Екатерину II освободить его отъ легіонной службы. Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., №№ 30 и 33.

[c]) Въ выпискѣ изъ Оренбургской Секретной Коммиссіи. (См. Чт. Моск. Общ. истор. и древн. 1859 г, кн. 3), говорится, что Яицкіе казаки, въ числѣ 500 челов., избравъ мѣсто нынѣшняго поселенія, принесли повинную царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго и получили владѣнную грамоту, а также крестъ и бороду, причемъ положено было выдавать имъ по четверти муки и по полфунту свинцу и пороху на каждаго въ годъ.

царевны Софіи. Такъ въ декабрѣ 1720 г., челобитчики къ Петру Великому отъ Яицкаго войска, прося возстановленія своихъ правъ на р. Яикъ, говорили, что прежняя грамота, которая была выдана войску „въ прошлыхъ годѣхъ, чему будетъ лѣтъ съ сорокъ“ [a], сгорѣла и что башкиры, калмыки и самаряне, узнавъ о томъ „чинятъ войску изневажество немалое“ и имъ, казакамъ, „противиться стало не по чему“.

Такимъ образомъ Яицкое войско не могло съ точностію опредѣлить ни времени, ни мѣста выдачи ему „владѣнной“ на р. Яикъ грамоты; ни къ чему положительному не привели справки и въ архивахъ тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находились Яицкіе казаки.

Основываясь на грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой говорится о прежнихъ службахъ Яицкаго войска со временъ царя Михаила, мы склонны думать, что „владѣнная“ была выдана Яицкимъ казакамъ при царѣ Михаилѣ; тогда же, вѣроятно, казаки признали надъ собою и власть Московскаго государя, такъ какъ въ 1629 г. они уже участвуютъ въ войнѣ съ крымскими татарами, подъ начальствомъ князя Солнцева—Засѣкина и Благова. Такое мнѣніе тѣмъ большее имѣетъ значеніе, что Московское правительство, не зная еще богатства Яицкой территоріи ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, не имѣло и повода къ тому, чтобы отказать казакамъ въ просимой ими грамотѣ на владѣніе всѣмъ Яикомъ, при томъ же оно само было еще не въ состояніи обезопасить восточную окраину отъ сосѣднихъ кочевниковъ, да и не сознавало еще всей важности ея для государства въ торговомъ и политическомъ отношеніи [b].

Верховья р. Яика, правда, еще раньше принадлежали башкирцамъ и, въ царствованіе Іоанна Грознаго, были утверждены за ними особою грамотою [c]; но это не могло стѣснять Московскаго правительства въ выдачѣ жалованной грамоты Яицкому войску, которое особенно дорожило южною половиною рѣки [d]. Правительство, какъ извѣстно, впослѣдствіи селило здѣсь разныхъ людей, не справляясь, кому принадлежатъ эти земли.— Этотъ-то приливъ населенія, если только онъ не былъ въ интересахъ

---

[a]) Слѣдов. въ 1680 г. См. самую челобитную въ „Р. Архивѣ“ 1879 г., кн. I, стран. 414—416.

[b]) Н. А. Ѳирсовъ. Инородч. насел. прежн. Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 318.

[c]) См. копію съ этой грамоты у Рябинина (Уральское казачье войско, ч. II. примѣчаніе I). Изъ этой грамоты видно, что башкирцамъ пожалованы были многія изъ тѣхъ земель, на которыя предъявляли свои права Яицкіе казаки. Впрочемъ, Рябининъ сомнѣвается въ подлинности этой грамоты, хотя и бездоказательно. См. у него стр. 17 въ I ч.

[d]) Н. А. Ѳирсовъ: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 318.

самихъ казаковъ, равно какъ и захватъ сосѣдними поселенцами казачьихъ угодій, естественно могъ возбудить въ Яицкихъ казакахъ желаніе, чтобы Московскіе цари, вступая на престолъ, подтверждали особыми грамотами владѣльческія права Яицкаго войска, дарованныя ему первоначально царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. Вслѣдствіе такого стремленія къ гарантіи своихъ природныхъ богатствъ, Яицкое войско могло получать „владѣнныя“ подтвердительныя, подобно Донскому[a], и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и при его сынѣ Θеодорѣ, и въ правленіе Софьи, пожаръ же, бывшій въ концѣ XVII ст. и уничтожившій Войсковую Избу, гдѣ хранилась „владѣнная“, заставилъ Яицкое войско въ 1720 году просить таковую же грамоту и у Петра Великаго, дабы „всякому изневажеству было почему противиться“. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается, по всей вѣроятности, причина, а равно и разгадка того разнорѣчія, на которое мы указали выше, относительно времени полученія Яицкимъ войскомъ „владѣнной“, или жалованной казакамъ грамоты на рѣку Яикъ.—Признавъ добровольно надъ собою власть Московскаго Государя, Яицкое войско почти цѣлое столѣтіе находилось въ весьма слабой зависимости отъ Московскаго правительства, которое, вслѣдствіе своихъ еще неокрѣпшихъ силъ, не могло принять дѣятельнаго участія въ казачьихъ распорядкахъ. Казаки, по-прежнему, ходили на свои *«промыслы»*, въ сосѣдніе аулы и смежныя русскія селенія, принимая дѣятельное участіе и въ бунтахъ, бывшихъ на Руси.

Когда же сынамъ Яика-Горыныча случалось попадать въ тиски къ царскимъ воеводамъ и войскамъ, они приносили повинную, раскаявались, слѣдуя пословицѣ: „повинную-де голову не сѣкутъ, не рубятъ“, и выражали готовность заслужить свои вины предъ Великимъ Государемъ, участвуя въ походахъ и войнахъ Россіи, предпринимаемыхъ ею въ разное время. Впервые Московское правительство познакомилось поближе съ Яицкимъ войскомъ въ Смутное время[b], когда Яицкіе казаки, бывшіе на сторонѣ воровскихъ людей, дали у себя пріютъ Маринѣ Мнишекъ и ея послѣднему наперстнику Ивану Заруцкому[c], который старался возмутить противъ Москвы весь При-Каспійскій край, заставляя присягать сыну Марины, рожденному отъ Тушинскаго вора. Марина Мнишекъ и Заруцкій укрывались отъ царскихъ стрѣльцевъ на Медвѣжьемъ островѣ,

---

[a]) Такъ, 10 марта 1746 года, Императрица Елизавета Петровна пожаловала Донскому войску грамоту въ замѣнъ той, которая сгорѣла вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Грамотою Елизаветы подтверждалась прежняя, данная ея отцомъ, за вѣрность Донскихъ казаковъ, оказанную ими во время астраханскаго бунта 1705 г. (См. въ Отеч. Зап. 1868 г., № 10) „Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны“ Ешевскаго, ст. 3, стр. 24.

[b]) Акты арх. экспед. II, № 74 и 170.

[c]) Акты истор. III, 257.

гдѣ 24 іюня 1614 г. и были найдены; Заруцкій и сынъ Марины были преданы позорной казни, а сама Марина умерла въ темницѣ; главный казачій атаманъ Баловень былъ схваченъ и повѣшенъ, другіе бунтовщики разосланы по тюрьмамъ[a]. Впрочемъ, Яицкіе казаки и послѣ этого не переставали безпокоить Московское государство: они грабили не только русскихъ, но и персидскихъ подданныхъ, особенно же разнуздалъ неудержимую склонность къ наживѣ въ Яицкихъ казакахъ бунтъ Разина[b]. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что положеніе казацкой самостоятельной общины въ Русскомъ государствѣ, въ составъ котораго она теперь входила, должно было измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ подвергнуться перемѣнамъ общественный и экономическій бытъ казаковъ. Центральная власть пріобрѣтала все больше силы и устойчивости и не желала дальше мириться съ такими порядками этой общины, которые, игнорируя ея указанія и стремленія, служили въ ущербъ общему государственному строю. Въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ казачьими землями, стали утверждаться царскіе воеводы и служилые люди, которые требовали отъ казаковъ безусловнаго повиновенія царской власти. Усмиривъ Разинскій бунтъ, въ которомъ участвовали и Яицкіе казаки, Московское правительство стало сильно и на нижнемъ Яикѣ. Въ 1670 году оно подчинило Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на внѣшнюю службу[c]. Во внутреннемъ, такъ сказать, домашнемъ своемъ распорядкѣ и устройствѣ Яицкое войско представляло родъ республики или вѣрнѣе—характеръ древне-вѣчеваго устройства. Всѣ члены общины были равны между собою; всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу и значеніе обычнаго права. Внутреннее домашнее правленіе у казаковъ было выборное, какъ и въ Донскомъ войскѣ, которому старались подражать и Яицкіе казаки. Существуетъ даже указаніе на то, что Яицкіе казаки не имѣли права „вершить большихъ дѣлъ", безъ вѣдома Донскаго войска[d].

---

[a]) Медвѣжій островъ на р. Яикѣ (Уралѣ), нѣсколько выше Кулагиной крѣпости. На ландкартѣ 1745 г., составленной геодезистомъ Чичаговымъ, выше Кулагиной крѣпости означено „Маринкино Городище"; противъ него-то и находился Медвѣжій островъ. Ср. Акт. Истор. т. III, № 32, подъ 1614 г.

[b]) Уральцы особенно не любятъ, когда ихъ называютъ „Разины дѣти", или „Разино отродье". См. соч. І. И. Желѣзнова: Уральцы, т. I, стр. 66. Первое изданіе.

[c]) О походахъ Яицкихъ казаковъ на внѣшнюю службу будетъ сказано дальше въ главѣ XII.

[d]) В. Г. Дружинъ.—Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Спб. 1889 г., стр. 34. См. пр. 102: „И въ государственномъ Посольскомъ приказѣ... войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ допрашиванъ, и въ распросѣ сказалъ: *Яицкіе де казаки издавна Донскому войску въ послушаніи и обо всякихъ дѣлахъ межъ себя пересылку имѣютъ и большихъ дѣлъ безъ всякаго ихъ права у себя не вершатъ*, а присылаютъ къ нимъ па Донъ" Разспр. рѣчи 10 января 1690 года. Донск. Дѣл., св. XVIII, 1689 г., № 21, л. 66.

Главу общины, войсковаго атамана, равно какъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, Яицкіе казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ своей среды и давали имъ власть производить судъ и расправу надъ собой, но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ общины— не болѣе. Дѣла обыкновенныя, ежедневныя, напр. ссоры, различныя тяжбы и т. п. разбирались и рѣшались атаманомъ и его помощниками, войсковыми старшинами; дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ всего общества, или дѣла уголовныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ Войсковомъ Кругу, имѣвшемъ характеръ Славянскаго Вѣче, гдѣ каждый казакъ имѣлъ право голоса. Наканунѣ собранія Круга, одинъ изъ приближенныхъ къ атаману лицъ[a], одѣтый въ раскошное платье[b], съ жезломъ въ рукахъ, на богато убранной лошади разъѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, громко взывалъ къ народу: *«Послушайте, атаманы и все Донско-Яицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни даровато, ни купленнаго: заутра—Кругу быть»*. Извѣщенные своимъ герольдомъ и предупрежденные на счетъ чарки зелена вина, казаки, съ трезвыми и непохмѣльными головами, въ назначенный день должны были собраться на площадь къ Войсковой Избѣ.

Когда казаки всѣ были въ сборѣ, изъ Войсковой Избы выходилъ атаманъ, въ сопровожденіи старшинъ, походныхъ атамановъ и есауловъ. Вотъ атаманъ вступаетъ въ средину перилъ[c], ограничивающихъ Кругъ, снимаетъ съ себя шапку, его помощники дѣлаютъ то же; атаманъ кладетъ къ ногамъ насѣку, или булавку—знакъ атамскаго достоинства,—низко кланяется во всѣ стороны и начинаетъ говорить казакамъ о дѣлѣ, для котораго они собраны. Изложивъ дѣло, онъ, спустя нѣкоторое время, спрашивалъ: *«любо-ли вамъ это, атаманы-молодцы, или не любо»?*— Казаки отвѣчали: „любо“! или „не любо“!—Въ случаѣ же, когда голоса раз-

---

[a]) Замѣнявшій нынѣшняго адъютанта, или чиновника особыхъ порученій.

[b]) Яицкіе казаки, по разсказамъ стариковъ, одѣвались такъ: бешметъ бирюзоваго, пунцоваго, малиноваго или желтаго цвѣта,—преимущественно изъ сукна или шелковой матеріи; кругомъ низкаго воротника и по борту—галуны; на бешметъ надѣвался суконный малиновый или синій кафтанъ съ очень низкимъ воротникомъ, который оставался незастегнутымъ и шелъ до половины груди открытымъ, такъ-что бешметъ было видно; съ половины груди шли прорѣхи, куда продѣвались руки, а самые рукава закладывались назадъ и завязывались шнурками или тесьмами; воротникъ кафтана, бортъ и прорѣхи подъ мышками обшивались широкимъ или узкимъ галуномъ, смотря по чину: у старшинъ широкимъ, у низшихъ чиновъ—узкимъ. Поверхъ бешмета надѣвалась азіатская сабля, а на портупею накладывался кушакъ, украшенный серебромъ или каменьями; тутъ же привѣшивались принадлежности огнестрѣльнаго оружія: сумка для пуль, сумка для пороха и др. Галуны на кафтанѣ нашивались и сзади по швамъ, начиная отъ плечъ, и шли по всей таліи. Шаровары были широкіе и завертывались въ сапоги; шапка была въ родѣ уланской, потомъ стали дѣлать ее высокою съ закругленными ушами. См. въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзнова, по описи № 18, стр. 79. Ср. его: „Уральцы“, часть 2, стр. 19 (Первое изданіе).

[c]) Въ городѣ мѣсто собранія Круга обносилось перилами, а когда Кругъ собирался въ полѣ, то нерѣдко толпа народа сама составляла изъ себя цѣпь на подобіе круга, какъ бы вмѣсто перилъ, которыхъ не было.

дѣлялись, атаманъ подавалъ знакъ разойтись—и казаки немедленно расходились на двѣ части; затѣмъ смотря, по большинству казаковъ въ той или другой партіи, рѣшеніе Круга приводилось въ исполненіе. Но чѣмъ многолюднѣе становилось войско, тѣмъ труднѣе было вершить дѣла подобнымъ образомъ. „Понятно, что при такихъ собраніяхъ (замѣчаетъ г. Анучинъ) порядокъ не всегда могъ быть соблюдаемъ; не рѣдко. случалось, что недовольные старшинами казаки бросались на нихъ и стаскивали съ рундука Войсковой Избы, и тутъ же выбирали новыхъ старшинъ и даже атамановъ, по своей волѣ, отставляли, что у нихъ продолжалось до 1723 г.“ [a]) Сроковъ службы у Яицкихъ казаковъ не было: если выбранный начальникъ хорошо и честно исполнялъ свои обязанности, съ народной точки зрѣнія, то сохранялъ за собою возложенную на него должность долгое время, а иногда и всю жизнь, пользуясь въ то же время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны народа. Но если кто изъ выборныхъ чиновъ, хотя бы то былъ и самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, то казаки сами лишали его власти и обращали въ прежнее состояніе,—и тогда бывшій начальникъ, котораго прежде боялась и уважала община, нисходилъ въ разрядъ обыкновенныхъ казаковъ. Такимъ образомъ Яицкое войско всѣхъ необходимыхъ для него начальниковъ выбирало изъ своей же среды, а потомъ, когда они становились для него ненужными, а тѣмъ болѣе вредными, поглощало въ себя же. Такой порядокъ вещей, по замѣчанію І. И. Желѣзнова, былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ,—былъ, что называется, по душѣ имъ.

Московскіе государи являются въ исторіи собирателями Русской земли; на долю же имперіи, созданной Петромъ Великимъ, выпала другая задача—сплотить различныя части Русскаго государства въ стройное цѣлое и подчинить ихъ общей системѣ управленія. Петръ не желалъ, чтобы какая-либо изъ частей государства была совершенно независима въ своихъ дѣйствіяхъ отъ центральной власти, и относилась къ общему строю государства враждено или дружелюбно, руководясь исключительно своими личными выгодами, взглядами и убѣжденіями. Между тѣмъ до Петра Великаго Яицкое войско, какъ мы видѣли, жило и дѣйствовало именно такимъ образомъ, преслѣдуя лишь свои выгоды, иногда даже въ ущербъ выгодамъ общественнымъ и государственнымъ. Проницательный взоръ Преобразователя Россіи проникъ и на берега быстраго Яяка. Петръ обратилъ осо-

a) Съ 1685 г. по 1723 г., т. е. въ теченіе 37 лѣтъ, казаки смѣнили 12 атамановъ,—вотъ ихъ имена: Семенъ Прокофьевъ, Иванъ Бѣлоусовъ, Яковъ Васильевъ, Осипъ Бѣлоусовъ, Вареоломей Сергѣевъ, Өеодоръ Сѣменниковъ, Иванъ Щербаковъ, Григорій Меркурьевъ, Иванъ Бородинъ, Өеодоръ Араповъ, М. Мироновъ, Иванъ Ивановъ. См. „Происшествія на Яикѣ въ 1772 г.“ въ журналѣ „Современникъ“ 1864 г., № 4.

бенное вниманіе на Яицкое войско съ Булавинскаго возмущенія и измѣны Мазепы. Въ 1623 году Яицкое войско, равно какъ и Донское, подчинено было вѣдомству Посольскаго Приказа[a]). Съ 1680 г. и до учрежденія въ 1711 г. Сената Яицкое войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа[b]); но это подчиненіе казаковъ ограничивалось, по большей части, только командировками ихъ на внутреннюю и внѣшнюю службу. Съ учрежденіемъ Сената, Яицкіе казаки вскорѣ перешли въ его вѣдомство, въ которомъ состояли до 24 декабря 1719 года, когда завѣдываніе ими было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 10 марта 1721 года Яицкое войско поступило въ вѣдомство Военной Коллегіи[c]) Независимо отъ этого, Яицкіе казаки по сыскнымъ дѣламъ, по взаимнымъ доносамъ ихъ другъ на друга и вообще по дѣламъ уголовнымъ, неподлежавшимъ обсужденію въ Войсковомъ Кругу, были подчинены астраханскому губернатору, и въ Астрахани производились надъ ними первоначальные розыски, а до того—въ Казани; когда же доносъ соединялся съ государевымъ „словомъ", тогда какъ доносчикъ, такъ и всѣ оговоренныя имъ лица отсылались въ Москву, гдѣ ихъ и допрашивали. Указъ о подчиненіи Яицкаго войска вѣдомству астраханскаго губернатора состоялся 22 декабря 1720 г.[d]); затѣмъ въ 1744 г. оно было подчинено оренбургскому губернатору; въ 1782 г. Уральское войско по земскимъ дѣламъ было отчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому[e]), а въ началѣ настоящаго столѣтія оно снова было подчинено оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго и находилось до самаго уничтоженія оренбургскаго генералъ-губернаторства[f]).

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войскѣ полагали, что переводъ его изъ вѣдѣнія коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи былъ главною причиною возмущенія казаковъ,—такого мнѣнія держались, между прочимъ, поэтъ А. С. Пушкинъ, Рябининъ и Анучинъ. Они говорятъ, что Яицкіе казаки, опасаясь за свою свободу, взволновались, зажгли Яицкій городокъ и уже сбирались бѣжать въ киргизскія степи, но къ этому времени подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись Яицкихъ казаковъ и усмирить ихъ. Но такое мнѣніе не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній и скорѣе принадлежитъ къ области догадокъ.

---

[a]) Броневскій. Истор. Донскаго войска, ч. 1, гл. III.
[b]) П. С. Зак., № 3616.
[c]) Тамъ же, №№ 3472 и 3750.
[d]) П. С. Зак., № 3694.
[e]) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 33 Ср. черновыя бумаги I. И. Желѣзнова, по описи № 68.
[f]) Послѣднимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Н. А. Крыжановскій, относившійся съ особеннымъ уваженіемъ къ дѣятельности Неплюева, какъ и одинъ изъ его предшественниковъ, графъ Сухтеленъ, вѣчно незабвенный для Оренбургскаго края.

Нужно замѣтить, что нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и междоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ полковника Захарова, къ казакамъ являются фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностью и взятками кладутъ первыя семена раздора среди Яицкихъ казаковъ. Появленіе же фискаловъ и сыщиковъ, или слѣдователей, на берегахъ быстраго Яика объясняется внутренними безпорядками, возникшими среди самихъ казаковъ, независимо отъ посторонняго вліянія. Сюда относится, между прочимъ, доносъ или, какъ значится въ дѣлѣ, «*извѣтъ*» яицкаго казака Ив. Карташева на войсковаго атамана Григорія Меркурьева, который первый изъ яицкихъ атамановъ назначенъ былъ въ войсковые атаманы по царскому указу, а потомъ сдѣлался и пожизненнымъ атаманомъ, пока не лишился этого мѣста за разныя злоупотребленія. „Извѣтъ" Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиною внутренняго разстройства, упадка и преобразованія Яицкаго войска послѣ Петра Великаго.

Сущность доноса Карташева состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его сторонники не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю А. Д. Меньшикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной партіи совѣтовали имъ это сдѣлать, сторонники Меркурьева грозили „перебить ихъ смертію" и отобрать у нихъ имущество; что Меркурьевъ, взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 руб., при содѣйствіи казака Ѳеодора Силишникова, приказалъ всѣхъ бѣглыхъ людей, являющихся на Яикъ, принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣлалось прежде. Въ январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ приказалъ „побивать до смерти всѣхъ, кто похвалится ѣхать въ Казань или другіе города о чемъ бить челомъ Государю". Карташевъ заявилъ также, что Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ о дозволеніи оставить бѣглыхъ на Яикѣ, а осенью 1717 года онъ, Меркурьевъ, отпустилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ татаръ, но какъ зовутъ тѣхъ татаръ и съ какою цѣлію они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, нѣтъ-ли у нихъ какого злаго умысла и согласія съ хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «*мы-де найдемъ и другую воду*» [a])

[a]) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 40, стр. 5.

и т. п. Вслѣдствіе этого доноса, въ 1718 году изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, который долженъ былъ взять и привести съ собою атамана Меркурьева, а также его сторонниковъ и противниковъ. Наумовъ, по прибытіи въ Яицкій городокъ, взялъ съ казаковъ 200 руб. деньгами „да харчемъ и питьемъ на 60 руб. и 10 алтынъ" и возвратился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ и другими причастными къ дѣлу казаками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели въ числѣ 37 человѣкъ были сданы Наумовымъ въ повытье подъячему Ѳеодору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ „нападкою" 200 р. деньгами „да харчемъ и одеждою на 100 р., кромѣ 20 р., полученныхъ имъ съ казака Перфилья Никифорова". Вскорѣ Ѳеодора Сухарева смѣнилъ его братъ, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки принуждены были отдать едвали не послѣдніе 10 р.[a]). Въ мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани въ Яицкій городокъ поручикъ Егоръ Кротковъ для „розысковъ", по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 апрѣля съ тою же цѣлію явились на Яикъ: фискалъ Михаилъ Путиловъ, самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подъячихъ: Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, прикащикъ помѣщика Никифора Макарова да отъ казанскаго архіерея священникъ Семенъ и нѣкоторые другіе. Сыщики и слѣдователи распоряжались на Яикѣ безотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни казаковъ. Кротковъ прожилъ на Яикѣ три мѣсяца; за это время содержаніе Слѣдственной Коммиссіи, во главѣ которой стоялъ Кротковъ, обошлось Яицкому войску въ 1500 р.[b]), кромѣ 260 р., данныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчьей шубы въ 20 р. и двухъ кумачей, взятыхъ съ казаковъ самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, пріѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 г. съ указомъ о крестьянахъ князя Меньшикова, а въ 1718 г. сопровождавшимъ въ Яицкій городокъ поручика Наумова. Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ еще только начинался! При этомъ нужно замѣтить, что всѣ лица, являвшіяся съ цѣлію розыска на Яикъ, получали содержаніе, освѣщеніе и отопленіе отъ казаковъ же. Всѣ расходы подобнаго рода должны были записываться на счетъ виновныхъ, для взысканія съ нихъ впослѣдствіи, но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные, сколько невинные. Между тѣмъ поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою при-

---

a) Тамъ же, № 47, стр. 7.

b) Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г., кн. I, стр. 405—406) въ моей статьѣ: *„Яицкое войско до появленія Пугачева"*.

своихъ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, по возвращеніи въ Казань, представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую губернскую канцелярію, которая препроводила его, вмѣстѣ съ извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманомъ Меркурьевымъ и другими подсудимыми, въ Преображенскій Приказъ, куда казаки прибыли 28 августа 1720 г., но ихъ вскорѣ отправили въ Астрахань, а отсюда колодниковъ снова возвратили въ Яицкій городокъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова. Въ то же время Астраханская губернская канцелярія предписала коммендаnту г. Сызрана, маіору Воейкову, отправиться на Яикъ для новыхъ розысковъ, при помощи Кустова[a]. Такимъ образомъ Карташевъ соткалъ ту сѣть, въ которой очутились потомъ многіе изъ Яицкихъ казаковъ. Чтобы выпутаться изъ этой сѣти, казаки должны были платить деньгами, „харчемъ" и одеждою разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, являвшимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву и Петербургъ. Дѣло по извѣту Карташева еще болѣе осложнилось доносомъ казаковъ Ивана Елисѣева и Аѳанасья Назарова на казака Ѳеодора Рукавишникова, который стоялъ во главѣ недовольныхъ дѣйствіями слѣдователей и сыщиковъ[b], являвшихся на Яикъ. Ѳеодоръ Рукавишниковъ отличался замѣчательной энергіей, здравой русской смѣткой и преданностію Яицкому войску. Происходя изъ сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ предшественникомъ извѣстнаго впослѣдствіи своей неукротимостью и способностями Хлопуши, одного изъ сподвижниковъ Пугачева. Рукавишниковъ (онъ-же и Крашенинниковъ)[c] скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе на казаковъ, которые не разъ отправляли его атаманомъ въ зимовой станицѣ отъ войска въ Петербургъ, и, благодаря этому, безграмотный Рукавишниковъ узналъ всякія нужныя вещи и всѣ подходы, а впослѣдствіи сдѣлался лично извѣстенъ и Петру Великому. Яицкое войско всегда покорно и послушно относилось къ нему, уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная смѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ пользовался такимъ авторитетомъ въ войскѣ, что и въ его отсутствіе, по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы предавали смертной казни

---

a) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 47, стр. 5.

b) Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: *„Яицкое войско до появленія Пугачева"*. (Р. Арх. 1879 г., кн. I, стр. 410 и далѣе).

c) Яицкіе казаки, желая скрыть бѣглыхъ, измѣняли иногда имя и фамилію бѣжавшихъ къ нимъ людей, конечно, съ согласія послѣднихъ; поэтому Ѳеодоръ Рукавишниковъ, какъ бѣжавшій съ каторги, можетъ быть, и носилъ еще другую фамилію Крашенинникова. Соч. Пушкина, изд. 1859 г., т. VI, стр. 207.

тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ Рукавишниковъ почему-либо считалъ вредными для войска. Понятно, что, при такомъ значеніи Рукавишникова среди Яицкаго войска, бунтъ казаковъ, если-бы онъ дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ Пушкинъ, а за нимъ повторяли и другіе, извѣстенъ былъ бы и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ небольшаго Яицкаго городка. Рукавишниковъ, избранный атаманомъ зимовой станицы по осени 1720 г., отправился въ Петербургъ, взявши съ собою челобитную отъ Яицкаго войска, къ которой вмѣсто войсковаго атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска (2600 рядовыхъ казаковъ) подписался священникъ Алексѣевскія Церкви[a] Іовъ Клементьевъ. Въ этой челобитной, помѣченной 8-мъ октября 1720 г., войско Яицкое просило Государя о подтвержденіи за нимъ правъ на р. Яикъ и о выдачѣ новой «*владѣнной*» грамоты, вмѣсто сгорѣвшей, дабы имѣть законное основаніе противиться тому «*изневажеству*» которое причиняли казакамъ „градскіе самарскіе жители, башкиры, калмыки и киргизы“ [b].— Петръ Великій, въ награду за службу Яицкаго войска, подтвердилъ прежнія его привиллегіи[c]. Рукавишникову, какъ и всему войску, хотѣлось, чтобы дѣла по „извѣтамъ“ казаковъ были переведены въ Петербургъ; они скорѣе были готовы заплатить за производство слѣдствія въ Петербургѣ и въ одинъ разъ, чѣмъ кормить цѣлыя коммиссіи слѣдователей, пріѣзжавшихъ въ ихъ городокъ и, кромѣ того, давать взятки въ Казани, Астрахани, Самарѣ и Сызранѣ подъячимъ и сыщикамъ. Казаки тѣмъ болѣе расчитывали на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, что въ милостивцахъ у нихъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имъ были знакомы, а обычные презенты съ рыбою и икрой въ зимнее время могли пособить этому дѣлу. Но гораздо труднѣе было расположить къ себѣ Военную Коллегію, въ вѣдѣніе которой было передано Яицкое войско въ мартѣ 1721 года. Не жалуя казацкаго самоуправленія, Военная Коллегія стремилась преобразовать внутренній строй Яицкаго войска и сдѣлать изъ казаковъ постоянную военную силу, на которую-бы можно было всегда положиться. Съ помощію этой силы, Военная Коллегія надѣялась всѣ отдѣльныя части государства ввести въ общую систему государственнаго управленія; уничтожить всякое отдѣльное право, нарушающее пре-

---

[a]) Церковь во имя Св. Алексѣя, Митрополита Московскаго, теперь уже отдѣльно не существуетъ, а вошла, какъ придѣлъ, въ составъ Казанской единовѣрческой церкви. См. о ней подробности въ моихъ статьяхъ: 1) *„Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ“*; и 2) *„Свѣдѣнія о православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ въ Уральскомъ войскѣ“*, напечатанныхъ въ Оренб. Епарх. Вѣдом. за 1878 годъ.

[b]) См. Челобитную въ „Русск. Архивѣ“ (1879 г., кп. I, стр. 414—416) и въ „Уральск. Войск. Вѣдом.“ за 1869 г., № 33.

[c]) Чт. Общ. Истор. и Др. Росс. 1859 г., т. 3, стр. 108.

имущества верховной власти, чтобы слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподданныхъ Государю,—вотъ задача, которую желала рѣшить Военная Коллегія и на осуществленіе которой направлены были всѣ ея усилія въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но Яицкіе казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, несогласныхъ съ ихъ нравами и обычаями, не хотѣли уступить желанію Военной Коллегіи, Съ ироніей, исполненной грусти, казаки часто повторяли другъ другу: *„живите, братцы, пока Москва не узнала“*. Между тѣмъ, Военная Коллегія, преслѣдуя свои цѣли, начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и пребразованіями, казавшимися на первый взглядъ незначительными, мелкими, въ сущности же прямо клонившимися къ ограниченію казацкаго самоуправленія. Казаки хотя и протестовали, но въ то же время инстинктивно чувствовали, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ современемъ рушиться. Всякій разъ, протестуя противъ какихъ-либо нововведеній, казаки прямо и ясно говорили: *„Не можно сего принять, понеже войско Яицкое поселилось на Яикъ изъ вольныхъ людей“!* Или: «*Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ Царя Михаила Θеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять*». Случалось, что иногда казаки на требованія Военной Коллегіи отвѣчали и уклончиво: «*Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!*» Или съ энергіей заявляли: «*Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное*» и т. п.—все въ томъ же духѣ[a].

Главнымъ, существеннымъ побужденіемъ къ подобнаго рода протестамъ у Яицкаго войска было желаніе: не слѣдовать никакимъ, хотя-бы въ сущности и мелочнымъ, указаніямъ Военной Коллегіи, дабы «*впредь ей не было повадно*».—Изъ этого уже видно, на сколь Яицкіе казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельнаго члена общины и какъ страшились вмѣшательства въ ихъ старинныя права центральной власти. Не смотря на это, Яицкіе казаки скоро должны были сознаться, что «*Москва и ихъ узнала*».—Яицкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикъ былъ присланъ для розыска кто-либо „изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыя державы Государя“.

Вслѣдствіе этого, 30 іюня 1721 г. Военная Коллегія положила отправить на Яикъ полковника Ергольскаго, приготовивъ ему и особую

---

[a]) См. въ черновыхъ бумагахъ покойнаго I. И. Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

инструкцію; но поѣздка его на Яикъ почему-то не состоялась, какъ и предполагавшаяся командировка туда же полковника Ив. Вас. Волтина. Наконецъ, 7 сентября 1722 г. рѣшено было отправить въ Яицкій городокъ, для производства слѣдствія, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ „заполошныхъ“ (сверхкомплектныхъ) казаковъ маіора Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова[a]. Всѣ бумаги, касавшіяся дѣла Карташева, были посланы изъ Военной Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабынинымъ, который долженъ былъ отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія слѣдствія; Тарабынину были подчинены и казанскіе подъячіе. Захарову была дана особая инструкція, въ силу которой онъ обязывался: 1) предъ отъѣздомъ изъ Казани на Яикъ, въ присутствіи губернатора, принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискалъ Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то, не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствія представить экстрактъ въ Военную Коллегію; 4) въ случаѣ же ихъ упорства и запирательства „пытать накрѣпко“, особенно фискала Путилова, если будутъ явныя улики; 5) тѣхъ, которые и послѣ пытки не сознаются, взять на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи въ Яицкій городокъ, не приступая еще къ производству слѣдствія, атамана, старшинъ и рядовыхъ казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствія по „извѣту“ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если понадобится, „пытать накрѣпко“; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногороднихъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) *произвести перепись казаковъ;* 10) составить именные списки ихъ и прислать въ Военную Коллегію „за своею рукою“, 11) запретить казакамъ пріемъ бѣглыхъ, *подъ опасеніемъ смертной казни;* 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ Военную Коллегію и оставаться на Яикѣ до полученія особаго указа; 13) увѣдомить Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ Военной Коллегіи 300 р. „держать съ запискою и росписками имянно“; бумагу,

---

[a]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 45, и 1870 г., № 44. Коробовъ раньше сопровождалъ извѣтчика Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

чернила, свѣчи и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикѣ изъ Войсковой Избы; 15) на отправленіе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ опредѣленное число лошадей; 16) квартиры на Яикѣ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объяснивъ послѣднимъ, что всѣ расходы, необходимые для этого, будутъ взысканы съ виновныхъ. Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, данной Захарову, которая заканчивается слѣдующими словами: „въ прочемъ во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ Военной Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не наровя, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда“ [a]).

Въ то же время Военная Коллегія отправила на Яикъ „послушную“ грамоту, въ которой старалась уяснить и доказать Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую велѣно сдѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается, по прежнему, только на 600 человѣкъ; если же окажется, что въ дѣйствительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно дѣйствительному числу Яицкаго войска.—Далѣе Военная Коллегія ставитъ на видъ войску и то обстоятельство, что розыскъ по „извѣту“ Карташева приказано произвести Захарову, вслѣдствіе челобитья самого же Яицкаго войска: „Понеже Его Императорскому Величеству вѣдомо учинилось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губорніи Яицкому войску многая обида и разореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердуя ко всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣлъ; и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, велѣно его на Яикѣ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали вѣрность, и ежели коихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобъ такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до пріѣзда къ нимъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно. И какъ вамъ ся Наша Императорскаго

---

[a]) Инструкція подписана княземъ Александромъ Меньшиковымъ, Лефортомъ и еще троими лицами, фамиліи которыхъ трудно разобрать.

Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи Нашего Семеновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ пріѣдутъ, и вамъ-бы, атаману и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія" [a]).

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, доноси Военной Коллегіи о полученіи грамоты, между прочимъ, писалъ: „Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось, а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человѣкъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ не извѣстны" [b]). Въ мартѣ 1723 года, Захаровъ отправился изъ Казани на Яикъ при одной ротѣ во 127 чел. драгунъ и другой—пѣхоты, состоявшей изъ 182 чел., кромѣ девяти чел. деньщиковъ, изъ которыхъ шестеро состояли при Захаровѣ и трое—при Протасовѣ. По прибытіи въ Яицкій городокъ, Захаровъ немедленно приступилъ къ слѣдствію: виновные были наказаны, а Григорій Меркурьевъ, изъ-за котораго началось дѣло по извѣту Карташева, въ томъ же году высочайшею грамотою былъ утвержденъ въ должности войсковаго атамана. Такъ кончился розыскъ по „извѣту" Карташева, стоившій большихъ матеріальныхъ затратъ для Яицкаго войска и многочисленныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось поплатиться имуществомъ и казацкою вольностію, а другимъ—отправиться въ отдаленную Сибирь [c]), главный же доносчикъ Карташевъ, по всей вѣроятности, былъ казненъ смертію: будь онъ живъ, онъ снова-бы заявилъ о своемъ существованіи, между тѣмъ съ этого времени слухъ о немъ положительно запалъ. Въ сентябрѣ того же (1723) года Захаровъ приступилъ къ переписи казаковъ. Согласно данной ему инструкціи, онъ приказалъ наклеить въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города особые листы, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы „Яицкіе казаки у переписи въ сказкахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки". Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именные списки казаковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступить къ дѣлу, какъ уже болѣе 200 казаковъ бѣжали да 88 человѣкъ умерли, во время самой переписи. Всего по переписи Захарова въ Яицкомъ войскѣ оказалось 5771 казакъ и 353 пришлыхъ людей изъ другихъ мѣстъ, которые живутъ своими домами, всего же (казаковъ и пришлыхъ) 6124 чел. муж. пола. Захаровъ раздѣлилъ все войско на сотни и де-

---

a) Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 423.
b) Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 48.
c) Опредѣл. В. Коллегіи отъ 23 марта 1725 г.

сятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 руб. на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осьминѣ хлѣба на каждаго казака[a]). Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ-что казаки покушались даже убить его; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркурьева, Захаровъ остался цѣлъ и невредимъ, за что Меркурьевъ, вопреки желанію войска, былъ назначенъ, по указу Императрицы Екатерины I-й, пожизненно войсковымъ атаманомъ и получилъ въ награду портретъ Государыни, золотой ковшъ, саблю и сто рублей денегъ[b]). Казаки, конечно, сильно были недовольны Меркурьевымъ и всячески старались вредить ему, чтобы такъ или иначе лишить его атаманскаго достоинства и власти.

Въ 1730 г. обличителемъ атамана Меркурьева является казакъ Денисъ Гузиковъ, который показалъ, что Меркурьевъ изъ-за взятокъ принимаетъ бѣглыхъ людей и опредѣляетъ ихъ на службу въ крѣпость Св. Креста[c]). Сначала Гузиковъ былъ допрашиваемъ въ Казани, а оттуда былъ отправленъ въ Москву, при особомъ доношеніи въ Сенатъ и въ Военную Коллегію. Въ февралѣ 1731 года Гузиковъ сказалъ за собою государево „слово и дѣло“ по второму пункту объ измѣнѣ Яицкаго атамана Григорія Меркурьева, который „сочиняетъ отъ всего Яицкаго войска бунтъ“. Сенатъ, допросивъ Гузикова, нашелъ его же виновнымъ, и потому Военная Коллегія распорядилась отправить словосказателя въ Преображенскій Приказъ, гдѣ Гузиковъ, согласно резолюціи Сената, былъ „битъ кнутомъ“[d]).

Въ то же время Военная Коллегія потребовала отъ Яицкаго войска объясненія по доносу Гузикова. Казаки, собравшись въ Кругъ, пригласили Меркурьева и потребовали отъ него объясненія по „извѣту“ Гузикова. Меркурьевъ обѣщался представить войску подробное изложеніе дѣла, но просилъ на нѣкоторое время отстрочки,—это было въ маѣ 1731 года. Прошло три мѣсяца, а Меркурьевъ и не думалъ даннаго имъ обѣщанія приводить въ исполненіе, изыскивая, вѣроятно, всевозможныя средства къ своему оправданію. Въ половинѣ августа Яицкое войско получило подтвержденіе изъ В. Коллегіи по дѣлу Гузикова съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Меркурьевъ, узнавъ о томъ, ви-

---

[a]) Всего служилыхъ казаковъ было 3196 чел., включая сюда и атамана.

[b]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

[c]) Крѣпость Св. Креста была заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 сентября 1722 г. во время Персидскаго похода, на томъ мѣстѣ, гдѣ р. Аграгань отдѣляется отъ р. Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Названіе свое крѣпость могла получить оттого, что Греки называли эту мѣстность „*Ставрополь*“; окрестные же татары называютъ эту крѣпость Хучь (или Качь), что значитъ также крестъ. См. Голикова, т. IX.

[d]) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 37.

дѣлъ, что болѣе медлить было нельзя и заявилъ, что обѣщанное объясненіе по доносу Гузикова онъ представитъ войску въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ 26 сентября того-же года казаки собрались въ Кругъ, чтобы выслушать оправданіе своего атамана. Меркурьевъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: „Когда отправлялись отъ насъ войска Яицкаго въ Низовый[a] корпусъ на службу, и тогда приходили ко мнѣ пришлые люди съ нашими казаками и объявляли себя донскими (казаками) и поляками, башкирцами, финскими и мордовскими новокрещены, а иные объявляли, что-де были они при переписи на Яикѣ господина полковника Захарова, въ томъ числѣ было и пришлыхъ малое число татаръ и калмыкъ, которые самовольно обѣщались Ея Императорскому Величеству вѣрно служить.—И я по ихъ сказкамъ таковыхъ въ Низовый корпусъ служить идти казаковъ за себя, для малолюдства своего, посылать въ службу въ пятисотное число въ дополнку велѣлъ; и, по нашему обыкновенію, оные на питье и денегъ по малому дѣлу, по отъѣздѣ своемъ, за честь давали“[b]. Гузиковъ также обвинялъ Меркурьева въ томъ, что „онъ, атаманъ Меркурьевъ, когда отправляетъ въ Москву изъ войска казаковъ для челобитья о жалованьѣ и въ станицахъ на ярморки изъ войска отпущаетъ такихъ, кто ему дачу даетъ рублевъ по семи и по десяти, о чемъ вѣдаетъ атаманъ Алексѣй Калмыковъ и все Яицкое войско; да оной же атаманъ отправляетъ изъ войска казаковъ по указамъ на службу и, въ то число, онъ, атаманъ, изо взятокъ же рядовыхъ казаковъ производитъ въ чины, а кто взятокъ не даетъ, тѣхъ посылаетъ въ рядовые“[c]. Въ опроверженіе этого, Меркурьевъ заявилъ въ Кругу слѣдующее: „Также, когда отправляются отъ насъ войска Яицкаго въ Москву зимовыя и легкія станицы, и оныя ко мнѣ рыбою и мясомъ приносили за честь на питье и денегъ за честь давали же, а на ярморки которыя посылаются, съ оныхъ не бирывалъ“. Такимъ образомъ Меркурьевъ, не отрицая самого факта, что онъ бралъ съ казаковъ деньги, мясо и рыбу, старался оправдать себя тѣмъ, что ему казаки и пришлые люди „давали за честь“, добровольно, по установившемуся въ войскѣ обычаю, а „ненападкою“, не вымогательствомъ и силою. Яицкое войско, выслушавъ показанія своего атамана, пожелало ихъ провѣрить и съ этою

---

[a]) Службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ называлась ихъ служба на Кавказѣ вообще и, въ частности, служба въ крѣпости Св. Креста. Яицкіе казаки начали службу въ Низовомъ корпусѣ съ 1724 г. и продолжали ее до Кучукъ-Кайнаржійскаго мира (1774), что совпадаетъ съ усмиреніемъ Пугачевскаго бунта. См. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37, замѣч. на стр. 6. Ср. Истор. Россіи С. М. Соловьева, т. XVIII, стр. 45 и 50.

[b]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37. См. Русск. Архивъ 1879 г., кн. I, стр, 430.

[c]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 37.

цѣлію, собравшись 10 октября въ Кругъ, пригласило старшину Алексѣя Калмыкова, на котораго сослался Гузиковъ, какъ на свидѣтеля взятокъ Меркурьева. Калмыковъ показалъ, что Меркурьевъ дѣйствительно включилъ въ Низовый корпусъ нѣсколько человѣкъ „изъ пришлыхъ на Яикъ людей", и что онъ, Калмыковъ „получилъ письмо отъ походнаго атамана Михаила Купреянова, смѣнившаго его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ и реэстръ пришлыхъ на Яикъ бѣглыхъ людей, которыхъ Меркурьевъ „отправилъ съ нимъ, Купреяновымъ, изо взятковъ". Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реэстра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человѣкъ, съ коихъ Меркурьевъ взялъ 310 рублей, полагая отъ 4 до 7 рублей на каждаго. На основаніи показаній Меркурьева и Калмыкова, Яицкое войско составило отвѣтъ на запросъ Военной Коллегіи и препроводило его съ особой депутаціей, состоявшей изъ десяти человѣкъ[a]. Вручивъ депутатамъ копію съ письменнаго объясненія Меркурьева и съ „именнаго списка" (реэстра бѣглыхъ) Купреянова, войско, между прочимъ, доносило Военной Коллегіи: „какъ оной войсковой атаманъ Меркурьевъ пришлыхъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посылалъ въ службу въ Низовый корпусъ изо взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско о томъ неизвѣстны.—Нынѣ онъ, по прибытіи своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Щелкинымъ, который отправленъ нынѣшняго 1731 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Низовый корпусъ на смѣну атамана Купреянова, безъ нашего старшинскаго совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришлыхъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидятъ подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бываютъ въ Москву зимовыя и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ берутъ взятки, не смотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужитъ".

Далѣе въ доношеніи войска говорится о командировкахъ и службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 г. Командировки Яицкихъ казаковъ на Кавказъ, какъ видно, были не рѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ не легка: изъ тысячи человѣкъ, отправившихся въ 1724 г. съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось 748 человѣкъ, а 252 „побиты и померли", да изъ пришедшихъ около ста человѣкъ *«осрамѣли* и *померли-же»*; изъ 500 человѣкъ, коман-

[a]) Депутатами были избраны: станичный атаманъ Василій Андреевъ, войсковой старшина Петръ Гавриловъ, есаулъ Силантій Матвѣевъ и семь рядовыхъ казаковъ.

дированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турнбринѣ, возвратилось 310 человѣкъ, а 190 были или убиты или померли. Въ то самое время, какъ Яицкое войско отправило свой отвѣтъ въ Военную Коллегію, Григорій Меркурьевъ находился въ Петербургѣ. Депутація выѣхала изъ Яицкаго городка во второй половинѣ октября мѣсяца 1731 г., а 25 ноября того же года Меркурьевъ явился въ Военную Коллегію и подалъ прошеніе[a] на Высочайшее имя. Указавъ въ своемъ прошеніи на заслуги отца и свои собственныя, Меркурьевъ довольно основательно опровергаетъ обвиненія, взведенныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того, что казаки дѣйствительно „за честь", а „ненападкой" дарили Меркурьева рыбой, мясомъ и деньгами. Между тѣмъ, Военная Коллегія, получивъ изъ рукъ депутатовъ доношеніе Яицкаго войска, распорядилась произвести слѣдствіе по этому дѣлу чрезъ генералъ-маіора Еропкина, которому было предписано спросить всѣхъ „обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ, кто изъ нихъ пришлые и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовый корпусъ съ общаго-ль войсковаго совѣта наряжены и отправлены и, при томъ отправленіи, войсковой атаманъ за что съ кого взятки бралъ или они въ почесть ему приносили". Еропкинъ отвѣтилъ, что походный атаманъ Яицкаго войска Купреяновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинѣ Калмыкову, отправился вмѣстѣ съ командою въ Яицкій городокъ еще до полученія указа Военной Коллегіи, а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яцкихъ казаковъ, которые и были допрошены, согласно указу Военной Коллегіи. Донося объ этомъ, Еропкинъ отправилъ въ Военную Коллегію самыя показанія атамана Щелкина, равно какъ и отвѣты казаковъ его команды[b].

Изъ слѣдствія, произведеннаго Еропкинымъ, оказалось, что въ командѣ Щелкина „пришлыхъ на Яикъ разныхъ чиновъ людей, послѣ переписи полковника Захарова, было 33 человѣка, а именно: 8 челов. дворцовыхъ крестьянъ, 4 монастырскихъ и 6 помѣщичьихъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 8 человѣкъ изъ чувашъ, мордвы и черемисъ и 5 человѣкъ разныхъ націй". Всѣ эти лица, какъ доносилъ Еропкинъ, при допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войсковаго атамана Григорія Меркурьева, за что давали ему „въ взятокъ" рубля по четыре и больше, а всего дали 251 р. 50 к. Когда Военная Коллегія сообщила объ

---

[a]) См. его въ Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 432—434. Кн. Каз. пов. 8, стр. 436.

[b]) См. въ черновыхъ бумагахъ I. И. Желѣзнова (по описи его бумагъ № 51), копію съ указа В. Коллегіи 2 апрѣля 1734 г., извлеч. изъ архив. В. Колл., кн. 8-я Казачьяго Повытья, стр. 567. Слич. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 5.

этомъ Меркурьеву, то послѣдній заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятокъ съ нихъ не биралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній въ *«почесть»*, а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то произошло безъ его вѣдома, такъ-какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова[a], если же онъ не навелъ справокъ о времени ихъ прихода на Яикъ, то сдѣлалъ это *«съ простоты и недознанія своего»* и въ томъ приноситъ Ея Императорскому Величеству вину. Результатомъ этого было слѣдующее распоряженіе Военной Коллегіи: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывесть съ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ Военную Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдатскіе дѣти, шведы[b] и татары записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 указа, „быть на Яикѣ". Далѣе въ пунктѣ третьемъ своего распоряженія Военная Коллегія замѣчаетъ, что такъ-какъ Меркурьевъ не сознался въ приверстываньи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то „довлѣло еще потому слѣдованіе продолжать, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ подлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою, ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ Низовомъ корпусѣ тысяча человѣкъ, а остальные непрестанно обращаются противъ каракалпаковъ и киргизъ-кайсаковъ и неуспокоенныхъ калмыкъ въ партіяхъ: того ради по нынѣшнимъ конъюктурамъ (обстоятельствамъ) можетъ оное слѣдованіе оставлено, а войсковаго атамана Меркурьева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущена быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 году, увѣдавъ о зломъ намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ

---

[a]) Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли на-всегда оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

[b]) Эти шведы-финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ „*Свейскихъ походовъ*", въ которыхъ принимали участіе Яицкіе казаки. Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣются походы 1701, 1703, 1704 и 1707 годовъ; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6 и 7.

его явился правый; а впредь пришлыхъ принимать имъ на Яикѣ отнюдь не велѣть, подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришлыхъ принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ Военной Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредь невѣдѣніемъ не отговаривались, и, сверхъ того, послать на Яикъ о непріемѣ тамъ бѣглыхъ подтвердительную грамоту" [a]. Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу на разсмотрѣніе въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи,—и Сенатъ постановилъ: „быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію" [b].

Атаманъ Григорій Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, охотно принималъ бѣглыхъ и за деньги версталъ ихъ въ казаки, что и было доказано на слѣдствіи по доносу казака Гузикова. Считая пріемъ бѣглыхъ людей издавна установившимся обычаемъ на Яикѣ, Меркурьевъ, вѣроятно, и не предполагалъ, чтобы сами же казаки стали обвинять его въ этомъ, и казаки, конечно, не сдѣлали-бы того, если бы они не видѣли въ Меркурьевѣ сторонника Правительства и, въ частности, Военной Коллегіи, стремившейся ограничить произволъ и самостоятельность Яицкаго войска. Но Меркурьевъ, какъ мы видѣли, благодаря своей изворотливости, опытности и расположенію къ нему Военной Коллегіи, остался на своемъ посту, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣскія указанія на его злоупотребленія. Дальнѣйшія событія на Яикѣ доказали, что неудачный исходъ дѣла по *«извѣту»* на Меркурьева казака Дениса Гузикова не могъ заглушить въ казакахъ желанія удалить Меркурьева съ занимаемаго имъ мѣста войсковаго атамана. Мы знаемъ, что одно уже назначеніе Меркурьева въ войсковые атаманы оттолкнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева раздули эту ненависть войска къ своему атаману, а отмѣченный неудачный исходъ борьбы окончательно вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло, сталъ еще болѣе и смѣлѣе злоупотреблять своею властію, надѣясь на расположеніе къ нему Военной Коллегіи и покровительство, оказываемое ему Правительствомъ. При такомъ положеніи дѣла, нельзя было расчитывать на спокойствіе внутри войска: озлобленіе противъ Меркурьева сдѣлалось почти всеобщимъ.

Въ ноябрѣ 1737 года Военная Коллегія получила новую жалобу на Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея Меркурьевыхъ. На

---

[a]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.
[b]) Тамъ же. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 435 и 436.

этотъ разъ жалоба была подана почти отъ всего войска: старшины, сотники, десятники и 2700 довѣренныхъ рядовыхъ казаковъ[a]) жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую станицу „не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и дѣлаетъ съ своими единомышленники, по своимъ легкомысленнымъ прихотямъ, и отписки посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ войска, ложно“. Далѣе изъ жалобы видно, что въ ноябрѣ 1737 г. Меркурьевъ сообщилъ В. Н. Татищеву, „яко-бы среди войска Яицкаго имѣется *«замѣшаніе»*, причемъ Меркурьевъ представилъ Татищеву и реэстръ тѣхъ казаковъ, которые смѣло и открыто заявляли въ Кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско опровергаетъ въ своей жалобѣ ложность этого доноса, ссылаясь на иногороднихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Яицкій городокъ, и замѣчаетъ: „у насъ можетъ всякій казакъ о дѣлѣ своемъ говорить, что намъ войску отъ Государственной Военной Коллегіи не запрещается“.—Казаки не ограничились жалобой на одного атамана,—на этотъ разъ они не пощадили и его сыновей, равно какъ и тѣхъ лицъ, которыя почему-либо пользовались довѣріемъ и расположеніемъ Меркурьева. Такъ казаки жаловались, что Иванъ Меркурьевъ, въ отсутствіе своего отца, выкосилъ всѣ сѣнные покосы, вопреки указамъ Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловитъ подъ учугомъ рыбу; собираетъ силою съ каждаго казака по 35 коп., ссылаясь на то, что войско задолжало его отцу 900 рублей; городскіе вѣсы самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за 160 руб., въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ атамана Меркурьева, есаулъ Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часоваго, оберегавшаго учугъ, причемъ ему помогалъ въ этомъ *«смертномъ боѣ»* деньщикъ его брата (Ивана) Ѳеодоръ Шумихинъ[b]). Вмѣстѣ съ тѣмъ войско жаловалось на Турыбрина, который, отправляясь въ 1737 г. походнымъ атаманомъ въ Низовый корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю на каждаго казака, а выдалъ по 60 к., остальныя же деньги удержалъ у себя. Когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употребилъ удержанныя имъ 200 рублей, то „Турыбринъ, скача съ рундука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе“.

Между тѣмъ, противная партія,—партія Меркурьева, не смотря

---

[a]) См. въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова (по описи № 22). Извлеченіе изъ книг. Казач. Повыт., № 33, стр. 258.

[b]) Третій сынъ Г. Меркурьева, Илья Меркурьевъ, по смерти своего отца, былъ войсковымъ атаманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще въ 1732 г. былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана хивинца Абыза и бухарца Джабора. См. въ черн. бумагахъ. І. И. Желѣзнова (по описи № 31) выписку изъ кн. Казач. пов. № 9, стр. 386.

на свою малочисленность, не оставила вышеприведенной жалобы безъ возраженія. На сторонѣ Меркурьева оказалось 88 старшинъ[a]), которые 10 декабря того же 1737 года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на Высочайшее имя. Старшины указывали въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходятъ, при обсужденіи дѣлъ, въ Войсковомъ Кругу; главнымъ виновникомъ всѣхъ неурядицъ въ войскѣ, агитаторомъ народной партіи старшины выставили старшину же Ивана Логинова: „а нынѣ въ войскѣ Яицкомъ",—говорится въ прошеніи,—„совѣтники Ивана Логинова Михайло Куклюевъ, Аѳанасій Черноноговъ и Иванъ Торшиловъ съ товарищи учинили не малое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе". Упоминаемыя здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ Григорья Меркурьева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, *«жалованныя патретъ и сабля снята»* [b]), а что самъ Меркурьевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, нелюбившая Меркурьева, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, ликовала и еще смѣлѣе и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ Кругу постоянно слышался шумъ, крикъ; о повиновеніи атаману и старшинамъ не могло быть и рѣчи. Старшины жаловались Императрицѣ, что *«въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакого присутствія производить стало невозможно»*; вмѣсто отцовъ, стали являться въ Кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣлъ стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, *«между собою стало чиниться смертное убійство»* [c]). Старшины, сторонники Меркурьева, составили реэстръ *«такихъ самовольниковъ»* и отправили его въ Военную Коллегію съ Григоріемъ Меркурьевымъ, который поспѣшилъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи четырехъ депутатовъ изъ старшинъ приверженной къ нему партіи: Якова Матвѣева, Тимоѳея Кириллова, Василія Севрюгина и Ивана Григорьева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 января 1738 года, а 4 марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копіи съ доношенія Яицкаго войска, на имя маіора Казанскаго гарнизона Алекина, находившагося въ Яицкомъ городкѣ съ сентября 1737 года, для разбора войсковыхъ несогласій и умиротворенія враждующихъ сторонъ. Алекину было предписано немедленно произвести слѣдствіе, согласно указамъ и данной инструкціи, такъ, чтобы въ мартѣ же

---

[a]) Имена и фамиліи всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи къ прошенію. См. чернов. бум. I. И. Желѣзнова, № 22, стр. 23–26.

[b]) Смотр. выше стр. 237.

[c]) Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г. кн. I, стр. 440),—въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева".

мѣсяцѣ того же года дѣло могло быть представлено на разсмотрѣніе въ Военную Коллегію. Въ случаѣ надобности, Алекину велѣно обращаться за помощью и совѣтами къ начальнику Оренбургской Экспедиціи, В. Н. Татищеву, которому также было о томъ сообщено особымъ указомъ, а казакамъ, подъ угрозою жесточайшаго наказанія, строго воспрещалось *„чинить безчинный крикъ и драки“*, во время слѣдствія *„о продерзкихъ проступкахъ“*.

Предписавъ маіору Алекину произвести слѣдствіе, Военная Коллегія приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьева отъ должности атамана и поручить ее временно другому, кого изберетъ само войско. Казаки, собравшись въ Кругъ, избрали въ атаманы *„вольными и согласными голосами“* Андрея Карпова, сторонника народной партіи. Но Меркурьевъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы устранить выбраннаго атамана отъ дѣлъ: онъ убѣдилъ Татищева въ политической неблагонадежности Карпова, который былъ арестованъ и отправленъ къ Татищеву въ Самару, а вмѣсто него былъ назначенъ станичный атаманъ Прытковъ, человѣкъ вполнѣ преданный Меркурьеву; онъ, арестовавъ Карпова и старшину Семена Землянушинова, приказалъ заковать ихъ въ кандалы и подъ конвоемъ отправить въ Самару. Послѣ этого, дѣла Меркурьева пошли лучше и обвиненія, взводимыя на него казаками, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то обстоятельство, что счетная часть велась у казаковъ на словахъ или на лоскуткахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подъ вліяніемъ интригъ Меркурьева и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ партіи: одни были за Меркурьева, другіе стояли за Логинова. Наконецъ Алекинъ представилъ въ Военную Коллегію экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи по этому дѣлу, а Военная Коллегія, при особомъ мнѣніи, передала его въ Верховный Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта, представленнаго Алекинымъ, видно, что Меркурьевъ обвинялся: 1) въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья 12355 рублей; 2) что не хотѣлъ давать никакого отчета въ росходованіи сборныхъ войсковыхъ суммъ; 3) что изъ положеннаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логиновъ, запѣвало противной Меркурьеву партіи, обвинялся: 1) въ томъ, что не могъ основательно доказать взведеннаго имъ на Меркурьева обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 годъ; 2) отрекся отъ своего показанія, будто Меркурьевъ не отдалъ 200 казакамъ, командированнымъ въ Оренбургъ, 700 р.; 3) что Меркурьевъ удержалъ около 450 р.

у 250 казаковъ, бывшихъ въ Низовомъ корпусѣ, и отказался дать о томъ отчетъ, когда его потребовали въ войсковой судъ; 4) въ томъ, что у казака Погребишина удержалъ жалованье и, кромѣ того, 4 р., взятые имъ у Погребишина на сбереженье. Указавъ на эти обвинительные пункты, Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурьева лишить чина и взыскать съ него удержанныя у казаковъ деньги 12355 рублей; съ старшины Логинова удержанныя имъ деньги также взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе Военной Коллегіи, 24 августа 1740 года состоялся именной высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Понеже оное между ними (казаками) несогласіе чрезъ много время продолжается и съ обѣихъ сторонъ по слѣдствію вины явились, отчего прочимъ казакамъ не малая обида и убытокъ причинены и дабы впредь такихъ обидъ тамошніе командиры [a] не чинили и надлежащихъ на раздачу казакамъ денегъ не удерживали и ими не корыствовались и по своимъ прихотямъ казаковъ обижать не могли, и казаки-бъ въ такомъ случаѣ на своихъ атамановъ судъ и управу сыскать могли, того ради указали мы учинить слѣдующее: 1) атамана Меркурьева, за учиненныя имъ казакамъ обиды, атаманства лишить, а за службы отца его, тако-жъ и его показанныя извѣстныя вѣрности, отъ взысканія вышеупомянутой положенной на него, по мнѣнію Военной Коллегіи, суммы освободить; а Логиновъ, хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежитъ штрафу, однако-жъ чиненныя отъ Меркурьева Яицкому войску обиды чрезъ него открылись, и для того и его Логинова отъ штрафа освободить же и все то дѣло оставить и уничтожить. И чтобы между ними памятозлобія, а отъ того впредь вражды быть не могло, того ради обоихъ ихъ съ Яика вывесть и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и именоваться имъ обоимъ тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить, старшинами [b]“. Далѣе въ указѣ говорится о томъ, чтобы впредь назначеніе атамана было предоставлено Высочайшей волѣ, Яицкое же войско обязывалось избирать на эту должность трехъ кандидатовъ *„изъ заслуженныхъ, богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ людей“;* обиженнымъ предоставлялось право являться съ жалобою въ Военную Коллегію; но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то поступать съ ними по всей строгости законовъ. Кромѣ того, указъ предписываетъ также ввести въ войскѣ приходо-расходныя книги за шнуромъ и войсковою печатью, а Военной Коллегіи поручено собрать свѣдѣнія о Яицкихъ казакахъ и составить

---

[a] Кабинетъ, видимо, былъ недоволенъ и дѣйствіями Татищева, державшаго сторону Меркурьева.

[b] П. С. Зак., т. XI, стр. 226–227, № 8215.

новый проэктъ объ управленіи войскомъ. Но демократическая воля въ Яицкомъ войскѣ до того была сильна, что они, попрежнему, не хотѣли слѣдовать указаніямъ Военной Коллогіи, и продолжали вести неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства[a]. Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: Яицкіе казаки продолжали слѣдовать старымъ обычаямъ, а по восшествіи на престолъ, 24 ноября 1741 г., Елизаветы Петровны, всѣ указы и постановленія предшествовавшаго правительства Брауншвейгской фамиліи были уничтожены или объявлены недѣйствительными. Такимъ образомъ прежнее устройство Яицкаго войска, ко времени вступленія въ управленіе Оренбургскимъ краемъ Неплюева, оставалось въ полной своей силѣ.

---

[a]) Щаповъ. Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

ГЛАВА X.

Набѣги и грабежи кочевниковъ.—Укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи.—Проэктъ Татищева о заселеніи Нижне-яицкой линіи и отношеніе къ нему Неплюева.— Укрѣпленіе этой линіи при Неплюевѣ и основаніе на ней казачьихъ форпостовъ.—Гурьевъ—городокъ и поселеніе при немъ казаковъ.—Илецкая станица и мѣры Неплюева къ ея укрѣпленію и безопасности.—Казачьи передовые посты за Яикомъ.—Результаты стратегической дѣятельности Неплюева.— Начало сибирской линіи крѣпостей и редутовъ.

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючьми слезами материнскими поливаны“

(*Изъ пѣсни Уральскихъ казаковъ*).

Со времени подчиненія Яицкаго казачьяго войска вѣдомству оренбургскаго губернатора, начинается и укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи.— До Неплюева по нижнему теченію рѣки Яика, начиная отъ Разсыпной крѣпости и до Гурьева—городка, на протяженіи болѣе 600 верстъ, были только два укрѣпленія: Яицкій—городокъ, или нынѣшній Уральскъ, и Гурьевъ—городокъ, находившійся на самомъ устьѣ Яика.—Такая беззащитность Нижне-яицкой линіи отъ сосѣднихъ кочевниковъ давала киргизамъ полную возможность свободно переходить на правую сторону рѣки, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежи и угонъ скота у самихъ Яицкихъ казаковъ и у кочевавшихъ по рѣкамъ Яику и Волгѣ калмыковъ. Киргизы сторожили казаковъ не только на лѣвой, такъ называемой, Бухарской сторонѣ Урала, но и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, по дорогамъ въ Самару и Сызранъ. Въ 1713 году партія каракалпаковъ и киргизовъ, въ числѣ 800 человѣкъ, напала на возвращавшихся изъ Сызрана съ хлѣбомъ казаковъ, изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ и увезены въ степь. Подобное же несчастіе случилось въ 1725 году и съ казаками, которые везли изъ Самары хлѣбъ[a].

---

[a]) Уральск. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 30.

Въ 1723 году шайка киргизъ и каракалпаковъ, состоявшая изъ 300 человѣкъ, явилась подъ самый Яицкій городокъ; захватила въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнала нѣсколько головъ скота.—Въ погоню за ворами отправились 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Тимоѳеева, но киргизы и сообщники ихъ, каракалпаки, успѣли скрыться въ свои улусы и погоня вернулась ни съ чѣмъ. На обратномъ пути въ Яицкій городокъ, отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой толпой киргизъ, состоявшей изъ 300 человѣкъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой; но казаки были разбиты и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ къ киргизамъ, что, между прочимъ, видно изъ доношенія въ Военную Коллегію яицкаго казака Михаила Бородина, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданнаго киргизами въ Хиву, откуда послѣ выкупилъ его прикащикъ казака Ивана Сидорова Лобика, татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтараста рублей[а]. Изъ архивныхъ бумагъ XVII в. видно, что у Яицкихъ казаковъ на рѣкѣ Утвѣ, а также и за Утвою, побоища съ киргизами бывали не рѣдко.

Воспоминаніе объ утвинскихъ побоищахъ Яицкихъ казаковъ съ киргизами досолѣ сохранилось въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ Уральскаго казачьяго войска; особенною популярностію пользуется на Уралѣ слѣдующая пѣсня, отличающаяся плавнымъ, заунывнымъ напѣвомъ:

„Какъ за славною за рѣкой
За Утвою,
За Утвинскими-то было
За горами,
Да распахана тамъ пашня
Яровая.
Пашня пахана не плугомъ,
Не сохою,
А распахана та пашня
Яровая
Мурзъ киргизскихъ да хивинскихъ
Копіями;
Выборонена та пашня
Яровая
Лишь копытами киргизскихъ
Дикихъ коней;

[а]) Уральскія Войсковыя Вѣдомости за 1869 г., № 32. Слич. въ „Русск. Архивѣ“ за 1879 г. (кн. 2, стр. 388, примѣчаніе 1) мое изслѣдованіе: *„Яицкое войско до появленія Пугачева“*.

И засѣяна не житомъ,
Не пшеницей,
А засѣяна та пашня
Яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ
Головами.
Добрый молодецъ засѣялъ,
Самъ уѣхалъ.
Ты рости, молъ, моя пашня,
Зеленѣйся,
На поливочку ужь ты, молъ,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя?—Развѣ что
Съ неба дождикъ,
Иль источитъ горьки слезы
Мать родная"![a]

Рѣка Утва, о которой здѣсь говорится, находится въ киргизской степи и впадаетъ въ Уралъ съ лѣвой стороны между Илецкимъ городкомъ и Уральскомъ; протяженіе ея около 300 верстъ; берега поросли тальникомъ и камышемъ. Киргизы думаютъ, что въ Утвѣ есть золотой камень, но открыто объ этомъ не говорятъ изъ опасенія, что русскіе сами поселятся на Утвѣ осѣдлою жизнію и овладѣютъ ея богатствомъ. Кстати замѣтимъ, что Утва дѣйствительно удобна для поселенія: по сторонамъ ея—прекрасные луга, а въ самой рѣкѣ довольно рыбы[b].

Нерѣдко Яицкіе казаки терпѣли непріятности и отъ кочевавшихъ близъ Урала калмыковъ, особенно отъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ улусахъ хана Черендундука, владѣльца Доржи—Назарова и его сына Лобжи.—Калмыки особенно донимали казаковъ отгономъ лошадей и рогатаго скота.—Въ 1735 г. Яицкіе казаки, выведенные изъ терпѣнія набѣгами калмыковъ, обратились съ слѣдующею жалобою въ Военную Коллегію: „Сего 735 году подбѣгаютъ подъ насъ нижайшихъ казачій городокъ, лѣтнимъ и осеннимъ временемъ, воровскіе калмыки и отгоняютъ конные и скотинные табуны многократно, а именно: въ нынѣшнюю весну 735 году отогнали коннаго табуна съ *пять сотъ лошадей*

---

[a]) См. пѣсни Уральскихъ казаковъ, записанныя М. 'И. Иваниным ъ, въ Отеч. Зап. 1848 г., № 4, Смѣсь, стр. 142. Замѣчательно, что Утвинскія побоища представляются въ образѣ жизни земледѣльческой, какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ": „*Черна земля подъ копытами, костями она была засѣяна, а кровію полита; тугою взыдоша по Русской земли*".

[b]) Изъ черновыхъ бумагъ І. И. Желѣзнова.

да коровьяго скота до *четыреста коровъ;* да еще, которые калмыки сидятъ на низъ по рѣкѣ Яику, рыбною ловлею насъ обижаютъ и казаковъ нашихъ, которые отпущаются отъ насъ за звѣревою охотою и за рыбною ловлею, воровскіе калмыки таковыхъ казаковъ нашихъ грабятъ и на смерть побиваютъ и разоряютъ безъ остатку, а безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами *военнаго промысла* чинить не имѣемъ. Того ради Государственную Военную Коллегію мы всенижайше войскомъ Яицкимъ просимъ, дабы милостивымъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было надъ оными воровскими калмыками чинить намъ *военный промыслъ,* понеже мы нижайшіе отъ такого калмыцкаго воровства пришли въ крайнюю скудность и разореніе" [a]. Военная Коллегія 16 февраля 1736 г. спрашивала Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, „можно-ль онымъ казакамъ позволить противъ показанныхъ воровскихъ калмыковъ воинскимъ обычаемъ отпоръ чинить", а 9 марта того же года получила слѣдующій отвѣтъ: „Во время на Яицкій городокъ и казаковъ воровскихъ калмыкъ нападенія, Яицкимъ казакамъ отпоръ отъ себя чинить и оныхъ воровъ побивать и ловить можно, чтобъ, видя то, и другіе калмыки такого воровства не чинили и отъ того унялись; а чтобъ въ отмщеніе обидъ надъ калмыцкими улусы (какъ войско Яицкое проситъ) чинить имъ надъ оными калмыки военный промыслъ, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ аппробовать не можетъ, и какъ Военная Коллегія разсудить изволитъ, что отъ такого позволенія можетъ произойти между ними явная война; а надлежитъ войску Яицкому объ обидахъ своихъ, какія имъ калмыки сдѣлаютъ, писать къ астраханскому губернатору и къ полковнику Беклемишеву, съ явными о томъ доказательствы, а они, губернаторъ и полковникъ Беклемишевъ, калмыцкимъ владѣльцамъ о томъ представлять и сатисфакцій требовать указы имѣютъ, а нынѣ къ нимъ, въ подтвержденіе прежнихъ, указы посланы будутъ".

Охраняя свою жизнь и имущество, Яицкіе казаки, по самому своему положенію, какъ пограничная военная сила, должны были защищать и другихъ поселенцевъ обширнаго Оренбургскаго края, входившихъ въ составъ Московскаго государства. Въ 1736 г. и въ началѣ 1737 г. киргизы, напавъ на Волжскихъ калмыковъ, многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ; въ 1738 г. повторилось то же, при чемъ были захвачены въ плѣнъ и русскіе [b]. Въ 1739 г. пострадали отъ киргизовъ рыболовы на Каспійскомъ

---

[a]) Прошеніе писано 25 ноября 1735 г. и послано съ атаманомъ зимовой станицы Никитою Трифоновымъ. См. бумаги І. И. Желѣзнова, по описи № 19. Извлечен. изъ книгъ Казачьяго Повытья, № 9, стр. 115.

[b]) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ, ч. II, стр. 127 и 131.

морѣ[a]; вслѣдъ за тѣмъ улусы калмыцкаго владѣльца Бая должны были выдержать нападеніе 2700 киргизовъ[b]; въ томъ же году на калмыковъ напали каракалпаки въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ[c], а киргизы, оставивъ на время въ покоѣ калмыковъ, грабившихъ въ свою очередь русскія селенія близъ Саратова[d], продолжали безпокоить Илецкихъ казаковъ и башкиръ[e] и, увлекая за собою послѣднихъ, снова обращались къ грабежу русскихъ селеній, какъ это, напримѣръ, было въ 1740 г.[f], или же угоняли скотъ у Яицкихъ казаковъ, а иногда захватывали въ плѣнъ и самихъ владѣльцевъ скота. Но особенно много привелось вынести горя отъ киргизъ пограничнымъ русскимъ селеніямъ въ 1743 г., когда толпы киргизъ, заключавшія въ себѣ по тысячѣ и по двѣ человѣкъ, нападали на русскихъ и увлекали за собою все, что только не могло спастись отъ нихъ или быть истреблено ими[g]. Главнымъ подстрѣкателемъ киргизовъ въ это время былъ Абулъ-Хаиръ ханъ, который желалъ, чтобы его сынъ Ходжи-Ахметъ, бывшій аманатомъ въ Россіи, былъ возвращенъ къ отцу и замѣненъ его побочнымъ сыномъ Чингизомъ; но русское правительство отказало ему въ этомъ и тѣмъ самымъ еще больше усилило ненависть Абулъ-Хаира противъ русскихъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь на р. Яикѣ (Уралѣ) въ прежнее время далеко была не безопасна и требовала постоянной, неусыпной бдительности и осторожности какъ пограничнаго начальства, такъ и самихъ казаковъ. Отмѣченные нами хищническіе набѣги кочевниковъ служатъ фактическимъ доказательствомъ того, что у Яицкихъ казаковъ, помимо внутреннихъ, не мало было и внѣшнихъ враговъ, съ которыми приходилось вести не только оборонительную, но иногда и наступательную борьбу, при чемъ, безспорно, достаточно было пролито и казачьей крови; не даромъ же поютъ и досель Уральскіе казаки:

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючьми слезами материнскими поливаны".

---

[a] Грамота Воен. Колл. отъ 16 янв. 1739 г. Изъ черн. бумагъ І. И. Желѣзнова № 6. Ср. Уральск. В. Вѣд. 1868 г. № 23, стр. 5.
[b] Указъ Татищева 30 апр. 1739 г., за № 2123.
[c] Грамота Воен. Колл. 25 мая 1739 г., за № 132.
[d] Указъ Оренб. канцел. 25 мая за № 4211.
[e] Грамота Воен. Кол. 31 мая 1739 г., за № 184. Ср. указъ отъ 9 сент. 1739 г.
[f] Указъ Урусова 24 янв. 1740 г.
[g] Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ и степей, ч. II, стр. 158.

Или: „Гдѣ кость лежитъ,—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась,—
Тамъ вязель сплелась;
Гдѣ слеза пала,—
Тамъ озеро стало".

Въ этихъ родныхъ звукахъ для Уральскихъ казаковъ мы видимъ выраженіе печальнаго прошлаго, исторически вѣрнаго положенія оберегателей русскихъ границъ на востокѣ; эта пѣсня—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ.

Яицкіе казаки, какъ пограничная военная сила, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги киргизовъ, каракалпаковъ, калмыковъ и башкиръ на русскія селенія, а также не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній. Кромѣ постоянной службы внутри Яицкаго городка, имъ не рѣдко приходилось снаряжать особыя команды или отряды и на линію: такъ въ 1739 году они должны были защищать башкиръ Ногайской дороги отъ киргизовъ, при чемъ ими было убито 10 чел., 50 чел. взято въ плѣнъ и отбито до 1000 лошадей[a]. Въ 1740 году былъ командированъ новый отрядъ Яицкихъ казаковъ, подъ командою атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородина, на низъ Яика *«за воровскими киргизъ-кайсаками»;* а въ слѣдующемъ году тотъ же Бородинъ отправленъ былъ на нижнюю дистанцію *«за прошедшими на волжскихъ калмыкъ»* киргизами[b]. Бывали даже такія тяжелыя времена, когда недоставало силъ у однихъ Яицкихъ казаковъ, для защиты края отъ кочевниковъ и требовалась помощь со стороны ихъ старшихъ братьевъ—Донскихъ казаковъ или драгунскихъ ротъ: такъ вслѣдствіе предписанія кн. Урусова, отъ 23 окт. 1739 г., была командирована рота драгунъ Астраханскаго гарнизона, чтобы удержать киргизовъ отъ нападенія на калмыковъ. Все это, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій по линіи, осложняло обязанности Яицкихъ казаковъ и увеличивало ихъ отвѣтственность за спокойствіе края. Поэтому правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы сберечь лучшія военныя силы края, тѣмъ болѣе, что число Яицкихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, простиралось до трехъ съ небольшимъ тысячъ человѣкъ. Имѣя въ виду малочисленность казаковъ и сознавая трудность обороны линіи отъ

---

[a] Указъ Оренб. канцеляріи 11 сент. 1739 г. за № 4463.

[b] Приговоръ Яицкаго войска о выборѣ въ атаманы Андрея Бородина. Изъ черн. бумагъ І. И. Желѣзнова, по описи № 1.

кочевниковъ, В. Н. Татищевъ подалъ проэктъ о поселеніи по р. Яику, съ цѣлію его обороны, ниже Яицкаго городка, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проэктъ Татищева былъ утвержденъ Петербургскимъ Кабинетомъ 21 января 1739 года, но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе его нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе. Между тѣмъ Яицкое войско, опасаясь, что новые поселенцы нанесутъ ему ущербъ въ рыболовствѣ, а также желая удержать за собою и нижнее теченіе рѣки, подало просьбу, въ которой обязывалось построить близъ урочищъ Калмыкова и Кулагина яра двѣ крѣпости и охранять какъ ихъ, такъ и всю линію до Гурьева-городка своими силами, прося лишь одного, чтобы на этомъ пространствѣ не заводили предполагаемаго поселенія драгунъ и дворянъ, уволили войско отъ внѣшнихъ командировокъ и отворили бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга по осьми саженъ съ каждаго.

Надобно замѣтить, что на четыре версты ниже нынѣшняго Гурьева, на мѣстѣ, называемомъ Брандвахтою, былъ устроенъ казенный учугъ, или перебой изъ бревенъ поперегъ всей рѣки; этотъ учугъ былъ сдѣланъ рыбопромышленниками, которымъ были отданы въ аренду гурьевскіе рыбные промыслы. Первоначально въ этомъ учугѣ съ обѣихъ сторонъ его были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8 саженъ; но впослѣдствіи, вѣроятно, откупщиками ворота эти были заперты, такъ-что рыба изъ моря могла проходить въ Уралъ только его боковыми устьями—рукавами, которыхъ въ то время было довольно и нѣкоторые изъ нихъ были очень глубоки. Къ этому-то учугу, а не къ уральскому, существующему и теперь, относятся разсказы о необыкновенномъ изобиліи рыбы въ то время. По преданію, сохранившемуся среди казаковъ, рыба такъ напирала на учугъ, что ее должны были разгонять пушечными выстрѣлами[a]. Эти учуги, какъ увидимъ, сдѣлались потомъ причиною частыхъ и большихъ споровъ и ссоръ, весьма затруднительныхъ для начальства, при разбирательствѣ дѣлъ между Яицкими казаками и астраханскими рыбопромышленниками. Казаки весьма недовольны были уже и тѣмъ, что гурьевскіе учуги были заперты, особенно когда боковыя устья рѣки мелѣли, по случаю малой прибыли воды въ Уралѣ; теперь же, когда правительство было намѣрено перевести на берега Урала самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ, казаки особенно пріуныли.—На сколь было непріятно для нихъ это предположенное поселеніе драгунъ и дворянъ,

[a]) Данилевскій. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи. Спб. 1860 г., т. III (Уральское рыболовство), стр. 28.

можно судить изъ того, что въ своей просьбѣ они, между прочимъ, говорятъ: „Отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ, и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся: *ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка за тѣмъ, что всегда будетъ пужена, проходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла или огнища, или же кто не вдеремя одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ*“ [a]).— „Нелѣпость словъ этихъ“,—замѣчаетъ Данилевскій,—„очевидна: если такое препятствіе, какъ гурьевскій учугъ, не могло задержать прохода рыбы въ Уралъ и она доходила до Яицкаго городка въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству самихъ же казаковъ, они отъ рыболовства *«все свое пропитаніе имѣли»;* то какимъ же образомъ могла остановить ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ поимка одной рыбы въ какое бы ни было время года или одинъ оружейный выстрѣлъ?! Все это, разумѣется, были не болѣе, какъ выдумки и довольно простоватыя, чтобы только отклонить предположенное поселеніе дворянъ и драгунъ и въ нихъ-то кроется, вѣроятно, начало той мысли, составляющее и до сихъ поръ коренное убѣжденіе большей части уральцевъ, что не только всякое судоходство, но даже всякій малѣйшій шумъ или огонь на берегу Урала пугаетъ рыбу“ [b]).

Не предрѣшая вопроса о томъ, что было бы лучше для края,—приведеніе ли въ исполненіе проэкта Татищева или удовлетвореніе просьбы Яицкаго войска,—мы изложимъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла при Неплюевѣ, которому Яицкіе казаки обязаны очень многимъ, какъ увидимъ дальше. Неплюевъ представилъ въ 1743 году въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ указываетъ на то, что предположенное заселеніе по нижнему теченію Яика дворянъ и драгунъ совершенно разорило-бы казаковъ, тогда какъ, по его выраженію, такой-де *«сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно».* Ссылаясь на просьбу Яицкаго войска, Неплюевъ находилъ выгоднымъ удовлетворить желаніе войска по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) тогда не потребуется отъ казны особыхъ расходовъ на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ; 2) при осуществленіи проэкта Татищева, на содержаніе драгунскаго полка и другихъ поселенцевъ необходимо было бы расходовать большія

---

a) Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. II, стр. 28—29. Слич. П. С. Зак., т. X, стр. 788—789.

b) Данилевскій. Изслѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи, ч. III, стр. 29. Какъ извѣстно, по всему теченію Урала до сихъ поръ нѣтъ ни судоходства, ни пароходства; попытка же братьевъ Ванюшиныхъ завести пароходное сообщеніе Оренбурга съ Уральскомъ кончилась неудачно.

суммы казенныхъ денегъ, тогда какъ въ способѣ, предлагаемомъ отъ войска, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и при томъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ оттого принести своею службою и больше пользы государству; 3) Казанскій драгунскій полкъ, самарскіе и алексѣевскіе дворяне могутъ быть съ выгодою употреблены на службу при Оренбургской Коммиссіи; 4) тѣхъ трудностей, которыхъ можно было бы опасаться, при поселеніи Казанскаго полка, въ доставленіи провіанта, фуража и полковой аммуниціи, тогда не будетъ; 5) разработка гурьевскихъ учуговъ и улучшеніе рыболовства усилятъ промышленность и торговлю, а слѣдовательно, 6) принесутъ казнѣ чистый барышъ, посредствомъ умноженія $^1/_{10}$ части рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызранѣ, чрезъ которые обыкновенно возили рыбу во внутренніе города Россіи[a]. Это мнѣніе Неплюева энергично поддерживала и Военная Коллегія. Между тѣмъ, Неплюевъ написалъ и къ Татищеву, какъ главному виновнику этого проэкта, стараясь доказать и ему непрактичность его плановъ. Татищевъ, принимая въ соображеніе доводы Неплюева и незначительность выгодъ[b], получаемыхъ казною отъ гурьевскаго учуга, не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но предложилъ отдать гурьевскій учугъ Яицкому войску вмѣсто жалованья, предоставивъ ему право сломать учугъ или оставить его въ свою пользу, что впослѣдствіи и подало казакамъ поводъ къ просьбѣ объ отдачѣ имъ гурьевскаго учуга на откупъ, какъ увидимъ дальше, въ главѣ о промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Такимъ образомъ, благодаря доводамъ Неплюева, Яицкое войско осталось полнымъ хозяиномъ на своей родной и кровной землѣ: Императрица Елизавета Петровна отмѣнила резолюцію Кабинета, состоявшуюся еще 21 января 1739 года, и особою грамотою 23 апрѣля 1743 г., данною на имя войсковаго атамана и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отвореніемъ гурьевскаго учуга на 8 саженъ съ каждой стороны, для прохода рыбы изъ моря вверхъ по Яику, „дабы чрезъ то казаки въ службы Ея Величества являлись исправны". Казакамъ позволено было селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ избранныхъ ими пунктахъ, именно около урочищъ Калмыкова яра и Кулагина яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пятисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежу-

---

[a]) Рабининъ. Уральское казачье войско, ч. I, стр. 35. Сравн. ч. II, въ прилож. стр. 29—30, X. Слич. П. С. З. т. XII, № 8620.

[b]) Въ два года, съ 1740—1742 г., доходъ этотъ составилъ 5037 р. 66 к.. слѣдовательно, годовой доходъ отъ гурьевскихъ учуговъ равнялся 2519 р. 16 к.

точныхъ пунктахъ «*основаться фундаментальными жилищами*» и своими разъѣздами между обѣими крѣпостями и, начиная отъ нихъ, въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую до Гурьева—охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки калмыковъ и киргизъ. Слѣдствіемъ этого было основаніе и устройство двухъ крѣпостей: Калмыковской и Кулагиной[a], положившихъ въ свою очередь начало форпостамъ Нижне-яицкой линіи и образовавшихъ цѣлую цѣпь укрѣпленныхъ поселеній, передовые посты или казачьи пикеты которыхъ находились на лѣвой сторонѣ Яика.

Укрѣпляя Нижне-яицкую линію и стараясь обезопасить ее отъ кочевниковъ, Неплюевъ всегда старался дѣйствовать согласно съ мнѣніемъ, желаніями и доводами самихъ казаковъ, которымъ лучше была извѣстна мѣстность по р. Яику и нравы сосѣднихъ кочевниковъ-барантачей[b]. Такъ, когда полковникъ Пальчиковъ, при особомъ рапортѣ, сообщилъ Оренбургской канцеляріи мнѣніе Яицкаго войска относительно того, что особенно нуждается въ наилучшемъ укрѣпленіи и наибольшемъ числѣ казаковъ мѣстность около и ниже Индерскихъ горъ; то Неплюевъ отвѣчалъ: „означенное ваше мнѣніе по разсмотрѣніи, для показанныхъ отъ васъ обстоятельствъ, здѣсь аппробуется“[c]. Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ: такъ какъ, по наблюденіямъ казаковъ, киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Яика, особенно въ лѣтнее время, около Индерскихъ горъ и ниже ихъ къ Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья рѣки по льду; то Пальчиковъ доносилъ, что Яицкое войско считаетъ необходимымъ увеличить комплектъ сторожевыхъ казаковъ въ той части линіи, которая находится между Индерскими горами и Гурьевымъ, представляя притомъ, что „если тѣ форпосты поставить до Гурьева въ семи мѣстахъ, команду по сту человѣкъ поровну; то видится весьма можетъ быть неудобно; къ тому-жъ, ежели по ровной дистанціи по сту верстъ тѣ команды поставить, то въ проѣздъ чрезъ Яикъ воровъ никакого препятствія быть не можетъ, ибо-де тѣ команды чрезъ сто, или хотя въ срединѣ чрезъ пятьдесятъ верстъ, скоро поспѣшить не могутъ“[d]. Неплюевъ, согласившись съ мнѣніемъ войска, предписалъ, чтобы, какъ только будутъ назначены опредѣленные пункты для форпостовъ, войско немедленно указало ихъ кондуктору Куликову, который долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстность каждаго изъ нихъ въ отношеніи удобства, составить

---

[a]) Кулагина крѣпость наход. во 120 в., а Калмыкова въ 200 в. отъ Гурьева.
[b]) Баранта—набѣгъ, грабежъ, особенно изъ мести.
[c]) Указъ 19 марта 1746 г. См. у Рябинина ч. II, стр. 11 и 12. Прилож. VI (а не IV, какъ означено въ „Р. Архивѣ“ 1879 г. кн. II, стр. 395).
[d]) Тамъ же, стр. 12.

ландкарту и учинить реэстръ поверстнаго ихъ разстоянія.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Яика имѣлись караулы и „въ степь подъѣзды", желая черезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ велѣно было устроить на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ „маяки высокіе" и обвязать ихъ камышемъ или другою какою сухою травой. При появленіи хищническихъ шаекъ, если онѣ только были довольно значительны числомъ, маяки эти зажигали одинъ за другимъ и въ нѣсколько часовъ давали знать всей полинейной стражѣ о приближавшемся нападеніи киргизовъ. Форпосты, заключавшіе въ себѣ не менѣе ста человѣкъ, должны были имѣть по одной пушкѣ и какое-либо укрѣпленіе, а въ двѣ крѣпости Неплюевъ приказалъ дать по двѣ пушки со всѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія сильнаго отряда, можно было безопасно и съ большимъ успѣхомъ вести оборону. Казакамъ приказано: „всякое стараніе имѣть быть доброконнымъ, а во время нужды о дву-конь, ибо киргизы на воровство всегда поднимаются не меньше, какъ о дву или о трехъ-конь,—такъ безъ доброконныхъ лошадей надъ ними учинить и ничего невозможно"[a]. Сѣвернѣе Яицкаго городка, гдѣ также нерѣдко появлялись киргизы, Неплюевъ приказалъ до самаго Илецкаго городка въ удобныхъ мѣстахъ сдѣлать зимовки, учредить и содержать при нихъ постоянный караулъ зимой и лѣтомъ. Мѣста для такихъ зимовокъ и карауловъ должны были указать сами казаки, а кондуктору Куликову велѣно описать тѣ мѣста, измѣрить ихъ взаимное разстояніе и составить имъ ландкарту.—Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впослѣдствіи такъ называемыя реданки[b] и трети, расположенныя по правому[c] и лѣвому[d] берегу Урала. На реданкахъ и третяхъ въ прежнее время всегда находилось нѣсколько казаковъ изъ линейной стражи, какъ передовой караулъ; они-то и зажигали маяки, въ случаѣ нападенія киргизовъ. Вслѣдствіе этихъ распоряженій со стороны Неплюева возникла слѣдующая цѣпь форпостовъ, существующихъ доселѣ: Сарайчиковъ[e], Ямапхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ[f], Харькинъ, Красный Яръ, Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки (нынѣ Каленовскій), Сахарный, Мергеневъ, Сундаевъ, Кожаха-

---

[a]) Тамъ же, стр. 13.

[b]) Реданка строилась на половинѣ разстоянія отъ одного форпоста до другаго, а треть—между реданкой и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки наход. по трети, или третному пикету.

[c]) Отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева городка на протяженіи 400 верстъ.

[d]) Отъ Бударинскаго форпоста вверхъ по Яику до Илецкихъ дачъ.

[e]) На мѣстѣ развалинъ стариннаго городка Сарайчика.

[f]) Кошъ-Яикъ противъ Индерскихъ горъ, въ 555 верстахъ отъ Оренбурга.

ровъ, Бударинъ, Кошъ-Якъ[a]), Чаганскій[b]) и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся городками[c]). Во всѣхъ поименованныхъ форпостахъ казаки постоянно обязаны были содержать два полка въ полномъ комплектѣ, при чемъ число всѣхъ казаковъ, вмѣстѣ съ старшинами, должно было равняться 1016 чел. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ форпостовъ были обращены въ крѣпости, такъ на *«картѣ Нижней Яицкой дистанціи»* Красильникова, составленной въ 1755 году, форпосты: Баксаевъ, Тополевой, Сахарный, Кошъ-Яицкій, противъ Индерскихъ горъ, и Сарайчиковскій показаны и названы крѣпостями[d]), хотя Рычковъ въ своей „Топографіи Оренб. губ." оставилъ за ними первоначальное названіе форпостовъ[e]).

Въ то самое время, какъ заселялась и укрѣплялась Нижнеяицкая линія, на самомъ южномъ краю ея, въ Гурьевѣ-городкѣ, потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона; поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія киргизовъ, обойдя яицкіе форпосты моремъ, напала на русскія селенія и калмыковъ, кочевавшихъ по лѣвому берегу Волги и произвела *«великое разореніе»*. Въ предотвращеніе подобныхъ несчастій на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и астраханскому губернатору, д. камергеру Брылкину, войти во взаимное соглашеніе, относительно обсужденія мѣръ предосторожности отъ набѣговъ киргизъ. Неплюевъ и Брылкинъ, обсудивъ сообща этотъ вопросъ, нашли необходимымъ увеличить Гурьевскій гарнизонъ сотней казаковъ; но они расходились въ мнѣніи касательно источника, изъ котораго могла бы быть скомплектована эта сотня. Неплюевъ, за малолюдствомъ Яицкихъ казаковъ, предлагалъ сформировать эту сотню изъ Волжскихъ казаковъ внутренней Царицинской линіи, а Брылкинъ, ссылаясь на малочисленность послѣднихъ, находилъ болѣе удобнымъ переселить въ Гурьевъ сто семей изъ Донскихъ казаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ оба эти мнѣнія, въ промеморіи Военной Коллегіи сообщила, что она вполнѣ раздѣляетъ въ принципѣ мнѣніе Неплюева и Брылкина объ увеличеніи Гурьевскаго гарнизона, состоящаго изъ 120 чел. солдатъ, сотней конныхъ казаковъ и притомъ находитъ необходимымъ

---

[a]) Противъ озера Грязнаго, въ 326 верстахъ отъ Оренбурга.

[b]) Форпосты поименованы здѣсь въ восход. порядкѣ, начиная отъ Гурьева къ Яицкому городку (Уральску). Смотр. въ приложеніи № 25.

[c]) Кулагинскій—городокъ наход. между Зеленымъ Колкомъ и Гребенщиковымъ форпостами, а Калмыковскій—городокъ между Котельнымъ и Антоновымъ форпостами.

[d]) См. Оренб. губ. съ прилежащими къ ней мѣстами по „Ландкартамъ" Красильникова и „Топографіи" П. И. Рычкова, 1755 г. Изд. Оренб. Отд. Импер. Геогр. Общ. Оренбургъ 1880 г., карта 10.

[e]) Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г. Оренб., стр. 295.

укрѣпить слободу, въ которой поселятся казаки, *«обнеся острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ»*. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не нашла возможнымъ принять мнѣнія Неплюева и Брылкина, относительно источника скомплектованія сотни казаковъ. Мнѣніе Неплюева не было принято потому, что съ выселеніемъ въ Гурьевъ сотни Волжскихъ казаковъ ослабилось бы положеніе Саратова, Димитріевска, Чернаго Яра и другихъ волжскихъ городовъ. Что же касается до выселенія Донскихъ казаковъ, предложеннаго Брылкинымъ; то, по мнѣнію той же Коллегіи, на Донскихъ казакахъ должна была лежать обязанность охраненія границъ отъ Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ, при томъ же изъ Донцевъ,—говорится въ промеморіи,—бываютъ частыя командировки къ Персидскимъ границамъ и въ другіе дальніе походы. Отрицая такимъ образомъ оба мнѣнія, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ спрашивала Военную Коллегію: не найдетъ ли она возможнымъ и болѣе удобнымъ выселить въ Гурьевъ Дубовскихъ казаковъ, или, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, изъ Яицкаго войска. Военная Коллегія положила спросить о томъ Яицкое войско. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ препроводила 23-го сентября того же года указъ, изъ котораго видно, что 30 мая и 22 іюня 1747 г. Брылкинъ представлялъ, что въ 1746 году имъ было командировано въ Гурьевъ Красноярскихъ и Астраханскихъ казаковъ 50 чел., а вмѣсто ихъ на форпосты были употреблены Донскіе казаки. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ приказала Брылкину Донскихъ казаковъ отпустить, а Неплюеву было предписано, до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, содержать въ Гурьевѣ въ зимнее время 50 чел. изъ Яицкаго войска попеременно и нѣсколько человѣкъ изъ Астраханскихъ городскихъ казаковъ, о чемъ было сообщено и Брылкину, если только ему „тамошняя коньюнктура (обстоятельство) дозволитъ" [a]). Такимъ образомъ, сверхъ 1016 чел., расположенныхъ на форпостахъ по нижнему теченію Яика, начиная отъ Яицкаго городка, Яицкое войско должно было каждую зиму, впредь до новаго указа, посылать въ Гурьевъ 50 челов. да въ новоучрежденный форпостъ близъ Илецкаго городка—20 чел., итого 1086 чел. Но дѣло о поселеніи при Гурьевѣ казаковъ этимъ не окончилось.

Брылкинъ, въ отвѣтъ на опредѣленіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, полученное имъ 11 ноября 1747 г., сообщилъ въ Военную Коллегію 18 ч. того же ноября мѣсяца, что онъ, въ силу указа Коллегіи Ино-

---

[a]) См. Указы 1747 г. въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 19, лист. 163 и 164. Здѣсь находит. подлинный указъ Колл. И. Д. за № 466, за подписью графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, гр. Михаила Воронцова, переводч. Александра Турчанинова и подканцеляриста (рукою котораго указъ и писанъ) Петра Попова.

странныхъ Дѣлъ, отъ 23 сент. 1747 г., полученнаго имъ 14 октября, несмотря на недостатокъ въ Астрахани казаковъ, опредѣлилъ отправить въ Гурьевъ изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ казаковъ 25 чел. подъ команду гурьевскаго коммендантa, поручика Боборыкина, который долженъ былъ дать имъ наставленія, „какъ разъѣзды чинить и во время прихода киргизъ-кайсаковъ поступать“. Брылкинъ приэтомъ увѣдомилъ также Военную Коллегію и о томъ, что онъ писалъ Неплюеву, дабы послѣдній въ опредѣленный срокъ отправилъ въ Гурьевъ 50 человѣкъ „доброконныхъ и оружейныхъ казаковъ, при одномъ старшинѣ и съ надлежащимъ на зимніе мѣсяцы, пока они тамъ пробудутъ, провіантомъ, а на лошадей—овсомъ“. 9 февраля слѣдующаго 1748 г. Военная Коллегія донесла Сенату, что она находитъ возможнымъ на первый разъ поселить въ Гурьевѣ 70 человѣкъ, назначивъ для того изъ Саратовскихъ и Димитріевскихъ казаковъ 20 челов., изъ Царицынскихъ и Черноярскихъ—15 чел., изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ—15 чел. и изъ Волжскихъ, или Дубовскихъ—20 чел., а недостающее число до ста посылать съ перемѣною изъ Яицкаго войска.—При этой сотнѣ, по мнѣнію Военной Коллегіи, должно быть одному сотнику, двумъ урядникамъ, одному хорунжему и двумъ капраламъ; жалованье имъ полагалось производить наравнѣ съ Астраханскими казаками, а именно: сотнику 12 р. деньгами, муки и овса по 12 четвертей; хорунжему 10 р. и по 10 четвертей муки и овса; урядникамъ по 9 р., муки по 5 четв., овса по 8 четвертей; капраламъ по 8 руб., муки по 4 ч., овса по 7 четв.; рядовымъ по 8 руб., муки по 3 ч. и овса по 6 четв. Сверхъ того, по примѣру переселенныхъ съ Дона на Волгу казаковъ, положено было выдать на каждую казачью семью по 12 р. на постройку домовъ, также по 6 ч. муки и по 3 четв. овса и крупъ для ихъ содержанія. На это представленіе Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 15 февр. 1748 г., отвѣчала, что она считаетъ невозможнымъ поселить въ Гурьевѣ означенныхъ казаковъ, такъ-какъ по справкѣ въ Военной Коллегіи оказалось, что въ Астраханской губерніи числится только 500 казаковъ[a] и тѣ всѣ заняты: при калмыцкихъ дѣлахъ[b] 200 чел.[c], при соляныхъ дѣлахъ 150 чел., остальные 150 чел. содержатъ почту и караулъ при Силистренскомъ Ахтубинскомъ городкѣ:

---

[a]) Которые были распредѣлены такъ: въ Саратовѣ 200 ч., въ Димитріевскѣ—50, въ Царицынѣ—100, въ Черномъ Яру—100 и въ Красномъ Яру—50. Въ книгѣ Н. Попова: „Татищевъ и его время“ (стр. 647) показаны цифры нѣсколько бо̀льшія.

[b]) Копія съ указовъ Верх. Тайн. Сов. 1727 г. и Каб. министровъ 1739 г. въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54.

[c]) Саратовскихъ 100, Димитріевскихъ 25, Царицынскихъ 45 и Черноярскихъ 30 человѣкъ.

отправляютъ подводы, употребляются въ конвояхъ, разъѣздахъ и другихъ посылкахъ. Въ Астрахани казаковъ изъ новокрещенныхъ калмыковъ и русскихъ оказалось 219 человѣкъ, изъ нихъ 97 конныхъ и 122 пѣшихъ: 40 человѣкъ находилось при Гурьевѣ для кошенія сѣна и сторожевыхъ разъѣздовъ, 100 челов. были на форпостахъ за Краснымъ Яромъ, а остальные 79 чел. отправлялись въ конвояхъ къ Кизляру и въ Черный Яръ. Что же касается Волжскихъ казаковъ, или Дубовскихъ, то ихъ числилось 1157 человѣкъ[a]. Вслѣдствіе такого мнѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатъ приказалъ: „При Калмыцкихъ дѣлахъ въ Астрахани, въ командѣ полковника Спицина, быть казакамъ, по силѣ указовъ 1727 и 1739 годовъ, 200 челов. съ перемѣною погодно, какъ то въ 1742 г. опредѣлилъ бывшій астраханскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, а при подполковникѣ Чемодуровѣ[b] опредѣлить 150 человѣкъ изъ оставшихся за назначеніемъ въ команду Спицина, также изъ Царицинскихъ, Красноярскихъ, Черноярскихъ и Димитріевскихъ казаковъ, а чего недостанетъ, пополнить изъ Волжскихъ казаковъ атамана Персидскаго „доброконныхъ, непрестарѣлыхъ и немалолѣтнихъ“. Въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ, велѣно было употребить къ оборонѣ извѣстную часть изъ числа казаковъ, состоявшихъ при подполковникѣ Чемодуровѣ[c], о чемъ Сенатъ и препроводилъ указы въ В. Коллегію, Чемодурову и въ Астраханскую губернскую канцелярію 9 января 1748 года[d].

Военная Коллегія, какъ видно, сильно отстаивала мнѣніе Неплюева, что изъ Яицкаго войска не слѣдовало бы брать еще 100 казаковъ, для службы въ Гурьевѣ, представляя, между прочимъ, въ основаніе и тотъ фактъ, что „Яицкіе казаки во всегдашнихъ въ разныя мѣста раскомандированіяхъ обращаются и два городка собою содержатъ, такожъ и для поисковъ за непріятелями во всегдашнія партіи употребляются и предъ другими, по необходимости, весьма службою отягощаемы бываютъ, однакожъ оную добропорядочно и ревностно отправляютъ“. Пригласивъ въ присутствіе совѣтника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Бакунина[e], Воен. Коллегія, согласно мнѣнію послѣдняго, постановила взять для поселенія при Гурьевѣ 19 человѣкъ изъ Астраханскихъ казаковъ, 15—изъ Царицинскихъ и Черноярскихъ, 10—изъ Краснаго Яра, 4—изъ Саратова и 2—изъ Димитріевска, всего 50 человѣкъ.

---

[a] См. „Татищевъ и его время“ Н. Попова, стр. 640 и слѣд.
[b] Чемодурову было поручено заготовленіе соли изъ Элтонскаго озера для Саратовскаго и Димитріевскаго соляныхъ магазиновъ.
[c] П. С. З. т. XIII, №№ 9594; 9725; 9729.
[d] См. промеморію В. Колл. 20 мая 1748 г.
[e] П. С. З. т. XIII, № 9640.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ должна была войти въ сношеніе съ упомянутыми городами и довести о результатахъ до свѣдѣнія Военной Коллегіи. Между тѣмъ изъ Сената послѣдовалъ указъ, въ которомъ было сказано: „Когда при Гурьевѣ-городкѣ поселится изъ Яицкихъ казаковъ сто семей, или, сверхъ учрежденной для форпостовъ тысячной команды, войско будетъ содержать при самомъ Гурьевѣ по 100 чел. доброконныхъ и оружныхъ, опредѣлено будетъ, сверхъ уже положеннаго жалованья[a]), отпускать на содержаніе этихъ 100 чел. по 2000 р. въ годъ“ [b]). Штатсъ-контора должна была выдать эти деньги въ распоряженіе Военной Коллегіи, а Неплюеву было предписано, чтобы онъ представилъ въ Военную Коллегію свѣдѣнія относительно того, сколько должно находиться при этой сотнѣ чиновъ и какіе слѣдуетъ опредѣлить оклады жалованья какъ чинамъ, такъ и простымъ казакамъ. Штатсъ-контора обратилась въ Военную Коллегію съ запросомъ, съ какого времени должно начать отпускъ суммы въ 2000 р. на усиленіе Гурьевской сторожевой роты, такъ-какъ въ прежнемъ указѣ объ этомъ не было упомянуто.—Военная Коллегія, не зная, была-ли командирована къ Гурьеву сотня Яицкихъ казаковъ, спросила о томъ Неплюева, который и препроводилъ въ В. Коллегію полученный имъ отъ Яицкаго войска рапортъ, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „означенное число изъ рядовыхъ казаковъ при атаманѣ Иванѣ Портновѣ, при одномъ есаулѣ, сотникѣ, хорунжемъ, писарѣ, толмачѣ и 94 рядовыхъ, всего 100 ч. доброконныхъ и оружныхъ въ Гурьевъ-городокъ въ команду къ Гурьевскому коменданту командированы и 6 марта 1749 года въ путь выступили“.— Получивъ доношеніе Неплюева, Военная Коллегія предписала Штатсъ-конторѣ немедленно выдать 2000 р. войсковому атаману Меркурьеву, находившемуся въ Петербургѣ съ зимовой станицей, а 19 іюля того же года Яицкое войско получило изъ Военной Коллегіи указъ, въ которомъ, послѣ подробнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, было сказано, чтобы войско, по возвращеніи атамана Меркурьева, обсудило, какъ оно найдетъ болѣе удобнымъ: „или и впредь оное число казаковъ въ тотъ Гурьевъ посмѣнно и ежегодно командировать, или же фундаментально поселить при ономъ сто казачьихъ семей“ [c]).

---

a) 4138 р. 30 к. См. П. С. З. т. XII, №№ 8689 и 8918. Слич. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 86.

b) По смѣтѣ же Военной Коллегіи 9 февраля 1748 года требовалось больше, а именно: на 100 человѣкъ казаковъ при одномъ сотникѣ, одномъ хорунжемъ, 2 урядникахъ и двухъ капралахъ, 856 руб. деньгами, 340 четв. муки, 652 четв. овса и на первоначальное заведеніе: 1200 р. деньгами, 600 четв. муки, 300 четв. овса и 300 четв. крупъ.

c) См. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54; здѣсь находятся копіи съ промеморій и указовъ В. Коллегіи, извлеченныя изъ кн. Казачьяго Пов. № 72. Слич. ст. Корина: „Гурьевъ-городокъ и гурьевскіе учуги“ въ Уральск. Войск. Вѣдомост. за 1872 г., № 30.

Не входя въ дальнѣйшія подробности поселенія при Гурьевѣ сотни Яицкихъ казаковъ, мы и изъ этого краткаго очерка можемъ видѣть, что Неплюевъ, заселяя и укрѣпляя Нижнеяицкую линію, не только отстоялъ существованіе казачьей Яицкой общины, но наравнѣ съ самими казаками заботился объ ихъ интересахъ и щадилъ силы казаковъ, энергично отстаивая свое мнѣніе, что *«Яицкіе казаки противу прочихъ различными службами отягощаемы бываютъ»*. Но въ данномъ случаѣ обстоятельства сложились такъ, что Яицкимъ же казакамъ пришлось сторожить и Гурьевъ, хотя, какъ мы знаемъ, и не безъ вознагражденія; впрочемъ, какъ увидимъ это дальше, поселеніе Яицкихъ казаковъ въ Гурьевѣ послужило къ ихъ же выгодамъ. Объ основаніи Гурьева-городка находятся слѣдующія свѣдѣнія въ доношеніи оренбургскаго губернатора, кн. Волконскаго графу Аракчееву[a]): „Гурьевъ городокъ построенъ первоначально не отъ казны, но купцомъ изъ великороссійскихъ народовъ, Михайлою Гурьевымъ, гораздо прежде заселенія Уральской линіи нынѣшними казаками, еще во времена варварства, когда татары Золотой Орды были владѣльцами въ имѣвшемся отъ Гурьева, вверхъ по рѣкѣ Уралу, татарскомъ городкѣ Сарайчикѣ. Купецъ Гурьевъ былъ привлеченъ къ сему мѣсту выгодами рыбной промышленности. Сначала онъ платилъ подать татарскимъ владѣльцамъ за дозволеніе производить безопасно рыболовство въ устьѣ р. Урала и при берегахъ Каспійскаго моря; но приведши въ Гурьевѣ крѣпостное строеніе въ оборонительное состояніе, онъ отказался отъ платежа дани и, защищая свою собственность, такъ усилился, что промыслы свои могъ производить безпрепятственно, заимствуясь необходимыми для того людьми изъ Астрахани и другихъ мѣстъ“ [b]).

Такимъ образомъ, первоначальное основаніе, которое нѣкоторые относятъ къ концу первой половины XVII ст.[c]), и заселеніе Гурьева городка было результатомъ желанія частнаго лица обезопасить рыбные промыслы отъ нападеній и грабежей сосѣднихъ кочевниковъ и татаръ; слѣдовательно,

---

[a]) Въ началѣ текущаго столѣтія Гурьевъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, почему военный министръ, гр. Аракчеевъ, вмѣсто возобновленія Гурьева, думалъ было построить крѣпость, въ 57 верст. отъ города, выше по Уралу, на мѣстѣ древняго Сарайчика, какъ представлялъ генералъ-инженеръ Князевъ; но Аракчеевъ счелъ за полезное спросить сначала мнѣніе о томъ оренбургскаго губернатора. Князь Волконскій въ ноябрѣ 1810 г. заявилъ, что, по его мнѣнію, лучше не дѣлать никакихъ укрѣпленій и отдать Гурьевъ въ полное распоряженіе Уральскихъ казаковъ, которые обязались возобновить городъ, возвести въ немъ нужныя укрѣпленія на свой счетъ и содержать въ городѣ постоянно 200 челов. казаковъ, что и было принято и утверждено особымъ указомъ. См. въ черн. бумаг. І. И. Желѣзнова, по описи его бум. № 68.

[b]) Тоже самое говоритъ объ основаніи Гурьева и Рычковъ. См. Топогр. Оренб. губ., ч. II стр. 22.

[c]) Н. А. Ѳирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 320. Ср. І. И. Желѣзнова: „Уральцы“, ч. II, стр. 66.

основателю его, какъ замѣчаетъ кн. Волконскій,—не могло придти и въ голову тѣхъ затрудненій, которыя должно было испытать Московское правительство, принявшее впослѣдствіи Гурьевъ въ казну, относительно расположенія въ немъ „воинскихъ командъ". Со времени поступленія Гурьева въ казну и причисленія его къ Астраханской губерніи, при самомъ устьи Яика, въ пяти верстахъ отъ города была устроена брандвахта [a], или отводный караулъ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы въ морѣ не было „грабительства, неуказаннаго рыболовства и проѣзжихъ судовъ безъ вида"; въ самомъ же городѣ была расположена рота Астраханскаго гарнизона, для защиты рыбопромышленниковъ отъ киргизъ и другихъ кочевниковъ. Подъ прикрытіемъ Гурьева, былъ устроенъ на устьи Яика учугъ, или перебой изъ бревенъ поперегъ всей рѣки, чтобы черезъ то преградить путь морской рыбѣ вверхъ по Яику.

Яицкіе казаки очень хорошо сознавали всѣ невыгоды, какія имъ придется испытывать съ построеніемъ Гурьева и особенно его учуговъ, наносившихъ значительный ущербъ рыболовству казаковъ; почему они вначалѣ всячески старались воспрепятствовать построенію Гурьева, но безъ успѣха. Изъ актовъ видно, что еще въ 1649 году Яицкіе казаки мѣшали построенію Гурьева: „атаманъ Кондыревъ съ товарищи городовые многіе запасы погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло припасать вверхъ по Яику рѣкѣ не дали" [b]. Въ 1667 г., подъ командою Васьки Касимова, они спустились по Яику, разграбили Гурьевъ и ушли въ Каспійское море, гдѣ на разныхъ островахъ и дѣлили добычу или, по ихъ выраженію, *«дуванъ дуванили»*. Главными ихъ притонами здѣсь были острова: Камынинъ, Каменный, Святой и Песчаный; особенно казаки любили островъ Камынинъ [c]. Этотъ островъ упоминается и въ пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ; такъ въ концѣ пѣсни: „Яикъ ты нашъ, Яикушка"... говорится:

„За Гурьевымъ впадалъ ты,
Нашъ Яикушка,

---

a) Въ августѣ 1770 г. брандвахта была уничтожена, вслѣдствіе распоряженія оренб. губернатора Рейнсдорпа. См. его рапортъ, отъ 5 авг. 1770 г., въ черновыхъ бумаг. І. И. Желѣзнова, № 34, стр. 14.

b) Акты Историч., IV, № 40.

c) Островъ Камынинъ имѣетъ въ длину около 2 верстъ, а въ поперечникѣ отъ 30 до 40 саж. Берега его съ восточной стороны обрывисты. Грунтъ острова составляетъ преимущественно ракуша и только по срединѣ острова тянется илистая полоса, не болѣе какъ въ 30 кв. саж., поросшая камышомъ. Съ восточной стороны Камынина есть небольшая бухта, проходъ въ которую глубиною въ 5 футовъ; въ эту бухту нерѣдко набирается много сазана. Съ юго-восточной оконечности о—ва идетъ подводная коса, а въ концѣ ея шалыга, имѣющая въ окружности приблизительно до 35 саж. и возвышающаяся болѣе чѣмъ на 4 фута подъ уровнемъ моря. См. Урал. Войск. Вѣд. 1877 г.; № 9, стр. 3, столб. 2. Ср. Доп. къ Акт. Истор., т. VII, № 48, стр. 249 и дал.

Въ батюшку сине-море,
Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ;
Старики, братцы, старожилые,—
Они по девяносту лѣтъ;
Съ покоренной Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ".

Здѣсь они иногда зимовали и заготовляли себѣ струги, въ которыхъ разгуливали по Каспійскому морю и нападали на персидскія прибрежныя селенія. Случалось, что *«удалые казаченки»*, небоявшіеся *«синя-моря Хвалынскаго»*, попадали въ руки персіанъ и, для спасенія своей жизни, принимали даже ихъ вѣру, или, по выраженію актовъ, *«обасурманивались»*, какъ это, напримѣръ, было въ 1678 году, когда двадцать казаковъ, выброшенные бурею на берегъ въ Баку, попали въ плѣнъ къ персидскому Шаху[a]. Московское правительство, усмиривъ Разинское возмущеніе, въ которомъ принимали участіе и Яицкіе казаки, стало сильно и на нижнемъ Яикѣ. Въ 1670 г. оно подчинило, какъ мы уже знаемъ, Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на внѣшнюю службу. Яицкіе казаки исправно и съ отличіемъ несли возлагаемыя на нихъ военныя командировки, но Гурьевъ съ его учугами былъ у нихъ, по прежнему, „бѣльмомъ на глазу". Наконецъ, благодаря содѣйствію и энергіи Неплюева, имъ удалось добиться и того, что гурьевскіе учуги, какъ мы уже видѣли, были отворены съ обѣихъ сторонъ на 8 саж. и Яицкому же войску, препятствовавшему вначалѣ возникновенію Гурьева, пришлось охранять его отъ набѣговъ и грабительства киргизовъ, а потомъ и совершенно завладѣть имъ. Намъ уже извѣстно, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ выразила желаніе, чтобы „Гурьевская слобода", въ которой поселятся казаки, была обнесена острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ, поэтому Неплюеву предстояло теперь позаботиться объ укрѣпленіи Гурьева.

Въ настоящее время Гурьевъ-городокъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, но въ старину онъ былъ окруженъ каменною стѣною[b] съ башнями по угламъ, которая въ 1753 году, когда Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Яицкаго войска и подчиненъ вѣдомству оренбургскаго губернатора,

---

[a]) Дополн. къ Актамъ Историч., т. VII, № 48, стр. 260.
[b]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 23.

вся обвалилась[a]; почему Неплюевъ положилъ устроить новое укрѣпленіе, и въ 1754 году поручилъ инженеръ-капитану Назимову осмотрѣть Гурьевъ и узнать, какъ идутъ тамъ работы по устройству городской стѣны. Назимовъ, по пріѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что, за недостаткомъ строительнаго матеріала и недоставленіемъ отправленнаго изъ Оренбурга, работы даже не были и начаты до его пріѣзда, и что при немъ только приступлено къ постройкѣ разобранныхъ прежде каменныхъ стѣнъ по плану, утвержденному Неплюевымъ.—Мѣстность, на которой находился тогда Гурьевъ-городокъ, Назимовъ называетъ нездоровою и, полагая, что производство работъ можетъ сильно обременить однихъ солдатъ, которымъ было поручено возвести укрѣпленіе, онъ просилъ Неплюева, чтобы въ Гурьевъ было командировано или назначено еще нѣсколько казаковъ[b]. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокимъ и частымъ полисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались каменные барбеты или фланги (какъ ихъ называли казаки)[c], вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ полисадѣ, какъ и въ прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ которыхъ одни, обращенныя къ берегу Яика, назывались Спасскими[d]. Надъ этими воротами прежде находилась каменная церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса, съ двумя придѣлами: одинъ въ честь Св. Аѳанасія и Св. Кирилла Александрійскихъ, а другой во имя Алексѣя, Божія человѣка; но при перестройкѣ стѣнъ, при Неплюевѣ, эта церковь, какъ пришедшая въ полную ветхость, была замѣнена деревянной, во имя Святителя и Чудотв. Николая.—Прежде въ дѣловыхъ бумагахъ Гурьевъ назывался Яикъ-Гурьевымъ городкомъ, а Гурьевская канцелярія — Яицкой-Гурьевской коммендантской канцеляріей[e]. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, какой видъ имѣлъ Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣдомство Неплюева, приведемъ отзывъ о немъ капитана Залѣсскаго, который принялъ его 1 января 1753 г. въ составъ Оренбургской губерніи отъ капитана Астраханскаго гарнизона Племянникова[f]: „Городъ каменный весьма ветхой въ трехъ стѣнахъ и въ восьми башняхъ и больверкахъ, кои до половины развалились, и вновь сдѣланы цѣлымъ и половиннымъ кирпичемъ, а четвертая часть

a) Сборн. статист. и археолог. свѣд. Уфа 1868 г., отд. II, стр. 90.
b) Уральск. Войск. Вѣд. 1872 г., № 30.
c) Такъ наз. ихъ и Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. II, 23.
d) Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 23. Въ настоящее время отъ всего этого почти ничего не осталось, кромѣ небольшой валообразной возвышенности, огибающей на подобіе квадрата одинъ кварталъ города съ площадью, гдѣ былъ старый городъ.
e) Рычковъ. Топ. Ор. губ., ч. II, стр, 23.
f) Тамъ же, стр. 24.

стѣны противъ коммендантскаго дому рушилась, у онаго города одни ворота, называемыя Спасскія, да одна калитка. Величина его по длинѣ отъ Спасскихъ воротъ до Терской башни 132 саж., а поперегъ отъ средней стѣнной башни до башни же Макарьевской—128 саж." [a]).

Принявъ на себя охрану Нижне-яицкой линіи и Гурьева-городка, Яицкіе казаки обязаны были не допускать до перелазовъ на противоположный берегъ киргизъ и калмыковъ, раздѣленныхъ нижнемъ теченіемъ рѣки Яика; тѣмъ и другимъ позволялось кочевать не ближе, какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь. Въ видахъ гарантіи этого распоряженія, Неплюевъ нашелъ полезнымъ, чтобы въ осеннее время вся степь по лѣвую сторону Яика была выжигаема до самаго Каспійскаго моря, что и было утверждено особымъ указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 8 августа 1748 года [b]). Астраханскій губернаторъ Брылкинъ предлагалъ выжигать степь по обѣ стороны р. Яика, но Неплюевъ нашелъ нужнымъ сожигать подножный кормъ для скота только на киргизской сторонѣ,—и Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ согласилась съ его мнѣніемъ. Въ случаѣ, если казаки встрѣчали у киргизовъ или калмыковъ отогнанныхъ лошадей или плѣнниковъ, то имъ позволялось не только отнимать ихъ добычу, но и убивать виновныхъ „на страхъ другимъ, дабы и тайныхъ перелазовъ не чинили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали". Когда же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ партій калмыковъ или киргизъ въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Яика, или получали только извѣстіе о приближеніи такихъ скопищъ; то они должны были, сколько возможно, „пересылками съ ними удерживая ихъ или безъ всякаго азарту препятствуя имъ", тотчасъ же посылать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который давалъ немедленно приказъ ударить въ набатный колоколъ, чтобы всѣ, способные владѣть конемъ и оружіемъ, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ, коимъ угрожала опасность; за нарушеніе этого распоряженія виновные подвергались наказанію. Такъ полковникъ Егоръ Матвѣевъ и есаулъ Өеодоръ Усовъ разжалованы были въ рядовые казаки до выслуги лѣтъ за то, что не предупредили о наступленіи киргизовъ на калмыкъ въ 1746 г. [c]). Въ 1750 г. полковникъ Сильвестровъ лишенъ былъ чина и записанъ въ рядовые за то, что отпустилъ съ Антонова форпоста „одного казака съ подводами", котораго киргизы утопили въ рѣкѣ и напали на Котельный форпостъ.

---

[a]) Тамъ же.
[b]) Указы 1748 г. въ Тург. обл. архивѣ, листъ 161.
[c]) Указъ В. Колл. 16 мая 1748 г. за № 4625. См. въ Тург. обл. арх. указы 1748 г., л. 121—123.

Командиръ форпоста хорунжій Задницынъ, сотники: Пеуновъ и Курохтинъ и писарь Заоколышнинъ за оплошность, допущенную ими при нападеніи киргизовъ, были лишены чиновъ и, при собраніи Войсковаго Круга, „нещадно“ наказаны плетьми; рядовые казаки, бывшіе въ ихъ командѣ, также были наказаны плетьми; но особенно досталось хорунжему Задницыну, изъ-за котораго, какъ видно изъ дѣла, пострадали и другіе, *безъ вины виноватые:* его, по наказаніи плетьми въ Войсковомъ Кругу, опредѣлили въ каторжную работу[a].

Принимая всѣ предосторожности къ обезопашенію линіи, Неплюевъ строго запретилъ казакамъ обижать и киргизъ съ калмыками. Полковымъ старшинамъ наистрожайше было приказано смотрѣть за подчиненными, чтобы „они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующимъ иногда по близости киргизъ-кайсакамъ и калмыкамъ обидъ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно-бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради отъ форпостовъ на звѣроловство и ни на какіе промыслы далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать“. Выбѣжавшихъ изъ калмыцкихъ улусовъ или киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно, послѣ подробныхъ предварительныхъ распросовъ, „не чиня имъ никакихъ обидъ“, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препровождать ихъ въ мѣсто жительства и доносить о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Яицкіе казаки, кромѣ низовой линіи и Гурьева, должны были заботиться и объ Илецкой станицѣ и ея казакахъ. Неплюевъ вмѣнилъ въ обязанность всему Яицкому войску и особенно войсковому атаману смотрѣть за Илецкими казаками, чтобы они были „небезконны и небезоружны и въ городѣ-бъ добрый порядокъ и осторожность содержали, понеже Илецкая станица, какъ извѣстно, понынѣ еще слабаго состоянія и, въ случаѣ какого на нее немалаго воровскаго приходу, не токмо и недопущенію онаго до намѣренія ихъ и въ войску надъ ними, но и охраненію себя еще ненадежно“ [b].

Поручивъ Яицкому войску заботиться объ Илецкихъ казакахъ, Неплюевъ не могъ удовлетвориться этимъ; „слабое состояніе“ Илецкой станицы не переставало его безпокоить, и поэтому, возвращаясь изъ Яицкаго городка въ 1748 году, онъ пожелалъ лично осмотрѣть эту станицу. Время основанія Илецкаго городка, котораго не нужно смѣшивать

---

[a]) Указъ В. Колл. 19 іюля 1750 г. за № 6023. См. въ Тургайск. обласг. арх. указы 1750 г., л. 97—98. Тамъ же указъ Неплюева Яицкому войску 9 августа 1750 г. за № 13, л. 99—100.

[b]) Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VI.

съ Илецкой Соляной Защитой[a]), относится къ 1737 году, когда двое изъ Яицкихъ казаковъ Черкасскаго рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канцелярію Оренбургской Экспедиціи съ просьбой о дозволеніи имъ построить на устьи р. Илека городокъ, что имъ и было дозволено особымъ указомъ 5 февраля того же года[b]). Въ силу этого указа, они могли заселять городокъ уфимскими мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами, неположенными въ подушной окладъ; Изюмскій былъ назначенъ атаманомъ, а Черкасовъ—есауломъ. Но въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни яицкаго элемента : Илецкіе казаки организовались изъ людей, не отличавшихся ни энергіей, ни удальствомъ, ни молодечествомъ,—изъ людей, незакаленныхъ въ борьбѣ съ врагами, какъ-то: изъ крестьянъ, чувашъ, ясачныхъ татаръ, мордвы, инвалидныхъ солдатъ и т. п. Поручая Илецкихъ казаковъ попеченію Яицкаго войска, Неплюевъ желалъ, чтобы оно, такъ сказать, оказачило ихъ по-яицки. Посѣтивъ лично Илецкую станицу, Неплюевъ счелъ первымъ долгомъ осмотрѣть самое мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестностей, вникая при этомъ во все до мельчайшихъ подробностей.—Результатомъ этого осмотра были слѣдующаго рода мѣры и распоряженія Неплюева. Такъ-какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности со стороны киргизовъ, которые нерѣдко увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои аулы; то Неплюевъ намѣренъ былъ прежде всего переселить казаковъ на правый берегъ рѣки Яика, но казаки заявили, что это потребуетъ большихъ расходовъ и значительныхъ усилій съ ихъ стороны, а потому просили, чтобы имъ позволено было остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ согласился на это, но обязалъ казаковъ подпиской, что они пашни и луга, находившіеся также на лѣвой сторонѣ рѣки и притомъ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредь будутъ имѣть на правой сторонѣ Яика; здѣсь же долженъ былъ пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить отгонъ его киргизами. Чрезъ р. Яикъ велѣно было устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогона скота; въ рабочую пору въ самой станицѣ должна была оставаться треть всего числа казаковъ, съ цѣлью обороны, въ случаѣ внезапнаго нападенія киргизовъ. Если кто пожелалъ бы заводить хутора на правой сторонѣ рѣки, „таковымъ не воспрещать“. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ

---

[a]) Илецкій городокъ въ 124 верст. отъ Оренбурга къ Уральску, а Илецкая Защита въ 60 верст. отъ Оренбурга, въ Киргиз. степи.

[b]) Въ черн. бумаг. І. И. Желѣзнова (по описи № 14) имѣется копія съ этого указа.

находились въ значительномъ разстояніи отъ станицы и расположены были въ разбросъ, такъ-что иногда могли служить удобнымъ мѣстомъ для укрывательства подъѣзжавшихъ къ станицѣ воровъ; почему Неплюевъ распорядился, чтобы „всѣ казачьи гумна, овины и при нихъ хлѣбъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, а именно: съ восточной стороны, съ въѣзду въ городокъ, кромѣ Яику, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытіемъ пушекъ и не далѣе съ половины города закрывали, гдѣ каждый про себя какъ и кому надобно построить и огородить можетъ, а около тѣхъ имѣть плетень для внезапнаго нападенія"[a]. Старыя гумна Неплюевъ приказалъ сломать „и, по прежнему, *въ разсьяніи ихъ не имьть*"; огороды также велѣно было заводить около станицы, „чтобы случающіеся тутъ люди въ виду караульныхъ и подъ прикрытіемъ же были". Осматривая баттареи, Неплюевъ нашелъ, что онѣ не были покрыты и не такъ крѣпко устроены, какъ бы слѣдовало, почему онъ приказалъ: „оныя предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу, и подѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши по тому примѣру, какъ оныя въ Разсыпной крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей опрятности". Лафеты подъ пушками также оказались весьма плохими, а казаки, приставленные къ пушкамъ, не умѣли дѣйствовать должнымъ образомъ, почему Неплюевъ положилъ „послать изъ Оренбурга отъ артиллерійской команды одного унтеръ-офицера, чтобы онъ при себѣ подъ оныя пушки такъ установилъ и нумерей обучилъ, чтобъ онѣ и къ стрѣлянію всегда дѣйствительны и къ защищенію города способны были"[b].

Между тѣмъ, чтобы не задержать производства работъ, казакамъ приказано было заготовить и насушить лѣсу для устройства лафетъ и баттарей. Оплотъ, которымъ была обнесена крѣпость, когда обветшаетъ или обвалится, казаки обязались исправлять сами; у всѣхъ воротъ въ лѣтнее время и на баттареи долженъ былъ содержаться караулъ, а ворота, обращенныя въ киргизскую степь, велѣно на глухо запереть. Изъ числа той трети казаковъ, которая должна была оставаться въ станицѣ на рабочее время, Неплюевъ приказалъ отдѣлить часть для содержанія двухъ форпостовъ, предположенныхъ къ постройкѣ на рѣчкахъ Заживной и Кинделѣ[c]. Казаки обязались построить въ этихъ мѣстахъ „землянки и соплоты" (заплоты), „токмо камышемъ не крыть, имѣть въ нихъ по пушкѣ

---

[a]) Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VII, стр. 16 и 17.

[b]) Тамъ же.

[c]) Рѣки: Заживная и Кинделя начинаются въ предѣлахъ Оренб. войска и входятъ въ Уральскую область, первая близъ Мухрановскаго форпоста, а вторая у хутора Новокиндельскаго. Обѣ рѣчки впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны между Кинделинскимъ и Бородинскимъ форпостами.

и содержать по 20 человѣкъ". Каждую недѣлю два раза, а если потребуется—и каждодневно, Илецкіе казаки, въ числѣ пяти человѣкъ, должны были дѣлать разъѣзды по двумъ направленіямъ: къ Разсыпной крѣпости и къ Иртеку до половины пути, съѣзжаясь съ разъѣздами, высылаемыми изъ Разсыпной крѣпости и Иртецкаго форпоста. Иртецкій форпостъ находится въ 99½ в. отъ Уральска, а Разсыпная крѣпость—въ 167½ в.; слѣдовательно, разъѣзды Илецкихъ казаковъ обнимали собою пространство отъ 35 до 40 верстъ въ длину. Въ аулы киргизовъ казаки могли ѣздить только по особому распоряженію Оренбургской канцеляріи; въ степь позволено было отъѣзжать не болѣе, какъ на 20 верстъ отъ крѣпости, для звѣроловства и рыбныхъ промысловъ, „и ѣздили бы компаніями съ оружіемъ и немалолюдно, смотря, чтобъ имъ отъ киргизъ вреда не было, а при тревогахъ какъ въ городкѣ, такъ и въ форпостахъ давать сигналы изъ пушки". По р. Илеку за лѣсомъ позволялось ѣздить и далѣе 20 в., но также вооруженными компаніями и съ непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы каждый казакъ, отправляясь на промыслъ, нанималъ за себя другаго для отправленія за него своей очереди, „дабы оная за тѣмъ не стояла и другимъ-бы изъ того тяжести не было".

Но заботясь о безопасности Илецкихъ казаковъ, Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и киргизовъ: онъ обязалъ казаковъ подпиской, чтобы „киргизамъ, которые по ихъ казачьей сторонѣ будутъ ѣздить для звѣроловства, или для чего другаго, а не ради воровства, онымъ никакихъ обидъ не чинить и въ улусы ихъ для воровства не ѣздить". Атаману и его совѣтникамъ-старшинамъ приказано, подъ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать. Въ избѣжаніе опасныхъ послѣдствій отъ пожаровъ, Неплюевъ распорядился, чтобы дома были крыты лубьемъ или тесомъ, а тѣ крыши, которыя сдѣланы были изъ соломы, при наступленіи весны, велѣно сбросить; кромѣ того, Неплюевъ приказалъ имѣть въ крѣпости пожарные инструменты и „надлежащее для того учрежденіе". Стараясь улучшить въ стратегическомъ отношеніи Илецкую станицу, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на внутренній строй Илецкихъ казаковъ. Между прочимъ, онъ установилъ штатъ, по которому положено быть: одному атаману, одному есаулу, пяти сотникамъ, писарю и 464 рядовымъ казакамъ, изъ которыхъ „выбирать, съ перемѣною погодно, лучшихъ и надежныхъ людей, хорунжихъ 5 да урядниковъ 9; а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣлъ присутствовать по очередно при атаманѣ и больше вышеписаннаго никакихъ старшинъ не имѣть, и всѣ они должны къ службѣ Ея Императорскаго Величества добрыхъ лошадей имѣть и во всемъ надлежащую справку, какъ то: исправное ружье,

сайдакъ и, по крайней нуждѣ, доброе длинное копье имѣть" [a]). Казакамъ строго были воспрещены *«пьянство, тунеядство, воровство и другія непотребства»*, а также—*«пріемъ бѣглыхъ»*.—Каждый казакъ долженъ былъ заниматься хлѣбопашествомъ, звѣриными и рыбными промыслами, наблюдая во всемъ экономію. Въ вознагражденіе за труды, атаману, есаулу и писарю назначено было жалованье: первому 24 руб., а есалу и писарю по 12 руб. въ годъ; главный контроль надъ расходованіемъ войсковыхъ суммъ былъ порученъ Яицкому войсковому атаману, который разъ въ годъ обязанъ былъ отправлять одного изъ старшинъ на ревизію въ Илецкую станицу. Недовольные рѣшеніемъ дѣлъ своего атамана должны были апелировать Яицкому войсковому атаману.

Устраивая Сакмарскую линію, Неплюевъ позаботился дать подобное же устройство, какъ въ Илецкомъ городкѣ, и Сакмарскому казачьему городку, основанному выходцами изъ Яицкаго войска еще въ 1725 г., въ 30 верстахъ отъ устья Сакмары, на высокомъ и прекрасномъ мѣстѣ, „а притомъ"—замѣчаетъ Рычковъ,—„и отъ натуры весьма на крѣпкомъ мысу, который съ двухъ сторонъ неприступенъ, и никакого укрѣпленія не требуетъ, а гдѣ надлежитъ, имѣетъ деревянное укрѣпленіе и особливую свою артиллерію" [b]). Въ Сакмарскомъ городкѣ было до 200 русскихъ казаковъ и до 50 изъ иноземцевъ, которые были употребляемы по разнымъ нарядамъ и дѣламъ въ Оренбургѣ. Они имѣли особаго станичнаго атамана, подчиненнаго Яицкому войсковому суду; но за отдаленностію отъ Яицкаго городка не участвовали въ службѣ Яицкихъ казаковъ. Главнымъ источникомъ къ существованію у нихъ служило хлѣбопашество, а также и лѣсной промыслъ: рубка и сплавка лѣса (котораго по близости къ нимъ было достаточно) въ Оренбургъ и т. п. Такимъ образомъ, благодаря Неплюеву, различныя казацкія поселенія, не имѣвшія раньше прочной между собою связи, были соединены въ одно цѣлое подъ главнымъ управленіемъ Яицкаго войсковаго атамана, подчиненнаго въ свою очередь оренбургскому губернатору.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Неплюева нельзя не признать благоразумной и опытной его предусмотрительности на пользу казаковъ, которые, подъ вліяніемъ своей самонадѣянности, мало заботились о стратегическомъ положеніи своихъ жилищъ, а потому нерѣдко попадали въ ловушку, хитро и ловко поставленную для нихъ, киргизами, а иногда и сами обижали ихъ, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. Въ сен-

---

[a]) Тамъ же, ч. II, стр. 18.
[b]) Топогр. Оренб. губ., изд. 1887 г., стр. 256.

тябрѣ 1755 г. поручикъ Ураковъ, занимавшій должность начальника дистанціи, донесъ Неплюеву, что Яицкіе казаки, отправляясь за рыбою, ночуютъ иногда въ лугахъ человѣка по два, по три и по четыре, безъ всякой осторожности и караула, и что когда онъ, Ураковъ, встрѣчая такіе ночлеги, сталъ требовать, „чтобы они при форпостахъ, или бы совокупясь человѣкъ по десяти и болѣе ночевали; то казаки не только не учтиво, но даже съ крикомъ и бранью ему отвѣчали, что слушать его не хотятъ и дѣла до того якобы ему нѣтъ, да и драться были готовы“ [a]. Неплюевъ, въ отвѣтъ на это доношеніе Уракова, приказалъ: „сыскавъ виновниковъ, за такое своевольство и грубость, на страхъ имъ и другимъ, учинить въ Кругу наказаніе плетьми“. Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны казаковъ было строжайшее подтвержденіе того распоряженія, по силѣ котораго казаки въ такомъ малолюдствѣ никуда не должны были ѣздить, а *«всегда бы ѣздили компаніями и вооруженные»*; нарушителей этого постановленія и *«потаковщиковъ»* ихъ приказано ловить и представлять, при особомъ конвоѣ, къ Яицкому войску для наказанія въ Войсковомъ Кругу. Къ этому же времени относится распоряженіе Неплюева, чтобы за солью на Индерское озеро казаки ѣздили *«партіями не менѣе 50 человѣкъ и съ исправнымъ оружіемъ»*. Отмѣченный фактъ отношенія казаковъ къ Уракову можетъ служить свидѣтельствомъ того, что казаки иногда оказывались не только непредусмотрительными, но, по меньшей мѣрѣ, и странными: распоряженія и заботы объ ихъ же безопасности вызываютъ въ нихъ недовольство и грубость. Конечно, такая самонадѣянность или казацкое *ухарство* не всегда даромъ проходили казакамъ: не мало было убито ихъ и захвачено въ плѣнъ киргизами. Если и гораздо позже, въ степи на Самарской сторонѣ, могло совершиться убійство братьевъ Бакировыхъ, захватъ въ плѣнъ Струняшева, сопровождавшаго хивинскій караванъ въ Астрахань, разграбленіе самаго каравана и убійство сопровождавшихъ его казаковъ, невдалекѣ отъ Гурьева,—и если такія печальныя явленія и происшествія представляютъ собою, по разсказамъ самихъ же казаковъ, два изъ весьма многихъ и нерѣдко повторявшихся случаевъ [b]; то послѣ этого нельзя не подивиться самоувѣренности казаковъ, надѣлавшихъ грубости Уракову. Впрочемъ, можетъ быть, причина грубости и дерзости казаковъ скрывается здѣсь въ личности самого Уракова, мало намъ извѣстной, а не въ самомъ распоряженіи о безопасности казаковъ,

---

[a] См. Ур. В. Вѣд. за 1868 г. № 23. Ср. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова, по описи № 16.

[b] Уральск. Войск. Вѣд. 1868 г., № 23. Слич. І. И. Желѣзнова: *„Картины казацкой жизни“*, стр. 31, 124; его же: *„Сайгачники“*, (стр. 211—228) и *„Василій Струняшевъ“*.

но фактъ все-таки остается фактомъ. Изъ рапорта Неплюеву того же Уракова видно также, что Яицкіе казаки имѣли за р. Яикомъ хутора и зимовки, которыя были заведены, какъ можно предполагать, безъ предварительнаго разрѣшенія на то начальства.—Ураковъ какъ дистаночный начальникъ, опасаясь отвѣтственности, въ случаѣ нападенія на эти хутора и зимовки киргизовъ, между прочимъ, писалъ Неплюеву: „ежели паче всякаго чаянія онымъ вредъ какой причинится, того форпостнымъ учинить никакъ не возможно, въ каковомъ бы случаѣ и ему, Уракову, чего не причлось, а у походнаго де вашего войска полковника никакого о томъ предметѣ наставленія не нашлось" [a]). Вслѣдствіе этого Неплюевъ предписалъ, чтобы Яицкое войско обсудило этотъ вопросъ, совмѣстно съ капитаномъ Роговымъ, поручикомъ княземъ Ураковымъ и Харьковымъ и о мѣрахъ, какія признаются необходимыми, для огражденія имѣющихся за Яикомъ хуторовъ и зимовокъ отъ киргизовъ, немедленно донести. Изъ послѣдовавшаго потомъ отношенія Неплюева въ Военную Коллегію по этому дѣлу видно, что Яицкое войско сильно отстаивало эти хутора и зимовки, расположенные вверхъ и внизъ по Яику на протяженіи ста верстъ; при этомъ казаки просили, чтобы для безопасности хуторовъ и зимовокъ, имъ было позволено „отъѣзжіе караулы на степной сторонѣ полюднѣе содержать". Неплюевъ, согласившись на просьбу казаковъ, писалъ: „хутора же, которые вы безопасными признаете, то они до дальняго въ томъ усмотрѣнія, для показанныхъ вами необходимыхъ нуждъ, по-прежнему, оставляются, ибо ежели изъ сего что предосудительное произойдетъ, въ томъ отвѣтственны остаетесь уже сами вы; но съ тѣмъ, чтобы вы, имѣя отъѣзжіе караулы, хуторовъ пустыми не оставляли и никакимъ бродягамъ и раскольникамъ въ нихъ пристанища не давали" [b]). Яицкое войско, получивъ этотъ указъ, командировало 60 казаковъ, которые были разставлены въ шести избранныхъ мѣстахъ между Бударинскимъ и Январцевскимъ форпостами [c]). Вообще Неплюевъ, устраивая Нижне-яицкую линію укрѣпленій, старался дѣйствовать согласно мѣстнымъ условіямъ края и нуждамъ его поселенцевъ; онъ во все входитъ самъ и лично давалъ разныя полезныя указанія и наставленія.

Такимъ образомъ, благодаря стратегическимъ заботамъ Неплюева и частію его предшественниковъ, Оренбургскій край сдѣлался „довольно оборонительнымъ" и безопаснымъ отъ опустошительныхъ набѣговъ и грабежей киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, зюнгоровъ и другихъ кочующихъ

---

[a]) Чернов. бум. I. И. Желѣзнова, по описи № 16.
[b]) Указъ Неплюева 28 сент. 1754 г. за № 416.
[c]) Урал. В. Вѣдом. 1868 г., № 23.

ордъ. Вся Башкирія и другія части Оренбургской губерніи были защищены нѣсколькими линіями военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ отъ безпокойныхъ сосѣднихъ ордъ и склонныхъ къ бунтамъ башкирцевъ. Центральнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ сдѣлался настоящій Оренбургъ, отъ котораго на западъ шла Самарская линія крѣпостей, на югъ— Нижне-яицкая, на сѣверъ—Сакмарская и Орская дистанція Верхне-яицкой линіи, на востокъ—Красногорская дистанція Верхне-яицкой же линіи и Уйская линія, соединявшаяся съ западной Сибирью.

Самарская линія соединяла Нижне-яицкую съ Волгой и отдѣляла башкирцевъ отъ калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ между рѣками Яикомъ, Самарой и Волгой. Въ составъ ея, кромѣ Самары и пригорода Алексѣевскаго, входило 8 крѣпостей и три редута, которые были расположены въ такомъ порядкѣ по направленію къ Оренбургу: кр. Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулуцкая, ред. Погромный, кр. Тоцкая, Сорочинская, р. Крестовый, кр. Новосергіевская, р. Плотавскій и крѣпость Переволоцкая[a]. Всѣ эти крѣпости, какъ мы уже знаемъ[b], были заведены еще Кирилловымъ, за исключеніемъ Ольшанской, застроенной въ 1741 г. княземъ Урусовымъ, и Новосергіеской, основанной еще В. Н. Татищевымъ въ 1738 г.

Нижне-яицкая линія, начинаясь Чернорѣченской крѣпостью въ 18 верстахъ[c] отъ Оренбурга, простиралась до самаго Каспійскаго моря на протяженіи болѣе 700 верстъ. Кромѣ городковъ Гурьева, Кулагина, Калмыкова, Илека и Яицкаго городка (Уральска), она имѣла четыре крѣпости[d]: Чернорѣченскую, Татищеву, Нижне-озерную и Разсыпную и 19 казачьихъ форпостовъ[e].

Сакмарская линія получила свое начало и устройство при Неплюевѣ[f] и состояла, кромѣ Сакмарскаго городка, изъ двухъ крѣпостей: Предтеченской и Воздвиженской, и двухъ редутовъ: Никитскаго и Желтаго. Эта линія служила какъ-бы соединительнымъ зве-

---

[a]) Кр. Переволоцкая впослѣдствіи была отчислена къ Нижне-яицкой линіи: „понеже отъ нея (говоритъ Рычковъ) къ Яику рѣкѣ до Татищевой пристани только 20 в., а до Сорочинской крѣпости, гдѣ Самарской дистанціи командиръ находится, около 80 верстъ". Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 305.

[b]) См. выше стр. 149.

[c]) Зимній путь лежалъ чрезъ поёмныя мѣста, чрезъ которыя во время разлива Урала нельзя было ѣздить; почему лѣтняя дорога шла черезъ горы и была на 10 вер. длиннѣе зимняго прямаго тракта.

[d]) У Рычкова, кромѣ этихъ 4 крѣпостей, къ этой же линіи отнесена и Переволоцкая крѣпость, включенная нами въ Самарскую дистанцію, въ вѣдѣніи которой она первоначально и состояла.

[e]) См. выше стр. 258 и 259.

[f]) См. выше стр. 179.

номъ между внутренними крѣпостями Башкиріи, основанными еще при Кирилловѣ[a], и военными поселеніями по рѣкамъ Яику и Самарѣ, входя такимъ образомъ и въ связь съ городами: Уфой, Мензелинскомъ, Бирскомъ и Осой.

Верхне-яицкая линія заключала въ себѣ 9 крѣпостей и 16 редутовъ, расположенныхъ на протяженіи $561\frac{1}{2}$ версты. Направляясь отъ Оренбурга на востокъ и частію склоняясь къ юго-востоку, соотвѣтственно теченію р. Яика, она отъ Орской крѣпости, какъ и самая рѣка, круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачивала на сѣверъ и шла въ такомъ направленіи до Верхне-яицкой крѣпости. Верхне-яицкая линія крѣпостей раздѣлялась на двѣ дистанціи: Красногорскую и Орскую; первую составляли слѣдующія укрѣпленія[b]: редуты Нѣжинскій и Вязовый, крѣпость Красногорская, р. Гирьяльскій[c], крѣпость Озерная, р. Никольскій, кр. Ильинская, р. Подгорный, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. Въ составъ Орской дистанціи входили крѣпости: Орская, редуты Калпацкій и Тораклинскій, кр. Таналыцкая, Урдасымская, ред. Орловскій[d], Березовскій, Урдасымскій[e], Грязнушинскій[f], кр. Кызыльская, ред. Сыртенскій и Ангельскій[g], кр. Магнитная и редуты Вохне-кызыльскій и Спасскій, отъ котораго до Верхне-яицкой крѣпости считалось 15 верстъ. Всѣ эти укрѣпленныя мѣста были устроены Неплюевымъ, за исключеніемъ 4 крѣпостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхне-яицкой, основанныхъ его предшественниками.

Уйская линія шла на протяженіи 753 верстъ и заключала въ себѣ 9 крѣпостей и столько же редутовъ; она начиналась съ Верхне-яицкой крѣпости и оканчивалась Звѣриноголовской, за которой въ 59 верстахъ находилась первая изъ Сибирскихъ крѣпостей, Прѣсногорьковская[h]. Эта линія раздѣлялась, какъ и Вирхне-яицкая, на двѣ дистанціи: Верхне-

---

[a]) Мы разумѣемъ крѣпости: Табынскую, укрѣпленную Кирилловымъ, Ельдяцкую, Красноуфимскую и Нагайбацкую.

[b]) Мы приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они шли отъ Оренбурга къ Верхне-яицкой крѣпости.

[c]) У Н. А. Ѳирсова ред. Гирьяльскій названъ ошибочно Гильярскимъ. См. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и проч.; стр. 334.

[d]) У Н. А. Ѳирсова этотъ редутъ пропущенъ, хотя онъ значится и въ „Топогр. Оренб. губ." Рычкова, и на „Ландкартахъ" Красильникова, составл. въ 1755 г. См. карт. 9. Предъ ред. Гирьяльскимъ Н. А. Ѳирсовъ показалъ редутъ Володимірскій, котораго мы не нашли ни у Рычкова въ его „Топографіи Ор. губ.", ни въ „Ландкартахъ" Красильникова.

[e]) У Красильникова его нѣтъ, въ „Топогр. Оренб. губ.". Рычкова, (изд. 1887 г., стр. 336—337) сказано не ясно.

[f]) У Н. А. Ѳирсова: „Грязноминскій".

[g]) У Н. А. Ѳирсова: „Яйгельскій", у Красильникова: „Янгельскій".

[h]) У Красильникова: „Прѣсногорская".

уйскую и Нижне-уйскую: первую составляли 8 укрѣпленій: крѣп. Верхне-яицкая, ред. Свіяжскій, кр. Уклы-Карагайская, ред. Ерзединскій, кр. Петропавловская и Степная, редуты Подгорный и Санарскій; въ вѣдомствѣ же Нижне-уйской дистанціи находилось 10 укрѣпленныхъ мѣстъ. крѣпость Троицкая, ред. Ключевской, крѣп. Каракульская, ред. Березовскій, кр. Крутоярская, р. Луговой, кр. Усть-Уйская, р. Кагардыцкій и Озерной, и кр. Звѣриноголовская, отошедшая отъ Сибири къ Оренбургской губерніи въ 1753 году. За исключеніемъ крѣпостей Уклы-Карагайской и Звѣриноголовской, остальныя укрѣпленія по этой линіи были заведены Неплюевымъ.

Отъ Верхне-яицкой крѣпости, кромѣ Уйской линіи, шла еще другая вѣтвь военныхъ поселеній, которыя, захватывая съ одной стороны рѣчку Увелку[a] и близъ лежащія озера[b], а съ другой р. Міасъ, соединялась черезъ нее съ укрѣпленными мѣстами какъ по рѣкѣ Міасу, такъ и по р. Исети, а чрезъ послѣднюю, принимающую въ себя съ правой стороны Міасъ и впадающую съ лѣвой—въ Тоболъ, входила въ связь съ укрѣпленіями по р. Тоболу и съ Екатеринобургскимъ вѣдомствомъ. Важнѣйшими укрѣпленными мѣстами по р. Міасу считались: Челябинскъ, какъ главный пунктъ всей Исетской провинціи, к. Міасская, Окуневскій острогъ, съ приписными къ нему слободами[c], и крѣпость Усть-Міасская, а по р. Исети: Исетскій острогъ, Мехонскій, Красногорскій, Масленскій, Шадринскъ, монастыри; Рафаиловъ и Далматовъ, и слободы: Вешкильская, Ингалинская, Тересюцкая и Борневская. Суммируя всѣ вышеприведенныя числовыя данныя, мы узнаемъ, что во всемъ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ было около 114 укрѣпленныхъ мѣстъ, изъ нихъ болѣе половины были основаны, устроены и заселены, благодаря иниціативѣ, заботамъ и энергіи этого замѣчательнаго дѣятеля. Неплюевъ, видно, хорошо сознавалъ горькую истину: *«если желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ»*, а башкирскіе бунты, продолжавшіеся около двухъ вѣковъ, еще болѣе должны были убѣдить его въ необходимости этой предосторожности. Въ 1755 году, по случаю башкирскаго бунта, какъ увидимъ дальше, Неплюевъ долженъ былъ признать, что и этихъ крѣпостей было недостаточно, для удержанія башкиръ

---

[a]) Лѣвый притокъ р. Уя. На Увелкѣ наход. кр. Кичигина, а при впаденіи Коелги въ Увелку крѣпость Коельская.

[b]) Озеро Эткуль съ кр. Эткульской; озеро Чебаркуль съ кр. Чебаркульской.

[c]) Карачевской, Чумляцкой (на р. Міасѣ), Теченской (р. Течь, впад. въ Исеть съ правой стороны), Песчанской (на озерѣ Песчаномъ) и Буткинской (на р. Будкѣ).

въ покорности, и потому на рѣчкѣ Зелаирѣ, впадающей въ Сакмару, заложилъ новую крѣпость, названную по имени рѣки Зилаирскою.

Для заселенія укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ были назначены ландмилицкіе полки, оберегавшіе раньше старую Закамскую линію, а также—Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки и Оренбургскіе казаки. Ландмилицкихъ полковъ было четыре: Шешминскій, Билярскій, Сергіевскій и Алексѣевскій; они были скомплектованы въ силу указа 19 февраля 1731 года. Первые два полка, Шешминскій и Билярскій, были сформированы изъ служилыхъ людей Закамскихъ при-городовъ: Старо-шешминска, Ново-шешлинска, Билярска, Ерыклинска, Тіинска и Алексѣевска; число ихъ простиралось до 5000 душъ; всѣ способные изъ нихъ къ службѣ были поверстаны въ эти полки поголовно, а на будущее время положено пополнять ихъ дѣтьми служащихъ въ нихъ солдатъ. Другіе два полка: Сергіевскій и Алексѣевскій были организованы изъ *«изъ прежнихъ службъ служилыхъ людей»*, которые были раньше городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами и копѣйщиками, а въ 1724 г. названы государственными крестьянами и положены въ подушный окладъ[a]; съ 1731 г., когда велѣно было сформировать изъ нихъ два ландмилицкіе полка, приказано высочайшимъ указомъ: „государственными крестьянами ихъ не писать и не называть, а быть имъ, по-прежнему, въ службѣ“[b]. Сначала всѣ четыре ландмилицкіе полка предназначались для охраны Черемшанской, или Ново-закамской линіи, которой положено было начало въ 1730 г., подъ наблюденіемъ тайнаго совѣтника Наумова[c]; но съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, эта линія была признана не нужною. Тогда эти полки положены было перевести на Самарскую и Яицкую линіи, водворивъ ихъ тамъ съ семьями и позволивъ возвращаться на прежнія мѣста только отставнымъ изъ полковъ Алексѣевскаго и Сергіевскаго. По проэкту Татищева, какъ мы знаемъ, предположено было заселить ландмилицкими полками и Нижне-яицкую линію; но Неплюевъ, ввѣривъ охраненіе нижняго теченія Яика, Яицкому войску, нашелъ наиболѣе полезнымъ воспользоваться ими для заселенія и обороны крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ, Сакмарѣ, верхнему теченію Яика, Ую и др. мѣстамъ. Кромѣ ландмилицкихъ полковъ, другимъ матеріаломъ для заселенія укрѣпленныхъ пунктовъ въ странѣ служили Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки, сформированные, по предста-

---

[a]) П. С. Зак., № 9399. Указъ Сената отъ 5 мая 1747 г.
[b]) Всѣхъ ихъ было болѣе 29000 душъ; въ службу брали одного изъ 30.
[c]) О напр. этой линіи см. въ „Топогр. Ор. губ.“, ч. II, стр. 110; и Татищева: „Лексиконъ Россійскій“, ч. III, 12.

вленію Кириллова, въ 1735 и 1736 г. изъ городовыхъ служилыхъ людей Уфы, Бирска и Мензелинска, а также изъ сибирскихъ недорослей. Но при Кирилловѣ и Татищевѣ переселеніе ландмилицкихъ и горнизонныхъ полковъ, по причинѣ башкирскихъ бунтовъ, шло чрезвычайно медленно и туго, при томъ-же и сами служилые люди, изъ которыхъ сформированы были эти полки, весьма неохотно оставляли свои прежнія жилища. При Урусовѣ, согласно его представленію, высочайше повелѣно было поселить означенные полки въ теченіи трехъ лѣтъ на новыхъ мѣстахъ; исполнителемъ этого повелѣнія пришлось быть Неплюеву, чѣмъ онъ и занялся немедленно, по прибытіи въ Оренбургскій край: „всѣ годные къ службѣ поселены по линіи, а престарѣлые и увѣчные и отставные разселялись по другимъ мѣстамъ Оренбургской губерніи, а самые малолѣтніе опредѣлялись въ школы[b]“ учрежденныя въ Бирскѣ и Мензелинскѣ, въ которыхъ должны были обучаться на коштѣ отцовъ. Шешминскій ландмилицкій полкъ, какъ мы уже знаемъ[c], былъ поселенъ въ крѣпостяхъ по Сакмарской линіи, а для Исетской провинціи Неплюевъ сформировалъ, на подобіе ландмилицкихъ полковъ, особую пѣхотную роту изъ дѣтей отставныхъ драгунъ и служилыхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ этой провинціи и неположенныхъ въ подушный окладъ. Обязанности этой роты состояли въ содержаніи карауловъ, въ конвоированіи денежной казны и въ отправленіи другихъ внутреннихъ службъ; она должна была пополняться дѣтьми записанныхъ въ нее служилыхъ людей и волонтерами изъ казачьихъ дѣтей[d]. Но Неплюевъ всрѣтилъ затрудненіе относительно содержанія ландмилицкихъ и горнизонныхъ полковъ. По штату 1736 года, на содержаніе четырехъ ландмилицкихъ полковъ велѣно отпускать 46,196 рублей въ годъ, а два драгунскіе полка, въ силу указа 31 мая 1740 года, предписано содержать „изъ провіантской суммы на счетъ собираемаго съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ и иновѣрцевъ провіанта“. Но содержаніе, назначенное для ландмилицкихъ полковъ, какъ оказалось, было недостаточно, а главное—высылалось изъ Штатсъ-конторы неаккуратно; что же касается драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ, то вслѣдствіе того, что сборъ провіанта съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ указомъ 15 октября 1742 года велѣно было „отставить“, они нѣкоторое время, за неимѣніемъ другихъ источниковъ содержанія, вовсе оставались безъ пособія отъ казны. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ въ 1743 году просилъ Сенатъ объ устраненіи такого ненормальнаго положенія

---

a) П. С. Зак., № 9399.

b) Н. А. Өирсовъ. „*Инородч. населніе преж. казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г.*“ и проч., стр. 338.

c) П. С. Зак., № 8783.

d) Тамъ же, № 9447.

въ продовольствіи полковъ, и Сенатъ опредѣлилъ: „производить имъ остзейское жалованье, кромѣ тѣхъ командъ, кои будутъ по Самарѣ внутрь Башкиріи, до тѣхъ поръ, пока оныя команды въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселятся и прямыми гарнизонами быть станутъ и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодій и прочаго къ содержанію своему удовольствіе получать“ [a]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ распорядился, чтобы эта прибавка жалованья, какъ и ординарное гарнизонное содержаніе, была производима и доставляема Неплюеву изъ доходовъ Казанской губерніи. Прошло три года, а Неплюевъ не получалъ ни содержанія для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, ни прибавки къ жалованью ландмилицкимъ полкамъ; приходилось такъ или иначе самому найти источникъ для содержанія этихъ полковъ. Обративъ на расходы по содержанію полковъ осмигривенный сборъ съ тептярей и бобылей, равнявшійся каждогодно 22,909 руб. 60 коп., а также 2072 руб. 40 коп. годоваго подушнаго сбора съ сходцевъ изъ разныхъ уѣздовъ, поселенныхъ на новой Московской дорогѣ, и часть пошлинныхъ, откупныхъ и другихъ доходовъ,—имѣя въ виду этотъ источникъ, Неплюевъ въ 1747 году снова просилъ Сенатъ о высылкѣ къ нему за прежніе годы и напредь прибавки къ обыкновенному жалованью, которая была опредѣлена Сенатомъ и которой Неплюевъ не нашелъ возможнымъ производить изъ мѣстныхъ доходовъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Сенатъ затребовалъ отъ Неплюева соображеній, какія изъ командъ, расположенныхъ въ Оренбургской губерніи, наиболѣе нуждаются въ прибавкѣ къ жалованью, которая бы уравняла ихъ содержаніе съ остзейскими гарнизонами. Неплюевъ не замедлилъ донести Сенату, что, по его мнѣнію, означенная добавка къ жалованью необходима для всѣхъ командъ Оренбургской губерніи, какъ по отдаленности ея отъ центральной Россіи, такъ и по причинѣ происходящей отъ того дороговизны на хлѣбъ и другіе необходимые предметы къ содержанію; что „безъ этой додачи они, находясь во всегдашнихъ трудахъ и осторожностяхъ, претерпѣваютъ крайнѣйшія нужды“. Неплюевъ допускалъ исключеніе только для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, расположенныхъ и поселенныхъ по Уфимской линіи: „ибо оные отъ хлѣбныхъ мѣстъ не въ дальности, и къ хлѣбопашеству на весьма добрыхъ мѣстахъ находятся“. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, согласно представленію Неплюева [b].

Съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, оказалось недостаточнымъ для заселенія и обороны ихъ четырехъ ландми-

---

[a] П. С. Зак., № 9447.
[b] П. С. Зак., № 9484.

лицкихъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Поэтому приходилось наряжать, въ помощь имъ, регулярные полки изъ внутреннихъ губерній Россіи; но ихъ пребываніе въ Оренбургской губерніи не могло быть постояннымъ: они нужны были и внутри государства и на другихъ его окраинахъ, особенно на западной границѣ. Неплюевъ сознавалъ, что необходимо было создать такую военную силу, которая бы могла быть водворена на постоянное жительство въ полинейныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края,—такой силой, по его мнѣнію, могло быть Оренбургское казачье войско, на которое онъ и обратилъ свое вниманіе.

Вопросъ о началѣ и происхожденіи Оренбургскаго казачьяго войска принадлежитъ къ числу мало разработанныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ въ исторіи Оренбургскаго войска, которое оказало не мало услугъ для Россіи, въ военномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, какъ внутри, такъ и внѣ Оренбургскаго края. Полковникъ Хорошхинъ относитъ начало образованія Оренбургскаго казачьяго войска ко времени управленія краемъ Неплюева, именно къ 1755 году; въ своемъ трудѣ о казачьихъ войскахъ онъ говоритъ: *„въ 1755 году* Оренбургскій корпусъ доведенъ до тысячнаго состава и всѣ казаки, находящіеся въ Оренбургской губерніи, подчинены одному атаману, чѣмъ и *положено* собственно *начало Оренбургскому казачьему войску"* [a]. Другіе, на основаніи показаній Рычкова, утверждаютъ, что „начало Оренбургскому казачеству положилъ Кирилловъ, когда въ основанныя имъ крѣпости сталъ принимать на житье и на службу разнаго рода охотниковъ, большею частію, изъ сходцевъ или бѣглыхъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія" [b]. Считая мнѣніе г. Хорошхина не выдерживающимъ исторической критики, мы не можемъ безусловно принять и втораго мнѣнія, то есть, что Оренбургскіе казаки зачались съ Кириллова. Извѣстно, что всѣ казачьи общины возникали не искусственно, а добровольно, являясь надежнымъ оплотомъ противъ враговъ на окраинахъ Россіи, по своей личной иниціативѣ. Оренбургское казачье войско, безъ сомнѣнія, образовалось изъ тѣхъ же элементовъ, кои послужили основаніемъ и для прочихъ казачьихъ общинъ. Съ подчиненіемъ Московскому государству въ 1552 г. Казани и въ 1554 г.—Астрахани, Россія пріобрѣла въ свое владѣніе все теченіе рѣки Волги съ прилежащими къ ней землями, обитателями которыхъ были племена финскаго и тюркомонгольскаго происхожденія. Первыми поселенцами изъ русскихъ на бере-

---

[a] Казачьи войска. Опытъ военно-статист. описанія 1881 г., стр. 37.

[b] Н. А. Ѳирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 340. Слич. Старикова: *„Откуда взялись казаки"*, стр. 166,—См. также рапортъ генералъ-маіора Жуковскаго, поданный Оренб. генералъ-губернатору Перовскому 25 марта 1852 г. за № 183.

[illegible] ихъ съ [illegible]

[illegible] и отношенія ихъ [illegible] слова[a], которые
[illegible], въ собственномъ [illegible] правительства и водворенія
[illegible] власти Московскаго [illegible] порядку [illegible]
[illegible] въ Поволжьѣ. Извѣстно, что [illegible] торговыхъ судовъ, управляв-
[illegible] частныхъ и [illegible] товарищество [illegible] необходим-
[illegible] въ Астрахань, почему [illegible] вооруженныхъ стрѣль-
[illegible] торговыхъ [illegible] 1551 г. въ Астра-
[illegible] Севастьяновъ, отправленный [illegible] пути изъ Казани
[illegible], что [illegible] караванъ [illegible] князь
[illegible] Иргизскаго [illegible] въ стругахъ [illegible], которые
[illegible] Иванъ хромой. путешествовавшихъ
[illegible] убили при этомъ всѣхъ находившихся
[illegible] Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный не разъ посылалъ
[illegible] воровскихъ казаковъ регулярныя войска, но
[illegible].

[illegible] подъ русскимъ знаменамъ, казаки особенно были страшны
[illegible]. Еще въ малолѣтство Грознаго ногайскіе князья и мурзы
[illegible] въ своихъ грамотахъ къ Московскому Царю, что мещерскіе
[illegible] казаки нападаютъ на нихъ и *«ежегодъ отгоняютъ отъ*
[illegible] животину. деньги и людей» [c]. Жалобы эти повто-
[illegible] и послѣ, съ указаніемъ изъ числа уведенныхъ казаками и севрюками
[illegible] людей („наробковъ“[e]), причемъ ногайцы[d]) просятъ Государя
[illegible] казаковъ. Въ 1577 году ногайскій князь Тинахметъ жало-
[illegible] послу, что „въ Сарайчикѣ приходили государскіе люди и
[illegible] *мертвымъ отцомъ изругалися*“[e]). Въ 1581 г.[f]) казаки
[illegible] на Сарайчикъ и, овладѣвъ имъ, перебили жителей, сожгли
[illegible] и даже разорили ногайскія кладбища[g]). Послѣ этого погрома, но-
[illegible] стали говорить, что имъ самимъ и „животинѣ“ ихъ отъ русскихъ
[illegible] „на Яику и на Волгѣ добрѣ тѣсно“[h]). Московское правитель-
[illegible], которое нерѣдко и само терпѣло непріятности отъ казаковъ, старалось
[illegible] утилизировать ихъ набѣги на ногайцевъ и другія кочующія орды

---

a) Слово „козакъ“, а не „казакъ“, какъ теперь говорятъ и пишутъ, чисто татарское и первоначально означало вольнаго, бездомнаго бродягу, а потомъ особый родъ воиновъ, набранныхъ изъ бродягъ. Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 10.

b) Росс. Вивліоѳика, ч. XXIX, стр. 190 и 210. Перетятковичъ: „Поволжье въ XV и XVI в.“; Москва 1877 г., стр. [illegible] „XV и XVI в.“, стр. 285.

c) Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в.; ч. XXVIII, стр. [illegible]

d) Росс. Вивл. ч. XXVII, стр. 249, 201, 808, 814 и [illegible]

e) Тамъ же, ч. XXXI, стр. 179.

f) А не въ 1580 году, какъ показано въ книгѣ Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 94.

g) Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 305.

h) Тамъ же.

въ свою пользу. Такъ, когда крымскіе царевичи, вмѣстѣ съ 15 тысячами ногайцевъ, вторглись въ русскіе предѣлы и произвели опустошеніе, Московскій Царь пригрозилъ имъ русскими казаками. Къ Урусу была послана изъ Москвы грамота, въ которой, между прочимъ, было сказано: „Мы за такія ваши неправды и грубость предъ нами позволимъ васъ самихъ воевать и ваши улусы *казакамъ* астраханскимъ, и волжскимъ, и донскимъ, и казанскимъ, и мещерскимъ, и надъ вами надъ самими и не таковую досаду учинятъ; и *намъ* уже нынеча *своихъ казаковъ унять немочно*“ [a]. Эта угроза тѣмъ болѣе должна была имѣть значеніе, что зажиточные изъ ногайцевъ были недовольны своимъ *нурадыномъ* [b] Урусомъ за то, что онъ „переграбилъ русскихъ пословъ, отстаетъ отъ Государя и хочетъ завоеваться съ нимъ; „а только (говорили они) *государь велитъ казакамъ* отняти у насъ Волгу, и Самару, и Яикъ—и *намъ*, де, *всѣмъ отъ казаковъ пропасти:* улусы наши, и женъ, и дѣтей поемлютъ и намъ гдѣ ся дѣти“ [c].

Московское правительство, не желая допускать перехода ногайцевъ въ Крымъ, давно было озабочено устройствомъ крѣпостей въ низовьяхъ Волги; того же желалъ и ногайскій ханъ Измаилъ, такъ-какъ усиленіе крымскаго хана новыми улусами было противно его интересамъ. Не располагая самъ достаточными для того средствами, Измаилъ просилъ московскаго государя еще въ 1555 году, чтобы онъ приказалъ поставить *«на всѣхъ перевозѣхъ* (чрезъ Волгу) *по двѣсти человѣкъ»*, дабы враги *«не пришли водянымъ путемъ»*. Въ слѣдующемъ году Измаилъ обратилъ вниманіе Грознаго и на тѣ пункты на Волгѣ, въ которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало построить города и поставить воеводъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы враждебные ему мурзы, *«отъѣхавшіе»* отъ него, не переходили черезъ Волгу ни съ правой стороны на лѣвую, ни обратно; Измаилъ указывалъ на устье р. Самары, на Переволокъ (отъ Волги къ Дону) и на р. Иргизъ [d]. Желаніе Измаила вполнѣ отвѣчало и стремленіямъ Московскаго правительства, которое, помимо огражденія ногайскихъ интересовъ, близкихъ въ это время и для Москвы, надѣялось чрезъ построеніе городовъ въ отмѣченныхъ мѣстахъ ослабить, если не вовсе прекратить, грабежи казаковъ, нападавшихъ на торговые караваны и суда, шедшіе изъ Казани въ Астрахань и обратно. Поэтому Грозный отвѣчалъ

---

[a]) Тамъ же, стр. 306.

[b]) Нурадынъ—второе лицо послѣ хана въ ногайской ордѣ; сановникъ же, слѣдующій за нимъ, назывался кехковатъ.

[c]) Тамъ же, стр. 305 и 306.—Ср. Арх. Мин. И. Д., рук. № 9, л. 157; № 10, л. 140 и 265.

[d]) Росс. Вивл., ч. XXIX, стр. 190—210.

Измаилу, что онъ *«въ тѣхъ мѣстахъ, учиня крѣпости,* велитъ многимъ людямъ[a] стояти и беречи бѣглыхъ мурзъ накрѣпко". Но начавшаяся съ Ливоніей война отвлекла вниманіе Грознаго,—и постройка городовъ на Волгѣ была отложена на неопредѣленное время. На волжскую Переволоку былъ посланъ атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, а на р. Иргизъ стрѣлецкій сотникъ Степанъ Кобелевъ *«со многими людьми»,* которымъ было приказано стоять на Волгѣ до осени и „беречи Нагаи отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ..., чтобъ имъ лиха не было"; помогать Измаилу въ его борьбѣ съ непріятелями и перевозить пословъ[b]. Но казаки—разбойники, обманомъ заманивъ къ себѣ Ляпуна Филимонова съ его товарищами, всѣхъ перебили ихъ[c]. Послѣ этого Грозный еще болѣе убѣдился въ необходимости построенія городовъ на Волгѣ; но и на этотъ разъ ему помѣшала война съ Швеціей и Польшей. На Волгѣ и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ были пока учреждены сторожи съ *станичными головами,* вожами, а позднѣе съ *стоялыми* головами, „которые своими разъѣздами должны были обхватывать все пространство отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца"[d]. Но всѣ эти палліативныя мѣры не достигали желаемой цѣли.—Въ послѣдніе годы царствованія Грознаго казачьи разбои и грабежи усилились до того, что отъ нихъ терпѣли не только торговыя суда, а и царскіе послы[e].

Вскорѣ, по завоеваніи Казани и Астрахани, на берегахъ средней Волги возникаютъ русскіе городки: Чебоксары, Кокшайскъ[f], Козмодемьянскъ, Тетюши, а нѣсколько позднѣе—Цивильскъ, Царевококшайскъ и др.[g]; на нижней же Волгѣ не было ни какихъ укрѣпленій, которыя бы сдерживали набѣги кочующихъ здѣсь ордъ и мѣшали грабежамъ воровскихъ казаковъ. Самымъ любимымъ и наиболѣе безопаснымъ мѣстопребы-

---

[a]) Тамъ же, стр. 215—216. Слич. Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.", стр. 285—286.

[b]) Тамъ же, стр. 286. Ср. Ник. лѣт. VII, 1557 г., стр. 278—279; Росс. Вивл. ч. XXIX, стр. 253—254.

[c]) Тамъ же, стр. 286—287.

[d]) И. Д. Бѣляевъ: *„О станичной и сторожевой службѣ"*. См. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 г., IV, стр. 21—22.

[e]) См. выше стр. 283.

[f]) Городъ Кокшайскъ, основанный въ 1574 году, не должно смѣшивать съ Царевококшайскомъ. Кокшайскъ находится на мѣстѣ нынѣшняго села Кокшайскаго Больше-Шигаевской волости, Царевококшайскаго уѣзда. Село Кокшайское расположено на луговой сторонѣ Волги, ниже Маріинскаго Посада, верстъ на 5; верстъ на пять ниже Кокшайскаго впадаетъ въ Волгу р. Малая Кокшага, а на полверсты выше села—Большая Кокшага; отъ села до Волги также не болѣе полуверсты. До Царевококшайска отъ села Кокшайскаго считается 60 верстъ по прямой линіи на СВ.

[g]) Основаніе Чебоксаръ относятъ къ 1555 г. а основ. Козмодемьянска и Тетюшъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго. Въ разрядныхъ книгахъ впервые упоминается о Тетюшахъ подъ 1578 годомъ. См. Поволжье въ XV и XVI в., Перетятковича, стр. 237—239 и 241. Ср. Древніе города и др. булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. С. М. Шпилевскаго, стр. 96 и 322.

ваніемъ казаковъ-разбойниковъ сдѣлались Жегулевскія горы, составляющія правый берегъ Волги отъ деревни Морквашъ и села Жегулей[a]) до Самары. Въ чащѣ лѣсовъ и въ глубинѣ пещеръ этихъ живописныхъ горъ, воровскіе казаки находили надежный и удобный для себя пріютъ, а съ вершинъ ихъ величавыхъ и высокихъ утесовъ они могли наблюдать за появленіемъ на Волгѣ торговыхъ каравановъ и царскихъ судовъ. Замѣтивъ идущія по Волгѣ суда, они спѣшили къ своимъ легкимъ челнамъ и плыли на нихъ по р. Усѣ[b]) до того мѣста, гдѣ нынѣ находится село Переволовка[c]); затѣмъ *переволакивались* на Волгу и неожиданно нападали на царскія и купеческія суда и грабили ихъ.

Мѣстные жители селъ и деревень, находящихся въ Самарской лукѣ, и понынѣ указываютъ на нѣкоторые притоны казаковъ-разбойниковъ; такъ крестьяне селеній Ермаковки и Кольцовки указываютъ тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ Ермакъ Тимофеевичъ, завоеватель Сибири, и его сподвижникъ Иванъ Кольцо, о которомъ не разъ упоминаетъ въ своихъ грамотахъ и Грозный, какъ объ особенно энергичномъ атаманѣ воровскихъ казаковъ[d]).—Въ виду столь важнаго значенія для воровскихъ казаковъ этой мѣстности, Московское правительство и обратило свое вниманіе прежде всего на Самарскую луку. Въ 1586 г., при устьи р. Самарки, положено было основаніе городу Самарѣ[e]); затѣмъ вскорѣ возникаютъ города Царицынъ[f]) и Саратовъ[g]), а въ XVII в. Симбирскъ и Сызранъ[h]).

---

[a]) Деревня Морквашъ находится на правомъ берегу Волги версты на двѣ повыше г. Ставрополя, а въ пяти верстахъ отъ Морквашъ—село Жегули. Деревни „Морквашъ" не нужно смѣшивать съ селомъ „Морквашъ", находящемся также на правомъ берегу Волги, верстъ на 12 выше Казани. Село Морквашъ очень древнее: о немъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ концѣ XIV в. См. Полн. Собр. Лѣт., т. VIII, стр. 21, подъ 1374 г. Ср. „Поволжье". Перетятковича, стр. 241 и 244.

[b]) Рѣка Уса впадаетъ въ Волгу въ сѣверной части Самарской луки, близъ села Усолья; она перерѣзываетъ Самарскую луку почти поперегъ и въ южной ея части приближается къ Волгѣ.

[c]) Переволовка—большое село, Сызранскаго уѣзда, находящееся на правомъ берегу Волги, верстъ на 90 ниже Самары.

[d]) Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 312. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, рук. № 10, л. 163 и 258. Ср. Гор. пос. Росс. Импер. IV, стр. 540.

[e]) Тамъ же, стр. 314. Крымскія дѣла 1586—1587 г., въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, л. 11, 13, 36. Ср. И. Гос. Росс. Карамзина, т. X, пр. 40.

[f]) Время основанія Царицына, построеннаго на мѣстѣ татарскаго городка Сарычинъ (желтый песокъ), съ точностію не извѣстно; но несомнѣнно, что онъ возникъ вскорѣ послѣ Самары и раньше Саратова, основаніе котораго относятъ къ 1590—1592 г.

[g]) Первоначальный Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Саратовки, верстъ на десять или двѣнадцать выше нынѣшняго Саратова, основаннаго въ 1605 году. См. „Иллюстр. Спутникъ по Волгѣ", С. Монастырскаго. Казань, 1884 г., ч. II, стр. 232.

[h]) Годъ основанія этихъ городовъ тоже съ точностію не опредѣленъ; несомнѣнно одно, что Симбирскъ старше Сызрана лѣтъ на 40. Перетятковичъ въ своемъ изслѣдованіи: „*Поволжье въ XV и XVI в.*" относитъ основаніе Симбирска то къ 1646 г. (стр. 321), то къ 1648 г. (стр. 317), равно какъ и основаніе Сызрана—то къ 1683 г. (стр. 317), то къ 1685 г. (стр. 242).

Устройство русскихъ городовъ на берегахъ Волги и ея притокахъ[a], какъ и слѣдовало ожидать, вызвало недовольство со стороны коренныхъ обитателей края, особенно со стороны ногайцевъ. Въ сентябрѣ 1586 года ногайскій нурадынъ князь Урусъ отправилъ въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ и крымскому царевичу Муратъ-Гирею, жившему въ Астрахани[b], своихъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ ногайскими мурзами, настаиваетъ на томъ, чтобы русскіе снесли городъ Самару, угрожая въ противномъ случаѣ его разореніемъ[c].—Муратъ-Гирей, по просьбѣ русскихъ воеводъ, пригласилъ пословъ Уруса къ себѣ на обѣдъ и заявилъ имъ о власти, данной ему русскимъ Государемъ надъ рѣками Терекомъ, Дономъ, Яикомъ и Волгою. Указывая на вновь построенные русскими города на Волгѣ и ея притокахъ, Муратъ-Гирей, по внушенію воеводъ, заявилъ, что тѣ города построены „по его къ Государю челобитью". Муратъ-Гирей, обратившись къ посламъ Уруса, сказалъ: „писалъ ко мнѣ Урусъ князь, что ему отъ воровъ, отъ казаковъ—великая тѣснота, и я Государю билъ челомъ, и Государь для моего челобитья и оберегаючи Уруса князя и всѣхъ мурзъ, и хотя видѣти князя Уруса такъ, какъ Измаила князя, *да велѣлъ поставити городы на Самарѣ и на Бѣлой Воложкѣ* на Уфѣ; да и впредь Государю городъ ставити... гдѣ ему надобѣ. И для чего Урусъ князь велитъ городы разрушити?.. отъ государевыхъ городовъ убытковъ ему нѣтъ, а прибыли много: казаки его ничѣмъ не тронутъ... Говорю вамъ правду по своей вѣрѣ по мусульманской. Не дуруй, князь Урусъ да и вы... государевымъ жалованьемъ есть у насъ здѣсь многая рать огненнаго бою... который будетъ не въ правдѣ—и къ Государю не отпишу да велю разорити"[d]. Послы отвѣчали царевичу: „вѣдаетъ Государь, Богъ да ты, что Государь ни повелитъ да и вы, такъ и сдѣлаемъ, буди повелѣнье Государево и ваше"[e].—Надѣливъ пословъ Уруса „царскимъ жалованьемъ", Муратъ-Гирей отправилъ съ ними отъ себя грамоты къ Урусу и къ ногайскимъ мурзамъ[f].

Въ то же время ногайскіе послы являлись и къ Московскому царю,

---

[a]) Въ 1557 г. на берегахъ Камы былъ основанъ Лаишевъ, а въ 1586 г., одновременно съ Самарой, на р. Бѣлой—г. Уфа.

[b]) Муратъ-Гирей, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Саадатъ-Гиреемъ, бѣжалъ изъ Крыма, спасаясь отъ своего родственника, который, съ помощью Турецкаго султана, овладѣлъ Крымскимъ ханствомъ. Въ Россіи ихъ приняли хорошо; Муратъ-Гирей былъ водворенъ въ Астрахани, гдѣ окружили его большимъ почетомъ, взявъ съ него обѣщаніе помогать Московскому царю противъ Крыма и другихъ его непріятелей. См. въ изслѣдованіи Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.", стр. 315.

[c]) Тамъ же, стр. 314.

[d]) Тамъ же, стр. 316 и 316. Арх. М. Иностр. Дѣлъ. Крымскія дѣла 1586 г., л. 12—18.

[e]) Тамъ же, стр. 816.

[f]) Тамъ же.

съ изъявленіемъ своего неудовольствія на заведеніе новыхъ городовъ на Волгѣ. Отпуская ихъ изъ Москвы, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отправилъ съ ними и нѣсколько боярскихъ дѣтей, во главѣ съ Ѳеодоромъ Гурьевымъ, и 23 сентября 1586 г., между прочимъ, писалъ: «*въ новый Самарскій городокъ*» воеводѣ князю Григорью Осиповичу Засѣкину: „И какъ Федоръ Гурьевъ съ товарищи и съ ногайскими послы въ Самарскій городокъ пріѣдутъ, и ты бы ихъ отпустилъ къ Астрахани" [a].

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что Самара была основана не позже 1586 г.; тогда же были поселены въ Самарскомъ городкѣ и «*служилые жалованные люди*»: 200 казаковъ, 65 иноземцевъ и 33 ч. дворянъ [b]. Эта горсть храбрыхъ людей, увеличиваясь постепенно въ своемъ составѣ, оберегала не только Самарскій городокъ, но и смежныя съ нимъ земли отъ набѣговъ и грабежей кочевниковъ. Въ концѣ XVII вѣка Самарскіе казаки были награждены за свои заслуги землями, а въ 1735 году получили и особое знамя [c]. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую экспедицію, безъ сомнѣнія, воспользовался Самарскими казаками для рекогносцировокъ заранѣе хорошо имъ извѣстной мѣстности, при выборѣ удобныхъ для крѣпостей пунктовъ, въ топографическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ: самъ Кирилловъ, конечно, не могъ бы такъ хорошо и быстро оріентироваться въ совершенно неизвѣстномъ ему дотолѣ краѣ, какъ справедливо замѣтилъ С. Н. Севастьяновъ въ своемъ рефератѣ: «*Къ вопросу объ образованіи Оренбургскаго казачьяго войска*» [d]. Съ построеніемъ первоначальнаго Оренбурга, или нынѣшняго Орска, Самарскіе и Алексѣевскіе казаки были переведены на службу въ Оренбургъ, сдѣлавшись, такъ сказать, ядромъ Оренбургскаго казачьяго войска, на что, между прочимъ, указываютъ и вещественные памятники старины: въ числѣ знаменъ, хранящихся въ штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска, имѣются пять знаменъ и одиннадцать значковъ, пожалованныхъ Самарскимъ и Алексѣевскимъ казакамъ въ 1734 и 1735 годахъ [e]. Въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска также вошли Уфимскіе, Исетскіе, Донскіе [f] и частію Яицкіе казаки [g], съ примѣсью татаръ, башкиръ, мещеряковъ и калмыковъ. 27 іюля 1744 года состоялся высо-

---

[a] Стариковъ: „*Откуда взялись казаки*", стр. 167—168.
[b] Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 309.
[c] Указы 15 мая и 16 іюля 1735 г.
[d] Оренб. Листокъ за 1889 г., № 6. Протоколъ I очереднаго засѣданія Оренб. ученой арх. коммиссіи, 31 января 1889 г.
[e] Волжскій Вѣстникъ 1889 г., № 104, стр. 3.
[f] Стариковъ: „*Откуда взялись казаки*", стр. 173, 174.
[g] Сакмарскій городокъ и Верхнеозерная крѣпость были заселены добровольцами изъ Яицкаго войска.

чайшій указъ о зачисленіи въ Оренбургское казачье войско всѣхъ пришельцевъ, поселившихся въ крѣпостяхъ Оренбургской губерніи; сюда же были переселены казаки съ Закамской линіи изъ редутовъ: Липовскаго, Тархановскаго, Хорошевскаго и фельдъ-шанцевъ: Кичуйскаго, Черноярскаго, Шешминскаго и друг. Казаки, жившіе по крѣпостямъ, назывались крѣпостными и управлялись комендантами, а тѣ, которые жили въ городахъ и слободахъ, имѣли выборное начало и управлялись атаманами и старшинами.

Въ 1755 году высочайше былъ утвержденъ штатъ Оренбургскаго казачьяго войска, составленный Неплюевымъ; тогда же причислены были къ Оренбургскимъ казакамъ и Исетскіе казаки, въ количествѣ тысячи человѣкъ[a]), кромѣ отставныхъ и малолѣтковъ. По штату 1755 года въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ считалось всего 5597 чел., изъ нихъ 1797 чел. были на жалованьи[b]). Во главѣ управленія былъ поставленъ войсковой атаманъ, имѣвшій тѣ же права и обязанности, какъ и атаманъ Яицкаго войска, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору[c]). Въ 1756 г. даны были особые военные значки и знамена Оренбургскимъ казакамъ. Въ штабѣ Оренбургскаго войска доселѣ хранятся: одно войсковое знамя, одно полковое, пожалованное Оренбургскому непремѣнному полку 21 мая 1756 г., и девять военныхъ значковъ, данные тогда же[d]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Оренбургское казачье войско не было создано искуственно чьей-либо административной рукой, а что оно постепенно слагалось изъ тѣхъ же смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей, какъ и прочія казачьи общины, имѣя въ своей сѣдой старинѣ кровное родство и съ Донскими казаками, и съ подвижниками Ермака Тимоѳеевича, отъ которыхъ произошли Исетскіе казаки, вошедшіе въ составъ Оренбургскаго войска; но до построенія Оренбурга Оренбургскіе казаки были извѣстны подъ другими именами; названіе же (а не люди) «*Оренбургскіе казаки*» впервые является при Кирилловѣ; Неплюевъ даетъ Оренбургскимъ казакамъ правильную военную организацію, но не онъ de facto полагаетъ начало этому войску, какъ думаетъ г. Хорошхинъ.

Дѣятельность Неплюева, по устройству крѣпостей и оборонѣ края, не осталась безъ вліянія и на проведеніе Сибирской линіи укрѣпленій. Сознавая необходимость соединенія Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вскорѣ, по прибытии въ Оренбургъ, вошелъ въ соглашеніе съ сибирскимъ

---

a) Стариковъ: „*Откуда взялись казаки*", стр. 174.

b) А не 1000 чел., какъ утверждаетъ полковникъ Хорошхинъ, см. выше стр. 282.

c) Рябининъ: „*Уральское казачье войско*". Приложеніе № 5. Указъ В. Колл. 14 апрѣля 1755 г.

d) „Волжскій Вѣстникъ" 1889 г., № 104, стр. 3.

губернаторомъ Сухаревымъ[a], относительно этого соединенія, и въ 1743 году представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ говоритъ о необходимости устройства крѣпостной линіи отъ р. Тобола, начиная съ стараго Утяцкаго форпоста, на Коркину Слободу, а отсюда—къ Иртышу на Чернолуцкую Слободу[b], съ цѣлію «*закрытія сибирскихъ мѣстъ отъ набѣговъ съ киргизъ-кайсацкой стороны*». Сенатъ предписалъ генералъ-маіору Сухареву, чтобы онъ лѣтомъ 1744 года лично осмотрѣлъ означенную мѣстность и назначилъ, гдѣ „крѣпостямъ и между оными редутамъ и маякамъ быть, и всему оному расположенію чрезъ геодезистовъ учинить карту". Сухаревъ, вмѣсто личнаго осмотра мѣстности, поручилъ это дѣло капитану Новоселову, который, при помощи командированныхъ съ нимъ геодезистовъ, составилъ описаніе и ландкарту осмотрѣнныхъ имъ мѣстъ и 32 плана предположенныхъ къ устройству крѣпостей и редутовъ; губернаторъ Сухаревъ данныя, добытыя Новоселовымъ, препроводилъ въ Сенатъ. Такъ-какъ Новоселовъ въ своемъ описаніи мѣстности совершенно умолчалъ о качествѣ почвы и ея пригодности, для устройства укрѣпленій; то Сенатъ, указывая на этотъ важный пробѣлъ, писалъ Неплюеву: „и затѣмъ на осмотрѣ того капитана съ геодезистами[c] утвердиться и въ дѣло той линіи[d] вступить не можно". Въ виду этого, Сенатъ, 11 сентября 1744 года, постановилъ: командировать къ Сухареву изъ Москвы подполковника Кутузова, которому дана была особая инструкція, а Сухареву предписано дать Кутузову въ помощь «*инженерныхъ служителей пристойное число,*» а въ случаѣ, если бы ихъ не оказалось,—«*офицеровъ, то искусство знающихъ*». Кутузовъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на то, какая гдѣ земля и «*можно-ль изъ оной то крѣпостямъ и линіи*[e] *строеніе дѣлать,*» а также—удобна-ли означенная мѣстность для осѣдлой жизни, сколько и какого тамъ лѣса, каковы луга, воды и т. п. По выполненіи порученія, Новоселовъ, согласно данной ему Сенатомъ инструкціи, обязанъ былъ явиться въ Тобольскъ и, совмѣстно съ Сухаревымъ, обсудить результаты собранныхъ имъ данныхъ, а губернаторъ долженъ былъ представить дѣло въ Сенатъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, указавъ въ немъ, чрезъ какія мѣста удобнѣе было-бы вести страте-

---

[a]) У Старикова Сухаревъ названъ почему-то Рыкачевымъ. См. его кн. "*Откуда взялись казаки*", стр. 162.

[b]) Сенатскій указъ Неплюеву отъ 4 декабря 1745 г. за № 1494. См. въ Тург. Обл. Арх.; ст. указовъ 1746 г., л. 13 и далѣе.

[c]) Въ подлинномъ указѣ: „згеодезистами".

[d]) Въ подл. „вдѣло".

[e]) Въ подл. „линѣи".

гическую линію; сколько это будетъ стоить; въ какой срокъ и при помощи какихъ людей можно ее устроить и сколько потребуется войска, для безопаснаго содержанія линіи отъ непріятеля. Кутузовъ 11 іюля 1745 г. выѣхалъ изъ Тобольска, для осмотра мѣстности, въ сопровожденіи капитана Новоселова. Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Киндерманнъ, находившійся въ верховьяхъ Иртыша, еще 14 мая 1743 года доносилъ изъ Тары въ Сенатъ, что онъ, по предварительномъ сношеніи съ Неплюевымъ, командировалъ маіора Олонецкаго драгунскаго полка Сташкѣева и геодезіи поручика Шишкова, при одной гренадерской ротѣ и 500 Яицкихъ казаковъ, для осмотра мѣстности отъ р. Тобола до р. Ишима и отъ Ишима до Омской крѣпости. Сташкѣевъ, 8 іюля того же года, изъ Омской крѣпости донесъ Киндерманну о результатахъ своей экспедиціи, изслѣдовавшей мѣстность отъ урочища „Звѣриная Голова" до Омской крѣпости, на протяженіи 621 версты и 400 саженъ. Сообщая Киндерманну о привольности и удобствѣ этихъ мѣстъ къ осѣдлой жизни, Сташкѣевъ представилъ и описаніе тѣхъ мѣстъ, которыя были избраны имъ для устройства 11 крѣпостей и 31 редута. Сташкѣевъ, между прочимъ, находилъ необходимымъ устроить крѣпости на р. Верхней Алабугѣ, впадающей съ правой стороны въ Тоболъ, и на озерахъ Кабаньемъ и Камышномъ, какъ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ отъ нападенія киргизовъ. Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду доношеніе Киндерманна, приказалъ: „для наискорѣйшаго по данной подполковнику Кутузову инструкціи вышеписанныхъ мѣстъ осмотру и описанія, оного подполковника Кутузова поручить всмотрѣніе[a] и вполную диспозицію ему генералъ-маэору Киндерманну"[b]. Кутузовъ долженъ былъ составить ландкарту осмотрѣнной мѣстности, избрать мѣста для крѣпостей, редутовъ и маяковъ и, согласно инструкціи Сената, „накрѣпко смотрѣть, чтобъ настоящихъ нужныхъ и угодныхъ мѣстъ за линіею не осталось, напротивужъ того и внутрь киргизскихъ земель не вдаваться, чтобъ тѣмъ не подать имъ причинъ и претензій, а паче, при нынѣшнихъ съ зюнгорцами обстоятельствахъ, и къ возмущенію"[c]. Сообщая объ этомъ Неплюеву, Сенатъ присовокупляетъ: „для лучшаго о томъ изъясненія имѣть ему (Кутузову) сношеніе и съ вами господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, и гдѣ по тому сношенію оная линія назначена будетъ, оныя всѣ мѣста, наложа на карту, съ пріобщеніемъ своего мнѣнія какъ о той линіи, такъ и прочемъ... прислать въ Сенатъ съ нимъ подполковникомъ

[a]) Правоп. удержано подлинника.
[b]) Тамъ же, л. 17 на оборотѣ.

Кутузовымъ".—Сенатъ, между прочимъ, желалъ знать мнѣніе Неплюева о томъ, откуда можно на ту линію и въ предположенныя крѣпости доставлять провіантъ и какимъ путемъ, сухимъ или воднымъ, и кѣмъ заселять тѣ крѣпости[a].—Неплюевъ представилъ относительно этого особый проэктъ въ Сенатъ, который и былъ утвержденъ. Пограничнымъ пунктомъ Оренбургской линіи съ Сибирской стороны была избрана рѣка Тоболъ, начиная съ урочища „Звѣриная голова"[b], на которомъ въ 1753 году была построена пятиугольная цитадель, обнесенная заплотами, надолбами и рогатками[c],—такъ возникла крѣпость Звѣриноголовская, соединявшаяся съ Оренбургской линіей крѣпостями Бакланской, Куртамышской и Утяцкой.—Устроивъ линію военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ не оставлялъ ихъ безъ присмотра и послѣ: онъ или самъ навѣщалъ ихъ, или же поручалъ надзоръ за ними надежнымъ и опытнымъ сослуживцамъ. Командировавъ въ 1754 г. капитана Назимова, для осмотра всѣхъ крѣпостей отъ Оренбурга до Гурьева, Неплюевъ самъ отправился вверхъ по Уралу и далѣе въ Троицкую крѣпость, съ цѣлію личнаго знакомства съ построенными, по его распоряженію, крѣпостями. Между прочимъ, въ эту поѣздку онъ заложилъ въ Троицкѣ домъ для городской канцеляріи и каменный храмъ, во имя Св. Троицы. Но Неплюевъ сознавалъ, что для спокойствія края не достаточно однихъ укрѣпленій; нужно было дать его обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развить торговлю и промышленность въ краѣ, чтобы чрезъ то привести къ покорности средне-азіатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на Среднюю Азію.

---

[a] Тамъ же, л. 18.

[b] По преданію, на этомъ мѣстѣ была найдена звѣриная голова необыкновенной величины,—не была-ли та голова мамонта?!

[c] Записки Поспѣлова въ Пам. кн. Оренб. губ. 1870 г., отд. IV, 83. Перепечат. въ „Вѣстникѣ Европы," за 1870 г., № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя при чтеніи I т. монографіи Cujusvis hominis est errare.

Стр.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
28	8 сверх.	новигаторъ.	навигаторъ
35	въ пр. *d*)	Устряковъ	Устряловъ
38	6 сверх.	промѣ 1000 ефимкотъ . .	кромѣ 1000 ефимковъ
40	7 —	Si Chiama Don	si chiama, don
—	—	Кодикса	Кадикса
42	7 —	сообшеній	сообщеній
46	15 сниз.	изобительными , ...	изобильными
60	1 —	Импораторскаго	Императорскаго
69	2 сверх.	*военное* гнѣздо	*осиное* гнѣздо
127	26 —	слушилыми.	служилыми
129	18 —	*н*	*и*
134	24 —	успѣшо	успѣшно
139	5 сниз.	рѣчныхъ	рѣчныхъ
221	1 сверх.	бѣглымии*зъ*.	бѣглыми *изъ*
223	20 —	откаaать	отказать
247	3 сниз.	устройстрво.	устройство
257	11 сверх.	веегда.	всегда
267	10 —	одвихъ	однихъ
275	1 сниз.	кочующикъ.	кочующихъ
280	5 сверх.	служимые	служилые
289	7 сниз.	казаакамъ	казакамъ
291	18 сверх.	нахолилъ.	находилъ

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

и

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. Витевскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Съ приложеніемъ вида съ иконостаса походнаго храма, пожалованнаго Петромъ Великимъ своему крестнику калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, нарѣченному во св. крещеніи Петромъ.

Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусный и прилежаніемъ подобный Рычкову.

Миллеръ.

Монографія удостоена ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва; Учен. Комитет. Мин. Нар. Просв. *одобрена* для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; Главнымъ Управлен. Военно-Учебныхъ Заведеній *рекомендована* для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ военно-учебнымъ заведеній.

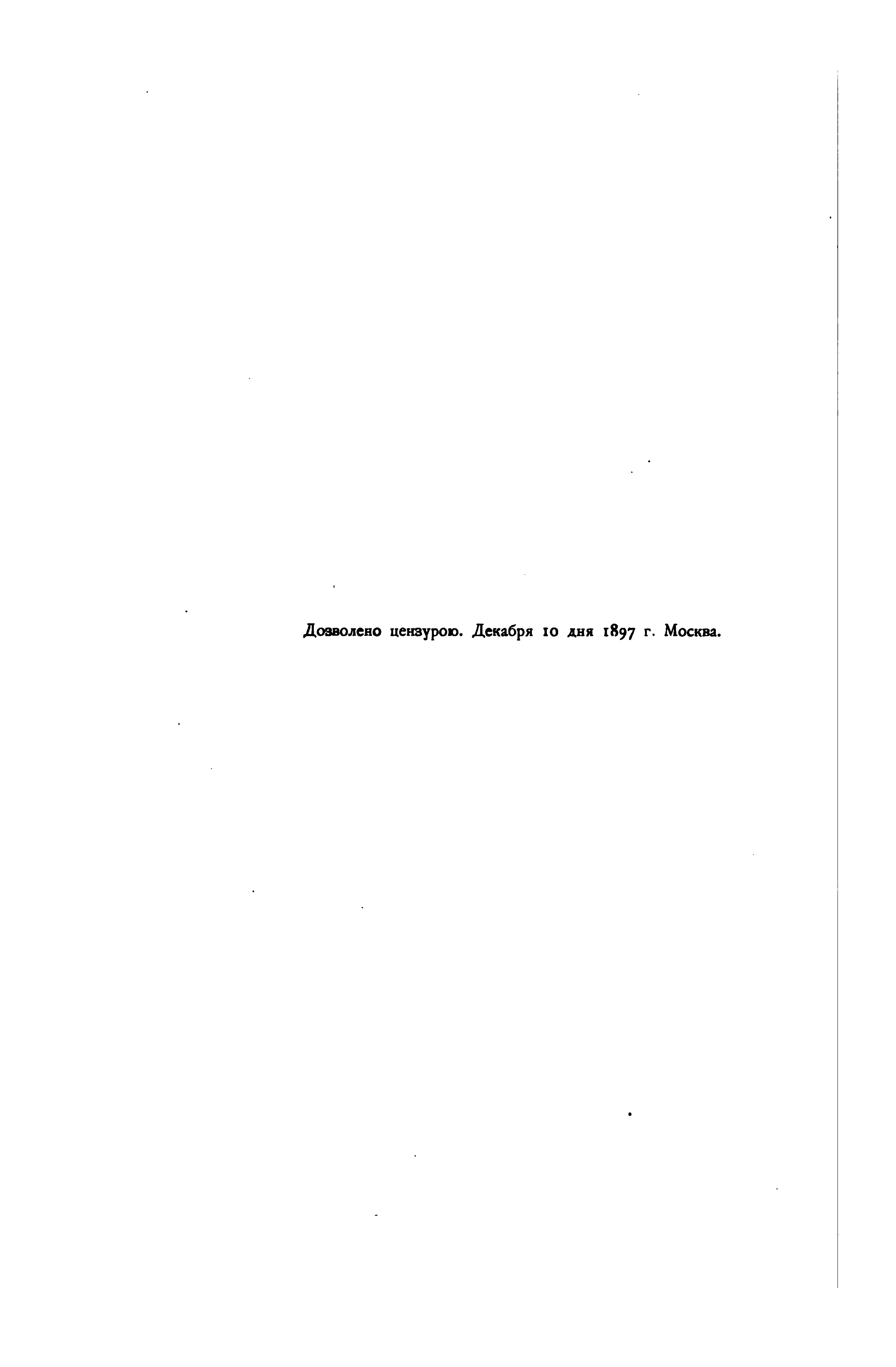
КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная, соб. д.

1897.

Дозволено цензурою. Декабря 10 дня 1897 г. Москва.

Предисловіе ко второму тому.

Настоящій второй томъ монографіи, какъ и первый, состоитъ изъ десяти главъ (XI—XX). Въ XI главѣ говорится о реорганизаціи Яицкаго войска при Неплюевѣ; въ XII гл.—о причинахъ побѣговъ изъ центральной Россіи на ея окраины, объ отношеніи Неплюева къ бѣглымъ въ Оренбургскій край, къ безпаспортнымъ и раскольникамъ на р. Иргизѣ и Яикѣ; главы XIII и XIV содержатъ въ себѣ исторію Уфимской провинціи до Неплюева и при немъ; въ главѣ XV излагается ходъ волненія мещеряковъ, тептярей и бобылей въ Уфимской провинціи при Неплюевѣ; гл. XVI знакомитъ читателя съ колонизаціей Исетской провинціи и ея административнымъ устройствомъ во время Неплюева, при чемъ говорится и вообще о заселеніи Оренбургскаго края; послѣднія четыре (XVII—XX) главы этого тома посвящены исторіи калмыковъ до ихъ обращенія въ христіанство и особенно исторіи крещеныхъ ставропольскихъ калмыковъ; при этомъ подробно разсматривается организаторская и административная дѣятельность по отношенію къ нимъ Неплюева. Къ настоящему тому прилагается литографированный видъ (стр. 505) съ иконостаса походнаго храма, пожалованнаго Императоромъ Петромъ Великимъ его крестнику, калмыцкому князю Баксадай-Дорджи, названному при св. крещеніи Петромъ Петровичемъ Тайшинымъ. Свѣдѣнія объ этомъ весьма интересномъ въ церковно-археологическомъ отношеніи памятникѣ, сообщаемыя въ настоящемъ томѣ (стр. 505—507), дополняются въ «Приложеніи» (т. IV, стр. 24—26) къ монографіи описаніемъ напрестольнаго креста, антиминса, потира, дискоса, Евангелія и другихъ священныхъ предметовъ, пожалованныхъ Петромъ Великимъ въ походный храмъ его крестника. Въ виду того, что въ монографіи о самомъ Тайшинѣ сказано весьма кратко, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя интересныя о немъ свѣдѣнія, опущенныя въ книгѣ по недосмотру наборщика и корректора.

Баксадай-Дорджа, внукъ калмыцкаго хана Аюки (отъ старшаго его сына Чакдоръ-Джаба), былъ крещенъ въ Петербургѣ въ 1724 году; воспріемникомъ его при св. крещеніи былъ самъ Императоръ Петръ Великій, въ воспоминаніе чего новопросвѣщенный князь и былъ названъ Петромъ Петровичемъ, по прозванію Тайшинымъ. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, на имя астраханскаго губернатора А. П. Волынскаго «съ товарищи», послѣдовалъ именной высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось «выдавать принявшему христіанскую вѣру Петру Тайшину по тысячѣ рублей жалованья и по пяти сотъ четвертей хлѣба».—Кромѣ того, при своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, Тайшинъ получилъ тысячу рублей на дорогу и на 500 р. „мягкой

рухляди“, а для безопасности его въ пути назначенъ былъ къ нему охранный конвой изъ 24 драгунъ, подъ начальствомъ особаго сержанта. Во исполненіе вышеозначеннаго указа, астраханскій губернаторъ долженъ былъ защищать царскаго крестника отъ обидъ его братьевъ и другихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, а въ случаѣ надобности—«и войсками оборонять», назначить къ нему особаго пристава, который находился-бы при немъ безотлучно и былъ избранъ „изъ Шахматовыхъ или иного подобнаго, по разсмотрѣнію губернаторскому“. Согласно указу, приставомъ къ Тайшину былъ назначенъ поручикъ Лука Шахматовъ и въ помощь къ нему—изъ саратовскихъ дворянскихъ дѣтей Алексѣй Левашевъ; сверхъ того Тайшину дано было одиннадцать человѣкъ толмачей изъ казаковъ, во главѣ коихъ находился Косьма Козонковъ. Тѣмъ же указомъ повелѣвалось семи дворянамъ, состоявшимъ при Тайшинѣ и крещенымъ изъ калмыкъ выдавать жалованья по 20 р. въ годъ на человѣка, а „ежели дѣти Тайшина, которыя есть и впредь будутъ креститься, то имъ давать жалованья противъ Тайшина десятую долю“. [1])

Между тѣмъ Св. Синодъ, вслѣдствіе высочайшаго указа, предписалъ 8 февраля 1725 года находившимся въ Москвѣ синодальнымъ членамъ: преосвященному Леониду, [2]) архіепископу сарскому и подонскому, Троицы-Сергіева монастыря архимандриту Гавріилу и Новоспасскаго монастыря архимандриту Іерофею: „отправить новопросвѣщенному ханскому внуку походную церковь, утварь и книги, а также искуснаго священника, и ради обученія калмыцкаго языка изъ школьниковъ причетническихъ дѣтей, ученыхъ (т. е. грамотныхъ) людей пять человѣкъ“. 11 февраля того же года послѣдовалъ новый указъ, которымъ повелѣвалось, по выбору Св. Синода, командировать къ Тайшину священника и „школьниковъ, знающихъ грамотѣ, сколько онъ, Тайшинъ, требовать будетъ, хотя до 10 чел., которые тамъ могли-бы обучиться калмыцкому языку и письму, и впредь-бы изъ нихъ могли быть священники и діаконы“.—Въ исполненіе этого указа, Св. Синодъ назначилъ къ Тайшину іеромонаха Александроневскаго монастыря (нынѣ лавра) Никодима Линкеевича, [3]) а въ помощь ему были даны изъ Московской славяно-латинской школы трое учениковъ: Андрей Чу-

---

[1]) Дѣла Арх. Калм. Упр. за 1723 г. (№ 24) и 1725 г. (№ 25). См. въ Ж. Мин. Н. Пр. статью К. И. Костенкова: „О распространеніи христіанства у калмыковъ“ (1869 г., августъ, стр. 126). Сравн. статью Ѳ. М. Юштина: „Обозрѣніе мѣропріятій Правительства къ распространенію христіанства между калмыками“, стр. 4. Астрахань, 1883 г.

[2]) См. о немъ въ приложеніи, стр. 25, снос. [2]).

[3]) Никодимъ (въ мірѣ Николай) Линкеевичъ былъ родомъ полякъ изъ повѣта Брянскаго земли Бѣльской; родился въ 1673 г. На 42 году (въ 1715 г.) онъ принялъ монашество и былъ посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха въ Кіево-Печерскій монастырь митрополитомъ тобольскимъ и сибирскимъ Ѳеодоромъ. Въ 1731 году, 20 октября, Никодимъ за свои миссіонерскіе труды среди калмыковъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ въ астраханскій Іоанно-Предтеченскій монастырь, съ подчиненіемъ, вопреки его желанію, епархіальному архіерею Илларіону. За все время своей миссіонерской дѣятельности Никодимъ крестилъ 1664 ч. калмыковъ. Впослѣдствіи Никодимъ, по прошенію, былъ уволенъ на покой въ Михайловскій монастырь Кіевской епархіи, откуда въ 1737—1738 г. онъ, по распоряженію Св. Синода, ѣздилъ въ Ставрополь (Самарскій), гдѣ прожилъ среди крещенныхъ калмыковъ около года и снова удалился на покой; о времени и мѣстѣ его кончины намъ ничего неизвѣстно. См. Ж. М. Н. Пр. 1869 г., сентябрь, стр. 123 и д.

бовскій,[1]) Яковъ Бестужевъ, Иванъ Ляховъ. Никодиму было назначено по 300 р., а школьникамъ по 100 р. въ годъ жалованья, при чемъ на первый разъ велѣно было удовлетворить ихъ деньгами въ Москвѣ изъ сбора съ раскольниковъ, „а впредь давать изъ таможенныхъ сборовъ Астраханской губерніи". При отправленіи на мѣсто, Никодимъ получилъ особую „Инструкцію" о просвѣщеніи новокрещенныхъ калмыковъ ученіемъ христіанской вѣры. [2]) Походная церковь, пожалованная Императоромъ Петромъ Великимъ Тайшину, была освящена 17 февраля 1725 г., какъ это видно изъ надписи, находящейся внизу иконостаса. [3])

Возвратившись изъ Петербурга въ Астрахань, Тайшинъ вскорѣ переѣхалъ на жительство въ свой улусъ, находившійся между р. Волгой и Дономъ, близъ Царицына; здѣсь же находилась походная церковь и весь штатъ князя: іеромонахъ Никодимъ, его помощники, приставъ Тайшина Лука Шахматовъ, конвой и др. лица. Приставъ Шахматовъ, въ силу данной ему „Инструкціи", обязанъ былъ „имѣть за новопросвѣщеннымъ владѣльцемъ неослабный надзоръ", какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ, донося обо всемъ астраханскому губернатору. Никодимъ, въ свою очередь, долженъ былъ непосредственно сноситься съ Св. Синодомъ, помимо епархіальной власти. Изъ его донесеній въ Св. Синодъ видно, что князь Тайшинъ былъ христіаниномъ только по имени и, по-прежнему, держался своихъ обычаевъ, имѣя «сообщеніе болѣе съ своими попами, нежели съ православными; когда же получалъ жалованье, то изъ него раздавалъ некрещенымъ калмыкамъ и попамъ, моленія ради идоламъ». Въ то же время приставъ Шахматовъ доносилъ астраханскому губернатору, что Тайшинъ вмѣшивается въ дѣла политическія и принимаетъ особенно дѣятельное участіе въ спорахъ за право на ханское званіе. Въ своемъ прошеніи, поданномъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Тайшинъ, оспаривая ханское достоинство у Черенъ-Дондука, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императоръ Петръ I, когда я принялъ крещеніе, изволилъ сказать: «что отъ меня пожелаешь, то все исполнено будетъ». И я Его Величеству представлялъ, что бы мнѣ быть на мѣстѣ умершаго дѣда моего Аюкая ханомъ, на что Его Величество соизволилъ сказать: «какъ могу, сдѣлаю».—Получивъ отказъ въ удовлетвореніи своей просьбы, Тайшинъ, соединившись съ своимъ братомъ Дондукъ-Омбо, напалъ на Черенъ-Дондука, разбилъ его и отнялъ у него большую часть подвластныхъ ему калмыковъ. Генералъ-поручикъ Барятинскій, командированный съ войскомъ для усмиренія калмыковъ, захватилъ Тайшина въ плѣнъ, близъ Краснаго Яра, и отправилъ его, вмѣстѣ съ женою, въ Петербургъ, гдѣ властолюбивый Петръ Петровичъ Тайшинъ и скончался въ 1736 году, а его жена была крещена подъ именемъ Анны; ея воспріемницей при св. крещеніи была сама Императрица Анна Іоанновна, почему и назвали ее Анной.

---

[1]) Впослѣдствіи ставропольскій протоіерей, особенно много и ревностно потрудившійся надъ просвѣщеніемъ крещеныхъ калмыковъ свѣтомъ христіанскаго ученія. О. Андрей Чубовскій скончался въ 1780 г. 26 марта.

[2]) См. эту интересную „Инструкцію" въ статьѣ П. Д. Шестакова: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у калмыковъ" (Ж. М. Нар. Просв. 1869 г., сентябрь. Совр. лѣтопись). Ср. П. С. З., т. XI, № 8236.

[3]) См. въ наст. монографіи, стр. 507.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ крещеные калмыки были отдѣлены отъ некрещеныхъ и переселены изъ астраханскихъ степей въ нынѣшнюю Самарскую губернію, гдѣ для нихъ была построена на Волгѣ крѣпость Ставрополь и отведены земли между рѣками Черемшаномъ и Сокомъ. Новопросвѣщенная княгиня Анна Тайшина поселилась въ этой крѣпости и получила въ свое вѣдомство всѣхъ крещеныхъ калмыковъ. Неплюевъ составилъ обширный проэктъ объ устройствѣ ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ, который и былъ утвержденъ Сенатомъ въ январѣ 1745 года. Въ томъ же гону Неплюевъ отправился въ Ставрополь, чтобы непосредственно ознакомиться со состояніемъ крещеныхъ калмыковъ и сдѣлать нужныя распоряженія, относительно практическаго примѣненія своего проэкта. По пріѣздѣ въ Ставрополь, Неплюевъ прежде всего обратилъ вниманіе на отводъ и размежеваніе участковъ для тѣхъ изъ калмыковъ, которые еще не имѣли земли. Находясь въ Ставрополѣ, Неплюевъ обратилъ вниманіе городскихъ жителей на необходимость построенія новаго храма, такъ-какъ раньше выстроенный храмъ угрожалъ опасностью для молящихся. Душевно сорадуясь крещенію многихъ знатныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ, нойоновъ и зайсанговъ, Неплюевъ старался селить ихъ въ Ставрополѣ или въ Оренбургѣ, чтобы черезъ нихъ вліять въ просвѣтительно христіанскомъ духѣ на простыхъ калмыковъ. Не смотря однакожъ на заботы Русскаго Правительства о новопросвѣщенныхъ калмыкахъ, послѣдніе стали убѣгать изъ Ставрополя въ астраханскіе улусы своихъ одноплеменниковъ, которые охотно принимали и укрывали ихъ у себя. Недовольство и побѣги калмыковъ приняли еще болѣе широкіе размѣры, когда Правительство было вынуждено обратиться къ болѣе строгимъ мѣрамъ противъ грабежей и своевольства калмыковъ, обитавшихъ въ низовьяхъ Волги, Дона и Яика (Урала). Наконецъ калмыки, числомъ до 300,000 душъ обоего пола, бѣжали въ Китай, куда ихъ дошло не болѣе 43%, остальные же погибли во время пути; бѣгствомъ калмыковъ въ Китай и кончается настоящій томъ монографіи.

Владиміръ Витевскій.

27 Января 1897 года,
Казань.

ГЛАВА XI.

Проэктъ Неплюева о внутренней реорганизаціи Яицкаго войска.—Порученіе В. Коллегіи Неплюеву и его поѣздка въ Яицкій городокъ.—П. И. Рычковъ и отношенія къ нему Неплюева.—Положеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка.—Штатъ Яицкаго войска, проэктированный Неплюевымъ.—Очередная служба и наёмка казаковъ съ точки зрѣнія Неплюева.—Извлеченія изъ проэкта Неплюева—Отношеніе В. Коллегіи къ проэкту Неплюева.

„Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ, прилежаніемъ и искусствомъ подобный Рычкову".

(*Миллеръ*).

Стараясь обезопасить Оренбургскій край отъ внѣшнихъ враговъ, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на внутреннее устройство новой губерніи: онъ неусыпно и настойчиво старается установить и упрочить въ ней болѣе раціональный порядокъ вещей и улучшить взаимныя отношенія властей къ подчиненнымъ, русскихъ поселенцевъ края къ инородцамъ и инородцевъ—магометанъ и язычниковъ къ обратившимся изъ нихъ въ православіе. Но особенно его безпокоило отсутствіе единодушія и должнаго административнаго устройства среди Яицкаго казачьяго войска. Отдавая полную справедливость смѣтливости, „храбрости и боевымъ способностямъ Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ видѣлъ, что храбрые сына „Яика-Горынича" нуждаются въ реорганизаціи ихъ внутренняго строя и быта, и потому рѣшился ввести нѣкоторыя преобразованія въ завѣтное вѣковое устройство Яицкаго войска. Въ главѣ IX настоящей монографіи мы представили древневѣчевой характеръ Яицко-казачьяго самоуправленія; мы видѣли, когда и почему начались несогласія среди Яицкихъ казаковъ, раздѣлившія ихъ на двѣ противныя партіи: народную и старшинскую, которыя, благодаря взаимной враждѣ, подали поводъ Московскому правительству вмѣшаться въ дѣла Яицкаго войска и желать ограниченія его стариннаго самоуправленія. Различные слѣдователи и фискалы, отправлявшіеся на Яикъ, своею недобросовѣстностью еще больше усилили взаимную

вражду партій въ Яицкомъ войскѣ. Со времени подчиненія Яицкаго войска Военной Коллегіи, старшинская партія беретъ перевѣсъ, благодаря своей солидарности съ стремленіями Военной Коллегіи и видами правительства; но внутренніе безпорядки, по прежнему, продолжали раздѣлять Яицкое войско на два враждебные лагеря, когда оно поступило въ составъ Оренбургской губерніи и было поручено заботамъ и непосредственному наблюденію Неплюева. Между тѣмъ Военная Коллегія, вѣрная своимъ сремленіямъ, предписала Неплюеву собрать и представить слѣдующія свѣдѣнія: 1) „На какомъ основаніи сперва Яицкіе казаки поселены, какія имъ даны вольности и жалованныя грамоты и генерально обо всемъ томъ, что данныхъ казаковъ касается, разсмотрѣвъ, и впредь ихъ на какомъ надежномъ основаніи съ собственною ихъ пользою содержать, о всемъ ономъ представить въ вышерѣченную Коллегію со мнѣніемъ; 2) на какомъ основаніи и въ какомъ числѣ людей войско Яицкое содержать надлежитъ, и почему имъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и прочаго опредѣленнаго въ годъ производить, со станицы зимовыя и легкія присылать отъ того войска надобно-ль, понеже нынѣ все оное войско въ главной командѣ хотя и въ Государственной Военной Коллегіи, однакожъ наиболѣе по близости подъ указами и ордерами его тайнаго совѣтника состоитъ“.—Въ указѣ, полученномъ Неплюевымъ, также замѣчено, что „*о Яицкомъ войскѣ*, когда и какъ оное въ здѣшнихъ мѣстахъ завелось и утвердилось и на какомъ основаніи содержится, *обстоятельныхъ извѣстій* не бывало и *нѣтъ*, что чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно[a]).

Не легкое порученіе давала Военная Коллегія оренбургскому губернатору, если принять при этомъ во вниманіе внутреннюю борьбу партій въ Яицкомъ войскѣ и заклятую ненависть казаковъ ко всякаго рода новшествамъ, особенно же къ штатамъ. Но Неплюевъ, какъ увидимъ, менѣе всѣхъ встрѣтилъ протеста со стороны казаковъ, что объясняется добросовѣстностію его отношеній къ нимъ. Держась всегда русской пословицы, что „свой глазъ—алмазъ“, Неплюевъ 20 августа 1748 г. донесъ Военной Коллегіи, что онъ считаетъ необходимымъ посѣтить лично Яицкій городокъ „и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности Государственной Военной Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ

---

a) Указы 9 декабря 1745 г. и 22 іюля 1748 г. Сравн. въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова (по описи № 3) копію изъ Арх. В. Колл., кн. Казачьяго Пов., № 141, стр. 3 и д. См. „Русск. Архивъ“ за 1878 г., кн. 2, стр. 9.

благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно". Получивъ дозволеніе на выѣздъ изъ Оренбурга въ Яицкій городокъ, Неплюевъ, отправляясь туда, взялъ съ собою и Петра Ивановича Рычкова, сдѣлавшагося правою рукою своего начальника, а потому мы считаемъ совершенно умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ трудолюбивомъ и энергичномъ человѣкѣ, который оставилъ по себѣ вѣчную память въ исторіи Оренбургскаго края своими научно-литературными трудами.

Петръ Ивановичъ Рычковъ, сынъ вологодскаго хлѣботорговца, родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года, а скончался въ Екатеринбургѣ 15 октября 1777 года, 65 лѣтъ отъ роду, переживъ Неплюева почти на четыре года. Онъ погребенъ въ селѣ Спасскомъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, въ трапезѣ имъ самимъ устроеннаго храма; здѣсь же покоится и прахъ его сына, Андрея Петровича, бывшаго комендантомъ Симбирской крѣпости и убитаго подъ Корсуномъ 25 августа 1774 года въ битвѣ съ отрядомъ Пугачева[a]. Отецъ П. И. Рычкова, занимаясь сплавомъ хлѣба по рѣкамъ Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ къ Архангельску, для отпуска за границу, нерѣдко имѣлъ личныя сношенія съ иностранцами, что не осталось безъ вліянія и на его сына. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Рычковъ-отецъ переселился со своимъ семействомъ въ Москву и постарался, при содѣйствіи другихъ, обучить своего малолѣтняго сына, умѣвшаго уже читать и писать по-русски, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, внѣшней торговлѣ и голландскому языку. Даровитый мальчикъ, изучая голландскій языкъ, въ достаточной степени овладѣлъ и нѣмецкимъ языкомъ. Знаніе двухъ живыхъ иностранныхъ языковъ, составлявшее въ то время весьма рѣдкое явленіе между русскими, скоро доставило молодому Рычкову выгодное мѣсто. Въ 1730 г., имѣя 18 лѣтъ отъ роду, Петръ Ивановичъ чрезъ своего отца познакомился въ Петербургѣ съ англичаниномъ Эльмсеномъ[b], который былъ директоромъ казенныхъ ямбургскихъ и жабинскихъ стеклянныхъ заводовъ. Имѣя въ числѣ своихъ рабочихъ не мало иностранцевъ, незнающихъ русскаго языка, Эльмсенъ былъ очень радъ знакомству съ русскимъ юношей, который зналъ два иностранные языка и предложилъ ему мѣсто управляющаго означенными заводами. Рычковъ согласился и прослужилъ при Эльмсенѣ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ, когда рѣшено было перевести заводы въ другія мѣста, Петръ Ивановичъ отправился въ Петербургъ, для пріисканія себѣ

a) Смотр. въ приложеніи № 28.

b) Сравн. выше стр. 76, гдѣ говорится объ англійскомъ купцѣ Виллимѣ Эльмзелѣ.

новой службы и, благодаря оберъ-секретарю Сената Ив. К. Кириллову, получилъ мѣсто переводчика въ таможнѣ. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую Экспедицію, взялъ съ собою, въ качествѣ бухгалтора, и П. И. Рычкова, который съ этого времени всецѣло посвятилъ себя и свои труды устройству и преуспѣянію Оренбургскаго края, въ теченіе сорока лѣтъ, начиная съ Кириллова и до Рейнсдорпа включительно. При первыхъ начальникахъ края Рычковъ былъ употребляемъ, по его собственному выраженію: „къ самонужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ", управлялъ ихъ канцеляріей и находился при нихъ безотлучно. Припомните, что писалъ о немъ князь В. А. Урусовъ В. Н. Татищеву, своему предшественнику по управленію Оренбургскимъ краемъ, по поводу заведенной Татищевымъ татаро-калмыцкой школы въ Самарѣ[a]). Съ прибытіемъ въ Оренбургскій край Неплюева, для трудолюбиваго Рычкова открывается самое широкое поле дѣятельности, какъ увидимъ это дальше. Петръ Ивановичъ, полный силъ и энергіи, невольно былъ увлеченъ примѣромъ Неплюева и работалъ, если можно такъ выразиться, изъ всѣхъ силъ, для счастія и благоденствія излюбленнаго имъ края. Нельзя не пожалѣть о томъ, что всегда откровенный Рычковъ, находясь безотлучно при Неплюевѣ, умолчиваетъ въ своей автобіографіи о служебныхъ заслугахъ и занятіяхъ во время управленія краемъ Неплюева, а только, какъ бы мимоходомъ, замѣчаетъ: „сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я употребляемъ, сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ Оренбургской Коммисіи, а потомъ Губернской Канцеляріи останется вѣдомо. "Дѣйствительно, какъ бы въ уваженіе къ плодотворной дѣятельности Рычкова, всеразрушающее время пощадило письменное свидѣтельство его трудовъ: въ Оренбургскихъ архивахъ, особенно въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, сохранилось не мало бумагъ за подписью П. И. Рычкова, свидѣтельствующихъ объ его служебной дѣятельности и его занятіяхъ по части устройства и изученія обширнаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ Средне-азіатскихъ странъ съ ихъ обитателями. Изъ этого архивнаго имущества, между прочимъ, видно, что Рычковъ почти постоянно сопровождалъ И. И. Неплюева во всѣхъ его поѣздкахъ, имѣвшихъ цѣлію улучшеніе и благо ввѣреннаго ему края.—Такъ въ 1744 году Неплюевъ беретъ Рычкова съ собою въ Москву, гдѣ разсматриваются и утверждаются различныя предположенія Неплюева, касательно открытія и устройства Оренбургской губерніи. Рычковъ сопровождаетъ Неплюева и въ Яицкій городокъ (ны-

---

[a]) См. выше стр. 176.

нѣшній Уральскъ), гдѣ Неплюевъ вмѣстѣ съ нимъ осматриваетъ городъ; знакомится, при его содѣйствіи, съ бытомъ Яицкихъ казаковъ; собираетъ свѣдѣнія о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска и составляетъ обширный проэктъ объ его преобразованіи, который потомъ, какъ увидимъ, и былъ представленъ Неплюевымъ на разсмотрѣніе Военной Коллегіи. Въ 1751 г. Неплюевъ, находясь въ Петербургѣ, совмѣстно съ Рычковымъ, составляетъ проэктъ о торговлѣ Россіи съ Индіей, который, впрочемъ, не имѣлъ успѣха. Вообще, Неплюевъ, умѣвшій подобно своему учителю, Петру Великому, узнавать людей, любилъ Петра Ивановича, цѣнилъ его способности и трудолюбіе и всегда дорожилъ его мнѣніемъ, какъ—человѣка, хорошо изучившаго край. Стараясь поощрить Рычкова, онъ въ 1743 году исхлопоталъ ему землю въ Оренбургскомъ краѣ, а въ 1751 году представилъ его къ чину коллежскаго совѣтника, котораго Рычковъ и былъ удостоенъ въ двѣнадцатый день послѣ представленія о томъ Неплюева. На сколько было пріятно и дорого Рычкову такое вниманіе со стороны его ближайшаго начальника, можно судить изъ того, что онъ, на память дѣтямъ, оставилъ не только указъ на полученіе имъ чина коллежскаго совѣтника, но и самый докладъ по этому дѣлу Неплюева. Не смотря на разнообразіе и сложность своихъ занятій по канцеляріи начальника края, Рычковъ находилъ время и для излюбленныхъ имъ литературныхъ занятій, благодаря которымъ онъ особенно и сдѣлался извѣстенъ въ исторіи Оренбургскаго края: «*Описаніе города Оренбурга*», составленное имъ въ 1744 г., и «*Краткое извѣстіе о татарахъ*»[a]) были первыми литературными опытами Рычкова, который потомъ сдѣлался членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ[b]) и сотрудникомъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго общества“[c]) и журнала, издаваемаго Миллеромъ: «*Ежемѣсячныя Сочиненія и Переводы*». Но самымъ важнымъ историческимъ трудомъ Рычкова, безспорно, нужно признать его: «*Топографію Оренбургской губерніи*», напечатанную первоначально въ журналѣ Миллера: «*Ежемѣсячныя Сочиненія и Переводы*» за 1762 г., а потомъ изданную отдѣльно. Біографъ Рычкова, покойный академикъ П е к а р с к і й замѣчаетъ, что появленіе въ свѣтъ „*Топографіи Оренбургской губ.*“ Рыч-

---

a) Рукопись хранится въ Русск. отд. Импер. Академіи Наукъ.

b) Рычковъ первый получилъ это почетное званіе и дипломъ на него, дотолѣ не существовавшіе: „Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея (академіи) сія честь отдается“,—писалъ Рычкову Миллеръ. См. „Жизнь и литерат. перев. П. И. Рычкова“. Пекарскаго, стр. 43.

c) Въ „*Трудахъ*“ этого общества, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія статьи Рычкова: „*Объ оренбургской камениломки*“ (см. ч. VI, 1767 г.; ч. IX, 1768 г.; ч. XV, 1770 г.; ч. XVIII, 1771 г.); „*Опытъ о козьей шерсти*“ (1766 г., ч. II); „*Опытъ винпаго куренія на домашній расходъ*“ (1767 г., ч. V); „*О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти*“ (1766 г., ч. II); тамъ же встрѣчаются его статьи о выдѣлкѣ нефти, о мѣдныхъ рудахъ, о земледѣліи, пчеловодствѣ и др.

кова было для своего времени событіемъ, замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнали разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству[a]). Въ Россіи смутно знали, что въ Оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ внутреннихъ губерній, что тамъ—безпрерывныя возстанія; что туда требуются войска и т. д. При такомъ состояніи Оренбургскаго края, трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ; на него обратили вниманіе и европейскіе ученые: Шлёцеръ сдѣлалъ изъ него подробное извлеченіе на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ „göttingishe Anzeigen von gelehrten Sachen“ [b]); а послѣ того „*Топографія Оренб. губерніи*“ Рычкова два раза была переведена на нѣмецкій языкъ вполнѣ: одинъ изъ переводовъ, не чуждый промаховъ и неточностей, принадлежитъ Христіану Гейнриху Газе[c]), бывшему пасторомъ въ Зульцѣ, а другой, появившійся въ печати въ 1772 году подъ заглавіемъ: „Orenburgische Topographie“ былъ изданъ Родде. Кромѣ того, „*Топографію*“ Рычкова началъ было переводить и профессоръ Палласъ, извѣстный путешественникъ XVIII в., но появленіе въ печати переводовъ Газе и Родде заставило его прекратить начатую имъ работу. Въ настоящее время „*Топографія Оренбургской губерніи*“, конечно, не имѣетъ уже той цѣны; но все-таки и до сихъ поръ она считается необходимой справочной книгой, безъ которой не возможно обойтись, какъ скоро заходитъ рѣчь объ исторіи Оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи[d]). Вообще, Рычковъ сдѣлалъ много, много полезнаго для исторіи Оренбургскаго края и проложилъ путь его позднѣйшимъ изслѣдователямъ: Палласъ, Лепехинъ, Ловичъ, Крафтъ, Эйлеръ, Талькъ и другіе, лично знакомые съ Рычковымъ, во многомъ обязаны ему своими свѣдѣніями по исторіи этого края. Если Пушкинъ назвалъ Н. М. Карамзина „Колумбомъ древней Руси“, то Рычкова, безъ преувеличенія, можно считать «*Колумбомъ Оренбургскаго края*», съ исторіей котораго русское интеллигентное общество впервые познакомилось изъ „*Топографіи*“ Рычкова и его другихъ трудовъ. Миллеръ, сознавая всю важность мѣстной исторіографіи и трудовъ Рычкова, справедливо сказалъ: „*Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человѣкъ,*

---

[a]) Жизнь и литер. пер. П. И. Рычкова, стр. 66.
[b]) Band. 1, 1766, ss. 217—230, 249—254, 284—288.
[c]) Magazin für die neu Historie und Geographie, 1771, Band. V, 457 sq. и B. VI, 475 sq.
[d]) Въ 1887 г. Оренбургскій отдѣлъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества издалъ „*Топографію*“ Рычкова на средства покойнаго Ѳ. И. Базилевскаго. Оренбургъ. Типографія Б. Бреслина, стр. 405.

прилежаніемъ и искусствомъ подобный Рычкову". Даже Рейнсдорпъ, питавшій личную ненависть къ Рычкову и называвшій его „Menschen-Feinder" и „unsinn Rytschkow",—и тотъ, отправляя свои бранныя письма о Рычковѣ къ Миллеру, говоритъ: „впрочемъ, я отдаю справедливость его хотя и невоздѣланному уму" [a]. По нашему искреннему убѣжденію, было бы несправедливостью, говоря о Неплюевѣ, совершенно умолчать о Рычковѣ, какъ ближайшемъ и главномъ его помощникѣ по управленію и устройству обширнаго Оренбургскаго края, которому Рычковъ посвятилъ всю свою жизнь, а потому мы и сочли долгомъ вспомнить о немъ въ настоящемъ трудѣ.

Въ ноябрѣ 1748 года Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ. Собравъ здѣсь свѣдѣнія, какія только было можно, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, Неплюевъ представилъ ихъ въ В. Коллегію, вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ мѣръ и соображеній, касательно переустройства Яицкаго войска. Послѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, онъ говоритъ, между прочимъ, о самомъ Яицкомъ городкѣ, что „жительства въ немъ дворовъ около 3000; построены больше по старому теченію р. Яика, что у нихъ называется Старица, да по р. Чагану, тутъ же при городкѣ впадающей въ Яикъ, а отчасти по Яику; имѣетъ нынѣ четыре церкви деревянныя да вновь строится соборная каменная [b]; улицы въ немъ, по большей части, узкія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ тѣсны, что двумъ телѣгамъ разъѣхаться почти невозможно [c]. Что же до крѣпости принадлежитъ, то въ прошломъ 1747 году все жило съ одну сторону отъ р. Чагана къ старому теченію Яика двойнымъ плетнемъ оносено, между которымъ земля насыпана, и укрѣплено столбами, а снаружи оной плетень обмазанъ глиной и вкругъ всего того сдѣланъ ровъ, что черезъ посланныхъ изъ Оренбурга инженеровъ, сколько можно, по инженерной регулѣ сдѣлано, а съ прочихъ сторонъ, все жъ селеніе окружая, содѣлываетъ тотъ городокъ къ р. Яику мысомъ означенная Старица и р. Чаганъ, такъ что оный городокъ по его ситуаціи и по нынѣшнему укрѣпленію во всякомъ случаѣ мнится довольно оборонителенъ и артиллерію имѣетъ достаточную".

Далѣе Неплюевъ перечисляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьѣ деньгами

---

[a]) См. въ „Оренбургскомъ Листкѣ" (1878 г. №№ 20—23) мою статью: „Петръ Ивановичъ Рычковъ и его значеніе въ исторіи Оренбургскаго края".

[b]) По всей вѣроятности, Михайло-Архангельскій соборъ, находящійся въ настоящее время на самомъ ЮЮВ. концѣ города, близъ Старицы, или прежняго русла Урала. Слич. „Топ. Оренб. губ." Рычкова, ч. 11, 80.

[c]) Послѣ такъ называемаго Шилихина пожара, бывшаго 10 авг. 1751 г., ширина улицъ опредѣлена не менѣе 12 саж. (Рябининъ: „Уральск. каз. войско", ч. 1, стр. 38).

и патурой, объ отпускѣ вина съ симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороху изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, о рыболовствѣ, объ управленіи войска и о составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, гдѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: „нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя бъ кто вопреки что атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ Кругу и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномѣрно-жъ и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состояніе приведены, ибо напредь сего бывало то, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертію казнили[a], нынѣ жъ, кромѣ что, привязавъ къ кольямъ, бьютъ плетьми, ни какихъ другихъ штрафовъ не бываетъ.“ Затѣмъ Неплюевъ говоритъ о составѣ корпуса Яицкихъ казаковъ, о Сакмарской и Илецкой станицахъ, Кулагинской и Калмыковской крѣпостяхъ, о доходахъ и расходахъ войска[b], и т. п.

Изъ намѣченныхъ нами пунктовъ ознакомленія Неплюева съ внутреннимъ бытомъ Яицкихъ казаковъ, ихъ административнымъ и военнымъ устройствомъ, думаемъ, можно вывести до нѣкоторой степени понятіе о томъ, какъ добросовѣстно старался этотъ человѣкъ выполнять порученія правительства. Представляя въ В. Коллегію данныя, собранныя имъ въ самомъ центрѣ Яицкаго казачества, Неплюевъ, какъ мы замѣтили, вмѣстѣ съ тѣмъ, препроводилъ и свое мнѣніе, относительно переустройства казацкой общины. Изъ этого мнѣнія видно, что различные безпорядки и несогласія въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на два враждебные лагеря зависѣли отъ того, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учрежденій, ни строго опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ,—все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ: приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недолжные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было и т. п. „*Того ради*“,—говоритъ Неплюевъ,—„для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредь будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и казаки бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей

---

[a]) Это подтверждается, напримѣръ, разстрѣломъ казаковъ: Елисѣева, Мордвинкина и др. На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе, что у Яицкихъ казаковъ наказаніе *за кражу огурца* состояло въ томъ, что виновнаго выводили въ поле и, закопавъ въ землю по шею или по поясъ, разстрѣливали его, на страхъ собравшемуся народу.

[b]) Слич. Рябининъ, ч. II, прилож. XXVI, 65—68.

и всегдашней исправности могли быть, а старшины бы, имѣя опредѣленное жалованье во всѣмъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то бы съ казаковъ тѣхъ указомъ[a] запрещенныхъ поборовъ не собирали".

По штату, проэктированному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, полагалось 2 есаула и нѣсколько общихъ служителей, а казачій корпусъ былъ раздѣленъ на 7 полковъ, или станицъ, по 500[b] въ каждой; на каждый полкъ полагались: одинъ полковой старшина, или станичный атаманъ, писарь, полковой есаулъ и 5 сотниковъ безсмѣнно. Полки назывались: первый, второй, третій[c] и т. д.; каждый полкъ долженъ былъ имѣть особое знамя и „учинить" списки въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ храниться въ Войсковомъ Приказѣ, а другой въ Полковой Избѣ у полковаго писаря; при этомъ должны быть переписаны и калмыки, которые заявятъ желаніе къ службѣ, но списки ихъ предположено вести отдѣльно и хранить у себя каждому станичному атаману. Полки обязывались нести внутреннюю постоянную службу, которая состояла главнымъ образомъ въ оборонѣ линіи отъ вторженія киргизовъ и въ преграждeніи переправы калмыковъ за Уралъ, и внѣшнюю, заключавшуюся въ частныхъ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, также на войну, въ содержаніи карауловъ и разъѣздовъ по Сибирской линіи[d], смотря по надобности правительства. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 руб. 41½ коп., въ томъ числѣ на 3500 чел. рядовыхъ казаковъ, на каждаго по рублю пятидесяти коп. въ годъ[e]. Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ написалъ обширный проэктъ[f], которому, впрочемъ, не было суждено осуществиться вполнѣ. Проэктъ этотъ былъ представленъ Неплюевымъ въ В. Коллегію, откуда онъ не имѣлъ дальнѣйшаго хода. Можетъ быть, какъ замѣчаетъ Рябининъ, причиною этого было то, что вниманіе всѣхъ занято было въ это время войною съ Пруссіей.

Впрочемъ, старанія Неплюева не остались совершенно безслѣдными

---

[a]) П. С. З., т. XI, № 8215.

[b]) Рычковъ говоритъ въ „Топ. Ор. губ." (ч. II, 81), что въ каждомъ полку было по 508 челов.; но онъ включаетъ, безъ сомнѣнія, въ это число и особо назначенныхъ въ каждый полкъ: старшину, есаула, писаря и 5 сотниковъ.

[c]) Эти названія сохранились доселѣ въ Уральскомъ войскѣ.

[d]) Рябининъ. Ур. каз. войско, ч. II, въ прил. № XII, стр. 36—41.

[e]) По прежнимъ указамъ на все войско опредѣлено и велѣно было отпускать деньгами 4138 р. и 1598 четв. хлѣбомъ, за который выдавалось деньгами отъ 600—1000 р., до 100 вед. вина съ симбирскихъ заводовъ, такъ-что всего въ годъ приходилось до 5000 р. См. Рычковъ: „Топ. Ор. губ.", ч. II, стр. II, 86, 87. Слич. выше стр. 300.

[f]) Проэктъ этотъ былъ сообщенъ мною въ редакцію *„Русскаго Архива"*, гдѣ онъ и напечатанъ (за 1878 г., кн. II, стр. 11—33). Самому проэкту Неплюева предпослано составленное мною предисловіе (стр. 1—10).

въ исторіи Яицкихъ казаковъ: его мысль ненавистнаго казакамъ штата, который, п роюъ отношеніи касался и основныхъ правъ с напримѣръ, въ пунктѣ 2 его проэкта читае кому въ Войсковомъ Приказѣ производимому того при атаманѣ у всѣхъ дѣлъ присутствова рыхъ именовать войсковыми старшинами, чего кромѣ полковыхъ при атаманѣ, особо и съ особ. положены, которымъ у того присутствія быть бе присутствовать изъ полковыхъ старшинъ, или ста одному съ перемѣною погодно, дабы они чрезъ то понятны и, при случившейся вакансіи, къ пополнені кто изъ нихъ старшинъ явится въ явномъ преступлен то атаману того штрафовать арестомъ, а буде въ чем преступленіе; то его отъ команды и засѣданія отрѣша, ніемъ, какого наказанія достойны, съ дѣломъ къ главно бургской) представлять".

Войсковому атаману, по мнѣнію Неплюева, надлежи боязненну, заслуженну; отъ него особливо требуются совѣсти ливые поступки, наибольшая храбрость и искусство; везд своихъ поступкахъ онъ долженъ вести себя такъ, чтобы его в и рядовые, какъ главнаго своего командира, любили, почитали а при томъ всѣмъ толь скромнымъ себя показывать, чтобы каж къ нему свободный приступъ, наипаче же быть правдиву, безпр и нелакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и неких. ихъ прошеніяхъ" [a]. Между многими другими обязанностями, *вой атаманъ долженъ былъ имѣть постоянное попеченіе о «чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребыв въ праздничные и воскресные дни прилежали бы къ церкви жіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ ч на всѣ дѣла, — замѣчаетъ Неплюевъ, — Божеское благословен происходитъ»* [b]. Войсковые старшины, или станичные атаманы, подража во всемъ хорошемъ главному войсковому атаману, обязаны были каждодневно докладывать своему начальнику словесно чрезъ посредство есаула о состояніи и комплектѣ своего полка, и разъ въ мѣсяцъ подавать о томъ письменные рапорты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ лежала обязанность строго смотрѣть за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ казакамъ, чтобъ они не

---

[a] Пунктъ 1.
[b] Тамъ же.

[illegible]

[illegible] то [illegible] въ [illegible] Неплюевъ говоритъ: „[illegible] грамоты, но прежнимъ [illegible] рукамъ въ другихъ отъ [illegible] съ каждаго казака сборъ (т. е. [illegible] отрѣшить, и [illegible] видѣть разныя несходства, а служ[illegible] старшинъ, такъ и рядовыхъ [illegible] кому очередь дойдетъ, и тѣмъ [illegible] конь и подмогъ не [illegible] не сбирать“ c). Но [illegible] совершенно и службу по найму. Сознавая классъ неслужилыхъ казаковъ и [illegible] также очень хорошо понималъ и то, что страдать общественные интересы, а гдѣ т...

...сѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ ...и чрезъ то (т. е. позволеніе нанимать ...не люди дѣтей своихъ, которыя у нихъ ...е отлучали и тѣмъ не только ихъ, но ...водили, а старшинамъ служить всѣмъ командировать будетъ нельзя“. Вы...мку и зная, какъ много сбиралось должныхъ и недолжныхъ поборовъ, ...одобные сборы и предоставляетъ это ...ьство казаковъ, устраняя притомъ ...линъ: „а ежель командировка ка...ю немногу съ полку, слѣдственно ...заки которой роты добровольно ...го за преставленными отъ войска ...ь дабы то казаки собою сами въ *...таршинамъ въ тотъ сборъ и* ... Такимъ образомъ, Неплюевъ не ...оги идущимъ на службу; но и ...ъ. Никто, разумѣется, лучше ...хъ средствъ, и никто также ...уждамъ идущаго на службу ...дивительно, если Неплюевъ ...оны казаковъ, остающихся ...ъ извѣстно, изстари вѣковъ ...и и другими соединенными —общинное; поэтому ка...ся у себя опредѣленнаго убытковъ, лишаясь возпользованіи войсковыми ...тѣ“ или на внутренней годъ и при значитель... общинномъ порядкѣ ...бу долженъ быть воз...отся и долей уходя...йсковыхъ угодьяхъ. ...рава казаковъ, по...тоніе за то подмоги,

a) Пунктъ 8.
b) Пунктъ 9.
c) Пунктъ 14.
„Русск. Арх.“ 1878 г., кн...

тамъ онъ не только частные, но и свои собственные интересы приносилъ въ жертву общественнымъ. Вообще заботы объ общемъ благѣ составляли отличительную черту въ характерѣ Неплюева: жить въ обществѣ, по его мнѣнію, значило дѣйствовать для общаго блага, а не въ пользу частныхъ или только личныхъ интересовъ; онъ сознавалъ, что общее благосостояніе начинается съ частнаго; что когда будетъ, по возможности, хорошо каждому,— хорошо и всѣмъ. Выходя изъ этого убѣжденія и смотря на отбываніе казаками военной повинности въ связи съ экономическимъ устройствомъ Яицко-казацкой общины, Неплюевъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „понеже, во всякомъ обществѣ торговые, промышленные и мастеровые люди есть и всѣмъ столь потрѣбны, что безъ нихъ никому содержать себя невозможно, ибо отъ одного промышленного и заводнаго человѣка многіе свои извороты, а убогіе, нанимаясь въ работы, и пропитаніе свое получаютъ, что паче по состоянію Яицкаго войска уважать надлежитъ, яко однимъ денежнымъ ихъ жалованьемъ казаку содержаться неможно, а промыслы ихъ такіе, что кто больше капиталу имѣетъ, тотъ не только свой доходъ лучше получитъ, но около его и другимъ, а паче маломочнымъ, разныя способы бываютъ, чѣмъ ихъ все общество состоитъ и къ Ея Императорскаго Величества лошадей и всякую свою справу получаетъ; и для того ежель когда при такихъ очередныхъ нарядахъ дойдетъ очередь до такого казака, который имѣетъ знатной капиталъ, торги и разные промыслы производитъ; то имъ яко нерегулярнымъ людямъ, свѣдома своего полковаго старшины, позволяется вмѣсто себя, сына или родственника и свойственника, съ подмогою отъ себя отправить, також и изъ казаковъ неочереднаго, а хотя и изъ калмыкъ, надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто него очередь отслужилъ, и сколько таковыхъ при командированіи явится, о тѣхъ полковымъ старшинамъ войсковому атаману именныя вѣдомости подавать, который долженъ самъ пересматривать, надежны-ль они къ службѣ, исправныхъ-ли имѣютъ лашадей, ружье и всякую сбрую, чтобы никто въ службѣ ненадежный и недостаточный не былъ“ [a]. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Неплюевъ, проэктируя очередную службу, поставляетъ этотъ вопросъ въ самую тѣсную связь съ экономическимъ и матеріальнымъ благосостояніемъ Яицкой общины; имъ руководятъ при этомъ главнымъ образомъ два побужденія: 1) установленіе возможной равномѣрности въ отбываніи воинской повинности Яицкими казаками; и 2) улучшеніе экономическаго положенія казаковъ, посредствомъ уничтоженія бывшихъ до того сборовъ для наёмки съ каждаго казака. Руководясь желаніемъ перваго

---

[a]) Тамъ же, стр. 23—24.

рода, Неплюевъ предписываетъ всѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ строго наблюдать за тѣмъ, „чтобы чрезъ то (т. е. позволеніе нанимать за себя другаго) богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которыя у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя". Выходя изъ втораго воззрѣнія на наёмку и зная, какъ много сбиралось съ неидущихъ на службу казаковъ должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запрещаетъ подобные сборы и предоставляетъ это дѣло на полную волю и доброжелательство казаковъ, устраняя притомъ всякое вмѣшательство со стороны старшинъ: „а ежель командировка какая малая",—говоритъ онъ,—„что по немногу съ полку, слѣдственно и съ роты достанется, и пожелаютъ казаки которой роты добровольно командированнымъ подмочь деньгами, того за преставленными отъ войска Яицкаго резонами не запрещать, однакожъ дабы то казаки собою сами въ своей ротѣ, а не въ другихъ чинили, и *старшинамъ въ тотъ сборъ и договоръ,* по прежнему, *не мѣшаться*"[a]. Такимъ образомъ, Неплюевъ не отрицаетъ и существующей у казаковъ подмоги идущимъ на службу; но и въ этомъ случаѣ онъ не стѣсняетъ казаковъ. Никто, разумѣется, лучше самого же казака не зналъ его матеріальныхъ средствъ, и никто также болѣе сочувственно не могъ отнестись къ нуждамъ идущаго на службу казака, какъ самъ же казакъ; поэтому не удивительно, если Неплюевъ расчитывалъ на добровольную подмогу со стороны казаковъ, остающихся въ предѣлахъ войска. Въ Яицкомъ войскѣ, какъ извѣстно, изстари вѣковъ и поннынѣ пользованіе землею, лугами, рыбными и другими соединенными съ природными богатствами страны промыслами—общинное; поэтому казакъ, уходившій на внѣшнюю службу, не имѣя у себя опредѣленнаго участка земли и луговъ, несъ чрезъ то явный убытокъ, лишаясь возможности получить извѣстную долю прибыли въ пользованіи войсковыми угодьями, тогда какъ остающіеся дома, на „льготѣ" или на внутренней службѣ, оттого выигрывали, особенно въ хорошій годъ и при значительныхъ командировкахъ. Понятно, что при такомъ общинномъ порядкѣ пользованія войсковыми угодьями, уходящій на службу долженъ быть вознагражденъ со стороны остающихся, которые пользуются и долей уходящихъ на службу и своей собственною частью въ войсковыхъ угодьяхъ. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ и не хотѣлъ отмѣнить права казаковъ, поступающихъ въ составъ различныхъ командъ, на полученіе за то подмоги,

---

[a]) Тамъ же.

иначе бы пришлось измѣнить самый порядокъ пользованія войсковыми угодьями, выработанный болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ еще до него. Кромѣ того казаки, уходившіе на службу по очереди, если они не имѣли женъ и дѣтей, имѣли право продавать багренье кому либо изъ остающихся „на льготѣ“ [a]). Такимъ образомъ, строго говоря, Неплюевъ не вводилъ очередной службы въ смыслѣ солдатства [b]), а только видоизмѣнилъ самый способъ „наёмки“, придавъ ей иной видъ, иное назначеніе и ограничивъ извѣстными опредѣленными условіями, зависящими отъ экономическаго устройства Яицкой общины и обусловливаемыми историческою необходимостью.—Яицкій казакъ, по проэкту Неплюева, имѣлъ право нанимать вмѣсто себя и другаго, если только онъ самъ былъ необходимъ въ общинѣ, какъ торговецъ, мастеровой, промышленникъ и т. п. Это право „наёмки“—право добровольно располагать собой имѣло и имѣетъ очень важное значеніе какъ лично для торговаго и промышленнаго казака, такъ и вообще для экономическаго благосостоянія цѣлой общины. Для того, чтобы добыть отъ земель, водъ и отъ другихъ природныхъ угодій существенную пользу, необходимо право располагать своимъ трудомъ, своей судьбой, а безъ этого и большой капиталъ ни къ чему послужить не можетъ. Вотъ почему дорога для казака наёмка, не говоря уже объ историческомъ освященіи ея вѣками. Она даетъ возможность каждому самостоятельному и трудолюбивому казаку располагать собою, по своему желанію и усмотрѣнію. Извѣстно, что ничего такъ энергично не отстаивали Яицкіе казаки, какъ это право „наёмки“: ни кнутъ, ни каторга не могли заставить казаковъ разстаться съ этимъ правомъ; правительство два раза [c]) отмѣняло наемку и затѣмъ каждый разъ возстановляло её. Но замѣчательно, что штатъ, проэктированный Неплюевымъ, и очередная служба въ указанной формѣ не вызвали ни малѣйшаго недовольства со стороны казаковъ: во все время пребыванія въ Яицкомъ городкѣ Неплюева и послѣ его отъѣзда, среди Яицкихъ казаковъ все было тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, мы не нашли указаній на недовольство казаковъ ни у самого Неплюева, ни у сопровождавшаго его на Яикъ Рычкова. Между тѣмъ, какихъ стоило послѣ правительству хлопотъ, борьбы и трудовъ введеніе штатовъ и, какъ мы знаемъ, не всегда съ успѣхомъ. Все это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что сильный своею опытностью и добросовѣстностью Неплюевъ съумѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ имъ

---

a) Пунктъ 11.

b) Желающимъ ознакомиться съ „наёмкой“ Яицкихъ казаковъ можно указать на „Воен. Сборникъ“ (1866 г. № 2 и 1873 г. № 3), гдѣ помѣщены объ этомъ обстоятельныя свѣдѣнія.

c) Въ 1766 году и въ 1803 г. наёмка была отмѣняема, а въ 1806 г. снова была возстановлена, вопреки проэкту генералъ-лейтенанта Медера.

преобразованій, для благоустройства ихъ общины. Зная о раздѣленіи казаковъ на два враждебные лагеря,—на атаманскую или старшинскую партію и партію народную,—онъ не присоединяется ни къ той, ни къ другой сторонѣ, стараясь, по возможности, угодить обѣимъ и примирить интересы враждебныхъ партій, чтобы чрезъ то приготовить благопріятныя для своихъ реформъ условія, достигнуть главной цѣли: спокойствія на Яикѣ, экономическаго благосостоянія и болѣе прочнаго устройства казацкой общины въ административно-военномъ отношеніи. Такъ умѣлъ примирять частные интересы съ общественными этотъ достопамятный дѣятель!

Неплюевъ обратилъ также вниманіе и на установленіе общественнаго порядка и благочинія въ Яицкомъ городкѣ, на недостатокъ городскихъ доходовъ, на развитіе грамотности въ войскѣ и многія другія стороны внутренняго быта казаковъ. Чтобы видѣть, чего, по его мнѣнію, не доставало для внутренняго благосостоянія Яицкой общины, мы приведемъ еще небольшія извлеченія изъ его проэкта, удерживая подлинную рѣчь Неплюева, такъ-какъ собственное его свидѣтельство, хотя бы оно было выражено и въ немногихъ словахъ, лучше длинныхъ разсужденій знакомитъ насъ съ стариной и болѣе опредѣляетъ характеръ времени и самого Неплюева.

Въ пунктѣ 17: „*О городовомъ порядкѣ и о всякомъ благочиніи*" Неплюевъ говоритъ: „Войсковой атаманъ и старшины должны всегдашнее попеченіе имѣть и стараться о добромъ порядкѣ въ полиции ихъ, наблюдать, чтобы въ ихъ городкѣ все спокойно и порядочно чинилось, а особливо-бъ простой народъ обоего пола въ торжественные и праздничные дни къ церкви Божіей прилежали, о чемъ атаману всегда наканунѣ тѣхъ дней въ полковыя команды приказами подтверждать; смотрѣть, чтобы, прежде нежель божественная литургія отойдетъ, пьянства и питейной продажи и крику не было; имѣть попеченіе, чтобы всѣ торги и промыслы порядочно и вѣрно происходили, пріѣзжающимъ и отъѣзжающимъ купцамъ удержанія, обидъ и грабежа отнюдь не было, чего ради въ пристойныхъ мѣстахъ, когда и гдѣ нужно, имѣть постоянные караулы и смотръ, а притомъ всѣмъ пещись и о доброй городской экономіи: заводить и умножать также заводы и промыслы, которые по состоянію здѣшняго мѣста учреждены и предъ нынѣшнимъ въ лучшее состояніе приведены быть могутъ; наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впредь всякъ строился бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать; тако же и сего смотрѣть, чтобы на торгу вѣсы и всякія мѣры были справедливы, цѣна на хлѣбъ и все харчевое держанье умѣренная, и такая, чтобы изъ того народной тягости, тако же и ни

въ чемъ бы никакихъ обмановъ не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ, имѣть особливое учрежденіе и надлежащіе къ тому инструменты" [a]).

Что касается городскихъ доходовъ, то, кромѣ откупныхъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и поведерныхъ, у Яицкихъ казаковъ никакихъ другихъ доходовъ и сборовъ не было; „но и сихъ всѣхъ въ годъ,"—замѣчаетъ Неплюевъ,—„больше 435 руб. не бывало", именно съ каждаго кабака положено было по 15 руб., а такъ-какъ всѣхъ кабаковъ было 15, то кабацкій сборъ равнялся 225 р., вѣсовыхъ доходовъ приходилось на годъ отъ 120 до 140 р., поведерныхъ, полагая по рублю съ бочки, отъ 30 до 40 руб., такъ-что общій городской доходъ простирался отъ 405 до 435 р. въ годъ. Деньги эти шли на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе ко Двору презента, на вырубку и сгонъ учужнаго лѣса, на прогоны посылавшимся отъ войска лицамъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды пріѣзжавшихъ пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ экстренными порученіями въ Киргизскую орду, на церковные и канцелярскіе расходы, и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2000 руб, а на приходъ, какъ мы уже знаемъ, поступало maximum 435 р., „отъ чего",—говоритъ Неплюевъ,—„во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напредь сего, но еще и нынѣ чинятъ по міру, т. е. съ казаковъ, разные поборы" [b]). Не смотря на эти поборы съ казаковъ, иногда Яицкое войско дѣйствительно входило въ такіе долги, что не имѣло даже возможности уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа В. Коллегіи къ Неплюеву, отъ 12 декабря 1745 г. Правда, что у казаковъ былъ еще одинъ источникъ общихъ доходовъ, это были такъ называемыя „*домосѣдныя деньги*", которыя собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ „въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багренья"; но эти деньги шли не на общіе городскіе расходы, а поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на служащихъ по письменной части при Войсковомъ правленіи, повѣренныхъ, войсковаго толмача, на канонировъ и кузнецовъ въ замѣнъ того, что имъ въ прежнія времена не позволялось участвовать въ упомянутомъ багреньѣ, (хотя въ другихъ рыболовствахъ могли и они участвовать, если только это не отвлекало ихъ отъ служебныхъ обязанностей). Сумма *домосѣдныхъ денегъ* равнялась въ 1754 г.=

---

[a]) Русск. Архивъ 1878 г., кн. II, стр. 26.
[b]) Тамъ же, стр. 26–28, п. XVII.

1312 руб., въ 1756 г.=484 р.[a] 50 к.. въ 1757 г.=2070 руб., въ 1758 г.=1884 р.[b] 50 к., въ 1759 г.=1784 р. 50 к., въ 1760 г.= =4593 р., въ 1761 г. за севрюжный караулъ 18 р., а всего въ семь лѣтъ 12352 р.[c]

Въ числѣ лицъ, получавшихъ домосѣдныя деньги, кромѣ указанныхъ выше, были также атаманы, старшины, муллы, отставные казаки и малолѣтки; число такихъ лицъ иногда простиралось до 60 и 70 чел.[d]. Такимъ образомъ, *„домосѣдныя деньги“*, довольно значительныя по тому времени, не могли пополнять суммъ на общіе городскіе расходы, а между тѣмъ пополненіе этихъ суммъ было необходимо. Посмотримъ, что сдѣлалъ для этого Неплюевъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ. До этого времени Яицкіе казаки, вслѣдствіе опредѣленія Сената, отъ 6 октября 1732 г., должны были покупать вино „на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызранѣ, гдѣ имъ способнѣе, на кружечныхъ дворахъ, по указаннымъ цѣнамъ и брать выписки, а ежели они вино будутъ покупать не съ кабаковъ“,—говорится въ указѣ,—„и въ томъ изобличены будутъ, за то у нихъ то вино отбирать безденежно“[e]. По окладной книгѣ Камеръ-коллегіи 1723 г. значится, что съ Яицкихъ казаковъ кабацкаго сбора взималось 708 р. 49 к. окладъ этотъ причисленъ былъ къ доходамъ Сызранской Ратуши, такъ какъ казаки покупали вино въ Сызранѣ. Неплюевъ чрезъ Воен. Коллегію предложилъ Сенату, съ вѣдома Оренбургской губернской канцеляріи, водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ отдать на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ.—Надѣясь чрезъ то увеличить городской доходъ, Неплюевъ видѣлъ въ томъ и облегченіе для народа, такъ-какъ водка и вино могли тогда продаваться дешевле; въ то время какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля[f]. Кромѣ того, казаки, покупая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, вслѣдствіе отношенія В. Коллегіи, отъ 8 декабря 1749 г., и согласія войска, въ лицѣ атамана Ильи

---

a) У Данилевскаго (Рыболовство въ Россіи, ч. III, стр. 65) показано подъ 1756 г. 404 р. 50 к.; но мы удержали тѣ цифры, которыя приведены въ указѣ, отъ 15 декабря 1756 г. Яицкому войску. См. чернов. бумаги I. И. Желѣзнова, по описи № 67, стр. 8.

b) У Данилевскаго за 1758 г. показано 1890 р.

c) Слѣдовало бы ожидать 12146 руб. 50 коп., но такъ, хотя, м. б., и ошибочно показано въ указѣ, отъ 15 декабря 1765 г.

d) Указъ 15 декабря 1765 года.

e) П. С. З., т. XIII, № 9601, стр. 164, ст. I.

f) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренб. губ. вино продавалось еще дороже, напр. въ Исетской провинціи ведро стоило 2 р. П. С. З., т. XIV, № 10497.

Меркурьева и старшины Бородина, ежегодно вносить въ казну 708 р. 49 к. акцизнаго сбора, опредѣлилъ: „дозволить Яицкому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позволительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 года 708 руб. 49 к. платить повсягодно сполна, бездоимочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежѣ отъ того Яицкаго войска взять надлежащее обязательство, или оное имъ зачитать въ положенное годовое жалованье, по сношенію Камеръ-коллегіи съ Штатсъ-конторою и Яицкаго войска съ атаманомъ и старшинами“ [a]). При этомъ казакамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа, „изъ тѣхъ Яицкихъ казацкихъ городковъ вина и водки въ великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены великороссійскіе служилые люди, и никуда, въ русскія поселенія, не отвозить и не пропускать“ [b]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ указалъ казакамъ и на другой источникъ увеличенія общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ жителей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ по полтинѣ. Принимая во вниманіе то, что число пріѣзжавшихъ иногородцевъ въ Яицкій городокъ, особенно въ зимнее время, было весьма значительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ незначительный самъ по себѣ сборъ могъ достаточно восполнять сумму на городскіе расходы. Чтобы пресѣчь различнаго рода злоупотребленія и возможность къ неправильному расходу войсковыхъ суммъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы всѣ городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуровыя и за печатью книги, указавъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на канцелярскія потребности: на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова, также на посылку курьеровъ и прогоны, въ церковь на свѣчи и ладонъ, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ киргизъ и калмыковъ и т. п. О всѣхъ расходахъ войско ежегодно должно было представлять особыя вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для контроля за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ, положено было избрать, по общему приговору, особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ „добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ“, которые, по истеченіи каждаго года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ. Постоянный контроль надъ такими блюстителями войсковыхъ суммъ былъ порученъ войсковому атаману и старшинамъ [c]).

---

[a]) П. С. З., т. XII, № 9691, стр. 164, ст. 2.
[b]) Тамъ же, стр. 165, ст. 1.
[c]) П. 18. „Русск. Архивъ“ 1878 г., кн. 2, стр. 28.

Заботясь о сбереженіи и должномъ употребленіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ также постановилъ, чтобы командируемымъ на службу казакамъ жалованье выдавалось подъ поручительствомъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ „и ежель кто, не заслужа треть[a], бѣжитъ или умретъ, то оное жалованье взыскиватъ съ тѣхъ ихъ поручителей, а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умретъ, то заслуженное жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію Войсковаго суда“ [b].—Запрещая отпускать старшинъ со службы болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, Неплюевъ прибавляетъ: „а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудетъ, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отпускѣ, жалованье не отдавать и удержанное записывать“ [c]. О всѣхъ остаткахъ суммъ велѣно было „въ Оренбургскую губернскую канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу“ [d].

Раньше Яицкіе казаки отправляли въ Петербургъ четыре станицы въ годъ, одну зимовую и три мелкія, на что отъ Военной Коллегіи была ассигнована особая сумма въ 2638 руб. 30 к.; деньги эти шли на награды атаманамъ, есауламъ, старшинамъ и казакамъ, пріѣзжавшихъ въ станицахъ, для чего выбирались всегда заслуженныя и оказавшія особыя услуги лица. Неплюевъ, въ виду увеличенія окладнаго жалованья, уничтожилъ легкія станицы, оставивъ одну зимовую и назначивъ на нее сумму въ 1217 р. 41½ к., да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, т. е. на ковши, сабли и знамена, 100 р., а всего 1317 р. 41½ коп. Вся сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 рублей, при немъ есаулу 60, старшинѣ—50, рядовымъ семнадцати человѣкамъ—каждому по 35 руб., остальныя деньги шли на расходы по поѣздкѣ и на чрезвычайные расходы. Если бы въ войскѣ не нашлось особенно предъ другими заслуженныхъ и достойныхъ лицъ, то велѣно было назначать въ зимовую станицу старшинъ и есауловъ по очереди[e]. Не оставилъ безъ вниманія Неплюевъ и отсутствіе школъ въ войскѣ. Изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ было только 26 чел., а изъ взрослыхъ не болѣе 5 человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшинъ, но и тѣ“,—по выраженію Неплюева,—„знаютъ недовольно“. „Почему войсковому атаману съ товарищами его“,—говоритъ

---

[a] Жалованье выдавалось по третямъ впередъ.
[b] П. 11. Тамъ же, стр. 20.
[c] П. 11.
[d] Тамъ же.
[e] Пунктъ XII. См. „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. 2, стр. 20—21. Слич. П. С. З. №№ 8128; 8209; 8407; 10121; 10824 и др.

Неплюевъ,—„такожъ и полковымъ старшинамъ надлежитъ имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскіе, но и знатныхъ казаковъ дѣти обучаемы были грамотѣ и чистому письму, а при томъ не излишне бы для нихъ было и сіе, ежели бы кто зналъ изъ нихъ хотя первыя части ариѳметики и прилежалъ бы въ церквахъ чтенію и пѣнію“ [a]). Если бы въ войскѣ не нашлось для обученія дѣтей кого-либо изъ свободныхъ и способныхъ церковно-служителей, то, по мнѣнію Неплюева, „можно-бы на войсковой коштъ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые покои и содержать особаго же одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы; и чтобы каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отнынѣ грамотныхъ людей, ежель состоянія добраго, хотя бъ службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ предпочитать, а впредь, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ“ [b]). Что въ числѣ Яицкихъ казаковъ дѣйствительно было мало грамотныхъ, особенно изъ взрослыхъ, это подтверждается и другими оффиціальными данными, такъ напримѣръ, въ войсковомъ приговорѣ о выборѣ въ атаманы Андрея Бородина въ 1755 году встрѣчается нѣсколько разъ подпись дѣтей, вмѣсто отцовъ, и подпись простыхъ казаковъ вмѣсто старшинъ и есауловъ [c]), которые желая, вѣроятно, скрыть свое безграмотство, заставляли расписываться за нихъ нерѣдко *„по приказу“*, а не *„по просьбѣ“* такого-то, но въ это время встрѣчается уже болѣе грамотныхъ, чѣмъ за семь лѣтъ, когда Неплюевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ и настаивалъ на учрежденіи школъ.

Отъ Неплюева, какъ добросовѣстнаго труженика и врага всякаго дармоѣдства, не скрылось и обыкновенное явленіе нашихъ городовъ, составляющее и понынѣ [d]) большое зло въ общественно-экономической жизни Русскаго народа,—мы разумѣемъ нищихъ“ [e]).

Въ пунктѣ XX его проэкта читаемъ: „ежели-жъ есть и будутъ шататься по міру малолѣтнія сироты, отцевъ и матерей неимущія, тако-

---

[a]) „Р. Арх.“ 1878 г., кн. II, стр. 28, пунктъ XIX.

[b]) Тамъ же.

[c]) Напр. „вмѣсто войсковаго старшины Ив. Митрясова, по его *приказу*, сынъ его Алексѣй Митрясовъ подписался; вмѣсто старшинъ Петра Абонмова, Михаила Бородина, Федора Иванаева, Федота Матвѣева, по ихъ прошенію, подписался канцеляріи войсковыхъ дѣлъ писарь Степанъ Ивановъ; вмѣсто сотниковъ Михайла Елизарова, Сергѣя Юдина, Ив. Солдатова, Петра Милехина и Кирилы Поднарѣшкова, по ихъ прошенію, казакъ Романъ Котелковъ подписался“ и т. д. См. черновыя бумаги I. И. Желѣзнова, по описи № 1.

[d]) См. въ газетѣ: „Волжско-Камское Слово“ за 1882 годъ мои статьи: 1) *„Нищенство и нищіе“* (№№ 108, 110 и 111) и 2) *„Мѣры къ ослабленію нищенства“* (№№ 123, 126 и 127).

[e]) П. С. З., т. XIV, № 10460.

выхъ до возраста отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, а буде сихъ не будетъ, то и постороннимъ".— Лица, принявшія къ себѣ кого-либо изъ сиротъ на прокормленіе, обязывались подпиской, что они, когда принятому ими мальчику исполнится 16 лѣтъ, объявятъ о томъ въ Войсковомъ Приказѣ для зачисленія его въ службу. Взятыя на содержаніе сироты не могли оставлять самовольно своихъ кормильцевъ до означеннаго возраста; онѣ обязаны были служить своему благодѣтелю и помогать въ работѣ до зачисленія ихъ въ службу; если же имъ приходилось слишкомъ жутко, то предоставлялось право жаловаться и, по разсмотрѣніи ихъ жалобъ въ Войсковомъ Судѣ, если онѣ оказывались справедливыми, ихъ брали и передавали на прокормленіе другимъ, при соблюденіи тѣхъ же условій съ обѣихъ сторонъ.

Не мало было и другихъ сторонъ быта Яицкихъ казаковъ, на которыя обратилъ свое вниманіе Неплюевъ: такъ онъ съ подробностію опредѣлилъ права и кругъ дѣятельности всѣхъ служащихъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ казакомъ; съ неменьшею подробностію изложилъ онъ и свое мнѣніе объ учрежденіи полковъ или станицъ, объ устройствѣ походной и городской артиллеріи; опредѣлилъ окладъ жалованья для служащихъ, порядокъ въ содержаніи форпостовъ, командировки и наряды на службу; излагаетъ свои соображенія о бѣглыхъ, объ отношеніи къ бѣглымъ и безпаспортнымъ[a] казакамъ, говоритъ о рыбныхъ и другихъ войсковыхъ промыслахъ; Неплюевъ также указалъ, какъ должны вообще относиться казаки къ кочевавшимъ близъ ихъ городка калмыкамъ и, въ частности, къ желавшимъ принять изъ нихъ крещеніе[b]; упоминаетъ объ отношеніи къ нимъ татарскихъ муллъ; опредѣляетъ штатъ Илецкой и Сакмарской станицъ, показавъ въ точности ихъ отношеніе къ Яицкому войску, и заканчиваетъ свой проэктъ правомъ аппеляціи недовольныхъ. Не входя во всѣ подробности этого обширнаго проэкта, мы думаемъ, что и приведенныхъ нами извлеченій достаточно, чтобы судить о томъ, насколько близки были Неплюеву интересы Яицкой общины и какъ дорого цѣнилъ онъ силы этой *„сбродной вольницы"*, стараясь дать ей правильный строй и улучшить экономическое положеніе войска. Неплюевъ видѣлъ тѣ богатые задатки Яицкихъ казаковъ, которые потомъ обнаружили они въ борьбѣ съ киргизами и другими средне-азіатскими хищниками; еще Кирилловъ писалъ о нихъ Бирону: *„они люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ всѣ стешки знаютъ"*[c],—и правъ былъ, по нашему мнѣнію, Кирилловъ, потому что

[a]) Слич. П. С. З., т. XI, № 8359.
[b]) Объ этомъ будетъ сказано въ главѣ о калмыкахъ.
[c]) Русск. Бесѣда за 1860 г., II, стр. 199. Письмо Кириллова къ Бирону, 30 ноября 1734 г.

уральскій казакъ (мы не говоримъ объ исключеніяхъ) *въ степи не замѣнимъ*. Но заботясь о внутреннемъ благосостояніи и устройствѣ быта Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ не забываетъ при этомъ интересовъ и другихъ обитателей края, что не могло иногда мирить казаковъ съ безкорыстными стремленіями Неплюева. Приведемъ одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

До 1750 года Яицкіе казаки пользовались рубкой лѣса по рѣкамъ Сакмарѣ и Самарѣ, а также и по Яику между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостью[a]; но въ 1750 году Неплюевъ, желая удовлетворить существеннымъ нуждамъ мѣстныхъ жителей, запретилъ Яицкимъ казакамъ въ означенныхъ мѣстахъ рубить лѣсъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ длинная переписка между войскомъ, В. Коллегіей и Неплюевымъ. Въ своемъ доношеніи В. Коллегіи, отъ 29 декабря 1755 года, Яицкое войско, между прочимъ, писало: „Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланнымъ отъ 27 марта сего года, господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и Оренбургскій губернаторъ Ив. Ив. Неплюевъ, между прочимъ, изъяснилъ, чтобъ между крѣпостей, состоящихъ вверхъ по Яику рѣкѣ, какъ для запора учуга, такъ войску Яицкому и на хоромное строеніе и прочее, отъ Илецкаго городка[b], не доѣзжая до Разсыпной крѣпости за три версты, выше оной лѣсъ рубить запретить, а понеже онаго лѣса какъ отъ самаго Яицкаго городка, такъ и до Разсыпной крѣпости нынѣ не только на запоръ учуга или хоромное строеніе, но и дровянаго самое малое дѣло, и въ томъ войско Яицкое имѣетъ себѣ крайнюю нужду и недостатокъ, ибо повсягодно оной лѣсъ Яицкимъ войскомъ положено готовить къ лову рыбы, которая на обиходъ ко двору Ея Императорскаго Величества презенктомъ въ зимовой станицѣ посылается, да по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему, присланному, отъ 14 числа декабря 1753 года, изъ Главной Дворцовой Канцеляріи указу велѣно каждогодно, до осьми сотъ осетровъ и бѣлугъ и икры, ловя, въ оную Дворцовую Канцелярію присылать свѣжею и просольною, и отправляется,—такожъ иззатого и войско Яицкое довольствуясь и весь корпусъ на томъ содержится, не требуя казеннаго кошта, какъ-то Государственной Военной Коллегіи есть не безъизвѣстно, а ежели-же оного учуга заперто при войскѣ хотя одинъ годъ не будетъ, то Яикомъ рѣкою вся предписанная рыба вверхъ пройтить можетъ, и уже иззатого не только чтобъ войска Яицкаго корпусъ содержаться можетъ, но и предписанной какъ презенъктъ или въ Дворцовую Канцелярію той рыбы ловить будетъ негдѣ, и послѣдуетъ

---

[a]) Разсыпная крѣпость въ 101 вер. отъ Оренбурга, внизъ по теченію Урала. Рычковъ. „Топ. Ор. губ.", ч. 11, стр. 93.

[b]) Отъ Илецкаго городка до Разсыпной крѣпости всего 25 верстъ. См. тамъ же.

въ томъ остановка, и войско Яицкое принуждено понести крайнее раззореніе и недостатокъ; а понеже оной лѣсъ до полученія онаго указа повсягодно вверхъ по р. Яику между Татищевой[a] и Разсыпной крѣпостей рубленъ былъ" и пр.[b] Далѣе идетъ исчисленіе, сколько и какого рубилось лѣса, указывается на другія казачьи нужды и, наконецъ, все сводится къ тому, „дабы повелѣно было предписанной лѣсъ отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ какъ на запоръ вышеписаннаго учуга, такъ и войску Яицкому на хоромное строеніе и прочее рубить дозволить, чтобъ по вышеписанному довольному резону ко двору Ея Императорскаго Величества презенъктъ и въ Главную Дворцовую Канцелярію рыбы означенное число безостановочно отправляемо было".

В. Коллегія отвѣчала:[c] „Для вышеозначенныхъ потребностей о дозволеніи вамъ, Нашему войску, въ рубкѣ лѣсу отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ, какъ на запоръ учуга, такъ и вамъ, Нашему войску, на хоромное строеніе и прочее".... „помянутому дѣйствительному тайному совѣтнику, при нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ по тамошнимъ васъ Нашего войска, противъ прочихъ отмѣнныхъ службамъ, какое удовольствіе вамъ, Нашему войску, учинить разсмотрѣніе и представить въ Коллегію со мнѣніемъ,— а между тѣмъ для предписанныхъ потребностей въ показанныхъ отъ васъ, Нашего войска, мѣстахъ отъ устья Сакмарскаго ниже Оренбурга до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ иной лѣсъ рубить по усмотрѣнію небольше вашей, Нашего войска, надобности дозволить, чтобъ какъ вы, Наше войско, представляете самокрайней въ томъ нужды не имѣли". Въ томъ же смыслѣ писала В. Коллегія и Неплюеву, который еще въ 1748 г., въ бытность свою въ Яицкомъ городкѣ, относительно этого постановилъ слѣдующее: „на учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежели онаго въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то современемъ позволять изъ Сакмары рѣки доставать, токмо для береженія, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не скудить, смотрѣть, дабы оные на другія потребы излишняго тамъ не рубили"[d]. Въ отвѣтъ на отношеніе В. Коллегіи Неплюевъ писалъ 26 мая 1757 г., что „Яицкимъ

---

[a]) Отъ Оренбурга прямою дорогою до Татищевой 54 версты, а отъ Разсыпной 47 вер. См. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова по описи № 16, стр. 8 и 9. Правописаніе удержано подлинника.

[b]) Тамъ же.

[c]) См. грамоту Андрею Бородину и Яицкому войску, отъ 15 іюля 1756 года, за № 5992, послѣ слова „опредѣлено", въ пунк. 6. Сл. выписку въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова, по описи № 16, стр. 10.

[d]) См. пунктъ 16 его проэкта: о рыбныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ Р. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 25.

казакамъ рубить лѣсъ между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостію дозволить нельзя, по той причинѣ, что на тѣхъ мѣстахъ застроены крѣпости и другіе поселены служилые люди". Въ заключеніе своего доношенія Неплюевъ говоритъ: „А понеже въ оныхъ крѣпостяхъ живутъ люди, какъ выше упомянуто, все военные, того ради я Государственной Военной Коллегіи о вышеписанномъ представить въ должности нашелся, а они, войско Яицкое, вмѣсто того вверхъ до Разсыпной крѣпости и внизъ даже до Гурьева—Яицкаго городка, по Яику лѣсомъ пользуются,—да сверхъ того имъ же въ свободный изворотъ отдана Илекъ-рѣка со всѣмъ лѣсомъ, котораго будетъ по той рѣкѣ верстъ на полтараста, чего ради самый тотъ Илецкій городокъ хотя съ прочими новыми крѣпостями отъ Оренбургской Коммиссіи заведенъ и людьми населенъ, а войску Яицкому ничѣмъ не принадлежалъ, однакожъ отъ меня въ войска Яицкаго вѣдомство отданъ и ихъ станицею именуется, дабы тако прилежащія къ нему угодья въ собственной власти ихъ были, и они-бъ ими свободнѣе пользоваться и беречь могли,—итако у нихъ Яицкаго войска, и кромѣ вышеозначенныхъ новыхъ крѣпостей, какъ Илекъ, такъ и Яикъ рѣки съ прочими впадающими въ нихъ рѣчками и съ имѣющимися въ нихъ лѣсами и прочими угодьями *сотъ на семь верстъ* въ ихъ владѣніи".

Изъ высочайшей грамоты къ Яицкому войску, отъ 31 августа 1757 года, видно, что В. Коллегія, раздѣляя мнѣніе Неплюева, позволила Яицкимъ казакамъ нарубить въ указанныхъ мѣстахъ лѣсу только на запоръ одного учуга, „впредь же войсковому атаману (говорилось въ грамотѣ) никакихъ ордеровъ отъ себя не посылать, а требовать отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (Неплюева) повелѣнія, и быть вамъ, Нашему войску, въ силѣ предпосланныхъ изъ Нашей Военной Коллегіи грамотъ ему дѣйствительному тайному совѣтнику послушнымъ и по посланнымъ отъ него ордерамъ исполненіе чинить безъ отрицанія". Такимъ образомъ Неплюевъ въ данномъ случаѣ отстоялъ свое мнѣніе, что, конечно, не нравилось казакамъ. Но, стараясь оберегать интересы всѣхъ поселенцевъ края, Неплюевъ заботился и о томъ, чтобы не возстановить противъ себя Яицкое войско, склонное ко всякаго рода протестамъ, когда только задѣвались его интересы. При помощи и содѣйствіи лучшихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ же казаковъ, онъ старался проводить свои преобразованія въ Яицкое войско, которое мало-по-малу, не смотря на свое *„невѣжество и пьянство"*, замѣченныя въ немъ Неплюевымъ, всасывало ихъ въ свой организмъ и постепенно выходило на лучшую дорогу изъ своего первобытнаго патріархальнаго состоянія. Но Военная Коллегія, какъ видно, не торопилась примѣнить къ Яицкимъ казакамъ преобразованій Неплюева во всей ихъ полнотѣ и силѣ, выжидая, можетъ быть, того времени, когда

войсковой атаманъ и другіе чиновные люди, сдѣлавшись самостоятельными, подготовятъ казаковъ къ воспріятію реформъ, согласныхъ съ видами правительства. Не смотря на то, Неплюевъ энергично работалъ надъ реорганизаціей Яицкаго войска, желая дать ему лучшее устройство. Изъ архивныхъ дѣлъ Казачьяго повытья и бывшей при В. Коллегіи Воинской Коммиссіи видно, что въ 1453—1756 годахъ Неплюевъ все еще хлопоталъ за Яицкое войско. Въ 1753 году онъ былъ приглашенъ въ Военную Коллегію, гдѣ, „по его вчинанію", былъ составленъ полный штатъ: „о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ, въ какомъ числѣ предъ тѣмъ оныя были и, по нынѣшнему (1753 г.) Военной Коллегіи разсмотрѣнію, впредь сколько ихъ и на какомъ основаніи быть надлежитъ, при чемъ и онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ присутствовалъ" [a].

Въ этомъ новомъ проэктѣ опредѣлялось число казаковъ, ихъ содержаніе, обязанности и т. п. Военная Коллегія 17 мая 1753 г., представила этотъ проэктъ въ Сенатъ, а 26 мая того же года въ Сенатскомъ журналѣ было записано, что „впущенъ былъ Военной Коллегіи членъ, бригадиръ С у в о р о в ъ [b] и подалъ отъ оной Коллегіи доношенія, при которыхъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о *Яицкомъ войскѣ, приказали:* оныя доношенія и штаты, принявъ, предложить къ слушанію *впредь*" [c]. Прошло почти два года со времени представленія этого проэкта, а со стороны Сената не было никакого по нему рѣшенія; по этому Военная Коллегія 31 марта 1755 г. внесла въ Сенатъ новое и весьма пространное доношеніе по тому же вопросу. Но Сенатъ почему-то и на этотъ разъ оставилъ запросъ Военной Коллегіи безъ отвѣта. Наконецъ 19 апрѣля 1756 года въ Военной Коллегіи состоялось слѣдующее постановленіе: „по отпискѣ войска Яицкаго отъ 29 ноября 1755 г., этому войску, до будущаго въ учрежденной при Военной Коллегіи Коммиссіи обо всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ, остаться на такомъ основаніи, какъ и прежде оныя состояли, а въ нарядахъ и командированіяхъ быть въ командѣ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева, какъ и до нынѣ были" [d]. Такъ кончились всѣ благія начинанія Неплюева по реорганизаціи Яицкаго войска, въ чемъ, конечно, не его вина. Судьбы Яицкаго войска, какъ будто по закону исторической необходимости, подготовлялись для ужасныхъ явленій Пугачевщины.— Перейдемъ теперь къ вопросу о бѣглыхъ и къ отношенію къ нимъ со стороны Неплюева.

---

[a] Русск. Архивъ за 1878 г., кн. I, стр. 487.
[b] Отецъ генералиссимуса А. В. Суворова.
[c] Тамъ же, стр. 488.
[d] Дѣло Воинск. Комм. 1753 г., оп. 121, св. 28, № 15. См. Р. Арх. 1878 г., кн. I, стр. 488.

ГЛАВА XII.

Причины побѣговъ изъ внутренней Россіи на ея окраины и отношеніе Неплюева къ бѣглымъ на Яикѣ и раскольникамъ.—Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Стремленія Петра Великаго къ ограниченію крѣпостнаго права.—Усиленіе крѣпостнаго права послѣ Петра.—Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными.—Волненія среди поссессіонныхъ крестьянъ.—Крестьянскія войны.—Общественно-экономическія условія податнаго класса.—Тяжелое положеніе духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны.—Побѣги за рубежъ и въ украйны.—Бѣглые на Яикѣ и Иргизѣ.—Преслѣдованіе раскольниковъ и отношеніе къ нимъ Военной Коллегіи, епископа казанскаго Луки Конашевича и Неплюева.—Значеніе Яицкаго войска въ исторіи Россіи и общій взглядъ на его судьбы до переименованія его въ Уральское.

„Пахарь, сохи ведучи иль оброкъ считая,
Не однажды превздохнетъ, слезы отирая".

Кантемиръ.

„Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей".

Полѣновъ.

„Яицкіе казаки люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ всѣ стешки знаютъ".

Кирилловъ.

Оренбургскій край, подобно другимъ украйнамъ, издавна былъ притономъ бѣглыхъ людей, но особенно бѣжавшіе сюда изъ внутренней Россіи полюбили берега привольнаго Яика, гдѣ ихъ охотно принимали и старались укрыть отъ сыскныхъ командъ Яицкіе казаки. Причины побѣговъ изъ центральной Россіи въ общихъ чертахъ были уже нами отмѣчены выше[a]), остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, чтобы лучше уяснить себѣ громадный наплывъ бѣглыхъ и пришлыхъ людей въ предѣлы Оренбургскаго края. Обстоятельства внутри Россіи какъ нельзя болѣе благопріятствовали частному, тайному и безконтрольному поселенію бѣглыхъ на ея окраинахъ. Причины побѣговъ были весьма сложны и различны; но особенно жутко приходилось въ XVIII ст. крѣпостнымъ крестьянамъ. Приверженецъ и любимецъ правительницы Софьи, князь В. В. Голицынъ, мечтавшій, по свидѣтельству Невилля[b]), объ освобожденіи крестьянъ съ зе-

[a]) См. выше стр. 129.
[b]) De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1699 г., 175—178. См. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в." Спб. 1888 г., т. I, стр. 2.

мельнымъ надѣломъ, не только не осуществилъ своей смѣлой мысли, но даже не успѣлъ ничего и предпринять для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ[a]). Между тѣмъ сами крѣпостные считали свое горькое положеніе временной бѣдой, устроенной помѣщиками помимо царской воли. Народъ какъ бы инстинктивно сознавалъ, что рано или поздно слово освобожденія раздастся съ высоты царскаго престола,— это убѣжденіе было выражено крѣпостными еще при Петрѣ Великомъ. Въ своей челобитной боярскіе люди писали: „просимъ и молимъ и умильно вопіемъ, да Тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ Тебѣ, Великому Государю, сановники твои *бояре* и князи Тебѣ, Великому Государю, *станутъ возбранять,* чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ, мучиться, яко *львы* зубы, челюсти своими пожираютъ и, якоже *зміи* ехидныя, разсвирѣпея, напрасно попираютъ и, якоже *волцы* свирѣпіи, біютъ насъ, яко не милостивые *пилаты:* Великій Государь, смилуйся пожалуй!“[b]) — Заботясь о своемъ народѣ, какъ попечительный отецъ, Петръ Великій сдѣлалъ первый попытку къ тому, чтобы нѣсколько ослабить развитіе крѣпостнаго права: онъ сознавалъ необходимость мѣръ для ограниченія продажи крестьянъ безъ земли; уничтожилъ право помѣщиковъ ставить за себя на правежъ крестьянъ; имѣнія помѣщиковъ—разорителей велено было отдавать въ опеку ихъ ближайшихъ родственниковъ, до исправленія самихъ владѣльцевъ; крестьянамъ, занимавшимся торговлей на извѣстную сумму, дозволено было приписываться къ городамъ, даже вопреки желанію ихъ владѣльца, не лишавшагося, впрочемъ, права взиманія съ нихъ оброка наравнѣ съ остальными крестьянами; а дворовые люди могли поступавъ въ военную службу, не спрашивая на то согласія своего господина[c]). Но съ другой стороны, уравненіе Петромъ крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей послужило и къ усиленію крѣпостнаго права: до ревизіи холопы получали свободу, въ случаѣ смерти своего господина, теперь же они лишились этого права. Кромѣ того не всѣ мѣры Петра Великаго были приведены въ исполненіе, оставаясь, по большей части, мертвою буквою на бумагѣ. Умный и правдивый крестьянинъ Посошковъ, предвидѣвшій за полтараста лѣтъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, такъ изображаетъ ихъ безотрадное положеніе: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные

---

[a]) Тамъ же, стр. 3.

[b]) См. въ приложеніи къ XVIII т. Исторіи Россіи С. М. Соловьева. М. 1868 г., стр. 356.

[c]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и перв. полов. XIX в. т. I, стр. 4.

дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. Итако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положеніе забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало-мальски посытнѣе быть, то на него и подати прибавляютъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: *крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, доголà;* и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и *козы не оставляютъ.* Отъ таковыя нужды домы своя оставляютъ и бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же въ *украйныя*, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ" [a]. Посошковъ указываетъ и на причины такого отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и на необходимость охраненія послѣднихъ, со стороны Государя: „Крестьянамъ *помѣщики не вѣковые владѣльцы*", говоритъ онъ: „того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій Самодержецъ, а они *владѣютъ временно.* Итого ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, *но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить,* чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; *понеже крестьянское богатство—богатство царственное*" [b]. Но смѣлый и энергичный заступникъ за порабощенный народъ, какъ извѣстно, поплатился тюрьмою за свое правдивое и безстрашное слово: покуда живъ былъ Петръ, любившій правду и откровенность въ своихъ подданныхъ [c], Посошковъ былъ безопасенъ; не стало Петра—Посошкова тотчасъ же заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ въ 1726 г. и умеръ. „Послѣ Посошкова",—замѣчаетъ Семевскій,—„наступаетъ полное затишье въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлые голоса изъ народа „о положеніи крестьянъ" раздались „только въ Екатерининской коммиссіи, для составленія Новаго Уложенія" [d].

Со смертію Петра Великаго, который все-таки старался сдерживать порывы владѣльческой алчности и безчеловѣчія [e], произволъ и жестокость помѣщиковъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ: крестьянинъ былъ низведенъ на степень вьючнаго безгласнаго скота. Послѣ Петра крѣпостное и поссес-

---

[a]) Соч. Ив. Посошкова, изд. Погодина, Москва 1842 г. I, 182—183. Сл. соч. Бѣляева: „Крестьяне на Руси", М. 1860 г., стр. 286.
[b]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 5.
[c]) См. выше стр. 46.
[d]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 7.
[e]) Временникъ, кн. XII, стр. 12 и д.

сіонное право усиливается и крѣпчаетъ, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ въ своемъ распространеніи. Пожалованіе населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ и приписка по ревизіямъ увеличиваютъ число крѣпостныхъ крестьянъ. Въ періодъ времени съ 1682 по 1710 годъ, было пожаловано разнымъ лицамъ изъ однихъ дворцовыхъ волостей 45,655 дворовъ съ населеніемъ болѣе 170 тысячъ душъ; со смерти же Петра до Екатерины II число пожалованныхъ въ помѣстья и вотчины крестьянъ достигло нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ, хотя большая часть этихъ пожалованій дѣлалась изъ конфискованныхъ имѣній. Всѣ вольноотпущенные, неизбравшіе опредѣленныхъ занятій въ жизни, непомнящіе родства, пріемыши, сироты, заштатные церковно-служители, незаконнорожденные, плѣнные, бродяги и т. п. записываемы были или въ крѣпостные или поссессіонные (принадлежащіе къ фабрикамъ) крестьяне[a]. Одновременно съ распространеніемъ и ростомъ крѣпостнаго права въ жизни, идетъ усиленіе его и со стороны закона: 20 сентября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ, запрещавшій принимать въ военную службу дворовыхъ людей боярскихъ и крестьянъ, „которые въ подушный окладъ написаны и которые хотя и не написаны, въ солдаты и матросы, и *ни въ какую службу волею ихъ не принимать* и не записывать“[b]. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Императрица Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать наказанію тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые самовольно будутъ просить о принятіи ихъ въ военную службу. Помѣщики такъ свыклись съ мыслью о крѣпостничествѣ, что даже наиболѣе образованные изъ нихъ и патріоты по своимъ убѣжденіямъ, какъ напримѣръ А. П. Волынскій и В. Н. Татищевъ, не шли дальше различныхъ проэктовъ и инструкцій объ управленіи крестьянами, возлагая на самого помѣщика заботы о всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ крестьянъ[c], и считали невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостнаго права: „оное“,—замѣчаетъ Татищевъ,—съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно“[d]. Въ экономическихъ запискахъ Татищева[e] крестьянинъ связанъ, какъ говорится, по рукамъ и ногамъ властію помѣщика, который мучитъ его трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать имѣніе и ненужныхъ для него поросенка и курицу; помѣщикъ требуетъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ извѣстное число коровъ, лошадей, овецъ, оловянныхъ

[a]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 9.
[b]) Указы, состоявш. съ 1725 генвар. съ 28 числа по 1730 г. Спб. 1743 г. стр. 283—284.
[c]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи т. I, стр. 8.
[d]) Примѣч. къ § 88 „Судебника“, изд. Татищевымъ.
[e]) Временникъ, кн. XII, стр. 12—30.

ложекъ, блюдъ, тарелокъ, ножей, вилокъ, скатертей, стакановъ, солонокъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдаетъ его въ батраки, даже безъ всякаго вознагражденія за его трудъ. Такого рода посягательства на крестьянина, по замѣчанію Бѣляева, прежнимъ помѣщикамъ и въ голову не приходили[a]. Если такой передовой и образованный человѣкъ своего времени, какъ В. Н. Татищевъ, при томъ же сравнительно добрый и попечительный помѣщикъ[b], смотрѣлъ не иначе на крестьянъ, какъ на безправную и безгласную собственность; то что можно было ждать отъ другихъ его современниковъ, грубыхъ и необразованныхъ сатраповъ?!— Даниловъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что онъ жилъ у такой человѣколюбивой и мягкосердечной вдовы-помѣщицы, которая, какъ только начинала кушать свои любимыя щи, приказывала „людямъ сѣчь батожьемъ немилосердно кухарку“, приготовлявшую тѣ щи, „и покуда сѣкутъ и кухарка кричитъ“,—передаетъ Даниловъ,—„вдова не перестаетъ щи кушать, что было введено во всегдашнее обыкновеніе“[c], какъ бы для возбужденія аппетита. Но самодурство этой любительницы щей и страстной охотницы до порки своей кухарки ничто въ сравненіи съ звѣрствомъ Дарьи Салтыковой, принадлежавшей по мужѣ къ весьма знатной фамиліи, и кн. Козловской. Извѣстно, что и мужъ Салтыковой весьма жестоко обращался съ людьми: по его приказанію, была засѣчена до смерти одна женщина[d], но жена превзошла своего мужа въ звѣрскомъ и кровожадномъ обхожденіи съ крѣпостными. Овдовѣвъ въ 1756 году, Салтыкова, какъ дикій разъяренный звѣрь, набрасывается на своихъ крѣпостныхъ и мучаетъ ихъ въ теченіи 12 лѣтъ, пока Императрица Екатерина II ни засадила ее въ подземную тюрьму. По приказанію Салтыковой, конюхи били дворовыхъ людей, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, ѣзжалыми кнутьями, плетьми, батогами и розгами. Истязанія эти вызывались самыми мелочными неисправностями, напр. когда не такъ хорошо было вымыто бѣлье, не чисто подмытъ полъ и т. п. Чистоплотная помѣщица нерѣдко начинала свои внушенія неопрятнымъ крестьянамъ собственноручно ударами полѣномъ, палкой, валькомъ и т. п., конечно, по чему и какъ попало. Иногда и это не удовлетворяло звѣрскихъ инстинктовъ чистоплотной барыни,—и тогда она обращалась къ другимъ, по-истинѣ, инквизиторскимъ средствамъ истязанія, которымъ бы, кажется, позавидовалъ самъ Торквемадо: она била несчастныхъ головою объ стѣну; обливала

---

[a] Крестьяне на Руси, изд. 1860 г. стр. 308 и 311.
[b] См. его „Духовную“, изд. А. Н. Островскимъ. Казань, 1886 г.
[c] Записки артиллер. маіора Данилова. М. 1842 г. стр. 42 и д.
[d] В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I стр. 199, зам. 2.

лицо и голову кипяткомъ; дергала ихъ за уши раскаленными щипцами; палила на ихъ головѣ волосы; морила голодомъ, надѣвала колодки и заставляла въ нихъ работать, а зимою, послѣ жестокаго наказанія, выставляла людей босыми на морозъ и т. п. Возвращаясь *съ богомолья*[a] изъ Кіева, Салтыкова забила до смерти въ одномъ изъ своихъ имѣній дворовую дѣвушку Петрову за нечистое мытье половъ. Другая женщина, будучи беременной, во время наказанія ея розгами и батогами, по приказанію Салтыковой, разрѣшилась мертворожденнымъ младенцемъ, а вслѣдъ затѣмъ умерла и сама. Когда забили батогами до смерти Прасковью Ларіонову и повезли тѣло ея изъ Москвы въ село Троицкое, Салтыкова приказала посадить на трупъ убитой, по ея приказанію, женщины груднаго младенца покойницы, который во время пути и замерзъ на изуродованномъ и окоченѣломъ тѣлѣ своей страдалицы-матери. Иногда Салтыкова принуждала своихъ крестьянъ побоями и къ совершенію преступленій[b]. Убитыхъ Салтыковой и умершихъ отъ истязаній, если соглашался священникъ, хоронили какъ-бы скончавшихся отъ болѣзни, въ противномъ случаѣ ихъ ночью увозили въ глухой лѣсъ, прикрывъ сѣномъ или чѣмъ-нибудь другимъ, и здѣсь зарывали въ землю безъ всякаго отпѣванія, а управляющій обыкновенно объявлялъ, что „тѣ люди сбѣжали". Если кто изъ дворовыхъ Салтыковой осмѣливался доносить на нее, то обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что его же, какъ ложнаго доносчика, наказывали кнутомъ и ссылали въ Сибирь или возвращали къ той же „Салтычихѣ" на новыя истязанія. И все это творилось ни гдѣ-нибудь въ глуши, а или въ самой Москвѣ, гдѣ Салтыкова жила большую часть года, или близъ „златоглавой" и „бѣлокаменной" столицы, въ пригородномъ селѣ Троицкомъ, куда Салтыкова обыкновенно выѣзжала на лѣто.

До какой степени недобросовѣстна была тогдашняя администрація, и какъ мало обращала вниманія на всѣ ужасныя истязанія, которыя приходилось испытывать крѣпостнымъ отъ своихъ господъ,—можно судить по тому, что *двадцать одинъ* разъ начиналось дѣло о Салтыковой и всякій разъ прекращалось безъ всякихъ для нея послѣдствій, благодаря начальнику полицмейстерской канцеляріи Молчанову и служащимъ при немъ въ полиціи: надв. сов. Вельяминову-Зернову, прокурору Хвощинскому, актуаріусу Пафнутьеву и полковнику Ярову, по-

---

[a]) Нѣкоторые помѣщики даже самую религію любви,—религію Распятаго за насъ Господа Нашего Іисуса Христа обращали въ предлогъ для мученія своихъ крестьянъ: графъ П. А. Румянцевъ приказывалъ бить плетьми тѣхъ, кто вовсе не говѣлъ въ Великій постъ, а „которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5000 разъ нещадно". См. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царств. Императр. Екатерины II", т. 1, стр. 182.

[b]) Тамъ же, стр. 200, замѣч. 2.

вѣренному Салтыковой, которые за взятки, получаемыя ими отъ звѣроподобной помѣщицы, научали крѣпостныхъ давать показанія въ пользу Салтыковой и скрывали концы въ воду. Люди Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ или въ смерти „отъ побой“ 75 человѣкъ; Юстицъ-коллегія *положительно обвинила Салтыкову въ убійствѣ* 38-ми чел., оставила въ подозрѣніи въ убійствѣ 26-ти лицъ, оправдала по одному случаю и не приписала ей смерти 10-ти человѣкъ. Въ числѣ 38 убитыхъ Салтыковой лицъ было двѣ дѣвочки въ возрастѣ отъ 11—12 лѣтъ и только трое мужчинъ, остальныя все—женщины и дѣвушки[a].

На слѣдствіи Салтыкова ни въ чемъ не созналась; назначенный къ ней для увѣщанія „знающій“ священникъ также не имѣлъ никакого успѣха; страшныя пытки надъ преступникомъ въ ея глазахъ тоже не произвели на нее желаемаго впечатлѣнія, — тогда Юстицъ-коллегія присудила: *отсѣчь Салтыковой голову и тѣло положить на колесо*. Сенатъ съ своей стороны предложилъ сослать Салтыкову, по наказаніи ея кнутомъ, въ каторжную работу; но императрица Екатерина II, 2 октября 1768 г., замѣнила этотъ приговоръ слѣдующимъ: лишить Салтыкову дворянскаго званія и называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ на эшафотѣ къ столбу съ надписью *«мучительница и душегубица»*, продержать ее въ такомъ положеніи цѣлый часъ; затѣмъ—надѣть на нее оковы и отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, гдѣ подлѣ какой-нибудь церкви посадить въ нарочно сдѣланную темную подземную тюрьму и содержать ее тамъ до конца ея жизни. Имѣніе ея приказано было передать дѣтямъ. Салтыкова была заключена въ подземную темницу при Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ она просидѣла 11 лѣтъ; затѣмъ въ 1779 г. перевели ее въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви; здѣсь она прожила еще 21 годъ и даже родила ребенка отъ приставленнаго къ ней караульнаго. Passenans, авторъ книги „La Russie et l'esclavage“ видѣлъ ее въ этомъ заключеніи уже семидесятилѣтнею старухою[b]. Массонъ говоритъ, что помѣщицы въ Россіи вообще

---

[a]) См. списокъ ихъ въ статьѣ г. Студенкина („Русск. Старина“ 1874 г., т. X, стр. 526—528). Ср. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, стр. 202.

[b]) В, И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I, стр. 203. Подробности о звѣрскомъ обращеніи Салтыковой съ крѣпостными смотри въ „Русск. Архивѣ“ (1865 г., стр. 247—256 и 1871, 1281—1286; въ „Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс.“ (1872 г., т. I, стр. 38—44); въ „Русск. Старинѣ“ (1874 г., т. X, 497—546); въ журналѣ: „Зритель“ (1863 г., №№ 35 и 36); „Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева (т. IV, стр. 84—96); „Записки Шаховскаго“ (изд. 1872 г., стр. 247 и 248); „Русск. Достопамятности“. М. (1862 г., выпускъ V, стр. 17); „Сборн. Русск. Истор. Общ.“ (т. X, 311—312); въ „Сенат. Арх., кн. № 142, л. 205, и въ ст. Снегирева: „Лубочныя картины русск. народа“, М. 1861 г., стр. 67.

были кровожаднѣе, чѣмъ помѣщики, что, по его мнѣнію, обусловливалось большею сравнительно невѣжественностію первыхъ предъ послѣдними. В. И. Семевскій замѣчаетъ по этому поводу, что „мужчины дѣйствительно были не такъ невѣжественны, какъ женщины, потому что большинство изъ нихъ провело часть жизни на службѣ; помѣщицы же обыкновенно весь свой вѣкъ жили среди людей, которыхъ онѣ привыкли считать своею собственностью, съ которыми имѣли возможность расправляться, какъ имъ угодно“ [a]. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ Массонъ о поступкахъ кн. Козловской, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ Салтыковой: „кн. Козловская олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнустностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ припадкахъ бѣшенства и изступленія, *заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и натравляетъ собакъ грысть несчастнаго: или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла...* соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства... Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію *на-голо*; затѣмъ свирѣпая госпожа нерѣдко, для утоленія своей лютости или даже личной мести, *заставляла класть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно*, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, *сѣкла эти нѣжныя части тѣла*. Я самъ видѣлъ (продолжаетъ Массонъ) одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала подобнымъ образомъ и вдобавокъ еще изуродовала: *вложивъ пальцы въ ротъ, она розодрала ей губы до ушей*. Я видѣлъ эту злополучную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочіе слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ“ [b].

---

a) Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 189.

b) Masson. Memoires secrets sur la Russie. Amst. 1800—1803, t. II, pp. 115—117; t. IV, p. 203.—Въ изданіи Барьера (1863 г.) мемуаровъ Массона это мѣсто опущено; оно потомъ было переведено въ журналѣ: „Русская Старина“ за 1874 г., т. IX, стр. 386—387. Слич. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I, стр. 179—180. Сравн. тамъ же стр. 189.

Въ П. С. Зак. также находится не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о деспотизмѣ помѣщиковъ, изъ которыхъ иные понесли должное возмездіе за свои жестокости надъ крѣпостными.—Поручикъ Нестеровъ былъ сосланъ на поселеніе за то, что и самъ и, по его приказанію, слуги его *«били и жгли огнемъ»* одного человѣка за побѣгъ и кражу и посадили его въ подполье, гдѣ онъ и умеръ [a]. Другой помѣщикъ Лазаревъ былъ преданъ церковному покаянію за жестокое обращеніе съ своимъ крестьяниномъ: избитый имъ крестьянинъ умеръ. По медицинскому осмотру трупа убитаго оказалось, что „на головѣ кожа пробита; на лядвіяхъ и по стегнамъ-синева; спина вся избита и черна, а подлѣ уха на правой сторонѣ оцарапленоʺ [b]. Жену генералъ-экипажъ-мейстера Зотову велѣно было постричь въ монахини за то, что она подвергала пыткамъ своихъ людей, которые не хотѣли признать принятаго ею чужаго младенца за ея сына [c]. Но, не смотря на это, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и безвыходнѣе становилось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Одинъ помѣщикъ, по словамъ Болтина, въ пьяномъ видѣ ни за-что, ни про-что всѣхъ дворовыхъ подвергъ тѣлесному наказанію [d]; одна барыня приказываетъ высѣчь сразу 80 женщинъ за то, что онѣ не набрали земляники, когда это было имъ приказано; былъ и такой случай, когда помѣщикъ приказалъ жечь углями подошвы ногъ двороваго человѣка за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ *щенковъ*, которыхъ велѣно было *выкормить* его женѣ *своею грудью* [e].

Въ проэктѣ, составленномъ въ Елизаветинской коммиссіи для новаго уложенія, помѣщикамъ давалась почти неограниченная власть надъ крестьянами: „Дворянствоʺ,— сказано тамъ,—„имѣетъ надъ людьми и крестьяны своими мужскаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ *полную власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ.* И для того воленъ всякій дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ приданое, въ рекруты отдавать и во всякія крѣпости укрѣплять, на волю вѣчно и для промысла и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества за посторонниxъ отпускать и съ деревень въ другія свои деревни по нижеписанному порядку переводить и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужескому полу жениться, а женскому

---

a) П. С. Зак., № 11450.

b) Тамъ же, № 11291.

c) Тамъ же, № 11436. Ср. главу VII въ сочин. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе имератрицы Екатерины II. Спб. 1881 г., т. I.

d) См. т. IV, стр. 565.

e) В. И. Семевскій: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины IIʺ, т. I, стр. 177.

замужъ идти позволять и по изволенію своему въ услуженіе, работы и посылки употреблять и всякія, кромѣ вышеписанныхъ наказаній, чинить или для наказанія въ судебныя правительства представлять и, по разсужденію своему, прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать" [a]. — Такимъ образомъ указъ Петра Великаго, которымъ онъ въ 1721 году предписалъ Сенату обратить вниманіе на необходимость прекращенія продажи людей въ розницу и безъ земли, не былъ осуществленъ, хотя въ Коммиссіи 1741 года, для составленія новаго уложенія, и разсуждали о немъ, предполагая запретить „продажу людей безъ земли вовсе и безусловно" [b]. — Напротивъ, чѣмъ больше становилось число крѣпостныхъ батраковъ, тѣмъ дешевле цѣнился этотъ живой товаръ. Вотъ что говоритъ объ отношеніи помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ А. Я. Полѣновъ [c], одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей XVIII вѣка: „Бѣдственное состояніе крестьянъ на такую степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ видимъ... *Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей.* Итакъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества *вывесть производимый человѣческою кровью безчестный торгъ.* Мы въ семъ случаѣ не дѣлаемъ никакой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ и продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева, *и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей»* [d]. Одинъ сельскій священникъ

---

[a]) Латкинъ. Законодательная Коммиссія въ Россіи въ XVIII в. Спб. 1887 г., т. I, стр. 155—156. Ср. Крестьянскій вопросъ въ Россіи В. И. Семевскаго, т. I, стр. 10, пр. 1-е.

[b]) Тамъ же. См. въ „Др. и Нов. Россіи" (1876 г. № 9, стр. 70): „Журналъ коммиссіи для составленія законовъ".

[c]) Біографія А. Я. Полѣнова помѣщена въ „Русск. Архивѣ" за 1865 г., стр. 445—470 и 703—736.

[d]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в., т. 1, стр. 83—84. А. Я. Полѣновъ, какъ извѣстно, въ числѣ другихъ представилъ сочиненіе на тему, предложенную Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ на конкурсъ, по инициативѣ Императрицы Екатерины II: „Что полезнѣе для общества, — чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?" — А. Я. Полѣновъ получилъ за свой трудъ медаль въ 12 червонцевъ, но самый трудъ былъ напечатанъ только въ 1865 г. Подроб. смотр. въ отмѣч. соч. В. И. Семевскаго, т. I, главы V и VI.

разсказываетъ, что *бывали случаи, когда за одну борзую собаку отдавали цѣлыя деревни крестьянъ*. Одинъ продавалъ дѣвушекъ—невѣстъ по 25 руб., другой въ то же время покупалъ борзыхъ щенковъ по 3000 руб.; слѣдовательно, даже щенокъ, а не собака, цѣнился въ 120 разъ [a] дороже человѣка, или *120 дѣвицъ равнялись по цѣнѣ одной собакѣ*. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, обыкновенною цѣною за крестьянскую душу, по свидѣтельству Болтина, была 30 р. [b]).

Вторая ревизія, послѣдовавшая при Елизаветѣ Петровнѣ, заботясь объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, „ломаетъ", по выраженію Бѣляева, „всѣ права" податныхъ людей, если только не видитъ никакого обезпеченія въ исправномъ платежѣ подушныхъ денегъ, и отдаетъ ихъ въ кабалу всякому, заявившему желаніе вносить за нихъ подати и могущему обезпечить этотъ платежъ. Манифестомъ 25 ноября 1741 г. отъ крестьянъ даже не требовали и присяги на вѣрноподданство [c]); слѣдовательно, они какъ бы не признавались уже и членами Русскаго государства, а между тѣмъ деспотизмъ помѣщиковъ не переставалъ заявлять себя своими жестокостями. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что крѣпостные и дворовые люди толпами уходятъ отъ своихъ помѣщиковъ и добровольно просятся въ военную службу, даже лично утруждаютъ своими просьбами Императрицу Елизавету Петровну, какъ это видно изъ указа 2 іюня 1742 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ сего 1742 года, многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали, и затѣявъ собою, яко бы помѣщиковыхъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу и о томъ подавали самой Императрицѣ челобитныя, согласясь немалымъ собраніемъ и порознь. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя челобитенъ не подавали, но, смотря на другихъ свою братію, отъ помѣщиковъ своихъ *бѣжали жъ, желая записаться въ военную службу* и, по поданнымъ отъ своей братіи объ ономъ челобитнымъ, якобы указа ждали". За это, какъ видно изъ того же указа, всѣмъ охотникамъ до военной службы „учинено на площади съ публикою жестокое наказаніе", а именно: которые подавали челобитныя „не малымъ собраніемъ", тѣ биты кнутомъ, и изъ нихъ „пущіе къ тому заводчики" сосланы въ Сибирь на казенные заводы „въ работу вѣчно", а которые подавали челобитныя порознь, тѣ, вмѣсто кнута, биты плетьми, а прочіе—

---

a) „Руск. Старина" 1880 г., № 1, стр. 68; № 3, стр. 493. Ср. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Спб. 1881 года, т., I стр. 153.
b) Тамъ же. См. примѣчаніе на Леклерка, т. II, стр. 222.
c) П. С. Зак., № 8473.

„батоги“ и, по наказаніи, за исключеніемъ сосланныхъ въ Сибирь „отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженіе по прежнему“ [a]. Тѣмъ же указомъ предписывалось, чтобы „впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ ихъ въ военную службу нигдѣ не просили“, въ противномъ случаѣ имъ угрожало наказаніе кнутомъ и ссылка въ каторгу. Вслѣдствіе этого указа, служившаго подтвержденіемъ указа 20 сентября 1727 г., крѣпостные и дворовые люди потеряли и прежнее право на добровольное вступленіе въ военную службу, въ которой положеніе ихъ было несравненно лучше, чѣмъ у помѣщика,—не даромъ сказалъ въ своей V сатирѣ и А. Д. Кантемиръ, намекая на повинности крѣпостныхъ крестьянъ:

„Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды превздохнетъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?“

Но и въ солдатахъ крестьянину приходилось жутко. Изъ указа 24-го марта 1727 года видно, что „многіе рекруты, не хотя быть въ службѣ Ея Величества, сами себя злодѣйски портятъ, и отсѣкаютъ у рукъ и ногъ пальцы и растравливаютъ раны, и прочія различныя вымышленно приключаютъ себѣ болѣзни“. Дѣлая внушеніе, что подобные поступки составляютъ „тяжкій грѣхъ“, указъ однакожъ не отрицаетъ того, что „новоприверстаннымъ рекрутамъ чинятся великіе непорядки отъ наборщиковъ и приводцевъ, и оттого рекруты бѣгали и умирали“.— Несмотря на то, виновныхъ въ добровольномъ изуродованіи себя, съ цѣлью избавиться отъ военной службы, велѣно: „*изъ десяти одного съ жеребья повѣсить*, а прочихъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу на каторгу, а плательщикамъ, кои такихъ воровъ сами приведутъ, зачитать въ рекруты“ [b]. Такимъ образомъ, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ становилось все хуже и безнадежнѣе и по мѣрѣ того, какъ отнимались и стѣснялись права крѣпостныхъ людей, усиливались и внутренніе мятежи среди нихъ, оканчивавшіеся въ результатѣ, по большей части, побѣгами [c]. Кромѣ болотистыхъ и лѣсистыхъ уѣздовъ внутри Россіи, степей южныхъ и юговосточныхъ, Сибири и Башкиріи, бѣглые находили пріютъ на фабрикахъ и заводахъ. Сознавая свое безвыходное положеніе, они соглашались работать за всякую плату, почему нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ охотно нанимали ихъ, чтобы безконтрольно эксплуатировать

---

[a] П. С. З. № 8577. Ср. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“, стр. 281.
[b] Указы Екатерины I и Петра II, изд. 1743 г. Спб., стр. 235—236.
[c] П. С. Зак., №№ 10791 и 10870.

ихъ трудъ въ свою пользу. Многіе заводчики и фабриканты изъ стремленія къ наживѣ, принимали къ себѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ крестьянъ: Демидовы, Осокины и другіе дѣлали это открыто, а иногда трудомъ бѣглыхъ пользовались даже въ производствѣ казенныхъ работъ; извѣстно, напримѣръ, что генералъ Люберасъ, при постройкѣ Кронштадтскаго канала, по преимуществу употреблялъ на работы безпаспортныхъ и бѣглыхъ[a]). Съ теченіемъ времени заводчики и фабриканты, не желая лишиться рабочихъ рукъ, обязались вносить подать за приписанныхъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ крестьянъ, вслѣдствіе чего послѣдніе встали въ крѣпостное отношеніе къ первымъ; на практикѣ эти приписные къ заводамъ и фабрикамъ крестьяне сдѣлались каторжниками: фабриканты и заводчики знали только свои права, игнорируя вполнѣ свои обязанности по отношенію къ крестьянамъ. При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя было разсчитывать на спокойствіе среди поссессіонныхъ крестьянъ; открылись мятежи, которые пришлось усмирять вооруженной силой: крестьяне съ дубьемъ и кольями въ рукахъ шли на пушки и солдатскіе штыки; одни погибали въ неравномъ бою, другіе разбѣгались. Такъ въ 1749 г. фабриканты Болотинъ и Докучаевъ жаловались, что изъ 1000 рабочихъ у нихъ осталось только 120 чел., и что крестьяне работать не хотятъ, почему просили силой принудить ихъ работать: взрослыхъ — кнутомъ, а подростковъ — плетью. Крестьяне, въ свою очередь, подали на Болотина жалобу самой Императрицѣ. Результатомъ этого дѣла было слѣдующее постановленіе Сената: „пущихъ заводчиковъ десятаго бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ каторжную работу, а другихъ наказать плетьми и принудить къ работѣ“. Расправа съ крестьянами была произведена въ день праздника Казанской Божіей Матери, что огорчило Государыню. На представленіе Сената по этому дѣлу послѣдовала высочайшая резолюція: „впредь въ праздничные и викторіальные дни никакихъ экзекуцій никому не чинить“[b]). Но не такъ было легко справиться съ волненіемъ фабричныхъ крестьянъ статскаго совѣтника Демидова и ассесора Гончарова, вспыхнувшимъ въ 1752 году въ Ромодановской волости Калужской губерніи; на этотъ разъ въ волненіи крестьянъ приняло участіе и мѣстное духовенство. Священники и причетники изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень собрались съ иконами и хоругвями въ селѣ Ромодановкѣ и, по совершеніи молебна, привели всѣхъ крестьянъ къ присягѣ съ клятвой

---

[a]) Тамъ же № 7225.
[b]) П. С. З. № 9643 и № 9646. Ср. стр. 471 въ сочиненіи В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“. Спб. 1881 г., т. I.

въ томъ, что никто изъ нихъ не отстанетъ отъ общаго дѣла; священники и причтъ также цѣловали крестъ и евангеліе, обѣщаясь поддерживать крестьянъ.—Въ то же время крестьяне фабриканта Гончарова, собравшись въ пустомъ срубѣ, прикладывались къ образу и мѣдному кресту, чтобы „имъ указа не слушать и у Гончарова въ командѣ не быть, и ежели ихъ станутъ брать силою, то-бъ имъ не даваться“. Въ Петербургъ была отправлена отъ крестьянъ депутація съ жалобой на помѣщика; но челобитчиковъ наказали кнутомъ и немедленно отправили въ Ромодановскую волость особый полкъ солдатъ, подъ командою полковника Ольмюца. Вскорѣ Сенатъ узналъ, что Ольмюцъ попался въ руки крестьянъ, которые, впрочемъ, не сдѣлали ему никакихъ оскорбленій; но оказалось, что одного полка было недостаточно для подавленія мятежа. Тогда Военная Коллегія, по предписанію Сената, командировала въ Калугу еще три драгунскіе и два пѣхотные полка съ артиллеріею, подъ начальствомъ бригадира Хомякова, которому было приказано: «*жилища крестьянъ жечь* и, не допуская къ сраженію, *палить по нихъ изъ пушекъ*». Крестьяне, собравшіеся въ числѣ 3000 чел., запаслись на этотъ разъ, кромѣ ножей и топоровъ, ружьями и даже пушками.—Между тѣмъ начались волненія и въ другихъ мѣстахъ: въ Вышегородской волости Арнейскаго уѣзда, въ селѣ Сороколѣтовѣ Бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Павловѣ Московскаго уѣзда, въ Коростенской волости Новгородскаго уѣзда и другихъ деревняхъ, расположенныхъ по близости къ центральнымъ пунктамъ крестьянскихъ мятежей. Владѣльцы этихъ крестьянъ: графъ Шуваловъ, фабрикантъ Лучининъ и графъ Ягужинскій обратились съ просьбою о помощи къ правительству. Видя, что волненіе охватило большой районъ, Хомяковъ не рѣшался вступать въ открытый бой съ крестьянами, и старался подѣйствовать на недовольныхъ посредствомъ переговоровъ и увѣщаній; но крестьяне твердили одно и то же: „Ея Императорскому Величеству мы не противники, а за Демидовымъ не хотимъ быть“; въ томъ же духѣ отвѣчали и крестьяне Шувалова и Ягужинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне передали Хомякову новую челобитную, которую просили его препроводить въ Петербургъ, гдѣ, какъ оказалось, были недовольны миролюбивыми дѣйствіями Хомякова, почему послѣдній вынужденъ былъ обратиться къ военной силѣ внушеній. *Начались крестьянскія войны.* Крестьяне дѣйствовали энергично, единодушно и храбро: Хомяковъ два раза потерпѣлъ неудачу, почему Сенатъ потребовалъ отрѣшенія Хомякова и преданія его военному суду. Но Военная Коллегія оказалась безпристрастнѣе Сената: она видѣла, что здѣсь былъ виноватъ не Хомяковъ, а непредусмотрительность лицъ, которыя такъ легко взглянули на крестьянскій бунтъ; что

нужно было усилить военныя средства и силы Хомякова, и тогда дѣла могли принять другой оборотъ Поэтому Военная Коллегія, вмѣсто исполненія требованій Сената, отправила подъ начальство Хомякова еще нѣсколько полковъ, съ прибытіемъ которыхъ на мѣсто крестьяне должны были уступить въ сопротивленіи: 300 человѣкъ было захвачено, остальные разбѣжались и мятежъ утихъ, но не вовсе. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ пробрались въ Петербургъ и лично падали Государынѣ жалобу на помѣщика. Императрица приказала *допросить* крестьянъ, *но не пытать*. Крестьяне обвиняли Демидова въ жестокомъ обращеніи съ ними и въ разореніи ихъ имущества; но Сенатъ оправдалъ Демидова и настоялъ на учрежденіи особой слѣдственной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Апочинина[a]. Намъ неизвѣстно, какъ дѣйствовала эта коммиссія, но цѣль не была достигнута. Жестокія наказанія виновныхъ въ мятежѣ, имѣвшія цѣлію утвердить другихъ въ повиновеніи, не приводили къ желаннымъ результатамъ: волненія крестьянъ не только не прекратились, но стали повторяться все чаще и чаще, хотя для усмиренія ихъ не жалѣли ни пороха, ни пуль, ни кнутовъ, ни плетей. Иногда случалось и такъ, что военная команда, отправленная для усмиренія крестьянъ, не знала должнымъ образомъ мѣста своего назначенія и, явившись совершенно въ другую деревню, начинала экзекуцію, не взирая на правдивыя заявленія крестьянъ, что они и не думали жаловаться на своего помѣщика, что и онъ ими доволенъ; команда, какъ бы презирая всѣ доводы несчастныхъ и мирныхъ поселянъ, стрѣляла и рубила ихъ безъ всякой пощады, а между тѣмъ послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно были правы; что команда должна была идти въ другую деревню съ тѣмъ же названіемъ, но въ другомъ уѣздѣ или на другой рѣкѣ, а не въ ту, которую она тамъ безжалостно разорила и опустошила[b]. Ошибки подобнаго рода тѣмъ болѣе были возможны, что Сенатъ не зналъ даже числа городовъ: „Когда я потребовала реэстра городамъ“,—говоритъ Екатерина II,—„то признались въ невѣдѣніи оныхъ. Даже карты всей Имперіи Сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ[c]“. Такимъ образомъ многимъ, какъ говорится, приходилось испытывать „въ чужомъ пиру похмѣлье“.—Н. А. Ѳирсовъ говоритъ по этому поводу: „Въ то время, какъ мы поражали нашихъ внѣшнихъ враговъ, одерживали надъ ними болѣе или менѣе громкія побѣды, столь подробно

[a]) См. подробности въ „Чт. Моск. Общ. Исторіи и др. Росс.“ за 1863 годъ, кн. II, Смѣсь, стр. 18—40.

[b]) Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, стр. 299. Сл. въ П. С. Зак. указъ 13 августа 1760 г.

[c]) „Русск. Архивъ“ 1865 г. Записки Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія.

описанныя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ, и столь краснорѣчиво воспѣтыя нашими тогдашними стихотворцами,—у насъ дома, внутри государства, шла, не прерываясь, мало историковъ и поэтовъ занимавшая, братоубійственная борьба,—шла, постоянно усиливаясь въ размѣрахъ своихъ и жестокостяхъ. Борьба эта засвидѣтельствована почти каждой страницей актовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ.... Мы видимъ постоянно, что и правительство, и чиновники, и помѣщики, фабриканты и заводчики усердно гоняются за рабочей силой, стараясь употребить ее такъ или иначе въ свою пользу: и на границахъ Имперіи и внутри ея—заставы, снабженныя вооруженными отрядами; партіи солдатъ разсылаются въ русскіе города, села и деревни, какъ-бы въ непріятельскую землю, со всѣми военными снарядами,—это затѣмъ, что нужно собрать недоимку съ податныхъ, забрать потребное количество рекрутъ, переловить бѣглыхъ, заставить рабочаго человѣка покориться безусловной волѣ господской" [a]. На сколь справедливы эти строки почтеннаго профессора, можно отчасти судить изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о волненіи крѣпостныхъ и посессіонныхъ крестьянъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно было встрѣтить отраднаго въ положеніи крѣпостнаго человѣка въ то время грубой чувственности, когда помѣщикъ и фабрикантъ или заводчикъ смотрѣли на своего рабочаго, какъ на живой товаръ, изъ котораго они могли извлекать выгоды для своего обезпеченія, чтобы весело и не трудясь жить въ столицѣ?—Что могло привязать и расположить къ своему владѣльцу обижаемыхъ на каждомъ шагу и обираемыхъ „до-гола" крестьянъ, насилуемыхъ и растлѣваемыхъ помѣщиками крестьянскихъ женъ и дочерей ихъ?—Право сильнаго, тѣлесныя наказанія и низведеніе человѣка на степень вьючнаго скота?!—„Страшно за бѣдняковъ",—замѣчаетъ Бѣляевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ изученію быта русскихъ крестьянъ: „ихъ ничто не спасаетъ отъ неволи, къ нимъ нѣтъ ни довѣрія, ни пощады; ихъ не спрашиваютъ, будутъ-ли они платить подушную подать, а прямо требуютъ, чтобы они шли въ крѣпость къ тому, кто ихъ приметъ и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостью: имъ негдѣ и головы приклонить; законъ торжественно отрицаетъ ихъ личность и свободу, какъ будто-бы тѣсна сдѣлалась пространная русская земля; какъ будто-бы ужь такъ много было рабочихъ рукъ, что всѣ промыслы и занятія были разобраны, что вольному человѣку и подушныхъ негдѣ заработать — и волей-неволей бѣднякъ изъ-за платежа подушныхъ долженъ

---

[a]) Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 105. Сравн. Вѣстн. Евр. 1870 г., № 6, стр. 863—864.

былъ идти или въ солдаты, или искать, какъ милости, чтобы кто-нибудь взялъ его къ себѣ въ вѣчное рабство и обязался платить за него подать"[a]. Мы уже знаемъ, что крестьяне лишены были права добровольнаго поступленія въ военную службу; жутко было имъ и у тѣхъ, кто обязывался вносить за нихъ подушныя подати, а за челобитье наказывали кнутомъ и ссылками въ каторгу,—что же оставалось дѣлать?—Едвали въ такомъ положеніи можно было крестьянамъ придумать что-либо другое, кромѣ безусловной покорности своему помѣщику, каковъ бы онъ ни былъ, или же побѣговъ,—и вотъ „малодушный и робкій духомъ", по выраженію профессора Ешевскаго, „покорно склоняется подъ условія крѣпостнаго права, а смѣлый и энергичный уходилъ въ астраханскія степи, на заводы пермскіе, въ Оренбургъ"[b]. Нужно замѣтить, что положеніе всего податнаго класса въ Россіи было крайне тяжелое, не смотря на сознаніе правительства, что „главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ[c]". Петръ Великій завѣщалъ своимъ преемникамъ, чтобы народъ былъ охраняемъ отъ всякихъ неправдъ, чтобы „никто отъ надлежащаго болѣе другаго уволенъ или отягченъ не былъ"; за неисполненіе этого Преобразователь угрожалъ гнѣвомъ Божіимъ на все государство, въ особенности „на учинителей неправдъ народу", и строгимъ взысканіемъ съ послѣднихъ со стороны Государя[d]. Правительство Екатерины I, а также и Анны Іоанновны не разъ заявляло о своемъ желаніи улучшить общественно-экономическое положеніе податнаго населенія Россіи, но народу не было отъ того легче. Мы уже знаемъ, что чѣмъ рѣшительнѣе и смѣлѣе раздавались голоса въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ихъ положеніе на практикѣ, въ жизни. Такое же противорѣчіе слова и дѣла замѣчается и по отношенію вообще къ податному классу: чѣмъ чаще и яснѣе возвѣщалась истина о великомъ значеніи податнаго населенія въ государствѣ, тѣмъ податнымъ приходилось больше терпѣть и сносить невзгодъ и притѣсненій. *Прямые и косвенные налоги, составлявшіе одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій для матеріальнаго благосостоянія народа*, по смерти Петра Великаго, осложнялись и увеличивались особыми хлѣбными[e] и денежными сборами[f]. Возвышеніе цѣны на соль[g] и вино[h]

---

a) Крестьяне на Руси, стр. 283—284.
b) См. выше, стр. 129.
c) П. С. Зак., №№ 10164; 10370.
d) Тамъ же, № 3466, стр. 765.
e) П. С. З. № 7480. Сл. № 8638.
f) Тамъ же, № 8745.
g) При Петрѣ Великомъ соль продавалась по 12 и 16 алтынъ, а въ 1756 году цѣна на соль была увеличена до 50 к. за пудъ, что равн. 5 пудамъ муки. См. „Истор. финансовыхъ учрежденій Россіи" графа Д. А. Толстаго. Спб. 1848, стр. 176 и д.
h) Въ царств. Елизаветы, до замѣны казенной продажи въ 1755 г. откупомъ, вино продавалось въ крупныхъ мѣрахъ по 1 руб. 88½ коп. за ведро, а въ кружкахъ по 1 р. 98½ к. См. тамъ же, стр. 148. Ср. П. С. З., № 9711.

породило корчество: воровская продажа соли и вина развилась въ громадныхъ размѣрахъ. Открылась формальная война противъ этого зла, проистекавшаго изъ финансовыхъ распоряженій самого правительства[a]. Откупщики получили право держать съ этою цѣлію особыя военныя команды, для поимки и наказанія виновныхъ „съ пристрастіемъ“, т. е. съ наказаніемъ кошками и батогами. Развелось много ложныхъ доносчиковъ; вооруженныя корчемныя команды, канцеляріи, конторы и агенты ихъ дѣйствовали какъ-бы въ непріятельской странѣ, врываясь иногда и въ дома частныхъ лицъ для обыска и допросовъ: такъ въ 1752 г. корчемные сыщики явились неожиданно въ домѣ одного посланника, къ немалому удивленію послѣдняго[b]. Начались допросы виновныхъ, сопровождавшіеся пытками[c]. Обвиненные въ корчемствѣ, по наказаніи кнутомъ, ссылались на поселеніе *въ Оренбургскій край*. Мѣры, принятыя правительствомъ къ искорененію воровской продажи соли и вина, не достигая желаемыхъ результатовъ, были крайне обременительны для простаго народа, особенно тяжело было податному населенію. Отъ свободнаго занятія старинными промыслами податной классъ устранялся монополіями[d]; обработка и обсѣмененіе полей не давали большой прибыли по дешевизнѣ хлѣба, который въ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Вятской губерніи, безполезно сгнивалъ еще въ скирдахъ, по причинѣ плохаго состоянія въ то время путей сообщенія. О тяжести рекрутской повинности, которую должны были нести податные, можно отчасти судить потому, что съ 1719—1735 г. было взято въ военную службу 201,346 душъ, а съ 1736—1741 г.—206,485 душъ[e]. Не считая расходовъ, которые соединялись съ поставкою рекрутовъ, податное населеніе почти навсегда лишалось въ нихъ своихъ работниковъ. Между тѣмъ подушныя деньги и прочіе сборы взимались съ показаннаго въ ревизскихъ сказкахъ числа душъ, а нарождающееся поколѣніе, конечно, не могло вдругъ восполнить эту убыль рабочихъ силъ, достигшую весьма значительныхъ размѣровъ: въ теченіе 17 лѣтъ, послѣ первой ревизіи, изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью крестьянъ умерло, взято въ солдаты и матросы, сослано въ каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями 2,100,469[f]

---

[a]) Н. А. Өирсовъ „Инородч. насел. прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 48 и д.

[b]) П. С. З, № 9975.

[c]) Тамъ же, № 9914.

[d]) Напр. графъ П. И. Шуваловъ, скорбѣвшій о нуждахъ народныхъ и писавшій разные проэкты объ улучшеніи его быта, получилъ въ свое владѣніе всѣ природныя богатства Сѣвера на 20 лѣтъ съ пособіемъ отъ казны въ 6000 руб. (П. С. З. № 9515), а потомъ онъ же получилъ въ монополію тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ (П. С. З. № 9837), обязавшись вносить въ казну ежегодно только 264 р. 70³/₄ к.

[e]) Н. А. Өирсовъ. Инородч. населеніе прежн. Казанск. царства, стр. 43.

[f]) Тамъ же, стр. 44.

душъ муж. пола. Не смотря на это, правительство болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо, взыскивало накопившуюся на податныхъ недоимку. Къ началу царствованія Елизаветы Петровны убыль сосчитанныхъ первою ревизіею плательщиковъ достигла 2,877,767 душъ м. пола, почему и было рѣшено произвести новую генеральную перепись[a]. Но и послѣ второй ревизіи, народъ, по-прежнему, былъ не въ состояніи уплачивать казнѣ полностію наложенныя на него подати, и правительство Елизаветы было вынуждено не разъ слагать съ податныхъ накопившуюся на нихъ недоимку: въ 1752 году было прощено подушнаго сбора $2^1/_2$ милліона рублей[b]; въ 1753 году велѣно скостить со счетовъ еще свыше милліона накопившейся за податными недоимки[c]. Присоедините ко всему этому недородъ хлѣба[d], скотскіе падежи[e], пожары[f], повальныя болѣзни, при отсутствіи надлежащей медицинской помощи[g], страшные разбои[h], произвольное повышеніе и пониженіе цѣнности монеты и, вслѣдствіе того, непомѣрное скопленіе мѣдныхъ денегъ и отсутствіе золотой и серебряной монеты надлежащаго достоинства[i]; не забудьте и взятокъ чиновниковъ, даже за приводъ къ присягѣ[k], и притѣсненіе со стороны „конной и пѣшей бѣды[l]",— примите все это въ соображеніе, и вамъ будетъ понятно, почему народъ бѣжалъ и заграницу, и на окраины государства: въ Остзейскія провинціи, въ Малороссію, на Донъ, Яикъ, въ Башкирію и далекую Сибирь. Бѣглые находили по всюду пріютъ и пристанище; ихъ укрывали не только корыстолюбивые помѣщики, заводчики, фабриканты и старосты, но и свой же братъ— крестьяне и даже священники, чрезъ которыхъ производилась въ церквахъ публикація разныхъ указовъ и въ томъ числѣ указовъ о недержаніи бѣглыхъ[m]. Духовенство тѣмъ охотнѣе принимало бѣглецовъ, чѣмъ болѣе стѣснялись его права и положеніе. Особенно много пришлось испытать невзгодъ русскому духовенству отъ нѣмецко-придворной партіи Бирона: у духовныхъ отнимали дѣтей и брали ихъ въ солдаты[n]; нерѣдко и сами отцы

---

a) Тамъ же, стр. 44—П. С. З., № 8619. О народн. переписяхъ ст. Артемьева въ „Русск. Вѣстн." 1857 г.

b) П. С. З., № 10061.

c) Тамъ же, № 10674.

d) Напр. въ 1734 г. (П. С. Зап., № 6569 и 6653), въ 1741 г. (П. С. З. № 8430), въ 1748 и 1749 г. (П. С. З. №№ 9507, 9668, 9590, 9652, 9615, 9630. 9035).

e) П. С. З., №№ 10432; 10581; 11282.

f) Тамъ же, № 7245; 10345; 10586.

g) См. о розбояхъ въ отмѣч. соч. Н. А. Ѳирсова, стр. 111—123.

h) П. С. З., №№ 7032, 7033, 7035, 7061, 7270, 7272, 7304, 7343, 7390, 7405, 7803, 7857, 8523, 9503, 9505, 9526, 10014, 10139, 10245, 10324 и др.

i) Тамъ же, стр. 50—51.

k) П. С. Зак., № 11616.

l) „Конной бѣдой" народъ называлъ начальника, проѣзжавшаго въ повозкѣ, а „пѣшей бѣдой" всякаго оборванца въ старомъ мундирѣ или въ какомъ-нибудь кафтанишкѣ съ краснымъ воротникомъ. См. у Ѳирсова, стр. 101, пр. 3.

m) П. С. З., № 7903.

n) П. С. З., т. X, №№ 8198, 7385, 7389, 7734, 7749 и 7790: т. XI, № 8291 и др.

принуждены были идти въ военную службу[a], подъ плети или въ каторгу съ вырѣзанными ноздрями[b], оставляя свои домы и семьи на волю Божію. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, духовные должны были отправлять пожарную повинность и ходить на караулы къ рогаткамъ и заставамъ[c]. Губернаторы, воеводы и богатые вотчинники, вопреки указу Петра Великаго[d], по которому духовенство освобождалось отъ зависимости свѣтскихъ властей, забирали духовныхъ лицъ въ канцеляріи, на свои дворы, держали ихъ подъ арестомъ и не рѣдко безъ всякой вины подвергали ихъ побоямъ и пыткамъ[e]. Занимаясь очищеніемъ верхнихъ слоевъ іерархіи, *правительство разстригало даже архіереевъ, било ихъ кнутомъ и ссылало въ тюрьмы отдаленныхъ монастырей*[f]. Вообще регенство Бирона было временемъ самымъ тяжелыхъ испытаній для бѣлаго и чернаго духовенства на Руси, кромѣ духовенства привеллигированныхъ областей, какъ-то: Малороссіи, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые, выдѣляя духовныхъ лицъ изъ своей же среды, умѣли отстоять ихъ законныя права и преимущества[g]. Вслѣдствіе такого тяжелаго положенія, многіе изъ духовныхъ лицъ сами стали уходить въ украйныя мѣста Россіи и за рубежъ, находя пріютъ у гонимыхъ крестьянъ, раскольниковъ и даже у „знатныхъ персонъ". Въ опустѣлыхъ селахъ и деревняхъ некому было посѣщать богослуженіе, совершавшееся въ церквахъ, а гдѣ и оставались желающіе помолиться и найдти себѣ отраду и успокоеніе, по крайней мѣрѣ, въ религіи,—некому было придти къ нимъ на помощь съ словомъ духовнаго утѣшенія и совершать богослуженіе и необходимыя требы: новорожденныхъ некому было крестить, умирающихъ—напутствовать, а надъ умершими—совершить отпѣваніе. Оказалось, что въ четырехъ только епархіяхъ: Архангелогородской, Тверской, Вологодской и Новгородской 182 храма остались совершенно безъ причтовъ. Св. Сѵнодъ заявилъ, что для замѣщенія праздныхъ мѣстъ требовалось 1286 чел., въ томъ числѣ 611 священниковъ[h]; „изъ прочихъ епархій"—замѣчаетъ Сѵнодъ,—„сколько праздныхъ мѣстъ священнаго чина и церковнослужительскихъ, объ этомъ вѣдомости еще не присланы, а чаемъ, что число не малое есть, но опредѣлить на праздныя мѣста некого"[i]. Послѣдующія распоряженія правительства[k]

---

a) Тамъ же, №№ 7158 и 7533.
b) Тамъ же, т. X, № 7634; т. XI, № 8548.
c) Тамъ же, №№ 8412 и 8546.
d) Указъ 15 марта 1721 г.
e) П. С. З., т. XII, № 9079, стр. 278.
f) П. В. Знаменскій. Приходское духовенство въ Россіи, стр. 213.
g) П. С. Зак., т. X, № 7144 и № 7331.
h) П. С. Зак., №№ 7646 и 7799.
i) Тамъ же.
k) Тамъ же, №№ 7790; 7836; 8040; 8105; 8130; 8148; 8412; 8546 и др.

обнаружили, что оно, наконецъ, само увидало и сознало непрактичность и суровый характеръ своихъ мѣръ, но поправить дѣло было уже трудно[a].

Такимъ образомъ изложенныя нами данныя, основанныя преимущественно на „Полномъ Собраніи Законовъ“, убѣждаютъ насъ въ томъ, что внутри Россіи было слишкомъ много различныхъ причинъ, вызывавшихъ собою побѣги на окраины государства. Восточныя и юго-восточныя окраины Россіи, какъ наиболѣе удаленныя, привольныя и изолированныя отъ центра, особенно сдѣлались любимыми и привлекательными для всѣхъ, кому становилось невыносимо на родинѣ, особенно же для жителей средняго поволжья какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Сюда бѣжали господскіе, государственные и др. крестьяне, солдаты, матросы и разные преступники, чтобы избавиться господскаго деспотизма, тяжести возросшей недоимки, суровыхъ внушеній военной дисциплины или же заслуженнаго наказанія. Число бѣглыхъ увеличилось еще болѣе, когда было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, которые большими партіями уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ; берега рѣкъ: Большаго и Малаго Иргиза, Камелика, Чагры, Чижей и Узеней сдѣлались главнымъ притономъ раскольниковъ. Обширныя пространства при-уральскихъ степей, гдѣ теперь можно встрѣтить только одинокіе пни подрубленныхъ подъ корень деревьевъ, въ то время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Яика (Урала), берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Уралъ, а также и склоны Общаго Сырта представляли тогда собою непроходимую трущобу[b], въ которой легко было укрываться отъ сыщиковъ. Въ самомъ Яицкомъ городкѣ была особая раскольничья слобода, или, такъ называемый, Шацкій монастырь[c], въ которомъ всякій бѣжавшій раскольникъ могъ найти себѣ пріютъ, да и въ самомъ Яицкомъ городкѣ можно было свободно креститься двоеперстно, носить бороду, имѣть старопечатныя книги и совершать по нимъ церковную службу. Яицкіе казаки, какъ мы знаемъ[d], весьма охотно принимали бѣглыхъ всякаго званія и сословія и, ради собственныхъ выгодъ, посылали ихъ въ разныя командировки, даже по нарядамъ правительства, и не только безъ всякой подмоги отъ войска, а съ нихъ же брали деньги, какъ это мы видѣли изъ процесса атамана Меркурьева по „извѣту“ на него казака Гузикова[e], — и бѣглые охотно давали

---

[a]) Подробности см. въ соч. П. В. Знаменскаго: „Приходское духовенство въ Россіи со времени Петра Великаго“. Казань, 1873 г., стр. 211—242.
[b]) Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г. № 20, стр. 2, ст. 3.
[c]) Тамъ же, стр. 3, ст. 1.
[d]) См. выше гл. IX.
[e]) Тамъ же.

взятки, лишь бы навсегда избавиться отъ прежнихъ тяжелыхъ условій ихъ жизни. Неудивительно поэтому, что пріемъ бѣглыхъ издавна сдѣлался обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска. Служебное и зависимое положеніе бѣглыхъ отъ коренныхъ казаковъ было въ высшей степени выгодно для послѣднихъ, почему Яицкое войско, не смотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставало принимать всѣхъ, кто только искалъ его покровительства и защиты. Между тѣмъ правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика податей, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на заработкахъ осѣдлаго населенія; слѣдовательно, правительство не могло относиться равнодушно къ этому явленію; поэтому предпринимаются различныя мѣры противъ побѣговъ и къ возвращенію бѣжавшихъ на прежнія мѣста, но эти мѣры не достигаютъ цѣли. Мѣры противъ бѣглыхъ на Яикъ отчасти уже были отмѣчены нами и выше[a]: припомните слѣдствіе по дѣлу Карташева и по „извѣту“ Гузикова, командировку на Яикъ полковника Захарова, маіора Алекина и др. Въ ноябрѣ 1727 года состоялся указъ, которымъ повелѣвалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъофицера съ конвоемъ на Яикъ, чтобы, взявъ оттуда 100 ч. казаковъ, идти въ Сакмарскій городокъ, который былъ заселенъ также Яицкими казаками и считался притономъ заводскихъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и дворцовыхъ крестьянъ. Всѣхъ, скрывавшихся тамъ бѣглыхъ, приказано было переловить и отправить въ Уфу, а оттуда подъ конвоемъ разослать ихъ въ прежнія мѣста жительства[b]. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, правительство предписало въ 1736 году Кириллову: „разглашать подъ рукой“, что всѣ вышедшіе съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ[c]. Когда такихъ охотниковъ набралось много, ихъ раздѣлили на партіи и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Самарѣ и Сызранѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся на Яикъ, возвращались въ прежнія мѣста жительства всѣ сполна[d]. Въ февралѣ 1738 г. состоялся новый указъ о непріемѣ пришлыхъ на Яикъ изъ великороссійскихъ людей[e]; но число бѣглыхъ не уменьшалось, а увеличивалось: къ началу царствованія Елизаветы Петровны, число бѣглыхъ простиралось

---

a) Глава IX.
b) П. С. З., т. VII, № 5197.
c) Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г. ч. II, стр. 144, § 9.
d) П. С. З., т. IX, № 6893. Сл. „Уральское войско“, Рябинина, ч. I, стр. 50.
e) П. С. З, т, X, № 7514; п. 3.

до 200,000 чел. Въ апрѣлѣ 1747 года послѣдовалъ сенатскій указъ о высылкѣ съ Дона и Яика пришлыхъ изъ другихъ мѣстъ бѣглыхъ людей, которыхъ велѣно было доставить въ Воронежъ и Казань, гдѣ „учинить имъ по законамъ наказаніе и роздать помѣщикамъ и старостамъ съ росписками, а казакамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они впредь никакихъ бѣглыхъ принимать не дерзали, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія и платежа помѣщикамъ по указу пожилыхъ денегъ“ [a]). Но всѣ эти распоряженія, какъ и прежнія, не достигали цѣли: народъ бѣжалъ толпами на Яикъ и въ другія мѣста. Въ предѣлы Яицкаго войска особенно стремились раскольники, противъ которыхъ при Елизаветѣ было воздвигнуто преслѣдованіе со стороны военно-гражданской и духовной власти, къ чему теперь и перейдемъ.

Зная, какъ энергично Яицкое войско охраняло свои права и привиллегіи, освященныя народнымъ обычаемъ, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію спрашивалъ мнѣнія казачьяго Круга, если только это непротиворѣчило общегосударственнымъ цѣлямъ и выгодамъ правительства. Онъ привлекалъ войско къ участію въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его бытоваго и административнаго устройства и заручился сильнымъ вліяніемъ на дѣла казачьей общины и довѣріемъ Яицкаго войска, что, безъ сомнѣнія, много способствовало введенію нѣкоторыхъ реформъ, направленныхъ имъ къ преобразованію войска; оттого при Неплюевѣ на Яикѣ не происходило никакого волненія среди казаковъ, хотя поводовъ къ этому было достаточно, особенно со стороны приверженцевъ старой вѣры, а такими были почти всѣ Яицкіе казаки. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришлыхъ на Яикъ не уменьшалось: войско, по прежнему, давало пріютъ бѣглымъ, особенно старовѣрамъ. Являясь на Яикъ, они разсказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всѣми силами старались подорвать значеніе духовной власти въ глазахъ Яицкихъ казаковъ. Недовѣріе къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженнаго къ старинѣ, а послѣдующія событія обратили это недовѣріе въ открытую вражду. Мы видѣли, что время управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ было самое счастливое и во многомъ полезное для Яицкаго войска; но жутко было тогда старовѣрамъ, пришедшимъ на Яикъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія, воздвигнутыхъ на нихъ со стороны свѣтской и особенно духовной власти. Сыски и розыски „извѣтчиковъ“, подобныхъ Карташеву и Гузикову, теперь замѣнились розыскомъ старовѣровъ и ихъ укрывателей. Причина этихъ гоненій кроется не

---

[a]) П. С. З., т. XI, № 8359.

въ *личныхъ* отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ Военной Коллегіи и епархіальной власти; Неплюевъ же, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ случаѣ былъ крайне остороженъ, сдерживая, насколько это было умѣстно и возможно, суровыя мѣры епархіальной власти.

Въ 1736 г. Яицкое войско обратилось къ казанскому архіепископу Гавріилу съ просьбою о дозволеніи перебрать церковь, во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла, и построить новую, въ честь св. Алексѣя, митрополита Московскаго, на мѣстѣ прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Гавріилъ въ своемъ письмѣ, отъ 12 марта 1736 г., къ атаману Меркульеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе по случаю самовольнаго принятія Яицкими казаками священника села Хрящевки[a)], бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ замѣчаетъ, что этотъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ[b)] въ Хрящевку съ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь безъ благословенія архіерейскаго отнюдь не переходилъ, а потому (пишетъ Гавріилъ) „хотя и молитвы исправлены отъ священника и были, и тѣ неправильно, и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ“ [c)]. Между тѣмъ хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его къ вновь строившейся на Яикѣ церкви. По прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріилъ уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы „впредь такой противности, подъ страхомъ гнѣва Божія, отнюдь не чинили“. Этотъ случай указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску лицъ. Слѣдуетъ замѣтить, что архіепископъ Гавріилъ, по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, „вмѣняя въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку“. Поэтому Яицкимъ казакамъ легко было имѣть съ нимъ дѣло[d)]. Не такъ сговорчивъ былъ преемникъ Гавріила Лука Конашевичъ, управлявшій Казанскою епархіею 18 лѣтъ сряду, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи и отличался прямымъ и дѣятельнымъ характеромъ; но, какъ миссіонеръ, Лука иногда дѣйствовалъ не столько кротостію и убѣжденіемъ, сколько „силою и прещеніемъ“,

---

a) Хрящевка теперь село Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда; она находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 50 выше Ставрополя.

b) Сильвестръ управлялъ Казанскою епархіею послѣ митрополита Тихона III, съ 1725 по 1731 г.; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1736), а потомъ упоминаемый здѣсь Гавріилъ.

c) Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г., № 13.

d) „Православный Собесѣдникъ“ 1858 г.; т. 2, стр. 571.

почему Яицкому войску трудно было имѣть дѣло съ такимъ энергичнымъ и рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (по нынѣшнему благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ Петра Денисова и Ивана Желѣзнова, то Лука писалъ войску: „Мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвесть желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они не православнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу Святую изображающимъ, но *злочестивымъ раскольническимъ и армянскимъ*, съ Аріемъ проклятымъ и отъ Святой Троицы Христа Спасителя Нашего отдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся; ихъ, яко явныхъ *клятвопреступниковъ и богомерзскихъ раскольниковъ*, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся и отъ такой *богомерзской* ереси своей истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпустили“.—При этомъ Лука замѣчаетъ, чтобы Яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало, то „дайте намъ волю, и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, обѣщаемся“. Если принять во вниманіе, что всѣ почти казаки крестились двоеперстно, то можно судить, какъ умѣстна и цѣлесообразна была ревность архипастыря.—Очевидно, что избранныя имъ средства были плохо расчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ.—Впрочемъ, неблагопріятныя послѣдствія отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается) *«ради честнѣ издревле пресловутаго войска Яицкаго»*, нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ“.

Въ 1741 году является на Яикъ маіоръ Дурасовъ, которому поручено было произвести розыскъ старообрядцевъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ[a], были схвачены и арестованы. На допросахъ они показали, что среди Яицкаго войска находится не мало

---

[a]) Шацкимъ монастыремъ называлась раскольническая слобода въ Яицкомъ городкѣ.

и другихъ имъ подобныхъ. Послѣдовало распоряженіе: „наикрѣпчайше изслѣдовать это дѣло, безъ упущенія, подполковнику Шумаеву, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ Казанской духовной консисторіи протопопомъ Иваномъ Ѳеодоровымъ". Въ распоряженіе этихъ лицъ отдана была и конвоировавшая протопопа команда, состоявшая изъ 20 чел. Самарскихъ казаковъ и дворянъ. Наказному атаману[a], старшинамъ и всему войску предписано не только „быть послушными, но чинить всякое вспоможеніе" подполковнику и протопопу. Расходы на путевыя издержки протопопа Ѳеодорова были отнесены на счетъ войска. Подробности этого розыска раскольниковъ намъ неизвѣстны; но знаемъ, что Шацкій монастырь былъ уничтоженъ и кельи монастыря проданы за 46 рублей и 10 копѣекъ, изъ которыхъ 3 руб. и $7^1/_2$ коп. велѣно выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 руб. и $2^1/_2$ к. представить въ канцелярію Оренбургской коммиссіи[b]. Въ половинѣ ноября 1746 года Неплюевъ получилъ изъ Военной Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера „съ пристойною командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, кромѣ природныхъ казаковъ, кои въ томъ войскѣ съ 203 года (1695) въ казакахъ служатъ (которыхъ какъ съ Дону, такъ и съ Яика высылать не велѣно), сыскивать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ, помѣщиковыхъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять по прежнему въ полевые и гарнизонные полки"[c].

Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ имѣющейся у него выписки видно, что еще въ 1722 году полковнику Захарову велѣно было „всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ по прежнему", а въ 1734 году, когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены,—„итакъ",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„не опискою-ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ разумѣется?"— При этомъ Неплюевъ проситъ Военную Коллегію разъяснить, съ какого именно года „оный сыскъ и высылку чинить, съ 203, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ

---

[a]) Наказными атаманами въ описываемое время назывались лица, исправлявшія должность атамана, но окончательно неутвержденныя въ этомъ званіи; при утвержденіи же они получали титулъ войсковаго атамана.

[b]) Впослѣдствіи деньги были возвращены,, а кельи отданы въ награду тѣмъ изъ казаковъ, которые оказали особенную ревность при розыскѣ.

[c]) Уральскіе В. Вѣд. 1870 г., № 13.

просилъ, чтобы ему была выслана копія съ переписи Захарова, приводя въ основаніе, что безъ нея „производить розыскъ и разбирать, могущія встрѣтиться, затрудненія будетъ не возможно".—Въ началѣ марта 1747 г., Неплюевъ, извѣщая Яицкое войско[a] о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они „учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ". Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что всѣ пришлые на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 года, отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держателей. Что же касается тѣхъ, которые во время переписи Захарова, находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали; то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, не возможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ Военную Коллегію съ просьбою о наставленіи, какъ поступать ему въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ войсковое начальство въ слѣдующемъ году, донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такіе, которые при Захаровѣ были уже на Яикѣ, но вошли-ли тогда въ перепись,—не помнятъ. Изъ этихъ вѣдомостей, представленныхъ Неплюеву, оказывается: 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Яицкомъ войскѣ, въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, считалось 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но не вошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ числилось 176 чел.; 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ явившихся послѣ переписи, посадскихъ, дворцовыхъ, ясачныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ было 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53, всего же 519 чел., а со включеніемъ 176, невошедшихъ въ списки за отлучками, было 695 человѣкъ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма еще малолюднаго, онъ, вопреки стремленіямъ и желанію Военной Коллегіи, высказывается за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. „Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, какой важный военный корпусъ есть упомянутое Яицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая не малая потребность всегда того наблюдать,

---

[a]) Чрезъ полковника Пальчикова, который въ это время находился въ Яицкомъ городкѣ.

дабы оный въ добромъ состояніи содержать, который что люднѣе, то лучше", —писалъ онъ въ Петербургъ. Коллегія почему-то смолчала на это, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто.

Бѣглые и раскольники особенно облюбовали устье р. Иргиза, гдѣ и свили себѣ гнѣздо надолго. 2 сентября 1752 г. Тевкелевъ написалъ Неплюеву, находившемуся въ то время въ С.-Петербургѣ, что на Иргизѣ собралось *до трехъ тысячъ* человѣкъ разнаго званія людей; то же подтвердилъ въ своихъ письмахъ къ Неплюеву и Рычковъ. Неплюевъ немедленно донесъ объ этомъ скопищѣ бѣглыхъ Сенату, приложивъ и экстрактъ изъ писемъ къ нему Тевкелева и Рычкова. Въ своемъ доношеніи Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „На самарской степи, на рѣкѣ Иргизѣ, впадающей въ Волгу, по причинѣ тамъ рыбныхъ ватагъ, умножилось бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и раскольниковъ, такъ-что уже поселенія учинили, какъ то въ Оренбургской губернской канцеляріи открылось чрезъ одного пойманнаго ссыльнаго, также и чрезъ пристани моего былаго человѣка,—и проба тому имѣлась, ибо когда въ прошломъ 1750 году калмыки разбили купеческій караванъ съ серебромъ, тогда посланная въ погоню партія, на оной рѣкѣ ихъ достигши, то серебро отбила и въ томъ мѣстѣ нѣсколько живущихъ раскольниковъ переловила; а понеже нынѣ показываютъ оныхъ число велико, якобы всякаго званія тамо людей до трехъ тысячъ,— слѣдственно, и командированіе учинить надобно знатное, и хотя то нужно, яко представляютъ, что ссыльныхъ въ Оренбургѣ удержать будетъ не возможно; но я собою на то поступить не дерзнулъ для того, что тамъ оброчныя ватаги и тѣ ватажные—главные пристанщики; потому если приступить сильною рукою, то разобрать будетъ не возможно ватажныхъ съ бѣглыми" [a]. Сенатъ 19 октября 1752 года предписалъ Неплюеву „крайнее стараніе приложить, чтобъ появившихся на Самарской степи на р. Иргизѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ и при нихъ раскольниковъ всѣхъ переловить и то воровское ихъ пристанище искоренить" [b]. Съ этою цѣлію Сенатъ приказалъ Неплюеву отправить на Иргизъ „команду съ добрыми штабъ-офицеры и старшиною"; въ случаѣ сопротивленія бѣглыхъ, велѣно было поступить съ ними, „какъ съ злодѣями, военною рукою, а пущихъ заводчиковъ и пытать". Неплюевъ 24 октября того же года написалъ Тевкелеву, чтобы онъ „искусно всячески развѣдывалъ, сколько тѣхъ злодѣевъ нынѣ тамо находится; но при

---

[a]) См. въ Тург. обл. прав. указы по „Секретной Экспедиціи" за 1752 г., № 25, л. 173–174.

[b]) Тамъ же, л. 175–176. Указъ Сената за № 7913; 19 окт. 1752 г.

всемъ томъ",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„скромность потребна и секретъ, но паче разглашать, что хотя то гнѣздо и худо, но не въ нашей командѣ, того ради яко-бы и дѣлать нечего, и яко бы тамъ, по причинѣ оброчныхъ водъ, людямъ жить заказать не возможно, а разобрать трудно въ пустыхъ мѣстахъ и лѣсахъ,—ибо ваше высокоблагородіе сами понять можете, что ежели они увѣдаютъ, какое наше къ искорененію ихъ намѣреніе, то всѣ разбредутся или, какое иное мѣсто сыскавъ, совокупятся, о чемъ тогда вскорѣ и узнать будетъ не возможно"[a]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ предлагаетъ Тевкелеву слѣдующія мѣры къ опредѣленію числа бѣглыхъ на Иргизѣ: 1) „съ ссыльнымъ Чижомъ накрѣпко разыскивать и того у него допрашиваться, тоже разумѣется и о другихъ такихъ ссыльныхъ, которые по полугодовомъ или годовомъ побѣгѣ пойманы будутъ, чинить; 2) буде человѣкъ мой Михайла пойманъ будетъ, то и имъ накрѣпко-жъ розыскивать и огнемъ жечь, того-жъ допрашивая; 3) призвавъ атамана Могутова (ибо Яицкіе по причинѣ расколу къ тому употреблены быть сумнительны), открыть ему въ секретѣ и рекомендовать, чтобъ онъ нашелъ такого вѣрнаго человѣка изъ оренбургскихъ и самарскихъ казаковъ, служилыхъ или отставныхъ, которой-бы смыслилъ и вѣрность сохранилъ, и *притворился-бы бѣглецомъ и, побывавъ тамо на Иргизѣ, высмотрѣлъ* и о числѣ ихъ и состояніи людей, поелику возможно, развѣдалъ, т. е., сколько раскольниковъ, сколько ватажныхъ, и сколько бѣглыхъ ссыльныхъ и воровъ, а на дорогу такому человѣку велѣть дать десять рублевъ и вящше по услугѣ обнадежить, которыя деньги современемъ Могутову изъ казны отдать, а того человѣка и предъ себя не брать, чтобы Могутовъ такъ секретно могъ дѣлать, дабы показать, якобы вправду бѣжалъ, будто отъ *налога* или для расколу, къ чему надъ тѣмъ человѣкомъ такіе и виды Могутову показать не трудно, а когда тотъ человѣкъ возвратится и чрезъ него или по розыскамъ вышеписанныхъ плутовъ что откроется, о томъ меня увѣдомлять, якожъ и о всемъ, что важно или сумнительно по Губернской канцеляріи найдется, а время терпѣть можетъ, ко мнѣ-жъ доносить"[b]. Въ заключеніе своего письма къ Тевкелеву, Неплюевъ говоритъ: „съ человѣкомъ моимъ Нестеромъ и съ прочими въ томъ дѣлѣ приличившимися благоволите приказать учинить по указамъ, а жену бѣглаго Михайлы безъ наказанія освободить, *яко отъ жены на мужа въ такомъ дѣлѣ, яко побѣгъ, доносу требовать нельзя,* развѣ какому злодѣйству мужню участница явится, тогда должна и въ наказаніи или истязаніи участіе имѣть"[c]. Одновременно

---

a) Тамъ же, л. 171.
b) Тамъ же, л. 171—172.
c) Тамъ же, л. 173. Письмо за № 940, отъ 24 окт. 1752 г.—Секретно.

съ этимъ письмомъ, Неплюевъ отправилъ къ Тевкелеву другое съ урядникомъ Сколковымъ, въ которомъ рекомендуетъ, чтобы Тевкелевъ разгласилъ, будто онъ имѣетъ особливый указъ о командированіи особаго отряда на р. Илекъ, дабы чрезъ то скрыть отъ поселившихся на Иргизѣ дѣйствительную причину и цѣль этой рекогносцировки отряда. Для поимки бѣглыхъ и раскольниковъ, поселившихся на Иргизѣ, Неплюевъ распорядился командировать драгунъ Билярскаго полка, подъ командою полковника Сергіевскаго полка Родена, и 300 оренбургскихъ казаковъ при атаманѣ Могутовѣ; туда же велѣно было направить и башкиръ, которые „поѣдутъ на охоту за Яикъ", поручивъ ихъ въ команду маіору Кублицкому. Главнымъ командиромъ всего отряда былъ назначенъ полковникъ Роденъ. Отправившись изъ Оренбурга внизъ по Яику, отрядъ долженъ былъ, согласно инструкціи, между Татищевой и Разсыпной крѣпостями, поворотить въ степь и идти прямо на иргизское устье, а оттуда, раздѣлившись на нѣсколько колоннъ, направиться вверхъ по Иргизу по обѣимъ его сторонамъ и срединою, чтобы окружить и переловить бѣглыхъ. Въ Яицкій городокъ отправленъ былъ маіоръ Озеровъ, которому войсковой атаманъ долженъ былъ дать 300 чел. Яцкихъ казаковъ съ старшиною Мостовщиковымъ. Этотъ послѣдній отрядъ долженъ былъ идти внизъ по Иргизу, начиная съ его верховья, чтобы соединиться съ командою Родена, „и, идучи, тѣхъ плутовъ равномѣрно ловить". Яицкому атаману также было предписано, чтобы онъ раскольникамъ и бѣглымъ, которые „прокрадутся къ Яицкому городку", пристанища не давалъ, а отсылалъ ихъ въ Губернскую канцелярію[a]).

Тевкелевъ предъ отправленіемъ отряда долженъ былъ, по распоряженію Неплюева, собрать „Секретный Совѣтъ", пригласивъ въ него бригадира Бахметева, совѣтника Рычкова, атамана Могутова и назначенныхъ въ сыскную команду штабъ-офицеровъ; о результатахъ Совѣта Неплюевъ проситъ донести ему и присовокупляетъ: „хотя здѣсь и сумнительно, чтобъ такое число тѣхъ плутовъ тамъ въ собраніи быть могло; однакожъ то вамъ лучше вѣдомо; потому и о числѣ команды регулярной на ваше разсмотрѣніе полагается, какую отправите. Но хотя-бъ ихъ и такое число было, нечаятельно, чтобъ они вооружены были къ сильному отпору. Однакожъ я, все сіе предписавъ, вящше предаю вашему высокородію съ господиномъ брегадиромъ Бахметевымъ на разсмотрѣніе; такъ извольте чинить, какъ засходнѣе и полезнѣе признать изволите, токмо-бъ то плутовское пристанище искоренить, а по искореніи общее-жъ свое мнѣніе

---

a) Тамъ же, л. 168—169.

мнѣ прислать, какимъ образомъ учредить, чтобы впредь тамо пристанища быть не могло" [a]).

Почти одновременно съ этимъ снова было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, скрывавшихся въ Яицкомъ городкѣ и въ другихъ мѣстахъ по р. Яику. Пойманный въ Донскомъ войскѣ старецъ Вареоломей указалъ Военной Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе притоны раскольниковъ [b]). На Яикѣ, по его заявленію, скрывалось болѣе 200 раскольническихъ старцевъ [c]) и старицъ. Главное значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимоѳей, получившій при постриженіи имя Тихона; по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ казанскій протопопъ, для розыска раскольниковъ, и обязалъ атамана и старшинъ подписками, чтобы впредь такихъ старцевъ и старицъ не держали, причемъ „оному протопопу, чтобы вдаль не разыскивалъ, дали войскомъ сто сорокъ рублей". Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, покуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ то же время раскольники собрались въ келью Іоакима для совѣщанія о томъ, какъ лучше удалиться на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Вареоломея и какого то бѣглеца, знавшаго татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона.

При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ на Кавказъ одного попа и 3-хъ старцевъ, или же на Харьковъ и Крымъ; Вареоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Рѣшено было отправить Вареоломея, для совѣщанія по этому вопросу, къ дубовскимъ раскольникамъ, къ казакамъ Венюкову и Ситникову, пользовавшимся содѣйствіемъ и покровительствомъ атамана Персидскаго. По прибытіи въ Дубовку, Вареоломей былъ арестованъ и 23 декабря представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ [d]), котораго особенно не любили и боялись старообрядцы. Вареоломей въ разговорѣ съ казакомъ

---

[a]) Тамъ же, л. 169 на оборотѣ.

[b]) Смотр. о поимкѣ и допросахъ Вареоломея въ Тургайскомъ Архивѣ книгу указовъ за 1752 г., № 25, листы 179—187; тамъ же кн. указовъ за 1753 г., № 26, листъ 28 и далѣе.

[c]) Нѣкоторыхъ изъ постригшихся старцевъ Вареоломей назвалъ даже по именамъ, и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ, напр.: Аврамій съ 10 чел., Іаковъ съ 2, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10, Арсеній съ 1, Давидъ съ 2, Ѳаддей съ 3, Ааронъ съ 3, Сергій съ 3-мя.

[d]) Смотр. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова по описи № 41, извлеч. изъ книг. секр. пов. № 6, стр. 32. Слич. Ур. В. Вѣд., 1870 г., № 14.

Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: „онъ насъ христіанъ такъ не милосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и искореняетъ... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрыться не возможно" [a]). Ефремовъ, допросивъ Вареоломея, препроводилъ его показанія въ Военную Коллегію, которая была озадачена намѣреніемъ старообрядцевъ бѣжать на Кубань, и тотчасъ же предписала оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ, скрывающихся на Яикѣ, ересенаставникахъ, и „ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ тотчасъ забрать подъ крѣпкій караулъ по той ихъ богомерзской ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распрося, всякими образы истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Коллегію, заковавъ руки и ноги, подъ крѣпкимъ карауломъ." Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было секретно разузнать, что за протопопъ и откуда онъ пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ, и кто именно далъ ему 140 руб., чтобы онъ „вдаль не разыскивалъ". Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. 11-го декабря онъ немедленно препроводилъ этотъ указъ къ бригадиру Тевкелеву, прося его въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркурьевымъ.—Неплюевъ предлагалъ Тевкелеву или вызвать Меркурьева въ Оренбургъ или же, чтобы дѣло не разгласилось, отправить Рычкова на-легкѣ въ Илекъ и выписать туда атамана, „якобы для нѣкотораго тамошняго важнаго дѣла".—„Буде атаманъ Меркурьевъ до полученія сего въ Москву отъѣхалъ, то чрезъ Митрясова-ль или инаго начать, то зависитъ отъ общаго вашего разсмотрѣнія; а Бородины, сколько мнѣ извѣстно, хотя люди добрые и въ другомъ во всемъ вѣрные, но вышеозначеннымъ суевѣріемъ паче другихъ заражены" [b]). Тевкелевъ, какъ видно, медлилъ отвѣтомъ; между тѣмъ 15 января 1753 года Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ Военной Коллегіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже „всѣхъ живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей, также какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзской ереси и о побѣгѣ на Кубань распрося съ пристрастіемъ, прислать въ Военную Коллегію подъ крѣпкимъ карауломъ" [c]). Неплюевъ въ тотъ же день писалъ къ Тевкелеву, прося поспѣшить изслѣдованіемъ

---

[a]) См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, л. 18). Слич. характеристику Ефремова у С. М. Соловьева въ его „Исторіи Россіи", т. XXIII, стр. 223—224.
[b]) Указы 1752 г. въ Тург. арх., кн. № 25, л. 176—177.
[c]) Указы 1753 г. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 21—28.

дѣла о раскольникахъ и послалъ ему копію съ допросовъ Варѳоломея; о томъ, что будетъ происходить, Неплюевъ просилъ увѣдомлять съ каждою почтою обстоятельно. Такимъ образомъ воздвигнуто было снова гоненіе на страообрядцевъ, скрывавшихся на Яикѣ,—и это гоненіе было едва-ли ни одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ. Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, составилъ особую коммиссію, которая отправила 17 февраля въ Яицкій городокъ капитана Ивана Тимашева.—Изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, 28 феграля 1753 года, видно, что Иванъ Тимашевъ не оправдалъ надеждъ коммиссіи, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ, и на его мѣсто назначены маіоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и регулярную команду изъ 120 человѣкъ солдатъ. Кромѣ того, Яицкому войску было предписано, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколоучителей и безпрекословно исполнять всѣ требованія Артемьева. Новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполнѣ самостоятельно; и, дѣйствительно, они оказались гораздо дѣятельнѣе своего предшественника: ими переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 144 человѣка, изъ которыхъ 42 старца были отправлены въ Военную Коллегію, одинъ въ Нижегородскую духовную консисторію, а прочіе опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кромѣ того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 человѣкъ; нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, *добровольно уморили себя голодомъ*. Гоненіе на старообрядцевъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ отправлены были изъ Яицкаго городка сыскныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи: на берегахъ рѣкъ Чижей, Большаго и Малаго Иргиза было поймано 243 человѣка обоего пола. Впрочемъ, не смотря на изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ старообрядцевъ успѣли скрыться, въ томъ числѣ и бѣглый попъ Тихонъ.

На допросахъ во многомъ не подтвердились показанія Варѳоломея; такъ старообрядцы отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили лишь, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, гдѣ онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распоряженію казанскаго архіерея, но денегъ ему никто не давалъ. Варѳоломей, какъ намъ извѣстно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона и самого войсковаго атамана; но все это на слѣдствіи не подтвердилось. Вообще, по дѣлу

видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ прикосновенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, de jure, а не de facto. Въ первой половинѣ марта того же 1753 года Тевкелевъ и Бахметевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 человѣкъ, въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были Карповъ и Утятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 марта, писалъ: „старшину Карпова, бывшаго коммиссара Утятникова и другихъ грамотныхъ, хотя бы изъ простыхъ, выслать въ Военную Коллегію, а казака Логинова и другихъ пристанщиковъ взять на работы въ Оренбургъ до указу, а впрочемъ того слѣдствія въ войскѣ Яицкомъ не расширять: ибо извѣстно, что они тою слѣпотою суевѣрія заражены; токмо имъ указомъ подтвердить, чтобы впредь, подъ опасеніемъ неупустимаго по указамъ штрафа, такихъ лжеучителей и бродягъ не принимали, и никакого пристанища имъ не давали, и сообщенія съ ними не имѣли, а опредѣлили-бъ особливыхъ двухъ старшинъ, чтобъ того безпрестанно наблюдали, дабы у нихъ таковыхъ и никакихъ бѣглыхъ въ Яицкомъ городкѣ не было: также и на хуторахъ, и между форпостовъ въ лѣсахъ ежегодно осматривали, и на форпостахъ стоящему атаману накрѣпко подтверждали, чтобъ и онъ того-жъ наблюдалъ“ [a]. Пойманныхъ на Иргизѣ Неплюевъ предписалъ до указу также взять въ Оренбургъ „и употреблять на казенныя работы скованныхъ съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, чтобъ *утечки имѣть не могли*, а между тѣмъ, что произойдетъ, обстоятельно доносить, не мѣшая Иргизскаго дѣла съ Яицкимъ“ [b]. Изъ письма Неплюева видно, что сыщики, преслѣдуя бѣглыхъ расколоучителей, не оставили въ покоѣ и Яицкаго духовенства: всѣ церковныя ризы, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія вещи, показавшіяся имъ почему-либо еретическими, были отобраны и унесены изъ церквей. Неплюевъ предписалъ, чтобы всѣ эти вещи были „до указу“ возвращены и отданы въ соборную церковь подъ особую роспиську, а „соборному протопопу съ священники стараться увѣщевать раскольниковъ и къ святой церкви въ общеніе приводить, о чемъ къ нимъ письменно предложить“. Въ заключеніе своего письма Неплюевъ проситъ передать капитану Тимашеву съ командою и казакамъ Пономареву и Харкину, что „за ревнительное и искусное въ томъ дѣлѣ произвожденіе“, они достойны похвалы и награжденія, и что онъ постарается не забыть этого [c]. Неплюевъ выражаетъ свое удовольствіе и войсковому атаману Меркурьеву,

---

a) Въ Тург. арх. указы 1753 г., кн. № 25, л. 49—50.

b) Тамъ же. Слич. Исторію Россіи, т. XXIII, стр. 223. Здѣсь сказано, что всѣхъ „причинныхъ“ людей было поймано 484.

c) Пономаревъ и Харкинъ, какъ подсудимые, были прощены и изъ простыхъ казаковъ произведены въ есаулы; Пономаревъ получилъ, кромѣ того, въ собственность оставшіяся въ Шацкомъ монастырѣ кельи игумена Іоакима и бѣглаго попа Тихона. (См. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 54).

замѣчая, что онъ особенно долженъ слѣдить за тѣмъ, дабы „такихъ лжеучителей, и бродягъ, и никакихъ бѣглыхъ въ войскѣ и нигдѣ въ ихъ предѣлахъ не было". Тевкелевъ, получивъ это письмо, снесся съ войсковымъ атаманомъ, прося его увѣдомить, на кого бы можно было возложить обязанность наблюдать за раскольниками; войсковой атаманъ указалъ на старшину Андрея Мостовщикова и есауловъ Пономарева и Вострякова, какъ оказавшихтя особенно дѣятельными въ розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Тевкелевъ, увѣдомляя объ этомъ Неплюева, спрашивалъ его мнѣнія, а 29 апрѣля того же года Неплюевъ писалъ изъ Москвы: „я со мнѣніемъ вашего высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Яицкомъ того слѣдствія не распространять; но, какъ возможно, стараться окончить и маіора (Артемьева), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда отозвать". *Неплюевъ сильно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска,* будучи убѣжденъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ Военной Коллегіи, ни къ чему хорошему не приведутъ; но, къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостію: впереди его были Военная Коллегія и епархіальная власть.

Въ началѣ мая того же года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернской канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣйствіе въ поимки раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ съ нарушителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, „ибо ежели такому ихъ заблужденія укорененію пристанищемъ и попущеніемъ поводу тамо давано не было, то-бъ отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: какъ скоро они въ руки дошли и стараніе объ нихъ употреблено, то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, что наипущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ почти къ Святой Соборной Апостольской Церкви обратились". Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блистателенъ: обратившихся было только 40 чел. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ; прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ. Коноводы препровождены были въ духовныя консисторіи и Сыскной приказъ. Между послѣдними нашлись такіе, которыхъ ни краснорѣчіе консисторскихъ ораторовъ, ни страшныя пытки Сыскнаго приказа не могли поколебать въ ихъ убѣжденіяхъ; таковыми, напримѣръ, оказались

старцы: Досифей, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую духовную консисторію. Сыскной приказъ, извѣщая о нихъ войсковаго атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщаемы „съ достаточными отъ священнаго писанія доводы“, но увѣщаніе не подѣйствовало; *„оные старцы и были* присланы въ Приказъ, гдѣ объ оставленіи ими упомянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. Церкви отъ присутствія *увѣщаемы были съ угроженіемъ пытокъ*; но, аки закоснѣлые отъ той ереси, склонности къ обращенію не показами и остались надъ предписаннымъ суевѣріи[a]). Изъ показаній этихъ старцевъ, между прочимъ, выяснилось, что старообрядцы, кромѣ Шацкой слободы, жили при урочищѣ Кошъ-Яикъ[b]), на Мергеневой Лукѣ, на рѣчкѣ Барбашевой (вертахъ въ 10 отъ Яицкаго городка) и на нѣкоторыхъ островахъ по рѣкѣ Яику. Мы уже знаемъ, что Неплюевъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы розыскъ на Яикѣ былъ прекращенъ; однакожъ, не смотря на это, преслѣдованіе раскольниковъ въ Яицкомъ войскѣ продолжалось до 1756 г. Въ предѣлахъ войска поймано и отправлено въ Оренбургъ еще 165 раскольниковъ и бѣглыхъ обоего пола. На этотъ разъ виновниками въ укрывательствѣ оказались не только казаки, но и нѣкоторые изъ старшинъ. „Хотя“,—писалъ Неплюевъ—они за такіе, въ противность многихъ запретительныхъ указовъ, поступки вящшему штрафу подлежали, но, снисходя къ ихъ закоснѣлости, слабости и глубокой старости, старшинъ—однихъ лишить чиновъ, другихъ отставить отъ службы, иныхъ арестовать и учинить имъ строгій выговоръ въ Кругу, а рядовыхъ наказать плетьми[c]). Грозные указы, запрещавшіе пріемъ и укрывательство раскольниковъ, не достигали цѣли. Неплюеву приходилось защищать не только гонимыхъ старцевъ и старицъ, но и все Яицкое войско, и не предъ одной Военной Коллегіей, но и предъ епархіальною властію.

Казанскій архіерей рѣшился принять противъ распространенія раскола на Яикѣ рѣшительныя мѣры. Изъ его переписки съ Неплюевымъ видно, что онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое Духовное правленіе. „Понеже его преосвященство“,—говорилось въ промеморіи Казанской духовной консисторіи,—„нынѣ чрезъ присылку изъ Оренбургской духовной консисторіи пойманныхъ въ Яицкомъ городкѣ раскольниковъ извѣстился, что многіе изъ оныхъ Яицкихъ казаковъ тайныя и явныя чинятъ Церкви Святой противности и законопротивныя и христіанству вредныя и весьма соблазнительныя дѣйства, и содержатъ раскольническихъ лжеучителей, въ своемъ

---

a) Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 15.

b) Кошъ-Яикъ—островъ, находившійся противъ устья рѣки Илека (Смотр. „Книга Больш. Чертежу; Спб., изд. 1838 г., стр. 69), а Кошъ-Яицкій форпостъ былъ расположенъ противъ Индерскихъ горъ, гдѣ и жили старообрядцы. См. выше стр. 258.

c) Доношеніе Неплюева въ В. Коллегію 19 февраля 1756 г.

душепагубномъ развратѣ сокровенныхъ, отъ нихъ же нѣкіе, враждуя на св. Церковь, отходя въ лѣсные ихъ раскольническіе скиты, якобы нѣкіимъ муромъ перемазываются и съ женами своими перевѣнчиваются и другія многія, въ хульность православнымъ святымъ таинствамъ и догматамъ, содѣваютъ безчинства: и того ради его преосвященство, наблюдая по своей пастырской должности, въ прекращеніе таковыхъ, происходящихъ въ томъ Яицкомъ городкѣ, богопротивныхъ и душепагубныхъ раскольническихъ дѣйствъ, намѣренъ учредить въ самомъ томъ Яицкомъ городкѣ особливое Духовное Правленіе[a]. Лука Конашевичъ предполагалъ послать въ Яицкій городокъ особаго ученаго протопопа, который долженъ былъ завѣдывать духовными дѣлами, а для производства письменной части назначить къ нему одного канцеляриста и одного копіиста, съ опредѣленнымъ жалованьемъ каждому, равно какъ и самому протопопу; кромѣ того, протопопъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе нѣсколько отставныхъ солдатъ для присмотровъ и розысковъ, также на жалованьѣ; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ, а прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ пришлыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, замѣнить учеными изъ Казани, „дабы въ заблужденіяхъ они могли преподать должное наставленіе“.

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, казанскій архипастырь распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманнаго имъ плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго Правленія, а оренбургскому протопопу Василью Иванову предписалъ немедленно отправиться въ Яицкій городокъ и, въ силу высочайшаго указа отъ 4-го февраля 1737 г., „учинить жителямъ того городка поприходно перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствующихъ мужеска и женска пола, даже до ссущаго младенца, описаніемъ, и объявить всѣмъ онымъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ слѣдующіе дни нынѣшнія Святыя Четыредесятницы къ исповѣди церковной и къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ пріуготовлялись, не отлучаясь ни за какими партикулярными нуждами; а кто изъ нихъ имѣетъ куда отлучиться, то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и пріобщивъ, внести въ реэстръ. И того ради, при начатіи первой седмицы поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ женами и дѣтьми въ церкви святыя къ утренямъ, часамъ и къ прочимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ нихъ ходитъ и кто ходить не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть особливыя

---

[a]) См. Уральск. В. Вѣд. за 1870 г., № 19.

записи, раздѣля по седмицамъ, по-приходно, ихъ какъ ему протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и Св. Таинъ причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должнымъ порядкомъ росписи, прислав съ нарочнымъ въ Казань" [a]. Протопопъ обязывался изготовить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ, за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ архіерею, а другой въ Оренбургское Духовное Правленіе. Неплюевъ, какъ и раньше, не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать самостоятельно, а обратился съ просьбою въ Военную Коллегію, чтобы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ были снабжены на этотъ счетъ указами [b]. Военная Коллегія, въ отвѣтъ на это, предписала: „по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе".

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 февраля 1754 г., писалъ Неплюеву, что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящій же Великій постъ, слѣдуетъ *принудить* къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ немедленно отправиться протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіерей замѣчаетъ, что полезно-бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чемъ, какъ мы знаемъ, Неплюевъ думалъ еще раньше.— Учителемъ этой школы, по мнѣнію архіерея, могъ быть священникъ изъ казанскихъ ученыхъ или хотя бы и дьяконъ. Но казанскій владыка рѣшился дѣйствовать противъ Яицкихъ старовѣровъ не увѣщаніемъ только, а и силою: онъ желалъ, чтобы командируемый имъ протопопъ *принудилъ* всѣхъ жителей Яицкаго городка къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, подъ охраною команды съ офицеромъ. Это необдуманное рвеніе было своевременно и благоразумно сдержано вначалѣ самимъ Неплюевымъ, а потомъ, вслѣдствіе его же настоянія, и В. Коллегіей. Неплюевъ предлагалъ архипастырю назначить въ Яицкій городокъ постояннаго протопопа, посылать же оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе—команду съ офицеромъ онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры.

Преосвященный отвѣчалъ, что „войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыскѣ о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозри-

---

[a] Тамъ же.
[b] Смотр. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17-го февр. 1754 г.—Слич. Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 19.

тельствѣ, и поэтому отъ нихъ надлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно". Относительно назначенія особаго протопопа Лука указывалъ на затрудненіе, которое могло встрѣтиться въ назначеніи и отпускѣ ему содержанія; а о переписи мѣстными священниками онъ замѣчаетъ, что „у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ станичной Войсковой Избы писарей не даютъ, сами же писать мало умѣютъ"[a]. Велѣдъ за тѣмъ, преосвященный снова настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непремѣнно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ и замѣчаетъ, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка; „если же того учинить будетъ невозможно, то хотя до крѣпости на церковническихъ подводахъ его отправить".

Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя вѣры и 10 марта писалъ къ нему: „отцу протопопу препятствія никакого не показано; но еще онъ подорожною безъ прогонъ снабженъ". При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и Св. Причастія; но *что здѣсь дѣло касается не одного и не двухъ человѣкъ, а цѣлаго общества.*

Между тѣмъ, Яицкое войско, нелюбившее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное архіереемъ дѣло. Собравшись, въ Кругъ, казаки рѣшили: „отправить къ преосвященному казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей и просить его преосвященство, не уважитъ ли онъ, по прежнему обыкновенію, безъ переписи мужеска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной Канцеляріи (Правленія и о небраніи повѣнечныхъ денегъ"[b] и проч. Не смотря на то, что посольство израсходовало на консисторскихъ чиновниковъ до 120 р.[c] и подарило „краснаго желѣза ружье въ 6 рублей" дворецкому его преосвященства, епископъ не принялъ 400 рублей войсковыхъ денегъ и просьбы Яицкихъ казаковъ не уважилъ.

Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, Неплюевъ, какъ и раньше, отнесся въ Военную Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чемъ представилъ точныя копіи съ писемъ

---

a) Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г., № 32.
b) Постановленіе Войсковой канцеляріи 27-го марта 1754 г.
c) Секретарю Аѳанасьеву 100 р., подканцеляристу 10 р., повытчику, протоколисту и копіисту по 2 р. 50 к. каждому.

къ нему епископа Луки и копіи съ своихъ къ нему отвѣтовъ. Въ своемъ доношеніи, отъ 10 марта 1754 г., онъ писалъ: *„Понеже то дѣло не партикулярное до одного или до двухъ, но до всего общества касается,* то Оренбургская губернская канцелярія пока проситъ и имѣетъ на то ожидать отъ Государственной Военной Коллеггіи опредѣленія; ибо нынѣ преосвященнымъ предположенное слѣдствіе съ легкими способы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (т. е. имъ Неплюевымъ) не принято, а каковыхъ онъ требуетъ, то безъ указу собою учинить опасно, *дабы въ такомъ невѣжественномъ и закоснѣломъ народѣ конфузіи не учинить, причины не подать къ побѣгу, или къ такому отчаянію, какъ въ недавнихъ годахъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли“* [a]). Въ ожиданіи отвѣта Военной Коллегіи, Неплюевъ вызвалъ къ себѣ войсковаго атамана Меркурьева, для личныхъ переговоровъ, и показалъ ему эстрактъ изъ своей переписки съ казанскимъ архипастыремъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны тутъ мѣры.—Меркурьевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Яицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулъ же могутъ быть назначаемы казаки изъ отставныхъ; а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войскѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдью и наставленіемъ. Вопросъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркурьевъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а „какимъ быть священникамъ въ Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ или изъ постороннихъ, это зависитъ болѣе отъ его преосвященства“. При этомъ Яицкій атаманъ сообщилъ губернатору, что въ войскѣ въ это время было четыре священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 р. каждый и что, сверхъ того, они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользуются мірскими доходами; что „священники, по присланнымъ отъ его просвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и бракосочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и прочемъ перечневыя вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе“.

Неплюевъ немедленно (24 сентября 1754 г.) сообщилъ это мнѣніе войсковаго атамана въ Казань архіерею, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркурьева: „изъ онаго рапорта“,—писалъ Неплюевъ,—„изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаетъ, чтобы быть у нихъ ученому протопопу, а о священ-

---

[a]) Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 32.

никахъ пре
моему
ній п
о кото
вратить
кими ср
все въ п
что хотя
незначитель
доходами, о
комъ городк
однихъ жало
также не малое
священниковъ н
а священникамъ
кромѣ добровольн
соглашался съ губ
протопопу онъ счи
попъ, кромѣ того,
жалованье же священ
служащихъ при Став
ченныхъ Неплюевымъ,
отставныхъ казаковъ, т
они будутъ подчинены
канцеляріи, которая бы
просилъ Неплюева, чтобы,
изъ ученыхъ, были прислан
дабы съ ними „надлежащее
казанскій архипастырь предп
браннаго протопопа. Неплюевъ
„хотя имъ (Лукою) въ жалова
по его благоусмотрѣнію, прибавк
гласенъ и что указъ по этому по
которымъ предписано, чтобы они

---

[a]) Состоявшихъ на жалованьѣ.
[b]) Впослѣдствіи, по указу 15 декабря
попу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконам
по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р. и до
[c]) Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, быв
ковъ и находящагося теперь въ Самарской губе

„Въ „Честнѣйшую Херувимъ", вмѣсто „безъ сравненія", вмѣсти-рѣчь „воистинну" употребляется-ли?"

.Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, ся при церквахъ въ ономъ городкѣ, и церковные причетники жаютъ: двуперстное или трехперстное?"

ужба божественной литургіи въ воскресные и праздничные вахъ совершается-ли?"

эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало:

церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра ч отправляются по старопечатнымъ книгамъ, которыя, какъ прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ я, царя и князя Алексѣя Михайловича и тако оныя до нынѣ въ церквахъ имѣются".

волѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ этся слово „истиннаго".

нныхъ мѣстахъ „аллилуіа" читается по дважды".

нѣйшую Херувимъ" вмѣстительная рѣчь „воистину"

.оста, какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочіе .жаютъ трехперстное, а не двуперстное".

твенной литургіи во всѣхъ церквахъ не только здничные дни, но и въ рядовые дни совершается, не достанетъ вина, или за какою священническою

. протопопъ и священники сами себя въ томъ аніи изобличили и порочными признались", щенный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣ-эвенству и то, что въ представленныхъ имъ всѣ казаки показаны небывшими у Св. При-этся оправдать ихъ подъ разными благовид-гами. Все это давало преосвященному воз-священниковъ (опредѣленныхъ на мѣста, по необходимости) новыми священно-цер-и въ исполненіе свои намѣренія казанскій На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы ъ назначить кого-либо изъ казанскихъ

писаны протопопомъ, четырьмя священни-

никахъ предаетъ на разсмотрѣніе вашего преосвященства, что все и по моему мнѣнію, въ разсмотрѣніи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай, кажется не несходно: ибо по тамошней замерзѣлости, о которой ваше преосвященство сами не безъизвѣстны, всего вдругъ превратить неудобно и едвали возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе *легкими средствы отъ времени до времени и одно за другимъ исправляя, все въ надлежащій порядокъ привести*". Тутъ же Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, незначительно: но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился, въ бытность въ Яицкомъ городкѣ, могутъ жить безбѣдно, такъ какъ въ Яицкомъ городкѣ однихъ жалованныхъ[a] казаковъ 4000 чел. „да отставныхъ и пріѣзжихъ также не малое число наберется".—Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 р., а священникамъ каждому по 36 р.[b] съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архипастырь соглашался съ губернаторомъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье протопопу онъ считаетъ достаточнымъ въ томъ только случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать извѣстную часть хлѣбомъ и рыбою; жалованье же священниковъ считалъ необходимымъ уравнять съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ[c], т. е., вмѣсто 36 руб., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить его до 75 р. Что же касается караула изъ отставныхъ казаковъ, то епископъ согласился на это подъ условіемъ, если они будутъ подчинены вѣдомству Духовной консисторіи, а не войсковой канцеляріи, которая бы ихъ не смѣла мѣнять по своему желанію. Лука просилъ Неплюева, чтобы, для рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска человѣка два старшинъ, дабы съ ними „надлежащее опредѣленіе о томъ учинить", съ ними же казанскій архипастырь предполагалъ отправить въ Яицкое войско и избраннаго протопопа. Неплюевъ, 20 октября 1754 года, отвѣчалъ, что „хотя имъ (Лукою) въ жалованьѣ священникамъ и прочемъ и сдѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка, но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Яицкому войску уже посланъ, которымъ предписано, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили

---

a) Состоявшихъ на жалованьѣ.

b) Впослѣдствіи, по указу 15 декабря 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25 руб., псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р. и до 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

c) Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещеныхъ калмыковъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи.

двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія"[a]). Между тѣмъ, когда дѣло близилось уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркурьевъ поступилъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса. Нельзя при этомъ отнестись сочувственно и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается „не одного, не двухъ человѣкъ",—какъ онъ самъ выражался,—„а цѣлаго войска".—Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернской канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркурьевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ, но открыто заявило, что вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквахъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войско нужды не видитъ, кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ Кругъ и положили отправить въ Военную Коллегію прошеніе. Меркурьевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать казанскому епископу, дабы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, „дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузіи". Меркурьевъ предлагаетъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ какъ Яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщилъ въ Казань о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что, въ то время какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры къ выполненію плановъ казанскаго архіерея, сей послѣдній, вопреки своему желанію, посвящалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и тѣмъ не менѣе самъ былъ недоволенъ ими и старался замѣнить ихъ другими,—словомъ, епископъ говорилъ и писалъ одно, а дѣлалъ другое.

Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники опредѣлены по необходимости; что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ лаконически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ

---

[a]) Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 32.

увѣдомилъ его войсковой атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ старался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,—и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончитъ съ ними преосвященный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, послучаю, „пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присылать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся ослужниками, чего нельзя ожидать, они не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его преосвященствомъ“. При этомъ губернаторъ проситъ архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ за требы ничего не вымогать и „чтобы въ должности своей и людямъ страха не употребляли, но проповѣдію по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ и званіе ихъ состоитъ“ [a]. Казанскій архипастырь, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ съ просьбою отъ всего Яицкаго войска, чтобы „все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть“, на что преосвященный отвѣчалъ, „что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ, то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства“. Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершаетъ службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6-ть вопросныхъ пунктовъ:

1) „Въ ономъ городкѣ въ церкви Св. Богородицы Казанскія, да въ часовнѣ апостоловъ Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ: по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ?“.

2) „Въ Сvмволѣ вѣры во время чтенія въ церквахъ: „и въ Духа Святаго Господа“... прибавленіе читается-ли?“

3) „На утренѣ, въ шестопсалміи и каѳизмахъ по „славамъ“ на часахъ и на вечерни „аллилуіа“ по дважды или по трижды читается?“

---

a) См. Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 33.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“, вмѣсто „безъ сравненія“, вмѣстительная рѣчь „воистинну“ употребляется-ли?“

5) „Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ ономъ городкѣ, и церковные причетники какъ изображаютъ: двуперстное или трехперстное?“

6) „Служба божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается-ли?“

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало:

1) „Въ церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отправляются по старопечатнымъ книгамъ, которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ великаго государя, царя и князя Алексѣя Михайловича и тако оныя съ того времени до нынѣ въ церквахъ имѣются“.

2) „Въ Символѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово „истиннаго“.

3) „Въ сказанныхъ мѣстахъ „аллилуіа“ читается по дважды“.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“ вмѣстительная рѣчь „воистину“ употребляется“.

5) „Сложеніе креста, какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочіе священники всѣ изображаютъ трехперстное, а не двуперстное“.

6) „Служба божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою богословскою виною“ [a].

Такимъ образомъ, „протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ церкви мудрованіи изобличили и порочными признались“, какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны небывшими у Св. Причастія; но священники стараются оправдать ихъ подъ разными благовидными и уважительными предлогами. Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ (опредѣленныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, по необходимости) новыми священно-церковно-служителями; но привелъ-ли въ исполненіе свои намѣренія казанскій архипастырь, намъ не извѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ казанскихъ

---

[a]) Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, четырьмя священниками и тремя дьяконами.

ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среди, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привиллегіи, если только они были согласны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ община сама низводила ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, поглащая въ себѣ же.

Итакъ мы видимъ, что принудительныя мѣры со стороны епархіальной власти, гоненія и преслѣдованія Военной Коллегіи, направленныя противъ старообрядцевъ, не только не достигали цѣли, но еще болѣе способствовали росту и укрѣпленію раскола на Яикѣ. Неплюевъ хорошо понималъ непоколебимую вѣру старообрядцевъ и стойкость ихъ въ убѣжденіяхъ, но не могъ идти открыто противъ распоряженій Военной Коллегіи. Онъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ благоразумно, вѣротерпимо и осторожно. Замѣчая въ Яицкомъ войскѣ невѣжество и зараженіе расколомъ, онъ старался дѣйствовать чрезъ лучшихъ людей изъ среды самихъ же казаковъ, хотя бы и раскольниковъ, рекомендуя предъ правительствомъ болѣе честныхъ и добросовѣстныхъ изъ нихъ для занятія вліятельныхъ должностей. Такъ, когда, напр., умеръ войсковой атаманъ Илья Меркурьевъ[a], Неплюевъ, указывая на войсковаго старшину Андрея Бородина, замѣчаетъ, что если бы даже и войско отказалось избрать его, Бородина, въ атаманы: то все-таки, по его мнѣнію, „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина[b], а за нимъ старшины Андрея Миронова и писаря Суетина нѣтъ. *Хотя и они придерживаются раскольническому ученію, однакожъ они смышленѣе и подобострастнѣе всѣхъ и люди честные, а потому-то,* только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводить его въ благочестіе. — А инаково они народъ сумасбродный и къ шалостямъ и къ вольностямъ склонный, а особенно въ раскольническомъ плутовствѣ зараженный, такъ и для руководства своего рады себѣ подобнаго выбирать, который бы, кромѣ потворства имъ, ничего не смыслилъ, какъ то имъ и нынѣ знатно, ласкаясь надеждою на нихъ о томъ выборѣ, войсковой старшина Митрясовъ, яко также мужикъ сумасбродный и невѣжа безграмотный, больше всѣхъ въ томъ раскольничествѣ угождаетъ, для чего и въ С.-Петербургъ сына своего съ товарищи челобитчикомъ отъ нихъ посылаетъ. А тако ежели-бъ таковаго въ атаманы выпросить имъ удалось, то оное войско не только въ лучшее состояніе не можно будетъ привесть,

---

[a]) Меркурьевъ умеръ 5 января 1755 г. См. указъ В. Коллегіи отъ 24 ноября 1749 г. и рапортъ Неплюева въ В. Коллегію, отъ 12 января 1755 г.

[b]) Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, Бородинъ увлекся властію и не оправдалъ мнѣнія о немъ Неплюева въ глазахъ Яицкаго войска, хотя Военная Коллегія всегда была имъ довольна.

но со временемъ и въ подобное тому легкомысліе можетъ дойтить, какъ у нихъ во время полковника Захарова было"[a]. Вообще нужно замѣтить, что Неплюевъ, живя вблизи Яицкаго войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общественной жизни на Яикѣ, чѣмъ казанскій архипастырь и Военная Коллегія, а потому и дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія раскола въ Яицкомъ войскѣ.—Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнитель православія, какъ казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если бунта не послѣдовало, то благодаря только опытности и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ было прекращено. Военная Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски, что ей предстояла теперь другая важная забота: на западѣ начиналась *Семилѣтняя война*, а въ Оренбургской губерніи въ маѣ 1755 года вспыхнулъ башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ мещерякскаго муллы Абдуллы Мязгялдина, отличавшагося фанатическою ненавистью противъ русскихъ властей.

Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ старался поставить на видъ и выяснить то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами. Чтобы видѣть, на сколько справедливо такое мнѣніе почтеннаго начальника Оренбургскаго края, мы отмѣтимъ въ общихъ чертахъ наряды Яицкихъ казаковъ на внѣшнюю службу[b], съ показаніемъ тѣхъ расходовъ, которыхъ стоила войску большая часть этихъ командировокъ.

Дѣйствительно Яицкіе казаки могли уже и въ то время гордиться своими заслугами, охраняя отъ степныхъ враговъ окраины Россіи и храбро сражаясь въ бояхъ за отечество. Начиная съ 1591 года по 1717 годъ, или въ теченіе 125 лѣтъ Яицкое войско отбыло 24 похода[c], въ которые было командировано въ общей сложности около 12000 казаковъ, кромѣ походныхъ при нихъ атамановъ. Раздѣливъ означенный періодъ времени и количество командированныхъ въ теченіе его казаковъ на число

---

[a]) См. рапортъ Неплюева въ Военную Коллегію отъ 18 мая 1755 г. Въ мартѣ 1755 года Бородинъ былъ выбранъ въ наказные атаманы, а въ іюлѣ того же года утвержденъ въ должности.

[b]) Указаніе на командировки Яицкаго войска мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что Левшинъ, на котораго ссылаются Пушкинъ, Рябининъ и другіе, считаетъ первою службою Уральскихъ казаковъ походъ 1655 противъ Поляковъ, тогда какъ о походахъ 1591, 1629, 1634, равно и о походахъ 1656, 1684, 1685, 1695 и 1697 г. Левшинъ вовсе не упоминаетъ.

[c]) См. перечень походовъ въ приложеніи подъ № 29.

походовъ, мы видимъ, что чрезъ каждое пятилѣтіе Яицкое войско снаряжало на службу въ среднемъ выводѣ по 500 казаковъ, или по сту человѣкъ ежегодно. Но бывали и такія тяжелыя времена, когда Яицкіе казаки по нѣскольку лѣтъ сряду, а иногда и на одномъ году по два раза должны были снаряжать свои полки для защиты отечества и достиженія цѣлей, намѣченныхъ правительствомъ, по волѣ верховной власти[a]. Особенно были часты и значительны по составу командировки изъ Яицкаго войска при Петрѣ Великомъ: въ теченіе только 17 лѣтъ Яицкое войско имѣло одиннадцать походовъ въ составѣ 8170 человѣкъ, при одиннадцати походныхъ атаманахъ. Наиболѣе чувствительными и достопамятными были „Свейскіе“ походы[c] и экспедиція въ Хиву Бековича Черкасскаго: командированный съ Яика въ Шведскій походъ полкъ Матвѣя Рекунова находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ сряду[b], а изъ 1500 Яицкихъ казаковъ, находившихся въ отрядѣ Бековича Черкасскаго, почти всѣ сложили свои головы въ Хивѣ, считавшейся между казаками „заклятой“ до покоренія ея въ 1873 г.[d] Не смотря на это, въ томъ же году изъ Яицкаго войска было командировано 1500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ въ отрядъ боярина Апраксина[e]. Съ 1724 г. началась служба Яицкихъ казаковъ на Кавказѣ въ Низовомъ корпусѣ, продолжавшаяся до 1774 года, куда войско должно было отправлять отъ 400 до 1000 человѣкъ служилыхъ казаковъ[f]. Не говоря уже о значительной потерѣ людей, во время этихъ службъ, отмѣченныя командировки стоили Яицкому войску и весьма значительныхъ денежныхъ расходовъ, такъ-какъ Яицкіе казаки отбывали воинскую повинность на свой счетъ, въ видѣ наёмки шедшихъ на службу и подмоги имъ отъ всего войска. Изъ челобитной Яицкаго войска, поданной Петру Великому 12 октября 1720 г.,[g] отъ имени 2600 казаковъ, видно, что расходы эти были немалые: Чигиринскіе походы въ 1681 и 1682 г. стоили Яицкому войску 5647 р., два Крымскіе похода въ 1685 г.—6945 р., Азовскіе походы 1695—1697 г.—8084 р., четыре Шведскіе похода 1701, 1703, 1704 и 1707 г.г.—32695 р.; походъ въ 1708 г. для усмиренія башкиръ стоилъ 3875 руб., Кубанскій походъ въ 1711 г.—14126 рубл., Харьковскій въ 1713 г.—

---

a) См. тамъ же.
b) Походы для участія въ войнѣ Россіи съ Швеціей.
c) Уральск. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 36, стр. 6.
d) См. мою статью: „І. И. Желѣзновъ и преданія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“ въ „Др. и Нов. Росс.“, 1880 г., сентябрь.
e) Русск. Архивъ 1879 г., кн. 2, стр. 424.
f) Тамъ же, стр. 425.
g) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., №№ 35 и 36.

22642 р., походъ въ Хиву съ Бековичемъ Черкасскимъ—25207 рубл. и т. д. Такимъ образомъ Яицкое войско, начиная только съ 1681 года по 1717 годъ, т. е., въ теченіе 37 лѣтъ, израсходовало на свои командировки, по волѣ верховной власти, 119,221 руб.; раздѣливъ эту сумму на число взятыхъ лѣтъ, мы видимъ, что войско ежегодно расходовало на внѣшнія командировки по 3222 р. съ лишкомъ. Если принять при этомъ въ соображеніе цѣнность тогдашняго рубля, превышавшаго настоящій болѣе чѣмъ въ три раза; то ежегодный расходъ Яицкаго войска на внѣшнюю службу составитъ около 10000 р.;—сумма весьма значительная, если мы не забудемъ и того, что по переписи полковника Захарова число Яицкихъ казаковъ не превышало 5722 челов., включая сюда дѣтей и отставныхъ казаковъ, годныхъ же къ службѣ оказалось только 3196 чел.[a]) и съ атаманомъ. Присоедините къ этому бывавшій по временамъ недоловъ рыбы, составлявшей въ то время почти единственный источникъ казачьихъ средствъ, угонъ скота сосѣдними киргизами и калмыками, отсутствіе въ Яицкомъ войскѣ земледѣлія въ то время; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ[b]); припомните наѣзды и взятки разныхъ сыщиковъ и фискаловъ въ Яицкій городокъ, ихъ содержаніе на войсковой счетъ и т. п.,— примите все это въ соображеніе и вамъ будетъ понятно, почему Яицкое войско иногда входило въ неоплатные долги[c]), имѣло плохую „военную справу" и почему оно такъ горячо полюбило и воспѣло свой родной Яикъ, назвавъ его „золотымъ донышкомъ съ серебряной покрышечкой",—безъ „Яика Горыныча" Яицкому войску едва-ли-бы снести то, что оно перенесло, и оказать тѣ заслуги отечеству и боевые подвиги, которыми оно можетъ гордиться, не смотря на свои частые протесты видамъ правительства и участіе въ Пугачевщинѣ.

Находя не удобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена, подъ наблюденіемъ казанскаго епископа, правительство рѣшилось пріостановить такую пропаганду, а „епископъ Лука",—какъ замѣчаетъ Любарскій,—„въ томъ-же (1755) г. переведенъ

---

a) См. выше стр. 236.
b) См. выше стр. 308.
c) Въ настоящее время Уральское войско платитъ въ годъ различныхъ повинностей, включая сюда и натуральныя, 1,736,211 р. 35 к., что составитъ въ среднемъ выводѣ 35 р. 50 к. на душу. Къ 1 января 1886 г. за Уральскимъ войскомъ числилось недоимки 1,007,568 р., или по 20 р. 60 коп. на душу.—Изъ 19,342 хозяйствъ, которыя насчитываются въ войскѣ, 51% заним. преимущественно хлѣбопашествомъ, 41,3%—рыболовствомъ, 26%—скотоводствомъ, остальная тысяча хозяйствъ получаетъ средства къ существованію отъ разнообразныхъ занятій, начиная съ торговли и кончая службой. Смотр. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" (1889 года, іюнь) статью Н. Бородина: *„Эконом. перепись населенія земли Уральск. каз. войска въ зиму 1855—1866 г."*.

былъ въ Бѣлогородскую епархію (гдѣ по немногихъ годахъ скончался)— въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій"[a]. Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за энергичнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи. Стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ, и наконецъ, пріобрѣтеніе для церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ[b], обращенныхъ изъ инородцевъ въ православіе, хотя-бы въ большинствѣ случаевъ наружно,—все это заставляетъ насъ мириться съ запальчивостью и религіозной нетерпимостью Луки въ его миссіонерской дѣятельности. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: „Казанская епархія своимъ просвѣщеніемъ, благочестіемъ и должнымъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія періодъ начинаетъ[c].

Такимъ образомъ Неплюевъ, стараясь ограничить произволъ Яицкихъ казаковъ, умѣлъ согласовать свои реформы среди нихъ съ обычаями народа, освященными вѣками. Не желая возстановлять противъ себя Яицкаго войска сильной и неумѣстной ломкой ихъ внутренняго строя, онъ чрезвычайно осторожно относился къ ихъ стариннымъ правамъ и порядкамъ, которые особенно для нихъ были дороги. Проэктируя штаты и очередную службу въ Яицкомъ войскѣ, онъ отстаиваетъ установившуюся издавна въ немъ наёмку, сознавая важное значеніе ея въ экономическомъ отношеніи для общины; устраняя казаковъ отъ вмѣшательства въ административныя дѣла и обязанности войсковаго атамана, онъ оставляетъ казакамъ и Войсковой Кругъ, для обсужденія, такъ сказать, домашнихъ ихъ нуждъ и дѣлъ; усиливая власть и значеніе войсковаго атамана, онъ строго предписываетъ ему не обижать подчиненныхъ, которые, въ случаѣ „чинимыхъ имъ обидъ", могли аппеллировать на рѣшеніе Войсковаго Суда въ Оренбургскую губернскую канцелярію; преслѣдуя бѣглыхъ, укрывавшихся отъ податей и государственныхъ обязанностей, не сочувствуя расколу въ его принципѣ, онъ не желаетъ насиловать религіозныхъ убѣжденій силою оружія и т. п. Почти одновременно съ увольненіемъ Неплюева отъ должности

---

a) См. „Прав. Собесѣд." 1868 г., № 8, стр. 103.

b) Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка крещеныхъ иновѣрцевъ въ Казанской епархіи считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,000 душъ (См. „Прав. Собесѣд." 1858 г., т. 3, стр. 477), если только эта цифра не была фиктивной, что продѣлывалось нашими миссіонерами и гораздо послѣ.

c) „Прав. Собесѣд." 1858 г., т. 2, стр. 564.

оренбургскаго губернатора, среди Яицкаго войска снова, какъ это было и до Неплюева, начинаются внутренніе безпорядки, которые усиливаются и растутъ весьма быстро, подъ вліяніемъ недовольства народной партіи дѣйствіями атамана и старшинъ. Началась ожесточенная и непримиримая междоусобная борьба старшинской партіи съ народной. Военная Коллегія организуетъ въ Яицкомъ городкѣ особую Слѣдственную Коммиссію и назначаетъ въ нее генералъ-маіора Брахвельта. Въ февралѣ 1763 г. состоялось слѣдующее постановленіе въ Военной Коллегіи: „къ войску Яицкому послать грамоту, которою наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ какъ онаго войска войсковой атаманъ, такъ и прочіе старшины и казаки во внутреннихъ ихъ порядкахъ и въ другихъ дѣлахъ между собою во всемъ доброе согласіе имѣли и никакихъ бы безпорядковъ и своевольствъ отнюдь ни отъ кого не происходило; а ежели и за симъ подтвержденіемъ кто въ такихъ продерзостяхъ окажется, и таковымъ казакамъ въ учрежденной при войскѣ Яицкомъ Слѣдственной Коммиссіи чинить наказаніе, по разсмотрѣнію генералъ-маіора Брахвельта, а о старшинахъ, съ прописаніемъ ихъ винъ, представлять Коллегіи и до такихъ своевольствъ и непорядковъ, по самой строгости, отнюдь никого не допускать“ [a].

Но ни посланная на Яикъ грамота, ни другія мѣры Военной Коллегіи, почему-то медлившей корренными преобразованіями въ Яицкомъ войскѣ, не умиротворили и не успокоили казаковъ. Слѣдственная Коммиссія только еще больше, какъ и раньше, осложняла и обостряла взаимныя отношенія двухъ враждебныхъ партій, старшинской и народной. Войсковой атаманъ и старшины, хорошо зная свои поступки, старались такъ или иначе расположить членовъ Слѣдственной Коммиссіи въ свою пользу; послѣдніе начинали держать ихъ сторону, вопреки правосудію, или же лавировали между обѣими сторонами. Неудовольствіе народной партіи росло; казаки протестовали и жаловались на несправедливость слѣдователей, обличая атамана и старшинъ въ злоупотребленіяхъ и растратѣ казенныхъ и общественныхъ суммъ. Военная Коллегія мѣняла слѣдователей, но перемѣна лицъ не въ силахъ была измѣнить хода угрожавшихъ событій: дѣйствующія лица или плохо понимали свою роль, или же старались сыграть ее въ угоду меньшинства. Наконецъ 13 января 1772 г. въ Яицкомъ городкѣ разыгралась кровавая братоубійственная драма [b]: народники убили атамана Тамбовцева, вырвавъ у него изъ груди сердце; изрубили

---

[a]) Воинск. Комм., оп. 121, св. 9, № 21. См. въ „Русск. Архивѣ“ 1878 г., кн. I, стр. 488.

[b]) Подробности этой рѣзки см. въ моемъ изслѣдованіи: *„Яицкое войско до появленія Пугачева“* (Русск. Арх., 1879 г. кн. 3, стр. 439—443) и въ трудѣ Н. Ѳ. Дубровина: *„Пугачевъ и его сообщники“*, Спб. 1884 г., т. I, стр. 67—72.

сабдями генералъ-маіора Траубенберга, насыпавъ ему, уже мертвому, нюхательнаго табаку въ ротъ и глаза; безчеловѣчнымъ образомъ лишили жизни дьяка Суетина и писаря Іюгунова, бросивъ ихъ трупы въ воду; изуродовали капитана гвардіи Дурново; избили и переранили многихъ старшинъ и казаковъ ихъ партіи, разграбивъ ихъ дома и имущество; дѣла Слѣдственной Коммиссіи были уничтожены; убитые были раздѣты, разуты и выставлены на позоръ страстной до всякихъ зрѣлищъ праздной толпы; озлобленные казаки не хотѣли даже дать мѣста на кладбищѣ для погребенія несчастныхъ жертвъ ихъ мести: они требовали, чтобы священники лишили ихъ церковнаго отпѣванія и желали, чтобы тѣла убитыхъ были вывезены въ степь на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Потребевались энергичныя мѣры для усмиренія бунтовщиковъ; начались розыски и наказанія виновныхъ; многіе разбѣжались; мѣстныя тюрьмы были переполнены, а на горизонтѣ Оренбургскаго края занималась заря ужасной Пугачевщины.— Дѣятельное участіе Яицкихъ казаковъ въ Пугачевскомъ бунтѣ заставило Военную Коллегію разомъ покончить съ казачьимъ самоуправленіемъ. Императрица Екатерина II, 15 января 1775 г., въ Царскомъ Селѣ подписала указъ, которымъ Высочайше повелѣвалось, для совершеннаго забвенія кровавыхъ происшедствій на Яикѣ, переименовать рѣку Яикъ—въ Уралъ, Яицкое войско—въ Уральское и Яицкій городокъ—въ Уральскъ. Прежде во всѣхъ указазахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, рядомъ съ именемъ атамана, всегда стояло имя всего войска, напримѣръ: *«Нашего Яицкаго войска войсковому атаману Петру Тамбовцеву и всему Нашему войску»;* съ этого же времени всѣ правительственныя бумаги пишутся уже прямо на имя одного атамана, такъ: *«Уральскаго войска войсковому атаману и арміи господину полковнику Бородину»*. Такимъ образомъ, самоуправленіе и самое имя Яицкихъ казаковъ рушились безвозвратно и сдѣлались достояніемъ исторіи Русскаго народа, служащаго несокрушимымъ оплотомъ порядка и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.— Оставайся въ это время на своемъ мѣстѣ Неплюевъ, мы думаемъ, едвали бы онъ допустилъ Яицкихъ казаковъ до такого звѣрскаго ожесточенія, какое они обнаружили въ январской рѣзнѣ, и до участія ихъ въ Пугачевщинѣ; но тогда на его мѣстѣ были другіе, которые не имѣли ни его ума, ни его адмистративной и политической опытности.

ГЛАВА XIII.

Уфимская провинція до включенія ея въ составъ Оренбургской губерніи.— Присоединеніе башкирцевъ къ Московскому государству.—Основаніе городовъ: Уфы, Мензелинска, Бирска и Табынской крѣпости.—Первоначальный составъ населенія и укрѣпленіе означенныхъ городовъ.—Раздѣленіе башкиръ по дорогамъ.—Обязанности уфимскихъ воеводъ.—Открытіе, составъ и присоединеніе Уфимской провинціи къ Казанской губерніи и ея подчиненіе Сенату.— Духовное правленіе Уфимской провинціи.—Экономическое состояніе уфимскаго дворянства въ XVI и XVII в.в.—Башкирскія земли и отношеніе къ нимъ правительства и разныхъ сходцевъ.—Перепись тептярей, бобылей и башкиръ при Кирилловѣ и Урусовѣ.—Аксаковъ и Люткинъ.

Матеріалы, относящіеся къ возникновенію, жизни и развитію мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, являются необходимыми для уясненія исторіи тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти общества живутъ и дѣйствуютъ.

В. А. Новиковъ.

Въ половинѣ марта 1744 года состоялся высочайшій указъ объ открытіи Оренбургской губерніи; тогда же, какъ мы замѣтили выше,[a] была включена въ составъ этой новой губерніи и Уфимская провинція, населеніе которой почти исключительно состояло изъ башкирцевъ. Изъ предыдущихъ главъ[b] мы уже знаемъ, въ чемъ и какъ проявились административныя способности Неплюева, по отношенію къ Яицкому казачьему войску; разсмотримъ теперь, что сдѣлалъ этотъ замѣчательный администраторъ въ отношеніи устройства и быта башкиръ Уфимской провинціи. Но прежде, чѣмъ говорить объ административной дѣятельности Неплюева среди башкиръ, по нашему мнѣнію, необходимо сказать нѣсколько словъ о возникновеніи, первоначальномъ заселеніи и устройствѣ Уфимской провинціи, хотя бы при этомъ пришлось войти въ нѣкоторыя неизбѣжныя повторенія: безъ этого первоначальнаго очерка Уфимской провинціи, дѣятельность Неплюева представлялась-бы отрывочной, неимѣющей той прагматической связи событій, которая должна существовать между предыдущимъ и послѣдующимъ; тогда нельзя было-бы судить о томъ, что именно лучшаго, новаго внесъ

---

[a]) См. стр. 219 наст. монографіи.
[b]) См. глав. X, XI и конецъ XII-й.

въ устройство и жизнь этой провинціи Неплюевъ и что было оставлено имъ по-старому; чѣмъ была Уфимская провинція до Неплюева и чѣмъ она сдѣлалась при немъ. Исходя изъ этого убѣжденія, мы заглядывали въ до-Неплюевскую исторію Оренбургскаго края и въ предыдущихъ главахъ нашей монографіи, то же мы должны сдѣлать и по отношенію къ Уфимской провинціи и ея населенію.

Вскорѣ по завоеваніи Казани, Московскій Грозный Царь, Іоаннъ Васильевичъ разослалъ по всѣмъ улусамъ чернымъ ясачнымъ людямъ жалованныя грамоты, въ которыхъ писалъ, чтобы всѣ шли къ нему безъ всякаго страха и платили ему ясакъ, какъ прежнимъ казанскимъ царямъ. На этотъ призывъ Царя прежде другихъ откликнулись арскіе люди и луговые черемисы[a]; но въ то же время многіе изъ казанскихъ татаръ и другихъ инородцевъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи, удалились въ Башкирію и поселились въ окрестностяхъ нынѣшней Уфы, особенно въ лѣсахъ и по берегамъ рѣкъ. Въ 1554 г. Московскій Царь отправилъ сюда особое войско, подъ начальствомъ воеводъ Даніяла Адашева, князя А. М. Курбскаго и князя Симеона Микулинскаго, которые разбили и выгнали поселившихся здѣсь татаръ и другихъ инородцевъ, умертвивъ двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи: черемисскаго богатыря Алеку и князя Янчуру[b] Измаильтянина, съ нѣсколькими тысячами ихъ соумышленниковъ, и взяли въ плѣнъ 6 тысячъ татаръ, а женъ и дѣтей 15 тыс. Царскіе воеводы, по свидѣтельству Курбскаго, безпощадно громили басурманскихъ князей и басурманскія войска, „гоняху за ними, ажъ за Уржумъ и Мешь рѣку, за лѣса великіе и оттуда ажъ до Башкирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ до Сибири протязается; и что ихъ было осталися, тѣ покоришася: бо тогда больше десяти тысящей воинства басурманскаго погубихомъ съ атаманы ихъ“[c]. Такимъ образомъ башкиры, побуждаемые съ одной стороны страхомъ предъ Грознымъ Московскимъ Царемъ, а съ другой—притязаніями Сибирскихъ хановъ и набѣгами киргизовъ и др. кочевниковъ, обратились съ челобитьемъ къ Русскому Царю о своемъ подданствѣ и его покровительствѣ; челобитье было принято и Башкирія присоединена къ Московскому государству, въ началѣ второй половины XVI вѣка. Іоаннъ Грозный въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ около 1572 года, поручаетъ своему сыну Казанское царство уже „съ Башкирдою“[d].

[a]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VI, стр. 111.

[b]) Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. Изд. 1843 г. Спб., т. VIII, стр. 134. Въ „Пам. кн. Уфим. губ.“ 1873 г. (ч. II, стр. 3) князь Янчура Измаильтянинъ названъ невѣрно, вмѣсто Алеки, „черемисскимъ витяземъ Ямчурой“.

[c]) Исторія Великаго князя Московскаго.

[d]) Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. т. X, прим. къ гл. VII, стр. 182. Изд. 1843 г. Спб.

По присоединеніи башкиръ къ Москвѣ, они были обложены ясакомъ, впрочемъ, въ меньшемъ противъ другихъ размѣрѣ. Указанія на размѣръ ясака, вносимаго въ казну башкирами, а также ходатайства башкиръ объ уменьшеніи его встрѣчаются во многихъ царскихъ грамотахъ, копіи съ которыхъ сохранились въ дѣлахъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія[a]. Въ нихъ кромѣ ясака, состоявшаго преимущественно изъ меда и куницъ,[b] упоминается и о нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностяхъ башкирцевъ, такъ напримѣръ: башкиры обязаны были давать подводы лицамъ, командируемымъ правительствомъ, для исполненія различныхъ порученій, возить воеводамъ сѣно, кормить въ своихъ деревняхъ ихъ лошадей, весной и осенью работать на Уршацкой и на Шугуровской мельницахъ[c] и т. п. Сверхъ того, башкиры вскорѣ были обязаны и къ отбыванію воинской повинности: изъ нихъ, вмѣстѣ съ другими инородцами, составлялись особые отряды въ русскомъ войскѣ, подъ командою головъ. Изъ разрядныхъ книгъ видно, что башкирцы обязаны были выставлять для военной службы съ трехъ дворовъ по одному человѣку. Жалованныя царскія грамоты доказываютъ, что Московское правительство не признавало за прежними владѣльцами инородческихъ земель права ихъ собственности, а напротивъ сами инородцы обязывались признать за Государемъ право владѣть и распоряжаться ихъ землями, и въ то же время должны были просить у Московскихъ царей, какъ милости, утвержденія за ними права на владѣніе и пользованіе землею. Поэтому башкиры нерѣдко и обращались къ государямъ съ челобитьемъ объ охраненіи своихъ земельныхъ правъ, и въ огражденіе получали особыя царскія грамоты и „оберегательныя памяти“[d]. Ходатайствуя о выдачѣ оберегательныхъ поземельныхъ грамотъ, башкиры ссылаются въ челобитныхъ и на свои службы Великому Государю[e].

Сначала башкиры вносили свой ясакъ въ Казани, куда зимой ходили на лыжахъ и гдѣ имъ выдавалась соль; но потомъ, по причинѣ отдаленности Казани отъ ихъ жилищъ, они просили Московскаго Царя построить внутри ихъ жилищъ особый укрѣпленный городъ, который былъ-бы снабженъ войскомъ, для обороны ихъ отъ киргизовъ, калмыковъ и др. кочевниковъ. Вслѣдствіе этой просьбы, какъ мы уже знаемъ, въ 1574

---

[a] В. А. Новиковъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства. Уфа, 1879 г., стр. 10 и 206—209. Ср. Топ. Оренб. губ. Рычкова, стр, 64. Изд. 1887 г.
[b] См. выше стр. 127 наш. монографіи.
[c] В. А. Новиковъ. Тамъ же, стр. 208 и 209.
[d] Тамъ же, стр. 201—206.
[e] Тамъ же, стр. 10.

году и было положено основаніе городу Уфѣ бояриномъ Иваномъ Нагимъ, при которомъ находился въ качествѣ помощника боярскій сынъ Константинъ Степановичъ Голубцовъ [a]. Изъ документовъ о родѣ дворянъ Артемьевыхъ и родословной этой фамиліи, хранящихся въ архивѣ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія, видно, что родоначальникъ этого рода Иванъ Васильевичъ Артемьевъ, по просьбѣ самихъ башкиръ, такъ же былъ посылаемъ для „обчерчиванія и построенія города Уфы", но времени его посылки не означено [b]. Покойный академикъ П. П. Пекарскій въ своей статьѣ: *„Когда и для чего основаны города Уфа и Самара"* приводитъ извлеченія изъ письменныхъ памятниковъ сношеній Россіи съ Ногайцами въ 1586 г., изъ которыхъ видно, что весной 1586 г. ногайскій князь Урусъ получилъ первое извѣстіе о намѣреніи русскихъ построить 4 города (на Уфѣ, Бѣлой, Самарѣ и Увекѣ), въ томъ числѣ и Уфы; что Урусъ тогда же протестовалъ противъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что тѣми землями, на которыхъ Московское правительство желало построить новые города, не владѣли ни дѣды, ни отцы Московскаго Царя. Мы уже знаемъ, чѣмъ кончился этотъ протестъ Уруса противъ построенія Самары и Уфы, возникшихъ одновременно въ 1586 г.; [c] посламъ Уруса на вопросъ: „для чего государь на Самарѣ и Воложкѣ городы поставилъ" — отвѣтили, относительно Уфы, слѣдующее: „А на Уфѣ, на Бѣлой Воложкѣ Государь велѣлъ городъ поставити, что бѣглой изъ Сибири Кучумъ царь, пришедъ въ государеву отчину въ Казанскій уѣздъ, въ башкирцы, учелъ кочевати и ясакъ съ государевыхъ людей съ башкирцевъ почелъ-бы имати, и нынѣ Государь на Уфѣ велѣлъ городъ поставити и людей своихъ въ нихъ устроити для оберeганія Казанскаго уѣзда башкирцевъ и для того, что государевы люди городы многіе поставили въ Сибирской землѣ. Изъ того города на Бѣлой Воложкѣ казанскимъ людямъ многимъ ходить въ Сибирь. А тотъ городъ сталъ на дорогѣ, да и потому, чтобъ казаки бѣглые съ Волги на Бѣлую Воложку не ходили и ногайскимъ улусамъ убытковъ не чинили" [d]. Такимъ образомъ Московское правительство, устраивая Уфу, желало имѣть въ центрѣ Башкиріи укрѣпленный пунктъ, который долженъ былъ служить къ утвержденію въ ней русскаго владычества.

---

[a]) В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный Сборникъ русскихъ двор. фамилій. Спб. 1886 г., т. 1, стр. 206. Въ 18 верст. отъ Уфы, близъ села Касимова, находится луговая поляна, носящая доселѣ древнее названіе *„Голубцовскій Лугъ"*.

[b]) В. Н. Новиковъ. Сборн. матер. для исторіи Уф. дворянства, стр. 14.

[c]) См. выше стр. 287. Слич. Трехъ-вѣковая годовщина гор. Самары.—Самара, 1887 г., стр. 3—6.

[d]) См. ст. Пекарскаго: *„Когда и для чего основаны города Уфа и Самара"* въ Сборн. русск. языка и словесн. Имп.Акад. Наукъ „1873 г., т. X. Сл. „Сборникъ матеріаловъ для истор. Уфимскаго дворянства" В. А. Новикова, стр. 11.

Уфа была построена на правомъ берегу р. Бѣлой, на мѣстѣ, окруженномъ горами и раздѣленномъ осьмью глубокими буераками, изъ которыхъ по одному протекала рѣчка Сутолока. Самое названіе города *„Уфа“*, по предположенію Рычкова, принадлежало раньше ногайскому городищу, находившемуся верстахъ въ пяти отъ первоначальнаго мѣстоположенія Уфы и служившему резиденціей ногайскихъ хановъ. По преданію, записанному Рычковымъ со словъ башкирскаго старшины Кедряса Муллакаева, на мѣстѣ Уфы въ старину, задолго еще до покоренія Казани, находился большой городъ, простиравшійся по берегу р. Бѣлой до устья ея праваго притока Уфы, на протяженіи десяти верстъ. Послѣдній владѣтель этого города ногайскій ханъ Тюря-Бабату-Клюсовъ, жившій въ немъ только по зимамъ, долженъ былъ совершенно оставить его и поселиться на р. Демѣ,[a] боясь змѣя, который, приходя въ городъ, многихъ заражалъ своимъ ядомъ и умерщвлялъ. Мѣсто, на которомъ построена нынѣшняя Уфа, называлось первоначально Туратавъ, а потомъ Казаньтавъ. Кромѣ ногайцевъ, Тюря-ханъ владѣлъ и двѣнадцатью башкирскими (минскими) волостями, собирая съ башкиръ ясакъ медомъ и куницами. Узнавъ о завоеваніи Русскими Казани, Тюря-ханъ удалился на Кубань; тогда же, по преданію, скрылся въ горѣ и безпокоившій его и городъ чудовищный змѣй[b].

Сибирскіе князья Аблай и Тевкей старались помѣшать построенію Уфы, но поплатились за это, какъ мы знаемъ, плѣномъ и были отправлены въ Москву,[c] а Уфимцы за „оную службу жалованы были золотыми деньгами“. Для безопасности города отъ степныхъ обитателей, сдѣланъ былъ ровъ съ полисадомъ, простиравшійся верстъ на десять, отъ р. Уфы до р. Бѣлой, и называвшійся Засѣкой; по срединѣ рва была сторожевая башня, при которой содержался караулъ, для наблюденія за непріятелемъ и разъѣздовъ. Изъ грамоты царя Θеодора Іоанновича, относящейся къ 1593 году,[d] видно, что уже въ то время въ Уфѣ была деревянная церковь, во имя Казанской Божіей Матери, и что, по челобитью протопопа этой церкви Адріана, ей была пожалована земля около самаго города, „отъ мѣста глаголемаго Усолья до р. Уфы и городища“. Въ XVII вѣкѣ эта церковь была замѣнена другою каменною, называвшейся *„Смоленскою“* и *„Соборною“*; строителями ея, какъ полагаютъ, были *смоленскіе* дворяне, переселившіеся въ Уфу и принесшіе съ собою копію съ чудотворнаго

---

[a]) Дема впадаетъ въ Бѣлую съ лѣвой стороны, немного повыше Уфы.
[b]) Топ. Оренбург. губ., стр. 373. Изд. 1887 г.
[c]) См. выше стр. 127. Ср.—„Топогр. Оренб. губ.,“ ч. I, стр. 60 и 61.—Изд. 1887 г.
[d]) Грамота эта напечатана въ „Уфимскихъ Губ. Вѣдом.“ за 1875 г., № 36, отъ 6 Сентября.

образа Смоленской Божіей Матери [a]. Къ началу второй половины XVII вѣка, „старый городъ и острогъ въ Уфѣ весь подгнилъ и развалился,“ почему Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1664 году приказалъ устроить въ Уфѣ „городъ земляной или деревянный и городовому строенію прислать роспись въ приказъ Казанскаго Дворца“ [b].

Съ построеніемъ Уфы начинается въ Башкиріи и русская колонизація: боярскія дѣти, стрѣльцы, пушкари, подъячіе и другіе служилые люди, прибывшіе сюда съ основателемъ Уфы, получили, въ вознагражденіе за службу, порожнія земли въ окрестностяхъ самаго города, для ихъ заселенія и обработки. Въ недальнемъ разстояніи отъ Уфы донынѣ существуютъ селенія, напоминающія собою фамиліи боярскихъ дѣтей и дворянъ, встрѣчающіяся въ родословныхъ спискахъ начала XVII вѣка и позднѣйшихъ. Такъ въ спискѣ 1635 года, [c] присланномъ „по Государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи указу, при памяти Ѳеодору Ивановичу Каловскому,“ показаны въ числѣ другихъ и слѣдующія древнѣйшія фамиліи уфимскихъ дворянскихъ родовъ: Аничковы, Вавиловы, Волковы, Гладышевы, Каловскіе, Лопатины, Тарбѣевы, Третьяковы и Ураковы; съ тѣми же названіями въ окрестностяхъ Уфы находятся и села: Аничково, Вавилово, Волково, Гладышево, Каловка, Лопатино, Тарбѣево, Третьяково и Ураково [d]. Первоначальный составъ служилыхъ людей въ Уфѣ время-отъ-времени увеличивался присылкою новыхъ отрядовъ, съ новыми воеводами. Обыкновенно подкрѣпленія присылались въ Уфу во время волненій въ Башкиріи, когда оказывалось, что наличныхъ уфимскихъ служилыхъ людей было недостаточно для обороны города. Такъ въ теченіе шести лѣтъ, съ 1625—1630 годъ, въ Уфу было командировано изъ Москвы 1677 чел., въ томъ числѣ было 1311 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ и 200 боярскихъ дѣтей. Въ 1635 и 1636 г., сверхъ командированныхъ изъ Москвы 96 боярскихъ дѣтей, 200 пѣшихъ и 400 конныхъ стрѣльцовъ было отправлено еще изъ Казани 400 чел. стрѣльцовъ и 264 чел. боярскихъ дѣтей; всего же съ толмачами, пушкарями и др. служилыми людьми въ отмѣченные восемь лѣтъ прибыло въ Уфу 3184 человѣка [e].

---

a) Послѣ эта церковь была перестраиваема нѣсколько разъ и въ 1842 г. переименована въ приходскую Троицкую.

b) См. „*Наказъ*“ воеводѣ Сомову въ „Сборн. матер. для исторіи Уфимск. дворянства“ В. А. Новикова, стр. 14, 18, 210 и д.

c) См. въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства“ В. А. Новикова списки боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей за 1635, 1668, 1681 и 1697-й годы.

d) Тамъ же, стр. 25 и 26.

e) Тамъ же, стр. 15—17. Выписка изъ разрядныхъ книгъ и царскихъ грамотъ, имѣющихся въ архивѣ Уфимскаго депутатскаго собранія.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія числа недовольныхъ среди башкиръ, увеличивался и служилый элементъ въ Уфѣ для ея обороны. Кромѣ служилыхъ людей и добровольно поселившихся въ Уфѣ, сюда ссылались иногда виновныя и невинно оговоренныя предъ царями лица: такъ при Борисѣ Годуновѣ, въ іюнѣ 1601 года, былъ сосланъ въ Уфу воевода Яренскій, попавшій въ опалу по дѣлу о боярахъ Романовыхъ; въ мартѣ 1602 г. сюда же былъ переведенъ изъ пелымской тюрьмы бояринъ Ив. Никитичъ Романовъ; въ 1606 году, по волѣ Царя Василья Ивановича Шуйскаго, сосланъ въ Уфу на воеводство извѣстный въ то время дипломатъ, думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ, пожалованный предъ тѣмъ Лжедимитріемъ I-мъ въ званіе великаго секретаря и надворнаго подскарбія, или казначея [a].

Служилые люди, поселившіеся въ Уфѣ по волѣ Московскаго правительства, получали, какъ мы замѣтили выше, въ вознагражденіе за службу, по принятой тогда системѣ, въ ихъ собственность порожнія земли въ окрестностяхъ самаго города. О правѣ собственности башкиръ на жалуемую землю не могло быть и рѣчи, такъ-какъ земли всѣхъ инородцевъ, принявшихъ подданство Россіи, считались собственностью Великаго Государя. Не смотря на это, прежде отвода кому-либо изъ служилыхъ людей земли, наводились справки о томъ, не владѣетъ-ли кто жалуемою землею, не отдана ли она кому въ оброкъ, нѣтъ-ли о ней съ кѣмъ спора и т. под.; затѣмъ, если земля оказывалась свободной, производилось измѣреніе и описаніе ея, и потомъ уже она версталась въ окладъ тому лицу, которому назначалась въ помѣстье [b]. Нужно замѣтить, что земля давалась служилымъ людямъ въ различныхъ размѣрахъ, смотря по званію или служебному разряду каждаго, т. е. принималось въ соображеніе, состояли-ли жалуемыя лица въ разрядѣ московскихъ дворянъ или дворянъ городовыхъ, изъ которыхъ послѣдніе подраздѣлялись также на три разряда: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ, или же состояли они въ разрядѣ дѣтей боярскихъ, которыхъ также было три степени: большая, средняя и меньшая [c]. Такъ-какъ земельные надѣлы давались для того, чтобы получившіе ихъ могли на свой коштъ отбывать военную службу,

---

[a] Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., т. XI, стр. 61—63, 124, 136; т. XII, стр. 5. Изд. Эйнерлинга 1843 г. Спб.—Въ „Пам. кн. Уфимск. губ." 1873 г. (ч. II, стр, 4) время ссылки воеводы Яренскаго отнесено невѣрно къ 1587 г., а переведеніе И. Н. Романова изъ Пелыма въ Уфу—къ 1598 г. Этотъ анахронизмъ вошелъ, какъ корректурный недосмотръ, и въ нашъ очеркъ: „Неплюевъ и Оренбургъ," напечат. въ Уральск. Войск. Вѣдом. за 1873—1875 г. См. стр. 260 въ отдѣльномъ оттискѣ упомянутаго „Очерка".

[b] См. у В. А. Новикова (Сборникъ матер. для исторіи Уфимскаго дворянства, стр. 30—32) указъ Царя Алексѣя Михайловича, отъ 11 Мая 7152 (1644) года.

[c] И. А. Порай-Кошица: „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины XI до конца XVIII в.". Спб. 1872 г., стр. 105—106.

по призыву Государя; то Московскіе цари, въ интересахъ своихъ и самой службы, давали жалованныя на земли грамоты только такимъ лицамъ, которыя были способны къ военной службѣ какъ по возрасту, такъ и по физическому развитію и здоровью. Сыновья служилыхъ людей, по достиженіи ими осьмнадцати-лѣтняго возраста, если оказывались годными къ военной службѣ, такъ же были записываемы въ государеву службу и пріобрѣтали право на земельный надѣлъ, смотря по званію или служебному разряду отца [a]. Такимъ образомъ, одновременно съ построеніемъ Уфы положено было начало и возникновенію уфимскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, бывшихъ первыми колонизаторами Башкиріи, центромъ которой сдѣлалась Уфа и ея уѣздъ. Отсюда русская калонизація стала распространяться и въ другія мѣста, входившія въ составъ нынѣшней Уфимской губерніи. Почти всѣ мѣстности на пространствѣ 30—40 верстъ около гор. Уфы были заняты дворянскими помѣстьями; другихъ заселенныхъ мѣстъ на этомъ пространствѣ и не далѣе ста верстъ отъ Уфы въ XVII-мъ вѣкѣ встрѣчается весьма мало, такъ напримѣръ: село Красный Яръ (въ 12-ти верстахъ отъ Уфы), основанное дворцовыми крестьянами въ 1635 году; село Богородское (въ 18 в. отъ Уфы), существовавшее уже въ 1647 году; Удѣльныя Дуванеи, основанныя переселенцами изъ села Богородскаго и отставными уфимскими стрѣльцами около 1647 года; Монастырскія Дуванеи, пожалованныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Успенскому мужскому монастырю; Сорвиха, Старый Енгалышъ, заселенный крестьянами изъ Пензинской губерніи; Вознесенское, или Чесноковка (въ 12 в. отъ Уфы) и Емашевка, въ которыхъ поселились бѣглые изъ внутреннихъ губерній Россіи въ 1677 году [b].

Въ колонизаціи Уфимской губерніи принимали дѣятельное участіе и монастыри, имѣвшіе весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Еще въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго и его сына Ѳеодора Іоанновича, часть земель по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ была отдана во владѣніе нѣкоторымъ монастырямъ; такъ, напримѣръ, здѣсь были участки, принадлежавшіе Московскому Савва-Сторожевскому монастырю и Свіяжскому Рождественскому, а при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ къ Успенскому мужскому монастырю въ Уфѣ были приписаны крестьяне села Чесноковки и Дуваней въ числѣ 271 души, которые и владѣли ими до 1764 г. [c]. Въ 1655 г. игуменъ костромскаго

---

a) В. А. Новиковъ: „Сборн. матер. для исторіи Уфим. дворянства", стр. 214.

b) Списки насел. мѣстъ Росс. Имперіи. Уфим. губ. 1877 г. Сл. „Сборн. матер. для исторіи Уфимск. дворянства". В. А. Новикова, стр. 32.

c) Рычковъ: „Топ. Оренб. губ.", ч. II, стр. 375. Изд. 1887 г. Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 4.

Богоявленскаго монастыря выхлопоталъ у правительства на оброкъ „порозжую землю за рѣкою Камой противъ устья рѣки Икъ,“ вмѣстѣ съ лѣсомъ, сѣнными покосами и рыбными ловлями, причемъ инородцы ближайшихъ деревень засвидѣтельствовали, что на этой землѣ „въ прежніе годы живали отцы ихъ, которые, отъ нападенія на нихъ съ боемъ, съ той земли разошлись розно на новыя мѣста, и ту землю покинули и земля поросла лѣсомъ“ [a]. Игуменъ того же монастыря получилъ въ оброкъ „порозжую землю“ противъ Симбирска на лѣвой сторонѣ Волги, заявивъ въ своемъ ходатайствѣ предъ правительствомъ, что обысканная имъ съ братіею „земля, луги и лѣсъ—мѣсто степное, лежитъ впустѣ и никому не отдана“ [b]. Въ 1670 г. Савватій, игуменъ зачинавшагося тогда Раиескаго монастыря, въ 30 верстахъ отъ Казани и въ 18 верст. отъ Свіяжска, обратился къ Царю Алексѣю Михайловичу съ челобитьемъ, чтобы Государь пожаловалъ монастырю „на прокормленіе пустошь надъ Камою рѣкою урочище Свиныя Горы,“ гдѣ, по его заявленію, поселились пришлые люди „на дикомъ черномъ лѣсу,“ который они росчищали и распахивали. Вслѣдствіе этого послѣдовало распоряженіе, чтобы, при переписи, „тѣхъ креттьянъ, которые объявятся сверхъ ясачныхъ людей, записать за Государя“ [c]. Между тѣмъ населеніе Свиныхъ Горъ стало быстро увеличиваться: къ прежнимъ семи крестьянскимъ дворамъ въ скоромъ времени присоединилось еще три ясачные двора, сорокъ дворовъ безъясачныхъ и два двора вдовьихъ съ дѣтьми [d]. Преемникъ Савватія по управленію Раиеской обителью, игуменъ Алексѣй, [e] видя столь быстрое увеличеніе населенія Свиныхъ Горъ, обратился къ Государю съ просьбою, чтобы онъ пожаловалъ Раиеской пустыни всѣхъ крестьянъ этого поселка, съ ихъ землею и угодьями, на что и послѣдовало соизволеніе Великаго Государя въ январѣ 1673 года. Въ владѣнной грамотѣ Раиеской пустыни на деревню Свиныя Горы, [f] между прочимъ, сказано: „Генваря въ 8 день по приговору боярина и воеводъ князя Алексѣя Андреевича Голицына, думнаго дворянина Ивана Афанасьевича Прончищева, дьяковъ Никифора Бакунина, Александра

---

[a] Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 253.— Арх. Мин. Юстиц. 1 отд. Казанск. у. грам. за № 6488.

[b] Тамъ же. Грамота 1661 г. за № 6498.

[c] Тамъ же.

[d] Протоіерей Е. А. Маловъ. «Раиеская Богородицкая пустынь Казанской епархіи. Казань. 1880 г.—См. въ приложен. владѣнную грамоту Раиеской пустыни на деревню Свиныя Горы 1673 г., стр. 153—207.—Указы Раие. пуст. т. I-й, стр. 153—159, 196—201.

[e] Профессоръ Г. И. Перетятковичъ излагаетъ обстоятельства этого дѣла такъ, что, при чтеніи его книги, невольно получается выводъ, какъ будто съ новою челобитною обратился къ Царю не Алексѣй, а его предшественникъ Савватій; но такое заключеніе противорѣчитъ самой владѣнной грамотѣ Раиеской пустыни на Свиныя Горы. См. „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.“, стр. 272.

[f] Свиныя Горы извѣстны также подъ именемъ села Рождественскаго.

Анисимова велѣно деревню Свиныя Горы съ землею и с
яны, которые отказаны въ 178 г., отдать въ Раиѳску
да и тѣхъ крестьянъ, которые въ книгахъ Григорі
написаны, а къ той ихъ пустыни не отказаны, вел
монастырь по указу Великаго Государя и д
грамоту. И по Государеву Цареву и Великаго
вича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самод
Богородицы чудотворнаго образа Грузинскія и Велик
мія Новгородскаго Чудотворца Раиѳскія пустыни И
съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иные игум
будутъ, деревнею Свиными Горами и пашнею и сѣнными поко
сомъ и всякими угодьи по книгамъ Григорья Соковнина владѣть, и
рые крестьяне въ той деревнѣ нынѣ живутъ и впредь учнутъ жить, Ра
иѳскія пустыни Игумена Алексѣя съ братьею слушали, пашню на нихъ пахали и сѣно косили и доходъ имъ платили, чѣмъ они кого пооброчатъ" [b]).—Не смотря на эту грамоту, нашлись среди крестьянъ Свиныхъ Горъ такіе, которые не пожелали быть въ зависимости отъ игумена Раиѳской пустыни; во главѣ ихъ явился крестьянинъ Алексѣй Давидовъ Чертищевъ, обратившійся въ 1682 г. къ правительству съ челобитной, въ которой значилось: „есть въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ по рѣкѣ Камѣ, ниже Вятскаго устья, пустая порозжая земля, черный лѣсъ и дикое раменье Сокольи Горы, а сѣнные покосы противъ устья Вятки ...и тою порозжею землею и сѣнными покосы никто не владѣетъ" [c]). Указывая на эту мѣстность, Чертищевъ просилъ, чтобы дозволено было ему „на той порозжей землѣ поселиться вновь, а станетъ онъ съ тоя пустыя земли въ казну Великаго Государя платить прибыли денежной и хлѣбной ясакъ; а дать ему для двороваго строенія льготъ на три года и свою братью безъясачныхъ вольныхъ людей на ту пустую землю призывать". Получивъ желаемое дозволеніе, Чертищевъ „съ товарищи, покиня свои старыя тягла, поселился на порозжей землѣ въ черномъ дикомъ лѣсу изъ ясачнаго оброку'" и тѣмъ положилъ основаніе новой деревнѣ Соколовкѣ [d]). Но переселенцамъ изъ Свиныхъ Горъ не

---

a) Григорій Соковнинъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Дмитріемъ Умысловымъ, по просьбѣ игумена и братіи Раиѳской пустыни, производилъ перепись крестьянскихъ дворовъ, земли, лѣса и угодій въ Свиныхъ Горахъ въ 1670 г.

b) См. въ приложеніи къ книгѣ протоіер. Е. А. Малова: „Раиѳская пустынь," стр. 203—204. Сравн. Сборникъ бумагъ, собран. К. И. Невоструевымъ. Рук. библіот. Каз. Дух. Акад. № 14 (по хронол. каталогу), стр. 178—183. Въ Каз. Акад. библіотекѣ имѣются три списка съ грамоты на Свиныя Горы: два полные, а третій съ небольшимъ пропускомъ. См. № 1837 въ хронол. каталогѣ.

c) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и XVIII в., стр. 272.

d) Тамъ же, стр. 273. Арх. Мин. Юст. отд. III. Раздат. и отказ. кн. 13, № дѣла 16.

посчастливилось и на новомъ мѣстѣ. Деревня Соколовка была основана на лѣвомъ берегу Камы, а на правомъ берегу противъ нея находились рыбныя ловли Московскаго Донскаго Богородицкаго монастыря. Благодаря энергіи и трудолюбію поселившихся въ Соколовкѣ крестьянъ, скоро въ глухомъ лѣсу явились избы; значительная часть лѣса была расчищена подъ пашню и благосостояніе общины улучшилось на столько, что чрезъ четыре года крестьяне этой деревни могли, вмѣсто одного, платить четыре ясака. Когда узналъ объ этотъ архимандритъ Московскаго Донскаго монастыря, то, по примѣру другихъ, обратился въ 1687 г. съ просьбой къ правительству, чтобы „вмѣсто ихъ монастырскихъ тверскихъ пустошей, которыя взяты и отданы къ дворцовому селу Городнѣ," пожаловали Донскому монастырю „въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ новый починокъ деревню Соколовку.... съ пашнею и съ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, какъ владѣли тѣ крестьяне" [a]). Вслѣдствіе этого, деревня Соколовка была отдана въ 1690 г. Московскому Донскому монастырю на томъ условіи, чтобъ „оброкъ съ того монастыря сполна имать потому жъ, почему платили крестьяне". Нѣкоторые изъ крестьянъ Соколовки, по ихъ желанію, были переведены въ ближайшія ясачныя деревни; не пожелалъ оставаться здѣсь и предпріимчивый Алексѣй Чертищевъ, который съ сыномъ и двумя внуками переселился за р. Каму въ ясачную деревню Полянку [b]). Такимъ образомъ Донской монастырь, благодаря своему вліянію, получилъ деревню Соколовку съ прекрасною землею, богатыми лугами и огромнымъ лѣсомъ. Природныя богатства этой мѣстности не переставали привлекать сюда поселенцевъ и послѣ, тѣмъ болѣе, что крестьяне, селившіеся на монастырской землѣ, пользовались особыми привиллегіями, судебными и финансовыми [c]). Впослѣдствіи, по мѣрѣ усиленія и расширенія въ Башкиріи русской колонизаціи, являются самовольныя присвоенія башкирскихъ земель русскими колонистами вопреки грамотѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, данной башкирцамъ въ 1576 году. Вслѣдствіе этого, Царь Алексѣй Михайловичъ запретилъ переселяться сюда изъ внутренней Россіи, а равно и пріобрѣтать какимъ-бы то ни было образомъ башкирскія земли, что и было узаконено Соборнымъ Уложеніемъ [d]). Не смотря однакожъ на это, правительство попрежнему, продолжало выселять сюда новые элементы: такъ въ половинѣ XVII в., послѣ войны съ Польшею и присоединенія Смоленска, Полоцка, Мстиславля и

---

a) Тамъ же, стр. 274. Арх. Мин. Юст., 1 отд. Каз. у. грамот. за № 6569.
b) Тамъ же, стр. 275.
c) Прав. Собесѣдн. 1864 г., №№ 1 и 2.
d) Гл. 16, ст. 43. Изд. 1649 г., 29 января.

другихъ западно-русскихъ городовъ, въ нынѣшнюю Уфимскую губернію была переведена Смоленская шляхта,[a] которою были заселены преимущественно города Мензелинскъ, Заинскъ, Тіинскъ и Шешминскъ, устроенные на Закамской линіи, съ цѣлію обороны и утвержденія здѣсь русскаго владычества.

Въ 1668 году Московское правительство пожелало также поселить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закамской стороны и Полоцкую шляхту „Гаврилова полку Гаславскаго съ товарищи“. Полоцкіе шляхтичи были раздѣлены на двѣ группы: одной изъ нихъ, во главѣ съ полковникомъ, положено было дать, кромѣ земельнаго надѣла, и крестьянъ; а другой группѣ, сравнительно большей, рѣшили отвести на новыхъ мѣстахъ лишь землю съ угодьями. При отводѣ земли, руководились чиномъ и происхожденіемъ того лица, которому давалась земля: полковнику было отведено по 100 четвертей въ каждомъ полѣ, ротмистру по 80 четв., поручику по 70 четв., остальнымъ чинамъ вмѣстѣ съ рядовыми людьми по 60 четверт.[b]. Чинъ и происхожденіе шляхтичей имѣли значеніе и при надѣлѣ ихъ крестьянами: полковнику было назначено 12 крестьянскихъ дворовъ, ротмистру 10 дв., поручику, хорунжему и рядовому „породной шляхты“ по 6 дворовъ. Крестьянъ для Полоцкой шляхты велѣно было набрать изъ дворцовыхъ селъ Казанскаго, Свіяжскаго, Царевококшайскаго и Еранскаго уѣздовъ—„съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы“[c]. Крестьяне села Теньковъ и села Ключищъ[d] Свіяжскаго уѣзда, не желая разстаться съ своей общиной и подчиниться власти помѣщика—иноземца, обнаружили протестъ: „указу Великаго Государя не послушали, учинились сильны, къ книгамъ рукъ не приложили и сказокъ (переписчику) за руками не дали“.—Но волненіе крестьянъ на этотъ разъ улеглось само собой, не требуя особенныхъ усилій и мѣръ со стороны правительства къ его прекращенію. Полоцкая шляхта въ разное время была поселена на лѣвой сторонѣ Волги, между ея притоками Камой и Черемшаномъ, по берегамъ рѣкъ Бездны, Утки, Уреня, Камаюра и Майны съ ея притоками. Въ бассейнѣ рѣкъ Майны и Утки для Полоцкой шляхты было отведено всей земли 24575 чет.,

---

a) В. А. Новиковъ. Сборн. матер. для исторіи Уфимскаго дворянства, стр. 224 и 225.

b) О величинѣ четверти можно судить по слѣдующему мѣсту писцовыхъ книгъ: „писцовая мѣра въ десятинѣ длина по 70 саж., поперекъ 30 саж., а въ десятинѣ двѣ четверти, а сѣнные покосы противъ четвертныя пашни,“—слѣдовательно, четверть земли равнялась тогда 575 кв. саж. См. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Г. Перетятковича, стр. 266. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 656 и 666.

c) Тамъ же, стр. 259. Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ кн. 13, № 2, л. 1.

d) Оба села находятся на правомъ берегу Волги: Ключищи на 12 верстъ, а Теньки на 40 верстъ ниже Казани.

или $12287^1/_2$ десятинъ, мѣрою по 525 кв. саж., въ каждомъ изъ трехъ полей [a]. Древнѣйшими населенными пунктами собственно въ Уфимской провинціи, кромѣ Уфы, были: Мензелинскъ, Бирскъ и Табынскій городокъ, о возникновеніи и заселеніи которыхъ намъ извѣстно слѣдующее.

Мензелинскъ [b] вначалѣ былъ устроенъ въ видѣ небольшой крѣпостцы. Въ воеводскомъ „наказѣ“ Царя Алексѣя Михайловича, отъ 14-го сентября 1645 года, Мензелинскъ упоминается какъ „острожекъ;“ [c] въ документахъ, относящихся къ поселенію въ Мензелинскѣ смоленскихъ шляхтичей, онъ называется уже пригородомъ, а въ указѣ Царя Алексѣя Михайловича 1674 г. Тимофею Мещерякову—городкомъ [d]. Укрѣпленіе его состояло изъ полисада, внутри котораго находился деревянный замокъ, а въ немъ—воеводская канцелярія и воеводскій домъ. Въ половинѣ XVIII вѣка въ Мензелинскѣ было уже до 700 дворовъ и двѣ церкви: одна во имя св. Апостолъ Петра и Павла, а другая во имя Смоленской Божіей Матери. Во время башкирскихъ бунтовъ при Кирилловѣ, Татищевѣ и Урусовѣ (1735—1741 г.), Мензелинскъ былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Башкирской Коммиссіи; здѣсь судили и наказывали виновныхъ башкирцевъ [e]. Мензелинскъ, управлявлявшійся въ XVII в. отдѣльными воеводами, [f] скоро сдѣлался, подобно Уфѣ, центромъ, около котораго сосредоточивались поселенія служилыхъ людей, положившихъ основаніе многимъ дворянскимъ фамиліямъ нынѣшняго Мензелинскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностей [g]. Служилые люди, поселенные въ Мензелинскѣ, Заинскѣ, Тіинскѣ и Шешминскѣ и составлявшіе гарнизоны означенныхъ городовъ, происходили изъ Смоленской шляхты четырехъ знаменъ, при-

---

a) Арх. Мин. Юст. Казань, пер. кн. 7, № 152, лл. 232 и 234.—Подробности о водвореніи Полоцкой шляхты въ Закамской сторонѣ см. въ IV главѣ изслѣдованія Г. Перетятковича: „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.“ Одесса, 1882 г.

b) Мензеля—арабское слово, означающее „становище, мѣсто поселенія“. См. выше стр. 122.—Рѣка Мензеля, на которой находится Мензелинскъ, впадаетъ верстахъ въ пяти пониже города въ р. Икъ, лѣвый притокъ Камы.

c) Акты Археогр. эксп., т. IV, стр. 2.

d) В. А. Новиковъ. Сборн. матер. для исторіи Уфимскаго дворянства, стр 13 и 33.

e) П. И. Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 379. Изд. 1887 г. Слич. выше стр. 172. наст. монографіи.

f) Изъ „наказа“ Царя Алексѣя Михайловича 1664 г. стольнику Ѳедору Ивановичу Сомову видно, что онъ былъ назначенъ воеводою въ Уфу, вмѣсто князя Андрея Волконскаго, которому велено было ѣхать въ Мензелинскъ товарищемъ къ тамошнему воеводѣ князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому. См. въ упомин. „Сборн.“ В. А. Новикова стр. 13 и 18.

g) Къ потомкамъ Мензелинскихъ служилыхъ людей принадлежатъ слѣдующія фамиліи, внесенныя въ дворянскую книгу Уфимской губерніи по ихъ личнымъ заслугамъ или по шляхетскому происхожденію ихъ предковъ: Богдановы, Борозны, Брудинскіе, Буковы, Дудари, Пироговскіе, Пьянковичи, Сипайловы, Суворовы, Тетеревниковы, Тихановскіе, Тиханы, Филиповичи и Харькевичи.

нявшей подданство Россіи къ 1665 году, по взятіи Русскими Смоленска. Въ „крестоприводной“ книгѣ 6163 (1665) г. сказано, что „вышедшіе на государево царево великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца имя польская шляхта и другіе люди, на его государеву стану подъ Смоленскимъ, на Дѣвичьей горѣ, приведены къ вѣрѣ сентября 24“. Изъ этихъ—то шляхтичей 134 человѣка бѣлаго знамени водворены были въ Тіинскѣ;[a] 128 человѣкъ при красномъ знамени были поселены въ Шешминскѣ,[b] а 124 человѣка при черномъ знамени—въ Мензелинскѣ съ надѣломъ ихъ землею, согласно указу Царя Алексѣя Михайловича 1674 года и наказу „боярина и воеводы Юрія Ивановича Ромадановскаго, Ивана Павловича Акинфова и дьяковъ: Якова Протомойкина и Калины Патрикѣева Тимоѳею Ивановичу Мещорякову да подъячему Анисиму Чередѣеву“. Шляхтичи, поселенные въ этихъ городахъ, были раздѣлены на четыре степени: къ первой степени отнесены тѣ изъ нихъ, у которыхъ были „мѣстности и земли въ старинѣ Королевскаго Величества,“ они получили по 50 четвертей въ полѣ; шляхтичи 2-й степени—по 40 четв., 3-й ст. —по 30 четв. и 4-й ст.—по 20 четвертей въ полѣ, *„а въ дву потомужъ“* [c]. Въ отводной книгѣ помѣщенъ и списокъ лицъ, надѣленныхъ землею.—Древнѣйшими поселеніями другихъ сословій въ Мензелинскомъ уѣздѣ были села Токмакъ и старый Пьяный Боръ, существовавшія уже въ 1677 г. На мѣстности, изъ коихъ были присылаемы на службу въ Уфу или шли добровольно русскіе переселенцы въ Башкирію, отчасти указываютъ ихъ фамиліи и прозвища, встрѣчающіяся въ спискахъ того времени, напримѣръ: Семенъ Ивановъ Суздалецъ, Третьякъ Семеновъ Костромитинъ, Савва Дмитріевъ Москвинъ, Борисъ Матвѣевъ Мамадышецъ, Павелъ Еѳимовъ Чебоксарцевъ, Иванъ Абрамовъ Казанцевъ, Лука Матвѣевъ Нижегородецъ, Семенъ Микулинъ Сарапулецъ[d] и т. п.

Кромѣ Уфы и Мензелинска, къ числу древнѣйшихъ русскихъ поселеній въ нынѣшней Уфимской губерніи относятся городъ Бирскъ и село Табынское. О времени основанія Бирска Рычковъ замѣчаетъ: „покой-

---

a) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и XVIII в., стр. 364.

b) Отъ шляхтичей, поселившихся въ Шешминскѣ, происходятъ слѣдующія дворянскія фамиліи Уфимской губерніи: Григоровскіе, Есиповы, Жаковы, Ждановы, Коробцовы, Кублицкіе, Лобановы, Мальковскіе, Муромцевы, Романовскіе, Сверкуновы, Сушковы, Хавратовы, Филипповскіе и Шуцкіе.

c) В. А. Новиковъ: „Сборн. матер. для истор. Уфимскаго дворянства,“ стр. 232. Сравн. указъ Верх. Тайн. Совѣта 15 августа 1728 г.: „О смоленской шляхтѣ по доношенію Гедеона, епископа смоленскаго“.

d) Всѣ эти лица встрѣчаются въ спискѣ конныхъ стрѣльцовъ, надѣленныхъ за ихъ службу землями.—См. въ упомин. „Сборникѣ“ В. А. Новикова стр. 217 и д.

ный тайный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ мнилъ, якобы городъ Бирскъ прежде Уфы построенъ,[a] но на чемъ онъ сіе свое мнѣніе утверждалъ, мнѣ неизвѣстно, а жители увѣряютъ, что онъ гораздо послѣ Уфы построенъ"[b]. В. А. Новиковъ, отрицая вѣроятность предположенія Татищева, замѣчаетъ: „если бы предположеніе Татищева было вѣрное, то построеніе Уфы не въ дальнемъ разстояніи отъ города, уже существовавшаго на башкирскихъ земляхъ, не должно бы было такъ обезпокоить князя Уруса"[c]. Покойный академикъ П. П. Пекарскій предполагалъ, что Бирскъ былъ однимъ изъ тѣхъ четырехъ городовъ, противъ построенія которыхъ, какъ мы знаемъ, протестовалъ ногайскій князь Урусъ; слѣдовательно, онъ пріурочиваетъ его возникновеніе къ одному времени съ построеніемъ Уфы[d]. П. И. Рычковъ, говоря о Бирскѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: „въ немъ соборная церковь деревянная во имя Архистратига Михаила. Старожилы, по преданіямъ, сказываютъ, яко бы сей городъ прежде именованъ былъ Архангельскомъ городкомъ, можетъ быть, по церкви"[e]. Это преданіе, какъ оказывается, подтверждается теперь и несомнѣнными историческими данными, которыя были неизвѣстны Рычкову. Изъ „наказа" Царя Алексѣя Михайловича, отъ 15 мая 1664 г., стольнику Ѳедору Ѳеодоровичу Сомову, при назначеніи его воеводой въ Уфу, видно, что на мѣстѣ Бирска сначала находилось дворцовое село Архангельское, и что „въ 7161 (1663) году уфимскіе башкирцы государево дворцовое село Архангельское, Бирь тожъ, разорили и церковь Божію и дворы крестьянскіе пожгли и многихъ крестьянъ побили и въ полонъ поимали и разорили безъ остатку"[f]. Разоренные крестьяне „били челомъ Великому Государю," чтобы онъ снова позволилъ имъ поселиться на томъ же мѣстѣ и поставить „острогъ," а для обороны „отъ измѣнниковъ" просили „ружья, зелья и свинцу"[g]. Тогда же на распросы воеводы крестьяне заявили, что вмѣстѣ съ ними желаютъ строить городъ на рѣкѣ „Бирь" ближайшіе черемисы и мещеряки, но что, по ихъ мнѣнію, лучше построить городъ на берегу рѣки Бѣлой, повыше устья рѣки „Бирь," а „отъ того мѣста вверхъ по Бѣлой рѣкѣ къ городу Уфѣ стру-

---

[a]) На этомъ основаніи мы и отнесли было возникновеніе Бирска къ 1554 г. (см. стр. 127 выше); но предположеніе В. Н. Татищева, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно не имѣетъ за собою доказательствъ.

[b]) Топогр. Оренб. губ., стр. 378. Изд. 1887 г.

[c]) Сборникъ матер. для исторіи Уфим. дворянства, стр. 11 и 12.

[d]) См. въ концѣ его статьи: „*Когда и для чего основаны гор. Уфа и Самара*". Сборн. отдѣленія русск. язык. и слов. Импер. Ак. Наукъ, т. X, 1873 г.

[e]) Топогр. Оренб. губ., стр. 376. Изд. 1887 г.

[f]) В. А. Новиковъ: „Сборн. матер. для исторіи Уфим. дворянства," стр. 12.

[g]) Тамъ же.

говымъ ходомъ семь днищъ, сухимъ путемъ въ полтара днища,[a] а отъ Уфы до того мѣста струговымъ ходомъ на низъ по Бѣлой рѣкѣ въ трехъ днищахъ, а отъ Камы рѣки то мѣсто до Уфы водянымъ ходомъ на половинѣ дороги“[b]. Великій Государь внялъ челобитью крестьянъ и въ томъ же (1663) году далъ особую грамоту на построеніе Бирска на мѣстѣ разореннаго села Архангельскаго и приказалъ послать его поселенцамъ *„ружья, свинцу и зелья“*.—Когда именно возникло село Архангельское, или Бирь,[c] съ точностію намъ неизвѣстно; можетъ быть, и раньше основанія Уфы, одновременно съ ней или вскорѣ послѣ ея построенія; но, *какъ городъ, Бирскъ былъ основанъ только въ 1663 г.*, т. е., спустя 77 лѣтъ послѣ возникновенія Уфы. Въ половинѣ XVIII в. Бирскъ имѣлъ укрѣпленіе изъ деревяннаго бревенчатаго замка, построеннаго на возвышенности; внутри этого замка находились воеводскій домъ и канцелярія, цейхгаузъ и провіантскіе магазины. Раньше, во время башкирскихъ бунтовъ, весь городъ былъ обнесенъ оплотомъ съ рогатками и надолбами, а также окруженъ рвомъ и валомъ; но „нынѣ,“—замѣчаетъ Рычковъ,—„все оное развалилось и видны малые токмо знаки“[d]. Вначалѣ Бирскъ, безъ сомнѣнія, служилъ укрѣпленнымъ фортомъ на срединѣ пути отъ Камы къ Уфѣ, впослѣдствіи же съ умиротвореніемъ края онъ утратилъ свое первоначальное значеніе. Населеніе его состояло на половину изъ служилыхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Число домовъ, доходившее до 700, сократилось до 400 къ началу второй половины XVIII в.: изъ служилыхъ людей многіе были взяты въ Оренбургскій и Уфимскій драгунскіе полки, а крестьяне, особенно зажиточные, выѣхали въ близъ лежащія отъ города деревни. Въ окрестностяхъ Бирска Рычковъ отмѣчаетъ такъ называемыя Чудскія городища: выше города версты на три—Чортово городище; верстахъ въ 40 по тому же направленію—Айбашево и верстахъ въ 30 отъ города, внизъ по рѣкѣ Бѣлой, третье городище на Сокольей горѣ[e].

Въ 1663 году въ Уфимскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Усолкѣ, въ Табынскомъ городкѣ велѣно было „для воинскаго береженья устроить острогъ тутошними жилецкими людьми,“ и помѣстить въ немъ конныхъ и пѣшихъ

---

[a]) Бирскъ находится на правомъ берегу р. Бѣлой; отъ Уфы до него сухимъ путемъ 89 верстъ, а рѣкою Бѣлой „для великихъ ея излучинъ“ около 250 в. См. Топогр. Оренб. губ., стр. 376. Изд. 1887 г.

[b]) В. А. Новиковъ: „Сборн. матеріаловъ,“ и проч. стр. 12.

[c]) Свое названіе Бирскъ получилъ отъ рѣчки „Бирь“; татары и башкирцы называютъ её „Бюрсу“ (волчья вода). Рычковъ говоритъ, что въ его время эта рѣчка имѣла до 20 саж. въ ширину и до 10 саж. глубины, и что, вслѣдствіе быстраго теченія, она не замерзала и зимой.

[d]) Топогр. Оренб. губ., стр. 376. Изд. 1887 г.

[e]) Тамъ же, стр. 377.

стрѣльцовъ[a]) Верстахъ въ осьми или десяти отъ Табынска находятся соленные ключи, которые и образуютъ рѣчку Усолку, впадающую въ рѣку Бѣлую; на этихъ ключахъ издавна былъ устроенъ городокъ и соляныя варницы, принадлежавшія впослѣдствіи балахонскимъ купцамъ Осокинымъ. Вывариваемая здѣсь соль отправлялась на судахъ по р. Бѣлой въ Уфу, Бирскъ и др. мѣста. Во время башкирскихъ бунтовъ Табынскъ не разъ подвергался нападеніямъ и былъ разоряемъ; еще задолго до прибытія въ Оренбургскій край Кириллова, всѣ соляныя варницы въ Табынскѣ были разрушены и сожжены[b]). Кирилловъ пожелалъ снова укрѣпить Табынскій городокъ, и нашелъ энергичнаго помощника въ этомъ дѣлѣ въ балахонскомъ купцѣ Иванѣ Утятниковѣ, бывшемъ раньше въ компаніи по вывариванію соли съ Осокинными. Табынскъ былъ окруженъ рвомъ и валомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставленъ былъ и полисадъ, снабженъ артиллеріею и гарнизономъ, состоявшимъ изъ 100 казаковъ и пѣхотной полроты солдатъ. Утятниковъ, какъ мы уже знаемъ,[c]) за энергичную оборону Табынска, при нападеніи башкиръ, былъ награжденъ чиномъ коммиссара; но впослѣдствіи по свидѣтельству Рычкова: „впалъ въ явный расколъ, въ коемъ и жизнь свою несчастно окончилъ“[d]). Мѣстоположеніе Табынской крѣпости имѣетъ всѣ удобства для осѣдлой жизни; нѣкоторые самое названіе „*Табынскъ*“ производятъ отъ башкирскаго слова „*табынъ*,“ означающаго въ переводѣ на русскій языкъ: „*вотъ удобное мѣсто;*“[e]) Рычковъ же относительно этого замѣчаетъ: „званіе Табынска происходитъ, какъ мнится, отъ Табынской башкирской волости, въ которой онъ построенъ“[f]). Преемникъ Урусова и предшественникъ Неплюева по управленію краемъ, Л. Я. Соймоновъ намѣревался даже избрать Табынскую крѣпость своимъ мѣстопребываніемъ и устроить здѣсь казенный стекольный заводъ;[g]) но Соймоновъ, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ получилъ другое назначеніе, а на его мѣсто былъ опредѣленъ Неплюевъ[h]).

---

a) В. А. Новиковъ: „Сборникъ матер. для исторіи Уфим. дворянства,“ стр. 13

b) Топогр. Оренб. губ., стр. 384. Изд. 1887 г.

c) Сравн. выше стр. 150.

d) Топогр. Оренб. губ., стр. 383.

e) См. въ книгѣ Гуменскаго: „Сказаніе объ иконѣ Казанской Табынской Божіей Матери“. Уфа 1870 г. Въ языкѣ казанскихъ крещеныхъ татаръ слово „*табынъ*“ значитъ оказать почтеніе, покланяться Богу, идоламъ. Употребл. съ дѣепричастіемъ „*баширыбъ*.“ См. „Первый опытъ Словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Казанской губерніи“. Н. Остроумова. Казань. 1876 г., стр. 118.

f) Топогр. Оренб. губ., стр. 383.—Въ числѣ аймаковъ Табынской волости встрѣчаются: Кси-Табынскій, Юрманъ-Табынскій, Калчиръ-Табынскій, Дуванъ-Табынскій и Мялля-Табынскій, такъ—что названіе Табынска могло произойти и отъ одного изъ этихъ 5 башкирскихъ аймаковъ, или родовъ.

g) Тамъ же, стр. 384.

h) Белебей и Стерлитамакъ, нынѣшніе уѣздные города Уфимской губер-

Съ построеніемъ Уфы, башкиры были раздѣлены на *четыре* главныя части, называвшіяся *дорогами:* жившіе ближе къ Казани составляли Казанскую дорогу, ближе къ Сибири—Сибирскую, къ Осѣ—Осинскую, а обитавшіе по сосѣдству съ киргизскими степями—Ногайскую[a]. Каждая дорога заключала въ себѣ нѣсколько волостей, въ составъ которыхъ входило извѣстное число большихъ родовъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ меньшихъ, или аймаковъ. Башкиры, оказавшіе особыя заслуги правительству, получали званіе тархановъ, составлявшихъ нѣчто среднее между ясачными и служилыми башкирами. Хотя тарханы также обязаны были нести воинскую повинность и въ разрядныхъ книгахъ помѣщались въ числѣ служилыхъ инородцевъ; но они не получали за службу особаго опредѣленнаго „корма,“ а предъ ясачными башкирцами имѣли то преимущество, что не платили за земли ясака, или подати, и „гдѣ бы хотѣли землею владѣть, сѣно косить и рыбу ловить, въ томъ ясачники спорить не могли, только бы бортныхъ угодій и бобровыхъ гонъ не касались“. Изъ тархановъ вышли и нѣкоторые дворянскіе роды: предки башкирскихъ княжескихъ родовъ Аптуловыхъ, Девлетшиныхъ, Кулюковыхъ и Турумбетевыхъ были тарханами. Въ архивѣ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія сохранился между прочимъ списокъ тархановъ, составленный при окольничемъ и воеводѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Скуратовѣ въ 1681 году[b].

Со времени своего основанія, Уфа управлялась особыми воеводами,[c] и дѣла рѣшались въ приказныхъ и съѣзжихъ избахъ; сами же воеводы находились въ вѣдѣніи Казанскаго Дворцоваго приказа. Уфимскимъ воеводамъ былъ подчиненъ и весь Уфимскій уѣздъ, заключавшій въ себѣ всю нынѣшнюю Уфимскую губернію, большую часть Верхнеуральскаго, Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губерніи, а также Осинскій уѣздъ Пермской губерніи.—Объ обязанностяхъ уфимскихъ воеводъ можно судить по „наказу“ Царя Алексѣя Михайловича, данному воеводѣ Сомову и дьяку Родіонову въ 1664 году. Въ этомъ „наказѣ“ сначала указывается порядокъ пріема дѣлъ, книгъ, казны, военныхъ снарядовъ и хлѣбныхъ запасовъ отъ князя Андрея Волконскаго, на мѣсто котораго назначенъ былъ Сомовъ. Далѣе излагаются правила, которыми долженъ

ніи, возникли уже во второй половинѣ XVIII вѣка, а именно: Белебей—въ 1757 году и былъ заселенъ крещеными чувашами, а Стерлитамакъ, называвшійся раньше Акшадарскою пристанью, основанъ въ 1766 г. на устьи рѣки Стерли, согласно проэкту купца Тетюшинова, для сплава по р. Бѣлой Илецкой соли. См. въ „Сборникѣ“ В. А. Новикова стр. 15.

a) Слич. выше стр. 141.

b) См. этотъ списокъ въ „Сборникѣ“ В. А. Новикова на стр. 209—210.

c) Тамъ же стр. 14. Ср. въ „Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общества“ (за 1860 г., кн. 8) стат. Александра Пекера: „Очерки Уфы“.

былъ руководиться воевода, при сборѣ государственныхъ доходовъ, и перечисляются ихъ источники, какъ-то: пошлины, взимаемыя съ судныхъ дѣлъ, ясачные оброки, доходы отъ продажи питій, причемъ вмѣняется въ обязанность строго „назирать“ за сборщиками и цѣловальниками и ограждать отъ обидъ и притѣсненій „уфимскихъ всякихъ людей, и татаръ и башкирцевъ,“ а также отъ взятія съ нихъ „посулъ и поминокъ“.—Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается принятіе охранительныхъ мѣръ отъ кочевниковъ, особенно отъ калмыковъ, и наблюденіе за ихъ торговлей; дѣлаются наставленія о мѣрахъ предосторожности отъ огня, о составленіи списка заключенныхъ въ тюрьмѣ, о наблюденіи за правильною продажею пива и вина и о запрещеніи продажи табаку. По изложеніи строгихъ мѣръ противъ распространенія табаку, предписывается принять мѣры и противъ продажи земель башкирами и допущенія кабальныхъ и закладныхъ записей на людей; далѣе излагаются отношенія уфимской администраціи къ башкирамъ и калмыкамъ, говорится объ укрѣпленіи Уфы и городовомъ устройствѣ Бирска и Табынска, о выдачѣ государева жалованья за службу башкирцамъ новгородскими золотыми „противу сибирскихъ царевичей“. Въ заключеніе „наказа“ излагаются мѣры относительно бѣглыхъ, „уфимскихъ служилыхъ и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей;“ повелѣвается также заботиться объ охраненіи правъ владѣнія и пользованія землею[a]. Не смотря на подробную и строгую регламентацію обязанностей воеводъ, послѣдніе нерѣдко злоупотребляли своею властію, пользуясь отдаленностью Башкиріи отъ административнаго центра и опираясь на военныя силы, бывшія въ ихъ распоряженіи. Самовольные захваты башкирскихъ земель, взяточничество и притѣсненіе башкирцевъ со стороны воеводъ раздували ненависть башкиръ противъ русскихъ до открытыхъ возстаній; башкирскіе бунты, какъ мы уже знаемъ,[b] продолжились почти полтора вѣка съ небольшими промежутками. Но выгоды поселенія въ Башкиріи были такъ велики, что селившіеся здѣсь изъ русскихъ забывали объ опасности жить въ томъ краю, гдѣ безпрестанно вспыхивали возстанія башкиръ и другихъ инородцевъ. Баснословная дешевизна плодороднѣйшихъ земель,[c] орошаемыхъ судоходными и рыбными рѣками, обиліе лѣсовъ, представляющихъ прекрасный строительный матеріалъ и переполненныхъ пушными звѣрями и дичью,—все

---

[a]) В. А. Новиковъ. Сборникъ матер. для исторіи Уфимск. дворянства, стр. 210—213.

[b]) См. выше стр. 130—132. Ср. въ упом. „Сборн.“ В. А. Новикова, гл. IV, стр. 53—66.

[c]) Образцомъ дешевизны башкирскихъ земель не только того, но и гораздо позднѣйшаго времени можетъ служить совершенная въ 1775 году тульскимъ купцомъ Лугининымъ покупка въ Куванакской волости 200 тысячъ десятинъ за 400 руб. См. самую купчую на эту землю въ „Сборн.“ В. А. Новикова на стр. 242—243.

это невольно влекло сюда не только тяглаго человѣка, которому было жутко внутри Россіи, но и многихъ дворянъ, селившихся здѣсь съ своими крестьянами. Въ 1708 г., когда Россія, по волѣ Петра Великаго, была раздѣлена на 8 губерній, Уфимское воеводство было присоединено къ Казанской губерніи, какъ подвѣдомственная ей провинція, состоявшая въ то время изъ Уфы, Самары, Бирска, Мензелинска, Заинска, Осы, Билярска, Табынска и села Каракулина, что̀ теперь Вятской губерніи. Въ Уфѣ тогда же, вмѣсто Приказной палаты и Воеводской канцеляріи, была открыта Провинціальная канцелярія, хотя управленіе краемъ, по-прежнему, находилось въ рукахъ воеводъ [a]. Черезъ 20-ть лѣтъ послѣ этого, при Императорѣ Петрѣ II, Уфимская провинція, за исключеніемъ Мензелинска, была изъята изъ вѣдѣнія казанскаго губернатора и поручена управленію особаго воеводы, подчиненнаго непосредственно Сенату и снабженнаго нѣкоторыми правами губернаторской власти. 27-го іюля 1728 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ, въ которомъ было сказано: „Его Императорское Величество указалъ по челобитью присланныхъ изъ Уфинской провинціи выборныхъ челобитчиковъ башкирцевъ, Яркея Янчурина съ товарищи: въ Уфинской провинціи быть воеводою бригадиру Петру Бутурлину, [b] и быть той провинціи въ особливомъ вѣдомствѣ Сената, и о всякихъ дѣлахъ писать ему и требовать указу отъ Сената, а казанскому губернатору той провинціи не вѣдать; токмо подушныя деньги, которыя положены на уѣздныхъ русскихъ людей, тѣ отсылать къ казанскому губернатору, а таможенные и кабацкіе сборы, куда оные по указамъ надлежитъ" [c]. Послѣ этого Уфимская провинція если и поручалась иногда главному надзору казанскихъ губернаторовъ; то эта зависимость была временной и вызывалась какими-либо особенными обстоятельствами, какъ, напр., башкирскій бунтъ при Кирилловѣ и Пугачевщина.—Духовное управленіе въ Уфимской провинціи было подвержено неменьшимъ перемѣнамъ. Сначала духовенство и церкви Уфимской провинціи находились въ вѣдѣніи Казанской епархіи и управлялись поповскими старостами [d]. Въ 1666 на Московскомъ Соборѣ было постановлено послать въ Уфу викарнаго епископа казанскаго митро-

---

[a]) Въ „Сборникѣ матеріаловъ" В. А. Новикова приведенъ списокъ уфимскихъ воеводъ съ 1615—1720 г. и съ 1723—1782; здѣсь же приводится перечень уфимскихъ намѣстниковъ и губернаторовъ до 1876 г. См. стр. 15—22.

[b]) Въ „Пам Кн. Уф. губ за 1873 г." (стр. 6 и 24) показанъ воеводою въ 1726—1730 г., вмѣсто Бутурлина, надворный совѣтникъ Антонъ Шабулинъ, въ „Сборникѣ" В. А. Новикова (стр 19)—Шабуменъ, а съ 1730—1733 бригадиръ Алексѣй Александровичъ Батуринъ, Бутурлина же вовсе почему-то нѣтъ въ спискѣ воеводъ.

[c]) Указы, состоявшіеся съ 1725—1730 г. Спб., 1743 г., стр. 363.

[d]) Въ родѣ нынѣшнихъ благочинныхъ.

полита[a]) съ тѣмъ, чтобы онъ поселился въ Уфимскомъ мужскомъ монастырѣ, но это постановленіе Собора почему-то не было приведено въ исполненіе[b]). Въ 1721 году было учреждено Уфимское Духовное правленіе, которымъ вначалѣ завѣдывали настоятели Уфимскаго мужскаго монастыря, а потомъ, по упраздненіи его, соборные протоіереи, состоявшіе въ вѣдомствѣ казанскихъ архіеревъ до 1764 г., когда Уфимское Духовное правленіе было подчинено Вятской епархіи. Спустя 26 лѣтъ, а именно въ 1790 г. Уфимская провинція (а съ 1782 г. намѣстничество) снова была присоединена къ Казанской епархіи, въ которой и оставалась до открытія, по волѣ Императора Павла Петровича, Оренбургской епархіи въ 1799 году, раздѣленной потомъ на двѣ епархіи: Оренбургскую и Уфимскую [c]).

Боярскія дѣти, дворяне и стрѣльцы, поселенные въ Башкиріи, въ первые полтора вѣка, послѣ присоединенія ея къ Московскому государству, были не только первыми русскими землевладѣльцами въ Уфимской губерніи, но и первыми земледѣльцами: башкиры, какъ звѣроловы и кочевники, были чужды понятія о земледѣліи и удобствахъ осѣдлой жизни. В. А. Новиковъ замѣчаетъ по этому поводу: „предкамъ нашихъ дворянъ время свободное отъ службъ и походовъ приходилось употреблять на добываніе себѣ куска насущнаго хлѣба, обработывая собственноручно пожалованныя имъ дикія поля и доселѣ лежавшія впустѣ земли“ [d]).—Правда, что нѣкоторые помѣщики имѣли и крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ нимъ вмѣсто денежнаго жалованья, [e]) но число ихъ было весьма незначительно, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго соотношенія цифръ: всѣхъ дворянскихъ фамилій, поселившихся въ Уфимской провинціи въ XVI и XVII в., было 101,[f]) считая въ томъ числѣ и шляхетскія фамиліи, потомки которыхъ внесены въ дворянскую родословную книгу по личнымъ заслугамъ. Между тѣмъ даже по второй

---

[a]) Въ Казани митрополія была учреждена въ 1589 г.; первымъ митрополитомъ былъ Тихонъ 2 изъ игуменовъ Псково-Печерскаго монастыря, умершій въ томъ же году, а послѣдній митрополитъ Сильвестръ Холмскій былъ отрѣшенъ 31 декабря 1731 г. См. Девятисотлѣтіе Русской Іерархіи, Н. Д. Москва 1888 г., стр. 49.

[b]) Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., стр. 5.

[c]) Указомъ 27 сентября 1799 г., при учрежденіи Оренбургской епархіи, преосвященнымъ повелѣно имѣть постоянное мѣстопребываніе въ Уфѣ, и они назывались епископами оренбургскими и уфимскими. Въ 1859 г. уфимскій епископъ Антоній 2-й перемѣщенъ былъ въ Оренбургъ, а при Филаретѣ (1860—1869), бывшемъ до того епископомъ ковенскимъ, произошло раздѣленіе Оренбургской епархіи на двѣ: епископы, живущіе въ Уфѣ, стали называться уфимскими и мензелинскими, а живущіе въ Оренбургѣ—оренбургскими и уральскими. См. „Сборникъ матер.“ В. А. Новикова. стр. 23.

[d]) Тамъ же, стр. 34.

[e]) Грамоты царей Алексѣя Михайловича (30 мая 1657 г.) и Ѳеодора Алексѣевича (21 октября 1692 г.).

[f]) Тамъ же, стр. 34.

ревизіи, когда число уфимскихъ дворянъ увеличилось, за всѣми уфимскими помѣщиками считалось всего 636 душъ[a]). Изъ нѣкоторыхъ царскихъ грамотъ видно, что Московское правительство дѣйствительно не особенно щедро надѣляло уфимскихъ дворянъ крѣпостными крестьянами; такъ, по указу царя Θеодора Алексѣевича, въ 1682 году велѣно было „уфинцомъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ," вмѣсто денежнаго жалованья, дать изъ дворцовыхъ селъ и деревень Уфимскаго уѣзда, кромѣ села Каракулина и Пьянаго Бору, не болѣе трехъ крестьянскихъ дворовъ: „за которыми дворяны и дѣтьми боярскими по одному двору крестьянскому или задворныхъ кабальныхъ людей по два двора, и тѣмъ давать по одному двору, а пустомѣстнымъ и безпомѣстнымъ давать, вмѣсто денежнаго жалованья, по три двора крестьянскихъ и бобыльскихъ по человѣку съ землею и со всѣми угодьи, изверставъ всѣмъ поровну"[b]). Жалованные помѣщикамъ крестьяне дѣлались ихъ крѣпостною собственностью, что же касается кабальныхъ людей, образовавшихся изъ сходцевъ и бѣглыхъ, то они, входя въ добровольное соглашеніе съ помѣщиками о поселеніи на ихъ землѣ, старались поставить себя въ иное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ впослѣдствіи находились крѣпостные. Во многихъ актахъ XVII-го и начала XVIII в. встрѣчается указаніе на то, что сходцы и бѣглые, селившіеся на помѣщичьихъ земляхъ, заключали съ ними особые договоры, которыми старались оградить себя и свою собственность отъ притязаній помѣщиковъ[c]). Обиліе земли, неимѣвшей въ то время почти никакой цѣнности, и недостатокъ рабочихъ рукъ требовали отъ помѣщиковъ и личнаго труда, и умѣнья найти себѣ помощниковъ въ обработкѣ земли среди разныхъ сходцевъ и бѣглыхъ въ Уфимскую провинцію. При невозможности эксплуатировать всю землю и при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ въ другія мѣста, уфимское дворянство вначалѣ не только не отличалось зажиточностью, а часто нуждалось въ самомъ необходимомъ. Присоедините къ этому башкирскіе бунты, нападенія калмыковъ, киргизовъ и др. инородцевъ, сопровождавшіяся грабежемъ, разореніемъ и сожженіемъ помѣщичьихъ усадьбъ,—и вы поймете, почему уфимскіе дворяне нерѣдко въ челобитныхъ жаловались на свою „скудость и бѣдность" и считали особенною милостью, если за участіе ихъ въ бою, а иногда и за полученную въ сраженіи тяжелую рану, получали прибавку къ своему окладу въ размѣрѣ 2 рубл. и 50 ч. земли,

---

a) П. П. Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 375.—Изд. 1887 г.

b) В. А. Новиковъ. Сборникъ матер. для исторіи Уфимскаго дворянства, стр. 35.

c) См. образчикъ такого условія, заключеннаго 20 февраля 1704 г. между „вольнымъ гулящимъ" человѣкомъ Дмитріемъ Θедоровымъ и уфимскимъ коннымъ казакомъ Иваномъ Ивановымъ, въ „Сборникѣ" В. А. Новикова на стр. 36 и 37.

какъ это видно изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича 1664 г. уфимскому дворянину Юрію Артемьеву[a]. Скудость средствъ служилаго дворянства подтверждается и нѣкоторыми актами, заключенными ими между собою, какъ напр. *„рядныя записи,“* при выдачѣ ими своихъ дочерей замужъ[b].

Первоначальное заселеніе Башкиріи происходило по волѣ Московскаго правительства, которое, поселяя здѣсь служилыхъ людей, старалось упрочить свою власть въ новопріобрѣтенной странѣ. Сами башкиры лишились права продавать свои земли другимъ лицамъ; они могли отдавать ихъ только „въ оброкъ“ и то однимъ башкирцамъ при томъ не болѣе, какъ на два года; другимъ инородцамъ и русскимъ переселенцамъ не только покупка, но и аренда башкирскихъ земель были строго воспрещены[c]. Такое распоряженіе правительства, конечно, не имѣло цѣлію препятствовать распространенію въ Башкиріи русской колонизаціи. а было вызвано съ одной стороны злоупотребленіями русскихъ служилыхъ людей, а съ другой — наплывомъ сюда бѣглыхъ изъ Россіи, казанскихъ татаръ, черемисъ и чувашъ, враждебно относившихся къ Московскому правительству. Татары, по завоеваніи русскими Казани, обратили особенное вниманіе на Башкирію, куда уходили толпами. Пополняя численность башкиръ и отличаясь большимъ сравнительно развитіемъ, татары еще сильнѣе закалили въ нихъ ненависть къ русскимъ; въ теченіе пятидесяти или шестидесяти лѣтъ башкиры сформировались совершенно на магометанскій ладъ, и нерѣдко руководимы были во время своихъ возстаній татарскими муллами.

Въ 1734 году велѣно было: переселенцевъ изъ русскихъ и инородцевъ, которые живутъ на башкирскихъ земляхъ изъ найма или по найму, по записямъ или безъ записей, но съ платою особаго тептярскаго оклада, переписать: кто они, откуда, какой вѣры, на чьихъ земляхъ и когда поселились. Перепись такихъ сходцевъ была названа Тептярской книгой[d]; тогда же велѣно было записать бездомныхъ башкиръ, или бобылей, въ Бобыльскую книгу. Желая уклониться отъ платежа за земли, многіе тептяри даже изъ христіанъ принимали могометанство и, вопреки запрещенію, стали называться башкирами. Между тѣмъ коренные башкиры были хорошо извѣстны правительству, такъ-какъ воеводы ежегодно представляли списки ихъ сначала въ Кабинетъ, а потомъ въ Сенатъ. Пере-

---

[a] Тамъ же, стр. 37.
[b] Тамъ же, стр. 38. Рядныя записи 1660 и 1707 г.
[c] В. А. Новиковъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфим. дворянства, стр. 40; сравн. стр. 210, замѣчаніе 18.
[d] Съ этого времени слово „тептяри“ стало употребляться и въ оффиціальномъ языкѣ, у башкиръ же оно издавна означало сходцевъ изъ разныхъ мѣстъ.

пись тептярей была окончена Кирилловымъ въ 1735 году; при немъ же былъ составленъ и списокъ башкирскихъ родовъ по дорогамъ и волостямъ,[a] съ раздѣленіемъ башкиръ на тархановъ и ясачниковъ. 11 января 1736 г. состоялся указъ, которымъ повелѣвалось: „застарѣлыхъ тептярей и бобылей, по примѣру мещеряковъ, отъ башкирскаго послушанія отрѣшить, а за претерпѣнное разореніе отъ воровъ—башкирцевъ *оброку имъ платить не велѣть,* а оставить ихъ на одномъ прежнемъ ясачномъ платежѣ въ казну, а которые приставали къ ворамъ, съ такихъ за вину, снявъ башкирскій оброкъ, брать, сверхъ прежняго ясака, хлѣбомъ съ сохи по четвертухѣ ржи и по четвертухѣ овса, а о бѣглецахъ публиковать, гдѣ пристойно, указами, дабы держатели, сколько за кѣмъ есть, объявили въ городахъ, а, не объявя, не держали-бъ подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкою, а которые *вошли въ башкирское имя* о тѣхъ до времени умолчать“ [b]. Тогда же было отмѣнено запрещеніе покупать у башкирцевъ земли разнымъ сходцамъ изъ инородцевъ и русскихъ, въ пунктѣ 16 того же указа сказано: „хотя по прежнимъ указамъ и воеводскимъ наказамъ [c] въ Уфимскомъ уѣздѣ у башкирцевъ земли и угодья покупать и крѣпить не велѣно, однакожъ потомъ усмотрѣно, что то запрещеніе имъ башкирцамъ весьма не полезно. Того ради, для лучшей ихъ пользы, *то запрещеніе отмѣнить* и впредь съ онаго указа земли и угодья здѣшнимъ жителямъ дворянамъ, и офицерамъ, и мещерякамъ у башкирцевъ покупать и за себя крѣпить позволить, *только* въ *тускакахъ*, т. е., закладчикахъ, не держать и неясачныхъ и несвободныхъ русскихъ и иновѣрцевъ, подъ смертною казнію или ссылкою, не держать, а *тептярямъ и бобылямъ въ покупкѣ земель позволеніе дать*“ [d]. Это разрѣшеніе было потомъ подтверждено и указомъ 11 февраля того же (1736) года; этимъ указомъ, между прочимъ, повелѣвалось продажу башкирскихъ земель записывать и крѣпить только въ двухъ провинціальныхъ канцеляріяхъ: Уфимской и Исетской, при чемъ внушалось „весьма смотрѣть, чтобы оныя чинены были отъ всей волости“ [e]. Впослѣдствіи, согласно указу 20 августа 1739 года, были опредѣлены и права поселившихся на башкирскихъ земляхъ изъ найма инородцевъ: „такимъ мещерякамъ, татарамъ и чувашамъ, которые на башкирскихъ воров-

---

[a]) Списокъ башкирскихъ родовъ по дорогамъ и волостямъ см. въ „Топографіи Оренб. губерніи“ Рычкова, стр. 65—71. Изд. 1887 г.

[b]) Сравн. стр. 143—145 въ „Пам. кн. Уфим. губ.“ за 1873 г.

[c]) Такъ въ „*наказѣ*“ Царя Алексѣя Михайловича 1664 г. уфимскому воеводѣ Сомову сказано, чтобы „башкирцы вотчинъ своихъ и бортныхъ и никакихъ угодій русскимъ людямъ и черемисѣ и чувашѣ и татарамъ не продавали и въ оброкъ не отдавали“. См. въ „Сборникѣ“ В. А. Новикова стр. 40.

[d]) П. С. З. №№ 6887; 6889; 6890. Ср. Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., ч. II, стр. 144.

[e]) В. А. Новикова. Сборн. матер. для исторіи Уфимск. дворянства, стр. 42.

скихъ земляхъ живутъ и прежде башкирцамъ оброки платили, оными землями владѣть имъ и оброковъ башкирцамъ не платить, о чемъ, куда надлежитъ, послать указы изъ Уфимской и Исетской провинціальныхъ канцелярій; которые же въ нихъ поселились и живутъ на земляхъ вѣрныхъ и непристававшихъ къ воровству башкирцевъ, тѣмъ оброки платить попрежнему, буде же оныхъ платить не похотятъ, то-бъ шли и селились на пустыхъ бунтовщичьихъ земляхъ особыми деревнями" [a]. Этимъ же указомъ былъ дозволенъ русскимъ и другимъ сходцамъ наемъ башкирскихъ угодій, причемъ провинціальныя канцеляріи обязывались наблюдать „накрѣпко о запискѣ оныхъ отдачъ въ ближнихъ городахъ, гдѣ способно исполненіе чинить, какъ имяннымъ указомъ опредѣлено, и въ томъ башкирцамъ камандиры всякую справедливость показывать (должны), нечиня ни малѣйшихъ обидъ и удержаній, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа" [b]. Такимъ образомъ, указами 11 января и 11 февраля 1736 года положено было, со стороны правительства, начало свободной колонизаціи въ Уфимской провинціи. Не смотря на значительную уже и тогда цѣнность земли въ ближайшихъ къ Башкиріи русскихъ губерніяхъ и областяхъ, башкиры не имѣли надлежащаго понятія о дѣйствительной стоимости своихъ богатыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ и степей: они отдавали ихъ за ничто [c] предпріимчивымъ русскимъ людямъ, селившимся на ихъ земляхъ. Вслѣдствіе природныхъ богатствъ Уфимской провинціи и необыкновенной дешевизны башкирскихъ земель, колонизація русскаго пришлаго населенія быстро стала здѣсь увеличиваться.

Относительно количества башкирцевъ намъ извѣстны слѣдующія цифры: въ 1629 году ясачныхъ башкирцевъ въ Уфимской провинціи считалось 888 дворовъ, то же число дворовъ показано и за слѣдующіе четыре года (1630—1733); въ 1635—1636 году ихъ числилось 2217 чел., [d] а по переписи, произведенной В. А. Урусовымъ въ 1739 г., ихъ уже было на всѣхъ четырехъ дорогахъ 7192 двора съ 19266 душами [e], а именно: на Казанской дорогѣ 1148 дворовъ съ 2975 душ., на Ногайской 4821 двор. съ 11566 душ., на Осинской—1127 двор. съ 4489 душами, на Сибирской—96 двор. съ 236 душ. Изъ сравненія этихъ числовыхъ данныхъ оказывается, что всего гуще была заселена Ногайская дорога: башкирское населеніе ея превышало взятое въ сложности число башкиръ на остальныхъ трехъ дорогахъ.—Но мы думаемъ, что

---

[a]) Тамъ же. Ср. Н. А. Ѳирсова: „Инородч. насел." и проч., стр. 271.
[b]) В. А. Новиковъ. Сборн. матер. для истор. Уф. двор., стр. 42 и 43.
[c]) Ср. выше стр. 387.
[d]) В. А. Новиковъ: „Сборникъ матер. для исторіи Уфимскаго дворянства", стр. 16 и 17, 203 и 204.
[e]) Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., стр. 159—160.

приведенныя цифры меньше дѣйствительныхъ, потому что, при тогдашнихъ порядкахъ и мятежахъ среди башкиръ, не возможно было собрать точныхъ статистическихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что перепись, начатая Урусовымъ, не была закончена[a]), по случаю неспокойнаго состоянія края, какъ это видно изъ указа Кабинета, отъ 1 мая 1739 г., которымъ повелѣвалось: „оную перепись до времени отложить или вовсе оставить“[b]). По свѣдѣніямъ 1745 года, собраннымъ вслѣдствіе распоряженія Неплюева, дворовъ ясачныхъ башкиръ оказалось на лицо 8395 и тархановъ 1431 дворъ.

Предъ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, Уфимская провинція была ввѣрена, вмѣсто воеводы, управленію особаго вице-губернатора; 31 октября 1740 года въ Сенатѣ состоялся указъ, которымъ предписывалось: „генералъ-маіору и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка секундъ-маіору Петру Воейкову, опредѣленному въ Уфу вице-губернаторомъ, быть попрежнему въ лейбъ-гвардіи, а для опредѣленія въ Уфу въ вице-губернаторы герольдмейстеру, выбравъ, представить кандидатовъ людей достойныхъ“[c]). По словесному предложенію генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, 3 ноября того же года, избраны были кандидатами: полковникъ Ростовскаго драгунскаго полка Семенъ Хрущовъ, полковникъ Нижегородскаго драгунскаго пѣхотнаго полка Иванъ Бардукевичъ и оберъ-кригсъ-коммиссаръ Петръ Аксаковъ[d]), а 7 ноября 1740 г. состоялось опредѣленіе Сената о назначеніи въ Уфу вице-губернаторомъ Аксакова съ производствомъ его въ чинъ бригадира. Аксаковъ немедленно долженъ былъ сдать свою прежнюю должность походному коммиссаріату и явиться въ Сенатъ, для выслушанія указа объ его назначеніи и для принятія присяги, чтобы потомъ немедленно отправиться въ Уфу[e]). Аксаковъ, какъ мы уже знаемъ[f]), не оправдалъ довѣрія къ нему правительства: за злоупотребленія по службѣ онъ самъ попалъ подъ слѣдствіе и лишился мѣста. Съ удаленіемъ Аксакова, самая должность вице-губернатора въ Уфѣ была упразднена, въ силу указа 15 марта 1744 года, и управленіе Уфимской провинціей было поручено, по-прежнему, воеводамъ. Неплюевъ, удаливъ Аксакова, временно поручилъ управленіе Уфимской провинціей полковнику Люткину, производившему слѣдствіе надъ Аксаковымъ. Такимъ образомъ Люткинъ снова началъ собою рядъ

---

[a]) Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., ч. II, стр. 159.
[b]) П. С. З. № 7798.
[c]) „Сенатскій Архивъ“, т. II, стр. 79. Изд. 1889 г. Спб. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената, изд. подъ редакціей Г. К. Рѣпинскаго.
[d]) Тамъ же, стр. 83. Слич. стр. 103.
[e]) Тамъ же, стр. 183.,
[f]) См. гл. VIII настоящей монографіи.

уфимскихъ воеводъ [a], которые въ 1782 году были замѣнены намѣстниками [b]. Новый воевода былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, относительно внутренняго состоянія Уфимской провинціи и состава ея населенія: Аксаковъ, какъ мы знаемъ, утаилъ у себя всѣ секретныя бумаги, многіе именные указы и др. дѣла, забравъ ихъ съ собою въ Петербургъ или предавъ уничтоженію, при содѣйствіи Кадомцева; остальныя же дѣла, какъ и всѣ казенныя суммы, были сданы Аксаковымъ безъ описей. Чтобы опредѣлить составъ и число населенія Уфимской провинціи, Люткинъ обратился за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ разнымъ чиновникамъ, мѣстнымъ помѣщикамъ, башкирскимъ и другимъ инородческимъ старшинамъ. Изъ всѣхъ свѣдѣній, доставленныхъ Люткину, а также изъ имѣвшихся въ наличности дѣлъ въ Уфимской провинціальной и въ Оренбургской губернской канцеляріяхъ, оказалось, что въ составъ Уфимской провинціи при Аксаковѣ входили слѣдующіе города и пригороды: Уфа, Мензелинскъ, Бирскъ, Заинскъ, Оса и крѣпости: Нагайбацкая, Табынская, Ельдяцкая и Красноуфимская; селъ и деревень было насчитано 324, а число жителей всей провинціи, включая сюда и войска, по собраннымъ Люткинымъ даннымъ равнялось 412080 душамъ; въ томъ числѣ инородцевъ было 336896 д. и русскихъ 75185 д. Сравнивая русское населеніе Уфимской провинціи съ инородческимъ, мы видимъ, что послѣднее почти въ шесть разъ превышало первое. Что касается городовъ, пригородовъ и крѣпостей Уфимской провинціи, то населеніе ихъ равнялось слѣдующимъ цифрамъ: въ Уфѣ—3728 д. муж. пола, въ Мензелинскѣ—1200, въ Бирскѣ—1021, въ Осѣ—920, въ Заинскѣ—200, въ крѣпостяхъ: Нагайбацкой—500, въ Табынской—320, въ Ельдяцкой—300 и въ Красноуфимской —312 душ. муж. пола, [c]—во всѣхъ же поименованныхъ мѣстахъ было 8501 душа; слѣдовательно, сельское населеніе составляло 303579 д. муж. пола. Люткинъ также узналъ, что всѣхъ сборовъ за 1744 г. въ доходъ казны должно было поступить 17042 р. $36^1/_4$ коп., въ дѣйствительности же ихъ поступило лишь 9654 р. $97^3/_4$ к.; такимъ образомъ не доставало 8387 р. $38^1/_2$ коп. [d].

---

[a]) Въ спискѣ уфимскихъ воеводъ, помѣщенномъ въ „Пам. кн. Уфимск. губ. за 1873 г.“ и перепечатанномъ въ „*Сборникѣ*“ В. А. Новикова, Люткинъ вовсе не упоминается, равно какъ и П. Д. Аксаковъ, бывшій уфимскимъ вице-губернаторомъ почти четыре года (съ ноября 1740 по сентябрь 1744 г.), а за 1740—1748 г. показанъ воеводой надворный совѣтникъ Шишмаревъ.

[b]) Уфимскими намѣстниками и въ то же время генералъ-губернаторами уфимскими и сибирскими были генералъ-поручики: Ив. Вареоломѣевичъ Якобій (1782—1784), Акимъ Ивановичъ Апухтинъ (1784 г.), баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ (1793), Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ (1793—1795) и правитель намѣстничества Александръ Александровичъ Пеутлингъ (1790—1795).

[c]) Р. Г. Игнатьевъ. Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ, стр. 39. Уфа, 1875 г.

[d]) Тамъ же.

Между башкирами, какъ мы знаемъ, постоянно были недовольные русскою властью, особенно ея представителями въ обширномъ Оренбургскомъ краѣ. Вслѣдствіе постоянныхъ мятежей, происходившихъ въ краѣ и недобросовѣстности воеводъ и служилаго класса, экономическій бытъ населенія, особенно же башкиръ, сильно упалъ. Много предстояло трудовъ Неплюеву, чтобы улучшить экономическій бытъ населенія Уфимской провинціи, деморализованной Аксаковымъ и его сторонниками. Неплюевъ хорошо сознавалъ, что для подъема экономическаго благосостоянія населенія, помимо многихъ другихъ условій, необходимо было дать краю стройную административную организацію и найти честныхъ и преданныхъ дѣлу чиновниковъ, которые могли-бы снискать довѣріе и уваженіе къ себѣ среди безпокойнаго и разореннаго населенія края; но особенно нужно было обратить серьёзное вниманіе на коренныхъ обитателей края—башкиръ. Какъ отнесся Неплюевъ къ этой сложной и трудной задачѣ, и что удалось ему сдѣлать для улучшенія быта башкирцевъ, увидимъ дальше.

ГЛАВА XIV.

Отношеніе Неплюева къ инородцамъ Уфимской провинціи и его заботы объ улучшеніи ихъ быта—Административная реорганизація башкиръ при Неплюевѣ—Переселенія инородцевъ въ Уфимскую провинцію изъ сосѣднихъ губерній и обложеніе тептярей и бобылей подушной податью.

У вѣрныхъ башкирцевъ на ихъ земли право отнимать несходно, и было бы неправосудно вѣрнаго съ бунтовщикомъ сравнять.

Неплюевъ.

Въ исполненіе указа 4 мая 1741 г., Неплюевъ, приступая къ водворенію порядка среди башкиръ и улучшенію ихъ быта, долженъ былъ принять за руководство прежніе указы правительства [a] и распоряженія своихъ предшественниковъ касательно башкиръ. Нѣкоторые изъ такихъ указовъ и административныхъ распоряженій не вошли въ Полное Собраніе Законовъ; но этотъ пробѣлъ восполняется дѣлами бывшей Оренбургской губернской канцеляріи, хранящимися частію въ Тургайскомъ областномъ архивѣ въ Оренбургѣ и частію въ Сенатскомъ архивѣ въ Спб. [b]. Между другими матеріалами въ Тургайскомъ архивѣ имѣется: «*Дѣло, по предложенію Его Сіятельства Графа Петра Івановича Панина, о собранныхъ къ сочиненію двухъ историческихъ о Киргизъ-кайсацкомъ и Башкирскомъ народахъ экстрактовъ извѣстіяхъ*" [c]. —Покойный Р. Г. Игнатьевъ напечаталъ извлеченіе изъ этого „Дѣла„ въ „Памятной кн. Уфимской губерніи" за 1873 годъ подъ заглавіемъ: «*Историко-административныя свѣдѣнія о Башкирскомъ народѣ, состав-*

---

[a] См. выше стр. 179 въ наш. монографія.

[b] Въ Сенатскомъ архивѣ въ Спб. хранятся только „*секретныя*" дѣла, прочіе же сенатскіе указы и распоряженія находятся въ архивѣ Минист. Юстиціи въ Москвѣ.

[c] „Дѣло" помѣчено № 206 и состоитъ изъ двухъ переплетенныхъ книгъ; первая книга, содержащая данныя о башкирцахъ Исетской и Уфимской провинціи, заключаетъ въ себѣ 192 лист. безъ нумераціи страницъ; заглавный листъ сверху и снизу оборванъ, сохранилась только его средняя часть съ приведенною выше надписью: „Дѣло, по предложенію Его Сіятельства" и проч.

соотвѣтственно которымъ Рейнсдорпъ обязанъ былъ составить экстракты для графа. Ордеръ Панина былъ полученъ въ Оренбургѣ 2 ноября, а 4 ноября того же года Рейнсдорпъ послалъ графу „репортъ" за № 1780, въ которомъ, извѣщая о полученіи „ордера" доносилъ: „коммиссію сію поручилъ я находящемуся въ канцеляріи моей въ должности секретарской титулярному совѣтнику Чучалову по той способности, что онъ издавна при тѣхъ дѣлахъ употреблялся, придавъ къ нему прочихъ приказныхъ служителей[a)]". Вмѣстѣ съ рапортомъ, была отправлена къ Панину и наскоро составленная въ Оренбургской канцеляріи выписка о киргизахъ, башкирцахъ, тептяряхъ, бобыляхъ и калмыкахъ, причемъ Рейнсдорпъ замѣчаетъ, что „на сочиненіе экстрактовъ для собранія всего предписаннаго время и труда потребно немало[b)]". Въ то же время Рейнсдорпъ затребовалъ нужныя для составленія „экстрактовъ" свѣдѣнія отъ Оренбургской пограничной таможни и отъ Исетской и Уфимской провинціальныхъ канцелярій[c)]. П. И. Рычковъ, какъ мы знаемъ, находился въ это время въ Симбирскѣ, и Панинъ могъ бы самъ указать на него Рейнсдорпу, но графъ почему-то сначала уклонился отъ этого; можетъ быть, Панинъ, зная о нерасположеніи Рейнсдорпа къ Рычкову[d)], желалъ устранить взаимныя между ними непріятности или же намѣревался оставить Рычкова при себѣ. Но не успѣлъ еще Рейнсдорпъ получить „ордеръ" Панина, какъ графъ передумалъ: 31 октября 1774 г. Панинъ написалъ Рейнсдорпу, что *составленіе „историческихъ экстрактовъ" возложено имъ на Рычкова,* которому и должны быть открыты всѣ дѣла о киргизцахъ и башкирцахъ. Получивъ инструкцію[e)] отъ Панина, Рычковъ въ началѣ ноября выѣхалъ изъ Симбирска въ Оренбургъ, а 4 декабря уже писалъ къ Миллеру: „какъ я, такъ и приказные мои служители всѣ заняты у меня возложенными на меня отъ графа Петра Ивановича дѣлами, изъ коихъ одна часть на сихъ дняхъ къ нему и отправляется[f)]". По распоряженію того же Панина, Рычковъ долженъ былъ принять участіе въ управленіи инородцами Оренбургскаго края и „вѣдать пограничныя дѣла[g)]". Несомнѣнно, что такое довѣріе и вниманіе къ Рычкову было непріятно Рейнсдорпу:

---

a) Тамъ же, стр. 141–142.
b) Тамъ же.
c) Эти предписанія были посланы 7-го ноября 1774 г. въ Уфимскую канцелярію, за № 1832, и въ Оренбургскую пограничную таможню, за № 1833, а 10 ноября того же года—въ Исетскую провинціальную канцелярію за № 1849.
d) Рейнсдорпъ такъ выражался о Рычковѣ: „Dieser Mensch wird von seiner schwartzen Seele erst Grabe geschieden". Слич. выш. стр. 299.
e) Инструкція состояла изъ тѣхъ же „пунктовъ для составленія историческихъ экстрактовъ", которые были предложены и Рейнсдорпу.
f) П. Пекарскій. Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, стр. 149.
g) Тамъ же, стр. 149–150.

помимо его личнаго нерасположенія къ Рычкову, назначеніе послѣдняго къ нему въ помощники могло возбудить въ Рейнсдорпѣ и подозрѣніе, что Панинъ не вполнѣ надѣется на его силы и опытность въ управленіи краемъ; однакожъ Рейнсдорпъ долженъ былъ подчиниться распоряженію графа и открыть Рычкову доступъ ко всѣмъ архивнымъ дѣламъ, хранившимся въ Оренбургской губернской канцеляріи. Между тѣмъ Рычковъ, не смотря на свои 62 года, дѣятельно и энергично работалъ надъ составленіемъ экстрактовъ и, нужно замѣтить, Панинъ цѣнилъ его труды, какъ это видно изъ письма Рычкова, отъ 25 декабря 1774 г., къ Миллеру: „Его Сіятельство (писалъ Рычковъ) первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени Ея Величества 2000 р. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудѣвшему отъ разоренія[a]) и ослабѣвшему въ силахъ своихъ человѣку. Я не успѣлъ еще его и благодарить, почуствовавъ отъ великаго восхищенія нѣкоторый припадокъ: онъ награждаетъ и обнадёживаетъ меня не по моимъ меритамъ (заслугамъ)“[b]). Но душевная энергія Рычкова превышала его физическія силы, которыя замѣтно стали слабѣть; 5-го февраля 1775 г. онъ, между прочимъ, писалъ Миллеру: „всего мнѣ досаднѣе теперь, что я не могу отправлять возложенныхъ на меня отъ Его Сіятельства должностей такъ, какъ мнѣ желательно. Севодни едва могъ я отправить къ нему одно дѣло, по повелѣнію его мною сочиненное“[c]). Итакъ несомнѣнно, что П. И. Рычковъ лично и усердно трудился надъ составленіемъ „*экстрактовъ*“ для графа Панина. Покойный академикъ Пекарскій выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что „неизвѣстно, гдѣ хранятся работы Рычкова, предпринятыя имъ по порученію графа Панина, для собранія свѣдѣній о киргизцахъ и башкирцахъ“[d]).—Въ настоящее время мы знаемъ, что „*историческіе экстракты*“ Рычкова находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ[e]). Между тѣмъ,

---

[a]) Во время Пугачевскаго бунта Рычковъ лишился имущества болѣе, чѣмъ на 20000 р. См. тамъ же, стр. 143.

[b]) Тамъ же, стр. 156.

[c]) Далѣе изъ письма Рычкова видно, что онъ говоритъ здѣсь объ инструкціи иновѣрческой и пограничной экспедиціи, въ которую онъ былъ назначенъ отъ Панина членомъ.

[d]) Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, стр. 156. Спб. 1867 г.

[e]) Эта рукопись значится по каталогу такъ: F. IV. 44; она заключаетъ въ себѣ 319 стр. кромѣ приложенія, состоящаго изъ 62 листовъ. Приложеніе содержитъ въ себѣ копіи съ разныхъ документовъ XVIII в. изъ мѣстныхъ архивовъ. Рукопись написана рукою двухъ писцовъ, съ многочисленными и обширными приписками самого Рычкова. Повидимому, это чернякъ тѣхъ экстрактовъ, которые были представлены гр. Панину, отъ имени Рейнсдорпа, какъ оренбургскаго губернатора, и Рычкова, какъ главнаго правителя оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, при отношеніяхъ отъ 6 декабря 1774 г. и 18 января и апрѣля 1775 г. Этою рукописью пользовался, между прочимъ, Н. Θ. Дубровинъ, при составленіи своего почтеннаго труда: „*Пугачевъ и его сообщники*“, Спб. 1884 г. См. т. I, стр. 251 и 253, зам. 2.

какъ Рычковъ усердно трудился надъ составленіемъ упомянутыхъ экстрактовъ, въ Исетской и Уфимской канцеляріяхъ и въ Оренбургской пограничной таможнѣ шла самая дѣятельная работа по разбору архивныхъ бумагъ, для составленія тѣхъ же экстрактовъ, вслѣдствіе распоряженія Рейнсдорпа. Эта двойная и одновременная работа надъ экстрактами объясняется тѣмъ, что Рейнсдорпъ узналъ о порученіи составленія ихъ Рычкову уже послѣ того, какъ сдѣлалъ зависѣвшія отъ него распоряженія: ордеръ Панина, отъ 25-го октября 1774 года, онъ получилъ 2-го ноября, когда Рычковъ, вѣроятно, еще былъ въ Симбирскѣ или только выѣхалъ оттуда въ Оренбургъ; 7-го ноября Рейнсдорпъ уже послалъ предписанія, касательно составленія экстрактовъ, въ Уфимскую канцелярію и въ Оренбургскую пограничную таможню, а 10-го ноября—въ Исетскую провинціальную канцелярію [a]. Каждому приволжскому жителю извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжена переправа черезъ р. Волгу и ѣзда по прилегающимъ къ ней мѣстностямъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда обыкновенно бываетъ такъ называемая распутица или, какъ выражается народъ, *„ни колесная, ни санная"* дорога; поэтому весьма вѣроятно, что Рычковъ, командированный въ Оренбургъ для занятія въ архивахъ только 31 октября, не могъ прибыть туда раньше 11 или 12 ч. ноября, когда уже были отправлены предписанія Рейнсдорпа въ подвѣдомственныя ему присутственныя мѣста. Съ другой стороны, Рейнсдорпъ, безъ сомнѣнія, и самъ, какъ начальникъ губерніи, могъ быть лично заинтересованъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя были затребованы Панинымъ, входить же относительно ихъ въ сношеніе съ Рычковымъ онъ, вѣроятно, не желалъ по личному нерасположенію къ нему. Какъ-бы то ни было, только работа надъ составленіемъ экстрактовъ въ архивахъ подвѣдомственныхъ оренбургскому губернатору мѣстъ велась независимо отъ Рычкова. Оренбургская пограничная таможня, при рапортѣ отъ 30 ноября 1774 г., представила Рейнсдорпу вѣдомость о пошлинномъ сборѣ и о количествѣ товаровъ и скота „дошедшихъ отъ азіатскихъ народовъ въ Россію и отпущенныхъ имъ съ россійской стороны" [b]; въ концѣ декабря Рейнсдорпъ получилъ *„экстрактъ, учиненный въ Исетской провинціальной канцеляріи"* [c], а въ январѣ 1775 г. въ его рукахъ находился и *„экстрактъ въ пунктахъ о башкирскомъ*

---

[a]) См. выше стр. 400, замѣч. (c)

[b]) Вѣдомость составлена за время съ 1745 г. по 1-е декабря 1774 г.

[c]) Подъ рапортомъ, отъ 19 декабря 1774 г. за № 6472, и экстрактомъ Исетской канцеляріи подписались: Иванъ Лазаревъ, Василій Свербѣевъ и секретарь Андрей Мальцевъ.

Уфимской провинціи народъ и копіи изъ дѣлъ Уфимской архивы" [a]). Особенно внимательно отнеслась къ порученію Панина Уфимская провинціальная канцелярія, поручившая составленіе экстрактовъ и выборку изъ архивныхъ бумагъ коллежскому регистратору Ивану Черкашенинову: экстрактъ, представленный ею, состоитъ изъ 67 полныхъ листовъ писчей бумаги [b]), не смотря на то, что многія дѣла ея архива были истреблены пожаромъ 1759 года. Хотя эти экстракты по сознанію самихъ лицъ, составлявшихъ ихъ, не отличаются желаемою полнотою; но въ нашихъ глазахъ они имѣютъ значеніе первоисточника въ вопросѣ объ отношеніи Неплюева къ башкирцамъ и другимъ инородцамъ Оренбургскаго края, тѣмъ болѣе, что мы не могли воспользоваться „*историческими экстрактами*" Рычкова, хранящимися въ Импер. Публичной Библіотекѣ и, безъ сомнѣнія, основанными на тѣхъ же архивныхъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ и для Исетской и Уфимской провинціальныхъ канцелярій, при составленіи ими экстрактовъ, по порученію Рейнсдорпа.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніи Неплюева къ башкирамъ и водворенію среди нихъ должнаго порядка. Всѣ распоряженія Неплюева доказываютъ, что онъ былъ отличный администраторъ, опиравшійся въ своихъ мѣропріятіяхъ на глубокомъ и непосредственномъ изученіи дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей ввѣреннаго ему края; но, руководясь опытомъ, онъ не рѣдко расходился въ своихъ убѣжденіяхъ съ мнѣніями тѣхъ, которые судили о народѣ издалека и писали разные проэкты и ордеры, не имѣя для нихъ практической почвы. Внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и непосредственное знакомство съ населеніемъ Оренбургскаго края еще болѣе убѣдили Неплюева въ томъ, что проэкты, которые легко составляются за тысячи верстъ отъ мѣста событій, часто бываютъ не примѣнимы въ дѣйствительности. Изучая бытъ башкиръ и др. инородцевъ на мѣстѣ и вникая въ ихъ отношенія къ русскимъ поселенцамъ края, Неплюевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ бывшія до него правительственныя распоряженія, остававшіяся, по большей части, только на бумагѣ, не могутъ быть приняты безусловно: „все, что въ оныхъ указахъ изображено",—замѣчаетъ онъ,—„безъ изъятія въ дѣйство производить предвидятся нѣкоторыя неспособности".—Вслѣдствіе этого, Неплюевъ представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе объ отношеніи правительства къ башкирцамъ и разнымъ сходцамъ, поселившимся на башкирскихъ земляхъ.

---

[a]) Рапортъ отъ 2 января 1775 г. за № 25; подъ рапортомъ и экстрактомъ подписались: Алексѣй Борисовъ, товарищъ секундъ-маіоръ Сергѣй Аксаковъ, а скрѣпилъ (по листамъ) коллежскій регистраторъ Иванъ Черкашениновъ.

[b]) Самый экстрактъ состоитъ изъ 22 л., а затѣмъ—3 листа копій изъ арх. дѣлъ и—вѣдомость о приставшихъ къ Пугачеву башкирскихъ селеніяхъ на 42 листахъ.

Чтобы видѣть, въ чемъ именно Неплюевъ желалъ сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ распоряженій правительства, мы должны провести параллель между правительственными предписаніями и взглядами самого Неплюева. Такъ, по указу 1736 г., велѣно было *всѣхъ* тептярей и бобылей, неучаствовавшихъ въ башкирскихъ бунтахъ, *освободить отъ платежа* ясака башкирцамъ, оставивъ ихъ „на одномъ прежнемъ ясачномъ платежѣ въ казну“ [a]; Неплюевъ былъ противъ этого. Приказавъ Уфимской и Исетской провинціальнымъ канцеляріямъ представить вѣдомости о числѣ и мѣстожительствѣ тептярей и бобылей, Неплюевъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы при этомъ было обращено особенное вниманіе на то, какимъ башкирцамъ принадлежатъ земли, занятыя тептярями и бобылями,—участвовавшимъ въ бунтахъ или мирнымъ башкирцамъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. если земли, занимаемыя тептярями и бобылями, принадлежали бунтовавшимъ башкирамъ, поселившіеся на нихъ сходцы изъ чувашъ, татаръ и др., въ силу указа 1736 г., освобождались отъ всякаго подчиненія башкирамъ и отъ платежа имъ ясака; въ противномъ же случаѣ, если это были земли мирныхъ башкирцевъ, Неплюевъ считалъ несправедливымъ освобождать отъ ясака поселившихся на нихъ тептярей и бобылей. Опираясь на указъ 20 августа 1739 г., онъ говоритъ: „тептярямъ и бобылямъ, которые изъ нихъ поселились и живутъ на земляхъ вѣрныхъ и непристававшихъ къ воровству башкирцевъ, въ послушаніи у нихъ башкирцовъ хотя и не быть, однако-жъ о платежѣ оброковъ разсмотрѣть: ежели они какіе припущенники и прежде оброки по надлежащему платили, то и нынѣ отъ того не отрѣшать; буде же оныхъ платить не похотятъ, то-бъ шли и селились на пустыхъ бунтовщичьихъ земляхъ особыми деревнями, ибо *у вѣрныхъ башкирцевъ на ихъ земли право отнимать не сходно и было-бъ не правосудно, т. е., чтобы вѣрнаго съ бунтовщикомъ сравнять*“ [b]. Нельзя не признать справедливости доводовъ Неплюева; не могло не согласиться съ нимъ и правительство. Дѣйствуя по указанному Неплюевымъ плану, оно выигрывало вдвойнѣ: съ одной стороны могли образоваться новыя деревни и поселки мирныхъ жителей края близъ бунтовщиковъ-башкиръ; съ другой—оставленіе права сбора ясака за мирными башкирцами съ принадлежащихъ имъ земель могло поселить въ нихъ чувство довольства и довѣрчивости къ русскимъ вла-

---

[a]) Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., ч. II, стр. 143.
[b]) Тамъ же, стр. 152. Ср. „Сборникъ матер. для исторіи Уфимскаго дворянства“. В. А. Новикова, стр. 42.

стямъ, и служить уздой для „воровскихъ“ башкиръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы провинціальныя канцеляріи Исетская и Уфимская привели въ извѣстность, сколько изъ тептярей и бобылей было такихъ, которые принимали *личное* участіе въ башкирскихъ бунтахъ, и донесли о томъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, указавъ точно мѣста ихъ жительства. Зная, какъ иногда канцеляріи медлили представленіемъ затребованныхъ отъ нихъ свѣдѣній, Неплюевъ, согласно указу 20 авг. 1739 г. требовалъ: „*учинить скорѣйшее исполненіе*, ибо отъ продолженія времени“,—замѣчаетъ онъ,—„паче чаянія, могутъ въ томъ такія неудовольствія произойти, что въ дѣйство оное производить будетъ затрудненіе“ [a]. Освобождая тептярей и бобылей отъ зависимости и подчиненія бунтовавшимъ башкирамъ, Неплюевъ приказалъ, „для лучшаго между ними порядка“, выбрать особыхъ старшинъ или сотниковъ, снабдивъ ихъ надлежащими инструкціями, по усмотрѣнію провинціальныхъ канцелярій, и ежегодно высылать ихъ въ опредѣленномъ числѣ на работы въ Оренбургъ, гдѣ выдавать имъ солдатскій паекъ и по 2 коп. на день изъ заработанныхъ денегъ.

Прежде было постановлено: „у бывшихъ аманатовъ въ тогдашнемъ воровствѣ, за казенный убытокъ и партикулярное разореніе, взять лошадей, годныхъ въ службу, съ каждаго аманата по 500, а изъ тѣхъ лошадей учинить достойное награжденіе разореннымъ, а затѣмъ оставшихся лошадей употребить въ драгунскіе полки“ [b]. Относительно этого постановленія, Неплюевъ обратился въ Сенатъ съ ходатайствомъ, не найдетъ-ли онъ возможнымъ совершенно отмѣнить такое требованіе, „ибо (писалъ онъ) башкирцы, при бывшемъ бунтовщикамъ искорененіи, во всемъ въ совершенное оскудѣніе приведены и взять съ нихъ почитай уже нечего; изъ нихъ же по всякое лѣто имѣетъ употреблено быть по немалому числу въ службѣ; что же до полученія отъ нихъ лошадей принадлежитъ, то оныхъ подъ случай происходившихъ замѣшаній партіями, также въ штрафъ по аймакамъ, и за свадьбы дополное число получено, обидимыхъ же и разоренныхъ чрезъ то удовольствовать не только не возможно, но когда одинъ во всемъ удовольствованъ, а другой нѣтъ, то могутъ и большія жалобы происходить и многое число челобитчиковъ явится; свидѣтельствовать же такія челобитныя, подлинно-ль то было, о чемъ объявлять станутъ, нынѣ весьма затруднительно, иное же и не сходно, а паче что не довольство-

---

[a]) Пам. кн. Уфимской губ. 1873 г., ч. II, стр. 152.
[b]) Пунктъ 3 указа 1736 г. Тамъ же, стр. 143.

вать ихъ всѣхъ никакъ невозможно" [a]).—Неплюевъ предлагаетъ, вмѣсто „взятія штрафныхъ лошадей", такую мѣру, чтобы „сами башкирцы съ тѣми, кои при бывшихъ замѣшаніяхъ разореніе претерпѣли, договаривались въ платежѣ на сроки и такіе платежи самымъ дѣломъ производили".—Относительно „воровскихъ" башкиръ до Неплюева держались слѣдующаго правила: „ежели кто изъ башкиръ хотя въ одномъ воровствѣ явится, такихъ, не наказывая кнутомъ, ссылать годныхъ въ Остзейскіе полки въ солдаты, а негодныхъ въ Рогервикъ въ работу и тамошнія мѣста на пашню" [b]). Неплюевъ, находя эту мѣру строгой и несоотвѣтствующей обстоятельствамъ времени, просилъ Сенатъ: „не повелѣно-ль будетъ по сему пункту умѣреннѣе поступать, и показанную ссылку не за одну, но *за двѣ татьбы* чинить" [c]), какъ это дѣлается по отношенію къ русскимъ и какъ требуетъ того *Соборное Уложеніе*. Предлагая „за первую татьбу штрафовать по тому *Уложенію*, Неплюевъ замѣчаетъ, что башкирцы посмотрятъ на это не иначе, какъ на желаніе со стороны правительства уравнять ихъ съ русскими въ правахъ и отвѣтственности предъ закономъ, и „почтутъ въ немалое себѣ удовольствіе и справедливость" [d]). Входя съ этимъ представленіемъ въ Сенатъ, Неплюевъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду и то, чтобы, пользуясь враждою башкиръ къ киргизамъ и зюнгорцамъ, употреблять ихъ, „въ разсужденіи могущихъ иногда случиться неспокойствъ", вмѣсто русскихъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ дѣйствительно воспользовался этою враждою, при усмиреніи башкирскаго бунта 1755 г., когда во главѣ возстанія явился фанатикъ *Абдулла Мязгилдинъ*, мещерякскій мулла.

Опасаясь возникновенія новыхъ мятежей среди башкирцевъ и желая сдѣлать ихъ менѣе опасными соперниками въ борьбѣ съ русскими, правительство постановило, чтобы башкирцы, тептяри и бобыли, поселившіеся *въ волостяхъ, участвовавшихъ въ бунтахъ, ружей не носили, съ ними не ѣздили и въ домахъ не имѣли;* нарушителей этого постановленія приказано было ссылать, оружіе отбирать въ казну, а лошадь виновнаго отдавать тому, кто поймаетъ его. Впрочемъ, это запрещеніе не распространялось на башкирцевъ *Сибирской* и *Ногайской* дорогъ, гдѣ было необходимо имѣть оружіе на случай защиты и обороны отъ киргизовъ и другихъ степныхъ народовъ [e]). Выходя изъ того же убѣжденія, правительство

---

[a]) Тамъ же, стр. 153.
[b]) Тамъ же.
[c]) Тамъ же.
[d]) Тамъ же, стр. 154.
[e]) Тамъ же, стр. 143.

предписало: „въ Уфимскомъ уѣздѣ и въ башкирскихъ жилищахъ *кузнецовъ и кузницъ не имѣть* и изъ городовъ кузнецовъ и насѣкальщиковъ не отпускать, а быть только въ однихъ городахъ и то числу потребному, безъ излишества, и кому потребны сошники, косы, конская збруя, тѣ могутъ покупать и дѣлать въ городѣ, при чемъ прежніе указы подтвердить, дабы изъ другихъ уѣздовъ ружей, пороху и свинцу, пансырей, сабель, луковъ, копій и стрѣлъ не возили, и не продавали, и не мѣняли, въ чемъ особливо воеводамъ крѣпкое смотрѣніе имѣть и виновныхъ штрафовать по указамъ" [a]. Башкирцамъ, оставшимся вѣрными правительству, и служилымъ въ Уфѣ мещерякамъ хотя и было позволено имѣть ружья, но строго было запрещено ссужать ими тѣхъ, которые не имѣли на то надлежащаго разрѣшенія, а тѣмъ болѣе—продавать имъ [b].

Неплюевъ нашелъ, что эти мѣры правительства, не достигая цѣли, могли служить „къ великой народной тягости", особенно запрещеніе имѣть въ уѣздѣ кузницы. Изъ его представленія въ Сенатъ видно, что, не смотря на запрещеніе, *ружья были у всѣхъ*, „ибо (говоритъ онъ) послѣ онаго запрещенія не только наблюдаемо не было, но еще и многіе изъ тѣхъ башкирцевъ въ первыхъ бунтахъ и въ воровствахъ въ службу употребляемы были, и ежели у нихъ нынѣ всякое ружье отбирать, то для того потребно чинить не малое слѣдствіе и освидѣтельствованіе, а чтобъ то удержать и пресѣчь, весьма не надежно, ибо сайдаки, стрѣлы и копья каждый почти самъ дѣлать можетъ, *развѣ употребленіе желѣза во всей Башкиріи запретить*, но того учинить не возможно" [c]. Указывая на то, что Башкирія со всѣхъ сторонъ окружена крѣпостями, снабженными военными людьми, Неплюевъ выражаетъ сомнѣніе относительно новаго бунта со стороны башкиръ, и проситъ Сенатъ „все то дѣло оставить на такомъ основаніи, какъ оно нынѣ состоитъ, а болѣе не возбуждать, токмо огненное ружье и пансыри, кромѣ тѣхъ башкиръ, которые въ бунтѣ не были и которымъ за службы отъ главныхъ командировъ въ награжденіе дается либо особливымъ указомъ позволится имѣть, запретить" [d]. Относительно же запрещенія имѣть въ уѣздѣ кузницы, Неплюевъ говоритъ, что это повело бы еще къ большимъ затрудненіямъ: тогда башкирцамъ за всякою желѣзною вещью, необходимою въ ихъ хозяйствѣ и общежитіи, придется ѣздить въ городъ, не говоря уже о томъ, что при этомъ запрещеніи испытали бы равныя затрудненія и неудобства и русскіе поселенцы

[a] Тамъ же, стр. 143, п. 5.
[b] Тамъ же, пунктъ 6.
[c] Тамъ же, стр. 158, п. 3.
[d] Тамъ же, п. 4.

уѣзда, что было-бы вполнѣ несправедливо и нецѣлесообразно, „и тако (замѣчаетъ Неплюевъ) *лучше указнаго запрещенія не имѣть, нежели, имѣя, по тому надлежащаго исполненія не видѣть*“ [a]. Поэтому *Неплюевъ настоялъ, чтобы запрещеніе имѣть въ уѣздѣ кузницы было отмѣнено* „въ русскихъ жилахъ Уфимскаго уѣзда“ безусловно, а въ Башкиріи „для необходимыхъ потребъ, а паче для дѣланія сошниковъ и другой збруи, къ пашнѣ и къ лошадямъ принадлежащихъ, въ пристойныхъ мѣстахъ“ было позволено на каждой изъ четырехъ башкирскихъ дорогъ имѣть *по три* кузницы и при нихъ кузнецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ приказалъ, чтобы Уфимская и Исетская канцеляріи навели справки о существовавшихъ кузницахъ и представили мнѣнія, необходимо-ли оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ или нѣтъ, и что-бы употреблено было „особливое и прилежное смотрѣніе“ за тѣмъ, дабы въ Башкирію не привозили изъ другихъ мѣстъ ружей, пороху, свинцу, пансырей, сабель, луковъ, копей и стрѣлъ; виновныхъ же велѣно штрафовать „по указамъ безъ упущенія“ [b]. Неплюевъ, какъ видно, не былъ противъ того, чтобы стараться, по возможности, объ ослабленіи военныхъ средствъ у башкиръ, которыми бы послѣдніе могли воспользоваться къ защитѣ своей самостоятельности; но онъ находилъ не практичнымъ заставлять ихъ ѣздить за всякимъ гвоздемъ, топоромъ, косой, ножемъ, скобой, шиной и т. п. необходимыми вещами въ городъ за сто и двѣсти верстъ отъ ихъ мѣстожительства.

Указомъ 1736 г. было предписано, чтобы въ Табынскѣ [c], сверхъ двухъ гарнизонныхъ ротъ солдатъ, было поселено еще до 300 служилыхъ мещеряковъ, казаковъ и ссылочныхъ, которыхъ велѣно надѣлить землями и угодьями, по примѣру поселившихся въ Уфѣ и другихъ мѣстахъ; тѣмъ же указомъ повелѣвалось: „прежній городокъ Осу [d] возобновить и служилыми людьми, прибавя ссылочныхъ, населить [e]; по Бѣлой и Камѣ рѣкамъ и въ другихъ мѣстахъ старыя селенія, гдѣ способность усмотрится, для безопасности отъ нападенія, сколько возможно, для защиты укрѣпить палисадникомъ или по мѣсту смотря“ [f]. Неплюевъ сознавалъ, что военныя силы болѣе были нужны на границѣ съ киргизами, и потому назначилъ въ Табынскъ только роту Уфимскаго гарнизона и около ста человѣкъ служилыхъ

---

[a]) Тамъ же, стр. 159.
[b]) Тамъ же, стр. 155.
[c]) Теперь село государственныхъ имуществъ Стерлитамакскаго уѣзда. Въ началѣ настоящаго столѣтія, бывшіе тамъ гарнизонные солдаты и служилые казаки обращены въ крестьянъ. См. выше стр. 385 въ наст. моногр.
[d]) Оса принадлежала къ Уфимскому уѣзду до 1781 г.
[e]) См. Памятн. кн. Уфимской губерніи за 1873 г., ч. II, стр. 144. ст. I, п. 10.
[f]) Тамъ же, стр. 144, ст. 2, п. 11.

казаковъ, „коего числа, по состоянію того мѣста (замѣчаетъ онъ), признавается довольно“ [a]).

Относительно возобновленія пригорода Осы и лучшей защиты крѣпостей по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, Неплюевъ представилъ въ Сенатъ мнѣніе, что онъ „для лучшаго порядка“ считаетъ нужнымъ поручить это дѣло вице-губернатору Аксакову, подчинивъ его же вѣдомству и прочія крѣпости, находящіяся внутри Башкиріи, какъ-то: Мензелинскъ, Красноуфимскъ, Ногайбакскую и Ельдяцкую [b]): „ибо довольно уже усмотрѣно, что отъ розныхъ командъ немалыя затрудненія происходили“ [c]). Между тѣмъ Аксаковъ, по распоряженію Неплюева, долженъ былъ собрать и представить ему обстоятельныя свѣдѣнія объ упомянутыхъ крѣпостяхъ: сколько въ нихъ окажется людей, провіанта, есть ли артиллерія и другіе припасы, откуда они получены и на какомъ основаніи построены самыя крѣпости. Одновременно съ этимъ, Неплюевъ разослалъ командирамъ особые приказы, „чтобы они, съ полученія тѣхъ ордеровъ помянутаго вице-губернатора, о всемъ рапортовали и по его ордерамъ поступали, а ему уже въ потребность надлежащаго наставленія отъ главной Оренбургской Коммиссіи команды требовать“ [d]). Аксакову же по башкирскимъ дѣламъ порученъ былъ и Кунгуръ, находившійся въ вѣдомствѣ Казанской губерніи, но ему было запрещено вмѣшиваться въ городскіе порядки, почему „обретающемуся тамо (въ Кунгурѣ) капитану Панову, по близости онаго города отъ Башкиріи, отъ Башкирской Коммиссіи были даны наставленія [e])“, чтобы онъ во всѣхъ дѣлахъ касательно башкиръ имѣлъ сношенія съ вице-губернаторомъ Аксаковымъ: „ибо о всемъ Оренбургская Коммиссія чрезъ него одного свѣдома уже быть должна, чего для и всѣ происходившія въ Башкирской Коммиссіи дѣла разсуждается препоручить оному вице-губернатору, о чемъ отъ Правительствующаго Сената требовать повелительнаго указа“ [f]). Что же касается Табынской крѣпости, то она, какъ построенная „коштомъ и трудомъ отъ Оренбургской Коммиссіи“, была оставлена на основаніи пожалованной городу Оренбургу привиллегіи.

Намъ уже извѣстно, что еще до вступленія Неплюева въ управленіе Оренбургскимъ краемъ была начата *перепись башкиръ;* но вслѣдствіе башкирскаго бунта, правительство указомъ 11-го мая 1739 г. приказало до времени прекратить начатую перепись или даже вовсе оставить. Неплю-

---

a) Тамъ же, стр. 154.
b) Смотр. выше стр. 195.
c) Пам. кн. Уф. губ. 1873 г. ч. II, стр. 154.
d) Тамъ же, стр. 154, ст. I.
e) Тамъ же.
f) Тамъ же.

евъ, сознавая всю важность статистическихъ данныхъ о наличномъ числѣ башкиръ, поручилъ Аксакову изыскать всѣ способы къ тому, чтобы начатая прежде перепись башкиръ была окончена. Въ избѣжаніе новыхъ возмущеній со стороны башкиръ, Неплюевъ предписалъ Аксакову внимательно слѣдить за тѣмъ, дабы „то дѣло (перепись) никакихъ новыхъ неспокойствъ произвесть не могло, и для того оное подъ такимъ видомъ или предлогомъ повести, чтобъ башкирцамъ было въ удовольствіе, а не въ противность, буде же изъ онаго предвидятся какія трудности, то, оставя формально переписывать, стараться о семъ единомъ, чтобъ чрезъ другія окрестности о числѣ башкиръ, сколько ихъ въ которой волости, розвѣданіе учинить“ [a]). При этомъ Неплюевъ распорядился, чтобы какъ Аксакову, такъ и въ Оренбургскую Коммиссію „съ переписныхъ книгъ, учиненныхъ въ Исетской провинціи“, представлены были копіи и краткіе экстракты вмѣстѣ съ данными, заимствованными изъ Башкирской Коммиссіи о переписи башкиръ подполковникомъ Будковичемъ и другими, которымъ было поручено это дѣло.

Въ 1739 г. Урусову данъ былъ указъ: „учинить росписаніе, въ которыхъ волостяхъ старшинамъ и при нихъ по скольку есауловъ, писарей и сотниковъ быть и кого именно въ старшины опредѣлить и, оное къ аппробаціи пославъ, ожидать указа, а до того времени ихъ не опредѣлять“. Урусовъ собралъ данныя и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, генералъ-маіору Соймонову; но при томъ антагонизмѣ, который потомъ возникъ между Аксаковской и Соймоновской партіями [b]), трудно было ожидать по этому дѣлу какихъ-либо положительныхъ результатовъ,—и старшинами остались тѣ же, которые „напредь того указа были“. Нужно замѣтить, что до Неплюева башкирскіе старшины пользовались неодинаковымъ значеніемъ: одни изъ нихъ завѣдывали нѣсколькими волостями, а другіе—какой-либо одной волостью и были подчинены первымъ. Неплюевъ, желая уравнять права волостныхъ старшинъ, приказалъ собрать и доставить слѣдующія свѣдѣнія: сколько на каждой изъ четырехъ дорогъ находится волостей; сколько въ каждой волости числится дворовъ; какая изъ волостей участвовала въ башкирскихъ бунтахъ и, если участвовала, вся или только частію, при чемъ должно быть показано поверстное разстояніе каждой волости отъ Уфы и поименованы волости смежныя съ первой. Относительно же башкирскихъ старшинъ, Неплюевъ затребовалъ слѣдующія данныя: природные ли они башкирцы и достойны ли званія старшины; не были-ли въ согласіи съ ворами и, если

---

a) Тамъ же, стр. 159.
b) См. выше, стр. 193 въ н. моногр.

не были „или были, да пришли съ повинною“,—въ чемъ выразилась ихъ вѣрность русской власти. Возложивъ собраніе отмѣченныхъ данныхъ на Исетскую и Уфимскую канцеляріи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ вице-губернатора Аксакова, Неплюевъ потребовалъ также, чтобы упомянутыя канцеляріи, принимая въ соображеніе обширность и число жителей каждой волости, опредѣлили, сколько въ какую волость нужно – есауловъ, сотниковъ и писарей, указавъ на эти мѣста и своихъ кандидатовъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ выражаетъ желаніе, чтобы *въ новые* старшины, если только представится возможность, были выбраны такіе башкирцы, которые никогда не принимали участія въ бунтахъ, и чтобы избранный получилъ хотя словесное одобреніе отъ общества. Что касается участниковъ бунта, то Неплюевъ приказалъ: „такихъ впредь ни въ какіе чины не производить, которые-жъ изъ такихъ уже произведены есть, таковыхъ состояніе весьма разсмотрѣть, надежны-ль они на такое дѣло, и потому о нихъ особыя опредѣленія учинить, кому быть и кого подъ какимъ претекстомъ оставить“. Относительно раздѣленія старшинъ на главныхъ и второстепенныхъ, Неплюевъ замѣчаетъ, что такое подраздѣленіе не только излишне, но и вредно: „ибо то можетъ подать поводъ къ лакомству и своевольству; ежели-жъ, паче чаянія, такой главный старшина склонится къ какому злому намѣренію, то это можетъ всѣхъ ему подчиненныхъ въ свое согласіе привлечь и причинить чрезъ то многія трудности“.—Выходя изъ такого убѣжденія, Неплюевъ подчинилъ всѣхъ волостныхъ старшинъ вѣдомству русскихъ командировъ, а чтобы не оскорбить самолюбія главныхъ и вліятельныхъ старшинъ, онъ строго требовалъ отъ Аксакова той осторожности, съ которой надлежало въ данномъ случаѣ дѣйствовать; самъ же заботливо и съ рѣдкимъ тактомъ слѣдилъ за тѣмъ, что-бы главнымъ старшинамъ было оказываемо „всякое приласкательство“.—Словомъ, Неплюевъ постарался устроить дѣло такъ, что главные башкирскіе старшины и не подозрѣвали, какъ постепенно изъ ихъ рукъ ускользала прежняя власть и какъ потомъ они незамѣтно были сравнены въ своихъ правахъ съ прочими старшинами. Въ виду необходимости контроля надъ дѣйствіями старшинъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы, при разбирательствѣ ими „челобитческихъ дѣлъ или иныхъ какихъ мірскихъ прошеній“, были употребляемы „русскіе добрые люди съ надлежащимъ наставленіемъ“ и подъ угрозою смертной казни, „чтобъ будучи тамъ, ни къ какому лакомству не касались“ [a]. Уфимская и Исетская канцеляріи должны были доставить вице-губернатору Аксакову сохранившіяся въ ихъ архивахъ данныя, касательно администра-

[a]) Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 150.

тивнаго устройства башкиръ въ предшествовавшее время. На основаніи этихъ данныхъ, Аксаковъ долженъ былъ изложить свое мнѣніе „къ лучшему порядку и содержанію того башкирскаго народа и снабдить башкирскихъ старшинъ пристойными наставленіями, по его усмотрѣнію“ [a].

Въ 1739 г. правительство опредѣлило: „*тархановъ*, которые бунтовали и сообщниками бунтовщиковъ были, тѣхъ всѣхъ за ихъ противности *отрѣшить* и впредь такихъ тархановъ, безъ особливыхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, не выбирать и не опредѣлять“ [b]. Но это постановленіе правительства оставалось только на бумагѣ, когда въ управленіе краемъ вступилъ Неплюевъ, который первый обратилъ на него вниманіе, впрочемъ, съ отрицательной стороны: Неплюевъ представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ старался доказать, что отрѣшеніе тархановъ, особенно если ихъ окажется „довольное число и если они люди знатные и много-семейные“, можетъ, вмѣсто пользы, принести вредъ. Такая мѣра, по его мнѣнію, могла бы еще быть болѣе или менѣе умѣстной во время самаго бунта, а не послѣ, тѣмъ болѣе, что „башкирцы (замѣчаетъ онъ) и, не будучи тарханами, пакости дѣлать могутъ, чему примѣръ— большія замѣшанія, въ которыхъ большая часть не изъ тархановъ, но изъ подлыхъ (простыхъ) людей главными возмутителями были; если же ихъ лишить тарханства и обложить ясакомъ, то развѣ самый малый сборъ будетъ, отчего дальной казенной прибыли воспослѣдовать не можетъ“ [c]. Поэтому Неплюевъ просилъ Сенатъ, не признаетъ-ли онъ за болѣе полезное оставить всѣхъ тархановъ по прежнему. Въ то же время, обнадеживъ тархановъ утвержденіемъ своего представленія и ходатайства за нихъ въ Сенатъ, Неплюевъ предписалъ Уфимской провинціальной канцеляріи: „стараться имѣющіяся у нихъ тархановъ грамоты освидѣтельствовать и подлинно вызнать, гдѣ сколько и съ дѣтьми мужскаго полу, кому изъ нихъ, когда и за какія службы то тарханство досталось“. Между тѣмъ вице-губернаторъ Аксаковъ, по предложенію Неплюева, долженъ былъ привести въ извѣстность, сколько было тархановъ въ той или другой волости; участвовали-ли они въ башкирскихъ мятежахъ или нѣтъ и сколько въ числѣ ихъ родовыхъ и личныхъ тархановъ. Вѣрнымъ и мирнымъ тарханамъ Неплюевъ приказалъ выдать подтвердительные указы на ихъ тарханство, не дожидаясь даже резолюціи Сената на свое представленіе [d].

---

[a] Тамъ же.
[b] Тамъ же, стр. 147.
[c] Тамъ же. Тарханы, какъ мы знаемъ, ясака не платили. Слич. выше стр. 386 въ наст. моногр.
[d] Тамъ же.

Неплюевъ также строго воспретилъ вмѣшиваться въ дѣла башкиръ всѣмъ „постороннимъ командамъ": башкирцы во всемъ должны были подлежать вѣдомству Уфимской и Исетской провинціальныхъ канцелярій, смотря по ихъ мѣстожительству, а если бы встрѣтилась необходимость въ вызовѣ кого-либо изъ башкиръ въ Оренбургъ; то объ этомъ велѣно было сообщать въ ту или другую изъ упомянутыхъ канцелярій, смотря по мѣстожительству вызываемаго, съ обозначеніемъ причинъ, по которымъ онъ былъ вызываемъ. Если надъ нимъ произведено было слѣдствіе, то Оренбургская губернская канцелярія обязывалась сообщать въ провинціальную канцелярію о результатахъ этого слѣдствія, а чтобы „башкирцамъ никакихъ напрасныхъ озлобленій и долговременнаго держанія подъ карауломъ быть не могло, о томъ (замѣчаетъ Неплюевъ) командирамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ военнаго суда, подтвердить" [a]. Что касается спорныхъ дѣлъ между башкирцами и киргизами; то разбирательство ихъ Неплюевъ приказалъ „чинить" на границѣ: „ибо киргизъ-кайсакамъ",—говоритъ онъ,—„за просьбами въ провинціи ѣздить неудобно, а по нѣкоторымъ резонамъ и впущать ихъ внутрь Башкиріи разсуждается не полезно".—До Неплюева существовало такое постановленіе: никто изъ башкиръ не имѣлъ права отлучиться изъ своего дома, не взявши предварительно паспорта отъ волостнаго старшины, а паспортъ выдавался только для отлучекъ внутри Башкиріи срокомъ отъ 20 до 40 дней, смотря по разстоянію мѣста, куда отлучался башкирецъ отъ его мѣстожительства [b]. Замѣтивъ, что башкирцы не рѣдко нарушали это правило, Неплюевъ строго приказалъ слѣдить, чтобы „башкирцы, отпущенные на тѣ сроки, непремѣнно являлись въ срокъ и нигдѣ не заживались, что и въ тѣхъ старшинскихъ паспортахъ имъ прописывать и о недержаніи за срокомъ подъ штрафомъ, какъ о бѣглыхъ, подтверждать" [c].

Всякій башкирецъ, желавшій выѣхать за границу Башкиріи, долженъ былъ являться „для челобитья" въ свою провинціальную канцелярію, гдѣ наводились справки о причинахъ его отъѣзда и, если причины оказывались уважительными, ему выдавался паспортъ съ приложеніемъ печати провинціальной канцеляріи; нарушителей такого порядка велѣно „розыскивать и по розыску наказывать вѣчною ссылкою въ Рогервикъ или и смертію казнить, смотря по важности вины" [d].

---

[a]) Тамъ же, стр. 155, ст. 2.
[b]) Тамъ же, стр. 154, § 6-й
[c]) Тамъ же, стр. 156, ст. I.
[d]) Тамъ же.

Каждый волостной старшина долженъ былъ имѣть особую печать, которая выдавалась ему изъ провинціальной канцеляріи съ уплатою имъ одного рубля, въ пополненіе канцелярскихъ расходовъ Узнавъ, что такія печати были не у всѣхъ старшинъ, Неплюевъ предписалъ: „онымъ дать, дабы всѣ имѣли, а за какую цѣну оныя отдавать, о томъ опредѣлить въ провинціальныхъ канцеляріяхъ по тамошнему усмотрѣнію“ [a]). Въ предотвращеніе произвола башкирскихъ старшинъ, Неплюевъ объявилъ имъ чрезъ провинціальныя канцеляріи, чтобы „они въ партикулярныхъ ссорахъ сами между собою насильствомъ не управлялись, а требовали бы надлежащаго суда въ оныхъ канцеляріяхъ, почему имъ надлежащая справедливость показана быть имѣетъ“ [b]). Въ случаѣ, если кто изъ башкиръ „прокрадится въ кайсаки, для воровскаго отгону лошадиныхъ табуновъ, и то учинитъ“, такихъ, по прежнимъ указамъ, велѣно отправлять въ канцелярію Оренбургской Коммиссіи, гдѣ, по производствѣ слѣдствія, ихъ наказывали сообразно съ тѣмъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали киргизы. Неплюевъ, замѣтивъ недѣйствительность такой мѣры, приказалъ, по наказаніи, ссылать башкиръ-конокрадовъ въ Рогервикъ, „дабы такія воровства пресѣчь“ [c]).

Мы уже знаемъ, какъ гибельно отозвались башкирскіе бунты на экономическомъ состояніи жителей Оренбургскаго края и, въ особенности, на самихъ башкирахъ [d]): нѣкоторые изъ нихъ положительно не имѣли никакой возможности даже прокормить своихъ дѣтей и были вынуждены *продавать* ихъ русскимъ, какъ нѣкогда сами русскіе продавали своихъ дѣтей заѣзжимъ иностраннымъ купцамъ [e]), чтобы только не видѣть своихъ дѣтей умирающими съ голоду. Такая продажа башкирскихъ дѣтей была дозволена еще предшественниками Неплюева по управленію краемъ и подтверждена указами. Но иногда случалось, что башкирскія дѣти дѣлались жертвою голода и холода, такъ-какъ не всегда и не для всѣхъ выпадалъ сравнительно счастливый жребій быть проданными ихъ родителями кому-либо изъ состоятельныхъ русскихъ поселенцевъ края. Заботясь объ участи такихъ дѣтей, Неплюевъ воспользовался ихъ положеніемъ для обращенія ихъ въ христіанство. „Понеже небезъизвѣстно“,—писалъ онъ,—„что многіе башкирцы въ такомъ бѣдномъ состояніи, что, когда не имѣютъ случая дѣтей своихъ продавать и въ чемъ вывесть для продажи, отъ голоду, а паче въ зимнее время дѣти помираютъ, а чрезъ продажу такія магометанскія дѣти *въ пра-*

---

a) Тамъ же.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же.
d) См. выше стр. 172 въ наст. монографіи.
e) Такъ было во время голода въ древнее время.

вославный христіанскій законъ приводимы будутъ: того ради оную продажу и покупку башкирскихъ дѣтей не только партикулярнымъ людямъ позволить съ запискою и надлежащимъ въ городахъ укрѣпленіемъ, какъ то прежде уже чинено; но представить въ Правительствующій Сенатъ къ высокому разсмотрѣнію, не повелѣно-ль будетъ такихъ дѣтей у неимущихъ башкирцевъ покупать или на *казенный* провіантъ мѣнять и, *окрестя*, употреблять мужескъ полъ въ школы, какъ солдатскихъ дѣтей, изъ которыхъ по возрастѣ употреблять въ военную службу или къ другимъ дѣламъ, кто къ чему пригодится, изъ чего немалая польза интересная предвидится, а дѣвокъ, которыя *на казенныя деньги куплены*, или на *казенный провіантъ* вымѣнены будутъ, отдавать партикулярнымъ людямъ, кто пожелаетъ, что за нихъ изъ казны въ покупкѣ и содержаніи издержано" [a]). Намъ не извѣстно мнѣніе объ этомъ Сената, но едва-ли можно сомнѣваться въ аппробаціи представленія Неплюева. Интересно было бы знать, какъ часто бывали подобныя покупки башкирскихъ дѣтей частными лицами и особенно казной; въ какія они отдавались школы; гдѣ воспитывались дѣти женскаго пола до перепродажи ихъ частнымъ лицамъ и куда потомъ поступали тѣ и другія; тогда бы можно было до нѣкоторой степени составить понятіе о степени бѣдственнаго положенія башкиръ и о практическомъ примѣненіи мѣръ, предложенныхъ Неплюевымъ; но, по неимѣнію для того фактическихъ данныхъ, мы ничего не можемъ сказать относительно этого весьма интереснаго вопроса.

Неплюевъ обратилъ вниманіе и на продажу башкирскихъ земель: онъ распорядился, чтобы продажа этихъ земель производилась и „крѣпилась" исключительно въ Уфимской и Исетской провинціальныхъ канцеляріяхъ, „при чемъ (замѣчаетъ онъ) весьма смотрѣть, чтобы оныя чинены были отъ всей волости, или по жалованнымъ грамотамъ съ надлежащимъ осмотрѣніемъ о недержаніи тускаковъ, или закладчиковъ". Въ то же время Неплюевъ приказалъ опубликовать указъ „о продажѣ башкирскихъ земель и о недержаніи тускаковъ",—„и ежели кто изъ оной публики въ преступленіи явится, таковыхъ штрафовать по указу безъ упущенія" [b]).

Какъ видно, Неплюевъ всячески старался внушить башкирцамъ довѣріе къ русской власти, отстаивая ихъ права и привиллегіи, дарованныя имъ раньше правительствомъ, и заботясь о новыхъ льготахъ для нихъ. Между прочимъ, онъ предложилъ вице-губернатору Аксакову: „учинить

---

[a]) Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., стр. 156.
[b]) Тамъ же, стр. 155.

особливое свое разсужденіе" о снятіи съ башкиръ ясака за тѣ земли, которыя были взяты у нихъ подъ строеніе крѣпостей и представить ему вѣдомость о всѣхъ построенныхъ и о предположенныхъ къ строенію крѣпостяхъ. Освобожденіемъ отъ ясака въ этомъ случаѣ могли воспользоваться только мирные башкирцы, которые никогда не заявляли своего протеста противъ русской власти; что же касается „воровскихъ" башкиръ или участниковъ бунта, то „съ ихъ земель ясака не снимать: ибо они",— говоритъ Неплюевъ,—„за то не токмо свое право на тѣ земли потеряли, но и всего-бъ, что во владѣніи ихъ ни было, лишиться были должны, а къ тому же черезъ то пребывающихъ всегда въ вѣрности отъ бывшихъ въ бунтѣ дистанціи и удовольствіе покажется"[a].

Извѣстно, что башкирцы нерѣдко посредствомъ браковъ вступали въ родство съ казанскими татарами. Подчинивъ такіе браки контролю казанскаго губернатора, правительство опредѣлило: „брать съ каждой такой свадьбы по драгунской лошади, а кто безъ позволенія женится, съ такихъ браковъ взимать по двѣ лошади драгунскихъ, а за другую вину (за взятіе другой жены изъ казанскихъ татарокъ) ссылать въ ссылку"[b]. Подтверждая такое распоряженіе правительства, Неплюевъ предписалъ Башкирской Коммиссіи, а также Исетской и Уфимской канцеляріямъ дознать, всегда-ли соблюдалось это постановленіе и, если нѣтъ, „разсмотрѣть, кѣмъ то упущено и не взыскано"[c]. Неплюевъ также заботливо слѣдилъ и за тѣмъ, чтобы провинціальныя канцеляріи „за муллами и абызами крѣпкое смотрѣніе имѣли; чтобы отъ нихъ никакихъ противностей происходить не могло,—ибо (говоритъ онъ) въ прежнихъ замѣшаніяхъ довольно усмотрѣно, что *такіе магометанскіе духовные и грамотные люди пущими ворами и злодѣями были*"[d]. Дальше мы увидимъ, что это мнѣніе и осторожность Неплюева вполнѣ были основательны: главнымъ виновникомъ башкирскаго бунта при Неплюевѣ оказался мулла *Абдулла Мизгильдянъ* (ученый) или Батырша Алѣевъ[e]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ затребовалъ свѣдѣнія объ уфимскихъ новокрещенныхъ: сколько изъ какихъ людей крещено; гдѣ поселены тѣ новокрещенные и сколько съ нихъ сбиралось ясака, „также и о бывшихъ ихъ вѣрныхъ службахъ (говоритъ онъ) по Башкирской Коммиссіи и по Уфимской провинціи собрать обстоятельныя вѣдомости и потому, возымѣвъ сношеніе, учинить объ нихъ надлежащее опредѣленіе, на

---

[a] Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., стр. 151.
[b] Тамъ же, ч. II, стр. 144, п. 15.
[c] Тамъ же, стр. 155, ст. I, п. 12.
[d] Тамъ же, стр. 155, ст. I.
[e] Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 35.

какихъ мѣстахъ имъ жить, тутъ-ли, гдѣ нынѣ живутъ, и съ какимъ порядкомъ, или нѣкоторыхъ перевесть въ иныя мѣста, а паче въ новыя крѣпости, гдѣ больше отъ нихъ пользы и службы чаять надобно"[a]). Неплюевъ желалъ также знать, „гдѣ русскіе и другіе люди у башкирцевъ отхожія угодья, рыбныя ловли, сѣнные покосы и прочее погодно нанимали"[b]). Оставляя за башкирцами, по прежнему, право на владѣніе рыбными ловлями, сѣнными покосами и другими угодьями, Неплюевъ распорядился, чтобы, если башкирцы пожелаютъ отдать эти угодья кому-либо въ аренду или въ наймы, такія отдачи записывались въ ближайшемъ городѣ, во избѣжаніе кляузъ и пререканій между хозяевами и арендаторами.

Въ 1745 г. Неплюевъ снова посѣтилъ Уфу, куда были вызваны башкирскіе и другіе инородческіе старшины. Разсмотрѣвъ всѣ прежнія распоряженія касательно инородцевъ, Неплюевъ составилъ *особую инструкцію*, поясняющую обязанности старшинъ и составляющую какъ-бы продолженіе инструкціи Кириллова и бригадира гвардіи маіора Хрущева[c]). Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь самую инструкцію Неплюева, чтобы дать возможность читателю судить о томъ, чего требовалъ Неплюевъ отъ волостныхъ старшинъ и въ чемъ должны были состоять обязанности послѣднихъ, по отношенію къ инородцамъ, тѣмъ болѣе, что, въ силу этой инструкціи, вся отвѣтственность, въ случаѣ новыхъ безпорядковъ въ краѣ, падала на старшинъ, которымъ за неисполненіе предписаній угрожало «*истязаніе*». Вотъ эта инструкція, состоящая изъ 6 пунктовъ:

1) „Не токмо самому тебѣ быть вѣрнымъ, но и за всѣми подчиненными тебѣ накрѣпко смотрѣть: ибо ежели что пренебрегутъ, то равно или и вяще, какъ тѣ противники, *истязаны будутъ*".

2) „По указамъ Ея Императорскаго Величества, исполненіе не токмо самимъ точное и безъ замедленія чинить; но какъ тобою и черезъ сотниковъ всѣхъ подчиненныхъ твоихъ къ тому исправно исполнять и принуждать, а буде кто изъ подчиненныхъ учинится ослушенъ, таковыхъ штрафовать тебѣ позволительными штрафы, яко то: арестомъ или плетью и, оштрафовавъ, отрепортовать сюда, въ Уфу, кто штрафованъ и за что именно, тако уже отговоркѣ мѣста не будетъ, что тебя не слушаютъ; слѣдственно, въ такомъ неисправленіи ты отвѣтствованъ и штрафованъ будешь".

---

[a]) Пам. кн. Уф. губ., ч. II, стр. 154, ст. 2, п. 10.
[b]) Тамъ же, стр. 148, ст. 2, п. 7.
[c]) Инструкція Кириллова была написана 23-го декабря 1736 г. и состоитъ изъ 16 пунктовъ. См. ее въ „Пам. кн. Уф. губ." 1873 г., стр. 161—164.

3) „Не неизвѣстно вамъ, что черезъ два года киргизскій народъ удержаны; воровства и нападенія, каковыя они напредь того въ Башкиріи съ разореніемъ чинили, прекращены. Напротивъ того, башкирцамъ и тептярямъ накрѣпчайше указами Ея Императорскаго Величества запрещено, чтобы они у киргизцевъ ничего не воровали и причинъ къ воровству не подавали, яко-бъ въ томъ ихъ собственное благополучіе, жить въ покоѣ, чрезъ звѣриную ловлю и возку соли и другіе тому подобные промыслы и домостроительство, приводить себя въ состояніе и поправленіе отъ понесенныхъ самовольныхъ ихъ внутреннихъ разореній чрезъ бывшее замѣшаніе, къ тому-жъ надобно то разсудить, *ежели воровъ не унимать, то отъ нихъ, кромѣ вреда, пользы никогда не видать*. Напримѣръ: воръ у киргизца лошадь укралъ и киргизецъ въ отмщеніе да добраго человѣка ограбитъ. Но за тѣми всѣми воспрещеніями, въ ближнихъ къ Ику волостяхъ донынѣ также воровство совершенно не пресѣклось, изъ чего признавается, что вы, старшины, сами тому потакаете: ибо ежели-бъ вы и сотники наблюдали, то-бъ утаиться не могло. Однакожъ что донынѣ происходило, то вамъ безъ штрафа упущается, а впредь ежели наблюдать не будете, то тѣхъ волостей старшины и сотники по указамъ, яко вредители своея народныя пользы и неисполнители указовъ, мимо воровъ, безъ упущенія штрафованы будете, по тому-жъ надлежитъ вамъ тотчасъ, гдѣ съ краденымъ явится у киргизцевъ или кого-бы то ни было, такого подъ крѣпкимъ карауломъ отсылать въ Оренбургъ или въ другую крѣпость, въ которую способно".

4) „Пришлыхъ и бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, ссыльныхъ и всякаго званія людей безпаспортныхъ отнюдь никого не держать; но, ловя таковыхъ, отсылать въ городы и ежели кто пристань дастъ или пропуститъ, таковые штрафованы будутъ по указамъ, что паче наблюдать вамъ старшинамъ и сотникамъ".

5) „Каждый мѣсяцъ въ Уфинскую провинціальную канцелярію каждому старшинѣ о своей волости репортовать, все-ли у него порядочно и народъ въ вѣрности и послушаніи-ли обрѣтается, якоже и писари ихъ хотя и не должны мѣшаться въ команду къ вамъ старшинамъ, но должны репортовать въ оную канцелярію по-мѣсячно-жъ отъ себя, а *особливо о вѣрности и послушаніи народа*, и все-ли по указамъ исполняется, не чинится-ль чего въ противность оныхъ, ибо они должны о содержаніи указовъ вамъ старшинамъ и сотникамъ напоминать и о исполненіи представлять, а ежели и затѣмъ вы, старшины, исполнять не будете, то имъ отъ себя въ провинціальную канцелярію немедленно на васъ доносить со обстоятельствомъ".

6) „Изъ вышеупомянутаго можете вы, старшины, разсудить, въ чемъ ваша должность состоитъ и колико власти вамъ дозволяется; но дабы оную употребляли не по страстямъ и не по прихотямъ, а сколь менѣе по партикулярнымъ ссорамъ,—однимъ словомъ, сказать, ни кому-бы никакой обиды не чинили и взятокъ-бы ни подъ какимъ видомъ не касались, ибо извѣстны вы о Ея Императорскаго Величества правахъ, что малому и великому, *всякому судъ равенъ единственно*, и на васъ старшинъ всякій въ обидѣ своей докажетъ, то будете штрафованы по указамъ безъ упущенія“ [a].

Эта инструкція была вручена старшинамъ съ строжайшимъ внушеніемъ, чтобы они усердно заботились объ ея исполненіи [b].

Разсматривая отношенія Неплюева къ башкирцамъ, нельзя не замѣтить ихъ глубокой обдуманности и цѣлесообразности; видно, что Неплюевъ хорошо понималъ внутренній строй инородцевъ и ошибки своихъ предшественниковъ въ отношеніи административнаго устройства края. Кирилловъ, Урусовъ и Сеймоновъ дѣйствовали, такъ сказать, огнемъ и мечемъ: наказывая непокорныхъ башкиръ, они отрѣзали имъ носы и уши; отсѣкали руки и ноги и цѣлыми десятками сожигали ихъ въ амбарахъ [c]. Неплюевъ напротивъ является энергичнымъ защитникомъ ихъ экономическихъ интересовъ, землевладѣльческихъ и личныхъ правъ башкирскаго населенія края, стараясь отличить мирныхъ башкирцевъ отъ воровъ-башкиръ, чтобы чрезъ то возбудить чувство довѣрчивости къ русскимъ законамъ и русской власти. Мы видѣли, какъ энергично Неплюевъ отстаивалъ права тархановъ, право мирныхъ башкирцевъ собирать ясакъ съ принадлежащихъ имъ земель, взятыхъ подъ строеніе крѣпостей или занятыхъ русскими поселенцами края. Съ неменьшею энергіею Неплюевъ стремился и къ тому, чтобы уравнять права волостныхъ старшинъ и отвѣтственность русскихъ и башкирцевъ предъ закономъ. Запрещая вмѣшиваться въ дѣла башкиръ „постороннимъ командамъ“, онъ поручилъ ихъ вѣдомству Уфимской и Исетской провинціальныхъ канцелярій, подъ непосредственнымъ и главнымъ надзоромъ уфимскаго вице-губернатора Аксакова до преданія его суду. Мы указали также, какъ Неплюевъ заботливо относился къ башкирскимъ дѣтямъ, когда имъ угрожали холодъ и голодъ. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Неплюевъ въ своихъ отношеніяхъ къ башкирцамъ былъ крайне остороженъ. Дѣйствуя гуманно и добросовѣстно, онъ отлично сознавалъ, что этотъ

---

a) Тамъ же, стр. 164-165.
b) Уфимск. Губ. Вѣд. 1873 г., № 47-й.
c) См. выше въ наст. монографіи стр. 143.

«плюгавый и неоружейный народъ», по выраженію Кириллова [a]), развилъ въ себѣ до совершенства хитрость, находчивость, уклончивость и необыкновенную изворотливость; на эти-то внутреннія качества башкирцевъ Неплюевъ и обратилъ должное вниманіе. Отношенія къ башкирцамъ предшественниковъ Неплюева убѣдили его, что для успѣшной борьбы съ ними не достаточно однихъ укрѣпленій, а жестокое обращеніе съ башкирцами подавало только поводъ къ новымъ мятежамъ и способствовало еще большему закалу ихъ племенной ненависти къ русскимъ, обобщая интересы башкирцевъ и сплачивая ихъ въ одно опасное цѣлое, благодаря значительному вліянію на нихъ фанатиковъ изъ магометанъ. Поэтому Неплюевъ старался воздѣйствовать на башкиръ болѣе мирными средствами, которыя могли бы до извѣстной степени сблизить и ассимилировать ихъ съ русскимъ населеніемъ края. Но протягивая руку помощи разореннымъ и загнаннымъ башкирцамъ, Неплюевъ видѣлъ, что съ хитрыми необходимо было и самому хитрить; поэтому, являясь защитникомъ инородческихъ интересовъ, онъ, какъ мы видѣли [b]), подчинилъ дѣйствія башкирскихъ старшинъ контролю „русскихъ добрыхъ людей", подъ страхомъ смертной казни для послѣднихъ „за упущенія". Ни одинъ башкирецъ, какъ мы знаемъ, не могъ отлучиться изъ мѣстожительства безъ паспорта отъ волостнаго старшины или изъ провинціальной канцеляріи, если только онъ желалъ выѣхать кудалибо за предѣлы Башкиріи [c]). Составъ пограничныхъ военныхъ силъ и число крѣпостей были увеличены; надзоръ за муллами и абызами усиленъ; старшинамъ дана инструкція, подъ угрозою „истязанія" за ея неисполненіе. Сознавая, что въ отношеніи къ башкирцамъ осторожность и готовность къ подавленію возможнаго мятежа необходимы, Неплюевъ не пренебрегалъ угрозою тамъ, гдѣ оказывались не дѣйствительными увѣщанія, кротость и ласка, впрочемъ, жестокость всегда была чужда Неплюеву; напротивъ, если только было можно, онъ старался о томъ, чтобы „опредѣленные командиры и старшины поступали съ башкирцами умѣренно и справедливо, не причиняя имъ ни малѣйшихъ обидъ, какъ то прежде дѣлано было, дабы они, видя съ ними справедливые и безобидные поступки, тѣмъ отъ прежнихъ противностей воздержаны и въ спокойности утверждены были" [d]). Когда же Неплюевъ замѣчалъ нарушеніе такого требованія; то онъ не давалъ потачки виновнымъ, не взирая на ихъ званіе и *связи*, доказательствомъ чего можетъ служить процессъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ

a) См. выше стр. 152 въ наст. моногр.
b) См. выше стр. 411.
c) См. выше стр. 413.
d) Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., ч. II, стр. 157.

по службѣ вице-губернатора Аксакова, изложенный нами въ VIII главѣ настоящей монографіи. Но не мало еще предстояло трудовъ и заботъ Неплюеву впереди, по отношенію къ башкирамъ и разнымъ пришлымъ поселенцамъ на ихъ земляхъ.

Привиллегированное положеніе Башкиріи, возможность пользоваться безплатной солью, которой изобиловала эта страна, избытокъ плодородной земли и лѣсовъ, богатыхъ птицами и звѣрями, рыбныя ловли и бортевое пчеловодство,—все это издавна служило большою приманкою для русскихъ и разныхъ инородческихъ племенъ, неудержимо стремившихся въ Башкирію. Особенно часты и значительны по своему составу были переселенія инородцевъ изъ Казанской губерніи. Авторъ „*Записки*“ о башкирцахъ, представленной правительству еще въ 1730 году, между прочимъ, замѣчаетъ: „народъ сей время отъ времени непрестанно умножается и растетъ, такъ-что чрезъ 20 прошедшихъ лѣтъ не было прямыхъ башкирцевъ больше 35 тысячъ, или, по крайней мѣрѣ, 40 т., а *нынѣ съ бѣглецами стало болѣе ста тысячъ*, а именно: *казанскіе, сибирскіе и прочихъ уѣздовъ ясачные татары* большая половина въ башкиры перешли. Къ тому же и прочіе иновѣрцы: *мордва, чуваши, черемисы и вотяки цѣлыми селами и деревнями съ ясаковъ туда перешли.* И поне же за 30 лѣтъ прошедшихъ не было нигдѣ ясачныхъ русскихъ селъ, но всѣ были иновѣрцы, и развѣ изъ ста одинъ или два въ которомъ селѣ крещены, а нынѣ множество такихъ селъ, въ которыхъ уже и ни одного не сыщется иновѣрца, кромѣ самихъ русскихъ. И сіе сдѣлалось такимъ образомъ: тѣ вышеупомянутые иновѣрцы одинъ за другимъ перешли чрезъ нѣсколько лѣтъ въ башкиры, *а на ихъ мѣстахъ въ ту ясачную подать набрались и поселились бѣглые русскіе*, какъ я о томъ отъ многихъ низовыхъ помѣщиковъ единогласно слышалъ (нарочные имѣя разговоры). *А нынѣ и русскихъ не малое число отъ подушныхъ податей бѣглецовъ въ башкиры перешло*, о которыхъ, надѣюсь, отъ полковъ съ квартиръ, которыя туда близки, и въ Военной Коллегіи, можетъ быть, есть рапорты“ [a]).—Собственно инородческое населеніе Башкиріи состояло, какъ мы знаемъ, изъ *башкирцевъ*, *мещеряковъ*, т. е. первоначальныхъ всельниковъ инородческаго происхожденія, *тептярей* и *бобылей*, или изъ позднѣйшихъ пришельцевъ въ Башкирію, которые составляли какъ бы родъ крѣпостныхъ по отношенію къ башкирцамъ; что касается мещеряковъ, то нѣ-

---

[a]) Арх. Мин. И. Дѣлъ. Башкирскія дѣла за 1730 г. Здѣсь не означено имени автора „Записки“, а только помѣчено, что „Записка эта, уповательно, Волынскаго“. Ср. соч. Н. А. Ѳирсова: „Инородч. населеніе прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 228.

которые изъ нихъ владѣли землею на правахъ полной собственности, большая же часть арендовала землю у природныхъ башкирцевъ. Когда правительство, изъ политическихъ цѣлей, указомъ 11 февраля 1736 г. нарушило права земельной собственности башкирцевъ, въ пользу безземельныхъ; то число новыхъ пришельцевъ въ Башкирію быстро увеличилось: по первой ревизіи тептярей и бобылей въ Башкиріи числилось 11294 д., по второй же ревизіи ихъ оказалось 29820 д., т. е., больше противъ прежняго на 18526[a]). Стремясь на поселеніе въ Башкирію, тептяри и бобыли, безъ сомнѣнія, желали избавиться отъ подушной подати, рекрутчины и другихъ тяжелыхъ условій ихъ быта, которымъ они должны были подчиняться въ мѣстахъ прежняго своего жительства.

Стараясь возстановить спокойствіе и утвердить порядокъ въ Башкиріи, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на государственныя повинности различныхъ инородческихъ племенъ, населявшихъ этотъ край. Всѣ ясачные башкиры, которыхъ, по статистическимъ даннымъ 1745 г., оказалось 8395 дворовъ, обязаны были ежегодно платить ясакъ въ количествѣ 2054 р 78 коп., при чемъ на каждый дворъ, состоявшій обыкновенно изъ нѣсколькихъ семействъ, приходилось не болѣе 25 коп.[b]) Кромѣ того, ясачные башкиры каждое лѣто должны были наряжать на службу со всѣхъ дворовъ по 1049 чел. и давать чиновникамъ, проѣзжающимъ внутри Башкиріи, подводы по подорожнымъ безъ прогоновъ[c]). Тарханы, которыхъ считалось 1431 дворъ, ясака не платили, но каждогодно наряжали на службу по 280 чел.[d]) Мещеряковъ было 1511 дворовъ; они наравнѣ съ башкирцами должны были отправлять службу, снаряжая каждое лѣто въ полинейные форпосты по 191 чел., но за убытки и разореніе, понесенныя ими во время башкирскихъ мятежей, они были освобождены отъ ясака, арендуемыя же ими у башкиръ земли были отданы имъ въ собственность[e]). Тептярей и бобылей по переписи числилось 5655 дворовъ[f]); они еще во время первой ревизіи были записаны въ подушный окладъ, но Сенатъ, вслѣдствіе ихъ протеста, замѣнилъ въ 1722 г. подушную подать прежнимъ ясакомъ въ размѣрѣ 49 коп. съ двора, сколько бы во дворѣ душъ ни было, а именно: 40 коп. платили они за куницу (куничный сборъ), 4 коп. *подымныхъ* и 5 коп. на выкупъ плѣнныхъ (ямской сборъ); при чемъ бѣд-

---

a) П. С. З., т. XII, № 9447.
b) П. С. Зак. № 10198. Ср. Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 92. Изд. 1762 г.
c) Тамъ же.
d) Истор. Оренб. Ежем. Соч. и Перев. 1759 г., II, стр. 312.
e) Рычковъ. Топ. Оренб. губ. ч. I, стр. 103.
f) Ежемѣс. Соч. и Перев. 1759 г. Истор. Оренбургск., II, стр. 312.

ные, внося *подымныя* и *ямскія* деньги полностію, могли платить за куницу, вмѣсто 40 коп., по 20 и даже по 15 коп. со двора, такъ-что размѣръ ихъ ясака въ общей сложности не превышалъ 29 коп. и былъ не менѣе 24 коп.[a]) съ каждаго такого двора.

Тептяри и бобыли также должны были каждое лѣво наряжать къ крѣпостямъ на работы по 707 чел., но абызы и помощники ихъ освобождались отъ этой повинности[b]). Всѣ иновѣрцы пользовались безплатною солью для своего продовольствія изъ соляныхъ мѣсторожденій края. Такое привиллегированное положеніе инородцевъ Оренбургскаго края въ ряду другихъ податныхъ классовъ имперіи, безъ сомнѣнія, было не выгодно для государства въ финансовомъ отношеніи. Правительство, сознавая теперь свою силу и видя слабость протеста со стороны инородцевъ, должно было стремиться къ осуществленію его давнишняго желанія поставить башкиръ, мещеряковъ и др. инородцевъ Оренбургскаго края въ одинаковое положеніе съ приволжскими инородцами, по отношенію къ государству; для него, по справедливому замѣчанію профессора Н. А. Ѳирсова, не было никакого расчета оставлять ихъ въ исключительномъ положеніи, когда другіе податные классы платили въ казну по 1 р. 70 коп. съ души, поставляли рекрутъ и покупали соль во много разъ дороже дѣйствительной ея стоимости[c]). Чтобы пресѣчь это зло, наносившее существенный вредъ податной системѣ, правительство рѣшилось наконецъ наложить свою руку на привиллегированное положеніе инородцевъ Оренбургскаго края, поручивъ выполненіе этого дѣла Неплюеву. Какъ отнеслись къ этому стремленію правительства тептяри и бобыли, и что сдѣлалъ для осуществленія его плановъ Неплюевъ,—увидимъ изъ слѣдующей главы настоящей монографіи.

---

[a]) Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. I, стр. 183.
[b]) Ежемѣс. Соч. и Пер. 1759 г., II, стр. 312.
[c]) Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства, стр. 418.

ГЛАВА XV.

Архивный первоисточникъ къ исторіи волненія мещеряковъ, тептярей и бобылей въ Уфимской провинціи.—Причины мятежа и мѣры со стороны Неплюева къ его потушенію.—Главари недовольныхъ, поимка и наказаніе ихъ.—Нагайбаки, ихъ происхожденіе, составъ и первоначальное мѣстожительство.—Заботы Неплюева о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ Уфимской провинціи.—Отношеніе къ инородцамъ и нагайбакамъ Казанскаго епископа Гавріила 2.

„Ежели воровъ не унимать, то отъ нихъ, кромѣ вреда, пользы никогда не видать".
Неплюевъ.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Пушкинъ.

Первыя печатныя свѣдѣнія о волненіи мещеряковъ, тептярей и бобылей въ Уфимской провинціи встрѣчаются въ *„Исторіи Оренбургской"* П. И. Рычкова[a]; ими воспользовался, между прочимъ, и Н. А. Ѳирсовъ въ своей докторской диссертаціи[b]. Рычковъ, какъ увидимъ, самъ лично участвовалъ въ подавленіи мятежа среди тептярей и бобылей, а потому данныя, сообщаемыя имъ по этому дѣлу, заслуживаютъ полнаго вниманія; не смотря на то, мы убѣдились, что разсказъ Рычкова объ этомъ мятежѣ, повторенный и другими, лишенъ многихъ интересныхъ подробностей, съ которыми насъ знакомитъ: *„Дѣло о сопротивленіяхъ тептярей, мещеряковъ и черемисъ при платежѣ ясака"*. Это *„Дѣло 1748 г."*, состоящее изъ 171 листа, хранится въ Сенатскомъ архивѣ въ Спб. и значится по описи подъ № 156-мъ. По нашему мнѣнію, оно представляетъ главный *первоисточникъ* для изученія мятежа, возникшаго въ 1747 г. среди мещеряковъ, тептярей и бобылей Уфимской провинціи: въ него вошли всѣ секретныя представленія Неплюева въ Сенатъ[c] объ упомянутомъ мятежѣ, постановленія Сената, сношенія его съ разными дру-

---

[a]) Журн. Ежемѣс. Соч. и Переводы 1759 г., II, стр. 325—332.
[b]) Инородч. насел. прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизація Закамскихъ земель въ это время. Казань, 1869 г., 426—429.
[c]) Въ Петерб. Сен. Арх. хранятся только *„секретныя"* дѣла, прочіе же Сен. указы и распоряженія наход. въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ Москвѣ.

гими административными учрежденіями и два подлинные доклада Сената Императрицѣ, написанные красивымъ полууставомъ на бѣлой златообрѣзной бумагѣ. Прекраснымъ дополненіемъ къ этому *„Дѣлу“* служатъ *„Указы 1747 г.“*, хранящіеся въ Тургайскомъ обл. архивѣ, въ Оренбургѣ: подлинныя предписанія и распоряженія Сената, встрѣчающіяся въ первомъ *„Дѣлѣ“* только въ *копіяхъ*, сохранились въ послѣднемъ источникѣ. въ оригиналахъ. Воспользовавшись этими матеріалами *первостепенной важности*, мы на нихъ и будемъ опираться въ изложеніи вопроса о волненіяхъ среди мещеряковъ, тептярей и бобылей Уфимской провинціи.

Мы уже видѣли, какой большой вредъ наносило финансовой системѣ необыкновенно быстрое увеличеніе числа тептярей и бобылей въ привольной Башкиріи [a]). Попытка правительства обложить ихъ подушной податью, еще во время первой ревизіи, кончилась тѣмъ, что Сенатъ въ 1722 г. самъ же замѣнилъ подушную подать прежнимъ ясакомъ. Впослѣдствіи бригадиръ Вардукевичъ снова возбудилъ этотъ вопросъ: онъ представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе о замѣнѣ ясака подушнымъ окладомъ съ наличнаго числа тептярей и бобылей. Сенатъ пожелалъ знать, относительно этого вопроса, мнѣніе Неплюева, и въ іюнѣ 1745 г. спрашивалъ его: слѣдуетъ-ли тептярей и бобылей записать въ подушный окладъ, наравнѣ съ иновѣрцами другихъ губерній, „или, по ихъ состоянію, иной какой платежъ опредѣлить“. —Обсудивъ предложеніе Сената, при содѣйствіи уфимскаго воеводы Люткина и др. свѣдущихъ лицъ, Неплюевъ донесъ Сенату, что онъ находитъ полезнымъ обложить всѣхъ тептярей и бобылей податью по 80 коп. съ души въ годъ; но при этомъ просилъ Сенатъ о сложеніи накопившейся за ними недоимки за прежніе годы въ количествѣ 33765 руб. $25^{1}/_{2}$ коп. Что касается рекрутской повинности между тептярями и бобылями; то Неплюевъ призналъ введеніе ея неудобнымъ, а вмѣсто нея предложилъ наряжать изъ нихъ въ Оренбургъ и полинейныя крѣпости на работы по одному человѣку съ каждыхъ пяти дворовъ. Кромѣ того, Неплюевъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ объ освобожденіи тептярей и бобылей „отъ подтвержденія башкирскаго и оброковъ“, а также и о томъ, чтобы *«тѣ земли, на которыхъ они жили, имъ отданы были въ свойство»* [b]), т. е., Неплюевъ желалъ полной независимости тептярей и бобылей отъ башкиръ-землевладѣльцевъ, которымъ они дотолѣ платили земельный оброкъ и которые, по свидѣтельству Рычкова, тептярей и бобылей

---

a) См. стр. 422—423 въ наст. монографіи.
b) Сен. Арх., Дѣло 1748 г., № 156, лист. 1, 2, 3 и дал.

„почти за своихъ крестьянъ почитали“ [a]. Сенатъ 11 мая 1747 года утвердилъ мнѣніе Неплюева, поручивъ ему произвести и новый 80 коп. подушный сборъ съ тептярей и бобылей.

Неплюевъ, получивъ сенатскій указъ, тотчасъ же предписалъ Уфимской провинціальной канцеляріи: объявить тептярямъ и бобылямъ, а также служилымъ мещерякамъ и татарамъ о новоположенной 80 коп. подати, посредствомъ особыхъ указовъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ, и отправить ихъ ко всѣмъ старшинамъ „въ самой крайней скорости съ надежными людьми и съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобы оные во всей Башкиріи на одной недѣлѣ получены быть могли“. Старшины и сотники были обязаны подпиской стараться усердно объ исправномъ сборѣ положенной подати за первую половину года и, вмѣстѣ съ подушными деньгами, представить статистическія данныя о числѣ тептярскихъ и бобыльскихъ душъ, а также и о количествѣ татарскихъ и мещеряцкихъ дворовъ по волостямъ или деревнямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ желалъ, чтобы лица, командированныя для объявленія тептярямъ и бобылямъ указа о новой подати, „прилежно и подъ рукой наблюдали, какіе будутъ происходить между ними толки и сужденія, по поводу новой подати; въ случаѣ какой-либо опасности или склонности къ мятежу, они обязывались немедленно донести о томъ Уфимской пров. канцеляріи, которая въ свою очередь тотчасъ же должна была извѣстить о томъ Оренбургскую губ. канцелярію. Для наблюденія за сборомъ податей и объявленія указа, по распоряженію Неплюева, Уфимская канцелярія командировала шестнадцать чел. изъ офицеровъ. Когда начали требовать съ тептярей и бобылей новоположенный ясакъ, то многіе отказались платить его, ссылаясь на то, что сборщики явились къ нимъ по распоряженію мѣстнаго начальства „*и прибыльщиковъ*“, а не по волѣ Государыни. Отставной вахмистръ Иванъ Моисеевъ, командированный для наблюденія за сборомъ податей на Сибирскую дорогу, 16 іюля 1747 года донесъ Уфимской канцеляріи, что когда онъ прибылъ въ деревню Мелегесь, находившуюся въ вѣдомствѣ старшины Сююша Абзякова, и объявилъ указъ о новоположенной подати; толпа, состоявшая изъ ста человѣкъ черемисъ, чувашъ и татаръ, бросилась на него съ угрозой побоевъ. Моисеевъ и находившіеся при немъ сотникъ Бахметевъ, писарь Рахмангулъ Ембердинъ и казакъ Михаилъ Порошинъ заперлись въ одной „лачугѣ“. Озлобленная толпа разбила „рычажьемъ“ дверь лачуги, ворвалась въ нее и вытащила Бахметева и Ембер-

---

[a]) Ежемѣс. Соч. и Пер. 1759 г., II, стр. 323 и 324.

дина, при чемъ и Порошинъ былъ зашибленъ рычагомъ въ правую руку, Бахметевъ же и Енбердинъ были безпощадно избиты плетьми; затѣмъ Бахметева связали и отдали подъ караулъ, а Енбердинъ, собравшись съ силами, какъ-то вырвался и убѣжалъ къ старшинѣ Сююшу въ деревню Тлышеву. Между тѣмъ, какъ происходило это побоище, вахмистръ Моисеевъ успѣлъ сообщить о случившемся старшинѣ Сююшу Абзякову, который тотчасъ же прискакалъ въ Мелегесь; но толпа собравшихся тептярей избила его „дубьемъ и плетьми" до полусмерти; Сююшъ „лишился языка", былъ связанъ и отданъ подъ караулъ, а вахмистру Моисееву сказали, чтобы онъ ѣхалъ въ Уфу и объявилъ полковнику Люткину, что они новаго ясака платить не будутъ, если же Моисеевъ явится къ нимъ вторично съ тѣмъ же предложеніемъ, то они убьютъ его. Главными подстрекателями и руководителями мятежниковъ на этомъ сборищѣ оказались слѣдующія лица: татарскій выборный изъ деревни Немичляровой Сиалѣ, мурза Карабашевъ изъ деревни Мелегесь, Мендіяръ Ураковъ[a] изъ деревни Бедюевой, Урезеевъ пасынокъ, черемисы изъ деревни Обдеевой Кинзябай Ильберисовъ, Ишпертъ Телебаевъ; изъ деревни Шидь черемисинъ Кунакбай Екрежъ, изъ деревни Енасѣевой чувашскій выборный Черебай Катикѣевъ, чуваш. Батырша[b], изъ деревни Багальдиной Черебабиковъ и Акзгигитъ[c]. Вахмистръ Моисеевъ выѣхалъ изъ деревни Мелегесь въ Уфу, въ сопровожденіи татарина Уразмета Улекѣова.

Въ то время какъ произошло волненіе среди тептярей и бобылей Сибирской дороги, въ деревнѣ Тагаевой на Осинской дорогѣ, близъ деревни Вураевой, собралось болѣе 300 чел. тептярей и бобылей, которые положили черезъ пять или шесть дней съѣхаться близъ Уфы на рѣчкѣ Чесноковкѣ, служившей издавна мѣстомъ сборищъ для бунтовщиковъ, во время башкирскихъ бунтовъ; тептяри хотѣли привести сюда связанными старшину Сююша и сотника Бахметева и просить объ отпускѣ ихъ выборныхъ въ Петербургъ къ Государынѣ съ челобитьемъ. Между тѣмъ дворянинъ Иванъ Пекарскій, посланный „для понужденія сбора" новоположенной подати на Осинскую дорогу, прислалъ съ нарочнымъ солдатомъ въ Уфимскую канцелярію рапортъ, въ которомъ сообщалъ, что когда онъ явился „въ команду тептярскаго старшины Кирметя Иделева; то тептяри и бобыли его команды ухватили въ кругъ и били сотника Айгильда, заявляя, что

---

[a]) Родной братъ переводчика Уракова, находившагося въ это время въ Петербургѣ съ Аксаковымъ. Ср. выше стр. 210.

[b]) Изъ деревни Укарлиной, братъ Уракова.

[c]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, л. 16, 17 и 18. Копіи съ рапортовъ въ Уфимск провинц. канцелярію Моисеева и писаря Рахмангула Енбердина.

они новоположеннаго ясака платить не желаютъ[a]). Исправлявшій должность уфимскаго воеводы полковникъ Люткинъ, донося Неплюеву о начавшемся мятежѣ среди тептярей, между прочимъ, замѣчаетъ, что если придется усмирять бунтовщиковъ силою, то необходимо будетъ умножить въ Уфѣ драгунъ и казаковъ. Неплюевъ получилъ рапортъ Люткина 20 іюля и въ тотъ же день созвалъ, по его выраженію, *„военный консиліумъ"*, на который были приглашены: генералъ-маіоръ Георгій фонъ-Штокманъ, полковникъ Василій Пальчиковъ, подполковники: Зосимъ Кудрявцевъ и Михаилъ Исаковъ и премьеръ-маіоръ Семенъ Кублицкій. Военный Совѣтъ, по всестороннемъ обсужденіи дѣла, постановилъ отправить къ тептярямъ и бобылямъ маіора Кублицкаго, какъ человѣка, хорошо изучившаго бытъ и знавшаго языкъ инородцевъ, чтобы онъ на мѣстѣ разузналъ причины начавшагося волненія и разъяснилъ мятежникамъ, что новый ясакъ велѣно собирать *„для уравненія"* по высочайшей волѣ, а не по распоряженію губернатора. Уфимской канцеляріи было предписано: „окольнымъ башкирскимъ и мещерякскимъ старшинамъ и ихъ народу указами объявить, чтобъ они такихъ бездѣльниковъ усмирили и ни до какихъ противностей не допустили и заводчиковъ-бы, переловя, въ Уфу отослали и все-бъ то ихъ злоумышленіе успокоили"; въ крайнемъ же случаѣ положено было обратиться къ силѣ оружія. Тогда же было постановлено написать подполковнику Бахметеву, находившемуся съ командою на пограничной линіи съ Сибирью, „не объявя сего дѣла, но подъ другимъ претекстомъ", чтобы онъ приготовилъ полкъ драгунъ, собралъ мещеряковъ съ полинейныхъ форпостовъ и содержалъ ихъ на готовѣ въ крѣпостяхъ Уйской и Углыкарагайской[b]).

На другой день послѣ этого совѣщанія, Неплюевъ получилъ новый рапортъ изъ Уфимской канцеляріи о томъ, что тептяри и бобыли 18 іюля прислали къ Люткину письмо на татарскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Милостивому Господину полковнику Люткину желаемъ здравствовать всѣ Сибирской дороги команды старшины Сююша Абзякова подлые и подданные Ея Императорскаго Величества рабы. Мы сначала построенія дубоваго города платимъ бобыльный ясакъ и всякія Ея Императорскаго Величества службы исправлять, хотя бы въ полонъ случилось, тако же прежній нашъ ясакъ платить и подводы гонять готовы, а сего на-

---

[a]) Тамъ же, л. 18 на оборотѣ. Рапортъ Пекарскаго полученъ въ Уфимск. канцеляріи безъ подписи.
[b]) Тамъ же, л. 19—25.

кладнаго подушнаго оклада платить не склоняемся; васъ господина полковника, яко указы Ея Императорскаго Величества знающаго, просимъ дать намъ паспортъ объ отъѣздѣ со всѣхъ четырехъ дорогъ народу до Ея Императорскаго Величества" [a].

Приложивъ при рапортѣ это письмо подлинникомъ, Люткинъ доносилъ, что недовольные, въ числѣ 300 чел., собрались въ деревнѣ Мелегесь, но „о другихъ никакихъ противностяхъ отъ нихъ не слышно" [b].

По прочтеніи рапорта Люткина, Неплюевъ тотчасъ же снова созвалъ „*военный консиліумъ*", на который были приглашены тѣ же лица, что и въ первый разъ, кромѣ маіора Кублицкаго, выѣхавшаго наканунѣ, согласно распоряженію Военнаго Совѣта, въ Уфу. „*Военный консиліумъ*" на этотъ разъ постановилъ командировать въ Уфу генерала фонъ-Штокмана съ военнымъ отрядомъ, скомплектованнымъ изъ находившихся въ Оренбургѣ армейскихъ полковъ: Троицкаго, Ревельскаго и Пензенскаго, и нерегулярныхъ людей: крещеныхъ калмыковъ, башкиръ и мещеряковъ; всего въ отрядѣ было 1749 челов., въ томъ числѣ 1514 чел. рядовыхъ и 21 чел. разныхъ чиновъ регулярной команды и 214 чел. нерегулярныхъ людей [c]. Спустя два дня послѣ этого, фонъ-Штокманъ выступилъ изъ Оренбурга съ отрядомъ въ Уфу, а Лютину было предписано отправить въ деревню Мелегесь находившагося при немъ переводчика Шафея Янайдарова, чтобы онъ объявилъ собравшимся въ упомянутой деревнѣ тептярямъ высочайшій указъ о новоположенномъ ясакѣ и приказалъ разойтись всѣмъ по домамъ. Въ то же время маіоръ Кублицкій, собравъ команду изъ башкиръ и мещеряковъ, долженъ былъ идти къ мѣсту сборища тептярей и, окруживъ ихъ, захватить главныхъ зачинщиковъ и отправить пойманныхъ въ Уфу. Люткинъ, по распоряженію Неплюева, также долженъ былъ послать въ разныя мѣста Башкиріи особыхъ агентовъ, которые бы старались разузнать о настроеніи умовъ башкирцевъ; „въ какихъ мнѣніяхъ башкирскій народъ находится и нѣтъ-ли у него согласія съ тѣми тептярями и бобылями" [d]. Фонъ-Штокманъ, согласно постановленію Военнаго Совѣта, долженъ былъ идти съ своимъ отрядомъ въ Уфу, въ случаѣ же надобности и—далѣе. Въ ордерѣ, полученномъ имъ отъ Неплюева, было сказано,

---

[a]) Тамъ же, л. 26 на оборотѣ.
[b]) Тамъ же, л. 26.
[c]) Въ числѣ 214 ч. нерегулярной команды было 184 чел. крещен. калмыковъ, остальное число состояло изъ башкиръ и мещеряковъ. См. вѣдомость въ томъ же дѣлѣ Сен. Арх., № 156, л. 39. Въ соч. Н. А. Ѳирсова число отряда фонъ-Штокмана показано невѣрно въ 2000 ч. См. Инор. насел. прежняго Каз. царства, стр. 427.
[d]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, л. 89. Докладъ Сената Государынѣ.

чтобы онъ старался воздѣйствовать на мятежниковъ увѣщаніями и угрозами, и только въ крайнемъ случаѣ ему позволялось обратиться къ силѣ оружія, но съ тѣмъ, чтобы тептярямъ и бобылямъ команды его люди ни малѣйшихъ обидъ не чинили, развѣ самое необходимое, когда уже съ противниками сраженіе случится; но и въ томъ случаѣ *„женамъ и дѣтямъ, также и домамъ ихъ нападокъ и разоренія чинить не допущать“* [a]. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ, Уфимская канцелярія была уполномочена выдавать фонъ-Штокману изъ суммъ на чрезвычайные расходы, а „для лучшаго въ томъ дѣлѣ споспѣшества и наипаче развѣдыванія въ Башкиріи мнѣнія того народа“, ко всѣмъ тептярскимъ старшинамъ и къ самимъ тептярямъ и бобылямъ, по распоряженію Неплюева, посланы были отъ Оренбургской канцеляріи универсалы о сложеніи съ тептярей и бобылей *„многотысячной доимки“* и о замѣнѣ прежняго ясака новою податью по 80 коп.; въ универсалахъ было указано на возмущеніе тептярей въ деревнѣ Мелегесь и о командированіи въ Уфу войска, подъ начальствомъ генерала фонъ-Штокмана [b]. Заботясь о военныхъ и стратегическихъ предосторожностяхъ, Неплюевъ, какъ опытный администраторъ, не забылъ и того, что въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ ясное, толковое и обстоятельное изложеніе хода событій на бумагѣ и быстрота приготовленія нужныхъ бумагъ имѣютъ весьма важное значеніе; почему онъ назначилъ въ Уфу, въ помощь Люткину, для занятій въ Уфимской канцеріи совѣтника П. И. Рычкова, на Осинскую дорогу—подполковника ландмилицскаго полка Михаила Исакова, состоявшаго до того въ штатѣ Оренбургской канцеляріи, а на его мѣсто—полковника Василья Пальчикова; на помощь къ Исетскому воеводѣ былъ командированъ поручикъ Пензенскаго полка Бигюльдѣевъ. Подполковникъ Бахметевъ, по распоряженію Неплюева, долженъ былъ поселиться въ Верхне-яицкой крѣпости съ цѣлію лучшаго наблюденія за Уйской линіей съ Сибирской стороны. Въ случаѣ, если бы волненіе тептярей и бобылей усилилось, Неплюевъ предполагалъ двинуть въ Башкирію еще 1500 Яицкихъ казаковъ и Московскій армейскій драгунскій полкъ, находившійся близъ Яицкаго городка для предосторожности отъ калмыковъ. Доношеніе о своихъ распоряженіяхъ, изложенное на четыр-

---

[a] Тамъ же, л 8 на оборотѣ. Самый ордеръ фонъ-Штокману см. тамъ же на лист. 31—32.

[b] См. тамъ же (л. 34—36): „Указъ 26 іюля 1747 г. старшинѣ Ждану Токбаеву, сотникамъ и всѣмъ мірскимъ людямъ Осинской дороги“; и отъ того же числа: „Указъ Уфимскаго уѣзда Казанской дороги, Енейской волости башкирскому старшинѣ Айдару Уразметеву, имѣющему въ вѣдомствѣ своемъ тептярей и бобылей, и всѣмъ тептярямъ и бобылямъ, сотникамъ и мірскимъ людямъ“. Подъ указами подписались: Ив. Неплюевъ, Михаилъ Исаковъ, Петръ Рычковъ, секретарь Ив. Коптяжевъ и подканцеляристъ Ив. Портнягинъ.

надцати листахъ[a]), Неплюевъ отправилъ въ Сенатъ, съ пріобщеніемъ копій со всѣхъ нужныхъ бумагъ[b]), 31 іюля 1747 г. съ вахмистромъ Троицкаго полка Мехельсономъ, приказавъ ему строго содержать *все въ секретѣ*. Въ заключеніе своего доношенія Неплюевъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „покуда дѣло не пришло въ извѣстность", онъ „никуда и никому о томъ же писалъ и не доносилъ".

Сенатъ заслушалъ мнѣніе Неплюева 13 августа того же года и, разсмотрѣвъ всѣ приложенія къ нему, утвердилъ его; но при этомъ „призналъ за неприличное" для генерала фонъ-Штокмана, по его рангу, командовать такимъ незначительнымъ отрядомъ и находилъ, что лучше поручить команду надъ отрядомъ полковнику Люткину или кому-либо изъ „надежныхъ штабъ-офицеровъ", а фонъ-Штокману—возвратиться въ Оренбургъ но фонъ-Штокманъ уже выступилъ въ походъ. На другой же день, т. е. 14 августа, Мехельсонъ въ 10 ч. вечера получилъ указы Сената Неплюеву и въ Казанскую губернскую канцелярію, а также и прогонныя деньги въ количествѣ 21 р. 82 коп., и немедленно отправился въ обратный путь. Между тѣмъ Люткинъ донесъ Неплюеву, что переводчикъ Янайдаровъ, котораго онъ посылалъ для увѣщанія бунтовщиковъ въ деревню Мелегесь, возвратился и сообщилъ слѣдующее: когда онъ, Янайдаровъ, пріѣхалъ въ деревню, то сборища уже не было, и жители Мелегеся „въ томъ своемъ поступкѣ чувствительно признались, токмо говорили, что они къ платежу новаго ясака въ рублевой монетѣ и въ мѣдныхъ деньгахъ неисправны, а мелкія-де серебрянныя деньги у себя всякъ имѣетъ, и спрашивали его, не можно-ли съ тѣми мелкими деньгами къ платежу новаго ясака съ нимъ вмѣстѣ въ Уфу ѣхать"[c]). Янайдаровъ также сообщилъ, что въ Мелегесь явились съ Осинской дороги 10 чел. иновѣрцевъ изъ тептярей и бобылей, которые объявили, что *на Осинской дорогѣ собралось до 700 чел. тептярей и бобылей* съ намѣреніемъ ѣхать къ Уфѣ на рѣчку Чесноковку, куда они приглашали и другихъ; когда же Янайдаровъ прочиталъ собравшимся указъ о новой подати; то они „съ великимъ крикомъ, бивъ себя руками всякій въ голову, отзывались, что не слушаютъ и новаго ясака платить никогда не будутъ, въ чемъ умереть готовы, понеже де то дѣлаютъ прибыльщики"[d]).—Относительно старшины Сюша

---

[a]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, л. 1—14.

[b]) Рапорты Уф. пров. канцеляріи, Моисеева, Пекарскаго, журналы Военнаго Совѣта, универсалы старшинамъ, инструкція маіору Кублицкому, ордеръ генералу фонъ-Штокману и другіе. Приложенія составляютъ всего 37 листовъ. См. л. 15—52 въ упом. „Дѣлѣ" Сен. Арх. за № 156.

[c]) Тамъ же, л. 42—45.

[d]) Тамъ же.

Абзякова тептяри заявили, что они „били его не за то, что въ платежѣ новаго ясака подписался, а за прежнія ссоры, а кто билъ сотника и писаря, про то онъ (Янайдаровъ) подлинно провѣдать не могъ“.

Не смотря на то, что нѣкоторые изъ тептярей и бобылей стали являться въ Уфу для платежа новаго ясака, Люткинъ отправилъ на Осинскую дорогу маіора Кублицкаго „для разрыву и успокоенія ихъ и приведенія въ послушаніе“. Что касается платежа ясака мелкими серебряными деньгами, то Сенатъ опредѣлилъ: „у тептярей и бобылей оныя серебряныя деньги нынѣ въ платежъ ясака принимать для того, чтобъ чрезъ то ихъ отъ показанныхъ противностей воздержать и успокоить, ктому ежели тѣхъ серебряныхъ денегъ въ платежъ ясака у нихъ не принимать; то тѣ деньги и вовсе въ рукахъ ихъ остаться могутъ, отчего казнѣ убытокъ послѣдуетъ“[a]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ писалъ Неплюеву, чтобы онъ не только не препятствовалъ, а напротивъ самъ старался-бы склонять тептярей и бобылей къ выбору и отправленію челобитчиковъ въ Петербургъ къ Государынѣ, объявивъ при томъ, что онъ и самъ напишетъ о томъ, куда слѣдуетъ; „чего ради (говорится въ указѣ), по отправленіи ихъ сюда, и правежемъ съ нихъ того новоположеннаго ясака до указа удержаться, токмо при всемъ томъ *крайне наблюдать, чтобы жестокихъ съ ними поступковъ и воинскихъ дѣйствій* до будущаго усмотрѣнія *чинено не было, дабы* по нынѣшнимъ коньюктурамъ (обстоятельствамъ) чрезъ то *не подать причины какъ башкирцамъ, такъ и киргизцамъ, яко ихъ ближнимъ сосѣдямъ, къ противнымъ поступкамъ*“[b]. Въ случаѣ же упорства тептярей и бобылей, Сенатъ разрѣшилъ дѣйствовать и оружіемъ, *при содѣйствіи башкиръ и мещеряковъ*. Между тѣмъ волненіе разросталось: 10 августа Неплюевъ доносилъ Сенату, что какъ на Сибирской дорогѣ въ Сююшевомъ вѣдомствѣ, такъ и на Осинской дорогѣ въ одной знатной волости, въ которой по переписи числилось до 5000 душъ изъ татаръ, черемисъ, чувашъ и вотяковъ, а также и на Казанской дорогѣ, въ вѣдомствѣ мещерядкаго старшины Сюлеймана Деваева, мещеряки „учинили сборище и оказались противными“, при чемъ одинъ „*плутъ*“, желая возмутить весь народъ, „разсѣевалъ такіе плевелы“, что съ каждой дороги будетъ взято по 1000 лошадей, по 80 молодыхъ людей, по 80 дѣвокъ и, кромѣ того, съ нихъ же будутъ сбирать и провіантъ крупой и солью. Многіе тептяри и бобыли, не обнаруживая покуда

---

[a]) Тамъ же, листъ 91 и дал.
[b]) Тамъ же, лист. 92 на обор. Докладъ Сената Государынѣ.

открытаго протеста, не платили новоположеннаго ясака подъ разными благовидными отговорками, выжидая, какъ поступятъ съ противниками. Башкиры же и мещеряки, за исключеніемъ мещеряковъ Сюлейманова вѣдомства, не только не принимали участія въ волненіи тептярей и бобылей; а напротивъ изъявили готовность идти съ маіоромъ Кублицкимъ на Осинскую дорогу, для усмиренія бунтовщиковъ и поимки ихъ: мещеряцкіе старшины: Янышъ, Салихъ, Аитъ и Сулейманъ[a]) и башкирскіе: Ахмеръ, Якупъ, Шарыпъ, Бакей, Азегулъ и Мясягутъ собрали отрядъ въ 550 человѣкъ и, подъ командою маіора Кублицкаго, отправились въ походъ[b]). Движеніе почти двухтысячнаго отряда, подъ начальствомъ Штокмана, къ Уфѣ подѣйствовало на тептярей и бобылей: многіе изъ нихъ стали являться въ Уфу для платежа новоположенной подати, а когда Кублицкій прибылъ съ своею командою въ Бирскъ, то и мещеряки, обнаружившіе было протестъ, явились къ нему съ повинной и просили принять отъ нихъ подать, что онъ и сдѣлалъ. Тептяри и бобыли, жившіе на Осинской дорогѣ, также изъявили готовность платить новый подушный налогъ, лишь только увидѣли отрядъ Кублицкаго; впрочемъ были и такіе, которые продолжали упорствовать: въ одной черемисской деревнѣ собралось до 400 вооруженныхъ мятежниковъ.—Кублицкій направился туда и прежде, чѣмъ дѣйствовать оружіемъ, три раза посылалъ къ бунтовщикамъ съ предложеніемъ разойтись и уплатить ясакъ. Бунтовщики не слушались и отвѣчали, что они новаго ясака платить не будутъ, хотя бы имъ пришлось за то и умереть. Тогда Кублицкій двинулъ на нихъ отрядъ; бунтовщики сдѣлали выстрѣлъ, но убили въ отрядѣ Кублицкаго только одну лошадь и обратились въ бѣгство. Кублицкій приказалъ ихъ ловить; человѣкъ сто было поймано, а остальные бросились въ луга за рѣку Танынъ, при чемъ ихъ было побито и потоплено въ той рѣкѣ до 70 чел. Послѣ этого, многіе стали приходить къ Кублицкому добровольно и сами называли своихъ возмутителей. Изъ пойманныхъ тептярей 20 чел. Кублицкій отправилъ подъ конвоемъ въ Уфимскую канцелярію, а остальныхъ, по ихъ просьбѣ, отпустилъ въ домы; новоположенная подать съ этой волости была собрана вся. Но въ Уфѣ остались недовольны этимъ дѣломъ, находя, что Кублицкій произвелъ рѣзню, вопреки губернаторской инструкціи, безъ крайней надобности,—и потому на Осин-

---

[a]) Неплюевъ называетъ Сулеймана Деваева *„добрымъ человѣкомъ“* и замѣчаетъ, что волненіе мещеряковъ произошло во время его отсутствія, когда онъ находился въ отрядѣ фонъ-Штокмана, командированномъ изъ Оренбурга въ Уфу. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Сулейманъ Деваевъ доказалъ свою преданность правительству поимкою злѣйшаго врага русскихъ и возмутителя башкиръ въ 1755 г. Батырши Алѣева.

[b]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, л. 68 и 69.

скую дорогу былъ командированъ маіоръ Исаковъ, въ команду котораго долженъ былъ поступить и Кублицкій. Но вскорѣ оказалось, что новому командиру нечего уже было тамъ дѣлать: тептяри и бобыли, прежде его прибытія, изъявили готовность платить новый 80 коп. налогъ, почему Исаковъ скоро былъ отозванъ къ другимъ дѣламъ. Тептяри и бобыли Сююшевой волости также раскаялись и обѣщались вскорѣ явиться въ Уфу для уплаты подати. По 6 число августа 1747 г. было въ сборѣ за первое полугодіе уже болѣе половины податей, а именно: 6875 руб. 80 коп., но тептяри и бобыли и послѣ этого продолжали являться въ Уфу для платежа новой подати. Донося объ усмиреніи мятежниковъ Сенату, Неплюевъ замѣчаетъ: „уповаю, что Божіимъ милосердіемъ то дѣло окончилось".—Теперь оставалось только произвести розыскъ надъ зачинщиками мятежа. Фонъ-Штокманъ долженъ былъ „прибрать къ рукамъ" главныхъ подстрекателей къ бунту, а пойманныхъ и присланныхъ отъ Кублицкаго велѣно было „со страхомъ распросить, такожъ и съ прочими чинить, какъ пойманы будутъ, не для того, чтобы чрезъ нихъ слѣдовать и другихъ забирать, а дабы изъ нихъ вывѣдывать, въ какомъ намѣреніи и съ какой надеждой они на такую противность поступили, чтобъ потому можно было впредь къ предосторожности мѣры брать, ибо, по моему слабому мнѣнію",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„слѣдовать того дѣла и мнѣ въ Уфу нынѣшнею осенью или зимою ѣхать несходно (развѣ какая крайняя нужда позоветъ), дабы тѣмъ ихъ въ отчаяніе и паки на противности не привесть, но нынѣ того довольно, дабы ихъ въ совершенномъ послушаніи установить и въ платежѣ того ясака порядочный сборъ учредить, а именно на первую половину въ іюлѣ, а на другую въ генварѣ мѣсяцахъ, яко первая работная, а другая средизимняя, а потому оныя къ шатостямъ ихъ несходны, а намъ къ движенію способны.[a]"—Прося Сенатъ о награжденіи маіора Кублицкаго и бывшихъ съ нимъ мещерякскихъ и башкирскихъ старшинъ хотя бы недорогими саблями, Неплюевъ говоритъ, что, въ видахъ предосторожности, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы фонъ-Штокманъ, совмѣстно съ штабъ-офицерами, обсудилъ, могутъ-ли быть поставлены на винтеръ-квартиры въ Башкиріи оба армейскіе полка Троицкій и Ревельскій; если же это окажется невозможнымъ, то, по мнѣнію Неплюева, необходимо хотя одинъ полкъ расположить на зимнее время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сборища и волненія тептярей и бобылей, а другой полкъ размѣстить въ Казанскомъ уѣздѣ, начиная отъ Мензелинска до Кичуйскаго фельд-

---

a) Тамъ же, л. 69 на обор.

шанца, подлѣ старой Закамской линіи, Московскій же полкъ, расположенный ниже Яицкаго городка для предосторожности отъ калмыковъ, перевести въ Ставропольскій уѣздъ, а въ Уфимскую провинцію передвинуть изъ Оренбурга еще Казанскій драгунскій полкъ. Представляя свое мнѣніе въ Сенатъ, Неплюевъ говоритъ: „паки нижайше прошу о семъ расположеніи какъ государственной Военной коллегіи, а паче главной Провіантской канцеляріи указами опредѣлить, дабы я къ содержанію оныхъ командъ на покупку провіанта и фуража дѣйствительною присылкою денегъ былъ не оставленъ, яко безъ того народъ разореніе понесетъ, а въ Уфимской провинціи, по незапасности тѣхъ людей, и исправиться едва возможно-ль да при нынѣшнихъ обстоятельствахъ было-бъ то и несходно, чего ради я принужденъ опредѣлить тамо нынѣ запасать провіанта и фуража изъ наличныхъ денегъ какъ сего новоположеннаго ясака, такъ и изъ другихъ суммъ насчетъ будущей впредь присылки провіантскихъ денегъ [a]". Приэтомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что, если Провіантская канцелярія замедлитъ высылкою денегъ, Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки останутся вовсе безъ жалованья, „подобно тому, какъ нынѣ (говоритъ онъ) за неприсылкою изъ Казанской губерніи додаточныхъ по остзейскому окладу *вся здѣшняя команда ничего еще не получала*, хотя канцеляріи той губерніи отъ Правительствующаго Сената указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно оныя отпустить изъ перваго сбору; но она, будучи въ тѣхъ додаточныхъ *должна болѣе семидесяти тысячъ*, отпустила только 782 р. [b]".

Неплюевъ отправилъ это доношеніе съ вахмистромъ Михаиломъ Полстоваловымъ. Изъ помѣтки на доношеніи видно, что оно было получено въ Сенатѣ 22 августа, 24—заслушано, а 28 августа Сенатъ постановилъ утвердить мнѣніе Неплюева и, согласно его ходатайству, наградить всѣхъ башкирскихъ и мещерятскихъ старшинъ, бывшихъ въ отрядѣ Кублицкаго, саблями, приказавъ „тѣ девять саблей купить въ Москвѣ отъ Сенатской конторы цѣною каждую отъ осми до десяти рублей изъ доходовъ Штатсъ-конторы, неположенныхъ въ штатъ, и отправить оныя въ Оренбургъ къ тайному совѣтнику Неплюеву съ вахмистромъ Полстоваловымъ [c]".—Получивъ запечатанными сенатскіе указы Неплюеву и 21 р. 82 коп. прогон. денегъ на двѣ лошади, Полстоваловъ выѣхалъ въ Москву [d]. Между тѣмъ сабель въ лавкахъ „*сайдашнаго*" ряда не оказалось;

---

[a]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., за № 156, л. 71.
[b]) Тамъ же, л. 71 на оборотѣ.
[c]) Тамъ же.
[d]) Тамъ же, лл. 84, 80 и 100.

почему Московская Сенатская контора просила дать ей мѣсяцъ сроку, для прінсканія сабель „на домахъ“ или въ частныхъ рукахъ. Покуда розыскивались сабли и шла по этому поводу переписка между разными учрежденіями [a]), Неплюевъ принужденъ былъ измѣнить нѣсколько свой планъ, относительно расположенія полковъ въ Уфимской провинціи: 30-го сентября 1747 г. онъ рапортовалъ Сенату, что „въ Уфимскомъ уѣздѣ великіе и чрезвычайно долговременно стояли дожди, отчего и въ собраніи хлѣба стоячаго въ поляхъ и въ сѣнокосѣ конечное препятствіе было, и затѣмъ онымъ хлѣбамъ и сѣну поврежденіе произошло [b])“.—Въ виду этого, Неплюевъ спрашивалъ мнѣнія Уфимской канцеляріи: „возможно-ль положить надежду, чтобы оный Ревельскій полкъ въ тѣхъ мѣстахъ провіантомъ, а особливо фуражемъ безъ недостатка, а обывателямъ безъ изнуренія чрезъ зиму продержать [c])“.—Въ случаѣ, еслибы пришлось за недостаткомъ провіанта и фуража вывести Ревельскій полкъ изъ Башкиріи въ другое мѣсто, Уфимская канцелярія должна была дать категорическій отвѣтъ на то, можно-ли будетъ гарантировать спокойствіе въ Уфимской провинціи однимъ Казанскимъ горнизоннымъ полкомъ. Уфимская канцелярія отвѣтила, что, по случаю „конечнаго и немалаго поврежденія въ хлѣбѣ, а паче въ сѣнѣ, тотъ (Ревельскій) полкъ провіантомъ и фуражемъ чрезъ зиму удовольствовать ненадежно“, и что „къ содержанію въ тѣхъ мѣстахъ безопасности“ достаточно „одного Казанскаго гарнизоннаго драгунскаго полка и другихъ имѣющихся въ той провинціи военныхъ людей [d])“. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ, согласно указу Военной коллегіи, распорядился, чтобы Московскій полкъ былъ расположенъ на винтеръ-квартиры между Симбирскомъ и Ставрополемъ по правому берегу Волги, а Ревельскій и Троицкій полки—на луговой сторонѣ р. Камы, въ Казанскомъ, Симбирскомъ и Самарскомъ уѣздахъ, близъ Закамской линіи. Донося объ этомъ въ Сенатъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „изъ того переводу изнуренія имъ (полкамъ) не будетъ, яко обоимъ перейтить недалеко, а именно: одному только черезъ Волгу, а и другому не болѣе двусотъ верстъ, а ктому же нынѣ здѣсь и погода благополучная стоитъ, о чемъ отъ меня въ ровной силѣ и въ Государственную Военную коллегію репортовано [e])“.—

---

[a]) См. тамъ же: „Вѣдѣніе“ Сената въ Московск. Сенатскую контору (л. 80) и въ Штатсъ-контору (л. 81), рапорты Штатсъ-конторы (лл. 98, 100 и 102) въ Сенатъ и „Вѣдѣніе“ Сенату той же конторы (л. 103—104); рапорты Неплюева въ Сенатъ (лл. 108 и 109).

[b]) Тамъ же, л. 106 на обор.

[c]) Тамъ же.

[d]) Тамъ же, л. 107.

[e]) Тамъ же, л. 107 на оборотѣ.

13 января 1748 г. Неплюевъ получилъ изъ Московской Сенатской конторы сабли для награжденія ими старшинъ, присланныя съ солдатомъ Сенатской роты Өедоромъ Копыловымъ; сабли имѣли мѣдную оправу съ серебряной полудой[a]. Изъ доношенія Неплюева въ Сенатъ, отъ 26 февраля 1748 г., видно, что онъ чрезъ Уфимскую канцелярію вызвалъ старшинъ въ Оренбургъ для врученія имъ сабель. 16 февраля всѣ собравшіеся въ Оренбургъ старшины получили отъ Неплюева пожалованныя имъ сабли, причемъ Неплюевъ вручилъ старшинамъ особый указъ „въ засвидѣтельствованіе ихъ вѣрной службы, и за то показанной къ нимъ Ея Императорскаго Величества милости"[b]. Въ этомъ указѣ поименованы слѣдующіе 9 старшинъ, награжденные саблями,—Казанской дороги мещерякскіе старшины: Янышъ Абдуллинъ, Салихъ Муслемовъ и Аитъ Чалтинъ[c], Осинской дороги старшина Сюлейманъ Деваевъ; башкирскіе старшины: Елдяцкой волости Каз. дороги Ахмеръ Асановъ, Сибирской дороги Сунларской волости Якупъ Чинмурзинъ, Каз. дороги Каршинской волости Шарыпъ Мряковъ, той же дороги Ички-Илакской волости Азегулъ Акшеевъ, Осинской дороги Тазларской волости Бакей Апачевъ[d]. Кромѣ нихъ явились въ Оренбургъ башкирскій старшина Зайсанъ Юсуповъ и башкирскій сотникъ Ибрагимъ Кутуевъ, о которыхъ Неплюевъ писалъ въ Сенатъ: „хотя объ нихъ отъ Уфимской провинціальной канцеляріи никакого репорту не прислано, однакожъ какъ сами они о себѣ показывали, такъ и прочіе бывшіе тогда засвидѣтельствовали, что и они въ командѣ маіора Кублицкаго между прочими, для прекращенія той бывшей противности, были и дабы, видя другимъ награжденіе, безъ онаго не остались опечалены, для того и ихъ сукнами на кафтаны наградилъ и о томъ о всемъ ихъ, въ засвидѣтельствованіе вѣрныхъ службъ, указами снабдилъ[e]".

Главные виновники возмущенія содержались въ Уфѣ подъ арестомъ; замѣчательно, что большая часть изъ нихъ (18 ч.) были татары,— вотъ ихъ имена: Бектемиръ Азаматовъ, Амиръ Асановъ, Муртаза Аскинъ, Вектемиръ Бепкенинъ, Муслемъ Бекбововъ, Бобри Ильборисовъ, Кинзебай Ильборисовъ, Измаилъ Искаковъ, Ибрашъ Кажметевъ, Мурза Карабашевъ, Умяшъ Каскиновъ, Аб

---

[a]) Тамъ же л. 110. Сравн. Указы 1747 г. въ Тург. Арх., № 19, л. 189.
[b]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г. за № 156, лл. 111—114.
[c]) Старшина Аитъ Чалтинъ по болѣзни не могъ явиться въ Оренбургъ, почему Неплюевъ отправилъ его саблю и указъ о награжденіи ею, за печатью Оренб. губ. канцеляріи, въ Уфимскую пров. канцелярію для врученія Аиту подъ роспиоку, когда онъ выздоровитъ.
[d]) Тамъ же, л. 115.
[e]) Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, л. 12 на оборотѣ и л. 113.

дусоломъ Курушевъ, Мосей Лурмешевъ[a], Абдулла Махметевъ, Бактемиръ Сунчалинъ, Медіяръ Ураковъ, Касканъ Уратбаевъ и Усеинъ Урметевъ. Изъ мещеряковъ содержалось подъ арестомъ семь человѣкъ: Бебкей Бекбулатовъ, Арасланъ Кудѣевъ, Абдулла Маметевъ, Аскаръ Мусинъ, Абдулла Сюллѣевъ, Еней Токбаевъ и Усеинъ Чурупаевъ; вотяковъ было пятеро: Маметь Аскѣевъ, Ильметь Курманаевъ, Сенька Семеновъ (онъ же и Чинайка), Канышъ Топаевъ и Сабанай Ураевъ; изъ черемисъ оказались руководителями мятежниковъ трое: Нурка Борисовъ, Кулбагышъ Ишпулатовъ и Монгандыкъ Маметкуловъ[b]; изъ русскихъ же былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ только одинъ бирскій крестьянинъ Петръ Плотниковъ, который „*въ пьяномъ видѣ*“ читалъ собравшейся толпѣ „старый указъ о платежѣ ясака“, за что и получилъ отъ мятежниковъ 1 р. 10 к. Изъ поименованныхъ лицъ наибольшею энергіею и стремленіемъ раздуть мятежъ отличались: Мосей Лурмешевъ, Абдулла Сюллѣевъ, Сабанай Ураевъ, Сенька Семеновъ[c] и Нурка Борисовъ; послѣдній агитировалъ противъ новой подати преимущественно на Осинской дорогѣ въ деревняхъ: Алтыбаевой, Казовой, Сухоязахъ и Тавларовой (Актемирова тожъ). Въ маѣ 1747 года въ Уфѣ произведена была экзекуція виновныхъ: пущихъ заводчиковъ, на страхъ другимъ, „*нещадно*“ наказали кнутомъ и сослали на вѣчную работу въ Рогервикъ, другихъ— на опредѣленный срокъ, а менѣе виновныхъ, по высѣченіи кнутомъ, отдали старшинамъ на поруки; Плотникова же, послѣ наказанія кнутомъ, опредѣлили въ работу на три года въ Оренбургской же губерніи. Такъ кончилось волненіе мещеряковъ, тептярей и бобылей, благодаря энергіи и быстротѣ дѣйствій Неплюева, старавшагося потушить замѣченный имъ пожаръ въ самомъ его началѣ. Неплюевъ, какъ видно, опасался не столько тептярей и бобылей, сколько башкиръ, которые могли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстать противъ русскихъ: окажи только башкирцы свое содѣйствіе недовольнымъ, и тогда волненіе могло-бы превратиться въ общій инородческій мятежъ съ религіознымъ характеромъ за вѣру Магомета, тѣмъ болѣе, что главными руководителями недовольныхъ, какъ обнаружилось на слѣдствіи, были по-преимуществу татары и мещеряки, которые по языку и вѣроисповѣданію тѣ же магометане. Сознавая это, Неплюевъ и старался

---

[a]) Онъ же и Муртаза Нурмяшевъ.

[b]) См. тамъ же лл. 152—155, 168—171. Вѣдомость или „*Экстрактъ колодникамъ*“, представленный Неплюевымъ въ Сенатъ, съ показаніемъ виновности и степени наказанія каждаго изъ нихъ.

[c]) Неплюевъ въ своей резолюціи опредѣлилъ даже, чтобы пущимъ заводчикамъ, на страхъ другимъ, „*вырвать ноздри*“, но Сенатъ не утвердилъ этого постановленія. См. въ Сен. Арх. Дѣло 1748 г., № 156, лл. 152 и 158.

привлечь на сторону правительства башкирскихъ и тептярскихъ старшинъ, предложивъ имъ „*изъ—подъ руки*“ принять участіе въ подавленіи мятежа и ходатайствуя о награжденіи ихъ саблями. На сколько были основательны предположенія Неплюева, увидимъ дальше при изложеніи башкирскаго бунта 1755 г., а теперь перейдемъ къ вопросу о нагайбакахъ, входившихъ въ составъ Уфимской провинціи.

На IV Археологическомъ Съѣздѣ, бывшемъ въ Казани въ августѣ 1877 г., между прочимъ, выражено было желаніе имѣть свѣдѣнія о нагайбакахъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи [a]), и тогда же свѣдѣнія эти были доставлены мною въ общее собраніе гг. членовъ Съѣзда въ видѣ особаго реферата, съ приложеніемъ пѣсенъ, пословицъ и сказокъ на нагайбацкомъ языкѣ съ переводомъ ихъ на русскій [b]). Въ 1878 году въ газетѣ „*Оренбургскій Листокъ*“ была напечатана моя статья: „*Нагайбаки, ихъ пѣсни, сказки и загадки,* [c])“ а въ газетѣ: „*Волжско-Камское Слово*“ за 1882 г. я помѣстилъ статью: „*Нагайбаки Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи* [d])“.—Въ отмѣченныхъ статьяхъ, съ содержаніемъ которыхъ, вѣроятно, немногіе и знакомы, рѣчь идетъ преимущественно о современныхъ нагайбакахъ въ ихъ этнографическо-бытовомъ отношеніи; здѣсь же мы имѣемъ въ виду сообщить о нихъ историческія данныя и указать на отношенія къ нагайбакамъ Неплюева и казанскаго архипастыря Гавріила 2 (Кременецкаго).

Нагайбаками назывались выходцы изъ киргизскаго плѣна, селившіеся въ окрестностяхъ Нагайбацкой крѣпости [e]) и представлявшія, по выраженію поэта, самую разнообразную „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Нагайбацкая крѣпость была основана въ 1736 году, по случаю башкирскаго бунта на Казанской дорогѣ. По преданію, сообщаемому Рычковымъ, на мѣстѣ Нагайбацкой крѣпости въ старину находился ногайскій городъ, на что, между прочимъ, указываетъ и названіе протекающей здѣсь рѣчки Кала-Елга (городовая рѣчка), а въ полуверстѣ отъ ея устья доселѣ замѣтны остатки рва и вала, который состоитъ изъ черноземной насыпи и въ видѣ полукруга идетъ на протяженіи 74 саж.; вышина вала отъ одного до $2^1/_2$ аршинъ. Во время Пугачевскаго бунта здѣсь, по преданію, находился лагерь сообщниковъ Пугачева, кото-

---

[a]) См. IV Археол. Съѣздъ въ Казани. Дополн. II. Истор. географія и этнографія, вопросъ 12.

[b]) Рефератъ этотъ, прочитанный мною 15 августа, а также и нагайбацкій текстъ пѣсенъ, загадокъ и сказокъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ напеч. во II т „*Трудовъ IV Археолог. Съѣзда*“.

[c]) См. №№ 14, 15, 16, 17, 19, 38, 39, 45, 46, 48 и 49.

[d]) См. №№ 72, 74, 80 и др.

[e]) Нынѣ село Нагайбакъ Белебеевск. уѣзда Уфимск. губ.

рые, разоривъ Нагайбацкую крѣпость, перебили ея жителей и сами же сложили тѣла убитыхъ въ одну могилу, находящуюся теперь въ огородѣ при домѣ приходскаго священника; на могилѣ водруженъ столбъ съ крестомъ на подобіе часовни. Основываясь на этомъ преданіи, нѣкоторые думаютъ, что самый валъ былъ устроенъ пугачевцами [a]; но свидѣтельство Рычкова, что этотъ валъ возникъ гораздо раньше Пугачевщины, болѣе вѣроятно: пугачевцы, какъ извѣстно, чаще дѣйствовали въ открытомъ полѣ или же пользовались готовыми крѣпостями, если то было нужно,— словомъ, ихъ дѣйствія были болѣе наступательными, чѣмъ оборонительными. Когда ногайцы удалились на Кубань, здѣсь кочевалъ башкирецъ Нагайбакъ, по имени котораго и самый юртъ сталъ называться деревней Нагайбаковой. Близость рѣкъ Ика и Камы и другія природныя удобства къ поселенію издавна привлекали сюда башкиръ, татаръ и др. инородцевъ; здѣсь, напримѣръ, жили извѣстные башкирскіе возмутители Кусюмъ и сынъ его Акай: Кусюмовъ юртъ, или жилище находилось версты на три отъ Нагайбацкой крѣпости, внизъ по теченію р. Ика, а становище Акая—верстахъ въ пяти на зарѣчной сторонѣ при озерѣ, которое отъ него и получило свое названіе Акай-Куль (Акаево озеро). На выселеніе сюда казанскихъ татаръ указываетъ сходство обычаевъ и языка нагайбаковъ съ казанскими татарами и названіе деревни Казанчи, состоящей въ приходѣ села Нагайбака. Въ окрестностяхъ Нагайбака досєлѣ еще можно видѣть остатки нехристіанскихъ кладбищъ: одно изъ нихъ находится въ 50 саж. отъ села при дорогѣ въ деревню Смысловку, другое—въ двухъ верстахъ отъ села на берегу Ика; далѣе въ одной верстѣ отсюда на СВ. имѣется еще кладбище на горѣ, гдѣ попадаются намогильные камни съ татарскими надписями, но безъ обозначенія годовъ. Впослѣдствіи Нагайбацкая крѣпость и ея окрестности сдѣлались средоточіемъ всѣхъ выходцевъ изъ киргизскаго плѣна, пожелавшихъ креститься. Случалось, что иногда такихъ выходцевъ отправляли и въ ихъ отечество: такъ двое турокъ, бывшіе въ персидскомъ плѣну и вышедшіе въ 1747 году чрезъ киргизскія степи въ Оренбургъ, были препровождены Неплюевымъ въ Астрахань, откуда губернаторъ Брылкинъ долженъ былъ отправить ихъ съ письмомъ къ крымскому хану „съ выдачею имъ на кормъ дорогою пристойнаго числа денегъ [b]“. Но такіе случаи сравнительно были рѣдки, обыкновенно же выходцевъ изъ

---

[a]) Пам. кн. Уфимск. губ. за 1873 г., ч. II, стр. 179.
[b]) Указы 1748 г., л. 87, въ Тург. Обл. Арх. Здѣсь имѣется подлинный указъ Неплюеву изъ Колл. Ин. Дѣлъ, за подписью графа Алексѣя Бестужева-Рюмина и гр. Михаила Воронцова.

киргизскихъ степей крестили въ Уфѣ или Оренбургѣ и поселяли на жительство въ Нагайбацкой крѣпости или въ приписанныхъ къ ней поселкахъ. Находясь въ Петербургѣ, Неплюевъ 18 февраля 1752 года, между прочимъ, писалъ Тевкелеву: „По присланной, при доношеніи вашего высокоблагородія, отъ 20 минувшаго генваря, о выбѣжавшихъ изъ киргизъ-кайсацкаго полону вѣдомости показанъ въ выходѣ персидской области арабъ Ходжи Реджеповъ, который, *по желанію его, въ Уфѣ имѣетъ быть крещенъ и отосланъ на житье въ Нагайбацкую крѣпость*". Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ отправить этого араба зимой съ провожатымъ въ Петербургъ и въ концѣ своего письма прибавляетъ: „а показаннаго по той же вѣдомости *бѣлаго араба*, когда онъ старъ, и посылать нечего" [a]. *Всѣ крестившіеся выходцы изъ киргизскаго «полону» также стали называться нагайбаками по мѣстожительству.* Между самими нагайбаками существуетъ преданіе, что они—потомки арскихъ татаръ, крестившихся при Грозномъ, вскорѣ по завоеваніи Казани, въ числѣ коихъ были и татарскіе мурзы. Несомнѣнно также, что въ составъ нагайбаковъ вошли впослѣдствіи и крещеные калмыки и др. инородцы; самый языкъ нагайбаковъ отчасти указываетъ на то, что онъ когда-то принадлежалъ смѣшанной расѣ, организовавшейся изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежало татарамъ и калмыкамъ [b]) Рычковъ говоритъ, что въ составъ нагайбаковъ входили также авганцы, арабы, аравитяне, арияне, бадашканцы, бухарцы, каракалпаки, кубанцы, персіане, талыжцы, турки, узбеки и хивинцы; число такихъ выходцевъ въ половинѣ XVIII в. равнялось 212 чел. [c]., изъ коихъ 68 чел. приняли крещеніе и были поселены среди крещеныхъ нагайбаковъ [d].

Отдаленность Нагайбацкой крѣпости отъ Уфы и Оренбурга [e] и русскихъ селеній, а также и недостатокъ духовнаго вліянія на крещеныхъ нагайбаковъ были главною причиною того, что нагайбаки-христіане почти ничѣмъ не отличались отъ иновѣрцевъ, будучи христіанами только по имени.—Неплюевъ, какъ истинный христіанинъ, не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ. Чтобы устранить вліяніе иновѣрцевъ на крещеныхъ нагайбаковъ, онъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ объ

---

a) Указы 1752 г., л. II. Тамъ же.

b) Стариковъ. Откуда взялись казаки, стр. 185—188. Здѣсь привод. количество калмыковъ, вошедшихъ въ составъ нагайбаковъ за 1843—1844 г.

c) Персіанъ 106, каракалпаковъ 21, аравитянъ 17, турокъ 15, бухарцевъ 7, узбековъ 5, армянъ 4, хивинцевъ 4, кубанцевъ 4, талыжцевъ 4, авганцевъ 2, бадашканцевъ 1 и 21 чел. другихъ націй. См. Топ. Оренб. губ., стр. 136. Изд. 1887 г.

d) Въ числѣ 68 чел., просвѣщенныхъ св. крещеніемъ, было: 45 персовъ, 12 арабовъ, 8 бухарца и 2 каракалпака. Тамъ же.

e) Отъ Оренбурга до Нагайбака 400 в., а отъ Уфы—208 в.

отдѣленія первыхъ отъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого ходатайства, иновѣрцы, жившіе здѣсь, были выселены на другія мѣста: сходцы, вошедшіе въ подушный окладъ по первой ревизіи, были высланы на прежнія мѣста ихъ жительства, а явившіеся сюда до ревизіи и непопавшіе въ податные списки „на прежнихъ жительствахъ" были поселены въ деревняхъ на большой Московской дорогѣ отъ Оренбурга на Казань, гдѣ ихъ и записали въ подушный окладъ. Въ 1757 г. Сенатъ, по ходатайству Неплюева, освободилъ ихъ отъ рекрутчины „въ томъ разсужденіи, что они отправляемую изъ Оренбурга и въ Оренбургъ почту и посылаемыхъ курьеровъ должны отъ жительства отправлять безъ платежа имъ прогонныхъ денегъ [a]".

Отдѣливъ иновѣрцевъ отъ крещеныхъ нагабайковъ, Неплюевъ не переставалъ заботиться о христіанскомъ просвѣщеніи послѣднихъ: въ 1746 г., благодаря его заботамъ, въ Нагайбацкой крѣпости была построена церковь, во имя Пресвятыя Троицы [b], уцѣлѣвшая до сего времени.

Уфимская провинція по дѣламъ духовнымъ, какъ мы уже знаемъ [c], до 1764 г. находилась въ вѣдѣніи Казанской епархіи. Христіанство въ этомъ дикомъ краю помимо русской колонизаціи и торговли, распространялось и путемъ миссіонерской дѣятельности, благодаря такимъ энергичнымъ ревнителямъ и поборникамъ православной вѣры, каковыми были приснопамятные іерархи Русской Церкви: Дмитрій Сѣченовъ, Сильвестръ Гловацкій, Лука Конашевичъ и Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ [d], стоявшіе послѣдовательно, одинъ за другимъ, во главѣ управленія Новокрещенской конторы въ Казани [e]. Въ первой половинѣ XVIII в. христіанство между башкирцами представляется утвержденнымъ на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ это было въ исходѣ XVI и въ XVII в. Въ вѣдомости за 1742 о 143 башкирцахъ, принявшихъ св. крещеніе, говорится, что эти башкирцы были увлечены въ христіанство примѣромъ своихъ собратій, старокрещенныхъ башкирцевъ [f]. Бывали и такіе случаи, что въ Башкирію переселяли крещеныхъ татаръ и др. инородцевъ изъ сосѣднихъ губерній; такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Коныбяковой жило нѣсколько новокрещенныхъ татаръ, перешедшихъ сюда изъ Казанской губерніи. По ходатайству

---

a) Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 382.

b) Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., ч. II, стр. 58. Свѣдѣнія о церквахъ и приходахъ Уфимской губ. Здѣсь годъ построенія церкви, вопреки свидѣтельству Рычкова, показанъ 1745, вмѣсто 1746.

c) См. выше стр. 389.

d) О миссіонерской дѣятельности этихъ приснопамятныхъ архипастырей смотр. въ соч. Е. А. Малова: *„О Новокрещенской Конторѣ"*. Казань, 1878 года.

e) Новокрещенская контора въ Казани была открыта въ 1731 г. и упразднена въ 1764 г.

f) П. С. З., т. XI, № 8792. Ср. „Прав. Собесѣдникъ" за 1858 г., ч. 3. стр. 248; Ср. Е. А. Маловъ. О Новокрещ. Конторѣ, стр. 44 и 183.

бывшаго у нихъ священника Алексѣя Михайлова, была построена для нихъ и особая часовня, при чемъ крестилось еще нѣсколько человѣкъ изъ татаръ. Новокрещенные изъ казанскихъ татаръ жили также въ селѣ Вакалахъ Белебеевскаго уѣзда, въ деревняхъ Анавбашъ и Петровской Стерлитамакскаго уѣзда и въ Табынскомъ приходѣ[a]. Многіе православные храмы этого отдаленнаго края были освящены казанскими архипастырями: Тихономъ, Сильвестромъ, Лукою Конашевичемъ и Гавріиломъ 2 (Кременецкимъ). Въ половинѣ XVIII в. христіанское населеніе въ Оренбургскомъ краѣ равнялось уже 200,000 челов; но впереди предстояло еще обширное поле для дѣятельности миссіонеровъ и насадителей христіанства въ этомъ дикомъ краѣ, гдѣ однихъ магометанъ насчитывалось 400,000, кромѣ язычниковъ: чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы[b]. Главнымъ пунктомъ, гдѣ происходило обращеніе иновѣрцевъ въ христіанство, сдѣлалась Нагайбацкая крѣпость, на которую Неплюевъ и обратилъ особенное вниманіе Казанской Новокрещенской конторы, завѣдывавшей миссіонерскими дѣлами въ губерніяхъ Нижегородской, Воронежской, Пензенской, Казанской и Оренбургской.

Вмѣсто Луки Конашевича, переведеннаго въ Бѣлгородъ, 29 октября 1755 г. на казанскую архіерейскую каѳедру былъ назначенъ епископъ Коломенскій Гавріилъ Кременецкій, бывшій сначала архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, а впослѣдствіи архіепископомъ с.-петербургскимъ и митрополитомъ кіевскимъ, гдѣ онъ и скончался 8 августа 1783 года[c]. Во время своего назначенія въ Казань, Гавріилъ былъ членомъ Св. Синода и жилъ въ С.-Петербургѣ. Спустя годъ, по прибытіи на паству, онъ составилъ особую *„Инструкцію о церковномъ благочиніи“*, два списка которой доселѣ хранятся въ Казани: одинъ находится въ ризницѣ церкви Богоявленія Господня, а другой въ Владимірскомъ Соборѣ г. Казани[d]. Въ этой обширной *„Инструкціи“*, между многими другими вопросами, говорится и объ обязанностяхъ закащиковъ (благочинныхъ) и священно-церковно-служителей инородческихъ приходовъ, по отношенію къ крестившимся изъ иновѣрцевъ. *„Закащики“*, или благочинные,

---

a) Л. С. Суходольскій. Взглядъ на первые слѣды христіанской вѣры въ предѣлахъ Оренбургскаго края. Отд. оттискъ изъ Оренб. Губ. Вѣд. за 1854 г., стр. 63-65, 66 и 68.

b) Тамъ же, стр. 54, 55 и 58. Ср. „О *Новокрещенской Конторѣ*“ Е. А. Малова, стр. 85 и 184.

c) Гавріилъ 2 былъ епископомъ коломенскимъ съ 17 сент. 1749 г. по 29 окт. 1755 г., казанскимъ—по 21 іюля 1762 г., архіепископомъ с.-петербургскимъ съ 29 іюля 1762 г. по 22 сент. 1770 г.; митрополитомъ кіевскимъ по 8 авг. 1783 г.

d) Е. А. Маловъ. О *Новокрещенской Конторѣ*, стр. 179.

по этой „*Инструкціи*“ должны были наблюдать, чтобы „нигдѣ въ вѣдомствѣ ихъ мечетей не строили[a]; чтобы совращенія татарскими абызы никому изъ вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества иновѣрныхъ народовъ въ богомерзскій магометанскій законъ отнюдь чинено не было, и о надсматриваніи того *десятоначальникамъ* подтвердить, и гдѣ изъ того числа явиться, паче чаянія, могло-бы, о томъ со всякимъ обстоятельствомъ рапортовать въ консисторію“[b]. Священники и церковные причетники инородческихъ приходовъ были обязаны подписками, чтобы „имѣющимся въ приходахъ ихъ новокрещеннымъ никакихъ озлобленій и обидъ причинять отнюдь они не дерзали, наипаче-бъ по должности своей обучали-бъ ихъ всеприлежно и радѣтельно Закону Божію..., дабы они въ Церковь Святую къ славословію Божію приходили нелѣностно..., а во дни поста исповѣдывались и пріобщались Св. Таинъ повсягодно.... Оныхъ же новокрещенъ имъ священникамъ, какъ возможно, увѣщевать, что-бъ они при крещеніи дѣтей своихъ воспріемниками брали *русскихъ* людей, кто кому изъ нихъ пріятенъ, и всячески тщиться сей между ними вводить обычай, склоняя ихъ, чтобъ они новокрещенные *съ русскими брачились*..., такожъ и *русскихъ людей къ тому склонять же*, чтобъ они дочерей своихъ за крещеныхъ иновѣрцевъ давали, не требуя за нихъ по иновѣрческому обычаю приданаго; но чтобъ по прежнимъ россійскимъ обычаямъ за дочерьми приданое давали“[c]. Въ случаѣ какихъ-либо пререканій между инородцами и священно-церковно-служителями, разбирательство дѣлъ долженъ былъ производить намѣстникъ Казанскаго Өедоровскаго монастыря іеромонахъ Севастіанъ, на имя котораго, какъ „правителя духовныхъ дѣлъ“ при Гавріилѣ 2, и была дана „*Инструкція*“, причемъ замѣчается: „а паче самому вамъ, *правителю*, онымъ новокрещеннымъ ни подъ какимъ предлогомъ обидъ не чинить и взятокъ не касаться и тоже подводъ съ нихъ не брать подъ лишеніемъ и управительства, и чина священническаго[d]. Тѣхъ изъ новокрещенъ, которые будутъ не радѣть о христіанскихъ обязанностяхъ, велѣно подвергать, вмѣсто денежнаго штрафа, легкой эпитеміи, напр. велѣть въ церкви публично класть нѣсколько земныхъ поклоновъ и т. п., упорныхъ же и закоснѣлыхъ велѣно „штра-

---

[a]) Подробности о построеніи и сломѣ мечетей въ разное время см. въ статьѣ Е. А. Малова: „*О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи*“, напечатан. въ „Прав. Собесѣдникѣ“ за 1867 и 1868 годы.

[b]) Е. А. Маловъ. О *Новокрещенской Конторѣ*, стр. 176.

[c]) См. пункты 21—25 „*Инструкціи*“, привед. въ соч. Е. А. Малова: „О *Новокрещенской Конторѣ*“ на стр. 176—179; мы привели здѣсь изъ нихъ только нѣкоторыя извлеченія, которыя составляютъ лишь *суть* дѣла, означивъ пропущенныя мѣста многоточіемъ.

[d]) Тамъ же, стр. 177.

фовать, а буде по свидѣтельству явится великая вина, тогда представлять въ Духовную консисторію или въ Новокрещенскую контору для представленія Его Преосвященству" [a]. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что *„Инструкція"* преосвященнаго Гавріила, касательно новокрещенныхъ, основывается главнымъ образомъ на указѣ о преобразованіи Новокрещенской конторы, состоявшемся 11 сентября 1740 г.; но въ этой *„Инструкціи"* есть одна существенная особенность, заключающаяся въ томъ, что не только священно-церковно-служители инородческихъ приходовъ, но и ближайшихъ къ нимъ *„старорусскихъ"* селъ обязывались знать природный языкъ своихъ новопросвѣщенныхъ пасомыхъ; въ пунктѣ 25-мъ *„Инструкціи"* говорится: „Тѣхъ новокрещенскихъ жительствъ, такожъ и другихъ въ близости ко онымъ состоящихъ хотя изъ *старорусскихъ* селъ священникомъ, діакономъ и церковно-причетникомъ объявить же и письменно подтвердить же, по надлежащему, дабы какъ сами они священно-служители, такъ и дѣти ихъ *языкамъ тѣхъ народовъ обучались неотложно,* и для того вамъ [b], во время посѣщенія церквей и смотрѣнія благочинія церковнаго, ихъ священно-и-церковно-служителей и дѣтей ихъ свидѣтельствовать и тому, чему обучились тѣхъ языковъ и какой потомъ успѣхъ происходить будетъ, о томъ въ консисторію присылать полугодовые рапорты, а ежели кто изъ нихъ священно-и-церковно-служителей оныхъ иновѣрческихъ языковъ, въ коихъ жительствахъ они находятся, обучатися и къ тому прилежать и знать того не будутъ, таковые по надлежащему штрафованію изъ тѣхъ жительствъ выведены будутъ въ малоприходныя села, а на ихъ мѣста произведены будутъ тѣ, кои оныхъ народовъ языки знать будутъ" [c]. Важность и необходимость знанія инородческихъ языковъ для священно-церковно-служителей такихъ приходовъ, конечно, не оспоримы; но нужны были какія-либо болѣе существенныя побужденія и мѣры, которыя бы могли пріохотить духовенство къ изученію инородческихъ языковъ. Между тѣмъ *„Инструкція"* преосвященнаго Гавріила только *угрожала* священникамъ, что если они не будутъ знать языка своихъ пасомыхъ, то будутъ переведены въ другія малоприходныя русскія села. Такая мѣра на практикѣ оказывалась скорѣе милостью, чѣмъ наказаніемъ для духовенства инородческихъ приходовъ: „Подобное перемѣщеніе",—замѣчаетъ по этому поводу Е. А. Маловъ,—„считается *благодѣяніемъ* до сихъ поръ, по-

---

[a] Тамъ же, стр. 178.
[b] Правителю духовн. дѣлъ, іеромонаху Севастіану.
[c] Е. А. Маловъ. О *Новокрещенской Конторѣ*, стр. 179.

тому что и довольно значительный по численности инородческій приходъ, въ сравненіи съ малоприходнымъ русскимъ селеніемъ, гораздо хуже для духовенства, чѣмъ малоприходный русскій. *Слѣдовало* прежде *позаботиться объ обезпеченіи духовенства въ инородческихъ приходахъ*, а потомъ уже говорить объ обязательствахъ и угрозахъ" [a]. Впрочемъ, преосвященный Гавріилъ не ограничивалъ своей дѣятельности, по отношенію къ инородцамъ, одними только инструкціями и предписаніями; напротивъ, онъ лично знакомился съ ихъ бытомъ и нуждами даже въ самой отдаленной части его епархіи: благодаря его заботамъ, построено было 36 храмовъ въ селеніяхъ новокрещенныхъ инородцевъ [b]. При обозрѣніи своей епархіи, Гавріилъ убѣдился, что не только крещеные инородцы, но и многіе изъ русскихъ не знали главнѣйшихъ христіанскихъ молитвъ, не посѣщали церковныхъ богослуженій и не бывали у исповѣди и Св. причастія [c]. Посѣтивъ въ 1758 г. Оренбургъ, преосвященный Гавріилъ лично бесѣдовалъ съ Неплюевымъ о состояніи вообще крещеныхъ инородцевъ и въ частности о нагайбакахъ; для приведенія послѣднихъ „въ надлежащее знаніе христіанскихъ должностей", онъ возложилъ духовныя заботы о нихъ на священника села Спасскаго, находившагося въ вотчинѣ совѣтника Рычкова, неподалеку отъ Нагайбацкой крѣпости, признавъ „его къ тому предъ другими способнѣйшимъ" [d]. Священникъ этотъ обязанъ былъ „почасту посѣщать и исправлять" нагайбаковъ, число которыхъ постепенно увеличивалось, такъ-что къ 1760 году во всемъ Нагайбацкомъ округѣ было *десять* деревень и *одно* село, въ которыхъ считалось 1359 служилыхъ казаковъ. Относительно повинностей нагайбаковъ, нужно замѣтить, что до 1736 года они платили ясакъ въ казну и особый оброкъ башкирцамъ за земли, которыми они пользовались; но въ 1736 г., за ихъ „вѣрную службу правительству" и за разореніе ихъ башкирцами, ясакъ съ нихъ былъ снятъ и земли, за которыя раньше они платили оброкъ, были отданы имъ въ собственность. Но пользуясь безплатно землей, нагайбаки обязаны были отправлять казачью службу на свой коштъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они были командируемы далѣе ста верстъ отъ ихъ мѣстожительства: тогда они получали жалованье, провіантъ и фуражъ [e]. Впослѣдствіи на-

---

[a] См. его соч.: „*О Новокрещенской Конторѣ*", стр. 179—180.
[b] Тамъ же, стр. 180—183. Инструкція выборному деревни Отаръ Ивану Никитину.
[c] Тамъ же, стр. 180.
[d] Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 382.
[e] Тамъ же, стр. 381 и 382.

гайбаки были переведены въ Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губерніи, а на ихъ мѣстѣ поселены государственные крестьяне[a].

Кромѣ поименованныхъ населенныхъ пунктовъ, къ Уфимской провинціи принадлежали еще крѣпости: Ельдяцкая и Красноуфимская[b], основанныя Кирилловымъ въ 1735—1736 г. для „всякихъ наблюденій за башкирцами Сибирской дороги". Красноуфимская крѣпость также служила транзитнымъ пунктомъ между Екатеринбургомъ и Уфой въ доставленіи разнаго рода желѣзныхъ издѣлій, которыя доставлялись сюда изъ Екатеринбурга сухимъ путемъ, а потомъ отправлялись въ Уфу водою Старинныя дворцовыя села Уфимской провинціи, какъ Дуванеи (въ 58 в. отъ Уфы), Калинники (въ 60 в.) и село Каракулино (въ 210 в.), для безопасности отъ башкиръ, также были укрѣплены оплотомъ на подобіе остроговъ. Такова была первоначальная исторія Уфимской провинціи, надъ организаціей и устройствомъ которой, какъ мы видѣли, не мало потрудился и Неплюевъ; познакомимся теперь съ Исетской провинціей и съ мѣропріятіями Неплюева по заселенію Оренбургскаго края—вообще, и съ его административной и колонизаціонной дѣятельностію въ Исетской провинціи—въ частности.

---

[a]) О современномъ положеніи нагайбаковъ смотр. въ моихъ статьяхъ, поцитованныхъ выше на стр. 439 наст. монографіи.

[b]) Нынѣ Красноуфимскъ—уѣздный городъ Пермской губерніи.

ГЛАВА XVI.

Исетская провинція, время ея учрежденія и составъ.—Природа и населеніе Исетской провинціи.—Первые русскіе колонизаторы и основанныя ими поселенія въ Исетской провинціи. — Значеніе въ дѣлѣ колонизаціи монастырей.—Далматовъ монастырь.—Административный центръ Исетской провинціи и колонизаціонная дѣятельность Неплюева.—Выселеніе въ Оренбургскій край разныхъ преступниковъ и заботы Неплюева объ участи ихъ дѣтей.—Колонисты изъ малороссіянъ.—Попытка правительства къ переселенію въ Оренбургскій край черногорцевъ, албанцевъ, грузинцевъ и волоховъ.—Колонисты изъ отставныхъ солдатъ и бѣглыхъ и отношеніе къ нимъ Неплюева.—Заботы Неплюева объ экономическомъ благосостояніи крестьянъ Исетской провинціи.—Образованіе Куртамышскаго дистрикта и заселеніе новыхъ слободъ.—Увельскій дистриктъ.—Результаты колонизаціонной дѣятельности Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ.

Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память.

Н. М. Карамзинъ.

Рыба ищетъ, гдѣ глубже,
а человѣкъ—гдѣ лучше.

Русск. пословица.

Исетская провинція простиралась на 300 верстъ въ длину и считалась самою плодородною частью Оренбургской губерніи[a]**. Начинаясь на Ю. отъ верховьевъ р. Яика и киргизскихъ степей, она соприкасалась на С. съ *Екатеринбургскимъ* вѣдомствомъ, *Краснослободскимъ* дистриктомъ и *Тюменскимъ уѣздомъ*; на З. къ ней примыкала *Уфимская* провинція, а на В. — *Ялуторовскій уѣздъ*[b]. Исетская провинція, какъ мы уже знаемъ**[c]**, была учреждена въ 1738 г., вслѣдствіе опредѣленія особаго Совѣта, состоявшагося въ іюлѣ того же года въ Мензелинскѣ, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Татищева.—При первоначальномъ присоединеніи къ Оренбургской губерніи провинцій Исетской и Уфимской, между прочимъ, имѣлось въ виду и то, что онѣ, какъ хлѣбородныя, могли служить житницею для новозаселяемаго Оренбургскаго края**[d]**.**

---

[a]) В. Маракуевъ. Петръ Симонъ Палласъ, его жизнь, ученые труды и путешествія.—Москва, 1877 г., стр. 106.

[b]) Оренб. губернія съ прилежащ. къ ней мѣстами, по „Ландкартамъ" Красильникова и „Топографіи" П. И. Рычкова 1755 г., Оренбургъ, 1880 г., смотр. карту 8-ю.

[c]) См. стр. 153 и 154 въ наст. монографіи.

[d]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. II, стр. 156.

Вначалѣ Исетская провинція состояла изъ трехъ дистриктовъ, или уѣздовъ: Исетскаго, Шадринскаго и Окуневскаго, которые, согласно высочайшему указу, были отдѣлены и присоединены къ ней отъ Сибири, а въ 1756 г., какъ увидимъ дальше, въ составъ этой провинціи вошелъ еще Куртамышскій дистриктъ, образовавшійся изъ жителей первыхъ трехъ уѣздовъ. Свое названіе Исетская провинція получила отъ р. Исети, берущей начало изъ Исетскаго озера (верст. въ 20 отъ Екатеринбурга) и впадающей въ р. Тоболъ, близъ деревни Свиньиной, верстъ на семь повыше Ялуторовска.

Исетская провинція орошалась р. Исетью и ея большими притоками съ правой стороны Міясомъ и Течей со множествомъ впадающихъ въ нихъ небольшихъ рѣчекъ, которыя представляли большія удобства для селенія по качеству воды и обилію въ нихъ рыбы. Извѣстный путешественникъ и ученый XVIII в. Петръ Симонъ Палласъ, жившій довольно долго въ Исетской провинціи, былъ приведенъ въ восхищеніе ея природой и обиліемъ въ ней всего[a]). Земледѣльцы вознаграждались здѣсь вдесятеро за свои труды; сѣяли преимущественно рожь, пшеницу, ячмень и овесъ. Но земледѣліемъ занимались немногіе: десятки тысячъ десятинъ прекрасной земли оставались непаханными. Природа этой страны была удобна и для садоводства, и для овцеводства, коневодства и разведенія рогатаго скота, а соленыя степи благопріятствовали размноженію и содержанію въ большомъ числѣ верблюдовъ. Вся степь между Міясомъ, Уемъ и Тоболомъ была покрыта горько-солеными озерами, которыя были подвержены страннымъ перемѣнамъ: когда изчезали притоки къ озеру прѣсной воды, то вода въ озерѣ становилась горькой и рыба въ немъ дохла. По причинѣ множества рѣкъ и озеръ, Исетская провинція изобиловала и рыбою: Палласъ говоритъ, что даже въ его время пудъ рыбы стоилъ здѣсь отъ 25 до 35 коп. ассигн. Въ озерахъ ловили карасей и чабановъ, а въ Исети и Міасѣ—нельму, въ полую же воду попадался и таймень. Звѣроловы охотились здѣсь на куницъ, лисицъ, волковъ, корсаковъ, выдръ, бобровъ, горностаевъ и бѣлокъ; лѣтомъ занимались соколиной охотой на разныхъ перелетныхъ птицъ, а зимой стрѣляли тетеревовъ и бѣлыхъ куропатокъ. Въ лѣсахъ по р. Исети водился F. pulmonarius, родъ кончика, который болѣе обыкновеннаго и подъ старость бѣлѣетъ; а около озера Токмаклы, или Суры, жило много лебедей. По климату Исетскую провинцію можно было раздѣлить на двѣ главныя части: горная ея часть, лежащая въ сѣвер-

---

[a]) В. Маракуевъ. П. С. Палласъ, стр. 99.

номъ углу Міяса, отличалась здоровымъ климатомъ: многіе доживали здѣсь до ста лѣтъ; напротивъ, юго-восточная часть провинціи, гдѣ много болотъ и стоячихъ озеръ, была неблагопріятна для здоровья ея обитателей, страдавшихъ часто лихорадками, цынгою и воспаленіемъ глазъ [a]).

Населеніе Исетской провинціи состояло изъ инородцевъ и русскихъ, которые стали здѣсь селиться издавна. О числѣ инородческаго населенія, состоявшаго преимущественно изъ башкиръ, мещеряковъ и татаръ, точныхъ данныхъ мы не имѣемъ да ихъ не было и тогда. По свидѣтельству Рычкова, когда Неплюевъ возбудилъ вопросъ о замѣнѣ башкирскаго ясака покупкою казенной соли, то въ Оренбургской губернской канцеляріи никакихъ данныхъ о числѣ башкирцевъ не оказалось. Поэтому провинціальнымъ воеводамъ и волостнымъ старшинамъ было предписано, чтобы они хотя „чрезъ другія окрестности о числѣ башкирцевъ, сколько ихъ въ которой волости, развѣданіе учинили" [b]). Вслѣдствіе этого, старшины представили вѣдомости о числѣ башкирскихъ дворовъ, а воеводы—о числѣ душъ обоего пола; по нимъ число башкиръ въ обѣихъ провинціяхъ простиралось до 106176 д. [c]) обоего пола; изъ этого числа на Исетскую провинцію приходилось 19722 души, а на Уфимскую—86384 души, число же дворовъ въ обѣихъ провинціяхъ равнялось 11863 дв.; изъ нихъ 8892 дв. было въ Уфимской провинціи и 2971 дв. въ Исетской. Мещеряковъ по тѣмъ же вѣдомостямъ значится въ обѣихъ провинціяхъ 15517 душъ при 1749 дворахъ; изъ этого числа 1530 дв. съ 13834 душ. приходилось на Уфимскую провинцію и 219 дв. съ 1683 душ.—на Исетскую [d]). Сравнивая число башкиръ и мещеряковъ въ обѣихъ провинціяхъ, мы замѣчаемъ, что въ Уфимской провинціи башкиръ было почти въ $4^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ Исетской, а мещеряковъ болѣе чѣмъ въ восемь разъ или, говоря вообще, *инородческое населеніе Исетской провинціи было менѣе въ $4^1/_2$ раза инородческаго населенія Уфимской провинціи.* Изъ сопоставленія числа дворовъ и душъ въ обѣихъ провинціяхъ оказывается, что въ Уфимской провинціи приходилось отъ 9 до 10 чел. на каждый дворъ, а въ Исетской—отъ 6 до 7 чел.; слѣдовательно, инородческое населеніе въ первой было на треть тѣснѣе размѣщено, чѣмъ во второй, если предположить, что дворы были одинаковой величины въ той и

---

[a]) Тамъ же, стр. 105, 106 и 107.

[b]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. 1, стр. 92 и 94.

[c]) Тамъ же. Въ доношеніи Неплюева въ Сенатъ показано число другое, а именно 123122 д. обоего пола, слѣдовательно, болѣе цыфры, приводимой Рычковымъ, на 16946 д. См. П. С. Зак., т. XIV, № 10198, стр. 42.

[d]) Топ. Ор. губ. Изд. 1887 г., стр. 73. Здѣсь общій итогъ показанъ невѣрно въ 15530 д., т. е. на 13 д. болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а въ моемъ очеркѣ: «*Неплюевъ и Оренбургъ*» встрѣчается, какъ опечатка, цыфра въ 25517 д., см. стр. 315 въ отдѣльномъ оттискѣ.

другой провинціи. Но число башкирскихъ дворовъ, вслѣдствіе многоженства, быстро увеличивалось, такъ-что къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія число ихъ въ обѣихъ провинціяхъ возрасло до 17647, т. е, стало болѣе на 5784 дв. противъ того числа, какое было показано за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ[a]. Кромѣ башкиръ и мещеряковъ, въ Исетской провинціи жили 419 душъ Ичкинскихъ и 196 душъ Багаряцкихъ татаръ, а также 32 двора Аюкинскихъ калмыковъ и 31 дворъ сартъ[b].

Въ Исетской провинціи издавна стали селиться и русскіе. *Первыми поселенцами изъ русскихъ здѣсь были Исетскіе казаки,* происшедшіе отъ Донскихъ, находившихся въ отрядѣ Ермака Тимоѳеевича, славы котораго, по выраженію исторіографа, „не поглотили и волны Иртыша: *Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память*" [c]. Вѣсть о гибели Ермака привела въ ужасъ оставшуюся часть его отряда. Атаманъ Матвѣй Мещерякъ, во главѣ 150 чел. казаковъ и др. воиновъ, оставилъ 15 августа 1584 г. Искеръ, перешедшій во власть Алея, сына Кучумова, и отступилъ на З.—Но черезъ три года Мещерякъ снова является въ Сибири и участвуетъ въ битвѣ при защитѣ Тобольска, гдѣ онъ и сложилъ свою буйную голову[d]. Нужно замѣтить, что русскіе начинаютъ селиться въ Сибири даже нѣсколько раньше ея завоеванія. Первый походъ Ермака въ Сибирь былъ въ 1578 г., когда онъ зимовалъ на берегахъ р. Сылвы (притокъ Чусовой). Съ наступленіемъ весны, Ермакъ задумалъ возвратиться въ Строгановскія вотчины, но въ его отрядѣ нашлись такіе смѣльчаки, которые упросили атамана оставить ихъ здѣсь однихъ; они-то и были первыми русскими колонизаторами въ З. Сибири. Сначала казаки поселились куренями по берегамъ р. Сылвы, а потомъ, послѣ первыхъ же успѣховъ Ермака, перебрались чрезъ Уралъ и разсѣялись по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Исети, Оби и др., гдѣ смѣшались съ прочими сподвижниками Ермака и послужили ядромъ Сибирскаго казачьяго войска[e]: казаки, поселившіеся въ Березовѣ, Сургутѣ, Пелымѣ, Тарѣ, Туринскѣ и Тобольскѣ— потомки и сподвижники Ермака. Свои названія казаки получали отъ мѣстностей, гдѣ поселялись: жившіе въ Березовѣ стали называться Бере-

---

[a]) Въ Уфимской провинціи въ это время числилось уже 14092 двора, т. е., здѣсь число дворовъ увеличилось въ теченіе 20 лѣтъ на 5200 дв., а въ Исетской—3555 дв., больше противъ прежняго на 584 дв. См. «*Дѣло* по предлож. его сіят., граф. П. И. Панина», 1775 года.

[b]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 370.

[c]) И. Гос. Росс., т. IX, стр. 240.

[d]) Въ Строган. Лѣт. (гл. XXXV) сказано: „И на семъ бою волжскій атаманъ *Матвѣй Мещерякъ убіенъ бысть*".

[e]) А. Щекотовъ. Геогр. Словарь 1801 г., т. V, стр. 945.

зовскими, въ Сургутѣ—Сургутскими, на р. Исети—Исетскими[a]) и т. д. Казаки, поселившіеся въ З. Сибири, имѣли два главныя направленія въ своемъ колонизаціонномъ движеніи: одни устремились на В., а другіе—на Ю. и ЮЗ.—Занимая *«новыя землицы»*, они строили остроги, или небольшія крѣпостцы, которые потомъ, съ увеличеніемъ числа ихъ обитателей, обращались въ крѣпости и города, куда назначались для управленія царскіе воеводы.—Въ своемъ движеніи на В. казаки не встрѣтили особенныхъ препятствій со стороны туземнаго населенія: вогуличи, остяки, тунгусы и др. племена В. Сибири жили въ разбросъ, въ тайгахъ и не имѣли у себя огнестрѣльнаго оружія; не то ожидало казаковъ, устремившихся на Ю. и ЮЗ Сибири: здѣсь жили зюнгоры, киргизы и башкиры, которые, подобно стаѣ хищныхъ птицъ, быстро переносясь на своихъ легкихъ коняхъ съ одного мѣста на другое, вытаптывали засѣянныя поля, сожигали дома, отгоняли скотъ и уводили беззащитныхъ жителей въ плѣнъ, подвергая ихъ нерѣдко страшнымъ мученіямъ. Въ виду этого, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы обезопасить земледѣльческую колонизацію устройствомъ стратегическихъ линій, которыя бы могли защитить имущество и жизнь русскихъ поселенцевъ отъ набѣговъ хищническихъ ордъ. Съ этою цѣлію по рѣкамъ Тоболу, Ишиму и ихъ притокамъ были устроены крѣпости; но пространство отъ устья Тобола вверхъ по р. Исети и по ея притокамъ долго оставалось совершенно открытымъ, почему калмыки, башкиры и киргизы безпрепятственно нападали здѣсь на русскія селенія и опустошали ихъ; только съ половины XVII в. начинаютъ возникать и здѣсь укрѣпленные пункты, благодаря инниціативѣ тѣхъ же казаковъ. Поселившись первоначально при устьѣ р. Исети, казаки постепенно стали подвигаться вверхъ по рѣкѣ и ея большимъ правымъ притокамъ Міясу, Барневкѣ и Течѣ. Но казаковъ было мало, чтобы выдержать набѣги сосѣднихъ хищниковъ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ отправились на Русь и стали вербовать крестьянъ, заманивая ихъ въ далекій край обѣщаніями разныхъ льготъ и природными богатствами Исетской провинціи. На зовъ ихъ откликнулись Днѣпръ, Донъ и крестьяне внутренней Россіи, которые устремились сюда толпами. Благодаря этому, во второй половинѣ XVII вѣка здѣсь возникаютъ слѣдующія поселенія: въ 1650 г. остроги Исетскій[a]) и Колчеданскій; въ 1657 г.—Катайскій; въ 1660 г. —Мехонскій; въ 1662 г.—Шадринскій; въ 1666 г.—Бешкиль-

a) Завалишинъ. Описаніе Зап. Сибири, стр. 277 и 278.

b) Въ книгѣ: „Откуда взялись казаки“ Ф. М. Старикова годъ основанія Исетскаго острога, вопреки свидѣтельству Рычкова, показанъ 1656. См. стр. 118.

ская слобода; въ 1668 г.—Тересюцкая слобода и Масленскій острогъ; въ 1670 г.—Усть-Міясская[a]; въ 1676—слободы Ингалинская, Барневская и Окуневскій острогъ; въ 1676—1786 г. слободы: Будкинская, Камышевская[b], Крутихинская, Мурзинская, Песчанская, Тамакульская и Теченская, а также крѣпости: Міясская и Чумляцкая. Помимо соціально-экономическихъ побужденій, колонизаціонному движенію казаковъ и заселенію Исетской провинціи русскими много способствовали и рано возникшіе здѣсь монастыри, древнѣйшимъ изъ которыхъ считается Далматовъ монастырь.

Успенскій Далматовъ монастырь былъ застроенъ въ 1644 году, съ благословенія Герасима (Кремнева), архіепископа Тобольскаго и Сибирскаго, скончавшагося 16 іюля 1650 года[c]. *Основателемъ* этого *монастыря былъ казакъ* Дмитрій Ивановичъ Мокринскій, а въ монашествѣ Далматъ. Онъ былъ сынъ одного изъ сподвижниковъ Ермака, тобольскаго казака Ивана Мокринскаго; отецъ Далмата за свои заслуги получилъ дворянское званіе и жилъ въ Тобольскѣ, гдѣ женился на дочери тюменскаго татарина Алигея Магметова. По смерти своихъ родителей, Далматъ жилъ въ Тобольскѣ въ ихъ домѣ, а потомъ, когда у него умерла жена, онъ удалился въ Невьянскій Богородицкій монастырь, гдѣ и былъ пострижень въ монашество подъ именемъ Далмата. Строгая монашеская жизнь и благочестивые подвиги Далмата скоро обратили на него вниманіе братіи, которая хотѣла избрать его въ настоятели своего монастыря, но смиренный инокъ, считая себя недостойнымъ этого званія, тайно ушелъ изъ обители, съ иконой Успенія Божіей Матери, на р. Исеть и поселился здѣсь въ одной пещерѣ, близъ урочища *„Бѣлое городище“*, гдѣ въ уединеніи и продолжалъ свои подвиги духовно-созерцательной жизни, сладость которой понятна только истинному отшельнику[d]. Мѣстность, гдѣ поселился Далматъ, находилась тогда во владѣніи тюменскаго татарина Илигея, который изъ фанатизма не разъ думалъ изгнать или убить Далмата, но Господь хранилъ смиреннаго подвижника. Разъ осенью Илигей, во главѣ особаго отряда, отправился къ *Бѣлому городищу*, чтобы изгнать или убить Далмата. Во время пути Илигей остановился въ одномъ мѣстѣ на ночлегъ. Когда онъ заснулъ,—какъ повѣствуетъ Далматцкій лѣтописецъ,—ему „явилась нѣкая благолѣпная жена въ ри-

---

[a] У Ф. М. Старикова годомъ основанія Усть-Міясской крѣпости считается 1650 г.

[b] Нынѣ городъ Камышловъ Пермской губерніи.

[c] См. 900 лѣт. Росс. іерархіи, стр. 53.

[d] Каковымъ, напримѣръ, былъ незабвенный Игнатій Брянчаниновъ, монахъ по природѣ и *глубокому убѣжденію*.

захъ багряныхъ, съ угрозою на лицѣ и съ бичемъ въ десницѣ". Она запрещаетъ фанатику не только обижать Далмата, а приказываетъ отдать ему всю землю, которой владѣлъ Илигей. Устрашенный этимъ видѣніемъ Илигей, прибывъ къ Далмату, пригласилъ его обойти съ нимъ границу своей земли и отдалъ ее во владѣніе Далмата, подаривъ ему на память и свой шишакъ и кольчугу, которые и донынѣ хранятся въ усыпальницѣ святителя[a]. Ф. М. Стариковъ, приводя разсказъ объ основателѣ монастыря, замѣчаетъ, что это видѣніе Илигею было въ 1645 году[b]; между тѣмъ изъ «*Топогр. Оренб. губ.*» Рычкова видно, что Далматовъ монастырь былъ застроенъ еще въ 1644 году[c]; но такой анахронизмъ легко объясняется близостью событій. Отмѣтимъ еще одно противорѣчіе: въ книжкѣ Ф. М. Старикова говорится, что Димитрій Ив. Мокринскій, а въ монашествѣ Далматъ, достигши полнаго возраста, „вступилъ въ супружество, но *не имѣлъ у себя дѣтей*"[d], Рычковъ же замѣчаетъ: „первымъ строителемъ Далматова монастыря былъ монахъ Далматъ, мужъ святаго добродѣтельнаго житія, а по немъ *сынъ его* Исакъ[e], кой былъ въ томъ же монастырѣ архимандритомъ, которымъ, какъ сказываютъ, за ихъ святость и добродѣтельное житіе, жившіе тогда около сихъ мѣстъ башкирцы не только никакого препятствія въ томъ на ихъ мѣстахъ строеніи не дѣлали, но еще и всякое вспоможеніе сами чинили; оба они умерли и погребены въ томъ монастырѣ"[f] Это противорѣчіе можетъ быть устранено только однимъ лишь предположеніемъ, что „Исакъ" могъ быть названъ сыномъ Далмата въ духовномъ смыслѣ; въ противномъ случаѣ мы должны признать, что у Д. И. Мокринскаго были дѣти или, по крайней мѣрѣ, одинъ сынъ, который, увлекшись примѣромъ отца, ушелъ къ нему въ Далматовъ монастырь, гдѣ и могъ, по смерти Далмата, быть настоятелемъ того же монастыря.

Въ исторіи заселенія Западной Сибири Далматовъ монастырь имѣетъ весьма важное значеніе: онъ много содѣйствовалъ колонизаціи русскими Исетской провинціи и распространенію православной вѣры между инородцами, служа въ то же время убѣжищемъ для окрестныхъ жителей, при нападеніи на нихъ сосѣднихъ башкиръ и киргизъ. Для защиты и самообороны отъ враговъ, монастырь былъ обнесенъ стѣной съ башнями и бойницами по угламъ и даже имѣлъ пушки и крѣпостныя пищали. Рычковъ,

---

[a] Плотниковъ. Описаніе Далматова монастыря. Ср. Геогр.—ист. Словарь Пермск. губ. Н. К. Чупина, стр. 434.
[b] Откуда взялись казаки, стр. 112.
[c] См. стр. 355 по издан. 1887 г.
[d] Откуда взялись казаки, стр. 111.
[e] Не испорченное-ли Исаакъ?
[f] Топогр. Оренб. губ., стр. 355—356. Изд. 1887 г.

какъ мы замѣтили выше, говоритъ, что башкиры, въ уваженіе святой жизни строителя и настоятеля монастыря, не только не дѣлали никакихъ непріятностей монастырской братіи, но „еще и всякое вспоможеніе сами чинили". Но, безъ сомнѣнія, такія добросердечныя отношенія башкирцевъ къ Далматову монастырю скорѣе всего имѣли *частный* характеръ и, по всей вѣроятности, касались только тѣхъ изъ башкирцевъ, которые жили въ окрестностяхъ монастыря; въ *общемъ же*—этотъ монастырь былъ, такъ сказать, *бѣльмомъ на глазу у татаръ*, жившихъ по р. Исети, выше и ниже обители; башкиры, киргизы и калмыки, подстрекаемые фанатиками изъ магометанъ и жаждою легкой наживы, не разъ нападали на Далматовъ монастырь и разоряли его, такъ: въ 1651 г. онъ сильно пострадалъ отъ нападенія калмыковъ, а въ 1664 г.—отъ башкирцевъ. Не смотря на это, монастырь, по прежнему, продолжалъ привлекать къ себѣ многихъ русскихъ крестьянъ, которымъ не легко жилось внутри Россіи. Этому переселенію способствовали съ одной стороны льготы отъ всѣхъ повинностей, которыми пользовались въ первое время переселявшіеся сюда крестьяне, а съ другой стороны—привиллегіи монастырей. Правительство, сознавая важность и значеніе монастырей въ колонизаціонномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ, кромѣ жалованья и руги, давало имъ земли съ правомъ поселенія на нихъ крестьянъ, награждая ихъ при томъ *несудимыми грамотами*, по которымъ судъ надъ монастырскими крестьянами былъ предоставленъ игумену съ братіею, а въ случаѣ суда „смѣстнаго" долженъ былъ судить игуменъ же, вмѣстѣ съ воеводами и дьяками[a]. Въ виду того, что монастырскіе суды всегда отличались мягкостію и снисходительностію, будучи совершенной противоположностью судамъ воеводъ того времени, крестьяне весьма охотно селились на монастырскихъ земляхъ[b]. Благодаря этому, въ концѣ XVII ст. вотчина Далматова монастыря имѣла уже довольное число своихъ крестьянъ и владѣла большимъ количествомъ пахатной земли, съ богатыми природными угодьями, а въ половинѣ прошлаго столѣтія за монастыремъ числилось одно *село и четырнадцать деревень*, въ которыхъ по переписи было 2150 душъ, вмѣстѣ съ монастырскими работниками и слугами. При монастырѣ была учреждена ярмарка, которая начиналась 6 декабря и продолжалась недѣлю и болѣе. Такимъ образомъ, монастырь сдѣлался и торговымъ центромъ Исетской провинціи и сталъ богатѣть: прежнія деревянныя зданія монастыря были замѣнены новыми каменными; вмѣсто одного храма было построено три. Рычковъ, говоря

---

a) Акт. Истор., т. I, № 191.
b) А. Благовѣщенскій. Истор. Каз. Дух. Семинаріи, Казань 1883 г., стр. 9.

объ этомъ монастырѣ, замѣчаетъ: „*Успенскій Далматовъ монастырь*, въ которомъ ограда, церкви, архимандричьи и братскія кельи всѣ каменныя, и для его великости и изряднаго строенія изъ всей Оренбургской губерніи *долженъ почитаемъ быть за лучшее церковное зданіе*. Главная въ немъ церковь во имя Успенія Богородицы, другая Св. Іоанна Златоустаго, третья на посадѣ каменная жъ Николая Чудотворца“ [a]).

Помимо своего непосредственнаго значенія въ Исетской провинціи, Далматовъ монастырь служилъ какъ-бы митрополіей для другихъ монастырей этой окраины. Въ 25 саженяхъ отъ него находился женскій монастырь, который послѣ пожара, истребившаго этотъ монастырь, былъ перемѣщенъ къ урочищу „Верхтеченское Поселье“, принадлежавшему Далматову монастырю и находившемуся отъ него въ 50 верстахъ [b]). Въ семи верстахъ отъ Исетскаго острога вверхъ по рѣкѣ Исети, на правомъ берегу ея, былъ Раѳаиловъ монастырь, построенный въ небольшомъ сосновомъ бору; внутри деревянной ограды монастыря находилось двѣ деревянныя же церкви: одна во имя Пресвятыя Троицы, а другая—въ честь Покрова Божія Матери; здѣсь же было до десяти монашескихъ келій. Къ Раѳаилову монастырю было приписано *пять деревень*, въ которыхъ считалось 530 ревизскихъ душъ. Въ 20 верстахъ отъ Раѳаилова монастыря, вверхъ по р. Исети, на лѣвой сторонѣ ея, находилась „Коцкаго монастыря заимка“, а ниже Исетскаго острога на 18 верстъ, на лѣвомъ же берегу Исети, была расположена „Великоустюжскаго Архангельскаго монастыря заимка“; къ первой было приписано три деревни съ 679 рев. душ.; а ко второй—507 рев. душ., которыя также были поселены въ трехъ деревняхъ. Въ Коцкой заимкѣ было двѣ церкви: одна каменная, во имя Пресвятыя Троицы, съ придѣлами Богоявленія Господня и Св. Николая Чудотворца; другая деревянная, во имя Св. Николая Чудотворца; обѣ церкви были обнесены деревянной оградой.—Въ Архангельской заимкѣ была одна церковь деревянная, во имя Архангела Михаила, окруженная деревянной оградой, внутри которой находилось до пяти монашескихъ келій [c]). За всѣми поименованными монастырями въ половинѣ XVIII в. числилось по переписи 3866 душъ мужескаго пола.

Изъ другихъ поселеній Исетской провинціи наиболѣе были замѣчательны: Исетскій острогъ, Шадринскъ, Окуневскій острогъ и крѣпости: Міасская, Чебаркульская и Челябинская. Исетскій острогъ былъ окруженъ деревянной стѣной съ двумя проѣзжими башнями;

a) Топогр. Оренб. губ., изд. 1887 г., стр. 355.
b) Тамъ же, стр. 356.
c) Тамъ же, стр. 351.

внутри стѣны находились двѣ деревянныя церкви: одна во имя Богоявленія Господня, другая во имя Казанской Божіей Матери; здѣсь же были канцелярія и управительскій домъ. Около острога находилось до ста дворовъ, которые такъ же были обнесены деревянной стѣной съ тремя проѣзжими воротами, изъ коихъ надъ одними была устроена башня; кромѣ того, все *„жило"* было окружено рогатками и надолбами. Къ Исетскому острогу было приписано *четыре села и 23 деревни,* въ коихъ числилось болѣе 4000 душъ[a].

Шадринскъ, находящійся западнѣе Исетска на 120 верстъ, получилъ свое названіе отъ истока р. Исети Шадрихи; онъ основанъ въ 1662 г. по челобитью Юшки Соловья, которому было разрѣшено заселить слободу „вольными гулящими людьми, для государевой десятинной пашни на льготные годы". Со времени своего возникновенія по 1712 г. Шадринскъ назывался Шадринскою слободою, а съ 1712 г., по опредѣленію его коммендаита князя Василія Мещерскаго и по указу изъ Тобольска, Шадринская слобода стала называться Архангельскимъ Шадринскимъ городкомъ; по Писцовымъ книгамъ 1719 г. Шадринскъ значится такъ же городомъ, а не острогомъ. Шадринскъ былъ обнесенъ рогатками, а внутри его сдѣланъ былъ „рубленый городъ съ башнями, на подобіе замка или кремля"; съ наружной стороны его устроены были для торговыхъ людей лавки, гдѣ происходила торговля „всякими товарами" по воскреснымъ днямъ. Въ городѣ было три деревянные храма: одинъ во имя Преображенія Господня, другой въ честь Архангела Михаила и третій, во имя Св. Николая Чудотворца. Къ Шадринску было приписано *пять селъ* и *двадцать деревень* съ населеніемъ въ 2716 душъ[b].

Окуневскій острогъ застроенъ въ 1676 году и заселенъ „вольными и гулящими людьми"; названіе свое онъ получилъ отъ озера Окуневскаго, посреди котораго находился островъ, поросшій сосновымъ лѣсомъ. Самый острогъ былъ расположенъ на лѣвой сторонѣ р. Міяса, при впаденіи въ нее рѣчки Окуневки, вытекающей изъ Окуневскаго озера. Въ острогѣ было до ста дворовъ и двѣ деревянныя церкви: одна во имя Срѣтенія Господня, другая—во имя Казанской Божіей Матери. Укрѣпленіе его было такое же, какъ и прочихъ остроговъ. Къ Окуневскому острогу было приписано *два села* и *24 деревни,* въ которыхъ считалось 1762 ревизскія души, положенныя въ подушный окладъ[c].

---

a) Рычковъ. Топогр. Ор. губ., стр. 348. Изд. 1887 г.
b) Тамъ же, стр. 355—356.
c) Тамъ же, стр. 357—358.

Міасская крѣпость возникла изъ Верхне-Міасской слободы, основанной въ послѣдней четверти XVII вѣка и обращенной Кирилловымъ въ крѣпость въ 1736 г. Послѣ Сеитовскаго бунта, многіе изъ башкиръ бѣжали за Яикъ, въ Исетскую провинцію, и здѣсь грабили и разоряли русскіе поселки, отнимая у крестьянъ и самыя земли. Поэтому жители слободъ юго-западной Сибири обратились въ 1695 г. съ челобитной къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, прося ихъ защиты отъ грабежей и насилія башкиръ. Изъ этой-то челобитной[a] видно, что слобода *Верхне-Міасская существовала еще до 1795 г.* Стараясь обезопасить восточныя границы Россіи отъ набѣговъ киргизъ-кайсаковъ и мятежей при-уральскихъ башкиръ, правительство, указомъ 11 февраля 1736 года, предписало Кириллову: земли волостей Каратабынской и Баратабынской отписать въ казну за произведенные башкирцами въ разное время бунты. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что земли названныхъ волостей принадлежали раньше башкирскому старшинѣ Таймасу Шаимову съ товарищами[b]. На этой землѣ и были устроены крѣпости Челябинская, Еткульская, Коельская и Уйская; тогда же переименованы въ крѣпости и слободы: Верхне-Міасская и Чебаркульская. Изъ плана на земли Міасской крѣпости и самой крѣпости, сохранившагося въ Міасской церкви Св. Пророка Ильи[c], видно, что въ 1741 году Міасская крѣпость составляла изъ себя военное поселеніе по лѣвую сторону р. Міаса, имѣя центромъ существующую теперь церковную площадь, на которой было устроено укрѣпленіе въ видѣ почти квадратнаго четыреугольника (40 и 38 саж.), состоявшаго изъ земляного вала съ выдававшимися по угламъ фасами. Съ наружной стороны вала были вырыты рвы, а съ трехъ сторонъ (восточной, западной и сѣверной) находились рогатки. Внутри этого укрѣпленія помѣщались: казармы (4 флигеля), канцелярія, домъ командира драгунъ, пороховой погребъ и магазины. Внѣ крѣпости за валомъ и рвомъ, противъ южныхъ воротъ, было два магазина, а противъ сѣверныхъ—одинъ. Въ 20 саженяхъ отъ сѣверо-восточнаго фаса, на одной высотѣ съ нимъ, была деревянная церковь, во имя Св. Пророка Иліи, построенная съ благословенія Тобольскаго митрополита Антонія[d] и освященная архимандритомъ Далматова монастыря

---

[a] Подлинная челобитная, отъ имени 1859 просителей, была найдена въ архивѣ Главной Конторы Екатеринбургскихъ заводовъ Н. К. Чупинымъ и напечатана въ книжкѣ Ф. М. Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 127—138.

[b] См. выше стр. 134 и 278 въ наст. моногр.

[c] Этотъ планъ былъ составленъ прапорщиками геодезіи Курeдовымъ и Алябзинымъ. См. въ кн. Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 125.

[d] Въ XVIII в. въ Тобольскѣ было два митрополита Антонія: Антоній I Стаховскій (1721 - 1740), изъ архіепископовъ черниговскихъ, умершій 27 марта 1741 г.,

Сильвестромъ 28 іюля 1743 года. Съ восточной стороны центральнаго укрѣпленія были размѣщены въ два ряда *восемь* кварталовъ обывательскихъ домовъ, а на западной сторонѣ находилось *шесть* кварталовъ казачьихъ домовъ. Все поселеніе съ восточной, западной и сѣверной стороны было обнесено заплотомъ, съ четырьмя сторожевыми деревянными башнями и рогатками; съ южной стороны рогатки шли по лѣвому берегу р. Міяса. На правомъ берегу Міяса находились двѣ драгунскія казармы. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ двухъ ротъ драгунъ и обывателей крѣпости—Исетскихъ казаковъ[a].

Чебаркульская крѣпость, основанная одновременно съ Міасской, находилась при озерѣ „Чебаркуль", простиравшемся верстъ на 8 въ длину и верстъ на 6 въ ширину; на озерѣ насчитывали до десяти большихъ и малыхъ островóвъ, поросшихъ лѣсомъ. Отъ Оренбурга до Чебаркульской крѣпости считается 508 верстъ. Служилыхъ казаковъ въ крѣпости было 291 чел., обывательскихъ домовъ до 300. Крѣпость и дома обывателей были обнесены заплотомъ, рогатками и надолбами; внутри крѣпости находилась церковь, во имя Срѣтенія Господня[b].

Главное управленіе всей Исетской провинціи находилось сначала въ Шадринскѣ[c]; потомъ на нѣкоторое время было переведено въ Чебаркульскую крѣпость, затѣмъ—въ Теченскую слободу, а съ 1743 года административнымъ центромъ всей Исетской провинціи, согласно желанію Неплюева, сдѣлалась Челябинская крѣпость[d], переименованная въ 1787 г. въ городъ Челябинскъ. Крѣпость эта, расположенная при р. Міасѣ, была основана въ 1736 г. на мѣстѣ башкирской деревни Челябы[e].—Первоначальное укрѣпленіе Челябинской крѣпости состояло изъ небольшаго деревяннаго замка съ двумя башнями; Неплюевъ, избравъ эту крѣпость административнымъ центрóмъ Исетской провинціи, приказалъ обнести ее всю, по обѣимъ сторонамъ р. Міяса, валомъ, заплотомъ, рогатками и надолбами и устроить три башни съ проѣзжими воротами[f]. До 1748 г. въ Челябинской крѣпости была только одна деревянная церковь,

---

и Антоній 2 Нарожницкій (1742—1748) изъ намѣстниковъ Троице-Сергіевой Лавры, скончавшійся 9 октября 1755 г. Здѣсь, очевидно, нужно разумѣть Антонія 2. См. 900 л. Росс. іерархіи, стр. 54.

a) Ф. М. Стариковъ. „Откуда взялись казаки", стр. 126.

b) Рычковъ. Топ. Оренб. губ., стр. 368. Изд. 1887 г.

c) Временникъ, кн. III, Смѣсь, стр. 12.—Шадринскъ нынѣ уѣздный городъ Пермской губерніи.

d) Топ. Оренб. губ., стр. 359 и 365.

e) Челябъ — башкирское слово, означающее въ переводѣ на русскій языкъ *ведро* или *буракъ*. Мѣстоположеніе Челябинска дѣйствительно представляетъ *ведрообразную* котловину. Здѣсь же, неподалеку отъ города, протекаетъ р. Челябка.

f) Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., ч. I, стр. 86. Ср. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, стр. 365. Изд. 1887.

во имя Св. Николая Чудотворца, съ перемѣщеніемъ же сюда Исетской провинціальной канцеляріи, благодаря заботамъ Неплюева, была построена другая каменная церковь о трехъ престолахъ, изъ коихъ главный былъ въ честь Рождества Христова, а придѣлы—во имя Св. Евангелиста Іоанна Богослова и Св. Чудотворца Николая. Въ 1743 году Неплюевъ, въ сопровожденіи Рычкова, посѣтилъ Шадринскъ, какъ первоначальный центръ управленія Исетской провинціи; здѣсь онъ, между прочимъ, имѣлъ свиданіе съ сибирскимъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Сухаревымъ, съ которымъ у него и было совѣщаніе относительно соединенія Оренбургской линіи укрѣпленій съ Сибирскою, причемъ также были высказаны многія предположенія касательно Зюнгоріи и Китая, какъ это видно изъ писемъ Рычкова къ Миллеру[a].

Проектируя соединеніе Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирскою, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на административное устройство и служебный составъ лицъ центральнаго управленія Исетской провинціи. Въ своемъ доношеніи Сенату, отъ 24 марта 1743 г., онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, необходимо опредѣлить въ дистрикты Исетской провинціи особыхъ „правителей" девять человѣкъ изъ сибирскихъ дворянъ съ такимъ же жалованьемъ, какое они получали отъ Сибирской губерніи, а именно по 20 р. деньгами да по 20 четв. хлѣба, ржи и овса (пополамъ). Неплюевъ также просилъ, чтобы на каждую изъ трехъ управительскихъ канцелярій было ассигновано по 20 р. ежегодно на канцелярскіе расходы: на бумагу, сургучъ, чернила и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ представилъ Сенату, что онъ признаетъ за полезное „провинціальному правленію и новоучреждаемой съ Сибирской стороны по Оренбургской линіи ярморкѣ быть въ Челябинской крѣпости; воеводскую должность поручить подполковнику Оренбургскаго полка Бахметову, а должность ассесора—капитану Агареву, съ производствомъ имъ жалованья изъ войсковыхъ суммъ. Считая необходимымъ имѣть въ Исетской провинціальной канцеляріи особаго секретаря, Неплюевъ представилъ кандидатомъ на эту должность канцеляриста Черемисинова, открывшаго впослѣдствіи мѣсторожденіе увельской глины[b]. Сверхъ того, по штату Неплюева, въ канцеляріи полагались: переводчикъ, два канцеляриста, два подканцеляриста, четыре копіиста и два сторожа; жалованье имъ должно было идти изъ канцелярскихъ сборовъ Исетской провинціи, для чего требовалось по смѣ-

---

[a]) Пекарскій. Жизнь и литер. переп. П. И. Рычкова, стр. 83. Ср. Уфимск. Губ. Вѣд. 1873 г., № 47. См. стр. 290-ю въ наст. монографіи.

[b]) Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. I, стр. 246 и 257. Изд. 1762 г., а въ издан. „Топогр." 1887 г. стр. 183.

тѣ ежегодно 290 рубл. деньгами и 232 четв. хлѣба[a]. Для внутренней службы, содержанія карауловъ и для конвоированія денежной почты, Неплюевъ призналъ необходимымъ учредить при Исетской канцеляріи пѣхотную «*провинціальную*» роту солдатъ, предположивъ сформировать ее изъ дѣтей отставныхъ драгунъ и вообще изъ дѣтей служилыхъ людей, которые не были положены въ подушный окладъ, съ назначеніемъ каждому солдату по 1 р. 50 к. въ годъ, кромѣ провіанта, а унтеръ-офицерамъ „противъ гарнизонныхъ изъ тутошныхъ Оренбургскихъ доходовъ“[b]. Сенатъ, 22 сентября того же года, утвердилъ представленіе Неплюева о преобразованіи управленія Исетской провинціи. Такимъ образомъ, благодаря ходатайству Неплюева, *Челябинская крѣпость сдѣлалась главнымъ административнымъ центромъ Исетской провинціи и ярмарочнымъ рынкомъ съ Сибирской стороны;* къ этому же времени относится и поселеніе здѣсь казаковъ, управленіе которыми было поручено отдѣльному войсковому атаману при осьми старшинахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Исетской канцеляріи. Число служилыхъ казаковъ въ Челябинской крѣпости равнялось, въ половинѣ прошлаго вѣка, 354 чел.; но челябинскій казачій атаманъ завѣдывалъ непосредственно всѣми иррегулярными войсками Исетской провинціи. Кромѣ такъ называемой «*провинціальной*» роты солдатъ, состоявшей въ распоряженіи Исетской канцеляріи, и 354 ч. служилыхъ казаковъ, въ Челябинской крѣпости въ это время считалось 42 рев. д. крестьянъ и дворовыхъ людей и 192 д. купечества и цеховыхъ, такъ-что все населеніе крѣпости простиралось до 700 д., кромѣ 154 чел. крестьянъ, которые переѣхали изъ Шадринска и поселились, уже послѣ ревизіи, въ деревнѣ Баландиной[c], находящейся въ 15 верст. отъ Челябинской крѣпости; обывательскихъ дворовъ внутри крѣпости и за р. Міясомъ считалось до 500, владѣльцами ихъ были по преимуществу казаки. Посадскимъ сословіемъ управляла Ратуша, при которой состоялъ выборный податной староста, который завѣдывалъ сборомъ податей съ челябинскихъ государственныхъ крестьянъ и раскладкою на нихъ различныхъ повинностей[d]. Въ Челябинской крѣпости также учреждено было *Духовное правленіе*, состоявшее въ вѣдомствѣ тобольскихъ архіереевъ. Между Оренбургомъ, Челябинской и Троицкой крѣпостями, благодаря заботамъ Неплюева, былъ учрежденъ почтовый трактъ на пре-

---

[a]) Жалованье распредѣлено было такъ: секретарю 60 руб. и 60 четв. хлѣба; канцеляристамъ—каждому по 30 р. и по 30 четв. хлѣба; подканцеляристамъ и переводчику по 20 р. и по 20 четв. хлѣба; копіистамъ по 12 р. и по 12 четв. хл.; сторожамъ по 6 р. и по 6 четв. хлѣба. На канцелярскіе расходы 50 рубл. См. въ П. С. Зак., т. XI, № 8783, стр. 896, столб. 2.

[b]) Тамъ же.

[c]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 365. Изд. 1887 г.

[d]) Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., стр. 86.

тяженія почти 700 верстъ[a]. Почта изъ Оренбурга въ Исетскую канцелярію отправлялась ежедневно и шла на Верхнеяицкую и Уйскую крѣпости, а отсюда въ Челябинскую и далѣе до Троицкой крѣпости, нынѣ уѣзднаго города Оренбургской губерніи. Такъ-какъ большая часть пути отъ Верхнеяицкой крѣпости до Челябинской была еще не заселена; то по тракту были устроены особыя почтовыя станціи и нѣсколько поселковъ. Вотъ маршрутъ, по которому тогда отправлялась изъ Оренбурга почта въ Исетскую канцелярію: Оренбургъ, крѣпости: Верхнеяицкая, Углы-Карагайская и Уйская, Кумляцкій ямъ, село Коельское, Башкирскій ямъ, въ 23 верстахъ отъ него — почтовый дворъ и затѣмъ — Челябинскъ, до котораго отъ Оренбурга по этой дорогѣ считалось 572 версты. Разстояніе между станціями было не болѣе 44 и не менѣе 11 верстъ[b].

И. И. Неплюевъ, по справедливости, долженъ занять первое мѣсто не только въ ряду администраторовъ, но и въ числѣ колонизаторовъ обширнаго Оренбургскаго края; въ этомъ убѣждаетъ насъ рядъ тѣхъ мѣръ, которыя были предприняты даровитымъ организаторомъ края къ увеличенію его населенія. Стараясь заселить *„пустопорожнія земли“* Оренбургской губерніи, Неплюевъ обратилъ главное вниманіе на провинціи Исетскую и Уфимскую, особенно же на первую. Такъ-какъ значительное большинство народонаселенія этихъ провинцій состояло изъ инородцевъ, еще не вполнѣ освоившихся съ русскою властью; то здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствовалась необходимость въ усиленіи русскаго элемента и русскаго вліянія на инородцевъ, тѣмъ болѣе, что Исетская провинція, по своей отдаленности и пограничности съ киргизами, представляла большія затрудненія для наблюденія за ея обитателями. Кромѣ того, Исетская провинція заключала въ себѣ огромное количество плодородныхъ и удобныхъ къ осѣдлой жизни земель, которыя надолго еще могли оставаться *«впустѣ»*, если-бы не обратилъ на нихъ свое вниманіе Неплюевъ. Кромѣ добровольно уходившихъ въ Башкирію инородцевъ изъ сосѣднихъ губерній, въ Оренбургскомъ краѣ охотно селились и русскіе, изъ коихъ первое мѣсто по численности принадлежало *государственнымъ* крестьянамъ; но нерѣдко случалось, что, подъ именемъ государственныхъ крестьянъ, переселялись сюда и *помѣщичьи*, которыхъ потомъ ихъ владѣльцы, какъ увидимъ, стали требовать на прежнія мѣста жительства и „дистрикты Исетской провинціи могли бы совершенно опустѣть“, если бы не принялъ участія въ судьбѣ ея крестьянъ Неплюевъ. Выше мы уже говорили о колонизаціонномъ

---

[a]) Отъ Оренбурга до Троицка считали тогда 682 в.
[b]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 368—369. Изд. 1887 г., а въ изд. 1762 г., ч. II, стр. 189.

движеніи русскихъ и чужеродцевъ въ Оренбургскій край до Неплюева; теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе и указать на тѣ мѣры, какія были предприняты Неплюевымъ для увеличенія населенія Оренбургскаго края вообще и Исетской провинціи—въ частности. Ближайше знакомство съ внутренней исторіей Россіи въ первой половинѣ XVIII в. убѣждаетъ насъ, что громадные успѣхи колонизаціонной дѣятельности Неплюева обусловливались, помимо личныхъ его качествъ, многими другими обстоятельствами внутренней жизни Россіи, которыми Неплюевъ, какъ даровитый и трудолюбивый человѣкъ, умѣло и благоразумно воспользовался, въ чемъ собственно и заключается значеніе его колонизаціонной дѣятельности. Безапелляціонная зависимость крѣпостныхъ крестьянъ отъ своихъ владѣльцевъ, господскій произволъ, незнавшій границъ, тяжелое положеніе поссессіонныхъ крестьянъ, преслѣдованіе раскольниковъ, притѣсненіе и обиды духовенства во время правленія Бирона, взятки и несправедливость со стороны чиновниковъ, жестокость исправительныхъ мѣръ, болѣзни, пожары и скотскіе падежи, разорявшіе крестьянъ, быстрое увеличеніе недоимки и недородъ хлѣба, разбои и грабежи въ домахъ и по дорогамъ,—все это, какъ мы уже знаемъ[a]), заставляло крестьянъ искать иной, лучшей жизни на окраинахъ Россіи: недовольные своимъ положеніемъ на прежнихъ мѣстахъ жительства уходили на Донъ, Яикъ, въ Оренбургъ, на заводы Пермскіе и за рубежъ—въ Польшу, на Кавказъ и Сибирь, по пословицѣ: «*рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше*».

Самый обильный матеріалъ для колонизаціи Оренбургскаго края, безъ сомнѣнія, составляли разныхъ сословій и занятій люди, приговоренные *къ ссылкѣ*. Указомъ 11 февраля 1736 года было предписано „къ умноженію въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ русскихъ людей“ *ссылать* туда разныхъ преступниковъ, опредѣляя однихъ въ регулярную службу, другихъ на пашню для обработки земли, третьихъ, болѣе тяжкихъ преступниковъ, употребляя на работы въ шахтахъ. Но этотъ, обильный въ количественномъ отношеніи, колонизаціонный элементъ оказался мало пригоднымъ для края по его внутреннимъ качествамъ. Еще князь В. А. Урусовъ, будучи главнымъ начальникомъ Оренбургской экспедиціи, два раза доносилъ въ Сенатъ, что „между ссыльными въ Оренбургъ многіе престарѣлые такіе, кои ни въ какую службу и пользу употреблены быть не могли“ [b]). Вслѣдствіе представленія Неплюева, сенатскимъ указомъ, отъ 29 марта 1744 г., было подтверждено ссылать въ Оренбургъ тѣхъ изъ купеческихъ, масте-

---

[a]) См. подробности въ XII гл. наст. монографіи, стр. 318—368.
[b]) П. С. Зак., № 8093.

ровыхъ и ремесленныхъ людей, которые, по указамъ, подлежали за свои вины ссылкѣ въ Сибирь и на заводы, для усиленія тамъ торгово-промышленнаго элемента[a]). По случаю заключенія Абовскаго мира Россіи съ Швеціей въ 1743 г., велѣно было отправлять въ Оренбургъ на жительство всѣхъ возвращенныхъ изъ ссылки, которые потерпѣли публичное наказаніе плетьми или у которыхъ были вырваны ноздри[b]); сюда же ссылались на поселеніе разночинцы, незаконнорожденные, престарѣлые и холопы, отпущенные на волю,—вообще, всѣ, которые оказывались неспособными къ военной службѣ и не могли платить подушнаго оклада[c]). Вслѣдствіе преслѣдованія бѣглыхъ со стороны правительства, многіе изъ нихъ стали называться *непомнящими родства*. Неплюевъ просилъ Сенатъ, чтобы всѣ *непомнящіе* родства отсылались также въ Оренбургскую губернію и чтобы они могли *«обсидѣться»*, подушныхъ и рекрутскихъ повинностей съ нихъ не брать въ теченіе трехъ лѣтъ, со времени ихъ поселенія на новыхъ земляхъ, и на работы, кромѣ чрезвычайныхъ, ихъ не посылать. Сенатъ утвердилъ это представленіе Неплюева и по справкѣ о вновь присланныхъ, сдѣланной въ томъ же (1746) году, оказалось въ Оренбургской губерніи однихъ непомнящихъ родства и помѣщичьихъ крестьянъ, за исключеніемъ дряхлыхъ и малолѣтнихъ, 711 чел., а это можетъ дать понятіе объ ежегодной прибыли сходцевъ, уже извѣстныхъ правительству[d]). Къ сожалѣнію, этотъ многочисленный приростъ населенія Оренбургскаго края оказался, какъ мы уже замѣтили, мало пригоднымъ для его колонизаціи, по своей нравственной испорченности, на что Неплюевъ и обратилъ вниманіе правительства. Въ апрѣлѣ 1747 года онъ доносилъ Сенату: „тѣ изъ ссыльныхъ, которые по всемилостивѣйшимъ Ея Императорскаго Величества указамъ отъ казенныхъ работъ освобождены и находятся на поселеніи, живучи на волѣ и не платя никому никакихъ податей, *отъ праздности впали только въ воровство и въ другія непотребства*“[e]). Желая удержать ихъ отъ „продерзостей“ и сдѣлать небезполезными для края, Сенатъ, согласно представленію Неплюева, приказалъ употребить ихъ въ помощь бобылямъ и тептярямъ, при производствѣ городовыхъ работъ, съ платежемъ заработанныхъ ими денегъ по Плакату. Такимъ образомъ взрослые изъ ссыльныхъ, по волѣ Неплюева, были призваны къ работѣ за извѣстное

---

[a]) Тамъ же, № 8906; ср. № 6170.
[b]) Тамъ же, № 8992.
[c]) Тамъ же, №№ 8683 и 8836.
[d]) Ешевскій. Сочиненія, т. III. стр. 662—663. Сл. Адресъ-календарь Оренб. губ. 1849 г., прилож., л. 8 и 9.
[e]) Н. А. Ѳирсовъ. Инородч. насел. прежняго Каз. царства, стр. 381.

вознагражденіе; но у многихъ ссыльныхъ были дѣти,—въ указѣ 26 августа 1739 года было сказано: „ссыльныхъ, подлежащихъ ссылкѣ въ Оренбургъ, посылать туда съ женами и *дѣтьми*, и у которыхъ ссыльныхъ жены и дѣти остались на прежнихъ жилищахъ, оныхъ всѣхъ кромѣ тѣхъ, кои по подушному платежу помѣщикамъ принадлежатъ, туда же на житье выслать“ [a]. О количествѣ дѣтей ссыльныхъ сюда родителей отчасти можно судить по тому, что ихъ только въ Оренбургѣ, Бердской слободѣ и въ Чернорѣченской крѣпости въ 1747 г. было насчитано 188 чел. одного муж. пола [b]. Неплюевъ, какъ видно изъ его доношенія въ Сенатъ, серьёзно былъ озабоченъ положеніемъ и будущностью этихъ несчастныхъ дѣтей: „ибо (писалъ онъ въ Сенатъ), живучи безъ присмотра у таковыхъ отцовъ, отъ которыхъ ничего инаго, кромѣ худыхъ примѣровъ и продерзскихъ поступковъ, видѣть не могутъ, по возрастѣ ихъ разбродиться и въ такія непотребства будутъ впадать, каковыя отъ отцовъ ихъ происходятъ, и тако не иначе чего ожидать, какъ умноженія воровства и всякихъ непотребствъ“ [c]. Чтобы изолировать дѣтей ссыльныхъ въ Оренбургскій край отъ дурнаго вліянія ихъ родителей, Неплюевъ положилъ учредить особливую школу, въ которой могли бы обучаться дѣти ссыльныхъ, о чемъ и представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе.—Вслѣдствіе представленія и ходатайства Неплюева, Сенатъ 18 ноября 1748 г. постановилъ: „для тѣхъ ребятъ, которые находятся въ Оренбургѣ и въ Бердской слободѣ, также и въ Шешминскихъ поселеніяхъ у своекоштныхъ и работныхъ ссылочныхъ, отъ 7 до 15 лѣтъ, *учредить* тамъ подъ вѣдѣніемъ Оренбургской губернской канцеляріи особливую *школу*, куда всѣхъ таковыхъ изъ показанныхъ мѣстъ собравъ, обучать россійской грамотѣ, чистому письму, *нотному пѣнію*, исповѣданію православной вѣры, такожъ и первыя части ариѳметики“.—Помѣщеніе для школы предположено было отвести въ казармахъ. Ученикамъ школы полагались „провіантъ и мундиръ во всемъ противъ того, какъ въ гарнизонныхъ школахъ положено, а которые усмотрятся лучшаго понятія и прилежности, тѣмъ и денежное жалованье сверхъ того опредѣляемо быть можетъ“. Расходы по содержанію школы были отнесены на счетъ остатковъ изъ доходовъ Оренбургской губерніи и „той прибыли, которая отъ тамошней аптеки происходитъ; а провіантъ давать имъ отъ тамошней Провіантской конторы по сему, а именно: тѣмъ, которые отъ 7

---

[a] П. С. З., т. XII, № 9553.
[b] Тамъ же, стр. 937, столб. 2.
[c] Тамъ же, стр. 938, столб. 1.

до 10 лѣтъ, по одному четверику, а тѣмъ, кои выше 10 лѣтъ—по два, а крупу и соль на каждаго противъ солдатскихъ дачъ; на нихъ же въ скоромные дни отпущать изъ госпиталя отъ губернскаго скота получаемое молоко, творогъ и масло безъ излишества" [a]. Для обученія школьниковъ „Русской грамматикѣ" на первый разъ велѣно было „опредѣлять учителя съ кормовыми деньгами, а къ тому употреблять изъ находящихся при татарской школѣ [b] учениковъ, которые грамотѣ и письму довольны, а для варенія пищи и для мытья рубахъ на маловозрастныхъ опредѣлить изъ ссыльныхъ одну или двухъ женокъ, и надъ тѣмъ всѣмъ имѣть всегдашнее надзираніе отъ губернской канцеляріи" [c]. Учениковъ этой школы, по достиженіи ими 18 л. возраста, велѣно „опредѣлять въ разныя службы, по тогдашнему губернскому штату положенныя, усматривая способность и понятія ихъ".—Что касается тѣхъ изъ дѣтей ссыльныхъ, которые имѣли болѣе 15 лѣтъ; то ихъ всѣхъ велѣно было собрать на смотръ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, гдѣ „ихъ разобрать и по способностямъ ихъ распредѣлить въ регулярную и нерегулярную службы, *чтобы они праздно шататься и въ непотребности впадать не могли*" [d]. Относительно же тѣхъ изъ дѣтей ссыльныхъ, отцы которыхъ уже служили по крѣпостямъ въ казакахъ, было опредѣлено: „оныхъ *всѣхъ въ школу не брать*, но оставить ихъ впредь для комплекта казачьяго въ тѣхъ крѣпостяхъ, гдѣ отцы ихъ казаками находятся, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они къ той же службѣ потребны будутъ" [e]. Вообще Неплюевъ заботился о томъ, чтобы дѣти ссыльныхъ „воспитаны были такъ, какъ государственная польза требуетъ" [f]; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна судьба проэктированной имъ школы для дѣтей ссыльныхъ, но уже одна мысль о ней, какъ высоконравственная, заслуживаетъ особеннаго сочувствія со стороны потомства.

Кромѣ людей великороссійскаго племени, правительство пожелало переселить въ Оренбургскій край и охотниковъ изъ малороссіянъ: 20 августа 1739 г. состоялся высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось принимать на поселеніе въ Оренбургскій край *черкасъ* [g], и тогда же было публиковано въ Малороссіи, что всѣ, желающіе переселиться въ Оренбургскій

---

[a] Тамъ же, стр. 939, столб. 1.
[b] Здѣсь разумѣется татарская школа въ Оренбургѣ, о которой мы скажемъ дальше.
[c] Тамъ же.
[d] Тамъ же.
[e] Тамъ же, столб. 2.
[f] Тамъ же, стр. 938, столб. 1.
[g] Малороссовъ назыв. обыкновенно *Черкасами*. См. соч. Пекарскаго: „Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова", стр. 98, замѣчан.

край, малороссіяне должны явиться въ Генеральную канцелярію и тамъ записаться. Предшественникъ Неплюева, князь В. А. Урусовъ, въ силу этого указа, отправилъ въ Малороссію капитана Калачева, уполномочивъ его приглашать народъ къ переселенію въ Оренбургскій край. Охотниковъ оставить свои прежнія жилища оказалось не мало: въ одной малороссійской деревнѣ всѣ ея обитатели, за исключеніемъ четырехъ семей, пожелали переселиться въ Оренбургскій край[a]; въ Глуховской сотнѣ изъявили на то желаніе 15 казаковъ и т. п. Малороссійская Генеральная войсковая канцелярія, не сочувствуя въ принципѣ этому переселенію, представила въ Сенатъ, что „ежели и впредь изъ другихъ мѣстъ таковымъ многимъ числомъ съ однихъ владѣній въ Оренбургъ будутъ записываться, то у оныхъ владѣльцевъ будетъ не малая пустота“, и потому просила: „не повелѣно-ли будетъ принимать капитану Калачеву желающихъ изъ-подъ одного владѣнія, гдѣ будетъ всѣхъ семей до 10 или до 20, не больше, какъ десятую семью“.—Сенатъ представилъ эту просьбу на усмотрѣніе Верховнаго Кабинета, который далъ такой отвѣтъ: „возможно выпускать позволить изъ казаковъ до четвертой доли одной сотни, а изъ мужиковъ до четвертой доли одного села“[b]. Малороссійскіе владѣльцы и старшины, недовольные такимъ рѣшеніемъ Кабинета, стали сами, на сколько это было можно, затруднять переселенія въ Оренбургскій край ихъ единоземцевъ; Урусовъ сообщилъ о томъ Сенату, который въ 1741 году двукратно подтверждалъ „Малороссійской старшинѣ и владѣльцамъ“, чтобы они казакамъ и посполитымъ людямъ, записавшимся для поселенія въ Оренбургскія крѣпости, а равно и тѣмъ, кои впредь будутъ записываться, „никакихъ налогъ, обидъ, грабительствъ и разоренія и въ продажѣ собственныхъ ихъ грунтовъ, дворовъ, хлѣба, скота и прочихъ ихъ имѣній препятствія и запрещенія отнюдь не чинили и желающимъ къ тому переселенію не запрещали“[c]. Между тѣмъ капитанъ Калачовъ, заручившійся содѣйствіемъ малороссійской администраціи, находившейся въ рукахъ великороссійскихъ чиновниковъ, не скупился на обѣщаніе переселенцамъ разнаго рода льготъ; онъ „обнадеживалъ, что которые на то поселеніе пойдутъ, тѣмъ для прокормленія и прохода онъ будетъ давать жалованіе на всякую душу муж. пола по 2 рубля, и кто чѣмъ владѣлъ, дворами, грунтами и всякими движимыми пожитками, то вольно и свободно будетъ имъ продавать, кому кто пожелаетъ, и ежели кто чѣмъ долженъ, то того

[a]) П. С. З., № 8111.
[b]) Тамъ же.
[c]) Тамъ же, № 8421,

платить не будетъ"[a]. Вообще пребываніе и дѣйствія Калачова въ Малороссіи и указы правительства о свободномъ переселеніи въ Оренбургскій край произвели среди малороссійскихъ крестьянъ большое броженіе. Малороссіянинъ города Лебедина, Сумскаго полка, Өеодоръ Милостивый подалъ въ 1741 году генералу Соймонову, замѣстившему на время Урусова, рапортъ, въ которомъ говоритъ, что „онъ въ Слободскихъ полкахъ и въ Малой Россіи можетъ набрать изъ охотниковъ до *тысячи* семей такихъ, которыя могутъ служить на собственномъ своемъ содержаніи, только бы имъ во всякихъ промыслахъ, какъ въ Малой Россіи обыкновеніе есть, дать позволеніе, и съ торговъ ихъ пошлинъ не брать и отъ службы и отъ работъ дать бы имъ сроку на *десять* лѣтъ и поселить ихъ, гдѣ они выберутъ пристойное мѣсто; а ежели такого позволенія дано имъ не будетъ, то бы обнадежить ихъ впредь денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ."[b]. Но переселеніе малороссіянъ въ такихъ большихъ размѣрахъ въ Оренбургскій край не могло состояться. Съ одной стороны сама Императрица Елизавета Петровна, сочувствовавшая стариннымъ малороссійскимъ порядкамъ, не пожелала этого, а съ другой—и Неплюевъ убѣдился въ безполезности этихъ переселеній изъ Малороссіи. Колонисты Оренбургскаго края должны были въ одно и то же время пріобрѣтать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ и обладать способностью бороться съ тѣми препятствіями, какія представляла для нихъ эта отдаленная и безпокойная страна, на что, при первоначальномъ заселеніи края, не было обращено должнаго вниманія. Между тѣмъ переселенцы изъ Малороссіи, навербованные Калачевымъ въ числѣ 209 семей, изъ коихъ 849 чел. были записаны въ казаки, почти ничѣмъ не обзавелись на новыхъ мѣстахъ, стоили очень дорого правительству[c] и, при своей оплошности, нерѣдко попадались въ руки киргизовъ: такъ въ 1743 г. киргизы захватили въ плѣнъ 82 чел. изъ малороссовъ, поселившихся въ Разсыпной крѣпости и „бывшихъ на жнитвѣ хлѣба безоружейно"[d]. Такимъ образомъ малороссійскіе колонисты, помимо безполезнаго увеличенія государственныхъ расходовъ, только запутывали и осложняли отношенія пограничной русской власти къ сосѣднимъ ордамъ. По расчету, сдѣланному Неплюевымъ, казна издержала на содержаніе ихъ и на жалованье имъ болѣе 30000 рублей; „но за всѣмъ тѣмъ",—писалъ Неплюевъ въ Сенатъ,—„они въ такомъ состояніи, что и понынѣ

---

[a] П. С. З., № 8421.
[b] Тамъ же, № 8616.
[c] П. С. Зак., № 8887 г.
[d] Рычковъ. Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 301, а въ изд. 1762 г., ч. II, стр. 94.

отъ своей пашни и работы, также производимымъ имъ жалованьемъ никто содержаться не можетъ, и повсямѣсячно не только написанные въ казаки, но и всѣ на женъ и дѣтей своихъ требуютъ хлѣба казеннаго, а службы отъ нихъ не только никакой не происходитъ, но еще и жительства *ихъ принуждены другими* командированными регулярными и нерегулярными *людьми* съ особливымъ на то казеннымъ же расходомъ *охранять*; къ тому же довольно насмотрѣно и сіе, что оные *черкасы*, получая толь не малыя изъ казны выдачи, такого старанія, чтобъ имъ чрезъ свое домостроительство работою или какимъ-нибудь промысломъ въ лучшее состояніе себя приводить и чрезъ то женъ своихъ и дѣтей, не требуя казеннаго, содержать имъ, весьма не имѣютъ, наче же въ слабость приходятъ" [a]. Рѣшившись положить конецъ безплодной тратѣ казенныхъ денегъ на черкасъ, Неплюевъ отправилъ къ нимъ нѣсколько офицеровъ, которымъ они должны были дать опредѣленный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: а) Кто изъ нихъ пожелаетъ за четырехъ-рублевое жалованье быть въ дѣйствительныхъ казакахъ, не требуя провіанта и никакого казеннаго снабдѣнія, а пробрѣтая себѣ содержаніе работою подобно русскимъ казакамъ?—б) Какою кто изъ нихъ хочетъ заниматься для своего прокормленія работою; кто казенною за вознагражденіе по 2 коп. въ день и за мѣсячный провіантъ, и кто работою у частныхъ лицъ?—в) Кто изъ нихъ хочетъ остаться на своемъ коштѣ и для того въ Оренбургъ перейти или пребывать на прежнемъ мѣстѣ? г) Не пожелаетъ-ли кто перейти на болѣе плодородныя мѣста, напримѣръ, въ Табынскъ, на новую дорогу на р. Кинельчикъ [b]?

Въ отвѣтъ на эти вопросы черкасы, жившіе въ Нѣжинской слободѣ, заявили, что они снова желаютъ возвратиться въ Малороссію на прежнія мѣста ихъ жительства; малороссы же, поселившіеся въ крѣпостяхъ Чернорѣченской, Татищевой и Разсыпной просили, чтобы имъ положили по 12 р. въ годъ жалованья, если хотятъ видѣть въ нихъ настоящихъ казаковъ, или чтобы не отягощали ихъ казенными работами и предоставили имъ право и свободу ѣздить для своихъ нуждъ, куда имъ понадобится: тогда они готовы содержаться на своемъ коштѣ. Неплюевъ рѣшился испытать, „не могутъ-ли они по тому своему желанію всегда содержаться"; онъ распорядился, чтобы малороссы поименованныхъ крѣпостей получали прежнее денежное жалованье, не были употребляемы ни въ какія

[a] П. С. Зак., № 8887.
[b] Тамъ же. См. изслѣдов. Н. А. Ѳирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанск. царства", стр. 387.

онъ дѣйствительно былъ озабоченъ эмиграціей черногорцевъ изъ венеціанской службы въ русскую[a]). Между тѣмъ албанецъ греческаго вѣроисповѣданія, Дервотъ-Ваша-Иванъ-Хаджа Мокрипульесъ, жившій въ Яссахъ, прислалъ въ 1756 году въ Кіевъ своего довѣреннаго Анастасія Боставика съ прошеніемъ на Высочайшее имя о принятіи его съ дѣтьми, со всею его фамиліей и съ 1500 албанцевъ въ русскую службу, подъ его, Мокрипульеса, командой; въ случаѣ отказа, Мокрипульесъ намѣревался просить о томъ же короля Прусскаго. Предложеніе Мокрипульса напомнило и о черногорцахъ. Сенатъ, по сношеніи съ Коллегіей Ин. Дѣлъ, распорядился, чтобы всѣ черногорцы и албанцы, желающіе переселиться въ Россію, выходили моремъ чрезъ Тріестъ въ Венгрію и оттуда въ Кіевъ, гдѣ они должны были поступить въ распоряженіе кіевскаго вице-губернатора, тайнаго совѣтника Костюрина, въ помощь къ которому былъ командированъ племянникъ черногорскаго митрополита, Степанъ Петровичъ, служившій предъ тѣмъ секундъ-майоромъ въ командѣ генерала Шевича, откуда онъ теперь былъ исключенъ и, въ надеждѣ на содѣйствіе къ переселенію черногорцевъ его дяди, награжденъ чиномъ премьеръ-майора армейскаго полка, съ производствомъ ему полнаго жалованья по чинѣ „съ раціоны и на деньщиковъ“.

Довѣренный Мокрипульеса, Анастасій Боставикъ, обласканный въ С.-Петербургѣ, получилъ 500 рубл. на дорогу и *образъ украшенный драгоцѣнными каменьями*, для передачи его „*принципалу*, въ знакъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества къ нему милости“.—Боставикъ былъ отпущенъ за границу на годъ, какъ принявшій руссное подданство офицеръ, подъ предлогомъ свиданія съ своими родными, конфиденціально же ему было поручено передать Мокрипульесу, что „хотя его Русской Императрицѣ явно принять и не можно; однакожъ когда онъ тайно выѣдетъ и люди (его) безъ огласки и явнаго отъ турокъ подозрѣнія, или подъ имянемъ черногорцевъ, а не какъ турецкіе подданные, будутъ выходить; то какъ онъ, такъ и они принимаемы и на поселеніе отправляться будутъ“[b]). Для пріема эмигрирующихъ въ Россію чрезъ Тріестъ албанцевъ и черногорцевъ, на Кроацкую границу былъ отправленъ совѣтникъ Степанъ Пучковъ, а „въ области Королевы Венгеро-Богемской“—премьеръ-майоръ Петровичъ, состоявшій при кіевскомъ вицегубернаторѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по эмиграціи чер-

---

[a]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXXIII, стр. 266.
[b]) См. въ Тург. арх. „*Указы*“ 1756 г., № 30, л. 216. Экстрактъ изъ Сенатск. дѣлъ объ албанцахъ.

ногорцевъ. Кейзерлингъ долженъ былъ убѣдить австрійское министерство, что черногорцы—*люди вольные*, а не подданные Турціи, и позаботиться о доставленіи эмигрантамъ возможныхъ льготъ во время пути, а также и о сокращеніи для нихъ карантиннаго срока на турецкой границѣ. Въ то же время Сенатъ предписалъ Костюрину, чтобы онъ, по прибытіи черногорцевъ въ Кіевъ, отвелъ имъ квартиры, доставлялъ провіантъ и фуражъ и, производя надлежащее по указамъ жалованье, ни въ какую команду ихъ не наряжалъ, дабы они, „яко люди новые, въ чемъ нужды и огорченія понести не могли“. Костюринъ также долженъ былъ представлять въ Сенатъ именные списки тѣхъ черногорцевъ, которые явятся въ Кіевъ, съ обозначеніемъ, кто и въ какихъ чинахъ состоялъ изъ нихъ въ венеціанской службѣ. На пріемъ и содержаніе черногорцевъ дозволено было употребить на первый разъ до 5000 р. изъ таможенныхъ сборовъ; впослѣдствіи, какъ увидимъ, сумма эта была увеличена[a].

Надѣясь на эмиграцію албанцевъ и черногорцевъ въ значительномъ количествѣ, правительство должно было позаботиться заранѣе и о томъ, чтобы земли для поселенія ихъ были отведены „въ такихъ мѣстахъ, кои-бъ отъ турецкой границы отдалены и всякой способности къ сношенію съ турками лишены были“. Оренбургскій край представлялъ для этого наибольшія удобства и по своему географическому положенію, и по обилію въ немъ незаселенныхъ и плодородныхъ мѣстъ, почему правительство и обратило на него свое вниманіе: 8 августа 1756 г. Сенатъ отправилъ въ Оренбургъ сержанта Арбузова, поручивъ ему передать Неплюеву указъ и «*экстрактъ*» изъ сенатскихъ дѣлъ о черногорцахъ и албанцахъ. Неплюевъ получилъ этотъ указъ, съ приложеніемъ упомянутаго „экстракта“, 20 августа и, въ исполненіе его, долженъ былъ командировать „знающихъ и надежныхъ людей“, для измѣренія и описанія порожнихъ мѣстностей между Оренбургомъ и Ставрополемъ, ближе къ Волгѣ, для поселенія на нихъ черногорцевъ и албанцевъ, но „не вмѣстѣ, а порознь, между россійскими жительствы“. Кромѣ того, Неплюевъ долженъ былъ составить предварительную смѣту расходовъ по переселенію черногорцевъ и албанцевъ въ Оренбургскій край, опредѣлить размѣръ вспоможенія, „какое учинить будетъ потребно, чтобы они при тѣхъ мѣстахъ фундаментально основаться и заводиться могли“, представить маршрутъ для нихъ передвиженія изъ Кіева въ Оренбургскій край и сформировать для поселенія ихъ особую команду „изъ свѣдущихъ и рачительныхъ“ людей, подъ начальствомъ

---

a) Тамъ же, л. 213. См. дальше въ наст. моногр. стр. 475—476.

особаго командира, выборъ и утвержденіе котораго Сенатъ предоставилъ себѣ. По выполненіи этого порученія, Неплюевъ долженъ былъ послать „мнѣніе свое съ картою и описаніемъ тѣхъ земель“ въ Сенатъ „съ нарочнымъ безъ всякаго умедленія“ [a].

Движеніе черногорцевъ въ Кіевъ началось еще лѣтомъ 1755 года. Секретарь русскаго посольства въ Вѣнѣ Битнеръ увѣдомилъ Коллегію Ин. Дѣлъ, что 100 чел. черногорцевъ идутъ въ Россію подъ командою капитана Өеофила Ивановича; но что они на турецкой границѣ должны будутъ подвергнуться установленному карантину [b]. Коллегія Ин. Дѣлъ, 6 іюля 1755 г., сообщила о томъ Сенату, а 20 августа кіевскій вице-губернаторъ Костюринъ уже писалъ въ Сенатъ о прибытіи въ Кіевъ капитана Ивановича и поручика Николая Петровича, которые заявили, что черногорскій митрополитъ намѣренъ отправить въ Россію моремъ чрезъ Тріестъ 1000 чел. рядовыхъ, кои „во всякой готовности находятся“; но что, для пріема и сопровожденія ихъ, онъ ожидаетъ майора Степана Петровича, почему на первый разъ и отправляетъ только 100 чел. Майоръ Ст. Петровичъ немедленно былъ отправленъ въ Вѣну къ Кейзерлингу, который въ мартѣ 1756 г. доносилъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, что за двѣ мили отъ Кроацкой границы остановился отрядъ черногорцевъ, состоящій изъ 80 чел., подъ начальствомъ поручика Якова Эздимировича, который съ своимъ отрядомъ желаетъ перейти въ Россію [c]. Между тѣмъ командированный въ Вѣну маіоръ Ст. Петровичъ представивъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что для переселенія 1000 черногорцевъ, собранныхъ митрополитомъ Петровичемъ, „на снабдѣніе и содержаніе въ пути требуется денегъ до 6000 червонныхъ“. Графъ Кейзерлингъ, относительно этихъ денегъ, высказалъ слѣдующее мнѣніе въ своей реляціи, что „по извѣстному маіору Петровичу, безъ сомнѣнія, сихъ его единоземцевъ состоянію, дѣлаетъ онъ такое заключеніе, что какъ они никакого достатка не имѣютъ; то ихъ на весь проѣздъ деньгами, которыхъ онъ на каждаго по 6 червонныхъ считаетъ, ***снабдить надлежитъ***, и оныя деньги еще до выступленія ихъ въ путь тѣмъ нужнѣе, что имъ безъ того и съ мѣста двинуться невозможно, напротивъ же того, ежели-бы деньги были, то бы и большее ихъ число съ оными соединиться и ѣхать поощрены были“ [d]. Кромѣ того, маіоръ Петровичъ про-

---

[b]) Указъ Сената Неплюеву 8 августа 1756 г. за № 836. Въ Тург. архив. см. „*Указы*“ 1756 г., № 80, лл. 207—208.
[c]) Тамъ же, лл. 212 и 213.
[a]) Тамъ же, л. 223 на оборотѣ
[b]) Тамъ же, л. 214.

силъ прислать къ нему въ помощь оберъ-и-унтеръ-офицеровъ „съ дачею на проѣздъ имъ денегъ". Сенатъ, получивъ доношеніе о томъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, 10 апрѣля 1756 г. опредѣлилъ: „на снабдѣніе оныхъ черногорцевъ и содержаніе въ пути требуемыя деньги до 6000 червонныхъ упоминаемому послу графу Кейзерлингу, занявъ, употребить, и когда объ отпускѣ оныхъ отъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ требованіе будетъ; то оные отпустить изъ Штатсъ-конторы, а для проводу въ Россію тѣхъ черногорцевъ, по требованію маіора Петровича, взявъ изъ команды генералъ-маіора Шевича, капитана Пиѐшевича, адъютанта Маркова да унтеръ-офицеровъ 4 человѣка, отправить изъ Кіева въ Вѣну къ нему, Петровичу, и на проѣздъ выдать оберъ-офицерамъ по 150, а унтеръ-офицерамъ по 100 рубл." [a]).

Въ концѣ іюля 1756 г. Коллегія Иностр. Дѣлъ сообщила Сенату объ отправленіи въ Кіевъ маіоромъ Петровичемъ 60 чел. черногорцевъ, въ томъ числѣ 55 муж. и 5 чел. женскаго пола, присовокупивъ, что черногорецъ Кнезевичъ, вышедшій чрезъ Тріестъ, заявилъ о желаніи многихъ его одноплеменниковъ перейти въ русскую службу [b]). Вскорѣ послѣ этого, именно 4 августа того же года, прибылъ въ Кіевъ отрядъ черногорцевъ изъ 67 чел., подъ командой поручика Эздимировича; въ этомъ отрядѣ, кромѣ 47 рядовыхъ гусаръ, было 5 капраловъ, ротный писарь, фельдшеръ и 12 чел. женск. пола и малолѣтнихъ; въ числѣ послѣднихъ трое были изъ фамиліи Эздимировича. Въ первый же день, по своемъ прибытіи въ Кіевъ, черногорцы были приведены къ присягѣ на вступленіе въ русское подданство и на вѣрность службы Ея Императорскому Величеству; затѣмъ эмигранты получили за два мѣсяца впередъ жалованье [c]) и были переведены на время въ мѣстечко Малороссійскаго Кіевскаго полка Остеръ, „для наиспособнѣйшаго (какъ сказано въ указѣ) къ покупкѣ харчевыхъ припасовъ и прочихъ обстоятельствъ на квартирахъ стоянія, а для лучшаго во всякихъ случаяхъ порядка и показанія имъ россійскихъ обычаевъ опредѣленъ къ нимъ изъ Кіевскаго гарнизона оберъ-офицеръ" [d]).

Кіевская губернская канцелярія, выдавъ всѣмъ черногорцамъ въ жалованье 267 р. $12^1/_2$ коп. изъ положенной на эмигрантовъ пятитысячной

---

[a]) Тамъ же, л. 214 на оборотѣ.
[b]) Тамъ же.
[c]) Поручику было выдано 24 р. $37^1/_2$ коп., за вычетомъ по коп. съ рубля на госпиталь и по полторы коп. на медикаменты; капралы получили по 4 р. 95 коп., за вычетомъ по коп. съ рубля на госпиталь; рядовые (безъ всякихъ вычетовъ)—по 2 р. на мѣсяцъ; безмужнія жены, малолѣтніе и дѣти старше семи лѣтъ—по 50 к. въ мѣсяцъ. См. въ Тург. архивѣ „*Указы*" 1756 г., № 31, л. 231—233.
[d]) Тамъ же. Указъ Неплюеву изъ Сената, отъ 29 сент. 1756 г. за № 936.

суммы, донесла 10 августа 1756 г. Сенату, что всего изъ этой суммы къ 11-му августа на лицо состоитъ 2432 р. $16^1/_4$ коп., и потому просила Сенатъ о разрѣшеніи дополнительнаго кредита на расходы по содержанію черногорцевъ, упомянувъ также и о томъ, что поручикъ Эздимировичъ во время пути принужденъ былъ издержать на эмигрантовъ часть изъ своихъ собственныхъ денегъ. Сенатъ постановилъ выдать Эздимировичу 83 червонныхъ, издержанныхъ имъ на команду „изъ приданыхъ жены его, *безудержно*" и прочія издержанныя имъ деньги отнести на счетъ опредѣленной на черногорцевъ суммы, а „понеже оной суммы за расходомъ остается уже меньше половины, того ради на довольствіе пребывающихъ въ Россію черногорцевъ и на всѣ при томъ случающіяся необходимыя издержки взять изъ присылаемыхъ въ Кіевскую губернскую канцелярію таможенныхъ денегъ *до трехъ тысячъ рубл.*" [a]). Озабочиваясь поселеніемъ черногорцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, Сенатъ 29 августа того же года командировалъ къ Неплюеву казачьяго капрала Мельникова, вручивъ ему указъ на имя Неплюева, въ которомъ Сенатъ, извѣщая о прибывшихъ въ Кіевъ черногорцахъ, требовалъ, чтобы Неплюевъ поспѣшилъ доставленіемъ свѣдѣній объ отводѣ мѣстъ для поселенія черногорцевъ и албанцевъ въ Оренбургской губерніи. Но Мельниковъ не успѣлъ еще доѣхать до Оренбурга [b]), какъ Неплюевъ уже послалъ свое представленіе въ Сенатъ, предлагая однихъ изъ черногорцевъ размѣстить по крѣпостямъ Оренбургскаго края, а другихъ поселить въ самарскихъ степяхъ по р. Иргизу, построивъ при ея устьѣ особую крѣпость, въ которой могъ бы жить ихъ главный командиръ; рыбныя ловли и звѣриные промыслы Неплюевъ предлагалъ отдать черногорцамъ въ безоброчное пользованіе, присовокупивъ, что онъ отправитъ для описанія этихъ мѣстъ двухъ подполковниковъ. Сенатъ вполнѣ одобрилъ и аппробовалъ мнѣніе Неплюева, признавъ его „*способы за основательные*" [c]), а 29 ноября того же года Неплюевъ, при особомъ рапортѣ, отправилъ въ Сенатъ съ капитаномъ Коптевымъ ландкарты и планы мѣстностей, избранныхъ подъ поселенія черногорцевъ и албанцевъ, прося наградить Коптева за труды. По разсмотрѣніи плановъ и ландкартъ, Сенатъ согласился въ принципѣ съ мнѣніемъ Неплюева; но при этомъ высказалъ слѣдующее предположеніе: „Не лучше-ли на первый разъ отвести черногорцамъ къ поселенію мѣста, которыя по

---

[a]) Тамъ же.
[b]) Мельниковъ прибылъ въ Оренбургъ 10 сентября, а Сенатъ 17 сентября уже послалъ Неплюеву свою резолюцію на его представленіе по этому дѣлу.
[c]) Указъ Сената Неплюеву, отъ 17 сентября 1756 г. за № 1050.

р. Волгѣ, ниже города Самары, состоятъ: понеже Правительствующій Сенатъ изъ присланныхъ плановъ усматриваетъ, что оныя мѣста для черногорцевъ на первый случай весьма имъ способныя и угодныя, ктому-жъ оныя и порожнія и отъ города Самары въ недальнемъ разстояніи состоятъ, или какъ вы заблагоразсудите" [a]. Что же касается награжденія Коптева, то Сенатъ отвѣтилъ: „о томъ представить впредь, когда помянутое поселеніе (черногорцевъ) дѣйствительно будетъ произведено" [b].

Въ то же время кіевскому вице-губернатору Костюрину было предписано: „оныхъ, прибывшихъ нынѣ и впредь прибывающихъ черногорцевъ до указу содержать въ Кіевѣ или въ другихъ способныхъ тамо мѣстахъ въ довольствіи, производя имъ жалованье противъ вербуемыхъ въ легкіе гусарскіе полки, а безмужнимъ женщинамъ, малолѣтнимъ и дѣтямъ противъ мужьевъ и отцовъ каждому вполы, дабы въ содержаніи своемъ при первомъ случаѣ нужды имѣть не могли" [c]. По отводѣ земель для черногорцевъ, Костюринъ, по распоряженію Сената, долженъ былъ отправить черногорцевъ въ указанныя Неплюевымъ мѣста на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ, подъ охраною особаго конвоя съ надежнымъ оберъофицеромъ, дабы „они ни въ чемъ неогорчены были и въ пути до Оренбурга ни малѣйшей нужды не имѣли" [d].

Зимой 1757 г. Костюринъ проводилъ изъ Кіева въ Оренбургъ партію черногорцевъ изъ 99 чел. на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ чрезъ Москву и Арзамасъ, о чемъ Сенатъ увѣдомилъ Неплюева указомъ отъ 27 января 1757 г. Между тѣмъ, Неплюевъ 16 января того же года доносилъ Сенату, что денегъ на поселеніе и первоначальное обзаведеніе черногорцевъ онъ не имѣетъ, остатки же, какіе были отъ таможенныхъ доходовъ, отосланы имъ въ декабрѣ 1756 г. въ Штатсъконтору и въ Камеръ-коллегію, „ктому же для оныхъ расходовъ и на предбудущіе тамошніе губернскіе доходы надежды нѣтъ" [e]. Въ виду этого, Сенатъ приказалъ: „Нынѣ въ число опредѣленной ко отпуску въ Провіантскую канцелярію изъ новоположенныхъ соляныхъ и винныхъ доходовъ милліонной суммы *отпустить* въ ту Провіантскую контору изъ наличныхъ здѣсь въ Камеръ-конторѣ подлежащихъ до штатовъ конторы денегъ *десять тысячъ* рубл., а толикое жъ число десять тысячъ

a) Тамъ же, лл. 271—273.

b) Указъ Сената Неплюеву, отъ 28 декабря 1756 г., за № 1967. См. въ Тург. арх. „*Указы*" 1757 г., № 31, л. 18.

c) „*Указы*" 1756 г. въ Тург. арх., № 30, лл. 231—233.

d) „*Указы*" 1757 г. Тамъ же, л. 26 на оборотѣ. Указъ Сената Неплюеву отъ 10 марта 1757 г. за № 82.

e) Тамъ же, лл. 23—24. Указъ Сената Неплюеву отъ 27 января 1757 г. за № 19.

рубл. Камеръ-коллегіи, снесшись съ Главною Соляною конторою, опредѣлить ко отпуску въ Оренбургъ господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Неплюеву изъ ближнихъ мѣстъ изъ помянутыхъ новоположенныхъ винныхъ или соляныхъ денегъ, какія въ наличности есть, *въ самой скорости* и какъ оныя отпущены будутъ, въ Сенатъ репортовать" [a]. Камеръ-коллегія увѣдомила Главную Соляную контору, что новоположенныхъ на вино денегъ въ Оренбургѣ имѣется небольшое число, и потому требовала, чтобы означенныя *десять тысячъ* были отпущены изъ доходовъ Главной Соляной конторы [b]. Изъ рапорта Оренбургскаго Соляного *„коммисарства"* видно, что наличныхъ денегъ въ декабрѣ 1756 г. было 15684 рубл., изъ которыхъ и было приказано отчислить и отпустить въ распоряженіе Неплюева 10000 рубл. на „снабдѣніе и содержаніе черногорскаго и албанскаго народовъ" [c].

Не прошло, какъ мы видимъ, и двухъ лѣтъ, а русское правительство, увлекшись эмиграціей черногорцевъ, истратило на нихъ уже болѣе 18000 р. и 6000 червонныхъ; между тѣмъ *колонизація ихъ, какъ и переселенія въ Оренбургскій край албанцевъ, грузинцевъ и волоховъ* [d], *совершенно не удалась*. Рычковъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Мочинская слобода имѣлась [e], съ 1756 г.[f] заводимо было селеніе черногорцевъ и албанцевъ, коимъ не только оныя угодья, которыя къ той слободѣ прежде были назначены; но и по Иргизу рѣкѣ и въ другихъ мѣстахъ пространныя дачи приписаны въ томъ чаяніи, что изъ Европы въ Россію выдетъ на житье *людство немалое* [g]; токмо первые оттоль выходцы, поживши здѣсь *года съ три*, пожелали служить въ арміи, а другіе просили, чтобъ ихъ уволить на житье въ Новой Сербіи, въ командѣ генералъ-маіора Хорвата, почему всѣ они въ 1759 году туда и отпущены" [h].

Россія, желая избѣжать войны съ Турціей, предлога къ которой искалъ самъ султанъ, рѣшилась отказаться отъ безполезной для нея эмиграціи черно-

---

[a] Тамъ же, л. 26. Указъ Сената Неплюеву отъ 10 марта 1757 г. за № 82.

[b] Тамъ же. л. 29. Указъ Неплюеву изъ Главн. Соляной конторы, отъ 26 марта 1757 г., за № 1473.

[c] Тамъ же, л. 29 на оборотѣ.

[d] П. С. З., № 8616.

[e] Мочинская слобода наход. на правой сторонѣ р. Самары, пониже пригорода Алексѣевска.

[f] Въ сочиненіи Н. А. Ѳирсова показанъ невѣрно годъ 1746-й, вѣроятно, какъ опечатка, къ сожалѣнію, неоговоренная нигдѣ. См. Инородч. насел. прежняго Казанск. царства, стр. 385, сносокъ 3.

[g] Правительство тѣмъ болѣе могло расчитывать на это *„людство немалое"*, что Боставикъ заявилъ въ Сенатѣ: „ежели даны будутъ свободныя земли, то одноначіональныхъ съ нимъ вольныхъ людей охотниковъ *тысячъ до шестидесяти есть*". См. *„Указы"* 1756 г. въ Тург. арх., л. 216 на оборотѣ.

[h] Топогр. Оренб. губерніи, стр. 309. Изд. 1887 г., а въ изд. 1762 г., ч. II стр. 105.

горцевъ: 18 мая 1758 г. былъ подписанъ слѣдующій рескриптъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: „1) Какъ митрополиту Василію Петровичу, такъ и прочимъ черногорцамъ вообще объявить, что усердіе ихъ народа къ Нашей имперіи и желаніе вступить къ Намъ въ подданство заслуживаетъ оному всегдашнее Наше благоволеніе и милость; но что какъ теперь всякая формалита могла-бы быть огласкою и весьма бѣдственною по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и по толикому Нашей имперіи отдаленію, то сіе дѣло оставляется до будущихъ лучшихъ временъ, а теперь они удовольствоваться имѣютъ увѣреніемъ непремѣннаго Нашего благоволенія. 2) Въ удостовѣрительный знакъ того отправить съ ними ко всему черногорскому народу листъ за подписаніемъ Нашего вице-канцлера, по примѣру тѣхъ, каковые напредь сего за подписаніемъ канцлера графа Головкина отправляемы были; въ одномъ листу изобразить токмо въ генеральныхъ терминахъ, что мы чрезъ пріѣхавшихъ сюда какъ митрополита и прочихъ, такъ и чрезъ Нашихъ полковника Пучкова и премьеръ-маіора Степана Петровича съ удовольствіемъ увѣдомясь о усердіи черногорскаго народа къ Нашей имперіи, паче же о твердости къ православной вѣрѣ, захотѣли о томъ засвидѣтельствовать Наше благоволеніе и увѣрить, что милость Наша къ нему всегда будетъ неотъемлема, на знакъ которой и посылается отъ Насъ при томъ ко всему народу *тысяча нашихъ золотыхъ портретовъ*. 3) На знакъ Нашей особливой милости повелѣваемъ дать сердарю Вукотичу да воеводѣ Пламенацу золотыя коронованія Нашего медали, въ 50 червонныхъ каждому, да воеводы Юрашковича сыну Петру такую жъ золотую медаль въ 35 червонныхъ. 4) На исправленіе возвратнаго пути выдать всѣмъ имъ на раздѣлъ *двѣ тысячи рублевъ*. 5) Что до митрополита Петровича принадлежитъ, то ему особливо дать 1000 рублевъ“[а]. Между тѣмъ, митрополитъ просилъ, что для возстановленія единогласія и поддержанія добраго порядка между черногорцами, необходимо отпускать ежегодно до 15000 рублей, и чтобы Россія отправила кого-либо изъ своихъ дипломатическихъ агентовъ для пребыванія въ Черную Гору. На выдачу денегъ черногорцамъ Императрица согласилась; на вторую же просьбу данъ былъ отрицательный отвѣтъ. Въ виду натянутыхъ отношеній съ Турціей, даже отозванъ былъ въ Россію и Степанъ Пучковъ, находившійся въ Тріестѣ для принятія и препровожденія выходившихъ въ Россію черногорцевъ, чтобъ не подать подозрѣнія туркамъ, тѣмъ болѣе, что черногорцы дорогу въ Россію знали

[а]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 234—235.

уже хорошо и могли эмигрировать безъ проводниковъ. Митрополитъ Петровичъ, не довольствуясь этимъ, просилъ назначить находившимся въ Кадетскомъ корпусѣ дѣтямъ черногорскихъ бояръ особое жалованье, чтобы они могли держать при себѣ людей, и на другіе расходы; въ корпусѣ ихъ было 13 чел., и Сенатъ приказалъ выдавать каждому по 15 рублей въ годъ[a]). Но молодые черногорцы оказались плохими товарищами и спорили другъ съ другомъ о знатности своего рода; обиженные въ своихъ мѣстническихъ инстинктахъ обратились даже съ жалобой въ Сенатъ: Иванъ и Рафаилъ Петровичи подали челобитную, что въ *одномъ* спискѣ съ ними значатся Филиппъ Петровичъ и Петръ Радоничъ, которые назвались этими фамиліями „*напрасно*": одинъ изъ нихъ Филиппъ Шаровичъ, а не Петровичъ, другой же Петръ Станишичъ, а не Радоничъ. Въ челобитной также было указано и на то, что фамилія Станишича не первенствующая, какъ Петровича, а посредственная; что Шаровичъ изъ турецкаго города Подгорицы и „портретъ Петра Великаго имѣетъ на себѣ *ложно*", почему необходимо изслѣдовать, какъ онъ могъ достаться ему, бывшему турецкому рабу и художнику. Въ заключеніе челобитчики просили „противъ Петра Станишича дать старшинство какъ Петровичевой, такъ и Вукотичевой фамиліямъ". Сенатъ поручилъ изслѣдовать это дѣло Коллегіи Иностр. Дѣлъ[b]). Еще больше было хлопотъ, какъ мы видѣли, съ взрослыми черногорцами при переселеніи ихъ въ Кіевъ и оттуда въ Оренбургскій край; но *черногорцы*, къ стыду ихъ, *не оправдали надеждъ на нихъ Россіи и не оцѣнили по достоинству ея заботъ о нихъ*. Когда стали переводить ихъ изъ Оренбургской губерніи въ юго-западную Украйну, о чемъ они просили сами; то они стали обнаруживать даже буйныя наклонности въ Самарѣ, Москвѣ и др. попутныхъ мѣстахъ. Однажды въ Москвѣ отрядъ изъ 81 чел. черногорцевъ, подъ руководствомъ двухъ капраловъ, окружилъ домъ поручика Косецкаго; одинъ изъ капраловъ вошелъ въ комнату поручика, скинулъ съ себя платье, бросилъ его и, вышедъ на дворъ, крикнулъ команду, которая хотѣла броситься въ комнату къ Косецкому, но была удержана находившимися у него при денежной казнѣ караульными; черногорцы всѣ, снявши съ себя казенныя аммуничныя вещи, побросали ихъ и закричали „*въ великомъ десператствѣ: больше служить въ Россіи не хотимъ, пойдемъ въ свою землю*"!—Сенатъ приказалъ „поступить съ ними по воинскимъ регуламъ, потому что имъ уже

---

a) Тамъ же, стр. 235.
b) Тамъ же.

неоднократно за прежнія ихъ продерзости было спущено *по ихъ новости*, но они, не чувствуя этого, впадаютъ еще въ большія продерзости" [a]).

Въ началѣ 1758 г. въ Сенатъ было прислано изъ Кабинета слѣдующее сообщеніе: „Ея Величеству стало извѣстно о происходящихъ отъ черногорцевъ въ Москвѣ великихъ продерзостяхъ драками и явными грабительствами, и будто побуждаются они къ тому бѣдностію и недостаткомъ въ содержаніи".—Сенатъ отвѣтилъ: „Черногорцы выходъ въ Россію въ вѣчное подданство имѣли для поселенія въ отведенныхъ имъ мѣстахъ въ Оренбургской губерніи; они сами осмотрѣли эти мѣста и выгодами ихъ сначала остались довольны, почему и отправились туда изъ Кіева; но скоро не только стали отрекаться отъ поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, но и, будучи въ Самарѣ, начали дѣлать великія продерзости и обиды обывателямъ; почему Сенатъ опредѣлилъ держать ихъ тамъ до указа, въ виду сформированія изъ нихъ гусарскаго полка, когда число ихъ увеличится. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ изъявили желаніе служить при арміи особымъ эскадрономъ и въ старыхъ гусарскихъ полкахъ, почему и велѣно отправить ихъ въ Москву для снабженія оружіемъ и мундиромъ; но въ Москвѣ они стали не только производить драки и обиды обывателямъ, но и непослушаніе командирамъ и, безъ воли черногорскаго митрополита Петровича, не хотѣли присягать. Въ сентябрѣ 1758 года въ Москву былъ отправленъ митрополитъ Петровичъ, чтобы привести ихъ въ послушаніе и порядокъ, и велѣно наказать виновныхъ по обычаю ихъ страны. Но потомъ опять эти черногорцы оказались въ частыхъ продерзостныхъ поступкахъ, *дрались, били и грабили обывателей*, почему велѣно поступить съ ними по военнымъ законамъ и немедленно отправить ихъ изъ Москвы въ армію; жалобъ ихъ на бѣдность въ Сенатъ никакихъ не было; жалованье выдается имъ, какъ и прочимъ въ гусарскихъ полкахъ, по третямъ" [b]).

Между тѣмъ черногорцы не унимались: баронесса Марія Строганова жаловалась, что 7 января 1759 г. черногорцы пришли толпою къ ея дому съ обнаженными саблями, вломились въ ворота, изрубили рѣшетку, попадающихся имъ людей жестоко били; потомъ, приблизившись къ ея покоямъ, стали рубить у крыльца столбы; къ счастію баронессы, замѣтившіе это буйство ударили на колокольняхъ сосѣднихъ церквей въ набатъ, на зовъ котораго сбѣжался народъ—и черногорцы разсѣялись. [c])—Такимъ

---

[a]) Тамъ же, стр. 236.
[b]) Тамъ же, стр. 301.
[c]) Тамъ же, стр, 302. Журналы и протоколы Сената отъ 8 и 19 января, 20 апрѣля, 18 и 22 іюня.

образомъ, обитателямъ горъ, съ ихъ неприступными скалами и утесами, были не по-сердцу широкія и привольныя равнины Оренбургскаго края, не смотря на всѣ заботы объ устройствѣ ихъ быта на новыхъ мѣстахъ со стороны русскаго правительства.

Наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для заселенія Оренбургскаго края оказались *отставные солдаты*, какъ справедливо думалъ о томъ еще Кирилловъ, ходатайствовавшій о поселеніи ихъ въ этомъ краю Указомъ 11 февраля 1736 г. было разрѣшено селить въ Оренбургскомъ краѣ отставныхъ драгунъ и солдатъ, съ надѣломъ ихъ землей отъ 20 до 30 четвертей на семью и съ выдачею ссуды на проѣздъ и первоначальное обзаведеніе деньгами и хлѣбомъ. Мотивы, которыми руководилось при этомъ правительство, ясно выражены имъ въ указѣ 1 мая 1741 года: „Отъ этихъ поселеній (сказано тамъ) имѣетъ быть слѣдующая польза, что поселившіеся домами отъ времени до времени могутъ множиться, и дѣти ихъ въ возрастѣ употребляемы будутъ въ службу, отчего крестьянству въ рекрутахъ будетъ помощь, а служащіе въ полкахъ увѣдавъ то, что по отставкѣ даны будутъ имъ земли и, яко помѣщики, владѣть и пользоваться ими будутъ, отъ побѣговъ удержатся и бродящихъ отставныхъ солдатъ уже не будетъ; но, имѣя свои собственные домы и пашню, не токмо сами довольствоваться будутъ, но еще въ пользу и другихъ пашни и хлѣба умножать, и когда они селиться будутъ на границахъ, какъ и ландмилицкіе, то во время непріятельскаго нападенія не токмо сами себя, но и другихъ охранять и оборонять могутъ“ [a]. Изъ высочайшаго указа 27 декабря 1736 г. видно, что земли, отведенныя отставнымъ солдатамъ, дѣлались наслѣдственною собственностью ихъ дѣтей муж. пола, почему отдавать ихъ въ приданое за дочерьми, продавать и даже закладывать ихъ воспрещалось, а 6 іюля 1737 г. состоялось слѣдующее дополнительное постановленіе на этомъ счетъ: „а послѣ кого останется сына два или три и больше, изъ оныхъ отеческую землю наслѣдовать о д н о м у; ему же кормить братьевъ малолѣтнихъ, а которые изъ нихъ возмужаютъ и поспѣютъ въ службу, тѣмъ отводить особые участки“ [b]. Дочери могли быть наслѣдницами земельныхъ участковъ ихъ отцовъ въ томъ только случаѣ, когда послѣдніе не имѣли сыновей, а первыя—братьевъ; но съ ограниченіемъ: „съ тѣмъ недвижимымъ приданымъ въ супружество всту-

---

[a]) П. С. З. №№ 6887 и 6889.
[b]) П. С. З., № 7136.

пать за солдатскихъ же дѣтей, а не за другихъ чиновъ людей, дабы между ними ничьего посторонняго владѣнія не было".—Правительство также приняло на себя постройку для колонистовъ церквей, учрежденіе и открытіе школъ, въ которыхъ бы могли обучаться ихъ дѣти чтенію и письму, подъ руководствомъ искусныхъ и ученыхъ священниковъ и церковниковъ; въ случаѣ желанія родителей, ихъ дѣти могли поступать и въ гарнизонныя школы для обученія *„вышнимъ наукамъ*, у кого къ которой приклонность будетъ,—съ дачею жалованья и провіанта во все время ученія" [a]. Кромѣ рядовыхъ, приглашались къ переселенію въ Оренбургскій край и отставные офицеры, неимѣвшіе своихъ деревень; они получали земельные надѣлы, соотвѣтственно ихъ рангамъ, и жалованье наравнѣ съ гарнизонными офицерами, а также назначались въ начальники надъ поселенцами изъ отставныхъ солдатъ.

Въ 1738 г. была открыта *Переселенческая канцелярія*, которая должна была завѣдывать всѣми дѣлами, касавшимися поселеній отставныхъ солдатъ; въ составъ ея вошли, по назначенію Сената, брагадиръ Антонъ Дубасовъ, ст. совѣтникъ Чириковъ, подполковникъ Стрѣлковъ, въ помощь къ которымъ велѣно „придать изъ майоровъ людей достойныхъ трехъ человѣкъ, дать имъ секретаря и потребное количество приказныхъ служителей, а для отвода земель подъ пашню и поселеніе человѣкъ четырехъ геодезистовъ" [b]. Это новое учрежденіе обязано было селить отставныхъ солдатъ большими слободами, дворовъ *во сто* и болѣе, съ цѣлію безопасности отъ непріятелей и внутреннихъ злодѣевъ. [c] Всѣмъ отставнымъ солдатамъ, коихъ насчитано было въ разныхъ губерніяхъ до 4152 чел., разослали особые печатные листы, извѣщавшіе ихъ о желаніи правительства; но въ теченіе трехъ лѣтъ, со времени перваго указа о солдатскихъ поселеніяхъ, выискалось только *шесть* человѣкъ, которые изъявили желаніе переселиться въ Оренбургскій край. Причину такого явленія профессоръ Н. А. Ѳирсовъ не безъ основанія видитъ въ тѣхъ дополнительныхъ правилахъ 1737 г., въ силу которыхъ отправляющимся на поселеніе запрещалось„ брать съ собою, подъ угрозою жестокаго наказанія, [d] дѣтей, опредѣленныхъ до 1732 г. къ штатскимъ дѣламъ, прижитыхъ за помѣщиками и на посадахъ до взятья ихъ въ службу, родившихся хотя во время службы ихъ, но воспитанныхъ въ деревняхъ у прежнихъ помѣщиковъ или другихъ владѣльцевъ, или въ слободахъ на

---

[a]) Тамъ же.
[b]) П. С. З, № 7315.
[c]) Тамъ же, пунктъ 2,
[d]) Тамъ же, пунктъ 4.

посадахъ и тамъ записанныхъ въ подушный окладъ, также и тѣхъ, которые были записаны въ купечествѣ, въ цехахъ, или отданы на фабрики"[a]. Не желая разлучаться съ своими дѣтьми, солдаты предпочли остаться при нихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Тогда правительство рѣшилось принять болѣе строгія мѣры и постановило, какъ общее правило, чтобъ впредь были посылаемы на поселеніе всѣ солдаты, которые будутъ отставлены отъ полевой и гарнизонной службы, за исключеніемъ совершенно дряхлыхъ, неподававшихъ надежды, что они „могутъ жениться и домы содержать"[b]. Это распоряженіе, хотя и непріятное для многихъ, оказалось болѣе дѣйствительнымъ: къ концу 1740 года отставныхъ изъ разныхъ мѣстъ было переселено въ Оренбургскій край 967 чел., какъ доносилъ о томъ Сенату статскій совѣтникъ Оболдуевъ, но многіе изъ нихъ „были *босы и наги и весьма претерпѣвали нужду*"[c]. Оболдуевъ, завѣдывавшій въ то время солдатскими переселеніями, выхлопоталъ изъ казны *десять тысячъ рублей* на первоначальное обзаведеніе и устройство поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ; на счетъ этой же суммы было отнесено и содержаніе Переселенческой канцеляріи[d]. Оказалось также, что въ числѣ присланныхъ на поселеніе солдатъ были и такіе,которые, по дряхлости и старости, не были способны ни къ какой работѣ; почему указомъ 10 іюня 1742 г. было опредѣлено: „впредь унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, кои не изъ дворянъ, въ полевой, гарнизонной службѣ и у дѣлъ быть не могутъ и на поселенія явятся конечно не годны, а пропитанія своего не имѣютъ: таковыхъ всѣхъ для опредѣленія къ пропитанію къ монастырямъ и въ богадѣльни отсылать прямо въ Коллегію Экономіи, а оной ихъ принимать и опредѣлять въ монастыри и богадѣльни"[e]. Не смотря на это, и послѣ являлись изъ разныхъ мѣстъ на поселеніе въ Оренбургскій край не только старики свыше 60 лѣтъ, а даже-увѣчные, у которыхъ не было рукъ или ногъ, почему Сенатъ указомъ 13 октября 1746 г. снова запретилъ принимать на поселеніе увѣчныхъ и дряхлыхъ, „дабы на нихъ напраснаго казеннаго расхода употребляемо не было"[f]. Скоро явились и другія препятствія къ свободному поселенію отставныхъ солдатъ въ Оренбургскомъ краѣ. Здѣсь, какъ мы уже знаемъ, раньше жили служивые люди, оберегавшіе Закамскую линію, изъ которыхъ потомъ сформированы были ландмилицкіе полки, переведенные на Черемшанскую, или Ново-Закамскую линію, а

---

[a] Тамъ же.
[b] П. С. З., № 7727.
[c] Тамъ же, № 8368, стр. 402, ст. 2, стр. 403, столб. I.
[d] Тамъ же.
[e] П. С. З., № 8561.
[f] П. С. З., № 9338.

отсюда, когда эта послѣдняя была признана ненужною, на Оренбургскую линію" [a]). Но переселеніе ландмилиціи не могло совершиться вдругъ; многія семьи ландмилицкихъ солдатъ и офицеровъ жили еще на прежнихъ своихъ мѣстахъ, когда пришли туда для поселенія отставные солдаты. Въ избѣжаніе столкновеній между старыми и новыми сельниками, Сенатъ 27 сентября 1742 г. издалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Когда всѣ ландмилиція въ новыхъ мѣстахъ поселятся, тогда къ нимъ и оставшихся въ прежнихъ жилищахъ отцовъ и братьевъ ихъ, которые съ ними въ однихъ домахъ жили, перевесть; а которые изъ нихъ отъ службы отставлены будутъ, тѣхъ въ старые пригородки на прежнія жилища не пускать, а жить имъ въ новыхъ крѣпостяхъ, гдѣ кто поселенъ будетъ; а пока всѣ ландмилиціи на новыхъ мѣстахъ дѣйствительно не поселятся, потамѣстъ прежнихъ службъ отставныхъ съ дѣтьми ихъ на линію сильно не высылать и земель у нихъ не отнимать" [b]). Въ отмѣченныхъ мѣстахъ Закамской линіи, еще во второй половинѣ XVII в., были также поселены, какъ мы видѣли, [c]) полоцкіе и смоленскіе шляхтичи; потомки ихъ рѣшились теперь протестовать противъ распоряженій правительства, при осуществленіи которыхъ они современемъ должны были уступить свои земли отставнымъ солдатамъ. Кромѣ шляхтичей, нашлись здѣсь и другіе поселенцы изъ татаръ и чувашъ, которымъ также было непріятно поселеніе здѣсь отставныхъ солдатъ. Чтобы устранить взаимныя недоразумѣнія и ссоры между ними, Сенатъ 2 ноября 1750 года постановилъ: „*у потомковъ смоленскихъ переведенцевъ*, служившихъ въ ландмилиціи, не смотря на то, что они переведены на Оренбургскую дорогу, жалованныхъ имъ по указамъ и грамотамъ *земель*, на которыхъ они и поселеніе и людей своихъ имѣютъ, *не отбирать; земель, состоящихъ подъ татарскими и чувашскими деревнями, не захватывать* подъ солдатскія поселенія, а селить отставныхъ на порожнихъ земляхъ" [d]).

Съ 1744 г., по предложенію Неплюева, стали также водворять отставныхъ солдатъ около Черемшанской крѣпости и фельдшанцевъ Кичуйскаго, Шешминскаго и др. мѣстъ, чрезъ которыя была проведена Ново-Закамская линія. Еще предшественники Неплюева, Татищевъ, Урусовъ и Соймоновъ находили, что эту линію, хотя она съ устройствомъ Оренбургской представлялась и ненужной, не слѣдуетъ оставлять пустою, тѣмъ болѣе, что разныя постройки, стоившія дорого казнѣ, могли пропасть

---

[a]) См. выше стр. 279—280 въ наст. монографіи.
[b]) П. С. З., № 8623.
[c]) См. выше стр. 381—382.
[d]) П. С. З., № 9817.

даромъ, такъ-какъ охотниковъ купить ихъ у казны не нашлось. Неплюевъ, раздѣляя это мнѣніе, представилъ въ Сенатъ, чтобы Черемшанская линія была поручена вѣдомству статскаго совѣтника Ушакова, замѣстившаго Оболдуева, и „велѣть ему, Ушакову, присылаемыхъ впредь для поселенія отставныхъ (солдатъ) селить, вмѣсто пригородовъ Казанской губерніи, въ построенныхъ по Закамской линіи крѣпостяхъ, которымъ и имѣющіяся въ нихъ казенныя строенія для житья отдавать безъ заплаты; также ежели изъ отставныхъ, которые уже поселились въ казанскихъ пригородкахъ, пожелаютъ кто своею волею перейти сюда и селиться, то такимъ въ томъ дать волю, а неволею изъ тѣхъ пригородковъ отставныхъ, которые уже поселились, не высылать". Сенатъ, согласившись съ Неплюевымъ, предписалъ Ушакову сноситься съ нимъ въ дѣлахъ по заселенію Закамской линіи" [a]. Нѣсколько семей изъ отставныхъ солдатъ поселены были, по распоряженію Неплюева, въ крѣпостяхъ: Верхнеяицкой, Петропавловской, Степной и Углы-Карагайской [b]. Между поселенцами изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ въ 1750 г. считалось 2140 чел. [c] д. муж. пола, находилось девять чел. отставныхъ офицеровъ. Объ экономическомъ состояніи солдатскихъ поселеній можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ докладѣ Сенату полковника Мельгунова, завѣдывавшаго нѣкоторое время поселеніями отставныхъ солдатъ. Мельгуновъ свидѣтельствуетъ, что поселенные въ казанскихъ пригородкахъ „вели жительство добропорядочное, обзавелись домами и въ распашкѣ земли имѣли ревность; но что многое изъ того, что предписано было наблюдать и исполнять, относительно такихъ поселеній по первымъ указамъ объ нихъ, не исполнено и пренебрежно".—Дѣйствительно, какъ оказалось, крѣпость Черемшанская и фельдшанцы Кичуйскій и Шешминскій не имѣли еще церквей, потому что, не смотря на неоднократныя требованія, изъ Казани не высылали денегъ, опредѣленныхъ Сенатомъ на церковную утварь въ солдатскихъ селеніяхъ; школы, которыя велѣно было открыть для дѣтей солдатъ, поселенныхъ въ казанскихъ пригородкахъ [d], также не были заведены, „за невыдачею изъ казны и неуказаніемъ для заведенія и содержанія ихъ денежныхъ средствъ". Сенатъ, желая устранить эти и другія упущенія, приказалъ деньги, потребныя для построенія церквей, выдать откуда слѣдовало по прежнимъ указамъ; относительно же школъ состоялась такая резолюція:

---

[a] П. С. З., № 8892.

[b] П. И. Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 339—340, а въ изд. 1762 г., ч. II, стр. 147—148.

[c] П. С. З., № 10153. Указъ 21 ноября 1753 г.

[d] Здѣсь разумѣются Старошешминскъ, Новошешминскъ, Заинскъ Тіинскъ, Ерыклинскъ и Билярскъ.

„для обученія тѣхъ отставныхъ солдатскихъ дѣтей русской грамотѣ и писать, для излишняго казеннаго убытка, *особливыхъ школъ не строить*, а обучать ихъ тѣхъ церквей, гдѣ кто въ приходѣ живетъ, священникамъ и церковникамъ въ своихъ домахъ, и за то обученіе давать имъ по 50 коп., кои къ тому поселенію отпустить изъ Казанской губернской канцеляріи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ“ [a]. Заботясь объ увеличеніи поселенцевъ изъ отставныхъ солдатъ и увѣдомившись въ 1753 г., что „присылка на то поселеніе оныхъ отставныхъ весьма умалилась“, Сенатъ строжайше подтвердилъ губернаторамъ и воеводамъ, чтобы они безъ упущенія высылали отставныхъ, необзаведшихся въ городахъ хозяйствомъ, въ назначенныя для ихъ водворенія мѣста [b]. Мѣры эти имѣли успѣхъ: къ концу управленія Оренбургскимъ краемъ Неплюева, Ново-Закамская, или Черемшанская линія была заселена отставными солдатами въ такой степени, что при Черемшанской крѣпости и фельдшанцахъ Шешминскомъ и Кичуйскомъ свободныхъ земель къ поселенію болѣе не было, [c] а спустя лѣтъ десять послѣ этого, нѣкоторыя изъ поселеній отставныхъ солдатъ имѣли до 200 и болѣе дворовъ, обитатели коихъ усердно занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ [d].

Такимъ образомъ мы видимъ, что *само правительство шло на помощь Неплюеву въ колонизаціи Оренбургскаго края*, высылая туда разные элементы изъ другихъ мѣстъ. Стараясь заселить *„порозжія земли“* этого обширнаго края, оно отпускало хлѣбъ и деньги на переѣздъ и первоначальное обзаведеніе переселенцевъ „на новыхъ мѣстахъ“; давая имъ въ изобиліи земли, правительство также снабжало ихъ и разными льготами, а чтобы лучше организовать ихъ внутреній строй, учреждало особыя канцеляріи и вѣдомства. Заботясь о матеріальномъ благосостояніи новопоселенцевъ, оно не забывало и духовныхъ ихъ потребностей, оказывая свое содѣйствіе къ построенію церквей въ ихъ селеніяхъ и къ устройству школъ для ихъ дѣтей. Кромѣ этихъ переселенцевъ, покровительствуемыхъ самимъ правительствомъ, въ Оренбургскій край издавна стремились и *самовольные переселенцы*, или *сходцы*, которые не только не пользовались отъ правительства какою-либо помощью или содѣйствіемъ, а даже преслѣдовались имъ. Но, къ счастію сходцевъ, еще первые устроители Оренбургскаго края, Кириловъ и Татищевъ, посмотрѣли на нихъ, какъ на пригодный матеріалъ для колонизаціи края и охотно принимали ихъ на поселеніе. Помѣщики стали

---

[a] Н. А. Ѳирсовъ. Инородч. насел. прежняго Каз. царства, стр. 395.
[b] П. С. З., № 10153.
[c] Тамъ же, № 11556.
[d] Журналъ, или Дневн. Записк. капитана Рычкова, стр. 10, 27, 37 и 146.

жаловаться правительству, что многіе крестьяне уходятъ тайно на новыя мѣста, вслѣдствіе чего хозяйство ихъ разстраивается. Правительство, сдѣлавъ строгій выговоръ Татищеву за неразборчивый пріемъ великороссійскихъ людей на поселеніе, приказало всѣхъ *сходцевъ*, поселившихся за Камой, выслать на прежнія мѣста къ ихъ владѣльцамъ и никого, кромѣ малороссіянъ, на поселеніе туда не принимать. Башкирскіе бунты помѣшали Татищеву, какъ и его преемнику Урусову, заняться этимъ дѣломъ. Между тѣмъ правительство, приступая ко второй ревизіи, еще болѣе усилило надзоръ за бѣглыми. Въ 1743 году Неплюевъ получилъ такой приказъ: „всѣхъ бѣглыхъ, какіе окажутся во Оренбургскомъ краѣ, высылать на прежнія жилища съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ на счетъ держателей, конечно чрезъ тотъ 1743 годъ, дабы къ 1 января 1744 года ни одинъ нигдѣ не остался“.—Вслѣдствіе преслѣдованія бѣглыхъ со стороны правительства, бѣглецы стали называться непомнящими родства. Въ царствованіе Елизаветы Петровны всѣхъ непомнящихъ родства закрѣпили тамъ, гдѣ ихъ застала перепись. Правительство держалось въ этомъ случаѣ того убѣжденія, куда-бы бѣглые ни ушли, они должны быть крѣпостными. Но по мѣрѣ того, какъ правительство высказывалось въ пользу усиленія крѣпостнаго права, возникала борьба изъ-за бѣглыхъ между самими владѣльцами.[a]) Когда, во время второй ревизіи, помѣщики стали требовать возвращенія къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ, Неплюевъ, находя съ своей стороны выполненіе этихъ требованій невозможнымъ, писалъ въ Сенатъ: „всѣ крестьяне Исетской провинціи, числомъ 5154 чел., не суть природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ, которые прежде здѣсь поселились, и подушный окладъ наложенъ на нихъ; *если же удалить ихъ* назадъ, то *слободы запустѣютъ*, также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ, исправленій исполнять будетъ не кѣмъ, ибо въ нихъ, какъ вышеупомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется“[b]), потому что „только десятиннымъ оброчнымъ провіантомъ, который доставляютъ поселенцы эти, довольствуются горнизоны въ новопостроенныхъ съ Сибирской стороны по Оренбургской дорогѣ крѣпостяхъ и употребляемыя для всякой предосторожности регулярныя команды; ктому же эти крестьяне во время нужныхъ случаевъ употребляются и къ военнымъ дѣламъ, вмѣсто казаковъ, чего довольно было при послѣднемъ башкирскомъ замѣшаніи“. Въ силу „такихъ резоновъ“, Неплюевъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы всѣ поселенцы изъ сходцевъ въ Исетскую провинцію были оставлены въ ихъ слободахъ, кромѣ

---

a) См. указъ 13 мая 1754 г. въ П. С. З.
b) П. С. З., № 9006. Ср. Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 455.

тѣхъ бѣглыхъ, которые поселились въ нихъ послѣ первой ревизіи и о которыхъ ихъ прежніе владѣльцы представятъ „крѣпости на нихъ и выписи изъ переписныхъ книгъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ также освободить наличныхъ крестьянъ отъ взысканія и штрафа, если окажется, что они отдали въ рекруты кого-либо изъ сходцевъ, которые подлежали высылкѣ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ своемъ представленіи въ Сенатъ Неплюевъ упоминаетъ и о томъ, что *самовольныхъ* сходцевъ не мало было и въ оренбургскихъ крѣпостяхъ; но что они еще Кирилловымъ были записаны „въ регулярныя и другія службы",—изъ нихъ „дворцовыхъ, синодальныхъ, помѣщичьихъ и разночинцевъ" было 5154 души, въ томъ числѣ однихъ дворцовыхъ (по вѣдомости 1741 г.) было 2779 душъ, синодальныхъ и монастырскихъ 591, помѣщичьихъ 308, купечества 54, итого 3732, а прочіе—разночинцы. Неплюевъ, находя невозможнымъ возвратить ихъ на прежнія мѣста, представлялъ Сенату: „ежели ихъ отдать помѣщикамъ, то въ оныхъ крѣпостяхъ останется самое малое малолюдство; издержанная на обзаведеніе ихъ денежная и провіантская сумма пропадетъ тогда, а тутъ не точію такіе нерегулярные люди нужны для всякихъ разъѣздовъ и предосторожностей, какъ въ пограничныхъ и опасныхъ отъ легкихъ воровскихъ набѣговъ мѣстахъ; но и нужны они какъ обыватели, кои-бы пашни и прочее къ человѣческому содержанію нужное разводить могли" [a]). Неплюевъ проэктировалъ предложить помѣщикамъ и другимъ владѣльцамъ крестьянъ—зачесть ихъ въ рекрутскіе наборы, если только они могутъ доказать свое право на владѣніе ими „*по надлежащему*". Сенатъ высочайше утвержденнымъ, 27 іюля 1747 года, докладомъ положилъ: 1) „живущихъ вѣдомства Исетской провинціи въ государственныхъ слободахъ крестьянъ тѣхъ, кои до поданія въ 1719 году, при начавшейся тогда ревизіи сказокъ, бѣжавъ, туда пришли и въ подушный окладъ не индѣ гдѣ, какъ только въ тѣхъ слободахъ положены, хотя помѣщики и другіе владѣтели и крѣпости на нихъ имѣютъ, *для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ*, и что-бъ той провинціи не опустошать, которая нынѣ для Оренбургской губерніи весьма нужна, изъ тѣхъ слободъ *не высылать и никому не отдавать, а быть всѣмъ тѣмъ крестьянамъ въ провинціи вѣчно*, какъ оные нынѣ состоятъ, и въ нынѣшнюю ревизію написать ихъ въ той провинціи, а помѣщикамъ зачитать въ рекруты; 2) а которые бѣглые жъ крестьяне въ той провинціи послѣ поданія первыхъ въ 1719 году сказокъ, также

---

[a]) П. С. З., № 9006.

и на штабныхъ дворахъ, яко-бы приписные и другими образами написаны въ подушный окладъ, тѣхъ всѣхъ по прежде состоявшимся указамъ *вывесть на прежнія жилища*, а изъ нихъ понынѣ нѣкоторые уже отданы въ рекруты за всѣхъ тѣхъ слободъ крестьянъ; въ такомъ случаѣ, чтобъ плательщики не были въ обидѣ, заплатить оставшимъ въ тѣхъ слободахъ крестьянамъ за всякаго рекрута тѣмъ, чьи они были до состоянія 1737 года августа 20 дня указу, то число, по чему въ тѣ рекрутскіе наборы складки были; а съ состоянія того 1737 года августа 20 дня указу, по силѣ того жъ указу, со всякаго рекрута по сту рублевъ" [a]). Такимъ образомъ Неплюевъ *отстоялъ* излюбленныя *мѣста самовольныхъ поселенцевъ въ* Исетской провинціи: Сенатъ, а затѣмъ и сама Государыня утвердила представленія Неплюева съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями и дополненіями, сдѣланными въ интересахъ владѣльцевъ. Правительство, какъ говорится, *„сквозь пальцы"* стало даже смотрѣть и на то, что заводовладѣльцы давали у себя пріютъ бѣглымъ, эксплуатируя ихъ трудъ въ свою пользу. Изъ сенатскаго указа, отъ 30 декабря 1753 г., видно, что только на заводахъ одного Акинѳія Демидова бѣглыхъ изъ разныхъ губерній показано было 6852 души,—и Сенатъ постановилъ: бѣглыхъ съ казенныхъ заводовъ, которыхъ послѣ ревизіи показано по вѣдомостямъ 2357 душъ, не высылать обратно на прежнія мѣста ихъ жительства; съ партикулярныхъ заводовъ Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ бѣглыхъ, въ числѣ 4493 душъ, также не высылать" [b]).

Неплюевъ защитилъ и тѣхъ бѣглыхъ, которые были найдены подъ именемъ непомнящихъ родства въ Уфимскомъ уѣздѣ и въ казанскихъ пригородахъ: всѣ они, въ томъ числѣ и иновѣрцы, были поселены около новой Московской дороги, проложенной чрезъ Кичуйскій фельдшанецъ [c]). Подъ конецъ управленія Оренбургскимъ краемъ Неплюева, здѣсь было заселено уже нѣсколько слободъ, въ которыхъ считалось русскихъ государственныхъ крестьянъ 1650, иновѣрцевъ 2001, помѣщичьихъ 69 и, кромѣ того, тептярей и бобылей до 1000 чел., всего же 4720 душъ [d]). Татары и другіе иновѣрцы, переведенные сюда изъ Уфимскаго уѣзда, въ числѣ 2001 чел., обязаны были безплатно содержать на новой Московской до-

---

[a]) П. С. Зак., № 7282. Ср. Топогр. Оренб. губ. Рычкова. Изд. 1762 г. ч. II, стр. 159—160. Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 654—656.

[b]) Тамъ же. См. П. С. З., № 10214 и 11214.

[c]) См. 3-ю карту въ атласѣ: „Оренб. губернія по ландкартамъ Красильникова и Топогр. Рычкова, 1755 г." Оренбургъ, 1880 г.

[d]) Рычковъ. Топ. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. II, стр. 47, а въ изд. 1887 г., стр. 268. Ср. П. С. З., № 10735.

рогѣ почтовую гоньбу. Сначала почта отправлялась по этой дорогѣ разъ въ недѣлю изъ Казани и разъ изъ Оренбурга; впослѣдствіи же почтовое движеніе по этому тракту значительно усилилось: кромѣ обычной почты, пришлось возить курьеровъ, колодниковъ, казенный транспортъ, эстафеты, разныхъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ и т. п. Въ виду этого, какъ мы замѣтили выше[a]), Неплюевъ въ 1757 г. исхлопоталъ, чтобы возившіе почту были освобождены отъ рекрутской повинности. Относительно другихъ поселенцевъ на этомъ пространствѣ, заботы Неплюева выразились въ томъ, что, благодаря его ходатайству въ 1748 г., льготные годы отъ разныхъ повинностей были продолжены для нихъ до 1750 г., съ котораго начали и съ нихъ брать подушныя деньги и другія государственныя подати. Въ 1750 г. *„порозжія“* земли нынѣшнихъ уѣздовъ Бугульминскаго и Бузулукскаго были пожалованы офицерамъ ландмилицкихъ полковъ, въ надеждѣ, что они, желая извлечь пользу изъ земли, лѣсовъ и др. угодій, будутъ и сами стараться объ ихъ заселеніи. Вслѣдствіе такихъ мѣръ Неплюева, въ 1742 г. заселяются Бугурусланъ отставными солдатами и непомнящими родства; въ 1745 г.—Бугульма—бѣлопахатными солдатами; въ 1757 г.—Белебей—чувашами[b]) и др. мѣста. Кромѣ того, многіе изъ помѣщиковъ, освѣдомившись о природныхъ богатствахъ края, стали скупать у башкиръ за безцѣнокъ земли и селить на нихъ своихъ крестьянъ.

Стараясь о заселеніи Оренбургскаго края, Неплюевъ не менѣе заботился и о томъ, чтобы улучшить экономическое положеніе новыхъ поселенцевъ и тѣмъ, такъ сказать, приковать ихъ къ новымъ мѣстамъ жительства. Всѣ государственные крестьяне Исетской провинціи до 1743 года платили въ казну по 70 коп. съ души и, вмѣсто четырехгривеннаго сбора, они обязаны были отбывать казенную десятинную пашню и давать съ каждаго двора по десятинѣ ржи и столько же овса. Такой способъ отбыванія казенной повинности, не принося существенныхъ выгодъ казнѣ, не нравился и самимъ крестьянамъ, такъ-какъ имъ много приходилось терпѣть отъ воеводъ и различныхъ чиновниковъ, когда послѣдніе производили казенный десятинный сборъ хлѣба и наряжали крестьянъ на казенную распашку земли. Неплюевъ, сознавая эти взаимныя невыгоды для казны и плательщиковъ, отмѣнилъ казенную распашку земли и обложилъ крестьянъ, вмѣсто четырехгривеннаго сбора, оброчнымъ провіантомъ: кресть-

---

[a]) Смотр. стр. 442 въ наст. монографіи.
[b]) Ешевскій. Соч. его, т. III, стр. 654—655. Сравн. въ П. С. З., № 9817. Жуковскій. Краткое обозрѣніе достопам. событій Оренб. края, стр. 2. Сравн. выше въ наст. монографіи стр. 122.

яне должны были доставлять ежегодно по три четверти и по шести четвериковъ ржи и столько же овса съ каждаго двора, при чемъ степень урожая въ расчетъ не принималась.—Этотъ сборъ хлѣба производился по раскладкѣ самихъ крестьянъ и притомъ не съ души, а съ тягла и каждый годъ равнялся приблизительно 13,707 четвертямъ и 7 четверикамъ ржи и такому же количеству овса, въ общей сложности ржи и овса получалось 27414 четвертей и 14 четвериковъ. Каждый крестьянинъ обязанъ былъ лично представить свой паекъ въ нарочно устроенные для того магазины; когда же нужно было доставить этотъ провіантъ въ полинейныя крѣпости, то крестьяне получали за то денежное вознагражденіе по Плакату. Сверхъ оброчнаго провіанта, крестьяне Исетской провинціи, по-прежнему, платили въ казну по 70 коп. съ души. Такая замѣна четырехгривеннаго сбора съ одной стороны устраняла злоупотребленія воеводъ и чиновниковъ, потому что крестьяне сами производили раскладку оброчнаго провіанта по тягламъ и сами же доставляли его въ назначенныя для того мѣста,—а съ другой стороны, эта мѣра была выгодна и для казны въ томъ отношеніи, что она давала возможность имѣть постоянный запасъ хлѣба и овса для полинейной стражи, а это весьма было важно, если принять въ соображеніе отдаленность Оренбургскаго края отъ внутреннихъ хлѣбородныхъ губерній, а также тогдашніе пути сообщенія и постоянныя междоусобицы среди инородцевъ. Правда, въ случаѣ недорода хлѣба, эта мѣра могла показаться и обременительной для крестьянъ, такъ-какъ степень урожая при этомъ въ расчетъ не принималась; но и это случайное неудобство не должно было особенно обременять крестьянъ, если принять во вниманіе обиліе и плодородіе земель Исетской провинціи, а также и добровольную раскладку самими крестьянами оброчнаго провіанта по тягламъ: не уродился хлѣбъ у одного,—уродился у другаго, и тогда послѣдній, по требованію всей общины, отбывалъ поставку провіанта за перваго, въ надеждѣ имѣть въ немъ помощника на случай собственной нужды отъ неурожая и т. д.

Благодаря также ходатайству Неплюева, крестьяне Исетской провинціи въ 1746 году были освобождены отъ поставки рекрутъ и сбора лошадей[a]. Желая доставить населенію Исетской провинціи болѣе средствъ къ жизни и бездоимочному выполненію положенныхъ на него повинностей, Неплюевъ разрѣшилъ крестьянамъ этой провинціи переселяться въ ея предѣлахъ съ старыхъ участковъ на новые, земли которыхъ представляли *цѣлину*, нетронутую еще плугомъ пахаря. Выше мы замѣтили, что къ тремъ

---

[a]) П. С. З.. № 9347, т. XII, стр. 625—626.

старымъ дистриктамъ Исетской провинціи впослѣдствіи былъ присоединенъ еще Куртамышскій, образовавшійся въ 1756 году; всѣ слободы этого дистрикта были заселены выходцами изъ прочихъ дистриктовъ. Крестьяне, видя, что „на прежнихъ ихъ жилищахъ имѣвшіяся земли выпахались да и довольства въ нихъ не имѣютъ столько, чтобъ имъ собственную свою пашню и оброчный хлѣбъ отправить“ [a],—обратились къ Неплюеву чрезъ Оренбургскую губернскую канцелярію съ просьбою, чтобы имъ было дозволено поселиться внутри Уйской линіи на имѣющихся тамъ порожнихъ мѣстахъ. Неплюевъ охотно согласился на это, имѣя въ виду тѣ выгоды, которыя могли произойти съ образованіемъ новыхъ слободъ. Крестьяне при этомъ обязались доставлять въ ближайшія крѣпости: Усть-Уйскую, Крутоярскую и Звѣриноголовскую провіантъ: муку, крупу и овесъ на своихъ лошадяхъ безплатно, когда-бы то ни случилось и сколько-бы того провіанта ни потребовалось. Такимъ образомъ, поставка провіанта самими крестьянами могла способствовать въ значительной степени сбереженію плакатной суммы, а между тѣмъ подводы для подвоза провіанта всегда были готовы. Вслѣдствіе этого, возникаютъ слѣдующія новыя слободы: въ 1745 г.—Куртамышская и Нижне-Увельская, въ 1747 г. — Таловская, въ 1749 г. — Каменская, въ 1751 г.—Верхне-Увельская и въ 1758 г.—Кундравинская [b]. Всѣ эти слободы, въ видахъ безопасности отъ башкиръ и киргизовъ, были обнесены заплотами и рогатками; въ каждой слободѣ, благодаря заботамъ Неплюева, была построена церковь [c]; число дворовъ во всѣхъ шести слободахъ въ отмѣченное время равнялось 582 съ населеніемъ въ 4458 душъ государственныхъ крестьянъ. Изъ первыхъ трехъ слободъ, которыя до 1756 г. находились въ вѣдомствѣ Окуневскаго дистрикта, и образовался потомъ отдѣльный дистриктъ, названный по имени первой изъ новозаселенныхъ слободъ Куртамышскимъ; къ этому же дистрикту причислены были *два села и двадцать* приписныхъ къ слободамъ *деревень*. Остальныя три слободы: Нижне-Увельская, Верхне-Увельская и Кундравинская составили отдѣльный Увельскій дистриктъ, находившійся въ вѣдомствѣ Исетской провинціальной канце-

---

[a]) Рычковъ. Топ. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. II, стр. 179.

[b]) Слободы эти находились въ слѣд. разстояніи отъ Челябинска: Кундравинская въ 70 в., Нижне-Увельская и Верхне-Увельская въ 75 в., Таловская въ 180 в., Куртамышская въ 205 и Каменская въ 245 в.

[c]) Въ Куртамышской—Петропавловская; въ Таловской—Св. Пророка Иліи; въ Каменской—Троицкая; въ Кундравинской—Пятницкая; въ Верхне-Увельской--Св. Георгія Великомученика; въ Нижне-Увельской—Св. Николая Чудотворца.

гоняемыхъ быковъ, коровъ и лошадей *по деньгѣ* съ головы, а съ барановъ—*по коп.* съ *десяти* головъ. На первый разъ въ эту богадѣльню было помѣщено 34 чел., кои „за старостію, дряхлостію и одиночествомъ къ платежу подушнаго оклада явились ненадежны", какъ доносили о томъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію подполковникъ Ртищевъ и поручикъ Яковлевъ[a]. Въ Бугульминской слободѣ въ отмѣченное время было двѣ деревянныя церкви и до 500 домовъ[b]. Что касается результатовъ военной колонизаціи Оренбургскаго края,—то, по свидѣтельству Рычкова, всѣхъ вообще дѣйствительно служащихъ по линіямъ и внутри Оренбургской губерніи было (около 1760 г.) 20,000 чел., кромѣ тѣхъ командъ, которыя въ лѣтнюю пору ежегодно командировались туда изъ внутреннихъ областей Россіи для содержанія форпостовъ[c]. Объ элементахъ торгово-промышленной колонизаціи *въ тѣсномъ смыслѣ* и ея результатахъ для Оренбургскаго края будетъ сказано дальше, при разсмотрѣніи торговли и промышленности въ Оренбургской губерніи, а теперь перейдемъ къ административной дѣятельности Неплюева среди Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, предпославъ тому краткій очеркъ предшествовавшей судьбы калмыковъ и дѣятельности русскаго правительства на этомъ пути.

---

a) П. С. З., т. XII, № 9501, стр. 864, столб. I.
b) Рычковъ. Топ. Ор. губ. Изд. 1887 г., стр. 268.
c) Топогр. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. I, стр. 70.

ГЛАВА XVII.

Калмыки и первое знакомство съ ними Русскихъ.—Раздѣленіе калмыковъ, ихъ судъ, законы, междоусобія и отношеніе къ Россіи.—Начало распространенія христіанства между калмыками и крещеніе Таиши Петра.—Отдѣленіе крещеныхъ калмыкъ отъ некрещеныхъ, основаніе и построеніе Ставрополя (на Волгѣ).—Заботы о Ставропольскихъ калмыкахъ Татищева, княгини Тайшиной и Змѣева.

„Склонять владѣльцевъ и законниковъ ихъ (калмыцкихъ) въ христіанство ученіемъ и дачею, и книги нужныя перевести на ихъ языкъ".

Петръ Великій.

„Княгиня Тайшина и бригадиръ Змѣевъ, при жизни своей, будучи въ Ставрополѣ, по истинѣ великое о насъ стараніе имѣли".

Зайсангъ Кириллъ Шарапъ.

Калмыки, по своей наружности и образу жизни, имѣли вначалѣ нѣкоторое сходство съ древними гуннами, впослѣдствіи же наружность ихъ, подъ вліяніемъ помѣси расъ, стала нѣсколько утрачивать свой первоначальный типъ. Извѣстный ученый и путешественникъ XVIII вѣка, Петръ Симонъ Палласъ, неоднократно бывавшій у калмыковъ, такъ описываетъ ихъ наружность: „калмыки средняго роста, сановиты. Я не видалъ ни одного урода между ними; всѣ сухощавы и ни одного не было толстяка. Всѣ калмыки имѣютъ отъ природы большія уши. Взрослые калмыки имѣютъ хорошія бороды, но они оставляютъ только усы, а бороды брѣютъ или выщипываютъ. Калмыки-джюнгоры и торгоуты *брѣютъ и головы*, оставляя только чубъ. Женщины ихъ бѣлы, волосами и лицомъ похожи на китаекъ; но лѣтомъ всѣ страшно загораютъ, особенно мужчины. Калмыки-джюнгоры рослѣе и красивѣе прочихъ, что вѣроятно произошло отъ примѣси татарской крови, такъ-какъ они похищали татарскихъ женщинъ. Калмычки, въ противоположность съ мужчинами, очень берегутъ свои волосы[a]). До начала XVI в. они находились подъ властію монголовъ и

---

[a]) В. Маракуевъ. Петръ Симонъ Палласъ, его жизнь, ученые труды и путешествія. Москва 1877 г., стр. 82 и 83.

вмѣстѣ съ ними появлялись въ предѣлахъ древней Руси, опустошая села и города и уводя жителей въ плѣнъ. Въ концѣ XV в., воспользовавшись раздорами монгольскихъ властителей изъ-за престолонаслѣдія, калмыки присоединились къ недовольнымъ ойратамъ, кочевавшимъ въ Зюнгоріи или Джюнгоріи, и раздѣлились на четыре орды: Зюнгорскую, Дербетскую, Торготовскую (Торгоутскую) и Хошотовскую (Хошоутскую)[a]. Въ началѣ XVI в. торгоуты и хошоуты появились въ предѣлахъ Сибири, поселившись въ нынѣшнихъ Енисейской и Томской губерніяхъ и получивъ названіе *«калмыковъ»—ушедшихъ*; впрочемъ, Н. М. Карамзинъ относительно названія *калмыковъ* замѣчаетъ: „сіе имя дано имъ для того, что *они не стригли волосъ на головѣ*, какъ другіе монголы“[b]. Русскіе впервые узнали калмыковъ вскорѣ по завоеваніи Сибири, такъ-какъ калмыки были постоянными союзниками дѣтей и внуковъ Кучума. Появленіе калмыковъ въ верховьяхъ Ишима и Тобола встревожило сибирскихъ воеводъ; начались взаимныя сношенія между ними и калмыцкимъ ханомъ Хоурлукомъ[c]. Съ этого времени калмыки стали появляться не только въ сибирскихъ городкахъ, заведенныхъ русскими, но и въ Уфѣ и, любя подарки, надоѣдали русскимъ властямъ своими просьбами о награжденіи. Посольскій приказъ, узнавъ о вѣроломствѣ калмыковъ, запретилъ пропускать ихъ въ Москву. Калмыки озлобились: начались ихъ опустошительные набѣги на русскихъ подданныхъ; но послѣ неудачной осады Тары[d] ханъ Хоурлукъ, съ шестью своими сыновьями, перекочевалъ въ 1630 г. чрезъ р. Яикъ въ приволжскія степи; все пространство между Волгой, Башкиріей и Яикомъ и по р. Эмбѣ, или Дженъ[e], перешло во власть Хоурлука. Но сношенія вышедшихъ въ Россію калмыковъ съ племенами ойратовъ, оставшихся въ Джюнгоріи, Тибетѣ и Хухунорѣ, не прекратились и послѣ этого. Въ 1640 г. всѣ мунгальскіе и калмыцкіе ханы и знатные нойоны съѣхались въ Джюнгоріи, куда прибылъ и Хоурлукъ съ двоими изъ своихъ сыновей: Индыномъ и Шукуръ Дайчиномъ. Здѣсь были составлены и 5 сентября того же года приняты общіе для всѣхъ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ законы. Изъ этого

---

[a]) См. подробности о нихъ въ „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, стр. 90—93. Изд. 1887 г.

[b]) И. Гос. Росс. Изд. 1842 г., т. VII, стр. 139. Сами калмыки называли себя, по свидѣтельству Палласа, *халмаки* или *халимаки*. См. соч. В. Маракуева: „Петръ Симонъ Палласъ“, стр. 82.

[c]) У Рычкова: „Хоаюрлыкъ“. См. Топ. Ор. губ., стр. 90. Изд. 1887 г.

[d]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, Москва 1861 г., стр. 236.

[e]) Дженъ—татарское названіе Эмбы, впад. въ СВ. часть Каспійскаго моря, калмыки называли ее Зенъ, т. е. ягодная рѣка, такъ какъ по ней росло много ягодъ. См. „Топогр. Ор. губ.“ Рычкова, стр. 89. Изд. 1887 г.

мунгальско-калмыцкаго кодекса можно отчасти познакомиться и съ бытомъ тѣхъ калмыковъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло русскому правительству и приволжскому населенію въ теченіи ста тридцати съ лишкомъ лѣтъ,

Во главѣ каждаго ойратскаго племени стоялъ тайдша, наслѣдственный князь или ханъ, за нимъ слѣдовали нойоны, или владѣтельные князья. имѣвшіе у себя отдѣльные улусы, иногда въ пять тысячъ и болѣе кибитокъ. Такое дѣленіе на *тайдшей* и *нойоновъ* обусловливалось племенными и родовыми связями, при чемъ женщины не имѣли права на владѣніе улусами. Ниже нойоновъ стояли зайсанги, которые такъ-же владѣли нѣсколькими отдѣльными кибитками; но были зайсанги-изгои, явившіеся вслѣдствіе того, что, при многочисленной семьѣ зайсанга, аймаковъ не дѣлили. Нойоны и зайсанги назывались *бѣлою костью*, а простые калмыки—*черною костью*. Но особенно было многочисленно калмыцкое духовенство ламайскаго закона: почти каждый калмыкъ, имѣвшій болѣе 3 сыновей, одного изъ нихъ назначалъ въ манжики (ученикъ вѣры), а потомъ манжикъ легко могъ сдѣлаться и гелюномъ (жрецомъ). Благодаря многоженству среди калмыковъ и матеріальнымъ выгодамъ, которыми пользовались *гелюны*, число калмыцкихъ жрецовъ увеличивалось весьма быстро: духовное сословіе составляло четвертую часть всего населенія калмыковъ. Общій судъ для всѣхъ калмыковъ находился при кибиткѣ хана и назывался Зарго; въ составъ его входили зайсанги и гелюны, по выбору и назначенію хана. Всѣ члены Зарго (не свыше 8 чел.) назывались *«сеитъ»*[a], по роду же своихъ занятій они раздѣлялись на *„сулукчи“* (совѣтниковъ) и *„заргучи“* (судей). Для исполненія различныхъ порученій и посылокъ, при нихъ было нѣсколько писцовъ, приставовъ, разсыльныхъ и др. лицъ. Судъ въ Зарго производился по письменнымъ и словеснымъ прошеніямъ калмыковъ; въ случаѣ особенной важности разбираемаго дѣла или разногласія сторонъ, спрашивали мнѣнія самого хана. Въ той же кибиткѣ, гдѣ происходило собраніе членовъ Зарго, хранились и мунгальскіе законы, написанные *на бѣлой камкѣ*. Не касаясь содержанія этихъ законовъ, замѣтимъ только, что калмыцкое уложеніе принимало въ соображеніе и обстоятельства дѣла, при которыхъ было совершено преступленіе: злой умыселъ, нечаянность и т. п.[b]. Палласъ по этому поводу замѣчаетъ: *„Законы* калмыковъ отличаются кротостью; тѣлеснаго наказанія у нихъ нѣтъ, ибо они высоко цѣнятъ человѣческую жизнь, но все замѣняется штрафами. Воров-

---

[a]) У татаръ наименованіе *„сеитъ“* давалось первосвященникамъ Магометова рода. См. И. Г. Росс., т. VII, стр. 140. Изд. Эйнерлинга. Спб. 1842 г.

[b]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 237—238. Ср. *Сѣв. Архивъ* 1828 г., №№ 2 и 3.

ство, драки, ссоры, оскорбленія—все наказывается по законамъ. Особенно преслѣдуется *воровство* и *оскорбленіе женщинъ*, чего у многихъ образованныхъ народовъ и въ поминѣ еще нѣтъ. Вообще *законы ихъ отличаются мягкостью* и *справедливостью*, напр. есть законъ, предписывающій выдавать дѣвушку замужъ приличнымъ образомъ" и т. п.[a]

Въ 1643 г. Хоурлукъ былъ убитъ „царскими людьми", во время его приступа къ Астрахани, на что онъ отважился по просьбѣ Донскихъ казаковъ, недовольныхъ рѣшеніемъ Московскаго правительства относительно Азова, отнятаго ими у Турціи. Мѣсто Хоурлука занялъ его сынъ Шукуръ Дайчинъ, а Рынъ-Пески, находящіеся теперь въ предѣлахъ внутренней киргизской или Букеевской орды, были избраны мѣстомъ Ханской Ставки. Московское правительство, во время управленія калмыками Дайчина и его сына Пунцука, успѣло взять съ нихъ три шертныя[b] записи въ томъ, что они будутъ жить въ мирѣ съ Россіей и отселѣ не станутъ обижать ея подданныхъ. Однакожъ, не смотря на свои клятвы, калмыки по-прежнему продолжали дѣлать грабежи и набѣги на русскія селенія. Преемникъ Пунцука, его старшій сынъ Аюка старался поселить междоусобія между своими родственниками, чтобы, обезсиливъ ихъ, забрать улусы ихъ себѣ, а его ссора съ собственнымъ сыномъ Чакдоръ-Чжабомъ, который засталъ отца на ложѣ съ своей женой, взволновала всѣхъ калмыковъ и повела къ вмѣшательству въ ихъ междоусобія Русскаго правительства: для примиренія отца и сына прибылъ въ Самару князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и заставилъ Чакдоръ-Чжаба, который изъ ревности хотѣлъ заколоть Аюку, вымаливать на колѣняхъ прощеніе у оскорбителя его чести и чести его жены-отца. Съ этого времени начинаются болѣе частыя сношенія русскихъ съ калмыками.

Московское правительство предоставило калмыкамъ право внутренняго самоуправленія по ихъ мунгальскимъ законамъ съ условіемъ, чтобы они не грабили астраханскихъ татаръ, не жгли русскихъ селеній и не сносились съ царскими измѣнниками. Между тѣмъ вѣроломный Аюка, получившій титулъ хана отъ Далай-Ламы, не обращалъ никакого вниманія на *шертныя*, или клятвенныя обѣщанія: *шесть разъ* клялся онъ въ вѣрности русскому правительству и столько же разъ нарушалъ свои клятвы. Вначалѣ, впрочемъ, онъ былъ вѣренъ своему слову: обѣщавшись помогать Петру Великому противъ киргизовъ и каракалпаковъ, Аюка не только

---

[a]) В. Маракуевъ. П. С. Палласъ, стр. 84.
[b]) „*Шерть*"– арабск. слово, означающее „*условіе, контрактъ, клятвенную грамоту*".

не принималъ участія въ астраханскомъ бунтѣ 1705 г., но даже содѣйствовалъ его потушенію; помогалъ русскимъ въ усмиреніи башкирцевъ въ 1708 г.; освободилъ Саратовъ отъ булавинцевъ и некрасовцевъ; принималъ участіе въ походахъ русскихъ на Кубань и помогалъ Петру Великому въ Полтавской битвѣ. Но всѣ эти услуги калмыковъ, соединенныя съ значительными издержками для казны[a]), не могли вознаградить тѣхъ убытковъ, какіе они причиняли русскимъ. Возвращаясь изъ своихъ походовъ, они нападали на селенія тѣхъ же, которыхъ ходили защищать: грабили русскія селенія и жителей уводили въ плѣнъ, продавая потомъ ихъ на восточныхъ рынкахъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Персіи. Случалось даже, что иногда самъ Аюка, предводительствуя лично калмыками и башкирцами, нападалъ на русскія села и деревни въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ, причемъ не мало было захвачено имъ въ плѣнъ русскихъ и черемисъ съ ихъ женами и дѣтьми. Вражда Аюки къ русскимъ еще болѣе обострилась послѣ того, какъ Бековичъ-Черкасскій не счелъ нужнымъ выполнить условій, заключенныхъ Аюкою съ астраханскимъ губернаторомъ Апраксинымъ въ 1710 году: Бековичъ-Черкасскій не оказалъ Аюкѣ надлежащей помощи въ его борьбѣ съ кубанскимъ ханомъ Бахты-Гиреемъ, который, напавъ на калмыковъ, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Аюку и увелъ съ собою всѣхъ татаръ, бывшихъ въ подданствѣ Аюки. Озлобившись на русскихъ, Аюка помирился съ Бахты-Гиреемъ и уговорилъ его напасть на русскія области; но это было послѣднимъ вѣроломствомъ Аюки по отношенію его къ русскимъ: Аюка дряхлѣлъ и самъ нуждался въ помощи русскаго Царя противъ его недоброжелателей. Предполагая, что престарѣлый ханъ скоро умретъ, зайсанги по случаю выбора ему преемника раздѣлились на партіи, враждебныя другъ другу. А. П. Волынскій, бывшій въ то время астраханскимъ губернаторомъ, воспользовался этой враждой и борьбой калмыцкихъ партій, чтобы привести калмыковъ въ болѣе прочную зависимость отъ русской власти. Аюка самъ подалъ поводъ Волынскому вмѣшаться въ это дѣло, когда сталъ просить его содѣйствія и помощи въ борьбѣ съ зайсангами, нежелавшими признать наслѣдникомъ Аюки его сына. Волынскій охотно согласился помогать хану и Аюка съ этого времени являлся среди калмыковъ не иначе, какъ окруженный конвоемъ изъ русскихъ солдатъ, какъ бы составлявшихъ его охранную стражу. Личное свиданіе Петра Великаго съ Аюкою на луговой сторонѣ Волги, близь Саратова, въ 1722 г., окончательно скрѣпило дружбу

---

[a]) Съ 1678—1737 г. на калмыковъ было издержано русскихъ денегъ 30857 р. $32\frac{1}{2}$ коп. См. „*Татищевъ и его время*“ соч. Н. А. Попова, стр. 556.

престарѣлаго хана съ русскимъ Императоромъ, который на возвратномъ пути изъ персидскаго похода еще разъ посѣтилъ Аюку въ его избѣ, которую ханъ построилъ для себя.

Во время втораго путешествія Петра по Волгѣ, Аюка, въ сопровожденіи своей жены и троихъ сыновей, встрѣтилъ Императора въ Черномъ Яру и просилъ его объявить своего сына Черенъ-Дондука наслѣдникомъ ханскаго достоинства. Дарма-Бала, жена Аюки, не разъ и послѣ вспоминала объ этомъ свиданіи съ Императоромъ. Авторъ статьи: „*Ставрополь и его храмы*"[a], И. С. П—скій сообщаетъ, что „Аюка встрѣтилъ Петра, съ своею женою и *дочерьми*, въ великолѣпной яхтѣ около Царицына и выставилъ *въ 1722 г.* за Терекомъ 40000 калмыцкой конницы для наказанія лезгинцевъ, а также укрылъ въ своей палаткѣ астраханскаго митрополита Самсона, котораго хотѣли убить взбунтовавшіеся астраханскіе стрѣльцы"[b]. Почтенный авторъ (замѣтимъ мимоходомъ), довѣрившись другимъ, смѣшалъ лица, мѣста и время событій: Аюка встрѣчалъ Петра не съ *дочерьми*, а съ *сыновьями*, и встрѣчалъ, какъ мы видѣли, не у Царицына, а близъ Саратова—въ первый разъ, и въ Черномъ Яру—во второй разъ; что же касается Самсона, астраханскаго митрополита; то его въ 1722 году уже не было и въ живыхъ: *онъ умеръ 3 апрѣля 1714 г.*[c], бунтъ же астраханскихъ стрѣльцовъ, виновникомъ котораго былъ архимандритъ Вознесенскаго монастыря Рувимъ, произошелъ въ 1705—1706г.[d]. Въ послѣдніе годы своего правленія Аюка не имѣлъ уже прежней власти и, обѣщавъ Петру въ помощь 7000 калмыковъ, отправилъ только 3727 челов. въ походъ на кумыковъ съ однимъ изъ своихъ внуковъ, да и тотъ измѣнилъ Петру: онъ вошелъ въ сношеніе съ татарами и, возвращаясь изъ-подъ Дербента, увелъ съ собою болѣе тысячи кибитокъ татаръ Хондроу, бывшихъ въ подданствѣ Россіи[e].

Со смертію Аюки, послѣдовавшей 19 февраля 1724 г. на 77 году его жизни, въ калмыцкихъ улусахъ начались междоусобія изъ-за выборовъ новаго хана; большинство желало, чтобы ханомъ былъ внукъ Аюки, Дондукъ-Омбо. Между тѣмъ, Волынскій, стараясь поддержать междоусобія калмыковъ, для упроченія среди нихъ русской власти, выставилъ своего

---

[a]) См. Самарск. Епарх. Вѣдомости за 1882 г.
[b]) См. стр. 7 въ отдѣльномъ оттискѣ.
[c]) Девятисотлѣтіе Русск. іерархіи, составленное по оффиціальнымъ и истор. даннымъ Н. Д.—Москва 1888 г.. стр. 52.
[d]) С. Монастырскій. Спутникъ по Волгѣ, Казань 1884 г., стр. 303.
[e]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 247.

кандидата въ лицѣ Доржи-Назарова, двоюроднаго племянника Аюки и всячески заботился о доставленіи ему ханской власти; но Доржи-Назаровъ, вопреки желанію Волынскаго, добровольно отказался отъ ханства, сославшись на свое безсиліе сравнительно съ дѣтьми и внуками Аюки, и откочевалъ на р. Яикъ, гдѣ калмыки его улусовъ причиняли не мало непріятностей Яицкому войску[a]. Вмѣсто Аюки былъ избранъ въ ханы его сынъ Черенъ-Дондукъ, за котораго, какъ мы знаемъ, просилъ Петра Великаго еще его отецъ, при свиданіи съ нимъ въ Черномъ Яру. Новому хану даны были впервые знаки ханской власти, назначенные по мысли Петра: сабля, панцырь съ поручами и „ерихонка, или лучшая мисюрка“ изъ Московской Оружейной Палаты. Но Черенъ-Дондукъ оказался безхарактернымъ и слабымъ человѣкомъ, который не могъ остановить калмыковъ отъ ихъ грабежей и набѣговъ на русскія селенія.

Въ царствованіе Екатерины I и Петра II, калмыки особенно много нанесли вреда жителямъ приволжскаго края: въ пять-шесть лѣтъ ими было разграблено у русскихъ товаровъ, платья и денегъ на 34444 рубл.; отогнано болѣе 2000 головъ лошадей и рогатаго скота, 17 чел. взято въ плѣнъ и 15 убито[b]; но кто могъ услѣдить тогда за всякимъ убійствомъ и грабежемъ калмыковъ?! — Степь, горы, овраги, лѣса и рѣки В. и ЮВ. Россіи, конечно, насчитали бы больше человѣческихъ жертвъ калмыцкаго звѣрства, чѣмъ 15 чел. Въ царствованіе Анны Іоанновны правительство ведетъ продолжительную борьбу съ Дондукъ-Омбо; но эта борьба, стоившая русскимъ 8800 р.[c], не принесла никакой существенной пользы Россіи: энергичный Дондукъ-Омбо, не смотря на всевозможныя препятствія, все-таки добился того, что С.-Петербургскій Кабинетъ избралъ его ханомъ и согласился на всѣ его желанія. Во время похода русскихъ войскъ въ Крымъ, подъ начальствомъ Миниха и Ласси, Дондукъ-Омбо два раза ходилъ на Кубань: въ первый походъ онъ истребилъ до 6000 татаръ, свыше 10000 увелъ въ плѣнъ женъ и дѣтей ихъ и подчинилъ Россіи болѣе 30000 кибитокъ; во второй походъ Дондукъ-Омбо, при содѣйствіи Донскихъ казаковъ, уничтожилъ цѣлое кубанское племя Джетысвульцевъ, которое могло выставить только одной вооруженной конницы до 20000 чел.; Дондукъ-Омбо прошелъ всю р. Кубань, отъ верховьевъ до ея устья, взялъ Копылъ, резиденцію своего прежняго покрови

---

[a] Яицкіе казаки даже просили, чтобы имъ былъ дозволенъ „*военный промыслъ*“ надъ калмыками; но Коллегія Иностр. Дѣлъ не согласилась на это. См. № 19 въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзнова. Кн. Казач. Повытья № 9, л. 115—119.

[b] Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 251.

[c] Тамъ же, стр. 258.

теля Бахты-Гирея, кубанскаго хана, и разорилъ ее въ конецъ[a]. Но помогая такъ дѣятельно русскимъ въ ихъ борьбѣ съ турками, Дондукъ-Омбо постоянно ссорился съ ними изъ-за калмыковъ, принимавшихъ крещеніе.

Не смотря на разныя препятствія со стороны калмыцкихъ хановъ и гелюновъ, христіанство очень рано стало проникать въ калмыцкій народъ. Въ 1700 г. на рѣкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу выше Саратова, существовало уже особое селеніе новокрещенныхъ калмыковъ. Аюка, по внушенію гелюновъ, разорилъ и сжегъ это селеніе и увелъ крещенныхъ калмыковъ въ свои улусы; но калмыки и послѣ этого продолжали переходить въ православіе, а чтобы избавить ихъ отъ ханскаго гнѣва, правительство стало высылать ихъ въ г. Чугуевъ (Харьковск. губ.) и въ Кіевъ, гдѣ они вошли въ составъ тамошнихъ казаковъ[b]. На основаніи шертныхъ записей, калмыцкіе владѣльцы не могли требовать къ себѣ обратно крестившихся калмыковъ: „которые калмыки (сказано тамъ) по своимъ желательствамъ похотятъ въ Православную христіанскую вѣру креститься, и тѣхъ для Православныя христіанскія вѣры имъ тайдшамъ и улуснымъ людямъ не просить и не бить челомъ“ [c]. Очевидно, чѣмъ болѣе являлось среди калмыковъ желающихъ креститься, тѣмъ не выгоднѣе это было для ихъ владѣльцевъ. Чтобы примирить интересы калмыцкихъ владѣльцевъ съ видами русскаго правительства, Петръ Великій въ 1707 году заключилъ съ ханомъ Аюкою особый договоръ, по которому улусные владѣльцы должны были получать по 30 р. за каждаго крещенаго калмыка. Особенно дѣятельное содѣйствіе оказалъ обращенію калмыковъ въ православіе А. П. Волынскій, бывшій при Петрѣ Великомъ астраханскимъ губернаторомъ. Волынскій считалъ крещеніе калмыковъ выгоднымъ для Россіи не только въ церковно-религіозномъ отношеніи, но и въ политическомъ, находя, что этимъ путемъ скорѣе можно было привести калмыковъ въ совершенную покорность русской власти и ассимилировать ихъ въ образѣ жизни съ русскими. Постоянныя распри Аюки съ его родственниками много помогли планамъ Волынскаго; такъ, когда Аюка, разбивъ своего двоюроднаго дядю Дугора и его сына Черена, *«поклепалъ»* на нихъ предъ царемъ,—Волынскій, воспользовавшись этой ссорой, уговорилъ ихъ ѣхать въ Москву, гдѣ Черенъ былъ крещенъ и названъ княземъ Василіемъ Дугоровымъ. Не задолго до смерти Аюки, нѣсколько чело-

---

a) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 258 и 259.
b) П. С. З. № 6904.
c) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., Изд. 1887 г. стр. 76.

ИКОНОСТАСЪ ПОХОДНАГО ХРАМА,

пожалованнаго Петромъ I Петру Петровичу Таишѣ,

внуку Калмыцкаго Хана Аюки

вѣкъ изъ калмыцкихъ нойоновъ и зайсанговъ, по внушенію того же Волынскаго, явились въ С.-Пететбургъ и тамъ крестились; воспріемникомъ нойоновъ былъ Петръ Великій, а воспріемниками зайсановъ князь Меньшиковъ и другіе сановники. Но особенно было важно по своимъ послѣдствіямъ крещеніе внука Аюки, сына Чакдоръ-Чжаба, названнаго при купели Петромъ Тайшинымъ; воспріемникомъ его былъ самъ Петръ, который въ 1724 году приказалъ: *„склонять владѣльцевъ и законниковъ ихъ (калмыцкихъ) въ христіанство ученіемъ и дачею, и книги нужныя перевесть на ихъ языкъ“* [a],— словомъ, правительство рѣшилось вести систематически дѣло обращенія калмыковъ въ Православную вѣру.

Заботясь о христіанскомъ просвѣщеніи своего крестника, Петръ Великій подарилъ ему походную церковь, во имя Воскресенія Христова, со всею церковною утварью, священными одеждами и богослужебными книгами. Этотъ замѣчательный памятникъ церковной археологіи уцѣлѣлъ до нашихъ дней и хранится доселѣ въ домовой церкви [b] Неплюевскаго кадетскаго корпуса, въ Оренбургѣ. Благодаря любезному содѣйствію директора корпуса, Ѳ. М. Самоцвѣтова, авторъ настоящей монографіи, въ началѣ сентября 1887 г., имѣлъ возможность видѣть этотъ рѣдкій памятникъ и ознакомиться съ нимъ во всѣхъ подробностяхъ, а начальникъ роты кадетовъ Д. Г. Ѳеофилактовъ доставилъ автору фотографическій снимокъ съ иконостаса этого храма. Прилагая при семъ литографированный видъ иконостаса походнаго храма Воскресенія Христова, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ иконостасѣ, въ поясненіе приложеннаго рисунка.

Иконостасъ походной церкви, подаренной Петромъ Великимъ его крестнику, хранится, какъ мы сказали, *въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ;* онъ помѣщается въ настоящее время на горнемъ мѣстѣ *въ алтарѣ храма,* за св. престоломъ. Всѣ иконы, входящія въ составъ иконостаса, нарисованы масляными красками на бѣломъ (съ голубоватымъ отливомъ) атласѣ и вправлены въ деревянную раму (позднѣйшей работы), окрашенную бѣлою масляною краскою, съ золотыми орнаментами (полосками) по краямъ; основаніемъ иконостаса служитъ деревянный пьедесталъ (также сдѣланный послѣ), окрашенный бѣлою краскою, съ позолоченными (рѣзными изъ дерева) орнаментами. Въ самую средину иконостаса, вмѣсто царскихъ вратъ, вставлена икона Пресвятыя Троицы позднѣйшаго времени [c],

---

[a]) П. С. З, № 4427.

[b]) Во имя обновленія храма Воскресенія Христова, празднуемаго Церковію 13 сентября. Домовая церковь Неплюевскаго корпуса, отличающаяся благолѣпіемъ, чистотой и обиліемъ свѣта, помѣщается въ верхнемъ этажѣ средняго выступа корпуснаго зданія во дворъ. При церкви имѣется довольно хорошая библіотека, заключающая въ себѣ до 700 экз. сочиненій духовной литературы.

[c]) На прилагаемомъ рисункѣ этой иконы, какъ позднѣйшей, нѣтъ.

а царскія двери размѣщены по обѣимъ сторонамъ иконостаса. Прилагаемый рисунокъ представляетъ иконостасъ въ его прежнемъ видѣ, безъ иконы Пресвятыя Троицы, вставленной послѣ. Высота всего иконостаса съ находящимися на немъ треугольникомъ равняется 4 арш. $10^1/_2$ вершкамъ, а ширина—5 арш. $6^1/_4$ верш.; высота мѣстныхъ иконъ составляетъ 2 арш. 7 вершковъ, ширина царскихъ вратъ—одинъ аршинъ $4^1/_2$ вершка, а отъ начала царскихъ вратъ до краевъ иконостаса въ обѣ сторонѣ по 2 аршина и $^7/_8$ вершка[a]. Весь иконостасъ можно раздѣлить на четыре части: 1) *треугольникъ*, находящійся наверху, съ иконами Распятія Господа Нашего Іисуса Христа, Св. Пророка Иліи, Св. Предтечи и Крестителя Христова Іоанна и Тайной Вечери; 2) *царскія врата*, на которыхъ вверху помѣщаются изображенія Божіей Матери и Архангела Гавріила, въ срединѣ—Свв. Евангелистовъ Іоанна и Матеея, а внизу—Марка и Луки; 3) «*мѣстныя*» иконы по правую сторону царскихъ вратъ, и 4) «*мѣстныя*» же иконы по лѣвую сторону ц. вратъ. Рядомъ съ царскими вратами съ одной стороны находится икона Воскресенія Христова, а съ другой—Рождества Христова; надъ первой (по карнизу) имѣется слѣдующая надпись: «*Христосъ возста изъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ*»[b], а надъ второй: «*Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*»[c]. Подлѣ иконы Воскресенія Христова, помѣщается икона Св. Апостола Павла, изображеннаго съ книгой въ лѣвой рукѣ и съ мечемъ въ правой, а сверху ея по желтому фону карниза надпись: «*Сосудъ избранъ ми есть сей пронести имя Мое предъ языки*»[d]. Рядомъ съ иконой Рождества Христова, находится изображеніе Св. Апостола Петра, держащаго въ правой рукѣ книгу, а въ лѣвой—ключи и на верху—надпись: «*Петре, яже Богъ очистилъ, ты не скверни*»[e]. Надъ всѣми мѣстными иконами находятся изображенія херувимовъ, которые окружаютъ и голову Воскресшаго Христа, а двое помѣщаются на крышкѣ гроба. Каждая икона имѣетъ надпись ея названія: *Воскресеніе Христово, Св. Апостолъ Петръ* и т. п.; живопись сохранилась отлично и въ художественномъ отношеніи сдѣлала-бы честь и нашему времени.

Внизу мѣстныхъ иконъ сохранилась слѣдующая надпись, сдѣланная церковно-славянскими буквами, съ сокращеніями подъ титлами: „*Повелѣ-*

---

a) Измѣреніе величины иконостаса въ статьѣ Королева-Антошечкина (Оренб. Епарх. Вѣд. 1888 г., № 16) не точно и частію *не вѣрно*: ширина его показана „приблизительно *въ 9 аршинъ*", а высота въ $4^1/_2$ аршина.

b) Посл. къ Римлян., гл. 6, ст. 9.

c) Ев. Луки, гл. 2, ст. 14.

d) Дѣян. Апост., гл. 9, ст. 15.

e) Дѣян. Апост., гл. 10, ст. 15. Цитаты эти уцѣлѣли только надъ иконами Рождества Христова и Св. Апостола Петра.

ніемъ благочестивѣйшаго Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода состроися[a] *храмъ сей походный Воскресенія Христова и освятися 1725 г. февраля 17 и дадеся владѣльцу калмыцкому новопросвѣщенному Петру Петровичу Таишѣ*"[b]. Кромѣ иконостаса, Петръ Великій подарилъ своему крестнику серебряный вызолоченный напрестольный крестъ съ частицами мощей различныхъ святыхъ, антиминсъ, дискосъ, потиръ (сосудъ), священническое облаченіе, богослужебныя книги, Библію и др. священныя вещи, которыя также хранятся доселѣ въ домовой церкви Неплюевскаго кадетскаго корпуса, въ Оренбургѣ[c]. Обратимся теперь снова къ изложенію событій среди калмыковъ, въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Для наставленія новопросвѣщеннаго Петра Тайшина въ христіанской вѣрѣ и совершенія богослуженія въ его походной церкви и необходимыхъ требъ, назначенъ былъ къ нему іеромонахъ Никодимъ Ленкѣевичъ, хорошо знавшій калмыцкій языкъ, и съ нимъ нѣсколько учениковъ Заиконоспасской школы. Прибывъ въ орду Петра Тайшина, владѣвшаго 344 кибитками, Никодимъ, послѣ установленнаго оглашенія, крестилъ многихъ изъ подвластныхъ ему калмыковъ, которые, сдѣлавшись христіанами по имени, по прежнему оставались грубыми идолопоклонниками: новопросвѣщенный таиша или тайдша (князь), по свидѣтельству Никодима, „о подчиненныхъ своихъ крещеныхъ калмыкахъ не точію старанія не имѣлъ, но и малыхъ ихъ дѣтей крестить отвращалъ, а самъ больше съ своими попами, нежели съ православными, сообщеніе имѣлъ; когда же получалъ жалованье, то изъ него раздавалъ некрещенымъ калмыкамъ и попамъ *моленія ради идоламъ*"[d]. Помимо другихъ условій, такое явленіе зависѣло во многомъ и оттого, что крещеные калмыки жили вмѣстѣ или по-сосѣдству съ некрещенными. Чтобы сколько-нибудь ослабить идолопоклонство среди калмыкъ, правительство положило воздѣйствовать на нихъ посредствомъ школъ и отдѣленія крещеныхъ калмыковъ отъ некрещеныхъ. Въ 1732 г. состоялось постановленіе Сената объ открытіи въ Астрахани школы, для обученія новокрещенныхъ калмыковъ русской и калмыцкой грамотѣ, чтобъ

---

[a]) Королевъ-Антошечкинъ прочиталъ и напечаталъ „*сотворися*". См Оренб. Еп. Вѣд. 1888 г., № 16.

[b]) Въ ст. Королева-Антошечкина текстъ не вполнѣ *точенъ*, а въ статьѣ Р. Г. Игнатьева, напечатанной въ газетѣ: „*Образованіе и Промышленность*" (1872 г., № 10) текстъ подписи еще болѣе измѣненъ и время освященія храма означено *невѣрно* „*15 января* 1725 г.", вмѣсто „*17 февраля*" того же года.

[c]) Смотр. описаніе этихъ замѣчательныхъ въ церковно-археологическомъ отношеніи вещей въ приложеніи подъ № 30.

[d]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 252.

чрезъ то утвердить ихъ въ христіанскомъ законѣ и потомъ чрезъ нихъ распространять истинныя вѣрованія между другими новокрещенными, а „для лучшей къ тому ученію охоты, тѣмъ ученикамъ жалованье давать противъ солдатскихъ дѣтей, которые учатся въ гарнизонныхъ школахъ", съ прибавкою для тѣхъ изъ нихъ, „кои будутъ въ наукѣ выходить къ совершенному знанію читать и переводить съ русскаго на калмыцкій, съ калмыцкаго на русскій" языкъ[a]. Начиная съ 1724 г. астраханскіе губернаторы[b] и лица, завѣдывавшія калмыцкими дѣлами[c], представляли неоднократно въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, „съ ясными доказательствы, о неполезности въ тамошнихъ пограничныхъ мѣстахъ содержать крещенныхъ калмыкъ и чтобъ оныхъ отвесть и поселить внутрь Россійской Имперіи, а впредь приходящихъ-бы для крещенія калмыкъ принимать на такихъ кондиціяхъ, чтобъ они шли туда жить, а которые туда идти не пожелаютъ, и тѣхъ бы не принимать"[d]. Первоначально, какъ мы знаемъ, крещенныхъ калмыковъ высылали на жительство въ Царицынъ, Саратовъ, Чугуевъ, Кіевъ и др. города, гдѣ они были зачисляемы въ казаки; но это не нравилось самимъ калмыкамъ: по заявленію Никодима, стоявшаго ближе другихъ къ крещенымъ калмыкамъ, они лучше желали, чтобы имъ было отведено особое мѣсто для поселенія, чѣмъ имъ быть разсѣянными по разнымъ мѣстамъ и переносить непріятности переселенія и разлуки съ своими родственниками. Между тѣмъ сосѣдство крещенныхъ калмыковъ съ некрещенными было непріятно и для калмыцкихъ владѣльцевъ, такъ-какъ крещеные калмыки, не смотря на ихъ привязанность къ прежнимъ своимъ обычаямъ и богамъ, могли привлекать въ христіанство и некрещенныхъ калмыковъ, благодаря тѣмъ льготамъ и матеріальнымъ выгодамъ, съ которыми былъ соединенъ ихъ переходъ въ православіе; слѣдовательно, въ отдѣленіи крещеныхъ калмыковъ отъ некрещеныхъ были заинтересованы обѣ стороны—калмыцкая и русская. Въ 1734—1735 годахъ калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбо просилъ Русское правительство, чтобы ему были возвращены нѣкоторые изъ крещеныхъ калмыкъ, если же почему-либо нельзя будетъ возвратить ихъ въ калмыцкіе улусы, то пусть они будутъ отданы крещеному владѣльцу Петру Тайшину. Правительство отвѣчало, что „о крещенныхъ калмыкахъ будетъ поступано по прежнимъ обыкновеніямъ, и по шертнымъ записямъ предковъ ихъ, и тѣ крещеные калмыки отданы будутъ

---

a) П. С. З., № 5960.
b) Волынскій, Фонъ-Менгденъ, Измайловъ.
c) Бахметевъ и Беклемишевъ.
d) См. въ Тург. арх. „Указы" 1745 г., по оп. № 18, л. 230; сравн. „Указы" 1747 г., по опис. № 20, л. 82 на оборотѣ.

въ команду владѣльца крещенаго брата его Петра Тайшина" [a]). Просьба Дондукъ-Омбо о возвращеніи ему крещеныхъ калмыковъ не могла быть удовлетворена, помимо политическихъ соображеній Русскаго правительства, и потому, что она противорѣчила присяжной шерти, данной въ 1673 г. и повторенной въ 1677 и 1683 г. Аюкою, его братьями Монцакомъ и Зомсо-Тайшей, а также калмыцкими владѣльцами Соломъ-Серенъ-Тайшей, Назаръ-Мамутомъ и Нелешъ-Тайшей [b]). Однакожъ Дондукъ-Омбо, не смотря на шертныя записи своего дѣда и предковъ, продолжалъ настаивать на своемъ. Въ 1736 г. онъ отправилъ въ С.-Петербургъ посломъ Джимбу-Джамсо, который отъ имени хана просилъ, „дабы тѣхъ крещеныхъ калмыкъ *отдать въ его сторону*, а впредь бы крестить запретить; ежели жъ тѣ крещеные калмыки въ его улусы не отдадутся, то-бъ ихъ всѣхъ отъ Волги отвести въ дальнія россійскія мѣста, и тамо, яко сущихъ россіянъ, поселить и употребить бы въ службу; да и впредь ежели таковыхъ приходящихъ для крещенія принимать запрещенія учинено не будетъ; то-бъ таковыхъ въ волжскихъ городахъ жить не оставлять, а брать-бы ихъ въ столичные города въ С.-Петербургъ и въ Москву, и гдѣ имѣется довольное число искусныхъ поповъ, которые могутъ ихъ въ христіанскомъ законѣ наставлять и утверждать" [c]). Петербургскій Кабинетъ уважилъ только вторую половину просьбы Дондукъ-Омбо, на первую же отвѣтилъ отрицательно, присовокупивъ, что „которые калмыки, въ улусахъ учиня убійство или какое явное злодѣйство, для крещенія будутъ приходить въ россійскіе города, таковыхъ не принимать, а попрежнему отдавать въ калмыцкіе улусы да и прочихъ некрещеныхъ калмыкъ при городахъ, безъ писемъ и прошенія владѣльцевъ ихъ, жить не допускать" [d]). Въ томъ же году Петръ Петровичъ Тайшинъ подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ просьбу о томъ, чтобы ему былъ отданъ его „собственный улусъ съ тѣми улусами, кои отъ родственниковъ его по наслѣдству и по праву ему надлежатъ, да ему-жъ бы отдавать и крещеныхъ калмыкъ, которые обрѣтаются по разнымъ городамъ и при устьи рѣки Илавлы (Иловли), и въ способномъ мѣстѣ построить ему городокъ" [e]).

---

[a]) Рычковъ. Топогр. Ор. губ. Изд. 1762 г., ч. I, стр. 108, а по изд. 1887 г. стр. 77.

[b]) Тамъ же, по перв. изд. стр. 107, по второму—76.

[c]) Тамъ же.

[d]) Тамъ же. Слич. П. С. З., т. XII, № 9174.

[e]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. I, стр. 110, а въ изд. 1887 г. стр. 78.

Планъ соединенія всѣхъ крещеныхъ калмыковъ въ одномъ мѣстѣ былъ подвергнутъ внимательному разсмотрѣнію и найденъ полезнымъ не только въ интересахъ самихъ крещеныхъ калмыкъ, а въ интересахъ и государственной пользы; поэтому правительство занялось пріисканіемъ удобнаго мѣста для поселенія крещеныхъ калмыковъ. Съ этой цѣлію былъ посланъ приказъ къ генералу А. И. Румянцеву, чтобы онъ присмотрѣлъ мѣсто для поселенія крещеныхъ калмыковъ; Румянцевъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, наиболѣе удобныя мѣста для поселенія калмыковъ находятся въ вершинахъ р. Ика[a], въ междурѣчьи Кинеля и Сока. Мнѣніе Румянцева сообщено было Кириллову съ приказаніемъ, чтобы онъ „о всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, тогда въ вѣдомствѣ его бывшихъ, разсмотрѣлъ, найдутся-ли такія удобныя, въ которыхъ бы пристойнѣе всѣхъ крещеныхъ калмыкъ пребываніе и кочевье вмѣстѣ могло быть, и туда ихъ перевесть“[b]. Кирилловъ 23 декабря 1736 г. доносилъ изъ Мензелинска, „что онъ въ тамошнихъ мѣстахъ за наилучшее къ поселенію калмыкъ признаетъ въ полувершинахъ р. Тока, коя впала въ Самару, сѣв. шир. на 53°.“[c]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кирилловъ выразилъ сомнѣніе въ возможности скорой осѣдлости калмыковъ, замѣтивъ что „пашни можно ожидать развѣ отъ внучатъ или правнучатъ оныхъ калмыковъ“.

Вскорѣ Петръ Петровичъ Тайшинъ, находившійся въ С.-Петербургѣ, скончался; но правительство и послѣ этого не оставило своихъ плановъ относительно выселенія крещеныхъ калмыковъ изъ астраханскихъ степей въ Оренбургскій край. Жена покойнаго Петра Тайшина пожелала, по примѣру своего мужа, также креститься[d]; воспріемницей ея была сама Императрица Анна Іоанновна, въ воспоминаніе чего она и была названа по имени крестной матери Анной и получила титулъ княгини, съ правомъ быть главою всѣхъ обращенныхъ въ православіе ея соплеменниковъ. Вмѣстѣ съ Анной Тайшиной крестилось нѣсколько знатныхъ калмыковъ, находившихся съ нею въ Петербургѣ; воспріемниками ихъ были сенаторы, совѣтники и ассесоры разныхъ коллегій и конторъ; таинство крещенія совершали іеромонахъ Варлаамъ и протоіерей Василій Терлецкій; мѣстомъ для крещенія были избраны церковь Исаакія Дал-

---

a) Здѣсь нужно разумѣть Большой Икъ, впадающій съ лѣвой стороны въ Каму, а не тотъ Икъ, который составляетъ правый притокъ Сакмары и впадаетъ въ нее пониже Воздвиженской крѣпости. См. „Оренб. губ. по ландкартамъ Красильникова и Топогр. Рычкова 1755 г.“ Карты 3, 5, 7 и 9.

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г. стр. 78.

c) Тамъ же, стр. 79.

d) Королевъ-Антошечкинъ *ошибочно* думаетъ, что Петръ Тайшинъ крестился одновременно „*со всѣмъ своимъ семействомъ и всей подвластной ему ордой*“. См. Еп. Ор. Вѣд. 1888 г., № 16.

матскаго и полковая церковь Преображенскаго полка [a]. Указомъ отъ 7-го апрѣля 1737 г. Кириллову было предписано, чтобы ко времени прибытія въ Самару княгини Тайшиной, для находящихся при ней и будущихъ калмыковъ, была построена въ пристойномъ мѣстѣ небольшая крѣпость и въ ней церковь, „и оной княгинѣ и знатнымъ при ней зайсангамъ, тако-жъ и полковнику Змѣеву, въ оную крѣпость коммендантомъ опредѣленному, поставить дворы заблаговременно, а о содержаніи ихъ тамо прислать мнѣніе“ [b]. Но этотъ указъ уже не засталъ въ живыхъ Кириллова, который 14 апрѣля того же года скончался отъ чахотки, а на его мѣсто назначенъ былъ, какъ мы знаемъ, В. Н. Татищевъ. Между тѣмъ полковникъ Змѣевъ, еще за два мѣсяца [c] до прибытія новаго начальника Оренбургскаго края, донесъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что на мѣстахъ, указанныхъ Кирилловымъ, „помянутыхъ княгиню и крещеныхъ калмыкъ, для разныхъ обстоятельствъ, селить несходно и неудобно; а лучше-де поселить ихъ внутри Закамской линіи, и построить-бы крѣпость для оной княгини и для будущихъ при ней зайсанговъ по рѣкамъ Волгѣ, Соку или Кондурчѣ“ [d]. Петербургскій Кабинетъ 27 мая 1737 г. предписалъ Татищеву обсудить мнѣнія Кириллова и Змѣева и, если можно, осмотрѣть лично указанныя ими мѣста. Но чрезвычайная сложность обязанностей Татищева не дозволила ему на этотъ разъ лично ознакомиться съ означенными мѣстами, тѣмъ болѣе, что внутри самой Башкиріи не совсѣмъ было спокойно; Татищевъ думалъ поручить осмотръ этихъ мѣстъ генералу Л. Я. Соймонову, но обстоятельства задержали и Соймонова Тогда Татищевъ, основываясь на ландкартахъ и письменныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему Тевкелевымъ, разсудилъ, что лучше „жить княгинѣ Тайшиной въ Алексѣевскѣ на линіи, между Самары и Красносамарска, гдѣ ей на первый случай покоевъ довольно, а прочихъ калмыкъ ввесть за линію, между рѣкъ Кондурчи и Черемшана, въ степь, которой поперекъ болѣе 90 верстъ, а отъ Волги вверхъ по тѣмъ рѣкамъ болѣе 100 верстъ, гдѣ мнится, что они умѣститься свободно могутъ; если имъ покажется тѣсно, то могутъ за линію въ степи въ удобныхъ мѣстахъ кочевать, гдѣ они отъ набѣговъ другихъ калмыкъ закрытіемъ строющихся къ Оренбургу крѣпостей могутъ быть безопасны“ [e]. Но мѣсто, избранное Татищевымъ для поселенія крещеныхъ калмыковъ, не понравилось

---

a) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 557.

b) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 80. Изд. 1887 г., а въ изд. 1762 г. ч. I, стр. 112.

c) Змѣевъ доносилъ 12 мая, а Татищевъ прибылъ въ Мензелинскъ 14 іюля.

d) Тамъ же.

e) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 260, и въ приложеніи (тамъ же) стр. 620—630.

Тайшиной; желая угодить взыскательной княгинѣ, Татищевъ обратился за содѣйствіемъ въ прінсканіи болѣе удобнаго мѣста къ самарскимъ казакамъ. Вскорѣ послѣ этого, одинъ изъ казаковъ указалъ Татищеву на „урочище Переполье, гдѣ есть Воложка Копылова, а на ней боръ съ годнымъ къ строенію лѣсомъ; близъ того же урочища вышедшая изъ степи рѣчка Курумочь[a], коя пала въ Сокъ мимо Царева Кургана, а къ востоку степь, подъ Перепольемъ же къ Волгѣ великіе сѣнные покосы“ [b]. Такимъ образомъ калмыки постепенно приближались къ тому мѣсту, на которомъ потомъ они были поселены уже окончательно. Это послѣднее мѣсто было указано тѣмъ же самарскимъ казакомъ, который обратилъ вниманіе Татищева и на Переполье; оно находилось выше Переполья верстъ на 20 и называлось „Кунья Воложка“. 24 сентября 1737 г. Татищевъ сдѣлалъ представленіе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что онъ считаетъ это мѣсто, богатое лѣсомъ и лугами, наиболѣе удобнымъ къ поселенію калмыковъ и княгини Тайшиной. Мнѣніе Татищева было принято; ему посланъ былъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ указъ, состоявшійся 31 октября того же года. Итакъ, остановившись на Самарской Лукѣ, правительство положило селить крещеныхъ калмыковъ отъ устья р. Черемшана до деревни Царевокурганской[c], а для знатныхъ изъ нихъ построить крѣпость близъ Волги на островѣ, образуемомъ Волгой и Куньей Воложкой[d], до построенія же крѣпости княгиня Тайшина могла поселиться въ Красномъ Яру, гдѣ было достаточно свободныхъ штабъ и оберъ-офицерскихъ квартиръ для нея и зайсанговъ. Въ апрѣлѣ 1737 г. княгиня Тайшина прибыла въ Самару, получивъ при своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вмѣстѣ съ зайсангами, 9247 рублей[e]. 20 іюня того же года Анна Тайшина получила Высочайшую грамоту, въ которой, между прочимъ, было сказано: „Понеже Мы, Великая Государыня, наше Императорское Величество, по смерти мужа твоего, калмыцкаго крещенаго владѣльца Петра Тайшина, по всеподданнѣйшему твоему прошенію, изъ Высочайшей Нашей къ тебѣ милости, жалуя тебя, *Всемилостивѣйше соизволили повелѣть именовать и писать тебя княгинею и пору-*

---

[a]) Рѣка Курумочь беретъ начало немного сѣвернѣе села Старой Бинарадки, котор. не должно смѣшивать съ Новой Бинарадкой, наход. въ Мусорской волости Ставропольскаго же уѣзда.

[b]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 261.

[c]) Нынѣ село Царевщина, расположенное подлѣ Царева Кургана на лѣвой сторонѣ Волги, верстъ на 30 выше Самары.

[d]) Кунья Воложка въ то время представляла лѣвый протокъ Волги, простиравшійся на двѣ версты въ длину и саженъ на 50 въ ширину; въ настоящее же время этотъ протокъ походитъ болѣе на заливъ, который въ половодье доходитъ до самаго города Ставрополя, отодвинувшагося далѣе въ луговую сторону. См. Топ. Ор. губ. Рычкова, ч. II, стр. 101. Изд. 1762 г.

[e]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 557.

чить въ вѣдѣніе и управленіе твое всѣхъ крещеныхъ калмыкъ и, для пребыванія твоего съ зайсанги, выше Самары и близъ Волги рѣки, построить крѣпость и въ ней святую церковь и дворы и на то назначенное мѣсто собрать всѣхъ крещеныхъ калмыковъ, которые около той крѣпости имѣютъ по обыкновенію своему кочевать, а въ той крѣпости при тебѣ быть комменданту Нашему полковнику Андрею Зиѣеву, подъ дирекціею Нашего Тайнаго Совѣтника Василія Татищева, и *давать тебѣ* Нашего Императорскаго *жалованья денегъ по пяти сотъ рублевъ, муки ржаной по пяти сотъ четвертей въ годъ.* а зайсангамъ Наше жалованье учинено будетъ впредь" [a]. Для управленія крещеными калмыками, въ помощь къ княгинѣ Тайшиной, были назначены, согласно ея желанію и выбору, зайсанги: Иванъ Шора, Петръ Менка, Кириллъ Шарапъ, Иванъ Чидоръ и Матвѣй Батуменка [b]. Саратовскому воеводѣ полковнику Беклемишеву было предписано, чтобы онъ „съ возможною скоростью" собралъ всѣхъ крещеныхъ калмыковъ изъ Астрахани, Царицына и др. мѣстъ, и приготовилъ для переселенія ихъ струги, суда, лошадей и верблюдовъ. Между тѣмъ Татищевъ, совмѣстно съ Зиѣевымъ, воспользовавшись благопріятнымъ лѣтнимъ временемъ, объѣхалъ и осмотрѣлъ назначенныя къ поселенію калмыковъ мѣста по рѣкамъ Черемшану, Соку, Кондурчѣ, Липовкѣ [c] и др. Въ эту поѣздку Татищевъ избралъ нѣсколько пунктовъ, для кочевья и поселенія калмыковъ; на этихъ мѣстахъ, богатыхъ лѣсомъ, рыбными рѣками, плодородной землей и поемными лугами, впослѣдствіи возникли слѣдующія калмыцкія селенія или слободы: Воскресенская слобода, или Ягодное [d] въ 25 верстахъ отъ Ставрополя; Благовещенская слобода, или Сусканъ—въ 35 верстахъ; Тенѣево и Раковка—въ 50 верст.; Чекалино—въ 60 в.; Богоявленская слобода, или Курумочь—въ 63 в.; Гвардейская слобода—въ 70 в.; Предтеченская слобода, или Красное [e] поселеніе—въ 70 в.; Калмыцкая Сахча, или Верхнее Якушкино—въ 80 в.; Кобельма и Преображенская слобода (Кошки тожъ)—въ 95 верст. отъ Ставрополя и нѣкоторыя другія. Мѣстомъ для построенія крѣпости и города была избрана Кунья Воложка. Татищевъ отправилъ поручика и геодезистовъ, которые должны были из-

---

[a]) Смотр. въ приложеніи № 31.

[b]) Тамъ же, пунктъ 2.

[c]) Липовка—лѣвый притокъ Кондурчи въ верхней ея части.

[d]) Ягодное находится почти противъ села Новодѣвичья, въ луговой сторонѣ Волги.

[e]) Авторъ статьи: „*Ставрополь и его храмы*" (стр. 23), по видимому, смѣшиваетъ Красноярскую крѣпость съ *Краснымъ Поселеніемъ*, расположеннымъ на правомъ берегу р. Кондурчи.

мѣрить и положить на карту означенныя мѣста, такъ—какъ ландкарта Кириллова оказалась во многомъ невѣрной. Геодезисты, командированные Татищевымъ, сняли чертежи и планы ситуаціи того мѣста, на которомъ предположено было строить Ставрополь, нанесли на карту берегъ р. Волги на 20 верстъ въ каждую сторону и всю степь между р. Сокомъ, Кондурчей и Черемшаномъ и составили планъ самой крѣпости съ домами для знатныхъ калмыковъ, казармами для солдатъ и кладовыми магазинами, а также начертили и планъ церкви, „коей быть въ помянутой крѣпости“ [a]. Всѣ эти чертежи и планы Татищевъ приложилъ къ своему доношенію въ Коллегію Иностр. Дѣлъ. На строеніе крѣпости и города назначено было 10090 руб. 74³/₄ коп. [b] Зимой 1738 г. было приступлено къ заготовкѣ строительнаго матеріала. Между тѣмъ полковникъ Змѣевъ просилъ Татищева ходатайствовать о дозволеніи селить между калмыками русскихъ разночинцевъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, чтобы калмыки „сперва къ кошенію сѣнъ и къ пашнѣ хлѣбомъ, а потомъ и къ поселенію возымѣли охоту“. Находя полезнымъ поселеніе въ самомъ городѣ торговыхъ русскихъ людей, Змѣевъ писалъ Татищеву: „не соблаговолено-ль будетъ поселить въ новостроющейся крѣпости до 40 или 50 чел. изъ Казанской губерніи и ближнихъ городовъ изъ купечества“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Змѣевъ спрашивалъ Татищева, изъ какого источника онъ долженъ выдавать княгинѣ Тайшиной „денежное и хлѣбное жалованье“ и просилъ опредѣлить размѣръ жалованья зайсангамъ, вошедшимъ въ составъ управленія калмыцкими дѣлами. Татищевъ, совмѣстно съ генералъ-майоромъ Соймоновымъ, заслушавъ представленія Змѣева 18 декабря 1737 г., опредѣлилъ: 1) „купечеству къ населенію дать позволеніе по указамъ и о томъ потребно, чтобъ публиковать указами; а ежели охотниковъ не будетъ, то перевести изъ городовъ Казанской губерніи средней статьи купцовъ до 50 семей, а выбирать ихъ купечествомъ самимъ и воеводамъ въ то не вступаться, чтобъ не было какого разоренія; 2) изъ объявленныхъ прописныхъ Казанской губерніи (разночинцевъ) перевести и поселить до 300; 3) деньги княгинѣ Тайшиной, ассигнованныя отъ Казанской губерніи, доколѣ тѣ деньги получены будутъ изъ Симбирской провинціи, отпустить сколько потребно и можно, для необходимыхъ нуждъ изъ Оренбургской Коммиссіи, а провіантъ давать изъ поставленнаго въ новую крѣпость“. Оклады жалованья зайсангамъ были опредѣлены слѣдующіе: полковнику 50 рублей; войсковому есаулу и писарю по 40 р.; ротмистрамъ троимъ по 30 р., двоимъ по

---

a) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 557.
b) Тамъ же.

25 р., хорунжимъ десяти по 12 р., есауламъ двоимъ по 10 руб., урядникамъ и розсыльщикамъ двоимъ по 7 р., толмачамъ двоимъ по 6 руб.,— итого всѣмъ 436 рубл.[a] 24 декабря 1737 г. Татищевъ представилъ свое мнѣніе на обсужденіе и утвержденіе Колл. Ин. Дѣлъ.

Съ наступленіемъ весны 1738 г. приступлено было къ построенію крѣпости и помѣщеній для княгини и должностныхъ лицъ. Безлюдный и пустынный дотолѣ берегъ многоводной тогда Волги, противъ жегулевской красавицы Дѣвичьей горы и Молодецкаго кургана, оживился—и закипѣла самая широкая дѣятельность: одни строили храмъ, другіе—домъ для княгини, третьи—помѣщенія для коммендантa и другихъ должностныхъ лицъ. Всѣми работами непосредственно руководилъ энергичный комендантъ Андрей Змѣевъ, память о которомъ, къ сожалѣнію, кажется, ни чѣмъ не увѣковѣчена въ Ставрополѣ. Между тѣмъ Татищевъ написалъ саратовскому воеводѣ Беклемишеву, чтобы всѣ собранные имъ калмыки немедленно были препровождены въ строющійся для нихъ городъ. Беклемишевъ донесъ Татищеву, что для перевоза крещеныхъ калмыковъ отъ Сызрана до Саратова у него имѣется не болѣе 30 человѣкъ; Татищевъ приказалъ нарядить „не менѣе 150 конныхъ казаковъ да суда съ пѣшими, сколько можно"; въ инструкціи же прапорщику Ухтомскому, котораго онъ отправилъ къ Беклемишеву, было сказано: „а какъ небезъизвѣстно, что въ такихъ мѣстахъ командиры и приказные оныхъ дворянъ и казаковъ, и другихъ служилыхъ людей употребляютъ мимо настоящей ихъ службы въ свои партикулярныя услуги, а иныхъ увольняютъ въ торги и другіе собственные ихъ промыслы, чего ради навѣдаться тебѣ *тайно*, если кто таковые отъ службы послабленіемъ уволенные найдутся, объ оныхъ кто тебѣ скажетъ, имянно записать и, пріѣхавъ, мнѣ объявить; однако сіе такъ чинить, чтобъ тамъ о семъ твоемъ провѣданіи никто знать не могъ и никому про сіе не объявлять" [b].

По вскрытіи Волги, калмыки были отправлены на новыя мѣста партіями и при томъ двумя путями: по Волгѣ—на судахъ, и сухопутьемъ—на лошадяхъ и верблюдахъ. Каждую партію калмыковъ сопровождалъ особый конвой, состоявшій изъ 50 человѣкъ, въ томъ числѣ было 28 Донскихъ казаковъ, 20 солдатъ, сержантъ и подпрапорщикъ. Вмѣстѣ съ переселенцами препровождена была изъ Астрахани и походная церковь, во имя Воскресенія Христова, со всѣми принадлежностями къ ней. Ко времени прибытія калмыковъ, работы въ новостроющейся крѣпости значительно уже подвинулись впередъ: дома для княгини, коммендантa, зайсанговъ

---

[a]) Тамъ же, стр. 620—630.—Здѣсь итогъ показанъ невѣрно въ 426 р., вмѣсто 436 р. См. стр. 630.
[b]) Тамъ же, стр. 261.

и др. должностныхъ лицъ были почти готовы; постройка провіантскихъ магазиновъ, архива, канцеляріи, цейгауза и кладовыхъ (амбаровъ) также приближалась къ концу; даже церковь, во имя Св. Троицы, была доведена до крыши. Изъ 10090 рубл. $74^{3}/_{4}$ коп., назначенныхъ на первоначальное устройство крѣпости, было издержано 7334 р. $9^{1}/_{2}$ коп., на заготовленіе сосудовъ, богослужебныхъ книгъ, священныхъ одеждъ и др. вещей для церкви употреблено 1211 рубл. $2^{1}/_{2}$ коп.,—итого 8545 р. 12 коп. да княгиня Тайшина получила, при отъѣздѣ изъ Москвы, 9247 рубл.; такимъ образомъ всего на первое устройство новой колоніи для крещеныхъ калмыковъ было израсходовано 17792 р. 12 коп., кромѣ расходовъ по передвиженію ихъ изъ астраханскихъ степей въ Самарскую Луку,—сумма очень почтенная по тому времени. Татищевъ предложилъ назвать новопостроенную крѣпость Епифаніей[a]), что значитъ „просвѣщеніе"; но правительству угодно было назвать ее, согласно мнѣнію Соймонова и Змѣева, Ставрополемъ[b]), т. е. *городомъ креста*,—названіе, сохранившееся за городомъ и до сего времени.

Въ половинѣ сентября 1738 г. переѣхала изъ Самары въ Ставрополь и княгиня Тайшина, съ своимъ штатомъ и зайсангами, и поселилась въ построенномъ для нея домѣ. Простые калмыки въ числѣ 700 кибитокъ, въ коихъ числилось 2104 души[c]), были поселены на пространствѣ „отъ устья Черемшана[d]) внизъ по Волгѣ до деревни Царевщины и до дачъ, принадлежавшихъ ландмилицкимъ солдатамъ Красноярской крѣпости, а поперекъ вверхъ по рѣкѣ Кондурчѣ до Чолнинской дороги, по которой ѣздили изъ пригородка Сергіевска въ Казань"; въ этихъ мѣстахъ калмыки могли „кочевать, звѣрей ловить, лѣсъ и дрова рубить, и скотомъ траву травить, и въ озерахъ рыбу ловить свободно", причемъ велѣно было „тѣми и другими способами казать имъ удовольствіе и всякими мѣрами пріохочивать, чтобы они сперва къ кошенію сѣна, а потомъ и къ пашнѣ хлѣба возымѣли охоту" [e]). Вмѣстѣ съ калмыками переѣхали въ Ставрополь, по распоряженію Св. Синода, архимандритъ Никодимъ Ленкѣевичъ и протоіерей Андрей Чубовскій, знавшіе хорошо калмыцкій языкъ. Въ октябрѣ того же (1738) года Татищевъ прибылъ изъ Самары въ Ставро-

---

[a]) Греки назыв. *Епифаніей* праздникъ Богоявленія, или Крещенія Господня.

[b]) Сравн. выше стр. 237 въ наст. моногр., сносокъ (*c*).

[c]) Въ книгѣ Н. А. Попова: „*Татищевъ и его время*" (стр. 261) показано 2400 душъ, а въ ст. „*Ставрополь и его храмы*" (стр. 18) приводится 2241 д. обоего пола; мы удержали цыфру, какая находится въ „*Топогр. Оренб. губ.*" Рычкова. (Изд. 1887 г., стр. 81).

[d]) Черемшанъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волгу немного выше села Хрящёвки. Ср. выше стр. 341, сносокъ (*a*).

[e]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 262.

поль, чтобы осмотрѣть новостроющійся городъ, и нашелъ, какъ видно изъ его доношенія въ Колл. Иностр. Дѣлъ, что *„городъ построенъ по чертежу изрядно*; домà княгинѣ, архимандриту, полковнику совсѣмъ отдѣланы и довольно покойны, зайсангамъ—многіе приходятъ въ отдѣлку и въ нѣсколькихъ уже живутъ; церковь малая подъ кровлю приходитъ, а большая еще не заложена: и хотя полковникъ Змѣевъ (замѣчаетъ Татищевъ), въ своемъ донесеніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, разсужденіемъ представлялъ, чтобъ церкви великой не строить, а построить три средственныхъ; но я разсудилъ, что лучше одну большую (построить), нежели три малыхъ; для того: 1) что оную лучше одну, нежели всѣ убирать, а наипаче въ письмѣ иконъ надобно смотрѣть, чтобъ хорошее было; 2) въ бòльшей церкви поученіе и закона толкованіе больше людей слушать могутъ, что въ разныхъ неудобно; 3) при одной способнѣе добрыхъ священниковъ, которые у насъ въ диковинку, имѣть, особливо на ихъ языкѣ" [a]. Татищевъ, осмотрѣвъ городъ, посѣтилъ прежде всего княгиню Тайшину, которая „за обрѣтеніе мѣста и прилежное для нея строеніе довольно благодарила и объявила, что она находитъ себя должною изъявить благодареніе, нѣчто отъ скотовъ, яко быковъ, коровъ калмыцкихъ и верблюдовъ; но Татищевъ, поблагодаривъ ее, сказалъ: „не только ничего не желаю, но радъ-бы самъ отъ своего убогимъ калмыкамъ [b] вспомочь [c]". Княгиня, между прочимъ, съ удовольствіемъ сообщила Татищеву, что „многіе калмыки сего года жито сѣяли и, благодаря Бога, довольный плодъ получили; которые же скотъ имѣютъ, довольно сѣнъ наготовили, и хотя впредь болѣе охоты возымѣютъ, токмо многихъ желѣзныхъ снастей не достаетъ, а купить не въ состояніи" [d]. Во время разговора, княгиня напомнила Татищеву и о деревняхъ, которыя были обѣщаны при крещеніи ея мужу, но за смертію его не были пожалованы. Татищевъ обѣщалъ свое содѣйствіе и, простившись съ княгиней, отправился въ походный храмъ къ обѣднѣ. По окончаніи литургіи, Татищевъ навѣстилъ архимандрита Никодима, а послѣ обѣда выѣхалъ изъ Ставрополя въ степь, чтобы непосредственно ознакомиться съ жизнью и обстановкой калмыковъ на новыхъ мѣстахъ. Невеселая, безотрадная картина представилась здѣсь Татищеву: толпы полуголодныхъ, почти раздѣтыхъ и грязныхъ калмыцкихъ дѣтей перебѣгали отъ одной кибитки къ другой, какъ бы отыскивая себѣ пищи; множество безпомощныхъ больныхъ, осо-

---

a) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 262.
b) Въ числѣ 700 кибитокъ, прибывшихъ на поселеніе, около 400 было *убогихъ*. *Татищевъ и его время*, стр. 261 и 263.
c) Тамъ же.
d) Тамъ же.

бенно женщинъ, лежали на голой землѣ подлѣ своихъ кибитокъ, безъ всякаго присмотра и ухода за ними другихъ; болѣзненный и печальный видъ ихъ мужей и родныхъ возбуждалъ въ душѣ зрителя невольное сочувствіе къ этимъ новопоселенцамъ. Чтобы улучшить ихъ положеніе, Татищевъ долженъ былъ поспѣшить постройкою для калмыковъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, завести больницу и школу. Раздѣливъ всѣхъ калмыковъ на нѣсколько партій, Татищевъ распорядился отправить ихъ на тѣ пункты, которые за годъ предъ симъ были избраны имъ для „фундаментальнаго" поселенія крещеныхъ калмыковъ. Начиная съ осени того же 1738 г., начались работы по устройству жилыхъ помѣщеній для калмыкъ. Между тѣмъ княгиня Тайшина не переставала напоминать Татищеву объ обѣщанныхъ ея мужу деревняхъ, почему Татищевъ писалъ въ Коллегію Иностран. Дѣлъ: „полезнѣе деревнями, нежели деньгами ихъ (крещ. калмыкъ) содержать, ибо чрезъ то они скорѣе къ домоводству привыкнутъ и работамъ мало-по-малу обучаться могутъ, и хотя по положенію мѣстъ казалось-бы на Черемшанѣ дворцовыя деревни ей дать приличнѣе; но оныя болѣе бѣглыми и весьма *безпутными гулякоми и плутами* населились, отъ которыхъ и калмыкамъ добраго приплода получить не можно; чрезъ Волгу же, противъ самыхъ дачъ княгини оной, есть Уеольская волость, бывшая за Меньшиковымъ, въ которой нѣкоторая часть дворцовыхъ, а болѣе Савина монастыря крестьянъ, приписанныхъ къ Коллегіи Экономіи, на которыхъ земляхъ и крѣпость построена"[a]. Испрашивая для калмыковъ „лѣкаря, подлѣкаря и потребные медикаменты, Татищевъ замѣчаетъ, что все это необходимо имѣть въ предупрежденіе того, дабы „такіе невоздержные люди (калмыки), безъ наставленія и воздержанія лѣкарскаго, въ вящшія болѣзни не пришли и оттого напрасно не пропадали"[b]. Проэктируя устройство школы для калмыцкихъ дѣтей, Татищевъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что „знаніе калмыками русскаго языка много поспособствуетъ къ усвоенію русской національности между ними и въ самомъ семейномъ быту".

Коллегія Иностр. Дѣлъ, признавая представленія Татищева полезными, препроводила ихъ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе Сената, а послѣдній, одобривъ ихъ, передалъ въ Верховный Кабинетъ, который 7 декабря 1738 г. предписалъ Сенату сдѣлать зависѣвшее отъ него распоряженіе. Указомъ 26 февраля 1739 г. повелѣвалось произвести нарѣзку земельныхъ участковъ калмыкамъ, сообразно ихъ рангамъ, а именно: „урад-

---

[a]) Тамъ же, стр. 263.
[b]) Тамъ же, стр. 264.

никамъ, разсыльщикамъ, толмачамъ и простымъ калмыкамъ подъ пашню по 20 четв. въ полѣ, а въ двухъ потому-жъ; сѣнныхъ покосовъ по сту копенъ; подъ дворы, гумна и огороды земли въ длину по 30 саж., а поперекъ по 15 саж." [a]; зайсангамъ — *вдвое* противъ рядовыхъ, а княгинѣ — *вдесятеро*, т. е. зайсангамъ по 40 четв. въ полѣ подъ пашню, сѣна по 200 копенъ, а княгинѣ — по 200 четв. пахатной земли въ каждомъ изъ трехъ полей и по 1000 копенъ сѣнныхъ покосовъ; подъ усадьбу (дворы, огороды и гумна) зайсангамъ по 60 саж. длиннику и по 30 саж. поперекъ, а княгинѣ — по 300 саж. въ длину и по 150 саж. поперечнику. Относительно размѣра лѣсныхъ дачъ было постановлено: „лѣсныхъ угодій княгинѣ, зайсангамъ, урядникамъ, розсыльщикамъ, толмачамъ и калмыкамъ" произвести надѣлъ „по препорціи опредѣленной имъ пашни, по Писцовому Наказу каждому порознь". Для обученія калмыковъ хлѣбопашеству, предписано было „давать на первый разъ изъ гарнизона, опредѣленнаго къ Ставропольской крѣпости, по нѣскольку человѣкъ солдатъ, кои изъ крестьянства взяты, которые-бъ тоѣ работу показывать и обучать ихъ могли, а княгинѣ и зайсангамъ, пока они своими людьми исправятся, работныхъ людей изъ тѣхъ, которые будутъ посылаться для работъ на линію въ помощь, и людямъ ихъ, княгинѣ по пяти, а зайсангамъ каждому по одному человѣку на лѣто, а какъ хлѣбъ уберутъ; то ихъ по прежнему въ домы отпустить, а въ бытность ихъ при той работѣ давать имъ провіантъ или кормовыя деньги изъ казны, по чему при линейной работѣ дается". Бѣднымъ калмыкамъ опредѣлено: „дать на каждую семью по одной лошади" и „сѣмена", по усмотрѣнію Змѣева, „на сѣвъ хлѣба". Кромѣ того, въ *распоряженіе княгини Тайшиной, для вспомоществованія бѣднымъ калмыкамъ, было ассигновано 500 р.* изъ сверхштатныхъ суммъ, „покамѣстъ они пашнями удовольствуются и хлѣбомъ заведутся". Контроль надъ расходомъ этихъ денегъ былъ возложенъ на коммендanta крѣпости Змѣева, „дабы тѣ деньги не на иное что употреблены были, но для содержанія бѣдныхъ калмыкъ"; Змѣевъ также долженъ былъ „имѣть прилежное смотрѣніе и стараніе, чтобы тѣ калмыки, какъ возможно, къ пашнѣ пріучены и хлѣбомъ *озавожены* были" [b] въ самомъ непродолжительномъ времени. Калмыкамъ предоставлено было право безпошлинной продажи лошадей, рогатаго скота и др. предметовъ, съ отнесеніемъ пошлиннаго

---

[a] П. С. З., т. XII, № 9110, стр. 313.

[b] Копія съ этого указа, провѣренная съ подлинникомъ и удостовѣренная подписью полковника Цызарева 17 ноября 1789 г., напечатана въ статьѣ: „*Ставрополь и его храмы*", стр. 25—28 въ отд. оттискѣ.

сбора на счотъ покупателей; калмыки также могли ловить рыбу и звѣрей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили, а въ этомъ недостатка не было: по свидѣтельству Палласа, здѣсь даже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія водилось множество сурковъ, лисицъ, лосей и сайгаковъ, или дикихъ козъ (Cervus pygargus), для которыхъ гороховое дерево (Robinia frutescens), растущее въ изобиліи по берегамъ Сока, могло служить хорошимъ кормомъ[a].

Не мало предстояло трудовъ коммендanту Ставропольской крѣпости, полковнику Змѣеву: нужно было позаботиться о размежеваніи земель между калмыками, о пріученіи ихъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, объ устройствѣ школы для калмыцкихъ дѣтей и т. п. Между тѣмъ Татищевъ самъ попалъ подъ слѣдствіе и былъ удаленъ отъ управленія Оренбургскимъ краемъ[b], а его преемники Урусовъ и Соймоновъ всецѣло были заняты усмиреніемъ бунтовавшихъ башкиръ, розысками Карасакала и наказаніемъ виновныхъ[c]. Размежеваніе земель, отведенныхъ для поселенія крещеныхъ калмыковъ, было поручено инженеръ-майору Ратиславскому[d], который, согласно указу 26 февраля 1739 г., долженъ былъ нарѣзать и отмѣтить межевыми знаками участки подъ пашню, сѣнные покосы, усадьбу и лѣсныя угодья княгинѣ, зайсангамъ, урядникамъ и прочимъ калмыкамъ, а также лицамъ духовнымъ, лѣкарю, приказнымъ служителямъ и торговому классу,—задача нелегкая, требовавшая огромныхъ и неоднолѣтнихъ трудовъ для ея рѣшенія! Заручившись инструкціей Ставропольской канцеляріи и копіей съ «*выписи*» земель Саввы-Сторожевскаго монастыря, находящихся на луговой сторонѣ Волги, Ратиславскій, не смотря на зимнее время, тотчасъ же приступилъ къ выполненію порученнаго ему дѣла, начавъ съ общей разверстки земли подъ пашню, луга и огороды княгинѣ, зайсангамъ, духовнымъ и другимъ служащимъ лицамъ. Ратиславскій, производя межеваніе, составилъ ландкарту всѣхъ измѣренныхъ имъ земельныхъ участковъ и представилъ ее за собственноручной подписью въ Ставропольскую канцелярію, гдѣ она хранилась какъ основаніе для послѣдующихъ межевщиковъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ производилось межеваніе калмыцкихъ участковъ, Змѣевъ былъ занятъ изысканіемъ средствъ для пріученія калмыковъ къ осѣдлой жизни. Верстъ на сорокъ выше Ставрополя, на пра-

---

[a]) Маракуевъ. Петръ Симонъ Палласъ, стр. 66.
[b]) См. выше стр. 163 въ наст. монографіи.
[c]) См. выше стр. 171—174 въ наст. монографіи.
[d]) П. С. З., т. XII, № 9110, стр. 310 и 322.

вомъ берегу Волги находится село Новодѣвичье, или Новопречистенское[a], принадлежавшее тогда Московскому Новодѣвичьему монастырю; населеніе этой вотчины заключало въ себѣ 282 д. разночинцевъ, въ числѣ которыхъ было станичныхъ казаковъ 144, пахотныхъ солдатъ 34, стрѣльцовъ 32, посадскихъ 20 ч., ямщиковъ и записныхъ неводчиковъ 11, бобылей и кузнецовъ 41. Въ 1736 г., по указу изъ Камеръ-Коллегіи и по мнѣнію Казанскаго губернатора Платона Мусина-Пушкина, положено было однихъ изъ нихъ переселить въ разныя солдатскія слободы, находящіяся въ Симбирскомъ уѣздѣ, а другихъ вывести на прежнія ихъ жилища „и взять тѣхъ городовъ и селъ, у кого надлежитъ, сказки съ обязательствомъ, чтобъ подушныя деньги и прочіе государственные поборы плачены были за нихъ разночинцевъ въ указныя мѣста по вся годы бездоимочно“[b]. Изъ указа 6 іюня 1741 г. видно, что разночинцы села Новодѣвичья составились изъ добровольцевъ, вышедшихъ изъ губерній Нижегородской, Пензенской и Тамбовской, изъ городовъ Темникова, Вязниковъ и др. отдаленныхъ мѣстъ, а потому имъ, конечно, не хотѣлось возвращаться на свои мѣста, находившіяся за сотни и тысячи верстъ отъ береговъ привольной Волги. Прошло около двухъ лѣтъ, какъ новодѣвиченскіе обитатели проводили пріѣзжавшаго къ нимъ *«для разбору»* дворянина Василья Воронцова, а дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи: разночинцы никуда не были высланы и продолжали жить въ Новодѣвичьѣ. Узнавъ о поселеніи въ сосѣдствѣ съ ними крещеныхъ калмыковъ, они обратились къ Змѣеву съ просьбою о дозволеніи поселиться имъ близъ Ставрополя, расчитывая, что это переселеніе не потребуетъ отъ нихъ особенныхъ расходовъ: стоило только переплыть на другой берегъ—и начинались калмыцкія дачи[c] да и до Ставрополя отъ Новодѣвичья было не болѣе 40 верстъ[d]. Змѣевъ съ своей стороны былъ радъ этому случаю и представилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ: „не соизволено-ль будетъ тѣхъ разночинцевъ между крещенными калмыками поселить для того, что если оныхъ на прежнія жилища, въ отдаленныя отъ той волости мѣста, пере-

---

[a]) Новодѣвичье уже въ началѣ XVIII в. представляло „довольно обширное село, густо застроенное, съ нѣсколькими церквами и высокою колокольней“. Въ настоящее время въ Новодѣвичьѣ одна (каменная) церковь Путеш. Корнилія де-Бруина чрезъ Московію, стр. 172. (Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс. 1872 г., кн. 3). Ср. Поволжье въ XVII и въ нач. XVIII в. Перетятковича, стр. 243.

[b]) П. С. Зак., т. XI, № 8393.

[c]) Село Ягодное, или Воскресенская (калмыцкая) слобода наход. не болѣе, какъ въ 10 верстахъ отъ Новодѣвичья, на противоположной сторонѣ Волги.

[d]) Змѣевъ (если только это не ошибка писца и не опечатка) доносилъ К. И. Д., что *„отъ Ставрополя Новодѣвичье только въ 20 верстахъ“* (П. С. З., т. XI, стр. 435), но это положительно *невѣрно*: отъ Новодѣвичья до Ставрополя по Волгѣ не менѣе 40 верстъ, что легко можетъ провѣрить всякій, путешествующій на пароходѣ по Волгѣ, сухимъ же путемъ немного поближе: 10 верстъ до села Ягоднаго и 25 в. отъ Ягоднаго до Ставрополя.

ходить понудить; то не токмо, что-бъ они государственныя подати стали оттуда, привозя въ Симбирскъ, платить исправно, но и *разбѣжаться* оттуда *могутъ*; а ежели оныхъ къ Ставрополю перевесть и дать имъ, противъ другихъ черносошныхъ и тяглыхъ людей, подъ пашню земли и сѣнныхъ покосовъ, то оныхъ весьма легко въ тамошнихъ мѣстахъ поселить и подати съ нихъ брать, и они жъ того *сами охотно желаютъ* и обязуются платить подушныя и прочее бездоимочно" [a]. Указывая на близость Ставрополя и обиліе земли для поселенцевъ, Змѣевъ мотивировалъ и тѣмъ свое ходатайство, что „крещенымъ калмыкамъ отъ тѣхъ разночинцевъ такая польза быть можетъ, что они, по поселеніи между тѣми калмыками, станутъ жить въ слободахъ домами, и калмыки, живучи между ими и смотря на нихъ, весьма охотно за кошеніе сѣна и за пашню и къ строенію дворовъ своихъ примутся, и могутъ придти къ государственной службѣ и къ своему *ненужному* (безъ нужды) пропитанію такъ, какъ и чугуевскіе калмыки; къ тому жъ можно приводить, чтобъ *калмыки женились на русскихъ, а русскіе брали калмычекъ*, и тѣмъ мѣшать ихъ съ россійской націею" [b]. Коллегія Ин. Дѣлъ тогда же сообщила представленіе Змѣева Сенату, но никакого отвѣта на него не послѣдовало. Между тѣмъ въ Новодѣвичье прибылъ изъ Казани прапорщикъ Алексѣй Бутлеровъ, который, по распоряженію Казанской губернской канцеляріи, долженъ былъ выслать разночинцевъ села Новодѣвичья, купленныхъ Меньшиковымъ, на новыя мѣста, а такъ-какъ по близости у Меньшикова не было земель, на которыхъ бы можно было ихъ поселить; то они вторично стали осаждать Змѣева своими просьбами о выселеніи ихъ изъ Новодѣвичья на земли крещеныхъ Ставропольскихъ калмыкъ. Змѣевъ снова обратился съ ходатайствомъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ. Въ дополненіе къ прежнимъ доводамъ въ пользу этого переселенія, Змѣевъ на этотъ разъ указалъ и на то, что „хотя крещенымъ калмыкамъ подъ вѣчныя поселенія мѣста и отмежеваны, и на тѣ они уже вступили, и нѣкоторые и пашню завели, также и впредь многіе калмыки къ тому охоту являютъ; токмо, не построя имъ слободъ и не поселя между ними русскихъ людей, дабы ихъ привесть такъ, какъ и чугуевскіе, за неудобовозможно признаваетъ, того ради, что они люди дикіе, *необыклые* и не только строенія, но еще и русскаго обхожденія совершенно не разумѣютъ, да и за скудостію своею того никакъ исправить не могутъ; а буде въ строеніи ихъ и во обученіи русскаго обхожденія понудить, то они, по вольности

---

a) П. С. З., т. XI, № 8393.
b) П. С. З., т. XI, № 8393, стр. 435.

ихъ, между собою почувствуютъ не малую тягость“[a]. Между тѣмъ княгиня Тайшина отправила отъ себя въ Петербургъ зайсанга Кирилла Шарапа съ просьбою на высочайшее имя о томъ, чтобы для крещеныхъ Ставропольскихъ калмыковъ были построены слободы, а „для обученія ихъ всякому россійскому обхожденію“, были поселены между ними русскіе люди; въ то же время княгиня просила о награжденіи ея русскими деревнями, находившимися близъ Ставрополя, ссылаясь на то, что „она *человѣкъ убогой*, и что отъ такихъ пожалованныхъ ей россійскихъ крестьянъ, сама можетъ крестьянскія работы разумѣть и всѣмъ домовымъ порядкамъ обучиться и прочихъ калмыкъ тому же обучать“[b]. Коллегія Иностран. Дѣлъ, вопреки мнѣнію Татищева[c], высказалась противъ награжденія княгини особыми деревнями, „ибо она и обрѣтающіеся при ней зайсанги, яко люди кочевные и ко владѣнію деревнями *необыклые*, могутъ ихъ чѣмъ тяготить, что крестьянамъ будетъ *озлобительно*“[d]. Раздѣляя мнѣніе Змѣева, Коллегія признала за болѣе полезное переселеніе новодѣвиченскихъ разночинцевъ къ Ставрополю, „отъ которыхъ калмыки земледѣльческія работы и домостроительство скорѣе понять и обучиться могутъ: ибо тѣ переведенцы такъ же, какъ и калмыки, вновь въ тѣхъ мѣстахъ поселеніе заводить станутъ, а паче, что они сами къ тому охоту свою представляютъ и того просятъ, а особливо, къ строенію слободъ тѣмъ крещенымъ калмыкамъ, полковникъ Змѣевъ тамошнимъ Ставропольскимъ горнизономъ и казенными деньгами нѣкоторое вспоможеніе учинить и княгинѣ Тайшиной, дачу ей, и переведеніемъ оныхъ разночинцевъ довольствоваться точно равно такъ, какъ дачею особливыхъ деревень“[e]. Верховный Кабинетъ указомъ отъ 6 іюня 1741 года утвердилъ представленіе Коллегіи Иностр. Дѣлъ и предписалъ: „разночинцевъ изъ вотчины Новодѣвичья монастыря села Новопречистенскаго вывесть и поселить ихъ при Ставрополѣ между крещеными калмыки, давъ имъ подъ пашню и сѣнные покосы земли, сколько надлежитъ, противъ черносошныхъ крестьянъ и то ихъ поселеніе поручить полковнику Змѣеву, а при томъ объявить имъ указъ съ подпискою, чтобъ они положенныя на нихъ подати платили въ Симбирскѣ въ подлежащія времена исправно, и того за ними смотрѣть и, не запущая въ доимку, взыскивать тамошнему воеводѣ; а ежели изъ оныхъ явятся чьи помѣщичьи бѣглые, тѣхъ по подлинному свидѣтельству, какъ указами,

---

[a]) Тамъ же.
[b]) П. С. З., т. XI, № 8393, стр. 436.
[c]) См. выше стр. 518 въ наст. монографіи.
[d]) П. С. З., т. XI, стр. 436.
[e]) Тамъ же, стр. 436, столб. I.

повелѣно, отдавать" [a]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кабинетъ предложилъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ навести въ Сенатѣ справку о томъ, какіе еще были куплены Меньшиковымъ крестьяне у Новодѣвичьяго монастыря, куда высылаются и не представится-ли возможности переселить ихъ также на калмыцкія земли въ Ставропольскій уѣздъ. Такъ постепенно вторгались въ среду крещеныхъ калмыковъ русскіе люди, пріучая ихъ вліяніемъ своего примѣра къ осѣдлой жизни и земледѣльческому труду.

Наблюдая непосредственно за размежеваніемъ земель между калмыками Ратиславскимъ и заботясь о пріученіи ихъ къ осѣдлой жизни, Змѣевъ не оставлялъ безъ вниманія и духовныхъ потребностей калмыковъ; на его долю, между прочимъ, выпало изысканіе средствъ для устройства и открытія въ Ставрополѣ калмыцкой школы. Въ 1739 г. онъ доносилъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, что „калмыки желаютъ обучать дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму, токмо на какомъ тѣхъ школьниковъ пропитаніи содержать и ту школу построить, и прочее потребное къ тому ученію изъ какой суммы, о томъ въ указахъ не изображено и *суммы на то особливой неопредѣлено*" [b]. Змѣевъ представлялъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, что, по его мнѣнію, можно отчислить на устройство и содержаніе школы часть жалованья, опредѣленнаго священно-церковно-служителямъ. По указу 1737 г. положено было выдавать архимандриту 300 р., троимъ священникамъ по 200 р. и семи церковникамъ по 100 рубл. каждому. Между тѣмъ, какъ доносилъ Змѣевъ, мѣсто архимандрита занялъ протоіерей Чубовскій, который получалъ по 250 р. въ годъ, два священника по 200 р., церковники семь человѣкъ по 100 р. „да онымъ же священникамъ и церковникамъ дано отъ Казанской губерніи подъемныхъ священникамъ по 100 р., церковникамъ по 50 р. каждому. По указу жъ Св. Синода, велѣно, вмѣсто третьяго священника, быть діакону, съ полученіемъ изъ 200 оклада по 150 р., а на оставшіе отъ архимандричья и одного священническаго окладовъ 100 рубл. опредѣлить изъ самопроизвольно къ тому желающихъ третьяго священника, который прошеніемъ своимъ представлялъ, что онъ при тамошнемъ мѣстѣ и стами рублями будетъ доволенъ" [c]. Сознавая всю важность и пользу знанія языка пасомыхъ ихъ духовными пастырями, Змѣевъ высказалъ мнѣніе, что „помянутымъ священникамъ и церковникамъ, кои *присланы отъ Казанскаго архіерея*" [d], такожъ и діакону, по толикому числу,

---

[a]) Тамъ же, столб. 2.
[b]) П. С. З., т. XI, № 8394, стр. 437.
[c]) Тамъ же.
[d]) И. С. П—скій, приписывая инниціативу устройства школы Чубовскому, совершенно *невѣрно* говоритъ, что протоіерей Чубовскій прибылъ въ Ставрополь „*съ про-*

какъ они получаютъ жалованья, давать *много*, для того, *что они по-калмыцки говорить и писать не умѣютъ*, и такой должности, какъ означенный протопопъ Чубовскій и присланные изъ Астрахани, бывшіе при Петрѣ Тайшинѣ, школьники Ляховъ и Бестужевъ, не исправляютъ"[a]. Въ виду этого, Змѣевъ представлялъ: „не соизволено-ль будетъ у тѣхъ священниковъ, кои въ двусотномъ окладѣ состоятъ, также и у діакона и у *5 человѣкъ церковниковъ, кои присланы изъ Казани* и калмыцкаго языка не разумѣютъ, и трудности той, въ чемъ зависитъ самая нужда, не имѣютъ, *изъ жалованья ихъ убавить*, а именно у дву священниковъ по 100 да у діакона и у 5 человѣкъ церковниковъ у каждаго по 50 рублей, и того будетъ 500 рублей, понеже оные и оставшимъ при нихъ жалованьемъ имѣютъ быть весьма довольны, и содержать себя могутъ безъ нужды; и видно, что они на данныя имъ изъ казны деньги дворами и прочимъ обзаводились, а показанные 500 рублей повелѣно-бъ было на заведеніе и содержаніе школъ употреблять и опредѣлить, тѣхъ школьниковъ обучать какъ калмыцкому, такъ и русскому языкамъ, предупомянутому протопопу Чубовскому, который то исправлять не отрекается"[b]. Коллегія Иностр. Дѣлъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Змѣева, представила копію съ его доношенія въ Сенатъ, но отвѣта на то не было. Между тѣмъ Змѣевъ, стараясь добиться цѣли, 11 января 1741 г. доносилъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, что „и сама княгиня Тайшина и многіе калмыки желаютъ, дабы для такого полезнѣйшаго дѣла, ту школу завесть и тѣхъ калмыцкихъ ребятъ обучать и приводить въ истинное познаніе съ прилежнымъ наставленіемъ". На это представленіе Коллегіи Ин. Дѣлъ, Кабинетъ резолюціей 6 іюня 1741 года приказалъ: „для обученія калмыцкихъ дѣтей русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ, школы въ Ставропольской крѣпости завести и на содержаніе ихъ деньги опредѣлить, убавя изъ жалованья у тамошнихъ священниковъ, у діакона и церковниковъ, *какъ во мнѣніи полковника Змѣева написано*, и тѣ школы поручить протопопу Чубовскому"[c]. Одновременно съ ходатайствомъ объ ассигнованіи 500 р. на школу, Змѣевъ также просилъ отпустить

чими членами клира весной 1740 г." (См. Ставрополь и его храмы, стр. 32 и 33). Чубовскій прибылъ въ Ставрополь гораздо раньше, а „члены клира", за исключеніемъ Бестужева и Ляхова, были присланы изъ Казани, какъ сказано о томъ въ указѣ 6 іюня 1741.

a) П. С. З., т. XI, № 8394, стр. 437.

b) Тамъ же.

c) П. С. З., т. XI, стр. 438. И. С. П—скій допустилъ и здѣсь *ошибку*, утверждая, что школа была открыта въ 1740 г. (Ставрополь и его храмы, стр. 33 и 54), т. е. за годъ до изысканія средствъ и разрѣшенія на нее 500 рубл. Кабинетомъ.

800 рублей на постройку церквей въ четырехъ калмыцкихъ слободахъ и 600 р „на строеніе во всѣхъ слободахъ на первый *часъ* хотя-бъ только до ста избъ, а къ тѣмъ же церквамъ колокола и книги, и ризы, и прочія церковныя потребы, какія принадлежатъ, снабдить по разсмотрѣнію, понеже тамъ таковыхъ вещей ни подрядомъ, ни покупкою достать не возможно“. Прося опредѣлить къ каждой церкви священника, діакона, дьячка и пономаря, Змѣевъ представлялъ, что они могутъ довольствоваться одними доходами, безъ особаго жалованья, и земельнымъ надѣломъ. Кабинетъ утвердилъ и это представленіе Змѣева, присовокупивъ: „для новости къ тѣмъ церквамъ на потребы церковныя и священникамъ съ служительми на жалованье, сверхъ пашенной земли, по 50 рубл. на каждую церковь въ годъ опредѣлить, откуда надлежитъ, по разсужденію Правительствующаго Сената“ [a]).

Заручившись разрѣшеніемъ Кабинета на устройство школы, 4 церквей и 100 избъ, на что было ассигновано въ общей сложности 2100 руб. [b]), Змѣевъ энергично принялся за дѣло: въ ближайшихъ къ Ставрополю 4-хъ слободахъ были застроены храмы и жилыя избы для калмыковъ, а въ самой Ставропольской крѣпости была открыта школа для десяти калмыцкихъ мальчиковъ, число которыхъ впослѣдствіи, какъ увидимъ, было увеличено. Въ 1743 г. былъ оконченъ постройкою и освященъ новый пятиглавый храмъ, во имя Св. Живоначальныя Троицы, заложенный еще въ 1739 г., такъ какъ прежде построенный храмъ былъ малъ и тѣсенъ, а населеніе Ставрополя съ каждымъ годомъ увеличивалось. Въ прежде-построенномъ храмѣ была помѣщена походная церковь, со всѣми ея принадлежностями, а его иконы и вся церковная утварь были перенесены въ новый соборный храмъ, просуществовавшій, къ сожалѣнію, по своей непрочности недолго. Чинъ освященія храма совершалъ протоіерей Чубовскій съ соборнымъ причтомъ, при многочисленномъ стеченіи калмыковъ, прибывшихъ на торжество изъ своихъ улусовъ [c]).

Протоіерей Андрей Ивановичъ Чубовскій, скончавшійся 26 марта 1780 г., болѣе 40 лѣтъ служилъ ставропольской паствѣ и былъ единственнымъ человѣкомъ изъ духовныхъ лицъ, заключавшимъ въ себѣ всѣ

---

[a]) П. С. З., т. XI, № 8394, стр. 438.

[b]) 800 р на устройство четырехъ церквей, 600 р. на сто избъ, 500 р. на школу и 200 р. „на жалованье священникамъ съ служительми“.

[c]) Авторъ статьи: „*Ставрополь и его храмы*“ (см. стр. 35 въ отдѣльн. от.) говоритъ, что при освященіи храма присутствовали также княгиня Тайшина и Змѣевъ; но ихъ въ 1743 г. въ живыхъ уже не было: въ январѣ этого года на мѣсто Змѣева былъ опредѣленъ полковникъ Люткинъ. (См. дальше стр. 531 въ настоящей монографіи), а о смерти княгини Тайшиной въ 1742 г. говорится прямо въ указѣ Сената Неплюеву, отъ 29 ноября 1743 г., за № 8273. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, л. 17.

условія для достиженія цѣлей русскаго правительства, по отношенію къ крещенымъ калмыкамъ: въ немъ счастливо соединялись способность и готовность учить калмыковъ христіанской вѣрѣ и быть полезнымъ для новокрещенныхъ въ ихъ быту. Въ сопровожденіи Ляхова и Бестужева, хорошо знавшихъ калмыцкій языкъ, Чубовскій часто посѣщалъ улусныхъ калмыковъ, совершалъ здѣсь богослуженіе, требы и наставлялъ калмыковъ въ христіанскомъ законѣ на ихъ языкѣ. Зміевъ въ 1739 г., между прочимъ, доносилъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что „протопопъ Чубовскій и школьники (Ляховъ и Бестужевъ) бываютъ *непрестанно* въ степяхъ по улусамъ при крещеныхъ калмыкахъ, и производится отъ нихъ тѣмъ калмыкамъ чрезъ калмыцкій діалектъ наставленіе христіанскаго закона и обученіе молитвамъ и крестному знаменію; оной же протопопъ какъ княгиню, такъ и всѣхъ крещеныхъ калмыкъ чрезъ тотъ калмыцкій діалектъ исповѣдуетъ и прочія духовныя требы исправляетъ одинъ, а прочіе священники и діаконъ, такожъ и церковники, присланные изъ Казани, за незнаніемъ (калмыцкаго языка), того не исправляютъ, и за тѣмъ въ посылки по степямъ къ калмыкамъ не употребляются и такой трудности не имѣютъ, и отправляютъ только одну службу въ крѣпости при церкви“[a]. Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ села Раковки и во 120 саж. отъ нынѣшней Раковской общины, мѣстные жители доселѣ указываютъ холмъ, на вершинѣ котораго, по преданію, протоіерей Чубовскій любилъ совершать богослуженіе въ походномъ храмѣ. На этомъ холмѣ до сихъ поръ уцѣлѣли почти квадратныя земляныя возвышенія, какъ-бы служившія фундаментомъ для установки походнаго храма, который Чубовскій обыкновенно бралъ съ собою, во время поѣздки по улусамъ. Калмыки, окруживъ холмъ, могли въ лѣтнее время съ удобствомъ молиться и преклонять въ благоговѣйномъ настроеніи свои колѣни у холма, видя со всѣхъ сторонъ возвышающійся предъ собою храмъ, который послужилъ какъ-бы предвѣстникомъ Раковской монастырской общины, гдѣ теперь уже не временно, а постоянно совершается богослуженіе Св. Православной Церкви[b].

Выгоды поселенія Ставропольскихъ калмыковъ и заботы о нихъ правительства и мѣстной администраціи весьма благопріятно отозвались на всемъ пространствѣ Поволжья и Дона: число желающихъ креститься изъ калмыкъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Недостатки общественнаго устройства, раздѣленіе калмыковъ на людей *бѣлой* и *черной* кости, т. е.

---

a) П. С. З., т. XI, № 8394, стр. 437.
b) Ставрополь и его храмы, стр. 54.

на привиллегированный и простой классъ, суровая зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, усобицы, а также и награды, которыя давались крестившимся калмыкамъ отъ русскаго правительства,—все это еще болѣе способствовало увеличенію числа калмыкъ, желающихъ принять православіе. Каждый калмыкъ, крестившись, дѣлался независимымъ отъ своего прежняго владѣльца, которому выдавалось за него изъ казны 30 рубл. Кромѣ того, крестившійся калмыкъ и самъ получалъ денежную награду, на что отъ Сената была опредѣлена особая сумма: крестившемуся зайсангу выдавали 15 р., если онъ былъ женатъ; калмыку черной кости—2 р. 50 коп., холостые же получали вполовину меньше[a]. Были побужденія и другаго рода къ переходу калмыковъ въ христіанство. Въ правленіе Анны Леопольдовны, калмыки, какъ и другіе иновѣрцы, были даже освобождены отъ наказанія за убійство, если они, по совершеніи преступленія, принимали крещеніе. Сдѣлавшись православными, они могли идти въ услуженіе къ русскимъ, по собственному желанію; если же ихъ никто не принималъ, то они распредѣлялись по монастырямъ и получали содержаніе, какъ и отставные солдаты[b]. Сверхъ того, крестившіеся калмыки освобождались отъ уплаты долговъ, сдѣланныхъ ими раньше крещенія. Такимъ образомъ, одни крестились, стараясь избѣжать наказанія за уголовные проступки, а другіе съ цѣлію избавиться отъ уплаты долговъ или отъ деспотизма своего владѣльца. Чтобы предотвратить такія злоупотребленія, правительство отмѣнило указъ 11 марта 1741 года[c], по случаю запроса Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ о томъ, какъ поступить съ Гертрудой Топпіей, женой земскаго камерира Лефвинга, которая, будучи приговорена за дѣтоубійство къ смертной казни, обратилась въ вѣру Греческаго исповѣданія. Въ отвѣтъ на это 15 декабря того же года состоялся именный указъ, въ которомъ было сказано: „объ ней Гертрудѣ имѣть разсужденіе Святѣйшему Синоду и подать въ Сенатъ мнѣніе, а указъ (11 марта 1741 г.) о нечиненіи иновѣрцамъ за смертныя убійства смертной казни оставить, а гдѣ таковые впредь явятся, съ такими поступать по Уложенію и указамъ“[d]. Съ этого времени, относительно калмыковъ воз-

---

[a]) П. С. З., т. 8847. Ср. № 8236, пунктъ 15.

[b]) П. С. З., т. XI, № 8349, стр. 370.

[c]) П. С. З., т. XI, № 8349. Указъ объ освобожденіи отъ смертной казни иновѣрцевъ, оказавшихся въ убійствахъ или въ другихъ тяжкихъ винахъ, за воспріятіе вѣры Греческаго исповѣданія.

[d]) П. С. З., т. XI, № 8482, стр. 549. Любопытные отвѣты давалъ по этому случаю Св. Синодъ; такъ, когда раскольникъ Степановъ, совершившій убійство, обратился въ православіе, Сенатъ спрашивалъ мнѣніе Синода: слѣдуетъ ли такихъ лицъ освобождать отъ смертной казни?—Синодъ отвѣтилъ,—что онъ не находитъ правилъ Св. отецъ, чтобъ освобождать отъ смертной казни убійцъ, когда они обратятся къ Св. Церкви, ибо обращеніе къ благочестію отъ вѣчной только смерти избавляетъ, а временная

становлено было во всей силѣ опредѣленіе Верховнаго Кабинета, состоявшееся 4 февраля 1736 г., въ которомъ было сказано: „калмыкъ, которые въ улусахъ учинятъ убійство или иное какое явное злодѣйство, хотя для крещенія будутъ приходить въ россійскіе города, не принимать, а отдавать попрежнему въ улусы“ [a]. Правительство также позаботилось и о томъ, чтобы христіанская вѣра не была простой приманкой, выгодной для воровъ, мошенниковъ и мотовъ, въ отношеніи ихъ отвѣтственности предъ закономъ. Сенатъ, вслѣдствіе представленія о томъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, приказалъ: „калмыкъ, которые заберутъ въ улусахъ долги и, не заплатя ихъ, будутъ приходить въ россійскіе города для крещенія, принимать, заплатя за нихъ долги изъ скота и пожитковъ ихъ, а ихъ для крещенія и поселенія отсылать въ Ставрополь, а ежели такихъ долговъ изъ пожитковъ ихъ заплатить будетъ нечѣмъ, таковыхъ калмыкъ для крещенія не принимать, а отдавать возвратно въ улусы владѣльцамъ ихъ, а которые калмыки, будучи въ улусахъ, заберутъ долги и послѣ того ихъ забранія по достовѣрному свидѣтельству, не меньше полугода спустя, придутъ въ россійскіе города, и таковыхъ для крещенія принимать и долговъ за нихъ не платить: ибо одолжатели ихъ ко взысканію довольное время имѣть могутъ“ [b].

Не смотря на такія ограниченія, число желающихъ креститься калмыкъ не переставало возрастать: къ началу 1744 г. ихъ считалось въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ 3313 душъ [c] обоего пола, т. е. въ теченіе 6—7 лѣтъ число ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ на половину [d]. Съ увеличеніемъ крещенныхъ калмыковъ, конечно, осложнялись и заботы о нихъ правительства, тѣмъ болѣе, что въ 1742 г. скончалась княгиня Тайшина, а вслѣдъ за ней умеръ и энергичный коммендантъ Ставропольской крѣпости,

по винамъ смерть присуждается гражданскими законами. Вскорѣ послѣ этого нижегородскій епископъ Димитрій (Сѣченовъ) ходатайствовалъ за разбойника Петрова, обратившагося изъ раскола въ православіе, чтобы его освободивъ отъ смертной казни, заточили въ монастырь. На запросъ Сената по этому дѣлу Св. Синодъ отвѣтилъ: „*Ежели реченный* Петровъ *отъ смертной казни учинится свободенъ, то Св. Синодъ въ монастырь для покаянія его опредѣлитъ*“. Исторія Россіи, т. XXI, стр. 256—257.

[a]) П. С. З., т. XI, № 9174, стр. 401.

[b]) Тамъ же. См. въ Тург. арх. „*Указы 1745 г.*“, по оп. № 18, *л.* 237. Подлинный указъ Неплюеву за № 476, 16 сент. 1745 г., изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ.

[c]) П. С. З., т. XII, № 8920. Здѣсь общій итогъ показанъ въ 3330 душъ, т. е. больше на 17 д., что противорѣчитъ тамъ же приведеннымъ цыфрамъ по каждому полу отдѣльно: 1828 муж. пола и 1485 ж. пола. Сравн. подлинный указъ Неплюеву изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ за № 924, 15 декабря 1743 г., гдѣ общій итогъ 3313. Тург. арх., „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 16, *лл.* 6 и 7.

[d]) Съ княгиней Тайшиной пришло 2104 д.; слѣдовательно, прибавилось еще 1209 душъ.

бригадиръ Змѣевъ[a]. Со смертiю ихъ, среди Ставропольскихъ калмыкъ начались разные безпорядки и распри: калмыки жаловались на русскихъ, которые отнимали у нихъ земли и не допускали до ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ; вновь приходившiе въ Ставрополь калмыки, оставаясь безъ земли, кочевали между деревень, выпрашивая подъ окнами милостыню; ученики калмыцкой школы, не получая положеннаго на нихъ жалованья, ходили въ драной одеждѣ и грязномъ бѣльѣ, а по вечерамъ сидѣли безъ гня, за неимѣнiемъ свѣчъ; обращенiе съ ними было самое грубое; пожитки княгини Тайшиной были запечатаны; деньги, оставшiяся послѣ нея, хранились въ канцелярiи, а между тѣмъ кредиторы осаждали полковника Шарапа просьбами объ уплатѣ денегъ, предъявляя ему долговыя росписки княгини на 150 р.; богатые калмыки обижали бѣдныхъ: такъ Илья Хашка, пользуясь малолѣтствомъ сына умершаго полковника Ивана Шоры, отнялъ у него 30 кибитокъ калмыкъ, вышедшихъ изъ-подъ Астрахани, а равно и калмыкъ, подаренныхъ ему княгиней Тайшиной; торговля была въ такомъ жалкомъ состоянiи, что даже въ самомъ Ставрополѣ съ трудомъ можно было купить мяса и т. п.[b] Конецъ всему этому долженъ былъ положить Неплюевъ, въ вѣдѣнiе котораго, съ открытiемъ Оренбургской губернiи въ 1744 г., были переданы и Ставропольскiе калмыки.

[a]) Змѣевъ *получилъ чинъ бригадира въ 1741 г.* (Смотр. рукоп. текстъ „Топогр. Оренб. губ.", приложенный къ ландкартамъ Красильникова), а *не въ 1751 г.*, какъ значится въ печатной „*Топогр. Оренб. губ.*". (Изд. 1887 г., стр. 81); извѣстно, что *на земль мертвыхъ чинами не награждаютъ*. Отмѣчаемъ этотъ анахронизмъ потому, что онъ не оговоренъ въ опечаткахъ книги и можетъ другихъ ввести въ заблужденiе.

[b]) Смотр. дальше стр. 533—536 въ настоящ. монографiи.

ГЛАВА XVIII.

Внутреннее состояніе крещеныхъ калмыковъ, по смерти княгини Тайшиной и бригадира Змѣева.—Ближайшіе преемники Змѣева.—Жалоба въ Коллегію Ин. Дѣлъ учениковъ калмыцкой школы, зайсанга Кирилла Шарапа и Пелагеи Дугары.—Присоединеніе Ставропольскихъ калмыкъ къ Оренбургской губерніи и подчиненіе ихъ Неплюеву.—Случаи обращенія въ православіе простыхъ и знатныхъ калмыковъ.

„Мы здѣсь, въ Ставрополѣ, живемъ безъ настоящаго командира, и затѣмъ старанія о насъ приложить некому, тако-жъ и дѣла и прошенія наши производятся не по-прежнему".

Зайсангъ Шарапъ.

Изъ предыдущей главы мы видѣли, что Ставропольскіе калмыки еще до образованія Оренбургской губерніи находились уже въ нѣкоторой зависимости отъ начальниковъ Оренбургскаго края, особенно при Татищевѣ; но до 1744 г. крещеные калмыки состояли въ главномъ вѣдѣніи Коллегіи Иностр. Дѣлъ, съ которой и должны были сноситься по всѣмъ своимъ дѣламъ. Неплюевъ до указа 16 апрѣля 1744 г. также имѣлъ лишь косвенное отношеніе къ Ставропольскимъ калмыкамъ и притомъ какъ главный военный начальникъ края, которому былъ подчиненъ коммендантъ Ставропольской крѣпости.

По смерти Змѣева, коммендантомъ Ставропольской крѣпости былъ опредѣленъ 24 января 1743 г., согласно представленію Неплюева, полковникъ Казанскаго гарнизона Иванъ Люткинъ[a], котораго потомъ вскорѣ самъ же Неплюевъ вызвалъ въ Оренбургъ, поручивъ ему надзоръ за нѣкоторыми укрѣпленіями на Закамской линіи, а вмѣсто него назна-

[a]) Ср. Сенатскій Архивъ, т. II. Журналы и опредѣленія Прав. Сената. Спб. 1889 г., стр. 463 и 517.

чилъ „до указу" секундъ-маіора Алексѣевскаго ландмилицкаго полка, Алексѣя Филитова, какъ это видно изъ доношенія послѣдняго въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, отъ 20 октября 1743 г. Между тѣмъ Коллегія И. Дѣлъ, 17 ноября того же года, обратилась въ Сенатъ съ представленіимъ о переводѣ на мѣсто Змѣева царицынскаго коммендантa, бригадира Петра Кольцова, по возвращеніи его изъ Кабарды. Сообщая о томъ Неплюеву, Сенатъ указомъ 15 декабря 1743 г. предписалъ: „до возвращенія изъ Кабарды бригадира Кольцова, впредь до указу Нашего, вышеозначенному полковнику Люткину надлежитъ быть въ Ставрополѣ безотлучно, и напрасно вы его обязали и вѣденіемъ Закамской линіи, и городовъ Самары и Алексѣевска, и укрѣпленіемъ оныхъ, понеже и одно порядочное крещенныхъ калмыкъ содержаніе довольнаго труда и смотрѣнія требуетъ" [a]. Получивъ этотъ указъ 4 января 1744 г., Неплюевъ 14 и 28 января того же года репортовалъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ и въ Сенатъ, что онъ назначилъ Люткина слѣдователемъ по дѣлу объ Аксаковѣ въ Уфу. Вскорѣ послѣ этого Неплюевъ выѣхалъ въ Москву, а 22 февраля 1744 г. [b] послѣдовалъ новый указъ Сената о томъ, чтобы слѣдствіе объ уфимскомъ вице-губернаторѣ бригадирѣ Аксаковѣ было произведено полковникомъ Люткинымъ: „понеже онъ въ Ставрополь опредѣленъ на время до указу, а въ Ставрополь объ опредѣленіи настоящаго командира Коллегіи Иностр. Дѣлъ представить, кого она запотребно разсудитъ, немедленно" [c]. Указъ этотъ былъ полученъ Неплюевымъ 29 февраля того же года, какъ это видно изъ помѣтки на самомъ указѣ, изъ чего можно заключить, что Неплюевъ получилъ его, находясь уже въ Москвѣ: въ недѣлю, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, указъ не могъ дойти до Оренбурга. Это предположеніе мы основываемъ и на томъ, что Неплюевъ 7 марта того же года лично присутствовалъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, принимая участіе въ обсужденіи вопроса о киргизахъ, какъ это видно изъ указа Коллегіи Ин. Дѣлъ отъ 14 іюня 1744 г. [d] Поэтому мы думаемъ, что Неплюевъ, явившись въ Сенатъ лично, съумѣлъ отстоять съ достоинствомъ свое распоряженіе относительно назначенія имъ Люткина, если самъ же Сенатъ отмѣнилъ свой указъ 15 декабря 1743 г., не чуждый даже, какъ мы видѣли, упрековъ Неплюеву. Между тѣмъ, со смертію княгини Тайшиной

---

a) Подлинный указъ Сената Неплюеву за № 924. См. „*Указы* 1744 г." въ Тург. архив., по опис. № 16, лл. 6 и 7.
b) На подлинномъ указѣ, за № 166 и за подписью оберъ-секретаря Дмитрія Невѣжина, означенъ *ошибочно 1743 годъ*, что ясно изъ содержанія самого указа.
c) См. въ Тург. арх, „*Указы 1744 г.*", по опис. № 17, л. 44.
d) Тамъ же, по оп. № 16, л. 76.

и бригадира Змѣева, положеніе Ставропольскихъ крещенныхъ калмыковъ какъ мы замѣтили еще въ концѣ предыдущей главы, *значительно измѣнилось къ худшему*, — это видно изъ доношенія учениковъ Ставропольской калмыцкой школы и представленія полковника Кирилла Шарапа въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ десяти человѣкъ, опредѣленныхъ въ школу, одинъ умеръ, а остальные девять человѣкъ[a] жаловались, что они изъ положеннаго имъ жалованья 200 р. не получали ни одной копѣйки, „а дано намъ (говорится въ ихъ доношеніи) по одному сермяжному кафтану, по одному китайчетому полукафтанью съ подкладкою толстою холстинкою, по однимъ яловишнымъ чернымъ сапогамъ, по однимъ бѣлымъ чулкамъ, по однимъ яловишнымъ желтымъ рукавицамъ, по двѣ пары рубахъ холстинныхъ толстыхъ, по двѣ пары портокъ холстинныхъ же толстыхъ, по одному коровьему войлоку да по одной холстинной подушкѣ, набитой мочалами. Сверхъ того, мы днемъ учимся, а *ночью за неимѣніемъ свѣчъ принуждены сидѣть въ темнотѣ*; ктому жъ вышеозначенное сдѣланное намъ платье уже обносилось и замаралось, и хотя мы и просимъ, чтобъ приказано было вымыть; но намъ самимъ велятъ мыть, а мы за оное мытье платить денегъ не имѣемъ, а ежели когда о всемъ вышеписанномъ хотимъ представлять; то за оное *Василій Сѣдовъ хочетъ кожу съ насъ сбить батожьемъ*. И тако мы принуждены терпѣть крайнюю нужду; того ради Коллегію Иностр. Дѣлъ покорно просимъ, дабы повелѣно было опредѣленное намъ годовое жалованье 200 рублевъ выдавать намъ самимъ“ [b]. Въ то же время зайсангъ и полковникъ Кириллъ Шарапъ жаловался, что русскіе поселенцы завладѣли всѣми калмыцкими угодьями: рѣками, озерами, лугами и пахатной землей; что калмыки, прибывшіе вновь изъ Астрахани и другихъ мѣстъ, получивъ незначительную помощь на проѣздъ, не имѣютъ никакихъ средствъ на первоначальное обзаведеніе; что имъ даже не отведено мѣстъ для поселенія и они вынуждены „жить между деревнями и пропитаніе свое отъ нихъ имѣть и весьма въ крайнемъ убожествѣ находятся, а большая изъ нихъ часть, по міру ходя, питается“ [c], тогда какъ прежде вышедшіе изъ Саратова, при отправленіи ихъ въ Ставрополь, получали на каждую семью по 5 рубл., а зайсанги—по 10 р. Между тѣмъ калмыки,

---

[a]) Антонъ Суджа, Өеодоръ Бурдуманъ, Михаилъ Ишиге, Иванъ Чемутъ, Григорій Габунгъ, Иванъ Обегонъ, Романъ Насунъ, Василій Зерту. Вмѣсто означенныхъ 8 (девятый не поименованъ) школьниковъ, подъ доношеніемъ подписался зайсангъ Романъ Барашъ.

[b]) „*Указы 1744 г.*“ въ Тург. арх., по описи № 16, л. 85. Переводъ съ доношенія въ Колл. Ин. Дѣлъ ставропольскихъ школьниковъ Антона Суджи съ товарищи.

[c]) Тамъ же, л. 77 и 78.

командированные въ Оренбургъ, по распоряженію Неплюева, въ числѣ 300 человѣкъ, должны были имѣть каждый по двѣ лошади, обмундировать себя и запастись оружіемъ на свой счетъ, а „за все время ихъ службы въ Оренбургѣ имъ дано было только по одному четверику муки и по одному рублю денегъ, такъ-что, возвращаясь со службы домой, многіе принуждены были лишиться своихъ лошадей и оттого придти въ убожество“ [a]. Шарапъ просилъ Коллегію Ин. Дѣлъ, чтобы крещенымъ Ставропольскимъ калмыкамъ такъ же, какъ казакамъ и солдатамъ, выдавали порохъ, пищали и, въ случаѣ командировокъ, назначали опредѣленное жалованье, „дабы калмыки къ службѣ Ея Величества вящщую охоту имѣть и болѣе вышеозначеннаго числа людей въ походъ выступить могли“ [b]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шарапъ доносилъ, что пожитки покойной княгини Тайшиной, состоящіе изъ собольихъ шубъ, лисьихъ мѣховъ, штофа и парчи, остаются запечатанными; Шарапъ неоднократно спрашивалъ Ставропольскую канцелярію, что дѣлать съ этими пожитками, но канцелярія никакого отвѣта не давала; вещи тлѣли и могли „ни за что пропасть“, а между тѣмъ княгиня Тайшина еще при жизни задолжала разнымъ купцамъ за товаръ 150 рублей, „и въ платежѣ оныхъ денегъ тѣмъ купцамъ дала своеручныя письма“; купцы требовали уплаты денегъ, а оставшіеся послѣ княгини 150 рубл. хранились въ Ставропольской канцеляріи, которая „безъ повелительнаго указа“ ихъ не выдавала. Далѣе Шарапъ указывалъ и на то, что на сто рублей годоваго жалованья, которое было опредѣлено ему еще при жизни княгини Тайшиной, жить очень трудно и замѣчаетъ, что онъ уже и раньше просилъ о прибавкѣ ему жалованья, но отвѣта на его просьбу не послѣдовало [c]. Состояніе внутренней торговли въ Ставрополѣ, по свидѣтельству Шарапа, было въ самомъ жалкомъ положеніи: „княгиня Тайшина и бригадиръ Зимѣевъ“,—доносилъ Шарапъ,—„*при жизни своей, будучи въ Ставрополѣ, поистиннѣ великое о насъ стараніе имѣли* и, желая здѣшнюю крѣпость умножить россійскими купецкими людьми, доношеніемъ своимъ просили Коллегію Ин. Дѣлъ о переводѣ въ оную крѣпость россійскихъ купцовъ *пятидесяти* семей, но на то мы никакой резолюціи не имѣемъ; и хотя около насъ и лежатъ города, токмо отъ насъ въ отдаленіи, и для того мы *здѣсь съ великимъ трудомъ за деньги мясо достаемъ*, а присланный къ намъ, по милости тайнаго совѣтника Татищева, купчина

---

[a] Тамъ же, л. 79.
[b] Тамъ же, л. 79 на оборотѣ.
[c] Тамъ же, лл. 79 на оборотѣ и 80.

Моисей Богдановъ никакихъ торговъ здѣсь не производитъ, и мы здѣсь, въ Ставрополѣ, живемъ безъ настоящаго командира и затѣмъ старанія о насъ приложить некому, тако жъ и дѣла и прошенія наши производятся не по-прежнему" [a]. Въ заключеніе всего, Шарапъ, жалуясь на притѣсненія русскихъ рыбопромышленниковъ, проситъ Коллегіи Ин. Дѣлъ разрѣшить крещенымъ калмыкамъ ловлю рыбы какъ въ Волгѣ, въ ближайшихъ отъ Ставрополя мѣстахъ, такъ и въ озерахъ, „а постороннимъ россійскимъ людямъ въ оныхъ дачахъ рыбу ловить запретить" [b]. Кромѣ этого доношенія въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, Шарапъ написалъ слѣдующее частное письмо вице-канцлеру графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

«Высокощедрый и Милостивѣйшій Государь отецъ Алексѣй Петровичъ!

Вашему Высокопревосходительству премногомилостивѣйшему государю отцу уже небезызвѣстно, какъ я содержусь здѣсь на маломъ жалованьѣ и на мой рангъ и патенту не имѣю; а въ бытность мою въ С.-Петербургѣ все оное Ваше Высокопревосходительство милостиво исходатайствовать обѣщали, но, по несчастію моему, и донынѣ ни о чемъ о томъ резолюціи не имѣю; того ради, паки уповая на щедрыя Ваши ко мнѣ милости, послалъ о томъ до Государственной Коллегіи доношеніе и что касается по тому нашихъ нуждъ, всенижайше прошу учинить къ намъ отеческое милосердіе, за что во вѣки, со всѣми нашими потомки, должны чувствовать и о здравіи Вашемъ Господа Бога просить, и каковъ Вашего Высокопревосходительства опредѣленіе будетъ, прошу моего посланнаго приказать отправить ко мнѣ обратно.

Вашего Высокопревосходительства премилосердаго и щедраго государя отца

всепокорный рабъ, полковникъ
Кирилла Шарапъ» [c].

Ч. 30 генваря
744 Ставрополь.

---

[a]) Тамъ же, л. 80 на оборотѣ. Ср. выше стр. 514 въ наст. монографіи.
[b]) Въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*", по оп. 16, л. 81 на оборотѣ.
[c]) Тамъ же, л. 84.

Шарапъ командировалъ съ этими бумагами въ Коллегію Иностр. Дѣлъ хорунжаго зайсанга Ивана Амура съ толмачемъ, которому также вручена была и слѣдующая просьба Пелагеи Дугары, жены умершаго полковника Ивана Шоры: „1) Напредь сего мужъ мой, по милости Ея Величества Государыни, пожалованъ былъ полковникомъ, тако-жъ и сынъ мой нынѣ находится въ милости Ея Величества. 2) А покойная княгиня Анна Тайшина оному сыну моему пожаловала пришедшихъ сюда мужа моего крещенныхъ калмыкъ, называемыхъ *керюитъ*, а потомъ изъ-подъ Астрахани пришедшихъ же людей моихъ тридцать кибитокъ Илья Хашха, за малолѣтствомъ онаго сына моего, насильствомъ завладѣлъ и мнѣ не отдаетъ; и хотя я о семъ полковнику Кириллѣ Шарапу и представляла, но онъ того за неимѣніемъ указа въ судъ произвести не смѣетъ: того ради прошу пожаловать учинить мнѣ на оное справедливую резолюцію“.[a]

Иванъ Амуръ въ половинѣ февраля того же 1744 г. былъ уже въ Москвѣ и 18-го февраля лично представилъ врученныя ему бумаги въ Коллегію Иностр. Дѣлъ. Неплюевъ въ это время находился также въ Москвѣ. Много, вѣроятно, было говорено имъ о калмыкахъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ и по поводу просьбы Шарапа о томъ, чтобы ему позволили явиться въ Москву для личныхъ объясненій о дѣлахъ Ставропольскихъ калмыкъ; но отвѣтъ на доношеніе Шарапа, школьниковъ и полковницы Дугары послѣдовалъ, какъ увидимъ дальше, спустя уже пять мѣсяцевъ послѣ этого. Коллегія Иностр. Дѣлъ хорошо сознавала теперь всю сложность задачи, по отношенію къ крещенымъ Ставропольскимъ калмыкамъ, и необходимость ближайшаго руководства и надзора за ними. Въ виду этого, она представила въ Сенатъ, пользуясь пребываніемъ Неплюева въ Москвѣ, чтобы „Ставропольская крѣпость, яко внутренняя, совсѣмъ отъ вѣдомства оной Коллегіи была взята и поручена въ другое вѣдомство, куда Правительствующій Сенатъ соизволитъ; понеже де правленіе оной крѣпости настоящимъ въ той Коллегіи пограничнымъ дѣламъ немалое препятствіе чинитъ“. Сенатъ указомъ 16 апрѣля 1744 г. приказалъ: „Ставропольской крѣпости, для показанныхъ въ доношенія Коллегіи Иностр. Дѣлъ резоновъ, по близости *быть въ вѣдомствѣ Оренбургской губерніи*“[b], а 24 апрѣля того же года пожалованъ былъ Ставропольскимъ калмыкамъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія:

---

[a] Тамъ же, л. 84 на оборотѣ.
[b] П. С. З., т. XII, № 8920, стр. 78, столб. 2.

«Божіей милостію Мы Елизаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорскаго Величества върнымъ подданнымъ, крещеныхъ калмыкъ полковнику Кириллу Шарапу, войсковому судьъ Петру Торгоутскому и войсковому есаулу Григорью Даши Замсъ и зайсангамъ и всъмъ крещенымъ калмыкамъ Наша Императорская милость.

Мы Великая Государыня, Наше Императорское Величество, для лучшаго порядку, повелъли учредить Оренбургскую губернію и во оной губернаторомъ быть Тайному Нашему Совътнику Ивану Неплюеву, которому и Ставропольская кръпость, со всъми вами, по близости въ вѣденіе и въ полную команду поручена, и велъно ему всъхъ васъ содержать въ добромъ призрѣніи.

И вамъ Нашимъ върнымъ подданнымъ о семъ нашемъ Высочайшемъ Императорскомъ соизволеніи быть извъстнымъ, и о вашихъ нуждахъ и потребностяхъ представлять ему и во всемъ поступать и исполненіе чинить по его опредѣленіямъ. Данъ въ Москвъ апръля 24 дня 1744 г.»[a]

Такимъ образомъ въ 1744 году[b] Ставропольскіе калмыки поступили окончательно въ непосредственное и главное вѣдѣніе Неплюева, какъ оренбургскаго губернатора. Много предстояло трудовъ Неплюеву по устройству быта и реорганизаціи Ставропольскихъ калмыковъ, число которыхъ все болѣе увеличивалось съ приливомъ новыхъ переселенцевъ изъ астраханскихъ степей, съ Дона и Яика, гдѣ многимъ изъ нихъ приходилось платиться спокойствіемъ, имуществомъ, а иногда и жизнью, вслѣдствіе раздоровъ и междоусобій, открывшихся въ ордѣ по смерти хана Дондукъ-Омбо. Нѣсколько тайдшей, нойоновъ, зайсанговъ и старшій сынъ хана Галданъ-Норма были убиты; жена Дондукъ-Омбо, ханша Джана намѣревалась сначала уйти за Яикъ къ трухменцамъ и хивинцамъ, а потомъ думала убѣжать въ Кабарду; Джана хотѣла также поймать и умертвить старуху Дарма-Балу, вдову Аюки, которая, въ свою очередь, желая сдѣлаться повелительницею калмыковъ, старалась подкупить (хотя безуспѣшно) въ свою пользу Татищева, для чего подсылала къ нему своего зайсанга

---

a) См. *копію* съ грамоты въ Тург. архивѣ: „*Указы 1744 г.*", № 17, л. 99. Къ подлинной грамотѣ, вмѣсто подписи, приложена государственная меньшая печать.

b) *А не въ 1742 г.*, какъ утверждаетъ авторъ статьи: „*Ставрополь и его храмы*", стр. 35.

„съ немалымъ мѣшкомъ денегъ и малолѣтней дѣвочкой въ подарокъ"[a]; владѣлецъ Водонгъ, братъ хана Дондукъ-Даши, волновалъ улусныхъ калмыковъ, распуская слухъ, что будто у калмыковъ приказано отбирать и крестить дѣтей, а дѣвицъ отдавать въ замужество за солдатъ[a]) и т. п. Всѣ эти ссоры и междоусобія[b]), причинившія немало безпокойствъ и Татищеву, естественно отражались на всѣхъ калмыкахъ, и потому не только знатные владѣльцы, а и простые калмыки и калмычки желали креститься, чтобы стать подъ защиту Русскаго правительства. Когда калмыцкій владѣлецъ Тукчи взялъ къ себѣ въ жены падчерицу хана Дондукъ-Даши, дочь Черенъ-Дондука; то первая его жена Эсень, разсорившись съ мужемъ, хотѣла уйти въ русскій городъ, чтобъ креститься. Случалось, что иныя калмычки, при переходѣ въ православіе, притерпѣвали немало различныхъ мытарствъ и приключеній.

Когда ханша Джана поселилась въ Москвѣ, то къ ней, между прочимъ, явились двѣ крещеныя калмычки: Гунга, съ малолѣтней дочерью Юке, и Амуръ, о которыхъ донесъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ подпоручикъ Владимірскаго пѣхотнаго полка Ѳеодоръ Гвоздевъ, состоявшій караульнымъ при ханшѣ Джанѣ; 19 апрѣля 1744 г. упомянутыя калмыки были представлены въ Колл. Ин. Дѣлъ, гдѣ, при допросѣ ихъ, выяснилось слѣдующее:

Гунга показала, что она дочь Додби и жена Намро, отъ роду ей 31 годъ; что раньше отецъ, мужъ и она принадлежали зайсангу Делеку изъ Дондукъ-Омбова улуса, называемаго Багацохоръ. Въ 1742 г. Гунга съ мужемъ и двоими дѣтьми (сыномъ Улемжею 10 л. и дочерью Юке 9 л.) ушла изъ улуса въ Астрахань, гдѣ и *была крещена въ р. Волгѣ* однимъ священникомъ, вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми, при чемъ ей дали имя—Марья, мужу—Иванъ, сыну—Петръ и дочери—Анна; воспріемникомъ ея и дочери былъ астраханскій житель Ермолай, почему она и называется Марья Ермолаевна; а кто былъ воспріемникомъ ея мужа и сына—она не знаетъ. Весной того же года Татищевъ хотѣлъ отправить ихъ въ Ставрополь, вмѣстѣ съ крещеными калмыками Хашхи; но Гунга, ея мужъ и дѣти скрылись и нашли пріютъ у астраханскихъ казаковъ изъ калмыкъ. Въ 1743 г., когда ихъ нашли, они были отправлены на суднѣ до Саратова, съ двумя малолѣтними калмыцкими дѣвочками и крещеной калмычкой Настасьей Амуръ, подъ присмотромъ десяти человѣкъ бур-

---

[a]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 159, 269 и 352.
[b]) Тамъ же, стр. 249—259 и дал. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 18—25, 341—345.

лаковъ. При отправленіи въ Саратовъ, имъ сказали, что они будутъ поселены въ Ставрополѣ между тамошними крещеными калмыками; однако-жъ, вмѣсто Ставрополя, ихъ увезли сухимъ путемъ въ сельцо Воскресенское, находящееся близъ Симбирска, и отдали женщинѣ, которой имени она (Гунга) не знаетъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого, ея мужъ, взявъ съ собою сына, ушелъ въ Москву „просить себѣ свободы, а гдѣ находится теперь, она не знаетъ". Марью—Гунгу, послѣ бѣгства мужа, посадили въ оковы и держали въ такомъ положеніи четыре мѣсяца, а потомъ, расковавъ, отправили ее, вмѣстѣ съ спутницами и дочерью, въ сельцо майора Евграфа Татищева[a], гдѣ они жили, начиная съ Филиппова поста 1743 г. до конца Пасхи 1744 г. Когда ихъ новая владѣтельница отдала одну изъ калмыцкихъ дѣвочекъ „кому-то въ подарокъ"; то Марья, опасаясь быть также отданной кому-либо въ рабство, рѣшилась, вмѣстѣ съ дочерью и Настасьей Амуръ, бѣжать въ Москву, гдѣ, какъ онѣ слышали отъ проѣзжихъ, жила ханша Джана До Москвы онѣ шли 15 дней по случаю грязи и потому, что, опасаясь быть пойманными, онѣ шли только по ночамъ, а днями скрывались „*въ секретныхъ*" мѣстахъ. По прибытіи въ Москву, калмычки встрѣтили въ Кремлѣ служителей зюнгорскихъ посланцевъ, которые и проводили ихъ до квартиры ханши Джаны[b].

Настасья Амуръ, при допросахъ, заявила, что ей 25 л. отъ роду и что она, ея отецъ и мужъ раньше принадлежали зайсангу Тохаю изъ Дондукъ-Омбова улуса, называемаго Юке-Цохоръ. Въ 1742 г. мужъ у нея умеръ и она, оставшись бездѣтной, ушла изъ улуса въ Астрахань, гдѣ крестилась въ домѣ одного священника, а какой церкви и какъ его зовутъ—не знаетъ; при крещеніи ее назвали Настасьей; воспріемникомъ ея былъ капралъ Астраханскаго гарнизона Лукъянъ Гавриловъ, почему она и называется Настасья Лукъянова, а какъ зовутъ воспріемницу—не знаетъ. Вскорѣ послѣ крещенія, она была взята въ домъ астраханскаго губернатора Татищева, гдѣ и жила до ея отправленія, вмѣстѣ съ Марьей—Гунгой и другими, въ Саратовъ[c]. Дальнѣйшая судьба ея извѣстна намъ уже изъ показаній Марьи Гунги. Изъ указа Коллегіи Иностр. Дѣлъ, отъ 19 іюня 1744 г., видно, что Джана просила ихъ себѣ[d], а служитель Татищева Гаврило Никифоровъ Несте-

---

[a]) Сынъ В. Н. Татищева, бывшаго въ то время астраханскимъ губернаторомъ и начальникомъ Калмыцкой Коммиссіи.

[b]) Тург. арх. „*Указы 1744 г.*", по описи № 17, лл. 114—115. Изъ челобитной Нестерова видно, что Джана въ это время жила на Сивцовомъ вражкѣ, въ приходѣ церкви Свв. Аѳанасія и Кирилла. См. тамъ же, л. 118.

[c]) Тамъ же, л. 116.

[d]) Тамъ же, л. 117. Указъ за № 601.

ровъ 7 іюня 1744 г. подалъ челобитную на высочайшее имя, въ которой заявилъ, что означенныя калмыки были присланы отъ его господина въ сельцо Болдино[a] Дмитріевскаго уѣзда, откуда „самовольно сбѣжали“. Несторовъ просилъ, чтобы бѣглянки были возвращены ему подъ росписку до полученія распоряженія о нихъ Татищева[b]; но Коллегія Иностр. Дѣлъ распорядилась иначе: она отправила ихъ въ Ставрополь съ хорунжимъ Ив. Амуромъ, который пріѣзжалъ съ доношеніемъ отъ полковника Шарапа, приказавъ дать имъ подводы и всѣмъ тремъ *одинъ рубль* денегъ „*на пропитаніе*“; Татищеву же предоставила право, если онъ имѣетъ на владѣніе ихъ документы, снестись съ Ставропольской канцеляріей, а „держать ихъ при ханшѣ Джанѣ, *какъ еще некрещенной*“[c], Коллегія сочла „за непристойное“.

Еще болѣе интересна судьба двухъ калмычекъ, попавшихъ въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ, проданныхъ потомъ одному „турчанину“ и возвратившихся чрезъ Малороссію и Остзейскій край въ Москву и затѣмъ отправленныхъ на жительство такъ-же въ Ставрополь. Эти калмычки тоже хотѣли было пріютиться при ханшѣ Джанѣ; но надзиравшій за дѣйствіями послѣдней подпоручикъ Гвоздевъ отправилъ и этихъ бѣглянокъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ для допроса, гдѣ выяснилось, что одна изъ нихъ Бурда, женщина 35 лѣтъ, была раньше за мужемъ за калмыкомъ Хулой, а другая Санжи, дѣвушка 18 лѣтъ, была дочь Бату и племянница Бурды; обѣ калмычки жили прежде въ Багацохорскомъ улусѣ зайсанга Денжина. Осенью 1740 г., когда аймакъ (родъ) Денжина кочевалъ въ Мачагахъ, Бурда, Санжи „и прочія того аймака дѣвки и жонки, тако-жъ и малолѣтнія муж. пола ребята, числомъ съ 250 человѣкъ, собравшись, ѣздили въ степь къ рѣкѣ Кумѣ, разстояніемъ отъ того аймака съ 60 верстъ, для собиранія терновыхъ ягодъ и яблоковъ“. Здѣсь напали на нихъ крымскіе татары, подъ начальствомъ Мамбетя Кара-Мурзина, и всѣхъ ихъ взяли въ плѣнъ. Пробывъ нѣкоторое время въ невольницахъ у Мамбетя, онѣ были *проданы* одному „турчанину“ изъ Константинополя *за табакъ* и *сорочинское пшено*. Въ Бендерахъ ихъ господинъ пріобрѣлъ у кого-то еще одну калмыцкую дѣвуш-

---

[a]) Село, въ которомъ жилъ въ послѣдніе годы своей жизни В. Н. Татищевъ и гдѣ онъ скончался 15 іюля 1750 г. См. выше стр. 163 въ настоящей монографіи.

[b]) Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, № 17, л. 117 на оборбтѣ и 118.

[c]) Авторъ статьи: „*Ставрополь и его храмы*“ и здѣсь впалъ въ ошибку, отнесши крещеніе Джаны и ея дѣтей къ 1743 году. (См. въ отдѣльн. оттискѣ стр. 37). Мы уже не въ первый разъ указываемъ на ошибки въ этой статьѣ, въ интересахъ возстановленія исторической истины; но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Не смотря на промахи и ошибки, эта статья заключаетъ въ себѣ много интереснаго матеріала, съ которымъ, впрочемъ, совѣтуемъ обращаться *осторожно*.

ку, которая сообщила имъ, что русскій посолъ А. И. Румянцевъ, находившійся въ то время въ Бендерахъ, отбираетъ у турокъ и татаръ русскихъ плѣнныхъ людей. Уговорившись съ этой дѣвушкой, онѣ ночью ушли изъ дома своего господина и явились къ Румянцеву, который оставилъ ихъ у себя, и Санжи вскорѣ была крещена подъ именемъ Анны; воспріемникомъ ея былъ одинъ офицеръ, наведшій ее на мысль о крещеніи. Румянцевъ отправилъ калмычекъ, въ числѣ другихъ освобожденныхъ изъ плѣна русскихъ подданныхъ, въ Переяславль къ генералу Кейзерлингу, который, отпустивъ всѣхъ прочихъ плѣнныхъ по домамъ, оставилъ Бурду и Анну Санжи у себя. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онѣ сопровождали Кейзерлинга въ его разъѣздахъ по Малороссіи и съ годъ жили у него въ Кременчугѣ, откуда Кейзерлингъ, отправляясь въ Митаву, взялъ ихъ съ собой. Оставшись съ багажемъ, когда Кейзерлингъ отправился впередъ ихъ въ городъ, онѣ на разсвѣтѣ бѣжали въ Ригу, куда и прибыли на другой день. Здѣсь калмычки явились къ вице-губернатору Еропкину и, съ его позволенія, поселись у него въ домѣ. Анна Сунжи получила здѣсь и крестъ отъ иноземца Адама Ивановича, капитана русской службы, такъ-какъ, при ея крещеніи, „*за неимѣніемъ*“ креста ей не дали (характерный фактъ?!).—Проживъ въ Ригѣ съ мѣсяцъ, калмычки получили отъ Еропкина паспортъ[a] и отправились въ Москву съ капитаномъ 1 Московскаго пѣхотнаго полка, Ив. Ив. Бутурлинымъ. Въ декабрѣ 1743 г. они прибыли въ Москву и поселились въ домѣ Бутурлина за р. Москвой, „въ приходѣ церкви Іоанна Воинственника“. Вскорѣ Бурда заболѣла „великой ломотой въ спинѣ и колотьемъ въ боку“. Жена капитана, Анна Семеновна Бутурлина стала говорить, что она болѣе не желаетъ кормить ихъ хлѣбомъ и чтобы онѣ пріискивали себѣ какое-либо дѣло. Тогда больная Бурда обратилась къ хозяйкѣ дома съ просьбой, чтобы ее крестили въ Православную вѣру; желаніе и просьба ея были исполнены: Бурда была крещена приходскимъ священникомъ и названа Анной; воспріемникомъ ея были капитанъ Московскаго полка Адамъ Ивановичъ, наградившій еще въ Ригѣ крестомъ и Анну Сунжи, и Анна Семеновна Бутурлина. Узнавъ о пребываніи въ Москвѣ ханши Джаны отъ своего хозяина, онѣ отправились къ ней, гдѣ ихъ встрѣтилъ подпоручикъ Гвоздевъ и, при рапортѣ 29 мая 1744 г., препроводилъ ихъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ[b]. Послѣ допросовъ, калмычки были так-

---

[a]) См. копію съ этого паспорта въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, л. 122 на оборотѣ и 123.

[b]) Рапортъ Гвоздева см. тамъ же, л. 120. Показанія Бурды и Санжи, тамъ же, лл. 120 на оборотѣ и л. 121—122.

же отправлены въ Ставрополь, въ сообществѣ Марьи Гунги и Настасьи Амуръ, подъ присмотромъ хорунжаго Ив. Амура, въ іюнѣ 1744 г.

Разсказъ этихъ калмычекъ объ ихъ приключеніяхъ можетъ до нѣкоторой степени дать намъ понятіе о томъ, какія мытарства приходилось иногда претерпѣвать калмыкамъ *черной кости*, добровольно принимавшимъ православіе; зато знатные калмыки: тайдши, нойоны и зайсанги пользовались особеннымъ вниманіемъ Русскаго правительства, при ихъ обращеніи въ христіанство. Въ доказательство этого положенія, кромѣ изложенныхъ выше обстоятельствъ крещенія Петра Тайшина и его жены[a], приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ *1743 г.* въ С.-Петербургъ прибылъ калмыцкій владѣлецъ Чиданъ Дербетевъ съ доношеніемъ отъ атамана Донскаго войска Ефремова, отъ 26 мая того же года, въ которомъ Ефремовъ сообщаетъ, что 1 мая Чиданъ Дербетевъ заявилъ ему о своемъ желаніи креститься съ 130 принадлежащими ему кибитками калмыковъ; тогда же и о томъ же просили Ефремова зайсангъ Доджи съ братомъ и десятью кибитками и Лабанъ Дондуковъ[b]. Коллегія Иностр. Дѣлъ, получивъ отношеніе о томъ изъ Военной Коллегіи, написала Ефремову, что она признала неудобнымъ крестить Дербетева въ С.-Петербургѣ и отправляетъ его обратно на Донъ съ тѣмъ, чтобы всѣ подданные ему калмыки были собраны въ Черкасскѣ и весною будущаго года были отправлены въ Саратовъ, откуда воевода Беклемишевъ долженъ былъ проводить ихъ, подъ охраною особаго конвоя, нагорной стороной Волги въ Ставрополь, для наставленія въ вѣрѣ и крещенія; калмыкъ, которые раздумаютъ креститься, велѣно отправлять немедленно въ Царицынъ къ бригадиру Кольцову, для возвращенія ихъ въ улусы; заболѣвшихъ во время пути, въ случаѣ ихъ желанія перейти въ православіе, разрѣшено было крестить и въ дорогѣ, раньше прибытія ихъ въ Ставрополь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коллегія Иностр. Дѣлъ предписала Ефремову выдать, при отправленіи означенныхъ калмыковъ въ Саратовъ, Чидану Дербетеву 100 р., зайсангамъ по 5 р., калмыкамъ *черной кости* по 2 р. 50 коп., холостымъ «*вполы*»; по стольку-же они должны были получить и по прибытіи ихъ въ Ставрополь, гдѣ для Дербетева велѣно приготовить изъ имѣющихся или построить новый „*покойный* домъ и давать ему Чидану въ годъ жалованья и съ дѣтьми его по 150 рублевъ, и надъ полковни-

---

[a]) См. выше стр. 505, 506 и 510 въ наст. монографіи.
[b]) Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, л. 11—13.

комъ Кирилломъ Шарапомъ имѣть ему первенство, и обще съ прочими, опредѣленными къ тому зайсанги, управлять всѣми крещеными калмыками, а собственный его улусъ имѣть ему въ особливомъ вѣдомствѣ" [a]. Неплюевъ получилъ предписаніе быть воспріемникомъ Дербетева при купели, а когда онъ донесъ, что находитъ неудобнымъ отлучиться для того въ Ставрополь; то Коллегія Иностр. Дѣлъ отвѣтила ему, что „по наставленіи Дербетева въ Ставрополѣ въ христіанскомъ законѣ и по приготовленіи къ св. крещенію", онъ можетъ вызвать его туда, гдѣ будетъ находиться самъ по дѣламъ службы, или пусть поручитъ это дѣло кому-либо другому, который могъ-бы, вмѣсто него, ѣхать въ Ставрополь, чтобы быть воспріемникомъ Чидана [b].

При крещеніи Чидана Дербетева, приказано употребить „на платье ему и прочее отъ 60 до 100 р. изъ казенныхъ денегъ". Но Чиданъ, какъ владѣлецъ 150 кибитокъ, еще и до своего крещенія получилъ значительные подарки: при его отправленіи изъ Петербурга на Донъ, Государыня наградила его парою соболей, 5 арш. сукна, 10 арш. штофа [c] и 150 р. денегъ; наслѣдникъ престола пожаловалъ Чидану такъ же пару соболей, на 13 р. 20 к. камки и 50 р. денегъ, а вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ подарилъ ему пудъ зеленаго чаю и красной камки [d] на 12 р. 75 коп. Находившіеся при Чиданѣ двое зайсанговъ получили по 5 аршинъ сукна и по 15 р. денегъ, а двое служителей ихъ—по 5 арш. [e] сукна и по 10 р. денегъ. Кромѣ того, Чидану и его свитѣ были выданы на дорогу отъ Петербурга до Черкасска кормовыя деньги „противъ петербургской дачи" на два мѣсяца [f]. Между тѣмъ дѣло о крещеніи Чидана затянулось почти на два года и только въ 1745 г. Чиданъ прибылъ въ Ставрополь со 150 кибитками и былъ крещенъ въ Оренбургѣ съ двумя своими сыновьями; Чиданъ при крещеніи былъ названъ *Никитою*, а сыновья оба—*Иванами*, изъ коихъ старшій былъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Большаго, а младшій—Ивана Меньшаго [g].

Въ концѣ марта 1744 г., прибылъ въ Москву изъ Астрахани калмыцкій владѣлецъ Айоши Торгоутскій съ двумя зайсангами Рендюномъ и Бутю и двумя же ихъ служителями Шарапомъ и Ца-

---

a) Тамъ же, л. 13.
b) Тамъ же, л. 12 на оборотѣ.
c) Пара соболей, подаренныхъ Чидану Государыней, оцѣнены въ 11 р., 5 арш. сукна стоили 11 р., десять арш. шелковаго штофа 28 р.
d) Пара соболей 10 р., „камки-голь" на 13 р. 20 коп., пудъ зеленаго чаю 11 р. 40 коп., такъ-что всѣ подарки Дербетеву стоили 97 р. 35 коп.
e) 10 арш. сукна, подареннаго зайсангамъ, стоили 18 рубл., сукно же, данное служителямъ, было куплено по рублю за аршинъ.
f) Въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*", по оп. № 17, лл. 157, 158 и 159 на оборотѣ.
g) П. И. Рычковъ. Топогр. Оренб. губерніи, стр. 93. Изд. 1887 г.

хомъ; жена Айоши, бывшая раньше въ замужествѣ за ханомъ Черенъ-Дондукомъ, и сестра Айоши были отправлены для крещенія прямо въ Ставрополь, получивъ *„на пропитаніе“* въ дорогѣ только 10 рублей; но за то немало было израсходовано денегъ на поѣздку самого Айоши въ Москву, на его содержаніе здѣсь и отправленіе въ Ставрополь. Для поѣздки Айоши и его свиты изъ Астрахани въ Москву были сдѣланы нарочно четверо саней, стоившихъ 6 р. 88 к.; на одежду и обувь въ дорогу Айоши и его зайсанговъ употреблено въ Астрахани 29 р. 45 коп.; прогонныхъ денегъ на семь подводъ отъ Астрахани до Москвы выдано 44 р. 45 коп. и 13 рубл. кормовыхъ.

Такимъ образомъ обмундированіе, содержаніе въ дорогѣ и подводы для Айоши и его небольшой свиты обошлись въ 93 р. 78 коп. Отправившись изъ Царицына 13 марта, въ сопровожденіи толмача Ивана Урлапова, они прибыли въ Москву 27 марта. Со времени пріѣзда ихъ въ Москву по 10 апрѣля, имъ выдали на содержаніе 7 р., или по 50 коп. въ день, а съ 10 апрѣля по 1 августа, когда они были отправлены въ Ставрополь, они получали *„на пропитаніе“* уже по рублю въ день[a]; слѣдовательно, содержаніе ихъ въ Москвѣ стоило 120 рубл. Крещеніе надъ ними было совершено только 7 іюля 1744 г.; Айоши при крещеніи былъ названъ *Павломъ*, зайсангъ Рендюнъ—*Петромъ*, зайсангъ Бутю—*Өеодоромъ*, а другой Цахъ—*Леонтіемъ*. Воспріемниками при купели были: у Аюши—президентъ Вотчинной Коллегіи, князь Иванъ Одоевскій; у Рендюка—вице-президентъ Камеръ-Коллегіи, князь Михаилъ Шаховской; у Бутю—вице-президентъ Мануфактуръ-Коллегіи Иванъ Алексѣевъ; воспріемникомъ Шарапа — совѣтникъ Юстицъ - Коллегіи Андрей Сабуровъ, а у Цаха—совѣтникъ Мануфактуръ-Коллегіи Иванъ Лодыжинскій[b]. Новопрсвѣщенный Тимоѳей Шарапъ 27 іюля былъ „отосланъ на конюшню Ея Императорскаго Величества, для ставленія въ Кіевскомъ походѣ кибитокъ“, а прочіе были отправлены въ Ставрополь, въ сопровожденіи капрала Астраханскаго гарнизона Зубарева, солдата Василья Сорокина и толмача Ивана Урлапова, прибывшаго съ Айоши изъ Царицына. Сверхъ уже отмѣченныхъ нами расходовъ, на новопросвѣщенныхъ Павла Торгоутскаго, его зайсанговъ и служителей, при крещеніи и отправленіи ихъ въ Ставрополь, было издержано еще около

---

a) Владѣлецъ Айоши получалъ по 50 коп., зайсанги, по 13 коп., а служители по 7 коп. на день.

b) Въ Тург. арх. *„Указы 1744 г.“*, по оп. № 17, лл. 157, 158 и 159.

400 р.[a]), что съ прежними расходами составитъ сумму свыше 600 рубл. Въ то же время Коллегія Иностр. Дѣлъ, между прочимъ, писала Неплюеву: „вы имѣете приказать [оному владѣльцу Павлу Торгоутскому дать готовый дворъ или построить вновь, а жену его, прежде бывшую Черенъ-Дондукову ханшу, также и сестру того владѣльца, предъ симъ изъ Астрахани въ Ставрополь отправленныхъ, тамо и крестить, а какое имъ при томъ награжденіе учинить и часто реченнаго владѣльца Павла Торгоутскаго въ какой тамо чинъ написать, и по скольку ему, также и брату его войсковому судьѣ Петру Торгоутскому, напредь сего въ Ставрополь отправленному[b]), годоваго жалованья производить,—и то все предается на тамошнее ваше разсмотрѣніе“ [c]). Жена Павла Торгоутскаго была крещена въ Ставрополѣ и названа Вѣрой Андреевой[d]); мужъ ея Павелъ Торгоутскій былъ назначенъ надзирателемъ надъ улусами Ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ[e]).

Въ то самое время, какъ Айоши Торгоутскій приготовлялся къ воспріятію св. крещенія, В. Н. Татищевъ отправилъ изъ Астрахани въ Москву другаго калмыцкаго владѣльца Уанчюка[f]), пожелавшаго креститься съ двумя своими сыновьями Джибаемъ (Держевымъ) и Цевакомъ, жена же Уанчюка Абай была отпущена для крещенія прямо въ Ставрополь „съ дачею ей кормовыхъ денегъ“. Когда Уанчюкъ прибылъ съ дѣтьми въ Царицынъ, имъ здѣсь сшили „платье“, выдали прогонныя деньги на четыре подводы и кормовыхъ на двѣ недѣли, полагая по 30 коп. въ день. Изъ Царицына они отправились 27 іюля, въ сопровожденіи крещенаго калмыка Петра Замбы и подъ охраною особаго конвоя, состоявшаго изъ ротнаго „квартермистра Псковскаго пѣхотнаго полка Гаврилы Колмакова, двухъ драгунъ и толмача изъ царицынскихъ казаковъ Тита Чекунова“. Во время пути Уанчюкъ заболѣлъ и въ Тамбовѣ скончался; это непредвидѣнное обсто-

---

[a]) На платье: Павлу Торгоутскому 150 р., двумъ зайсангамъ 60 р., одному служителю 20 р.; жалованья: Павлу Торгоутскому 60 р., 2 зайсангамъ 24 р., служителю 8 р.; кормовыхъ на 45 дней 37 р. 35 коп.; прогоновъ на 8 подводъ 27 р. 20 коп. и Павлу Торгоутскому полпуда зеленаго чаю на 5 р. 40 коп. См. тамъ же, лл. 157 на оборотѣ, 160 на оборотѣ и 161.

[b]) Петръ Торгоутскій крестился нѣсколько раньше брата. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, л. 53.

[c]) Тамъ же, л. 156 на оборотѣ. Подлинный указъ Неплюеву изъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 4 августа 1744 г. за № 687, полученный Неплюевымъ, при доношеніи Ставропольской канцеляріи, 12 сентября того же года.

[d]) П. И. Рычковъ. Топ. Оренб. губ., стр. 82. Изд. 1887 г.

[e]) Тамъ же, стр. 91.

[f]) Уанчюкъ выѣхалъ изъ Астрахани 6 іюля 1744 г.; слѣдовательно, наканунѣ крещенія Айоши Торгоутскаго.

ятельство задержало путешественниковъ въ дорогѣ на лишніе пять дней противъ маршрута; кормовыя деньги у нихъ вышли всѣ и Колмакову пришлось расходовать на дѣтей Уанчюка свои, которыя потомъ ему и были уплачены изъ Коллегіи Иностр Дѣлъ, въ количествѣ 4 р. 60 коп. Дѣти Уанчюка прибыли въ Москву 16 августа, откуда ихъ отправили въ Ставрополь, гдѣ уже находилась ихъ мать Абай, „для наставленія и сподобленія св. крещенія“; въ проводники имъ были даны каптенармусъ Астраханскаго гарнизона Яковъ Васабантовъ и прибывшій съ ними толмачъ Титъ Чекуновъ. Колмаковъ по выдачѣ ему 4 р. 60 к. денегъ, израсходованныхъ на дѣтей Уанчюка въ пути, былъ отпущенъ съ драгунами на одной ямской подводѣ въ Царицынъ, а сыновьямъ Уанчюка, при отправленіи въ Ставрополь, были даны двѣ пары соболей цѣною въ 20 р., на 12 р. камки и на 42 р. 70 коп. суконъ разныхъ цвѣтовъ, а также—прогоны на четыре подводы и кормовыя на полтора мѣсяца, полагая по 30 коп. въ день; ихъ проводнику Васабантову Коллегія Иностр. Дѣлъ поручила передать въ Ставропольскую канцелярію $10^1/_2$ арш. въ лоскутьяхъ сукна разныхъ цвѣтовъ[a], «*попорченнаго молью и въ пятнахъ*», и „три косяка камокъ черныхъ, *попорченные и въ цвѣтѣ потеклые*“, всего по оцѣнкѣ на 41 р. $41^3/_4$ коп. Весь этотъ бракъ, принятый изъ канцеляріи генерала Левашова въ 1742 г. и «*въ продажѣ негодный*», былъ завернутъ „въ одно мѣсто“ и запечатанъ „коллежскою печатью“. Ставропольская канцелярія должна была, принявъ его отъ Васабантова, раздавать при случаѣ калмыкамъ и калмычкамъ „на шапки и другія потребы“. Извѣщая о томъ Неплюева, Коллегія Иностр. Дѣлъ, между прочимъ, писала: „сверхъ того, въ Ставрополѣ при крещеніи имъ, а паче матери ихъ, какое награжденіе учинить, оное передается па разсмотрѣніе ваше, и вы на сіе нѣчто изъ платья оставшаго по смерти княгини Анны Тайшиной употребить можете“[b]. Еще, вѣроятно, не успѣли крестить въ Ставрополѣ дѣтей Уанчюка, какъ Колл. Иностр. Дѣлъ получила доношеніе изъ Царицына отъ полковника Алексѣя Кишенскаго, отъ 3 сент. 1744 г., который извѣщалъ Коллегію, что изъ Царицына отправился въ Москву для крещенія владѣлецъ Баранга Торгоутскій съ двумя служителями, а его жена Тарбажана

[a]) Изъ реэстра, приложеннаго къ указу 25 авг. 1744 г. за № 761, видно, что тутъ были суконные лоскутья разной величины *голубаго, зеленаго, лазореваго, василькоаваго, вишневаго, краснаго и кофейнаго цвѣтовъ*. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, лл. 193 и 194.

[b]) Тамъ же, лл. 188–190. Указъ Неплюеву изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, отъ 25 авг. 1744 г. за № 757.

выѣхала прямо въ Ставрополь. Кишенскій доносилъ, что въ Царицынѣ имъ даны деньги на покупку недорогаго платья, кормовыя на двѣ недѣли, по 20 коп въ день, и прогоны на три подводы до Москвы.

Въ Москвѣ Баранга получилъ 60 р. да „изъ имѣющихся при Коллегіи Иностр. Дѣлъ товаровъ" пару соболей, сукна и другихъ подарковъ на 45 р. 20 коп.; во время своего пребыванія въ Москвѣ, Баранга получалъ на содержаніе себя и служителей по 50 коп. въ день. Изъ Москвы его отправили для крещенія въ Ставрополь на четырехъ подводахъ, съ выдачею ему кормовыхъ денегъ по 20 коп. на день[a]. Такимъ образомъ калмыцкіе владѣльцы, отправляя своихъ женъ и сестеръ для крещенія въ Ставрополь, сами стремились въ Москву и Петербургъ для воспріятія Православной вѣры. Награждая ихъ деньгами, соболями, штофомъ, сукномъ и др. вещами, правительство однихъ изъ нихъ крестило въ Москвѣ или въ Петербургѣ, а другихъ отправляло для крещенія въ Ставрополь. Благодаря переходу въ православіе калмыцкихъ владѣльцевъ, значительно увеличилось и число крещенныхъ калмыкъ *черной кости*. Въ 1741 году съ войсковымъ писаремъ Ильей Хашхой[b] прикочевало изъ Астрахани въ Ставрополь 100 кибитокъ. Въ августѣ 1743 г. переселено въ Ставрополь также изъ Астрахани 253 д. калмыкъ обоего пола, изъ коихъ 109 ч. были крещены раньше, а 144 ч. крестились уже въ Ставрополѣ, при чемъ зайсанги получили по 10 р., а простые калмыки по 5 р. на семью изъ 500 р., которые раньше выдавались княгинѣ Тайшиной въ жалованье[c]. Въ 1744 году изъ улусовъ Артемія Торгоутскаго прибыло въ Ставрополь 10 кибитокъ; въ томъ же году изъ Краснаго Яра и Астрахани отъ Павла Торгоутскаго прикочевало 20 кибитокъ; въ 1745 г. съ зайсангомъ Иваномъ Аджей— 78 кибитокъ; Никита Дербетевъ привелъ съ собою изъ Черкасска 150 кибитокъ и т. д. Постоянный приливъ калмыковъ въ Ставрополь представлялъ не мало затрудненій, при поселеніи и размѣщеніи ихъ на новыхъ земляхъ внутри Закамской линіи; между тѣмъ Коллегія Иностр. Дѣлъ всѣ заботы о Ставропольскихъ калмыкахъ постаралась сложить на Неплюева. Намъ уже извѣстно, что Шарапъ просилъ Колл. Ин. Дѣлъ о дозволеніи ему лично явиться въ Москву, для обстоятельнаго доклада

---

a) Указъ Неплюеву изъ Колл. Ин. Дѣлъ за № 840, отъ 30 сентября 1744 г. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*", по оп. № 16, лл. 235, 236.

b) У Рычкова (Топ. Оренб. губ., стр. 8. Изд. 1887 г.) Хашха называется Кашкой; въ подлинныхъ же указахъ Колл. И. Д.—вездѣ „Хашка".

c) Указъ Неплюеву изъ К. И. Д., отъ 29 ноября 1743 г., за № 8273. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*", по оп. № 17, л. 16.

о состояніи Ставропольскихъ калмыкъ; но Коллегія не только не разрѣшила Шарапу этой поѣздки, а предписала Неплюеву: „*впредь* вамъ изъ Ставрополя *крещеныхъ калмыкъ въ Нашу Коллегію* Иностр. Дѣлъ *ни для какихъ ихъ прошеній не отпускать*, для того, что правленіе той Ставропольской крѣпости, со всѣми крещеными калмыки, по указу изъ Сената Нашего, *со оной Коллегіи снято и положено на васъ*“[a]. По ходатайству Неплюева, Коллегія Иностр. Дѣлъ послала Кириллу Шарапу съ хорунжимъ Ив. Амуромъ „жалованья товарами“ на 99 р. 40 коп., а вице-канцлеръ отъ себя—пару соболей и особое письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „понеже предъ симъ, по Ея Императорскаго Величества указу, Ставропольская крѣпость со всѣми крещеными калмыки, по близости, въ вѣденіе и въ команду поручена тайному совѣтнику и оренбургскому губернатору господину Неплюеву, того ради и вышеозначенное ваше доношеніе нынѣ отправлено къ нему,—и онъ о всемъ томъ разсмотрѣніе и въ надлежащемъ вамъ удовольствіе учинить имѣетъ“[b]. Относительно пожитковъ княгини Тайшиной, Коллегія распорядилась, чтобы „оные, яко выморочные, въ казну не отбирать“, а приказала уплатить изъ нихъ отъ 200 до 300 р. Кириллу Шарапу за панцырь, остатки же—раздать „тамошнимъ крещенымъ владѣльцамъ и знатнымъ зайсангамъ“. Панцырь, о которомъ здѣсь упоминается, принадлежалъ раньше князю Петру Тайшину и, по свидѣтельству хорунжаго Амура, былъ пріобрѣтенъ имъ за 1500 овецъ; княгиня Тайшина, по смерти мужа, подарила панцырь Кириллу Шарапу. Между тѣмъ ханъ Дондукъ-Даша, узнавъ о кончинѣ своего брата, просилъ себѣ и этотъ панцырь и печать, сдѣланную изъ сандальнаго дерева и бывшую у внука князя, Петра Торгоутскаго. Вслѣдствіе этого, Коллегія Иностр. Дѣлъ, купивъ у Шарапа панцырь, приказала Неплюеву переслать его „при вѣрной оказіи“ Татищеву для доставленія хану; относительно же печати писала: „объявленную печать, отыскавъ скрытно отъ калмыкъ, прислать сюда въ Коллегію: понеже оной, яко присланной отъ Далай-Ламы на калмыцкое ханство, въ руки ихъ отдавать не разсуждено“[c]; но въ то же время, чтобы успокоить хана, Коллегія отвѣтила Дондукъ-Дашѣ, что „ежели оная печать въ Ставрополѣ сыщется, къ нему отослана будетъ“[d]. Такимъ образомъ Коллегія

---

[a]) Указъ Неплюеву изъ Колл. И. Д. за № 588, отъ 14 іюня 1744 г. См. въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 16, л. 76.

[b]) См. копію съ письма Бестужева-Рюмина Кириллу Шарапу въ Тург. арх. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 16, л. 86.

[c]) Тамъ же. „*Указы 1744 г.*“, по оп. № 17, л. 106, 164 и 165. Указъ Неплюеву изъ К. И. Д. за № 211, отъ 16 марта, и указъ за № 727, отъ 16 августа 1744 г.

[d]) Тамъ же.

Иностр. Дѣлъ *не сдѣлала ничего существеннаго* для устраненія тѣхъ недостатковъ и нуждъ, о которыхъ доносили ей полковникъ Кириллъ Шарапъ, ставропольскіе школьники и Пелагея Дугара; препроводивъ копіи съ ихъ доношеній Неплюеву, она, опираясь на указъ Сената отъ 16 апрѣля 1744 г., всѣ заботы о Ставропольскихъ калмыкахъ возложила на самого Неплюева, который и долженъ былъ заняться устройствомъ ихъ быта. Не смотря на чрезвычайную сложность своихъ занятій и обязанностей по организаціи обширнаго Оренбургскаго края, Неплюевъ съ величайшею внимательностію отнесся къ нуждамъ Ставропольскихъ калмыкъ, обнаруживъ при этомъ глубокій организаторскій умъ въ опредѣленіи всѣхъ сторонъ быта новой калмыцкой колоніи на Волгѣ.

Основанія, которыми руководился Неплюевъ по отношенію къ Ставропольскимъ калмыкамъ, изложены были имъ въ обширномъ докладѣ Сенату, отъ 8 ноября 1744 года, свидѣтельствующемъ о необыкновенномъ умѣ его составителя. На важность этого доклада Неплюева указалъ еще покойный С. В. Ешевскій въ своихъ публичныхъ лекціяхъ: «*О русской колонизаціи Сѣверовосточнаго края*»[a], впрочемъ, въ общихъ чертахъ. Докладъ этотъ помѣщенъ въ П. С. Зак.[b]; но мы имѣли возможность видѣть и прочесть первоначальную копію съ упомянутаго доклада Неплюева, препровожденную къ нему изъ Сената, при указѣ отъ 19 февраля 1745 года[c]. При сличеніи этой „*точной*" копіи[d] съ печатнымъ текстомъ доклада, мы нашли, что *доношеніе Неплюева напечатано въ П. С. Зак. съ пропусками* нѣкоторыхъ мѣстъ; пробѣлы эти особенно значительны въ пунктахъ 1—5 и частію встрѣчаются въ пунктахъ 10, 12, 13, 16, 17, 23, 28 и 30; въ виду этого, мы предпочтительно пользовались «*точной*» рукописной копіей доклада Неплюева, при разсмотрѣніи его мѣропріятій въ отношеніи къ Ставропольскимъ калмыкамъ. Изъ слѣдующей главы, содержаніемъ которой послужитъ упомянутый докладъ, мы увидимъ, чего желалъ и что сдѣлалъ для крещеныхъ калмыковъ Неплюевъ.

---

a) Журн. „Вѣстн. Европы" за 1866 г., т. I.

b) См. т. XII, стр. 308—328, № 9110. Редакція „*Вѣстника Европы*" смѣшала съ этимъ докладомъ другой отъ 28 сентября 1747 г., помѣщенный тамъ же на стр. 761 подъ № 9444; ошибка эта была отмѣчена, между прочимъ, въ сочиненіи Н. А. Ѳирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства", стр. 359, сносокъ (2).

c) Указъ за № 591. См. въ Тург. арх. „*Указы 1745 г.*", по оп. № 18, л. 46.

d) Рукопись состоитъ изъ 44 листовъ и скрѣплена по листамъ канцеляристомъ Иваномъ Бажановымъ. См. въ Тург. арх. „*Указы 1745 г.*", по оп. № 18, лл. 49—92.

ГЛАВА XIX.

Заботы Неплюева о христіанскомъ просвѣщеніи калмыковъ.— Отношенія зайсанговъ къ простымъ калмыкамъ.—Надѣлъ калмыкъ землею.—Русскія поселенія въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ и монастырскія вотчины.—Жалованье духовенству.—Мѣры Неплюева къ развитію торговли и промысловъ среди крещеныхъ калмыкъ.—Контроль надъ приходомъ и расходомъ суммъ.—Калмыцкій судъ и права зайсанговъ по отношенію къ простымъ калмыкамъ.—Мѣры противъ бѣглыхъ и медицинская помощь больнымъ.

„Обучать калмыцкихъ дѣтей русскому языку и добрымъ обычаямъ“.

Неплюевъ.

„Калмыки имѣютъ бодрый духъ и хорошій разумъ, и легко могутъ сдѣлаться земледѣльцами“.

Паллосъ.

Въ своемъ доношеніи Сенату, отъ 8 ноября 1744 г., Неплюевъ подробно опредѣлилъ всѣ стороны быта новыхъ членовъ Св. Православной Церкви, и указалъ мѣры къ наилучшему достиженію главной цѣли ихъ поселенія. Начнемъ съ религіознаго просвѣщенія калмыковъ. „Что касается до вѣры и благочестія“,—говоритъ Неплюевъ,—„то сіе хотя и есть особливо отъ духовнаго, а не отъ свѣтскаго правленія зависящее; но понеже къ добропорядочному ихъ содержанію одно другому способствуетъ и доброй порядокъ безъ благочестія, равно же и благочестіе безъ порядка установлено и содержано быть не можетъ, а ктому отъ одного Духовнаго правленія, за обширнымъ тѣхъ калмыкъ расположеніемъ, все и усмотрѣно быть иногда не можетъ[a]; того ради между прочаго тамошній градской командиръ, по согласію съ Духовнымъ правленіемъ, долженъ завсегда и сего наблюдать, чтобъ всѣ оные крещеные калмыки по должности христіанской пребывали и церкви-бъ Божіей прилежали и общенія Св. Таинствъ

---

[a]) Въ печатномъ докладѣ этого мѣста нѣтъ. Ср. П. С. З., т. XII, № 9110, п. I.

не лишались, а особливо-бъ никакихъ прежнихъ ихъ идолопоклонническихъ забобонъ и всего того, что Православной христіанской вѣрѣ предосудительно, между ними не было. Ежели же кто въ такомъ противномъ поступкѣ явится, таковыхъ къ надлежащему исправленію и сужденію немедленно въ тамошнее Духовное правленіе отсылать, самому-жъ градскому командиру въ тѣ дѣла собой не вступать и не мѣшаться; но буде что отъ онаго правленія до того-жъ касающееся предложится, въ томъ тщательно вспомогать и ничего не упущать" [a]).

Послѣ архимандрита Никодима, какъ мы уже знаемъ, во главѣ Ставропольскаго духовенства сталъ протоіерей Андрей Чубовскій, хорошо знавшій калмыцкій языкъ. Мы видѣли, что уже Зиѣевъ оцѣнилъ этого единственнаго въ своемъ родѣ человѣка, а Неплюевъ еще болѣе сознавалъ необходимость знанія духовными лицами языка того народа, среди котораго они были призваны дѣйствовать, и потому писалъ въ Петербургъ, чтобы прислали въ Ставрополь духовныхъ лицъ, знающихъ калмыцкій языкъ на столько, какъ зналъ его „добросостоятельный протопопъ Чубовскій". Для просвѣщенія крещенныхъ калмыковъ свѣтомъ христіанской религіи, Неплюевъ призналъ за полезное, чтобы Чубовскій объѣзжалъ всѣ улусы крещеныхъ калмыкъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ, наблюдая при томъ, всѣ-ли они живутъ по-христіански. Кромѣ того, всѣ улусы были раздѣлены на нѣсколько участковъ, подчиненныхъ непосредственному надзору и попеченію священниковъ, которые въ своихъ дѣйствіяхъ, по отношенію къ калмыкамъ, должны были руководиться указаніями Чубовскаго. Кромѣ непосредственной проповѣди христіанскаго ученія со стороны духовенства, положено было воздѣйствовать на калмыковъ переводомъ книгъ Священнаго Писанія [b]) и школами, открывая послѣднія соразмѣрно количеству калмыцкихъ дѣтей. Что касается переводовъ, то еще архимандритъ Никодимъ, при содѣйствіи Ивана Кондакова и др. учениковъ Заиконоспасской школы [c]), перевелъ на калмыцкій языкъ Молитву Господню, Символъ Вѣры и десять заповѣдей; но переводъ этотъ оказался не вполнѣ удачнымъ: „оный за правильный переводъ",—писалъ Бакунинъ,—„причесться не можетъ: ибо есть весьма погрѣшенія, затѣмъ, что калмыцкій языкъ нерегулярный и *предъ россійскимъ весьма краткой*; они-жъ обучались тому калмыцкому простому языку, что съ книжнымъ,

---

[a]) Тамъ же.
[b]) Тамъ же, пунктъ 2.
[c]) Кондаковъ былъ переводчикомъ при князѣ Петрѣ Тайшинѣ. (См. П. С. З., № 7228); помощниками его были ученики: Иванъ Ярославовъ, Романъ Петровъ, Давыдъ Ивановъ, Егоръ Ероофѣевъ, Иванъ Мартемьяновъ; всѣ они были „природой калмыцкой націи". (Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 558).

въ которомъ за кратностью онаго вмѣшанъ и мунгальскій языкъ, сходства не имѣетъ" [a]. Переводы самого Бакунина тѣхъ же молитвъ, сдѣланные имъ еще въ 1724 году, такъ же были неправильны: „понеже (сознается онъ) я тогда мунгальскому языку не обучался еще, къ тому-жъ по тогдашнему времени изъ калмыцкихъ духовныхъ къ тому переводу употребить было подозрительно" [b]. Поэтому положено было вновь составить калмыцкій букварь, перевести Евангеліе на калмыцкій языкъ и сдѣлать краткое извлеченіе изъ Церковной исторіи, при помощи духовныхъ лицъ изъ русскихъ, знающихъ калмыцкій языкъ, и калмыковъ, находившихся въ С.-Петербургѣ при Черенъ-Дондукѣ. Намъ неизвѣстно, какъ было выполнено это дѣло; но едва-ли можно было расчитывать тогда на *вполнѣ правильный и согласный съ славянскимъ текстомъ переводъ Евангелія* и молитвъ, если и въ наше время этотъ вопросъ представляетъ большія затрудненія для солидно образованныхъ лингвистовъ [c], вслѣдствіе бѣдности языка инородцевъ, которые современемъ, какъ мы думаемъ, *«сольются* (по выраженію поэта) *въ Русскомъ морѣ»* и *предпочтутъ въ богослуженіи богатый и выразительный славянскій текстъ церковныхъ молитвъ своему бѣдному языку, а въ наукѣ и жизни—русскій языкъ, какъ языкъ культурнаго народа*. Мы увѣрены, что въ свое время это сдѣлается само собой, по закону исторической необходимости, не смотря ни на какія усилія нѣкоторыхъ лицъ сохранить инородческую самобытность. Общность языка въ жизни, литературѣ и *особенно въ богослуженіи* имѣетъ громадное религіозное и политическое значеніе, но всякому времени—своя задача и свое дѣло.

Что касается школъ для дѣтей крещенныхъ калмыковъ, то сначала онѣ были открыты каждая на 10 человѣкъ, изъ коихъ на всякаго ученика было ассигновано по 20 р. въ годъ [d]. Неплюевъ желалъ увеличить число учащихся въ Ставропольской калмыцкой школѣ отъ 20 до 30 чел., „а буде пожелаютъ, то и больше владѣльческихъ и лучшихъ зайсангскихъ

---

a) Доношеніе Бакунина въ Колл. И. Дѣлъ отъ 12 декабря 1737 г.

b) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 558.

c) См. кн.: „Переписка о *чувашскихъ изданіяхъ* переводческой коммиссіи". Казань, 1890 г. Здѣсь изложена полемика извѣстнаго дѣятеля по христіанскому просвѣщенію инородцевъ, Н. И. Ильминскаго съ священникомъ села Кошекъ Чебоксарскаго уѣзда, В. Я. Смѣловымъ. Ср. также: „Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и др. инородческіе языки" Н. И. Ильминскаго. Казань, 1883 г.; его же: „*Къ исторіи инородческихъ переводовъ*" (Прав. Собесѣдн. за 1884 г., мартъ—апрѣль) и брошюру: „*Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ*". Казань, 1883 г.

d) Въ П. С. Зак. (т. XII, № 9110, стр. 309, столб. I) сказано, что на каждаго ученика было опредѣлено жалованья по 12 р. въ годъ; но это противорѣчитъ и вышеприведенной жалобѣ учениковъ Ставропольской школы (см. выше стр. 533) и подлинному тексту „*точной*", по выраженію Сената, копіи съ доклада Неплюева. См. въ Тург. арх. „Указы 1745 г.", по оп. № 18, л. 52 на оборотѣ, вторая строка снизу.

дѣтей". Выборъ учителя для школы, по сенатскому распоряженію, предоставленъ былъ самому Неплюеву или Ставропольскому коммендаиту „обще съ протопопомъ Чубовскимъ". При школѣ полагался особый законоучитель изъ священниковъ, на обязанности котораго лежало, подъ надзоромъ Чубовскаго, ознакомленіе учениковъ съ главнѣйшими догматами Православной вѣры. При опредѣленіи учителей въ калмыцкія школы, Неплюевъ вмѣнялъ имъ въ непремѣнную обязанность *«обучать калмыцкихъ дѣтей русскому языку и добрымъ обычаямъ»*, выражая при томъ искреннее желаніе, чтобы *«ученіе калмыцкаго письма подъ рукою и время отъ времени выводить изъ обычая»* [a]. Неплюевъ вообще стремился къ постепенному обрусѣнію инородцевъ, не забывая историческаго призванія Русскаго народа, который велъ и ведетъ за собою всѣ инородческія племена, поглощая ихъ въ себѣ, какъ море текущія въ него рѣки; онъ хорошо изучилъ и понималъ инородцевъ: крещеныхъ калмыкъ, башкиръ, татаръ, чувашъ, черемисъ и др., что всѣ они, при обращеніи въ христіанство, руководились большею частью матеріальными выгодами, пользуясь расположеніемъ къ нимъ правительства и вліятельныхъ лицъ, а вовсе не внутреннимъ влеченіемъ къ религіи Христа, требующей самоотреченія и любви къ ближнему до самопожертвованія; послѣдующія событія въ исторіи просвѣщенія инородцевъ не разъ подтверждали глубокую предусмотрительность Неплюева. Сенатъ, согласно представленію Неплюева, опредѣлилъ, чтобы въ калмыцкія школы были помѣщаемы, кромѣ калмыцкихъ дѣтей, и дѣти священно-церковно-служителей изъ Казанской губерніи, „которые, по обученіи того языка, могутъ произведены быть и въ священство" [b]. Такимъ образомъ Неплюевъ, заботясь объ образованіи владѣльческихъ и зайсангскихъ дѣтей, въ то же время хотѣлъ, чтобы *въ калмыцкой школѣ учились и дѣти русскаго духовенства*, для занятія священно-церковно-служительскихъ мѣстъ въ калмыцкихъ слободахъ.

Неплюевъ хорошо сознавалъ и то, что самыя лучшія распоряженія и правила не достигаютъ цѣли, если исполнителями ихъ бываютъ люди неспособные или дурной нравственности; поэтому онъ писалъ въ Сенатъ: „въ правленіи же оныхъ калмыкъ, для всякихъ при томъ требующихся учрежденій, особливо нужно *весьма искуснаго и трудолюбиваго* командира имѣть, а наипаче о нравахъ и о поступкахъ калмыцкаго народа довольно *свѣдомаго:* ибо сей степной и яко дикой еще народъ ни чѣмъ такъ въ порядокъ приведенъ и въ покоѣ содержанъ быть не можетъ,

---

a) Тамъ же, пунктъ 3.
b) Въ Тург. арх. *„Указы 1745 г."*, по оп. № 18, л. 52 на полѣ.

какъ добрымъ и безпристрастнымъ командирскимъ поведеніемъ; а хотя съ ними, а особливо со владѣльцами ихъ и ласковое обхожденіе весьма надобно, но при всемъ томъ и всегдашняя предусмотрительность не меньше потребна, дабы они и почтеніе и страхъ видѣли и чрезъ то-бъ отъ всякихъ своевольствій удерживались" [a].

Послѣ Зимѣева, какъ мы знаемъ, коммендантомъ Ставропольской крѣпости назначенъ былъ полковникъ Люткинъ; но Неплюевъ вскорѣ вызвалъ его въ Оренбургъ и поручилъ ему произвести слѣдствіе надъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, а въ Ставрополь командировалъ секундъ-маіора Өилитова [b], котораго въ 1744 г. смѣнилъ подполковникъ ландмилицкаго Билярскаго драгунскаго полка Кашкаровъ, опредѣленный такъ-же на время; 29 сентября 1744 г. Неплюевъ просилъ Сенатъ назначить на мѣсто Ставропольскаго командира (коммендаита) „съ перемѣною чина" находившагося на Уйской линіи полковника Останкова, „человѣка заслуженнаго и къ сему правленію способнаго"; въ своемъ доношеніи Сенату, отъ 8 ноября того же года, онъ такъ мотивируетъ свое ходатайство: „по состоянію тамошняго мѣста за полезнѣе признавается, чтобъ не временнаго, но настоящаго командира и военнаго рангу имѣть, чтобъ калмыки почтеніе имѣли, яко главные ихъ своими чинами и сами къ полковнику примѣняются, отъ котораго всегда большаго усердія и лучшаго порядка ожидать возможно" [c]. Сенатъ поручилъ Неплюеву поступить въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, „яко тамошнему главному командиру, а для награжденія его Останкова чиномъ, о службахъ и старшинствѣ его справясь въ Военной Коллегіи, представить Правительствующему Сенату, о чемъ въ оную Коллегію подтвердить указомъ" [d]. Среди Ставропольскихъ калмыкъ также существовало раздѣленіе на людей *бѣлой* и *черной* кости; но такое подраздѣленіе не могло здѣсь быть прочнымъ, хотя владѣльцы и зайсанги и хлопотали о томъ. Мы не отрицаемъ того, что калмыки бѣлой кости и здѣсь пользовались нѣкоторыми преимуществами, напримѣръ: они болѣе получали земли; но прежней власти надъ чернокостными калмыками они не имѣли; отношенія ихъ къ простымъ калмыкамъ существенно должны были измѣниться. Между тѣмъ калмыцкіе владѣльцы старались стать въ такое же отношеніе къ прочимъ калмыкамъ, въ какомъ находились некрещеные тайджи къ подвластнымъ

---

[a] Тамъ же, л. 54. Это мѣсто въ печатномъ докладѣ опущено. См. въ П. С. З., т. XII, № 9110, п. 4.
[b] См. выше стр. 532 въ наст. монографіи.
[c] См. п. 4 доклада 8 ноября 1744 г.
[d] Тамъ же, резолюція Сената на 4 пунктъ.

имъ улуснымъ калмыкамъ; зайсанги такъ же желали закрѣпить за собою, какъ можно, больше кибитокъ, чтобы потомъ передать ихъ своимъ наслѣдникамъ. Неплюевъ, какъ ученикъ Петра Великаго, противника кастической исключительности, не могъ согласиться съ такимъ порядкомъ дѣлъ въ самомъ принципѣ, считая его вреднымъ для колонизаціи инородческаго востока, такъ-какъ это угрожало спокойствію среди самихъ калмыковъ. Еще 9 января 1744 г. состоялся въ Коллегіи Ин. Дѣлъ указъ, которымъ повелѣвалось: „до дѣйствительнаго владѣнія крещеными калмыками и до взятія съ нихъ, по древнимъ калмыцкимъ обычаямъ, подати никого не допускать съ объявленіемъ, что всѣхъ оныхъ калмыкъ надобно числить, какъ Чугуевскихъ, казаками и опредѣленнымъ въ чины зайсангамъ ими только командовать". Но этотъ указъ не могъ измѣнить установившагося издавна обычая среди калмыкъ: „ибо съ начала ихъ прибытія въ Ставрополь",—доносилъ Неплюевъ,—„чиновные люди и зайсанги, приласкавъ и подобравъ подъ власть свою, сколько кто могъ, кибитокъ, въ своемъ вѣдомствѣ ихъ и содержатъ и отъ нихъ корыстуются и всегда, какъ то извѣстно, одинъ у другаго новоприходящихъ тщится перезывать для умноженія своихъ улусовъ" [a]. Правительство, между прочимъ, не предусмотрѣло этого обстоятельства, почему „тѣмъ (замѣчаетъ Неплюевъ), которые больше силы имѣли, не трудно было улусы свои новоприходящими умножить, хотя то и съ обидою другимъ чинилось" [b]. Неплюевъ, какъ опытный и вполнѣ практическій человѣкъ, полагалъ, что быстрое и коренное преобразованіе общественныхъ отношеній „легко можетъ возбудить въ чиновныхъ ихъ людяхъ неудовольствіе" и „опасно, ежели у владѣльцевъ сію власть отрѣшитъ, чтобы не развратились, а къ тому-жъ и всѣмъ тѣмъ чиновнымъ людямъ безъ такой корысти опредѣленнымъ жалованьемъ содержаться невозможно". Поэтому Неплюевъ, *предпочитая постепенность крутымъ мѣрамъ* въ преобразованіи калмыцкаго строя, представлялъ Сенату, „для избѣжанія всякихъ трудностей, у кого сколько кибитокъ въ вѣдѣніи находится, учинить отъ Ставропольской канцеляріи перепись поимянно и быть уже имъ за тѣми, у кого они нынѣ въ вѣдѣніи состоятъ, а о податяхъ, доколѣ на кого жалобъ и челобитья не будетъ, умолчать" [c], наблюдая при томъ, какъ будутъ относиться къ тому сами калмыки. Въ случаѣ прибытія въ Ставрополь для крещенія новыхъ калмыковъ, Неплюевъ распорядился, чтобы коммендантъ принималъ ихъ ласково „и, переписавъ

---

[a] См. пунктъ 7 его доклада въ Сенатъ, отъ 8 ноября 1744 г.
[b] Тамъ же.
[c] Пунктъ 7.

ихъ кибитки и людство", отсылалъ для крещенія „къ тамошнему протопопу при сообщеніяхъ". Если калмыки приходили подъ предводительствомъ своего владѣльца или зайсанга, то они и, по крещеніи, оставались въ его вѣдомствѣ, „а буде придутъ немногими кибитками, то имать у нихъ сказки, въ которомъ вѣдомствѣ сами они быть похотятъ, и у кого быть пожелаютъ, тому ихъ и приписывать, а насильствомъ къ себѣ присвоять и захватывать, какъ то до сего чинено, никого не допускать, хотя-бъ кто и претензію на нихъ имѣлъ, что они до воспріятія св. крещенія бывали его улусу. Но у кого нынѣ изъ чиновныхъ людей болѣе ста кибитокъ въ вѣдомствѣ состоитъ, тому изъ такихъ вновь приходящихъ людей, хотя-бъ и сами тѣ пришедшіе желаніе свое къ нимъ объявляли, не приписывать, развѣ тѣхъ, которые объявятъ и докажутъ, что у нихъ отцы и матери, дѣти или братья и сестры родные тѣхъ людей въ улусахъ находятся, отъ которыхъ ихъ отлучать не разсуждается, токмо на нихъ, тако-жъ и послѣ отводу пріобщенныхъ, земель не отводить, яко на первыхъ отведено со излишествомъ, а прочихъ приписывать къ тѣмъ зайсангамъ, у кого въ вѣдомствѣ состоитъ менѣе ста кибитокъ, а *выше ста кибитокъ имѣть* впредь, безъ особливаго указа, отнынѣ никого *не допущать*, кромѣ владѣльцевъ и такихъ зайсанговъ, которые съ собой, для воспріятія св. крещенія, болѣе того приведутъ" [a]. При разверстаніи вновь приходящихъ калмыкъ, ставропольскій коммендантъ обязанъ былъ „прилежно наблюдать, чтобъ такія отдачи доставались самымъ достойнымъ зайсангамъ изъ дѣйствительныя службы, а не напрасно, дабы сіе не иначе, какъ за милость и награжденіе вмѣняемо было, и для того изъ Ставропольской канцеляріи, репортуя сюда о приходѣ такихъ калмыкъ, всегда представлять свое мнѣніе, кому и за какое достоинство и услуги приписать ихъ разсудится, и на то ожидать изъ губернской канцеляріи опредѣленія" [b]. Право наслѣдственнаго владѣнія простыми калмыками, по представленію Неплюева, было уничтожено: „хотя владѣльческія и зайсангскія достоинства, подобно дворянству, между калмыками въ наслѣдство, т. е. отъ отцовъ къ дѣтямъ происходятъ, и прежнее калмыцкое обыкновеніе имѣлось, что ихъ зайсанги улусныхъ своихъ людей въ наслѣдство дѣтямъ своимъ присвояли; *но сіе* (говоритъ Неплюевъ) *надъ крещеными калмыками владѣніе*, кромѣ достоинства, *допустить нынѣ весьма невозможно*, ибо оныхъ повелѣно числить казаками, и для того въ такомъ

---

[a]) Пунктъ 10.
[b]) Тамъ же.

случаѣ, когда который зайсангъ умретъ, изъ улусныхъ калмыкъ лучшихъ людей градскому командиру спрашивать, хотятъ-ли они въ вѣдомствѣ того наслѣдника быть, который послѣ умершаго зайсанга остался, и буде объявятъ желаніе, то имъ того не возбранять, а буде похотятъ у кого-либо у другаго въ вѣдѣніи быть, то ихъ къ тому и приписывать" a). Но при этомъ коммендатъ долженъ былъ стараться и о томъ, чтобы „лучшія и заслуженныхъ людей фамиліи въ презрѣніе и уничтоженіе не приходили, а особливо наблюдать сего о главныхъ зайсангскихъ дѣтяхъ, хотя-бъ они и никакихъ улусовъ при себѣ не имѣли, то *однимъ владѣльческимъ дѣтямъ предъ прочими давать предпочтеніе*, а зайсангскихъ именовать, какъ придутъ въ возрастъ 15 лѣтъ, зайсангами; но ежели при нихъ послѣ отцовъ улусовъ не останется, то оные должны они получить, и какъ въ чины, такъ и въ оклады происходить чрезъ свое доброе поведеніе и достоинство" b).

Неплюевъ приказалъ переписать всѣхъ наличныхъ зайсанговъ и списокъ ихъ „градскому командиру, обще съ владѣльцами и съ чиновными зайсанги, разсмотрѣть и кои (окажутся) природные и опредѣленные зайсанги, тѣмъ въ тѣхъ достоинствахъ и быть, а кои явятся самозванцы, тѣхъ исключить и впредь безъ указу въ тѣ чины Ставропольскому командиру изъ рядовыхъ людей не записывать и зайсангами не именовать, тако-жъ и между пребывающими вновь разсматривать, чтобъ такихъ самозванцевъ не было, а могутъ оные по заслугамъ и по достоинству получать чины, яко то въ хорунжіе, въ ротмистры и въ прочіе обыкновенные, и того весьма наблюдать, дабы и зайсанги *не по наслѣдству въ тѣ чины вступали, а по заслугамъ*, какъ то и во всей Россійской Имперіи съ находящимися въ службѣ Ея И. Величества поступается" c). Что касается земельныхъ надѣловъ зайсанговъ, то они должны были „неотъемлемо" переходить отъ отцовъ къ ихъ дѣтямъ, при чемъ „имъ между собою мѣняться, другъ другу уступать и продавать не воспрещать, только все то чинить имъ свѣдома градскаго командира" d). Такимъ образомъ отношенія между зайсангами и простыми калмыками существенно должны были измѣниться: вмѣсто прежняго аристократическаго устройства калмыковъ, образовалось военное, подобное казацкому. Всѣ Ставропольскіе калмыки были раздѣлены на восемь ротъ, подъ начальствомъ зайсанговъ, которые пред-

---

a) Пунктъ 13.
b) Тамъ же.
c) Пунктъ 13.
d) Тамъ же.

ставляли собою родъ казачьяго старшины; 300 человѣкъ Ставропольскихъ калмыкъ ежегодно должны были являться на службу въ Оренбургъ, подъ командою лучшихъ зайсанговъ. Во все время походной службы каждый рядовой калмыкъ, кромѣ мѣсячнаго провіанта, получалъ по 50 коп. въ мѣсяцъ, а зайсанги, смотря по ихъ состоянію[a]. Обязанности и права владѣльцевъ и зайсанговъ, относительно подвѣдомственныхъ имъ улусныхъ калмыковъ, были военно-полицейскаго характера. Они должны были наблюдать, чтобы „калмыки ихъ вѣдомства въ добромъ порядкѣ пребывали, и никакого воровства и противныхъ поступковъ не чинили, также-бъ и безъ ихъ вѣдома изъ улусовъ никуда не отлучались“, за предѣлы же Ставропольскаго вѣдомства ни владѣльцы, ни зайсанги не могли давать отпуска, а обязывались „представлять о томъ градскому командиру или опредѣленнымъ коммиссарамъ, которые должны, состояніе людей и нуждъ разсматривая, отпуски чинить, давая имъ надлежащіе паспорты“[b]. Каждый владѣлецъ или зайсангъ обязанъ былъ знать, сколько имѣлось въ его вѣдомствѣ людей, способныхъ къ военной службѣ, и „приводить ихъ въ такое состояніе, чтобъ они, когда и куда ни востребуется, въ скоромъ времени собраться и во всякой исправности, т. е. *годные*[c] люди, на добрыхъ лошадяхъ и съ надлежащимъ по ихъ обыкновенію ружьемъ отправлены быть могли, наипаче же стараться имъ о заведеніи огненнаго ружья, по крайней мѣрѣ, *хотя на десять кибитокъ по одной туркѣ*, а что больше, то лучше“[d]. Но главнымъ источникомъ къ существованію Ставропольскихъ калмыкъ, безъ сомнѣнія, должны были сдѣлаться разные промыслы, а не служба. Калмыки, прибывшіе въ Ставрополь до 1741 года, были всѣ надѣлены землей въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ указѣ отъ 26 февраля 1739 года; но съ того времени по 1744 г. число переселенцевъ въ Ставропольскій уѣздъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а нужно было ожидать, что оно будетъ расти и впредь. Между тѣмъ калмыкамъ, прикочевавшимъ сюда послѣ 1741 г., еще не было отведено земель; выполненіе этого дѣла выпало на долю Неплюева.

---

[a]) П. И. Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 84. Изд. 1887 г. По штату, составленному Неплюевымъ, при восьми ротахъ калмыкъ полагалось 8 ротмистровъ, 8 хорунжихъ и 8 есауловъ, которые, впрочемъ, получали неодинаковые оклады жалованья: двое изъ ротмистровъ получали по 30 р. въ годъ, трое—по 25 р. и трое по 20; изъ 8 хорунжихъ: двое по 20 р., трое—по 15 р. и трое—по 10 р.; двое есауловъ—по 10 р., трое—по 8 р. и трое—по 7 р., всѣ же: ротмистры, хорунжіе и есаулы—365 р. См. тамъ же.

[b]) Пунктъ 8 доклада, отъ 8 ноября 1744.

[c]) Въ печатномъ докладѣ: «*оные*».

[d]) Пунктъ 8.

Въ своемъ доношеніи Сенату, отъ 8 ноября 1744 г., Неплюевъ высказался противъ тѣхъ основаній, которыя были приняты раньше при разверсткѣ земель между калмыками: „настоящее тѣхъ калмыкъ состояніе",—говоритъ онъ,—„довольно изъявляетъ, что такое ихъ раздѣленіе земель, какъ вышеизображеннымъ Е. И. Величества указомъ опредѣлено, не весьма нужно: ибо ежели при приходѣ ихъ на каждаго калмыка землю въ свойство отводить, то по умноженіи ихъ потребно будетъ земель такое великое пространство, что безъ утѣсненія старинныхъ жительствъ обойтиться будетъ невозможно, а тѣ земли, по большей части, безплодно у нихъ пролежатъ, ибо хотя-бъ они къ пашнѣ и совершенную охоту возымѣли, однако весьма нечаятельно, чтобъ одинъ калмыкъ на двадцать четвертей пашню свою распространилъ, что рѣдко и у старинныхъ россійскихъ крестьянъ бываетъ, а къ тому-жъ отъ присвоенія такихъ дачъ могутъ между ими, а паче современемъ, ссоры и затрудненія происходить, особливо же отъ сего, что оныя дачи отведены были не только на возрастныхъ, но и на тѣхъ, кои *свыше токмо семи лѣтъ*, что по настоящему усмотрѣнію за сходно признать весьма невозможно". Поэтому Неплюевъ, вмѣсто прежняго порядка при раздачѣ калмыкамъ земель, предложилъ, не измѣняя существовавшаго размежеванія надѣловъ, „отводить тѣ дачи, по силѣ вышеизображеннаго указа, токмо владѣльцамъ и настоящимъ зайсангамъ, которымъ (дачамъ) быть за ними и за дѣтьми ихъ неотъемлемо, развѣ кто умретъ безъ наслѣдника, то ихъ въ казну описывать и по разсмотрѣнію другимъ зайсангамъ отдавать, токмо русскимъ людямъ продавать не допускать; но смотрѣть сего, чтобъ оныя всегда за калмыками, а не за другими людьми состояли, а не улусныхъ людей отводить градскому командиру округами, смотря, чтобъ могли располагаться безъ утѣсненія, и всякихъ угодій какъ для пашни, такъ и для скота было-бъ безъ оскудѣнія, и такимъ округамъ, гдѣ который улусъ расположится, отъ Ставропольской канцеляріи, для разбирательства всякихъ споровъ, чинить описи и чертежи и имѣть въ той канцеляріи" [a]. Профессоръ Н. А. Ѳирсовъ, между прочимъ, замѣчаетъ по этому поводу, что „Неплюевъ, выдѣляя владѣльцевъ и зайсанговъ изъ общиннаго владѣнія землею, желалъ съ одной стороны выказать чрезъ то предпочтеніе ихъ благородству, а съ другой—руководился тѣмъ соображеніемъ, что они, какъ люди болѣе достаточные и болѣе цивилизованные, скорѣе и успѣшнѣе будутъ обработывать выдѣленные имъ участки, чѣмъ простые калмыки, которые были большею частію люди убо-

---

[a]) Пунктъ 11.

гіе и совершенно непривычные къ условіямъ земледѣльческаго быта, и которые потому могли совладать съ пахотными землями подъ условіемъ обработки ихъ соединенными силами и руководства ихъ въ этомъ дѣлѣ со стороны русской власти,—условіемъ скорѣе и удобнѣе исполнимымъ при общинномъ владѣніи, чѣмъ если бы земля была раздроблена на множество отдѣльныхъ владѣній"[a]. Но Сенатъ въ данномъ случаѣ не согласился съ предложеніемъ Неплюева, предписавъ ему: „пришедшимъ послѣ 1741 года и впредь приходящимъ для крещенія калмыкамъ земли отводить и дачи чинить по указу 1739 года, дабы однимъ предъ другими обиды и въ томъ-бы между ними ссоръ и ненависти не было, однакожъ такія *дачи чинить цѣлымъ семьямъ*, а не на каждаго калмыка, а которые калмыки будутъ малолѣтніе безъ отцовъ и матерей, тѣмъ особыхъ дачъ не чинить, а отдавать ихъ для воспитанія и содержанія родственникамъ, а буде родственниковъ не будетъ, то и свойственникамъ, или къ кому они сами похотятъ"[b]. Впрочемъ, калмыки не могли быть полными хозяевами въ отведенныхъ имъ дачахъ. Согласно представленію Неплюева, утвержденному Сенатомъ, калмыки могли рубить лѣсъ на свои потребы; но не имѣли права продавать его постороннимъ людямъ, дабы чрезъ то „*уберегать лѣса на всегдашнее время*". Болѣе прибыльныя угодья, какъ-то: право строить на рѣкахъ мельницы и другіе заводы, а также рыбныя ловли отошли въ казну; однакожъ „калмыкамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жительство будутъ имѣть, рыбу ловить и всѣмъ, по силѣ данной княгинѣ Тайшиной грамоты, пользоваться не запрещать, токмо озеръ и рыбныхъ ловель въ присвоеніе имъ не давать, кромѣ того, что владѣльцамъ и зайсангамъ, которые внутрь ихъ земель будутъ и не на казенномъ прежнемъ откупу"[c].

Въ 1747 году, какъ увидимъ, рыбныя ловли были отданы калмыкамъ за положенный окладъ безъ перекупки и тогда же они получили право строить за особый оброкъ мельницы съ условіемъ, чтобы калмыки принимали на нѣкоторое время въ пайщики, „для обученія своего, россійскихъ людей"[d]. При размежеваніи калмыцкихъ земель, возникъ вопросъ, что дѣлать съ русскими поселеніями, которыя находились въ назначенномъ для калмыкъ округѣ, т. е. перевести-ли ихъ на другія мѣста или оставить на прежнихъ. Между прочимъ было высказано мнѣніе, чтобы перевести ихъ

---

a) Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства, стр. 366.
b) Резолюція Сената на пунктъ 11.
c) Пунктъ 27.
d) П. С. З., т. XII, № 9444, стр. 761.

на другія мѣста; мнѣніе это опиралось на томъ, что многіе изъ поселенцевъ заняли земли *самовольно*, не испросивъ на то позволенія правительства; опасались и за то, что для всѣхъ земли будетъ недостаточно. Неплюевъ былъ противъ этого мнѣнія, въ виду важности того вліянія, которое должны были оказать русскіе поселенцы на калмыкъ въ распространеніи между ними христіанскаго ученія и въ пріученіи ихъ къ хлѣбопашеству: „въ вышеозначенномъ округѣ“,—писалъ онъ въ Сенатъ,—„имѣющіяся дворцовыя, ясачныя и помѣщиковы села и деревни на другія мѣста переносить признавается къ немалому народному отягощенію, да и пользы въ томъ не предвидится: ибо сходнѣе, когда калмыки будутъ между такими людьми пребывать, которые домами живутъ и пашни производятъ, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать“ [a]. Не желая стѣснять калмыковъ, Неплюевъ предложилъ присоединить къ Ставропольскому уѣзду земли между рѣками Сокомъ и Черемшаномъ, чтобы на этихъ земляхъ поселить калмыковъ послѣдняго прихода и тѣхъ, которые будутъ переселяться въ Ставропольскій уѣздъ послѣ. Земли эти принадлежали раньше ландмилиціи, съ переселеніемъ же послѣдней на Оренбургскую линію, здѣсь предположено было селить отставныхъ солдатъ [b], но самое поселеніе еще не было начато. Сенатъ, вполнѣ соглашаясь съ Неплюевымъ, предписалъ: „тѣмъ дворцовымъ, ясачнымъ и помѣщиковымъ селамъ и деревнямъ земли и всякихъ угодій отвесть и отмежевать столько, сколько кому по дачамъ и по крѣпостямъ надлежитъ, дабы они излишней землею не владѣли, и впредь въ тѣхъ мѣстахъ деревень селить никого не допускать“ [c]. Кромѣ дворцовыхъ и помѣщичьихъ поселеній, въ Ставропольскомъ уѣздѣ находились и монастырскія вотчины, такъ: селенія Хрящевка и Кондаковка и деревни Бирля и Сусканъ, состоявшія тогда въ Новодѣвиченской волости, принадлежали Московскому Новодѣвичьему монастырю [d]; здѣсь же,

---

[a]) Пунктъ 5 его доклада, отъ 8 ноября 1744 г.

[b]) Сравн. выше стр. 485 въ наст. монографіи.

[c]) См. резолюцію Сената на 5 пунктъ доклада Неплюева, отъ 8 ноября 1744 г.

[d]) Село Хрящевка находится нѣсколько поюжнѣе впаденія въ Волгу р. Черемшана. (См. выше стр. 341 въ наст. монографіи), Кондаковка—на лѣвомъ берегу р. Ташлы, недалеко отъ ея впаденія съ лѣвой стороны въ Черемшанъ, а деревня Бирля—на томъ же берегу р. Ташлы еще ближе къ устью; деревню Сусканъ не нужно смѣшивать съ селомъ „Благовѣщенскій Сусканъ“; послѣднее находится на правомъ берегу р. Сускана, почти въ ея верховьяхъ, а деревня Сусканъ—на лѣвомъ берегу р. Сускана, гдѣ упомянутая рѣчка дѣлаетъ колѣно и перемѣняетъ ССЗ. теченіе на Ю., впадая въ рукавъ Волги Атрубу, отдѣляющійся отъ нея немного пониже Хрящевки и соединяющійся съ Волгой противъ села Подвалья, расположеннаго *подлѣ вала* Ильинскихъ горъ, гребень которыхъ хорошо видно съ Атрубы и Волги.

на луговой сторонѣ Волги, верстъ на пять—на шесть, начиная отъ берега по Ягодный ерикъ, были лѣсныя и луговыя дачи Саввосторожевскаго монастыря, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ царя Алексѣя Михайловича, построившаго въ немъ дворецъ для своего временнаго пребыванія. Въ 1660 г. Государь пожаловалъ монастырю „Надѣинское Усолье съ варницы и съ варнишными заводы, и со крестьяны, и съ бобыли, и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи[a]. Усолье было первоначально заселено братьями Строгановыми[b], которымъ и принадлежало до 1632 г., когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его купцу Надѣю и сыну его Семену Свѣтешниковымъ; сестра Надѣя Свѣтешникова Антонида, послѣдняя владѣтельница Усолья, оставшись вдовою, продала Усолье въ казну за 6500 р.—Въ 1673 г. дана была „Саввину“ монастырю на Усолье царская грамота, тогда же были приписаны къ монастырю „Лопатинскія и Васильчиковскія рыбныя ловли“, находившіяся повыше г. Сызрана[c]. Въ составъ Усольной вотчины входили, между прочимъ, нѣкоторые хутора составившіе потомъ деревни Борковку, и соляныя варницы на луговой сторонѣ Волги въ заводѣ Мокрецъ; Усолью же принадлежалъ за Волгой и Ягодинскій боръ, простиравшійся на 20 в. въ длину и почти на три съ половиной версты въ ширину. При нарѣзкѣ земельныхъ участковъ для калмыковъ, оказалось, что нѣкоторыя изъ монастырскихъ вотчинъ не имѣли надлежащаго права на владѣніе ими землей, а другія даже какъ-бы никому не были извѣстны до этого времени, каковой, напримѣръ, оказалась деревня Борковка, близъ Ставрополя. Межевая коммиссія, закончивъ свои труды, донесла Ставропольской канцеляріи, что она не нашла этой деревни въ числѣ урочищъ, принадлежащихъ Саввосторожевскому монастырю, размежеваніе которыхъ было произведено въ 1675 г. стольникомъ Семеномъ Нестеровымъ и въ 1685 году стольникомъ же Львомъ Вельяминовымъ. Сенатъ, между прочимъ, предписалъ Неплюеву справиться съ Писцовыми книгами и „учинить съ описаніемъ обстоятельный чертежъ земли, на коей находится деревня Борковка“; при рѣшеніи же вопроса о земледѣльческихъ правахъ борковскихъ поселенцевъ, велѣно имѣть въ виду *Соборное Уложеніе* и указы, „не наровя ни на какую сторону“. Опираясь на 18 статью XVII гл. Уложенія и на состоявшіеся раньше указы, Неплюевъ

---

a) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 226.

b) См. И. Гос. Росс. Н. М. Карамзина, примѣч. 704 къ тому IX.

c) Весьма цѣнныя историческія данныя объ Усольѣ находятся въ «*Дѣлѣ о поверстной Ставропольской дачѣ*», хранящемся въ Усольской конторѣ, изъ котораго сдѣланы извлеченія авторомъ статьи: «*Ставрополь и его храмы*». (Сам. Епарх. Вѣд. 1882 г.). См. въ отд. отт. стр. 67—86.

писалъ въ Сенатъ: „деревню Борковку на подлежащія монастырю Савво-сторожевскому земли сносить никакой надобности не является, ибо отъ той деревни для ставропольскихъ градскихъ жителей въ пахатной землѣ и сѣнныхъ лугахъ никакого оскудѣнія не будетъ, такъ-какъ имѣется ихъ довольное число. Потому означенной деревни Борковки крестьянъ оставить при прежнемъ ихъ поселеніи и при нихъ пахотную землю, которую они изъ своихъ изворотовъ употребляютъ, а велѣть только измѣрить землю и, сколько явится оной, оставить на каждый дворъ; а давно-ли они тѣми землями владѣютъ, о томъ у нихъ борковскихъ жителей взять списокъ“ [a]. Указывая на близость Борковки къ Ставрополю, Неплюевъ говоритъ, что отъ борковскихъ поселенцевъ „какъ въ перевозѣ случающихся проѣзжихъ людей, такъ и въ прочемъ здѣшнимъ градскимъ жителямъ немалая и всегдашняя польза бываетъ и впредь быть можетъ; къ тому же она заселилась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ данная Саввосторожевскому монастырю выпись гласитъ да и въ Соборномъ Уложеніи въ седьмой-надесять главѣ, въ восьмой-надесять статьѣ напечатано: у которыхъ де людей въ старинныхъ и въ родовыхъ вотчинахъ объявятся примѣрныя земли по письму новыхъ писцовъ, которыя земли пропашутъ они, впредь изъ своихъ угодій и изъ поверстныхъ лѣсовъ и изъ луговъ, или на своихъ угодьяхъ деревни и починки поставятъ вновь въ своихъ граняхъ и межахъ, и у нихъ *тѣхъ земель, и деревень, и починковъ не отнимать,* и велѣть имъ владѣть тѣми деревнями, и землями, и починками въ вотчинѣ“. Ссылаясь далѣе на указы, Неплюевъ говоритъ: „въ указахъ публиковано: кто всякихъ чиновъ люди въ заказныхъ шестнадцати и другихъ городахъ, не имѣя себѣ писцовыхъ дачъ или особливыхъ жалованныхъ грамотъ, государевыми дикими полями, порожними землями, засѣками и прочими угодьями завладѣли, и хотя помѣщики на тѣхъ земляхъ поселили села и деревни, а государственные крестьяне или иновѣрцы и прочіе всякаго чина люди поселились селами и деревнями, у тѣхъ всѣхъ дикія поля и порожнія земли, и засѣки, и всякія угодья губернаторамъ и воеводамъ переписать и положить въ четверти, и *сбирать* съ нихъ владѣльцевъ до будущаго о томъ распоряженія, вмѣсто найма, *по гривнѣ съ четверти*“ [b].

Согласно прежнимъ указамъ, Неплюевъ предложилъ Сенату „взимать съ борковскихъ жителей поземельныя деньги по гривнѣ съ четверти съ того

---

[a]) Въ статьѣ: «*Ставрополь и его храмы*». (Самарск. Епарх. Вѣд. 1882 г.) напечатана копія съ этого указа, сохранившаяся въ Ставропольской Городской Думѣ; копія скрѣплена по листамъ такъ: „Борисъ Останковъ въ должности секретаря, канцеляристъ Иванъ Саблуковъ, за болѣзнію расправнаго судьи засѣдатель приложилъ печать“. Въ отд. отт. стр. 42—51.

[b]) Ставрополь и его храмы, стр. 47 въ отд. оттискѣ.

числа, сколько четвертей пахатной земли имъ отмежуется, какъ и съ вышеозначенныхъ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря четырехъ поселеній"[a]. Сенатъ, опираясь на 18 ст. XVII гл.[b] Соборнаго Уложенія и указъ Петра Великаго 6 іюня 1712 г., опредѣлилъ: „поземельныхъ денегъ, прежде отвода земли, Ставропольской канцеляріи разсуждается брать съ крестьянъ Борковки не надлежитъ", тѣмъ болѣе, что „въ выписи Саввосторожевскаго монастыря 7187 и 7193 г. на луговой сторонѣ пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ не показано, кромѣ того, что у вышеозначеннаго монастыря въ Куньей Воложкѣ за заводами да въ заводѣ же Мокрецъ и въ Купринѣ озерѣ да въ двухъ Подвальяхъ[c] рыбной ловли и для соляного варенія и варницъ дровянаго и всякаго лѣсу въ дачѣ". „По отводѣ же пахатной земли съ угодьями крестьянамъ Борковки",—сказано въ указѣ,—„гдѣ сколько пахотной земли четвертей и сѣнныхъ покосовъ останется, объ оной велѣть же въ межевой книгѣ, тако-жъ и на чертежахъ назначить, именно которая потребна быть можетъ впредь на прибывающихъ въ Ставрополь людей, тако-жъ и гдѣ для города на скотской выпускъ мѣста оставлены будутъ, о томъ въ межевой книгѣ и чертежѣ показывать же и по учиненіи онаго объявленныя межевыя книги и отводу земли деревнѣ Борковкѣ одинъ планъ велѣть оному поручику (Саватѣеву) при рапортѣ подать въ Ставропольскую канцелярію, а таковой же планъ той деревни Борковки обывателямъ отдать, о чемъ къ оному поручику Саватѣеву писать указъ"[d].

При этомъ указѣ, между прочимъ, было приложено росписаніе причтамъ денежнаго жалованья, которое, согласно штату, должны были они получать, а именно: протоіерею Ставропольскаго собора 124 р. 60 коп., священнику 79 р. 84 коп., діакону 30 р. 74 коп., двоимъ псаломщикамъ по 18 р. 28 коп., просвирнѣ 2 р. 52 коп., на церковные расходы 21 р. 42 коп.; причту села Ягоднаго, Калмыцкой Сахчи и др. калмыц-

---

[a]) Здѣсь разумѣются: Хрящевка, Кондаковка, Сусканъ и Бирля. См. выше, стр 561, замѣч. (*d*).

[b]) Авторъ статьи: «*Ставрополь и его храмы*» (стр. 50 въ отд. оттискѣ), приводя это мѣсто, говоритъ: «*согласно Соборнаго Уложенія 70 гл. 80 ст.*» и проч.; отмѣчая эту ошибку, мы считаемъ ее за корректурный недосмотръ: въ *Соборномъ Уложеніи* всего только XXV гл., изъ коихъ лишь двѣ главы: X и XXI имѣютъ болѣе 80 статей, остальныя же—отъ 2 до 71.

[c]) Если здѣсь разумѣются не пустыя урочища на Волгѣ, а заселенныя; то въ настоящее время намъ извѣстно только одно село Подвалье, находящееся въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, о которомъ мы упомянули выше (см. стр. 561, замѣч. *d*), расположенное при Атрубѣ, Волгѣ и Воложкѣ, изобилующихъ рыбою; другаго же селенія съ этимъ названіемъ мы не знаемъ на всемъ протяженіи Волги. Не разумѣется-ли здѣсь подъ другимъ „Подвальемъ" село Мордово, находящееся выше перваго на 14 верстъ и такъ же, какъ Подвалье, расположенное *подлѣ вала* горъ, напоминающихъ по своему виду Ильинскія мѣловыя горы, которыя защищаютъ Подвалье отъ сѣверныхъ вѣтровъ?!

[d]) Ставрополь и его храмы, стр. 51.

кихъ приходовъ по этому росписанію полагалось: священнику 8 р. 50 к., двумъ псаломщикамъ по 4 р. 25 коп., просвирнѣ 1 р. 69 коп., на церковные расходы 3 р. 42 коп. Это жалованье, начиная съ Троицкаго Ставропольскаго прихода, сохранилось доселѣ во всѣхъ бывшихъ калмыцкихъ слободахъ [a]. Кромѣ денежнаго жалованья, духовные служители, какъ и другія должностныя лица, были надѣлены землей и сѣнными покосами. Неплюевъ составилъ подробную „*Роспись*, коликое число пахотной земли четвертей и сѣнныхъ покосовъ десятинъ Ставропольскимъ градскимъ жителямъ отмежевать надлежитъ“ [b]. По этой «*Росписи*» полагалось Ставропольскому духовенству 230 четв. пахотной земли и 115 десятинъ луговъ.

Выше мы сказали, что сближеніе крещенныхъ Ставропольскихъ калмыкъ съ русскими было признано, еще до Неплюева, одной изъ главнѣйшихъ задачъ служебной дѣятельности ставропольскаго коммендаита, чтобы пріучить бывшихъ кочевниковъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, тѣмъ болѣе, что калмыки заключали въ себѣ къ тому нѣкоторые задатки: „нравы калмыковъ“,— говоритъ Палласъ,—„мнѣ показались лучше, нежели ихъ описывали до сихъ поръ путешественники. Они хорошіе товарищи, откровенны, услужливы и веселы, чѣмъ отличаются отъ флегматическихъ киргизовъ. Вообще всѣ степные народы праздны, неопрятны и коварны; но *калмыки* по ихъ бодрому духу *могутъ назваться трудолюбивыми*. Они не опрятны, но это скорѣе происходитъ отъ воспитанія, чѣмъ отъ лѣни, ибо *калмычки отличаются усердіемъ* и ихъ охотно нанимаютъ въ работницы киргизы. Вообще калмыки имѣютъ бодрый духъ и хорошій разумъ и *легко могутъ сдѣлаться земледѣльцами*“ [c]. Неплюевъ, чтобы привести калмыкъ „къ состоятельному и фундаментальному пребыванію“, считалъ „за наилучшее средство, ежели они пріобыкнутъ къ домостроительству и къ *произведенію пашенъ*, чрезъ что въ содержаніи ихъ въ добромъ порядкѣ, а особливо ко утвержденію ихъ въ Православной христіанской вѣрѣ немалая надежда полагается“ [d]. Выходя изъ такого убѣжденія, Неплюевъ говоритъ: „градской командиръ къ произведенію пашни и къ домовому житью, сколько возможность допуститъ, долженствуетъ ихъ пріохочивать и побуждать, и кто сколько изъ нихъ распашетъ себѣ земли, того у нихъ и у дѣтей ихъ, кои къ тому будутъ прилежать, не только не отбирать, но ежели-бъ и больше хотѣли распахи-

---

[a] Тамъ же.
[b] См. эту „Роспись“ въ приложеніи № 32.
[c] В. Маракуевъ. П. С. Палласъ, стр. 82.
[d] Этого мѣста нѣтъ въ печатномъ докладѣ Неплюева; заимствуемъ его изъ рукописной *точной* копіи.

вать, того не возбранять" [a]. Градской командиръ долженъ былъ наблюдать, чтобы „распашная земля впустѣ у нихъ не лежала"; для устраненія этого, онъ обязывался „подтверждать улуснимъ зайсангамъ, чтобъ изъ нихъ каждый въ своемъ вѣдомствѣ о томъ простирался и всѣхъ подчиненныхъ ему калмыкъ на то приводить старался" [b]. Въ случаѣ недостатка въ „пахотныхъ инструментахъ", положено было снабжать неимущихъ земледѣльческими орудіями на счетъ казны, при чемъ владѣльцы и зайсанги обязывались смотрѣть за тѣмъ, „чтобы инструменты содержаны были у калмыкъ въ береженіи и сами-бъ они, какъ ихъ впредь дѣлать, обучались" [c]. Калмыки, обнаружившіе особенную склонность и охоту къ хлѣбопашеству, получали на первый посѣвъ сѣмена изъ казны; но „съ такимъ смотрѣніемъ, чтобъ конечно тотъ данный изъ казны хлѣбъ посѣянъ былъ въ землю, а ежели кто не посѣетъ, а употребитъ на другое, тѣхъ за то наказывать, а зайсангамъ за несмотрѣніе чинить выговоръ" [d]. Ставропольскій коммендантъ долженъ былъ, съ этою цѣлію, „всегда благовременно и безъ передачи въ цѣнѣ пріуготовлять такого сѣменнаго хлѣба" [e], на что была ассигнована особая сумма.

Сенатъ, соглашаясь вполнѣ съ Неплюевымъ по данному вопросу, замѣтилъ только, чтобы зайсанги выдавали сѣмена своимъ калмыкамъ „по равной препорціи сами", а тѣхъ, которые полученныя сѣмена не посѣютъ, а „въ другое употребленіе издержать, *не наказывать*, а чинить имъ выговоръ" чрезъ зайсанговъ [f]. Чтобы дать возможность новоприходящимъ калмыкамъ ознакомиться съ пріемами хлѣбопашества, Неплюевъ завелъ *общественную запашку* земли: „понеже они (писалъ онъ въ Сенатъ) земледѣльчеству весьма мало или еще и ничего не умѣютъ и безъ показанія производить оное не могутъ, ктому по нынѣшнему ихъ состоянію разсуждается, что всѣхъ и вдругъ на то пріохотить ихъ не возможно, а еже-ль принуждать; то могутъ изъ того происходить затрудненія, того ради первѣе стараться [g] градскому командиру, чтобъ при *новыхъ* слободахъ, гдѣ переведенцы поселены, заведенную калмыцкую пашню размножать и въ тѣ слободы, когда пахатная пора бываетъ, со всѣхъ улусовъ по нѣскольку человѣкъ, по общему согласію и по росписанію отъ Калмыцкаго суда, съ лошадьми посылать, гдѣ имъ пахать землю, сѣять, снимать и убирать пред-

---

[a] Пунктъ 16 доклада Неплюева, отъ 8 ноября 1744 г.
[b] Тамъ же.
[c] Тамъ же.
[d] Тамъ же.
[e] Тамъ же.
[f] См. резолюцію Сената на 16 пунктъ доклада Неплюева, отъ 8 ноября 1744 г.
[g] Въ печатномъ докладѣ это мѣсто опущено.

писанный хлѣбъ, по показанію тѣхъ слободъ жителей и приставниковъ" [a]) За производствомъ работъ на общественной запашкѣ должны были надзирать особые коммиссары, назначаемые изъ Казанской губерніи, въ помощь къ которымъ командировались „по два или по три человѣка изъ гарнизона надежныхъ людей" [b]). Отъ работы на общественной запашкѣ освобождались только тѣ изъ калмыковъ, которые желали сами или чрезъ наемныхъ работниковъ пахать и засѣвать землю въ своихъ улусахъ. Весь урожай на общественной пашнѣ дѣлился на двѣ части: одна шла въ запасъ на сѣмена для будущаго посѣва, а другая, по опредѣленію Калмыцкаго суда, дѣлилась между калмыками тѣхъ улусовъ, изъ коихъ были работники при общественной распашкѣ, и выдавалась въ каждомъ улусѣ преимущественно бѣднымъ и неимущимъ.

Для пріученія крещеныхъ калмыковъ къ торговлѣ и промышленности, вслѣдствіе представленія Змѣева, дозволено было, какъ мы уже знаемъ, селиться въ Ставрополѣ „охочимъ купцамъ", а если охотниковъ не найдется; то положено было „перевести изъ городовъ Казанской губерніи средней статьи купцовъ до 50 семей, а выбирать ихъ купечествомъ самимъ и воеводамъ въ то не вступаться, чтобы не было какого разоренія" [c]). Тогда же было предписано Змѣеву: „построить въ Ставрополѣ лавокъ до 20, а позади ихъ жилые малые покои и дать россійскимъ купцамъ охочимъ людямъ дозволеніе тамъ жить и торговать, чтобы крещеные калмыки въ продажѣ своихъ и въ покупкѣ потребныхъ имъ вещей нужды не имѣли" [d]). Лавки были построены скоро, однакожъ „охочихъ купцовъ" въ Ставрополь до 1744 г. не являлось: „но по тому дѣйствомъ ничего не воспослѣдовало",—доносилъ Неплюевъ Сенату [e]),—„и нынѣ купцовъ при Ставрополѣ никого нѣтъ, ибо охотниковъ никого не изыскалось, а чтобъ ихъ завести и умножить, то за немалую потребность признавается, ибо чрезъ нихъ крещеные калмыки къ торгамъ, промысламъ, слѣдовательно, и къ основательному селенію всегда и наилучше пріохочиваны быть могутъ" [f]). Неплюевъ однакожъ не считалъ нужнымъ прибѣгать, для достиженія этой цѣли, къ принудительнымъ мѣрамъ, а только вмѣнилъ Ставропольскому комменданту въ обязанность: „о семъ прилежное попеченіе имѣть, чтобъ не только къ произведенію при Ставрополѣ торговъ купечество, сколько возможно,

---

[a]) Пунктъ 17 доклада.
[b]) Тамъ же.
[c]) См. выше стр. 514 въ наст. монографіи.
[d]) Указъ 26 февраля 1739 г.
[e]) *8 ноября* 1744 г., *а не 7 ноября*, какъ напечатано, вѣроятно, по недосмотру въ соч. П. А. Ѳирсова: „Инородч. населеніе прежняго Казанскаго царства", стр. 371.
[f]) Пунктъ 23 того же доклада.

пріохотить, но также-бъ и къ поселенію туда охотниковъ *изыскать* и *приласкать*; и которые, явясь, будутъ о томъ просить, то-бъ объ оныхъ, съ прописаніемъ вышеозначенной данной княгинѣ Тайшиной грамоты, въ тѣ мѣста, отколь они себя покажутъ, писать и требовать извѣстія: не обязаны-ль они какими казенными доимками, партикулярными долгами или другими какими дѣлами,—и ежель явятся свободные, то ихъ, на основаніи онаго Е. И. Величества указа, принимая, въ Ставропольской крѣпости селить, гдѣ и подъ селеніе ихъ отводить имъ мѣста безденежно. И ежели кто до окончанія нынѣшней переписи по такимъ справкамъ записанъ будетъ, то и въ подушный окладъ при Ставрополѣ написать; а ежели послѣ переписи, то подушныя деньги до будущей переписи, имая съ нихъ, отсылать въ тѣ мѣста, гдѣ они въ подушную перепись будутъ записаны; то-жъ разумѣется и о мастеровыхъ людяхъ, которые на такое-жъ при Ставрополѣ поселеніе поохотятся и будутъ просить, но при томъ накрѣпко подтвердить, чтобъ никто, безъ надлежащей справки по предписанному, и изъ бѣглыхъ людей принимапъ не былъ подъ опасеніемъ штрафа". Сенатъ, согласно предложенію Неплюева, распространилъ на ставропольскихъ купцовъ и мастеровыхъ тѣ привилегіи, какія даны были оренбургскимъ купцамъ. Заботясь о развитіи торговаго и промышленнаго элемента среди крещеныхъ калмыковъ, Неплюевъ поручилъ сформировать торговый классъ купцу Моѵсею Богданову, не смотря на плохой отзывъ о немъ полковника Шарапа, который въ своемъ доношеніи въ Коллегію Ин. Дѣлъ, какъ мы видѣли, замѣчаетъ: «*купчина Моѵсей Богдановъ никакихъ торговъ не производитъ*»[a]. Неплюевъ, напротивъ, нашелъ въ лицѣ Богданова человѣка, который „о торгахъ и купечествѣ довольно свѣдомый; того ради (говоритъ Неплюевъ) къ тому его, Богданова, и употребить, давъ ему чинъ коммиссарскій, и пошлинныхъ сборщиковъ ему, Богданову, подчинить". Богданову дана была особая инструкція, „какимъ образомъ ему, будучи въ той должности, поступать и чего наблюдать"[b].

На основаніи указа 26 февраля 1739 г., калмыки могли безпошлинно продавать въ Ставрополѣ своихъ лошадей и рогатый скотъ; въ ихъ же распоряженіе, по ходатайству Неплюева, была отдана и продажа въ Ставрополѣ вина. Нужно замѣтить, что продажа вина въ Ставрополѣ, по указу 26 февраля 1739, была отдана одной княгинѣ Тайшиной, а послѣ ея смерти доходомъ отъ питейной продажи пользовался исключительно ея наслѣдникъ, важнѣйшій изъ калмыцкихъ владѣльцевъ. Неплюевъ, считая

---

[a]) См. выше стр. 535 въ наст. монографіи.
[b]) Пунктъ 23 доклада Неплюева въ Сенатъ, отъ 8 ноября 1744 г.

это несправедливымъ, писалъ въ Сенатъ: „питейная продажа той княгинѣ, слѣдовательно, и ея наслѣдникамъ не присвоена, токмо казеннымъ кабакамъ быть тамъ не повелѣно, что разумѣется о свободной и вольной всѣхъ калмыковъ торговлѣ, а не такъ, что одной той княгинѣ тѣмъ довольствоваться и въ такой власти имѣть, чтобъ она въ состояніи была, кому хочетъ, уступить. Хотя то отъ бывшаго тамо комменданта нѣкоторымъ образомъ было и опущено; но то, яко ненадлежащее дѣло, всячески изъ обычая вывести надлежитъ: ибо ежели оставить оное помянутому полковнику въ свойство; то между другими владѣльцами будетъ изъ того не безъ зависти и не безъ ссоръ, а ктому-жъ и *несправедливо одному тѣмъ довольствоваться*, что въ разсужденіи всѣхъ крещеныхъ калмыкъ пожаловано“ [a]. Поэтому Неплюевъ настоялъ, чтобы винная торговля въ Ставрополѣ была отдана въ общую пользу калмыковъ, и прибыль отъ нея расходовалась на пропитаніе бѣдныхъ и неимущихъ калмыкъ, „на снабдѣніе ихъ къ воинской исправѣ“, на канцелярскіе и другіе расходы въ Калмыцкомъ судѣ; „однакъ такую винную продажу“,—говоритъ Неплюевъ,— „кромѣ одной Ставропольской крѣпости, въ калмыцкихъ улусахъ и нигдѣ индѣ не допущать, ибо оное позволеніе, какъ выше явствуетъ, дано на одну ту крѣпость, а не на улусы и на все Ставропольское вѣдомство, дабы изъ того въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ казенные кабаки есть, въ казенныхъ питейныхъ сборахъ тайными провозы ущербу не было“ [b].

Заботясь объ увеличеніи средствъ для содержанія крещеныхъ калмыковъ, Неплюевъ постарался установить и надлежащій контроль надъ расходованіемъ „денежной казны, провіанта, казенныхъ припасовъ и прочаго“, опредѣляя для того „вѣрныхъ и неподозрительныхъ людей“, которые, по истеченіи каждой трети года, должны были репортовать о приходѣ и расходахъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, „а по окончаніи года и подлинныя книги, со обстоятельными и краткими выписками и съ принадлежащими къ тому документами, для свидѣтельства и счету, въ Губернскую канцелярію присылать“ [c]. Что касается заготовленія провіанта и другихъ нужныхъ предметовъ для калмыкъ, то Неплюевъ требовалъ, чтобы завѣдующія тѣмъ лица поступали „со всякимъ надлежащимъ предусмотрѣніемъ, чтобъ все“ было заготовляемо „въ свое время, безъ передачи въ цѣнѣ и на основаніи указовъ“, подъ угрозою штрафа и взысканія за убытки съ виновныхъ.

---

a) Тамъ же.
b) Тамъ же.
c) Тамъ же, пунктъ 28.

Неплюевъ также обратилъ вниманіе на судебную и административную часть новой колоніи. По смерти княгини Анны Тайшиной, управленіе крещеныхъ калмыкъ въ административно-судебномъ отношеніи было поручено ея племяннику Петру Торгоутскому, а послѣ его кончины, административная и судебная власть принадлежала нѣсколькимъ лицамъ изъ зайсанговъ, подъ руководствомъ вышедшаго съ Дона владѣльца Чидана Дербетова, названнаго при крещеніи, какъ мы уже знаемъ, Никитою; но степень вліянія этихъ лицъ въ административно-судебномъ отношеніи не была достаточно опредѣлена; отношенія ставропольскаго коммендаинта къ этому коллегіуму калмыкъ также были неопредѣленны. Раньше ставропольскій коммендантъ имѣлъ скорѣе значеніе временнаго правительственнаго агента, который долженъ былъ заняться только устройствомъ калмыцкихъ поселеній и затѣмъ, кончивъ это дѣло, предоставить князю Тайшину управлять поселеніями по его усмотрѣнію. Такими временными командирами—устроителями въ Ставрополѣ были, какъ мы видѣли, Змѣевъ, Люткинъ, Ѳилитовъ[a] и Кошкаровъ. Неплюевъ нашелъ, что въ Ставрополѣ нуженъ не временный а постоянный командиръ „и высшаго ранга"; по его представленію, какъ мы знаемъ, былъ опредѣленъ на эту должность полковникъ Останковъ, ставшій высшимъ административнымъ лицомъ въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ: ему принадлежала высшая полицейская власть въ Ставрополѣ; онъ былъ главнымъ хозяиномъ округа, начальникомъ мѣстныхъ войскъ и въ томъ числѣ ротъ, скомплектованныхъ изъ самихъ калмыковъ, и предсѣдателемъ Калмыцкаго суда, который былъ учрежденъ по представленію Неплюева: „для наибольшаго имъ калмыкамъ удовольствія",—писалъ Неплюевъ въ Сенатъ,—„слѣдуетъ учредить при Ставрополѣ собственный ихъ *Калмыцкій судъ*, гдѣ имъ засѣданіе всегда изъ лучшихъ людей, а именно, при нынѣшнемъ первомъ учрежденіи, быть во образъ генеральной старшины градскому командиру, по немъ владѣльцу Никитѣ Тайшину, полковнику ихъ Кириллѣ Шарапу, войсковому судьѣ Петру Торгоутскому, и имѣть войсковаго писаря, къ нимъ же придавать съ перемѣною погодно изъ лучшихъ людей зайсанговъ трехъ человѣкъ, одного толмача и потребное число разсыльщиковъ изъ калмыкъ, которымъ собраніемъ всѣ тѣ дѣла и споры разбирать, кои единственно между ихъ улусными людьми случатся, *яко то: междоусобное воровство, въ дракахъ, въ насильномъ другъ у друга завладѣніи земли*

---

[a]) Профессоръ Н. А. Ѳирсовъ въ своемъ изслѣдованіи (Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства, стр. 372) вовсе не упоминаетъ ни о Люткинѣ, ни о Ѳилитовѣ, считая невѣрно непосредственнымъ преемникомъ Змѣева — подполковника Кошкарова.

и улусовъ и т. п.[a], или по челобитью русскихъ на калмыкъ; но ежели кто рѣшеніемъ суда будетъ не доволенъ, такимъ просить въ Оренбургской губернской канцеляріи, и такимъ образомъ лучшихъ ихъ людей всегда при городѣ и въ урядѣ содержать.—И хотя нынѣ попущать все то, кромѣ смертныхъ убивствъ и разбоевъ, по ихъ прежнему обыкновенію производить, но при томъ градскому командиру наиболѣе стараться о семъ, чтобъ между ими время отъ времени россійскіе нравы и порядки во обыкновеніе вводить и наблюдать, чтобъ въ противность оныхъ ничего у нихъ происходить не могло"[b]. Неплюевъ распорядился, чтобы для Калмыцкаго суда былъ отведенъ особливый домъ, гдѣ бы всѣ члены его „по дважды въ недѣлю, или какъ случай востребуетъ, собирались и о добропорядочномъ содержаніи тѣхъ людей разсуждали". Подобно „З а р г о", Калмыцкій судъ состоялъ также изъ осьми человѣкъ, а именно: предсѣдателя, войсковаго полковника, войсковаго судьи, войсковаго писаря, надзирателя или управителя улусовъ, войсковаго есаула, войсковаго квартермистра и войсковаго хорунжаго. Всѣ эти лица получали жалованье въ слѣдующихъ размѣрахъ, положенныхъ по штату: предсѣдатель—150 рубл. въ годъ, полковникъ—140 р., судья—100 р., писарь—40 р., надзиратель улусовъ и есаулъ по 50 р., квартермистръ и хорунжій по 30 р., а если надзиратель улусовъ, войсковой есаулъ, войсковой квартермистръ и хорунжій были изъ владѣльцевъ, то первый получалъ 80 р., а послѣдніе по 60 р. въ годъ[c]. Производство дѣлъ въ Калмыцкомъ судѣ положено было отправлять „по древнимъ калмыцкимъ обычаямъ"; но ставропольскій коммондантъ долженъ былъ, какъ мы уже замѣтили, стараться о постепенномъ введеніи между калмыками русскихъ обычаевъ, правъ и порядковъ. Въ особенности онъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы калмыки не дозволяли себѣ произвола и самоуправства, при разбирательствѣ взаимныхъ несогласій и ссоръ; „понеже у калмыцкихъ владѣльцевъ (говоритъ Неплюевъ), какъ то извѣстно, обычай бывалъ не только рядовыхъ калмыкъ, но и зайсанговъ какъ за ихъ продерзости, такъ и въ такомъ случаѣ, ежель они по какой-либо причинѣ возъимѣютъ на нихъ ненависть и злобу, тайнымъ образомъ предавать смерти, яко то *задавить* или *заръзать,* а иногда обирать ихъ скотъ и пожитки, *къ чему ихъ* нынѣ *допущать весьма не надлежитъ,* чего ради градской командиръ всячески того предостерегать долженъ"[d]. За непослушаніе опредѣлено под-

---

[a] Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ печатномъ докладѣ, помѣщенномъ въ П. С. З.
[b] Тамъ же, пунктъ 6.
[c] П. И. Р ы ч к о в ъ. Топ. Оренб. губ. Изд. 1762 г., ч. I, стр. 119, а по изданію 1887 г. стр. 65.
[d] Пунктъ 20 доклада Неплюева, отъ 8 ноября 1744 г.

вергать виновныхъ тому же наказанію, какому подвергались убійцы по русскимъ законамъ; но при этомъ владѣльцамъ предоставлено было право *наказывать* „*плетьми* и другими тому подобными штрафами" калмыкъ своихъ улусовъ, въ случаѣ ихъ неповиновенія или безчестія, нанесеннаго ими самому владѣльцу и его „фамиліи"; „а ежель кто похочетъ за такую продерзость жесточае и публично наказать",—замѣчаетъ Неплюевъ,—„о томъ производить въ судѣ, и ежели явится подлинная противность, то, учиня опредѣленіе, при собраніи прочихъ, *наказывать кнутомъ* и отдавать, по-прежнему, владѣльцу" [a]. Владѣльцы также не могли подвергать наказанію калмыкъ изъ „другихъ вольныхъ улусовъ, т. е. невладѣльческихъ", подлежавшихъ исключительно вѣдѣнію Калмыцкаго суда; „однакъ за безчестье и обиду, причиненную владѣльцу",—писалъ Неплюевъ въ Сенатъ,—„всегда наказаніе усугубить противъ того, какъ-бы за обиду зайсанга надлежало, которые, яко не суть владѣльцы, но токмо командиры, въ своихъ обидахъ должны суда просить, а *самимъ собой* въ такихъ собственныхъ дѣлахъ *не управляться*. Однакъ по командѣ, или по должности ихъ, за непорядочные поступки и за малое междоусобное воровство подчиненныхъ своихъ наказывать имъ плетьми не запрещать, только по злобѣ и напрасно чинить не дерзали, о чемъ ежели на нихъ просьба произойдетъ, должны они отвѣтствовать предъ своимъ судомъ" [b]. Сенатъ, согласившись съ Неплюевымъ, призналъ однакожъ нужнымъ оставить за зайсангами то же право по отношенію къ ихъ улуснымъ калмыкамъ, какое предоставлено было Неплюевымъ владѣльцамъ.

Ставропольскій коммендантъ долженъ былъ „имѣть особливое попеченіе, чтобъ отъ калмыкъ русскимъ людямъ, какъ въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ нынѣ живущимъ и впредь будущимъ, тако-жъ и смежныхъ уѣздовъ, никакихъ обидъ, грабительствъ и утѣсненія не было, равномѣрно-жъ бы и русскіе и прочіе иновѣрцы, въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ и смежно оному живущіе, ихъ калмыкъ ни чѣмъ не обижали". Виновныхъ въ грабежахъ, убійствѣ и т. п. преступленіяхъ велѣно судить въ Ставропольской канцеляріи „по Уложенію и по указамъ, ненаровя ни на ту, ни на другую сторону; но буде кто подлежать будетъ политической или натуральной смерти, о таковыхъ, подписавъ на основаніи указовъ приговоръ, присылать на разсмотрѣніе и для аппробаціи въ Оренбургскую губернскую канцелярію" [c]. Въ случаѣ какого-либо судебнаго процесса между калмыками и людьми посторонняго вѣдомства, Неплюевъ постановилъ: „оныхъ къ раз-

---

a) Тамъ же.
b) Тамъ же.
c) Пунктъ 22.

бирательству и рѣшенію дѣла требовать отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они судимы, а самой Ставропольской канцеляріи въ такія посторонния вѣдомства прямо отъ себя не посылать. Ежели же для такого разбирательства потребуются куда калмыки; то оныхъ, по нынѣшнему ихъ состоянію, въ другія канцеляріи посылать не сходно, а надлежитъ на нихъ бить челомъ въ Ставропольской канцеляріи, а кто тѣмъ недоволенъ—въ Оренбургскую губернскую канцелярію; но тѣ дѣла, которыя у калмыкъ единственно между собою случатся, разбирать въ вышеозначенномъ Калмыцкомъ судѣ"[a].

Относительно вновь приходящихъ въ Ставрополь калмыковъ, градской командиръ долженъ былъ „прилежно наблюдать и чрезъ всѣхъ подчиненныхъ ему людей разведывать, чтобъ никакіе шпіоны, а особливо отъ некрещенныхъ калмыкъ, для возмущенія или для какихъ противныхъ внушеній, вкрадываться къ нимъ не могли, а ежели оные появятся, то ихъ немедленно ловить и изслѣдовавъ секретно, отъ кого и за чѣмъ подосланы, отсылать ихъ, неудерживая при Ставрополѣ, въ Оренбургскую губернскую канцелярію"[b]. Въ случаѣ „какого-либо между крещеными калмыками замѣшанія и противностей", ставропольскій коммендатъ долженъ былъ немедленно донести о томъ въ Оренбургскую канцелярію „и всѣми образы стараться, дабы при самомъ началѣ и прежде, нежель оное дѣйствительно окажется, такое злое намѣреніе *разорвать и до расширенія не допустить*, а ежели къ тому станутъ силиться,—во всѣ ближнія Оренбургской губерніи команды сообщать, чтобъ имѣли о нихъ наикрѣпчайшую осторожность, и ежели которые изъ Ставропольскаго вѣдомства побѣгутъ одни и съ кибитками, тѣхъ всѣхъ, ловя, въ Ставрополь отсылали; а между тѣмъ искать способовъ какъ-бы подозрительныхъ къ тому, а особливо зачинщиковъ и предводителей приличными образы забрать и въ крѣпости удержать или отсылать ихъ въ Оренбургъ"[c]. На случай ссоръ и междоусобій между владѣльцами или зайсангами, градскому командиру предписано „равномѣрное-жъ стараніе имѣть, чтобъ тѣ ихъ ссоры и междоусобія чрезъ добрые способы разобрать и успокоить"; если же не удастся этого сдѣлать, „доносить въ губернскую канцелярію съ показаніемъ, по какой причинѣ и кто начинщикъ ссоры, и съ приложеніемъ мнѣнія, какимъ образомъ то прекратить надлежитъ"[d].

Что касается тѣхъ изъ вновь приходящихъ калмыкъ, которые заявятъ о своемъ желаніи креститься; то Неплюевъ, опираясь на прежнихъ

---

[a] Пунктъ 15.
[b] Тамъ же.
[c] Тамъ же.
[d] Пунктъ 14.

указахъ, постановилъ: „которые изъ такихъ придутъ снизу безъ письменнаго виду, писать въ Царицынъ, въ Астрахань, или куда будетъ подлежать, и требовать о томъ увѣдомленія, а безъ того не крестить, но содержать ихъ по близости Ставрополя, не мѣшая съ крещеными, и когда получится извѣстіе, что они ни въ чемъ томъ не подозрительны, тогда ихъ къ воспріятію святаго крещенія и допускать, а буде показаны будутъ на нихъ какія злодѣйства и воровства, то ихъ всѣхъ за карауломъ отсылать въ тѣ мѣста, для учиненія съ ними по указамъ“. Впрочемъ, это касалось только тѣхъ калмыковъ, которые, „воровства и убивства учиня, скоро побѣгутъ, а ежель станутъ доказывать старыя, то сіе крещенію ихъ не препятствуетъ; а чтобъ всѣмъ изъ нихъ желающимъ святаго крещенія такія письменныя свидѣтельства даваны были, о томъ въ Астраханскую губернскую канцелярію предложить, а къ Яицкому войску, гдѣ такожде некрещеные калмыки находятся, опредѣлить указомъ“ [a]. Сенатъ безъ всякихъ ограниченій утвердилъ это мнѣніе Неплюева. Относительно бѣглыхъ въ Ставропольскій уѣздъ, Неплюевъ вмѣнилъ „градскому командиру и коммиссарамъ“ въ обязанность „всегдашнее крѣпкое смотрѣніе имѣть, чтобъ въ улусахъ калмыцкихъ никакіе бѣглые калмыки или другихъ націй люди пристанища не имѣли, что и зайсангамъ въ должность подъ штрафомъ предписать; ежели такіе явятся, то, ихъ ловя, слѣдовать, отколь и какъ пришли и, по изслѣдованіи, отсылать ихъ на прежнія жилища, а буде явятся крѣпостные, то по силѣ указовъ отдавать ихъ помѣщикамъ и хозяевамъ, хотя-бъ они были и калмыки, яко изъ нихъ у разныхъ людей крѣпостные имѣются и, по силѣ указовъ, такимъ отъемлемымъ быть не надлежитъ. Также и сего должно наблюдать, чтобъ и сами крещеные калмыки никакихъ побѣговъ, а особливо въ прежнія ихъ мѣста, чинить не могли“ [b]; виновныхъ приказано держать подъ карауломъ и „доносить о нихъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію съ приложеніемъ мнѣнія“ и съ объясненіемъ причинъ, „отчего и съ какого умыслу побѣгъ учинили“ [c].

Внутри Закамской линіи, между р. Черемшаномъ и Сокомъ, какъ мы знаемъ, кромѣ калмыкъ, находились также разныя другія инородческія и русскія селенія, которыя не входили въ составъ Ставропольскаго вѣдомства, а принадлежали къ уѣздамъ: Казанскому, Симбирскому и Самарскому Эта административная зависимость жителей одного района отъ нѣсколькихъ уѣздовъ, конечно, представляла большія неудобства и затрудненія при разбирательствѣ различныхъ тяжебныхъ дѣлъ и ссоръ между калмыками и прочими

---

c) Тамъ же.
a) Пунктъ 19.
b) Тамъ же.

поселенцами: „затѣмъ, что ни одного суда люди",—писалъ Неплюевъ въ Сенатъ,—надлежитъ съ тѣми мѣстами, гдѣ кто судимъ, сношеніе имѣть и къ разбирательству ссоръ надобныхъ людей иногда оттоль требовать, а иногда туда посылать принуждено со многимъ затрудненіемъ и неудобно, чтобъ при такихъ обстоятельствахъ во всемъ доброй порядокъ сохранить и между оными людьми скоро рѣшительный судъ производить". Поэтому Неплюевъ просилъ у Сената „*высококлонной* резолюціи, чтобъ всѣ тѣ жительства, русскія и иновѣрческія, сколько ихъ въ назначенномъ къ Ставропольскому вѣдомству дистриктѣ между р. Соку и Черемшана ни есть, отъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ они до сего времени числились, отрѣшены (были) и числить ихъ Ставропольскаго дистрикта или уѣзда, тако-жъ и судомъ, расправою и всякими сборами вѣдать ихъ въ *одной* Ставропольской канцеляріи" [a]. Сенатъ утвердилъ и это мнѣніе Неплюева безъ всякихъ ограниченій. Что касается медицынской помощи больнымъ калмыкамъ, то Неплюевъ, согласно грамотѣ, данной княгинѣ Тайшиной, опредѣлилъ: „въ Ставропольской крѣпости содержать особливаго лѣкаря, съ потребными медикаментами, и для того оному какъ владѣльцевъ, зайсанговъ, такъ и всѣхъ тутъ пребывающихъ калмыкъ въ ихъ болѣзняхъ, кто пожелаетъ пользованія, *лѣчить безденежно* и безъ всякихъ вычетовъ, а медикаментовъ на то ихъ пользованіе требовать всегда отъ Медицынской канцеляріи на каждой годъ противъ того, какъ въ армейскіе полки отпущается" [b]. Неплюевъ обратилъ вниманіе въ своемъ докладѣ и на то, чтобы ставропольскимъ жителямъ были отведены земли подъ пашню, луга и для пастьбы скота на пять верстъ во всѣ стороны, кругомъ города [c]; согласно его представленію, на всѣхъ городскихъ жителей было отмежевано 1970 четв. пахотной земли и 2583 десятины подъ сѣнные покосы [d].

Для наблюденія надъ улусами „и къ смотрѣнію, чтобъ калмыки къ пашнѣ и домостроительству прилежали", Неплюевъ предполагалъ командировать въ лѣтнее время по нѣскольку человѣкъ изъ находившихся въ Ставрополѣ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ, въ помощь коммиссарамъ; но Сенатъ призналъ за лучшее поручить этотъ надзоръ зайсангамъ, каждому въ своемъ улусѣ, подъ контролемъ комменданта. Въ пунктѣ 29 своего доклада, Неплюевъ также точно опредѣляетъ обязанности казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ, находившихся въ Ставрополѣ, запрещая, подъ угрозою штрафа, употреблять ихъ на частныя работы; „ежели же (гово-

---

a) Пунктъ 24 доклада, отъ 8 ноября 1744 г.
b) Пунктъ 21.
c) Пунктъ 26.
d) См. Роспись въ приложеніи № 32.

ритъ онъ) случится какая казенная подѣлка и работа, то какъ регулярныхъ, такъ и нерегулярныхъ людей наряжать къ тому по уравненію, однако-жъ того наблюдать, чтобъ казаковъ болѣе половины никогда употребляемо не было, а въ какой работѣ будутъ, о томъ присылать въ Оренбургскую губернскую канцелярію вѣдомости, по чему о заработныхъ деньгахъ, какъ то здѣсь дается, будетъ разсмотрѣніе чинено. Что же касается до починки отданныхъ калмыцкимъ владѣльцамъ и зайсангамъ домовъ; то всякую пристройку и починку дѣлать имъ владѣльцамъ и зайсангамъ изъ своего кошту, и тѣмъ отданнымъ домамъ быть за ними неотъемлемымъ". Вмѣняя коммендáнту въ обязанность „посылать, для поиску и поимки воровъ и разбойниковъ, пристойныя партіи солдатъ, казаковъ и калмыкъ", Неплюевъ запретилъ осматривать суда, плывшія по Волгѣ, а въ зимнее время—купеческіе обозы, которые проѣзжали мимо Ставрополя. Согласно представленію Неплюева, городу Ставрополю былъ данъ впослѣдствіи особый гербъ, а Ставропольской канцеляріи—печать[a]. Послѣдній пунктъ доклада Неплюева въ Сенатъ, отъ 8 ноября 1744 г., указываетъ на обязанности градскаго командира, который, „ища во всемъ цѣлости и пользы Е. И. Величества высочайшихъ интересовъ", долженъ былъ „приложно стараться и о семъ, чтобъ каждый должность своего чина тщательно и прилежно исполнялъ и всю свою команду, особливо же крещеныхъ калмыкъ, въ добромъ порядкѣ содержать и по состоянію ихъ такъ себя *честно* и *обходительно* вести, чтобъ они должное почтеніе и надлежащую опасность имѣли"; командиръ каждое лѣто долженъ былъ объѣзжать всѣ подчиненныя ему мѣста и смотрѣть за порядкомъ; нерадивыхъ „своимъ искусствомъ и примѣромъ исправлять, а буде кому оное не поможетъ, то, отрѣша, намѣсто его другаго достойнаго опредѣлять; но въ постороннія дѣла отнюдь не вступать и изъ своего вѣдомства безъ указу не отлучаться" [b]. Таково было религіозное, общественно-экономическое и административно-военное устройство Ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ, данное имъ Неплюевымъ, а какъ оно отразилось въ ихъ жизни и быту—увидимъ дальше.

---

[a]) Пунктъ 29; ср. п. 16. Гербъ Ставрополя представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней части щита изображена въ голубомъ полѣ бѣлая дикая коза, а въ нижней части—треугольная крѣпость, въ срединѣ которой водруженъ черный крестъ въ золотомъ полѣ; самый же верхъ щита увѣнчанъ золотой императорской короной.

[b]) См. пунктъ 31.

ГЛАВА XX.

Посѣщеніе Неплюевымъ Ставрополя, его личныя распоряженія и доношеніе въ Сенатъ о состояніи Ставропольскихъ калмыкъ.—Ходатайство за калмыкъ протоіерея Чубовскаго.—Переходъ въ православіе знатныхъ калмыкъ.—Сербеть Хошоутовъ и его судьба.—Иванъ Меньшой Дербетевъ и его бракъ съ княжной Дондуковой.—Женитьба Сербетя на ханской внучкѣ Тютерѣ.—Оренбургскіе крещеные калмыки и магометанская пропаганда среди нихъ.—Противодѣйствіе Неплюева этой пропагандѣ и характеръ его отношеній къ инородцамъ.—Взглядъ на состояніе калмыкъ послѣ Неплюева и бѣгство ихъ въ Китай.

„Многіе изъ калмыкъ принимаются ремесломъ и торгомъ за разные промыслы, изъ чего фундаментальному житью предвидится добрая надежда, и дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ“.

Неплюевъ.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ разсматривался докладъ Неплюева въ Сенатѣ; наконецъ 22 и 23 января 1745 г. состоялась резолюція Сената объ его утвержденіи, о чемъ, для надлежащаго исполненія, и было сообщено Неплюеву указомъ, отъ 19 февраля 1745 г. за № 591[a]), съ приложеніемъ точной копіи съ его доклада и резолюціи Сената.—Получивъ этотъ указъ, Неплюевъ отправился въ Ставрополь, чтобы лично ознакомиться съ состояніемъ крещеныхъ калмыковъ и сдѣлать нужныя распоряженія, относительно практическаго примѣненія своего проэкта о Ставропольскихъ калмыкахъ. По пріѣздѣ въ Ставрополь, Неплюевъ прежде всего обратилъ вниманіе на отводъ и размежеваніе участковъ для тѣхъ изъ калмыкъ, которые еще не имѣли земли, поручивъ это дѣло двумъ оберъ-офицерамъ и двумъ геодезистамъ „съ надлежащими наставленіями“. Войсковые старшины должны были получить подъ пашню по *сту* четвертей въ полѣ, зайсанги—

[a]) Въ Тург. арх. „*Указы 1745 г.*“, по оп., № 18, л. 46.

по *сорока* четвертей въ полѣ, а „въ дву по тому жъ“; ротные старшины изъ владѣльческихъ дѣтей—противъ зайсанговъ вдвое; прочіе ротные старшины, хотя-бы они были и не изъ зайсанговъ,—наравнѣ съ зайсангами, а войсковой писарь—„вполы“ противъ войсковаго старшины, рядовые—по *двадцати* четвертей. Тогда же былъ командированъ Неплюевымъ, „для разбора о помѣщичьихъ деревняхъ и земляхъ, яко же и для осмотра всего тамошняго вѣдомства“, полковникъ Останковъ[a]. Между тѣмъ калмыцкіе старшины и знатные люди, воспользовавшись пребываніемъ Неплюева въ Ставрополѣ, обратились къ нему съ просьбой о томъ, „чтобы находядящіяся въ ихъ калмыцкихъ дачахъ рыбныя ловли, которыя состоятъ въ окладахъ по Самарской канцеляріи, были отданы имъ за тотъ же окладъ безъ перекупки вѣчно, обязуясь тотъ окладъ платить бездоимочно“[b]. Неплюевъ, замѣтивъ склонность калмыковъ къ рыболовству[c], опредѣлилъ передать „окладныя рыбныя ловли и другіе промыслы безъ перекупки Ставропольскимъ калмыкамъ, и о томъ въ Самарскую воеводскую канцелярію послать указъ, а Ставропольской канцеляріи указомъ же подтвердить, чтобъ за тѣ рыбныя ловли оброчныя деньги, сколько по указамъ будетъ надлежать, сбираны и въ Самарскую воеводскую канцелярію отсыланы были бездоимочно, о чемъ въ Калмыцкомъ судѣ учинить особое надлежащее опредѣленіе и начать все то дѣйствомъ съ 1747 г.; также престеречь, чтобы обрѣтающіеся въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ помѣщичьи крестьяне и между калмыкъ живущіе разночинцы и отставные въ службѣ, которые пожелаютъ, своихъ изворотовъ въ рыбныхъ ловляхъ лишены не были, съ платежемъ въ опредѣленную сумму по пропорціи“[d]. Ставропольская канцелярія въ то же время представила Неплюеву, чтобы, вмѣсто русскихъ, дозволено было допускать въ калмыцкихъ дачахъ къ строенію мельницъ калмыкъ, съ взысканіемъ съ послѣднихъ положеннаго оброка. Неплюевъ, не надѣясь въ этомъ отношеніи на однихъ калмыковъ, согласился допустить устройство ими мельницъ подъ условіемъ, чтобы „они на нѣсколько лѣтъ, *для обученія своего*, изъ россійскихъ людей кого въ компаніи принимали“[e]. Питейная продажа въ Ставрополѣ, „съ общаго согласія всѣхъ калмыцкихъ чиновныхъ людей“, была „отдана на первое время въ откупъ одному изъ записавшихся въ Ставропольское гражданство

---

[a]) П. С. З., т. XII, № 9444, стр. 761.
[b]) Тамъ же.
[c]) Кириллъ Шарапъ въ своемъ доношеніи въ Коллегію Ин. Дѣлъ, отъ 1 февр. 1744 г., писалъ между прочимъ: „*безъ рыбныхъ ловель пробыть намъ* (калмыкамъ) *никакъ невозможно*“.
[d]) Тамъ же, стр. 762, столб. I.
[e]) Тамъ же.

купцовъ на три года изъ платежа по 495 рубл. на годъ", съ условіемъ, „чтобы, кромѣ города, въ улусахъ и нигдѣ индѣ ее тому откупщику не имѣть и цѣну-бъ содержать не выше того, какъ въ окрестныхъ мѣстахъ состоять имѣетъ" [a]. Относительно расходованія откупныхъ кабацкихъ денегъ, Неплюевъ распорядился, чтобы одна часть ихъ употреблялась на приготовленіе калмыковъ „къ воинской ихъ справѣ, требующіяся збруи и на пропитаніе и снабдѣніе скудныхъ калмыкъ; другая—на канцелярскіе и прочіе расходы въ Калмыцкомъ судѣ; изъ остатковъ же этой суммы Неплюевъ назначилъ отъ 30 до 50 рубл. въ годъ женѣ умершаго владѣльца Никиты Дербетева „съ малыми ея дѣтьми до указа, по примѣру, какъ то бывшаго тамо калмыцкаго полковника Шоры женѣ его вдовѣ, по силѣ указа изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, до ея замужества давалось" [b]. Изъ этой же откупной суммы за продажу вина Неплюевъ постановилъ: „раздѣлять на пропорціи жалованья войсковымъ старшинамъ, а ротнымъ токмо тѣмъ, кои изъ владѣльческихъ дѣтей, дабы они предъ прочими тѣмъ имѣли отмѣну и лучше содержать себя могли" [c].

Находясь въ Ставрополѣ, Неплюевъ обратилъ вниманіе городскихъ жителей на необходимость построенія новаго храма, такъ-какъ раньше выстроенный ставропольскій соборъ угрожалъ опасностью для молящихся: „Ставропольская соборная церковь",—доносилъ Неплюевъ въ Сенатъ,—„прочна быть не можетъ: ибо такъ обширно застроена, что отъ великой тягости всѣ стѣны распираетъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углы изъ замковъ вышли, и во время дождя бываетъ въ ней такая теча, что св. литургія съ трудомъ совершается" [d]. Поэтому Неплюевъ опредѣлилъ „на первое время построить церковь теплую деревянную, близъ соборной, изъ церковной суммы, и оную соборную, сколько можно, подпорами утверждать, а кровлю въ одинъ тесъ съ лубьемъ покрыть". Въ то же время Неплюевъ „подтвердилъ и о каменной промышлять, а именно: на оставшія церковныя суммы и *сборныя* деньги приготовлять матеріалы, а какимъ образомъ строить, о томъ чрезъ архитектора, въ Оренбургѣ обрѣтающагося, учиня рисунокъ, прислать; къ строенію же той церкви (доносилъ Неплю-

---

[a] Тамъ же, столб. 2.

[b] Тамъ же.

[c] Тамъ же, стр. 763, столб. 1.

[d] Тамъ же. Авторъ статьи: *«Ставрополь и его храмы»* (стр. 53 въ отд. оттискѣ), не справившись съ П. Собр. Зак., допустилъ *грубую ошибку*, приписавъ заботы о построеніи новаго храма Змѣеву; онъ говоритъ: „Зміевъ обратился въ половинѣ іюня 1746 г. къ правительству съ ходатайствомъ соорудить большой каменный храмъ съ шестью главами, на что и получилъ скоро разрѣшеніе".—Все это *выдумка*: Змѣевъ, какъ мы знаемъ, умеръ еще въ 1742 г. См. стр. 526 въ паст. монографіи, замѣч. (*c*).

евъ въ Сенатъ) принуждено будетъ вспомогать остающимися отъ неполнаго комплекта деньгами и изъ суммы на Ставропольской штатъ положенной" [a]. Сенатъ утвердилъ означенныя распоряженія и представленія Неплюнва указомъ 28 сентября 1747 г. [b].

Благіе результаты мѣръ Неплюева, предпринятыхъ имъ для организаціи Ставропольскихъ калмыкъ, не замедлили обнаружиться, свидѣтельствуя о глубокомъ административномъ умѣ Неплюева. Въ апрѣлѣ 1746 г., послѣ личнаго знакомства съ бытомъ калмыкъ, Неплюевъ доносилъ въ Сенатъ, что въ Ставрополѣ „за помощію Божіею все обстоитъ благополучно, и какъ чиновные, такъ и всѣ калмыки настоящимъ новымъ ихъ правленіемъ являются быть весьма довольны: ибо, будучи нынѣ подъ особымъ своимъ судомъ съ присутствіемъ комменданта, каждый пользу свою чувствуетъ и видитъ, особливо улусные рядовые калмыки, узнавъ, что прежняя и нагло надъ ними бывшая владѣльцевъ и зайсанговъ ихъ власть воздержана, весьма довольны, и уже не мало обидѣть себя не допущаютъ, но, приходя въ Калмыцкій судъ или къ коммендайту, о всѣхъ своихъ нуждахъ доносятъ и получаютъ всякую свою справедливость, и *уже многіе изъ калмыкъ принимаются ремесломъ и торгомъ за разные промыслы, изъ чего и фундаментальному ихъ житью предвидится добрая надежда*; и чиновные изъ нихъ люди нынѣ содержатъ и ведутъ себя въ такомъ порядкѣ и умѣренности, какъ имъ быть надобно, и какъ онъ, Неплюевъ, будучи въ домахъ ихъ, видѣлъ, они и жены ихъ, и дѣти во всемъ россійскимъ обычаямъ подражаютъ и благополучіе свое не такъ въ природѣ, какъ въ добромъ своемъ поведеніи и въ заслугахъ Е. И. Величеству признавать начали, о чемъ онъ тайный совѣтникъ чрезъ всю его бытность довольно внушалъ и толковалъ и до того привелъ, что нѣкоторые изъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей охотно отпущаютъ съ нимъ въ Оренбургъ, чтобъ тамо могли они удобнѣе научиться россійскимъ обыкновеніямъ, изъ которыхъ онъ знатнѣйшихъ нарочно для того при себѣ будетъ держать, а другихъ въ такія руки отдаетъ, чтобы они къ честному обхожденію обыкли. Что же касается до содержанія ими Православныя христіанскія вѣры",—продолжаетъ Неплюевъ,—„то и въ семъ лучшихъ изъ нихъ людей нашелъ онъ не неисправными: ибо какъ они сами, такъ и жены ихъ, и дѣти Церкви Божіей, по ихъ состоянію, довольно прилежными себя оказываютъ, *и дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ*, и уже нѣсколько изъ нихъ говорить, читать и писать нарочито

---

[a] П. С. З., т. XII, стр. 764.
[b] Тамъ же.

обученныхъ есть, въ чемъ ставропольскій коммендантъ и протопопъ довольное имѣютъ стараніе, и онъ то имъ особливо рекомендовалъ,—и однимъ словомъ, ежели въ содержаніи сихъ св. крещеніемъ новопросвѣщенныхъ людей установленный порядокъ будетъ всегда наблюдаемъ и ненарушимо содержанъ, то желаемая отъ нихъ польза не только время отъ времени умножиться, но и совершенно можетъ воспослѣдовать" [a].

Нѣкоторые калмыки, желая заняться устройствомъ своихъ жилищъ и хлѣбопашествомъ, просили освободить ихъ на опредѣленное время отъ службы и другихъ повинностей; такъ 23 марта 1747 г. въ Калмыцкомъ судѣ разсматривалась просьба о томъ слѣдующихъ 6 калмыкъ: Өедора Черемы, Өедота Нимы, Тихона—Лазаря, Михайла Улдечи, Өедора Габунга и Леонтія Гунуна. Судъ постановилъ освободить ихъ на годъ отъ нарядовъ на службу и общественную запашку калмыцкихъ земель, „токмо за ними зайсангамъ смотрѣть, чтобъ они къ домовому обзаваживанію и къ распространенію пашни прилежность имѣли; а ежели къ тому старанія имѣть не будутъ, то съ прочими равномѣрно наряжать" [b]. 29 апрѣля того же года, протоіерей Чубовскій подалъ въ Ставропольскую канцелярію «*Сообщеніе*», что весной 1746 г., во время объѣзда имъ калмыцкихъ улусовъ, къ нему обращались нѣкоторые калмыки, въ числѣ 13 кибитокъ, съ заявленіемъ, что они охотно стали-бы „строиться, пахать и сѣять какъ озимь, такъ и всякое яровое", если ихъ освободятъ на *пять лѣтъ* отъ нарядовъ на службу въ Оренбургъ: „ибо-де не можно, при такихъ походахъ, весьма въ пашенное земледѣліе и въ домовое строеніе вдаться за всякимъ недостаткомъ".—Вмѣстѣ съ симъ, калмыки просили Чубовскаго походатайствовать за нихъ отъ своего имени объ освобожденіи ихъ на означенный срокъ и отъ прочихъ повинностей, какъ то: отъ нарядовъ на общественную распашку, отъ поборовъ, подводъ и работъ на владѣльцевъ, зайсанговъ и ротныхъ командировъ. Чубовскій, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ простыхъ калмыкъ, представилъ при своемъ «*Сообщеніи*» и реестръ просителей въ числѣ 22 человѣкъ, а 2 мая того же года написалъ Неплюеву частное письмо, приложивъ къ нему копію съ своего «*Сообщенія*» въ Ставропольскую канцелярію. Въ своемъ письмѣ Чубовскій является сторонникомъ чернокостныхъ калмыкъ и весьма несочувственно отзывается о владѣльцахъ и зайсангахъ, которые обирали и объѣдали простыхъ калмыковъ, заставляя послѣднихъ покупать

---

[a]) П. С. З., т. XII, № 9444, стр. 763.
[b]) См. въ дѣлахъ Тург. архива „Рапортъ" Ставр. канцеляріи въ Оренб. губ. канцелярію, отъ 31 іюля 1747 г.

для нихъ вина, овецъ, поставлять верблюдовъ, лошадей и т. п., при чемъ особенной „нахайльчивостью“ отличался „есаулъ Григорій, которому отъ Бориса Лукича[a]) великія безчестія и выговоры бывали“ [b]).

Неплюевъ, получивъ письмо Чубовскаго, приказалъ „сообщить его къ дѣлу“ и предписалъ Ставропольской канцеляріи, чтобы она, разсмотрѣвъ это дѣло, немедленно представила о томъ свое мнѣніе. Ставропольская канцелярія, опираясь на пункты 13 и 14 доклада Неплюева въ Сенатъ, отъ 8 ноября 1744 г., и на указъ Сената, отъ 19 февраля 1745 г., между прочимъ, писала въ Оренбургскую губернскую канцелярію: „хотя по вышеизображенному Е. И. Величества указу того, чтобъ изъ оныхъ крещеныхъ калмыкъ тѣмъ, кои къ домостроительству будутъ прилежать и пашни собою производить, отъ нарядовъ на службу въ Оренбургъ увольненія чинить и не упоминается, однакъ для такого ихъ новаго обзаваживанія, дабы скорея(ѣе) и исправнѣе завестись могли и, на то смотря, другіе къ тому-жъ охоту имѣли, *одинъ годъ*, какъ и по разсужденію въ Калмыцкомъ судѣ опредѣлено, *на службу не наряжать*, а вмѣсто ихъ посылать другихъ; а дабы они конечно въ тѣ уволенные отъ наряда на службу годы домами обзавелись и пашню свою неотмѣнно развели, въ томъ за ними крѣпкое смотрѣніе имѣть зайсангамъ, такожъ и ротнымъ старшинамъ; и отъ кого изъ нихъ въ томъ прилежность усмотрится, то и въ другой годъ тѣмъ отъ наряду на службу увольненіе чинить, *а болѣе двухъ лѣтъ* такожъ *отъ службъ увольненій давать не разсуждается*, ибо изъ нихъ такой прилежности, чтобъ они къ домостроительству и къ произведенію собственной пашни совершенную охоту имѣли, нынѣ не усматривается, но только тѣмъ желая какъ-бы отъ наряда на службу миновать“ [c]). Неплюевъ утвердилъ это представленіе, о чемъ и было сообщено изъ Оренбургской канцеляріи въ Ставропольскую особымъ указомъ, отъ 21 декабря 1747 года[d]).

Въ то время, какъ Неплюевъ былъ занятъ административной и общественной организаціей Ставропольскихъ калмыкъ, число вновь приходящихъ для крещенія калмыкъ увеличивалось; не переставали переходить въ православіе и знатные изъ нихъ. 28 ноября 1745 г. астраханскій губернаторъ Брылкинъ доносилъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что *десятилѣтняя внучка* Аюкиной ханши Дармы-Балы, по имени Тюте-

---

[a]) Коммендантъ Ставропольской крѣпости, полковникъ Останковъ.
[b]) См. письмо Чубовскаго въ приложеніи подъ № 33.
[c]) См. въ дѣлахъ Тург. архива подлинный „Репортъ въ Оренб. губ. канцелярію изъ Ставропольской канцеляріи“, отъ 31 іюля 1747 г.
[d]) Тамъ же, лл. 94—97.

ря[a]), Галданъ-Данжина дочь, и находящіеся при ней зайсанги Кишикту, Кичикъ, Даржа и др. изъявили желаніе креститься; но что у нѣкоторыхъ зайсанговъ жены и дѣти находятся въ улусахъ некрещеныхъ калмыкъ, почему они просятъ „для забранія оныхъ къ крещенію дать имъ солдатъ", заявляя, что Дарма-Бала ничего не оставила „на ихъ пропитаніе", а бывшіе у нихъ калмыки взяты въ улусы намѣстникомъ ханства Дондукъ-Дашею. Коллегія Ин. Дѣлъ предписала Брылкину, чтобы онъ, пригласивъ къ себѣ Тютерю и зайсанговъ, „паки спросилъ ихъ, подлинное-ль они къ тому крещенію намѣреніе имѣютъ", и если они подтвердятъ свое желаніе, то „объявить имъ, что для крещенія и житья велѣно ихъ весною отправить въ Ставрополь, и что нѣкоторыхъ зайсанговъ женъ и дѣтей изъ улусовъ забирать вы не можете, а когда оные придутъ въ Астрахань сами, то ихъ примите. И когда, по таковомъ вашемъ объявленіи, которые изъ нихъ и на сіе готовность свою представятъ; то вамъ сообщить о семъ тамошнему архіерею[b]) и требовать, дабы отъ него приказано было кому тѣхъ калмыкъ къ св. крещенію наставлять и обучать, и тое ханшину внуку Тютерю крестить, причемъ вы и воспріемникомъ ей быть можете" [c]). На платье и прочія принадлежности, при крещеніи Тютери, Коллегія назначила 50 р. и столько же велѣно было выдать ей на дорогу, при отправленіи въ Ставрополь, зайсангамъ же по 5 р. на семью, рядовымъ по 2 р. 50 коп., а „холостымъ противъ того вполы да по толикому-жъ числу въ Ставрополѣ"; деньги на это предписано было употребить „изъ убылыхъ калмыцкимъ владѣльцамъ окладовъ, а на счетъ Коллегіи Ин. Дѣлъ не ставить"; тѣхъ изъ зайсанговъ, на которыхъ можно было положиться, что они въ пути до Ставрополя не уйдутъ, разрѣшено было крестить въ Астрахани, вмѣстѣ съ Тютерей, при чемъ Брылкинъ долженъ былъ сообщить о томъ въ Коллегію, Оренбургъ и въ Ставрополь, съ приложеніемъ именнаго списка крестившихся.

Вскорѣ послѣ этого къ Брылкину явились Хошоутовы владѣльцы Джанъ Цагановъ и Улемджи Дадыровъ съ просьбой о томъ, чтобы ихъ съ женами и дѣтьми „просвѣтили св. крещеніемъ"; о томъ же просили Брылкина многіе зайсанги и простые калмыки, въ числѣ 500 чел. обоего пола. Донося объ этомъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ 14 марта 1746 г.,

---

a) Во многихъ указахъ Тютеря названа „Тетерь".
b) Въ Астрахани въ это время былъ архіеремъ епископъ Иларіонъ (1731†1755 іюня 9) изъ архимандритовъ Астраханскаго Преображенскаго монастыря. См. 900-лѣтіе Русск. іерархіи, стр. 52
c) Указъ изъ Колл. Ин. Дѣлъ 30 января 1746 г. См. въ Тург. арх. «*Указы 1746 г.*», по оп. № 19, лл. 37—38.

Брылкинъ предлагалъ „лучшихъ изъ зайсанговъ до десяти человѣкъ“ бывшихъ при Тютерѣ, крестить въ Астрахани и отправить ихъ въ Ставрополь, а находившіеся при нихъ „книги, идоловъ и прочее къ ихъ калмыцкому суевѣрію принадлежащее“ опредѣлилъ „съ описью и подъ росписку отдать казначею ханши Дармы-Балы по имени Гарашѣ съ подтвержденіемъ, чтобы онъ изъ того до указу никому не давалъ“. Владѣльцы и зайсанги, пожелавшіе креститься, между прочимъ, просили Брылкина, чтобы имъ позволено было сбирать, для прокормленія, подать съ тѣхъ изъ принадлежащихъ Дармѣ-Балѣ калмыковъ, которые не желали креститься. Брылкинъ, „убѣгая худыхъ отъ того слѣдствій“, не согласился на это, а положилъ выдавать „по небольшому числу“ кормовыя деньги всѣмъ пожелавшимъ креститься калмыкъ до отправленія ихъ въ Ставрополь. Но при этомъ встрѣтилось еще одно *непредвидѣнное* раньше препятствіе къ переходу нѣкоторыхъ изъ калмыкъ въ православіе: астраханскіе рыбопромышленники заявили, что нѣсколько человѣкъ изъ пожелавшихъ креститься калмыковъ еще раньше подрядились „рыбу ловить и съ соляныхъ озеръ соль возить, и на то исправленіе забрали въ задатокъ деньги и муку, что̀ еще не заработали и платить имъ не чѣмъ“; такихъ, по справкѣ, оказалось *сорокъ* человѣкъ. Брылкинъ по этому поводу писалъ въ Коллегію, что „если таковыхъ отдать русскимъ для заработыванія, то опасно, дабы оные калмыки, будучи въ работѣ, не оставили своего къ крещенію намѣренія и не разбѣжались-бы по улусамъ калмыцкимъ, и оттого русскихъ людей долги и безвѣстно пропадутъ“. Поэтому онъ предлагалъ, чтобы „за такихъ должниковъ, на комъ будетъ не болѣе 10 рубл., и кои дѣйствительно въ Ставрополь довезены будутъ, деньги платить изъ казны, а ихъ употребить въ Ставрополѣ въ работу, кто принять пожелаетъ, и тѣ деньги въ казну возвратить“[a]. Коллегія Ин. Дѣлъ, опираясь на прежніе указы, опредѣлила: „*хотя-бъ оные, креститься желающіе, были должны калмыкамъ, татарамъ и россіянамъ, надлежитъ поступать со всѣми равно*, по силѣ 1745 г. указу, и хотя-бъ изъ таковыхъ, которые, по силѣ того указа, будутъ оставлены для заработыванія, то ихъ къ крещенію намѣреніе и отмѣнили, изъ того закону нашему предосужденія быть не можетъ“[b]. Относительно идоловъ, книгъ и др. предметовъ, оставшихся послѣ Дармы-Балы и относящихся къ ламайству, Коллегія Иностр. Дѣлъ сообщила Брылкину, что „намѣстникъ ханства Дондукъ-Даша *усиленно*

---

a) Указъ отъ 10 мая 1746 г. изъ Колл. Ин. Дѣлъ. См. въ Тург. арх. «*Указы 1746 г.*» по оп. № 19, л. 102—103.

b) Тамъ же.

просилъ о передачѣ ихъ ему, а нынѣ, когда вы все оное отдадите казначею ея Гарашѣ, а онъ будетъ въ улусѣхъ калмыцкихъ; то намѣстникъ ханства оное все и собою безъ указу можетъ отъ него отобрать. Того ради вамъ оное все до ихъ суевѣрія принадлежащее, кромѣ вещей и багажу, съ тѣмъ Гарашею отправить къ нему при письмѣ вашемъ, объявя, что по присланному къ вамъ, по его Дондукъ-Дашину прошенію, указу, оное велѣно отдать ему, а вещи и багажъ впредь до указу оставить въ Астрахани съ вѣрною описью и велѣть кому содержать въ береженіи". Представленіе Брылкина о выдачѣ калмыкамъ, пожелавшимъ креститься, кормовыхъ денегъ „по небольшому числу", до отправленія ихъ въ Ставрополь, Коллегія Ин. Дѣлъ утвердила съ оговоркой: „только вамъ изъ тѣхъ убылыхъ окладовъ каждаго года оставлять съ лишкомъ по тысячѣ рубл. на жалованье полковнику Спицыну и на другіе чрезвычайные расходы" [a]. Коллегія представила свое мнѣніе на заключеніе Сената, который и утвердилъ его указомъ отъ 22 іюля 1746 г. [b], о чемъ дано было знать Неплюеву, Брылкину и въ Ставропольскую канцелярію. *Тютеря была крещена,* получивъ при крещеніи имя Елены, и отправлена въ Ставрополь по Волгѣ „съ приличнымъ конвоемъ" и въ сопровожденіи бывшихъ при ней зайсанговъ.

Безпокойная ханша Джана, вдова Дондукъ-Омбо, увлекаемая честолюбіемъ и примѣромъ многихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, также пожелала креститься со всѣми находившимися при ней дѣтьми. Сама Джана была названа при крещеніи *Вѣрой*, дочери: Бунигара—*Надеждой* и Делекъ — *Любовью*, а сыновья именами Московскихъ Святителей: Арандукъ—*Петромъ*, Дабданъ—*Алексѣемъ*, Асарай—*Іоною* и Джабъ-Саръ — *Филиппомъ*; новопросвѣщенной ханшѣ дали титулъ княгини съ фамиліей Дондуковой и подарили въ Москвѣ домъ, конфискованный у купца Квасникова, а впослѣдствіи наградили ее и деревнями съ крестьянами. Сыновья Вѣры Дондуковой были опредѣлены въ кадетскій корпусъ, изъ коихъ Алексѣй, по окончаніи курса, поступилъ въ военную службу и поселился въ Енотаевскѣ [c], гдѣ до своей кончины былъ ревностнымъ защитникомъ угнетенныхъ и споспѣшникомъ къ обращенію калмыковъ въ христіанство. Княжна Любовь Дондукова вскорѣ, послѣ крещенія, умерла, а ея сестра Надежда вышла замужъ за калмыцкаго

---

[a]) Тамъ же, л. 104 на оборотѣ.
[b]) «*Указы 1747 г.*» въ Тург. арх., по опис. № 20, лл. 23 и 24.
[c]) Енотаевскъ строилъ генералъ Дебринскій. См. подробн. о выборѣ мѣста и построеніи города въ книгѣ Н. А. Попова: «*Татищевъ и его время*», стр. 329—330.

владѣльца Ивана (Меньшаго) Дербетева, жившаго въ Ставрополѣ, хотя у ея матери было намѣреніе выдать ее за Сербетя Хошоутова, женатаго еще раньше на одной изъ дочерей Джаны, до крещенія послѣдней. *Судьба Сербетя* на столько *интересна*, что мы считаемъ нелишнимъ и совершенно умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ калмыцкомъ владѣльцѣ, на основаніи архивныхъ данныхъ[a]), тѣмъ болѣе, что *въ печати о немъ доселѣ еще ничего не было сказано*.

Во время калмыцкихъ междоусобій, начавшихся по смерти хана Дондукъ-Омбо, Сербетъ былъ сторонникомъ Джаны и, по ея внушенію, *убилъ Галданъ-Данжина, сына Аюки*. При нападеніи на улусы Абу-Геліона, Сербетъ попался въ руки зайсанга Убаши „съ братьями" и былъ приведенъ къ Татищеву; при допросѣ Сербетъ показалъ, что онъ „на Абу-Геліоновъ улусъ нападеніе учинилъ, по приказу ханши Джаны, да она-жъ ханша приказывала ему Сербетю, собрався, отъ него тайнаго совѣтника (Татищева) табуны отгонять и въ улусы загонять и не отпущать; да онъ же Сербетъ, во время боя съ Галданъ-Данжинымъ, убилъ его Галдана-Данжина съ своими людьми до смерти". Показанія эти Сербетъ подтвердилъ и при вторичномъ допросѣ «*подъ плетьми*». Съ наступленіемъ весны 1742 г., *Сербетъ былъ отправленъ изъ Астрахани въ Казань* по Волгѣ „съ крѣпкимъ конвоемъ"; здѣсь велѣно было содержать его подъ карауломъ и выдавать на содержаніе по 20 к. въ день, „а буде обносится, сдѣлать на казенныя деньги и платье, безъ котораго обойтись невозможно". Находясь въ Казани, Сербетъ изъявилъ желаніе креститься, о чемъ Казанская губернская канцелярія и донесла Колл. Ин. Дѣлъ 30 января 1743 года, на что послѣдовалъ изъ Коллегіи указъ, отъ 15 марта того же года, предписывавшій, „для приготовленія и наставленія Сербетя въ Православную христіанскую вѣру, представить тамошнему архіерею и потомъ *въ Казани крестить*, а воспріемникомъ ему отъ св. купели быть тамошнему губернатору или кому по немъ изъ первыхъ, и къ тому крещенію сдѣлать ему платье и прочее, что надлежитъ, и на то на все издержать до 50 рубл., и, по крещеніи, давать ему противъ прежняго съ прибавкою, а именно по 10 рублевъ на мѣсяцъ, и оные производить изъ Казанской же губернской канцеляріи по-прежнему и, по крещеніи, *содержать* его Сербетя въ пристойной квартирѣ и *предъ прежнимъ съ нѣкоторою отмѣною*; и когда похочетъ ѣздить куда гулять, того

---

[a]) См. въ Тург. арх. «*Указы 1751 г.*», по опис. № 24, лл. 14—21. Здѣсь находится: „Выписка о крещ. калмыцкихъ владѣльцахъ Семенѣ Хошоутовѣ и Иванѣ Дербетевѣ, сочиненная въ іюнѣ 1750 г."

ему не запрещать, токмо при томъ смотрѣть, чтобъ оный уйти куда не могъ".

Казанская губернская канцелярія доношеніемъ отъ 15 мая того же года увѣдомила Коллегію Ин. Дѣлъ, что владѣлецъ Сербеть крещенъ подъ именемъ Семена Артемьева, и что онъ проситъ объ опредѣленіи его въ службу или объ отпускѣ изъ Казани въ Ставрополь къ новокрещеннымъ калмыкамъ. Коллегія предписала отправить Семена Хошоутова въ Москву къ ханшѣ Джанѣ, „съ дачею ему на дорогу кормовыхъ" 10 рубл., куда онъ прибылъ 7 января 1745 года, а ровно черезъ два мѣсяца послѣ того состоялся въ Коллегіи Ин. Дѣлъ указъ, повелѣвавшій: „отдать того владѣльца княгинѣ Дондуковой, и для того кормовыхъ денегъ ему особливо не давать"[a]. Поселившись въ Москвѣ, Семенъ Хошоутовъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы ему были отданы его жена, дочь Джаны, и малолѣтній сынъ, остававшіеся въ калмыцкихъ улусахъ. Канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, по просьбѣ княгини Дондуковой, написалъ къ намѣстнику ханства Дондукъ-Дашѣ и брату его Доржи-Рашѣ особое письмо, въ которомъ просилъ отпустить жену и сына Сербетя къ полковнику Спицыну, для препровожденія ихъ въ Москву: „понеже въ оныхъ ему намѣстнику ханства и калмыцкому народу никакой потребности быть нечаемо"[b]; но ханъ не отвѣтилъ на письмо канцлера, а полковникъ Спицынъ 10 марта 1746 г. доносилъ, что „того Семена Сербетя жена и сынъ намѣстникомъ ханства ему еще не отданы". Княгиня Дондукова снова обратилась съ просьбой къ канцлеру, и Коллегія Ин. Дѣлъ 24 іюня того же года отправила къ Спицыну указъ, чтобы онъ „искуснымъ образомъ постарался, чрезъ кого заблагоразсудитъ, помянутой Сербетевой женѣ дать знать, что ежели она желаетъ къ мужу своему ѣхать; то-бъ и съ сыномъ ея ушла въ который городъ для крещенія, гдѣ она принята и въ Москву со удовольствомъ отправлена будетъ"[c]. Въ случаѣ, если бы жена Сербетя, при своемъ желаніи уйти къ мужу, встрѣтила къ тому препятствія, то Спицынъ, при удобномъ случаѣ, долженъ былъ напомнить Дондукъ-Дашѣ о письмѣ къ нему канцлера и указать на то, что, не имѣя отъ него намѣстника извѣстія о Сербетевой женѣ, онъ не знаетъ, что отвѣчать на присланный ему изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ указъ; „и какой на то представленіе отъ него отвѣтъ полученъ будетъ, (говорится въ указѣ), о томъ

---

a) Тамъ же, л. 17.
b) Тамъ же, л. 17 на оборотѣ.
c) Тамъ же.

ѣздку „на его кошту“, но велѣлъ позадержать Дербетева въ Ставрополѣ до полученія резолюціи на свое представленіе о томъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, отъ 20 октября 1745 г., а 27 ноября онъ получилъ указъ изъ Коллегіи, состоявшійся 14 ноября того же года, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „понеже сіе до собственнаго ихъ согласія принадлежитъ, а когда согласятся то могутъ отсюда позволенія просить, того ради оному владѣльцу на собственномъ его кошту въ Москву ѣхать дозволеніе дать можете“ [a]. Дербетевъ, получивъ разрѣшеніе, отправился въ столицу и здѣсь сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Дондуковой, которая отвѣтила согласіемъ выйти за него за мужъ, но свадьба не могла состояться скоро: Дербетевъ прожилъ въ столицѣ довольно долго, ожидая разрѣшенія на бракъ Государыни. Когда дано было желаемое разрѣшеніе и когда состоялся бракъ Дербетева съ княжной Надеждой Дондуковой, молодые супруги должны были отправиться на жительство въ Ставрополь, въ сопровожденіи охраннаго конвоя, состоявшаго изъ унтеръ-офицера и троихъ рядовыхъ солдатъ. Въ то же время Сенатъ, по представленію Коллегіи Иностр. Дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства княгини Вѣры Дондуковой [b], позволилъ ѣхать въ Ставрополь, вмѣстѣ съ молодой четой, владѣльцу Семену Хошоутову, зайсангу Василью Делдешу, дядькѣ Надежды Дондуковой-Дербетевой Ѳеоктисту Камчину и состоявшей при ней, въ качествѣ прислуги, женкѣ Домнинѣ съ сыномъ Ѳедосѣемъ и дочерью Дарьей [c], а также двумъ некрещенымъ калмыкамъ Гунцуку и Ботошу, которые находились на службѣ „въ пятисотной донской командѣ полковника Харитонова“, только лишь прибывшей предъ тѣмъ въ Петербургъ изъ Кексгольма. Гунцукъ и Ботошъ раньше принадлежали Чидану Дербетеву, отцу Ивана Дербетева, и теперь пожелали сами креститься и служить въ Ставрополѣ у Ивана Дербетева, гдѣ они имѣли родныхъ [d]. Кромѣ того, при Семенѣ Хошоутовѣ находился служитель Артемій Лоузангъ, а при Ив. Дербетевѣ— пріѣхавшіе съ нимъ изъ Ставрополя есаулъ Ѳеодоръ Соломъ и простой калмыкъ Цугушъ. Такимъ образомъ вся свита новобрачныхъ, включая сюда и охранный конвой, состояла изъ 15 человѣкъ. На расходы по отправленію ихъ всѣхъ въ Ставрополь было отпущено изъ Коллегіи

[a]) Въ Тург. арх. «*Указы 1745 г.*», по оп. № 18, л. 265. Подлинный указъ за № 622; подписались: Петръ Курбатовъ, Василій Бакунинъ, переводчикъ Александръ Турчениновъ и подканцеляристъ Петръ Поповъ.

[b]) Копія съ доношенія княгини Вѣры Дондуковой въ Колл. Ин. Дѣлъ. См. въ Тург. арх. «*Указы 1752 г.*», по оп. № 25, л. 139.

[c]) Тамъ же. *Указы* 1751 г., по оп. № 24, лл. 19 и 20.

[d]) Промеморіи изъ Военной Коллегіи, отъ 19 и 20 октября 1750 г. Тамъ же, лл. 23 и 24.

Иноттр. Дѣлъ 361 р. 60 коп.[a]), и, кромѣ того, велѣно: „дать имъ всѣмъ отъ С.-Петербурга чрезъ Москву и Арзамасъ до Ставрополя 16 подводъ ямскихъ, а гдѣ яму нѣтъ—уѣздныхъ, и на оныя прогонныя и поверстныя деньги по указу“ [b]).

Во время своего пребыванія въ столицѣ, Дербетевъ не получалъ ни жалованья, ни кормовыхъ денегъ; но Коллегія Иностр. Дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства тещи Дербетева, предписала Неплюеву выдать удержанное у него жалованье: „понеже оной владѣлецъ (писала Коллегія) былъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно, по указу и по причинѣ женитьбы его на дочери оной княгини Дондуковой, ожидая здѣсь всемилостивѣйшаго отъ Ея Императорскаго Величесгва о томъ соизволенія, и потому такую его изъ Ставрополя отлучку за произволительную почитать уже не можно. Того ради и что ему здѣсь кормовыхъ денегъ въ дачѣ не было, имѣете вы приказать надлежащее за то время жалованье ему выдать“ [c]). Но отпуская Ивана Дербетева въ Ставрополь, Коллегія Ин. Дѣлъ предполагала переселить его потомъ на жительство въ Оренбургъ, съ повышеніемъ въ чинѣ и съ прибавкою жалованья, чего желала и его теща: „по прошенію крещеной калмыцкой княгини Вѣры Дондуковой“,—писала Коллегія Неплюеву,—„зятю ея, владѣльцу и ставропольскому ротмистру Ивану Дербетеву, *во удовольствіе той княгини*, чинъ войсковаго старшины дать заблагоразсуждается, но въ Ставрополь тѣмъ чиномъ его опредѣлить кажется невозможно, затѣмъ, что тамо *большій*[d]) его братъ Иванъ же Дербетевъ состоитъ въ ротмистрахъ и старея(ѣе) его. И для того и помянутаго княгини Дондуковой зятя ротмистра Ивана *меньшаго* Дербетева опредѣлить въ Оренбургъ къ крещенымъ калмыкамъ и другимъ нерегулярнымъ войскамъ войсковымъ есауломъ или другимъ какимъ подобнымъ тому чиномъ, съ пристойнымъ по тому жалованьемъ и съ нѣкоторою предъ Ставропольскою старшиною, для новости оренбургскаго мѣста, прибавкою“ [e]). Относительно Семена Хошоутова Коллегія Ин. Дѣлъ высказала слѣдующее мнѣніе: „понеже владѣлецъ Семенъ Хошоутовъ въ калмыцкихъ улусѣхъ *имѣлъ своихъ подданныхъ калмыкъ до двухъ тысячъ кибитокъ*, и потому былъ знатнымъ владѣльцемъ и *ханскимъ зятемъ*; а нынѣ въ Ставрополѣ надъ всѣми калмыками главными полковникъ Кирило Шарапъ

---

[a]) Кормовыхъ на два мѣсяца всѣмъ вмѣстѣ 141 р. 60 коп., жалованья Надеждѣ Дербетевой 100 р., ея прислугѣ 20 р., Семену Хошоутову 60 р., зайсангу Делдешу 30 р., Гунцуку и Ботошу по 10 р. См. тамъ же л. 26.

[b]) Тамъ же.

[c]) „*Указы 1752 г.*“ въ Тург. арх., по оп. № 25, л. 138. Подлинный указъ Неплюеву изъ Колл. Ин. Дѣлъ, отъ 1 сентября 1752 г., за № 380.

[d]) См. выше стр. 543 въ наст. монографіи.

[e]) Въ Тург. арх. «*Указы 1751 г.*», по оп. № 24, л. 25 на оборотѣ.

изъ зайсанговъ и равный ему войсковой судья изъ владѣльцевъ незнатныхъ Петръ Торгоутскій, — и потому владѣльцу Семену Хошоутову быть въ ихъ командѣ будетъ обидно. Того ради тайному совѣтнику и оренбургскому губернатору Неплюеву опредѣлить его Семена Хошоутова въ службу въ Оренбургъ къ крещенымъ калмыкамъ и къ другимъ тамошнимъ нерегулярнымъ войскамъ полковникомъ, или дать ему другой какой, примѣняясь къ Ставропольскимъ крещенымъ калмыкамъ, войсковаго старшины чинъ съ годовымъ жалованьемъ не меньше *ста двадцати рублевъ*, по чему ему давано было и въ Казани, въ бытность его подъ арестомъ" [a]. Что касается зайсанга Василья Дельдеша и пожелавшихъ креститься двухъ калмыкъ Гунцука и Ботоша Тайчотовыхъ; то Коллегія опредѣлила „оное все предать на разсужденіе" Неплюева, который въ это время находился въ Петербургѣ [b]. Бригадиръ Тевкелевъ, получивъ указъ изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, оставилъ окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе этого дѣла до возвращенія Неплюева, а въ Савропольскую канцелярію написалъ: „когда Хошоутовъ съ товарищи въ Ставрополь прибудутъ, то оному Хошоутову, до отъѣзду его сюда, дать тамо пристойную квартиру, а Делдешъ на время можетъ и при Дербетевѣ пристанище возымѣть; и доколѣ они Хошоутовъ, Дербетевъ и Дельдешъ сами сюда проситься не будутъ; то безъ указу неволею сюда ихъ не высылать.... двухъ же калмыкъ Гунцука и Ботоша, по надлежащемъ наставленіи, *тамо* и *крестить*" и, смотря по ихъ желанію, оставить въ Ставрополѣ или переселить на жительство въ Оренбургъ [c].

Вскорѣ, по своемъ прибытіи въ Ставрополь, Семенъ Хошоутовъ былъ переведенъ въ Оренбургъ, относительно же Ивана Дербетева Неплюевъ 12 декабря 1753 года репортовалъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, что „оный ротмистръ Дербетевъ о томъ, чтобъ ему въ Оренбургѣ быть, не только никогда не прашивалъ, но хотя ему, въ бытность его въ Оренбургѣ съ прочими на службѣ, и было о томъ объявлено; но онъ къ переселенію въ Оренбургъ охоты не показалъ да, какъ стороною слышно, едва оную и имѣетъ-ла" [d]. Коллегія Ин. Дѣлъ указомъ, отъ 1 сентября 1755 г., предписала Неплюеву: „когда помянутый владѣлецъ и ставропольскій ротмистръ Иванъ Дербетевъ къ пребыванію въ Оренбургѣ собственнаго желанія не имѣетъ; то надлежитъ его оставить по-прежнему

---

[a]) Тамъ же, л. 25.
[b]) Тамъ же, л. 25 на оборотѣ.
[c]) Тамъ же, л. 27 на оборотѣ.
[d]) См. въ Тург. арх. «*Указы 1755 г.*», по оп. № 30, л. 481 на оборотѣ.

при Ставрополѣ, а въ удовольствіе тещи его, княгини Вѣры Дондуковой, произвесть его по ставропольскому штату изъ нынѣшняго въ другой чинъ, т. е., въ войсковую старшину, на первую ваканцію, съ надлежащимъ по тому и жалованьемъ, *дабы* впредь о томъ *теща его*, княгиня Вѣра Дондукова, *прошеніемъ своимъ* здѣсь *не докучала*" [a]). Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что Семенъ Хошоутовъ сблизился съ ханской внучкой Еленой Тютерей, которой исполнилось уже 16 лѣтъ, и женился на ней. Знала-ли молодая жена Хошоутова, что ея мужъ былъ «*битъ плетьми*», уже имѣлъ жену и сына, оставшихся въ улусахъ Дондукъ-Даши; что онъ хлопоталъ о возвращеніи ихъ къ нему и, потерпѣвъ неудачу, думалъ было жениться на родной сестрѣ своей первой жены, на княжнѣ Надеждѣ Дондуковой, вышедшей замужъ за Ивана Дербетова; *знала-ли*, наконецъ, *Елена Тютеря, что ея мужъ Семенъ-Сербетъ Хошоутовъ былъ убійцею ея отца?!*—Думаемъ, что все это, особенно же убійство Галдана-Данжина, отца Тютери, было скрыто отъ несчастной сиротки, сдѣлавшейся жертвою политическихъ расчетовъ со стороны Русскаго правительства; но ея супругъ, безъ сомнѣнія, хорошо помнилъ свое прошлое—и все-таки не отказался раздѣлить брачное ложе съ дочерью убитаго имъ ханскаго сына!... *Вообще судьба Сербетя и Тютери* весьма поучительна и *могла-бы послужить благодарнымъ сюжетомъ для исторической поэмы или даже бытовой драмы изъ жизни калмыкъ того времени.*—Какъ бы то ни было, Семенъ Хошоутовъ женился на Тютери, былъ пожалованъ чиномъ полковника и назначенъ командиромъ Оренбургскихъ крещенныхъ калмыковъ, съ производствомъ ему жалованья изъ оренбургскихъ доходовъ по 120 рубл. въ годъ [b]).

Въ 1752 г. прибыла въ Оренбургъ сестра Семена Хошоутова и заявила о своемъ желаніи перейти въ православіе. Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ, а его должность временно исправлялъ бригадиръ Тевкелевъ, который приказалъ выдать Хошоутовой „на первый случай" 20 руб. и 20 апрѣля сообщилъ о томъ въ Петербургъ Неплюеву, присовокупивъ, что Семенъ Хошоутовъ желаетъ, „дабы крещеніемъ его сестры обождать до возвращенія губернатора въ Оренбургъ". Неплюевъ, въ отвѣтъ на это, 15 мая того же года, между про-

---

a) Тамъ же, л.л. 481—482. Здѣсь помѣщенъ подлинный указъ, за № 668, подписанный графомъ Алексѣемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, графомъ Михаиломъ Воронцовымъ, переводчикомъ Акександромъ Турчениновымъ и регистраторомъ Петромъ Поповымъ.

b) Тамъ же, л. 481. Ср. „Топ. Оренб. губ." Рычкова, ч. I, стр. 87. Изд. 1887 г.

чимъ, писалъ Тевкелеву: „что сестра Хошоутова желаетъ креститься, то изрядно, якоже и тому, что ваше высокоблагородіе на первой случай *двадцать* рублевъ выдать ей изволили, я согласенъ, а что братъ ея желаетъ, дабы крещеніемъ ее обождать до прибытія моего, въ томъ нужды нѣтъ, яко оное и безъ меня совершиться можетъ, а воспріемникомъ можетъ ей быть совѣтникъ господинъ Рычковъ; и когда она крестится, то надлежитъ ее снабдить одеждою и на то, якоже и на прочее, употребить до *тридцати* рубл., а о будущемъ ея содержаніи, ежели она крестится, яко безъ онаго и снабдѣвать ее нужды нѣтъ, впредь надлежащее опредѣленіе учинено будетъ“ [a]. Сестра Семена Хошоутова получила при крещеніи имя Анны Петровны [b], и вскорѣ вышла за мужъ за ставропольскаго полковника изъ крещенныхъ калмыковъ Шарапа; 2 сентября того же (1752) года Неплюевъ, между прочимъ, писалъ Тевкелеву: „хотя сестра владѣльца Семена Хошоутова уже окрещена и въ замужество съ ставропольскимъ крещенымъ калмыцкимъ полковникомъ Шарапомъ вступила; но чтобъ за то святаго крещенія воспріятіе надлежащаго награжденія не лишилась, для того ваше высокоблагородіе благоволите приказать въ Ставрополѣ выдать ей еще *пятьдесятъ* рублевъ, поставя оные на счетъ калмыцкой суммы, а кормовыхъ денегъ ей, яко замужней женѣ, давать уже не надлежитъ“ [c].

Кромѣ Ставрополя и его уѣзда, крещеные калмыки, какъ мы видимъ, стали селиться и въ Оренбургѣ. Неплюевъ даже думалъ воспользоваться и некрещеными калмыками, какъ матеріаломъ, для колонизаціи Оренбургскаго края. Въ 1745 г. онъ обратился въ Коллегію Иностр. Дѣлъ съ ходатайствомъ о дозволеніи поселиться „въ верхнихъ по Яику городкахъ находящимся при войскѣ Яицкомъ калмыцкимъ старшинамъ: Цой-Берду съ товарищи и Лорой-Гецелѣ съ семидесятью кибитками“, которые сами изъявили на то желаніе и обязывались на новыхъ мѣстахъ отправлять службу на свой коштъ „караулами, гоняніемъ подводъ за прогоны и воженіемъ писемъ, только-бъ имъ позволить про себя торговать, для рыбной же и звѣриной ловли изъ городовъ свитами уволивать“ [d]. Основываясь на привиллегіи, данной Оренбургу, Неплюевъ находилъ не только возможнымъ, но и выгоднымъ для края поселеніе калмыковъ въ верхнеяицкихъ крѣпостяхъ на предложенныхъ ими условіяхъ: „ибо оныя крѣпости (до-

---

a) Письмо Неплюева къ Тевкелеву. См. въ Тург. арх. „*Указы 1752 г.*“, по оп. № 25, л. 43.

b) Воспріемникомъ Хошоутовой, согласно волѣ Неплюева, былъ Петръ Ивановичъ Рычковъ, почему её и величали „Петровна“.

c) Въ Тург. арх. „*Указы 1752 г.*“, по оп. № 25, л. 133. Здѣсь помѣщено письмо Неплюева къ Тевкелеву изъ С.-Петербурга за № 872. Ср. л. 134.

d) П. С. Зак., т. XII, № 9175, стр. 402.

носилъ онъ) казаками оскудѣваютъ, калмыки-жъ на своемъ коштѣ тутъ быть и служить охотятся; а хотя-бы нѣкоторые, перешедъ, и паки къ Яику или въ калмыцкіе улусы возвратиться и уходить похотѣли, то изъ того никакого убытка нѣтъ" [a]. Но Коллегія Ин. Дѣлъ взглянула на это переселеніе нѣсколько иначе. По прежнимъ договорамъ съ калмыцкими владѣльцами, Русское правительство, какъ мы знаемъ [b], не могло принимать некрещенныхъ калмыкъ въ русскіе города, почему Коллегія, сообщая Сенату о ходатайствѣ Неплюева, замѣчаетъ: „ежели нынѣ о принятіи некрещенныхъ калмыкъ точное опредѣленіе учинить, то сіе не одному намѣстнику ханства и Лабанъ-Дондуку [c], но обще всѣмъ владѣльцамъ калмыцкимъ будетъ противно: ибо когда сіе въ калмыцкихъ улусахъ внушено будетъ, то и еще не одна тысяча калмыкъ въ россійскія жилища прибѣгутъ, которыхъ всѣхъ обнять и поселить будетъ неудобно, а владѣльцы, принявъ то за крайнее себѣ огорченіе, толь наипаче, что тѣмъ вся ихъ власть въ наказаніи и штрафованіи подданныхъ имъ калмыкъ отымется, не были-бъ принуждены со оставшими улусы ихъ разойтись врознь" [d]. Въ виду этого, чтобы согласить интересы калмыцкихъ владѣльцевъ съ интересами колонизаціи, Коллегія представляла Сенату: „того ради за лучшее усматривается изъ вышеписанныхъ калмыкъ старшинъ Цой-Берду и Лорой-Гецелю тайному совѣтнику и оренбургскому губернатору Неплюеву призвать къ себѣ и учинить имъ объявленіе, что хотя онъ губернаторъ, по силѣ оренбургской привиллегіи, и можетъ ихъ въ Оренбургскую губернію принять, и къ поселенію по ихъ желанію, также къ торгу, къ промыслу и къ службѣ допустить; но ежели между тѣмъ владѣльцы калмыцкіе усильно будутъ ихъ требовать возвратно къ себѣ, а они и тогда св. крещенія не примутъ, въ такомъ случаѣ онъ губернаторъ ихъ удержать не можетъ; и когда оные и на то склонятся, то ему ихъ принять и въ Оренбургской губерніи, гдѣ заблагоразсудитъ, поселить позволить, *токмо публичнаго идольскаго капища строить ихъ не допускать*, и въ поселеніи, когда оные похотятъ возвратиться въ калмыцкіе улусы, запрещенія имъ не чинить, также и владѣльцамъ калмыцкимъ во время о возвратѣ оныхъ некрещенныхъ требованія точно не отказывать, а отговариваться въ томъ означенною привиллегіею, и яко оный губернаторъ, по силѣ оной, не однихъ калмыкъ, но и прочихъ всякихъ иновѣрцевъ тамо жить допуща-

---

[a] Тамъ же.
[b] См. выше стр. 529 въ наст. монографіи.
[c] Владѣлецъ, которому принадлежали калмыки, пожелавшіе поселиться въ Верхнеяицкихъ крѣпостяхъ.
[d] Тамъ же, стр. 402, столб. 2.

етъ, и которые изъ нихъ похотятъ въ ихъ отечество возвращаться, тѣхъ не удерживаетъ"[a]. Сенатъ 12 іюня 1745 года утвердилъ представленіе Коллегіи Ин. Дѣлъ особымъ указомъ, о чемъ 19 іюня того же года было сообщено и Неплюеву[b]. Цой-Берду и Лорой-Гецеля согласились и на этихъ условіяхъ переселиться въ Оренбургъ. „Они"—по свидѣтельству Рычкова,—„перекочевали туда въ совершенной бѣдности, но отъ оренбургскаго торгу, а паче скорнячнымъ ихъ мастерствомъ (въ чемъ они имѣютъ особливое искусство) вскорѣ исправились какъ лошадьми, такъ и скотомъ"[c]. Узнавъ объ этомъ переселеніи, Дондукъ-Даша въ 1749 году прислалъ въ Оренбургъ зайсанга Наувата съ требованіемъ, чтобы всѣ упомянутые переселенцы были отпущены съ зайсангомъ къ нему въ орду. Неплюевъ, опираясь на указъ Сената, приказалъ объявить Наувату, что онъ можетъ забрать лишь тѣхъ, которые не были крещены и кои не желаютъ креститься, о чемъ было сообщено и калмыцкимъ поселенцамъ. Всѣхъ переселенцевъ оказалось 234 человѣка, изъ коихъ 28 душъ были уже крещены раньше и 84 души[d] крестились теперь, а остальные 122 челов., непожелавшіе креститься, были отпущены съ Науватомъ въ орду[e]. Впослѣдствіи число Оренбургскихъ крещеныхъ калмыкъ увеличилось новыми выходцами; такъ владѣлецъ Иванъ Дербетевъ, зять княгини Дондуковой, просилъ Коллегію Иностр. Дѣлъ чрезъ свою тещу о дозволеніи переселить въ Оренбургъ изъ Ставрополя 30 кибитокъ крещеныхъ калмыкъ съ зайсангомъ Ѳеодоромъ Соломомъ, которыя достались ему въ наслѣдство послѣ отца,—и Коллегія указомъ 1 сентября 1752 года предписала Неплюеву: „зайсангу Ѳедору Солому съ тридцатью кибитками калмыкъ *въ Оренбургъ перейти позволить*"[f]. Сюда же шли для воспріятія крещенія нѣкоторые изъ калмыкъ, кочевавшихъ по Яику, и разные выходцы изъ киргизскаго плѣна, такъ-что въ 1754 г. число всѣхъ Оренбургскихъ крещеныхъ калмыкъ равнялось уже 56 кибиткамъ, въ коихъ было 205 душъ обоего пола[g].

Оренбургскіе крещеные калмыки выдѣлились преимущественно изъ калмыкъ, кочевавшихъ по нижнему теченію Яика и въ окрестностяхъ

---

a) Тамъ же, стр. 403, столб. I.

b) См. копію съ указа въ Тург. арх. „*Указы. 1745 г.*" по оп. № 18, лл. 234—235.

c) Топогр. Оренб. губ. по изд. 1762 г., ч. I (а не II, какъ знач. въ соч. Н. А. Ѳирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства", стр. 378), стр. 88, а въ изд. 1887 г.. стр. 86.

d) Въ томъ числѣ 46 душъ м. пола и 38 женск. пола. Въ Тург. арх. „*Указы 1755 г.*", по оп. № 30, л. 483 на оборотѣ.

e) Рычковъ. Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., ч. I, стр. 86—87.

f) Въ Тург. арх. „*Указы 1752 г.*", по оп. № 25, л. 138 и 139.

g) Рычковъ. Топ. Ор. губ., стр. 87. Въ соч. Н. А. Ѳирсова: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства" цитадъ показанъ невѣрно, см. стр. 378.

Яицкаго городка, гдѣ ихъ въ 1744 году считалось 684 человѣка[a]), а въ 1748 году—620 чел.—Извѣстно, что еще въ 1725 г., вслѣдствіе представленія полковника Захарова, производившаго перепись Яицкихъ казаковъ, 110 чел. калмыковъ были зачислены въ составъ Яицкаго войска казаками[b]); впослѣдствіи число яицкихъ казаковъ изъ калмыкъ постепенно увеличивалось и въ 1748 г. оно равнялось уже 470 чел., которые добровольно несли казачью службу въ войскѣ, остальныя же кочевали въ яицкихъ степяхъ самовольно[c]). Этимъ обстоятельствомъ воспользовались татарскіе муллы, которые старались склонять калмыкъ въ магометанство, какъ это дѣлалось и въ Астрахани, гдѣ въ 1744 году обращенныхъ въ магометанство калмыкъ было насчитано 634 чел., изъ нихъ 221 м. и 413 чел. женскаго пола[d]); всѣхъ ихъ велѣно было отправить для поселенія въ Ставрополь, „а чтобъ они ко св. крещенію обращаться могли, въ томъ велѣть ихъ тамо находящимся командирамъ и священникамъ и калмыкамъ, кои калмыки уже въ вѣрѣ христіанской греческаго исповѣданія весьма твердыми и знающими тотъ христіанскій законъ состоятъ, наиприлежнѣйшей ласкою склонивать, и кто къ принятію св. крещенія склоннымъ явится, таковыхъ тотчасъ крестить“ [e]). Въ Астрахани калмыки были „приводимы въ магометанскій законъ хозяевами ихъ“, а въ Оренбургскомъ краѣ дѣйствовали муллы, которые весьма искусно скрывали свою пропаганду. Поводомъ къ раскрытію результатовъ этой пропаганды послужило слѣдствіе о калмыцкой женѣ Аислѣ Норошкѣевой, принявшей православіе подъ именемъ Пелагеи Петровой, а потомъ совращенной „*неволею и обманомъ*“ въ магометанство. Неплюевъ доносилъ Сенату, что въ октябрѣ 1746 года въ Оренбургскую губернскую канцелярію явилась жившая въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ калмычка Аисла Норошкѣева, а по крещеніи въ христіанскую вѣру греческаго исповѣданія Пелагея Петрова, которая „доношеніями показала, какъ де въ 1738 г. калмыцкій владѣлецъ Бай прикочевалъ къ Яицкому городку, въ то-де время братъ ея родной, калмыкъ Лакъ, взявъ ее съ собой вдовою, выдалъ въ замужество за живущаго въ ономъ Яицкомъ городкѣ татарина Эаделя, кой нынѣ находится въ Илецкомъ городкѣ въ казакахъ; а онъ де, Эадель, по согласію съ тамошними татарами и съ женками татарскими, не только *неволею, но и обманомъ* ввели ее въ магометанскій законъ; чего ради бывшіе при томъ приведеніи люди, отставной

---

[a]) Доношеніе Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ Сенатъ, отъ 10 іюня 1745 г. См. въ Тург. арх. „*Указы 1745 г.*“, по описи № 18, л. 228.
[b]) Грамота Воен. Коллегіи, отъ 14 октября 1725 г.
[c]) См. § 21 проэкта Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска.
[d]) П. С. З., т. XII, № 9722, стр. 210, столб. 2.
[e]) Стр. 214, столб. 2.

изъ казаковъ Ибрай Заитовъ да служащій въ казакахъ Сулейманъ Байметевъ, называемые ими *муллы*, да Бикей Тамбердинъ и женка Саталгана Ишѣева и бывшій мужъ ея Эадель и прочіе подлежащіе къ слѣдствію забраны въ Оренбургъ" [a]. Изъ слѣдствія выяснилось, что Норошкѣева „за онаго татарина за мужъ выдана и въ татарскій законъ приведена хотя-бъ и по ея волѣ; но въ томъ же Яицкомъ городкѣ у татаръ изъ идолопоклонниковъ, въ ихъ магометанскій законъ приведенныхъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, имѣется-жъ довольно; и что де оное калмыкъ въ ихъ законъ приведеніе, такожъ и съ калмыцкими (женками) татаръ женитьба противно, того де во всемъ томъ Яицкомъ городкѣ и не знаютъ и по указамъ запрещенія не вѣдаютъ, почему де то у нихъ еще въ древнемъ обыкновеніи состоитъ, и войско де Яицкое, яко въ одномъ городѣ живущіе, про то не безъизвѣстны" [b]. Неплюевъ 26 декабря 1746 года предписалъ Яицкому войску: „для надлежащаго разсмотрѣнія, имѣющихся въ Яицкомъ городкѣ, какъ обрѣзанныхъ въ магометанскій законъ калмыкъ, такъ и калмычекъ и калмычатъ, въ томъ законѣ обрѣтающихся, сколько ихъ ни есть, *переписать всѣхъ*, съ показаніемъ противъ каждаго имени, кто, когда и кѣмъ обрѣзанъ, или какъ-нибудь въ тотъ законъ приведенъ, и волею-ли, или неволею, и кто-жъ при томъ именно, кромѣ ахуновъ и муллъ, въ дѣйствіи былъ, и гдѣ, и при комъ тѣ люди, также и оные приведенные по-нынѣ находятся, и тотъ законъ дѣйствительно-ли они содержатъ, и нѣтъ-ли изъ нихъ кого уже крещенныхъ, или инымъ какимъ образомъ отъ того отвратившихся, и ту перепись прислать въ Оренбургскую губернскую канцелярію" [c]. Яицкое войско, препровождая въ Оренбургъ затребованныя свѣдѣнія, между прочимъ, писало; что „у нихъ (татаръ) обыкновенно въ магометанскій законъ приводятъ тогда, когда надлежало мулламъ ихъ въ мечети вѣнчать, а до свадебнаго де времени никого не приводятъ: сверхъ же того, другія изъ калмыцкихъ женокъ, вдовы и своею волею, надѣвши по татарскому обычаю платки, ходятъ, послѣдуя ихъ бусурманскому обычаю, точію де оныя въ самомъ дѣлѣ въ ихъ магометанскій законъ не приводятся, къ тому-жъ де у объявленныхъ татаръ находятся изъ калмыцкой же націи купленные ихъ дворовые, мужеска и женска пола, и еще по ихъ обычаю въ магометанскій законъ не привидены и не обрѣзаны". По вѣдомости, приложенной къ доношенію Яицкаго войска, „находящихся въ магометанскомъ за-

---

[a]) П. С. З., т. XIII, стр. 211.
[b]) Тамъ же.
[c]) Тамъ же.

конѣ“ значилось „женокъ за татарами 30, изъ которыхъ три въ законъ еще не приведены, а прочія, кромѣ двухъ, приведены вышеписаннымъ Ибраемъ муллою, двѣ же изъ нихъ вѣнчаны другими: одна Кара муллою, кой (какъ въ той же вѣдомости показано) отданъ на поруки, другая—Жамагуль муллою, кой де, назадъ тому 20 лѣтъ, умеръ; у нихъ дѣтей м. и ж. пола 40; вдовъ, бывшихъ за татарами, четыре, изъ которыхъ двѣ въ законъ не приведены, однакожъ, по татарскому обыкновенію надѣвъ платки, сами по своей волѣ такъ ходятъ да двое изъ калмыкъ, приведенные въ тотъ законъ показаннымъ же Ибраемъ муллою, изъ коихъ у Идана хотя въ отмѣткѣ и написано, что онъ жену себѣ взялъ татарскую, токмо оной, кромѣ одной дочери пятилѣтней, въ той вѣдомости не означено, да у Гардушки жена и сынъ и у сына жена калмыцкой же націи, у онаго-жъ сына его—малолѣтнихъ два сына; да у тѣхъ же служилыхъ татаръ—купленныхъ бабъ и дѣвокъ калмыцкихъ *двѣнадцать* да калмыкъ одинъ, которые де, по ихъ обычаю въ магометанскій законъ неприведенные, живутъ вольно, счисляются дворовыми“ [a]. Вмѣстѣ съ своимъ отношеніемъ, Яицкое войско представило въ Оренбургскую канцелярію и доношеніе вышеозначенныхъ татаръ, въ которомъ они писали, что „напредь сего какъ отцы ихъ, такъ и дѣды, съ поселенія Яицкаго городка находились, и при поселеніи еще брали за себя за малолѣтствомъ [b](?) женскаго пола изъ калмыцкой націи женъ добровольно, а другихъ и покупая въ законныя жены, а онѣ де женки въ магометанскій законъ приходили, также и замужъ шли своевольно; и тако де съ оными женками уже нѣсколько и дѣтей расплодилось, и у нѣкоторыхъ де есть купленныя калмыцкія же мужеска и женска пола ребята, которые тако-жъ по своей волѣ состоятъ въ томъ же магометанскомъ законѣ“ [c]. Въ рапортѣ, отъ 1 января 1747 г., Яицкое войско, ссылаясь на прежде посланную въ Оренбургскую канцелярію „*перепись*“, доносило, что „при той переписи явилась одна семья изъ калмыковъ, въ магометанскій законъ приведенная служилымъ татариномъ Кара муллою, о которыхъ де и въ той вѣдомости, подъ именемъ калмыцкой женки, объявлено, и что съ тѣмъ муллою чинить, требовано резолюціи; изъ показанныхъ же въ той вѣдомости калмыкъ и калмычекъ и изъ покупныхъ оными татарами калмычатъ, окрестившихся не имѣется, да и креститься де изъ нихъ никто не желаетъ“ [d]. Такимъ образомъ изъ этого дѣла видно, что *совратителями калмыкъ въ ма-*

---

a) Тамъ же, стр. 212.
b) Не опечатка-ли, вмѣсто „*малолюдствомъ*“?
c) Тамъ же.
d) Тамъ же, стр. 213, столб. I.

гометанство были татарскіе муллы Ибрай, Кара и Жамагуль, которые искусно и уклончиво отвѣчали на слѣдствіи объ ихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, приписывая совращеніе калмыкъ въ магометанство главнымъ образомъ мулламъ, которыхъ не было уже въ живыхъ. Но этой одной уловки было недостаточно для оправданія; а потому они ссылались и на то, что многія изъ поименованныхъ въ вѣдомости калмычекъ вовсе не принимали Ислама, потому что онѣ не вступали еще въ бракъ съ магометанами, когда собственно, по ихъ заявленію, бываетъ присоединеніе кафира (невѣрнаго) къ Исламу; хитрые муллы могли въ этомъ случаѣ имѣть въ виду 220 ст. 2 гл. Корана, гдѣ сказано: «*Не женитесь на многобожницахъ, доколѣ не увѣруютъ онѣ.—Вѣрующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и нравилась вамъ*»[a]. Кромѣ того, муллы указывали и на то, что нѣкоторыя калмычки по своему желанію носятъ только татарскую одежду, подражая татарскому обычаю, но въ магометанскомъ законѣ онѣ не состоятъ, другіе же калмыки, которые служатъ у нихъ въ качествѣ дворовыхъ, въ магометанство также не обращены и не обрѣзаны. Относительно тѣхъ калмычекъ, которыя были уже женами татаръ, муллы заявили въ свое оправданіе, что у татаръ, живущихъ въ Яицкомъ городкѣ, издавна существовалъ обычай жениться на калмычкахъ, на что прежде запрещенія не было. Вслѣдствіе такихъ показаній, трудно было найти главныхъ виновниковъ совращенія калмыкъ въ магометанство, и судебный приговоръ надъ привлеченными къ дѣлу муллами дѣлался затруднительнымъ.

Сенатъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, опредѣлилъ: „собравъ виновныхъ, объявить имъ, что хотя они за вышеписанное превращеніе и позволеніе, по силѣ означенныхъ, Уложенія 22 гл. 24 пункта и губернаторскаго и воеводскаго наказа 19 пункта, и Именнаго 1735 г. февраля 22 дня указа, подлежали *наижесточайшему истязанію*; но понеже то ими учинено *прежде* вышеобъявленнаго состоявшагося Е. И. Величества іюля 15, 1744 г. Всемилостивѣйшаго объ отпущеніи винъ указа: того ради и имъ нынѣ *та ихъ вина*, по силѣ онаго указа, изъ Высочайшей Е. И. Величества милости *отпускается*, съ такимъ при томъ подтвержденіемъ, чтобъ они впредь таковыхъ превращеній какъ калмыкамъ, такъ и никому, ни подъ какимъ видомъ, чинить не дерзали, подъ опасеніемъ неупустительнаго за то съ ними, по силѣ предписанныхъ Уложенія и указовъ, истязанія“[b]. Это постановленіе относилось и къ астраханскимъ пропагандистамъ,

---

[a] Е. А. Маловъ. О Новокрещенской конторѣ, стр. 123.
[b] П. С. З., т. XIII, № 9722, стр. 215.

въ числѣ которыхъ, кромѣ магометанъ, были, между прочимъ, и католическіе патеры: Іоаннесъ и Филиксъ, а также армянскіе попы и лютеранскіе пасторы; всѣхъ крещенныхъ въ армянскій, римскій и лютерскій законъ, въ томъ числѣ и калмыкъ, было насчитано въ Астрахани 220 чел. обоего пола[a]). Вслѣдъ затѣмъ указомъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, отъ 10 апрѣля 1747 г., атаману Яицкаго войска было предписано доносить Оренбургской канцеляріи, сколько и когда будетъ допущено изъ калмыкъ къ крещенію, съ обозначеніемъ времени ихъ поселенія близъ Яицкаго городка; нежелавшихъ же креститься велѣно отдавать на круговую поруку съ обязательствомъ, чтобы „калмыки жили спокойно и никакихъ пакостей не чинили". Желая положить конецъ открытой магометанской пропагандѣ, Неплюевъ приказалъ войсковому атаману отобрать у татаръ особыя подписки, *подъ страхомъ смертной казни*, дабы „впредь не только сами они къ превращенію въ свой законъ, ниже къ подговариванію и наученію для того изъ другихъ вѣръ никого и ни подъ какимъ видомъ не отваживались, но и другихъ свою братію татаръ не допущали"[b]). Войсковой атаманъ и старшины обязаны были строго смотрѣть за татарами и особенно за дѣйствіями ихъ муллъ и, въ случаѣ малѣйшаго уклоненія отъ данной ими подписки, немедленно брать ихъ подъ арестъ и доносить о томъ въ Оренбургскую канцелярію. Не сомнѣваясь въ томъ, что тайная пропаганда муллъ не прекратилась и послѣ этого, мы не можемъ также не признать и того, что страхъ смертной казни значительно уменьшилъ кругъ и степень магометанскаго вліянія на калмыковъ, почему число желающихъ креститься изъ нихъ стало возрастать быстрѣе и болѣе замѣтнымъ образомъ. Между тѣмъ намѣстникъ ханства Дондукъ-Даша просилъ Коллегію Ин. Дѣлъ опредѣлить съ точностью, кто именно долженъ быть допускаемъ изъ калмыковъ къ крещенію[c]); въ отвѣтъ на это 28 іюня 1748 г. дана была Высочайшая грамота на имя Дондукъ-Даши „съ братьями, съ дѣтьми и съ племянники". Первые три пункта этой грамоты[d]), какъ доносила Коллегія Ин. Дѣлъ въ Сенатъ, „написаны по содержанію шертовальныхъ записей прежнихъ калмыцкихъ владѣльцевъ и по силѣ учиненныхъ о томъ опредѣленій бывшими кабинетными министрами 1736 г., также и Коллегіею Иностр. Дѣлъ 1745 и 1746 годовъ, которые и указами Правительствующаго Сената подтверждены, а послѣдній 4 пунктъ,

---

a) Тамъ же, стр. 211.
b) См. пунктъ 22 проэкта Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска. Ср. выше стр. 301 въ наст. монографіи.
c) Въ Тург. арх. „*Указы 1748 г.*", по оп. № 20, лл. 150 и 151.
d) См. калмыцкій текстъ ея тамъ же, лл. 159—160.

по силѣ Уложенія 20 гл., 118 пункта, со объясненіемъ того, чего въ ономъ не достаетъ, и по дѣламъ, напредь сего о томъ съ калмыками происходившимъ, и по указу 1721 года" [a]. Въ четвертомъ пунктѣ этой грамоты было сказано: „буде кто изъ Нашихъ подданныхъ, россіянъ и иновѣрцевъ, украдетъ или сильно у кого отыметъ калмыкъ и калмычатъ, и то по сыску подлинно доказано будетъ, и съ тѣхъ людей за оное преступленіе брать штрафа въ казну Нашу за каждаго мужескаго и женскаго пола человѣка по *двадцати рублевъ, а кому* такихъ денегъ *платить* будетъ *не чѣмъ*, и таковымъ чинить жестокое наказаніе: *бить плетьми на торгу*; а тѣхъ калмыкъ, которыхъ они украдутъ или отымутъ, взявъ отъ нихъ, буде оные некрещены, отдать тѣмъ людямъ, у кого оные украдены или отняты, а *ежели тѣ калмыки*, будучи у нихъ, *крестятся* и на нихъ, сверхъ вышеписаннаго штрафа или наказанія, за тѣхъ калмыкъ за каждаго мужескаго и женскаго пола человѣка *брать* денегъ по *тридцати рублевъ* и отдавать тѣмъ людямъ, у кого они тѣхъ калмыкъ украдутъ или отымутъ, а оныхъ крещеныхъ калмыкъ отъ нихъ отбирать и на житье и для написанія въ службу *отсылать въ Ставрополь*, а буде кому и тѣхъ тридцати рублевъ платить будетъ не чѣмъ, и за таковыхъ калмыкамъ деньги платить изъ казны Нашей, а тѣхъ людей, за кого оныя деньги заплачены будутъ, содержать на Нашихъ казенныхъ учугахъ или на другихъ тамошнихъ работахъ, доколѣ оные тѣ заплаченныя за нихъ деньги заработаютъ, считая по двѣнадцати рублевъ на годъ" [b].

Неплюевъ, по указу Коллегіи Иностр. Дѣлъ, отъ 28 іюня 1748 г., долженъ былъ „по содержанію той грамоты приказать какъ въ Оренбургѣ, такъ и въ городахъ оной губерніи публиковать указами и въ Ставрополѣ крещенымъ калмыкамъ объявить" [c]; о томъ же были посланы указы астраханскому губернатору и къ полковнику Спицыну [d], а въ Военную Коллегію была отправлена промеморія [e]. Составъ Оренбургскихъ крещеныхъ калмыкъ пополнялся, между прочимъ, и выходцами изъ киргизскаго плѣна, относительно которыхъ Неплюевъ 20 августа 1747 г. представлялъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, что онъ считаетъ излишнимъ наводить о нихъ справки, въ случаѣ ихъ желанія креститься, „да и о живущихъ при Оренбургѣ калмыкахъ, яко давно отъ улусовъ отлучившихся, съ полков-

---

a) Тамъ же, л. 151.
b) Тамъ же, л. 156.
c) Тамъ же, л. 149. Указъ за № 466.
d) Тамъ же, л. 158.
e) Тамъ же, л. 157 на оборотѣ.

никомъ Спицынымъ справливаться потребности не находитъ"[a]. Въ отвѣтъ на это Коллегія писала Неплюеву: „и хотя сіе ваше представленіе здѣсь и пріемлется; но поненже предъ недавнимъ временемъ, по жалобѣ намѣстника ханства калмыцкаго Дондукъ-Даши, явилось, что *одинъ* выбѣгшій изъ киргизъ-кайсакъ *калмыченокъ* въ Гурьевѣ-Яицкомъ городкѣ комиендантомъ *крещенъ неволею*, того ради таковыхъ, выбѣгшихъ изъ киргизъ-кайсакъ и св. крещеніе принять желающихъ калмыкъ надлежитъ вамъ спрашивать самому, подлинно-ль они добровольно креститься желаютъ, и и когда они то сами вамъ засвидѣтельствуютъ, тогда ихъ надлежащимъ образомъ св. крещенія сподоблять и на житье въ Ставрополь отсылать, а что принадлежитъ до тѣхъ калмыкъ, которымъ по представленію вашему велѣно быть при Оренбургѣ; то здѣсь весьма *желательно*, дабы оные и всѣ, хотя по малу, *приведены были въ христіанскій законъ*. И хотя и о нихъ справокъ чинить не надлежитъ, однако же о томъ для извѣстія какъ сюда репортовать, такъ и губернатору астраханскому и къ полковнику Спицыну сообщить надобно"[b].

Вообще Русское правительство дѣйствовало крайне осторожно, по отношенію къ калмыкамъ, и, въ виду ихъ многочисленности и непостоянства, старалось расположить къ себѣ болѣе вліятельныхъ изъ нихъ. Интересно въ этомъ отношеніи дѣло о бѣглыхъ крещеныхъ калмыкахъ Ѳедорѣ Кошемѣ и Аѳанасіи Шоринѣ „съ товарищи". Изъ доношенія Неплюева въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, отъ 18 февраля 1752 г., видно, что поименованные калмыки „за ихъ намѣреніе къ побѣгу" были высланы изъ Ставрополя, гдѣ они жили, въ Красноуфимскую крѣпость, откуда также бѣжали и увели было съ собою нѣсколько обывательскихъ лошадей, но были пойманы и, по опредѣленію Оренбургской канцеляріи, наказаны плетьми. По справкѣ въ Иностр. Коллегіи съ дѣлами прошедшихъ лѣтъ оказалось, что одинъ изъ бѣглецовъ, именно Аѳанасій Шоринъ былъ сынъ полковника крещеныхъ калмыкъ Ивана Шоры, знатнаго и богатаго зайсанга, братъ котораго Дубжуръ, имѣвшій у себя до тысячи кибитокъ, въ 1723 г. пожелалъ было креститься и, вслѣдствіи представленія Волынскаго, высочайшимъ указомъ 5 іюня 1724 г. велѣно было опредѣлить ему жалованья по 500 р. въ годъ да 250 четвертей хлѣба. Мать бѣглеца Аѳанасья Шорина также происходила изъ знатнаго калмыцкаго рода: она была дочь зайсанга Гумеджана, который, со времени хана Черенъ-Дондука, состоялъ судьей въ калмыцкомъ „*Зарго*" и теперь поль-

---

[a] Тамъ же, л. 36. Подлинный указъ Коллегіи Ин. Дѣлъ за № 39, отъ 22 января 1748 г.

[b] Тамъ же, л. 36 на обор. и л. 37.

зовался особеннымъ довѣріемъ намѣстника ханства Дондукъ-Даши. Кромѣ того, въ 1737 г., когда ханъ Черенъ-Дондукъ и Петръ Тайшинъ находились въ Петербургѣ, Гумеджапъ, вмѣстѣ съ зайсангомъ Матвѣемъ Гелдеемъ, былъ посылаемъ въ Астрахань для приведенія въ Самару калмыцкаго войска „къ поискамъ надъ бунтовавшими башкирцами". Въ то время какъ Матвѣй Гелдей, крестникъ Петра Толстаго, забравъ отъ Астрахани нѣсколько сотъ *крещеныхъ* калмыковъ, увелъ ихъ, вмѣсто Самары, къ хану Дондукъ-Омбо, гдѣ они снова обратились въ „идолопоклоненіе",—Гумеджапъ явился въ Самару въ главѣ нѣсколькихъ сотъ *некрещеныхъ* калмыкъ, „которые надъ башкирцами и поиски производили". Въ виду такой добросовѣстности и доброжелательства Гумеджапа, Коллегія Иностр. Дѣлъ 28 октября 1747 г. рекомендовала полковнику Спицыну „съ нимъ Гумеджапомъ сдружиться, и чрезъ него развѣдывать о намѣреніяхъ намѣстника ханства. И понеже (писала Коллегія Неплюеву) не безпотребно есть, чтобъ и впредь онаго Гумеджапа, яко во всемъ калмыцкомъ народѣ знатнаго зайсанга, для всякихъ случаевъ къ здѣшней сторонѣ ласкать, того ради заблагоразсуждается, въ удовольствіе его, вышеписаннаго внука его Аѳанасья Шорина взять сюда и опредѣлить въ Коллегію калмыцкаго языка толмачемъ, который и по-русски читать и писать умѣетъ. Итако имѣете вы онаго Шорина приказать сюда, за препровожденіемъ одного солдата, на одной ямской подводѣ и отправить" [a].

Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ, и указъ былъ полученъ имъ въ тотъ же день [b], а 18 сентября въ Оренбургской канцеляріи уже состоялось постановленіе: „калмыка Шорина Уфимской провинціальной канцеляріи велѣть взять изъ Красноуфимска; давъ ему забраться со всѣмъ тѣмъ, что при немъ есть, прислать сюда на перемѣнныхъ подводахъ, за препровожденіемъ одного драгуна, *немедленно*" [c]. Такимъ образомъ этотъ любопытный фактъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что *знатные калмыки*, какъ Сербетъ и Шоринъ, и *по наказаніи ихъ плетьми, не лишались благоволенія Русскаго правительства*, когда выяснялась ихъ генеалогія, въ видахъ политическихъ соображеній.

Видя, что число Оренбургскихъ крещенныхъ калмыкъ увеличилось на столько, что можно было воспользоваться ими для обороны края, Неплю-

---

[a]) Подлинный указъ Неплюеву изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ, отъ 1 сентября 1752 г., за № 381 и за подписью графа Алексѣя Бестужева-Рюмина и графа Мих. Воронцова. См. въ Тург. архивѣ „*Указы 1752 г.*", по оп. № 25, лл. 140 и 141 г.

[b]) Т. е. 1 сентября; по вход. журналу указъ помѣченъ № 997.

[c]) Тамъ же, л. 142.

евъ 12 декабря 1753 года представилъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ соображеніе объ учрежденіи изъ нихъ особой роты, по образцу Ставропольскихъ калмыкъ, съ подчиненіемъ ихъ Семену Хошоутову, которому Неплюевъ предполагалъ дать чинъ полковника и 180 рубл. въ годъ жалованья, „а прочимъ чинамъ при той ротѣ (писалъ онъ въ Коллегію), т. е., хорунжему—40, а есаулу—30 рубл., а рядовымъ калмыкамъ по 6 рубл. на годъ, по чему и Ставропольскіе калмыки, во время ихъ бытности въ командированіи при Оренбургѣ, сверхъ мѣсячнаго провіанта, получаютъ да за провіантъ каждому по четыре рубля, а деньги на то употреблять изъ тамошнихъ доходовъ, и для того впредь изъ Ставропольскихъ калмыкъ къ Оренбургу командировать уже въ добавокъ только то число, сколько, сверхъ оной роты, въ трехсотное число недоставать будетъ“ [a]. Коллегія Иностр. Дѣлъ, донося о томъ Сенату, присовокупляетъ: „а чтобъ оной владѣлецъ и съ женою его, въ ожиданіи такого точнаго опредѣленія, нынѣ въ Оренбургѣ, не получая жалованья, не претерпѣлъ, по принятіи имъ св. крещенія, крайней нужды и *не были-бы принуждены къ побѣгу*; то, по посланному изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію указу, велѣно оному владѣльцу производить жалованья *по сту восьмидесяти рублевъ на годъ* изъ положенныхъ по штату, для содержанія при Оренбургѣ командированныхъ Ставропольскихъ калмыкъ, тысячи рублевъ“ [b]. Сенатъ, разрѣшивъ учредить роту изъ Оренбургскихъ крещеныхъ калмыкъ, не утвердилъ однакожъ, по свидѣтельству Рычкова, проэктированныхъ Неплюевымъ окладовъ жалованья: „жалованья Оренбургскіе калмыки“,—замѣчаетъ онъ,—„ни какого не получаютъ, токмо дается означенному владѣльцу (Семену Хошоутову) *по десяти* да зайсангу по *три* рубл. на мѣсяцъ“ [c]. Въ лѣтнее время Оренбургскіе калмыки, вмѣстѣ съ Ставропольскими и другими нерегулярными людьми, распредѣлялись по казачьимъ форпостамъ.

Въ 1756 году Неплюевъ просилъ Военную Коллегію дать Ставропольскому калмыцкому войску особое знамя, котораго оно еще не имѣло, и тогда же доносилъ, что и „у Оренбургскихъ казаковъ, по нынѣшнему ихъ прибавочному числу, не достаетъ казенныхъ знаменъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ препроводилъ въ Военную Коллегію самыя рисунки знаменъ и сотенныхъ значковъ для калмыкъ и казаковъ „съ показаніемъ и того, какимъ манеромъ и въ какую препорцію сходнѣе ихъ дѣлать“; *на казачьемъ знамени находилось изображеніе города Оренбурга, а на кал-*

---

a) См. въ Тург. арх. „*Указы 1755 г.*“, по оп. № 29, л. 486.
b) Тамъ же, л. 486 на оборотѣ.
c) Топогр. Оренб. губ., стр. 87. Изд. 1887 г.

мыцкомъ — Ставропольской крѣпости и надъ каждымъ изъ нихъ — крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ — изображеніе нерегулярной арматуры. Военная Коллегія, приложивъ „оригинально объявленные рисунки", писала Сенату: „оныхъ Оренбургскихъ казаковъ и Ставропольскихъ калмыкъ тѣми войсковыми знаменами и сотенными значками, по надобности въ томъ, *снабдить надлежитъ*; и для того откуда и изъ какой суммы оныя войсковыя знамена и сотенные значки повелѣно будетъ сдѣлать, Военн. Коллегія требуетъ о томъ указа". Сенатъ указомъ 21 мая того же 1756 года повелѣлъ сдѣлать знамена и значки, согласно представленію и по рисункамъ Неплюева, и „деньги на оныя употребить Оренбургской губерніи изъ доходовъ, подлежащихъ до Штатсъ-Конторы, безъ излишества" [a]. Такимъ образомъ крещеные калмыки Оренбургскаго края были приравнены къ Оренбургскимъ казакамъ и наравнѣ съ ними несли военную службу, охраняя и защищая пограничную линію отъ вторженія и грабежей киргизъ и другихъ хищниковъ. Въ 1754 г., по рапорту за іюль мѣсяцъ, всѣхъ крещеныхъ калмыкъ въ Оренбургской губерніи считалось 5695 душъ обоего пола, а потомъ число ихъ значительно увеличилось вновь прикочевавшими изъ Зюнгоріи, такъ-что къ концу управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ ихъ было уже 8198 душъ обоего пола, „чего ради (замѣчаетъ Рычковъ) и служивый ихъ штатъ еще *тремя ротами умножить разсуждено*" [b]. Кромѣ калмыкъ, въ Ставропольскомъ уѣздѣ въ отмѣченное время считалось до 7000 душъ государственныхъ крестьянъ, болѣе 2500 д. помѣщичьихъ и монастырскихъ, 703 души приписанныхъ къ адмиралтейству и 250 душъ [c] разныхъ крестившихся инородцевъ, вышедшихъ изъ Киргизскаго плѣна, такъ-что все населеніе уѣзда, включая сюда и крещеныхъ калмыкъ, равнялось почти 19000 душъ.

Въ самомъ Ставрополѣ было три храма: два деревянные и одинъ каменный [d], около 500 домовъ, 309 душъ, записавшихся въ купцы изъ разныхъ городовъ, преимущественно же изъ Симбирска, сотня казаковъ и двѣ роты Нижегородскаго пѣхотнаго гарнизоннаго полка. Жилыя строенія находились не только внутри крѣпости, но и внѣ ея съ двухъ сторонъ: въ верхней части Куньей Воложки жили преимущественно солдаты и казаки, а на нижней части—купцы и вообще торговый классъ, почему первая называлась Солдатской слободой, а вторая—Купеческой.

---

[a]) П. С. З., т. XIV, № 10559, стр. 573. Сравн. выше стр. 289 въ наст. монографіи.

[b]) Топогр. Оренб. губ., стр. 318. Изд. 1887 г.

[c]) Ср. выше стр. 441 въ наст. монографіи.

[d]) Каменный пятиглавый соборъ, во имя Живоначальныя Троицы; другая церковь на посадѣ деревянная, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ Архангела Михаила; третья деревянная жъ въ Солдатской слободѣ, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Топ. Оренб. губ., стр. 307. Изд. 1887 г. Въ настоящее время въ Ставрополѣ только два храма, оба каменные.

Неплюевъ, какъ намъ извѣстно, возлагалъ большія надежды на поселеніе крещеныхъ калмыкъ въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ, расчитывая, что удобства поселенія, обиліе земли и разныя льготы будутъ побуждать калмыковъ и впредь къ принятію христіанства и водворенію въ этой мѣстности; но всѣ его надежды и предположенія, къ сожалѣнію, постоянно парализовались апатіей и безпечностью калмыковъ и тѣмъ вреднымъ вліяніемъ, которое имѣли на нихъ ихъ владѣльцы и особенно калмыцкое духовенство, старавшееся держать ихъ въ невѣжествѣ; а частыя сношенія ихъ съ соплеменниками подерживали въ Ставропольскихъ калмыкахъ прежніе обычаи и привычки. Палласъ, Лепехинъ и другіе путешественники, посѣщавшіе Ставропольскихъ калмыкъ во второй половинѣ XVIII вѣка, единогласно свидѣтельствуютъ, что русское вліяніе отразилось почти исключительно только на знатныхъ владѣльцахъ и служащихъ калмыкахъ, простые же калмыки продолжали крѣпко держаться своихъ прежнихъ обычаевъ, предпочитая кочевую жизнь въ кибиткахъ осѣдлой жизни въ домахъ; занимались преимущественно скотоводствомъ, хлѣбопашество же вели больше чрезъ наемныхъ людей и то не по доброй волѣ, а иногда за недостаткомъ наемщиковъ отдавали жать хлѣбъ русскимъ или мордвѣ только изъ-за сѣмянъ, впослѣдствіи же и совершенно оставили занятіе хлѣбопашествомъ [a]. Такъ-какъ порядокъ, заведенный Неплюевымъ среди крещеныхъ калмыкъ, не былъ, какъ слѣдуетъ, поддержанъ; то Ставропольскіе калмыки и въ религіозномъ отношеніи были христіанами только по имени, а въ сущности оставались такими же язычниками, какъ астраханскіе и другіе улусные калмыки [b].

Вникая въ отношенія Русскаго правительства къ инородцамъ въ XVIII в., мы замѣчаемъ, что если иногда и являлись у него счастливыя мысли и стремленія къ обрусѣнію и ассимиляціи инородческихъ племенъ; то цѣлой, строго опредѣленной и неуклонно проводимой въ жизнь системы, по отношенію къ инородцамъ, у него не было. Отсюда возникали тѣ противорѣчія въ правительственныхъ распоряженіяхъ объ инородцахъ, съ которыми приходилось считаться ихъ выполнителямъ. Не выработавъ опре-

---

[a]) Pallas. Reise durch verschid. Prov. des Russisch. Reichs, I, 114—115. Ср. „Дневныя Записки“ Лепехина, стр. 218; и соч. Н. Нефедьева: „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ“, стр. 56.

[b]) Крещеные калмыки Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска, принявшіе православіе большой массой, около 1764 г., весьма скоро обратились въ язычество. К. И. Костенковъ, проѣзжая въ 1860 г. чрезъ ихъ кочевья, близъ р. Кумы, встрѣчалъ гелюнговъ (жрецовъ) почти въ каждой кибиткѣ. Чугуевскіе крещеные калмыки въ 1803 году, въ количествѣ 406 ревизскихъ душъ, слились съ калмыками, кочующими въ землѣ войска Донскаго. См. въ Ж. М. Нар. Просвѣщ. (за 1869 г., августъ) ст. «*О распространеніи христіанства у калмыковъ*», стр. 141.

дѣленнаго плана дѣйствій по отношенію къ инородцамъ, правительство то ужь черезчуръ вѣротерпимо относится къ язычествующимъ инородцамъ и даже къ Исламу; то вдругъ проникается самою сильною, почти фанатическою ревностью къ обращенію ихъ въ христіанство. Съ этою цѣлію оно даетъ новопросвѣщеннымъ инородцамъ различныя льготы: освобождаетъ ихъ отъ рекрутчины, податей и другихъ повинностей; заводитъ школы для христіанскаго просвѣщенія инородцевъ; старается увеличить число миссіонеровъ, знающихъ инородческіе языки; заботится о переводѣ Евангелія и главнѣйшихъ молитвъ на языкъ новопросвѣщенныхъ инородцевъ; ставитъ въ крайне стѣсненное положеніе нежелающихъ креститься; уничтожаетъ старыя и запрещаетъ строить новыя мечети и т. п.; то снова и неожиданно является регрессъ въ инородческомъ дѣлѣ: само правительство отказывается отъ своихъ благихъ начинаній и энергическихъ мѣръ, даже удаляетъ отъ дѣлъ особенно ревностныхъ служителей и рачителей христіанскаго просвѣщенія инородцевъ. При такой неустойчивости въ инородческомъ дѣлѣ самого правительства, безъ сомнѣнія, весьма трудно было подвигать дѣло обрусѣнія и христіанскаго просвѣщенія инородцевъ даже людямъ съ такимъ энергичнымъ и устойчивымъ характерамъ, какимъ отличался Неплюевъ. Намѣтивъ себѣ опредѣленную цѣль и держась строго обдуманнаго имъ плана, въ отношеніи инородцевъ, Неплюевъ не могъ быть увѣренъ, что правительство, утвердившее его распоряженія и мѣры, само же не отмѣнитъ ихъ и не предпишетъ ему другихъ средствъ, противоположенныхъ первымъ; но, благодаря своему уму и необыкновенной находчивости въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Неплюевъ почти всегда умѣлъ убѣдить пральство въ практичности своихъ плановъ и такъ или иначе добиться ихъ утвержденія.—По отношенію къ крещенымъ инородцамъ и въ частности къ калмыкамъ, Неплюевъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы новые члены Св. Православной Церкви были ея истинными дѣтьми, которыя бы *не наружно*, а *внутренно* соединились съ Русскимъ народомъ и съ непритворнымъ уваженіемъ приняли религіозныя основы его жизни и быта; для достиженія этой цѣли, онъ заботился и объ обученіи ихъ русскому языку, при помощи ихъ роднаго языка. Но въ то же время Неплюевъ, какъ опытный и дальновидный администраторъ, хорошо понималъ, что слишкомъ крутое, насильственное и быстрое введеніе русскаго языка и русскихъ обычаевъ въ среду инородцевъ могло бы вызвать въ нихъ затаенную или открытую вражду ко всему русскому и помѣшать постепенному усвоенію инородцами лучшихъ, благотворнѣйшихъ сторонъ русской жизни. Руководясь такимъ убѣжденіемъ, Неплюевъ всегда старался уловить удобный моментъ, воспользоваться своевременно благопріятнымъ настроеніемъ и расположеніемъ

инородцевъ, чтобы провести въ среду ихъ желаемыя имъ преобразованія Сознавая, какъ гибельно дѣйствовало магометанское вліяніе на инородцевъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, Неплюевъ особенно заботился объ огражденіи крестившихся инородцевъ отъ магометанской пропаганды; но угрожая смертною казнію, на основаніи Уложенія, пропагандистамъ Ислама, татарскимъ мулламъ и абызамъ, онъ держалъ себя съ ними просто и вѣжливо въ обыкновенныхъ дѣлахъ, стараясь снискать ихъ довѣріе и уваженіе къ закону. Покуда Неплюевъ былъ главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, заведенный имъ порядокъ оставался почти неприкосновеннымъ, не переставая обнаруживать свои благотворные результаты; не то мы видимъ здѣсь, послѣ оставленія Неплюевымъ поста оренбургскаго губернатора и его перехода на службу въ С.-Петербургъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ и представить болѣе законченную картину отношеній Русскаго правительства къ калмыкамъ въ XVIII в., взглянемъ, хотя въ общихъ чертахъ, на положеніе крещенныхъ Ставропольскихъ калмыковъ послѣ Неплюава, и на ихъ отношенія къ некрещенымъ улуснымъ калмыкамъ, обитавшимъ въ астраханскихъ степяхъ и рѣшившимся на бѣгство въ Китай.

Выше мы показали, какимъ образомъ приводилось въ исполненіе желаніе правительства отдѣлить крещеныхъ калмыковъ отъ некрещеныхъ; изъ приведенныхъ нами фактовъ видно также, какихъ хлопотъ и расходовъ стоило правительству это переселеніе крещеныхъ калмыковъ изъ астраханскихъ степей въ Ставрополь: правительство одѣвало и обувало, кормило и награждало деньгами, соболями, штофомъ и суккнами калмыцкихъ владѣльцевъ и зайсанговъ; возило ихъ на свой счетъ отъ Астрахани до Москвы и Петербурга и обратно въ сопровожденіи особыхъ конвойныхъ, „съ дачею послѣднимъ подводъ и кормовыхъ денегъ"; строило для нихъ на казенныя деньги удобныя жилища; прощало простыхъ калмыкъ въ ихъ преступленіяхъ, если только они изъявляли желаніе креститься, и платило иногда за нихъ долги; выдавало деньги и сѣмена на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ поселенія; устрояло храмы и для ихъ дѣтей школы; отводило калмыкамъ въ изобиліи лучшія земли и луга; дозволило торговлю скотомъ и его продуктами безъ платежа пошлинъ и т. п. Однакожъ, не смотря на все это, калмыки смотрѣли непріязненно на ихъ переселеніе и водвореніе въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе ихъ неумѣнья и нежеланія приняться за правильное хозяйство на мѣстѣ новаго жительства, а также и вслѣдствіе противодѣйствія правительству въ этомъ дѣлѣ калмыцкихъ хановъ, нойоновъ и духовенства. Кромѣ того, не могло благопріятно отзываться на калмыкахъ и то обстоятельство, что, правительство, щедро награждая день-

гами и предоставляя обширныя права и преимущества лицамъ высшихъ сословій изъ калмыкъ, удѣляло слишкомъ скудное вознагражденіе на долю чернокостныхъ калмыкъ (харакюнь), а между тѣмъ это вознагражденіе и было для большинства главною побудительною причиною къ принятію св. крещенія [a]. Нежеланіе калмыкъ переселяться въ Ставрополь обнаружилось на первыхъ же порахъ: оберъ-коммендантъ Унгеръ, въ отвѣтъ на предписаніе Колл. Ин. Дѣлъ отправить крещеныхъ калмыкъ на новое мѣсто, доносилъ, что многіе изъ нихъ, по наущенію зайсанговъ, разбѣжались по улусамъ, и осталось только небольшое число собранныхъ судьею Черкасовымъ, именно 159 д. муж. и 128 д. женскаго пола, которымъ при отправленіи было выдано: зайсангамъ по 2 р., а простымъ калмыкамъ по 1 р.; эти калмыки, какъ мы уже знаемъ, были отправлены со всѣмъ имуществомъ водою по р. Волгѣ, а ихъ скотъ гнали по берегу рѣки; для надзора же и охраненія ихъ въ пути данъ былъ имъ особый конвой, состоявшій изъ солдатъ и донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Неронова. Во время слѣдованія этого транспорта на конвой напали некрещеные калмыки съ намѣреніемъ отбить крещеныхъ; при этомъ былъ убитъ одинъ солдатъ и два казака пропали безъ вѣсти, офицера же и остальную команду калмыки перевязали, оставивъ при нихъ караулъ изъ крещеныхъ калмыкъ (принимавшихъ участіе въ нападеніи), пока остальные уплыли и скрылись въ степи. Прапорщикъ Нероновъ, донося объ этомъ нападеніи, между прочимъ, писалъ, что напавшіе на конвой калмыки, оставляя его въ живыхъ, говорили ему: „ступай въ Астрахань и скажи, что мы сіе учинили за обиды татарскихъ и калмыцкихъ дѣлъ судьи Черкасова, который, получивъ указъ собрать крещеныхъ калмыкъ безъ остатку, нѣкоторыхъ изъ нихъ послалъ, а другихъ *обобралъ* вкругъ съ тѣми школьниками, которые насъ собирали, и взялъ съ иныхъ 500, съ другихъ 10 и 5 рублей, а *четыре кибитки*, находившіяся *у него* въ услуженіи, *вовсе скрылъ*" [b]. Такимъ образомъ Нероновъ долженъ былъ возвратиться въ Астрахань, не выполнивъ порученія; почему Унгеръ обратился къ калмыцкому хану Дондукъ-Омбо съ просьбой о высылкѣ изъ улусовъ крещеныхъ калмыкъ, но ханъ отвѣчалъ: „я многократно доносилъ Ея Величеству, что сіи крещеные калмыки, отъ своего закона ук-

---

[a] По разрѣшенію Св. Синода, калмыкамъ выдавалось при крещеніи: дѣтямъ моложе 10 лѣтъ мужскаго пола и 12 лѣтъ женскаго пола по 1 руб. 50 коп., мальчикамъ отъ 10 до 15 л.—по 2 р., а старше 15 л.—по 3 рубля. Означенныя выдачи производились изъ суммъ, ассигнованныхъ на обращеніе иновѣрцевъ. См. Дѣло Арх. Калм. Управл. 1748 г., № 279. Ср. статью: „*О распространеніи христіанства у калмыковъ*" К. И. Костенкова (Журн. М. Нар. Просв. за 1869 г., августъ, стр. 133).

[b] Тамъ же. Дѣло арх. Калм. Управл. 1737 г., № 101, отд. историческій.

лонясь, а вашу *христіанскую вѣру не весьма желательно*, чаю, что *приняли*, и токмо они могутъ между калмыками и русскими смутку дѣлать, а нынѣ я съ тѣми ворами и лживцами не совѣтывался и имъ къ себѣ приходить не велѣлъ, и теперь при мнѣ не имѣется". Однакожъ, благодаря усиліямъ мѣстныхъ властей, крещеные калмыки были собраны и отправлены въ Ставрополь для поселенія небольшими партіями. Въ 1742 году снова было подтверждено отправлять крещеныхъ калмыкъ *непремѣнно въ Ставрополь*, не дозволяя имъ ни приписываться въ казачье войско, ни оставаться въ степи, потому что (говорится въ указѣ) „калмыки крестятся по несогласіямъ съ владѣльцами, а по крещеніи, проживая по близости ихъ, вымогаютъ отъ нихъ свои требованія и, получа оныя, паки къ нимъ бѣгаютъ, отгоняя отъ россійскихъ жилищъ конскія и скотскія стада; къ тому же и калмыцкіе владѣльцы забирали къ себѣ таковыхъ силою[a])". Между тѣмъ побѣги калмыкъ изъ Ставрополя не прекращались. Въ ноябрѣ того же (1742) года, изъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ прислана была къ Татищеву, астраханскому губернатору, „*отверстая грамота*" на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ для увѣщанія бѣжавшихъ крещеныхъ калмыковъ, чтобы они возвратились въ Ставрополь; тѣхъ же, которые пріѣдутъ въ города и будутъ узнаны, велѣно ловить и содержать подъ надзоромъ, покуда они не вызовутъ своихъ семействъ, а потомъ съ конвоемъ отсылать въ Ставрополь. Когда нѣкоторые изъ отысканныхъ калмыкъ, бѣжавшихъ изъ Ставрополя, не согласились на вызовъ своихъ семействъ, Татищевъ спрашивалъ Коллегію Ин. Дѣлъ, „слѣдуетъ ли силою" требовать ихъ отъ владѣльцевъ и отбирать изъ улусовъ. Коллегія Ин. Дѣлъ, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, указомъ 20 августа 1743 г. предписала: „какъ прежде калмыки не отбирались, такъ и теперь ихъ не отбирать и формально отъ владѣльцевъ не требовать, *чтобы народъ не могъ придти въ смятеніе* и, кому куда свободно, разбѣжаться"; тѣмъ же указомъ повелѣвалось послать во всѣ города секретные указы, чтобы „ловить приходящихъ крещеныхъ калмыкъ и содержать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока они не вызовутъ семействъ, и тогда отправлять ихъ съ надлежащимъ вспоможеніемъ въ Ставрополь; о тѣхъ же калмыкахъ, которые не согласятся вызвать своихъ семействъ, доносить Коллегіи и изъ-подъ караула ихъ не освобождать" [b]).

Побѣги Ставропольскихъ калмыковъ особенно усилились съ 1750 г., вслѣдствіе ослушанія и противодѣйствія Дондукъ-Даши и нойоновъ,

---

a) Дѣло арх. Калм. Управл. № 267. Отд. историч. См. Ж. М. Н. Пр. 1869 года, августъ, стр. 134.

b) Тамъ же, стр. 138—139.—Дѣло архив. Калмыцк. Управл. 1748 г., № 279.

которые охотно принимали крещеныхъ калмыкъ и укрывали ихъ въ своихъ улусахъ [a]. Правительство признало необходимымъ усилить мѣры наказанія за побѣги: такъ одна калмычка въ 1751 году за побѣгъ была допрошена *„съ крѣпкимъ пристрастіемъ“* и наказана публично кнутомъ [b]. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ, полагая главную причину побѣговъ въ нежеланіи крещеныхъ калмыковъ переселяться въ Ставрополь, ходатайствовалъ въ 1765 году о предоставленіи имъ права жить, гдѣ пожелаютъ; на это ходатайство послѣдовала слѣдующая резолюція императрицы Екатерины II: *„дозволить можно, но публиковать не должно* [c]*“*. Вслѣдствіе этого, высылка крещеныхъ калмыкъ въ Ставрополь на нѣкоторое время была пріостановлена; но и послѣ этого броженіе среди крещеныхъ калмыковъ, подстрекаемыхъ калмыцкимъ духовенствомъ, не прекратилось. По мѣрѣ увеличенія населенія сосѣднихъ съ Ставропольскими калмыками деревень, стали возникать споры и ссоры у калмыковъ съ русскими и особенно съ мордвой [d] изъ-за луговъ и пахотной земли. Воспоминаніе о взаимныхъ отношеніяхъ калмыкъ и другихъ поселенцевъ Ставропольскаго уѣзда сохраняются доселѣ въ мѣстныхъ преданіяхъ и произведеніяхъ народнаго творчества [e].

Недовольство и побѣги калмыковъ приняли еще болѣе широкія размѣры съ того времени, какъ правительство было вынуждено обратиться къ болѣе строгимъ мѣрамъ противъ грабежей и своевольства калмыкъ, обитавшихъ въ низовьяхъ Волги, Дона и Яика. Въ калмыцкіе улусы были назначены особые пристава, которые, будучи обязаны слѣдить за поведеніемъ калмыкъ, стали злоупотреблять данною имъ властью. Стѣсненіе свободы калмыковъ дошло до того, что безъ разрѣшенія пристава ни одинъ калмыкъ не могъ отлучиться

---

[a]) К. И. Костенковъ. *О распространеніи христіанства у калмыковъ*. Ж. М. Нар. Просв. 1869 г., августъ, стр. 139.—Дѣло арх. Калм. Управл. 1752 г., N 309.

[b]) Тамъ же. Дѣло арх. Калм. Управл. 1765 г., N 376.

[c]) Тамъ же, стр. 140. Дѣло арх. Калм. Управл. 1774 г., N 458.

[d]) Ставропольскій уѣздъ вообще богатъ мордвой, преимущественно изъ племени „Эрзя“. Во многихъ селеніяхъ Ставропольскаго уѣзда мордва живетъ совмѣстно съ русскими и почти совсѣмъ обрусѣла, даже одѣвается въ русское платье, особенно молодежь; мордва же изъ племени „Мокша“ живетъ сравнительно въ немногихъ селеніяхъ. Нѣкоторыя изъ мордовскихъ селеній Ставропольскаго уѣзда очень древни,—такъ на *„картѣ Ставропольскаго вѣдомства“* Красильникова, относящейся къ половинѣ XVIII в., означены слѣдующія мордовскія селенія: Сусканъ (Благовѣщенскій), Санчелѣево (Нижнее), Бирля, Кондаковка, Мусорка, Бинарадка (Старая), Пискалы, Еремкино, Ташла, Узюково, Кобельма, Кармала, Бѣсовка, Сухіе Аврали, Малыкла (Старая), Шантала, Аделяково и Таяба. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній сохранились и вещественные памятники старины: въ Старой Бѣсовкѣ имѣются въ церкви богослужебныя книги съ слѣдующимъ скрѣпомъ внизу листовъ: *„Отъ Конторы Новокрещенскихъ Дѣлъ новокрещенной мордвѣ, села Бѣсовки священнику Симеону Иванову 17 октября 1748 г.“*—Въ церкви того же села уцѣлѣли и нѣкоторые старинные документы, а въ селѣ Старой Малыклѣ сохранилось напрестольное Евангеліе, пожертвованное Императрицей Елизаветой Петровной, какъ это видной изъ скрѣпа въ срединѣ его листовъ.

[e]) Смотр. въ прилож. подъ № 33 мордовскую пѣсню, записанную въ селѣ Средней Бѣсовкѣ, или Александровкѣ.

изъ своего мѣстожительства, хотя бы для отысканія пропавшаго верблюда или лошади; о какой-либо жалобѣ калмыковъ на притѣсненія ихъ приставами не могло быть и рѣчи: всякая жалоба, если только удавалось калмыкамъ отправить ее тайно въ ближайшій городъ, возвращалась тому же приставу для разслѣдованія. Между тѣмъ среди калмыковъ распространился слухъ, что астраханскій губернаторъ получилъ указъ, которымъ будто повелѣвалось „взять 10000 калмыкъ въ солдаты и 5000 обратить въ казаки[a])". Калмыки тѣмъ болѣе были склонны вѣрить подобнымъ слухамъ, что 5000 чел. изъ нихъ уже находились въ отрядѣ князя Прозоровскаго, дѣйствовавшаго въ Молдавіи по случаю войны съ Турціей[b]). Къ этому присоединилась еще интрига одного изъ потомковъ Аюки, претендента на ханское достоинство, Цебока Дорджи, который пользовался особенной популярностью между калмыками и съ удаленіемъ изъ Россіи надѣялся сдѣлаться ханомъ, при помощи духовенства и вліятельныхъ лицъ, вмѣсто назначеннаго правительствомъ намѣстника ханства Убаши[c]). Въ то же время нойонъ Шіоренгъ, воспользовавшись слабохарактерностью и довѣріемъ Убаши, уговорилъ его отважиться на смѣлый шагъ возвращенія всѣхъ калмыковъ въ землю ойратовъ, въ Джунгарію, память о которой сохранялась въ преданіяхъ и пѣсняхъ калмыкъ. Убаша, рѣшившись на побѣгъ со всѣмъ народомъ, въ ноябрѣ 1770 г., подъ предлогомъ похода противъ киргизовъ Малой орды, приказалъ всѣмъ калмыкамъ собраться въ Рынъ-пески. Всѣ калмыки, за исключеніемъ кочевавшихъ на правомъ берегу Волги, задержанныхъ невозможностью переправы, собрались въ назначенное мѣсто и двинулись въ путь. Предъ уходомъ съ Волги, калмыки разграбили базары и порубили людей; армянъ и татаръ, бывшихъ въ улусахъ, или убили, или взяли въ плѣнъ; въ числѣ плѣнниковъ были уведены и 25 казаковъ съ капитаномъ Дудинымъ, который находился въ улусахъ для предотвращенія безпорядковъ среди калмыкъ.

Въ началѣ декабря калмыки достигли береговъ рѣкъ Большаго и Малаго Узеней, гдѣ они остановились на нѣкоторое время, чтобы подождать свои семьи и скотъ, которые шли позади и поотстали отъ передоваго отряда. Съ наступленіемъ января 1771 г., калмыки двинулись къ берегамъ Яика, надѣясь переправиться въ киргизскія степи по льду. Авангардъ состоялъ изъ 10000 чел., предводительствуемыхъ Шіоренгомъ, Бамборомъ и Гунгой;

---

a) Рапортъ Яицкой войск. канцеляріи, отъ 30 января 1771 г., генералъ-маіору Давыдову. Ср. „Уральск. Войск. Вѣдомости" 1869 г., N 5., стр. 8, столб. 2.

b) См. въ „Военномъ Сборникѣ" (1868 г., № 8) статью: *«Генералъ-фельдмаршалъ, князь Прозоровскій»*.

c) Ж. М. Нар. Просв. 1869 г., августъ, стр. 106.

боковые отряды заключали въ себѣ по 5000 чел.; правымъ флангомъ завѣдывалъ Акунъ-Абуши, а лѣвымъ Церихъ-Делиха, сынъ Бамбора; въ аріергардѣ слѣдовали остальные калмыки съ ихъ женами, дѣтьми, имуществомъ и скотомъ, подъ начальствомъ самого Убаши. Въ другое время калмыки могли бы встрѣтить серьозное сопротивленіе къ ихъ переходу чрезъ Яикъ со стороны Яицкихъ казаковъ; но теперь, по случаю безпорядковъ въ Яицкомъ войскѣ, калмыки не только не встрѣтили никакихъ препятствій къ переходу чрезъ рѣку, а даже не видали ни одного казака: при первомъ извѣстіи о приближеніи калмыковъ, казаки поспѣшно побросали свои хутора и форпосты и заперлись въ болѣе надежныхъ крѣпостяхъ: Яицкомъ городкѣ, Гурьевѣ, Калмыковской и Кулагинской крѣпостяхъ, оставивъ калмыкамъ широкія ворота для перехода чрезъ Яикъ выше и ниже Калмыковской крѣпости. По прибытіи на берега Яика 18 января, калмыки забрали оставленный казаками скотъ и домашнее имущество, сожгли опустѣлые форпосты и 20 января 1771 года безпрепятственно перешли на Бухарскую сторону. Убаша, поощренный такимъ счастливымъ переходомъ, намѣревался даже напасть на Яицкій городокъ и и Калмыковскую крѣпость; но предусмотрительный Бамборъ благоразумно удержалъ его отъ этого рискованнаго шага: казаки, поставленные въ необходимость защищаться, могли бы на время забыть свои домашніе счеты и разбить полувооруженныхъ кочевниковъ, какъ это вскорѣ послѣ того и доказалъ отрядъ изъ 730 яицкихъ казаковъ, находившихся подъ начальствомъ старшины Митрясова, который былъ командированъ для преграждения переправы чрезъ Яикъ 15000 кибиткамъ калмыкъ, пришедшихъ на берега Яика уже послѣ удаленія Убаши въ степь. Нойонъ Асорха, начальникъ и предводитель этого отряда, увидѣвъ яицкихъ казаковъ[a], отказался отъ своего намѣренія соединиться съ Убаши и просилъ пощады, обѣщаясь выдать знамя и оружіе подвластныхъ ему калмыковъ; когда же нѣкоторые изъ нихъ рѣшились прорваться силою на Бухарскую сторону, Митрясовъ ударилъ съ своимъ отрядомъ *на смѣльчаковъ* и разбилъ ихъ на голову: 200 чел. были убиты, 250 (преимущественно женщины и дѣти) взяты въ плѣнъ и отправлены подъ конвоемъ въ Яицкій городокъ, куда также были доставлены и военные трофеи этой молодецкой битвы: 3 знамени, 20 сабель, 25 сайдаковъ, 50 ружей и 125 копей; всѣ эти вещи, по распо-

---

[a]) Въ ст. покойнаго Р. Г. Игнатьева: *„Киргизы Оренбургскаго Вѣдомства въ XVIII ст.“* (Оренб. Листокъ 1881 г., № 33) говорится, что будто отрядъ Асархая (Асарха) состоялъ только изъ 7000 калм., которые, послушавшись совѣта отставн. яицкаго войсков. старшины Гаврилы Алексѣева, добровольно возвратились въ Астрахань; но мы не нашли подтвержденія этому въ матеріалахъ, которыми пользовались, да и сильно сомнѣваемся въ возможности такого факта.

ряженію Военной Коллегіи, были потомъ отосланы въ Оренбургъ. Въ добычу самимъ казакамъ досталось: 130 верблюдовъ, 650 лошадей, 700 головъ рогатаго скота и 5000 овецъ и барановъ[a]. Самъ Асорха и еще двое нойоновъ были взяты аманатами въ Яицкій городокъ, а калмыки, оставшіеся въ живыхъ, поселены на зиму въ казачьихъ форпостахъ; *54 человѣка* изъ нихъ пожелали креститься и были *препровождены въ Ставрополь*. Между тѣмъ въ іюнѣ бѣжавшіе калмыки пришли къ озеру „Балхашъ[b]". Въ безводныхъ степяхъ, окружающихъ это озеро, не мало погибло ихъ отъ недостатка продовольствія и годной для питья воды; еще болѣе пало у нихъ здѣсь отъ безкормицы скота. Но особенно было печально положеніе 500 кибитокъ, которыя за неимѣніемъ лошадей и скота, павшихъ въ пути, отстали отъ своихъ собратій и кое-какъ продолжали идти пѣшкомъ; большую часть ихъ забралъ въ плѣнъ киргизскій батырь Баракъ, остальные же, спасшись отъ него бѣгствомъ, принуждены были питаться падалью, а иногда въ иступленномъ состояніи отъ голода *бросались другъ на друга, убивали своихъ же „и тѣмъ пропитаніе имѣли"* [c] Наконецъ въ августѣ 1771 года, послѣ 7-мѣсячнаго тяжелаго пути, оставшіеся въ живыхъ калмыки, въ числѣ 30000 кибитокъ, достигли верховьевъ р. Илли и были приняты, согласно ихъ желанію, въ подданство Китая, а Шіоренгъ будто-бы въ нарочно сдѣланной для него глухой телѣгѣ былъ отправленъ подъ строгимъ карауломъ въ Пекинъ. Впослѣдствіи калмыки, бѣжавшіе изъ Китая, говорили, что богдыханъ приказалъ повѣсить Шіоренга, „дабы болѣе такихъ въ обоихъ государствахъ перебѣжчиковъ не было" [d]; а Убаша и Бамборъ были пожалованы въ дзянъ-дзюнъ-анбаны (генералъ-маіоры) и зачислены въ свиту богдыхана.— Такъ закончилось несчастное бѣгство калмыковъ съ береговъ кормилицы-Волги въ далекій Китай.—Точныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ бѣжавшихъ калмыковъ, безъ сомнѣнія, нельзя было имѣть и тогда, а тѣмъ болѣе—теперь; приблизительно же число ихъ простиралось отъ 70 до 90 тысячъ кибитокъ, въ коихъ было отъ 250 до 350 тысячъ душъ обоего пола, взрослыхъ и дѣтей, до Китая же ихъ дошло не болѣе 43%.— Въ предѣлахъ Россіи осталось только около 13000 калмыцкихъ кибитокъ [e]. Послѣ бѣгства Убаши, званіе калмыцкаго хана и ханскаго намѣст-

---

a) Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 7, стр. 6 и 7.

b) Въ статьѣ *„Ставрополь и его храмы"*, (стр. 58 въ отд. оттискѣ) озеро Балхашъ названо островомъ, а въ ст. Р. Игнатьева: *„Киргизы Оренбургскаго Вѣдомства въ XVIII ст."* (Оренб. Лист. 1881, № 33) *г. Ставрополь* (на Волгѣ) *показанъ въ Астраханской губерніи*. Нужно думать, что это—опечатки, незамѣченныя корректоромъ.

c) Юр.—Ко.—*Бѣгство калмыковъ въ Китай въ 1771 г.* См. Уральск. Войск. Вѣдомости 1869 г., N 10, стр. 4.

d) Тамъ же.

e) Подробности о бѣгствѣ калмыковъ въ Китай смотр. въ сочиненіи Берг-

ника было уничтожено, а оставшіеся въ Россіи калмыки, по распоряженію правительства, были распредѣлены между нойонами, которые, по силѣ указа 19 октября 1771 г., должны управлять своими улусами, согласно прежнимъ калмыцкимъ обычаямъ и законамъ[a]). Въ началѣ настоящаго столѣтія на мѣстѣ бѣжавшихъ калмыковъ поселились киргизы, прикочевавшіе изъ-за Урала, подъ начальствомъ Букея Нураліева и образовавшіе Букеевскую или внутреннюю киргизскую орду[b]).—Ставропольскіе калмыки въ 1842 г. были переселены въ Оренбургскую губернію и вошли въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска, будучи распредѣлены по его полкамъ и водворены на новой линіи.

Принимая въ соображеніе многолѣтнюю опытность Неплюева, его административныя и дипломатическія способности, мы увѣрены въ томъ, что задумай калмыки бѣжать въ Китай при немъ,—имъ не удалось бы уйти изъ Россіи.—Неплюевъ, какъ увидимъ, перехитрилъ и Абулъ-Хаира киргизскаго хана, справился и съ мещерякскимъ муллой Абдуллой Мязгилдинымъ, которые превосходили Убашу и своимъ недюжиннымъ умомъ, и неистощимой энергіей; но, къ несчастію самихъ калмыхъ и къ невыгодамъ Россіи, на мѣстѣ Неплюева въ это время были такіе люди, какъ Рейнсдорпъ и Давидовъ: первый, не обладая энергіей и предусмотрительностью, особенно терялся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и часто дѣйствовалъ наугадъ, а второй, завѣдуя войсками края, стоялъ еще ниже Рейсдорпа по способностямъ и умѣнью вникать въ сущность дѣла и понимать окружающія обстоятельства. Но *бѣгство калмыковъ въ Китай* имѣло и свои выгоды для Россіи: оно освободило степи, находящіяся между рр. Волгой и Ураломъ, отъ безпокойныхъ хищниковъ; *лишило Пугачева многихъ тысячъ сообщниковъ* и тѣмъ, безъ сомнѣнія, облегчило борьбу правительства съ Пугачевщиной, зловѣщіе признаки которой уже рѣзко стали обозначаться въ это время на горизонтѣ Оренбургскаго края.

манна: «Versuch zur Geschichte der Kalmücken Flucht von der Wolga (Nomadische Streifereien unter den Kalmücken, Riga 1804, Th I, 55. 139–246).—Веніаминъ Бергманнъ жилъ долго въ улусахъ калмыковъ, изучая ихъ языкъ и религію.—О бѣгствѣ калмыкъ также писалъ китаецъ Цишн, трудъ котораго былъ переведенъ на русскій языкъ Липовцовымъ и напечатанъ въ „Сибирскомъ Вѣстиркѣ“ за 1820 г. (ч. XII, стр. 168–188); См. также очеркъ Юр—Ко: *«Бѣгство калмыкъ въ Китай въ 1771 г.»* (Уральск. Войск. Вѣдом. 1869 г., NN 5–10).

[a]) О дальнѣйшей судьбѣ калмыковъ, оставшихся въ Россіи, см. въ статьѣ К. И. Костенкова: *„Распространеніе христіанства у калмыковъ“* (Ж. М. Н. Просв. 1869 г., августъ), и въ статьѣ Ѳ. М. Юштина: *„Обозрѣніе мѣропріятій правительства къ распространенію христіанства между калмыками“* (въ прилож. къ Астрахан. Епарх. Вѣд. за 1883 г., №№ 21—24). Сравн. также *„Отчеты Астрах. Миссіон. Комитета“* за разные годы, особенно же за 1887 г.

[b]) См. Оренб. Лист. 1890 г. N 30, стр. 2, столб. 2 и 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Стр.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
502	9 сверху	*И. С. П.—скій**). . . .	*Д. Н. Орловъ*
504	14 —	шерстныхъ.	*ш*ертныхъ
506	14 и 15 св.	мѣс*шн*ыя	мѣ*ст*ныя
524	прим. *d*)	*И. С. П—скій*	*Д. Н. Орловъ*
530	8 сверху	гня.	*о*гня
532	4 —	съ представленіимъ. . . .	съ представленіемъ
544	8 снизу	новопр*е*свѣщенный. . . .	новопр*о*свѣщенный
552	пр. *с*) 3 сн.	*п*сторія	*и*сторія
580	7 сверху	административ*и*омъ. . . .	административ*н*омъ
—	6 снизу	пр*я*вославныя.	пр*а*вославныя
591	1 сверху	ино*т*тр..	ино*с*тр.
607	9 —	Сгавропольскихъ.	С*т*авропольскихъ

(*) Пользуясь отдѣльнымъ анонимнымъ оттискомъ статьи: *„Ставрополь и его храмы“*, мы не точно обозначили имя автора, на основаніи слуховъ, оказавшихся невѣрными.—Изъ *„Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей“* за 1882 г., гдѣ напечатана означенная статья (см. №№ 1—5, 8—10, 12—15), видно, что авторомъ ея былъ протоіерей (нынѣ уже умершій) Дмитрій Николаевичъ Орловъ, къ недосмотрамъ котораго и должны быть отнесены ошибки и анахронизмы, указанные нами въ настоящей (См. стр. 524, 525, 540, 562—564 и 579) монографіи, но cujusvis hominis est errare.

Вып. I. Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле. Стр. I—XII+176. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Вып. II. Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ. Стр. I—XVIII+177—368. Цѣна 2 р.

Вып. III. Съ приложеніемъ литографированнаго вида съ иконостаса походной церкви Воскресенія Христова, сдѣланнаго по рисунку Петра Великаго и подареннаго имъ своему крестнику, калмыцкому тайдшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину. Стр. 1—XXIV+369—616. Цѣна 2 р. 50 коп.

Вып. IV. Промышленность и торговля Оренбургскаго края, въ связи съ отношеніями Неплюева и Русскаго Правительства къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ. Стр. 1—XXI+617—844. Цѣна 2 р.

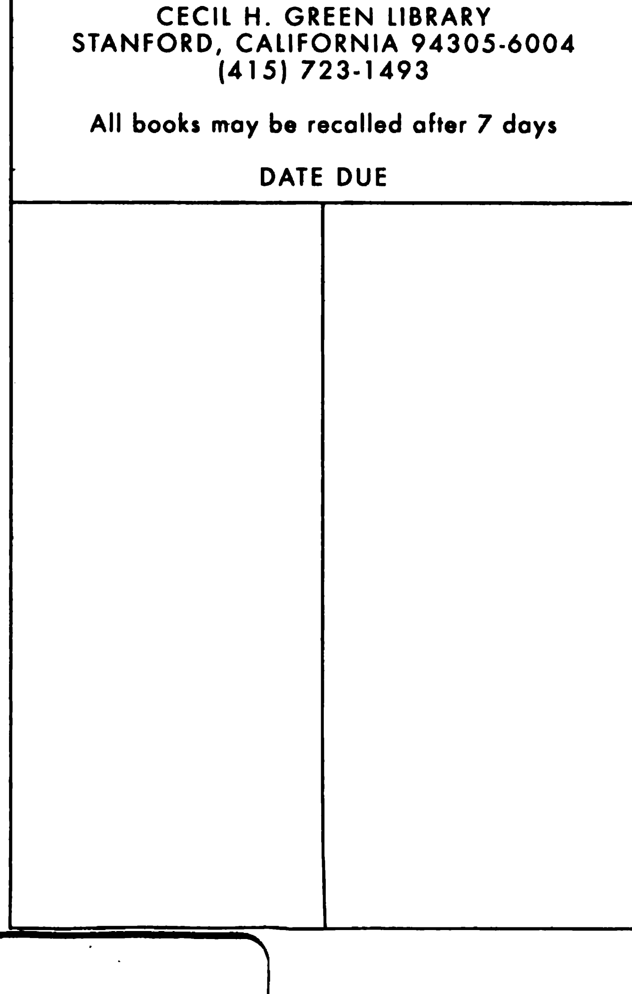
Вып. V. Съ приложеніемъ портретовъ сына и внуковъ Неплюева видовъ Поддубскаго храма, новаго собора въ Оренбургѣ, Неплюевскаго кадетскаго корпуса, первоначальнаго плана Оренбурга и карты Оренбургской губерніи, составленной въ 1755 году. Стр. I—VIII+846—962 Приложеніе, стр. 1—198. Казань, 1897 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Къ свѣдѣнію лицъ, общественныхъ, учебныхъ и частныхъ библіотекъ, пріобрѣтавшихъ монографію отдѣльными выпусками, авторъ считаетъ нелишнимъ сообщить, что вып. 1 и 2 распроданы почти всѣ, остальные же (III, IV и V) выпуски имѣются въ достаточномъ количествѣ и могутъ быть выписываемы отдѣльно и вмѣстѣ, по объявленной цѣнѣ, съ наложеннымъ платежемъ лично отъ автора по адресу: *Казань, Старогоршечная улица, домъ № 15 Вишневскаго,* Владиміру Николаевичу Витевскому. Монографія удостоена ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва; Учен. Комитет. Мин. Нар. Просв. *одобрена* для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ; Главнымъ Управлен. Военно-Учебныхъ Заведеній *рекомендована* для фунтамент. библіотекъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

Желающіе пріобрѣсти полное изданіе монографіи, состоящее изъ четырехъ томовъ, платятъ *девять (9) рублей* за книги и за пересылку почтовой за 6 фун. по разстоянію.

Главный складъ книгъ у автора и въ книжныхъ магазинахъ Казани А. А. *Дубровина* (Гостиный рядъ, № 1) и Бр. *Башмаковыхъ* (Воскресенская ул., Городской Пассажъ).—Книги высылаются заказной бандеролью или же цѣнной посылкой съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

I. Съ при
И

Stanford University Libraries
3 6105 017 182 994

